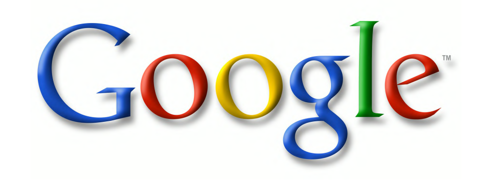
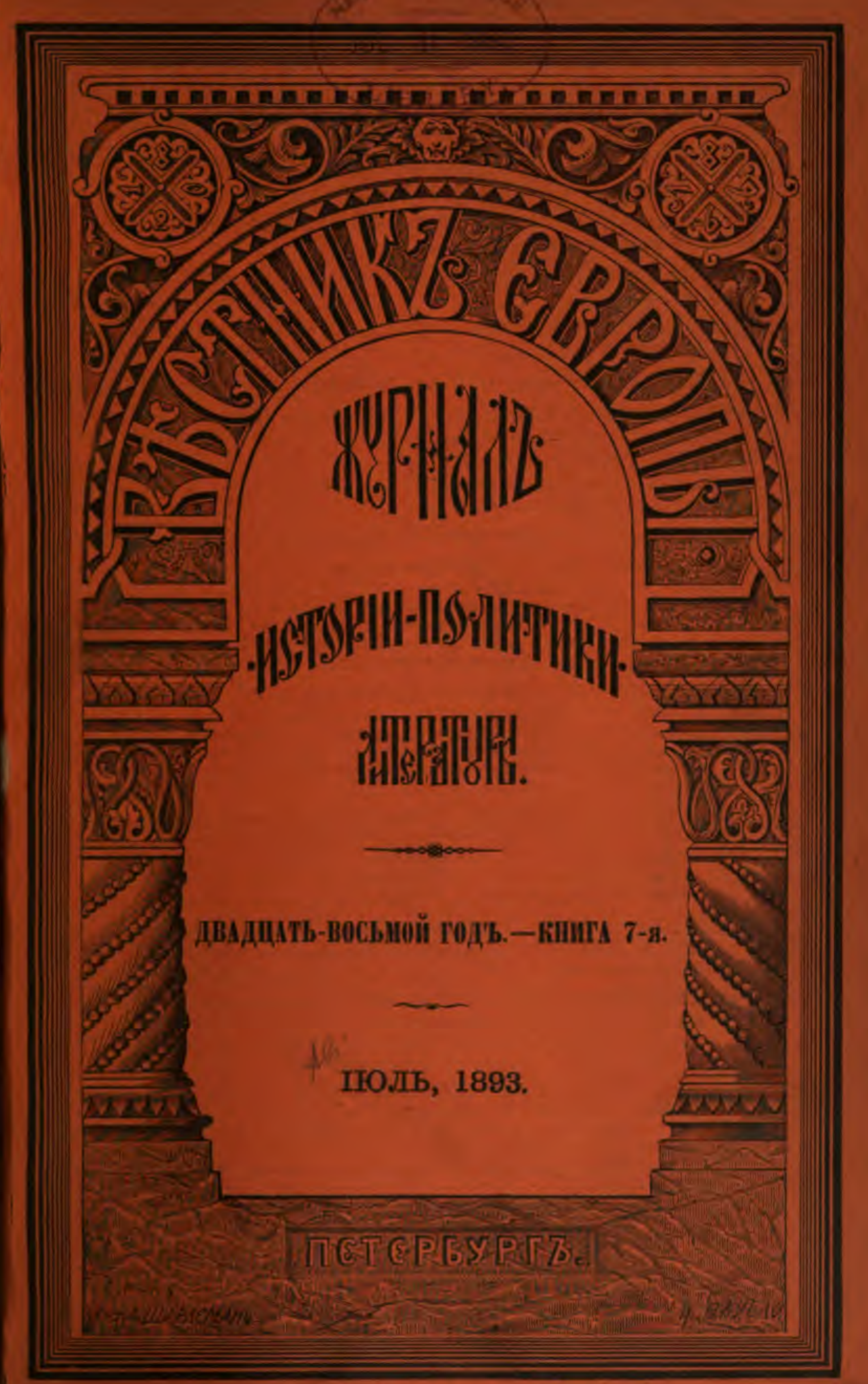

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE
RI
TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1893.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ОДЪ LVII. — ТОМЪ CCCXXXVI. — 1/13 ІЮЛЯ, 1893.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

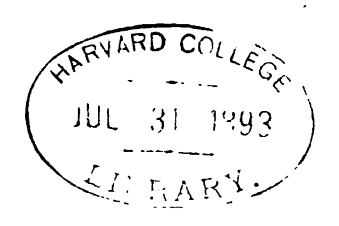
Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1893

(2101)

ГОСПОДИНЪ АРСКОВЪ

ПОВѢСТЬ.

IX *).

— Останься, разопьемъ еще бутылочку!—уговаривалъ друга Арденскій, когда счетъ былъ уже заплаченъ и Арсковъ собрался уходить.—Такъ пріятно отрѣшиться на время отъ всѣхъ заботъ и забыться вотъ такъ, въ укромномъ уголкѣ, въ дружеской бесѣдѣ... Не только пріятно, но и поучительно. Точно углубляешься въ самого себя, дѣлаешь себѣ сравнительную оцѣнку. Я много думалъ о тебѣ въ послѣднее время, и вотъ къ какому пришелъ заключенію... Ты позволишь?

— Пожалуйста!.. Я вѣдь тоже занятъ сравнительною оцѣнкою,—отвѣчалъ Арсковъ, присаживаясь у стола.

— Какъ ты брюскируешь,—жаль, нѣтъ подходящаго русскаго слова,—все, чему еще такъ недавно поклонялся!—сосредоточенно и внимательно поглядѣлъ Арденскій на друга.—Точно язычникъ, который сѣчетъ своихъ боговъ... Право, сравненіе удачно! Что ты на это скажешь?

— Я всегда сознавалъ, что это не боги, а идолы, — круто выпрямляясь, отвѣчалъ Арсковъ. — Я никогда не заблуждался... Умъ мой былъ всегда впереди моего темперамента, моихъ страстей. Вся бѣда только въ томъ, что я былъ слишкомъ самонадѣянъ и любопытенъ. Но теперь и это прошло, и я являюсь въ сущности въ своемъ первоначальномъ и натуральномъ видѣ...

Арденскій снисходительно улыбнулся и возразилъ:

---

*) См. выше: іюль, 522 стр.

— Да, но нѣсколько утомленный, поблекшій и, извини меня, регрессирующій... Что̀ было бы хорошо въ первую молодость, никуда не годится въ нашемъ возрастѣ. Такое запоздалое будированіе подозрительно: оно похоже на старческое брюзжаніе...

— Именно въ молодости, — возразилъ Арсковъ, — я всѣми правдами и неправдами отдѣлывался отъ подобныхъ настроеній. Я все терпѣливо ждалъ, надѣялся, со многимъ мирился... Мнѣ казалось смѣшнымъ, безъ знанія жизни, безъ опыта, отрицать то, чего не извѣдалъ, вкуса чего даже не попробовалъ. Теперь — другое дѣло. Жизнь въ изобиліи несла мнѣ свои дары, и я узналъ ихъ настоящую цѣну. Если-бы, какъ ты думаешь, это надвигалась старость, безсиліе, я бы смирился. А между тѣмъ вѣришь ли, вѣришь ли мнѣ, я вотъ теперь, да и тогда, и всегда съ юношескою беззавѣтностью отдалъ бы всего себя,—понимаешь ли, *всего*, всю жизнь, за вздоръ, за пустякъ, лишь бы я вѣрилъ въ него, лишь бы любилъ! Только я никогда не могъ ни полюбить беззавѣтно, ни повѣрить... Право, это какое-то проклятіе!

Арсковъ былъ взволнованъ и не скрывалъ этого. Арденскій, какъ-то подозрительно косясь на друга, о чемъ-то задумался. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ серьезнымъ и сдержаннымъ тономъ промолвилъ:

— Не вѣрить твоей искренности я не имѣю основанія. А если такъ,—мнѣ глубоко жаль тебя! Въ твои годы дойти до такого нравственнаго обмиранія—по истинѣ трагично. Однако же я думаю, что здѣсь кроется просто какое-то фатальное недоразумѣніе... Ты подходишь къ жизни совсѣмъ не съ современными требованіями. Право!.. Тебѣ бы родиться въ средніе вѣка, въ эпоху романтизма. Вонъ ты томишься отъ того, что не знаешь, куда вложить разомъ всю силу. Тогда ее вкладывали въ одинъ ударъ меча и находили удовлетвореніе. Теперь все измѣнилось: насколько поле дѣйствія мало, настолько для мысли и созерцанія оно огромно. Взгляни на меня; смолоду я былъ безшабашнымъ фантазеромъ. Студентомъ я мечталъ о всемірно-соціальной революціи. Не вѣришь?.. Право! Даже въ ссылкѣ кратковременно пребывалъ. Теперь я смирился... Скажу больше — я удовлетворенъ жизнью. Замѣть это, — я удовлетворенъ!.. Я созерцаю эту сложную и хитрую механику и забочусь объ одномъ только, чтобы поспѣть за нею, идти съ нею въ тактъ... Ты забываешь, что и радости жизни измѣнили свою физіономію Это не прежній безшабашный бредъ, порывы къ чему-то недосягаемому и фантастичному, это яркое чувствованіе, но вмѣстѣ и тонкій и сдержанный анализъ... Нужно умѣть смаковать современ-

ную жизнь, чтобы знать ей настоящую цѣну. Это то же, что съ тонкими духами. Нужно развить въ себѣ изысканный вкусъ, чтобы упиваться ихъ ароматомъ. А тебѣ все еще подавай библейское муро, курильницы съ удушающими смолистыми благовоніями!.. Вѣдь все это только хорошо звучитъ, а навѣрное прескверно пахло...

— А знаешь ли ты,—остановилъ его въ волненіи Арсковъ,— изъ какого матеріала, изъ какихъ отбросовъ выдѣлываются наши теперешнія благовонія и тончайшіе духи? Знаешь?.. Я изучалъ немного технологію... Нюхай же ихъ, кто хочетъ—я никогда не забуду, изъ какой мерзости они фабрикуются!..

Арденскій захохоталъ.

— Однако мы договорились! Тебя послушать — всѣ успѣхи современной цивилизаціи сводятся лишь къ тому, чтобы отшибить духъ отъ очень неароматичныхъ веществъ.

Арсковъ утвердительно качнулъ головой.

— Да,—одна косметика!..

— Ты, мой милый, безнадеженъ! — шумнѣе прежняго засмѣялся Арденскій. — Я давеча совѣтовалъ тебѣ ѣхать къ Шарко, — не поможетъ!.. Онъ французъ, европеецъ, онъ не пойметъ тебя даже! Только русская почва можетъ производить на свѣтъ подобное самодурство, болѣзненное дикарство... Ты извини!

— Не стѣсняйся въ выраженіяхъ, — къ чему? — спокойно отвѣчалъ Арсковъ, углубленный въ свои мысли.—Я знаю и чувствую только одно,—продолжалъ онъ,—что вокругъ все ложь и условность. Вотъ хотя бы и то, что мы называемся друзьями, сидимъ здѣсь и откровенничаемъ,—развѣ не ложь? И сотой доли того, что̀ мы думаемъ и чувствуемъ, мы на словахъ даже и выразить не можемъ. А думаемъ мы про себя навѣрное гораздо умнѣе, честнѣе, а главное проще...

Арденскій, все еще сохраняя насмѣшливый видъ, какъ-то весь съёжился и умолкъ.

Въ сосѣднемъ нумерѣ въ это время послышались смѣющіеся женскіе голоса. Потомъ кто-то заигралъ мелодичный вальсъ изъ модной оперетты.

— Музыка—языкъ будущаго!—какъ бы пророчествуя, язвительно промолвилъ Арденскій. — Пожалуй, это твоя идея: когда на землѣ наступитъ рай, рѣчь за ненадобностью упразднится. Будетъ—одна музыка...

— Какой рай?! У васъ и теперь — благовоніе! — отвѣтилъ ему въ тонъ Арсковъ.

Въ дверяхъ между тѣмъ появился Гассанъ. Онъ въ нерѣшительности остановился, кашлянулъ себѣ въ руку и безпокойно и вмѣстѣ весело забѣгалъ по сторонамъ своими не старыми еще глазами.

— Извините,—подходя совсѣмъ близко къ Арскову и какъ бы желая шепнуть ему что-то на ухо, началъ онъ.

Арсковъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, давъ понять, что онъ можетъ говорить громко.

Арденскій любопытно встрепенулся.

— Извините, тутъ Варвара Павловна,—промолвилъ Гассанъ, таинственно указывая на сосѣдній нумеръ, откуда слышались смѣхъ и звуки разстроеннаго піанино.—Онѣ, какъ узнали, что вы здѣсь, приказали сейчасъ доложить... Очень желаютъ васъ видѣть.

— Кто это Варвара Павловна?—обращаясь не то къ Арскову, не то къ Гассану, спросилъ Арденскій.

— Въ Петербургѣ, можно сказать, первая дама...—началъ-было Гассанъ, но его перебилъ Арсковъ.

Онъ пояснилъ другу, кто именно была Варвара Павловна, при чемъ объяснилъ это почему-то при помощи французскаго языка.

— Она одна здѣсь? — обратился онъ затѣмъ съ вопросомъ къ Гассану.

— Съ губернанткой.

Арденскій громко и раскатисто засмѣялся.

— Какъ съ губернанткой?—переспросилъ онъ.

— Такъ точно, губернантка. По-французски ихъ учитъ, на фортепьянахъ тоже играетъ... А я такъ полагаю, для компаніи больше,—пояснилъ Гассанъ.

— Проси, проси обѣихъ! — заторопилъ Арденскій. — Прелюбопытно взглянуть поближе...

Гассанъ вышелъ.

Арденскій оживленно поднялся съ дивана и, подойдя къ зеркалу, сталъ охорашиваться.

— А я и не зналъ, что ты съ нею знакомъ... А право, есть что-то обаятельное въ этихъ созданіяхъ!.. Не даромъ она сдѣлала себѣ такую карьеру. Чего добраго еще женитъ на себѣ своего старца?—быстро заговорилъ онъ, отступая отъ зеркала и оглядываясь на дверь.

Черезъ минуту въ комнату впорхнула граціозная, средняго роста брюнетка, съ строгими, сросшимися на лбу бровками и прекрасными синими глазами.

Элегантная, совсѣмъ еще молодая особа въ прелестномъ утреннемъ костюмѣ, съ огромными бриллiантами въ ушахъ, распространяя вокругъ себя тончайшiй запахъ смѣшанныхъ духовъ, радостно бросилась къ поднявшемуся ей на встрѣчу Арскову, сильно и по-мужски схватила и потрясла его руку и безцеремонно подставила для поцѣлуя свой лобъ, наполовину скрытый въ мелкихъ завиткахъ.

Спутница ея, скромная и пожилая женщина, одѣтая въ сѣрое шерстяное платье, чинно присѣла на поклонъ Арскова, продѣлавъ что-то въ родѣ заправскаго реверанса.

X.

Арсковъ представилъ Арденскаго дамамъ. Тотъ учтиво и выражая улыбкою удовольствiе потрясъ имъ руки.

Гассану было тотчасъ приказано подать новую бутылку шампанскаго, и компанiя разсѣлась вокругъ стола. Арденскiй расположился на стулѣ противъ компаньонки, а Варвара Павловна, усадивъ Арскова на диванъ, опустилась рядомъ съ нимъ.

— Юлiя Өедоровна, моя гувернантка и компаньонка... учитъ меня хорошимъ манерамъ, музыкѣ, языкамъ!—рекомендовала живая брюнетка свою спутницу.—Русская, но отлично образована, долго жила за границей. Вдова надворнаго совѣтника... съ нами не шутите!.. Особа бѣдная, но благородная... Чему вы еще меня учите, Юлiя Өедоровна?

— Вы сами знаете,—конфузливо потупилась та.—Je vous tiens compagnie et rien de plus... Я ничему не учу васъ.

Когда бокалы были осушены за здоровье дамъ, Варвара Павловна оживилась. Она поймала подъ столомъ руку Арскова и стала весело пожимать ее короткими, легкими пожатiями.

Замѣтивъ, что Арденскiй уставился на нее не только благосклонно, но и съ видимымъ удовольствiемъ, она совершенно перестала стѣсняться его присутствiемъ.

— Вотъ моя прелесть, о которой я вамъ столько говорила! —обратилась она къ Юлiи Өедоровнѣ. Съ этими словами она приподнялась, оперлась колѣномъ о край дивана и, склонившись къ Арскову, безцеремонно обвила его шею своею наполовину обнаженною, смуглою рукой.—Le fameux Arskoff, съ которымъ мнѣ и до сихъ поръ еще не даютъ прохода!.. А онъ и знать меня не хочетъ!..

Арсковъ чувствовалъ себя неловко, но не устранялъ ее.

Изъ многихъ случайныхъ и мимолетныхъ связей это была одна изъ самыхъ незатѣйливыхъ. Летучее воспоминаніе о ней скрашивалось лишь представленіемъ о молодомъ, красивомъ личикѣ, разгаравшемся всегда живымъ и неподдѣльнымъ увлеченіемъ.

Сданная въ развратъ, какъ сдаютъ въ службу молодыхъ рекрутъ, своею родною матерью, бывшею балетною танцоркою, Варвара Павловна весело и легкомысленно принялась за свое ремесло. Она была еще очень молода, ей не были поэтому чужды и институтскія увлеченія. Она часто влюблялась, писала раздушенныя записочки, любила первая назначать свиданія. Впрочемъ все это нисколько не мѣшало ей, благодаря попечительному руководительству матери, успѣшно идти впередъ своею дорогою и дѣлать прекрасную карьеру. Теперь она была уже въ зенитѣ своего благополучія и вертѣла, какъ хотѣла, своимъ богатымъ „старичкомъ", который души въ ней не чаялъ, осыпалъ ее бриллiантами и нарядами и вообще баловалъ, какъ капризнаго ребенка.

Среди столичной молодежи Арсковъ одно время былъ на виду, слишкомъ въ модѣ, чтобы она могла не замѣтить его. Увлекшись имъ, она съ капризною настойчивостью, по ея собственному выраженію, „бѣгала за нимъ" до тѣхъ поръ, пока наконецъ, столкнувшись случайно гдѣ-то въ маскарадѣ, ей не удалось сблизиться съ нимъ. Сближеніе это исчерпалось нѣсколькими веселыми поздними ужинами въ отдѣльныхъ кабинетахъ, но это не помѣшало ей сохранить о немъ самыя радужныя, почти восторженныя воспоминанія.

— Это моя прелесть, мой единственный!—приговаривала она, лаская Арскова и заставляя его отпивать изъ своего стакана.— Какъ только Гассанъ сказалъ мнѣ, что ты здѣсь, я такъ и вспыхнула... Не правда ли, Юлія Өедоровна, я вся вспыхнула?

Юлія Өедоровна стыдливо опустила глаза, но на ея толстыхъ, увлажненныхъ выпитымъ виномъ губахъ проворной змѣйкой забѣгала хитрая улыбка.

Арденскій, насмѣшливо поглядывая на группу влюбленныхъ, промолвилъ:

— Везетъ тебѣ, дружище!—Свое берешь не мытьемъ, такъ катаньемъ. Право, кажется, прежній бѣсъ все еще сидитъ въ тебѣ...

Варвара Павловна, не понявъ намека, болтливо и весело продолжала:

— Не знаю, какой бѣсъ сидитъ въ немъ, но только онъ

единственный... *настоящій*, вотъ какъ бываютъ кружева валансьенъ—настоящія... Остальные—поддѣлка...

— Однако, еслибы васъ услышали *остальные!*—выразительно поддразнилъ Арденскій.

— А пусть! Я, нисколько не стѣсняясь, всѣмъ это говорю... Даже мой старикъ привыкъ къ мысли, что monsieur Arskoff hors de concours! Къ нему онъ ревновать не смѣетъ... Да и что ему ревновать? Вѣдь я добросовѣстна. У меня свои свободные часы, и ужъ тогда я вольная птица...

Когда шампанское было выпито, Арсковъ, мягкимъ движеніемъ отстраняя сосѣдку, хотѣлъ встать.

— Куда же? Еще рано, останься! Поболтаемъ!—удерживая его за плечи и кокетливо засматривая ему въ лицо, просила молодая женщина.

Была потребована еще бутылка замороженнаго, и всѣ остались на своихъ мѣстахъ.

— Ахъ, вотъ я рада, что сошлась съ умными людьми!.. Научите меня, дайте добрый совѣтъ!—снова заговорила оживленно Варвара Павловна, стараясь придать серьезный складъ своимъ густымъ, почти сросшимся бровкамъ.

— Что такое? Дадимъ совѣтъ самый благонамѣренный,—предупредительно откликнулся Арденскій,

— Я замужъ хочу! приданое у меня есть!..—съ полною и неожиданною серьезностью воскликнула молодая женщина.—Право, надоѣло такъ, да и пора оглянуться, подумать о себѣ... Хорошаго вѣдь мало!

Оба пріятеля невольно переглянулись. Они, повидимому, никакъ не ожидали подобнаго умозаключенія.

— Что же вы молчите?—снова заторопилась Варвара Павловна.—Старикъ на мнѣ никогда не женится, это только одни разговоры, да я и сама не хочу такого мужа. Мужъ долженъ быть молодой, красивый, я хочу быть ему вѣрной...

Арденскій хотѣлъ что-то сказать, но молодая женщина, упиваясь музыкою своихъ собственныхъ словъ, продолжала:

— Претендентовъ на меня много, трое уже сватаются... Не правда ли, Юлія Өедоровна, трое?

— Да, трое!—подтвердила компаньонка.

— За чѣмъ же дѣло?—вставилъ свое слово Арденскій.

— Ахъ, ужасно труденъ выборъ!—всплеснула руками Варвара Павловна.—Одинъ—чиновникъ, служитъ въ капитулѣ орденовъ, черненькій, съ усиками, прелесть, прелесть!.. Очень недурно цыганскіе романсы подъ гитару поетъ. Только онъ какой-

то маленькій и... глупый... Вы извините, Юлія Θедоровна, я всегда откровенна!.. Онъ ей дальній родственникъ, она меня съ нимъ и познакомила.

Юлія Θедоровна вся побагровѣла, но скривила лицо въ пріятную улыбку. Молодая женщина, слегка возбужденная выпитымъ шампанскимъ, между тѣмъ продолжала еще стремительнѣе прежняго:

— Другой—блондинъ, тоже довольно недуренъ собой... Онъ въ газетахъ пишетъ... Въ маленькихъ пока... но и въ большихъ можетъ писать. Разъ премило мой маскарадный костюмъ описалъ: на мнѣ былъ чудный костюмъ Эсмеральды. Влюбленъ ужасно! Грозитъ даже, что застрѣлится... Онъ мечтаетъ свою газету открыть... тогда я буду редакторша!.. Вотъ будетъ весело!

— За будущую редакторшу!—игриво чокнулся Арденскій съ молодою женщиною, которая начинала плѣнять его своимъ непринужденнымъ и милымъ оживленіемъ.

— Ахъ, но третій, третій! Признаюсь вамъ, господа, самый опасный,—продолжала между тѣмъ Варвара Павловна, разомъ осушивъ свой бокалъ и уже совершенно безцеремонно усаживаясь на колѣни Арскова. — Я сама къ нему немножко неравнодушна и вотъ сегодня даже назначила свиданіе... Можетъ быть, это неосторожно, но что же съ сердцемъ подѣлаешь? Онъ навѣрное уже здѣсь и бѣсится. Ничего, я предупредила Гассана: меня пока еще нѣтъ... Пусть научится терпѣнію!..

— Кто же этотъ таинственный третій? — любопытствовалъ Арденскій.

— Секретъ, о, большой секретъ!—премило серьезничала молодая женщина.—*Этого* назвать никакъ нельзя, — *онъ* требуетъ безусловной тайны. О, да вы его навѣрное знаете!.. Очень знатной фамиліи и красавецъ, бывшій гвардеецъ. Только одна бѣда—женатъ; впрочемъ, онъ разводится или собирается развестись... тогда женится на мнѣ!.. Для развода нужно много-много денегъ, а онъ совсѣмъ разорился... бѣдный!.. У него жена мотовка. Онъ на ней женился совсѣмъ молодымъ, такъ, по любви... она его поймала и разорила...

Никто не прерывалъ Варвары Павловны, она сама вдругъ остановилась и неожиданно, переходя въ меланхолическій тонъ, капризно загрустила.

— Впрочемъ у меня предчувствіе—я ни за кого не выйду! Юлія Θедоровна мнѣ на картахъ гадала; замужства не выходитъ, выходитъ—дорога... Maman тоже не совѣтуетъ: „оберутъ, говоритъ, да еще, чего добраго, бить станутъ!“ Старикъ, такъ

тотъ ни о какихъ женихахъ и слышать не хочетъ. Да я бы и не пошла, только мнѣ иногда ужасно скучно... Я даже часто плачу!

Быстро переходя отъ одного настроенія къ другому, молодая женщина теперь какъ-то капризно-плаксиво сдвинула свои бровки и дѣйствительно чуть не заплакала.

Арсковъ протянулъ ей бокалъ, молча чокнулся и заставилъ ее выпить.

Этотъ знакъ вниманія, повидимому, и ободрилъ, и развлекъ Варвару Павловну. Она снова оживилась и, переходя въ прежній болтливый тонъ, продолжала:

— Будущую зиму старикъ обѣщаетъ поставить меня на отличную ногу. Онъ не хочетъ, чтобы я скучала... Вѣдь такъ недолго и подурнѣть! Теперь я учусь музыкѣ, языкамъ. Онъ повезетъ меня за границу. Когда вернемся, у меня будутъ журъфиксы... по субботамъ. Будутъ пѣть и играть настоящіе артисты!.. Моему старику всѣ артисты знакомы, онъ всегда въ первомъ ряду... Будутъ и генералы!

Арденскій какъ-то любовно сталъ оглядывать молодую женщину. Она нравилась ему своею энергичною подвижностью и откровенностью.

Замѣтивъ на себѣ его дружескій и ласковый взглядъ, Варвара Павловна, кокетливо охорашиваясь, стала настойчиво приглашать его.

— Приходите, пожалуйста, я васъ представлю старику. У меня будутъ субботы...

— Непремѣнно, непремѣнно!—дружелюбно закивалъ головою Арденскій.

— Во фракѣ приходите!.. Я хочу, чтобы у меня всѣ были во фракахъ! — весело сверкнувъ своими темно-синими глазками, оживленно и наставительно заключила свое приглашеніе радушная хозяйка.

Арсковъ скучалъ. Лѣниво выпуская дымъ сигары, онъ не принималъ никакого участія въ общемъ оживленіи.

Замѣтивъ это, Варвара Павловна вдругъ завопила какимъ-то упавшимъ, слезливымъ голоскомъ:

— Вотъ всегда такъ!.. онъ скучаетъ со мною!.. Его я и приглашать не рѣшаюсь. Сколько разъ обѣщалъ, и хоть бы изъ вѣжливости заглянулъ!..

Арсковъ сдѣлалъ досадную и нетерпѣливую гримасу. Его тяготила ея непринужденная поза и фамильярная близость. Ему

становилось вообще какъ-то не въ моготу въ этомъ застоявшемся и спертомъ воздухѣ трактирнаго кабинета.

Варвара Павловна про себя поняла, что ему непріятны ея укоры и поспѣшила измѣнить свой слезливый тонъ на ухарскій и веселый. Она, со словъ своей умудренной долгимъ опытомъ матери, твердо вѣрила въ непреложность истины, что женщина, покидая общество мужчины, должна всегда оставлять по себѣ только одно пріятное воспоминаніе.

— Ну, не буду, не буду... прелесть моя!—и съ этими словами молодая женщина, кокетливо закинувъ назадъ свою хорошенькую головку, стремительно и съ видомъ страстной нѣжности обвилась руками вокругъ шеи Арскова.

Тотъ неповоротливымъ, но настойчивымъ движеніемъ хотѣлъ-было устранить ее, но она съ чисто кошачьей граціею прильнула къ нему и удержала занятую ею позицію.

— Да, кстати,—затараторила она весело, безцеремонно болтая своими крошечными ножками, обутыми въ ажурные шолковые чулки и элегантныя туфельки:—что это еще за новости, аукціонъ какой-то?!.. Мнѣ старикъ говорилъ, онъ въ газетахъ читалъ... Пишутъ, вы уѣзжаете... Куда вы уѣзжаете?

— Далеко.

— Совсѣмъ, совсѣмъ?..

— Да.

— О, это скучно!..

Секунду она помолчала. Ея бровки слегка сблизились между собою.

— Ну, по крайней мѣрѣ, простимся... Прощай!

Съ этими словами она прильнула своими яркими губами къ его губамъ и впилась въ нихъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Прощай!—еще разъ торжественно проговорила она, торопливо смаргивая набѣжавшую ей на рѣсницу слезу, когда Арсковъ поднялся и рѣшительнымъ, хотя и мягкимъ движеніемъ освободился отъ ея объятій.

Потомъ, выходя изъ комнаты, она уже веселымъ голоскомъ прибавила:

— Bon voyage! Счастливаго пути! Завтра я непремѣнно заѣду на аукціонъ купить какую-нибудь бездѣлушку на память... непремѣнно!.. Adieu!

— Ей-Богу, ты въ сорочкѣ родился!—воскликнулъ Арденскій, когда они остались вдвоемъ. — Хорошенькая и премилое созданіе... А какъ вертитъ своимъ старцемъ... прелесть! Онъ для нея по всему Питеру артистовъ и генераловъ собираетъ...

Арденскій разсмѣялся негромкимъ, но выразительнымъ смѣхомъ.

— Какъ же быть съ письмами? Чтò мнѣ передать Ксеніи Николаевнѣ? Ты ихъ вручишь черезъ меня, не правда ли? — спрашивалъ Арденскій, выходя изъ пролетки и прощаясь съ Арсковымъ въ Караванной, у дома, гдѣ была его квартира.

— Нѣтъ,—сухо отрѣзалъ Арсковъ:—я избавлю тебя отъ роли посыльнаго. Письма будутъ доставлены.

Пріятели разстались.

Никогда Арсковъ не чувствовалъ себя такъ жутко и одиноко въ цѣломъ Петербургѣ, какъ въ эту минуту, когда, разставшись съ другомъ, онъ очутился одинъ въ щегольской пролеткѣ, безъ желанія куда-нибудь ѣхать, безъ охоты возвратиться и домой.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ порѣшилъ навсегда разстаться съ тѣмъ, чтò до извѣстной степени тѣшило и привязывало его къ столицѣ, онъ разомъ почувствовалъ, до чего условны и искусственны были его отношенія къ людямъ. Цѣлый городъ знакомыхъ и—ни одного человѣка, къ которому онъ могъ бы явиться запросто, самимъ собою, въ теперешнемъ своемъ настроеніи. Предстояло, правда, нѣсколько дѣловыхъ свиданій, совершенно необходимыхъ въ виду поспѣшно рѣшеннаго отъѣзда, но о нихъ сегодня онъ не могъ бы даже подумать безъ тягостнаго отвращенія.

Продолжительная бесѣда съ Арденскимъ, „другомъ", носившая на себѣ всѣ внѣшнія примѣты задушевности, въ конечномъ своемъ результатѣ мало удовлетворила его. Она лишь какъ-то безпорядочно взбаламутила то, чтò въ теченіе многихъ мѣсяцевъ замкнутаго раздумья успѣло осѣсть и успокоиться на самомъ днѣ души. Самое важное и нужное все-таки не было сказано. Лучше бы вовсе не касаться задушевнаго и насущнаго, нежели коснуться такъ.

Онъ досадовалъ на свою откровенность.

То, чтò успѣло сказаться, не отвѣчало истинному характеру его настроенія, не соотвѣтствовало и внутренней окраскѣ тѣхъ окончательныхъ выводовъ, которые наединѣ съ собою казались Арскову до непреложности очевидными и ясными.

Арденскій, пожалуй, былъ правъ, окрестивъ его новѣйшимъ Чацкимъ, мелочно негодующимъ и самодовольно обличающимъ. А между тѣмъ какъ это было непохоже на то, чтò онъ переживалъ въ дѣйствительности! Развѣ онъ негодовалъ на окружающихъ? Главный источникъ его терзаній былъ онъ самъ...

Если онъ такъ страстно желалъ порвать съ окружающимъ, то только потому, что разсчитывалъ еще уйти отъ самого себя, того себя, котораго онъ захватилъ врасплохъ на четвертомъ десяткѣ своей жизни, безъ вѣры, безъ любви, безъ привязанностей, безъ охоты и безъ способности длить долѣе ту жалкую комедію, которою довольствовался до сихъ поръ. Въ немъ говорили не укоры совѣсти, не раскаяніе, не стыдъ. Раскаяваться и стыдиться, съ точки зрѣнія общепринятой морали, ему было нечего. Личная тайная исповѣдь равнымъ образомъ не открывала передъ нимъ завѣдомо темныхъ сторонъ его характера. Душевные изгибы ближняго были ему широко доступны, и онъ не зналъ за собою того человѣконенавистничества, которое одно могло ронять его въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Но едва-ли не основною чертою его альтруистическихъ потугъ было преобладаніе затаеннаго презрѣнія, смѣшаннаго съ сожалѣніемъ о судьбѣ той двуногой машины, которую принято называть человѣкомъ.

Разъ засѣлъ въ него этотъ червякъ—онъ сталъ точить его безпощадно...

Съ каждымъ днемъ все отчетливѣе Арсковъ чувствовалъ, какъ тягота жизни настоящею болѣзнью подкрадывалась къ нему. Его утѣшала только мысль, что подобныя настроенія, хотя и въ болѣе слабой степени, ему приходилось переживать и раньше, и они проходили. Онъ не боялся ихъ.

Какая-то безконечная грусть, не обусловленная, повидимому, никакою явною причиною, но неизмѣнно сопутствовавшая подобнымъ настроеніямъ, въ концѣ концовъ стала пьянить его, доставлять своего рода наслажденіе. Самымъ заманчивымъ при этомъ было то, что тотчасъ же наступало невыразимое никакими словами ощущеніе совершенной и полной свободы, о которой въ обычные моменты житейской сутолоки невозможно было даже мечтать. А развѣ вся окружающая его жизнь не была одною сплошною сутолокою? Надо было жить, т.-е. съ утра и до ночи заботиться о поддержаніи своего существованія, и, торжествуя эту побѣду, опять-таки существовать... А для чего? Вопросъ этотъ устранялся на практикѣ самимъ процессомъ обмѣна матеріи и эволюціи силъ...

Но какъ были ничтожны и неосязаемы радости такого существованія!

Взамѣнъ того, какія яркія и тонкія ощущенія приносило съ собою то настроеніе, которое владѣло имъ теперь, и отъ котораго благоразуміе предписывало отдѣлаться!

Вотъ и теперь, когда какъ-то не чувствуется вѣсъ собственнаго тѣла, въ которомъ въ свою очередь притаились и смолкли всѣ жалкія его потребности, развѣ не ощущается что-то не совсѣмъ обычное, неизъяснимо-острое?.. Словно обнаженными нервами воспринимаешь сверхчувственное. Душа кажется какою-то воздушною пеленою, лишь случайно задержанною вокругъ тѣла. Если ей все еще тягостно, то лишь оттого, что еще что-то держитъ и не пускаетъ ее... Но оторвись она—стало бы отрадно и радостно.

„Умереть бы... хорошо! — невольно ярко и отчетливо мелькнуло въ сознаніи Арскова.—Смерть—настоящее, цѣльное и вѣчное,—думалось ему.—А всѣ милліоны этихъ жизней, срочныхъ и ограниченныхъ—только негодные обрѣзки, случайно отлетающіе отъ ножницъ великаго и неутомимаго Закройщика... Да, неутомимаго!.. Онъ все еще что-то кроитъ, это ясно... Когда кончитъ, обрѣзки выметутъ и... финита-ла-комедія!

Гигантскія ножницы, которыми все еще выкраивается міръ, представились Арскову въ видѣ огромной и несокрушимой гильотины, подъ острое лезвіе которой онъ такъ охотно и покорно положилъ бы теперь свою голову.

— Куда прикажете?—раздался почти надъ самымъ его ухомъ пѣвучій и вкрадчивый тенорокъ Ѳедора Иванова.

Арсковъ очнулся.

Онъ очень подивился, что могъ еще кому-то приказывать и чѣмъ-то распоряжаться. Невольно онъ усмѣхнулся. До вѣковѣчной гильотины во всякомъ случаѣ было еще далеко...

Оглянувшись по сторонамъ, онъ увидѣлъ, что Ѳедоръ Ивановъ мчитъ его уже по асфальтовой мостовой липовой, теперь безлиственной аллеи, мимо Инженернаго замка, къ Лѣтнему саду.

„Куда прикажете?“—этотъ простой и естественный вопросъ засталъ Арскова настолько врасплохъ, такъ смутилъ его своею настойчивою опредѣленностью, что онъ, пожалуй, не нашелся бы вовсе отвѣтить на него, еслибы какъ разъ въ эту минуту его не выручила новая неожиданность. Онъ услыхалъ за собою настоящую погоню и звонкій окликъ своего имени и отчества.

Приказавъ сдержать лошадь, онъ къ большому своему облегченію вскорѣ увидѣлъ, какъ на взмыленной бурой шведкѣ его нагналъ и поѣхалъ рядомъ съ нимъ неумѣренно жестикулирующій, несмотря на свою тучность, красивый блондинъ въ распахнутой скунсовой шубѣ и боярской бобровой шапкѣ, изъ-подъ которой свободно развѣвались длинные, артистически пущенные по плечамъ, кудри.

— Петръ Николаевичъ! — невольно весело воскликнулъ Арсковъ—такъ всегда нравилось ему симпатично-мягкое лицо и живые, умные глаза довольно извѣстнаго Петербургу адвоката Кидошенцова, нагнавшаго его теперь посреди улицы съ своимъ обычнымъ видомъ дѣловитой озабоченности.

— Словно влюбленный... по пятамъ слѣдую! Сколькихъ по пути передавилъ—не считалъ! Завтра въ хроникѣ „Листка" въ обличеніи адвокатскихъ безобразій прочтемъ... За вашимъ рысакомъ не угоняешься!.. Слава Богу, что гласомъ снабженъ веліимъ, недаромъ съ трибуны его упражняю!.. — Несмотря на значительную тучность и легкую одышку, Кидошенцовъ сыпалъ отчетливо словами, сопровождая ихъ оживленною интонаціею.—Уфъ! Какъ будто самъ бѣжалъ, — не отдышусь... Васъ не хотѣлось упустить. По утру звонилъ къ вамъ въ телефонъ... спящія дѣвы не откликаются... Наконецъ, послѣ получасового трезвона добился: съ сыпнымъ отдѣленіемъ городской больницы соединили!.. Испугался оспенной заразы, выругался и... отретировался. Къ вамъ сунулся—у васъ кавардакъ какой-то, настоящее столпотвореніе вавилонское. Васъ не добился, зато на аукціонъ попалъ... Скажите спасибо: Линевича на канделябрахъ „ампиръ" такъ загналъ, что онъ до будущаго аукціона не прочихается... Шестьсотъ съ пятакомъ отвалилъ... Пятакъ-то его, а шестьсотъ всѣ мои,—я набавлялъ!..

Кидошенцовъ смѣялся и сыпалъ словами такъ живо, съ такимъ легкимъ проворствомъ, что Арскову становилось весело глядѣть на него. Что-то непосредственно-наивное, почти дѣтское было въ округломъ, заплывшемъ нѣсколько, жирномъ лицѣ и въ громоздкой, тучной фигурѣ адвоката. Несмотря на его шумную, почти назойливую болтливость, съ нимъ чувствовалось, однако, непринужденно и легко. Когда онъ говорилъ, онъ самъ весь, казалось, былъ на кончикѣ своего языка, и этотъ „весь" былъ въ сущности отличный малый, душевный и отзывчивый.

— Однако, мы собираемъ публику, Петръ Николаевичъ! — замѣтилъ Арсковъ.—Если у васъ ко мнѣ дѣло, не лучше ли...

Кидошенцовъ не далъ ему договорить.

— Дѣло, разумѣется, дѣло, Сергѣй Павловичъ!.. Я развѣ безъ дѣлъ бываю. Вѣра безъ дѣлъ мертва есть!.. Cogito, ergo sum! — это надо бросить... Лозунгъ нашего столѣтія: творю дѣла—ergo существую!

Кидошенцовъ громко и непринужденно смѣялся. Нѣсколько любопытныхъ прохожихъ, слѣдуя по панели въ рядъ съ экипажами, видимо заинтересовались шумнымъ оживленіемъ Кидошен-

цова. Какой-то чистенькій гимназистъ, съ ранцемъ на спинѣ, услыхавъ латинскую фразу, весь подтянулся и даже пріосанился. Съ худощавымъ, невзрачнымъ господиномъ, запахнутымъ въ старенькую шинель, попавшимся имъ на встрѣчу, Кидошенцовъ стремительно и вмѣстѣ весело раскланялся.

— Товарищъ предсѣдателя уголовнаго отдѣленія, — мотнулъ Кидошенцовъ головою вслѣдъ удалявшемуся пѣшеходу:— лютѣйшій! Съ тѣхъ поръ, какъ попалъ въ несмѣняемые, въ неизмѣнной враждѣ съ судебными уставами и началами гуманности... Подсудимыхъ неукоснительно жаритъ на вертелѣ человѣконенавистничества... Находитъ, что это не только наилучшій способъ обнаруженія истины, но и надежнѣйшее предохранительное средство отъ неумѣреннаго разлитія собственной жолчи... Пользуется репутаціею вполнѣ современнаго юриста... Обернулся! Никакъ мнѣ моей шведки магистратура простить не можетъ...

Арсковъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Къ дѣлу, къ дѣлу Сергѣй Павловичъ!—спохватился Кидошенцовъ. — Не на улицѣ же намъ, въ самомъ дѣлѣ, объясняться... Да сейчасъ и снѣгъ посыплетъ, не даромъ вѣдь на дворѣ весна... петербургская! Всего ближе отправиться ко мнѣ, тамъ и расположимся. Сдѣлаете честь?.. А? Вѣдь вы у меня не бывали... а жилище на новѣйшихъ началахъ устроено... Взгляните... стòитъ! Я на Михайловской площади... домъ генерала Меринова.

Кидошенцовъ приказалъ кучеру тронуть и любезной улыбкой и жестомъ руки приглашалъ Арскова слѣдовать за собою.

Арсковъ какъ находкѣ обрадовался приглашенію Кидошенцова. Онъ былъ въ томъ настроеніи, въ которомъ только случайныя и притомъ не вполнѣ обычныя впечатлѣнія могутъ еще вывести изъ состоянія полнаго нравственнаго утомленія и апатіи.

Зналъ онъ Кидошенцова сравнительно мало, но все, чтò онъ о немъ зналъ, казалось ему симпатичнымъ и привлекательнымъ.

Въ качествѣ адвоката и большого любителя уголовныхъ защитъ, Кидошенцовъ одно время порядочно-таки нашумѣлъ въ столицѣ. Многіе ему ставили это даже въ упрекъ, видя въ этомъ только стремленіе рекламировать себя.

Арсковъ, однако, понималъ его нѣсколько глубже.

Именно въ этой безпокойной, шумливой профессіональной суетѣ Кидошенцова онъ видѣлъ самыя симпатичныя стороны его характера.

Не было того возмутительно-кричащаго или кроваваго процесса, котораго Кидошенцовъ не шелъ бы охотно защищать, вкладывая въ интересы обвиняемаго всю свою душу, смѣло и

безстрашно потрясая вѣчно самодовольную и брезгливо-трусливую фарисейскую мораль. Нѣтъ нужды, что за это на него сыпались со всѣхъ сторонъ насмѣшки и грубые толчки,—онъ шелъ на проломъ, убѣжденно и весело, не опуская головы, съ сознаніемъ правоты, чуть ли не святости дѣлаемаго имъ дѣла. „Я заступлюсь за всѣхъ. Нѣтъ виноватыхъ!“ —какъ бы пародировалъ онъ всѣмъ своимъ поведеніемъ девизъ обезумѣвшаго Лира, и дѣйствительно, не щадя ни силъ, ни времени, онъ безкорыстно шелъ отрицать порокъ и доказывать несчастіе или неизбѣжность паденія.

И рядомъ съ этимъ,—Арсковъ зналъ уже это по личнымъ наблюденіямъ,—въ дѣлахъ исключительно денежныхъ, такъ называемыхъ гражданскихъ, тотъ же Кидошенцовъ становился до нельзя робокъ, мнителенъ, брезгливъ и остороженъ. Онъ брался за дѣло только тогда, когда былъ совершенно увѣренъ въ правотѣ своего кліента.

— Beati possidentes! — преподлая, доложу вамъ, формула, однако и насчетъ передвиженія цѣнностей изъ одного кармана въ другой не мѣшаетъ быть осторожнымъ,—говаривалъ Кидошенцовъ въ подобныхъ случаяхъ.—Пренечистоплотное наше ремесло; того и гляди замараешься!..

Отъ многихъ весьма выгодныхъ юрисконсульствъ на фабрикахъ, заводахъ и въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ онъ систематически отказывался только потому, что ему пришлось бы тогда сутяжничать противъ голодной рати разныхъ бѣдняковъ и увѣчныхъ и вести противъ нихъ ожесточенную судебную баталію. На это его не могли бы подвинуть никакія матеріальныя соображенія.

Къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, Кидошенцовъ, уже обрюзгшій и не по лѣтамъ отяжелѣвшій, нѣсколько угомонился и, несмотря на свои эксцентричности, пользовался прочно установившеюся репутаціею дѣльнаго, смѣлаго и честнаго адвоката.

Арскову пріятна была мысль, что онъ сейчасъ проникнетъ (на что прежде у него какъ-то не хватало досуга) въ жилище этого симпатичнаго малаго. Объ этомъ жилищѣ, обставленномъ со всевозможною оригинальностью, по Петербургу давно носились слухи, но особенно много о немъ заговорили послѣ того, какъ рабочій кабинетъ Кидошенцова, за-одно съ его эксцентричнымъ хозяиномъ, послужилъ сюжетомъ для картины—портрета на одной изъ послѣднихъ выставокъ передвижниковъ.

У Кидошенцова была слабость, даже своего рода пунктикъ. Онъ не могъ равнодушно слышать ни объ одномъ новомъ явленіи въ сферѣ научныхъ открытій или техническихъ. изобрѣтеній.

Онъ успокоивался только тогда, когда ему удавалось одному изъ первыхъ пріобрѣсти въ собственность новоявленную хитрую вещицу, осмотрѣть ее, ощупать, немедленно приспособить для практическаго примѣненія.

Вся квартира его представлялась, такимъ образомъ, складочнымъ мѣстомъ хитроумныхъ изобрѣтеній, арсеналомъ полнаго вооруженія современной цивилизаціи.

Насколько Кидошенцову удалось сохранить ясность представленій и даже значительную независимость сужденій въ вопросахъ личной и соціальной этики, настолько же онъ пассовалъ и раболѣпствовалъ передъ всякой новомодной научной теоріей или технической выдумкой, не иди эта выдумка далѣе автоматическаго карманнаго огнива или новой системы массированія шейныхъ позвонковъ и мыщелокъ.

— Разумъ, разумъ впереди всего!—философствовалъ нерѣдко на эту тему Кидошенцовъ. — Я вѣрую въ силу человѣческаго разума! Не человѣкъ долженъ терпѣть лишенія и приспособляться, нѣтъ, нужно передѣлать природу сообразно росту нашихъ потребностей. Дисциплинируйте ее, поработите, опутайте, какъ дикаго звѣря, сѣтями разума—и, тогда хоть сѣдлайте. Главное, потачки, потачки ей не давать!.. Съумѣйте овладѣть ею, она вамъ жареныхъ рябчиковъ станетъ производить... да! Вся исторія цивилизаціи еще впереди, правнуки наши увидятъ кое-что...

Въ своемъ увлеченіи онъ начиналъ и не шутя сердиться... на природу. Добрые знакомые Кидошенцова знали эту его слабость, и когда заходила рѣчь на подобную тему, обыкновенно только дружелюбно подтрунивали надъ нимъ. Арсковъ бывалъ менѣе терпѣливъ. На него широковѣщательныя іереміады обыкновенно веселаго, беззаботнаго адвоката нагоняли по-истинѣ тоскливое уныніе. Еще сравнительно молодой, шумливый и живой, но уже носившій на себѣ всѣ примѣты болѣзненнаго ожирѣнія, Кидошенцовъ, обставленный какъ бы нарочно во вредъ самому себѣ всѣми условіями искусственнаго существованія, ведущій постоянную и упорную войну съ естественными требованіями природы, возбуждалъ въ немъ какое-то необъяснимо досадное чувство жалости, какое лишь можетъ возбуждать въ насъ добрый, но избалованный во вредъ себѣ, капризный ребенокъ.

XI.

Между тѣмъ какъ, вовсе какъ-то не интересуясь, зачѣмъ именно онъ могъ такъ спѣшно понадобиться, и именно сегодня, дѣловитому адвокату, Арсковъ мысленно, какъ ему казалось—поучительно для себя, созерцалъ не лишенную характерныхъ чертъ личность Кидошенцова,—пролетка, завернувъ на Михайловскую площадь, остановилась у огромнаго, шестиэтажнаго дома. У подъѣзда только-что высадившійся при помощи швейцара Кидошенцовъ, съ развѣвающимися кудрями и распахнутой шубой, уже поджидалъ гостя.

— Нà, прими это!—облегчилъ себя Кидошенцовъ, передавая швейцару туго набитый портфель, который тотъ принялъ съ нѣкоторою благоговѣйною почтительностью въ обѣ руки.

— Летимъ наверхъ вмѣстѣ! Можемъ, не теряя времени, и побесѣдовать,—такъ приглашалъ Кидошенцовъ Арскова въ рѣшетчатую загородку комфортабельно устроенной подъемной машины, между тѣмъ какъ швейцаръ, отложивъ на столъ портфель, хлопоталъ около подъемнаго механизма, готовясь пустить его въ ходъ.

— Да вы въ которомъ?—спросилъ Арсковъ.

— Въ третьемъ.

— Ну, такъ дойду... Я и безъ того мало двигаюсь.

Кидошенцовъ пробовалъ-было убѣждать, но Арсковъ, не послушавъ его, двинулся по лѣстницѣ вверхъ.

Машина была пущена.

Кидошенцовъ, нагнавъ и перегоняя Арскова, пользовался каждымъ появленіемъ своимъ въ свободныхъ пролетахъ лѣстницы, чтобы что-то шумно, почти съ крикомъ объяснить Арскову. Онъ трактовалъ объ одышкѣ и о подъемныхъ машинахъ. Петербургъ отсталъ отъ Европы: только въ немногихъ домахъ было это необходимое приспособленіе. Онъ, Кидошенцовъ, вовсе отказывается ходить по лѣстницамъ,—это варварство, это губитъ и сокращаетъ жизнь. Передовые врачи, дѣлавшіе наблюденія, вполнѣ раздѣляютъ его взглядъ. Онъ платитъ дороже и заключилъ контрактъ на двѣнадцать лѣтъ, но желаетъ пользоваться подъемною машиной.

Когда Арсковъ поднялся на площадку третьяго этажа, Кидошенцовъ стоялъ уже у своей распахнутой двери. Швейцаръ, справившійся съ подъемнымъ механизмомъ и давшій знать въ квартиру звонкомъ о приближеніи господина, запыхавшись въ свою очередь, подоспѣлъ съ портфелемъ и передалъ его, какъ драгоцѣнность, съ рукъ на руки слугѣ.

Слуга, отворившій дверь, обратилъ на себя вниманіе Арскова своею внѣшностью. Весь выбритый и коротко остриженный, онъ былъ одѣтъ въ какую-то фантастическую ливрею-куртку зеленоватаго цвѣта съ ярко-оранжевымъ воротникомъ. Вслѣдъ за первымъ, въ полутемной, по петербургскому обыкновенію, прихожей, мелькнулъ и сталъ снимать шинели и другой такой же точно слуга, опять-таки тщательно выбритый, выстриженный и въ форменной курткѣ.

Оба вмѣстѣ они казались какими-то вновь завербованными рекрутами или безмолвно отбывающими пенитенціарное наказаніе преступниками.

Кидошенцовъ на-лету уловилъ вниманіе, съ которымъ Арсковъ оглядывалъ его прислугу. Онъ тотчасъ же оживленно заговорилъ.

— Homo delinquens!—вотъ величайшій вздоръ, до котораго только могли додуматься современные юристы... Всѣхъ оправданныхъ или отбывшихъ наказаніе я стараюсь пристроить куда-нибудь. Эти двое—заправскіе делинквенты. По Ломброзо, ихъ мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ, однако они отлично исполняютъ свои обязанности. Вся штука—въ томъ, чтобы поставить человѣка на надлежащую соціальную ступень, сообразно его развитію... Они теперь такъ же усердно служатъ мнѣ, какъ усердно совершали бы преступленія. Еслибъ вы знали, въ какомъ видѣ мнѣ удалось вырвать ихъ изъ прокурорскихъ лапъ!.. Я ихъ перевоспиталъ... Теперь это—люди, которые пойдутъ за меня въ огонь и въ воду.

Арсковъ интересовался затронутымъ Кидошенцовымъ вопросомъ. Ему самому всегда казалась вздорною идея выдѣленія преступниковъ въ особый классъ или даже въ особую породу людей, заранѣе предопредѣленныхъ тюрьмѣ и каторгѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ мы подробно объ этомъ побесѣдуемъ!—заторопился Кидошенцовъ:—позвольте мнѣ сдѣлать только маленькую ревизію... Извините, сію секунду!

Взявъ съ собою обоихъ слугъ, онъ удалился съ ними на минуту въ маленькую темноватую, смежную съ прихожей комнату.

— Я ихъ беру иногда на исповѣдь!—пояснилъ онъ Арскову, приглашая его пройти въ пріемную.

Затѣмъ изъ комнаты послышался строгій отеческій допросъ и бойкіе, словоохотливые отвѣты допрашиваемыхъ.

Арсковъ вошелъ въ довольно мрачную и обширную пріемную, уставленную готическимъ дубомъ съ темными гравюрами по стѣнамъ.

— Здѣсь я выдерживаю моихъ кліентовъ!—пояснялъ Кидошенцовъ, спѣшно возвращаясь къ гостю. Строгій стиль настрои-

ваетъ ихъ на высокій ладъ. Это избавляетъ меня отъ выслушиванія многихъ пустяковъ, которые имъ приходятъ въ голову въ легкомысленныхъ пріемныхъ модныхъ адвокатовъ.

Посреди комнаты былъ рѣзной круглый столъ, заваленный газетами и разными просвѣтительными брошюрами. По стѣнамъ стояли глухіе занумерованные шкафы—„архивъ", какъ пояснилъ словоохотливый адвокатъ.

— Много любопытнаго для изученія человѣческихъ разновидностей заключено здѣсь въ отдѣльныхъ папкахъ!—весело воскликнулъ Кидошенцовъ.—Вотъ какъ-нибудь удосужусь, займусь ихъ классификаціей. Только у меня другая исходная точка... не по Ломброзо!..

— Какая же именно?—спросилъ Арсковъ.

— Дайте всѣмъ необходимый комфортъ... преступленія переведутся! Голодъ—первоисточникъ преступности... Объ этомъ слѣдовало бы подумать... а они—пенитенціарные конгрессы, тюремныя выставки устроиваютъ! Ужъ на что, кажется, инквизиція была прямолинейна, а и та со своими орудіями пытки по подваламъ пряталась; а вотъ мы съ своей душегубной пенитенціарной системой на показъ лѣземъ... А какая, я васъ спрашиваю, разница?!.. Какая?.. Тамъ ноздри рвали, тѣло калѣчили, а мы съ ума сводимъ, въ чахотку вгоняемъ... Въ придачу еще фарисействуемъ! Говарда чествуемъ, гуманитарныя теоріи разводимъ... Блажь одна, предлогъ для „международной" выпивки, и только!

— Правда ваша!—усмѣхнулся Арсковъ.—Однако, и съ вами согласиться трудно... Не всѣ же преступленія совершаются подъ вліяніемъ голода: вы забываете аффекты и массу преступленій съ совершенно иными мотивами?..

— Голодъ—въ широкомъ смыслѣ!.. самомъ широкомъ... понимаете?! Я стою на своемъ,—возражалъ Кидошенцовъ:—но это не такъ просто. какъ вы думаете. Всѣ должны быть сыты, сыты въ самомъ широкомъ смыслѣ, до третьяго поколѣнія сыты... включительно!.. понимаете?!.. Тогда будемъ говорить о преступности!.. Прежде всего худосочныхъ уберите... снимите съ человѣка физическое бремя жизни... заставьте природу служить ему!

Арсковъ понялъ, что Кидошенцовъ норовитъ вспрыгнуть на своего любимаго конька, чтобы свободно домечтаться до жареныхъ рябчиковъ. Это ему не улыбалось, и онъ нетерпѣливо сдѣлалъ шагъ впередъ по направленію къ слѣдующей комнатѣ.

— Однако, что же мы стоимъ?—спѣшно спохватился любезный хозяинъ. — Я хотѣлъ только обратить ваше вниманіе на строго выдержанный стиль этой комнаты... Прошу въ кабинетъ!

Арсковъ вошелъ въ слѣдующую обширную комнату.

— Не удивляйтесь ничему,—быстро заговорилъ Кидошенцовъ:—я по порядку объясню вамъ значеніе каждой вещи. Вы навѣрное согласитесь со мною, что все здѣсь крайне цѣлесообразно и совершенно необходимо даже...

Какъ ни былъ приготовленъ Арсковъ увидѣть не вполнѣ обычную обстановку,—все же его не могло не поразить совершенно неожиданное разнообразіе и разнохарактерность предметовъ, заполнявшихъ рабочій кабинетъ адвоката. Съ перваго взгляда казалось, что тутъ были намѣренно собраны всѣ таинственныя принадлежности заправскаго алхимика, не исключая и классическихъ аттрибутовъ въ видѣ *настоящаго* человѣческаго черепа и какой-то замысловатой бутыли или реторты съ воздухоочистительнымъ ѳиромъ. Правда, здѣсь было еще и многое другое, что, конечно, и не снилось средневѣковымъ мудрецамъ... Но, говоря объ алхиміи, развѣ такъ обязательно переноситься мыслью въ средніе вѣка? И еще откуда мы знаемъ: какъ нашу мудрость и нашихъ мудрецовъ нарекутъ грядущіе вѣка?

Арсковъ удержался отъ всякаго замѣчанія и опустился на первое попавшееся ему мягкое кресло.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы неудачно выбрали!—почти завопилъ Кидошенцовъ, стремительно кидаясь къ нему, какъ бы съ желаніемъ помочь.

Арсковъ подумалъ, что кресло сейчасъ подъ нимъ подломится, и поспѣшилъ встать.

— Не то кресло вы выбрали! — съ мягкою, почти нѣжною улыбкою замѣтилъ ему Кидошенцовъ, пододвигая другое, такое же низкое, но съ менѣе покатой спинкой. Развѣ вы не чувствуете разницы? Послѣ ходьбы въ этомъ креслѣ вы дышете полною грудью, а это необходимо, пока сердце не угомонилось... Въ этомъ, глубокомъ, можно вздремнуть только послѣ усиленной умственной дѣятельности. Я отдыхаю въ немъ послѣ четырехчасового пріема кліентовъ. Прострація полная, нервы какъ губка, хоть выжми!— Замѣтивъ на лицѣ Арскова снисходительную и терпѣливую улыбку, Кидошенцовъ серьезно, почти строго наступилъ на него. — Вы смѣетесь? Напрасно! Все разсчитано на строгія правила гигіены... Здѣсь вся мебель, каждая вещь сдѣлана по совѣту профессора, черезъ особаго мастера.

Кидошенцовъ началъ суетливо кидаться отъ одного предмета къ другому и сталъ съ увлеченіемъ объяснять ихъ устройство и назначеніе.

— Вотъ конторка съ выемкою для груди; я на ней пишу...

Вы видите, какъ пригнано по моему росту и фигурѣ... искривленія спинного хребта ни малѣйшаго! Столъ съ подвижнымъ механизмомъ... онъ поднимается и опускается по произволу—стòитъ только надавить эту кнопку... Кресло передъ столомъ—тоже, притомъ оно движется, тутъ система крестообразныхъ рельсъ. Я могу отодвигаться и придвигаться во всѣ стороны!..

Кидошенцовъ съ увлеченіемъ, какъ выхваляющій свой товаръ продавецъ хитрыхъ заводныхъ игрушекъ, приводилъ въ движеніе разнообразные механизмы, надавливалъ кнопки, зажигалъ электрическія лампочки, заставлялъ звонить какіе-то звонки и немилосердно вертѣлся на своемъ подвижномъ креслѣ.

— Эти шкафы открытые съ книгами, несмотря на ихъ огромную вышину, доступны мнѣ до послѣдней полки безъ малѣйшихъ усилій, благодаря вотъ этому снаряду... Его приготовилъ для меня одинъ механикъ изъ Литовскаго замка, но идея моя!

Кидошенцовъ съ большою торжественностью извлекъ изъ-за шкафа какую-то длинную жердь съ небольшимъ блочкомъ наверху, съ эластичнымъ шнуромъ и еще какимъ-то металлическимъ приспособленіемъ.

— Это своего рода капканъ для уловленія мыслей человѣческихъ!—весело суетился Кидошенцовъ.—Скобками я захватываю корешокъ книги (есть для всѣхъ форматовъ, онѣ могутъ сдвигаться!), потомъ пускаю веревку по блоку—и книга у меня въ рукахъ; такимъ же порядкомъ я ставлю ее на мѣсто. Къ большой досадѣ Кидошенцова, опытъ удался только на половину.

При подъемѣ книга съ грохотомъ упрямо сорвалась на полъ. Не желая далѣе искушать свой хитроумный снарядъ, Кидошенцовъ поспѣшилъ отложить его въ сторону, ссылаясь на какую-то случайную порчу. За упавшей на полъ книгой, несмотря на свою тучность, онъ проворно, хотя и нѣсколько сконфуженно, нагнулся.

Арсковъ глядѣлъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ имѣлъ дѣло съ несомнѣнно умнымъ человѣкомъ. Куда же дѣвается умъ въ иныхъ случаяхъ?

Но это было еще не все. Кидошенцовъ былъ неистощимъ.

Пишущія машины всевозможныхъ шрифтовъ и системъ, необыкновенные прессы, телефоны, звонки самыхъ разнообразнѣйшихъ конструкцій, комнатные телеграфы, несгараемыя хранилища съ хитрѣйшими секретами, всякихъ сортовъ лампы, искусственныя горѣлки и свѣчи, автоматическія спичечницы, портсигары, огнива... Все это такъ и блестѣло, такъ и кидалось въ глаза, словно на спеціальной выставкѣ новѣйшихъ техническихъ изобрѣтеній.

— Все это пока бездѣйствуетъ,—самодовольно озираясь кругомъ, пояснялъ Кидошенцовъ:—теперь часъ моего предобѣденнаго отдыха. Но послушали бы вы, какая музыка идетъ въ рабочіе часы!.. Во-первыхъ, телефонъ безпрестанно... Постояннымъ кліентамъ я и совѣты даю по телефону. На пишущей машинѣ дежурный помощникъ записываетъ всѣ мои заключенія: „respondi prudentia". Затѣмъ звонками и особымъ телеграфомъ я сообщаюсь съ канцеляріею. Тамъ бездна народу: письмоводитель, писцы, разсыльные... Я вездѣсущъ, я всѣмъ руковожу!.. Иначе нельзя. Моя профессія требуетъ отъ меня дьявольской памяти, сообразительности, быстроты и энергіи—какъ же вы хотите, чтобы я могъ справляться иначе?

Арскову живо представился тотъ дѣловой, форсированный аллюръ, которымъ мчится профессіональный режимъ знаменитаго адвоката, и вчужѣ ему стало жутко при мысли о всѣхъ этихъ современныхъ будильникахъ дѣловитой энергіи: телефонахъ, звонкахъ, пишущихъ машинахъ и проч. Онъ самъ еще такъ недавно, въ качествѣ современнаго дѣльца и знаменитости, прошелъ черезъ весь этотъ адъ.

Онъ выразилъ свое соболѣзнованіе Кидошенцову.

— Весь фокусъ въ томъ, чтобы заранѣе распредѣлить себя... т.-е. свое время. Я заваленъ работою, но умудряюсь каждый день прочитывать всѣ газеты и... получать массажъ. Теперь вотъ тоже часъ отдыха, и я, по настоящему, долженъ былъ бы упражняться на этомъ ретивомъ звѣрѣ...

— Что это у васъ... велосипедъ? — спросилъ Арсковъ, со вниманіемъ оглядывая блестящій двухколесный велосипедъ, утвержденный неподвижно на особаго рода легкихъ, стальныхъ подставкахъ въ дальнемъ углу комнаты.

— Да, бицикль captif. Очень раціонально! Не выходя изъ комнаты, можно объѣхать вокругъ свѣта. Упражняюсь по совѣту врача... Онъ находитъ мою одышку подозрительною, совѣтуетъ моціонъ. Во-первыхъ, простудиться нельзя, а во-вторыхъ, вотъ еще какое удобство... это ужъ я самъ придумалъ, чтобы не терять даромъ времени!

Съ этими словами Кидошенцовъ легко и проворно, несмотря на свою тучность, вскочилъ на своего неподвижнаго коня, завертѣлъ въ воздухѣ блестящими колесами и, наклонившись нѣсколько впередъ, какъ бы принимая лихую казацкую посадку, развернулъ передъ собою придѣланный къ ручкѣ велосипеда особый складной пюпитръ.

— Здѣсь укладывается отлично любая книга, и я не теряя

времени, могу читать. Конечно, я беру что-нибудь подходящее, что-нибудь полегче... Для такихъ случаевъ особенно удобенъ Золà... Сколько листовъ у него ни пропусти, онъ свое возьметъ, своими шестьюстами страницами своего добьется, вразумитъ!.. И потомъ какое удобство... у него, по крайней мѣрѣ, знаешь, насчетъ какого именно тезиса онъ намѣренъ романизировать. Можешь выбрать по настроенію... Тезисъ въ заглавіи, затѣмъ идетъ докладъ. Ужъ если „La bête humaine", значитъ на каждой страницѣ пойдутъ пещерные человѣки... Въ „La terre" будутъ насиловать и прочія деревенскія свинства дѣлать .. „L'argent"—ну это насчетъ денегъ... Систематическій художникъ! Самый подходящій для нашего брата, современнаго занятого читателя. Онъ, какъ портной, знаетъ, на кого шьетъ... и матеріи у него все самыя модныя!..

Кидошенцовъ весело и раскатисто смѣялся.

Арсковъ не удерживался отъ улыбки. Сужденія о Золà ему показались вѣрными.

Кидошенцовъ, между тѣмъ, увлекшись своимъ обычнымъ гимнастическимъ упражненіемъ, продолжалъ вертѣть колесами, все быстрѣе и быстрѣе работая ногами.

Арсковъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Его начинала утомлять и шумливая болтовня неутомимаго адвоката, и представленіе о всѣхъ вымученныхъ прелестяхъ современнаго комфорта, вплоть до модной кройки господина Золà...

— Петръ Николаевичъ, ради Бога! — опять впадая въ свое давнишнее меланхолическое настроеніе и чувствуя настоятельную потребность поскорѣе выбраться куда-нибудь, остановилъ Арсковъ Кидошенцова.—Развѣ за этимъ только вы меня позвали?..

— Нѣтъ, нѣтъ, виноватъ! увлекся!—мягко улыбнулся Кидошенцовъ и, спрыгнувъ съ своего импровизированнаго Россинанта, весь запыхавшійся и раскраснѣвшійся, какъ виноватый, протянулъ руку Арскову и дружески нѣсколько секундъ подержалъ ее въ своей.

XII.

— Подайте сюда дѣло, которое я давеча просилъ отложить. Прошлогоднее, нумеръ 86!—отчетливо и порывисто приказывалъ черезъ минуту Кидошенцовъ вызванному имъ откуда-то въ домашній телефонъ письмоводителю, пошатывавшемуся на ходу малому, съ блѣдной и изнуренной физіономіею.

— Сейчасъ!..

Тщедушный субъектъ, какъ-то странно тыкаясь на ходу, какъ бы пріостанавливаясь и ежесекундно къ чему-то отдаленному прислушиваясь, вышелъ.

— Отчаянный морфинистъ, но чудесный малый!.. скороговоркою отрекомендовалъ Кидошенцовъ своего сонливаго вида письмоводителя, когда тотъ удалился разыскивать дѣло.—Отставной артиллерійскій офицеръ, Георгія за послѣднюю кампанію имѣетъ... Теперь впадаетъ въ мистицизмъ, въ монастырь стремится, только монахи ему чѣмъ-то не угодили... Каждое воскресенье для душеспасительныхъ бесѣдъ въ Кронштадтъ ѣздитъ. На перепутьѣ пристроился у меня. Малому тридцатый годъ, а онъ все еще какого-то „самоопредѣленія“ добивается... Право, это только съ нашимъ россійскимъ интеллигентомъ случается: не успѣетъ самоопредѣлиться—глядь, его уже на Волково тащатъ. Впрочемъ, у него неудачный романъ: какая-то Раиса измѣнила... Однако я васъ спрашиваю: причемъ тутъ морфій и Кронштадтъ?..

— И притомъ—вмѣстѣ! Это еще любопытнѣе!—едва скривилъ губы въ улыбку Арсковъ.

Блѣднолицый, коротко остриженный и взъерошенный письмоводитель возвратился, положилъ на столѣ близь своего патрона дѣло и, даже не взглянувъ на Арскова, беззвучно удалился.

У Кидошенцова была, повидимому, органическая способность не оставлять ни одного мимоидущаго явленія безъ немедленнаго довольно бойкаго и точнаго словеснаго опредѣленія. Подъ конецъ, однако, становилось трудно слѣдить за нитью его мыслей. Онъ давалъ образъ, впечатлѣніе—всегда довольно значительное, подъчасъ даже глубокое,—но лишь только вы заинтересовывались имъ, хотѣли остановиться на немъ подолѣе,—бурный вихрь новыхъ замѣчаній и впечатлѣній мчалъ васъ уже въ противоположную сторону.

Разговоръ его, если продолжался долго, былъ утомителенъ.

Арсковъ, симпатизировавшій Кидошенцову, пытался не разъ выяснить про себя основныя черты умственной физіономіи талантливаго адвоката и всегда кончалъ тѣмъ, что спутывался въ своихъ опредѣленіяхъ.

Бесѣда съ Кидошенцовымъ успѣла на этотъ разъ какъ-то особенно быстро утомить и непріятно разочаровать Арскова. Съ какою-то раздражительною предвзятостью онъ классифицировалъ теперь людей уже безъ колебаній и опасеній впасть въ ошибку. Истинная оригинальность и самобытность слишкомъ рѣдко встрѣчалась въ той средѣ, въ которой онъ жилъ и вращался. Основныя черты личности адвоката, несмотря на всю его шумливую

парадоксальность, на этотъ разъ какъ-то ужъ черезъ-чуръ просто и мало занимательно выяснились Арскову.

„Вездѣ все то же въ этой нелѣпой и безшабашной средѣ сытыхъ интеллигентовъ!“—злобно и раздражительно думалось ему. —„Жадное, суетливое, но легкомысленное и поверхностное отношеніе къ жизни и ея явленіямъ, и какъ вѣнецъ всего—трусливое убѣганье отъ самого себя... Все годно для этой цѣли, все заносится на страницы современной фармакопеи: Кронштадтъ, спринцовки съ морфіемъ, столоверченіе!.. Благо еще, что большинство по прежнему невзыскательно и довольствуется давно испытанными, вѣрными средствами. Для такихъ довольно—вина, картъ, разврата, удовлетвореннаго тщеславія и дѣловитой сутолоки, этого возмутительнѣйшаго вида привилегированной праздности!“...

Арсковъ глядѣлъ на холеную, сытую фигуру адвоката, между тѣмъ какъ тотъ внимательно пробѣгалъ въ дѣлѣ какія-то бумажонки и, все болѣе и болѣе внутренно раздражаясь, продолжалъ мысленно громить Кидошенцова.

„Попробуй сегодня оторвать тебя отъ этого заваленнаго бумагами и книгами письменнаго стола, у котораго ты священнодѣйствуешь съ видомъ настоящаго авгура, упраздни общественное наслоеніе, живущее ложью, порокомъ и чужою глупостью,—и на что бы пригодился твой бойкій, находчивый умъ, твоя безупречная честность? Они бы даже не прокормили тебя! Въ простыхъ и нормальныхъ условіяхъ жизни, безъ телефоновъ, пенитенціарныхъ системъ и подъемныхъ машинъ, что сталось бы съ тобой? На первой тяжелой работѣ (а всякая настоящая, т.-е. нужная, работа тяжела, только испробуй ее!), необходимой даже для твоего прокормленія, одышка задушила бы тебя, если бы еще раньше ты не повѣсился самъ добровольно на первомъ деревѣ за невозможностью свободно и прибыльно упражнять благородную способность умно и честно мыслить о глупыхъ и дрянныхъ вещахъ... О, какъ всѣ мы умѣемъ умно и честно мыслить, и какая это для насъ выгода, что водятся на свѣтѣ глупыя и дрянныя вещи!“

— Вотъ, вотъ, нашелъ наконецъ!—стремительно тряхнулъ Кидошенцевъ длинными кудрями и уставился на Арскова своимъ доброжелательнымъ и мягкимъ взглядомъ.—Я долженъ предварительно пояснить... Вамъ это прямо снѣгъ на голову!..

— Что такое?

— Откровенно говоря, исторія не изъ пріятныхъ...

Хотя, очевидно, повода не было ни для пріятной улыбки, ни

для улыбки вообще, тѣмъ не менѣе Арскову показалось, что Кидошенцовъ улыбнулся и улыбнулся именно пріятно, т.-е. какъ-то весело и ободряюще.

У адвоката это было простою профессіональною привычкою. Ему трудно бывало сдержаться отъ выраженія нѣкотораго удовольствія каждый разъ, когда предстояло погрузиться въ анализъ труднаго и запутаннаго юридическаго казуса. Арсковъ это понялъ. Вѣдь говорятъ же врачи о своихъ паціентахъ: „у такого-то славный тификъ, а у этого—только насморкъ"... У каждой профессіи свой жаргонъ. Современный французскій палачъ, разгуливающій въ толпѣ бульварныхъ модниковъ, никогда не скажетъ о себѣ, что онъ рубитъ головы... Онъ „пускаетъ шнурокъ гильотины"... Онъ только профессіонально функціонируетъ.

Благодѣтельная цивилизація, облагораживающая и призваніе палачей!..

— Въ чемъ же однако дѣло?—съ намѣреннымъ равнодушіемъ спросилъ Арсковъ.

— Въ чемъ дѣло! вы еще спрашиваете?—весь вспыхнувъ и даже съ какимъ-то отчаяніемъ всплеснулъ руками Кидошенцовъ. —Помилосердствуйте, Сергѣй Павловичъ!.. Да вѣдь бракоразводное дѣло Ксеніи Николаевны все еще у меня на рукахъ. Оно застряло, оно не движется... Мало того, оно невѣроятно и очень некрасиво усложняется, а вамъ, повидимому, и горя мало!

Арскова слегка качнуло на стулѣ. Онъ съ досадою ощутилъ, какъ горячій румянецъ заливаетъ все его лицо до самыхъ корней волосъ. Итакъ, онъ опять въ томъ же заколдованномъ кругу, изъ котораго только часъ назадъ ему удалось почти насильно вырваться, разставшись съ „другомъ"—Арденскимъ.

Что для него эта женщина?.. Вѣдь — ничего, ничего!.. Онъ научился не думать о ней и чувствовалъ себя освобожденнымъ и покойнымъ. Зачѣмъ же эта грубая и далеко не хитрая облава? Къ чему и по какому праву? Куда, наконецъ, дѣвались ея умъ, ея сатанинское самолюбіе?..

Чтобы одолѣть овладѣвшее имъ волненіе, Арсковъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

Заподозривъ, что его вовсе не хотятъ слушать, Кидошенцовъ въ свою очередь вскочилъ и принялъ энергичную позу привычнаго оратора.

Когда, наконецъ, Арсковъ остановился, ихъ глаза встрѣтились. Бѣглый, какъ бы лукаво извивающійся огонекъ взаимнаго недоброжелательства такъ и зарябилъ въ ихъ взглядахъ. Но это дли-

лось только секунду. Они оба тотчасъ же успокоились и заняли прежнія мѣста.

Первымъ заговорилъ Арсковъ.

Въ его голосѣ уже не послышалось ни раздраженія, ни досады. Онъ только слегка жмурилъ глаза, какъ дѣлаютъ всѣ нервные субъекты передъ пріемомъ горькаго лекарства.

— Я слушаю, Петръ Николаевичъ. Только, пожалуйста, все разомъ! Терпѣніе я вамъ обѣщаю...

— Еще бы въ этомъ вы мнѣ отказали! — снова вспыхнулъ Кидошенцовъ, и его мягкій баритонъ повысился сразу на нѣсколько нотъ.

Послѣдовала минутная пауза. Нѣсколько успокоившись, Кидошенцовъ продолжалъ.

— Разсудите, Сергѣй Павловичъ, въ какое положеніе я поставленъ. Я привыкъ дорожить моей репутаціей...

— Да что же именно случилось? Пока я знаю только, что бракоразводное дѣло, затѣянное госпожею Варягиной, до сихъ поръ не окончено... Признаюсь, и это меня очень мало интересуетъ.

— Вы хотите сказать: перестало интересовать!

— Допустимъ.

— Вотъ то-то и есть! А между тѣмъ вы, именно вы поставили меня въ это безвыходное положеніе. Безъ вашихъ настояній, скажу больше, безъ желанія оказать вамъ содѣйствіе, я ни за что не сталъ бы возиться въ этой бракоразводной грязи. Я не разводныхъ дѣлъ мастеръ, это не моя спеціальность! На это у насъ есть господа Ряднайскіе, Башковы, Лужины...

Арсковъ не совсѣмъ понималъ обиду адвоката, „дорожащаго своей репутаціей“, однако чувствовалъ, что обида эта глубока и искренна.

— И вы всегда такъ близко принимаете къ сердцу поручаемыя вамъ дѣла?—не безъ ироніи спросилъ онъ Кидошенцова.

— Всегда! — снова вспыхнулъ тотъ. — Однако не въ томъ вопросъ...

— Въ чемъ же именно?

— Ахъ, Сергѣй Павловичъ!.. Вы человѣкъ не злой, я васъ знаю. Нельзя же такъ игнорировать чужіе интересы, это ожесточеніе какое-то...

Арсковъ встряхнулся.

— Мы рѣшительно не понимаемъ другъ друга, Петръ Николаевичъ; надо объясниться...

— Извольте! Я принялъ на себя дѣло Ксеніи Николаевны... Оно было чисто какъ стекло. Вы сами меня просили...

— Я отрекомендовалъ васъ, какъ честнаго и знающаго адвоката, и только,—холодно процѣдилъ Арсковъ.

— Весьма польщенъ лестнымъ мнѣніемъ!—въ свою очередь не безъ язвительности подхватилъ Кидошенцовъ.—Споръ, конечно, не въ словахъ! Во всякомъ случаѣ, было ясно, ради чего затѣвается разводъ. Не я одинъ, весь городъ зналъ, предполагалъ по крайней мѣрѣ...

— Что я женюсь на госпожѣ Варягиной, какъ только вы ее разведете?—Арсковъ состроилъ непріятную, насмѣшливую гримасу.

— Если хотите знать правду,—да! Все позволяло это думать. Если не такъ, приходится заключить, что вы очень мало дорожили общественнымъ мнѣніемъ.

— Даже совсѣмъ не дорожилъ и не дорожу... Только, вотъ, весь городъ, а въ томъ числѣ и вы, повидимому, упустили изъ виду одно маленькое обстоятельство. Я женатъ и, кажется, никому никогда ни однимъ словомъ не заявлялъ о своемъ намѣреніи развестись... даже вамъ!

Кидошенцовъ широко открылъ глаза.

— Признаюсь, я и не зналъ этого. Я считалъ васъ холостымъ. Ксенія Николаевна мнѣ также ни словомъ не обмолвилась...

— Вотъ видите!

— Наступила минута неловкаго молчанія. Ее прервалъ Арсковъ. Онъ опять заговорилъ желчно и насмѣшливо.

— Любопытно знать, Петръ Николаевичъ, какъ это у васъ дѣло о разводѣ сочеталось съ заботами о новомъ брачномъ союзѣ?.. Вѣдь это ужъ, пожалуй, дѣло и не адвокатское!

Кидошенцовъ поблѣднѣлъ. У него дрогнулъ даже подбородокъ. Видно было, что ему стоило неимовѣрныхъ усилій сдержать себя.

Арсковъ спохватился и поспѣшно протянулъ ему руку.

— Простите, Петръ Николаевичъ, вы знаете, какъ я расположенъ къ вамъ. Я право не хотѣлъ васъ обидѣть! Въ послѣднее время я ужасно нервничаю, раздражаюсь. Простите!..

Кидошенцовъ какъ-то нерѣшительно и задумчиво поглядѣлъ на Арскова.

— Богъ съ вами!—началъ онъ грустнымъ и какъ бы упавшимъ тономъ.—На дружбу вашу я, конечно, не напрашиваюсь, но я считалъ своей обязанностью, съ разрѣшенія Ксеніи Николаевны, поставить васъ au courant всего дѣла. Это тѣмъ болѣе естественно, что вы въ немъ оффиціально, такъ сказать, уже фигурируете...

Арсковъ широко открылъ глаза.

— Да!—уже дѣловитымъ и нѣсколько жесткимъ тономъ продолжалъ Кидошенцовъ.—Извольте, я вамъ въ постепенномъ порядкѣ изложу все. Говоря нашимъ жаргономъ, всѣ обстоятельства дѣла...

Арсковъ сдвинулъ брови и приготовился слушать.

Кидошенцовъ, грузно налегши рукою на занумерованную папку съ бракоразводнымъ дѣломъ госпожи Варягиной и нервно барабаня пальцами по синей обложкѣ, не спѣша повелъ рѣчь.

— Какихъ-нибудь три мѣсяца назадъ, когда вы меня познакомили съ Ксеніей Николаевной, дѣло представлялось мнѣ налаженнымъ къ общему благополучію. Супругъ госпожи Варягиной занялъ позицію по истинѣ рыцарскую. Ради устройства судьбы Ксеніи Николаевны онъ безкорыстно шелъ на все: соглашался принять на себя вину и при помощи дружескихъ свидѣтелей обѣщалъ продѣлать всю ту гадость, которая при этомъ всегда требуется. Гнулъ онъ линію настоящаго джентльмена. Я неоднократно имѣлъ съ нимъ переговоры и, признаюсь, былъ отъ него въ восторгѣ... Великосвѣтскій мотъ, кутила праздный и недалекій, какой-то гигантъ-ребенокъ, все еще не думающій о завтрашнемъ днѣ... Но не безъ свѣтлыхъ порывовъ и не злой. Представьте себѣ, онъ о васъ, напримѣръ, къ великому моему удивленію, всегда говорилъ съ восторгомъ. Послушать его, такъ только вы одинъ и могли бы составить истинное счастіе Ксеніи Николаевны... Вообще въ его отношеніяхъ къ женѣ я никогда разобраться толкомъ не могъ. Не то онъ беззавѣтно ей преданъ и считаетъ себя недостойнымъ ея, не то по-просту тяготится ею, какъ школьникъ, и всѣми силами жаждетъ вырваться опять на холостецкую волю... Во всякомъ случаѣ, на разводъ онъ соглашался безусловно и даже самъ торопилъ меня.

— За чѣмъ же остановка?

— Въ томъ-то и бѣда, что все круто измѣнилось теперь! Началось это съ мѣсяцъ назадъ и вотъ дошло до геркулесовыхъ столповъ. Ксенія Николаевна въ совершенномъ отчаяніи. Вчужѣ жаль смотрѣть на нее... Какая его вдругъ муха укусила, постигнуть не могу!

— Онъ отказывается принять вину на себя?

— Еслибы это только! Тогда не состоялся бы разводъ и конецъ...

— Что же еще?

— А вотъ!—Кидошенцовъ развернулъ папку и сталъ перелистывать подшитые къ ней листы.—Формальное встрѣчное обви-

неніе противъ жены, изобличеніе ее въ невѣрности и требованіе развода на основаніи ея собственной вины... Видна рука опытнаго дѣльца: изложеніе обстоятельствъ, ссылка на доказательства, все какъ слѣдуетъ, все по формѣ, и рядомъ съ этимъ абсолютное отрицаніе своей собственной вины. Очевидно, передумалъ, запасся опытнымъ руководителемъ и рѣшился идти напроломъ.

Арсковъ молчалъ. То, что̀ онъ слышалъ, все еще почему-то казалось ему невѣроятнымъ и, во всякомъ случаѣ, мало похожимъ на правду.

Кидошенцовъ между тѣмъ съ увлеченіемъ продолжалъ.

— Представьте же себѣ теперь положеніе несчастной женщины! Формальная ссылка на васъ, какъ на ея любовника...

— На меня?!..—Арсковъ едва усидѣлъ, его такъ и качнуло.

— Да, на васъ! Чему же удивляться? Вы были къ ней всѣхъ ближе, чаще другихъ бывали... Да вотъ, я прочту вамъ выдержки изъ искового прошенія, уже поступившаго въ консисторію. Вы убѣдитесь, что дѣло серьезнѣе, нежели можно было ожидать.

Кидошенцовъ, грузно повернувшись въ креслѣ, чтобы быть спиною къ свѣту, поднесъ къ глазамъ заложенную страницу дѣла и сталъ сперва бормотать, потомъ прочелъ громко:

— „....означенный Арсковъ, посѣщая ее ежедневно въ мое отсутствіе, проводилъ съ нею многіе часы... Съ особенною безцеремонностью устроивался онъ въ тѣ дни, когда я отсутствовалъ изъ Петербурга, нерѣдко въ теченіе осени и зимы отлучаясь по нѣскольку дней къ ряду на охоту. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ я убѣдился въ томъ изъ разспросовъ прислуги, онъ являлся обыкновенно не ранѣе девяти часовъ вечера и оставался съ женою моею наединѣ до трехъ, четырехъ и даже до пяти часовъ утра“...

Арсковъ пожалъ плечами.

— Мало ли что̀ бывалъ!.. Надѣюсь, этого недостаточно?

— Одного этого, конечно, недостаточно... Требуется удостовѣреніе не менѣе двухъ свидѣтелей о самомъ „фактѣ“. И на этотъ счетъ въ прошеніи уже имѣется глухое указаніе: на двухъ случайныхъ якобы свидѣтелей... изъ той же прислуги.

— Но позвольте, однако, „факта“-то не было!

— О, это ровно ничего не значитъ!.. То-есть, я хочу сказать, что *тамъ* не остановятся передъ этимъ. Разводъ безъ лжесвидѣтелей—большая рѣдкость...

— Сдѣлайте такъ, чтобы имъ не повѣрили. Ваше дѣло—ихъ разоблачить!

— А если, къ сожалѣнію, все слишкомъ похоже на правду, какъ не повѣрить? Все, взятое вмѣстѣ: ваше открытое ухаживанье, безпрестанныя посѣщенія и потомъ главное—письмо, письмо!..

— Какое письмо?—встрепенулся Арсковъ.

— Ваше отъ ...ноября прошлаго года.

— Но какимъ образомъ оно попало? Я даже содержанія не помню...

— По поводу письма вотъ что̀ въ исковомъ прошеніи значится...

Кидошенцовъ опять грузно качнулся на своемъ подвижномъ креслѣ и, не торопясь, прочелъ:

„Наконецъ, черезъ состоявшую у жены моей въ услуженіи дочь запаснаго унтеръ-офицера, дѣвицу Марію Авдоеву, мнѣ удалось захватить одно изъ писемъ помянутаго Сергѣя Арскова изъ числа адресованныхъ моей женѣ. Содержаніе сего, обращеннаго къ замужней женщинѣ, любовнаго посланія, въ связи съ фамильярнымъ тономъ онаго и многими ласкательными словами, а мѣстами даже и прямымъ обращеніемъ на „ты", уже не можетъ оставлять ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительномъ существованіи между ними преступной связи... Поименованное выше письмо въ подлинникѣ и съ надлежащею копіею при семъ прилагается".

Арсковъ почувствовалъ, какъ крупныя капли пота выступили у него на лбу.

— Вотъ копія письма! Если хотите воскресить въ памяти... —предложилъ Кидошенцовъ.

Арсковъ принялъ отъ него исписанный круглымъ писарскимъ почеркомъ листъ бумаги и, почувствовавъ какое-то изнеможеніе, не нагибая головы и даже не приближая къ себѣ бумаги, издали сталъ пробѣгать строку за строкой.

Неужели же то, что̀ заключено въ этихъ противныхъ, плоскихъ буквахъ съ сомнительною писарскою орѳографіею и произвольными знаками препинанія, и есть то, что̀ онъ писалъ: его слогъ, его мысли, его душа?

Вѣрилось съ трудомъ.

Чѣмъ-то пошлымъ, едва-ли не карикатурнымъ вѣяло теперь отъ этого, нѣкогда такъ страстно пережитаго, выстраданнаго и облюбованнаго посланія.

Поймавъ отдѣльныя, еще памятныя ему фразы и выраженія, онъ живо припомнилъ и все настроеніе, всѣ романическія перипетіи, подъ живымъ наплывомъ которыхъ писалось письмо.

Высшая, кульминаціонная ступень развитія искусно и неустанно разжигаемой тонкимъ и лукавымъ кокетствомъ страсти

такъ и отпечатлѣлась здѣсь, въ этихъ нетерпѣливыхъ, жадныхъ, почти совершенно безумныхъ призывахъ и заклинаніяхъ. Тутъ были и произвольныя двустишія, и поэтическіе образы, и вольныя обращенія на ты „къ ней“—предмету своихъ тайныхъ восторговъ и неутолимыхъ мукъ.

На другой же день, какъ ушло письмо, онъ уже стыдился его, раскаивался въ своемъ малодушіи и слабости, но въ минуту самой его отсылки пережилъ столько блаженно-остраго и неотвратимаго. Словно была спущена тетива, слишкомъ туго и слишкомъ долго натянутая, и стрѣла полетѣла... Да, онъ припоминалъ!

Именно въ этотъ короткій періодъ, когда, казалось, оба сердца, наконецъ, потянулись одно къ одному, жадно и непобѣдимо, уставъ бороться и хитрить другъ съ другомъ, онъ пережилъ ярко и задушевно всю полноту страсти, озаренной очаровательными и несбывшимися снами горячо возбужденнаго воображенія.

Потомъ все прошло, т.-е. какъ-то спѣшно миновалось, и стало жутко. А вотъ теперь: только стыдно, нестерпимо стыдно и обидно за самого себя!

Онъ живо ощущалъ, какъ трудно подавить въ себѣ глухое и безсильное бѣшенство.

Чтобы казаться равнодушнымъ, онъ, однако, не торопясь складывалъ ненавистную ему бумагу и черезъ столъ протянулъ ее обратно Кидошенцову. Протекла минутная пауза, показавшаяся Арскову цѣлою вѣчностью.

Чтобы прервать ее, онъ заговорилъ:

— А вы не пробовали объясниться съ господиномъ Варягинымъ?

— Разумѣется, съ этого началъ. Ксенія Николаевна умоляетъ меня выпутать ее изъ бѣды...

— Ну, и что же?

— Весьма неутѣшительно! Субъектъ предсталъ передо мною, наконецъ, въ своемъ истинномъ свѣтѣ...

— По крайней мѣрѣ, чѣмъ же онъ объясняетъ такую внезапную перемѣну?

— Ну, это послѣднее дѣло! Впрочемъ, онъ мотивируетъ...

— И мотивы какіе?

Кидошенцовъ захохоталъ.

— Ну, ужъ не взыщите—низменные!

— Однако, что̀ же раньше заставляло его рыцарски ставить вопросъ?.. Признаюсь, негодяемъ я его никогда не считалъ.

— Да это не негодяйство, если хотите. Такъ—нравственная

дряблость, модная развинченность... Изворачивается онъ, впрочемъ, весьма искусно: васъ кругомъ винитъ!

— При чемъ же я?

— А видите ли, пока онъ разумѣлъ, что вы изволите ухаживать за его супругою съ намѣреніями „благородными", онъ готовъ былъ способствовать ея браку съ вами. Теперь же, когда, по его словамъ, ваши романическія похожденія только набросили весьма невыгодную тѣнь на нее и опозорили его супружескую честь и доброе имя, онъ намѣренъ повернуть круто и не согласенъ болѣе ни на какія уступки. Мести онъ жаждетъ или чего другого,—право, хорошенько не разберешь!..

Кидошенцовъ перевелъ духъ, но, замѣтивъ, что его слова погрузили Арскова въ серьезную, почти глубокую задумчивость, тутъ же продолжалъ.

— Я, впрочемъ, еще кое-что провѣдалъ. За громкими фразами скрывается и нѣчто болѣе прозаическое. Въ эту зиму онъ до тла проигрался въ яхтъ-клубѣ. Не сегодня-завтра все пойдетъ у него съ молотка и грозитъ форменная несостоятельность... Въ подобномъ случаѣ въ ихъ кругу выходъ одинъ: зà-ново жениться, сдѣлавъ выгодную партію. На этомъ рынкѣ имя высокородныхъ и старо-древнихъ Варягиныхъ еще котируется... Ну, для этого онъ долженъ быть, конечно, свободенъ отъ всякой вины.

Арсковъ, погруженный по прежнему въ раздумье, молчалъ. Тогда Кидошенцовъ подхватилъ еще оживленнѣе.

— Впрочемъ, не поручусь: не главное ли для него—заполучить сейчасъ же приличный кушъ для возстановленія своего кредита.. Какимъ путемъ,—не все ли равно! Онъ былъ бы, я думаю, весьма не прочь и отъ отступного. О цифрѣ пока не заикается, но по глазамъ видно, что рѣшилъ заломить баснословно! Черезъ меня Ксенія Николаевна предлагала ему всѣ свои брилліанты, все, чтò только у нея есть цѣннаго... Сама она рѣшила на остающіяся крохи пробраться за границу, чтобы, наконецъ, серьезно заняться своимъ голосомъ и затѣмъ уже жить сценою. Смѣется только! О такихъ пустякахъ, увѣряетъ, говорить не стоитъ, это ей, молъ, самой „на булавки" пригодится...

Арсковъ нервно провелъ руками по волосамъ, потянулся, какъ будто бы только-что очнулся отъ глубокаго сна, и, рѣшительно поднявшись съ своего мѣста, совершенно неожиданно для Кидошенцова протянулъ ему руку.

— Что жъ вы такъ-то, на полусловѣ?.. Мы ни до чего не договорились!—дружески удержалъ его руку Кидошенцовъ.

— У меня нѣтъ денегъ для куша господину Варягину... о

чемъ я, впрочемъ, весьма сожалѣю!—промолвилъ тихо Арсковъ, какъ бы не шутя извиняясь и придавая значеніе каждому своему слову.

Кидошенцовъ поспѣшно выпустилъ его руку и стремительно попятился отъ него.

— Сергѣй Павловичъ, что вы, что вы? да вы совершенно не поняли меня! Ксенія Николаевна мнѣ не позволила и заикаться объ этомъ. Я такъ, увлекся, разсказалъ вамъ для иллюстраціи нравовъ... А вы?!..

Арсковъ молчалъ.

— Какъ же быть однако?.. Вѣдь положеніе ея въ самомъ дѣлѣ отчаянное,—заговорилъ опять Кидошенцовъ.—Чтò же вы съ своей-то стороны намѣрены дѣлать?..

— Я... я уѣзжаю.

— Знаю. Однако вы нужны, какъ свидѣтель. Правда, васъ могутъ допросить на мѣстѣ, хоть это уже и не то... Оставьте, по крайней мѣрѣ, вашъ адресъ...

— Пусть допросятъ. Я покажу правду: „факта“ не было!

При послѣднихъ словахъ лицо Арскова какъ-то болѣзненно искривилось нервною и желчною улыбкой.

— Что жъ вы прикажете по крайней мѣрѣ передать Ксеніи Николаевнѣ?—уже съ нѣкоторою настойчивостью въ тонѣ спросилъ Кидошенцовъ.

Арсковъ, не торопясь, поднялъ на него глаза и съ несвойственною ему медлительностью промолвилъ:

— Я, видите ли, уѣзжаю... совсѣмъ, т.-е. совершенно уѣзжаю. Такъ передавать ничего не надо.

Кидошенцовъ поглядѣлъ на Арскова съ такимъ недоумѣніемъ, какъ будто на его глазахъ человѣкъ только-что рехнулся.

Послѣдовало холодное пожатіе руки, послѣ чего адвокатъ, нетерпѣливо пожавъ плечами, молча проводилъ гостя до дверей.

XIII.

Начинало уже смеркаться, когда Арсковъ вышелъ изъ подъѣзда Кидошенцова.

Дары ранней петербургской весны—хлопья мокраго снѣга и порывистый вѣтеръ—такъ и хлеснули ему въ лицо. Онъ едва успѣлъ запахнуться въ шинель. Перезябшая на мокромъ и холодномъ вѣтру, лошадь не хотѣла стоять и только увеличивала его досаду.

— Домой, живѣй!—быстро приказалъ онъ кучеру, котораго успѣло всего облѣпить плоскими хлопьями медленно таявшаго снѣга.

Газовые языки, зажженные въ уличныхъ фонаряхъ, мигали и безпокойно метались изъ стороны въ сторону. Куда ни сворачивала пролетка, вѣтеръ все рвалъ на встрѣчу, и холенный жеребецъ, нервно втягивая ноздрями холодный воздухъ и похрапывая на ходу, ретиво и безпокойно разсѣкалъ его. Арсковъ выставлялъ лицо и искалъ прохлады. Ему казалось, что у него жаръ, и это облегчало его.

Онъ досадовалъ, что засидѣлся у адвоката. Жена и Лида теперь привыкли обѣдать съ нимъ и навѣрное поджидали его. И это было ему непріятно. Еслибы онъ былъ одинокъ и свободенъ, онъ не спѣша вернулся бы теперь въ холостую квартиру, гдѣ никто не посмѣлъ бы ни развлечь, ни обезпокоить его.

„Какъ можно терять свою свободу и замкнутость? Общность интересовъ даже въ очень дружной семьѣ все-же иго, легко выносимое только вьючными!.. Человѣкъ по природѣ золъ и одинокъ. Только чувство страха согнало его въ стада и вселило въ него идею общежитія... Страхъ сильнѣе ненависти, оттого люди и живутъ вмѣстѣ... Немногіе смѣлые это отчетливо сознаютъ!..“

Пріятная и легкая качка на каучуковыхъ шинахъ всегда навѣвала на Арскова мечтательное и философское настроеніе. За неимѣніемъ досуга мечтать и философствовать въ иное время, которое все у него было распредѣлено и занято заранѣе, онъ обыкновенно охотно предавался этимъ невиннымъ занятіямъ именно въ то время, пока рысакъ неслышно мчалъ его по торцовымъ мостовымъ.

Это обратилось у него, такимъ образомъ, въ привычку.

Сегодня онъ былъ убійственно настроенъ; оттого и всѣ его размышленія были окрашены мрачнымъ оттѣнкомъ.

„Если допустить,—продолжалъ онъ развивать свою идею,—(а почему бы этого и не допустить?), что цѣлесообразное, поступательное превращеніе (а въ этомъ вѣдь весь естественный законъ природы!) должно наступить и для насъ, то не наступаетъ ли оно именно въ блаженномъ ощущеніи своего самосознанія тотчасъ же, какъ только мы отрѣшаемся отъ ощущенія себѣ подобныхъ... Безконечность и—я! Вотъ два великіе полюса міроздания. Человѣческая душа уравновѣшивается только безконечностью. Это и есть смерть! То-есть, *смерть*-душа, уравновѣшенная безконечностью...“

Эти мысли ползли въ голову Арскова; онъ даже забавлялся

тѣмъ, что укладывалъ ихъ въ короткія и звучныя фразы, но въ глубинѣ души онъ имъ не вѣрилъ. Его тѣшила только мысль, что еслибы развить основную идею и начать серьезно ее проповѣдовать, нашлись бы, пожалуй, сторонники, послѣдователи, а онъ отлично сознавалъ, что это лишь эгоистическая накипь на его душѣ, отъ которой онъ можетъ и долженъ отдѣлаться.

Остановившись у своего подъѣзда, онъ замѣтилъ, что съѣздъ кончился, и публика, съ утра толпившаяся въ его квартирѣ, по крайней мѣрѣ на сегодня разсѣялась.

Онъ долженъ былъ пройти чрезъ всю квартиру парадныиъ ходомъ.

Разрозненная мебель, нагроможденные другъ на друга предметы, рояль—словно гигантъ-покойникъ,—какъ пеленою, укрытый бѣлымъ холстомъ, и запоздалые носильщики, грузно ступающіе по паркету подъ тяжелою ношею, непріятно поразили его.

Онъ, было, и позабылъ, что у него нѣтъ болѣе своего угла и что, вернувшись въ квартиру, онъ въ сущности уже не вернется „домой“.

Въ одной изъ проходныхъ комнатъ, голой и неуютной, былъ накрытъ обѣденный столъ. Съ общимъ опустѣніемъ и заброшенностью не гармонировалъ пока еще только одинъ Семенъ. Онъ рѣшилъ до конца соблюсти этикетъ и не разставался съ своимъ щегольскимъ фракомъ и бѣлыми нитяными перчатками.

Когда приспѣло время, т.-е. когда дымящаяся миска появилась на столѣ среди яркаго освѣщенія отъ двухъ массивныхъ канделябръ, онъ, какъ всегда торжественно, едва-ли даже не торжественнѣе обыкновеннаго, провозгласилъ: „кушать подано!“

Къ столу пришли Лида съ матерью. Сѣлъ и Арсковъ.

Никто не дотронулся, однако, ни до одного блюда, хотя Семенъ аккуратно смѣнялъ и обносилъ ихъ. Арсковъ былъ сытъ еще позднимъ завтракомъ, а жена и Лида, обѣ заплаканныя и удрученныя, не могли проглотить куска. Онѣ были разстроены сегодняшнимъ прощальнымъ свиданіемъ.

Въ продолженіе всего обѣда царило глубокое и напряженное молчаніе, и только Семенъ, подавленный общимъ уныніемъ, тревожно поскрипывалъ носками своихъ щегольскихъ „ботинокъ“ и неловко смѣнялъ тарелки.

Арсковъ не менѣе жены и дочери былъ погруженъ въ задумчивость.

Къ концу обѣда онъ очнулся: тѣмъ было отчего поплакать, что же грустилъ онъ?..

Когда встали изъ-за стола, Вѣра Димитріевна внимательно

взглянула на мужа. Ей хотѣлось знать, можно ли его настроеніе принять за сочувствіе ихъ общей печали. Но лицо Арскова, нѣсколько осунувшееся и блѣдное, говорило скорѣе объ утомленіи и затаенномъ раздраженіи, нежели о настоящей грусти.

— Ты былъ правъ,—заговорила она, какъ только Лида успѣла юркнуть къ себѣ въ комнату:—свиданіе въ этой обстановкѣ произвело на Лиду удручающее впечатлѣніе. Она такая нервная! Я не могу простить себѣ, что не послушала тебя...

Арсковъ пожалъ плечами, какъ бы говоря: „ну, теперь уже поздно каяться!" и потомъ громко, такъ, чтобы Лида могла слышать, промолвилъ:

— Только изъ-за чего убиваться? Слава Богу, не висѣлица, не каторга... Годъ-другой поживетъ и вернется. Не все ли равно, гдѣ жить?

Въ сосѣдней комнатѣ послышались всхлипыванія, сдержанныя и заглушенныя. Это плакала Лида. Перенявъ въ деревнѣ отъ деревенскихъ бабъ жалостную манеру „убиваться", она сидѣла на низкомъ табуретѣ, подобравъ подъ себя ноги, укутавъ фартукомъ голову и покачиваясь въ тактъ изъ стороны въ сторону.

— Я пойду къ ней, постараюсь развлечь,—заговорила Вѣра Димитріевна, торопливо направляясь въ дѣтскую.—Ты собирался разобрать бумаги... Въ маленькой угловой приготовлено все, что нужно. Тамъ цѣлые тюки. Когда я освобожусь, я помогу тебѣ... хочешь?..

XIV.

Арсковъ прошелъ въ угловую рядомъ съ прихожею комнату, служившею ему канцеляріею.

Онъ былъ радъ, что остался одинъ, и притворилъ за собою дверь.

На полу, по угламъ, на подоконникѣ и на большомъ накрытомъ простою клеенкой столѣ—вездѣ были навалены грудами связки бумагъ, плановъ и чертежей. По его распоряженію, все это было собрано изъ прежнихъ хранилищъ и снесено въ одну кучу. Онъ не ожидалъ, что этого добра наберется такая масса. Пока все лежало спокойно на своихъ мѣстахъ по ящикамъ, полкамъ и отдѣленіямъ, оно не кидалось такъ въ глаза.

Рѣшивъ почти внезапно свой отъѣздъ изъ Петербурга и тотчасъ же задумавъ его осуществить, онъ безъ всякой подготовительной постепенности долженъ былъ пресѣчь свою дѣятельность.

Прежде чѣмъ рѣшиться сжечь окончательно свои корабли, ему предстояло, по крайней мѣрѣ, счесть ихъ...

Разобраться во всѣхъ этихъ бумажныхъ ворохахъ стоило немалаго труда, а между тѣмъ разобраться было необходимо. Предстояло самолично создать и нàскоро начертать цѣлый планъ отступленія, ранѣе чѣмъ сзывать армію секретарей, писцовъ и разсыльныхъ для немедленнаго приведенія его въ исполненіе.

При сегодняшнемъ своемъ нервномъ и безпокойномъ настроеніи онъ былъ отчасти радъ этой, на половину механической, работѣ.

Въ особыхъ, двоякаго цвѣта, папкахъ были заключены административныя и техническія дѣла того желѣзно-дорожнаго общества, которое ему было особенно обязано своимъ благосостояніемъ и на службѣ у котораго, въ качествѣ главнаго инженера-строителя, онъ числился послѣднія десять лѣтъ. Этихъ дѣлъ было много, но съ ними предстояло наименѣе хлопотъ. Несмотря на протесты, просьбы и увѣщанія, онъ уже заявилъ категорически о своемъ отказѣ, и теперь оставалось только выполнить нѣкоторыя обязательныя формальности. На утро долженъ былъ явиться завѣдующій канцеляріею правленія, чтобы составить опись дѣламъ и получить ихъ подъ росписку.

Этимъ далеко, однако, не исчерпывались всѣ отношенія, созданныя его профессіональною дѣловитостью. Не только съ Петербургомъ, но и съ провинціей у него была масса дѣловыхъ связей и денежныхъ счетовъ. Это началось тотчасъ послѣ первыхъ его блестящихъ успѣховъ на поприщѣ желѣзно-дорожнаго строительства. Успѣхи эти оказались блестящими, не только въ отношеніи смѣлой новизны техническихъ комбинацій и пріемовъ, вполнѣ удавшихся ему при постройкѣ перваго же труднаго висячаго, ажурно-кружевного желѣзно-дорожнаго моста, но и со стороны быстроты выполненія работъ и не совсѣмъ обычной въ подобныхъ дѣлахъ сравнительной дешевизны и педантической ясности денежныхъ отчетовъ. О размѣрѣ успѣха можно было судить уже по тому, что дѣльцы всевозможныхъ типовъ и оттѣнковъ единодушно ахнули и пришли въ совершенный восторгъ. Имя Арскова прошумѣло въ газетахъ, при чемъ разные репортеры стали тотчасъ же шататься къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ, взамѣнъ которыхъ выпрашивались мѣста для родственниковъ, кратковременныя ссуды и прочія благовидныя подачки.

Вслѣдъ за этимъ слава его была упрочена, и онъ оказался заваленнымъ самыми блестящими и выгодными предложеніями.

Съ той поры онъ уже попалъ въ обычную колею виднаго

общественнаго дѣятеля, съ именемъ котораго приходилось считаться не только друзьямъ, но и недругамъ. Съ нимъ искали сближенія, въ немъ заискивали, его всѣ знали...

Прибыльное вознагражденіе и удачно польщенное самолюбіе неустанно подстегивали его, возбуждая энергію до колоссальнаго напряженія, и онъ, вѣчно подзадариваемый похвалами, заискиваніями и ухаживаніями, щедро дѣлилъ себя между напряженнымъ трудомъ и разнообразными, теперь широко доступными ему, утѣхами, не желая знать усталости, принимая за нормальный тотъ лихорадочный режимъ, тотъ вѣчный угаръ, среди котораго мелькали его дни.

По временамъ онъ чувствовалъ себя настоящимъ тріумфаторомъ: все улыбалось ему, успѣхъ пьянилъ его... Были, правда, всегда кое-какія домашнія осложненія, которыя досадно становились поперекъ дороги, но онъ какъ-то умудрялся перешагнуть и черезъ нихъ съ замѣчательнымъ легкомысліемъ, если даже не съ полнымъ безсердечіемъ.

Заглянуть въ себя поглубже, вдуматься въ истинныя задачи существованія, хотя бы на одну минуту критически отнестись къ самому себѣ—на это всегда какъ-то не хватало времени. Да, правду сказать, не было для этого и настоящей охоты.

Нравственныя, свѣтлыя задачи юности куда-то далеко, далеко уплыли на задній планъ. Недаромъ мечтатели и „лишніе" осмѣяны давно. Все призывало къ работѣ!.. А онъ ли не работалъ?! Впереди все шире и шире открывался ничѣмъ не стѣсняемый просторъ для спѣшной лихорадочной дѣятельности, перемежающейся жаднымъ и страстнымъ упоеніемъ каждой свободной, „шальной" минутой.

Шальныя минуты чередовались, вдохновляли и окрыляли всѣми изысканными утѣхами обольщенія моды и роскоши...

Это ему казалось и справедливымъ, и естественнымъ. Тому, кто обязанъ выматывать изъ себя столько односторонняго умственнаго напряженія, столько дѣловитой энергіи и устойчивости, тому нужно много и жадно поглощать... Это находили всѣ естественнымъ, всѣ поощряли подобный взглядъ на задачи жизни—всѣ, вплоть до неудачниковъ и завистниковъ, которые злобнымъ шипѣніемъ своимъ еще только увеличивали цѣну низменныхъ утѣхъ. Для „великихъ" трудовъ нуженъ былъ „великій" подъемъ духа.

И вотъ теперь образцы этихъ „великихъ" трудовъ въ запыленныхъ папкахъ лежали передъ нимъ.

Какою горькою ироніею, какимъ разочарованіемъ вѣяло отъ недавняго прошлаго!

Гдѣ же были глаза, гдѣ разумъ, гдѣ простой здравый смыслъ, гдѣ, наконецъ, совѣсть? Совѣсть, да,—совѣсть!..

Кому и чему отданы на служеніе „чистѣйшій сокъ мозга", напряженнѣйшія „усилія молодости"?

Горячо возбужденное и ближними, и дальними воспоминаніями, сознаніе какъ-то пугливо оглядывалось теперь назадъ, не находило нигдѣ опоры, преломлялось и опускалось въ безсиліи, какъ опускается крыло подстрѣленной птицы.

Онъ перелистывалъ одно „дѣло" за другимъ, перебиралъ бумаги, взглядывалъ на чертежи и рисунки и поочередно отбрасывалъ ихъ отъ себя.

Едва-ли не со всѣхъ концовъ Россіи спѣшили подъ его авторитетное „благословеніе" жаждавшіе быстрой и легкой наживы. Одинъ хотѣлъ исходатайствованія гарантій и концессій; другой предлагалъ организацію новаго акціонернаго общества; третій хлопоталъ о подрядѣ по неизсякающей никогда канализаціи казенныхъ водныхъ системъ; четвертый просилъ одухотворить чертежъ громаднаго техническаго сооруженія и требовалъ его имени на проектѣ; пятый—только смиренно поручалъ себя его молитвамъ, приступая къ новому, неслыханно рискованному желѣзнодорожному предпріятію... Вездѣ на первомъ планѣ были громкія фразы объ общественномъ интересѣ, народныхъ нуждахъ и государственныхъ пользахъ, но знатоку и спеціалисту тотчасъ же открывалась оборотная сторона медали. Спѣшный посулъ громадныхъ подачекъ, стоявшихъ въ процентномъ отношеніи къ ожидаемой чистой и вѣрной прибыли, указывалъ уже ясно на истинную и конечную задачу предпріятія. И всюду ссылка на его удачливое, прославленное, авторитетное имя, долженствующее вдохновить, окрылить и упрочить успѣхъ новаго крупнаго обогащенія.

Въ Россіи суевѣрны.

Не одни лишь картежники спѣшатъ заручиться обрывкомъ веревки повѣшеннаго... Къ имени сколько-нибудь авторитетному, связанному съ представленіемъ о нѣкоторой силѣ и независимости, тотчасъ же спѣшитъ прильнуть все трусливое, себялюбивое и алчное.

Арскову разсѣянно пришло вдругъ на мысль, что объ этомъ гдѣ-то и у Гоголя будто бы уже сказано... Однако оказалось, что изъ Гоголя онъ неожиданно вспомнилъ вотъ что: на Руси „нельзя поставить памятника или даже простого забора безъ того, чтобы около не навалили тотчасъ же всякой дряни".

Онъ сознавалъ, что и вокругъ него за послѣднія десять лѣтъ

его видныхъ удачъ навалено нестерпимое количество дряни... Съ виднымъ монументомъ или съ простымъ заборомъ желалъ при этомъ сравнить себя Арсковъ—не беремся рѣшить, несмотря даже на его сегодняшній унылый и растерянный видъ.

Еще благо, что за недосугомъ для строгой и зрѣлой обдуманности въ выборѣ сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ предложеній спасалъ подъ-часъ инстинктъ. Но въ общемъ—къ чему въ сущности сводилась вся многочтимая профессіональная или—какъ принято у насъ теперь выражаться—„полезная общественная дѣятельность" господина Арскова?

На этотъ счетъ онъ болѣе не обманывалъ себя.

Сказочное, неслыханное обогащеніе трехъ-четырехъ концессіонеровъ изъ православныхъ и иновѣрныхъ, удесятеренный дивидендъ алчныхъ и праздныхъ акціонеровъ, колоссальныя состоянія, нажитыя разными поставщиками, подрядчиками и заправилами... Вотъ въ сущности чьи интересы онъ защищалъ, вотъ на кого работалъ, вотъ кому служилъ! Даже его прославленная экономія и хваленая ясность отчетовъ, стяжавшая ему столько лавровъ—лишній рубль, отнятый отъ бѣдняка, затѣявшаго нажить его на толстосумѣ.

Взамѣнъ этого широкая филантропія, спѣшное разсовываніе денежныхъ подачекъ направо и налѣво, о чемъ краснорѣчиво говорили теперь ему груды просительныхъ и благодарственныхъ посланій, попадавшихся въ числѣ другихъ бумагъ, еще пуще обостряли его раздраженіе.

Сдѣлано ли хоть одно доброе дѣло по искреннему побужденію сердца, узнанъ ли хоть одинъ бѣднякъ, сталъ ли черезъ него кто-нибудь счастливѣе? Щедрыя подачки высылались черезъ прислугу и писцовъ въ отвѣтъ на настоятельныя и краснорѣчивыя домогательства, быть можетъ, самыхъ лживыхъ и наглыхъ аферистовъ... И этимъ покупалось дорогое право таить на сердцѣ умиленное сознаніе выполненной заповѣди: „любить ближняго какъ самого себя!"

Арсковъ чувствовалъ, какъ мучительно, какъ безпокойно-мучительно колотится сердце въ его опустошенной, несогрѣтой ни однимъ добрымъ воспоминаніемъ груди...

Все, все, изъ чего слагалось его честное и прославленное имя, безпощадно трещало и лопалось теперь на его глазахъ.

Онъ отбрасывалъ одну пачку за другой, безпощадно рвалъ и уничтожалъ все лишнее, попадавшееся ему на глаза. Если бы онъ могъ сжечь все и разомъ, его бы позабавило это печальное ауто-да-фе.

Когда онъ сталъ перелистывать огромные картоны съ тщательно вырисованными чертежами и рисунками, его кольнула новая, только-что сознанная имъ, мелкая, но жгучая обида.

Ему попались на глаза фасады, разрѣзы и цѣликомъ выполненные проекты прелестныхъ, затѣйливыхъ зданій. Онъ невольно залюбовался ими. Это были плоды его мечтательныхъ эстетическихъ досуговъ. Цѣлые архитектурные абрисы, въ которыхъ гармонически сплетались новизна и смѣлость техническихъ пріемовъ съ необыкновеннымъ изяществомъ формы и легкою оригинальностью стиля. Были вычерчены и даже распланированы вполнѣ до мельчайшихъ деталей какіе-то фантастичные не то палаццо, не то дворцы, въ которыхъ щедрость причудливой роскоши ярко оттѣняла всю цѣлесообразную простоту внутренняго удобства и комфорта. Это были скорѣе капризные и яркіе наброски свободно разъигравшейся фантазіи, нежели выполненные архитектурные планы и шаблоны, предназначенные для практическихъ строительныхъ цѣлей.

— Лѣтъ черезъ двѣсти,—мечталось иногда Арскову, когда онъ бывалъ въ духѣ,—человѣчество интеллигентное, любящее и радостное, съ тонко развитымъ эстетическимъ чутьемъ, будетъ строить себѣ подобные пріюты для альтруистическихъ побѣдныхъ восторговъ и ликованій.

Онъ тогда неукоснительно и твердо вѣрилъ еще въ поступательную силу прогресса.

Теперь ему почти до слезъ было обидно вспомнить, какое употребленіе получили эти его мечтательныя архитектурныя затѣи.

Сначала товарищи провѣдали о его необыкновенныхъ архитектурныхъ талантахъ и выпросили нѣсколько рисунковъ. Потомъ рисунки стали ходить по рукамъ, ихъ хвалили; знатоки и цѣнители ими залюбовались.

Этого было довольно, чтобы новоявленные меценаты и разбогатѣвшіе на концессіяхъ милліонеры жадно набросились на нихъ.

Кончилось тѣмъ, что Арсковъ долженъ былъ „любезно уступить“ свои проекты: одинъ—для возведенія затѣйливаго палаццо въ Москвѣ—Соломону Абрамовичу; другой—Акиму Федулычу въ Ялтѣ; третій—Герману Германовичу на Лиговкѣ... И всего обиднѣе было то, что аляповатая фантазія разноплеменныхъ крезовъ и ихъ покладистыхъ архитекторовъ внесла не мало вычурныхъ и безвкусныхъ поправокъ и дополненій въ простой и легкій стиль, оригинально и смѣло задуманный.

Когда Арскову случилось увидѣть въ натурѣ эти огромной стоимости возведенныя зданія—плоды его художественныхъ потугъ—онъ, во-первыхъ, не узналъ ихъ и, во-вторыхъ, въ одно и то же время почувствовалъ себя и тяжко оскорбленнымъ, и грубо одураченнымъ.

Собравъ теперь всѣ чертежи и детально раскрашенные рисунки, онъ съ настоящимъ злорадствомъ сталъ разрывать ихъ на мелкіе клочки. Черезъ минуту вся комната уже казалась застланною причудливымъ, пестрымъ ковромъ.

XV.

Оставалось еще множество неразобранныхъ дѣловыхъ папокъ и бумагъ, когда Арсковъ вдругъ рѣшительно отодвинулъ ихъ отъ себя. Его осѣнила счастливая мысль. Къ чему вся эта глупая и безплодная возня, когда онъ, все равно, безповоротно рветъ свои дѣловыя связи и отношенія! Не проще ли всѣ эти кипы передать кому-нибудь... Хотя бы Арденскому! Онъ будетъ польщенъ и счастливъ. Тщательно прочтетъ каждый листокъ, всѣмъ отвѣтитъ, въ награду найдетъ, быть можетъ, подходящее для себя предложеніе; во всякомъ случаѣ, завяжетъ полезныя дѣловыя знакомства. Арсковъ даже вздохнулъ съ облегченіемъ. Рѣшено: онъ такъ и сдѣлаетъ. И какъ такія счастливыя мысли не приходятъ сразу въ голову!

Оставалась еще одна забота. Но это уже пустое и не займетъ много времени. Надо было выбрать всю частную корреспонденцію, все интимное, всѣ письма, свои собственные черняки и наброски.

Онъ принялся перетряхивать разные бювары, картоны и портфели. Оттуда, какъ изъ рога изобилія, посыпались самые разнообразные листы, листки и листочки. При иныхъ сохранились и конверты, въ которыхъ они были адресованы, но было множество и такихъ, которые не носили на себѣ даже слѣдовъ времени своего происхожденія.

Арсковъ не отличался аккуратностью; его спасала только огромная память. И теперь онъ не смущался, зная напередъ, что съумѣетъ разобраться въ кажущемся хаосѣ этой частной корреспонденціи. Притомъ же, въ цѣлой кипѣ было въ сущности очень мало цѣннаго, способнаго и теперь заинтересовать его. И это несмотря на то, что здѣсь скопилась переписка за цѣлый десятокъ лѣтъ!

Какая пустота и безсодержательность отношеній, какъ условно, какъ оскорбительно для его собственнаго самолюбія онъ связанъ былъ до сихъ поръ съ людьми!..

Изъ всей долголѣтней переписки самыми невинными ему казались теперь выцвѣвшія разноцвѣтныя записки анонимныхъ искательницъ приключеній, безпрестанно назначавшихъ ему свиданія, то здѣсь, то тамъ. Во всемъ остальномъ такъ и сквозило или дурное, завистливое чувство, или худо скрытое намѣреніе эксплуатировать его.

По письмамъ у него оказывались и тайные враги, и столь же тайные друзья. Одни обличали и грозили; другіе ободряли и предостерегали. Отыскивались и какіе-то родственники, о которыхъ онъ раньше никогда не слыхалъ.

Какая-то восторженная провинціальная кузина открывалась ему прямо въ любви, и тутъ же просила тысячу рублей взаймы. Поручикъ съ Амура—однофамилецъ —доказывалъ общность ихъ генеалогическаго древа и разсчитывалъ поэтому на содѣйствіе по производству его въ слѣдующій чинъ. Какая-то докучная старушонка съ мѣста его родины даже произвела его въ новый, небывалый еще чинъ, и иначе не писала ему, какъ адресуя письма: „Въ С.-Петербургъ. Его великолѣпной особѣ, и проч.".

— „Великолѣпная особа!"—невольно желчно и раздраженно передразнилъ Арсковъ назойливую старушонку и продолжалъ быстро и нервно отбрасывать отъ себя неинтересующія его посланія.

Онъ порѣшилъ отобрать и привести прежде всего въ порядокъ разрозненныя письма жены. Благодаря частымъ и продолжительнымъ разлукамъ, ихъ накопилось много.

Онъ даже внутренно пенялъ на себя: какъ ему не пришло въ голову сдѣлать это ранѣе? Они оказались разсованными куда попало, въ перемежку съ разнымъ ненужнымъ хламомъ. Какъ допустить такое небрежное, почти нечистоплотное отношеніе къ письмамъ этой,—какъ онъ мысленно любилъ называть ее,— „святой женщинѣ"?!

Только самыя раннія ея письма, когда она была еще невѣстою, оказались подобранными и даже перевязанными голубою, теперь уже выцвѣвшею ленточкою. И то это была ея собственная работа. Она перечитывала ихъ въ первые годы замужства и сохранила въ такомъ видѣ, какъ священныя реликвіи.

Арсковъ бережно, едва-ли не съ тайною робостью переложилъ ихъ въ отдѣльный портфель, не рѣшаясь ни перечесть, ни даже развязать ихъ. Онъ какъ бы опасался, что на него пахнётъ

слишкомъ чистымъ и слишкомъ свѣжимъ вѣяніемъ радужныхъ надеждъ... увы! несбывшихся.

Она была тогда такъ молода и такъ вѣрила ему...

Потомъ шли уже другія письма, полныя тайной тревоги,—борьбы, подъ-часъ даже ожесточенія и отчаянія. Какъ онъ, самъ того не желая, мучилъ, терзалъ эту женщину! Порывы надеждъ для нея безпрестанно смѣнялись разочарованіемъ, беззавѣтная преданность—порывами тяжелой и ревнивой злобы... Онъ безпощадно разметалъ ея лучшія силы, съ легкомысленнымъ равнодушіемъ убилъ лучшіе годы.

И, наконецъ, когда, обезсиленная, утомленная, она сдѣлала послѣднее усиліе надъ собою, чтобы вырваться навсегда изъ этихъ безплодныхъ тенетъ унизительной и рабской страсти, тутъ-то она, какъ разъ, и понадобилась ему... Онъ захватилъ ее опять врасплохъ, поманилъ снова тѣмъ звукомъ голоса, которымъ только онъ умѣлъ звать ее, и вотъ опять—они вмѣстѣ.

Пальцы его слегка дрожали, когда онъ перебиралъ листки, кругомъ исписанные ея ровнымъ, длиннымъ почеркомъ. Онъ иногда ловилъ отдѣльныя фразы и выраженія, но у него не хватало духа дочесть ни одного письма до конца. Онъ торопливо и нервно собиралъ ихъ пачками и перекладывалъ въ портфель.

Отъ этихъ несчастныхъ писемъ вѣяло такимъ долгимъ и такимъ мужественнымъ страданіемъ.

— Ужасъ... настоящій ужасъ!—невольно тревожно мелькало въ сознаніи Арскова, и чувство не то тяжкой обиды, не то раскаянія, нещадно щемило ему сердце.

Когда всѣ письма до одного были собраны и тщательно уложены въ портфель, онъ, словно обезсиленный какою-то физическою истомою, остался неподвижнымъ на своемъ мѣстѣ.

Нервно ухватившись за край стола вытянутыми впередъ руками, а самъ весь откинувшись назадъ, онъ вперилъ пристальный взоръ въ темное окно, позади котораго безпокойно металась, вздрагивала и поминутно издавала жалобные стоны въ конецъ разбушевавшаяся, облачная и дождливая мартовская ночь. Ему не хотѣлось, казалось, оторваться отъ монотоннаго и унылаго вида этихъ проворныхъ дождевыхъ капель, которыя беззвучно сбѣгали холодными и тонкими струйками по запотѣвшимъ оконнымъ стекламъ... Сердце его ныло, и онъ съ безпокойствомъ чувствовалъ, что ни одной такой влажной капли онъ не могъ бы выжать теперь на свои сухіе и воспаленные глаза.

Такъ промелькнуло нѣсколько мгновеній, быть можетъ—минутъ.

Привычное къ дисциплинированной работѣ сознаніе вернулось къ нему. Онъ грузно и шумно отодвинулся отъ стола.

— Кажется, все!.. Что еще нужно? — тревожно замелькало въ его головѣ, и, какъ бы желая сдѣлать самому себѣ послѣднюю строгую ревизію, онъ быстрымъ и рѣшительнымъ взглядомъ окинулъ снова всѣ, лежавшіе передъ нимъ бумаги, свертки и хранилища.

На одной изъ нижнихъ полокъ дальней угловой этажерки онъ, наконецъ, замѣтилъ небольшую шкатулку изящной и легкой японской работы, съ причудливыми инкрустаціями. Какъ она уцѣлѣла и не попала въ общій списокъ продаваемыхъ вещей? Все мало-мальски цѣнное должно было быть пущено съ аукціона.

Съ неожиданною краскою въ лицѣ онъ вдругъ припомнилъ, что еще за нѣсколько дней до аукціона онъ, какъ-то воровски таясь отъ всѣхъ, самъ вынесъ ее изъ своего кабинета и оставилъ здѣсь въ укромномъ углу, въ надеждѣ какъ-нибудь на досугѣ, когда останется совсѣмъ одинъ, опростать ее.

Потянувшись теперь за нею, онъ почувствовалъ себя смущеннымъ школьникомъ. Онъ даже прислушался: не стоитъ ли кто-нибудь по ту сторону двери?

Тишина была мертвая.

Онъ осторожно перенесъ таинственную шкатулку на столъ.

Въ ней — такъ повелось съ самаго начала его послѣдняго романическаго увлеченія — хранились фотографіи и письма госпожи Варягиной.

Онъ ощутилъ что-то необычное при одномъ прикосновеніи къ этой легкой, лакированной вещицѣ. Какъ человѣкъ, охотно предающійся аналитическому самоуглубленію, онъ тутъ же порѣшилъ, что это не болѣе какъ „рефлекторные отголоски былыхъ ощущеній“... Пусть такъ! Это помѣшало ему, однако, внутренно досадовать на себя.

Шкатулка оказалась запертою и ключикъ отъ нея, всегда бывшій при немъ, и теперь висѣлъ на его часовой цѣпи.

Лишь только онъ приподнялъ крышку, на него пахнуло тончайшимъ запахомъ изысканныхъ, наполовину вывѣтрившихся духовъ. Это были духи, которыми душилась Варягина, и которые поэтому ему когда-то нравились. Теперь ихъ ароматъ былъ еще нѣжнѣе, тоньше и неуловимѣе.

На днѣ выстеганной чернымъ атласомъ шкатулки, словно въ душистомъ уютномъ гнѣздѣ, въ бережномъ порядкѣ хранились всѣ реликвіи его недавняго увлеченія. Тутъ были письма, нѣсколько фотографій, засохшій ландышъ и перчатка.

Онъ досталъ прежде всего фотографіи.

Разнообразные позы, тоны и размѣры портретовъ дѣлали то, что черты одного и того же лица и его выраженія неуловимо видоизмѣнялись и какъ-то странно другъ другу противорѣчили. Даже фигура на иныхъ портретахъ, гдѣ молодая женщина была снята въ бальномъ платьѣ и во весь ростъ, казалась величественною и эффектною, между тѣмъ какъ на обыкновенныхъ, поясныхъ портретахъ та же фигура смотрѣла нѣсколько сухощавою. Этотъ эффектъ достигался необыкновенно граціознымъ и пропорціональнымъ сложеніемъ молодой женщины.

На одной изъ самыхъ удачныхъ фотографій, — ее долго не выпускалъ изъ рукъ Арсковъ,—гдѣ Варягина сидѣла съ опущенными глазами и слегка наклоненною надъ книгой головой, она была особенно хороша. Здѣсь удивительно рельефно оттѣнялся прелестный по тонкости очертаній овалъ ея лица и чудные, скрученные въ тяжелую и высоко-приподнятую косу, волосы. Длинные и тонкіе пальцы ея изящныхъ рукъ также останавливали на себѣ вниманіе.

Хуже всего были глаза. По крайней мѣрѣ на портретахъ опи не красили лица.

Ихъ главный грѣхъ былъ тотъ, что они придавали лицу какое-то дѣланное и напряженное выраженіе.

Сами по себѣ нѣсколько широко разставленные и не особенно большіе, они то излишне кокетливо открывались, то, наоборотъ, слишкомъ холодно и надменно сближали рѣсницы. Тотчасъ было замѣтно, что оригиналъ старался придать имъ болѣе красы и выразительности, нежели они въ дѣйствительности имѣли.

Теперь эти глаза злорадно и какъ-то особенно пріятно поразили Арскова. Казалось, онъ былъ радъ этому, на первый же взглядъ замѣтному, недостатку въ лицѣ молодой женщины.

— Кого-то они теперь стараются привлечь своимъ мечтательно-притворнымъ выраженіемъ?!..

За то улыбка на тѣхъ немногихъ портретахъ, гдѣ она появлялась, была совсѣмъ особенная, странная и очаровательная. Слегка приподнятая верхняя губа, открывая рядъ бѣлыхъ и ровныхъ жемчужинъ, казалось, весело трунила надъ цѣлымъ міромъ. Въ ней было что-то вызывающее и властное. На тѣхъ портретахъ, гдѣ лицо молодой женщины было освѣщено выраженіемъ этой самонадѣянной и тонкой ироніи, выигрывали и глаза. Они не смѣялись, но зато смотрѣли весело и просто.

Арсковъ нѣсколько разъ перетасовалъ всѣ фотографіи и на-

конецъ отодвинулъ ихъ отъ себя съ такимъ видомъ, какъ будто ихъ и не стоило такъ долго разсматривать.

Писемъ онъ не сталъ перечитывать. Вынималъ онъ ихъ поочередно изъ конвертовъ какъ бы только для того, чтобы убѣдиться, что конверты не пусты.

Это были плотные цѣльные почтовые листы бумаги съ фигурными иниціалами въ заголовкѣ. На нихъ написано было очень немного. Всего лишь по нѣскольку строкъ четкаго, бисернаго почерка на каждомъ, и неизмѣнно полная подпись: *„Варягина“* — въ концѣ.

Эти коротенькія записки могли казаться загадочными и оставляющими кое-что угадывать, развѣ только благодаря своей полной, едва-ли не намѣренной безсодержательности.

Незначительность этихъ посланій и прежде всегда досадно раздражала Арскова. Теперь, перебирая ихъ, онъ нетерпѣливо хмурилъ брови.

Письма были отложены вмѣстѣ съ портретами. Онъ порѣшилъ, что завтра же отошлетъ ихъ по назначенію. Недаромъ еще сегодня ему Арденскій напомнилъ о нихъ.

Высохшій цвѣтокъ, взятый какъ-то изъ ея букета, разсыпался въ мельчайшій порошокъ, едва только онъ прикоснулся къ нему. Онъ энергично сдунулъ его, какъ докучную пыль.

Оставалась еще перчатка, свѣжая и сохранившая свой пріятный запахъ.

Она осиротѣло лежала на самомъ днѣ шкатулки...

Эта мягкая, гладкая, тончайшей шведской кожи, съ узкою ладонью перчатка всегда была особенно мила Арскову, т.-е. не теперь, а ранѣе, когда онъ этому еще не придавалъ значенія.

Ему были отчетливо памятны обстоятельства, при которыхъ она осталась въ его рукахъ; и когда, бывало, прежде онъ дотрогивался до нея, ощущеніе какого-то яркаго и жгучаго блаженства всегда заставляло воскресать его надежды, а сердце — усиленно биться.

Теперь онъ держалъ эту перчатку, крѣпко стиснувъ въ своей рукѣ. Что-то злобное и глубоко-затаенное было на его душѣ.

Или онъ не на шутку ненавидѣлъ эту женщину ревнивою и мучительною злобою?.. Но за что?

Не самъ ли онъ рѣшилъ свою судьбу? Не сдѣлалъ ли какъ хотѣлъ: порвалъ рѣшительно, лишь только увидѣлъ своимъ, не совсѣмъ еще ослѣпленнымъ, сознаніемъ, что разрывъ неизбѣженъ.

Арденскій можетъ трунить сколько ему угодно, но онъ-то, онъ

знаетъ хорошо, какъ далеко она зашла сама, какъ близка была возможность ихъ полнаго и неразрывнаго счастья... Онъ самъ не захотѣлъ, не могъ хотѣть этого!

За что же ее ненавидѣть?

Ко всему, она теперь страдаетъ, страдаетъ навѣрное уже отъ одного оскорбленнаго самолюбія и такъ грубо несбывшихся тонкихъ и лукавыхъ ея разсчетовъ... Ей навѣрное больно. Обидно и больно!

Нѣтъ, ненавидѣть ее нельзя...

Арсковъ чувствовалъ себя совершенно утомленнымъ. Яркій свѣтъ лампы рѣзалъ ему глаза. Онъ перебрался на диванъ, остававшійся въ тѣни, благодаря глухому абажуру, и медленно опустился на мягкія пружины. Ему хотѣлось вытянуться, прислонить къ чему-нибудь свое туловище. Онъ былъ измученъ, разстроенъ, обезсиленъ.

Закинувъ руки, онъ повалился на нихъ ничкомъ.

Пахучая, мягкая перчатка, которую онъ какъ-то невзначай захватилъ съ собой, вдругъ плотно и нѣжно прильнула къ его горячей щекѣ. Словно желая заглушить въ себѣ какую-то нестерпимую внутреннюю боль, онъ машинально поднесъ ее и крѣпко прижалъ къ своему пылавшему лицу. Голова его горѣла и что-то тяжелое, свинцовое подступало къ груди.

— „Когда же это кончится, когда?!..“

Казалось, онъ оцѣпенѣлъ и замеръ.

Наконецъ онъ вздохнулъ протяжнымъ и глубокимъ вздохомъ, какъ бы почувствовавъ облегченіе. На его сухихъ и воспаленныхъ глазахъ выступили слезы...

XVI.

Арсковъ, особливо смолоду, считалъ себя натурою пылкою, увлекающеюся, легко ставящею на карту всегда за̀-ново манящаго увлеченія и самыя глубокія свои привязанности, и личное свое душевное спокойствіе.

Каждая сколько-нибудь интересная женщина, возбуждавшая въ немъ таинственныя и несбыточныя ожиданія, способна была увлечь его. Онъ все ждалъ: такъ полюбить, какъ полюбить еще никому не удавалось! Любовь въ сердцѣ должна была загорѣться какою-то самосжигающеюся жертвою. Когда разсѣется паръ и чадъ отъ такого экстреннаго жертвоприношенія, разверзнутся сами

небеса и райская гармонія чудесно сольется съ безпредѣльностью личнаго счастья...

Судьба, однако, весьма зло подшутила надъ нимъ.

Отъ его многочисленныхъ и легковѣсныхъ удачъ у женщинъ никакого райскаго блаженства не наступало, а единственную женщину, серьезно и глубоко его любившую, свою собственную жену, онъ самъ жегъ на медленномъ огнѣ капризныхъ прихотей своей „вольнолюбивой" и вмѣстѣ эгоистично-злорадной натуры.

Къ своимъ тридцати-пяти годамъ, онъ, человѣкъ многіе годы женатый, сталкивавшійся на своемъ вѣку съ самыми прихотливыми разновидностями женской натуры,—умудрился остаться совершенно одинокимъ и какъ-то странно неудовлетвореннымъ ни женской лаской, ни самою природою той любви, которую онъ испыталъ до сихъ поръ.

Съ женою, отношенія къ которой съ какимъ-то взаимнымъ упорствомъ безпрестанно за̀-ново склеивались на разные лады, его связывало какое-то глубокое и напряженное, но въ общемъ тревожное и нерадостное чувство. Любовницы онъ себѣ не завелъ и даже въ тайникѣ своихъ мечтательныхъ прихотей ни на комъ не остановился въ качествѣ избранницы своего сердца.

Къ этому-то періоду его жизни и относилось знакомство съ Варягиной. Передъ тѣмъ онъ довольно ладно зажилъ съ женой и даже давалъ себѣ торжественныя обѣщанія: какъ только возможно вознаградить ее и загладить свои былыя супружескія прегрѣшенія. Онъ тѣмъ болѣе былъ склоненъ сдѣлать это, что именно въ послѣднюю разлуку она сама вполнѣ неожиданно для него проявила столько самообладанія и спокойствія, что ему вдругъ стало жутко: не разлюбила ли его?

Даже что-то похожее на ревность и оскорбленное самолюбіе нежданно заговорило въ немъ. Онъ, какъ влюбленный, за̀-ново щегольнулъ всею своею страстностью и стремительною настойчивостью и вновь заставилъ ее безсильно сознаться въ вѣчной глубинѣ и неизмѣнности своего чувства. Они даже пережили за̀-ново что-то похожее на медовый мѣсяцъ.

Жизнь въ Петербургѣ все въ тѣхъ же условіяхъ дѣловитой и свѣтской сутолоки, которую вынужденъ былъ выносить Арсковъ, таила въ себѣ, однако, не мало помѣхи и такому, казалось бы, за̀-ново и прочно склеенному семейному благополучію.

Когда онъ бывалъ дома, онъ вѣчно былъ занятъ. Двери его дѣлового кабинета никогда не запирались для лицъ, искавшихъ съ нимъ свиданія. И работать, и развлекаться, въ концѣ концовъ, ему все-таки пришлось одному. Она ненавидѣла всю эту казовую,

блестящую, столичную жизнь, которою не пользовалась, и которая—по ея затаенному представленію—уже сама въ себѣ таила тѣ острые и колючіе шипы, о которые такъ безпощадно порвались ея былыя мечты о скромномъ, но чистомъ идеалѣ, хотя бы въ тѣсной и безпритязательной сферѣ семейнаго счастья.

Напрасно именно теперь Арсковъ съ особенною настойчивостью хотѣлъ втянуть ее въ знакомства, ввести въ обычный кругъ своихъ свѣтскихъ развлеченій. Она пугливо замыкалась въ себѣ, сторонясь съ брезгливою ненавистью отъ всего, что̀ и безъ того уже развратило, по ея сокровенному убѣжденію, впечатлительную душу того, кого она и теперь еще цѣнила выше всего на свѣтѣ.

Мужу она язвительно и подъ-часъ даже злорадно давала понять, что ей отнюдь не лестно втираться въ общество и быть на виду тамъ, гдѣ всѣ въ правѣ проявлять къ ней лишь затаенное снисходительное сожалѣніе, какъ къ „обманутой бѣдняжкѣ", которую онъ терпитъ при себѣ лишь „изъ приличія и сострадапія".

Подобныя „эгоистическія" и „злыя" умозаключенія необычайно раздражали Арскова. Они казались ему и оскорбительными, и въ высшей степени несправедливыми.

Вообще нѣкоторыя вновь объявившіяся выходки жены какъ-то несказанно поражали и изумляли его.

Особенно часто это повторялось на первыхъ порахъ ихъ послѣдняго, прочнаго примиренія.

Объявивъ не безъ торжественной настойчивости, что не потерпитъ отнынѣ никакихъ сдѣлокъ и компромиссовъ въ вопросѣ о супружеской вѣрности, она повидимому съ строгою послѣдовательностью рѣшилась и на дѣлѣ осуществить надуманные планы. При первомъ признакѣ какого-нибудь новаго „серьезнаго" увлеченія съ его стороны, она уже безповоротно рѣшалась оставить его навсегда.

Конечно, это могло бы подразумѣваться и само собою, но ея горделиво воскресшая энергія, очевидно, искала себѣ пищи.

Теперь она зорко — чего не дѣлала смолоду — слѣдила за каждымъ его шагомъ, безъ малѣйшей церемоніи вскрывала всѣ подозрительныя письма и нерѣдко безъ всякаго повода обрушивалась на него съ грубыми и откровенными вспышками ревности.

Какъ всѣ виноватые и сознавшіеся въ своей винѣ мужья, онъ только нетерпѣливо пожималъ плечами, но трусливо пассовалъ передъ зломъ, источникъ котораго таился въ немъ самомъ.

И въ самомъ дѣлѣ пора было стать... человѣчнымъ!

Воспоминанія о прошломъ, конечно, были для нея неизся-

каемымъ источникомъ страданій, и въ качествѣ правой, безвинно испившей всю чашу мученій, она—и онъ охотно допускалъ это—выходила теперь изъ рамокъ справедливости и въ свою очередь, хотя и на другой ладъ, становилась его мучительницей.

Такъ шли дни этого за̀-ново склееннаго супружескаго сожительства.

Среди взаимной подозрительности, лжи и озлобленій, вдругъ словно отблескъ багроваго заката, безцѣльно играющій на краяхъ тяжело нависшей тучи, выдавались вспышки какого-то нѣжнаго, восторженнаго и экзальтированнаго влюбленія... Приливъ молодой, чисто юношеской страсти какимъ-то мучительнымъ ядомъ вливался еще порою въ ихъ измученныя, опустошенныя души.

Какою жизнью, какими интересами въ своемъ замкнутомъ обиходѣ рядомъ съ нимъ, подъ одною кровлею, жила его жена,—это всегда какъ-то мало интересовало Арскова. Своего, всегда нужнаго и спѣшнаго дѣла у него было по-горло. Теперь онъ сталъ къ своему удовольствію замѣчать, что занятія съ Лидой, съ которою мать была неразлучна, да еще переписка и связи ея съ своей родной семьей, въ которой всѣ необыкновенно хорошо, цѣпко и дружно держались другъ за друга, вполнѣ удовлетворяли ее, наполняли ей дни.

Казалось, лучшаго нельзя было и желать.

Стихли мало-по-малу „мятежныя" страсти... Совѣсть стала успокаиваться... И вдругъ, совершенно неожиданно для него самого, наступила... сплошная и безнадежная скука.

Она, наоборотъ, успокоенная за̀-ново, какъ бы расцвѣла, даже помолодѣла. У нея завелись свои какія-то дѣла; она все что-то устроивала, кому-то помогала. Братъ ея, вновь испеченный студентъ, только-что пріѣхавшій изъ провинціи, къ которому, какъ и ко всей своей семьѣ, она относилась съ страстною преданностью,—сталъ для нея новымъ кумиромъ, новымъ источникомъ безпрерывныхъ заботъ и попеченій. Не только онъ самъ бывалъ у нея безпрестанно,—онъ приводилъ съ собой и товарищей. Она, чуждавшаяся свѣтскихъ развлеченій, охотно стала развлекаться теперь, но развлекаться по-своему, въ безпретенціозномъ кругу учащейся молодежи. Она бывала съ братомъ на всѣхъ студенческихъ вечеринкахъ, концертахъ и публичныхъ лекціяхъ.

Втроемъ, въ компаніи Лиды и брата, „на своей половинѣ", она, казалось, зажила новою жизнью безхитростныхъ, но молодыхъ и свѣтлыхъ впечатлѣній. Арсковъ только пожималъ плечами.

Когда ему случалось заходить „къ нимъ" и заставать тамъ нескладное сборище нѣсколькихъ простоватыхъ малыхъ изъ сту-

дентовъ, товарищей шурина, котораго онъ считалъ тоже далеко не изъ хитрыхъ—онъ только диву давался. Какъ могла она не тяготиться подобнымъ обществомъ? Отъ одного сквернаго табаку, которымъ они немилосердно накуривали въ гостиной, должна была разбаливаться голова... Но и у нея самой, и у Лиды были такія довольныя и оживленныя лица, какъ будто эта вялая и монотонная бесѣда, лишенная всякаго блеска и остроумія, доставляла имъ и нѣ-вѣсть какую отраду.

Когда ему случалось заговаривать объ этомъ съ женою, она съ какою-то затаенною и спокойною улыбкою живо отвѣчала ему:

— Ты этого не поймешь... Ты изъ другого тѣста! Да при тебѣ и они другіе. Ты ихъ стѣсняешь!.. Посмотри зато, какъ Лида полюбила ихъ всѣхъ... Ужъ, значитъ, хороши... Повѣрь мнѣ, дѣти лучше насъ угадываютъ...

Онъ снисходительно улыбался, давая понять, что въ выборѣ знакомствъ онъ ужъ, конечно, ничьей свободы стѣснять не намѣренъ, и ему оставалось въ свою очередь пользоваться, какъ должнымъ, предоставляемою и ему свободою.

И тѣмъ не менѣе онъ скучалъ. Скучалъ дома, скучалъ и на людяхъ... Какъ бы по инерціи онъ продолжалъ выѣзжать, бывалъ на всѣхъ модныхъ общественныхъ сборищахъ, не проводилъ ни одного вечера дома, бывалъ вездѣ замѣченъ, но возвращался рано, словно спѣшилъ отдѣлаться отъ скучной и тягостной обязанности.

Дома онъ заставалъ монастырскую тишину: Лида уже въ постели; мать, въ простой ночной кофтѣ, подлѣ съ книгой или шитьемъ въ рукахъ. Онъ обмѣнивался съ нею двумя-тремя незначительными фразами, цѣловалъ ее въ голову и отправлялся къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ оставался до глубокой ночи одинъ, часто безъ всякаго дѣла, погруженный въ какую-то упорную меланхолическую мечтательность.

Тягота жизни рѣшительно подкрадывалась къ нему.

Н. Карабчевскій.

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТѢ

I.

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ окончилъ курсъ наукъ въ Михайловской артиллерійской академіи и началъ учено-военную карьеру въ главномъ артиллерійскомъ управленіи. Вскорѣ онъ оставилъ эту службу и перешелъ профессоромъ химіи въ с.-петербургскій земледѣльческій институтъ, гдѣ прославился, какъ талантливый лекторъ и какъ одинъ изъ первыхъ устроителей у насъ лабораторій.

Въ началѣ 1871 года ему пришлось оставить профессуру и переселиться изъ Петербурга въ свое имѣніе Батищево, дорогобужскаго уѣзда, смоленской губерніи. И здѣсь Энгельгардтъ не только справился съ неожиданной перемѣной жизни, но и вскорѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своей выдающейся дѣятельностью. Прослѣдить эту жизнь профессора любопытно и поучительно. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ учениковъ, отъ 20-го февраля 1871 г., онъ пишетъ:

„Вотъ я, наконецъ, сдѣлался сельскимъ хозяиномъ. Уже три недѣли, что я живу въ Батищевѣ и занимаюсь хозяйствомъ. Дѣла теперь еще мало. Однако, все-таки, день проходитъ какъ-то незамѣтно: хлопочу около дому, дѣлаю условія съ крестьянами на лѣтнія работы, разспрашиваю о томъ, другомъ, пишу письма, а больше соображаю, какъ придется хозяйничать. Имѣніе у меня славное, есть гдѣ развернуться; а что касается мѣстоположенія,

то—чудо просто. У меня паркъ въ 200 десятинъ, разумѣется, паркъ безъ дорожекъ, но превосходные рощицы и лужки, все очень живописно. Впрочемъ, я уже разрѣшилъ сегодня рубку дровъ въ паркѣ. Одна рощица пойдетъ на дрова, а за эти дрова крестьяне мнѣ обязались сдѣлать кое-какія работы. Знаете ли, къ какому я пришелъ выводу. Безъ искусственныхъ удобреній у насъ ничего не подѣлаешь. Иначе мы не можемъ увеличить производительность нашихъ полей (я уже познакомился съ нѣсколькими хозяйствами, и вездѣ одно и тоже), а увеличивать ее намъ выгодно (рожь 7 р., овесъ 3 р., ленъ 11 р.). Урожай въ три зерна уже все окупаетъ. Представьте же себѣ какой доходъ получится при урожаѣ самъ-10. Хозяйничать, значитъ, можно, но, спрашивается,—какъ? Мыслимы только четыре способа для увеличенія количества удобреній. 1) Улучшить луга; но тутъ первая загвоздка. У меня, напр., луговъ много. Крестьяне косятъ ихъ съ-половины. Очень, казалось бы, просто: скосить лугъ весь въ свою пользу и заплатить за работу деньги, но крестьяне нуждаются въ сѣнѣ, они ни за какія деньги не пойдутъ косить ваши луга (я уже это попробовалъ), а съ-половины пойдутъ косить сколько угодно. Это совершенно понятно. Крестьянамъ нужно сѣно (на своихъ надѣлахъ они сѣютъ хлѣбъ, да и того не хватаетъ); если они будутъ косить вамъ за деньги луга, то откуда же имъ взять сѣна для себя? Сѣно—такой продуктъ, что его невозможно возить издалека. 2) Можно увеличить кормовыя средства, устроивъ какое-нибудь техническое производство. Но на это нуженъ большой капиталъ. Притомъ же самое важное изъ хозяйственныхъ производствъ—винокуреніе—такъ обставлено, что если не мошенничать, то будетъ въ убытокъ. 3) Травосѣяніе—но оно возможно только при батрачномъ хозяйствѣ, а постояннаго батрака у насъ нѣтъ. 4) Остаются только искусственныя удобренія. Это просто, не требуетъ измѣненій въ системѣ работъ, совершенно практично. Весь вопросъ въ томъ, какъ употреблять искусственныя удобренія. Съ хозяйственно-практичной стороны по этой части ничего не сдѣлано. Нужно произвести цѣлые ряды опытовъ для того, чтобы практически рѣшить множество вопросовъ. Ужасно мнѣ хочется взяться за это дѣло, но трудно—очень трудно. Я обладаю необходимыми знаніями, энергіей, настойчивостью, и черезъ годъ всю практику такъ произойду, что любо будетъ. Капитала только не хватаетъ. Опыты требуютъ расходовъ. Опыты нельзя дѣлать, разсчитывая на выгоду. Сегодня я написалъ письмо министру государственныхъ имуществъ, въ которомъ предлагаю ему поручить мнѣ производство опытовъ надъ употребленіемъ костей

и фосфоритовъ въ хозяйствѣ, но, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы мнѣ дана была субсидія отъ правительства. Вотъ еслибы дали мнѣ (хотя бы даже во вниманіе къ моимъ прежнимъ заслугамъ) тысячъ 10, тогда я все бы сдѣлалъ. А почему не дать? Давали же Гаврилову за разведеніе романовскихъ овецъ (3.000 р.), давали и другимъ. Казалось бы такъ *по теоріи*, что слѣдовало бы имъ дать мнѣ денегъ на опыты... Я не прошу, но предлагаю, потому что взамѣнъ денегъ даю свой трудъ. Вотъ тогда дѣло у меня пойдетъ на ладъ, и мои труды въ деревнѣ не пропадутъ безплодно для другихъ. А безъ того что? Мое имѣніе слишкомъ мало для того, чтобы прилагать къ нему трудъ человѣка, обладающаго такими знаніями, какъ я. Положимъ, что черезъ мое управленіе имѣніе дастъ мнѣ черезъ нѣсколько лѣтъ 1.000 р. дохода болѣе, чѣмъ теперь. Вотъ и вся плата за мой трудъ. Положимъ, дастъ 2.000, и трудъ мой будетъ оплаченъ, но кому же будетъ отъ этого польза? Между тѣмъ если я сдѣлаю рядъ опытовъ съ костями и фосфоритами — польза будетъ громадная всѣмъ. Если въ министерствѣ не удастся мнѣ, буду искать другихъ источниковъ. Если вамъ не скучно слушать о хозяйствѣ, будемъ переписываться,—я радъ изливаться".

Такимъ образомъ Энгельгардтъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ деревню умѣлъ представить себѣ полную картину своей будущей жизни на подзолѣ. Онъ тогда еще предвидѣлъ, со свойственной ему увѣренностью, широкое приложеніе минеральнаго удобренія на подзолистыхъ почвахъ, въ то время, какъ объ этомъ въ Россіи еще никто не думалъ. Въ то время онъ не встрѣтилъ поддержки своимъ опытамъ и съ грустью видѣлъ, что обстоятельства принуждаютъ его довольствоваться интересами мелкаго помѣщика. Онъ началъ искать сближенія съ окружающей его средой, узналъ людей, которые знаютъ дѣйствительность, увидѣлъ новые горизонты и утѣшился тѣмъ, что устроилъ у себя въ Батищевѣ сельско-хозяйственную станцію, куда русская молодежь съѣзжалась съ разныхъ концовъ Россіи учиться на практикѣ земледѣльческому труду.

Въ это время состоялось и наше знакомство.

Я пріѣхалъ въ первый разъ къ А. Н. Энгельгардту около 9 ч. утра—если память не измѣняетъ мнѣ—зимой 1878—79 гг. Онъ уже окончилъ пить чай, и на столѣ у него лежала развернутая записная книга. Онъ, очевидно, работалъ надъ ней, но встрѣтилъ меня, стоя по серединѣ своего кабинета. Мощная его фигура производила цѣльное впечатлѣніе: онъ былъ высокаго роста, широкоплечій и прекрасно сложенъ. Большая голова была

украшена длинными и посеребренными волосами, съ небольшой бородой, а глаза, съ сѣрымъ и стальнымъ блескомъ, имѣли неподвижный и слегка величавый взглядъ. Полушубокъ его лежалъ на креслѣ, а самъ онъ одѣтъ былъ въ простую фланелевую рубашку и широкія шаровары, засунутыя въ сапоги чернаго товара. Красный цвѣтъ рубашки въ деревнѣ, какъ онъ говорилъ, составляетъ пріятное разнообразіе въ сопоставленіи съ сѣрымъ небомъ, сѣрою погодою, сѣрыми постройками и сѣрыми пашнями. Слѣдуетъ прибавить, что просторный кабинетъ хозяина не былъ оклеенъ обоями и бревенчатыя его стѣны напоминали опрятную избу крестьянина. Онъ былъ эффектенъ въ своемъ народномъ костюмѣ. Я отрекомендовался.

— Очень радъ! Садитесь. Рѣдко уже кто ѣздитъ ко мнѣ. Больше лѣтомъ, а зимой рѣдко. Одинъ все. Хотите закусить? Нѣтъ? Ну, въ такомъ случаѣ Савельичъ поставитъ вамъ самоваръ.

Онъ пошелъ отдать приказаніе на кухню, а я сталъ осматривать его помѣщеніе. На большомъ письменномъ столѣ лежали книжки „Отечественныхъ Записокъ", спеціальныя книги, счеты и банки съ шариками изъ тѣста, по которымъ онъ считалъ дни, когда новорожденнымъ телочкамъ должно исполниться шесть недѣль. Несмотря на обиліе предметовъ, каждая вещь лежала на своемъ мѣстѣ. Широкія кресла и диванъ были обиты телячьей кожей, невольно обращая на себя вниманіе красотой и солидностью. Въ комнатѣ не было ни портретовъ, ни бюстовъ, ни картинъ. Нѣсколько сухихъ овощей и какія-то склянки съ химическими жидкостями стояли на окнахъ.

— Спартанская у васъ обстановка,—произнесъ я, когда А. Н. возвратился въ кабинетъ.

— Это вамъ такъ кажется послѣ Питера,—отвѣтилъ онъ.— Впрочемъ и мѣстные помѣщики удивлялись первое время моему образу жизни: думали — возьму экономку, куплю прежде всего лошадей, парадную сбрую, экипажъ, а вмѣсто этого я только увеличилъ количество скота, сталъ расчищать луга, сѣять ленъ. Въ деревнѣ,—пояснялъ онъ, — прежде всего надо жить проще, беречь деньги для разсчета съ рабочими и порѣже ѣздить въ городъ. Прежде всего сократить расходы на себя самого и ограничить себя въ своихъ потребностяхъ. А то мы живемъ въ деревнѣ по-городски, и наше разореніе начинается съ этого пункта. А между тѣмъ можно жить дешево, если дѣлать *русскій* обѣдъ. Посмотрите, какъ дешево живутъ даже въ Петербургѣ *русскіе*, т.-е. купцы, мѣщане, крестьяне, дворники. Щи и каша—вполнѣ удовлетворительная ѣда, пожирнѣе только нужно дѣлать. Щи—

такія, что не продуешь, на сонъ бросаетъ (свинины подбавлять). Впрочемъ интеллигентные люди не любятъ жирнаго варева и предпочитаютъ нѣмецкій столъ. Ну да нужда, дороговизна, научатъ ѣсть по-русски.

Вскорѣ Савельичъ принесъ намъ на столъ самоваръ и тарелку съ чернымъ хлѣбомъ.

— А маслица-то, Савельичъ... Маслица-то принеси! Надо ужъ и обѣдъ приготовить гостю. Себѣ я не заказываю, — пояснилъ онъ.—Я уже закусилъ... Теперь я одинъ... Дочь гоститъ въ Петербургѣ у матери, и одному ѣсть не хочется. А вдвоемъ я охотно пообѣдаю. Теперь у меня телячій сезонъ: всюду телятина. Вы любите? А бываютъ еще курячій и свинячій сезоны. И въ щахъ, и въ жаркихъ ѣдимъ свинину, а потомъ куръ. Въ деревнѣ все такъ. Это не у Эрбера въ Петербургѣ.

— А вы нѣтъ-нѣтъ, да и вспомните его въ своихъ „Письмахъ“.

— А-а... Многое вспомнишь здѣсь! Многое! Потерявши— плачемъ... Письмо пріятеля изъ Петербурга по десяти разъ перечитываешь; все-же лучше, чѣмъ сидѣть одиноко въ этомъ креслѣ съ сеттеромъ „Мильтономъ“ и кошками... Староста Иванъ, бывало, глядитъ, глядитъ на меня и не выдержитъ: начнетъ предлагать вновь чайку попить или къ господамъ съѣздить познакомиться,—барыни тоже есть. Съ тоски въ городъ ѣздилъ смотрѣть людей, которые носятъ сюртуки, пьютъ шампанское, а не водку, получаютъ жалованье и не платятъ податей,—бываютъ въ театрѣ, имѣютъ женъ, которыя носятъ красивыя ботинки, и отъ которыхъ не пахнетъ навозомъ, ни кислымъ молокомъ. Петербурга захотѣлось!

Въ голосѣ профессора звучала нѣжность при перечисленіи столь обыкновенныхъ, но для него запретныхъ предметовъ. Чувствовалось, какъ тяжело этому истому питерцу сосредоточиться исключительно на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ и навозѣ. Самоваръ у насъ давно кипѣлъ, чай перестоялся, а А. Н. говорилъ все о своей деревенской жизни, обращаясь иногда къ книжкамъ „Отечественныхъ Записокъ“.

— Самое большое мое несчастье въ томъ, что я общественный человѣкъ,—говорилъ онъ.—Ужъ, бывало, на какой дачѣ въ „Земледѣльческомъ Институтѣ“ увижу огонекъ—я тамъ. Цѣлую ночь съ молодежью — и отводишь душу, а утромъ въ лабораторіи, все съ ними же... Наукой мы занимались серьезно... По ночамъ даже занимались въ лабораторіи. Я не могъ быть ни одной минуты безъ аудиторіи... Я родился профессоромъ, и мнѣ нынь да подай каѳедру. Я и здѣсь читаю лекціи кухаркѣ Ав-

дотьѣ о томъ, какъ по химіи слѣдуетъ приготовлять сиропъ изъ ягодъ, предохранять консервы отъ гніенія и плесени, о вліяніи высокой температуры на зародыши и т. д.

А. Н. смѣялся и заражалъ меня своимъ весельемъ. А между тѣмъ здѣсь было много горя, если подумать о томъ, что научными бесѣдами со своей Авдотьей профессоръ думалъ замѣнить себѣ своихъ петербургскихъ слушателей.

— Среди моихъ учениковъ,—продолжалъ онъ,—были нынѣ извѣстные люди: А. Ермоловъ, В. Ковалевскій, П. Лачиновъ, П. Костычевъ, М. Кучеровъ, Н. Золомоновъ, Маркграфъ, Краузе и другіе. Мое мѣсто—тамъ, среди нихъ, а не здѣсь...

— Это цѣлая школа образованныхъ людей...

— Я всегда думалъ, что ни одно дѣло нельзя окончить личными силами. Я бы хотѣлъ и здѣсь изъ пріѣзжающихъ ко мнѣ „тонконогихъ" создать интеллигентную деревню и, умирая, передать имъ свое Батищево въ артельное хозяйствованіе. Главное, надо развить въ народѣ артельную организацію труда. Иначе— будетъ ли новое „Положеніе", по которому крестьянамъ прибавятъ земли и уменьшатъ платежи, — все равно преимуществами воспользуется одинъ Егоренокъ... Кулакъ такой у насъ есть! Это мы видимъ въ Америкѣ, гдѣ и земли было вволю, и заработки большіе, но не было артельнаго хозяйства—и образовался пролетаріатъ. Можетъ быть, мои „тонконогіе" и сдѣлаются артельными мужиками. Неужели же всѣ они попадутъ въ геніи, чиновники или болтуны?

— Это что же—новыя сословія?

— Да, пусть каждый спроситъ себя: если онъ не геній, не мужикъ и по натурѣ не чиновникъ, то кто же онъ такой? Признаете ли вы правильнымъ это дѣленіе?

— Похоже на правду...

— Я и самъ былъ бы болтуномъ, еслибъ не химія... За что-нибудь с.-петербургская академія наукъ присудила мнѣ ломоносовскую премію, а харьковскій университетъ—почетное званіе доктора химіи. Однако, хвастаться уже начинаю... Я послѣ покажу вамъ мои ученые дипломы и награды. Пусть каждый интеллигентъ опредѣлитъ себя по моимъ примѣтамъ. Сама жизнь сортируетъ людей въ такомъ порядкѣ, и скажу смѣло: геній или талантъ можетъ жить въ наше время болѣе или менѣе счастливо, мужикъ—тоже, и чиновникъ, карьерный человѣкъ—тоже... Но горе болтуну: онъ не мужикъ и не чиновникъ. Болтунъ въ наукѣ, болтунъ на государственной службѣ—самые несчастные люди и самые распространенные въ нашъ вѣкъ. Они могутъ спастись въ

томъ случаѣ, если обучатся мужицкому труду и образуютъ изъ себя интеллигентную деревню.

Напавъ на свою любимую тему, Энгельгардтъ долго распространялся о ней, нисколько не смущаясь тѣмъ, что видитъ меня въ первый разъ, что посвящаетъ меня въ подробности своей петербургской жизни предъ выѣздомъ въ деревню, вовсе неоффиціальныя, и что его деревенская жизнь съ „тонконогими" обращаетъ на себя вниманіе и безъ усиленныхъ комментаріевъ. Но для него не существовало этихъ житейскихъ соображеній, разъ онъ увлеченъ образомъ или идеей. Мое имя и имя всякаго другого не занимало его мысли ни одной минуты—оттого онъ былъ сразу съ вами на короткой ногѣ и въ то же время могъ спросить завтра: какъ васъ зовутъ... Онъ успѣлъ только сказать мнѣ, чтобы я пилъ чай, и опять продолжалъ говорить:

— Я цѣню интеллигентнаго человѣка постольку, насколько онъ мужикъ. Познанія его мнѣ не нужны; достаточно и того, что уже ранѣе сдѣлано интеллигенціей. Необходимо, чтобы онъ подѣлился съ народомъ своимъ умственнымъ богатствомъ, а для этого ему самому нужно выработать себя такъ, чтобы хозяинъ-мужикъ согласился нанять его въ батраки и далъ бы ту же цѣну, какую онъ даетъ батраку изъ мужиковъ. Несутъ же интеллигентные люди солдатскую службу наравнѣ съ мужикомъ. Не миловали же ихъ въ траншеяхъ подъ Плевной!

— Это вѣдь противъ васъ доводъ, А. Н. Васъ никакія соображенія не останавливаютъ, разъ вы надумали что-нибудь... Даже траншеи подъ Плевной ни по чемъ! Солдатъ надѣется послѣ войны обрѣсти миръ и покой, но если сліяніе съ народомъ—безконечныя траншеи подъ Плевной, то кто же согласится влачить такое существованіе?

— А? вонъ!.. вонъ вы что̀ говорите! Я круто поворачиваю. Думаете: кишка—тонка, не выдержитъ?

— Полагаю.

— А не полагаете того, что вашъ Лассаль и Марксъ также круты для русскихъ людей? Я не то, чтобы не понималъ ваши соображенія, а просто не хочу стѣсняться и дорожить ими. У кого кишка тонка для жизни съ простымъ народомъ, тотъ пусть идетъ въ чиновники или болтуны.

— Вы меня припираете къ стѣнѣ, А. Н. Между тѣмъ все, что̀ вы говорите, парадоксы...

— А сбейте меня съ этого парадокса... Для практическихъ цѣлей нужны и парадоксы. Вы хотите сказать, что у меня логика слаба?

— Напротивъ! Она у васъ неотразима. Съ логической стороны вамъ нечего возразить, но наши чувства возмущаются... У васъ одна логика, одна идея. Вы не берете въ разсчетъ ни привычки людей, ни житейскія условія... Въ этомъ секретъ обаянія всѣхъ прямолинейныхъ умовъ.

— Для моего дѣла не нужны гг. Виляевы...

— Но и въ земледѣльцы трудно идти...

— Піонерами всегда будутъ лучшіе люди, а люди съ тонкой кишкой сами не пойдутъ ко мнѣ... Наливайте себѣ чаю. Я не зову баловаться мужицкимъ трудомъ. Пріѣдетъ ко мнѣ тонконогій и сейчасъ поступаетъ въ распоряженіе старосты, простого мужика... А мой староста не отойдетъ отъ вашей кровати поутру, пока вы не встанете на работу. Ну, правда, животы болятъ у тонконогихъ первыя двѣ недѣли, а потомъ ничего, работаютъ по настоящему. Вотъ, кто остается у меня—все больше изъ провинціи. Питерскіе скоро бросаютъ меня и называютъ меня кулакомъ. Думали, что мнѣ нужны ихъ умные разговоры, а я плевать хочу на ихъ нѣмецкія мысли. У меня своихъ достаточно! Я уже составилъ себѣ планъ дѣйствій съ ними. Чѣмъ болѣе я обдумываю въ настоящее время вопросъ относительно тонконогихъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что самое лучшее будетъ въ будущемъ году поставить ихъ совершенно въ рядъ съ рабочими—ни избы особой, никакихъ поблажекъ въ работѣ и пр. Слѣдовало бы даже говорить, какъ рабочимъ, „ты"... Вотъ единственное, къ чему я не могу пріучить себя въ деревнѣ. И у меня есть привычки сильнѣе разума. Что же касается тѣхъ, которые не могутъ питаться въ застольной, не могутъ работать наравнѣ съ другими, которые хотятъ исподоволь пріучаться къ работѣ и могутъ прожить только вакаціонное время — я совершенно понимаю, что и для такихъ нужно мѣсто, что и это дѣло полезное,—то для такихъ самое лучшее *жить въ деревнѣ на своемъ иждивеніи* и ходить на работу поденно. Тогда питайся хоть рябчиками и устрицами, балуй сколько хочешь, работай или не работай. Это будетъ совершенно возможно въ будущемъ году, такъ какъ всѣ уже привыкли къ тому, что въ Батищевѣ бываютъ тонконогіе. Да и притомъ въ деревнѣ каждый за себя отвѣтчикъ. Я такъ въ будущемъ году и сдѣлаю. Работникъ такъ работникъ, а неудобно тебѣ это—поселяйся въ деревнѣ. А тамъ работай хоть у меня съ поденщины, хоть у мужика, но къ себѣ въ Батищево я буду принимать только работниками. По моему, только одно это и имѣетъ смыслъ, и въ сущности меня только тѣ и интересуютъ, которые будутъ работать и жить какъ мужики. Баловство же работой для меня

просто невыносимо, и я никакой особенной пользы изъ того не вижу, что человѣкъ въ каникулярное время побалуется работой. Конечно, оно все-таки имѣетъ значеніе, что человѣкъ узнаетъ хозяйственныя работы, ознакомится нѣсколько съ бытомъ земледѣльца, укрѣпитъ здоровье, но пусть для этого лучше ищутъ другого мѣста внѣ Батищева. Я того мнѣнія, что для прогресса, для нашего развитія, для того, чтобы Россія возвысилась на ту степень, на которой она должна стоять, нужно, чтобы во всѣхъ сферахъ дѣятельности интеллектуальное развитіе соединялось въ однихъ и тѣхъ же лицахъ съ способностью работать. У насъ именно нѣтъ этого соединенія: съ одной стороны—люди, умѣющіе работать, но интеллектуально неразвитые; съ другой стороны—люди развитые, научно образованные, но не умѣющіе работать. Это все равно — если вы представите себѣ химика, который теоретически постигъ науку, химически развитъ, все понимаетъ, и потому ему приходятъ мысли для новыхъ открытій,—но этотъ химикъ не прошелъ лабораторную школу, не умѣетъ работать, не можетъ сдѣлать анализа. Что же будетъ? Я видѣлъ такихъ химиковъ, да и самъ на себѣ испыталъ тоже, потому что какъ дилеттантъ занимался химіею, не пройдя лабораторную школу. Вотъ почему, когда я былъ профессоромъ химіи, я обращалъ все вниманіе на лабораторію и требовалъ отъ каждаго желающаго изучить химію, чтобы онъ прошелъ школу качественнаго и количественнаго анализа и поработалъ по органической химіи. Думаю, что изъ этого была польза и люди выходили не только вооруженные знаніемъ, но и способные приложить оныя. Думаю, что тоже требуется и во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Думаю, что намъ нужны интеллигентные земледѣльцы больше всего, — умственно развитые, научно образованные,—земледѣльцы, умѣющіе работать. Думаю, что нужны такіе люди, какъ американскіе фермеры-земледѣльцы. Ни сельско-хозяйственныя академіи и школы, ни сельско-хозяйственныя общества, ни ученые агрономы-хозяева, не подымутъ такъ нашего земледѣлія, сельскаго хозяйства и пр., какъ интеллигентные люди, превратившіеся въ интеллигентныхъ мужиковъ. Тутъ не спеціальныя знанія важны—умѣющій работать, сѣвшій на землю интеллигентный человѣкъ тотчасъ пріобрѣтетъ эти знанія изъ книгъ,—а важно то, чтобы интеллигентный человѣкъ умѣлъ работать, какъ мужикъ. Мы всѣ знаемъ очень много, но что же въ этомъ толку, когда мы не можемъ, не умѣемъ прилагать этихъ знаній и всю жизнь остаемся какими-то недоносками? Чуть только нужно дѣлать—сейчасъ нѣмецъ требуется. Мнѣ часто думается, что профессоръ, который самъ

никогда не хозяйничалъ, который съ первыхъ дней своей научной карьеры засѣлъ за книги и много если видѣлъ, какъ другіе хозяйничаютъ на образцовыхъ фермахъ, который не жилъ хозяйственными интересами, *не волновался*, видя находящую въ разгаръ покоса тучу, *не страдалъ*, видя, какъ забило дождемъ его посѣвъ, который *не несъ* матеріальной и нравственной *отвѣтственности* за свои хозяйственныя распоряженія—мнѣ кажется, что такой профессоръ, хотя бы онъ прочелъ всѣ книги, написанныя Шварцами и Шмальцами, никогда не будетъ чувствовать живого интереса къ хозяйству, не будетъ имѣть хозяйственныхъ убѣжденій, смѣлости, увѣренности въ непреложности своихъ мнѣній, всего того, что̀ дается только „дѣломъ". Знать *ощущенія* хозяина, когда на ленъ напала земляная блоха, когда заходитъ градовая туча, въ уборку льетъ дождь и т. д.—гораздо полезнѣе, чѣмъ изучить агрономію по книгамъ. Вы скажете, что никто не пойдетъ ко мнѣ въ работники. И не нужно. Значитъ, еще не созрѣло. Когда я началъ заниматься химіей, бо̀льшая часть профессоровъ у насъ еще были нѣмцы, и *всѣ* лаборанты работающіе были нѣмцы. Профессора читали, студенты слушали, лаборанты работали, т.-е. готовили опыты, дѣлали казенные анализы. Когда я завелъ первую публичную лабораторію въ Петербургѣ, было очень мало охотниковъ поступать въ нее, въ особенности мало было желающихъ проходить трудную школу лабораторной практики въ анализѣ. Но потомъ устроились лабораторіи повсюду, и дѣло пошло. Теперь и профессора есть, и лаборанты русскіе, и работы дѣлаются. То же, полагаю, будетъ и относительно земледѣльческой практики, но тутъ дѣло еще важнѣе. Я думаю, что если бы ежегодно хотя 1.000 человѣкъ молодыхъ людей, получившихъ образованіе, вмѣсто того, чтобы идти въ чиновники, шли въ земледѣльцы, то дѣло было бы лучше. Да оно такъ и должно быть, *такъ и будетъ*, потому что уже теперь мѣстовъ не хватаетъ. Не Богъ знаетъ что̀ за важная должность урядника, а между тѣмъ и на эту должность идутъ дѣти помѣщиковъ, потомственные дворяне, получившіе значительное образованіе. Напримѣръ, мой племянникъ лѣтомъ поступилъ въ урядники. А это очень любопытно, если будутъ ко мнѣ поступать еще и барышни. Уже просилась одна изъ Ставрополя-Кавказскаго. Я написалъ условія, старался выяснить всю трудность положенія работницы. Писалъ, что и щи у насъ сѣрыя, невкусныя, и клецки ячныя въ видѣ ёжиковъ, и помѣщеніе скверное, и работать заставляютъ отъ зари до зари; что даже и при такой пищѣ тонконогіе, именно тѣ, которые не замѣняютъ работниковъ

и не могутъ настояще, какъ работники, всякую работу дѣлать, замѣняютъ только поденщицъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, *хозяйству въ убытокъ*. Поденщица стоитъ 20 к., въ страду—25—30 к. А рабочій день тонконогаго, при 3 р. жалованья, всегда стоитъ 30 к.; что питье чая, молока и т. п. считаю баловствомъ, и такое баловство мнѣ непріятно; что и самъ я живу болѣе чѣмъ скромно, не имѣю каждый день бѣлаго хлѣба, не имѣю говядины, ношу еще то платье, которое 10 лѣтъ тому назадъ, будучи профессоромъ, имѣлъ въ Петербургѣ. Да и при всемъ томъ, я и такъ не могъ бы жить, если бы не писалъ статей, которыми и окупаю свое содержаніе. Ничего—хочетъ пріѣхать!.. Желающихъ много, и мѣстовъ не хватаетъ для всѣхъ!

— Все-таки, А. Н., вы круто поворачиваете,—сказалъ я.—За вами трудно идти и прямо не по силамъ... Не лучше ли каждому изъ насъ быть „маленькимъ Энгельгардтомъ", мелкими хуторянами съ батраками и добрыми къ нимъ отношеніями?

— Что за вздоръ: „маленькій Энгельгардтъ"! Маленькій эксплуататоръ! Въ петербургскихъ журналахъ такъ прямо и называютъ меня „эксплуататоромъ"... А вѣдь это, согласитесь, не интересно. Надо было сказать, что при противоположности интересовъ мужицкаго и барскаго хозяйства, когда мужикъ молитъ Бога объ удешевленіи ржи, а я о дороговизнѣ, даже Энгельгардтъ долженъ вести кабальное хозяйство. Вотъ это интересно. Пока не образуется артельнаго хозяйства — даже я долженъ быть кулакомъ! Вотъ какъ надо было писать обо мнѣ, а то, вишь, батраки, да сторожъ Савельичъ, убирающій мою комнату, смущаютъ совѣсть петербургскаго публициста! А твой-то журналъ кто набираетъ, какъ не тѣ же батраки; а кто за тебя по ночамъ очищаетъ городъ, какъ не тотъ же Савельичъ? Только ты въ это время спишь и не видишь ихъ, а мы видимъ, и я первый говорю барину-помѣщику объ артельномъ хозяйствѣ съ этими Савельичами. Ничего не понимаетъ петербургскій человѣкъ въ моей дѣятельности! Итакъ: если я эксплуататоръ, то и вашъ „маленькій Энгельгардтъ" —тоже эксплуататоръ и кулакъ. Поэтому въ принципѣ я говорю: иди и паши землю. Если найдешь другого—соединись съ нимъ, потому что двое, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше, чѣмъ работая каждый въ одиночку; найдешь третьяго—еще того лучше... Но для практическихъ цѣлей я допускаю и одинокаго американскаго фермера съ батракомъ. Съ этой практической точки зрѣнія для меня безразлично, будутъ ли они потомъ селиться общинами или одиночками. Я считаю важнымъ только то, чтобы они потомъ были деревенскими жителями. Во имя этой-то идеи я и принимаю къ

себѣ въ работники тонконогихъ для того, чтобы дать имъ возможность сдѣлаться мужиками. Во имя этой-то идеи и я согласенъ переносить нѣкоторыя неудобства. Вы думаете, весело возиться изъ-за нихъ съ нашей полиціей?

— Съ вами трудно спорить, А. Н. Вы всегда будете наверху. Неужели вы вѣрите, что интеллигентъ вынесетъ мужицкую жизнь въ общинѣ или однодворцемъ?

— Вѣрю! Я вѣрю, что при существующемъ переполненіи департаментовъ и канцелярій предложеніемъ услугъ, интеллигентные люди должны искать себѣ новыхъ путей и обратиться къ общей съ народомъ жизни. Некрасовскіе мужики, ищущіе тѣхъ, кому живется хорошо на Руси, найдутъ такихъ счастливыхъ людей въ интеллигентной деревнѣ. У меня самого лѣтомъ образовалась такая практическая земледѣльческая академія. Только я не могу дать этому дѣлу достаточно развитія: на зиму нужно бы имѣть лабораторію, библіотеку, читать лекціи, а средствъ нѣтъ; но главное потому, что не вѣрятъ, чтобы это было не спроста. А между тѣмъ дѣло это серьезное. Я увѣренъ, что петровскіе студенты, которые побыли у меня лѣтомъ и поработали, иначе и лекціи будутъ слушать.

Чѣмъ больше А. Н. говорилъ, тѣмъ болѣе я плѣнялся каждымъ его словомъ. Я тогда былъ еще очень молодъ и, разумѣется, готовъ былъ вѣрить, что одна тысяча молодыхъ людей изъ интеллигентнаго класса ежегодно пойдутъ хозяйничать совмѣстно съ мужиками; я не умѣлъ еще тогда поставить прямѣе и проще свои сомнѣнія насчетъ этой самой молодежи, вѣрилъ также въ ея силы и тотчасъ же призналъ А. Н. правымъ.

— Надо въ такомъ случаѣ выпить!—радостно произнесъ онъ:—за тонконогихъ пахарей! Ахъ, еслибы у насъ раздавали землю тѣмъ тонконогимъ, которые получаютъ отъ меня свидѣтельство въ томъ, что они учились работать въ Батищевѣ. Свидѣтельства эти не даютъ никакихъ правъ, но указываютъ, что владѣлецъ онаго годенъ къ труду. Вѣдь лучше давать землю моимъ ученикамъ, чѣмъ чиновникамъ въ награду. Мой проектъ находитъ сочувствіе въ Петербургѣ. Мои ученики, конечно, разнесутъ новые способы хозяйствованія, а чиновники никогда... Эхъ, скучно одному жить! Я вѣдь первое время совсѣмъ погибалъ въ здѣшней глуши: нѣтъ ни доктора вблизи, ни человѣка по мыслямъ. Позже я сошелся съ простымъ мужикомъ, попомъ, становымъ, волостнымъ писаремъ, я узналъ совершенно новыя явленія въ русской жизни. Раньше я думалъ, что нашъ народъ значительно ушелъ впередъ послѣ реформъ, что онъ можетъ сознательно выбрать себѣ въ

гласные лицо, забаллотированное дворянами, что, сознавая пользу просвѣщенія, онъ пошлетъ даже дѣтей въ наши классическія гимназіи и университеты, что онъ добровольно закрываетъ кабаки и открываетъ школы и т. д. Сколько я читалъ на эту тему книгъ, статей и корреспонденцій! Всему вѣрилъ, а теперь не вѣрю... Теперь вижу, что народъ не знаетъ и разницы-то между гласнымъ и присяжнымъ засѣдателемъ; что слова: педагогъ, университетъ, гимназія—ему совершенно незнакомы; что нѣтъ крестьянина, который бы не боялся идти въ больницу или свидѣтелемъ въ судъ и былъ бы увѣренъ, что предсѣдатель суда не можетъ его выпороть; что если начальство захочетъ, то крестьяне какой угодно составятъ приговоръ... это все равно: посредникъ или будетъ другое начальство. Прежде само начальство все заводило: и больницы, и школы, и суды; а теперь черезъ приговоры то же самое дѣлаетъ... Нѣтъ, народъ еще не начиналъ жить, и ввести его въ оглобли возможно вновь безъ всякаго труда и опасности. Я просто съума сходилъ, когда пришелъ къ такому заключенію. Особенно тяжелое впечатлѣніе производятъ на меня гласные крестьяне. Ничего другого они придумать не могутъ, какъ: „пороть нужно". Кругомъ идутъ поджоги, обманы и т. п. неурядица, или „слабость", какъ выражаются мужики. Это сознаютъ всѣ. Чуть что̀ не такъ (обнесли водкой на свадьбѣ)—сосѣдъ жгетъ сосѣда и выгораетъ деревня. Нынче „слабо" стало. Нынче „спички дешевы". Не правда ли, характерное выраженіе: „спички дешевы"? И вслѣдъ за тѣмъ—„строгость" нужна. И „строгость" видятъ только въ палкѣ, розгѣ. А я-то идеализировалъ ихъ! Воображалъ, что они сознаютъ собственныя силы, пока не услышалъ, что безъ розогъ имъ жить нельзя; что каждый изъ нихъ работаетъ, и потому эгоистъ и обидчикъ; одно начальство не работаетъ, и потому печалится о всѣхъ.

— Въ этомъ направленіи,—продолжалъ онъ:—я много думалъ, послѣ того, какъ сошелся со средой, окружающей меня.

— Какъ же можете вы любить народъ, если вы такъ думаете о немъ, А. Н.?

— Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ!—съ чувствомъ произнесъ Энгельгардтъ.—Ну, гадокъ мужикъ! Гадокъ, такъ что жъ изъ того? Вы, какъ петербургскій человѣкъ, сейчасъ и возноситесь передъ нимъ своей „выучкой" и культурой! Либо приглашаете его преклониться передъ нѣмцами и французами! А французъ-то тремъ уланамъ деревни сдавалъ, а у насъ въ Батищевѣ три улана шишъ возьмутъ!

Вспомнивъ, что „питерскіе“ люди хвастаются еще культурой передъ народомъ, онъ набросился по ихъ адресу:

— Одни изъ васъ рвутъ жирные оклады на службѣ—и все мало; другіе вывозятъ за границу и перекуриваютъ на вино лучшій хлѣбъ, въ то время, какъ мужикъ ѣстъ его съ мякиной, костыремъ и сипухой. Чтò ужъ тутъ хорошаго, и чѣмъ это лучше такого и разсякого мужика? А главное, черезъ народъ я узналъ силы нашей страны гораздо лучше, чѣмъ у васъ въ петербургскихъ ученыхъ обществахъ и редакціяхъ.

— Да какія же это силы, А. Н.?

— Страшныя силы! Узнать мужика, который можетъ питаться дубовой корой, вмѣсто хлѣба, и котораго можно заставить подписать любой приговоръ,—значитъ, узнать все... Учитесь у этого мужика не только физическому труду, но и разумѣнію нашей исторіи.

— Не понимаю...

— Не понимаете оттого, что вы—петербургскій человѣкъ. Привыкли читать книги, а не размышлять о жизни... Хотите посмотрѣть мой скотный дворъ?—перебилъ онъ себя.—Я еще не былъ тамъ сегодня.

Пока онъ одѣвался въ полушубокъ, я всматривался въ этого необыкновеннаго человѣка, очарованный вліяніемъ его необыкновеннаго обращенія, его привычками и неутомимостью умственнаго напряженія. Въ пяти-шести словахъ онъ передавалъ результаты своихъ многолѣтнихъ сельско-хозяйственныхъ опытовъ и кабинетныхъ трудовъ. Онъ касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и, господствуя надъ каждымъ изъ нихъ, невольно останавливалъ мое вниманіе надъ ними съ той именно стороны, къ которой я всего менѣе былъ подготовленъ. Въ то время, какъ у меня удивленіе смѣнялось усталостью, эксъ-профессоръ все болѣе и болѣе разгорался собственными мыслями и воспоминаніями. Я могъ сравнить его бесѣду съ обходомъ с.-петербургскаго Эрмитажа: рѣдкіе образцы искусства, смѣняясь одни за другими, затушевываютъ сами себя въ вашей памяти, если обойти заразъ всѣ галереи картинъ. Болѣе слабыя головы испытываютъ даже головную боль отъ обилія впечатлѣній. Но, послѣ отдыха, въ памяти выплываетъ каждая изъ этихъ картинъ, и вы вновь испытываете художественное удовлетвореніе. Вотъ почему я съ удовольствіемъ пошелъ на скотный дворъ за Энгельгардтомъ, чувствуя, что со времени пріѣзда я ни одной минуты не былъ предоставленъ самому себѣ.

Но и на скотномъ дворѣ А. Н. обращалъ мое вниманіе то

на опрятность свиней, никогда не пачкающихся въ собственномъ навозѣ, вопреки пословицѣ о томъ, что собственная грязь не воняетъ; то на блестящее содержаніе телятъ, сравнительно съ содержаніемъ дѣтей въ иномъ воспитательномъ домѣ. Проповѣдуя среди телятника милосердіе къ дѣтямъ, А. Н. въ то же время хозяйскимъ глазомъ видѣлъ всѣ упущенія по скотному двору. Вынувъ изъ бокового кармана памятную книжку, онъ тотчасъ же записывалъ въ нее карандашомъ распоряженія, которыя надлежало потомъ передать старостѣ.

— На свою память нельзя полагаться,—говорилъ онъ: — я все записываю, даже мысли... Иначе сейчасъ улетятъ изъ головы: ищи потомъ!

Съ молодыми бабами онъ говорилъ о томъ, когда какой коровѣ телиться, сколько слѣдуетъ прибавить или убавить молока теленку, и, отходя, умѣлъ весело преподать красивой работницѣ пріятный совѣтъ относительно ея сердечныхъ дѣлъ. По скотному двору смѣхъ перекатывался отъ одной молодухи къ другой, и, при приближеніи А. Н—ча, многія изъ нихъ посматривали на него самого весьма лукаво и кокетливо.

Возвратившись въ домъ, мы сѣли обѣдать.

II.

Вскорѣ послѣ обѣда Савельичъ доложилъ Александру Николаевичу объ урядникѣ или становомъ—не помню хорошо.

— Проси сюда!—весело отозвался хозяинъ.—У васъ вѣдь документы съ собой?

— Все, все въ порядкѣ... Не безпокойтесь.

— То-то... У насъ строго стало съ нынѣшняго года. У дѣтей, пріѣзжающихъ ко мнѣ изъ Петербурга, прописываютъ паспортà. А вотъ и онъ... Садитесь къ намъ!—привѣтствовалъ онъ новаго гостя.—Водочки выпьете?

— Позвольте... Не откажусь... Съ дороги-то хорошо.

— Этотъ,—указалъ Энгельгардтъ на меня:—не пьетъ... Нынѣ молодые люди весьма подозрительны: не курятъ и не пьютъ. А только не знаю, лучше ли они пьяницъ!..

— Лишь бы совѣсть не пропить, а пить можно, Александръ Николаевичъ,—заявилъ полицейскій.

— Правильно! Настоящее слово сказали! У насъ въ деревняхъ водку пьютъ, а въ городахъ—совѣсть пропиваютъ. Въ этомъ

вся разница... „Пьемъ—значитъ, силу чувствуемъ",—продолжалъ онъ съ энтузіазмомъ:

„Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и въ гульбѣ!"

Восторженное настроеніе профессора сообщилось и полицейскому.

— Я,—продолжалъ Энгельгардтъ:—часто цитирую перваго „интеллигентнаго мужика" Некрасова... Изучать русскій народъ слѣдуетъ у него въ поэмѣ: „Кому на Руси жить хорошо". Тамъ все... Бездна ума! И о пьянствѣ русскаго мужика прочтете:

„У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна, и надо бы.
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается:
Пошла по жилкамъ чарочка,
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тутъ надобно,
Гляди кругомъ—возрадуйся!"

А. Н. прекрасно читалъ стихи, а здѣсь самъ урядникъ вдохновлялъ его... Эффектъ былъ полный. А. Н. по первому абцугу заговорилъ блюстителя порядка, а послѣ сталъ показывать фокусы „Мильтона": какъ тотъ ѣстъ хлѣбъ, если сказать, что это отъ Вѣрочки (дочь Энгельгардта), и не ѣстъ, если сказать, что это отъ урядника; послѣдній до упаду хохоталъ, особенно когда „Мильтонъ" слушалъ его самого.

Вскорѣ блюститель порядка сталъ собираться домой и прощаться; Энгельгардтъ пошелъ его проводить.

Вернувшись, онъ тотчасъ сѣлъ къ письменному столу и развернулъ записную книгу. Староста Иванъ докладывалъ ему о всемъ ходѣ дневныхъ работъ, объ отпускахъ изъ амбаровъ хлѣба, сала и т. д. Все это Александръ Николаевичъ аккуратно записалъ въ свои экономическія книги и сдѣлалъ распоряженія на завтра. Послѣ Ивана вошла какая-то коровница и доложила о новорожденной телочкѣ, сколько надоили молока, какія коровы причинаютъ, какія поназначились и т. д. Всѣ эти особенности скотнаго двора Энгельгардтъ также записалъ въ особую тетрадку и при этомъ вынулъ изъ нѣкоторыхъ банокъ по шарику засушеннаго тѣста.

— Для чего вы это дѣлаете?—спросилъ я съ любопытствомъ.

— По оставшимся въ банкахъ шарикамъ,—отвѣтилъ Энгельгардтъ:—я и даже моя Авдотья наглядно знаемъ, сколько остается телятамъ дней до шести недѣль, чтобы перемѣнить имъ кормъ. Это нужно въ хозяйствѣ. Я вообще люблю порядокъ, наглядность и систематичность. У меня всё хозяйство—съ самымъ строгимъ учетомъ и, какъ на ладонкѣ, изображено въ цифрахъ. Если мнѣ придется завтра уѣхать отсюда, и пріѣдетъ Вѣра изъ Петербурга, то она будетъ знать до мельчайшихъ подробностей, что̀ есть въ Батищевѣ и какъ вести здѣсь хозяйство. Все найдетъ въ тетрадкахъ! Надо только имѣть собственный „даръ способія", а безъ этого и книги не въ прокъ...

Онъ опять увлекся новой идеей, но уже я плохо понималъ его. Моя голова начинала болѣть отъ массы впечатлѣній въ этотъ памятный мнѣ зимній день.

Было уже довольно поздно, и намъ приготовили въ томъ же кабинетѣ постели. Я тотчасъ же раздѣлся и легъ на диванъ, а Энгельгардтъ, придвинувъ ко мнѣ свое кресло и опираясь рукой въ край дивана, продолжалъ свои нескончаемые разговоры.

— Устали вы?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что я открываю и вновь закрываю глаза.—Я вѣдь почти одинъ здѣсь. Тонконогіе разъѣхались, осталась всего одна тонконожка,—я вамъ завтра покажу ее. Вотъ я и не могу наговориться съ вами. Ну да спите, спите! Пора и мнѣ угомониться.

Однако, уже раздѣвшись и завернувшись въ одѣяло, онъ всетаки не сразу угомонился и разбудилъ меня громкимъ вопросомъ:

— Вы спите?

— А что?

— Какъ вы думаете, если пріѣдетъ соціалистъ и обругаетъ меня за то, что въ Батищевѣ молодые люди отказываются отъ крайнихъ мнѣній,—успѣю я доказать ему, что мужику некогда слушать Лассаля, такъ какъ зимой нужно сугробы разгребать, весной—ростопель, лѣтомъ надо сѣно косить, а осенью свадьбы справлять. Успѣю... Ну, а если пріѣдутъ и увезутъ меня самого изъ Батищева... Тогда что? Впрочемъ, утѣшаюсь тѣмъ, что я вездѣ устрою другое Батищево: и туда пріѣдутъ мои тонконогіе, и тамъ будетъ та же академія...

Тутъ онъ перевернулся на другой бокъ и быстро заснулъ, а у меня, какъ нарочно, сонъ пропалъ.

На другой день былъ какой-то праздникъ, и мѣстный священникъ заѣхалъ въ Батищево. Началась та же исторія: свя-

щенникъ попробовалъ выговаривать Энгельгардту за то, что онъ въ „Письмахъ изъ деревни“ вездѣ называетъ священниковъ попами, а Энгельгардтъ не соглашался:

— Попъ лучше и правильнѣе!—восклицалъ онъ.—Весь русскій народъ такъ говоритъ: попадья степенная, попова дочь безвинная, чтò ни попъ—тò батька и т. д. Вездѣ попъ, а не священникъ. И поэтъ говоритъ:

„Поповъ пирогъ съ начинкою,
Попова каша съ маслицемъ,
Поповы щи съ снѣткомъ!
Жена попова толстая,
Попова дочка бѣлая,
Попова лошадь жирная!
Пчела попова сытая,
Какъ колоколъ гудётъ“.

— И голова же у васъ, А. Н.!—воскликнулъ священникъ.—Чтò за голова! Гдѣ мнѣ съ вами сговориться.

— А вотъ я,—перебилъ тотъ: — печатно признавался въ томъ, что люблю бесѣдовать съ попами и нахожу эти бесѣды для себя полезными... Во-первыхъ, никто такъ хорошо не знаетъ бытъ простого народа во всѣхъ его тонкостяхъ, какъ попы; во-вторыхъ, послѣ крестьянъ никто такъ хорошо не знаетъ мѣстнаго практическаго хозяйства, какъ вы же... Я это писалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

— Читалъ-съ, читалъ-съ, А. Н. Вы мнѣ давали эту книжечку... Много благодаренъ за лестное мнѣніе о насъ.

— И всегда это скажу, а только слово попъ—русское слово и не обидное...

— Такъ, такъ, Александръ Николаевичъ.

— Слѣдуетъ, поэтому, выпить водочки и закусить ветчинкой. Пойду къ Савельичу распорядиться.

Батюшка воскликнулъ, глядя ему вслѣдъ:

— Голова! У! у! у-у... голова! Первый человѣкъ у насъ... А вотъ поди... Все что-то неладно.

— Да почему же?—спросилъ я.

Священникъ подвинулся ко мнѣ поближе и тихимъ голосомъ произнесъ:

— Рѣку хотѣлъ вылакать... Ложкой хотѣлъ рѣку вылакать! Слушокъ такой у насъ о немъ идетъ... Т-съ, идетъ!

А. Н. несъ изъ кухни тарелку съ ломтями ветчины, а Савельичъ—прочія принадлежности завтрака. Часа черезъ два священникъ собрался домой, поминутно повторяя о хозяинѣ:

— Голова! Голова! У-у-у!

Я пробылъ въ Батищевѣ еще день, и еще, и еще—цѣлую недѣлю. А. Н. не пускалъ и, удержавъ меня, давалъ свои удивительные концерты изъ парадоксовъ и глубочайшихъ истинъ. Въ это время пріѣхала его дочь, Вѣра Александровна, 16—17-лѣтняя дѣвушка, отлично знавшая молочное хозяйство и выдаивавшая собственноручно по 8—9 коровъ каждое утро. Я уѣхалъ изъ Батищева съ сознаніемъ, что видѣлъ необыкновенныхъ людей и необыкновенную жизнь.

Всѣ письма Энгельгардта за зиму 1879 года переполнены желаніемъ узнать о судьбѣ живущихъ въ Петербургѣ „тонконогихъ“.

„Не встрѣчали ли вы,—пишетъ онъ,—кого изъ тонконогихъ, напримѣръ Вас. Вас., Владиміра, Розу, Моисея и пр.? Чтò они? чтò подѣлываютъ и какъ живутъ въ Питерѣ? Женится ли Вас. Вас.? Все это меня очень интересуетъ. Точно также интересуетъ меня знать, чтò дѣлается въ Петербургѣ въ университетѣ, академіи, въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Пишите пожалуйста... Если вы когда-нибудь живали въ одиночествѣ въ деревнѣ, то сами знаете, чтò значитъ получить письмо. Читаемъ, перечитываемъ, разбираемъ каждое слово. Вы говорите, что нечего писать, потому что у васъ нѣтъ фактовъ, а только впечатлѣнія—такъ что же? пишите ваши впечатлѣнія—развѣ это мнѣ не интересно будетъ? Пишите все, чтò взбредетъ на умъ, для меня все будетъ интересно. Какъ же нѣтъ фактовъ: а это стремленіе къ занятіямъ естествознаніемъ между студентами? Мнѣ бы очень интересно было знать, въ чемъ состоятъ бесѣды юныхъ естествоиспытателей. Вы пишете мнѣ, что многіе изъ вашихъ знакомыхъ думаютъ лѣтомъ пріѣхать работать въ Батищево—это очень хорошо. У меня уже есть шесть писемъ отъ разныхъ лицъ, желающихъ работать. Недавно, между прочимъ, у меня былъ интересный случай. 5-го ноября пріѣхалъ ко мнѣ молодой человѣкъ; входитъ, рекомендуется, что онъ учитель юхновскаго городского училища, Б., и хотѣлъ бы поучиться у меня хозяйству. Я по обыкновенію разсказываю, что принимаю въ рабочіе и пр. Онъ удивился, что у меня уже были подобные молодые люди. Разсказалъ онъ мнѣ, что чувствуетъ себя неспособнымъ быть учителемъ, особенно при классной системѣ преподаванія въ городскомъ училищѣ, что это его очень утомляетъ, что онъ заболѣлъ отъ занятій; разсказалъ, что думалъ пойти въ медики, но и этого, при своей нервности и мнительности, боится, и потому рѣшилъ сѣсть на землю; что у его отца, священника, есть 25 дес. земли въ курской губерніи,

хозяйство, тысячи три денегъ. Спрашивалъ, можно ли на этомъ прожить; говорилъ, что боится, будетъ ли онъ способенъ работать; что онъ пробовалъ работать у отца, но скоро уставалъ. Я, конечно, ему совѣтовалъ сѣсть на землю, совѣтовалъ поступить теперь же ко мнѣ, такъ какъ зимой, вслѣдствіе краткости дня, работа не особенно утомительна. Онъ, повидимому, рѣшился пріѣхать, обѣдалъ съ нами, и очень намъ, и въ особенности Марьѣ Андреевнѣ, понравился. Вечеромъ уѣхалъ. Потомъ изъ „Смоленскаго Вѣстника“ мы узнали, что этотъ Б. черезъ день (7-го ноября) дома у себя въ Юхновѣ застрѣлился изъ револьвера. Просто удивительно. И такъ намъ было жалко; видно было, что человѣкъ такой умный, способный, но только нервный. И почему онъ не пробовалъ работать? Можетъ быть, и укрѣпился бы здоровьемъ. Завтра уѣзжаютъ капитанъ съ капитаншей. 30-го ноября уѣзжаетъ Владиміръ. Иванъ вернулся 19-го ноября, только долго ли пробудетъ—не знаю; думаю, что недолго. Скучно ему будетъ одному. Тогда я останусь одинъ, если не подъѣдетъ кто изъ новыхъ. Тяжело будетъ“.

Однако Энгельгардту одному не пришлось быть, и въ письмѣ отъ 21-го декабря онъ пишетъ о себѣ:

„Я теперь здоровъ, курю махорку, которая очень способствуетъ отдѣленію мокроты, ежедневно два раза хожу на скотный дворъ. Довольно усердно пишу. Послалъ въ „Отечественныя Записки“ двѣ статьи, но объ участи ихъ ничего не знаю. Редакція сама рѣшитъ, что можно напечатать, что нѣтъ, а я рѣшительно недоумѣваю по этой части, да и не знаю, какія насчетъ этого есть распоряженія. Я пишу какъ вздумается, а ужъ тамъ пусть разбираютъ. Тонконогихъ у меня четверо; работаютъ отлично. Достаточно сказать, что всѣ четверо замѣняютъ простыхъ рабочихъ и исполняютъ дѣло не только не хуже, но даже лучше. Викторъ стоитъ на скотномъ дворѣ. Алексѣй на молотьбѣ. Пелагея также на скотномъ дворѣ подвозитъ кормъ и замѣняетъ работника. Александра (сестра Виктора) возитъ молоко на сыроварню, доитъ коровъ, носитъ въ домъ дрова и воду. Работаютъ, повторяю, отлично, да и некогда баловаться, потому что стоятъ въ должностяхъ: въ 5 часовъ утра нужно задать кормъ, а въ 6 завтракъ, къ 9 нужно завязать въ беремы кормъ, къ 11 нужно раздать 2-ю дачу корму, въ 12 обѣдъ, а тамъ 3-я дача корма, лошадей перепоить (въ 4 часа ужъ темнѣетъ), въ 7 ужинъ и спать. Живутъ съ рабочими (изба, гдѣ жили тонконогіе, теперь служитъ погребомъ), ѣдятъ въ застольной. Баловства никакого нѣтъ. Надѣюсь, что и урядникъ ничего дурного не скажетъ.

Урядникъ мнѣ говорилъ, что его спрашивали, что̀ дѣлаютъ у меня барышни, и что онъ отвѣтилъ: „собираютъ молоко и возятъ на сыроварню“. Но это онъ поделикатничалъ: просто—доятъ коровъ, кормятъ скотъ, возятъ молоко, поятъ телятъ, кормятъ свиней. Каждую субботу вечеромъ тонконогіе, помывшись и выпарившись въ печкѣ, приходятъ ко мнѣ пить чай и ужинать. Послѣ чего я имъ разъясняю химическія основы земледѣлія. Думаю, что эти химическія хозяйственныя бесѣды имъ не безполезны. Въ воскресенье вечеромъ они тоже бываютъ у меня и читаютъ то, что̀ написали на заданныя темы по хозяйству: Алексѣй читалъ объ обработкѣ пара, Викторъ—объ обработкѣ ярового. Когда кончится молотьба, мы вычислимъ, сколько даетъ десятина ржи, овса, льна. Сдѣлаемъ учетъ, сколько извлечено изъ почвы фосфорной кислоты, и сколько нужно стравить жмыховъ скоту, чтобы пополнить то, что̀ взято съ полей. Такъ мирно идетъ день за днемъ, и вотъ уже, слава Богу, дожили до праздника: въ сочельникъ, 24-го, сдѣлаемъ 3 кутьи и 12 блюдъ къ вечернему, послѣ звѣзды, пиру; подъ скатертью будетъ положено сѣно (сѣно это Викторъ отнесетъ потомъ овцамъ) и пр. Я не знаю, празднуется ли у васъ такъ сочельникъ. Наканунѣ Крещенія въ сочельникъ будутъ блины—и такъ все какъ слѣдуетъ по обычаю“.

Такимъ образомъ, Энгельгардтъ встрѣтилъ 1880 годъ бодрымъ, въ компаніи своихъ молодыхъ „интеллигентныхъ мужиковъ“. Идеалъ его осуществлялся...

III.

Лѣтомъ 1880 года я проѣзжалъ по московско-брестской желѣзной дорогѣ и не утерпѣлъ, чтобы на полустанкѣ Дурово не выйти изъ вагона. Въ шести верстахъ отъ него находилось Батищево, и я, недолго думая, пошелъ къ Александру Николаевичу пѣшкомъ. Дорога въ Батищево идетъ мелкими кустами, и мнѣ было весело идти. Встрѣтивъ мужика, я спросилъ дорогу.

— Держи все право,—отвѣчалъ онъ.—Будутъ повороты, а ты все вправо... Къ нашему барину учиться идешь? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, въ гости... А есть у него тонконогіе?

— Въ узкихъ штанахъ-то?

— Да,—подтвердилъ я.

— Много ихъ нынѣшнее лѣто... Не съ большого ума, знать ѣздятъ они къ нему.

— Что же: плохо работаютъ?

— Не худо работаютъ! Какъ слѣдъ работаютъ!

— Такъ что же?

— Да, видно, къ городу не способны; вотъ и идутъ въ мужики... У насъ тоже есть неспособные къ мужицкой работѣ, а для города — ничего.

Я разсмѣялся и пошелъ поскорѣе. Миновавъ деревню Буково, я вступилъ во владѣнія Энгельгардта. По обѣимъ сторонамъ узкой дороги, тянущейся къ господскому дому, расположены пашни и рощи съ живописными полянами, проходами, открытыми гульбищами для скота. Мнѣ невольно вспомнилось признаніе многихъ молодыхъ людей о томъ, что при въѣздѣ въ красиво разбитое имѣніе Батищево у нихъ всегда зарождалось желаніе стать собственниками.

Я засталъ Энгельгардта на балконѣ, выходящемъ въ садъ. А. Н. былъ все тотъ же, и разговоры его были все такъ же разнообразны и нескончаемы. Я спросилъ объ его дочери и услышалъ о ней пространную и всегда поучительную проповѣдь.

— Она не питерская барышня, и вы не заинтересуетесь ею. А все-же она лучше тонконожекъ, которыя ко мнѣ ѣздятъ, все-же она понадежнѣе ихъ. Если Вѣра найдетъ нужнымъ ходить ежедневно въ деревню Буково, чтобы выкурить тамъ хоть папиросу, она будетъ это дѣлать цѣлый годъ и не объявитъ вамъ неожиданно о томъ, что это глупо и не стоитъ трудовъ... А вѣдь это все: все—въ постоянствѣ человѣка... Знанія и книги не уйдутъ, а характера нигдѣ не найдешь. Ужъ на что у меня здѣсь строго, а все-таки среди молодежи много архаическихъ людей... Не дисциплированные, растерянные, скорохваты, всюду болтаются и нигдѣ долго не остаются. А особенно барышни! Никакого серьезнаго дѣла нельзя имѣть съ барышнями, если онѣ въ теченіе года не въ состояніи ходить изъ Батищева въ деревню Буково, какъ моя Вѣра... Впрочемъ я не жалуюсь на батищевскихъ барышенъ: пріѣзжаютъ все работать, а не кататься амазонками. Но я вижу, что онѣ лучше другихъ барышенъ, а съ другими никакого дѣла нельзя имѣть. Вы видѣли у меня въ батрачкахъ тонконожку „Палагею“?

— Видѣлъ.

— Вотъ она все пишетъ письма въ Петербургъ, и каждый разъ, когда Сидоръ возвращается съ почтой, спрашиваетъ: нѣтъ ли ей писемъ. Теперь не спрашиваетъ: стыдно даже стало... А вѣдь стыдно-то за тѣхъ подругъ, которыя послали ее ко мнѣ, одобряли и забыли... Бросили въ этой глуши своего друга и даже

на письма не отвѣчаютъ. Вмѣсто Петербурга посылаютъ ихъ сюда и тотчасъ же забываютъ, не поддержатъ ни деньгами, ни книгами, ни добрымъ словомъ... Вотъ чего я боюсь: когда существуетъ направленіе, но нѣтъ личности, нѣтъ живого человѣка...

Меня поразила эта сердечность въ Энгельгардтѣ. Мнѣ до сихъ поръ казалось, что онъ болѣе занятъ собственными идеями, чѣмъ заботливостью о людяхъ, съ которыми онъ дѣлитъ досугъ и хлѣбъ-соль. А между тѣмъ оказывается, что онъ не только цѣнилъ въ человѣкѣ его участливость и умѣнье „поберечь“ ближняго, но самъ всего болѣе умѣлъ похлопотать за человѣка и научить его уму-разуму. У меня есть письмо, въ которомъ онъ пишетъ „тонконогимъ“ въ Петербургъ о дешево продающейся по случаю землѣ, и подробно разъясняетъ имъ ихъ собственныя выгоды; его рекомендательныя письма о нѣкоторыхъ лицахъ полны такихъ выраженій: „это образованный человѣкъ, честный, неподкупный, правдивый и бѣдствующій. Конечно, ему можно сказать: „не женись, или иди паши землю, но не всегда языкъ поворачивается такъ говорить“... О другомъ человѣкѣ онъ пишетъ: „Похлопочите за него... Самъ онъ ничего не достигнетъ. Онъ скроменъ, неувѣренъ въ своихъ знаніяхъ, ему все мало знаній, застѣнчивъ, бука, видъ неизящный, одѣтъ весьма безпечно и не по принципу, а потому, что не замѣчаетъ, чистое ли подано ему платье, или нѣтъ... Ну, въ родѣ покойнаго Сѣверцова“.

Въ разговорѣ о тонконогихъ онъ указывалъ на то, что нѣкоторые изъ нихъ не могутъ ѣсть съ мужиками изъ общей чашки и заводятъ себѣ каждый свою ложку и т. д.

— Это нехорошо,—сказалъ онъ: — они брезгаютъ ѣсть общими ложками и постоянно напоминаютъ мужику, что „не съ большого ума“ они пріѣхали сюда учиться... Вѣдь попъ, причащающій всѣхъ изъ одной чаши, допиваетъ остатокъ самъ. Онъ долженъ бы заразиться всѣми болѣзнями, а этого нѣтъ. Много еще надо ломки „тонконогому“, чтобы сдѣлаться мужикомъ! Много! Ты что?—спросилъ онъ вошедшаго къ нему старосту.

— Да вотъ одинъ изъ тонконогихъ къ мужицкому труду не годенъ... Силы нѣтъ.

— Такъ пошли его на теплыя воды.

— Это какія теплыя воды? — спросилъ я.

— Женскія работы мы называемъ „теплыми водами“: гряды копать, полоть траву и т. д. Замѣчательно,—прибавилъ Энгельгардтъ:—что всѣ женщины стремятся у меня на мужскія работы, а мужчины часто попадаютъ на теплыя воды.

— А приняли бы вы меня въ мужики, А. Н.?

— Васъ? Вы еще устроите стачку изъ тонконогихъ противъ меня... Питерскіе тонконогіе все такіе...

— Нѣтъ, серьезно: возьмете ли?

— Да вѣдь я тогда буду бариномъ, а вы мужикомъ,—отвѣтилъ онъ.—Я миловать не буду. Безъ зову не посмѣете войти ко мнѣ. Я вѣдь стакана чаю вамъ не предложу, если вы поступите ко мнѣ работникомъ.

— Знаю! Знаю!

— Но вы понимаете, почему я такъ говорю. Кто побываетъ у меня въ мужикахъ и выдержитъ экзаменъ, тому вѣдь нечего бояться въ жизни... Ухо рѣжь—кровь не потечетъ.

Проговоривъ на эту тему цѣлыхъ три дня, Энгельгардтъ удерживалъ меня и на четвертый, но я торопился ѣхать.

— А вѣдь у меня къ вамъ просьба, — сказалъ онъ. — Вы ѣдете въ Петербургъ?

— Да.

— Сходите къ С—кову и передайте ему мое письмо.

— Охотно.

— Скажите, что, заложивъ голову за авансъ изъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ", я долго не могъ собраться писать ему, и разскажите все, что̀ видѣли здѣсь и знаете. Пойдемте, посмотримъ тонконогихъ въ полѣ...

Я согласился. Было около 6-ти часовъ вечера, и рабочіе убирали сѣно. Проходя мимо нихъ, Энгельгардтъ допытывался, чтобы я узналъ, который здѣсь тонконогій, а который крестьянинъ.

— Это очень трудно. Тотъ же костюмъ, и такъ же всѣ загорѣли.

— А чего эта смѣется?—сказалъ онъ.—Видите: тонконожка смѣется, и все на васъ глядитъ.

Дѣйствительно: смотритъ и смѣется. Она поманила рукой А. Н. и, очевидно, стала говорить ему про меня.

— Подите сюда! Подите!.. Это ваша знакомая...

— Моя?

— Да, ваша.

— Вы не узнаёте?—спросила меня работница, покатываясь со смѣху.

— Нѣтъ.

— Я—такая-то.

— Боже мой! Да неужели это вы?

— Я... я.

— Ну, не мудрено, что я васъ не узналъ... Вѣдь въ этомъ

костюмѣ я васъ никогда не видалъ. Въ Питерѣ это былъ бы ночной костюмъ, а онъ теперь на васъ днемъ.

Всѣ смѣялись, и я очень жалѣлъ, что самъ не могъ быть среди нихъ на однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я видѣлся съ С—ковымъ, и когда уходилъ отъ него, онъ усиленно повторялъ:

— Не запутайте старика въ какую-нибудь исторію... Всѣ вѣдь ѣздятъ къ нему, а поберечь некому. Самъ онъ безстрашный и ничего не опасается... Кланяйтесь отъ меня и пусть пишетъ больше... Все интересно, что̀ онъ пишетъ. Это вздоръ, что исписался. Нигдѣ онъ не повторяется, а все правдиво и умно.

Видѣть, однако, Энгельгардта мнѣ не скоро пришлось. Въ началѣ 1882 года я писалъ ему письмо, напомнивъ желаніе поучиться у него земледѣльческому труду, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Письмо ваше я получилъ только 1-го марта... Вы знаете, что я принимаю въ *работники* всякаго желающаго, если у меня есть свободное мѣсто. Не вижу причины, почему же мнѣ не принять и васъ, если вы желаете поступить ко мнѣ въ *работники съ весны* (конецъ апрѣля), если вы притомъ согласны поступить на тѣхъ же условіяхъ, какъ поступаютъ другіе. Поступившій въ работники обязанъ подчиняться распоряженіямъ старосты, работать ту работу, на которую поставятъ, работать на-ряду съ рабочими, столько же часовъ. Помѣщается и харчуется вмѣстѣ со всѣми рабочими, плату получаетъ по заслугѣ и пр. Дисциплина у меня строгая, баловства работой я не допускаю, — назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Мы съ вами до сихъ поръ встрѣчались при другихъ условіяхъ, и не покажется ли вамъ трудненько быть работникомъ? Эксплуатировать вашъ *физическій* трудъ (умственный трудъ для моего хозяйства не требуется, и одного моего довольно) я буду такъ же, какъ эксплуатирую трудъ другихъ рабочихъ, и простыхъ, и интеллигентныхъ. Не знаю, выдержите ли вы такую жизнь; насчетъ работы—дадимъ работу подсильную (если ничего дѣлать не можете, можно скотъ пасти, это легко), но выдержите ли самую жизнь. Скучно будетъ. Ни читать, ни думать, ни разговоры разговаривать некогда будетъ,—нужно только работать, ѣсть и спать. Пообдумайте. Принять могу, но не иначе, какъ съ весны. Лѣтомъ всѣ мѣста будутъ уже заняты. Желающихъ много“...

Обстоятельства помѣшали мнѣ выполнить мое намѣреніе, несмотря на перспективу попасть въ пастухи или на „теплыя воды“.

Съ тѣхъ поръ я не былъ въ Батищевѣ, но позднѣе встрѣчалъ Энгельгардта въ Петербургѣ у себя.

Затѣмъ я имѣю относящееся къ 1882 году письмо Энгельгардта къ его товарищу, въ которомъ онъ пишетъ:

„Интеллигентовъ у меня нынче было человѣкъ 12. Мужчины большею частью работали хорошо, только одинъ попался плоховатъ. Барышни же были неудовлетворительны и работали не то чтобъ какъ слѣдуетъ. Впрочемъ относительно барышень есть одно у меня неудобство: въ моемъ хозяйствѣ слишкомъ мало женскихъ работъ, такъ что иногда и самъ не знаешь, чѣмъ занять лишнія руки. Одинъ изъ работавшихъ нынѣшнее лѣто остался на зиму у моихъ сосѣдей интеллигентовъ, устроившихъ недалеко отъ меня поселокъ, въ которомъ они собственноручно ведутъ хозяйство съ большимъ успѣхомъ. Другіе разъѣхались по своимъ учебнымъ заведеніямъ, такъ какъ пріѣзжали только на каникулярное время“.

Изъ писемъ къ тому же лицу за 1883 г. мы узнаемъ и дальнѣйшую жизнь Энгельгардта, о которой онъ умѣлъ всегда сказать что-нибудь интересное. Онъ писалъ:

„Какъ ни блестящи агрономическіе результаты, которыхъ я достигъ въ Батищевѣ—урожаи у меня великолѣпные,—но дохода едва хватаетъ на прожитіе съ семьей, хотя живемъ мы очень просто. Конечно, вслѣдствіе моего хозяйствованія, имѣніе сильно увеличилось и увеличивается въ цѣнѣ, но широко развернуться я не могу. Не отрицаю, что, имѣя капиталъ, можно было бы расширить дѣло: завести винокуренный заводъ, маслобойню, ввести нѣкоторыя машины, торговать скотомъ и пр. *На одно, два, такихъ хозяйства въ уѣздѣ рабочихъ хватило бы*. Доходъ можно было бы имѣть хорошій. Но сказать правду—все это интересуетъ меня очень мало, потому что я не вижу будущности для такого капиталистическаго плантаторскаго хозяйства. Сельско-хозяйственный прогрессъ возможенъ только при развитіи агрономическаго фермерскаго хозяйства, а такое хозяйство требуетъ постояннаго батрака, кнехта,—а такого батрака, кнехта, у насъ нѣтъ. Что такое, что я заведу одно блестящее хозяйство! Это не штука, но дѣло-то какое, къ чему оно! Буду получать я лично доходъ, —такъ я, можетъ быть, вдвое получилъ бы, поступивъ на службу. Дѣло не въ отдѣльномъ хозяйствѣ, а въ цѣлой системѣ хозяйства. Вы проѣзжали по смоленской губерніи и видѣли, что это такое, какое тутъ хозяйство. Между тѣмъ смоленская губернія—это золотое дно: при другомъ хозяйствѣ мы завели бы рынокъ спиртомъ, сыромъ, масломъ, саломъ, скотомъ, льномъ. Земля у насъ чудес-

ная, воздухъ влажный; мы должны производить клѣтчатку, крахмалъ (ленъ, клеверъ, травы, корнеплоды) переработывать ихъ на спиртъ, сыръ, мясо, мыло. Хлѣба намъ даетъ достаточно югъ, гдѣ по климатическимъ условіямъ все идетъ въ зерно, быстро спѣетъ, тогда какъ у насъ все нѣжится, тянется (клеверъ у насъ можетъ дать 500 п. сѣна на десятинѣ да еще отаву, а сѣмена клеверныя выгонять не стоитъ). Что касается нашихъ смоленскихъ земель, то это не земли, а золото. Вспаши на вершокъ глубже — и не оберешься урожая. И въ прошломъ, и въ нынѣшнемъ году я продолжалъ разработывать подъ пашню пустоши, т.-е. раздѣланныя когда-то изъ-подъ лѣсовъ на луга пространства. Проѣзжая по смоленской губерніи, вы изъ окна вагона могли видѣть массу такихъ необработанныхъ пустошей. Такія выкосившіяся пустоши, дающія 3—4 копы сѣна съ десятины, будучи распаханы, прямо, безъ удобренія, даютъ великолѣпнѣйшій ленъ, овесъ самъ-5, отличную рожь. Но земли эти пустуютъ, и нѣтъ никакой надежды, чтобы помѣщичье хозяйство могло съ ними справиться. Да и нѣтъ его, этого помѣщичьяго хозяйства. Изъ моихъ батищевскихъ учениковъ-интеллигентовъ составилась артель, которая устроила недалеко отъ Батищева (въ $1^1/_2$ в.) поселокъ. Эти интеллигенты ведутъ хозяйство собственнымъ трудомъ по преимуществу (т.-е. сами пашутъ, сѣютъ, косятъ и пр.), и въ одинъ годъ уже получили превосходные результаты, и урожаи несравненно лучше, чѣмъ у крестьянъ. Въ нынѣшнемъ году и интеллигенты, и крестьяне, сѣяли на одной изъ моихъ пустошей ленъ, но у интеллигентовъ, вслѣдствіе лучшей обработки (плуги, хорошія лошади, тщательная отдѣлка), урожай вышелъ въ $1^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ у крестьянъ. Вся будущность нашего хозяйства — въ такихъ работающихъ интеллигентахъ. Безъ участія интеллигенціи раціональное хозяйство невозможно, но интеллигенты должны быть сами работники, а не направляющіе только баре, неспособные вести дѣло безъ захребетниковъ. Это мое глубокое убѣжденіе. На своихъ ученикахъ, сѣвшихъ на землю около Батищева (не придавайте значенія, не пугайтесь, если этотъ поселокъ будутъ называть общиной и т. п.,—это все вздоръ, пустяки), я вижу, что̀ можетъ умѣющій самолично работать интеллигентъ сдѣлать на землѣ, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: безъ достаточнаго капитала. Я въ восторгѣ отъ моихъ поселенцевъ. Истинные молодцы. Работаютъ превосходно, настояще, какъ слѣдуетъ, живутъ просто какъ мужики (не по принципу, а по нуждѣ, потому что денегъ мало, жить иначе нельзя, деньги затрачиваются на хорошихъ лошадей, плуги, желѣзныя бороны и пр.), и интел-

лигенціи своей не теряютъ. Напротивъ, я нахожу, что они интеллектуально ростутъ по мѣрѣ того, какъ ростетъ ихъ хозяйство. Я нахожу, что это самое здоровое направленіе. Такого народу (интеллигентныхъ пролетаріевъ), которому хозяйство при собственномъ трудѣ, по-*американски*, можетъ дать благосостояніе, обезпеченное положеніе, пропасть! Могутъ быть разныя формы такого хозяйства: общины, артели, съ наймомъ и безъ найма рабочихъ. Это все равно, это не важно, это пустое. Суть дѣла въ умѣющемъ самолично работать, образованномъ, знающемъ *интеллигентѣ*, который одинъ только можетъ создать хозяйство, машины, все. Но и понятно тоже, что интеллигентъ не можетъ сидѣть теперь (пока интеллигента мало) на землѣ, въ *одиночку*. Въ одиночку его сожгутъ, ограбятъ. Департаментъ сельскаго хозяйства долженъ былъ бы обратить все свое вниманіе на это сельскохозяйственное направленіе въ интеллигенціи. Вообще, по-моему, деп. сельск. хоз. находится на неправильномъ пути, обращая вниманіе только на помѣщичье хозяйство. Напр., выдумали теперь заводить какія-то школы для приготовленія *ученыхъ батраковъ* для помѣщичьихъ хозяйствъ. Вѣдь это смѣхъ! Производятъ, съ Миддендорфомъ во главѣ, какія-то изслѣдованія о скотоводствѣ въ Россіи, а тутъ бабу для скотнаго двора достать нельзя. Всѣ бабы, которыя у меня служатъ на скотномъ дворѣ, потому только служатъ, что не могутъ выйти замужъ: или это вдова, пережившая трехъ мужей, или жена, у которой мужъ въ безвѣстномъ отсутствіи, или жена, разошедшаяся съ мужемъ. Любая изъ моихъ бабъ, сдѣлайся она правоспособной выйти замужъ, тотчасъ броситъ мой скотный дворъ и выйдетъ замужъ за перваго попавшагося, чтобы сдѣлаться самой хозяйкой. И это теперь, когда бо̀льшая часть хозяйства прикрыта, опущена и земли отдаются на выпашку мужику. А тамъ толкуютъ объ иноплеменныхъ скотахъ, спорятъ о породахъ и т. п. Ну, развѣ это хозяйство, если зимою, осенью нѣтъ отбою отъ рабочихъ, когда они не нужны, а лѣтомъ всѣ рабочіе разбѣгаются и остается одна негодная шушера! Даже деньгами никого привлечь нельзя. О сдѣльныхъ работахъ и говорить нечего; нѣтъ хлѣба, нажали податями, — берутъ работы; но каково потомъ выполненіе! Съ моей стороны это не помѣщичьи ламентаціи, — вы это знаете. Я 13 лѣтъ сижу на хозяйствѣ, самъ его веду, самъ во все вхожу, и смѣю думать — понимаю суть дѣла. Рабочій дешевъ, жретъ всякую дрянь, спитъ на голой землѣ. Это не французъ, которому, кромѣ хорошей платы, нужно дать коньяку, вина, бѣлаго хлѣба, постель, желѣзную кровать. Дешевъ мужикъ, дешевъ батракъ, но развѣ въ де-

шевизнѣ дѣло? Для хозяйства нуженъ *постоянный батракъ*, который жилъ бы годы, приспособлялся къ орудіямъ, лошадямъ, полямъ, способамъ культуры, уборки. Нуженъ кнехтъ, а безъ батрака, безъ кнехта, невозможно фермерское хозяйство. Говорятъ, на югѣ есть сильныя плантаторскія хозяйства; мало я этому вѣрю, но допустимъ, что есть. Такъ это только на югѣ, да кромѣ того плантаторскія хозяйства—это одинъ только факторъ въ общей системѣ хозяйства, и факторъ не самый важный. Затѣмъ—крестьянское хозяйство. Но если разсчитывать на него, то нужно отдать землю крестьянамъ. Мужицкое царство тоже имѣетъ свою прелесть. Наконецъ, возьмите еще и полное распутство во всѣхъ отношеніяхъ: недобросовѣстность, воровство, мошенничество, обманъ. Наконецъ, эти поджоги, отъ которыхъ не безопасенъ никто. За самый пустякъ, мало того—*на зло* старостѣ, сторожу, васъ сожгутъ. Что ни пожаръ, то говорятъ, что это поджогъ; можетъ, и не было поджога, часто вѣрнѣе, что не было, но важно, что это говорятъ. Я не боюсь поджоговъ, я даже не страхую построекъ, и не потому не боюсь, что меня не подожгутъ, а потому, почему не боюсь волковъ, хотя, можетъ, завтра выскочитъ откуда-нибудь бѣшеный волкъ и укуситъ. Но, право, скажу вамъ: предпочелъ бы хозяйничать въ Ирландіи, гдѣ существуютъ аграрныя преступленія. Тамъ, по крайней мѣрѣ, борьба, а у насъ—чортъ знаетъ чтò, просто распутство! Вамъ строитъ домъ рядчикъ-плотникъ. Рядчикъ кого-нибудь плохо расчелъ—*на зло рядчику* зажгли постройку, и горитъ вся усадьба. Нынче весной я нанялъ бабу на скотный дворъ. Прожила баба три мѣсяца и ушла. Староста уговариваетъ остаться. „Не могу, Андріянычъ,—говорятъ баба:—въ другомъ мѣстѣ, можетъ, и стала бы, а у вашего барина не хочу, хорошъ онъ очень, жалко мнѣ его".—Отчего такъ?—„А вотъ отчего: придетъ мужъ, не потрафишь ему чѣмъ (а мужъ пьяница-забулдыга), не дашь рублевку, онъ *на зло мнѣ* возьметъ да зажгетъ усадьбу". „Жаль барина"! Нѣтъ закона, правды, порядка, честности—одно распутство. Департаментъ сельскаго-хозяйства слѣдовало бы раздѣлить на два отдѣленія: черноземное и не-черноземное. А поѣздить мнѣ по Россіи съ агрономической цѣлью хорошо бы; думаю, что многое усмотрѣлъ бы".

Въ этомъ же году А. Н. былъ выбранъ заочно въ гласные дорогобужскаго земства и получилъ изъ Петербурга отъ К. Д. Кавелина предложеніе баллотироваться на должность секретаря Имп. Вольн. Эк. Общества. Энгельгардтъ по этому поводу писалъ въ Петербургъ:

„Что это такое? Развѣ теперь такое положеніе дѣлъ, что

я на старости лѣтъ требуюсь для какой-нибудь общественной дѣятельности? Что касается должности гласнаго въ Дорогобужѣ и Смоленскѣ, то, passe encore, это всего расходъ 200—300 р., на который я правоспособенъ: продамъ небольшую рощицу или нажму мужиковъ, нуждающихся въ моихъ выгонахъ. Но должность секретаря Имп. Вольн. Эк. Общ.! это совсѣмъ другое дѣло. Нужно жить въ Петербургѣ, бросить имѣніе и свою настоящую дѣятельность. Въ мои годы, при должности секретаря Имп. Вольн. Эк. Общ., при моемъ положеніи, знакомствахъ, мнѣ нужно прожить въ Петербургѣ мало-мало 6.000 р. въ годъ. Въ самомъ дѣлѣ, не трястись же мнѣ, старику, въ дождь на какомъ-нибудь ванькѣ, не питаться же мнѣ въ кухмистерской, не жить же въ нумерахъ и т. п.! Между тѣмъ Кавелинъ сообщаетъ, что въ качествѣ секретаря Имп. Вольн. Эк. Общ. я буду получать вознагражденіе въ 1.900 р. На это нищенское содержаніе я долженъ жить въ Петербургѣ. Конечно, можно жертвовать и здоровьемъ, и покоемъ (трястись подъ дождемъ на извозчикахъ, жить въ клѣтушкѣ съ окнами на помойную яму и пр.), но это только въ такомъ случаѣ, если предстоитъ дѣлать дѣло большое, общественное. Но развѣ такое дѣло предстоитъ секретарю Имп. Вольн. Эк. Общ.?.. Какое же тамъ дѣло, изъ-за котораго мнѣ можно было бы бросить свою настоящую дѣятельность и пойти питаться по петербургскимъ кухмистерскимъ? Да мой староста получаетъ болѣе, потому что, живя на всемъ готовомъ, можетъ откладывать 100 р. въ годъ. Я объяснилъ себѣ предложеніе Кавелина потребностью особенной общественной дѣятельности, которая можетъ даже проявиться въ Имп. Вольн. Эк. Общ. Такъ ли это и что это? Къ вамъ обращаюсь за совѣтомъ, такъ какъ вы не чужды сельско-хозяйственныхъ и иныхъ сферъ. Или, можетъ быть, думаютъ, что я получаю огромные доходы съ имѣнія и могу ихъ проживать въ Петербургѣ. Кавелину я написалъ уклончиво,—не уклончиво, но такъ именно, что я не имѣю достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы принять должность секретаря Имп. Вольн. Эк. Общ., а на жалованье отъ Общества жить нельзя... Конечно, если бы я увѣренъ былъ, что въ должности секретаря Имп. Вольн. Эк. Общ. предстоитъ настоящее общественное дѣло, то я не затруднился бы жить на 50 р. въ мѣсяцъ, но вотъ въ томъ-то и запятая! Есть ли тамъ настоящее дѣло, не бумажное ли только въ синей оберткѣ? Не говорильня ли тамъ, въ Обществѣ, только? Въ такомъ случаѣ лучше просто-нà-просто въ лавочкѣ торговать. Если бы я думалъ, что дѣло стоитъ иначе, то, вы понимаете, согласился бы пойти за вознагражденіе въ 1.900 р., хотя бы, живя на такомъ

содержанія, пришлось жертвовать здоровьемъ, покоемъ, удобствами жизни и пр. Я могу быть дѣятеленъ и энергиченъ, если дѣло меня заинтересуетъ; а я думаю, что дѣло Имп. Вольн. Эк. Общ. должно меня заинтересовать. Но вотъ чего я боюсь: старъ я, физически слабъ, боюсь болѣзней, боюсь, выдержу ли петербургскую жизнь. Вотъ въ этомъ-то отношеніи я и хочу обставить себя удобно, покойно. Воздухъ для меня—самое первое дѣло. Я ѣзжу по полямъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ полушубкѣ, но вѣдь это на чистомъ деревенскомъ воздухѣ... Въ Батищевѣ мнѣ, собственно говоря, дѣлать теперь нечего, потому что я, кажется, сдѣлалъ все, что̀ по обстоятельствамъ сдѣлать можно. Школу свою для интеллигентовъ, я думаю, прикрыть, и нахожу гораздо естественнѣе, чтобы интеллигенты поступали учениками къ интеллигентамъ же, устроившимся въ поселкѣ недалеко отъ Батищева. Мнѣ хотѣлось бы болѣе широкой дѣятельности, и мнѣ кажется, что Императорское Вольно-Экономическое Общество могло бы ее представить"...

IV.

Мечтая о секретарствѣ въ Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, Александръ Николаевичъ совершенно упустилъ изъ виду совсѣмъ иного рода затрудненія, вытекавшія изъ обстоятельствъ его отставки и удаленія изъ Петербурга; а между тѣмъ это повело къ тому, что мысль о баллотированіи его въ секретари не была одобрена. Трогательно-иронически звучатъ по этому поводу слѣдующія строки Энгельгардта. Онъ пишетъ:

„Если здѣшніе начальники узнаютъ о неодобреніи мнѣ, то мнѣ станетъ хуже жить. Вамъ все это смѣшно, пожалуй кажется невѣроятнымъ... но это вѣрно, такъ... Вотъ почему отчасти мнѣ хотѣлось получить мѣсто въ Петербургѣ: здѣшнее начальство уважать бы стало. А теперь узнаютъ о неодобреніи начальствомъ—хуже мнѣ будетъ. Ну да ужъ этого не поправить. Какъ основательный человѣкъ, въ ожиданіи выбора въ секретари, я проштудировалъ „Труды", и, знаете ли, пришелъ къ тому заключенію, что если бы меня теперь и выбрали, то черезъ три года, при новыхъ выборахъ, вѣроятно, многіе изъ выбравшихъ теперь положили бы потомъ налѣво. Мнѣ кажется это потому, что многимъ я съ моими воззрѣніями показался бы не-либеральнымъ, не тѣмъ, чего они ожидаютъ. Вообще мнѣ кажется, что у васъ тамъ несовсѣмъ понимаютъ суть дѣла, нутро. Вчера, напр., я прочиталъ о дебатахъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ по

вопросу о винокуреніи. Я, конечно, не защитникъ чиновниковъ вообще, даже противникъ ихъ, не люблю ихъ, но никакъ не могу согласиться, что упадокъ сельско-хозяйственнаго винокуренія зависитъ отъ дурного состава акцизныхъ чиновниковъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, а процвѣтаніе винокуренія въ остзейскихъ провинціяхъ—отъ хорошаго состава остзейскихъ акцизныхъ чиновниковъ (эту мысль, кажется, проводилъ Совѣтовъ). Я думаю, что причины этого лежатъ гораздо глубже—въ самомъ соціально-экономическомъ строѣ остзейскихъ провинцій. У насъ, напр., въ смоленской губерніи маленькіе винокуренные заводы у помѣщиковъ не существуютъ, между прочимъ, потому, что для сбыта вина нужно имѣть свои кабаки, а сбыть выгодно виноскладчикамъ нельзя. Конечно, это одна изъ причинъ. Есть еще тысячи другихъ. Но главное все въ сути, въ неустановившемся соціально-экономическомъ порядкѣ. Ясно, что у насъ не можетъ установиться остзейскій порядокъ. Ясно, что у насъ во главѣ должно стоять широко развитое крестьянское хозяйство, вообще хозяйство людей, самолично работающихъ землю. Это хозяйство долго еще должно быть экстенсивное—по обилію земель. Допускаю при этомъ капиталистическія хозяйства, преимущественно съ техническими производствами,—хозяйства, работающія интенсивно. Для полнаго развитія такого строя нужно, чтобы бо̀льшая часть земель перешла въ *собственность* крестьянъ, и чтобы уничтожилась помѣщичья кулацкая система".

Энгельгардтъ быстро утѣшился въ томъ, что его переѣздъ въ Петербургъ не состоялся, отдавшись новому и чрезвычайно важному дѣлу. Въ іюнѣ 1884 года онъ поѣхалъ въ рославльскій уѣздъ, смоленской губерніи, для геогностическихъ изслѣдованій почвъ. Несмотря на преклонный возрастъ, Энгельгардтъ, по его выраженію, былъ „наполненъ фосфоритнымъ дѣломъ и фосфоритнымъ интересомъ". За тяжкимъ трудомъ, въ жару, вспоминались ему его молодые годы, то счастливое время, когда онъ съ научной цѣлью лазилъ съ А. С. Ермоловымъ по горамъ около Турова и Ендовища, гдѣ навѣрное не лазилъ „самъ генералъ", какъ говорили мужики, „а посылалъ адъютанта"... Счастливое время! О немъ у Энгельгардта сохранился рисунокъ одного обнаженія. На рисункѣ сдѣлана попытка изобразить одного человѣка наверху обрыва, а другого—внизу; попытка рисовальщику не удалась, а потому около верхней фигуры подписано: „Это Ермоловъ", а около нижней: „это—я"...

На самомъ интересномъ мѣстѣ, спускаясь съ небольшого пригорка, дрожки опрокинулись на бокъ, и Энгельгардтъ со-

скользнулъ съ нихъ впередъ къ ногамъ лошади, а кучеръ полетѣлъ назадъ... Энгельгардтъ пишетъ:

„Возжа лопнула, лошадь понесла. Кучеръ Ларіонъ успѣлъ высвободить ногу и отдѣлался ушибомъ колѣна. Я нѣсколько времени тащился съ дрожками, наконецъ слетѣлъ подъ дрожки, и колесо переѣхало черезъ меня, разорвавъ мою блузу и ушибивъ плечо. Упалъ я лицомъ внизъ, но успѣлъ закрыть лицо руками, вслѣдствіе чего ссадилъ руки и немного лобъ. Вечеромъ я все прикладывалъ ледъ, а сегодня смочилъ ссадины березкой. Побаливаетъ правое плечо, но, какъ видите, могу писать. Вотъ я всегда ѣздилъ на бѣговыхъ дрожкахъ, считая этотъ экипажъ совершенно безопаснымъ. Мои и таковы. Но и бѣговыя дрожки могутъ быть устроены по-дурацки, каковыми и оказались вчерашнія. Счастье еще, что лошадь была хотя и горячая, но благонравная и не стала бить задомъ, а то бы сдѣлала изъ моей физіономіи такое, что глядѣть было бы гадко. Вообще я чувствую себя хорошо. Поздоровѣлъ, посвѣжѣлъ, но, однако, въ мои годы трудно уже заниматься такими изслѣдованіями. Ларіонъ все говоритъ: „Нѣтъ, не то ужъ вы, Александръ Николаевичъ, чтò были прежде“. Нынѣшнюю экскурсію я окончу, но далѣе едва-ли буду продолжать“.

Въ слѣдующихъ письмахъ мы читаемъ:

„Я сегодня нахожусь въ Брянскѣ, откуда завтра намѣренъ уѣхать въ рославльскій уѣздъ обратно. Мы сегодня осматривали городскіе овраги, представляющіе классическія обнаженія для изученія мѣловой формаціи. Между прочимъ, осматривая овраги, мы нашли здѣсь чрезвычайно интересную вещь: обломокъ камня, который оказался сферосидеритомъ, т.-е. углекислою закисью желѣза, чтò представляетъ самую лучшую желѣзную руду. Боюсь предаваться восхищеніямъ, пока не произведутъ основательныхъ изслѣдованій по этому предмету... Нынѣшняя поѣздка мнѣ даетъ обильный матеріалъ. Но едва-ли я буду продолжать задуманныя путешествія, потому что силы мои слабы. Многое дѣлаютъ мои помощники, которые всюду ходятъ со мной, всюду лазятъ почти на вертикальные обрывы саженъ 15 вышиной. Сидя внизу, я не могъ даже посмотрѣть: у меня замирало сердце и тряслись поджилки... Въ будущемъ я буду ѣздить въ такомъ только случаѣ, если Мишѣ (сыну) разрѣшатъ ѣздить со мной, и я надѣюсь, что разрѣшатъ. А какъ было бы для него полезно поѣздить со мной— сколько бы онъ увидалъ и узналъ. И весело бы намъ было. А для него, когда онъ изучитъ дорогобужскую флору, будетъ очень интересно изучать флору и другихъ мѣстностей. Въ здѣшней

флорѣ я замѣтилъ нѣсколько растеній, какихъ у насъ нѣтъ. Общій видъ флоры почти тотъ же, какъ у насъ на глинистыхъ почвахъ (только поражаетъ масса кустарника дубоваго, ясеневаго, въ родѣ какъ у насъ ольхи и лозы), но на песчаныхъ и мѣловыхъ почвахъ флора очень отличается, особенно на мѣловыхъ".

Вообще, производя спеціально геологическія экскурсіи, Энгельгардтъ не упускалъ изъ виду и другія особенности сельскаго хозяйства. Его письма съ дороги о разныхъ мелочахъ имѣютъ также несомнѣнный интересъ. Такъ, заѣхавъ къ пріятелю и осматривая его садъ, онъ пишетъ:

„Интереснѣе всего плодовый садъ и еще интереснѣе то, что нѣтъ никакого садовника. Садомъ завѣдуетъ самъ хозяинъ, управляющій кромѣ того большимъ хозяйствомъ. Хозяину помогаетъ его маленькій сынъ. Садомъ завѣдуютъ хозяинъ и его сынъ, а огородомъ и парниками завѣдуетъ поваръ. Прививку деревьевъ въ саду производятъ маленькія дѣвочки-поденщицы (за плату 15 коп. въ день). Хозяинъ самъ только срѣзаетъ вѣтки, которыя прививаютъ. Деревья въ отличномъ видѣ. Интересно мнѣ было видѣть, какъ передѣлываютъ старыя деревья на новые сорты прививкою и изъ полосатой непрочной груши дѣлаютъ прочную безсѣмянку. Точно такъ же прививаютъ и вишню. Ужасно я смѣялся, какъ сегодня одинъ мальчикъ-работникъ хвасталъ, что онъ привилъ яблоню на иву и прививка у него идетъ. Видно, что всѣ въ округѣ заинтересованы садоводствомъ. Хозяинъ говоритъ, что онъ на свою голову пріохотилъ округъ къ садоводству. Теперь у него постоянно крадутъ молодыя 5-лѣтнія деревца крестьяне для своихъ садовъ. Въ большомъ саду, напримѣръ, за одну нынѣшнюю весну украли 167 яблонекъ. Интересны здѣсь переносныя изгороди около сада, которыя можно снимать на зиму. Очень дешевы (за 6 аршинъ 25 коп.) и практичны. Интересны живыя изгороди изъ ели".

Возвращаясь съ ученой экскурсіи, онъ писалъ:

„Я окончилъ изслѣдованіе пространства между линіей орловско-витебской желѣзной дороги и Десной. Нашелъ много интереснаго. Матеріалу привезу на всю зиму. Теперь переѣхалъ на лѣвую (отъ Рославля) сторону дороги, но здѣсь ограничусь изслѣдованіемъ лишь небольшого пространства, потому что чувствую себя нездоровымъ. Дѣло въ томъ, что ушибъ, о которомъ я писалъ, даетъ себя чувствовать. Ушибы плеча, колѣнъ, прошли безслѣдно, но ушибъ лѣваго бока чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Кашляну—уколъ въ бокъ. Пройду 20 шаговъ—одышка, недостатокъ

дыханія. При такихъ условіяхъ работать невозможно — еле-еле докончилъ лѣвую сторону дороги".

Затѣмъ онъ пишетъ уже изъ Батищева:

„Возвратился изъ экскурсіи въ рославльскій уѣздъ. Здѣсь оказались богатѣйшія залежи фосфорита въ самыхъ удобныхъ для добычи залеганіяхъ, тотчасъ подъ растительнымъ слоемъ (а иногда и въ самой пахатной землѣ), въ зеленомъ глауконитовомъ пескѣ. Когда фосфориты пойдутъ въ ходъ, то эта мѣстность получитъ громадное значеніе, въ родѣ арденскаго Grand Pré. Всѣ залежи находятся вдоль линіи орловско-витебской дороги. Сюда нужно присылать тѣхъ, которые вѣрятъ въ пользу фосфоритнаго удобренія. Здѣсь каждый можетъ во-очію убѣдиться, какое дѣйствіе на хлѣба производитъ присутствіе фосфорита въ почвѣ: гдѣ есть фосфоритъ, тамъ и на почвѣ, состоящей изъ зеленаго песку, содержащей очень мало глинистыхъ частицъ, безъ удобренія, рожь хороша; гдѣ нѣтъ фосфорита—плоха. Если спросить, въ какихъ деревняхъ хлѣба родятся лучше, то по этому указанію объ урожайности можно на песчаныхъ почвахъ заключить о присутствіи фосфорита. Кромѣ фосфорита песчанаго, залегающаго въ зеленыхъ пескахъ, обыкновенно относимыхъ къ мѣловой формаціи, я нашелъ здѣсь фосфориты глинистые, залегающіе въ черной слюдистой юрской глинѣ, въ которой содержатся также фосфоритные (фосфоритной массой окаменѣвшіе) аммониты и сѣрные колчеданы. Еще нашелъ я въ Брянскѣ, и здѣсь въ рославльскомъ уѣздѣ, куски *сферосидерита* (углекислой закиси желѣза), очень чистаго, плотнаго, содержащаго мало примѣсей. Относительно примѣненія фосфорита въ нашихъ хозяйствахъ я пришелъ къ убѣжденію, что фосфориты могутъ найти у насъ примѣненіе только въ самой простой формѣ, въ видѣ фосфоритной муки, какъ во Франціи, потому что наши экстенсивныя хозяйства не могутъ выдержать дорогихъ суперфосфатовъ. Фосфоритная мука должна быть дешева, и ее можно дешево получить въ такихъ мѣстахъ, какъ Бѣльская, Сеща, Кочево. Надѣяться, что помѣщики сами будутъ приготовлять фосфоритную муку изъ мѣстныхъ фосфоритовъ—нельзя, потому что это вовсе не такъ легко. Нужно, чтобы устроились на мѣстѣ добыванія маленькія фабрички для дробленія и размола фосфорита, какъ во Франціи. Разъ бы только немного пошла фосфоритная мука—ее будутъ работать простыя мельницы, которыхъ не мало въ данной мѣстности. По моему мнѣнію, самая подходящая мѣстность для устройства фабрички—Бѣльская, небольшое имѣніе Митусова (168 десятинъ всего). Слѣдовало бы пустить это дѣло въ ходъ, но не знаю какъ. Если бы фосфо-

ритная мука дешево продавалась, я бы сталъ прямо употреблять ее въ хозяйствѣ".

Въ 1885 г. жизнь въ Батищевѣ шла тѣмъ же порядкомъ. Счастливое состояніе духа Энгельгардта отразилось и на его работахъ. Въ письмахъ за 1886 г. къ одному изъ своихъ ближайшихъ друзей, онъ высказывается:

„Не могу не подѣлиться съ вами, моимъ бывшимъ сотрудникомъ, моею радостью, моимъ счастьемъ. Опыты удобренія фосфоритной мукой въ моемъ хозяйствѣ дали поразительные, просто неожиданные результаты. На *безнавозныхъ* земляхъ, удобренныхъ *одною только фосфоритной мукой*, рожь, сравнительно съ ничѣмъ неудобренными землями, *поразительно* хороша. Полосы, удобренныя фосфоритной мукой, такъ же рѣзко отличаются отъ ничѣмъ неудобренныхъ, какъ навозныя нивы отъ безнавозныхъ. Вы знаете, что въ 1884 году я сдѣлалъ экскурсію въ рославльскій уѣздъ для изслѣдованія тамошнихъ залежей фосфоритовъ. Занимаясь въ рославльскомъ уѣздѣ, я замѣтилъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глауконитовые пески, содержащіе фосфоритъ, выходятъ на поверхность—гдѣ почвы состоятъ изъ глауконитовыхъ фосфоритныхъ песковъ—хлѣбъ (рожь) родится безъ навоза очень хорошо, гораздо лучше, чѣмъ на песчаныхъ почвахъ, не содержащихъ глауконита и фосфорита. Разница была такъ велика, что по наружному виду ржи можно было опредѣлить, гдѣ фосфоритъ выходитъ на поверхность. Одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ К. В. Мясоѣдовъ, въ имѣніи котораго, селѣ Несоновѣ, есть фосфоритъ, вздумалъ, домашними средствами размалывая фосфориты на простой мельницѣ, готовить фосфоритную муку для продажи. Зимою 1885 г. Мясоѣдовъ прислалъ мнѣ 60 пудъ фосфоритной, которую я и употребилъ для опытовъ въ прошломъ году. Опыты производились такъ: на десятинахъ отмѣрились участки въ $^1/_{10}$ десятины, посыпались мукой и затѣмъ вся десятина обработывалась какъ обыкновенно, при чемъ иныя десятины были удобрены навозомъ, иныя—нѣтъ. Уже осенью прошлаго года на безнавозныхъ десятинахъ, на зеленяхъ, было замѣтно дѣйствіе фосфоритной муки. Весною же нынѣшняго года, какъ только рожь пошла въ ходъ, участки безнавозной земли, удобренной фосфоритной мукой, рѣзко отличались отъ ничѣмъ неудобренной. Рожь на участкѣ, удобренномъ фосфоритной мукой, была гуще, выше ростомъ, темнѣе цвѣтомъ. Спѣть стала раньше, при уборкѣ была на $^1/_2$ аршина выше ростомъ, толще соломой, колосистѣе. Когда рожь была сжата, то на жнивьяхъ совершенно рѣзко можно было видѣть участокъ, удобренный фосфоритной мукой, такъ что *если*

бы я сдѣлалъ на десятинѣ фосфоритной мукой надписи, то ихъ можно было бы читать на жнивьяхъ. Рожь на переломахъ безнавозныхъ, удобренная фосфоритной мукой, была *такъ же хороша*, какъ и рожь на переломахъ, удобренныхъ навозомъ. Въ нынѣшнемъ году я выписалъ отъ Мясоѣдова 400 пудъ фосфоритной муки (25 коп. на мѣстѣ, доставка по ж. д. 10 коп.). Небольшую часть (60 пудъ) употребилъ для удобренія подъ овесъ, а главную часть, болѣе 300 пудъ, подъ рожь нынѣшняго года. На овесъ фосфоритная мука оказала отличное дѣйствіе, на рожь —тоже, такъ что уже теперь зеленя́, удобренныя фосфоритной мукой, рѣзко отличаются отъ неудобренныхъ. Въ нынѣшнемъ году я, между прочимъ, отдѣлилъ для опытовъ отдѣльное поле (3 версты отъ усадьбы) въ 6 десятинъ съ плохой, подзолистой, никогда не видавшей навоза, почвой. Это была старая пустошь, давно уже разработанная изъ-подъ лѣса,—пустошь плохая, дававшая самые ничтожные укосы сѣна. Въ 1883 году пустошь была поднята, взятъ по пластамъ ленъ. Въ 1884 г. по перелому на однѣхъ десятинахъ овесъ, на другихъ ярица. Въ 1885 г. овесъ. Хлѣба были плохи. Осенью 1885 г. на зиму всѣ 6 десятинъ были вспаханы. Весною нынѣшняго года 3 десятины удобрены фосфоритной мукой (48 пудъ на десятину), а 3 десятины ничѣмъ не удобрены. Удобреніе производилось полосами: $^1/_4$ десятины удобрена, $^1/_4$—нѣтъ, $^1/_4$—удобрена, $^1/_4$—нѣтъ и т. д. 4-го августа всѣ 6 десятинъ засѣяны рожью. Дѣйствіе фосфоритной муки поразительное. Теперь, 3-го сентября, каждый на зеленяхъ отличитъ полосы, удобренныя фосфоритной мукой, отъ полосъ неудобренныхъ. На удобренныхъ полосахъ зелень густа, периста, темнаго цвѣта; на неудобренныхъ—рѣдка, красновата, совсѣмъ плоха. Между тѣмъ всѣ десятины обработывались сплошь, совершенно одинаковымъ образомъ. Сѣялись однѣми руками. Ни работники, ни сѣвцы не знали, которыя полосы удобрены, которыя нѣтъ. Различіе между полосами, удобренными фосфоритной мукой и неудобренными на этой почвѣ, никогда не видавшей навоза, *такое же*, какъ различіе между навозными и безнавозными нивами на прилегающемъ крестьянскомъ полѣ. Удобреніе одной десятины обошлось 20 руб. Между тѣмъ за одну только вывозку и разбивку навоза нужно было бы заплатить 15 рублей. А что стоитъ еще навозъ! Кладите хотя 3 к. пудъ. Дѣйствіе фосфоритной муки до такой степени рѣзко, отчетливо видно на глазъ, что даже крестьяне начинаютъ вѣрить, что „приспоритъ" (какъ они называютъ фосфоритъ)—добро. Двое зажиточныхъ крестьянъ сосѣдней деревни просили меня выписать для нихъ

фосфоритной муки. Удобрили подъ рожь передъ мѣшанью, потому что поздно хватились. И замѣчательно, что на самыхъ плохихъ подзолистыхъ, безнавозныхъ почвахъ, дающихъ плохіе урожаи хлѣба—тутъ-то фосфоритная мука и производитъ превосходное дѣйствіе. Сколько я могу судить изъ моей сельско-хозяйственной практики, на такой почвѣ сразу навозомъ нельзя произвести такого дѣйствія, какое производитъ фосфоритная мука. Не вамъ стану я объяснять, какое громадное значеніе будетъ имѣть примѣненіе вообще простой, необработанной кислотами, фосфоритной муки. Укажу только на то, какое огромное значеніе она можетъ имѣть для нашей смоленской губерніи. У насъ въ губерніи мало пустошныхъ земель, издавна раздѣланныхъ изъ-подъ лѣсовъ. Пустоши эти косятся или служатъ выгонами. И покосы, и выгоны эти крайне плохіе. Только при совершенномъ недостаткѣ хорошихъ луговъ можно тратить время на скосъ этихъ пустошей. Въ настоящее время, при содѣйствіи крестьянскаго банка, крестьяне дешево скупаютъ эти пустоши для увеличенія своихъ надѣловъ. Около моего Батищева 5 деревень уже прикупили много такихъ пустошныхъ земель. Распахивать пустоши выгодно. По пласту получается прекрасный ленъ. Затѣмъ по перелому отлично родится рожь, но не иначе какъ съ удобреніемъ хотя легкимъ навозомъ. Для послѣдующихъ хлѣбовъ уже требуется сильное удобреніе навозомъ. Вотъ тутъ-то фосфоритная мука можетъ оказать очень полезное дѣйствіе и сослужить у насъ такую же службу, какую она сослужила во Франціи при разработкѣ „ландъ". Удобряя фосфоритной мукой пустошные переломы, обыкновенно болѣе отдаленные отъ деревни, чѣмъ поля, можно послѣ льна получать нѣсколько хлѣбовъ и затѣмъ засѣвать клеверомъ и оставлять подъ травами. (На клеверъ фосфоритная мука при моихъ опытахъ произвела тоже очень полезное дѣйствіе.) Точно также съ большою пользою фосфоритная мука, какъ показалъ опытъ, можетъ быть употребляема на удобреніе клеверныхъ переломовъ (послѣ клевера по пласту ленъ; по перелому рожь съ фосфоритной мукой и т. д.). Странная судьба этого фосфоритнаго дѣла! Курскій заводъ, приготовлявшій муку въ 70-хъ годахъ, закрылся вслѣдствіе того, что не было сбыта фосфоритной муки. Но вѣдь дѣлались же тогда опыты удобренія кѣмъ-нибудь? Почему же они не дали никакого результата? Гдѣ производились опыты? Не на такихъ ли земляхъ, которыя не требовали фосфорита? Не употребляли ли фосфоритную муку совмѣстно съ навозомъ. Въ такомъ случаѣ, какъ ока-

залось при моихъ опытахъ, трудно замѣтить дѣйствіе фосфоритной муки. Сама по себѣ она дѣлаетъ то же, что и навозъ; съ навозомъ же усиливаетъ его дѣйствіе на хорошихъ земляхъ очень мало. Не дурно бы было сообщить Имп. Вольн. Экон. Обществу о результатахъ моихъ опытовъ примѣненія сырой фосфоритной муки для удобренія. Не соблаговолитъ ли Общество назначить коммиссію для изслѣдованія этого важнаго дѣла? Не можетъ ли оно командировать кого-либо изъ своихъ членовъ въ Батищево, чтобы тотъ на мѣстѣ во-очію могъ убѣдиться, что фосфоритная мука *сырая*, приготовленная простымъ размоломъ фосфорита, *не обработанная сѣрной кислотой, производитъ громадное полезное дѣйствіе* на плохихъ смоленскихъ земляхъ, не удобренныхъ навозомъ. По моему мнѣнію, суперфосфаты, по дороговизнѣ ихъ, не скоро найдутъ у насъ примѣненіе. Да и зачѣмъ суперфосфаты, когда простая фосфоритная мука дѣйствуетъ отлично? Зачѣмъ намъ слѣдовать примѣру нѣмцевъ, а не французовъ?"

Въ другомъ письмѣ за этотъ же годъ онъ признается, что весь охваченъ фосфоритнымъ интересомъ.

„Кажется, только этимъ и живу, только это и поддерживаетъ мое существованіе. Къ будущему году я задумываю опыты въ очень большомъ размѣрѣ. Чтобы выполнить мою программу, нужно 2.854 пуда—ни одного пуда не уступлю—фосфоритной муки только на мои огороды, поля и луга. Въ хозяйствѣ, чтобы получить цифровыя данныя, непремѣнно нужно дѣлать опытъ въ большомъ видѣ. Тогда легко будетъ собрать урожаи отдѣльно и получить хорошія цифры. Буду живъ-здоровъ — добьюсь своего, сдѣлаю опыты въ широкомъ размѣрѣ. Только вотъ денегъ нужно, муку нужно купить, интеллигента-помощника нанять, а деньги нынче туги. Всего много, но никто не покупаетъ ничего. Насилу, насилу сѣмя льняное продалъ. Нѣтъ денегъ. Не то что золота и серебра, а и бумажекъ. Намъ бы сюда хотя какихъ-нибудь старенькихъ, рваныхъ. У насъ бы всякія сошли. Главное—у купцовъ денегъ нѣтъ. И дешево бы отдалъ, потому урожай хорошъ, да никому не нужно. Да, урожаи у меня стали хороши. Въ нынѣшнемъ году исполнился мой 15-польный сѣвооборотъ, и рожь была на тѣхъ самыхъ десятинахъ, на которыхъ была въ 1871 году. Въ 1871 г. въ среднемъ съ одной хозяйственной десятины (3.200 кв. саж.) получено 5 четвертей 2 мѣры ржи. Въ 1886 году получено съ одной десятины 16 четвертей ржи. Вообще урожаи у меня *удвоились*. Средній урожай съ десятины за трехлѣтіе 1869—71 года былъ 7 четвертей, а за

трехлѣтіе 1884—86 года—14 четвертей. Можно и дешевле продать хлѣба. А что̀ бы было, еслибы я сталъ примѣнять фосфоритную муку съ 1871 года! Вѣдь оказывается, что фосфоритная мука у насъ производитъ *лучшее*, *чѣмъ навозъ*, дѣйствіе на плохихъ, безнавозныхъ, выпаханныхъ земляхъ. Одинъ достовѣрный дѣльный хозяинъ сообщилъ мнѣ недавно про такой же опытъ у одного крестьянина. Замѣчательно, что на *самыхъ плохихъ*, *выпаханныхъ*, *безнавозныхъ* земляхъ тутъ-то фосфоритная мука и дѣйствуетъ поразительно хорошо. Рядомъ же, на хорошо удобренной землѣ не дѣйствуетъ или дѣйствуетъ слабо. Кромѣ опыта на своихъ поляхъ, нужно еще будетъ въ будущемъ году пудовъ 600 распространить между крестьянами. Кому раздать, а то и просто: насыпалъ въ сѣялку фосфоритной муки и проѣхалъ по безнавознымъ нивамъ. Гдѣ проѣхалъ—тамъ и хлѣбъ. Надписи вѣдь можно дѣлать фосфоритной мукой, кресты, что̀ хотите. И ларчикъ просто открывался. Думали да гадали: и въ суперфосфаты нужно превращать, и употреблять-то фосфоритное удобреніе нужно на хорошо культивированныхъ земляхъ, и то и сё, какъ говорятъ мужики. Это напоминаетъ мнѣ, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ искали способовъ добывать фотогенъ изъ торфа. А бакинскую нефть и не видали. На основаніи своихъ опытовъ я пришелъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Примѣненіе фосфоритовъ на безплодныхъ почвахъ смоленской губерніи, требующихъ неустаннаго удобренія навозомъ, даетъ могущественное средство для поднятія нашего смоленскаго хозяйства. Думаю, что то же будетъ въ другихъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ. 2) Фосфориты должны быть употребляемы для *заправки* почвъ фосфоритной кислотой, какъ это дѣлается въ ландахъ. На *заправленныхъ* такимъ образомъ почвахъ можно уже съ *гораздо большей выгодой вести интенсивное хозяйство съ навозомъ*. 3) Фосфоритная мука безъ всякой обработки кислотами или иными способами производитъ сильное дѣйствіе при употребленіи ея подъ *рожь*. 4) Фосфоритная мука, употребленная подъ рожь, превосходно дѣйствуетъ одна, безъ совмѣстнаго примѣненія навоза. 5) Фосфоритная мука производитъ поразительное дѣйствіе на плохихъ, подзолистыхъ, давно уже не видавшихъ навоза почвахъ. Рожь, посѣянная на плохихъ почвахъ, какъ свѣжихъ, такъ и значительно уже выпаханныхъ безъ навоза, удобренныхъ *одною* фосфоритною мукою, такъ же хороша, какъ рожь на лучшихъ десятинахъ, удобренныхъ навозомъ. При извѣстныхъ условіяхъ фосфоритная мука *вполнѣ замѣняетъ* навозъ, дѣйствуетъ даже лучше навоза, потому что сразу отъ навоза такого дѣйствія получить нельзя.

Пришлось бы слишкомъ много положить навоза, и хлѣбъ полегъ бы. Я совершенно убѣжденъ, что во многихъ случаяхъ навозъ, употребляемый нами въ смоленской губерніи—безъ чего нельзя получить хлѣба—дѣйствуетъ только *своими минеральными веществами*. При производствѣ опытовъ съ фосфоритной мукой я совѣтую, для опредѣленія, требуется ли она для данной почвы, испытывать фосфоритную муку *одну*, безъ навоза, на самыхъ *плохихъ* почвахъ"...

А. Фаресовъ.

ТОКВИЛЬ

ВЪ ЕГО

ВОСПОМИНАНІЯХЪ, ПИСЬМАХЪ и РАЗГОВОРАХЪ.

I.

Только-что отпечатанныя „Воспоминанія Токвиля“ по своему интересу едва-ли уступаютъ надѣлавшимъ столько шума мемуарамъ Талейрана. Но имъ врядъ-ли суждено будетъ возбудить столько споровъ насчетъ ихъ подлинности. Всякое сомнѣніе въ этомъ падаетъ при сопоставленіи воспоминаній съ тѣмъ, можно сказать, единственнымъ въ своемъ родѣ литературнымъ памятникомъ, какой представляетъ двадцатипятилѣтній устный и письменный обмѣнъ ихъ автора съ англійскимъ экономистомъ Сеніоромъ. Почти по всѣмъ крупнымъ вопросамъ времени между обоими пріятелями не разъ происходили оживленныя бесѣды, содержаніе которыхъ Сеніоръ немедленно вносилъ въ записную книжку, присоединяя къ ней время отъ времени и получаемыя имъ отъ Токвиля. При ближайшемъ свиданіи замѣтки Сеніора поступали на просмотръ его корреспондента и собесѣдника, который не разъ отмѣчалъ на поляхъ невольныя погрѣшности или недосказы, вкравшіеся въ изложеніе. Въ 1872 году этотъ дневникъ и эта переписка отпечатаны были въ Лондонѣ въ двухъ томахъ подъ редакціей Симпсона. Появившіяся въ текущемъ мѣсяцѣ воспоминанія далеко не обхватываютъ всей эпохи личныхъ сношеній Сеніора и Токвиля (отъ 1834 по 1859 г.). Они касаются исключительно трехъ годовъ въ жизни и дѣятельности великаго французскаго публициста; но это тѣ годы, въ которые Токвилю, почти всецѣло по-

глощенному дотолѣ научными изслѣдованіями, пришлось съиграть дѣятельную роль въ историческомъ ходѣ событій и даже заправлять нѣкоторое время иностранной политикой Франціи на правахъ ея министра. Эти годы представляютъ къ тому же поворотный моментъ въ исторіи не одной французской, но и всей европейской гражданственности, такъ какъ ими впервые поставлены на очередь два доселѣ волнующіе общество вопроса: вопросъ соціальной реформы и вопросъ о національномъ единствѣ. Воспоминанія Токвиля написаны частью въ іюлѣ 1850 года, частью въ слѣдующую затѣмъ зиму. Послѣднія главы редактированы осенью 1851 г. Такимъ образомъ, авторъ велъ свой разсказъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего имъ пережитаго: революція 24-го февраля, іюльскіе дни, краткосрочное пребываніе въ рядахъ конституціонной коммиссіи министерства—одинаково находятъ здѣсь свое изображеніе. Воспоминанія начинаются изложеніемъ причинъ, поведшихъ ко второй республикѣ, и заканчиваются предсказаніемъ будущей диктатуры Наполеона. Оцѣнка лицъ и событій въ общемъ не расходится съ тою, какую даютъ намъ записанные Сеніоромъ разговоры. Но не говоря уже о томъ преимуществѣ, какое представляетъ непосредственное знакомство съ сужденіями Токвиля надъ сжатымъ пересказомъ его мыслей другими, мы впервые находимъ въ воспоминаніяхъ ту цѣльность и полноту картины, тотъ рядъ сжатыхъ и мѣткихъ характеристикъ, на которыя пока можно было встрѣтить только намеки въ дневникѣ. Воспоминанія повидимому должны были служить матеріаломъ для болѣе грандіозной попытки—изобразить ходъ французской исторіи въ періодъ времени отъ паденія буржуазной монархіи и до установленія цезаризма. Объ этомъ прямо говорится въ дневникѣ Сеніора [1]). Есть основаніе думать, что и эта сама по себѣ широкая задача только входила какъ составная часть въ еще болѣе обширную тему философскаго разсужденія о причинахъ и ходѣ французской революціи съ 1789 года до середины текущаго столѣтія. Въ томъ же дневникѣ упоминается о намѣреніи Токвиля задаться изслѣдованіемъ наполеоновскаго періода, такъ неудачно изображеннаго, по его словамъ, Тьеромъ, во всемъ, что̀ выходитъ изъ сферы военныхъ и финансовыхъ вопросовъ. Такимъ образомъ, обнародованный въ 1856 году томъ о „старомъ порядкѣ“ и дошедшіе до насъ отрывки по исторіи 1789 и ближнихъ годовъ должны были служить только вступительными главами къ изображенію поступа-

[1]) Въ письмѣ къ Сеніору, отъ 10-го апрѣля 1848 г., Токвиль говоритъ: I myself intend to write the history of the Revolution of 1848, if God preserves my life. Correspondence & Conversations of Tocqueville, стр. 88.

тельнаго хода французской демократіи. Болѣзнь и ранняя смерть помѣшали осуществленію этихъ намѣреній, и тѣ, кто желалъ бы, хотя въ общихъ чертахъ, возстановить планъ и основныя положенія этого, быть можетъ, грандіознѣйшаго историко-философскаго трактата, поставлены въ необходимость отгадывать его содержаніе по письмамъ, разговорамъ и воспоминаніямъ. Каждая вновь обнародованная страница пріобрѣтаетъ отъ этого тѣмъ большее значеніе, такъ какъ прямо или косвенно затрогиваетъ тѣ вопросы, обсужденію которыхъ предназначенъ былъ незаконченный трудъ. Послѣдній въ такой же мѣрѣ занимаетъ досугъ Токвиля въ годы его добровольнаго удаленія отъ дѣлъ, въ какой изображеніе судебъ американской демократіи поглощало всѣ его мысли въ тридцатыхъ годахъ.

Эта возможность найти въ воспоминаніяхъ хотя часть того, что долженъ былъ заключать въ себѣ трактатъ Токвиля о поступательномъ ходѣ французской демократіи, придаетъ имъ особенную цѣну. Я рѣшаюсь высказать увѣренность, что связанный съ ними интересъ далеко превосходитъ поэтому тотъ, какой представляютъ всякаго рода историческіе мемуары, написанные немедленно вслѣдъ за событіями и при томъ личными свидѣтелями и участниками. Рядомъ съ живымъ изображеніемъ февральской и іюньской революціи, ихъ причинъ и послѣдствій, мы находимъ въ „Воспоминаніяхъ“ постановку, а иногда и рѣшеніе тѣхъ вѣчныхъ вопросовъ политики, передъ которыми въ недоумѣніи останавливаются современныя демократіи. Не является ли въ самомъ дѣлѣ и въ наше время неосуществленнымъ идеаломъ устройство народнаго управленія на такихъ началахъ, при которыхъ общій интересъ не принесенъ былъ бы въ жертву интересамъ частнымъ, все равно, будутъ ли ими интересы профессіональныхъ политикановъ, или народной черни, руководимой самозванными вождями? Не остается ли доселѣ не менѣе роковой и неразрѣшенной задачей примиреніе свободы съ равенствомъ и республики съ частной собственностью; не задавались ли и мы еще недавно и не задаются ли доселѣ такіе случайные союзники народоправства, какими событія 1848 года сдѣлали Токвиля и его друзей, а событія 1871 года—Тьера и руководимую имъ партію? Не стоитъ ли также по прежнему на очереди вопросъ о естественныхъ союзникахъ французской демократіи, о необходимости новаго направленія ея политики, о разрывѣ съ прежней традиціей мнимаго равновѣсія и устройствѣ европейскаго согласія на демократическихъ принципахъ самодержавія и федераціи національностей? По всѣмъ этимъ вопросамъ автору „Воспоминаній“

не разъ приходится высказывать свое сужденіе. Не всѣ эти сужденія отличаются одинаковой вѣскостью и глубиною, хотя въ равной мѣрѣ носятъ печать искренности, неизмѣннаго желанія отрѣшиться отъ духа партій, достигнуть того объективнаго отношенія, какое даетъ только всестороннее и безпристрастное изученіе исторіи. Ихъ бо́льшая или ме́ньшая цѣна стоитъ въ прямомъ отношеніи къ теоретической подготовленности автора. И съ этой точки зрѣнія не безъинтересно сознаніе, дѣлаемое Токвилемъ въ письмѣ къ Сеніору еще въ 1837 году: „Я недостаточно свѣдущъ въ политической экономіи, этой важной отрасли человѣческаго знанія" [1]). Этимъ обстоятельствомъ объясняется не только рядъ ошибокъ, своевременно отмѣченныхъ Сеніоромъ, при чтеніи „Демократіи" въ Америкѣ, какъ напр. отнесеніе государственнаго долга къ капиталу націи [2]), или признаніе, что густота населенія сама по себѣ является источникомъ народнаго богатства [3]), но и суевѣрное отношеніе къ господствующимъ экономическимъ доктринамъ, какъ къ незыблемымъ истинамъ, одинаково примѣнимымъ во всѣ времена и во всѣхъ обстоятельствахъ. Непонятнымъ противорѣчіемъ представляется съ перваго взгляда тотъ фактъ, что доктринерство и абсолютность сужденій идутъ у Токвиля рука объ руку съ элементарностью свѣденій, принятіемъ тѣхъ или другихъ ходячихъ положеній на вѣру, безъ самостоятельнаго анализа и обслѣдованія. Но рѣдкому изъ насъ не представлялось случая убѣдиться лично въ томъ, что пристрастіе къ юридической и экономической догматикѣ, стремленіе подводить все разнообразіе существующихъ или существовавшихъ отношеній подъ узкія формулы и опредѣленія, составляютъ обычную характеристику людей, которыхъ занятіе исторіей могло бы, повидимому, пріучить къ мысли о неизбѣжной ограниченности всякаго рода обобщеній.

Несамостоятельнымъ отношеніемъ Токвиля къ вопросамъ производства и распредѣленія объясняется въ частности, почему въ современныхъ ему соціальныхъ движеніяхъ онъ неспособенъ былъ открыть ничего, кромѣ „грубаго отрицанія незыблемыхъ экономическихъ истинъ, жажду матеріальныхъ наслажденій, не-

---

[1]) You could not have given me any thing that I should have litred better than your outline of Political Economy. I have often confessed to you that I was insufficiently informed on this important portion of human science, and I have many times thought that you were the man most capable of supplying this deficiency (письмо отъ 11-го января 1837 года). Correspondence & conversations of Alexis de Tocqueville with Nassau William Senior from 1834 to 1859, стр. 17.

[2]) Т. IV перваго изд. „Американской демократіи".

[3]) Т. II, стр. 393. Эти ошибки отмѣчены въ письмахъ Сеніора отъ 17-го февраля 1835 года и отъ 27-го февраля 1841 года (стр. 4 и 24).

желаніе сознать зависимость человѣческихъ лишеній и бѣдности отъ божественнаго Промысла и т. под." [1]) Но сильный умъ и природная благожелательность нерѣдко берутъ у него верхъ надъ слѣпой преданностью къ экономической метафизикѣ. Подобно тому, какъ въ 1835-мъ году онъ въ перепискѣ съ Сеніоромъ рѣшается отстаивать то положеніе, что дробленіе собственности, вопреки принятому въ Англіи взгляду, является условіемъ народнаго благосостоянія и можетъ быть отстаиваемо одинаково политическими и нравственными соображеніями [2]),—такъ точно, пятнадцать лѣтъ спустя, задаваясь вопросомъ о будущей судьбѣ соціализма, только-что подавленнаго открытою силою, Токвиль дѣлаетъ слѣдующее поразительное въ его устахъ сознаніе: „Я не сомнѣваюсь въ томъ, что современные общественные устои подвергнутся значительному измѣненію въ будущемъ; они испытали ихъ уже отчасти, но настанетъ ли моментъ ихъ полнѣйшаго ниспроверженія и замѣны новыми? Я считалъ бы это неосуществимымъ. Не прибавлю ничего къ сказанному; ибо чѣмъ больше я изучаю старинный укладъ общества и чѣмъ болѣе вхожу въ подробности современнаго, чѣмъ ближе знакомлюсь съ крайнимъ

---

[1]) Объясняя причины февральской революціи, Токвиль между прочимъ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" о „malaise démocratique de l'envie qui travaillait sourdement la multitude", о „théories économique qui tendaient à lui faire croire que les misères humaines étaient l'oeuvre des lois et non de la Providence, et qu'on pouvait supprimer la pauvreté en changeant la société d'assiette". Souvenirs d'Alexis de Tocqueville, стр. 90.

[2]) Въ письмѣ къ Токвилю отъ 17-го февраля 1835 года Сеніоръ протестовалъ противъ того мнѣнія, будто благосостояніе бѣдныхъ принесено въ Англіи въ жертву интересамъ богатыхъ. „Путемъ самостоятельныхъ изслѣдованій,—писалъ онъ,—я пришелъ къ тому убѣжденію, что нигдѣ заработокъ рабочихъ не является болѣе значительнымъ, какъ въ Англіи. Правда, крестьянинъ не имѣетъ здѣсь земельной собственности, но для него самого выгоднѣе работать на другого, нежели воздѣлывать собственный крошечный участокъ".

„Большая сельско-хозяйственная культура такое же послѣдствіе раздѣленія труда, какъ и фактъ большого заработка, получаемаго фабричнымъ въ хлопчато-бумажномъ производствѣ, сравнительно съ тѣмъ, какой падаетъ въ удѣлъ кустарю, изготовляющему чулки на дому". Correspondence and conversations of Tocqueville, т. I, стр. 4.

Въ отвѣтъ на это Токвиль писалъ: „Впредь до представленія мнѣ доказательствъ противнаго я продолжаю думать, что въ Англіи богатые постепенно монополизировали въ своихъ рукахъ всѣ преимущества общежитія; даже допуская возможность большого заработка для безземельнаго батрака, я думаю, что мелкая собственность обезпечиваетъ извѣстныя политическія, нравственныя и умственныя преимущества, вполнѣ уравновѣшивающія ту потерю, о которой вы говорите". Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Токвиль позволяетъ себѣ не соглашаться съ мнѣніемъ Макъ-Куллоха о неудобствахъ, связанныхъ съ дробленіемъ земельной собственности (письмо отъ 21-го февраля 1835-го года). Ibid., стр. 7 и 8.

разнообразіемъ не только законовъ, но и принциповъ законодательства и формъ собственности,—тѣмъ рѣшительнѣе склоняюсь къ мысли, что учрежденія, признаваемыя необходимыми, на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ учрежденія, къ которымъ мы привыкли. Въ области соціальнаго творчества сфера возможнаго гораздо шире того, чѣмъ думаютъ это люди, живущіе въ извѣстныхъ условіяхъ общежитія“ [1]). Нельзя смотрѣть на только-что приведенныя слова какъ на выраженіе случайнаго и временнаго настроенія. Токвиль не разъ возвращается къ тѣмъ же мыслямъ, давая имъ новое и оригинальное развитіе въ письмахъ къ Стоффелю и г-жѣ Гротъ, женѣ извѣстнаго историка Греціи. Вотъ что̀ пишетъ онъ, напримѣръ, послѣдней 24-го іюля 1850-го года. „Вы защищаете основные принципы европейской гражданственности: свободу, личную отвѣтственность, собственность, и вы правы, такъ какъ не можете представить себѣ людей, которые жили бы внѣ подчиненія этимъ первичнымъ законамъ. Не могу представить себѣ этого и я, но все-же мнѣ приходится сознаться, что эти старые порядки, въ которыхъ мы живемъ и внѣ которыхъ ни вамъ, ни мнѣ, не представляется ничего возможнаго, на самомъ дѣлѣ крайне изношены. Не давая себѣ отчета въ томъ, что̀ бы могло занять ихъ мѣсто, я теряю вѣру въ незыблемость существующаго. Исторія служитъ ручательствомъ тому, что люди, бывшіе свидѣтелями упадка цѣлыхъ религіозныхъ и общественныхъ системъ, неспособны были представить себѣ то, что̀ идетъ имъ на смѣну. Это не помѣшало, однако, христіанству занять мѣсто язычества, свободному труду—рабства, варварамъ—римской цивилизаціи, феодальной іерархіи—варварства. Кто можетъ поэтому утверждать, что тотъ или другой общественный укладъ необходимъ и неизбѣженъ, что рядомъ съ нимъ не можетъ существовать другого“ [2]). Токвиль не заблуждается въ томъ значеніи, какое имѣютъ для будущаго іюньскіе дни. „Они пророчатъ,—пишетъ онъ Стоффелю,—не видоизмѣненіе, а перерожденіе общественнаго строя; чувствую, что наступаетъ конецъ старому міру“ [3]). Но если Токвиль не раздѣляетъ спокойной увѣренности своихъ единомышленниковъ въ незыблемости существующихъ обществен-

---

[1]) Je suis tenté de croire que ce qu'on appelle les institutions nécessaires ne sont souvent que les institutions, auxquelles on est accoutumé, et qu'en matière de constitution sociale le champ du possible est bien plus vaste que les hommes qui vivent dans chaque sociéte ne se l'imaginent. Souvenirs d'Alexis de Tocqueville, стр. 112.

[2]) Oeuvres complètes, т. VII, стр. 149.

[3]) Ibid. т. V, стр. 461, письмо отъ 28-го апрѣля 1850 г.

ныхъ устоевъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что онъ готовъ пожертвовать ими безъ боя. И въ воспоминаніяхъ, и въ частной корреспонденціи не разъ высказывается мысль, что обязанность порядочныхъ людей (honnêtes gens) отстаивать единственно доступные ихъ пониманію порядки и жертвовать въ случаѣ нужды даже жизнью для ихъ защиты [1]). Для Токвиля соціализмъ и коммунизмъ—не болѣе какъ анархическая метафизика, а вожаки народныхъ массъ, въ родѣ Барбеса и Бланки, честолюбивые безумцы, у которыхъ, по его словамъ, извѣстный аліенистъ Трела находилъ всѣ признаки сумасшествія [2]). Но это не заставляло Токвиля добровольно закрывать глаза на необходимость дѣятельной и неотложной борьбы съ пауперизмомъ. Онъ стоялъ за организацію во Франціи народнаго призрѣнія на англійскихъ началахъ и обложенія собственности, какъ недвижимой, такъ и движимой, подоходнымъ налогомъ, опять-таки по англійскому образцу. Его переписка съ Сеніоромъ показываетъ, что еще въ 1835-мъ г. законодательство о бѣдныхъ составляло для него предметъ живого интереса [3]). Въ разговорахъ, какіе пріятели вели на досугѣ въ Сорренто, зимою 1851 года, вопросъ объ устройствѣ помощи игралъ выдающуюся роль. „Каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы Франціи,—говорилъ Токвиль,—несомнѣнно одно: намъ необходимо законодательство о призрѣніи (a poor law)“. Критикуя мнѣніе Тьера, продолжавшаго стоять за систему общественныхъ мастерскихъ (ateliers nationaux), и производство самимъ государствомъ извѣстныхъ работъ съ помощью завербованныхъ имъ нищихъ, Токвиль въ то же время высказывался въ пользу обложенія состоятельныхъ жителей приходовъ особымъ „налогомъ на бѣдныхъ“. Тьеръ черпалъ свои взгляды изъ экономистовъ прошлаго вѣка и въ частности изъ Тюрго; Токвиль руководствовался вѣковымъ примѣромъ Англіи и тѣми реформами, какія въ законодательство Елизаветы внесены были, въ сороковыхъ годахъ

---

[1]) Письмо къ г-жѣ Гротъ (т. VII, стр. 150).

[2]) См. Souvenirs, стр. 187. Въ засѣданіи 15-го марта 1848-го г., послѣ вторженія народной толпы, Трела говорилъ Токвилю: „des fous, des foux véritables ont amené ceci. Je les ai tous pratiqués ou traités. Blanqui est un fou. Barbès est un fou. Sobrier est un fou, Huber surtout est un fou, tous fous, monsieur, qui devraient être à ma Salpétrière et non ici“. Самъ Токвиль, повидимому, не далекъ былъ отъ мысли, что полусумасшествіе не вредитъ въ эпоху народныхъ возстаній и, предугадывая Ломброзо, заявлялъ, что въ нихъ настоящіе сумасшедшіе играли не разъ весьма видную политическую роль.

[3]) См. стр. 11, 12, 14 и слѣд. Въ апрѣлѣ 1848 г. Токвиль пишетъ Сеніору, что законодательство о нищихъ давно сдѣлалось необходимостью. Correspondence etc., стр. 36.

текущаго столѣтія, благодаря почину людей въ родѣ Сеніора. По словамъ послѣдняго, онъ не рѣшался на признаніе обязательности общественной помощи. Слѣдуетъ ли закону,—спрашивалъ онъ себя,—установить за правило, что никто не долженъ умирать съ голоду и всякій въ правѣ разсчитывать на поддержку? При утвердительномъ отвѣтѣ система рабочихъ домовъ, дѣлающая положеніе призрѣваемыхъ настолько тяжкимъ, что никто не согласится избрать его иначе, какъ подъ давленіемъ необходимости, казалась ему неизбѣжною. Отъ его вниманія не ускользалъ вредъ, какой можетъ нанести частной предпріимчивости право нищихъ на призрѣніе. Онъ боялся, что отъ него пострадаетъ бережливость и привычка откладывать излишекъ про черный день [1]).

Вооружаясь, въ своихъ „Воспоминаніяхъ", противъ всякой идеи обложенія налогомъ богатыхъ и ограниченія свободы завѣщательныхъ распоряженій, Токвиль въ то же время признаетъ неотложнымъ введеніе подоходнаго налога.

Еще шире были уступки, дѣлаемыя имъ интересамъ народныхъ массъ въ сферѣ политическихъ вопросовъ. Значительное расширеніе избирательнаго права издавна находило въ немъ приверженца. Еще 19-го января 1848 г., т.-е. почти за мѣсяцъ до революціи, Токвиль въ рѣчи, произнесенной имъ въ камерѣ депутатовъ, заявлялъ, что вѣритъ въ пользу такой реформы [2]). Положеніе, какое въ іюльскую монархію буржуазія заняла по отношенію къ низшимъ классамъ,—положеніе, заставлявшее смотрѣть на нее какъ на своего рода аристократію, не представлявшую другого отличія отъ настоящей, кромѣ того, что ей чужды были высшія стремленія и доступно вліяніе подкупа, находило въ Токвилѣ еще въ августѣ 1848 г. строгаго и проницательнаго критика [3]).

Это не значитъ, однако, чтобы онъ высказывался когда-либо въ пользу неограниченнаго права голосованія, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его Ледрю-Ролленъ. Наоборотъ, съ рѣзкимъ осужденіемъ относится онъ къ Корменену, за его равнодушіе къ вопросу, отъ котораго зависѣло будущее Франціи. Корменeнъ утверждалъ, что онъ съ интересомъ собирается слѣдить за тѣмъ, какіе результаты дастъ законъ, объявлявшій избирателями лакеевъ, нищихъ и солдатъ [4]).

---

[1]) Correspondence & Conversations of Tocqueville. T. I, стр. 204 и 205.

[2]) „Je crois à l'utilité de la réforme électorale", заявлялъ онъ. „Souvenirs", стр. 19.

[3]) Письмо отъ 25-го августа 1847-го г. Correspondence etc., т. I, стр. 82.

[4]) On sait que la loi d'après laquelle la constituante avait éte nommée était

Выборы не замедлили, однако, примирить Токвиля съ всеобщимъ голосованіемъ. Будучи произведены вслѣдъ за подавленіемъ іюньскаго возстанія, они отразили на себѣ вліяніе недавно пережитаго народомъ страха. Они не коснулись всей страны, но — тамъ, гдѣ они имѣли власть, были задѣты всѣ консервативные элементы: крупные собственники, малоземельное крестьянство, богатая деньгами буржуазія, сошлись въ желаніи создать въ депутатахъ стражей существующей имущественной организаціи. Никогда еще со временъ реставраціи дворянство не выставляло бо̀льшаго числа кандидатовъ, и никогда эти кандидаты не встрѣчали бо̀льшей поддержки въ массѣ избирателей. Демократическая Франція оказывалась не только терпимою по отношенію къ безвреднымъ отнынѣ въ ея глазахъ феодальнымъ элементамъ,—она проявляла себя еще страною глубоко католическою, страною, готовою ввѣрить руководство своими судьбами не только порвавшему съ куріей, но не съ церковью, Ламене, и убѣжденному ультрамонтану, какимъ былъ доминиканецъ Лакордеръ. Токвиль отмѣчаетъ то впечатлѣніе, какое вызвало въ консерваторахъ отношеніе къ нимъ самодержавнаго народа. „Прежде они питали къ всеобщему голосованію полное недовѣріе, теперь они высказывали на его счетъ столь же безграничныя надежды". Каково же было ихъ недоумѣніе и негодованіе, когда вскорѣ послѣдовавшіе общіе выборы дали благопріятные монтаньярамъ результаты [1])! Токвиль позволяетъ себѣ по этому поводу замѣчаніе, которое даетъ право думать, что въ его глазахъ ничто не можетъ быть предсказано съ мѣньшимъ вѣроятіемъ, какъ то, въ чью пользу выскажутся народныя массы; „онѣ приводятся, — говоритъ онъ, — въ дѣйствіе причинами, столь же непостижимыми, какъ тѣ, какія руководятъ движеніями морей" [2]). Если тѣмъ не менѣе Токвиль высказывается, въ концѣ концовъ, въ пользу всеобщаго голосованія, то потому, что видитъ въ немъ единственное законное обоснованіе существующихъ властей. Въ его глазахъ, кто, какъ не народъ, то-есть вся совокупность

---

son ouvrage. Au moment des élections générales, je le rencontrai, et il me dit avec une certaine complaisance: „A-t-on jamais vu dans le monde rien de semblable à ce qui se voit aujourd'hui? Où est le pays où l'on a jamais été jusqu'à faire voter les domestiques, les pauvres, les soldats? Avouez que cela n'avait jamais été imaginé jusqu'ici". Et il ajouta, en se frottant les mains: „Il sera bien curieux de voir ce que tout cela va produire". Il en parlait comme d'une expérience de chimie. „Souvenirs", стр. 286.

[1]) „Souvenirs", стр. 292.

[2]) Car les grandes masses d'hommes se meuvent en vertu de causes presque aussi inconnues à l'humanité elle-même que celles qui règlent les mouvements de la mer (ibid., стр. 292).

совершеннолѣтнихъ гражданъ, не живущихъ общественной благотворительностью и потому сохраняющихъ свою независимость, могъ бы принять на себя наслѣдіе той основанной на легитимизмѣ монархіи, съ которою связывали Токвиля семейныя традиціи. Его нерасположеніе къ іюльской монархіи обусловливалось главнымъ образомъ сомнѣніемъ въ законности того титула, какой одновременно присвоивали себѣ на управленіе страною узурнаторъ-король и зажиточная буржуазія. „Никогда,—говорилъ онъ Сеніору,—правительство не опиралось на болѣе узкій и зыбкій фундаментъ. Оно не могло похвалиться ни численностью своихъ адептовъ, ни ихъ богатствомъ или образованіемъ, ни древностью рода. Двѣсти тысячъ человѣкъ, платившихъ каждый 200 франковъ прямого налога, составляли такъ называемое pays légal. Правительство вызывало презрѣніе въ низшихъ классахъ и ненависть въ высшихъ. Людовикъ-Филиппъ находилъ поддержку только въ алчной и себялюбивой плутократіи“ [1]). Въ „Воспоминаніяхъ“ можно найти отраженіе этихъ взглядовъ: „Нація,—говоритъ Токвиль,—въ правленіе Людовика-Филиппа пріучилась смотрѣть на дебаты камеръ и на борьбу парламентскихъ партій какъ на нѣчто ей постороннее. Они являлись въ ея глазахъ подобіемъ внутреннихъ раздоровъ между родственниками, желающими провести другъ друга при раздѣлѣ наслѣдства“ [2]). „Во Франціи,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же „Воспоминаній“,—правительство, ищущее точку опоры въ интересахъ и страстяхъ одного какого-нибудь класса гражданъ, впадаетъ тѣмъ самымъ въ роковую ошибку. У другихъ націй, менѣе честолюбивыхъ и болѣе привыкшихъ дорожить матеріальными благами, такая политика еще можетъ быть удачной; но у насъ стòитъ правительству сдѣлаться непопулярнымъ, и тотъ самый классъ, интересамъ котораго оно принесло въ жертву свою популярность, не замедлитъ присоединиться къ числу хулителей, забывая даже о тѣхъ привилегіяхъ, какія обезпечило ему вызвавшее неодобреніе правительство“. Токвиль въ подтвержденіе своей мысли ссылается на примѣръ до-революціоннаго дворянства, которое, подчиняясь вліянію моды, голосило противъ собственныхъ привилегій и громило тѣ самыя злоупотребленія, отъ которыхъ оно жило. Въ виду сказаннаго онъ полагаетъ, что „лучшимъ условіемъ долговѣчности является для всякаго правительства управленіе въ интересахъ всѣхъ“ [3]). Дѣйствительную причину, подготовившую упадокъ іюльской монархіи, Токвиль, какъ видно изъ

[1]) Сеніоръ. Дневникъ 28-го августа 1850 г., стр. 133.
[2]) Стр. 11.
[3]) Стр. 57.

его письма къ Сеніору, отъ 10-го апрѣля 1848 г., видѣлъ въ привитомъ правительствомъ буржуазіи классовомъ эгоизмѣ. „Это заставило ее,—говоритъ онъ,—отдѣлить свои интересы отъ интересовъ низшихъ слоевъ общества, изъ среды которыхъ она вышла. Вся моя надежда,—прибавляетъ онъ,—лежитъ въ настоящее время въ добромъ поведеніи этихъ низшихъ слоевъ. Имъ недостаетъ, правда, знаній, но ихъ инстинкты и нравственныя стремленія заслуживаютъ всяческихъ похвалъ“ [1]). Послѣ сказаннаго неудивительно, если и годъ спустя, несмотря на пережитое имъ разочарованіе, несмотря на порожденное іюльскими днями сомнѣніе въ умѣренности французскаго простонародья и пристрастіи его къ порядку, Токвиль продолжаетъ стоять за сохраненіе всеобщаго голосованія. „Не въ правѣ ли мы считать себя счастливыми,—пишетъ онъ Стоффелю,—при мысли, что мы состоимъ нынѣ въ обладаніи этимъ правомъ; гдѣ найти другую наковальню для выдѣлки политическихъ властей? Въ обществѣ, въ которомъ нѣтъ больше вѣры ни въ людей, ни въ идеи, гдѣ все подвижно и слабо, необходима прежде всего какая бы то ни была власть. Безъ нея оно впало бы въ разложеніе. Но гдѣ, какъ не во всеобщемъ правѣ голосованія, можетъ власть почерпнуть въ настоящее время необходимую ей правительственную силу? Въ этомъ, на мой взглядъ, лежитъ главное, скажу болѣе, единственное достоинство всеобщаго участія въ выборахъ. Что же касается достигнутыхъ имъ пока результатовъ, то въ нихъ много случайнаго и преходящаго. Тѣмъ, которые думаютъ найти здѣсь предсказаніе для будущаго,—тѣмъ раскрытіе настоящаго характера suffrage universel только доказываетъ ихъ близорукость“ [2]).

Поддержку Токвиля находитъ также, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, такъ называемый scrutin de liste, т.-е. право участвовать въ выборѣ депутатовъ цѣлаго департамента, не ограничиваясь, какъ нынѣ, подачей голоса за одного кандидата отъ округа, въ которомъ живетъ избиратель. Въ перепискѣ съ Сеніоромъ, какъ и въ личныхъ бесѣдахъ съ нимъ, не разъ ставился вопросъ объ относительныхъ преимуществахъ той или другой системы выборовъ, и Токвиль неизмѣнно высказывался въ пользу этого новаго порядка. При прежнемъ, когда приблизительно каждые 500 человѣкъ имѣли право назначить депутата, послѣднему не трудно было купить голоса избирателей. Не всегда даже

---

[1]) Correspondence vith Senior, т. I, стр. 37 и 38. Письмо отъ 10-го апрѣля 1848 года.

[2]) Письмо къ Эжену Стоффелю, отъ 9-го марта 1849 г. Oeuvres complètes d'Alexis de Tocqueville, изд. 1866 г., т. VII, стр. 259.

приходилось ему расплачиваться собственнымъ кошелькомъ; достаточно было пообѣщать то или другое мѣсто въ администраціи подъ условіемъ поддержки правительственной кандидатуры. Новые порядки кладутъ конецъ такой практикѣ; они, по словамъ Токвиля, имѣютъ то громадное преимущество, что заставляютъ демократическихъ избирателей направлять свой выборъ на лицъ, пользующихся извѣстностью, и въ то же время освобождаютъ избранниковъ отъ непосредственнаго подчиненія лицамъ, ихъ назначившимъ [1]).

II.

Приверженность къ принципу народнаго самодержавія, заставлявшая Токвиля открыто высказываться противъ тѣхъ ограниченій, какимъ законъ 31-го марта 1851 г. подвергъ всеобщее голосованіе, позволяетъ ли она смотрѣть на него какъ на сторонника республики? „Воспоминанія“ содержатъ въ себѣ заявленіе, идущее наперекоръ такому допущенію. „Я,—пишетъ ихъ авторъ,—ненавидѣлъ монтаньяровъ и не дорожилъ республикой; но, какъ ревнитель свободы, не могъ воздержаться отъ опасеній, что послѣдствіемъ іюльскихъ дней будетъ ея скорая погибель“ [2]). Смыслъ только-что приведенныхъ словъ становится понятенъ только при сопоставленіи ихъ съ тою личною исповѣдью, какую Токвилю не разъ приходилось дѣлать своимъ друзьямъ письменно и устно. „Я не знаю,—говоритъ онъ въ обращеніи къ Стоффелю,—въ правѣ ли я сохранить еще надежду на то, что въ нашей странѣ установится правильный политическій порядокъ, правительство въ одно время сильное и либеральное. Оно, какъ ты знаешь, составляло идеалъ моей юности и остается имъ и въ зрѣломъ возрастѣ“ [3]). „У меня нѣтъ политическихъ традицій, я не закабаленъ ни одной партіи, мнѣ чуждо всякое иное стремленье, кромѣ заботы о сохраненіи человѣческой свободы и человѣческаго достоинства“,—такъ сознается Токвиль еще откровеннѣе въ письмѣ къ старому другу, легитимисту Кергобле [4]).

Изъ сопоставленія этихъ отрывковъ можно, разумѣется, вывести только одно заключеніе. Это то, что Токвиль ставилъ содержаніе выше формы и политическую свободу выше одностороннято пристрастія къ монархіи и республикѣ. Переворотъ 1830

---

[1]) Дневникъ Сеніора, отъ 23-го августа 1850 г., т. I, стр. 185.

[2]) Стр. 256.

[3]) Письмо отъ 21-го іюля 1848 года. Oeuvres compl., т. V, стр. 457.

[4]) Письмо отъ 15-го декабря 1850 года, ibid, т. VII, стр. 264.

года, сразу откинувшій его товарища Кергобле въ ряды непримиримыхъ противниковъ новой династіи, не помѣшалъ Токвилю служить дѣлу свободы въ рядахъ конституціонной оппозиціи и предупреждалъ время отъ времени правительство насчетъ опасности полагаться на матеріальное довольство и видимое безмолвіе народныхъ массъ какъ на залогъ долговѣчности. Высказывая уже въ это время ту самую мысль, которая послужитъ ему общимъ критеріемъ для оцѣнки благоразумія отдѣльныхъ правительствъ, то-есть готовность ихъ на своевременныя уступки народнымъ требованіямъ [1]), Токвиль еще въ 1847-мъ году пророчилъ близость потрясенія, направленнаго не столько противъ политическихъ, сколько противъ соціальныхъ основъ существующаго порядка. Въ его „Воспоминаніяхъ" можно встрѣтить мѣткую характеристику того постепеннаго упадка, въ какое пришла іюльская монархія, благодаря нерадѣнію къ интересамъ низшихъ классовъ общества, сосредоточенію политической жизни въ рукахъ буржуазіи и успѣшнымъ усиліямъ обратить, при содѣйствіи подкупа и правительственной кандидатуры, конституціонную монархію въ фактически абсолютную. Едва-ли не лучшій отвѣтъ на недавнія инсинуаціи графа Парижскаго, на пущенныя имъ въ ходъ обвиненія въ нравственной негодности управляющихъ Франціею людей и невозможности возродить націю иначе какъ путемъ монархической реставраціи [2]), даетъ слѣдующій отрывокъ изъ „Воспоминаній" Токвиля: „потомство, вниманіе котораго привлекаютъ только бьющія въ глаза преступленія, а не скрытые пороки правительствъ, по всей вѣроятности никогда не будетъ знать, въ какой степени іюльская монархія приняла въ послѣдніе годы своего существованія характеръ промышленной компаніи, всѣ операціи которой направлены къ одной цѣли: доставить возможную выгоду входящимъ въ составъ ея членамъ. Естественные инстинкты господствующаго класса, неограниченность его власти и самый духъ времени—придали правительству это направленіе. Король Людовикъ-Филиппъ въ свою очередь не мало со-

---

[1]) Въ письмѣ къ лорду Реднорь, отъ 26-го мая 1848 года, Токвиль говоритъ: Nous sommes au milieu d'une révolution générale des peuples civilisés, et je crois qu'aucun d'entre eux à la longue n'y échappera. Il n'y a qu'un moyen d'éloigner et d'atténuer cette révolution, c'est de faire avant d'y être forcés tout ce qui est possible pour améliorer le sort du peuple. Oeuvres, т. VI, стр. 189.

[2]) La monarchie seule peut donner ce pouvoir fort et stable, uniquement préoccupé du bien public, qui mettra un terme au trouble moral.—Lettre du comte de Paris aux présidents des comités monarchiques de France. Villamaurique, ce 23 mars 1893.

дѣйствовалъ такому результату [1]). Недоставало тогдашнему обществу,—замѣчаетъ далѣе Токвиль,—именно политической жизни. Она была немыслима въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія ставила ей созданная конституціей pays légal: старинная аристократія была поражена, народъ исключенъ отъ дѣлъ. Такъ какъ все рѣшалось членами одного класса, въ его интересахъ и его духѣ, то нельзя было даже найти подходящей арены для столкновенія партій; тождество положеній, интересовъ и воззрѣній отнимало у парламентскихъ дебатовъ всякую оригинальность, всякій дѣйствительный смыслъ, всякую искреннюю страстность. Я провелъ десять лѣтъ моей жизни,—пишетъ Токвиль,—въ обществѣ выдающихся умовъ, которые, постоянно волнуясь, въ то же время ни разу неспособны были возбудить въ себѣ горячности... Нѣкоторые случайно обнаруженные факты подкупа, вызывая подозрѣніе въ существованіи ряда другихъ, старательно скрываемыхъ, породили увѣренность, что весь правящій классъ нравственно испорченъ, а это въ свою очередь вызвало всеобщее, хотя и спокойное презрѣніе, ошибочно принимаемое за довѣрчивое подчиненіе... Все, повидимому, было разсчитано на то, чтобы, сохраняя благопріятныя свободѣ учрежденія, обезпечить королевской власти близкое къ деспотіи могущество. Нормальный ходъ правительственной машины спокойно и безъ усилій достигалъ этого результата" [2]).

Противъ такого быстраго вырожденія общественныхъ нравовъ и политическихъ учрежденій время отъ времени раздавались энергическіе протесты, безъ труда заглушаемые большинствомъ. Въ число ихъ надо поставить рѣчь, произнесенную Токвилемъ въ палатѣ депутатовъ 29-го января 1848 года. Въ ней открыто

---

[1]) Souvenirs, стр. 7.

[2]) Souvenirs, стр. 11 и 12. Срав. съ приведеннымъ въ текстѣ отрывкомъ содержаніе письма Токвиля къ Грегу отъ 27 іюля 1853 г.: Le système électoral de la monarchie constitutionnelle,—говорится въ немъ между прочимъ,—avait un vice énorme, q'à mon sens a été la cause première de la chute de cette monarchie. Il reposait sur un trop petit nombre d'électeurs. Il résultat de ceci que le corps électoral finit bientôt par ne former qu'une petite oligarchie bourgeoise préoccupée de ses intérêts particuliers, séparée du peuple, dont elle ne s'occupait pas et qui ne s'occupait pas d'elle... Presque toute la nation fut ainsi amenée à croire que le système représentatif n'était autre chose qu'une machine politique propre à faire dominer certains intérêts particuliers, et à faire arriver toutes les places dans les mains d'un certain nombre de familles... Le gouvernement n'a jamais corrompu les électeurs... en donnant de l'argent. Mais il faisait espérer des places ou de l'avancement. Aux plus honnêtes il promettait que la commune dans laquelle ils habitaient recevrait... les secours pour réparer les églises, les écoles, les ponts (т. VI, стр. 214).

говорилось объ упадкѣ публичной нравственности, о вырожденіи самаго духа правительственныхъ учрежденій, и высказывалась мысль, что власть обыкновенно теряется тѣми, кто недостоинъ владѣть ею. Въ доказательство ораторъ ссылался на примѣръ старинной монархіи. Почему пала она,—спрашивалъ онъ:—въ силу ли случайности, по винѣ ли того или другого человѣка, благодаря ли дефициту, или присягѣ въ jeu de Paume и дѣйствіямъ Лафайэта или Мирабо? Далеко не поэтому,—слѣдовалъ отвѣтъ.—Причина ея паденія лежитъ въ томъ, что правящій классъ своимъ индифферентизмомъ, эгоизмомъ и порочностью показалъ себя недостойнымъ власти. Прилагая ту же мѣрку къ современнымъ политическимъ дѣятелямъ, Токвиль взывалъ къ необходимости радикальной перемѣны въ самомъ духѣ правительства, прибавляя, что этотъ духъ приведетъ неизбѣжно къ безднѣ [1]. Въ бесѣдахъ съ Сеніоромъ онъ дополнялъ эту картину внутренняго вырожденія буржуазной монархіи, говоря: одни и тѣ же члены такъ названнаго Гизо pays légal участвовали въ изданіи законовъ, какъ депутаты, и въ ихъ примѣненіи, какъ администраторы. Но ихъ законы и управленіе представляли собою не болѣе какъ рядъ маневровъ, направленныхъ къ тому, чтобы обезпечить торжество собственныхъ интересовъ, выгоду небольшой кучки избирателей. Такое поведеніе способно было вызвать—и въ дѣйствительности вызывало—только подозрѣніе, презрѣніе, зависть, однимъ словомъ, всякаго рода враждебныя чувства, за исключеніемъ одного: страха. Іюльская монархія осуждена была на погибель. Нанесенный ей въ 1848-мъ году ударъ былъ, разумѣется, дѣломъ случая, но подобный исходъ рано или поздно былъ неизбѣженъ [2]. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы народъ, произведшій февральскую революцію, сознательно стремился къ установленію республики. Токвиль рѣшается даже утверждать, что ея собственно никто не желалъ [3]. Онъ объясняетъ свою мысль, говоря, что хотя во Франціи не существуетъ привязанности къ той или другой династіи, но это обстоятельство не мѣшаетъ тому, чтобы въ обществѣ установилось почти всеобщее убѣжденіе въ необходимости королевской власти. Можно было думать одно время, что бѣгство Людовика-Филиппа поведетъ къ провозглашенію регентства въ лицѣ герцогини Орлеанской. Но послѣдняя обнаружила отсутствіе упорства и твердо-

[1]) Souvenirs, стр. 17—20.

[2]) Correspondence with Tocqueville, стр. 134.

[3]) Письмо Гроту отъ 27-го февраля 1849 г.: Quoiqu'il en soit, la nation ne voulait point de révolution. Elle voulait encore moins la république.—Oeuvres compl., т. VI, стр. 145.

сти. Принадлежность къ протестантизму лишила ее поддержки духовенства. Республика установилась во Франціи по двумъ причинамъ: во-первыхъ, благодаря тому, что Парижъ, сдѣлавшійся за послѣдніе полвѣка первымъ мануфактурнымъ городомъ Франціи, въ одинъ день поставилъ республиканской партіи цѣлую армію рабочихъ, а во-вторыхъ потому, что, благодаря централизаціи, столица, кто бы ни говорилъ ея именемъ, осуществляла надъ страною своего рода диктатуру [1]). Токвиль распредѣляетъ отвѣтственность въ произведенномъ переворотѣ безпристрастно между всѣми партіями, не освобождая отъ нея и членовъ либеральной оппозиціи, къ числу которыхъ принадлежалъ онъ самъ. Стѣснительныя мѣры противъ печати и права сходокъ вызвали справедливое раздраженіе. Но поведеніе оппозиціи въ устройствѣ революціонныхъ банкетовъ вышло за предѣлы дозволенной конституціею агитаціи. Людовикъ-Филиппъ, запуганный примѣромъ Карла X, обнаружилъ излишнюю поспѣшность въ распущеніи министерства Гизо, и революціи пришлось, благодаря этому, имѣть дѣло не съ сильнымъ восьмилѣтнею отвѣтственностью кабинетомъ, а съ министерствомъ, быстро набраннымъ изъ рядовъ оппозиціи и готовымъ съ перваго шага удалить войска отъ Парижа [2]).

Какъ бы то ни было, разъ достигнута была поставленная революціонерами задача, орлеанская династія сразу потеряла всякую поддержку въ обществѣ. Токвиль сообщаетъ, что въ годы, отдѣляющіе февральскую революцію отъ coup d'état Наполеона, никто ни разу не вспомнилъ ни о Людовикѣ Филиппѣ, ни о протестантской регентшѣ, ни о принцахъ крови, тщетно искавшихъ въ примиреніи съ законной династіей и ея приверженцами новыхъ для себя устоевъ, и не думавшихъ о томъ, что тѣмъ самымъ они теряютъ прежнія, другими словами—колеблютъ въ сторонникахъ свободы и равенства надежду на то, что возстановленіе монархіи не поведетъ за собою оживленія ненавистнаго Франціи стараго порядка [3]). Все это вмѣстѣ взятое сдѣлало изъ Токвиля

---

[1]) Souvenirs, стр. 144.

[2]) Ibid., стр. 51.

[3]) Сеніоръ приводитъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія сужденія Токвиля о шансахъ монархической реставраціи: The monarchical parties are contemptible; the legitimists are hated and feared by ninetenths of the people, the orleanists areaset of generals without an army (т. I, стр. 253). In fact what is called Fusion by the Orleanists in simply going over to the legitimists side for what do they get for the party, which they call their own? (стр. 258). In cooperating to bring back Henry V the Orleanists give up their chance (261 стр.). The Anti-Fusionists of the

республиканца по необходимости, республиканца-консерватора, убѣжденнаго, что только въ защитѣ порядка, въ охранѣ собственности, исторически сложившихся общественныхъ устоевъ, республика найдетъ условіе долговѣчности. Можно сказать, что отношеніе Токвиля къ народному самодержавію, къ торжеству представительной демократіи, свободной отъ противовѣса наслѣдственной исполнительной власти, лишено было всякаго энтузіазма. И въ позднѣйшую эпоху своей жизни, бесѣдуя съ Сеніоромъ о судьбахъ второй французской республики, Токвиль не скрывалъ, что аристократія въ его глазахъ болѣе благопріятна сохраненію свободы. Сеніоръ приписываетъ ему даже весьма рѣзкія выраженія противъ всеобщаго голосованія — „этого пагубнаго учрежденія, вредныя послѣдствія котораго всего труднѣе парализовать". Но къ этому мѣсту дневника самъ Токвиль сдѣлалъ слѣдующую приписку: „эта сентенція преувеличиваетъ мою мысль" (va plus loin que ma pensée). Я думаю, что участіе всѣхъ въ выборахъ можетъ быть комбинировано съ учрежденіями, уменьшающими опасность его для свободы" [1]). Мы сейчасъ увидимъ, что̀ именно разумѣлъ Токвиль, говоря о такой комбинаціи. Но прежде чѣмъ перейти къ анализу его взглядовъ на необходимость извѣстныхъ противовѣсовъ самодержавному народу и его представителямъ, отмѣтимъ ту поразительную аналогію, какую отношеніе Токвиля ко второй французской республикѣ представляетъ съ тѣмъ положеніемъ, какое занялъ Тьеръ по отношенію къ третьей. И легитимисты, и орлеанисты одинаково сознаютъ невозможность возвращенія къ наиболѣе сочувственнымъ имъ политическимъ порядкамъ. Они знаютъ, что нація пойдетъ противъ нихъ и не допуститъ реставраціи. Они одинаково сознаютъ безсиліе и непопулярность претендентовъ. Трудно согласить взаимно исключающія другъ друга династическія притязанія. Но, сознавая невозможность реставраціи, они продолжаютъ тѣмъ не менѣе относиться съ недовѣріемъ къ народовластію. Предъ ихъ глазами рисуется призракъ якобинизма 1793 года и іюльской уличной рѣзни. Они — враги монтаньяровъ и соціалистовъ, враги воздвигаемаго ими краснаго знамени. И вотъ почему въ головѣ каждаго изъ нихъ складывается убѣжденіе, для котораго Тьеръ найдетъ со временемъ наиболѣе удачную

Orleans party hate the Fusionists more bitterly even than they do the legitimists (258 стр.)... The protestantism of the Duchess of Orleans is alone an insurmontable objection (to Orleanism). It opposes to her the whole influence of the clergy and that influence is stronger now than it has been since the death of Louis XIV (стр. 260).

[1]) Дневникъ Сеніора отъ 21-го февр. 1854 г., т. II, стр. 69.

формулу, говоря: „республика будетъ консервативной, или ея не будетъ". Но чтобы сдѣлать возможной такую консервативную республику, оба такъ мало похожіе другъ на друга политическіе дѣятеля сходятся въ убѣжденіи, что необходимо приблизить по возможности республиканскіе порядки къ порядкамъ конституціонной монархіи. Англія, и только на второмъ планѣ Америка, служатъ имъ образцами для подражанія. Замѣчательно, что ни тотъ, ни другой, не высказываются въ пользу назначенія главы исполнительной власти націей путемъ всеобщаго голосованія, и предпочитаютъ ему англійскій порядокъ—передачи ея въ руки назначеннаго представительствомъ президента. Оба видятъ необходимость сохранить по отношенію къ избранной всеобщимъ голосованіемъ камерѣ противовѣсъ верхней палаты, не представляющей ничего общаго съ построеннымъ на федералистическомъ принципѣ американскимъ сенатомъ. Оба, наконецъ, стоятъ за сохраненіе традиціи конституціонной монархіи, въ дѣлѣ организаціи суда, протестуя противъ назначенія его членовъ путемъ народныхъ выборовъ и требуя несмѣняемости магистратуры. Но на этомъ и ограничивается сходство въ пониманіи обоими невольными союзниками республики ея консервативныхъ основъ. Тогда какъ Токвиль видитъ въ административной централизаціи опаснѣйшаго для свободы врага, Тьеръ говоритъ о ней какъ о драгоцѣннѣйшемъ пріобрѣтеніи революціи, какъ о предметѣ зависти для Европы.

Въ конституціонномъ комитетѣ, назначенномъ учредительнымъ собраніемъ 1848 г., Токвилю суждено было дать выраженіе своимъ взглядамъ на тѣ средства, какими народное самодержавіе и всеобщее голосованіе могутъ быть примирены съ порядкомъ и свободой. Выбранный въ число его членовъ, наравнѣ съ Одилономъ-Барро, Беніо и Ланжинэ, скоро сдѣлавшихся его политическими союзниками, Токвиль встрѣтилъ въ большинствѣ членовъ комитета, руководимомъ Кормененомъ, рѣшительный отпоръ. Конституція 1848 года въ цѣломъ нисколько не отражаетъ на себѣ вліянія политическихъ взглядовъ,—во многомъ она является, можно сказать, ихъ антиподомъ. Чтобы познакомиться съ тѣмъ, на какихъ началахъ Токвиль считалъ нужнымъ построить зданіе французской демократіи, необходимо обратиться поэтому не къ тексту конституціи, а къ протоколамъ конституціоннаго комитета. „Воспоминанія" облегчаютъ намъ эту задачу. Цѣлая глава въ нихъ посвящена подробному описанію всего происходившаго въ стѣнахъ комитета и, въ частности, той роли, какую суждено было играть въ немъ ихъ автору. Эта глава, на нашъ взглядъ, едва-ли

не самая цѣнная, такъ какъ знакомитъ насъ непосредственно съ мыслями Токвиля о нормальныхъ условіяхъ республики во Франціи. Эти мысли доселѣ не потеряли своей цѣны; онѣ отвѣчаютъ тѣмъ самымъ запросамъ, какіе и въ наши дни предъявляютъ сторонники одновременно свободнаго, сильнаго и народнаго правительства [1]).

Давая общую оцѣнку дѣятельности конституціоннаго комитета, „Воспоминанія" прежде всего останавливаются на его личномъ составѣ. Преобладающимъ элементомъ являлись политическіе дѣятели и администраторы эпохи реставраціи и іюльской монархіи. „Они,—пишетъ Токвиль,—никогда не видѣли и не изучали другихъ порядковъ, кромѣ монархическихъ, да и послѣдніе были извѣстны имъ не столько въ ихъ принципахъ, сколько въ примѣненіи. Можно судить, какъ трудно было бы имъ войти въ циклъ новыхъ республиканскихъ идей, дать имъ смѣлое, систематическое, а не робкое и отрывочное выраженіе". Что касается до небольшого числа старинныхъ республиканцевъ, въ родѣ Марастра, редактора „National", и Волабеля, то они, по мнѣнію Токвиля, всецѣло черпали свои мысли изъ однѣхъ газетъ. Оставалось затѣмъ незначительное меньшинство монтаньяровъ, представленныхъ всего-на-все двумя лицами, Ламенэ и Консидераномъ, „химерическими мечтателями", какъ называетъ ихъ Токвиль. При такомъ составѣ неудивительно, „если коммиссія даже издали не напоминала собою тѣхъ людей, которые, подъ предсѣдательствомъ Вашингтона, редактировали, 60-ью годами ранѣе, американскую конституцію". Если при этомъ имѣть въ виду, что коммиссіи пришлось дѣйствовать второпяхъ и проводить время въ постоянныхъ опасеніяхъ контръ-революціи, то нетрудно будетъ понять, какъ далекъ былъ отъ совершенства выработанный ею проектъ. Пренія начались 22-го мая, съ предложенія заняться устройствомъ общинъ. Съ большой убѣдительностью Ламенэ доказывалъ,—читаемъ мы въ „Воспоминаніяхъ",—что республика, безъ навыка къ мѣстному самоуправленію, была бы своего рода чудовищемъ, лишеннымъ всякой жизненной силы.

Одиллонъ Барро, всегда ясно сознававшій необходимость мѣстныхъ вольностей, поспѣшилъ присоединиться къ Ламенэ. То же сдѣлалъ и Токвиль. Но Марастъ и Вивіенъ приняли обратную точку зрѣнія. По мнѣнію перваго, республика была призвана не къ ограниченію, а къ усиленію централизаціи. То же думалъ и Марастъ, одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ французскихъ рево-

---

[1]) Для всего послѣдующаго см. Souvenirs, стр. 258—286.

люціонеровъ, которые подъ именемъ народной свободы разумѣютъ, —говоритъ Токвиль, — осуществляемый именемъ народа деспотизмъ. Враги централизаціи оказались въ меньшинствѣ и не могли поэтому добиться полнаго проведенія своихъ взглядовъ въ законодательство. Тѣмъ не менѣе республика 1848 г. много сдѣлала на пользу самоуправленія. Въ позднѣйшую эпоху полнаго подавленія всякой мѣстной жизни,—эпоху назначенія префектами мэровъ и полевыхъ стражей, Токвиль любилъ вспоминать о томъ, что республика надѣлила департаменты избираемыми земствами, или conseils généraux, и передала въ руки обывателей выборъ городскихъ головъ. Община, кантонъ и департаментъ пріобрѣли, благодаря ей, значеніе самоуправляемыхъ административныхъ центровъ. „Они были не то, что теперь,—пишетъ Токвиль въ 1854 г., —простыми географическими единицами“ [1]). Для автора „Демократіи въ Америкѣ“ нѣтъ бо̀льшаго зла, какъ централизація. Она опасна для свободы, такъ какъ дѣлаетъ возможнымъ быстрое ея разрушеніе, такъ какъ устраняетъ всякую мысль о мѣстномъ сопротивленіи. Она опасна и для порядка. „Ничто,—говоритъ Токвиль,—не содѣйствуетъ въ такой мѣрѣ успѣшности революціи, какъ централизація. При ней тотъ, кто наложилъ руку на столицу, можетъ разсчитывать на повиновеніе провинцій. 14-ое іюля показало, — замѣчаетъ онъ, — что достаточно повелѣвать Парижемъ, чтобы сдѣлаться господиномъ всей Франціи“ [2]). Желая сорвать маску съ тѣхъ, кто говоритъ о централизаціи, какъ о счастливомъ пріобрѣтеніи, сдѣланномъ Франціей въ революціонную эпоху, Токвиль въ своемъ классическомъ изображеніи стараго порядка справедливо возводилъ происхожденіе централизаціи ко времени полнаго развитія абсолютизма, и указываетъ въ интендантахъ Людовика XIII и Людовика XIV предвѣстниковъ созданныхъ Наполеономъ префектовъ [3]).

Столкновенія, возникшія въ средѣ коммиссіи по вопросу о границахъ мѣстнаго самоуправленія, вредѣ и пользѣ централизаціи, повторились и по вопросу, правильное рѣшеніе котораго казалось Токвилю столь же существеннымъ для свободы. Мы имѣемъ въ виду споръ объ относительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ двухъ-камерной системы, какъ противополагаемой единству народнаго представительства. Это былъ тотъ самый вопросъ, о который въ 1789 году, какъ о подводный камень, разбились всѣ

[1]) Дневникъ Сеніора, отъ 8-го апрѣля 1854 года, т. II. стр. 78.
[2]) Дневникъ Сеніора, отъ 16-го мая 1856 г., т. II. стр. 133.
[3]) См. „l'Ancien régime et la Révolution“, главу о томъ, что „централизація есть вырожденіе стараго порядка“.

усилія французскихъ конституціоналистовъ, съ Мунье и Лалли-Толендалемъ во главѣ; теперь, какъ и тогда, большинство оказалось на сторонѣ единой камеры. Но мотивы, приводимые въ пользу такого рѣшенія, далеко были не тѣ, какими руководствовались дѣятели 1789 года. Тогда трудно было встрѣтить принципіальныхъ противниковъ теоріи политическихъ противовѣсовъ, такъ какъ ученіе Монтескьё одинаково раздѣлялось и всѣми сторонниками Руссо [1]). Если тѣмъ не менѣе учредительному собранію пришлось остановиться на мысли о созданіи единой законодательной палаты, то только потому, что „привилегированные“, и въ частности провинціальное дворянство, обнаруживали рѣшительное нежеланіе отказаться отъ своихъ сословныхъ камеръ, даже въ пользу аристократической палаты, а буржуазія высказывала столь же упорное опасеніе, что противодѣйствіе привилегированныхъ парализуетъ затѣянное ею дѣло политическаго и общественнаго возрожденія. Теперь вопросъ перенесенъ былъ на совершенно другую почву. Никто не думалъ о возрожденіи дворянства, о возстановленіи сословныхъ палатъ, о созданіи аристократической партіи. Сторонники двухъ камеръ не принадлежали къ числу враговъ гражданскому равенству и всесословности. Рѣчь шла о томъ, какъ говоритъ Токвиль, желательно ли вообще сохраненіе системы противовѣсовъ; нужно ли установить взаимно контролирующія другъ друга и потому осторожныя и умѣренныя власти, или, наоборотъ, слѣдуетъ усвоить простѣйшую систему сосредоточенія всѣхъ дѣлъ въ рукахъ одного политическаго органа, однообразнаго въ его составныхъ частяхъ, не допускающаго никакихъ преградъ и потому буйнаго и неотразимаго. Общественное мнѣніе выразилось въ пользу единства представительства, одинаково въ Парижѣ и провинціяхъ. Одиллонъ Барро и Токвиль одни стояли противъ него; Дюфоръ отдѣлился, доказывая, что, при передачѣ исполнительной власти въ руки одного лица по назначенію народа, невозможно достигнуть равновѣсія иначе, какъ сохраненіемъ цѣлости и однообразія представительства; всякая попытка раздѣлить его необходимо сопровождалась бы въ его глазахъ ослабленіемъ и упадкомъ народной власти“. Я припоминаю,—пишетъ Токвиль,—содержаніе моего отвѣта: соглашаясь въ возможности такого исхода, я въ то же время указывалъ на то, что двѣ одинаково сильныя власти (президента и собранія), естественно завистливыя и недовѣрчивыя другъ къ другу, и осу-

---

[1]) См. нашу статью въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1892 года: „Политическая доктрина прошлаго вѣка“.

жденныя между тѣмъ на вѣчное tête-à-tête, при отсутствіи всякаго посредника неизбѣжно вступятъ въ борьбу другъ съ другомъ, а борьба эта кончится только уничтоженіемъ одного изъ нихъ". Токвиль сознается, что поставленная задача по существу своему не допускала рѣшенія, и что обѣ стороны въ сущности одинаково были правы и неправы. Сильной президентской власти, непосредственно получавшей свои полномочія отъ народа, разумѣется, легко было подавить оппозицію внутренно раздвоеннаго представительства. Но трудно было допустить, съ другой стороны, чтобы поставленный всеобщимъ голосованіемъ президентъ согласился на роль подчиненнаго собранію агента. Попытка же замѣнить противовѣсъ верхней палаты устройствомъ государственнаго совѣта,—этого по природѣ своей совѣщательнаго и административнаго учрежденія,—очевидно, могла кончиться только полнымъ пораженіемъ.

Опасность, какой грозило республикѣ существованіе бокъ-о-бокъ сильныхъ властей, власти президента и власти собранія, очевидно, не могла быть обойдена иначе, какъ подъ условіемъ сокращенія функцій, предоставленныхъ органу исполненія, и передачи его выбора собранію. Но комитетъ *не рѣшился* сдѣлать ни того, ни другого. Кормененъ предложилъ выборъ президента народомъ, при относительномъ большинствѣ голосовъ, числомъ въ два милліона. Статья эта прошла почти безъ возраженій. „А между тѣмъ надо признать,—пишетъ Токвиль,—что необходимость такого порядка назначенія далеко не была доказана, и что онъ самъ представлялъ собою опасное новшество. Въ странѣ, лишенной монархическихъ традицій, гдѣ исполнительная власть всегда была слаба, нельзя придумать ничего лучше выбора націею ея президента; но не таковы были наши условія. Мы только-что разстались съ монархическими порядками, вліяніе ихъ было еще весьма замѣтно на гражданахъ. Одна централизація значительно отклоняла наше положеніе отъ обычнаго. Благодаря ей, всѣ дѣла должны были сосредоточиться въ рукахъ президента. Тысячи чиновниковъ зависѣли отъ него одного. При такихъ порядкахъ, чѣмъ могъ быть избранный народомъ глава, какъ не президентомъ на престолѣ? Мнѣ казалось, что, только устранивши народъ отъ выбора и сократив сумму ввѣренныхъ президенту полномочій, можно было обойти опасность. Вскорѣ послѣдовавшій народный мятежъ, убѣдившій въ необходимости сильной исполнительной власти, по собственному сознанію Токвиля, парализовалъ его прежнюю рѣшимость настаивать на сокращеніи функцій президента и подчиненіи его выбору собранія. „Я самъ сталъ доказывать пользу

народнаго избранія и во многомъ содѣйствовалъ принятію учредительнымъ собраніемъ такого порядка". Но въ то же время, слѣдуя американской практикѣ и желая избѣжать возможности назначенія президента меньшинствомъ націи, Токвиль высказался въ пользу двойной системы выборовъ, т.-е. назначенія президента народными уполномоченными. Предложеніе это было отклонено. Опытъ Америки не позволяетъ думать, чтобы тѣ надежды, какія Токвиль связывалъ съ принятіемъ своего проекта, осуществились въ дѣйствительности. Извѣстно, что въ Соединенныхъ-Штатахъ назначеніе выборщиковъ рѣшаетъ участь кандидатовъ, и что они всегда согласуютъ свое поведеніе съ волею избирателей. На случай, еслибы президентъ не получилъ на выборахъ предписаннаго закономъ числа голосовъ, Токвиль предложилъ передать выборъ его въ руки собранія. Поступая такимъ образомъ, онъ слѣдовалъ опять-таки американскому образцу. На этотъ разъ депутаты присоединились къ его мнѣнію. Предложеніе было принято большинствомъ и вошло въ текстъ конституціи.

Когда возникъ вопросъ о срокѣ президентской власти, Токвиль высказался противъ вторичнаго выбора, и опять-таки нашелъ поддержку своимъ взглядамъ въ большинствѣ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ", написанныхъ въ самый разгаръ столкновеній Людовика-Наполеона съ собраніемъ, въ мартѣ 1851 года, онъ относится уже съ явнымъ осужденіемъ къ такой мѣрѣ. И впослѣдствіи ему не разъ пришлось упоминать, въ своихъ разговорахъ и корреспонденціяхъ, о тѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, какія для стойкости республики и политической свободы можетъ имѣть подобная статья. Зная, что его честолюбіе найдетъ удовлетвореніе себѣ только въ нарушеніи конституціи, президентъ, срокъ службы котораго истекаетъ, естественно склоненъ прибѣгнуть къ нелегальнымъ дѣйствіямъ и пустить въ ходъ грубую силу съ цѣлью продленія своей власти. Личный интересъ станетъ побуждать его къ производству coup d'état". „Подача голоса въ пользу недопущенія вторыхъ выборовъ составляетъ черное пятно въ моихъ воспоминаніяхъ",—пишетъ Токвиль. Сознаніе сдѣланной имъ ошибки побуждаетъ его высказываться въ пользу ревизіи конституціи, въ надеждѣ устранить тѣмъ поводъ къ столкновеніямъ Людовика-Наполеона съ народнымъ представительствомъ и обезпечить долговѣчность республики.

Крайне неудачнымъ находитъ также Токвиль рѣшеніе конституціею вопроса объ отвѣтственности органовъ исполненія. Всѣ республики признаютъ ее за президентомъ, всѣ монархи освобождаютъ отъ нея короля, перенося отвѣтственность на мини-

стровъ. Конституція 1849 года признала оба вида отвѣтственности и потребовала, чтобы акты президента скрѣплены были подписью министровъ. „Такимъ образомъ,—справедливо замѣчаетъ Токвиль,—отвѣтственный президентъ лишенъ былъ свободы въ дѣйствіяхъ и не могъ предпринимать ничего безъ согласія отвѣтственнаго министра“.

Изъ трехъ властей одна, судебная, по мнѣнію Токвиля, получила въ конституціи правильную постановку, благодаря сохраненію начала несмѣняемости,—началу, присущему конституціонной монархіи. Токвиль хвалитъ также организацію трибунала, предназначеннаго судить случаи столкновеній о подсудности и высшаго политическаго суда, составленнаго изъ выборныхъ департаментовъ. Проекты того и другого выработаны были другомъ Токвиля, Бомономъ. Подобно своимъ предшественницамъ, конституція 1849 года оканчивалась статьями, регулировавшими порядокъ ея пересмотра и исправленія. Токвиль и на этотъ разъ разошелся съ большинствомъ. Конституція объявила, что пересмотру долженъ предшествовать троекратный запросъ о его необходимости; каждый разъ $^4/_5$-ми голосовъ должны высказаться въ его пользу. На практикѣ это было равнозначительно признанію, что конституція должна быть вѣчной, такъ какъ трудно было предположить, чтобы въ средѣ депутатовъ не оказалось меньшинства, находящаго по той или другой причинѣ выгоду въ сохраненіи status quo. „На мой взглядъ,—замѣчаетъ Токвиль,—слѣдовало, наоборотъ, сдѣлать исправленіе конституціи дѣломъ обыденнымъ и легкимъ (il fallait tendre qu'on pût les changer d'une manière facile et régulière). Такая постановка уменьшила бы шансы враговъ республики и устранила бы всякій поводъ къ насильственному перевороту“.

Съ тою же цѣлью слѣдовало бы, повидимому, допустить и распущеніе президентомъ палаты. Оно открыло бы возможность нормальнаго исхода столкновеній, грозящихъ выродиться въ открытую борьбу. Въ этомъ смыслѣ и сдѣлано было предложеніе страсбургскаго депутата Маршина. Но Токвиль вооружился противъ него, говоря, что подобное право сдѣлало бы президента „господиномъ надъ республикой“. Вообще, всякій разъ, когда глазамъ Токвиля рисуется перспектива будущихъ столкновеній между президентомъ и палатой, онъ спѣшитъ пожертвовать правами перваго; Токвиль продолжаетъ въ этомъ отношеніи традицію революціонеровъ 1789 и слѣдующихъ годовъ, чуждыхъ, повидимому, мысли, что всемогущество палаты и слабость правитель-

ства страшны для свободы не менѣе самовластія главы государства и политическаго ничтожества народныхъ представителей.

Обстоятельства заставляютъ его вскорѣ измѣнить радикально свою точку зрѣнія. Эта перемѣна произойдетъ въ немъ какъ нельзя менѣе кстати, почти наканунѣ coup d'état 2-го декабря. Побуждаемый совершенно другими мотивами, чѣмъ тѣ, какіе руководили личными приверженцами Наполеона, онъ выскажется за пересмотръ „крайне негодной" на его взглядъ конституціи 1849-го года и потребуетъ измѣненія ея въ духѣ, благопріятномъ расширенію правъ президента на счетъ собранія. Поступая такъ, онъ по прежнему будетъ имѣть въ виду тѣ же интересы свободы и порядка, стойкости и мирнаго развитія распубликанскихъ учрежденій. Только на этотъ разъ его заботой будетъ развязать руки исполнительной власти, изъ опасенія, чтобы недовольная своимъ приниженнымъ положеніемъ и сильная союзомъ съ націей, она сама не вздумала порвать силою наложенныя на нее закономъ цѣпи. Разсчетъ было вѣренъ, но явился, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно.

III.

Вскорѣ послѣ избранія Людовика-Наполеона президентомъ республики, Токвиль, подавшій голосъ въ пользу Кавеньяка, согласился тѣмъ не менѣе вступить въ ряды министерства. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ" онъ объясняетъ намъ причину, побудившую его принять подобный постъ. „Моя цѣль,—пишетъ онъ,—какъ и цѣль небольшого кружка моихъ политическихъ друзей, была утвердить республику, или по меньшей мѣрѣ сохранить ее временно, управляя ею въ духѣ умѣренности и консерватизма". Самъ Токвиль даетъ понять, что такая программа нимало не отвѣчала господствующему настроенію. „Мы желали держаться конституціи,—пишетъ онъ,—когда всѣ только и думали о томъ, какъ бы нарушить ее. Монтаньяры желали больше того, что̀ обѣщано было конституціею; всѣ же монархическія партіи, наоборотъ, находили ея требованія преувеличенными. Всего менѣе могъ сочувствовать намѣреніямъ министерства самъ президентъ. Мы хотѣли упроченія республики,—говоритъ Токвиль,—онъ же желалъ сдѣлаться ея наслѣдникомъ. Мы были для него только министрами, онъ же нуждался и искалъ сообщниковъ". Въ „Воспоминаніяхъ" можно найти небезъинтересную характеристику будущаго императора, которая, впрочемъ, нимало не измѣняетъ ходячаго представленія о немъ. Отмѣтимъ въ ней слѣдующія черты. „Его голова была набита

противорѣчивыми и неясно сознаваемыми мыслями. Однѣ изъ нихъ имѣли источникомъ наполеоновскую традицію, другія—соціалистическія теоріи, третьи—воспоминанія, вынесенныя изъ Англіи. Онѣ съ трудомъ накопились въ его умѣ, благодаря одинокимъ размышленіямъ вдали отъ событій и людей. По природѣ онъ былъ мечтатель, и мечтатель химерическій; но когда его заставляли спуститься съ высотъ, выйти изъ неопредѣленности и высказаться по какому-нибудь частному вопросу, онъ обнаруживалъ способность къ правильному сужденію, проявлялъ много тонкости и широты; нельзя было даже отказать ему въ нѣкоторой глубинѣ. Но что поражало больше всего, это—сочетаніе въ немъ вѣрныхъ мыслей съ самыми странными представленіями; трудно было видѣться съ нимъ часто и не вынести убѣжденія, что въ его здравомъ смыслѣ скрывалось нѣкоторое зерно безумія. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду и серьезно смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе рока, какъ на человѣка необходимаго. Мнѣ всегда казалось, что онъ считалъ свои права несомнѣнными. Самъ Карлъ X не былъ болѣе убѣжденъ въ законности своего титула. Преклоняясь въ теоріи передъ правами народа, онъ въ то же время не испытывалъ ни малѣйшей страсти къ свободѣ. Характерной чертою была его ненависть и презрѣніе къ представительнымъ собраніямъ; онъ еще нетерпимѣе относился къ конституціонной монархіи, нежели къ республикѣ. Его гордость, источникомъ которой было носимое имъ имя, готова была преклониться предъ націей, но она возмущалась при мысли о подчиненіи какому бы то ни было парламенту" [1]).

Токвиль ясно показывалъ безъисходность положенія, въ какомъ, благодаря указаннымъ причинамъ, оказалось министерство. „Что предприняли мы?—говорилъ онъ не разъ Дюфору:—спасти республику, опираясь для этого не на республиканцевъ, готовыхъ погубить насъ вмѣстѣ съ нею, а на партіи, которыя въ душѣ не любятъ республики. Мы не можемъ поэтому не дѣлать уступокъ". Чтобы привлечь на свою сторону Наполеона, Токвиль не прочь былъ поддерживать въ немъ увѣренность въ ближайшемъ пересмотрѣ конституціи и отмѣнѣ собраніемъ того параграфа ея, который не допускалъ вторично выбора его въ президенты. Послѣдній, повидимому поддавался этимъ надеждамъ, вѣрилъ, что его положеніе будетъ упрочено нормальнымъ порядкомъ, но его ближайшій антуражъ, составленный изъ людей „достойныхъ висѣлицы", уже въ это время обнаруживалъ такую жажду добычи,

[1]) Souvenirs, стр. 297 и 315.

которая никакъ не мирилась съ сохраненіемъ установленныхъ конституцій и порядковъ. „Лучшее, что̀ президентъ можетъ сдѣлать,—сказалъ однажды Токвиль одному изъ этихъ неразборчивыхъ на средства и не знающихъ мѣры честолюбцевъ, — забыть, что онъ когда-то былъ претендентомъ, и помнить, что его призваніе служить Франціи, а не вамъ“.

Изъ дневника Сеніора мы узнаемъ, что въ іюлѣ 1849 года Токвиль допускалъ уже возможность coup d'état, заявляя въ то же время, что никто изъ министровъ не согласится въ такомъ случаѣ оказать поддержку узурпатору. Эту увѣренность раздѣлялъ повидимому и Людовикъ-Наполеонъ; этимъ всего легче объясняется внезапно данная министерству отставка и замѣна его лицами, не принадлежавшими къ составу палатъ и готовыми быть не болѣе, какъ орудіями въ рукахъ президента [1]).

Съ этого времени и до конца жизни Токвиль сознательно сторонился отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ. Предсказавши coup d'état 2-го декабря, и сдѣлавшись временно его жертвой, онъ остался навсегда принципіальнымъ врагомъ второй имперіи. Переписка съ Бомономъ, Сеніоромъ, Энорделемъ, Люисомъ, съ семьею Гротовъ, Ривомъ, графомъ Сиркуръ, Лавернемъ и другими, рисуетъ его намъ человѣкомъ, котораго созданный Наполеономъ порядокъ только потому не доводилъ до отчаянія, что онъ сохранялъ увѣренность въ его шаткости.

1-го августа 1850 года, предвидя наступающую реакцію, онъ пишетъ Дюфору: „я узнаю, что свобода не пользуется большимъ почетомъ въ наше время, но я остаюсь и буду ей вѣренъ, что̀ бы ни случилось. Современныя общества не могутъ долгое время обходиться безъ нея. Излишества, совершённыя ея именемъ, могутъ временно сдѣлать ее ненавистной, но они не мѣшаютъ тому, что она по прежнему и прекрасна, и необходима. Къ принципамъ долго лелѣяннымъ надо относиться какъ къ старымъ друзьямъ, на которыхъ не нападешь даже тогда, когда неправота того или другого ихъ поступка очевидна“ [2]). Изъ Сорренто, куда онъ временно удалился, по причинѣ разстроеннаго здоровья, Токвиль пишетъ Бомону, 29-го января 1851 года: „мнѣ кажется, что въ борьбѣ между президентомъ и палатой всѣ шансы на сторонѣ перваго, такъ какъ господствующее теченіе неблагопріятно свободѣ и стоитъ за концентрацію и постоянство власти“ [3]). Допуская

---

[1]) Т. I, стр. 66.

[2]) Oeuvres complètes, т. VI, стр. 153.

[3]) Ibid, стр. 170.

необходимость переизбранія Наполеона въ президенты, даже съ нарушеніемъ конституціи, Токвиль 14-го сентября 1851 года снова высказываетъ свою готовность всѣми силами содѣйствовать торжеству свободы или погибнуть вмѣстѣ съ нею [1]).

Переворотъ 2-го декабря вызываетъ въ Токвилѣ рѣшимость „держаться въ сторонѣ и не выходить изъ тѣни". „Намъ нѣтъ возможности,—пишетъ онъ Бомону,—принимать какое-либо участіе въ политическихъ дѣлахъ Франціи, пока не возродится духъ свободы [2]). Страна переживаетъ въ настоящее время одну изъ тѣхъ минутъ, когда не ищутъ ничего кромѣ покоя [3]). Я поступаю какъ всѣ,—дремлю [4]). Тяжело подумать, что великая и грозная революція свелась на 60-мъ году къ тому, что̀ мы видимъ нынѣ, но это и не позволяетъ мнѣ говорить о концѣ драмы. Передъ нами не болѣе какъ новый актъ ея, отнюдь не развязка" [5]). Объясняя свое отношеніе къ порядку, созданному переворотомъ 2-го декабря, Токвиль говоритъ, что съ этого времени онъ отказался отъ всякаго обращенія къ правительству: „я слишкомъ радикально расхожусь съ нимъ, чтобы совѣсть дозволила мнѣ другое поведеніе" [6]). Но удаленіе отъ дѣлъ и уединенный образъ жизни не мѣшаютъ Токвилю горько ощущать всю величину понесенной страною потери. Въ письмѣ къ Бунзену онъ говоритъ о грусти, какую вызываетъ въ немъ печальное положеніе Франціи и ея горькое будущее. Мысль объ этомъ подтачиваетъ его здоровье [7]). Онъ подавленъ сознаніемъ своего одиночества. „Я чувствую,—пишетъ онъ графинѣ Сиркуръ,—что между мной и моими соотечественниками нѣтъ больше общности чувствъ и мыслей. Я сохранилъ въ себѣ вкусы, которыхъ они болѣе не имѣютъ, я страстно привязанъ къ тому, что̀ они перестали любить, и питаю непреодолимое отвращеніе къ тому, что̀ повидимому нравится имъ съ каждымъ днемъ сильнѣе. Измѣнились не одни времена, самый народъ кажется другимъ; я чувствую себя отжившимъ человѣкомъ среди вновь народившейся націи [8]). Свѣтъ все болѣе и болѣе съуживается для меня, такъ что въ немъ едва найдешь пять,

---

[1]) Ibid, стр. 177, см. также т. VI, письмо къ Ланжинэ, отъ 31-го января 1851 года, и къ Сеніору, отъ 27-го іюля 1851 г., стр. 26—27.

[2]) Письмо отъ 18-го февраля 1852 года, т. VII, стр. 179.

[3]) Ibid., стр. 281, письмо къ Ланжинэ, отъ 18-го апрѣля 1852 г.

[4]) Письмо къ Frealon, ibid стр. 285.

[5]) Письмо къ г-жѣ Филиморъ отъ 20-го іюня 1852 г.

[6]) à la marquise de Leusse 5-го декабря 1852 г., ibid., стр. 296.

[7]) Т. VI, стр. 265, письмо отъ 23-го мая 1853 г.

[8]) Т. VI, письмо отъ 2-го декабря 1853 г., стр. 226.

шесть человѣкъ, общество которыхъ было бы мнѣ пріятно и дѣйствовало бы на меня успокоительно [1]). Мы точно принадлежимъ другому вѣку, точно какіе-то допотопные звѣри, которыхъ надо хранить въ кабинетахъ, чтобы не пропала у людей память, какъ построены были нѣкогда существа, любившія свободу, законность, искренность. Но,—прибавляетъ пророчески Токвиль,—современное поколѣніе сойдетъ со сцены, а будущее будетъ стоять къ намъ ближе. Я глубоко убѣжденъ въ этомъ, но суждено ли намъ сдѣлаться свидѣтелями такого превращенія?—Едва-ли. Вѣдь потребуется не мало времени, чтобы изгладить тѣ дурныя впечатлѣнія, какія произведены послѣдними годами; не такъ-то скоро французы вернутся—не скажу, къ страстному желанію свободы, а только къ сознанію собственнаго достоинства, къ привычкѣ говорить и писать свободно, къ потребности обсуждать по меньшей мѣрѣ границы своего повиновенія [2]). Токвиль не заблуждается насчетъ причинъ, породившихъ и поддерживающихъ Наполеоновскую диктатуру. „Страхъ рабочаго движенія, — пишетъ онъ графу Сиркуру,—заставляетъ всѣхъ французовъ, за исключеніемъ пролетаріевъ, прибѣгать подъ крыло существующаго правительства. Этотъ страхъ поразилъ его и поддерживаетъ его существованіе. Будь я министромъ Наполеона III, я бы тогда только сталъ высказывать опасеніе за прочность его власти, когда бы увидѣлъ, что страхъ прошелъ въ націи“ [3]).

Токвиль не вѣрилъ, тѣмъ не менѣе, чтобы Наполеону удалось передать свой престолъ наслѣднику. „Ему не создать династіи,—говорилъ онъ въ бесѣдахъ съ Сеніоромъ въ маѣ 1853 года;—это возможно бы было только подъ условіемъ успѣшной войны [4]). Я ничего не боюсь поэтому въ такой мѣрѣ, какъ того, что Наполеонъ, чувствуя, какъ почва колеблется подъ его ногами, станетъ искать случая въ войнѣ; онъ по природѣ своей игрокъ; его самообольщеніе и вѣра въ свою звѣзду превышаетъ даже все слышанное о его дѣдѣ. Онъ считаетъ себя военнымъ геніемъ. Нація, правда, желаетъ мира; но что помѣшаетъ ему сдѣлать видъ, что война навязана. Въ случаѣ успѣха и побѣды, упоенные военной славою, мы не прочь будемъ простить правительству всѣ его ошибки и всѣ его преступленія“ [5]).

И на этотъ разъ пророчества Токвиля вполнѣ оправдались.

---

[1]) Т. VI, стр. 252, письмо à m-r de Corsel отъ 17-го сентября 1853 года.
[2]) Т. VII, письмо къ Одилонъ-Барро отъ 26-го октября 1853 г.
[3]) Т. VII, стр. 547, письмо отъ 18-го февраля 1854 г.
[4]) Т. II, стр. 88.
[5]) Ibid., т. II, стр. 41.

Открывшаяся вскорѣ крымская кампанія заглушила на время всякій протестъ. Даже противники правительства, въ родѣ Тьера, рѣшались заявлять, что „интересы національности идутъ впереди интересовъ свободы". Токвиль не сразу подчинился общему теченію: „только серьезная опасность для нашей независимости или для цѣльности французской территоріи,—пишетъ онъ Леону Фошэ,—позволила бы намъ отложить въ сторону тѣ вѣскія основанія, какія заставляютъ насъ отказывать въ поддержкѣ правительства. Во Франціи найдется, разумѣется, не мало людей, которые воспользуются войной какъ предлогомъ, чтобы сблизиться съ властью. Я съ горестью вижу, что многія газеты уже прилагаютъ къ принципіальнымъ врагамъ существующаго порядка прозвища эмигрантовъ, демагоговъ и „русскихъ", но я думаю, что наша обязанность предостеречь кого слѣдуетъ собственнымъ примѣромъ" [1]). Не прошло много времени, какъ самъ Токвиль, въ виду неудачи союзныхъ войскъ и убѣжденія, что „Россія, какъ онъ выражается, опаснѣйшій противникъ свободы въ Европѣ" [2]), считаетъ долгомъ заявить, что передъ непріятелемъ онъ можетъ быть только французомъ. „Надо прежде всего быть сторонникомъ своей родины, а затѣмъ уже членомъ партіи,—пишетъ онъ 7-го марта 1854 г. брату своему Эдуарду.—Какъ бы сильно я ни былъ настроенъ противъ существующаго правительства, въ пылу войны я все-же буду на его сторонѣ" [3]). Взятіе Севастополя не примирило Токвиля со второй имперіей. Въ письмѣ къ Свѣчиной, отъ 7-го января 1856 года, онъ излагаетъ свое прежнее политическое credo, говоря: „теперь, какъ и всегда, я считаю свободу первымъ изъ всѣхъ благъ, и вижу въ ней дѣйствительный источникъ всѣхъ мужественныхъ и великихъ дѣяній. Ни внутреннее спокойствіе, ни матеріальное благосостояніе не утѣшаютъ меня въ ея потерѣ. Большинство даже порядочныхъ людей нынѣ только и озабочено тѣмъ, какъ бы приспособиться къ существующему порядку. Вы не можете представить себѣ, насколько тягостнымъ и жестокимъ кажется мнѣ подъ-часъ мое нравственное одиночество [4]). Я боюсь, что моя родина состарилась за послѣднія 40 лѣтъ еще больше меня самого. Когда я вижу передъ собою столько молодыхъ людей, равнодушныхъ ко всему, ко всему холодныхъ, то добродѣтельно надоѣдливыхъ, то печально порочныхъ, мнѣ кажется, что я въ обществѣ 80-ти-лѣтнихъ старцевъ, надѣвшихъ на себя маску

[1]) Письмо 25-го февраля 1854 г., т. VII, стр. 520 и 521.
[2]) Письмо къ г-жѣ Филиморъ 1-го мая 1854 г., т. VII, стр. 528.
[3]) Т. VI, стр. 255.
[4]) Т. VI, стр. 507.

юношей. Нѣтъ зрѣлища, которое бы угнетало меня въ большей степени" [1]). Тѣмъ изъ своихъ друзей, которые настаиваютъ на возможности дѣйствовать на массы книгами и журнальными статьями, Токвиль отвѣчаетъ, говоря, что „центръ тяжести перемѣстился въ общество, и что на смѣну просвѣщеннымъ классамъ выступили такіе члены, которые ничего не читаютъ или читаютъ однѣ газеты. Зная это, правительство налагаетъ цѣпи по преимуществу на періодическую печать; намъ, академикамъ, дозволено голосить, сколько угодно, такъ какъ мы обращаемся къ ограниченному кругу читателей, но зато малѣйшее проявленіе враждебности въ газетѣ сразу ставитъ ее подъ строгій надзоръ. Нѣтъ потому основанія утѣшать себя, говоря: Вольтеръ и Руссо ниспровергли власти несравненно болѣе сильныя, чѣмъ настоящія. Имъ приходилось считаться съ высшими или средними классами, имѣвшими идеалы, тогда какъ въ наши дни тѣ же классы чувствуютъ только презрѣніе и страхъ къ идеаламъ, дорожа только своими интересами" [2]).

Покушеніе Орсини и сопровождавшая его жестокая репрессія, сокращая и безъ того ограниченный кругъ людей, преданныхъ свободнымъ традиціямъ, не измѣнили отношенія Токвиля къ императорской диктатурѣ. 27-го февраля 1858 года, въ письмѣ къ Бомону, онъ продолжалъ высказывать прежнюю увѣренность, что одна свобода въ состояніи обезпечить, какъ частнымъ людямъ, такъ и обществамъ, высшую ступень благосостоянія и величія. „Свобода необходимое условіе,—писалъ онъ,—безъ котораго никогда не было истинно мужественной и великой націи. Я всегда думалъ, что задача сдѣлать Францію свободной—задача прекрасная, хотя и смѣлая. Я нахожу ее съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе смѣлой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе прекрасной, такъ что еслибы мнѣ пришлось родиться вновь, я снова отдался бы всецѣло этой задачѣ и ни за что не подчинился бы необходимости рабскаго повиновенія. Къ тому же я не считаю французовъ націею выродившеюся и испорченною, предназначенною навсегда къ рабству; тѣ, кто, съ цѣлью доказать это, ссылаются на примѣръ римской имперіи и тѣшатся мыслью, что мы въ миніатюрѣ воспроизводимъ ея образъ, по-моему болѣе живутъ въ книгахъ, нежели въ дѣйствительности" [3]). Развивая ту же мысль въ письмѣ къ Амперу, Токвиль говорилъ: „аналогія съ римской имперіей чисто внѣшняя; насъ отдѣляютъ различія по существу, мы

---

[1]) T. VII, стр. 415, письмо къ графинѣ Пизьё. 12-го ноября 1856 г.
[2]) T. VII, стр. 480, письмо къ Фрелонъ 12-го января 1858 г.
[3]) T. VII, стр. 487, письмо къ Baumont отъ 27-го февраля 1858 г.

только временно заснули, римляне же временъ имперіи были вымершимъ народомъ" [1]).

Весьма ясно сознаетъ Токвиль ту связь, въ какой успѣхи абсолютизма стоятъ съ усиленіемъ административной централизаціи и подчиненіемъ церкви государству. Въ письмахъ его къ племяннику, Губерту Токвилю, встрѣчается любопытная страница; она можетъ служить дополненіемъ къ извѣстной главѣ изъ „Стараго порядка и революціи",—главѣ, занятой изученіемъ послѣдствій централизаціи. Молодой Токвиль думалъ посвятить себя изученію административнаго права. Дядя предваряетъ его, что большинство спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ, увлекаясь юридической стороною вопроса, совершенно теряютъ изъ виду сторону политическую. Они въ частности не указываютъ той связи, какая существуетъ между упадкомъ свободы и развитіемъ централизаціи. Централизація, разумѣется, представляетъ всѣ удобства прочно построенной машины, ею можно восхищаться, какъ удобнымъ орудіемъ, позволяющимъ правительству настигать людей повсюду, вести, направлять ихъ, какъ вздумается. Но та же централизація неспособна доставить ни обезпеченности, ни свободы; она не въ силахъ породить тѣ общественныя добродѣтели, отъ которыхъ зависитъ процвѣтаніе государствъ и ихъ величіе; ей мы обязаны нашими частными революціями, нашими рабскими привычками, нашею неспособностью создать умѣренную и разумную свободу. Чему, какъ не ей, слѣдуетъ приписать умственное приниженіе провинцій, отсутствіе въ нихъ всякой жизни и движенія [2])? Съ радостью, поэтому, привѣтствуетъ Токвиль свободу кантональныхъ выборовъ, строго осуждая въ то же время правительство за отнятіе у страны того блага департаментскаго и муниципальнаго самоуправленія, какимъ надѣлила ее республика 1848 года.

Другая, столь же настойчиво повторяющаяся въ перепискѣ мысль—связь всемірной церкви съ свободою. Токвиль настаиваетъ на томъ, что націонализмъ въ дѣлахъ вѣры обыкновенно клонился къ подчиненію ея государству. Онъ приводитъ примѣръ Боссюэта и проводимыхъ имъ галликанскихъ стремленій и ставитъ ихъ въ связь съ поддерживаемымъ тѣмъ же Боссюэтомъ абсолютизмомъ Людовика XIV. Ультрамонтанское движеніе обхватило, по его словамъ, всѣ католическія страны и столь же наглядно высказывается въ бесѣдахъ нѣмецкихъ профессоровъ въ Боннѣ, какъ и въ сочиненіяхъ Монталамбера. Для Токвиля даже не вопросъ,

[1]) Т. VI, письмо 12-го мая 1857 г., стр. 578.
[2]) Т. VII, стр. 316.

что лучше въ интересахъ свободы: [illegible] ли [illegible] государства, или [illegible] его прежнихъ [illegible]. [illegible] же мѣрѣ можетъ считаться сторонникомъ [illegible] дѣятельности, въ какой являлся имъ Жанъ-Жакъ [illegible].

Въ глазахъ Токвиля религія и свобода дѣйствуютъ въ одномъ направленіи. Онъ не разъ старается доказать, что человѣческій умъ, лишенный возможности примѣнить свои силы къ политическимъ вопросамъ, устремляется къ критикѣ догматовъ вѣры и къ самому ихъ отрицанію. Токвиль думаетъ, что правительство, допускающее обсужденіе подобныхъ вопросовъ, [illegible] открываетъ клапанъ для выхода накопившихся революціонныхъ паровъ. Энциклопедическая философія первой половины столѣтія [illegible] говоритъ онъ, съ ожесточеніемъ нападала на существовавшія [illegible]. Она не встрѣчала другихъ своевластія правительства. То же дѣлаетъ и [illegible] режимъ.

Трудно согласиться вполнѣ съ справедливостью такихъ мнѣній, но основная мысль Токвиля заслуживаетъ быть отмѣченной, такъ какъ въ ней наглядно отражается вліяніе на него англійскихъ идей. Вообще, если задаться вопросомъ объ источникѣ политическихъ воззрѣній Токвиля, невольно останавливаешься на предположеніи, что Англія служила ему, какъ и его предшественникамъ доктринерамъ, ближайшимъ указателемъ и образцомъ. Онъ самъ не разъ говоритъ о своемъ духовномъ родствѣ съ этой страною, о значеніи, какое онъ придаетъ тѣмъ оцѣнкамъ, какія его сочиненія находятъ въ ней. Для него она—[illegible] очагъ, единственное прибѣжище всюду утѣсняемой свободы. Токвиль отмѣчаетъ то отношеніе, въ какомъ эта свобода стоитъ съ системой политическихъ противовѣсовъ, какими обставлено владычество англійской аристократіи, съ широкимъ господствомъ мѣстнаго самоуправленія и существованіемъ прочно опредѣлившихся политическихъ партій. Единодушіе всѣхъ религіозныхъ сектъ и вѣроисповѣданій въ отстаиваніи народныхъ вольностей служило ему основаніемъ къ утвержденію, что свобода и религія идутъ рука объ руку, взаимно поддерживая и укрѣпляя другъ друга [1]).

Еще въ 1835 году Токвиль пишетъ Сеніору: „Англія въ умственномъ отношеніи—моя вторая родина" [2]). Женатый на англичанкѣ, читая ежедневно англійскіе газеты и журналы, просиживая по цѣлымъ мѣсяцамъ надъ сочиненіями по англійской исторіи и англійскому государственному праву, Токвиль, какъ онъ

[1]) Письмо къ Corcelle, 29-го іюля 1857 г. (т. VI, стр. 393).

[2]) Senior's correspondence with Tocqueville, т. I, стр. 5.

самъ говоритъ, пріобрѣлъ способность „думать по-англійски" [1]). „Ничто,—пишетъ онъ,—не можетъ быть труднѣе для иностранца, какъ усвоеніе нравственнаго и умственнаго кругозора чуждой націи. Это возможно только подъ условіемъ непосредственнаго знакомства съ ея бытомъ. Германія остается ему чуждой даже послѣ тщательнаго изученія ея языка. Чтобы понять нѣмецкихъ писателей, надо читать ихъ на мѣстѣ, видѣть ту обстановку, въ которой развивалась ихъ дѣятельность, изучить умственные и нравственные интересы того общества, на которое имъ приходилось вліять. Токвиль довольно поздно приступилъ къ выполненію этой задачи. Трехмѣсячнаго пребыванія въ Боннѣ и Вильдбадѣ, въ 1854 г., разумѣется, было недостаточно для ознакомленія съ народной психологіей нѣмцевъ. Къ тому же Токвиль былъ поглощенъ всецѣло своей ближайшей задачей — собираніемъ матеріала для предпринятой имъ исторіи революціи. Онъ видѣлъ передъ собою не столько современную Германію, сколько Германію конца прошлаго вѣка; но это сопоставленіе обѣихъ имѣло по крайней мѣрѣ ту выгоду, что ярче оттѣнило предъ нимъ перемѣну, какую наполеоновскіе погромы произвели въ отношеніяхъ нѣмцевъ къ французамъ [2]). То доброжелательство, съ какимъ Кантъ и его современники смотрѣли на первые успѣхи революціи, смѣнились теперь явной враждебностью. Нѣмцы не любятъ французовъ и опасаются возрожденія „наполеоновскихъ идей". Они не могутъ также простить Франціи того неуспѣха, какимъ въ ней самой сопровождалось шестидесятилѣтнее революціонное броженіе. Поднявши своимъ примѣромъ національности и классы противъ установленнаго порядка, она сама укрылась подъ крыло деспотизма [3]). Несмотря на сочувственный пріемъ, встрѣченный имъ въ профессорскихъ кругахъ и близость съ нѣкоторыми выдающимися литературными дѣятелями, въ числѣ ихъ съ Бунзеномъ, Токвиль не вынесъ изъ Германіи теплаго чувства. Идея національнаго единства не увлекла его. Онъ считалъ ее химерой. Его болѣе радовали къ концу его жизни успѣхи конституціонализма въ самой Пруссіи, и онъ высказывалъ надежду, что тор-

---

[1]) Je n'entends pas seulement la langue d'un anglais, j'entends sa pensée,—пишетъ Токвиль въ письмѣ къ Freslon, 31 іюля 1856 г.—L'habitude m'a familiarisé avec les differents points de vue que les hommes de cette race et de cette éducation-là ont sur les choses humaines. Il n'en est pas ainsi des Allemands, et alors même que je sais ce qu'ils disent littéralement, je ne suis par sûr de savoir jusqu'où va ce qu'ils veulent dire (Oeuvres, т. VII, стр. 396).

[2]) Письмо къ барону Губерту Токвилю 7-го февраля 1858 г. Oeuvres, т. VII, стр. 482.

[3]) См. Souvenirs, главу объ иностранной политикѣ.

жество идей англійской свободы въ Германіи будетъ началомъ подъема либерализма во всей Европѣ. Ничто, однако, не казалось ему важнѣе пораженія контръ-революціи въ ея главномъ очагѣ—Россіи. И этимъ объясняется, почему на крымскую кампанію онъ смотрѣлъ, въ полномъ смыслѣ слова, глазами англичанина, мечтая о возстановленіи Польши и объ упроченіи цѣлости и нераздѣльности Турціи.

Невѣрная оцѣнка того значенія, какое принципъ національности призванъ играть въ наше время, заставила его также отнестись довольно холодно къ идеѣ итальянскаго объединенія. Онъ дорожилъ низверженіемъ „тиранніи такихъ деспотовъ, какъ неаполитанскій король", сохраненіемъ французскаго вліянія въ Пьемонтѣ, независимостью папской власти и удержаніемъ ею Римской области, либеральной реформой и секуляризаціей папскаго правительства; но мысль содѣйствовать образованію итальянской монархіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мечталъ о ней Макіавелли или Карлъ Альбертъ, не приходила ему въ голову.

Вообще, въ сферѣ международныхъ вопросовъ, Токвиль является еще болѣе консерваторомъ, чѣмъ въ сферѣ внутренней политики. Ему не только чужда мысль о союзѣ Франціи съ Россіей, но въ числѣ обвиненій, взводимыхъ имъ на Наполеона III, встрѣчается между прочимъ и то, что онъ способенъ внезапно перемѣнить фронтъ и перейти со стороны англичанъ на сторону русскихъ. Имп. Николай Павловичъ, какъ видно изъ приводимыхъ въ „Воспоминаніяхъ" депешъ Ламорисьера, гораздо яснѣе представлялъ себѣ ближайшій ходъ событій и ту роль, какую придется играть въ нихъ союзу Франціи съ Россіей. „Я поспѣшилъ признаніемъ республики,—говорилъ онъ французскому послу,—потому что давно считаю легитимистовъ препятствіемъ къ возстановленію Бурбоновъ, а также и потому, что нахожу въ вашей націи здравый смыслъ, недостающій нѣмцамъ" [1]. „Если единству Германіи, котораго вы по всей вѣроятности такъ же мало желаете, какъ и я, суждено осуществиться, заявлялъ императоръ въ другой изъ своихъ бесѣдъ съ Ламорисьеромъ,—ce serait notre affaire à vous et à moi!" [2]

Токвиль на этотъ счетъ думалъ какъ разъ обратное. „Серьезный вопросъ, какой мнѣ не разъ приходилось ставить себѣ въ бытность мою министромъ,—пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", —былъ тотъ, требуютъ ли интересы Франціи укрѣпленія связи между

[1] Тайная депеша Ламорисьера отъ 11-го августа 1849 года (Souvenirs d'Alexis de Tocqueville, стр. 369).

[2] Ibid., стр. 383.

нѣмецкими государствами, или, наоборотъ, ея ослабленія. Традиція нашей дипломатіи состояла въ томъ, чтобы поддерживать въ Германіи разъединеніе; польза его была очевидна, пока за нею стояла Польша и полу-варварская Россія. Но то ли видимъ мы въ наши дни? Я боюсь, чтобы всему Западу не грозило въ будущемъ подпасть подъ прямое и неотразимое вліяніе царей, и думаю, поэтому, что нашъ интересъ подсказываетъ намъ обязанность содѣйствовать сближенію (l'union) всѣхъ германскихъ народовъ, съ цѣлью противопоставить ихъ Россіи" [1]).

Въ частной перепискѣ Токвиль еще опредѣленнѣе говоритъ о нѣмцахъ и англичанахъ, какъ естественныхъ союзникахъ французовъ. Его политика въ этомъ отношеніи не отличается существенно отъ той, какой держался Наполеонъ III, и какую не прочь былъ оживить въ наше время Ферри. Въ основаніи ея лежали не одни соображенія о національномъ интересѣ, но и забота о политической свободѣ. Токвилю и послѣ чтенія книги Гакстгаузена Россія рисуется способной нагнать ужасъ демократіей (une démocratie à faire peur). Нестерпимую скуку вызываетъ въ немъ однообразіе идей и обычаевъ, характеризующихъ ея низшіе слои, единственные, которымъ, говоритъ онъ, нельзя отказать въ нѣкоторомъ величіи. „Россія,—говоритъ онъ,—это своего рода Америка, только безъ знаній и свободы" [2]).

Простимъ Токвилю его преувеличенія, его пристрастныя оцѣнки. Они вызваны недостаточнымъ знакомствомъ съ предметомъ и несбыточными опасеніями за будущее европейской культуры. Во всякомъ случаѣ, въ его злословіи больше искренности, чѣмъ въ тѣхъ любезностяхъ, какими обсыпаетъ насъ французская печать за послѣднее время.

Токвиль не искалъ нашего союза, и тѣмъ не менѣе признавалъ величіе въ нашемъ народѣ. Отмѣтимъ это сознаніе. Его достаточно для нашей гордости.

Максимъ Ковалевскій.

---

[1]) Ibid., стр. 382.
[2]) Oeuvres complètes, т. VI, стр. 237.

ОТЪ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

Романъ, соч. м-съ Олифантъ.

—Lady Car: the Sequel of a Life.

I.

Лэди Каролина Бофоръ слыла вообще за необыкновенно счастливую женщину. Правда, жизнь не всегда улыбалась ей. Смолоду она была выдана замужъ насильно — насколько то совмѣстимо съ эпохой, когда родительская тираннія стала анахронизмомъ—за человѣка, совсѣмъ къ ней не подходящаго, необразованнаго, почти невоспитаннаго, богатаго сосѣдняго плебея, потомка землекопа, ставшаго милліонеромъ и унаслѣдовавшаго всѣ характерныя черты своей расы вмѣстѣ съ ея богатствомъ, хотя самъ онъ не былъ причастенъ къ землекопству и родился шотландскимъ крупнымъ помѣщикомъ.

Вѣроятно, отецъ и мать бѣдной Кары воображали, что устроиваютъ счастіе дочери, когда толкнули ее, полуживую отъ страха и отвращенія, въ объятія человѣка, манеры котораго заставляли даже ихъ самихъ содрогаться, а они еще не находились въ такомъ непрерывномъ общеніи съ нимъ: они вообще не были дурными родителями и уже отнюдь не дурными людьми. Ничего нѣтъ непонятнѣе мотивовъ, которые вынуждаютъ отцовъ и матерей къ подобнымъ поступкамъ, не то чтобы очень частымъ, но, къ сожалѣнію, все-же и не рѣдкимъ. Они думаютъ, можетъ быть, что стерпится—слюбится, и что ласковое, кроткое созданіе, послушное закону и обычаю, кончитъ тѣмъ, что полюбитъ человѣка, связаннаго съ нею если не настоящей любовью, то такимъ

чувствомъ, какое сойдетъ за любовь. И что, съ другой стороны никакая безумная юношеская страсть не застраховываетъ отъ несчастія въ лотереѣ семейнаго союза, подверженнаго столькимъ превратностямъ,—тогда какъ богатство даетъ прочную и неизмѣнную основу, переживающую всякія чувства.

Таковы были, полагаю, заключенія лорда и лэди Линдонъ, когда они выдавали дочь свою за Томаса Тоненса,—или, вѣрнѣе сказать, таковы были заключенія лорда, а жена его уже только подчинилась имъ и весьма неохотно; но у нея не хватило мужества поддержать дочь и помочь ей освободиться отъ навязываемой ей доли. Если лордъ Линдонъ признавалъ значеніе денегъ, то лэди Линдонъ была изъ тѣхъ женщинъ, которыя пришли къ безмолвному выводу, что ничто не цѣнно и не стоитъ борьбы въ жизни. —Не все ли равно?—говорила она самой себѣ. Она не вѣрила въ счастіе: немножко меньше его, немножко больше—стòитъ ли хлопотать изъ-за этого! А безъ сомнѣнія, какъ говорилъ лордъ Линдонъ, богатство—одно изъ немногихъ дѣйствительно прочныхъ и осязаемыхъ благъ въ мірѣ,—благо, путемъ котораго можно купить нѣкоторыя другія, какъ, напримѣръ, возможность помогать бѣднымъ,—что уже само по себѣ пріятно,—и нѣкоторыя другія удобства жизни.

Лэди Кара была принесена въ жертву этимъ соображеніямъ. Но Провидѣніе сжалилось надъ нею, и она была еще молода, когда умеръ ея мужъ.

Если при жизни онъ не оправдалъ ожиданій лорда Линдона, то оправдалъ ихъ по смерти: онъ все, что имѣлъ, завѣщалъ женѣ; не только богатое приданое, обезпеченное за нею при выходѣ замужъ—и безъ низкаго и мелочнаго условія, устраняющаго вторичное замужство—но все рѣшительно имущество, включая и управленіе имѣніемъ сына Тома, во время его несовершеннолѣтія, съ такими привилегіями, какимъ могла бы позавидовать вдовствующая королева.

Тому было шесть лѣтъ, такъ что лэди Карѣ предстоялъ длинный періодъ владычества, и грубый мужъ, котораго она почти ненавидѣла, и отъ котораго душа ея отворачивалась съ невыразимымъ омерзѣніемъ, вознаградилъ ее въ полной мѣрѣ.

Сомнительно однако, чтобы лэди Кара была тронута такимъ доказательствомъ преданности со стороны человѣка, мучившаго и тиранившаго ее долгіе годы. Но она испытала сильное и страстное раскаяніе, необычайное въ такомъ кроткомъ существѣ, вызванное еще сильнѣйшей и восторженнѣйшей радостью, охватившей ея душу когда она услышала объ его внезапной смерти.

Бѣдная лэди Кара не могла противиться этому порыву восторга, овладѣвшему ею помимо ея воли. На что ей его деньги? Онъ умеръ, и она свободна! Это наполняло ее преступнымъ, но безграничнымъ восхищеніемъ, и смѣнилось невыразимымъ раскаяніемъ, когда прошелъ первый порывъ радости и она овладѣла собой.

А затѣмъ, по истеченіи очень краткаго промежутка, она снова вышла замужъ. Она вышла замужъ за своего сердечнаго, какъ выражались въ началѣ нынѣшняго столѣтія, дружка... за избранника души, отвергнутаго, когда лордъ Линдонъ вступилъ во владѣніе своимъ титуломъ и положеніе семьи и ея виды на будущее измѣнились.

Насколько знала и насколько вникала лэди Кара въ тѣ фазисы развитія, черезъ которые могъ пройти м-ръ Бофоръ за этотъ періодъ времени—это было никому неизвѣстно. Она нашла его такимъ же, какъ и оставила, развѣ только постарше годами. Онъ не сдѣлалъ карьеры; человѣкъ безупречный, но неудачникъ, онъ не двигался съ мѣста все это время и все еще сулилъ жатву впереди, когда его современники уже достигли всего, чего только могли ожидать.

Бофоръ былъ бѣденъ, но лэди Кара была теперь богата. Не было никакой причины имъ не жениться, развѣ онъ оказался бы такимъ фантазёромъ, что отказался бы изъ-за ея богатства. Но ему и въ голову не пришла такая глупость. Вотъ почему большинство людей, въ особенности склонныхъ къ сантиментальности, считало лэди Кару очень счастливой женщиной. Она, правда, пережила Тоненсовскій эпизодъ, когда не была счастлива, и отъ него у нея осталось двое дѣтей, которыя, рано или поздно, могли причинить ей не мало хлопотъ. Но дѣти были обезпечены, а сама она была богата, и могла выйти замужъ за избранника своего сердца, насчитывая тридцать лѣтъ отъ роду. Ей повезло въ жизни... болѣе повезло, чѣмъ большинству женщинъ, выходящихъ по волѣ или по неволѣ за неподходящихъ мужей. Очень рѣдко несносный мужъ умираетъ, оставляя женѣ пропасть денегъ и не связывая ее тягостнымъ условіемъ пребывать во вдовствѣ. Еще рѣже выпадаетъ женщинѣ счастливая доля вновь обрѣсти свою первую любовь, не измѣнившую ей. То былъ настоящій романъ, и онъ нравился людямъ, потому что какъ мы ни суетны вообще, но всѣ любимъ счастливыя исторіи, гдѣ конецъ вѣнчаетъ дѣло, а герой съ героиней доживаютъ вѣкъ въ счастіи и согласіи.

Лэди Кара была высокаго роста, стройная и гибкая, съ

кроткими сѣрыми глазами и роскошными мягкими свѣтло-каштановыми волосами. Цвѣтъ лица у нея былъ блѣдный, но здоровый, носъ чуть-чуть длиннѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Не отрицаю,—это недостатокъ; должно, однако, замѣтить, что это много содѣйствовало общему впечатлѣнію, производимому лэди Карой: она казалась аристократкой съ головы до ногъ. Такое впечатлѣніе изящества и величія очень часто производятъ самыя скромныя изъ женщинъ, благодаря духовному превосходству расы, въ которое мы всѣ вѣримъ. Кстати сказать: ея братъ, лордъ Ринтоулъ, отличался мѣньшимъ изяществомъ, чѣмъ любой бѣдный приказчикъ. Но лэди Кара могла сойти за принцессу крови, да и была настоящая принцесса по благородству души.

Къ несчастію, я вынужденъ описывать ее, такъ какъ невозможно выставить ее лично, не пересказавъ ея исторіи.

Она была удивительно, безумно счастлива во второмъ замужствѣ... сначала. Если она и замѣтила въ мужѣ кое-какіе недочеты, то закрывала на нихъ глаза, рѣшивъ не допускать пятенъ на своемъ солнцѣ... Но, можетъ быть, она ихъ и не видѣла. Да, въ сущности, нечего было и видѣть. М-ръ Бофоръ былъ джентльменъ. Онъ былъ очень образованный человѣкъ, съ большой эрудиціей, понималъ малѣйшій литературный намекъ и не лазилъ въ карманъ за удачными цитатами; можно сказать, изъ ряду вонъ человѣкъ въ смыслѣ культуры и познаній. Онъ былъ очень красивъ собой, съ чудесными манерами и безупречнымъ характеромъ. Казалось, въ немъ все было, чего только могла пожелать женщина. И несмотря на мучительный эпизодъ перваго брака и двухъ темнобровыхъ дѣтей, съ лица нисколько не похожихъ на мать, онъ былъ единственной любовью лэди Кары, и самъ—насколько извѣстно—никого не любилъ, кромѣ нея. Но какими окольными путями привела ихъ наконецъ судьба въ одну пристань! Онъ—странствуя по бѣлу свѣту, она—въ пучинѣ брачной жизни, сквозь всѣ перенесенныя ею мученія, все время шли къ одной цѣли.

И вотъ, наконецъ, они счастливы.

— Нѣтъ, Эдуардъ,—говорила она:—не будемъ пускать корни нигдѣ пока; я не могу: мнѣ тѣсно будетъ въ своемъ домѣ. Я хочу жить на вольномъ воздухѣ, какъ говорятъ французы. Иначе я стану проводить жестокія параллели... буду думать...—она умолкла, содрогаясь,—о прошломъ. Поѣдемъ за границу. Я не была за границей съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Мы точно начнемъ снова нашу исторію съ того мѣста, гдѣ она оборвалась.

Бофоръ невольно взглянулъ въ сторону, гдѣ играли два

темнобровыхъ ребенка. Онъ чувствовалъ, быть можетъ, что не такъ-то легко начать исторію съ того мѣста, гдѣ она оборвалась; но согласился съ тихой ласковостью, успокоительно дѣйствовавшею на лэди Кару.

— Я очень люблю странствовать! я всю жизнь ничего иного не дѣлалъ... а теперь... съ тобой!

— Да, съ тобой!—повторила она.

Она привыкла къ дѣтямъ и не думала объ анахронизмѣ ихъ присутствія въ моментъ вдохновленія старой исторія.—Ты поведешь меня во всѣ тѣ мѣста, гдѣ былъ одинъ, и мы поѣдемъ и туда, гдѣ проводили вмѣстѣ то лѣто. Мы всюду побываемъ и все пересмотримъ; а когда новизна притупится, вернемся домой и заживемъ собственнымъ домкомъ. И тогда, Эдуардъ, у тебя будетъ досугъ для твоего сочиненія. Помнишь, сколько мы толковали о немъ въ то лѣто! Ты немного написалъ съ тѣхъ поръ.

— Ровно ничего,—отвѣчалъ онъ, съ легкой краской въ лицѣ.

— Тѣмъ лучше!—вскричала лэди Кара.—Я бы ревновала къ тому, что̀ ты написалъ безъ меня; ты не могъ писать безъ меня. Ты не долженъ притрогиваться къ перу, пока мы будемъ путешествовать; только наблюдай за всѣмъ и изслѣдуй всесторонне людей, а затѣмъ, когда мы вернемся домой... о, тогда, Эдуардъ, я позабочусь о томъ, чтобы тебѣ не мѣшали... я буду охранять твой досугъ и сниму съ тебя всякія заботы! Тебѣ не о чемъ будетъ безпокоиться; ни шума, ни перерывовъ опасаться не придется, никто не будетъ входить къ тебѣ, кромѣ меня. А я не помѣшаю.

— Никогда, мое счастіе!—съ жаромъ произнесъ онъ; но только это и высказалъ онъ опредѣленно.

Быть можетъ, планъ задуманнаго имъ большого сочиненія измѣнился. Оно представлялось ему теперь въ иномъ свѣтѣ; но ему нравился ея энтузіазмъ. Хотя въ то же время онъ и дивился нѣсколько такому энтузіазму: точно въ самомъ дѣлѣ ихъ исторія никогда не обрывалась. Женщины, голубушки! какія онѣ странныя! Въ его жизни не было ничего подобнаго Тоненсовскому эпизоду и чернобровымъ дѣтямъ; а между тѣмъ это не мѣшало ей начинать исторію съ того самаго пункта, гдѣ она оборвалась. Что касается любви, онъ и самъ чувствовалъ себя на это способнымъ, но вѣдь онъ не обрывалъ любви, когда исторія оборвалась. Тогда какъ она...

Въ этихъ воспоминаніяхъ было нѣчто неловкое, и лучше было по возможности не тревожить ихъ. Онъ не могъ съ такой без-

мятежностью, какую выказывала она, возвращаться къ полузабытымъ событіямъ прошлаго времени. Но онъ былъ увѣренъ, что ея присутствіе никогда ему не помѣшаетъ, и съ удовольствіемъ выслушивалъ ея чудесные планы, и думалъ о томъ, какъ они будутъ вмѣстѣ странствовать всюду, куда есть доступъ мужчинѣ и женщинѣ,—а когда они мужъ и жена, то доступъ имъ, въ сущности, всюду открытъ. Онъ радъ былъ такому прихотливому образу жизни.

Кромѣ того, когда людямъ не совсѣмъ удобно съизнова начинать жизнь, то всего лучше имъ ѣхать за границу.

Маленькія аномаліи, всплывающія на поверхность мирной жизни на родинѣ, сглаживаются въ атмосферѣ чуждыхъ странъ и среди разнообразія пути. Лучшее средство позабыть о былой разлукѣ двумъ нынѣ связаннымъ существамъ и о томъ, какъ каждый изъ нихъ жилъ самъ по себѣ и вдали отъ другого—это уѣхать далеко, далеко и пережить за-одно рядъ новыхъ впечатлѣній, которыя изгладятъ даже самое воспоминаніе о разлукѣ.

Никто изъ нихъ не выставлялъ этой причины; она—потому, быть можетъ, что не сознавала ее; онъ—потому, что ему не хотѣлось сознаваться въ ней, ни другимъ, ни ей... ни даже самому себѣ. Онъ былъ, въ своемъ родѣ, настоящій философъ, въ старомодномъ значеніи этого слова, и старательно удалялся отъ всякихъ непріятныхъ сюжетовъ.

Въ силу этого они уѣхали за границу на болѣе продолжительное время, чѣмъ самый долгій медовый мѣсяцъ; чернобровыя дѣти сопутствовали имъ болѣе или менѣе, то-есть они вмѣстѣ доѣзжали до извѣстныхъ центровъ и тамъ оставались на попеченіи нянекъ и гувернантокъ со всѣмъ комфортомъ, какой только могли доставить деньги, между тѣмъ какъ лэди Кара и ея супругъ ѣхали дальше, хотя никогда не теряли изъ виду дѣтей. Лэди Кара, даже находясь въ эмпиреяхъ новаго и счастливаго замужства, не забывала, что она мать. И онъ тоже былъ очень добръ къ дѣтямъ. Въ раннемъ дѣтствѣ почти всѣ дѣти бываютъ забавны, а м-ръ Бофоръ былъ необыкновенно мягкій и добрый человѣкъ. Глаза его жены сіяли, когда она видѣла, съ какимъ интересомъ онъ вникалъ въ жизнь малютокъ, точно онѣ были его собственныя. Какое счастіе для нихъ—общество такого человѣка и его вліяніе на развитіе ихъ первыхъ идей! Какое счастіе! Она вздрогнула, когда сообразила смыслъ того, что̀ ей пришло въ голову... а между тѣмъ вѣдь это истинная правда... Хорошо, что наставникъ, какого они рисковали найти въ собственномъ отцѣ, и тотъ примѣръ, тѣ указанія, какія онъ могъ имъ дать,

устранены, и расчищено мѣсто для болѣе достойнаго наставника, для болѣе благотворнаго примѣра, для человѣка, который будетъ имъ истиннымъ отцомъ! Бѣдныя дѣти! У лэди Кары смутно сжималось сердце отъ условной жалости къ сиротамъ, несмотря даже на ликующую радость о благодѣтельной замѣнѣ, выпавшей имъ на долю!

Недѣли медоваго мѣсяца пронеслись какъ счастливые дни. Они всюду побывали, гдѣ только можно было, не прибѣгая къ морскому пути, потому что лэди Кара не выносила морскихъ путешествій. Они избѣгали всего, что̀ могло быть затруднительно и непріятно въ разговорахъ, и превратились въ старыхъ супруговъ, безусловно сжившихся и освоившихся со всѣми различіями въ мысляхъ и чувствахъ другъ друга, прежде нежели вернулись на родину. Оба смутно чувствовали, что возвратъ на родину будетъ нѣкоторымъ искусомъ для нихъ, но не настолько опаснымъ, чтобы бояться его или противиться убѣжденію, что пора, пора вернуться домой.

Но какъ разъ передъ самымъ возвращеніемъ на родину и во время совѣщаній о будущемъ ихъ жилищѣ впервые произошла между ними настоящая размолвка.

II.

— Надо подумать, гдѣ намъ поселиться,—сказала лэди Кара:—мы еще не обсуждали этого вопроса. Міръ Божій широкъ и мѣста въ немъ много... стоитъ только выбрать...

Лодка тихо качалась на небольшихъ волнахъ, отражавшихъ румяный солнечный закатъ, уже потухавшій. Красивыя очертанія Савойскихъ горъ вырѣзывались, голубыя и уже остывшія, на пылавшемъ западѣ. У Dent du Midi еще виднѣлся розовый отблескъ на вершинѣ, но середина горы была бѣлая и холодная. Вечеръ наступалъ и вмѣстѣ съ нимъ чувствовалась свѣжесть въ воздухѣ, уже вѣявшая осенью. Это чаяніе зимы, которое птицамъ такъ явственно говоритъ, что пора имъ отлетать въ болѣе теплыя страны, сегодня было замѣтно и для менѣе острыхъ человѣческихъ чувствъ. Кара закуталась плотнѣе въ шаль, съ прихотливой и вовсе ненужной дрожью. Въ сущности это не значило, что ей холодно, но что ей вспомнился домашній камелекъ.

Онъ сидѣлъ напротивъ нея, праздно опустивъ весла. Ночь была мягкая, и они были недалеко отъ дома, въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія отъ берега.

— Гдѣ намъ поселиться?—повторилъ онъ.—Развѣ ты не думаешь жить въ своемъ домѣ?

Она слегка вздрогнула. Будь они на твердой землѣ, онъ бы никогда не догадался объ этомъ, но лодка отзывалась на малѣйшее движеніе. И только потому онъ узналъ, что поразилъ ее. Но она тотчасъ же оправилась и отвѣчала:

— Развѣ тебѣ это было бы пріятно?

Она старалась говорить совершенно спокойно, но голосъ былъ не совсѣмъ твердъ.

— Что-жъ, моя душа, время года какъ разъ подходящее для Шотландіи, и дичи должно быть тамъ пропасть, но мнѣ ѣхать туда ни пріятно, ни непріятно. Я вовсе объ этомъ не думалъ. Мнѣ казалось, что, само собой разумѣется, ты пожелаешь вернуться къ себѣ домой.

— Я никогда не считала его своимъ домомъ,—отвѣчала она тихимъ, торопливымъ шопотомъ.—О, нѣтъ, нѣтъ! Я бы не могла туда ѣхать.

— Прекрасно,—безпечно отвѣчалъ онъ:—въ такомъ случаѣ мы, разумѣется, туда не поѣдемъ. Мнѣ все равно, куда ни ѣхать; гдѣ ты, тамъ и мой домъ. У меня его не было, пока ты была не моя,—ты и выбирай.

Нѣкоторое время она ничего не говорила, но сидѣла наклонясь надъ водой и опустивъ въ нее руку.

— Вода такъ еще тепла, какъ лѣтомъ,—произнесла она.

Она сама заговорила о возвращеніи домой, но смутное воспоминаніе о прошломъ прогнало радостное настроеніе. Она опять вздрогнула подъ наплывомъ противорѣчивыхъ ощущеній, какихъ сама не замѣчала:

— Гдѣ-нибудь въ горахъ выпалъ снѣгъ, думается мнѣ.

— Это тебѣ самой то холодно, то жарко, Кара,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Я нахожу, что вечеръ безподобный. Погляди вонъ тамъ на послѣдній пароходъ, плывущій поперекъ линіи горъ; онъ весь залитъ огнями и биткомъ набитъ публикой. Хочешь отплыть дальше? Мы поспѣемъ, если не будемъ медлить; вѣдь, я знаю, тебѣ непріятна будетъ зыбь, которую онъ подниметъ.

— Я ничего не люблю, что̀ возмущаетъ воду или жизнь вообще.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не такъ апатична. Это вотъ я—настоящая стоячая вода. А ты любишь волненіе, или маленькую встряску, если можно такъ выразиться.

— Ты думаешь, Эдуардъ? Нѣтъ, я люблю спокойствіе. Я

люблю тишь и гладь на водѣ и на сушѣ, и жизнь, которая катится непримѣтно.

— Душа моя, ты любишь все лучшее, а въ лучшемъ всегда есть движеніе. Ты никогда не любила монотонности. Пусть жизнь катится спокойно, но пусть катится; я же могу обойтись безъ всякаго движенія. Я люблю сидѣть, сложа руки, и смотрѣть, какъ бѣжитъ вода; ты же требуешь, чтобы я брался за весла и двигался, куда ты укажешь.

— Да,—отвѣчала она съ мягкимъ смѣхомъ:—можетъ быть это и такъ. Ты знаешь меня довольно, но не очень,—прибавила она съ новымъ торопливымъ жестомъ, опять покачнувшимъ лодку.

— Нѣтъ, не очень,—повторилъ онъ со взглядомъ, котораго она въ сумеркахъ не замѣтила.—Притомъ голова его была закинута, а мысли блуждали далеко. Она надѣялась, что онъ никогда не угадаетъ тотъ, можно сказать, ужасъ, какой она испытала отъ мысли, которую онъ принялъ такъ спокойно: вернуться туда, гдѣ, по его мнѣнію, былъ ея домъ.

Ея домъ! Онъ никогда не былъ ея домомъ. Она думала, что никогда больше туда не вернется. Ей казалось, что, вернувшись туда, она можетъ застать *его* и увидѣть, что все теперешнее—только сонъ.

Ночи наступаютъ быстрѣе въ этихъ мѣстностяхъ, чѣмъ на сѣверѣ. Совсѣмъ уже почти стемнѣло, хотя солнце только-что зашло. Пароходъ подходилъ, огни стали зажигаться въ окнахъ прибрежныхъ домовъ. Ночь незамѣтно смѣнила день.

Шумъ парохода вывелъ ее изъ задумчивости, и она сказала съ легкой дрожью въ голосѣ:

— Я бы желала, чтобы ты взялся за весла, какъ говоришь, Эдуардъ, и чтобы мы отплыли подальше. Я знаю, бѣды не будетъ, но...

— Тебѣ все-таки страшно,—договорилъ онъ, неспѣшно берясь за весла.

— Пароходъ похожъ на чудовище!—вскричала она.

Мужъ поспѣшно сталъ грести, чтобы избавить ее отъ нервнаго страха, но не могъ не посмѣяться надъ нею. Она сама знала, что бываетъ прихотлива въ нѣкоторыхъ вещахъ, и знала, что и ему это извѣстно. Этотъ небольшой недостатокъ былъ безвреденъ. Лучше для женщины, когда она немножко безразсудна. Мужчина чувствуетъ пріятное сознаніе своего превосходства,—и мужъ нѣсколькими ударами веселъ доставилъ ее къ берегу, забавляясь ея трусостью. И только позднѣе, когда они взобрались

по довольно крутой тропинкѣ на свою виллу, окруженную деревьями, заглянули въ комнату, гдѣ крѣпко спала маленькая Джанета, и весело поужинали за столомъ у широкаго окна,—тогда возобновили они прерванный разговоръ. Къ этому времени всякій шумъ стихъ; полная луна медленно всходила, готовясь плыть по небу въ полномъ величіи среди безмолвнаго спокойствія ночи; ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ, ни единаго облачка на синемъ небѣ, гдѣ было почти такъ же свѣтло, какъ днемъ отъ серебристаго сіянія луны, выходившей изъ-за громады горъ съ многочисленными пиками. Пароходъ давнымъ-давно достигъ мѣста своего назначенія. Туристы разбрелись по гостинницамъ, освѣщенныя окна которыхъ окаймляли озеро. Эти громадные караван-сераи не были видны изъ виллы; все шумное и пошлое было удалено отъ глазъ ея обитателей. На озерѣ царила тишина, ни одной лодки не было видно на немъ, и серебристыя струи его тихо переливались, озаренныя луной. Темныя горы по ту сторону озера тоже мѣстами отражали сіяніе большой, круглой луны, плывшей надъ ними, и только онѣ да луна казались живыми въ чудномъ пространствѣ, гдѣ все было красота и покой.

Лэди Каролина и ея мужъ молча сидѣли нѣкоторое время. Такая ночь сама по себѣ возбуждаетъ восторгъ, особливо въ тѣхъ, кто ни въ чемъ не нуждается, и для кого, какъ и для всего видимаго для ихъ глазъ міра, все обстоитъ благополучно.

— И подумать, что мы должны покинуть все это и взвалить на себя обузу устройства на постоянное житье!—сказалъ онъ съ тихимъ смѣхомъ.—Я перебилъ тебя, душа моя, когда ты заговорила объ этомъ сегодня вечеромъ. Мнѣ кажется, я разсѣялъ твои мысли. Если ты не намѣрена поселиться въ своемъ Тоуэрсѣ, то гдѣ же ты думаешь жить?

— Тоуэрсъ не мой,—отвѣчала она, взглядывая на него съ упрекомъ и стискивая крѣпко сжатые пальцы.

— Ну, скажемъ въ Тоуэрсѣ Тома, хотя въ настоящее время это одно и то же.

Опять дрожь пробѣжала по ней, хотя никакой свѣжести не чувствовалось въ тепломъ воздухѣ, приносившемся съ озера. Но голосъ ея былъ нетвердъ, и зубы какъ будто стучали, когда она проговорила:

— Не говори объ этомъ; я не хочу жить въ Тоуэрсѣ, я совсѣмъ не хочу жить въ помѣстьѣ или усадьбѣ; мнѣ нуженъ только домъ, хорошенькій, небольшой домъ, гдѣ бы мы могли размѣститься, и въ такомъ мѣстѣ, какое ты выберешь, Эдуардъ.

— Мнѣ будетъ хорошо вездѣ, гдѣ тебѣ будетъ пріятно,— отвѣчалъ онъ.

— Но это совсѣмъ не то; я хочу, чтобы ты мнѣ сказалъ, гдѣ *тебѣ* будетъ пріятно. Тебѣ бы, конечно, хотѣлось быть поближе отъ большихъ библіотекъ. Писателю необходимо имѣть подъ рукой матеріалы...

Онъ покачалъ головой.

— Ты слишкомъ пристрастна въ оцѣнкѣ моихъ способностей; пока я съ тобой—а, благодаря Бога, ничто не можетъ насъ разлучить—я ничего больше не хочу.

— Это бы мнѣ слѣдовало говорить, Эдуардъ,—сказала она не безъ рѣзкости,—а не тебѣ.—Неужели ты думаешь, я такая глупая женщина, что буду требовать, чтобы ты занимался только мною? Нѣтъ, нѣтъ, это—женская роль.

— Ну, что-жъ такое,—произнесъ онъ съ обычнымъ мягкимъ смѣхомъ:—мнѣ, ты знаешь, выпала въ значительной степени женская роль въ жизни. Къ счастію мой характеръ вполнѣ къ ней подходитъ.

— Что̀ ты разумѣешь подъ женской ролью?

— Душа моя, я ничего не разумѣю. Я хочу только сказать, что жизнь легла на меня слишкомъ тяжелымъ гнетомъ послѣ того какъ мы разстались. Я былъ оторванная половинка—развѣ ты не знаешь?—и отъ такой привязанности, надъ которой время оказалось безсильно. Но надорванность моя позволила времени побѣдить меня: я плылъ по теченію, какъ ты этого не любишь, даже на озерѣ.

— Эдуардъ!—вскричала она:—если что-нибудь могло бы еще сильнѣе заставить меня ненавидѣть то время, такъ это такія слова отъ тебя.

— Успокойся,—отвѣчалъ онъ:—не стоитъ волноваться; въ сущности, ни время, ни обстоятельства не осилятъ человѣка, если это не въ его натурѣ. Ты слишкомъ хорошаго обо мнѣ, Кара, мнѣнія. Есть люди, которымъ по характеру плыть по теченію.

— А я что̀ же послѣ того?—спросила она.—Меня тоже унесла волна. Я не могла ей противиться. Мнѣ было хуже, Эдуардъ, чѣмъ тебѣ, гораздо хуже. Я была завлечена въ водоворотъ, а не просто плыла по теченію. Быть можетъ, ты скажешь, что мнѣ это тоже по характеру.

— Радость моя, все это прошло и миновало. Не будемъ думать о томъ, чего больше нѣтъ. Вотъ насъ теперь двое не совсѣмъ еще старыхъ людей, и мы можемъ пользоваться всѣми благами міра, и слава Богу! они не скупо намъ отмѣрены! Чего

бы ты или я достигли, еслибы вздумали бороться, что̀ могло бы сравняться со счастіемъ быть вмѣстѣ, быть неразлучными? А мы это получили, и еще кучу другихъ прекрасныхъ вещей въ придачу.

У лэди Кары тѣснились на губахъ тысячи возраженій, но она молчала. Какъ могла она говорить? Развѣ ему никогда не приходило въ голову, какимъ путемъ добыты всѣ эти прекрасныя вещи?—какъ случилось то, что вотъ они теперь сидятъ у окна, выходящаго на Женевское озеро, и любуются луной при такихъ условіяхъ, какія доступны только богатымъ людямъ, хотя оба начали жизнь бѣдняками? Какимъ образомъ они могли путешествовать вмѣстѣ, цѣлые годы, какъ пара влюбленныхъ, со всѣми аксессуарами счастія въ придачу къ самому счастію?

Она все сильнѣе сжимала тонкіе пальцы, пока ей не стало больно, но она ничего, ничего не говорила, потому что сказать приходилось бы слишкомъ много. Такія мысли и прежде приходили ей въ голову, но вскользь, мимолетно. Она не могла бы объяснить, почему теперь онѣ съ такой силой представились ей. Безъ сомнѣнія, причина—въ предстоящей перемѣнѣ жизни, въ необходимости отказаться отъ бродячей жизни и поселиться на одномъ мѣстѣ. Мысли унесли ее далеко, и она сидѣла, глядя разсѣянно на озеро и на луну, и позабывъ, гдѣ она и что̀ ей надо отвѣтить на вопросъ мужа. Наконецъ, его мягкій голосъ, такой благовоспитанный и музыкальный, вернулъ ее къ дѣйствительности.

— Ты ничего не говоришь, Кара. Еслибы я былъ ревниваго нрава, я могъ бы спросить: ужъ не сомнѣваешься ли ты въ нашемъ счастіи? но я не спрашиваю, нѣтъ, не спрашиваю этого, моя радость. Тебѣ не надо защищаться; мы оба знаемъ, что судьба дала намъ лучшее, что̀ есть въ жизни, и оно досталось намъ почти безъ всякихъ усилій. Не правда ли? Съ своей стороны, я получилъ все, что̀ мнѣ нужно, и все остальное меня не интересуетъ... гдѣ мы будемъ жить, что̀ мы будемъ дѣлать... живешь ли ты въ моемъ домѣ, или я въ твоемъ... и какія мои занятія, и какое положеніе въ свѣтѣ. Я доволенъ тѣмъ, что̀ у меня есть.

Можно ли наговорить болѣе пріятныхъ вещей женщинѣ? Согласно условнымъ понятіямъ—нѣтъ, нельзя; согласно большинству природныхъ чувствъ — тоже. Что̀ можетъ быть лучше, какъ постоянное общество любимаго человѣка: быть всегда вмѣстѣ, дѣлить съ нимъ все, не думать ни о чемъ, кромѣ личнаго счастія? И онъ высказалъ это медленно, съ разстановкой, и она могла

бы проникнуться ихъ сладостью; но не сладки были комментаріи, тѣснившіеся въ ея умѣ, и она выслушивала эти нѣжныя слова съ нетерпѣніемъ, которое съ трудомъ могла сдерживать, и съ сознаніемъ какого-то безсилія, тушившаго нетерпѣніе. Развѣ этимъ все сказано?.. развѣ нечего прибавить?..

М-ръ Бофоръ закурилъ папироску съ спокойной, изящной манерой джентльмена, противъ которой ничего бы не нашла возразить самая щепетильная изъ женщинъ; никогда не курилъ онъ такихъ пошлыхъ вещей, какъ сигара; что касается трубки, то онъ также не выносилъ ее, какъ женщина. Синій дымокъ, нѣжный и ароматическій запахъ и самый поворотъ красивой головы были весьма характерны. Дымъ мягко стлался легкими струйками вокругъ его изящной темной бороды и усовъ. Онъ былъ очень красивый человѣкъ, гораздо красивѣе въ своемъ родѣ, нежели Кара, носъ которой былъ слишкомъ дліненъ, а губы черезъ-чуръ тонки. Она и сама была черезъ-чуръ худа, тогда какъ его сорокалѣтняя фигура отличалась такой же гибкостью и стройностью, какъ у двадцатипятилѣтняго молодого человѣка. Она глядѣла на него и молчала. Развѣ мужчина въ эти годы не лучше женщины? Не вѣроятнѣе ли, что онъ открылъ настоящій секретъ жизни? Не правильнѣе ли онъ судилъ о жизни, чѣмъ бѣдная Кара, которая никогда не была умна, и пассивно переживала ужасную трагедію жизни, пока, наконецъ, не достигла обѣтованной земли?

Безъ сомнѣнія это такъ, и ея сбитый съ толку умъ вращался въ заколдованномъ кругѣ съ момента ихъ разлуки и до настоящаго, когда въ сумеркахъ ей представилось, что изъ-за его кресла встаетъ привидѣніе. Ей казалось, что изъ-за головы Бофора глядитъ на нее лицо съ темными бровями, большими, свѣтлыми, бѣшеными глазами, съ горящимъ взглядомъ, который часто мерещился ей въ большихъ, сомкнутыхъ въ настоящую минуту сномъ, глазахъ маленькой Джанеты и порою омрачалъ смуглое лицо ея мальчика. Воображеніе рисовало ей этотъ образъ въ то время, какъ Бофоръ пускалъ изящныя кольца дыма. У него не было привидѣній въ прошломъ; воспоминанія его были чисты и мирны, тогда какъ въ ея воспоминаніяхъ царила роковая тѣнь, и не безъ причины; безъ этой тѣни настоящее счастіе было бы невозможно. Какая мысль для женщины! какая мысль! И подумать, что она никогда не приходила въ голову человѣку, наслаждавшемуся всѣмъ тѣмъ, чего тотъ, другой, лишился... и даже болѣе того—тѣмъ, чего тотъ вовсе не зналъ, хотя безъ него этому счастію не бывать бы!

Эти мысли удручали Кару, въ то время какъ она сидѣла, крѣпко стиснувъ пальцы, нѣмая и неподвижная. Какое счастіе, что даже самые дорогіе и близкіе люди не могутъ угадывать мимолетныхъ мыслей, проносящихся въ головѣ, видѣній, мелькающихъ въ умѣ, въ то время какъ мы сидимъ и ничего не говоримъ! Еслибы Бофоръ могъ увидѣть темнобровое привидѣніе и сообразить все, чѣмъ онъ обязанъ Тоненсу, могъ ли бы онъ сохранить эту позу задумчиваго покоя, этотъ миръ самодовольства и счастія? Конечно, онъ это зналъ; то былъ не секретъ; всѣ это знали. Тутъ не было ничего худого, ничего преступнаго, ничего такого, отъ чего бы слѣдовало краснѣть. Стыдъ былъ фантастическій, какъ и негодованіе на странное непониманіе и безучастіе мужа, овладѣвшее въ эту минуту Карой и заставлявшее ее считать ужаснымъ самое невинное, самое натуральное отношеніе, какого она именно должна была желать въ немъ. Любопытно было тоже думать, что одинъ изъ двухъ людей, такъ сильно любившихъ и симпатизировавшихъ другъ другу, могъ пребывать въ такомъ полномъ невѣденіи насчетъ чувствъ другого. Вокругъ нея роились видѣнія мучительнаго прошлаго, ее преслѣдовала страшная мысль, что этимъ мучительнымъ прошлымъ она купила для него и для себя настоящее спокойствіе, а онъ ни о чемъ таки ровно не догадывался, и считалъ, что весь вопросъ только въ томъ, гдѣ бы имъ поселиться и какъ наилучше устроиться. Очевидно, легкость задачи, предстоявшей имъ, и ея неважный характеръ пришли ему въ голову, когда онъ лежалъ въ креслахъ, повернувшись лицомъ къ озеру и лунѣ и слѣдя глазами за синеватымъ дымкомъ, разносившимся по воздуху.

— Знаешь ли, что мы сдѣлаемъ,—вдругъ проговорилъ онъ со смѣхомъ,—для облегченія себѣ нашей трудной задачи. Мы будемъ нанимать поочередно дома въ разныхъ мѣстахъ, пока на опытѣ не убѣдимся, который лучше.

Она съ трудомъ принудила себя оторваться отъ своихъ мыслей и вернуться къ пошлой дѣйствительности.

— Но это было бы ничѣмъ не лучше путешествія, а оно мнѣ немного надоѣло. Мнѣ хочется жить въ своемъ домѣ, въ домѣ, который бы раньше никому другому не принадлежалъ,— прибавила она съ легкой дрожью,—кромѣ тебя и меня, Эдуардъ, чтобы въ немъ не водились привидѣнія.

— Развѣ ты считаешь эти картины привидѣніями?—спросилъ онъ, оглядывая стѣны, увѣшенныя портретами швейцарской фамиліи, которой принадлежала вилла. Они, конечно, не красивы, но вполнѣ безобидны. Впрочемъ, милая Кара, дѣлай какъ знаешь.

Я поѣду съ тобой, какъ маленькій Томъ и Джанета, смотрѣть новый домъ. Но если ты выберешь безобразный домъ и гдѣ-нибудь въ глуши, то мы будемъ протестовать. Хотя, что до меня касается, то мнѣ никакой домъ не покажется безобразнымъ, если ты въ немъ будешь со мной,—продолжалъ онъ, нѣжно пожимая ей руки.

И прибавилъ заботливо, отбросивъ папиросу:

— У тебя жаръ, Кара. Твои бѣдныя ручки совсѣмъ горячія. Надѣюсь, ты не простудилась на озерѣ?

— Я никогда не простужаюсь,—отвѣчала она, улыбаясь.—Я просто безразсудно взволновалась при мысли, что намъ нужно мѣнять образъ жизни и вернуться въ свѣтъ.

— Если это тебѣ непріятно, душа моя, то не будемъ возвращаться въ свѣтъ.

— Эдуардъ, ты меня приводишь въ отчаяніе своимъ равнодушіемъ! Ты говоришь такъ, какъ еслибы тебѣ не было ни до чего дѣла, и какъ будто бы намъ можно было жить только для себя и дѣйствовать какъ намъ вздумается.

— Душа моя, я уже говорилъ тебѣ, что мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла, кромѣ одной тебя, и не думаю, чтобы свѣтъ очень интересовался мною. Но не сердись, Кара. Я знаю, что Томъ долженъ поступить въ школу и такъ далѣе. Мы исполнимъ нашъ долгъ какъ мужчины... или, вѣрнѣе сказать, какъ женщины. А я съ своей стороны ни капельки не боюсь свѣта. Даже Лондонъ я вынесу совершенно спокойно, когда ты около меня, и тѣмъ болѣе, что въ настоящее время года тамъ никого нѣтъ.

— О, Эдуардъ!—произнесла она съ нѣжной досадой:—конечно, очень сладко быть всѣмъ въ мірѣ для человѣка, котораго любишь, однако...

III.

Они скоро вернулись домой, какъ принято говорить... хотя у нихъ не было дома и они чувствовали себя гораздо уютнѣе на швейцарской виллѣ, несмотря на портреты швейцарскихъ владѣльцевъ, развѣшенные по стѣнамъ. Отрадно послѣ долгаго отсутствія вернуться домой, когда есть родное пепелище, гдѣ васъ ждутъ, гдѣ дѣти съ шумной радостью бѣгаютъ по комнатамъ, узнавая знакомые предметы, а вы садитесь на свое старое кресло, въ своемъ старомъ уголку, точно никогда его не покидали.

Но совсѣмъ иное дѣло, когда семья возвращается на родину и должна искать себѣ квартиру. Искать квартиру—занятіе скуч-

ное вообще, а небольшая квартира въ Лондонѣ, осенью, не особенно весела. Но, съ другой стороны, Лондонъ въ октябрѣ мѣсяцѣ— совсѣмъ не такое мрачное мѣсто, какимъ кажется иностранцу: погода часто бываетъ теплая и ясная; побурѣвшая трава въ паркахъ начинаетъ немножко приходить въ себя, деревья одѣваются въ красный и желтый цвѣта, и это оживляетъ пейзажъ.

Хотя Сенъ-Джемскій паркъ представляется монотоннымъ, точно рисунокъ сепіей, но широкія пространства между Мраморной Аркой и Гайдъ-Паркомъ глядятъ весело и кругомъ чувствуется оживленіе отъ возвращающагося народа.

Но унылой и утомленной представлялась семейная группа, прибывшая послѣ кратковременнаго, но бурнаго плаванія по каналу, и послѣ хлопотливаго и утомительнаго пути. Лэди Кара была очень блѣдна, и морщины на ея лбу свидѣтельствовали о тревогахъ, связанныхъ съ возвращеніемъ на родину и необходимостью промѣнять беззаботную, скитальческую жизнь, представлявшуюся сплошнымъ праздникомъ, на жизнь будничную, исполненную заботъ и отвѣтственности. Маленькая Джанета, капризная и усталая, казалась еще блѣднѣе матери, съ своими черными бровями и волосами и большими посинѣлыми губами, еще усиливавшими блѣдность ея лица. Томъ, раздраженный тѣснотой и невозможностью играть въ узкомъ помѣщеніи вагона, злился и злилъ другихъ, а утомленныя няньки выходили изъ себя отъ его безобразныхъ выходокъ и невозможности удерживать его въ границахъ приличія.

М-ръ Бофоръ имѣлъ громадное преимущество передъ этой группой. У него волосокъ лежалъ къ волоску, и усталость нисколько на немъ не сказывалась. Онъ былъ очень ласковъ съ маленькой Джанетой, которая не вынесла трудности пути и въ жалкомъ видѣ лежала на скамейкѣ, и нѣжно ухаживалъ за женой, не терявшей величественнаго вида даже въ худшія минуты жизни и не позволявшей даже бурливому каналу низвести себя до уровня дюжинныхъ людей. Его высокая фигура въ длинномъ непромокаемомъ пальто, изящная темная борода, курчавившаяся на вѣтру, папироска съ легкимъ синеватымъ дымкомъ производили успокоивающее дѣйствіе на нервы, даже когда онъ находился на другомъ концѣ корабля.

Томъ, не желавшій оставаться въ каютѣ, ходилъ по пятамъ вотчима, которому въ другихъ случаяхъ не выказывалъ особенной любви. Но теперь онъ не отходилъ отъ него, держался подъ его охраной, разставляя крѣпкія маленькія ноги и по временамъ хватаясь за его пальто, чтобы сохранить равновѣсіе: съ харак-

терной для него практичностью онъ выбралъ самаго надежнаго въ данную минуту члена своей компаніи. Когда компанія ввалилась въ гостинницу зимнимъ вечеромъ, едва держась на ногахъ отъ усталости, Бофоръ и тутъ оказался господиномъ положенія. Онъ былъ совсѣмъ свѣжъ и полонъ самообладанія. Возвращеніе въ Англію, связанное для лэди Кары съ разными удручавшими ее мыслями, на него производило не больше впечатлѣнія, чѣмъ пріѣздъ въ Парижъ, въ Вѣну или во всякую другую столицу. Тотъ фактъ, что жизнь приходится начинать съ новой главы, нисколько его не трогалъ. Онъ, по правдѣ сказать, и не считалъ это новой главой, а лишь продолженіемъ старой.

Бофоръ былъ доволенъ, что пріѣхалъ, нисколько не сожалѣлъ о томъ, что скитальческая жизнь кончилась, радъ былъ усѣсться на мѣстѣ. Онъ смотрѣлъ на это скорѣе какъ на отдыхъ, нежели на трудъ или начало новаго существованія. Его отчасти забавляло прихотливое нежеланіе Кары поселиться въ собственномъ домѣ, но онъ былъ исполненъ снисхожденія къ ея прихотямъ. Конечно, она была немного безразсудна, потому что Шотландія—какъ разъ подходящее мѣстожительство въ настоящее время года; и искать новый домъ въ новомъ мѣстѣ, когда собственный домъ въ самомъ прекрасномъ мѣстѣ стоитъ пустой — странный капризъ, несомнѣнно. Но если таково ея желаніе, зачѣмъ станетъ онъ ей противорѣчить? Онъ не былъ великимъ спортсменомъ. Пробыть день или два на охотѣ—никому не вредно, даже недѣлю или двѣ; но еслибы ему не пришлось въ жизни притронуться къ ружью, это бы его не огорчило. Однако несомнѣнно, что всего естественнѣе было бы поѣхать туда. Онъ улыбался про себя, возвращаясь послѣ обѣда изъ клуба, куда онъ нарочно отправился, чтобы Кара могла на свободѣ лечь въ постель и отдохнуть. Она такъ нуждалась въ отдыхѣ. Милая Кара, еслибы она затѣяла глупость и покрупнѣе, онъ не сталъ бы ей перечить; но все-же не могъ не признаться самому себѣ съ улыбкой, что она немножко безразсудна. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества можно допустить это, не унижая свое божество.

Онъ уважалъ ее и любилъ, какъ только могъ мужчина, но тѣмъ не менѣе пріятно сознавать себя снисходительнымъ къ маленькимъ слабостямъ женщины, къ которой питаешь рыцарскую привязанность. Онъ ничѣмъ не хочетъ досаждать ей. Пусть нанимаетъ домъ гдѣ хочетъ, отдѣлываетъ его какъ хочетъ — онъ, конечно, поможетъ ей, у него столько вкуса,—пусть будетъ счастлива такъ, какъ ей хочется. Онъ, улыбаясь, шелъ по знакомымъ улицамъ; пріятно было опять очутиться въ Лондонѣ. Пріятно

быть богатымъ послѣ того, какъ былъ такъ бѣденъ, что не всегда могъ даже позволить себѣ пообѣдать въ клубѣ. Все это миновало теперь, и его нисколько не тяготило, что этимъ онъ обязанъ женѣ. Не все ли равно, у кого изъ нихъ деньги? Еслибы онъ былъ богатъ, съ какою радостью онъ тратилъ бы деньги на Кару; давалъ бы ей все, чего бы она ни пожелала! Въ сущности говоря, въ этомъ-то и заключается настоящая великодушная точка зрѣнія. Мысль, что деньги, доставлявшія имъ всю эту роскошь, принадлежали не Карѣ, а Тому, къ счастію не приходила ему въ голову. Онъ совсѣмъ объ этомъ не думалъ... Все сложилось само собой, самымъ естественнымъ путемъ. Конечно, она купила свое богатство, которое раздѣляла теперь со вторымъ супругомъ, тѣмъ, что была отличной женой первому мужу и заслужила его довѣріе и благодарность.

Къ счастію м-ръ Бофоръ не находилъ, чтобы стоило очень углубляться въ этотъ вопросъ.

На слѣдующее утро компанія отдохнула и ожила. Дѣти ворвались въ гостиную, послѣ продолжительнаго невольнаго заключенія во временной дѣтской, выходившей окнами на задній дворъ, гдѣ ничего не было видно, кромѣ трубъ и глухихъ стѣнъ дома, бросились къ большому окну, у котораго сидѣла лэди Кара за завтракомъ, и завизжали отъ удовольствія. Ихъ приводилъ въ восторгъ видъ оживленной улицы, полной экипажей и людей, и деревья Гайдъ-Парка, виднѣвшіяся по ту сторону.

Маленькій Томъ стоялъ съ хлыстомъ въ рукахъ, своимъ неизмѣннымъ спутникомъ, и издавалъ восклицанія:

— О! какія тамъ толпы народа! Вотъ пони! но всадникъ на немъ совсѣмъ не умѣетъ ѣздить! Куда онъ ѣдетъ? Чтὸ за этими воротами? Это площадь, или паркъ? или чтὸ такое? Скажите, однако, каковъ Бо! Знаешь, Джанъ, вѣдь онъ большой лгунъ! онъ говорилъ, что никого нѣтъ въ Лондонѣ, а тутъ милліоны!

— Томъ,—замѣтила лэди Кара, — если ты будешь говорить такъ, то я вышлю тебя изъ комнаты.

— Оставь его,—сказалъ Бофоръ:—онъ правъ съ своей точки зрѣнія. Ты долженъ помнить, Томъ, что хотя ты и умный мальчикъ, но не знаешь всего, и въ Лондонѣ могутъ быть милліоны, а все-таки никого въ немъ нѣтъ.

Дѣти обратили къ нему недовѣрчивыя лица, съ цинизмомъ дѣтства, столь же замѣчательнымъ, какъ и его легковѣріе; ихъ озадачивали знанія Бофора, превышавшія ихъ собственныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не вѣрили его добросовѣстности. Они были очень похожи другъ на друга; лица у нихъ были крупныя и блѣд-

ныя, брови густыя и насупленныя, и большіе круглые глаза à fleur de tête. Красный ротикъ Джанеты, единственная красивая въ ней черта, былъ раскрытъ отъ подозрительности и удивленія. Лицо Тома выражало напускное, отчасти, презрѣніе. Онъ немножко побаивался „Бо“, своего вотчима, и до нѣкоторой степени вѣрилъ въ его компетентность, хотя и не безъ примѣси недоброжелательства и подозрѣнія его искренности.

— Ты, кажется, получила кучу писемъ сегодня поутру, Кара?

— Отъ агентовъ по найму домовъ; кажется, что домовъ сколько хочешь. Затрудненіе не въ томъ, чтобы найти его, но чтобы выбрать. Что̀ ты скажешь о Ричмондѣ? Рѣка такъ красива, и паркъ удобенъ для дѣтей, и...

— Если Томъ будетъ помѣщенъ въ школу, какъ это, полагаю, необходимо сдѣлать, то тебѣ придется сообразоваться съ потребностями одной только Джанеты, а она не difficile.

— Я отправлюсь въ школу, мама?

Томъ вдругъ отвернулся отъ окна и сталъ спиной къ свѣту, широко разставивъ ноги и представляя плечистый, здоровенный экземпляръ мальчика, съ которымъ приходилось считаться.

— Конечно, это необходимо, мой другъ; твое образованіе и то запущено. Конечно, онъ знаетъ французскій языкъ,—сказала Кара, обращая къ мужу умоляющій взглядъ, ищущій поддержки, —какъ рѣдкія дѣти въ его годы.

М-ръ Бофоръ давно уже считалъ, что Тому пора въ школу.

— Я вовсе не прочь поступить въ школу,—объявилъ мальчикъ. — Я очень радъ. Я хочу въ школу. Я терпѣть не могъ французскихъ мальчишекъ, но здѣсь они другіе.

— Первую вещь, которую они у тебя спросятъ въ Итонѣ, это хочешь ли ты, чтобы тебя хорошенько вздули,—сказалъ Бофоръ.—Такъ было по крайней мѣрѣ въ мое время.

— Я не позволю себя вздуть,—закричалъ Томъ,—хотя бы ко мнѣ присталъ самый большой мальчикъ въ школѣ. А вы, Бо, позволили вздуть себя?

— Не помню; это было такъ давно, — отвѣчалъ вотчимъ.— Нѣтъ, нѣтъ, не Ричмондъ, Кара, пожалуйста. Тамъ мило, но это пошлое мѣсто. Воскресныя экскурсіи портятъ почти всѣ окрестности Лондона.

— Виндзоръ, можетъ быть? Тамъ рѣка тоже по близости, и отличныя прогулки по лѣсу.

— Виндзоръ и того менѣе, моя милая Кара. Это парадное мѣсто. Члены королевской фамиліи безпрестанно пріѣзжаютъ и

уѣзжаютъ, а толпа на нихъ глазѣетъ. Нѣтъ, если ты любишь меня, то не надо Виндзора.

— Это рѣшающій аргументъ, Эдуардъ. Конечно, мы не жили бы въ городѣ, а видѣть, какъ пріѣзжаетъ и уѣзжаетъ королева, было бы своего рода развлеченіемъ.

— Что, она ѣздитъ съ большимъ зонтикомъ, какъ тотъ джентльменъ на омнибусѣ? — спросила маленькая Джанета, которую поразило это зрѣлище.

Томъ тоже видѣлъ его, и ему тоже было очень любопытно знать, но онъ не спускалъ глазъ съ Бофора, чтобы видѣть, не засмѣется ли онъ при этомъ вопросѣ.

— Зонтикъ у нея еще больше и съ золотой бахромой, а наверху укрѣплено небольшое королевское знамя,—серьезно отвѣчалъ Бофоръ. — Ты вѣдь знаешь, что венеціанскій дожъ всегда ходитъ подъ зонтикомъ, да и другіе знатные принцы.

Томъ пристально вглядывался большими круглыми глазами, стараясь подмѣтить улыбку, но, не видя ея, все еще съ легкимъ подавленнымъ сомнѣніемъ и опасеніемъ, что ихъ „морочатъ“, рѣшился спросить:

— Кто эти люди, что ѣздятъ въ омнибусахъ? Они не могутъ быть принцами. Они похожи на cochers.

— Наружность обманчива, Томъ. Развѣ ты не слыхалъ, что большіе франты правятъ мальпостами?—Нѣтъ, не Виндзоръ, Кара, только не Виндзоръ.

— Суррей, Эдуардъ? Гильфордъ, Газльмиръ, Доркингъ... гдѣнибудь въ этомъ направленіи.

— Въ Доркингѣ мы бы жили недалеко отъ поля битвы, Томъ.

— Я бы очень хотѣлъ этого,—закричалъ мальчикъ,—и полагаю, что *вы* умѣете стрѣлять изъ ружья, Бо?—прибавилъ онъ, послѣ минутнаго колебанія, пристально глядя на вотчима и радуясь, что можетъ нанести обиду, не опасаясь за послѣдствія.

— Томъ!—вскричала мать въ видѣ предостереженія.

— Болѣе или менѣе,—отвѣчалъ Бофоръ небрежно:—съумѣлъ бы, я думаю, попасть въ голландца, еслибы голландецъ очутился передо мной... ты знаешь, они очень толсты. Въ Гильфордѣ люди хоронятся на вершинѣ горы, ради вида.—Да, я думаю, Суррей— подходящее мѣсто.

— А меня сейчасъ же отправятъ въ школу, мама? Она въ Сурреѣ? Я хочу быть подальше. Я не хочу быть близко отъ дома. Вы еще станете пріѣзжать ко мнѣ, и Джанъ, и цѣловать меня, и называть меня „Томъ“, а другіе мальчики будутъ надо мной смѣяться.

— Какъ же тебя звать, если не Томъ?—спросила лэди Кара съ улыбкой.

— Тоненсъ! — закричалъ мальчикъ съ гордостью, точно бы назывался Плантагенетъ.

Мать глядѣла на него, улыбаясь, но при этомъ заявленіи сына вздрогнула и вся вспыхнула, а затѣмъ поблѣднѣла какъ мертвецъ. Но почему же однако? трудно вообразить болѣе фантастическое, болѣе нелѣпое чувство. Она ничего худого не сдѣлала, выйдя вторично замужъ и найдя счастіе въ этомъ бракѣ, послѣ того какъ первый былъ одной сплошной мукой. Она не преступила никакихъ законовъ, писаныхъ или неписаныхъ. Она на долгіе годы стерла изъ памяти Тоненса и все съ нимъ связанное (кромѣ его денегъ). Почему имя, которое она когда-то носила и которое несомнѣнно принадлежало ея сыну, такъ глубоко задѣвало ее? Улыбка застыла на ея губахъ, но мальчикъ, само собой разумѣется, ничего не понималъ, что̀ происходило въ эту минуту въ умѣ его матери, хотя и пристально глядѣлъ на нее, точно будто понималъ, и тѣмъ усиливалъ ея смущеніе.

— Товарищи никогда не называютъ другъ друга по имени, а всегда по фамиліи,—объявилъ Томъ, гордясь познаніями, пріобрѣтенными имъ отъ различныхъ школьниковъ, съ которыми познакомился во время путешествій.—Этого, конечно, женщины не знаютъ,—думалось ему.

— Пойдемъ-ка со мной прогуляться, мастэръ Томъ, — сказалъ Бофоръ.—Я покажу тебѣ Пиккадилли, а на это стоитъ поглядѣть. Что касается парка, то онъ тебѣ не понравится: всадниковъ теперь тамъ совсѣмъ нѣтъ. Видишь ли, какъ я уже тебѣ говорилъ, въ Лондонѣ никого нѣтъ. Пойдемъ, бери скорѣй шляпу.

— И меня возьмите!—сказала маленькая Джанета, надувая губки.

— Нѣтъ, дамамъ сегодня не полагается гулять, а только товарищамъ, какъ выражается Томъ.

— Сію минуту, Бо!—вскричалъ Томъ восхищенный и бросаясь за шляпой.—Я говорилъ тебѣ, Джанъ, что Бо—джентльменъ... по временамъ! — прибавилъ мальчикъ сестрѣ, которая побѣжала за нимъ, чтобы поглядѣть, нельзя ли и ей какъ-нибудь примазаться къ прогулкѣ.

— Ты очень добръ съ ними, Эдуардъ, о, такъ добръ! Я не знаю, какъ тебя благодарить!—сказала лэди Кара со слезами на глазахъ.

Ея нервы были немножко потрясены этимъ эпизодомъ и смутнымъ сознаніемъ о двухъ лагеряхъ въ ея семьѣ—лагеряхъ, кото-

рые съ теченіемъ времени будутъ все болѣе и болѣе обособляться, отличаясь по характеру, сложенію и даже по фамиліи.

Когда дѣти путешествуютъ съ матерью, то нѣтъ никакой надобности выставлять ихъ фамилію. Никто ею и не занимался въ эти годы. Но заявленіе Тома о томъ, что онъ „Тоненсъ!"—было откровеніемъ и раскрывало передъ нею невѣдомыя перспективы.

— Развѣ я добръ! Тѣмъ лучше для меня, хотя я этого не подозрѣвалъ,—отвѣчалъ Бофоръ съ свойственной ему безпечностью.—Но конечно,—прибавилъ онъ, смѣясь,—мастэръ Томъ нуждается въ большомъ присмотрѣ, если мы хотимъ, чтобы изъ него вышелъ порядочный человѣкъ. Его нужно держать въ ежовыхъ рукавицахъ, а такихъ, боюсь, нѣтъ ни у тебя, ни у меня.

Лэди Карѣ было больно выслушать даже такой мягкій отзывъ о своемъ сынѣ. Мать многое чувствуетъ и думаетъ про себя о своихъ дѣтяхъ, но не любитъ, чтобы другой это говорилъ при ней. Она жалобно взглянула на него съ слабой улыбкой, исполненной страданія.

— Онъ еще ребенокъ!—проговорила она въ извиненіе сыну:—и въ школѣ найдетъ необходимый присмотръ.

Она не могла противорѣчить мужу и не хотѣла спорить. Бѣдный маленькій Томъ! вѣдь онъ все-таки былъ ея родной сынъ, хотя и не совсѣмъ такой, какъ бы она желала... у нея на губахъ вертѣлось возраженіе, что онъ сирота. Она бросила на мужа такой смущенный и жалобный взглядъ, что сердце у того сжалось. Онъ ласково положилъ ей на голову руку и, нагнувшись, поцѣловалъ ее.

— Разумѣется, мальчикъ выровняется, Кара,—сказалъ онъ.— Онъ очень уменъ, а это главное. Готовъ, Томъ? Идемъ. Я тоже готовъ.

Лэди Кара слѣдила за ними восхищенными глазами, какіе бываютъ у матери, когда она наблюдаетъ за своими дѣтьми, идущими гулять съ отцомъ, и гордится ими и своею къ нимъ любовью. Что за жизнь должна быть, когда въ ней нѣтъ никакихъ усложненій, если она течетъ ровно и гладко! И женщина тогда можетъ чувствовать себя постоянно счастливой! Карѣ хотѣлось бы подозвать ребенка, шепнуть ему на ухо, чтобы онъ былъ послушенъ и не грубилъ Бо, велъ бы себя джентльменомъ съ человѣкомъ, который такъ добръ, такъ добръ къ нему. Но она этого не сдѣлала, боясь, что онъ нагрубитъ и вернется хмурый и недовольный, хотя Эдуардъ былъ очень мягокъ съ нимъ и никогда не жаловался, а только говорилъ, что мальчику нужны ежовыя рукавицы. Она отлично знала и сама, что ежовыя рукавицы не-

обходимы, и ужъ, конечно, знала тоже, что она неспособна надѣть такія рукавицы. Но кто же ихъ надѣнетъ въ такомъ случаѣ? Въ школѣ какой-нибудь учитель, который ничего о немъ не знаетъ, не знаетъ, что у него нѣтъ отца, и не приметъ во вниманіе смягчающихъ обстоятельствъ. Быть можетъ, — говорила она самой себѣ,—для мальчика лучше имѣть хоть какого-нибудь отца, чѣмъ никакого. Его отецъ сѣкъ бы его безжалостно, научилъ бы его ругаться, объѣзжать бѣшеныхъ лошадей, рыскать по окрестностямъ и кутить. Развѣ это было бы лучше? Она содрогнулась при этомъ вопросѣ, возникшемъ въ ея умѣ. Лучше ли—о, Боже! Но съ нею-то самой чтѣ было бы?!

Она оглянулась, встрѣтила большіе глаза маленькой Джанеты, пристально устремленные на нее, и вздрогнула отъ испуга. Ей показалось, что дѣвочка читала ея мысли.

— Вамъ холодно, мама?—спросила Джанета, картавя.

Хотя ей было уже восемь лѣтъ, но она все еще картавила.

— Нѣтъ, милочка,—отвѣчала лэди Кара съ новой дрожью, но улыбаясь ребенку. — Сегодня не холодно.

— Мама, возьмите меня съ собой гулять, если Томъ пошелъ съ Бо! Я не хочу гулять съ нянькой, я хочу гулять съ вами.

— Милочка,—сказала Кара, стараясь нѣжными ласками добыть благопріятный отвѣтъ отъ своей маленькой дочери:—не правда ли, какъ Бо добръ съ Томомъ? ты любишь Бо?

Дитя пытливо глядѣло ей въ лицо, какъ дѣлаютъ дѣти безсознательно, но усиленно стараясь проникнуть въ неизвѣстные имъ мотивы.

— Я не знаю,—отвѣчала она;—я о немъ не думаю. Мама, возьмите меня съ собой гулять!

IV.

Домъ былъ найденъ послѣ многихъ, но нескучныхъ поисковъ, небольшихъ экспедицій, какія предпринимали вмѣстѣ лэди Каролина и ея мужъ. Эти экспедиціи напоминали ей свадебное путешествіе, которое было такъ пріятно. Она забыла, какъ то часто бываетъ съ женщинами, всѣ маленькія разочарованія и невзгоды промежуточныхъ годовъ, и когда они нашли наконецъ то, чтѣ имъ было нужно, Кара возликовала и пришла къ мысли, что теперь-то они и заживутъ по новому. Если Эдуардъ былъ до сихъ поръ слишкомъ доволенъ скромной долей, слишкомъ мало честолюбивъ, слишкомъ равнодушенъ ко всякимъ отличіямъ,

то бродячая жизнь навѣрное играла въ этомъ значительную роль. Но теперь, когда онъ будетъ сидѣть на мѣстѣ, когда ничто не будетъ мѣшать ему заниматься, когда время и мысли его будутъ свободны отъ всякихъ заботъ и перерывовъ, — энергія вновь проснется въ немъ.

Въ былые дни, когда они только-что познакомились, у него было пропасть проектовъ. И это было одно изъ его очарованій, которыми онъ привлекъ ея дѣвическое сердце. Онъ такъ твердо намѣревался пробить себѣ дорогу къ жизни, пріобрѣсти имя и значеніе, занять высшее мѣсто въ обществѣ. Они объ этомъ много толковали прежде, чѣмъ заговорили о любви, и онъ съумѣлъ пробудить въ ней энтузіазмъ. Онъ говорилъ ей — о! какъ хорошо она это помнитъ! — что ошибочно думаютъ тупые люди, будто такъ трудно пріобрѣсти вліяніе на умы людей. Напротивъ того: если человѣкъ серьезно увлекается своей задачей, такъ серьезно, что никто не можетъ усомниться въ его искренности и правдивости, то молодые люди, въ особенности труженики, на которыхъ такъ важно пріобрѣсти полезное вліяніе и вести ихъ къ добру, непремѣнно откликнутся! Такъ говорилъ онъ, разсуждая по цѣлымъ часамъ въ то время, какъ они бродили по швейцарской долинѣ, гдѣ встрѣтились, и Кара Линдонъ слушала его съ восторгомъ, отзываясь на эти слова всѣмъ своимъ сердцемъ. Какой прекрасной долей казалось ей раздѣлять труды и жизнь этого новаго крестоносца, этого властителя людскихъ умовъ! Она была тогда не лэди Каролина, но бѣдненькая дѣвочка въ полинявшемъ платьѣ; отецъ еще не получалъ наслѣдства, и путешествующая фамилія была далека отъ всякой роскоши или знатнаго титула. Воображеніе Кары перенеслось къ этому моменту, блаженно игнорируя все, что̀ было въ промежуткѣ. Она своею невѣрностью много содѣйствовала охлажденію энтузіазма въ Эдуардѣ, его превращенію въ мизантропа и пессимиста. Онъ впалъ въ апатію, потому что былъ покинутъ и несчастенъ.

Но теперь все пойдетъ съизнова: въ своемъ домѣ на англійской почвѣ, въ независимомъ положеніи, при полномъ досугѣ и ненарушимомъ покоѣ, умъ его окунется въ прежнія занятія. Кто можетъ сомнѣваться, что вся прежняя энергія и энтузіазмъ вернутся къ нему?

Домъ находился вблизи отъ одного изъ прелестныхъ городковъ Суррея. Онъ былъ расположенъ на скатѣ холма; одна часть въ немъ была старинной постройки и отвѣчала требованіямъ красоты; другая, современная, находилась позади первой и была,

къ счастію, скрыта отъ глазъ, но удовлетворяла новѣйшему комфорту.

Обширный пейзажъ съ холмистыми очертаніями раскидывался передъ окнами; городъ, выстроенный на другомъ, низкомъ холмѣ, съ своими красными крышами, живописно мелькавшими между деревьевъ, служилъ пріятнымъ развлеченіемъ для глазъ, но былъ достаточно далекъ, чтобы не мѣшать шумомъ и пересудами.

Сама желѣзная дорога притаилась невидимкой въ лощинѣ, но проходила настолько близко, что сообщеніе было вполнѣ удобное; между тѣмъ она ничѣмъ не заявляла о своемъ существованіи, кромѣ клубовъ пара, мелькавшихъ по временамъ между деревьями. Пейзажъ обнималъ два міра: съ одной стороны, міръ сосенъ и вереска, съ другой—роскошныя англійскія поля, рощи и селенія. Высота холма, на которомъ стоялъ ихъ домъ, была незначительна, но такъ какъ остальные были еще ниже, то онъ могъ сойти за Монблáнъ по обширности и простору горизонта, а между тѣмъ они были всего лишь въ одной или двухъ миляхъ разстоянія отъ города и въ полутора часахъ ѣзды отъ Лондона! Можно ли было придумать что-нибудь пріятнѣе и удобнѣе? Кара радовалась какъ невѣста, отдѣлывая свой домъ,—мало того: какъ невѣста и какъ женихъ, такъ какъ главной ея заботой было устроить такой кабинетъ для Бофора, гдѣ онъ чувствовалъ бы себя вполнѣ хорошо и уютно. Хотя она была по природѣ кроткая и уступчивая женщина, но она завѣдывала всѣми закупками и распоряжалась деньгами. Единственное условіе, поставленное Бофоромъ передъ свадьбой, было, что деньги останутся безусловно въ ея распоряженіи, и что онъ не будетъ вмѣшиваться въ то, какъ онѣ тратятся. У него былъ свой личный маленькій доходъ, очень небольшой, но его вполнѣ хватало на его личныя потребности. Онъ жилъ идеальной жизнью: не нуждался въ деньгахъ, былъ на всемъ готовомъ, безъ хлопотъ и безъ заботъ; но онъ охранялъ чувство независимости тѣмъ, что не участвовалъ въ тратахъ по дому. Такимъ образомъ, Кара все сосредоточивала въ своей персонѣ: и мужа, и жену, и мать. Гостиная ея была отдѣлана въ современномъ вкусѣ. У нея была слабость къ эстетикѣ, и отчасти она была сродни тѣмъ героинямъ романовъ, для которыхъ ихъ bibelots составляютъ религію, и которыя не могутъ чувствовать себя хорошо въ комнатѣ, гдѣ драпировки не того цвѣта, какъ слѣдуетъ. Но забота устроить гостиную по всѣмъ правиламъ эстетики стушевывалась передъ ея заботой о библіотекѣ, которая должна была служить кабинетомъ для Бофора и будущимъ центромъ всѣхъ его занятій.

У него была собственная довольно большая библіотека, и они пополнили ее во время путешествія дорогими, рѣдкими старинными изданіями въ роскошныхъ пергаментныхъ переплетахъ. Кара нѣсколько недѣль приводила ихъ въ порядокъ, разставляя по шкафамъ, которые удовлетворяли бы требуемому идеалу, и придумывая вполнѣ подходящія отдѣлку и драпировку.

Въ комнатѣ было одно большое окно, и изъ него открывался великолѣпный видъ, и другое, выходившее на солнечный уголокъ сада. Письменный столъ помѣщался недалеко отъ камина и по близости отъ окна, пропускавшаго солнце, такъ что и свѣтъ, и тепло, всегда были подъ рукой. Креселъ стояло немного, но они были роскошныя, двигались безъ шума по толстому, мягкому ковру. Шкафы книжные были съ изящнѣйшей рѣзьбой; золотые обрѣзы старинныхъ переплетовъ, темный фонъ корешковъ изъ русской кожи—радовали глазъ.

Бофоръ не видѣлъ библіотеки, пока она не была вполнѣ окончена. Ни одинъ влюбленный не прилагалъ столько нѣжной заботы и изящной фантазіи къ будуару своей возлюбленной, сколько Кара приложила къ кабинету мужа. Когда они переѣхали на жительство въ Истонъ-Маноръ, многое въ немъ еще не было докончено, но эта комната была совершенствомъ.

Она взяла мужа подъ-руку и подвела его къ двери.

— Вотъ мой подарокъ тебѣ, Эдуардъ! — произнесла она, слегка задыхаясь отъ счастія и нетерпѣнія знать, понравится ли все это ему. Въ наше время, когда люди придаютъ такое значеніе отдѣлкѣ комнатъ и мебели, моментъ былъ важный: понравится ли однако ему?

Ему понравилось; по крайней мѣрѣ онъ любезно объявилъ это, съ восторгомъ немножко искусственнымъ, но Кара, плакавшая отъ радости и удовольствія, этого не замѣтила.

Она бѣгала по комнатѣ, указывая на разныя мелочи, ящики для бумаги, портфели для газетъ, на пустыя полки, предназначавшіяся для будущихъ книгъ, которыя могли понадобиться при работѣ. Все, чего только могла пожелать душа, находилось въ этомъ дилеттантскомъ святилищѣ. Надъ каминомъ висѣла небольшая картина, оригиналъ, чудесный небольшой Fra Angelico, въ прекраснѣйшей рѣзной рамѣ, на которую имъ посчастливилось натолкнуться въ Италіи: жемчужина, достойная кабинета императора.

Онъ вскрикнулъ, увидя ее:

— Кара, твоя собственная картина, и какъ разъ та, что тебѣ больше всѣхъ нравится!

— Она мнѣ нравится на этомъ мѣстѣ больше, чѣмъ на всякомъ другомъ, — отвѣчала Кара, смѣясь и плача отъ радости не то чтобы истерической, но доведенной до крайней степени напряженія, когда для нея нѣтъ выраженія. Она была такъ счастлива! Она никогда еще въ жизни не была такъ счастлива! Въ своемъ собственномъ домѣ, на родинѣ, вся его, какъ и онъ весь ея, въ святилищѣ ихъ совмѣстной жизни. Когда женщина дойдетъ до такой грани счастія, она обыкновенно предается ей болѣе беззавѣтно, чѣмъ мужчина. Только одна вещь могла бы сдѣлать Кару еще счастливѣе: еслибы онъ устроилъ все это для нея, а не она для него; да и то я не увѣренъ, что это такъ.

Маленькая Джанета цѣплялась за платье матери въ новомъ, странномъ домѣ и такимъ образомъ нечаянно стала свидѣтельницей ея восторженнаго состоянія: она стояла и глядѣла на нее большими глазами, не то удивляясь, не то критикуя. О чемъ тутъ было плакать—этого Джанета не понимала. Она была зрительницей, даромъ что ребенокъ, и нарушила очарованіе. Лэди Кара болѣзненнѣе почувствовала этотъ перерывъ. И такимъ образомъ радость ея обдали холодкомъ. Но вечеромъ, когда Джанету благополучно уложили въ постель, она повела мужа обратно въ его чудесный кабинетъ. Онъ бы охотнѣе, пожалуй, остался въ недоконченной гостиной. Недоконченная вещь имѣетъ свою прелесть. Онъ указывалъ, какихъ еще здѣсь вещей не хватаетъ, и это занятіе ему нравилось. Онъ даже набросалъ нѣсколько эскизовъ, неправильныхъ, но „вразумительныхъ", обозначая одной или двумя чертами, какія слѣдуетъ сдѣлать усовершенствованія. Она восхищалась его предположеніями, но ее разбирало нетерпѣніе, чтобы онъ хорошенько разглядѣлъ ту роскошь, какую она устроила для него. Она взяла его подъ-руку послѣ того, какъ онъ показалъ ей, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдуетъ поставить маленькую фантастическую венеціанскую etagère.

— Это все такъ, Эдуардъ, но я не хочу больше сидѣть тутъ; я хочу провести первый вечеръ въ твоей комнатѣ, въ библіотекѣ.

— Въ библіотекѣ, — повторилъ онъ съ легкой досадой; но тотчасъ же справился съ собой.

„Бѣдная Кара!—подумалъ онъ,—жаль было бы огорчить ее".—Но есть ли тамъ лампа?—вслухъ прибавилъ онъ.

Она засмѣялась отъ удовольствія при этомъ вопросѣ. Лампа! Тамъ было самое усовершенствованное освѣщеніе, какое только придумано въ наше время. Царство электрическаго свѣта еще не начиналось, но свѣчи съ разнаго рода абажурами уже были

изобрѣтены и размѣщены такъ искусно и въ такомъ обиліи, что могли поспорить съ электрическимъ освѣщеніемъ.

— Ты такъ любишь, чтобы было свѣтло,—сказала она:—какъ могъ ты думать, что я объ этомъ позабыла!

— Ты никогда ничего не забываешь; ты мой добрый геній!— отвѣчалъ онъ, обнимая ее: такая изящная нѣжность и такой изящный вкусъ тронули его сердце.

— Ты слишкомъ добра ко мнѣ! и все это слишкомъ хорошо для такого безполезнаго лѣнтяя, какъ я,—добавилъ онъ.

— Что ты лѣнился—въ этомъ виноваты обстоятельства,— успокоивала она.—У тебя не было до сихъ поръ ни досуга, ни средствъ, необходимыхъ для великаго произведенія!

Онъ тихо засмѣялся и немножко покраснѣлъ, хотя абажуръ и помѣшалъ ей это увидѣть.

— Я боюсь,—сказалъ онъ,—что человѣкъ, котораго подавляютъ обстоятельства—жалкое существо; но мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе этого вопроса.

— Нѣтъ, конечно. Садись въ кресло и поговоримъ, Эдуардъ. Сколько у насъ тутъ будетъ еще разговоровъ! Вотъ мѣсто, гдѣ мы будемъ обсуждать все на свѣтѣ, и ты мнѣ разскажешь, въ какой формѣ отливаются твои мысли, и прочитаешь мнѣ страницу, другую, изъ своего сочиненія. Сюда я буду приходить за утѣшеніемъ въ своихъ маленькихъ невзгодахъ, но никогда не буду мѣшать тебѣ,—въ этомъ можешь быть увѣренъ.

— Душа моя!—вскричалъ онъ:—я всегда къ твоимъ услугамъ; но, Кара, милая моя, я боюсь, что тебя ждетъ разочарованіе. Я вовсе не увѣренъ, что съумѣю написать что-нибудь; что касается плановъ...

— Не говори такъ, Эдуардъ. Развѣ ты не помнишь нашихъ разговоровъ въ Швейцаріи, давно тому назадъ? Ты такъ легко набрасывалъ планы своего сочиненія. Мнѣ кажется, что я бы могла написать его программу и даже названіе главъ, если ты позабылъ. Но я увѣрена, что ты не позабылъ. Ты отложилъ свое сочиненіе за недостаткомъ времени... за недостаткомъ необходимыхъ книгъ... за отсутствіемъ меня, наконецъ... О! можетъ быть, я льщу себѣ... но это дѣйствительно такъ лестно... было бы для меня!

— И одно это только и справедливо... да, тебя мнѣ недоставало! Мнѣ кажется, что я выдумалъ этотъ планъ тамъ же на мѣстѣ, чтобы понравиться тебѣ.

— Тсс... Тсс!..—сказала Кара, закрывая ему ротъ рукой.— Не кощунствуй. Ты былъ полонъ своей идеей, и она открывала

мнѣ новый міръ. Во-первыхъ, я ликовала, что *знакома* съ человѣкомъ, у котораго въ умѣ такія великія вещи; во-вторыхъ, что онъ сообщаетъ мнѣ о нихъ и, наконецъ, что мой энтузіазмъ какъ бы окрыляетъ его и онъ ищетъ моей симпатіи. Эдуардъ,— прибавила она, съ легкимъ нервнымъ смѣхомъ, мѣняясь въ лицѣ и опуская глаза:—я написала стихи на этотъ сюжетъ въ былые дни, но не окончила, а сегодня утромъ нашла ихъ и дописала.

— Милая, милая!—вскричалъ онъ съ смущеніемъ, къ которому примѣшивались любовь, стыдъ, состраданіе и даже нѣкоторая боязнь смѣшного.

Что сказать на это? романичность, чувствительность, слѣпая вѣра, энтузіазмъ жены, совсѣмъ разстроили его. Онъ готовъ былъ смѣяться, готовъ былъ плакать и не зналъ, что сказать. Какъ онъ презиралъ себя за то, что не оправдывалъ ея ожиданій и былъ, какъ онъ выразился, жалкимъ существомъ! Ея блѣдность, смѣнявшаяся краской, влажные глаза, стихи—возбуждали въ немъ стыдъ и раскаяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ казались забавными. Стихи могли быть хорошенькіе: онъ не ихъ презиралъ, а самого себя.

— Ангелъ мой, это было такъ давно! Я былъ глупецъ, подзадориваемый твоимъ энтузіазмомъ и вѣрой въ себя. Молодой человѣкъ—развѣ ты этого не знаешь?—всегда немножко актеръ, когда видитъ, что въ него вѣритъ дѣвушка. Этому... сколько этому лѣтъ, Кара?.. вѣдь цѣлыхъ пятнадцать?

— Что жъ такое! — отвѣчала она. — Если я могла связать мою оборванную ниточку, то тѣмъ легче это сдѣлать тебѣ съ твоей крупной ниткой. Вотъ почему я хотѣла быть по близости отъ Лондона, по близости отъ большихъ библіотекъ. Тебѣ ничего не стоитъ отправиться на день за необходимыми справками... даже я могла бы это сдѣлать за тебя, еслибы ты былъ очень занятъ. И я позабочусь, чтобы тебѣ не мѣшали. Мы расположимъ весь день сообразно съ твоими занятіями.

Онъ засмѣялся, когда вопросъ перешелъ на болѣе знакомую почву.

— Я боюсь, — сказалъ онъ, — что мои планы были только воздушными замками... я ихъ не начиналъ приводить въ исполненіе. Я даже не знаю, какъ уже тебѣ говорилъ, способенъ ли я *вообще* писать.

— Эдуардъ!—вскричала она съ негодованіемъ.

— Что жъ, моя душа,—лесть все-таки повліяла на его сердце, хотя онъ и зналъ ея тщету,—это легко провѣрить; но кто только въ наши дни не пишетъ, и нѣтъ никакого основанія думать, что свѣтъ меня послушаетъ скорѣе, чѣмъ другого? Кромѣ того, мои

любимые вопросы по соціальной экономіи, равно какъ и противъ политической экономіи, всѣ уже были exploités другими руками съ тѣхъ поръ.

— Но не такими способными, какъ твои.

— О! Кара!—вскричалъ онъ со смѣхомъ, въ которомъ къ удовольствію примѣшивалось сознаніе смѣшного:—я боюсь, что ты совсѣмъ преувеличеннаго мнѣнія о моихъ достоинствахъ; я только...

— Тсс!..—сказала она, опять закрывая ему ротъ рукою:— я не хочу слышать твоего мнѣнія о самомъ себѣ. Я—лучшій судья въ этомъ вопросѣ, нежели ты. А затѣмъ переберемъ всѣхъ, кто писалъ по этому вопросу?

Она выпрямилась въ креслѣ.

— Назови ихъ мнѣ, чтобъ я могла судить о нихъ.

— Я не могу призвать цѣлую школу писателей на судъ вамъ, милэди. Ну, постой!—прибавилъ онъ, смѣясь:—вотъ, напримѣръ, Рускинъ; онъ высказалъ все, что я когда-то хотѣлъ написать, и превосходно; пошелъ даже гораздо дальше меня.

— Ахъ!—вскричала она:—вотъ въ этомъ-то и дѣло. М-ръ Рускинъ превосходенъ, какъ ты говоришь, но зашелъ слишкомъ далеко. Онъ поэтъ. Народъ обожаетъ его, но не вѣритъ ему. М-ръ Рускинъ—совсѣмъ не компетентный для этого человѣкъ: онъ не могъ опередить тебя.

— Какъ солнце не опередило грошевую свѣчку. Карри, душа моя, не заставляй меня краснѣть. Полно!—прибавилъ онъ:— покажи мнѣ лучше свои стихи, и пока съ насъ довольно. Быть можетъ, когда я увижу, какъ ты связала свои ниточки, и я тоже съумѣю связать свои.

— Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь прочитать ихъ, Эдуардъ? Они ничтожны: такъ себѣ, совсѣмъ пустые стишки. Я оставила ихъ въ своей записной книжкѣ.

— Принеси ихъ, когда такъ!—сказалъ онъ съ улыбкой, отворяя передъ ней дверь.

Бѣдная лэди Кара! Она обратила къ нему счастливое лицо съ блестящими, все еще влажными глазами, полными кротости и нѣжнаго волненія. Мягкій шелестъ ея платья, волочившагося по полу, граціозныя движенія, граціозный поворотъ головы—все это скрашивало и безъ того красивую комнату съ ея изящной отдѣлкой. Но лицо Бофора выражало смущеніе и неловкость. Онъ такъ далеко ушелъ отъ невинныхъ дней, когда-то пережитыхъ въ Швейцаріи. Онъ пересталъ вѣрить въ панацеи, казавшіяся ему въ тѣ дни всемогущими. Заблужденія политической экономіи

и права обездоленныхъ перестали занимать его умъ. Онъ самъ былъ такимъ же обездоленнымъ, однако выкарабкался и не пропалъ. Теперь онъ приплылъ въ тихую, солнечную пристань, гдѣ никакой шквалъ его не потревожитъ. У него не было никакой охоты придумывать себѣ занятія и заботы, тратить свои силы на никому ненужныя фантазіи.

Онъ раскрылъ окно и выглянулъ изъ него: нѣжный пейзажъ, съ волнистыми очертаніями, озаренный туманнымъ мѣсяцемъ, разстилался передъ нимъ. Все кругомъ дышало миромъ и тишиной, какихъ только могла пожелать душа. Онъ нетерпѣливо разсмѣялся надъ собой, надъ женой и надъ жизнью вообще, дожидаясь жены у окна и подставляя ночной свѣжести разгоряченный лобъ.

Онъ былъ вполнѣ доволенъ; къ чему же его толкаютъ бороться съ вѣтряными мельницами, которыхъ онъ не принимаетъ больше за рыцарей въ блестящемъ вооруженіи?

Донъ-Кихотъ разочарованный и готовый самъ сжечь всѣ свои рыцарскіе романы и осмѣять свои злоключенія, но побуждаемый щепетильной Дульцинеей выѣхать въ поле, не могъ бы сильнѣе смутиться и недоумѣвать. Смѣяться не хотѣлось, потому что было слишкомъ досадно, и сердиться нельзя было, потому что было такъ мило и любовно. Что дѣлать при такихъ обстоятельствахъ человѣку, который давно уже распрощался со всѣмъ героическимъ?

V.

Послѣ долгихъ странствій среди самыхъ живописныхъ мѣстностей въ мірѣ и послѣ суетливыхъ поисковъ осѣдлости, устройства, убранства дома и распорядка всей будущей жизни, наступаетъ обыкновенно ощущеніе пустоты, нѣсколько какъ бы досадное сознаніе, что всякимъ ожиданіямъ наступилъ конецъ, что вы стоите теперь лицомъ къ лицу съ тою самой жизнью, о которой такъ давно мечтали.

Лэди Кара, съ ея чувствительной и нѣжной душой, очень живо сознавала это, хотя долгое время ее поддерживала сильная надежда иного рода.

Всѣ сосѣди въ округѣ, само собой разумѣется, поспѣшили сдѣлать визитъ лэди Каролинѣ Бофоръ, и она нашла ихъ немного пошловатыми, какими всегда кажутся провинціалы. Она неоднократно бывала приглашаема на обѣды, даваемые въ честь ея, но не находила ихъ особенно интересными. Она была изъ

тѣхъ женщинъ, которыя никогда не разстаются съ идеаломъ и постоянно таятъ смутную надежду, пріѣзжая въ новое мѣсто, начиная новую жизнь, что совершенство будетъ, наконецъ, имъ дано: прекрасное общество, умы d'élite, къ какимъ она всегда стремилась, но никогда не встрѣчала.

И здѣсь она также не встрѣтила ихъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и сознаніе скучной дѣйствительности мало-по-малу овладѣло ею и производило подавляющее впечатлѣніе.

Такія впечатлѣнія смягчаются, когда идеалистъ открываетъ, что какъ бы ни были скучны сосѣди, но все же есть извѣстный fond доброты, пріятности и симпатичности въ скучнѣйшемъ обществѣ.

Но въ Суррeѣ, также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, такія внутреннія, вознаграждающія за отсутствіе внѣшняго блеска, качества открываются не сразу, и періодъ разочарованія неизбѣжно наступаетъ.

Когда лэди Кара совсѣмъ освоилась съ мѣстностью, то даже пейзажъ показался ей не такимъ обширнымъ, не такимъ привлекательнымъ, рощи не такими зелеными, крыши коттэджей не такими живописными.

Дѣйствительность повсемѣстно обдавала холодомъ волшебную игру воображенія, и Карой овладѣло уныніе. Черезъ это состояніе проходитъ каждый мечтатель.

Но прошло довольно много времени, прежде чѣмъ умъ ея отрезвился въ другомъ направленіи; однако это произошло, хотя медленно, но неотразимо, по мѣрѣ того, какъ протекали дни и годы. Бофоръ спервоначала былъ немножко подзадоренъ оживленіемъ старыхъ плановъ и мыслей, хотя они оживали въ ея головѣ, а не въ его собственной. Онъ былъ вынужденъ, наконецъ, подъ ея непрерывнымъ, хотя и мягкимъ давленіемъ, приняться за занятія. Стихи ея, прекрасные, какъ вѣрная женская мелодія, исполненная хотя и слабымъ пѣвцомъ, но безукоризненно правдиво, служили для него такимъ упрекомъ, какого не выразишь словами. Она связала свою ниточку, какъ ни была она тонка и хрупка, и затянула старую пѣсню съ не меньшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ тогда, когда оборвала ее, разставаясь съ своимъ героемъ.

Маленькая поэма оживила неопредѣленные отголоски того прошлаго, какое, казалось, отошло на тысячу лѣтъ назадъ. Что, бишь, онъ такое намѣревался сдѣлать, о чемъ она такъ живо помнила, между тѣмъ какъ для него это было позабытымъ сномъ? Онъ не могъ связать своихъ нитей; онъ не разъ подсмѣивался надъ самимъ собой и надъ тщетой своихъ честолюбивыхъ мечта-

ній въ то время, какъ протекали годы, казавшіеся ему столѣтіями.

— Я тоже мечталъ о великихъ твореніяхъ, — говаривалъ онъ людямъ моложе себя, со смѣхомъ и со вздохомъ: вздохъ былъ притворный, но смѣхъ искренній.—Какой дуракъ каждый человѣкъ, думающій, что онъ можетъ произвести переворотъ! Какая глупость воображать, что своими слабыми руками вы перестроите экономическій порядокъ, слагавшійся столѣтіями! И какая самонадѣянность! но я тоже былъ молодъ,—говорилъ онъ самому себѣ, —а молодость все извиняетъ.

Чтобы чья-нибудь вѣрная память сохранила его образъ такимъ, какъ онъ былъ въ ту эпоху самообольщенія, честолюбія и самомнѣнія—казалось ему невѣроятнымъ.

Онъ былъ смущенъ, такъ же, какъ и изумленъ тѣмъ, что Кара удержала это обманчивое видѣніе въ своемъ умѣ; но тѣмъ не менѣе ея вѣра въ него была удивительнымъ стимуломъ. А первые шаги его на новомъ поприщѣ ввели въ заблужденіе не только ее, но и его самого. Онъ началъ разбираться въ своихъ книгахъ, искать, какъ онъ увѣрялъ себя, старинныхъ замѣтокъ;— эти поиски поглощали много времени и влекли за собой неожиданныя открытія, забавлявшія его и восхищавшія Кару. Долгія недѣли разборъ старыхъ записныхъ книжекъ занималъ ихъ обоихъ, и Кара была очень счастлива. Ее пріятно волновало ожиданіе новыхъ открытій во всякой новой коллекціи книгъ. У него было пропасть записныхъ книжекъ, хранившихся еще со студенческихъ и даже школьныхъ временъ, и въ каждой находился какой-нибудь ископаемый обломокъ прошлаго, какое-нибудь стихотвореніе или переводъ. Кара съ восторгомъ слушала ихъ, какъ бы какое-то откровеніе.

Она прослѣдила всю его умственную жизнь вплоть до самаго отрочества и находила невыразимое удовольствіе въ его незрѣлыхъ попыткахъ и въ тѣхъ надеждахъ и честолюбіи, какія онѣ выражали. Быть можетъ, прочитай она ихъ собственными глазами, спокойно, то хотя глаза ея и были отуманены предвзятой мыслью, но она все-таки нашла бы въ себѣ критическую способность и поняла бы ихъ несовершенства.

Но онъ самъ читалъ ихъ своимъ мелодическимъ голосомъ, пересыпая маленькими толкованіями, объясненіями, воспоминаніями, не непріятными для него и восхитительными для обожающей его жены. Только на Рождествѣ опомнилась она и сообразила о томъ, какъ быстро летитъ время, когда Томъ пріѣхалъ домой на праздники.

Трезвая дѣйствительность всегда тяжело дѣйствуетъ на восторженное состоянiе ума, и Кара нѣсколько дней собиралась съ духомъ, прежде нежели рѣшилась смиренно выразить свою мысль.

— Все это было очаровательно,—сказала она.—Слѣдить за твоими занятiями въ школѣ и въ коллегiи было такъ весело, что я заставила тебя потратить на это много времени. Но не балуй больше меня, Эдуардъ. Я чувствую, что мѣшала тебѣ приступить къ твоему сочиненiю.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—если приходится связывать нити, то это слѣдуетъ сдѣлать какъ можно основательнѣе. Все это пойдетъ въ дѣло, каждое слово.

— Я вижу, что ты начнешь съ ретроспективнаго обзора,—закричала она, снова оживляясь.

— Нѣтъ, не то чтобы съ ретроспективнаго обзора,—отвѣчалъ онъ, не безъ угрызенiя совѣсти,—но юношескiя идеи, хотя и нелѣпыя, бываютъ довольно вдохновительными.

— О, нѣтъ, не нелѣпыя!—вскричала она.

Ей было больно слышать такой терминъ въ примѣненiи къ чему бы то ни было, что̀ касалось его.

Но маленькiй Томъ вернулся на праздники, и этимъ обнаружилось, что прошло четыре или пять мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ они усѣлись на мѣстѣ. Они поселились въ Истонѣ въ концѣ августа.

Томъ вернулся сильно развитымъ и выросъ по прошествiи первой половины школьнаго семестра. Ему было почти одиннадцать лѣтъ, и онъ былъ очень высокаго мнѣнiя о своемъ положенiи и своей будущности.

Его школа была обширнымъ приготовительнымъ заведенiемъ, поставленнымъ на широкую ногу и гдѣ во всемъ по возможности придерживались итонскаго образца, такъ какъ Итонъ является верхомъ честолюбiя каждаго маленькаго мальчика.

Но послѣ перваго искренняго момента радости, связанной съ возвращенiемъ домой, и восторженнаго сознанiя, что онъ очень великiй человѣкъ въ глазахъ Джанеты, было немножко обидно убѣдиться, что Джанета все еще очень маленькая дѣвочка и не понимаетъ половины того, что̀ онъ ей разсказываетъ.

Онъ уже со втораго дня почувствовалъ отсутствiе мужского общества, и мысль, что ему придется обходиться безъ него цѣлый мѣсяцъ, омрачила прiятную перспективу полной свободы, улыбавшейся ему. Джанета, само собой разумѣется, безпредѣльно вѣрила брату и выслушивала его разсказы о подвигахъ его и товарищей съ восхищенiемъ, не разбавленнымъ критикой! И ротъ, и глаза

были у нея совсѣмъ круглые отъ удивленія, и восклицаніе: „о!“ —не сходило съ языка. Она не могла вдоволь наслушаться разсказовъ о шалостяхъ и героическихъ происшествіяхъ въ школѣ. Ослѣплять ее было довольно-таки пріятно; но умъ, привыкшій къ обществу благороднѣйшаго пола, вскорѣ утомился смирнымъ женскимъ обществомъ, и съ откровенностью своего возраста маленькій Томъ скоро показалъ, что ему скучно.

— Тутъ пропасть домовъ кругомъ,—сказалъ онъ:—неужели тамъ нѣтъ мальчиковъ? или вонъ тамъ?—и онъ указалъ на отдаленныя кровли домовъ и группы дымовыхъ трубъ, виднѣвшіяся въ промежуткахъ между оголенными деревьями.—Неужели тутъ не съ кѣмъ слова перемолвить? Ужасно скучно безъ товарищей, послѣ того какъ ихъ такъ много было въ школѣ.

— Въ томъ бѣломъ домѣ съ голубой крышей есть дѣти,—отвѣчала Джанета,—но они нехорошія дѣти, говоритъ нянька, и я никого не знаю, къ кому можно (Джанета все еще картавила) было бы пойти въ гости, — прибавила маленькая дѣвочка плаксиво,—и я только гуляю.

— Дѣти!—презрительно повторилъ Томъ.—Я спрашиваю не про дѣтей. Я спрашиваю про школьниковъ. Если они изъ хорошей школы, то всѣ достаточно хороши. Ну да я скоро узнаю. Когда человѣкъ побывалъ въ свѣтѣ и поступилъ въ школу, неужели ты думаешь онъ обращаетъ вниманіе на то, что̀ говоритъ нянька.

— О! но нянька говоритъ много, много интереснаго,—сказала Джанета.—Она говоритъ, что Истонъ дрянной домишко, и что намъ бы слѣдовало жить въ своемъ фамильномъ помѣстьѣ. Что такое фамильное помѣстье? Ты не знаешь? это то мѣсто, гдѣ погребенъ папа?—прибавила дѣвочка послѣ минутнаго молчанія, съ легкой дрожью въ голосѣ.

Томъ расхохотался отъ удовольствія: онъ могъ гордиться своими познаніями.

— Ты маленькая дурочка, Джанъ! Конечно, я знаю. Мое фамильное помѣстье большое, большое, съ высокой башней и съ флагомъ на ней, когда я бываю дома... какъ у королевы въ Виндзорѣ! Худо только то, что я никогда не бываю дома; но когда я выросту большой, мы повеселимся! У меня куча товарищей. Я всѣхъ ихъ приглашу въ Шотландію на охоту, знаешь.

Джанета выпучила на него большіе, свѣтлые глаза.

— Дѣвочки не охотятся,—отвѣчала она.—Я не хочу ѣхать на твою охоту. Томъ, ты помнишь папу? Онъ тамъ схороненъ?

— О, пустяки какіе! онъ схороненъ на кладбищѣ, гдѣ погребаютъ всѣхъ мертвецовъ. Конечно, я помню его. Но что жъ изъ этого? Я помню, что ѣздилъ верхомъ на его большомъ ворономъ конѣ; такой большой, высокій конь, и никто не могъ на немъ ѣздить, кромѣ меня... и его, конечно. Когда я ѣхалъ на этомъ конѣ, онъ такъ былъ послушенъ, какъ ягненокъ. Старый Дунканъ говорилъ мнѣ это... такъ послушенъ какъ ягненокъ, потому что не смѣлъ дурить!

Мальчикъ прокричалъ это съ краской восторга на щекахъ. Онъ принялся хлестать стулья небольшой тросточкой, которую держалъ въ рукѣ, нагибая и поднимая ихъ, къ величайшему смущенію Джанеты, такъ какъ она уже знала, что сапоги у мальчиковъ часто бываютъ грязные, а стулья, обитые штофомъ, рѣзные и позолоченные, вовсе не для того, чтобы ими играть.

— Не дѣлай этого Томъ!—сказала она:—это мамины хорошенькіе стулья.

— О, вздоръ! — вскричалъ мальчикъ.—А гдѣ мама? Я хотѣлъ ей сказать кучу вещей, но не скажу, если она такъ носится съ своими стульями и такъ долго гдѣ-то пропадаетъ.

— Она въ библіотекѣ съ Бо,—отвѣчала Джанета:—они постоянно сидятъ въ библіотекѣ. Она такая хорошенькая. Мамѣ она нравится больше гостиной. Но они скоро придутъ къ чаю.

— Постой! — вскричалъ Томъ: — неужели ты всегда пьешь чай здѣсь, а не въ дѣтской? О! знаешь, я этого не потерплю. Я знаю, какъ они пьютъ чай. Дадутъ маленькій кусочекъ хлѣба съ масломъ или крошечку кэка, да еще не позволяютъ сорить и играть. Ты бы поглядѣла, какъ мы пьемъ чай въ школѣ. У насъ иногда подаютъ три сорта варенья, а лѣтомъ школьникамъ даютъ столько земляники, сколько они хотятъ; въ этотъ семестръ Сомерфильду старшему позволили угощать холодной дичью за чаемъ!

— За чаемъ! — вскричала Джанета съ нотой восторга въ голосѣ.

— О! родные прислали ему пропасть дичи,—отвѣчалъ Томъ; —онъ бы не справился съ нею, еслибы не подавалъ за чаемъ.

— Гадкое кушанье!—сказала маленькая Джанета съ гримасой:—но варенье вкусно,—прибавила она со вздохомъ.—Послѣ того какъ ты уѣхалъ, дѣтской нѣтъ больше. Мама даетъ намъ вкуснаго чая и много кэка; но она находитъ, что мнѣ лучше приходить внизъ, а не быть постоянно съ нянькой.

— А ты какъ думаешь? ты всегда была немножко...

— Мнѣ весело, когда мама разговариваетъ со мной, а не съ Бо,—сказала Джанета неохотно.

Досада на болѣе частые разговоры съ Бо, чѣмъ съ нею, звучала въ голосѣ, хотя и не выразилась словами.

— Но теперь, когда ты со мной, будетъ очень весело,—продолжала дѣвочка.—Въ уголку есть столикъ; онъ не рѣзной и не особенно красивый; на немъ лежитъ скатерть, но ее снимаютъ, а мнѣ позволяютъ рисовать на немъ или играть въ какую угодно игру. Мы займемъ этотъ столикъ и будемъ точно гости!—закричала Джанета: они оставятъ насъ въ покоѣ, если мы не будемъ очень шумѣть.

— Но я хочу шумѣть. И хочу настоящаго, сытнаго полдника. Мальчикъ, когда ростетъ, долженъ ѣсть до отвалу. Я хочу...

— О! Томъ! какое неприличное, неприличное слово!

— Много ты смыслишь! — закричалъ мальчикъ. — Сестрамъ школьниковъ надо привыкать къ нашему языку. Но если ты воображаешь, что я пріѣхалъ изъ Голла, гдѣ итонскіе порядки, чтобы сидѣть смирно, какъ мышь, въ гостиной и пить пустой чай за полдникомъ, точно старый хрычъ, то очень ошибаешься. Не хочу, и дѣлу конецъ!—кричалъ Томъ.

Лэди Кара вошла какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ заявлялъ объ этомъ рѣшеніи во все горло.

Она вошла неслышно, какъ и всегда, длинный шлейфъ ея атласнаго платья волочился по мягкому ковру, заглушавшему шаги. Глаза ея еще смѣялись отъ удовольствія, съ какимъ она вбирала въ себя всѣ подробности и хронику школьной жизни, такой возвышенной и отвлеченной, съ ея мечтами, видѣніями и благородными намѣреніями. Она представляла себѣ поэму, которую можно было бы раздѣлить на главы или пѣсни. „Расцвѣтающій геній"— было бы подходящимъ для нея заглавіемъ.

Она видѣла передъ собой духовное существо, полное мысли и энтузіазма, создающее тысячи божественныхъ химеръ... юношу-поэта, наслѣдника всѣхъ вѣковъ, пышный цвѣтъ человѣческаго генія. Влюбленная жена и талантливая женщина, она вошла тихо, и въ ушахъ ея звучали изящныя риѳмы, уже слагавшіяся въ головѣ вмѣстѣ съ планомъ поэмы. Не прелюдія; о, нѣтъ! но развитіе, расцвѣтъ (болѣе красивое слово!), заря генія, содѣйствовать зрѣлости котораго, быть можетъ, ей выпала счастливая доля.

Ее вывелъ изъ этого мечтанія громкій мальчишескій голосъ:

— Не буду, и дѣлу конецъ!—кричалъ Томъ,—и когда она подняла глаза, то вздрогнула, увидя сына, стоявшаго, раздвинувъ ноги, съ краснымъ и сердитымъ лицомъ; его небольшая, но плотная фигура отчетливо вырѣзывалась на фонѣ окна.

Какъ отличался отъ идеальнаго мальчика, о которомъ она только-что мечтала, этотъ дѣйствительный мальчикъ, ея сынъ!

Дѣти съ испугомъ взглянули на нее, не зная, что̀ теперь будетъ.

Бѣдная Кара была кротчайшая изъ матерей. Она никогда не наказывала ихъ, никогда не бранила; но дѣти боялись ее, хотя никто не могъ бы сказать—почему. Они глядѣли на нее теперь такъ, какъ могли бы глядѣть дѣти, привыкшія къ тому, чтобы ихъ сажали въ пустую комнату, запирали въ темный чуланъ или вообще подвергали подобнаго рода пыткамъ.

Томъ немедленно понизилъ голосъ, а Джанета тотчасъ же выступила въ его защиту.

— Мама, онъ не сердится, а кричитъ такъ потому, что онъ былъ въ свѣтѣ и знаетъ вещи, какихъ я не знаю.

— Да?—улыбнулась имъ лэди Кара:—а какія же это вещи извѣстны свѣтскому человѣку? Конечно, дружокъ, Томъ гораздо ученѣе насъ съ тобой.

Дѣти совсѣмъ растерялись отъ этихъ словъ, хотя тонъ ихъ былъ мягкій. Они глядѣли на мать, и сходство съ покойнымъ отцомъ ихъ смуглыхъ, широкихъ лицъ выступило съ поразительной яркостью, особенно у Тома, благодаря испуганному, злобному выраженію глазъ.

Она протянула руку, чтобы притянуть его къ себѣ.

— Въ чемъ дѣло, мой Томъ?—сказала она.

Говоря правду, она тоже побаивалась его.

— Ничего,—отвѣчалъ Томъ:—она мнѣ тутъ наговорила разнаго вздора.

— О, Томъ!—вскричала обиженная Джанета.—Мама, онъ говоритъ, что у нихъ въ школѣ такой вкусный чай за полдникомъ... съ земляникой, а иногда съ холодной дичью... цѣлыя корзины.

— Душа моя!..

— Такъ только дѣвочки говорятъ,—сказалъ Томъ.—Дѣвочки ничего не понимаютъ.

— Это дичь подавали въ корзинахъ? — спросилъ голосъ за спиною.—Кара, я не удивляюсь негодованію Тома. Ты не посылала ему ни разу ни одной корзины съ дичью. Цѣлый семестръ пробыть въ школѣ и получить всего лишь какой-нибудь небольшой кэкъ! Я сочувствую Тому. Не горюй, дружище; видишь ли, мама никогда не была въ школѣ.

Дѣти повернули къ нему испуганныя лица. Они инстинктивно ревновали къ нему мать. Но теперь обрадовались его приходу,

или по крайней мѣрѣ Томъ обрадовался, сознавая, что Бо—его поля ягода, мужчина, а не несносный женскій полъ. Джанета ухватилась за руку матери, которую та протягивала Тому, и зарылась въ ея юбкахъ. Бо былъ ни въ какомъ случаѣ не ея поля ягода. Дѣвочка пригнула лицо матери къ своему и прошептала ей на ухо всю исторію.

— Вы хотите пить чай наверху! Почему же онъ не хочетъ побыть съ нами, послѣ такого долгаго отсутствія? Ну какъ хотите, милыя дѣти, если вы дѣйствительно предпочитаете дѣтскую гостиной и моему обществу...

— Онъ говоритъ, что имъ даютъ три сорта варенья,—шептала Джанета на ухо матери:—и они дѣлаютъ, что хотятъ, — прибавила она, помолчавъ.

Лэди Кара взглянула на мужа; дѣти замѣтили этотъ взглядъ, но не поняли его. Онъ выражалъ какъ бы мольбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегченіе. Мужъ говорилъ ей, что она должна держать дѣтей при себѣ, не обращая вниманія на его присутствіе: что онъ не хочетъ разлучать ее съ дѣтьми ни за обѣдомъ и ни въ какое время дня; и она считала своей обязанностью быть съ ними постоянно, хотя совмѣстное присутствіе мужа и дѣтей будило въ Карѣ мучительное сознаніе двойственности ея обязанностей.

Дѣти съ радостью заключили, что мать не сердится на нихъ; но они не поняли удовольствія, испытаннаго Карою пополамъ съ угрызеніемъ совѣсти отъ того, что имъ нравилось больше быть въ дѣтской, чѣмъ съ нею внизу.

VI.

Каникулы Тома оказались также своего рода каникулами и для Бофора: извлекши нѣкоторое развлеченіе изъ записныхъ книжекъ и ихъ повѣствованія о школьной жизни, онъ начиналъ уже скучать и думать про себя, какимъ педантомъ и осломъ былъ онъ въ дни отрочества, и какъ удивительно, что Кара относится ко всему этому съ непоколебимой вѣрой.

Онъ былъ философъ въ своемъ родѣ, и Кара становилась загадкой, порою смущавшей, порою забавлявшей его. Онъ тихо смѣялся наединѣ съ самимъ собой, видя, какъ серьезно она относилась къ нему и до какой степени его юношеское первенство поражало ее. Въ его намѣренія совсѣмъ не входило, когда онъ вытащилъ на свѣтъ божій всѣ эти записки, усилить

ея восхищеніе имъ, а слѣдовательно и возлагаемыя на него надежды. Онъ скорѣе хотѣлъ отвлечь на время ея вниманіе отъ великаго творенія, какого она отъ него ожидала. Но уловка ему не удалась. Она болѣе чѣмъ когда-либо утвердилась въ мысли, что онъ долженъ выполнить то, что̀ обѣщалъ смолоду и чѣмъ она такъ восхищалась.

Такой результатъ отчасти льстилъ Бофору, отчасти досаждалъ ему. Трудно сердиться на поклоненіе женщины, хотя бы оно и являлось невпопадъ. Это смягчало его сердце, но ставило въ болѣе затруднительное, чѣмъ прежде, положеніе, такъ какъ придавало ей все бо̀льшую и бо̀льшую настойчивость.

Онъ воспользовался присутствіемъ Тома, исподтишка посмѣиваясь надъ своей уловкой. Томъ вообще забавлялъ нашего философа. Онъ любилъ выпытывать его, слѣдить за проявленіями его характера и соображать по нимъ, какого рода человѣкъ былъ отецъ такого ребенка.

Онъ, должно быть, похожъ на отца, говорилъ себѣ Бофоръ, но не чувствовалъ ни тѣни враждебности къ первому мужу Кары. Конечно, онъ взялъ верхъ надъ нимъ. Онъ стеръ, если можно такъ выразиться, Тоненса съ лица земли; но онъ не раздѣлялъ мучительныхъ впечатлѣній Карри относительно жизни и денегъ Тоненса. Онъ все это принималъ весьма спокойно, нисколько не находя даже любопытнымъ ходъ событій, благодаря которому онъ всѣмъ своимъ комфортомъ и счастіемъ обязанъ былъ Тоненсу.

Но Томъ служилъ предметомъ различныхъ думъ и соображеній для своего отчима. Если этотъ юный Тонненсъ представляетъ собою смягченный портретъ старшаго Тонненса, то каковъ же былъ оригиналъ? И что̀ выйдетъ изъ его сына? Обыкновенный провинціальный джентльменъ, ни хуже, ни лучше своихъ сосѣдей? Или нѣтъ? Смутное сознаніе, копошившееся въ его умѣ, о возможныхъ со стороны сына непріятностяхъ, какія готовитъ будущее для Кары, мало трогало его, потому что разстояніе между дѣтскимъ возрастомъ и возмужалостью представляется такимъ огромнымъ, хотя кажется очень короткимъ, когда мы оглядываемся назадъ. Опасность, если и была, таилась еще въ будущемъ. Пока Томъ представлялся м-ру Бофору забавной загадкой по этой причинѣ, а также и для того, чтобы отдѣлаться отъ усиленной и настойчивой заботы его жены объ его сочиненіи и ревностныхъ ожиданій отъ него великихъ дѣлъ, онъ принималъ большое участіе въ мальчикѣ во время каникулъ, выѣзжалъ съ нимъ, порою верхомъ, порою въ экипажѣ, возилъ его на охоту, гдѣ Томъ проявлялъ неукротимую энергію.

Самъ м-ръ Бофоръ не охотился. Онъ довольно порядочно ѣздилъ верхомъ на смирныхъ и хорошо выѣзжанныхъ лошадяхъ; но если когда-либо прежде въ немъ и хватало энергіи скакать вслѣдъ за собаками, то эта энергія давно уже его оставила.

Тѣмъ не менѣе онъ съ удовольствіемъ ѣздилъ верхомъ на охоту или возилъ жену въ экипажѣ, при чемъ Томъ сопровождалъ ихъ верхомъ на пони.

Лэди Кара думала, что только участіе къ ея сыну заставляетъ мужа бросать свои кабинетныя занятія ради мальчика. Она была очень благодарна мужу, однако мягко выговаривала ему.

— Ты слишкомъ, слишкомъ добръ къ Тому; но мнѣ тяжело думать о тѣхъ жертвахъ, какія ты ему приносишь, Эдуардъ, и тратишь драгоцѣнное время на такого маленькаго мальчика.

— Я бы желалъ, чтобы мое время было еще дороже, чтобы показать тебѣ, какъ охотно я отдамъ его ради всего, что̀ касается тебя, тѣмъ болѣе ради твоего сына.

— О, благодарю, благодарю, милый Эдуардъ; но я не хочу, чтобы Томъ обременялъ тебя.

— Мнѣ это нравится. Я люблю... мальчиковъ.

У него языкъ не повернулся сказать, что онъ любитъ именно этого мальчика.

— А Томъ меня очень интересуетъ,—прибавилъ онъ.

Кара взглянула на него съ любопытствомъ и надеждой. Краска бросилась ей въ лицо. Возможно ли, чтобы Томъ интересовалъ такого человѣка, какъ Эдуардъ Бофоръ?

Совѣсть упрекнула ее за этотъ вопросъ. Она боялась, что Томъ не интересенъ и никогда не можетъ привлечь вниманіе человѣка, не связаннаго съ нимъ узами родства. Хотя, конечно, ребенокъ былъ все таки ему отчасти близокъ.

— Итакъ, тебѣ понравилась школа, Томъ?—спросилъ Бофоръ, глядя съ высоты своего большого коня на мальчика на маленькомъ пони, старавшагося не отставать отъ него.

Будь Бофоръ болѣе склоненъ къ атлетическимъ спортамъ, онъ оцѣнилъ бы лучше старанія мальчика не отставать отъ него ни на шагъ.

— Какъ сказать,—отвѣчалъ Томъ:—мнѣ школа нравится и не нравится. Готовить уроки очень скучно.

— О, неужели?—спросилъ его высокій спутникъ.

— А вы этого не находите, Бо? Тамъ ничему не учатъ, что̀ интересно было бы знать. На что нужна эта латынь и греческій языкъ? Ихъ называютъ мертвыми языками, и зачѣмъ намъ то, что̀ мертво? Когда надо посредствомъ ихъ добывать свой

хлѣбъ, тогда другое дѣло. Вотъ какъ, напримѣръ, для сыновей Голла: они будутъ школьными учителями, когда онъ умретъ.

— Ты самъ до этого додумался, Томъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ мальчикъ послѣ минутнаго колебанія.— Не самъ; это говорилъ Гаррисонъ старшій. Его отецъ очень богатъ; онъ купецъ. А Гаррисонъ говоритъ: „къ чему всѣ эти вещи? намъ онѣ никому не понадобятся; онѣ служатъ только предметомъ для того, чтобы драть съ родителей деньги",—говоритъ Гаррисонъ.

— Онъ должно быть большой авторитетъ, — сказалъ м-ръ Бофоръ серьезно.

— Онъ кое-что знаетъ.,—отвѣчалъ Томъ, успокоясь, такъ какъ сомнѣвался, встрѣтятъ ли мнѣнія Гаррисона старшаго то почтеніе, какого заслуживаютъ.—Онъ самый большой, хотя и не особенно хорошо учится. Но ему это трынъ-трава. Онъ говоритъ, что у кого много денегъ, тому не надо учиться.

— Многіе купцы такъ думаютъ,—сказалъ Бофоръ.—Но я бы на твоемъ мѣстѣ не очень-то полагался на это мнѣніе.

— Какъ?—вскричалъ Томъ, широко раскрывъ свои большіе свѣтлые глаза съ нависшими бровями и вытаращивъ ихъ на отчима.

— У тебя будетъ, ты думаешь, много денегъ?—сказалъ Бофоръ спокойно.

— О! развѣ вы не знаете? Я буду однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Шотландіи,—закричалъ мальчикъ.

— Кто сказалъ тебѣ это, Томъ?

— Не знаю. Не могу вамъ сказать. Я знаю это, вотъ и все. Можетъ быть, нянька,—прибавилъ онъ неохотно: — она была въ моемъ помѣстьѣ и знаетъ все про него. Вы можете ее спросить, если не знали этого.

— Итакъ, у тебя есть и помѣстье, кромѣ денегъ?—разспрашивалъ Бофоръ съ спокойствіемъ и безъ удивленія.

Тома очень смущалъ этотъ допросъ. Онъ сильнѣе прежняго вытаращилъ глаза на отчима.

— Развѣ мама вамъ не говорила? Я думалъ, она вамъ все разсказываетъ.

— Конечно. Но про твое помѣстье я ничего не слыхалъ. Досказывай остальное, Томъ.

— О, больше нечего разсказывать,—отвѣчалъ мальчикъ.—Это большой замокъ съ высокой башней, и надъ нимъ развѣвается флагъ, когда я дома,—какъ у королевы,—и паркъ большущій,

пребольшущій. Это принадлежало моему отцу, знаете, а теперь будетъ мое.

— Сколько тебѣ лѣтъ, Томъ?

— Будетъ одиннадцать въ апрѣлѣ,—сказалъ Томъ поспѣшно.

— Слѣдовательно, пройдетъ еще десять лѣтъ, прежде чѣмъ ты поѣдешь въ свое помѣстье, какъ ты его называешь. Я видѣлъ твое помѣстье, Томъ. Тамъ, собственно говоря, нѣтъ никакого зâмка... Что касается флага, то, знаешь ли, мы каждую минуту можемъ выкинуть флагъ на Истонѣ, если захотимъ, и никто намъ этого не запретитъ.

Черныя брови Тома сдвинулись, а глаза его, устремленные на отчима, приняли то выраженіе злости пополамъ съ боязнью, какое свойственно дѣтямъ. Онъ очень злился, что къ его претензіямъ относятся такъ легко; но легковѣріе, свойственное его возрасту, внушало ему опасенія, что пожалуй и въ самомъ дѣлѣ это такъ.

— Мы выкинемъ флагъ на дняхъ, — продолжалъ его мучитель;—для насъ съ тобой будетъ забавой опускать его, когда твоя мать уѣзжаетъ кататься, и поднимать, когда она возвращается. Она больше достойна флага, нежели ты,—какъ ты думаешь? Почти столько же, какъ и королева, Одно только страшно, какъ бы мѣстные жители не приняли Истона за Бофортскую харчевню и не пришли пить пиво. Какъ ты думаешь?

— Послушайте, Бо, вы это серьезно говорите про флагъ?

— Разумѣется. Я не знаю, что̀ у васъ на флагѣ въ Тоуэрсѣ, но у насъ, Бофоръ, гербъ славный. Ну вотъ мы достанемъ у мамы кусокъ шолковой матеріи и нарисуемъ на немъ гербъ. Какой твой гербъ, Томъ?

— Я не знаю,—смиренно отвѣчалъ мальчикъ.—Я ничего о немъ не слыхалъ. Я не зналъ, что у васъ гербъ на флагѣ.

— Ахъ!—сказалъ Бофоръ:—ты видишь, что много есть вещей, которыхъ ты еще не знаешь. А въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются джентльменовъ, я не совѣтую тебѣ придерживаться мнѣній няньки или твоего молодого человѣка, отецъ котораго занимается торговлей.

Томъ молча ѣхалъ нѣкоторое время рядомъ съ отчимомъ. Онъ былъ совсѣмъ сбитъ съ позиціи и подавленъ превосходствомъ, которому не могъ не подчиниться, хотя подчинялся очень неохотно. У него постоянно копошилось въ умѣ непріятное убѣжденіе, что Бофоръ, должно быть, говоритъ правду, пополамъ съ тревожной мыслью, что, можетъ быть, Бо все время потѣшается надъ нимъ—комбинація, которая можетъ смутить хоть кого.

Томъ неохотно сдавался. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что флагъ на Истонѣ будетъ осмѣяніемъ его собственнаго величія, въ которое онъ вѣрилъ: вѣдь Истонъ былъ немногимъ болѣе чѣмъ простая вилла въ окрестностяхъ небольшого городка. И въ то же время онъ понималъ, что поднимать флагъ и опускать его, когда мать будетъ уѣзжать и пріѣзжать — очень весело. А раскрашивать флагъ, возиться съ красками вообще—это еще веселѣе, и превосходное занятіе на сегодняшній день.

— Послушайте, Бо,—спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія: —что у васъ въ гербѣ? Мнѣ интересно знать.

Бофоръ засмѣялся.

— Ты долженъ спрашивать, Томъ, какой гербъ, а не что въ гербѣ. Мальчику съ твоими претензіями слѣдовало бы это знать. Представь шатлэна, не свѣдущаго въ этихъ дѣлахъ.

— Что такое шатлэнъ? вы все смѣетесь надо мной!—закричалъ мальчикъ, нахмуривая брови.—Мама носитъ такую штуку сбоку, всю изъ серебряныхъ цѣпей.

— Шатлэнъ—владѣлецъ замка, то-есть то, чѣмъ ты предполагаешь быть. Мой гербъ слишкомъ, можно сказать, величественъ для простого джентльмена. У насъ въ полѣ щиты Франціи и Англіи,—прибавилъ Бофоръ серьезно, забывъ на минуту, кто его собесѣдникъ.

Но вдругъ засмѣялся и прибавилъ:

— Видишь ли, Томъ, хотя у меня нѣтъ замка, но флагъ почти такой же знатный, какъ и у королевы.

Все это было обидно для самолюбія Тома и недоступно его уму; но онъ вернулся домой, увлеченный планомъ нарисовать и выкинуть такой удивительный флагъ. Старый флагштокъ, служившій, вѣроятно, для декораціи на какомъ-нибудь школьномъ празднествѣ, валялся гдѣ-то въ углу. Бофоръ, котораго вся эта исторія очень забавляла, училъ своего маленькаго ассистента, какъ разрисовывать его поперечными полосами, голубыми и бѣлыми.

— Это цвѣта бордюры, Томъ, знаешь,—говорилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ Томъ, рѣшившій представиться, что понимаетъ.

И лэди Кара застала его за этимъ занятіемъ въ сараѣ, приспособленномъ для плотниковъ, позади дома, и всего вымазаннаго въ голубой и бѣлой краскахъ.

— Что ты дѣлаешь, Томъ?—вскричала она.

Джанета, слѣдовавшая по пятамъ матери, какъ будто приросла къ мѣсту, широко раскрывъ глаза отчасти отъ удивленія,

отчасти отъ зависти. Чтò бы она дала, чтобы такъ же разрисовать палку и себя, въ подражаніе Тому!

— Это цвѣта бордюры,—отвѣчалъ мальчикъ.—Я дѣлаю это для Бо.

— Цвѣтà чего?

Лэди Кара была такъ же невѣжественна по части геральдики, какъ и самъ Томъ.

— А у насъ есть бордюра? и какіе наши цвѣта? Я хочу знать, мама, какой у насъ гербъ. Я говорю про мой гербъ: Потому что вашъ гербъ,—прибавилъ онъ, пріостановившись въ работѣ и взглядывая на нее,—вѣроятно такой же, какъ и у Бо?

— О чемъ толкуетъ мой мальчикъ?—сказала Кара.—Джанета, не подходи къ нему близко, ты запачкаешь платье. Томъ, твоя курточка никуда болѣе не годится.

— О, какое мнѣ дѣло до моей курточки! Мама, послушайте: Бо хочетъ водрузить для васъ флагъ, какъ для королевы, а я приготовляю палку. Но я хочу знать про свой гербъ и свои цвѣта, и есть ли у меня бордюра, и чтò у насъ въ полѣ и все прочее; я хочу знать, какой у насъ флагъ въ Тоуэрсѣ.

Лэди Кара отступила назадъ, точно ее ударили.

— Никакого флага на Тоуэрсѣ не было... Я хочу сказать, никакого герба на немъ не было. Кто вбилъ тебѣ въ голову такую нелѣпицу, Томъ?

— Это не нелѣпица. Бо говорилъ мнѣ... Онъ учитъ меня, какъ это сдѣлать. Онъ все про это знаетъ. Онъ говоритъ, что не стоитъ разспрашивать няньку или Гаррисона старшаго, потому что его отецъ купецъ. А только у джентльменовъ бываютъ гербы. Мама, есть у меня бордюра?

— Мама, — сказала маленькая Джанета:—пожалуйста купите ему бордюру.

Бѣдная Кара не любила намековъ на свой прежній домъ. Но не могла не разсмѣяться надъ просьбой дѣвочки, хотя смѣхъ вышелъ полуистерическій.

— Я ничего объ этомъ не знаю,—отвѣчала она.—Я куплю ему все, чего ему хочется, если это для него полезно, но, Боже, въ какой онъ привелъ себя видъ! Томъ, твои линіи совсѣмъ кривыя, а самъ ты весь въ краскѣ. Джанъ, уйдемъ отъ этого раскрашеннаго мальчика.

— О! мама, позвольте мнѣ остаться!—вскричала Джанета, завладѣвая свободной кистью.

Быть можетъ, густыя, нависшія надъ глазами, черныя брови придавали лицамъ ея дѣтей выраженіе неукротимости. По край-

ней мѣрѣ Кара не въ силахъ была бороться съ двумя маленькими существами, глядѣвшими на нее отцовскими глазами. Она чаще уступала имъ, чѣмъ это было полезно для нихъ или приличествовало ей. И теперь она прибѣгла къ обычному въ этихъ случаяхъ спасительному способу: посовѣтоваться съ мужемъ, какъ ей быть.

Мужъ находился въ библіотекѣ, и она не сомнѣвалась, что онъ погруженъ въ работу.

Обыкновенно не безъ нѣкотораго сопротивленія и проволочекъ онъ дозволялъ убѣдить себя идти въ собственное святилище послѣ завтрака, но сегодня онъ сразу отправился туда съ такой поспѣшностью, что Кара предположила, что навѣрное у него явились новыя идеи. И на сердцѣ у нея стало легко и весело.

Онъ сидѣлъ за своимъ столомъ, наклонившись надъ нимъ, и былъ такъ занятъ, что не слышалъ, какъ дверь растворилась и Кара остановилась на секунду, задыхаясь отъ счастія и съ нѣжной улыбкой на лицѣ.

Она не хотѣла отрывать его отъ серьезныхъ занятій для пустяковъ. Она стояла и глядѣла на него съ величайшимъ удовольствіемъ. Потомъ тихонько подкралась, не затѣмъ, чтобы мѣшать ему, а только заглянуть черезъ плечо, поцѣловать его съ благодарностью за то, что онъ такъ усердно занимается.

Бѣдная Кара! когда она подошла, то увидѣла, что Бофоръ углубился съ такимъ интересомъ въ геральдическую книгу, откуда срисовывалъ на большомъ листѣ бумаги гербъ Бофоровъ.

Она вздохнула съ смертельнымъ разочарованіемъ, и онъ повернулъ голову.

— Что ты, Кара? Погляди. Я нашелъ новую игрушку.

— Да, я вижу,—отвѣчала она съ грустью.

Но онъ и не замѣтилъ того, такъ какъ отвернулся къ своей работѣ.

— Нравственный мотивъ—соблазнительная вещь,—говорилъ онъ, склоняясь надъ циркулями и карандашами.—Я затѣялъ это въ видѣ нравоученія Тому, чтобы сбить съ него немного спѣси, но нашелъ это занятіе интереснымъ само по себѣ. Погляди. Мы выкинемъ твой флагъ, какъ для королевы, говоритъ Томъ.

Бѣдная Кара! Нѣжное сердце ея билось неугомонно въ то время, какъ она стояла, опершись на спинку его стула. Глаза ея были полны горькихъ слезъ отъ разочарованія, но при мысли, что онъ изъ участія къ Тому и изъ любви къ ней занимается такими пустяками, она совсѣмъ растаяла. Какъ могла она до-

пустить даже мысленно тѣнь упрека противъ такого добраго и нѣжнаго человѣка!

Она положила ему руку на плечо и нѣжно гладила его, какъ мать безразсудное, но милое дитя.

— Милый Эдуардъ, мнѣ, право, совѣстно, что ты такъ заботишься обо мнѣ.

— Душа моя, это я не для тебя, а для Тома,—отвѣчалъ онъ, твердой рукой упирая въ бумагу острія циркуля.—Ты должна свозить Тома въ его помѣстье, какъ онъ говоритъ, Кара. Но сознаюсь, что въ настоящую минуту я забылъ про свою цѣль. Нравоученіе—прекрасная вещь, но новая игрушка—и того лучше.

VII.

Флагъ, появившійся такъ случайно, сталъ дѣйствительно любимой игрушкой какъ Бофора, такъ и его пасынка. Одинъ былъ очень обыкновенный маленькій мальчикъ, другой—высоко-образованный человѣкъ. Но, казалось, обоимъ доставляетъ равное удовольствіе то, какъ взвивается флагъ на флагштокѣ,—который Томъ раскрасилъ съ такимъ трудомъ,—когда лэди Кара возвращалась домой, и какъ онъ опускается, когда лэди Кара уѣзжала изъ дому въ своей корзинкѣ, запряженной пони. Иногда они сбивали другъ друга съ ногъ второпяхъ и въ порывѣ усердія при исполненіи этой обязанности. Ноги у Бофора были длиннѣе, чѣмъ у Тома и это давало ему большое и врядъ-ли справедливое преимущество надъ послѣднимъ.

Кара была довольна, она была тронута и въ ней польщена была та капля тщеславія, какая таилась въ ней, маленькой шалостью, выражавшей какъ бы нѣкоторое почтеніе къ ея особѣ; отъ этого она чувствовала себя счастливой.

Видѣть, какъ серьезный и кроткій философъ несется во весь духъ, чуть не сшибая съ ногъ дѣтей, чтобы ухватиться первому за веревку и выкинуть флагъ, блестящій яркій лоскутокъ, взвивающійся надъ оголенными деревьями, когда она появляется съ своими пони въ аллеѣ,—было ей очень пріятно.

Это было нелѣпо, но такъ мило. Эдуардъ дѣлалъ это—она дозволила себя убѣдить въ томъ—въ видѣ нравоученія Тому, чтобы научить его символически, какъ слѣдуетъ почитать мать... Лично для себя Кара никогда не требовала никакого почтенія, но мальчикъ дѣйствительно недостаточно сознавалъ все значеніе материнскихъ правъ. Бофоръ совсѣмъ не этого рода нравоученіе

имѣть въ виду для Тома, но не все ли равно? Оно было полезно и въ этомъ смыслѣ, хотя Бофоръ объ этомъ и не думалъ. Оно пробудило у мальчика почтеніе къ матери.

— Мама не такая, какъ всѣ другія,—говорилъ онъ Джанетѣ.—Она то, чтò называется знатная дама, неужели ты этого не знаешь, Джанъ? Вотъ есть разныя миссисъ Говардъ и тому подобныя, для нихъ не выкидываютъ флаговъ. Мама въ самомъ дѣлѣ все равно, что королева. Бо такъ думаетъ. Могу сказать, что онъ страшно гордится мамой. И я также.

— О! Томъ, и я также.

— Да, но ты это по инстинкту. Ты не понимаешь, въ чемъ дѣло. Но Бо и я, мы понимаемъ,—сказалъ Томъ.

И когда онъ вернулся въ школу, то пересталъ хвастаться помѣстьемъ въ Шотландіи, усомнившись въ его великолѣпіи, но намекалъ на то, что его родители не такіе, какъ другіе.

— Когда мои родители уѣзжаютъ и пріѣзжаютъ, то всегда поднимаютъ и опускаютъ флагъ, какъ только ихъ завидятъ въ аллеѣ. Иногда, когда идетъ дождь, веревка не слушается. Это такъ забавно!—кричалъ Томъ. Даже Гаррисонъ старшій не нашелся, чтò возразить на это.

Что касается Джанеты, то она таращила глаза, наблюдала и про себя дѣлала выводы, которымъ, можетъ быть, не суждено было быть высказанными.

Но когда каникулы кончились, тревожныя ожиданія и нетерпѣніе Кары возросли. Бофоръ продолжалъ интересоваться своей игрушкой, даже послѣ отъѣзда Тома. Онъ прерывалъ свои занятія, бросался со всѣхъ ногъ и то опускалъ, то поднималъ флагъ, такъ что бѣдной Карѣ наконецъ надоѣлъ этотъ неизбѣжный аккомпаниментъ всѣмъ ея движеніямъ. Она поняла, что онъ жаждетъ всякаго перерыва, и что продѣлывать церемонію съ флагомъ кажется ему интереснѣе, чѣмъ писать книгу, которая, насколько она могла понять, еще и не начиналась. Онъ нашелъ еще нѣсколько записныхъ книжекъ послѣ отъѣзда Тома, но и записныя книжки стали пріѣдаться.

И медленно, медленно раскрывались глаза Кары. Она никогда самой себѣ не признавалась въ своихъ открытіяхъ, но поняла съ теченіемъ времени многое, чтò не укладывалось въ словахъ.

Прежде всего ей опротивѣли записныя книжки, появившіяся въ такомъ изумительномъ количествѣ, съ ихъ досадными обрывками чего-то такого, изъ чего ровно ничего не выходило. Ея собственная поэма не двигалась съ мѣста. Расцвѣтъ генія... но расцвѣтъ

все еще ожидался. Онъ до сегодня не проявилъ себя. Да и полно, проявитъ ли когда? Медленно, неохотно открывалось ей это въ перемежку съ возрожденіемъ надежды въ сердцѣ, когда она говорила себѣ, что она—несправедливѣйшая женщина въ мірѣ, и хотѣла бы лишить мужа досуга, при которомъ только и могутъ развиваться великія мысли,—хотѣла бы лишить его покоя, о которомъ мечтала для него. Самая несправедливая женщина въ мірѣ! Не жена и помощница, но критикъ и суровый критикъ! Сладкую горечь находила Кара въ такомъ осужденіи самой себя, но отъ этого дѣло не измѣнялось.

Разъ вечеромъ они сидѣли вмѣстѣ въ счастливомъ настроеніи. Дѣло было лѣтомъ и спустя нѣсколько лѣтъ послѣ описанныхъ событій. Кара къ этому времени узнала Бофора вполнѣ и могла сказать, чтò онъ можетъ сдѣлать и чего не можетъ.

И совсѣмъ тѣмъ, надежды ея не были вполнѣ убиты. Трудно убить надежду въ женщинѣ: по временамъ въ ея мужѣ просыпались стремленія къ дѣятельности и на нѣсколько дней она забывала (въ то же время никогда не забывая) свои горестныя открытія и догадки. Дѣло было послѣ одного изъ такихъ élans, когда онъ проявлялъ всѣ признаки труда въ продолженіе нѣсколькихъ дней, и сердце лэди Каролины, не взирая на многолѣтній опытъ, снова взыграло въ этотъ вечеръ, теплыми лѣтними сумерками, когда они сидѣли вмѣстѣ и наблюдали звѣзды, появлявшіяся одна за другой надъ верхушками деревъ.

Джанета, достигшая уже почти того роста, какой ей былъ отмѣренъ судьбой—она никогда и не обѣщала быть высокой—бродила неподалеку между цвѣтами, и въ бѣломъ платьѣ сама походила (на разстояніи) на одну изъ большихъ бѣлыхъ лилій, окаймлявшихъ клумбы.

Дѣло было въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда эти цвѣты всего пышнѣе. Воздухъ былъ напоенъ ихъ нѣжнымъ благоуханіемъ, но не былъ душенъ, потому что легкій вѣтерокъ дулъ съ отдаленныхъ пустошей, поросшихъ верескомъ и дрокомъ со стороны Газльмира, и приносилъ слабый ароматъ дикихъ цвѣтовъ, земли и болотъ.

Джанета бродила, безпрестанно взглядывая сквозь вѣтки деревьевъ на отчима и мать, сидѣвшихъ на лужайкѣ.

На разстояніи она была похожа, какъ уже сказано, на одну изъ лилій; она была высока для четырнадцатилѣтней дѣвочки, но мала для взрослой женщины и худа до угловатости, свойственной ея возрасту, несмотря на приземистое мускулистое сложеніе, которое шло въ разрѣзъ со всѣми поэтическими символами. Она не теряла изъ виду мать и отчима въ какую бы сторону

ни повертывалась. Ничто не измѣнило въ ней привычки къ наблюденіямъ, несмотря на развитіе болѣе нѣжныхъ и прямодушныхъ чувствъ, остававшихся невѣдомыми внѣшнему міру.

По внѣшности Джанета оставалась все тѣмъ же вѣрнымъ приверженцемъ брата, какъ и въ дѣтскіе годы, и только.

Чета, сидѣвшая на лужайкѣ, сознавала, какъ и всегда, присутствіе дѣвочки, и оно, какъ и всегда, стѣсняло ихъ свободу. Между ними всѣми не было той фамильярности, какая обыкновенно существуетъ въ семьяхъ.

Хотя Джанета не могла разслышать ихъ словъ, но и разговоръ ихъ не былъ свободенъ.

Когда ее увела спать нянька, которой побаивалась и сама хозяйка, Бофоръ вздохнулъ съ облегченіемъ.

Онъ чувствовалъ нѣкоторую нѣжность къ Джанетѣ, какъ къ ребенку, выросшему у него на глазахъ, и къ которому онъ привыкъ, но чувствовалъ себя привольнѣе, когда ея не было тутъ.

— Какъ темно становится!—сказалъ онъ:—свѣтъ исходитъ отъ лилій, а не отъ неба, и съ тѣхъ поръ какъ исчезло бѣлое платье Джанеты, стало темнѣе.

— Моя бѣдная Джанеточка!—замѣтила лэди Каролина.— Я бы хотѣла, чтобы она была одною изъ тѣхъ женщинъ, присутствіе которыхъ свѣтитъ и грѣетъ.

— Какъ и ея мать. Жаль, что она такъ непохожа на тебя, Кара. Твои дѣти вылились въ одну форму и гораздо худшую. Но дѣти очень капризны въ своемъ сходствѣ, какъ и во всемъ остальномъ.

— Нельзя сказать, чтобы Джанета была капризна,—отвѣчала лэди Кара съ материнскимъ чувствомъ, не допускающимъ посторонней критики родныхъ дѣтей, хотя бы сама мать и не особенно восторгалась ими:

Но затѣмъ Кара вернулась къ предмету болѣе ее интересовавшему:

— Эдуардъ, въ той главѣ, которую ты только-что началъ...

— Дорогая, оставимъ на время всякія главы. Въ такую чудную и покойную минуту къ чему намъ всѣ эти скучныя философическія претензіи? Міръ, насколько мы его видимъ, весь погруженъ въ покой.

— Но въ немъ, тѣмъ не менѣе, есть горе и страданіе, Эдуардъ, которыя требуютъ утѣшенія.

— Но не кругомъ насъ. Въ нашемъ „городкѣ“ нѣтъ особенныхъ страданій: на каждаго „бѣднаго“, какъ вы, дамы, выражаетесь, приходится съ полдюжины мягкихъ филантроповъ,

которые утѣшають его; да мы и не бываемъ въ городкѣ. Оглянись на окрестность, Кара. Какая въ ней ширь и гармонія! нигдѣ ни тѣни зла! Земля почти такъ же кротка, какъ и небо! Не будемъ думать ни о чемъ, кромѣ того, какъ намъ хорошо живется. Я радъ, что срубили деревья на огородѣ. Мнѣ нравится этотъ обширный видъ... Могу я закурить папироску?

— Эдуардъ,—подтвердила она,—ты говоришь правду. Здѣсь не видно большого зла; но подумай, сколько его въ мірѣ, какъ безпомощны неимущіе люди, какъ имъ трудно живется. И что толку въ нашихъ благодѣяніяхъ. Только на вѣрныхъ принципахъ можно построить правильныя отношенія между людьми. Я слышала сто разъ, какъ ты это говорилъ въ былое время...

— Въ былое время я много говорилъ и вздора.

— Неужели же все, что̀ ты говорилъ, было вздоромъ?— вскричала лэди Кара:—всѣ твои слова и мысли? Сколько добра, казалось намъ, можно сдѣлать въ мірѣ, выставить высшій идеалъ жизни и справедливости, научить уму-разуму какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ... и мало ли что̀ еще! Я люблю природу и тихіе вечера, Эдуардъ, очень люблю! сидѣть вмѣстѣ съ тобой и любоваться природой, наслаждаться покоемъ и чувствовать, что у насъ есть всѣ основанія для счастія—все это очень хорошо; но мнѣ было бы еще радостнѣе, еслибы ты водрузилъ знамя высшаго идеала и показалъ новый путь, ты вѣдь можешь это сдѣлать, ты постигъ главныя проблемы жизни. Вотъ чего я желаю, чего всю жизнь хотѣла свыше всего!—закричала она, всплескивая руками.

Восторгъ экзальтированной натуры осилилъ Кару. Она не въ силахъ была долѣе сдерживаться.

— Я бы лучше хотѣла быть несчастной,—объявила она,— но видѣть, что ты дѣлаешь великое дѣло!

Онъ протянулся къ ней, взялъ ея руки и тихо погладилъ ихъ.

— Моя милая энтузіастка!—проговорилъ онъ.

— Не говори такъ, Эдуардъ! все это было бы хорошо въ былое время, когда, какъ ты увѣряешь, ты говорилъ вздоръ. Я тогда была неопытная дѣвочка, но теперь я пожилая женщина и отъ меня нельзя отдѣлаться словами. Я не энтузіастка, а женщина, снѣдаемая безпокойствомъ. Тебѣ не годится фразами отдѣлываться отъ меня.

— Ты осталась неопытной дѣвочкой, Кара, и будешь ею, хотя бы прожила тысячу лѣтъ,—замѣтилъ онъ съ слабой усмѣшкой.—Еслибы ты была пожилая женщина, какъ говоришь, то до-

вольствовалась бы тѣми результатами, какихъ мы достигли. Вотъ мы съ тобой вмѣстѣ неразлучны, пользуемся тѣмъ благополучіемъ, о которомъ нѣкогда мечтали, и которое казалось тогда недоступнымъ... мы счастливы и обезпечены, благодаря тебѣ. Мы можемъ окружать себя всѣмъ, что̀ скрашиваетъ жизнь, не говоря уже про самое главное, а именно: что мы мужъ и жена, и можемъ практически помогать нашимъ бѣднѣйшимъ сосѣдямъ... опять-таки благодаря тебѣ. Въ нашемъ ложѣ изъ розъ нѣтъ ни одного тернія... ни одной песчинки. Душа моя, вотъ какъ бы ты разсуждала, будь ты пожилая женщина.

— Ну, такъ я хочу быть и оставаться прежней глупой дѣвчонкой, хотя бы все прежнее было вздоромъ, только вздоромъ, какъ ты говоришь.

— Тише, тише!—сказалъ онъ, опять беря ея за руки:—не смѣшивай, Кара, разныя вещи. Любовь, какъ наша, не можетъ быть вздоромъ. Душа моя, не кощунствуй!

— Любовь!—вскричала она.

Кара дрожала съ головы до ногъ, сердце ея дрожало въ груди, и удары его отзывались въ пальцахъ, въ горлѣ. Въ ея голосѣ—возможно ли это?—слышалось какъ бы презрѣніе. Онъ взялъ ее за обѣ руки, отбросивъ папироску, мѣшавшую ему, и привлекъ жену къ себѣ. Въ его тонѣ обнаруживалась какъ бы тревога и вмѣстѣ съ тѣмъ негодованіе.

— Кара, — сказалъ онъ, крѣпко сжимая ея руки, — Кара, что̀ ты хочешь сказать этимъ? Неужели то, что моя любовь къ тебѣ, неизмѣнная, несмотря ни на что, была вздоромъ, что ты не довѣряешь мнѣ?

Темнота бываетъ всегда выгодна при подобныхъ объясненіяхъ. Она помѣшала ему видѣть чувства, выражавшіяся на лицѣ лэди Кары—сомнѣніе, скептицизмъ и недовѣріе, невыразимое раздраженіе идеалиста, выведеннаго изъ терпѣнія. Глаза ея вопрошали о томъ, чего губы никогда бы не рѣшились вымолвить. „Зачѣмъ ты допустилъ меня стать женой другого? Зачѣмъ далъ унизить, раздавить меня, попрать ногами? Зачѣмъ дозволилъ мнѣ перенести такія оскорбленія, какихъ никто не наносилъ тебѣ... зачѣмъ, зачѣмъ?“

Но Кара не сказала ничего такого. Она не могла. Есть вещи, которыхъ религія сердца не дозволяетъ высказывать. Она не могла высказать ихъ. Онъ могъ бы прочитать ихъ въ ея глазахъ, но темнота спасла его отъ этого открытія, которое поразило бы Бофора болѣе, чѣмъ все, что̀ до сихъ поръ встрѣчалось ему въ жизни.

Въ концѣ концовъ Кара, какъ женщина и притомъ чувствительная и деликатная, прибѣгла къ обычному женскому аргументу: слезамъ. Какъ часто ихъ неотразимый non sequitur посрамляетъ самые разсудительные доводы и превращаетъ тяжкое бремя души въ кажущееся безразсудство; женскія слезы зачастую выигрываютъ дѣло, казавшееся пропащимъ, но часто и проигрываютъ вѣрное дѣло, принижаютъ сильнѣйшихъ на одинъ уровень съ слабѣйшими, а обидчика ставятъ въ выгодную позицію великодушнаго человѣка, снисходящаго къ женской слабости и прощающаго ее!

Бофоръ обнялъ жену, далъ ей выплакаться у него на плечѣ, успокоивалъ, ласкалъ, приголубливалъ ее. Еслибы кто-нибудь шепнулъ ему на ухо, отчего она такъ горько плачетъ! Но онъ улыбнулся бы и не повѣрилъ. Она—глупенькая энтузіастка, и все та же поэтическая душа, какою была въ юности, существо, сотканное изъ нервовъ, симпатіи и чувствительности, его милая Кара, его единственная любовь.

Послѣ этого вечера лэди Кара заболѣла, не особенно сильно, такъ себѣ, маленькой простудой, схваченной позднимъ вечеромъ на лугу, головной болью, по всей вѣроятности невралгическаго свойства,—короче сказать, однимъ изъ тѣхъ недуговъ, какіе часто бываютъ у дамъ и заставляютъ ихъ день-другой просидѣть въ спальной въ утреннемъ пеньюарѣ.

Женщина потеряетъ уваженіе къ самой себѣ, если отъ времени до времени не будетъ страдать маленькими недомоганьями, которыя какъ бы доказываютъ, какого она деликатнаго и нѣжнаго сложенія.

Зато лэди Кара вышла изъ своей комнаты другимъ человѣкомъ, хотя бы никто не могъ сказать, въ чемъ это проявляется, но лицо ея пріобрѣло другое выраженіе, болѣе спокойное, сдержанное и кроткое. Впрочемъ, она всегда была кротка и отличалась самыми мягкими манерами въ мірѣ, такъ что перемѣна была незамѣтна для толпы.

Одинъ Бофоръ замѣтилъ такую перемѣну въ первый же или во второй день, и это его слегка поразило, точно какая-то невидимая, внезапная тайна выросла между ними; но ощущеніе это прошло весьма быстро отъ убѣжденія въ его крайней нелѣпости.

Джанета, у которой не было словъ для выраженія своихъ открытій, да некому было и сообщать ихъ, замѣтила перемѣну еще явственнѣе, и видѣла, что что-то случилось, хотя и не могла догадаться, что̀ именно.

Легкая перемѣна, чуть ощутимая, но постепенно развивавшаяся, произошла также и въ привычкахъ лэди Кары. Она меньше времени проводила въ библіотекѣ съ мужемъ, мало-по-малу разставаясь съ этой привычкой самымъ натуральнымъ образомъ, въ силу иныхъ обязанностей, естественно расширявшихся съ каждымъ днемъ, благодаря подроставшей дочери.

А. Э.

ПОѢЗДКА НА ПОЛЬДЕРЫ

Франко-бретонскія путевыя впечатлѣнія.

I.

Въ столицѣ Бретани.

Интересуясь постановкою сельско-хозяйственнаго и начальнаго образованія вообще во Франціи, я уже объѣхалъ съ цѣлью изученія его часть этой страны и вернулся въ Парижъ на нѣсколько дней, надѣясь получить тамъ отъ одного депутата, г. R., спеціалиста по интересующему меня вопросу, кое-какія свѣденія, которыя мнѣ были нужны для дальнѣйшей поѣздки.

Во время моихъ мыканій по городу, случай натолкнулъ меня на одного очень милаго господина—директора компаніи „западныхъ польдеровъ“, который, узнавъ о предстоящей моей поѣздкѣ въ Бретань, предложилъ мнѣ посѣтить находящіеся въ его завѣдываніи польдеры—такъ называютъ тамъ отвоеванные отъ моря участки земли и устроенныя на нихъ сельско-хозяйственныя заведенія.

Я съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, и черезъ нѣсколько дней курьерскій поѣздъ везъ меня на всѣхъ парахъ къ границамъ Бретани.

Провинція эта, считающаяся въ культурномъ отношеніи одной изъ наиболѣе отсталыхъ во Франціи, привлекаетъ, однако, очень многихъ туристовъ, благодаря своеобразной прелести своей природы, оригинальнымъ особенностямъ населенія и изобилію историческихъ памятниковъ.

Въ сферѣ сельскаго хозяйства и народнаго образованія Бре-

тань тоже представляетъ интересъ, но какъ объектъ не для изученія, а лишь для сравненій ея съ другими провинціями. Послѣ осмотра прекрасныхъ школъ и блестящихъ сельско-хозяйственныхъ заведеній центральной Франціи поучительно ознакомиться съ тѣми скромными результатами, которыхъ удалось достичь, несмотря на исключительныя трудности, въ старой и архи-консервативной древней Арморикѣ!

Памятуя, что Франція страна централизаціи, я началъ свое изслѣдованіе съ Ренна, центра и столицы Бретани. Оставивъ свою карточку у ректора реннской академіи, соотвѣтствующаго званію нашего попечителя учебнаго округа, я отправился къ академическому инспектору (директору народныхъ училищъ губерніи, по-нашему), чтобы заявить ему о моемъ намѣреніи посѣтить нѣсколько подвѣдомственныхъ ему высшихъ и низшихъ начальныхъ училищъ. У дверей квартиры инспектора я столкнулся съ какой-то дамой, какъ оказалось, его женой, нажимавшей кнопку звонка.

— Вы къ моему мужу?—обратилась она ко мнѣ съ вопросомъ. — Его нѣтъ дома. Не будете ли вы такъ любезны зайти въ два часа!

— Охотно! А пока я воспользуюсь свободнымъ временемъ, чтобы посѣтить господина V. Вѣдь онъ живетъ, кажется, недалеко отсюда?

— Г-нъ V.? Въ двухъ шагахъ; заверните направо въ переулокъ, второй домъ.

Черезъ двѣ минуты я былъ у цѣли.

Миловидная горничная ввела меня въ небольшой и скромно меблированный кабинетъ, куда явился вскорѣ и самъ хозяинъ.

— Я пришелъ къ вамъ, — обратился я къ вошедшему, — какъ къ здѣшнему департаментскому профессору (губернскому агроному), чтобы...

— Да я вовсе не профессоръ,—смѣясь, прервалъ онъ меня.

— Какъ! Вѣдь вы господинъ V.?

— Да.

— Департаментскій профессоръ тоже г-нъ V.

— Совершенно вѣрно, и насъ не трудно перемѣшать. Мы съ нимъ однофамильцы, живемъ почти рядомъ и отчасти дополняемъ другъ друга, такъ какъ я одинъ изъ редакторовъ мѣстной сельско-хозяйственной газеты, и многія лица, которыя обращаются съ оффиціальными просьбами къ профессору, заходятъ ко мнѣ, чтобы получить свѣдѣнія и изъ редакціи, а я часто своихъ кліен-

товъ посылаю къ нему просить содѣйствія тому или другому сельско-хозяйственному начинанію.

Редакторъ—молодой человѣкъ, окончившій всего года два-три тому назадъ одно изъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Онъ не пошелъ на службу, а посвятилъ всѣ свои силы и знанія популяризаціи сельско-хозяйственныхъ свѣденій среди населенія. Редакція, въ которой онъ работаетъ, издаетъ ежегодно по нѣскольку удобопонятныхъ и недорогихъ руководствъ, которыя, отвѣчая назрѣвшей потребности, раскупаются, по характерному выраженію г-на V., „какъ печеный хлѣбъ". Она же возбуждаетъ различные сельско-хозяйственные вопросы и разработываетъ ихъ, способствуя, вмѣстѣ съ департаментскимъ профессоромъ и земледѣльческимъ обществомъ, поднятію сельскаго хозяйства въ Бретани и выясненію мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ.

Въ областныхъ городахъ Франціи имѣются почти повсюду свои мѣстные журналы, издатели которыхъ поручаютъ различнымъ спеціалистамъ редактированіе того или другого отдѣла, и такія лица находятся безъ труда. Хотя во Франціи и существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что Парижъ поглощаетъ всѣ интеллигентныя силы страны, не оставляя ничего для провинціи, но при ближайшемъ знакомствѣ съ нею оказывается, что мнѣніе это крайне преувеличено.

Достаточно познакомиться съ провинціальными дѣятелями по двумъ затронутымъ въ этой статьѣ спеціальнымъ отраслямъ: народному образованію и сельскому хозяйству (въ областяхъ административной, педагогической и журнальной), чтобы придти къ заключенію, что обѣ категоріи этихъ спеціалистовъ въ большинствѣ случаевъ отличаются не только знаніемъ дѣла, практичностью и трудолюбіемъ, но и солиднымъ образованіемъ.

Конкурсные экзамены, сдавать которые приходится теперь почти всѣмъ кандидатамъ на государственныя должности, гдѣ требуются техническія знанія, хотя и калѣчатъ иногда слабыхъ и малоспособныхъ юношей, но зато даютъ гарантію, что тѣ изъ испытуемыхъ, которые пройдутъ черезъ всѣ препятствія,—а это уже избранные изъ избранныхъ, — будутъ обладать во всякомъ случаѣ обширными познаніями и умѣньемъ работать.

Выходя по большей части изъ народа и небогатыхъ семействъ, оставаясь всю жизнь въ скромной обстановкѣ, такіе дѣятели представляютъ въ высшей степени симпатичный типъ, и тотъ, кто хочетъ знать настоящаго интеллигентнаго работника-француза, которымъ „держится французская земля", долженъ позна-

комиться съ нимъ, и тогда онъ безъ труда убѣдится, что легкомыслiе, обыкновенно приписываемое французамъ, встрѣчается у нихъ далеко не часто.

Приглашенный редакторомъ, департаментскiй профессоръ вскорѣ пришелъ къ намъ, принявъ дѣятельное участiе въ обсужденiи затронутыхъ вопросовъ. Онъ оказался очень образованнымъ и интереснымъ господиномъ.

Департаментскiе профессора, т.-е. губернскiе агрономы, являются административными лицами, на обязанности которыхъ лежитъ: преподаванiе земледѣлiя въ учительской семинарiи, чтенiе публичныхъ лекцiй для землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ и народныхъ учителей; организацiя и надзоръ за опытными и показательными полями, обработка всѣхъ поступающихъ и добытыхъ имъ самимъ статистическихъ и иныхъ данныхъ, и исполненiе всякаго рода порученiй, возлагаемыхъ на нихъ министерствомъ земледѣлiя.

Большинство ихъ получило высшее образованiе. Они пользуются хорошимъ содержанiемъ, отъ 3.000 до 4.500 руб., и на разъѣзды имъ полагается отъ 500 до 2.000 фр. Но трудъ, который выпадаетъ на ихъ долю, по истинѣ стоитъ этихъ денегъ.

Съ утра до вечера они заняты разъѣздами по департаменту, борьбой съ насѣкомыми, выдачей различныхъ справокъ приходящимъ къ нимъ или обращающимся письменно землевладѣльцамъ и крестьянамъ, подготовляются къ лекцiямъ или пишутъ рапорты и отчеты для центральнаго правительства.

Чтобы поговорить съ однимъ департаментскимъ профессоромъ, не имѣвшимъ въ теченiе дня и часа свободнаго, я долженъ былъ сдѣлать съ нимъ нѣсколько станцiй по желѣзной дорогѣ, такъ какъ это былъ единственный способъ побесѣдовать съ нимъ на свободѣ. Съ другимъ пришлось пройти пять верстъ отъ желѣзнодорожной станцiи пѣшкомъ, до селенiя, гдѣ онъ долженъ былъ читать лекцiю.

Прочтя ее, онъ часа два оставался еще съ крестьянами, растолковывая имъ то, чего они не поняли, объясняя по десяти разъ одно и то же и показывая на опытѣ различные прiемы, которые слѣдовало принять въ описанной имъ культурѣ.

Надо надѣяться, что и наши будущiе губернскiе агрономы, когда мы ихъ дождемся, не станутъ разыгрывать изъ себя чиновниковъ, а постараются, по примѣру своихъ западныхъ собратiй, прiобрѣсти популярность и довѣрiе населенiя путемъ дѣятельности и знанiя и привлекутъ его къ себѣ не страхомъ адми-

нистративнаго воздѣйствія, а доступностью и практичностью высказываемыхъ совѣтовъ и указаній.

Въ Бретани департаментскому профессору труднѣе, чѣмъ где-либо. Населеніе, очень отсталое по своему развитію, не такъ охотно отваживается на нововведенія, упорно придерживаясь прадѣдовской рутины. Но и тутъ, какъ мы увидимъ ниже, кое-чего удалось достигнуть.

Не менѣе трудно положеніе лицъ, занимающихся народнымъ просвѣщеніемъ.

— Вы не повѣрите, — говорилъ мнѣ академическій инспекторъ, къ которому я пришелъ въ назначенный его женою срокъ, — какъ трудно у насъ положеніе сельскихъ учителей. Имъ приходится имѣть дѣло съ народомъ, который очень тугъ на развитіе, вслѣдствіе нѣкоторой природной дикости — остатка прежняго его обособленія.

Главнымъ же препятствіемъ является языкъ. До сихъ поръ еще въ Бретани можно найти мѣстечки, гдѣ на базарѣ не слышно между продавцами и покупателями французскаго языка, — только бретонскій. Какъ будто въ другую страну попалъ.

Учителямъ поэтому приходится употреблять бо̀льшую часть времени, чтобы пріучить дѣтей понимать, а потомъ говорить по-французски и, что̀ всего труднѣе, писать безъ грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ.

— Наше правописаніе хоть кого вѣдь поставитъ въ тупикъ, — сказалъ инспекторъ. — Знаете ли вы, напримѣръ, сколькими способами изображается по-французски звукъ: in?

— Четырьмя... пятью...

— Нѣтъ, восемью. Вспомните всѣ комбинаціи: en — въ словѣ moyen, in — въ pin, im — въ limbe, ym — въ thym, ain — въ pain, aim — въ faim, ein — въ rein и eim — въ Reims. Обращая же всѣ усилія на обученіе французскому языку, мы на остальные предметы имѣемъ такъ мало времени, что лишь съ большимъ трудомъ можемъ выполнять министерскую программу, которая, какъ вамъ извѣстно, довольно обширна.

— Согласно отчетамъ, однако, школьное дѣло значительно подвинулось впередъ?

— Еще бы! и какъ подвинулось, хотя и возникло-то оно всего лѣтъ десять тому назадъ. Раньше вѣдь тутъ въ этомъ отношеніи почти ничего не было.

— Въ 1881 г., — продолжалъ инспекторъ, — произведено было изслѣдованіе всей Франціи въ школьномъ отношеніи; въ результатѣ этого изслѣдованія оказалось, что въ Бретани во мно-

жествѣ коммунъ вовсе не имѣлось школъ и болѣе $^1/_3$ населенія оставалось безграмотнымъ. Тѣ же немногія школы, которыя уже существовали, страдали многочисленными недостатками. Помѣщенія были большей частью наемныя, не приспособленныя для классныхъ занятій, грязныя, плохо вентилируемыя, тѣсныя и анти-гигіеническія. Случалось, что классы помѣщались на чердакахъ. Въ одной школѣ, занимающей всего 60 съ чѣмъ-то кв. метровъ, было скучено 208 учениковъ. Мебель отличалась своей непрактичностью; часто не хватало столовъ, и дѣти должны были писать на колѣняхъ; учебныя пособія почти отсутствовали или были самаго плохого качества. Ни географическихъ картъ, ни стѣнныхъ картинъ, ни метрическихъ мѣръ и вѣсовъ, не говоря уже о школьныхъ коллекціяхъ, которыя такъ облегчаютъ наглядное преподаваніе,—ничего этого не было и въ поминѣ. Книги хотя и были, но самыя плохія. Нѣкоторыя изъ нихъ, передававшіяся преемственно отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну, настолько устарѣли въ теченіе трехъ поколѣній, что не годились вовсе для употребленія. Вслѣдствіе отсутствія тогда еще закона объ обязательномъ и даровомъ обученіи и плохого состоянія самыхъ школъ, посѣщеніе ихъ учениками было очень нерегулярно, и всякое самое ничтожное обстоятельство на фермѣ служило обыкновенно предлогомъ для удержанія ребенка дома. Педагогическій персоналъ былъ тоже очень неваженъ. Три четверти мѣстъ въ школахъ для дѣвочекъ и въ смѣшанныхъ школахъ были заняты сестрами изъ различныхъ конгрегацій. Такъ какъ въ то время въ Бретани не было ни одного учебнаго заведенія для подготовки учительницъ, то вербовка такихъ, которыя имѣли бы надлежащіе аттестаты, представляла не мало затрудненій. Учительскія семинаріи тоже оставляли желать много лучшаго.

— Что же было, главнымъ образомъ, причиной такой отсталости?

— О! причинъ очень много. Тутъ вліяла бѣдность населенія, его невѣжество, языкъ, и главнымъ образомъ географическія условія. Бретань наша не представляетъ изъ себя совокупности мѣстечекъ, болѣе или менѣе населенныхъ и раздѣленныхъ обработываемыми полями, какъ вы видите это въ остальной Франціи. Здѣсь, наоборотъ,—множество отдѣльныхъ хуторковъ, цѣлая серія маленькихъ уединенныхъ фермъ, часто очень отдаленныхъ другъ отъ друга и разсѣянныхъ по всей поверхности полуострова. Среди нихъ высятся тамъ и сямъ нѣсколько бурговъ, немногочисленное населеніе которыхъ группируется вокругъ церкви или

стариннаго замка и мэріи. Устройство школъ въ такихъ бургахъ не достигало цѣли, такъ какъ главная масса населенія живетъ внѣ ихъ; такъ, въ округѣ Трегіэ на 17 съ чѣмъ-то тысячъ жителей приходится всего 3 тысячи горожанъ; въ Плуаретѣ на 79 тысячъ—только $3^{1}/_{2}$ тысячи и т. д.

Далѣе изслѣдованіе констатировало, что въ трехъ бретонскихъ департаментахъ до 160 тысячъ дѣтей не ходили въ школу, вслѣдствіе невозможности дойти до нея. Многимъ изъ нихъ приходилось бы дѣлать по 7—8 километровъ по нашимъ отвратительнымъ дорогамъ (теперь приводимымъ въ порядокъ), которыя зимою, при глубокомъ снѣгѣ, дѣлаются подъ-часъ непроходимыми. То же, впрочемъ, бываетъ и осенью, и весною, когда дожди превращаютъ скромные ручейки, текущіе по склонамъ возвышенностей, въ бурные полноводные потоки, черезъ которые нельзя и перебраться, за неимѣніемъ мостовъ.

Такимъ образомъ, ребенокъ, даже въ свободное зимнее время, когда въ школѣ идутъ занятія, былъ принужденъ сидѣть дома.

Положеніе это было ненормально.

Надо было предпринять особыя и энергичныя мѣры, чтобы извлечь населеніе Бретани изъ тьмы невѣжества, въ которой оно оставалось благодаря своей изолированности.

Намъ предстояло создать школы спеціально для сельскаго населенія, среди него и при посредствѣ его! Чтò сдѣлано, вы знаете изъ отчетовъ, кàкъ сдѣлано—вы увидите при поѣздкѣ...

— Мы могли бы создать еще больше,—продолжалъ онъ задумчиво,—если бы намъ не мѣшали конгреганисты и мѣстное духовенство. Ну, какъ могу я оставаться равнодушнымъ при видѣ всѣхъ тѣхъ пріемовъ, которые допускаются сельскими ректорами!

Бывали случаи, что нѣкоторые изъ нихъ отказывались давать ученикамъ причастіе за то, что тѣ посѣщали свѣтскую школу, или грозили ихъ родителямъ, если они не соглашались перевести своихъ дѣтей въ церковныя училища.

Другіе запрещали учителямъ ходить въ церковь, хотя они должны дѣлать это, чтобы наблюдать тамъ за поведеніемъ своихъ учениковъ.

Одинъ же ректоръ настоялъ на томъ, чтобы дѣти, которыя начали говорить по-французски, выучили катехизисъ къ своему причастію по-бретонски, и этимъ подорвалъ усилія школы, которая всѣми мѣрами стремится отъучить дѣтей отъ употребленія мѣстнаго нарѣчія.

Учителя и учительницы конгреганисты (члены различныхъ духовныхъ и полу-духовныхъ орденовъ, которыхъ въ Бретани на-

считывается до 14) въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ педагогическаго образованія; они пользуются руководствами, которыя теперь единодушно отвергнуты всѣми педагогами, и методой преподаванія, которая отжила свой вѣкъ. Замѣчанія нашихъ инспекторовъ они игнорируютъ, подчиняясь лишь своему духовному начальству и дѣйствуя въ школьномъ дѣлѣ безъ опредѣленной системы, каждый на свой страхъ!..

На этомъ закончилась наша бесѣда. Въ дополненіе къ вышесказанному добавлю еще нѣсколько словъ.

Борьба клерикаловъ съ республиканцами въ Бретани—явленіе общеизвѣстное; нѣсколько лѣтъ тому назадъ она достигла своей кульминаціонной точки и продолжается до сего времени. Перевѣсъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался за государственною властью, и свѣтскія школы покрываютъ теперь всю страну, но рядомъ съ ними существуютъ и конгреганистскія, которыя изъ публичныхъ превратились въ частныя.

Населеніе Бретани очень религіозно. Нигдѣ, кажется, во Франціи духовенство не имѣетъ такой силы, какъ здѣсь. Ректоры имѣютъ среди населенія первенствующее значеніе и пользуются довольно большими доходами, какъ деньгами, такъ и натурой. „Десятина“ еще существуетъ здѣсь.

До 70-хъ годовъ всѣ почти школы, какъ указано выше, находились въ рукахъ духовныхъ орденовъ. Самою широкою и полезною дѣятельностью отличался орденъ такъ называемыхъ „Маленькихъ Братьевъ“, основанный въ 1819 г. Жаномъ-де-Ламеннэ для распространенія въ Бретани начальныхъ школъ. Члены ордена должны были, по мысли де-Ламеннэ, направиться въ бурги и села, гдѣ были церкви, и, поселившись тамъ вмѣстѣ съ священниками, заниматься безплатно обученіемъ бѣдныхъ дѣтей грамотѣ, и воспитаніемъ ихъ въ духѣ католической церкви.

Дѣла ордена пошли прекрасно. Цѣль его вызвала много сочувствія въ тогдашнемъ обществѣ; число членовъ постоянно увеличивалось, пожертвованія прибывали, и вскорѣ „маленькіе братья“ пооткрывали очень много школъ въ разныхъ пунктахъ Бретани. По мѣрѣ увеличенія средствъ орденъ сталъ распространять свою дѣятельность сначала на остальную Францію, а потомъ на отдаленныя колоніи.

Жизнь въ деревняхъ въ глубинѣ Бретани показалась тогда многимъ изъ братьевъ слишкомъ суровой; они стали тяготиться своимъ положеніемъ и особенно отношеніями къ кюрэ, у которыхъ имъ приходилось жить часто, вопреки желанію этихъ послѣднихъ. Возникла мысль перенести школы въ города, завести

собственныя помѣщенія, словомъ, поставить все дѣло на болѣе широкую ногу.

При вновь учрежденныхъ, такимъ образомъ, учебныхъ заведеніяхъ съ расширеннымъ курсомъ были устроены пансіоны, куда родители могли отдавать своихъ дѣтей на полное содержаніе. Они платили за нихъ при этомъ нѣкоторую сумму денегъ и приносили продукты натурой.

Такимъ образомъ, первоначальный принципъ дарового обученія упразднился самъ собой.

Хотя при многихъ пансіонахъ и существовали отдѣленія для обученія грамотѣ бѣдныхъ дѣтей, но на нихъ стали уже смотрѣть какъ на лишнюю и стѣснительную обузу, которая при коммерческой постановкѣ учебнаго дѣла въ пансіонахъ, дававшихъ ордену значительные барыши, была лишь терпима, но отнюдь не желательна. Обученіе въ такихъ отдѣленіяхъ велось крайне небрежно и не давало почти никакихъ результатовъ.

Когда во Франціи возникъ вопросъ объ общемъ даровомъ и обязательномъ элементарномъ образованіи, сельское населеніе Бретани не имѣло школъ.

Но лишь только администрація начала ихъ устроивать, духовенство, боясь потерять свое вліяніе на населеніе, стало противодѣйствовать школьной реформѣ, употребляя иногда средства въ родѣ указанныхъ академическимъ инспекторомъ.

Главнымъ пунктомъ для раздоровъ служитъ пресловутый § 7 Жюля Ферри, который, вмѣсто религіозной свободы, ввелъ во Франціи, по выраженію, Жюля Симона „свободу безрелигіозности".

На основаніи этого закона, учителя были освобождены отъ преподаванія закона Божія, изучать который, внѣ школы, въ свободные отъ занятій дни, т.-е. по воскресеньямъ и четвергамъ, предоставляется каждому вѣрующему у своего священника.

На практикѣ, какъ намъ извѣстно, преподаваніе закона Божія происходитъ въ провинціи въ стѣнахъ училища, и ученики свѣтской школы знаютъ катехизисъ не хуже, чѣмъ тѣ, которые посѣщаютъ конгреганистскія учебныя заведенія.

При прощаньѣ инспекторъ посовѣтовалъ мнѣ зайти къ префекту.

— Зачѣмъ?

— А чтобы онъ контрасигновалъ мое разрѣшеніе, или далъ вамъ письмо для безпрепятственной поѣздки по департаменту.

— Да развѣ это нужно?

— Какъ же! Бретонцы во всемъ подозрѣваютъ что-нибудь

дурное, а администрація заражена еще прежнимъ формализмомъ, который не успѣлъ здѣсь совсѣмъ выдохнуться.

Черезъ нѣсколько времени чиновникъ изъ канцеляріи инспектора принесъ мнѣ требуемую бумагу, и я, внутренно улыбаясь, для проформы положилъ ее въ портфель. Воспользоваться ею такъ мнѣ и не пришлось.

Остатокъ дня я посвятилъ осмотру города, обѣгавъ его, какъ добросовѣстный туристъ, съ гидомъ „Жоанъ" въ рукахъ.

Сначала пришлось посѣтить университетскій музей, потомъ соборъ св. Петра, домъ XV-го вѣка и главную достопримѣчательность Ренна—зданіе суда. Кажется, во всей Франціи нѣтъ другого подобнаго „дворца юстиціи". Это дѣйствительно дворецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Какія великолѣпныя залы, лѣстница, трибуны, что за чудная скульптурная и лѣпная работа, какіе плафоны и художественныя картины на стѣнахъ!

Вечеромъ въ отелѣ меня ждало обычное разочарованіе, неизбѣжное во всѣхъ французскихъ гостинницахъ: сѣрныя спички, которыя, когда ихъ зажигаешь, разводятъ столько сѣрной кислоты, что потомъ не отчихаешься; умывальникъ безъ педали, и стеариновыя свѣчи съ фальсификаціей. Свѣчи на видъ довольно толстенькія; зажигая ихъ, думаешь позаняться часокъ-другой, и вдругъ, къ удивленію своему, видишь, что онѣ уже сгорѣли.

Происходитъ это, какъ знаютъ всѣ путешествовавшіе по Франціи, вслѣдствіе того, что въ гостинницахъ употребляются свѣчи, у которыхъ собственно нѣтъ корпуса, а есть лишь внѣшняя стеариновая оболочка и три внутреннія пластины, поддерживающія фитиль; остальное—пустота. Съ виду—свѣча, а зажжешь—та же сибирская лучина, только въ модномъ одѣяніи.

Оставшись въ темнотѣ, окруженный четырьмя стѣнами маленькой комнаты, которая давила меня со всѣхъ сторонъ, я пожалѣлъ, что не обладаю силой Самсона, чтобы раздвинуть ихъ. Впрочемъ, въ ней, пожалуй, не было надобности. Въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, раздвиганіе стѣнъ представляетъ хотя и новое, но никого не удивляющее явленіе.

Небогатыя буржуазныя семьи, въ торжественные дни именинъ, свадебъ и т. д., очень часто практикуютъ эту систему, которая на практикѣ оказывается очень удобной и дешевой.

Положимъ, напримѣръ, что у данной семьи столовая можетъ вмѣщать лишь своихъ и одного или двухъ гостей (такъ въ дѣйствительности и бываетъ въ большинствѣ случаевъ), а хозяева должны пригласить человѣкъ 15. Что дѣлать? Увеличить столовую. Для этого зовется плотникъ и маляръ. Первый вынимаетъ одну

изъ стѣнокъ (деревянную перегородку), отдѣляющую столовую отъ сосѣдней комнаты, напр. одной изъ спаленъ, а маляръ заштукатуриваетъ и забѣливаетъ потолокъ и подклеиваетъ, гдѣ надо, обои. Послѣ этого хозяева задаютъ пиръ на весь міръ, а знакомыя дамы ахаютъ отъ удивленія, видя помѣщеніе столь „громадныхъ" размѣровъ. На другой день перегородка ставится на прежнее мѣсто и жизнь продолжается своимъ чередомъ.

Мнѣ, впрочемъ, пользоваться этимъ пріемомъ не пришлось, такъ какъ, съ послѣднимъ лучомъ сгорѣвшей свѣчи, я улегся спать.

II.

Походъ противъ невѣжества.

На другой день я и одинъ молодой педагогъ, присоединившійся ко мнѣ въ Реннѣ, доѣхали по желѣзной дорогѣ до указанной мнѣ директоромъ компаніи польдеровъ, г-номъ П., станціи. У вокзала насъ дожидался экипажъ, въ которомъ намъ предстояло проѣхать десятка полтора верстъ до помѣстья г-на П. Послѣднее расположено рядомъ съ деревней Ро-сюръ-Куэснонъ (что̀ по-бретонски значитъ склонъ надъ рѣкой Куэснонъ). Пара сытыхъ бретонскихъ лошадокъ бойко подхватила нашу легкую колясочку, и мы покатили по прекрасному шоссе, устроенному компаніей. Дорога сначала шла по плоскости; по сторонамъ разстилались низины, покрытыя роскошною растительностью, и кое-гдѣ выглядывали изъ-за зелени черепичныя крыши небольшихъ фермъ; но затѣмъ, когда мы стали подыматься постепенно въ гору, пейзажъ нѣсколько измѣнился, принявъ болѣе дикій и суровый характеръ. Чѣмъ больше приближались мы къ нашей цѣли, тѣмъ чаще стали попадаться группы поселянъ въ праздничныхъ костюмахъ, шедшихъ пѣшкомъ или ѣхавшихъ въ одноколкахъ или верхомъ на осликахъ и направлявшихся, повидимому, туда же, куда и мы. Вскорѣ мы увидѣли колокольню Ро—ской церкви, а затѣмъ, поодаль отъ нея, расположенный на возвышенности двухъ-этажный каменный домъ, окруженный садомъ и цвѣтниками, который, по словамъ нашего возницы, принадлежалъ г-ну П.

На крыльцѣ насъ встрѣтилъ хозяинъ, который привѣтствовалъ насъ словами:

— Благодарю васъ, господа, что вы рѣшились заѣхать ко мнѣ именно сегодня: у насъ храмовой праздникъ; соберется

много богомольцевъ. Вы можете познакомиться съ мѣстнымъ населеніемъ и сдѣлать интересныя этнографическія наблюденія! А вы,—обратился онъ къ моему спутнику, котораго я только-что представилъ,—можете посѣтить нашу школу; она пользуется хорошей репутаціей.

Послѣдній поклонился въ знакъ согласія... и вдругъ, къ моему удивленію, передо мной разыгралась сценка, точно выхваченная изъ „Мертвыхъ Душъ".

— Прошу васъ пройти,—проговорилъ нашъ хозяинъ, указывая на двери и дѣлая жестъ рукой, какъ блаженной памяти Маниловъ, приглашавшій Чичикова войти въ горницу.

Молодой педагогъ, какъ человѣкъ, знакомый съ французскими провинціальными обычаями, энергично протестовалъ:

— За вами, только за вами! Мы слишкомъ молоды.

— Вы мои гости!

— Ни за что!.. Ни за что!

Г-нъ П. настаивалъ.

Наконецъ, мой компаньонъ, изобразивъ на лицѣ своемъ умилительную скромность, стремительно ринулся въ дверь, проговоривъ:

— Только изъ послушанія къ вамъ.

На этомъ церемонія закончилась.

Впослѣдствіи, при разныхъ посѣщеніяхъ, мнѣ пришлось испытать нѣсколько подобныхъ церемоній, и формула: „только изъ послушанія"—оказывалась очень кстати.

Улица мѣстечка, виднѣвшаяся съ террасы, на которой мы усѣлись, казалась очень оживленною.

Оставалось часа $1^1/_2$ до полудня, когда было назначено торжество, и всѣ жители деревушки были заняты лихорадочной работой.

Въ шести мѣстахъ устроивались возвышенія—reposoirs'ы, гдѣ священники во время обхода деревушки останавливаются, чтобы отслужить краткое молебствіе.

Часовенки эти устроиваются въ складчину нѣсколькими домохозяевами, при чемъ каждая группа старается перещеголять остальныхъ грандіозностью или изяществомъ своего сооруженія.

Небольшой квадратный помостъ со ступеньками обивается какой-нибудь цвѣтной матеріей, въ родѣ кумача. По угламъ укрѣпляются столбы, связанные сверху въ видѣ купола, а по срединѣ ставится столикъ съ статуэтками патрона. Главнымъ украшеніемъ этихъ временныхъ часовенокъ являются зелень и цвѣты.

Молодежь, съ усердіемъ хлопотавшая вокругъ своихъ соору-

женій, очень умѣло и со вкусомъ пользовалась имѣвшимся подъ ея руками матеріаломъ и понастроила уже нѣсколько очень изящныхъ кіосковъ.

Видя, что наши хозяева тоже очень заняты, мы спустились въ деревню посмотрѣть поближе на работающихъ.

Старухи и хозяйки были тоже очень заняты. Онѣ разстилали вдоль стѣнъ своихъ домовъ и заборовъ широкія и большія простыни, составляющія гордость каждой бретонки.

Простыни подвѣшивались при помощи тесемокъ и гвоздей и украшались тамъ и сямъ маленькими бутоньерками полевыхъ цвѣтовъ.

Скоро деревенскія улицы превратились въ бѣлые корридоры съ колыхающимися полотняными стѣнками, среди которыхъ прохаживались почтенныя матроны, критически поглядывавшія на простыни своихъ сосѣдокъ и съ гордостью любовавшіяся лоснящейся бѣлизною своихъ собственныхъ.

Бѣлая простыня, такимъ образомъ, является тутъ какъ бы знаменемъ хозяйки, эмблемой ея домовитости; чистота ихъ и цѣльность ихъ указываетъ на ея аккуратность; плотность и доброта—на ея состоятельность; количество—на умѣнье сберегать вещи.

Оказывается, что не всякой хозяйкѣ удается сохранить простыни въ такомъ видѣ, чтобы ихъ можно было вывѣсить съ чистою совѣстью на всенародное обозрѣніе, въ ясный солнечный день!..

Наука, впрочемъ, тутъ не при чемъ. Весь секретъ заключается въ умѣньѣ скопить много неупотребленныхъ ни разу простынь, чтò и является задачей всякой домовитой бретонки.

Какъ древняя славянка, украсивъ голову, грудь и шею ожерельями и монетами, указывала на богатство своего мужа, такъ и бретонка, вывѣсивъ побольше бѣлья, доказываетъ достоинство своего дома.

Обойдя деревню, мы направились въ школу.

Учитель, принявшій насъ очень любезно, не могъ, однако, долго оставаться съ нами, занятый тоже приготовленіями къ празднеству, и мы скоро остались вдвоемъ въ обширномъ классѣ этой дѣйствительно образцовой школы.

Естественно, что разговоръ нашъ перешелъ на судьбы народнаго образованія во Франціи.

Послѣ памятной войны 1870 г. во Франціи возникло, какъ извѣстно, стремленіе измѣнить коренным образомъ прежніе устои народной жизни, при существованіи которыхъ нація дошла до

такого позорнаго пораженія. Самые лучшіе и свѣтлые умы Франціи не побоялись указать на невѣжество, царившее среди народа, въ арміи и даже въ высшихъ слояхъ общества, и требовали энергичныхъ и скорыхъ мѣръ для расширенія и улучшенія народнаго образованія.

Въ 1871 г. „лига образованія“ пустила въ обращеніе по странѣ петицію о введеніи обязательнаго обученія, которая и была въ короткое время покрыта 1.267.227 подписями.

Съ тѣхъ поръ дѣятельность республиканскаго правительства была неизмѣнно направлена на осуществленіе плана, начертаннаго извѣстнѣйшими французскими педагогами, публицистами и мыслителями—дать даровое обученіе всѣмъ безъ исключенія дѣтямъ школьнаго возраста.

Поль Беръ выразился тогда, по поводу предстоявшихъ реформъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія надо быть скупымъ на время и расточительнымъ на деньги.

И дѣйствительно, по быстротѣ, съ которой велось дѣло, и по тѣмъ жертвамъ, которыя государству пришлось нести при осуществленіи ея,—реформа эта является безпримѣрной въ исторіи просвѣщенія.

Законъ 29-го марта 1882 г., который окончательно ввелъ обязательное и даровое обученіе, обезпечилъ за всѣми дѣтьми, живущими во Франціи, какъ богатыми, такъ и бѣдными, какъ горожанами, такъ и поселянами, какъ мальчиками, такъ и дѣвочками, право на полученіе первоначальнаго образованія, даже въ томъ случаѣ, еслибы родители по нерадивости или по невѣжеству не пожелали заботиться объ ихъ обученіи.

Законъ не остался мертвой буквой, а тотчасъ же воплотился въ жизни, найдя почву, подготовленную предшествующими законами, и былъ доразвитъ послѣдующими законоположеніями.

Однимъ изъ главныхъ условій для устройства школы является наличность хорошаго помѣщенія.

Проектируя громадное число училищъ, государство должно было озаботиться и о соотвѣтствующемъ количествѣ нужныхъ помѣщеній. Съ этою цѣлью было учреждено въ 1878 г. особое кредитное учрежденіе, называвшееся „кассой школъ“, которое выдавало по 1887 г., въ видѣ безвозвратныхъ субсидій и долгосрочныхъ ссудъ, деньги, нужныя для построекъ, перестроекъ и поправокъ школьныхъ зданій, сообразно съ требованіями педагогики, гигіены и архитектуры и на улучшеніе школьной мебели и учебныхъ пособій.

Всего, съ расходами, которые были приняты на себя депар-

таментами и общинами на этотъ предметъ, было употреблено при пособіи правительства свыше ½ милліарда франковъ.

Не надо забывать, что траты эти дѣлались въ то время, когда страна страдала подъ бременемъ долговъ, заключенныхъ для покрытія пятимилліардной контрибуціи.

Но этимъ правительство не ограничилось.

Текущіе ежегодные кредиты на народное образованіе вотируются палатою почти безъ возраженій.

Когда для новыхъ образцовыхъ школъ потребовались добавочные учителя, то министерство устроило, не медля, еще 16 учительскихъ семинарій для учителей и 77—для учительницъ. Программы этихъ заведеній расширены, пересмотрѣны и имъ отведены помѣщенія соотвѣтственно всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ.

Одновременно въ Парижѣ были основаны: педагогическій музей и центральная библіотека, стали издаваться многіе спеціальные журналы, а въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи для учащаго персонала открыто 2.683 педагогическихъ библіотекъ, заключающихъ почти 200.000 книгъ. Къ библіотекамъ этимъ пріурочены съѣзды учителей и учительницъ и сообщенія инспекторовъ по разнымъ педагогическимъ вопросамъ. Для взрослаго населенія стали устроивать вечерніе классы или повторительные курсы; для окончившихъ элементарную школу—открыты высшія начальныя школы, гдѣ лучшіе ученики получаютъ дальнѣйшее образованіе, большею частью общаго характера, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и спеціальное.

При начальныхъ школахъ устроены сады, сберегательныя кассы, библіотеки, музеи и баталіоны.

Школьныя общества помогаютъ бѣднымъ ученикамъ, давая имъ одежду, бѣлье, канцелярскія принадлежности, иногда даже пищу; они же раздаютъ разныя поощренія учителямъ и ученикамъ. На школьныхъ выставкахъ учителя ознакомливаются съ учебными пособіями и могутъ сравнивать результаты своего преподаванія при посредствѣ тетрадей сочиненій и задачъ, исполненныхъ ихъ учениками, съ тѣмъ, что̀ было достигнуто другими. Конкурсы поддерживаютъ ихъ интересъ къ различнымъ спеціальнымъ отраслямъ въ родѣ садоводства и пр.

Наконецъ, очень цѣнимый орденъ „академическія пальмы", вновь учрежденный и жалуемый всѣмъ лицамъ, выказавшимъ заслуги по народному образованію, служитъ стимулирующимъ началомъ, давая надежду всегда немного тщеславному французу попасть въ ряды „декорированныхъ".

Было бы слишкомъ долго перечислять все, что̀ сдѣлано для

развитія народнаго образованія во Франціи. Пришлось бы написать цѣлую книгу.

Нѣсколько сравнительныхъ цифръ будутъ въ этомъ случаѣ краснорѣчивѣе всѣхъ словъ.

При Бурбонахъ, до конца прошлаго вѣка, на начальное образованіе не давалось *ничего*.

Наполеонъ I былъ также противникомъ школъ для простого народа и находилъ ихъ „химерой", но назначалъ все-таки на нихъ ежегодную сумму, предоставленную въ распоряженіе духовныхъ конгрегацій, *4.000 фр.*

Людовикъ XVIII обѣщалъ очень много, но въ бюджетъ 1827 г. было внесено,—чтобы поощрить употребленіе полезныхъ книгъ и способствовать изысканію хорошихъ методовъ,—*всего 50.000 франк.*

Въ 1833 г., послѣ іюльской революціи, палата, по предложенію Гизо, вотируетъ на учительскія семинаріи и школы для бѣдныхъ *5 милліоновъ*.

Въ 1848 г. сумма эта возростаетъ до *12 милліоновъ*.

По закону 1850 г., школы переходятъ въ вѣденіе духовенства и пріостанавливаются въ своемъ развитіи.

Во время второй имперіи бюджетъ постепенно увеличивается и достигаетъ въ 1870 г. *24 мил. фр.*, но половина націи оставалась все-таки безграмотной.

Послѣ Седана знаменитыя слова Жюля Симона: „Народъ, у котораго лучшія школы — лучшій народъ. Если онъ не таковъ теперь, то онъ будетъ имъ завтра" [1])—прогремѣли какъ ударъ грома по всей Франціи и заставили задуматься многихъ.

Бюджетъ на школы возростаетъ сначала до 50 мил., потомъ до 100 и, наконецъ, въ послѣдніе годы достигаетъ—даже страшно сказать—до *175 милліоновъ франковъ* [2]).

Если сравнить Наполеоновскія 4 тысячи фр. съ этими 175 тысячами тысячъ, то окажется, что скачекъ сдѣланъ не маленькій, но зато и результаты тоже громадны.

Въ каждой школѣ на видномъ мѣстѣ красуются афиши, на которыхъ крупными буквами напечатано: L'oeuvre scolaire de la République. L'enseignement primaire.

Въ нихъ приведены сравнительныя данныя о состояніи народнаго образованія въ 1872 г. и за годъ, предшествующій тому, когда афиша была выпущена.

Въ залѣ, гдѣ мы сидѣли, виситъ тоже подобная афиша, хотя

---

[1]) Слова, помѣщенныя въ главѣ его сочиненія „L'école".

[2]) Вмѣстѣ съ расходами общинъ и департаментовъ. Правительство даетъ около 150 милліоновъ франковъ.

и нѣсколько устарѣвшая, однако, проглядывая, мы видимъ, что уже въ 1889 г. было 81.857 начальныхъ публичныхъ школъ, 90 мужскихъ и 86 женскихъ учительскихъ семинарій и свыше ста тысячъ учителей и учительницъ, обучающихъ около 6 милліоновъ дѣтей въ возрастѣ отъ 9-ти до 13-ти лѣтъ!

Ученіе происходитъ по программамъ, выработаннымъ въ 1886 г. и не ограничивающимся одной грамотностью, но значительно расширяющимъ предѣлы знаній, преподаваемыхъ въ элементарныхъ училищахъ.

Начальная французская школа стремится такъ воспитать ввѣреннаго ей ученика, чтобы изъ него впослѣдствіи могъ выработаться человѣкъ и гражданинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Въ идеальномъ своемъ построеніи она преслѣдуетъ не только образовательныя цѣли, но старается воспитывать ребенка, внушать ему первыя правила нравственности, добропорядочнаго поведенія, опрятности, умѣнья держать себя.

Она знакомитъ его съ основаніями гражданственности и не упускаетъ при этомъ изъ виду его физическаго воспитанія, развивая его силы и умѣнье пользоваться своими внѣшними ôрганами.

Во время своего пребыванія въ школѣ ученики проходятъ общій курсъ начальныхъ школъ (чтеніе, письмо, ариѳметика); затѣмъ въ програму введены: элементарныя свѣденія по французской литературѣ, исторіи, естествознанію, географіи, физикѣ и химіи, геометріи и законовѣденію. Кромѣ того, они ознакомливаются съ основами земледѣлія и садоводства, приноровленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ, и обучаются рисованію, лѣпкѣ и пѣнію.

Физическое воспитаніе заключается въ гимнастикѣ, военныхъ упражненіяхъ, ручномъ трудѣ, заботахъ о поддержаніи учениками чистоты и объ усвоеніи и соблюденіи первыхъ правилъ гигіены.

Наконецъ, нравственное воспитаніе ребенка раздѣляется на четыре отдѣла:

1) Первыя понятія о порокахъ и достоинствахъ человѣка.

2) Семья (обязанности по отношенію къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ и прислугѣ).

3) Отдѣльная личность (обязанности къ самому себѣ, внѣшнія блага, душа, отношенія къ другимъ людямъ и къ Богу).

4) Школа, общество и отечество.

Первая мысль, которая возникаетъ при ознакомленіи съ программой французской начальной школы, — та, что на практикѣ всего перечисленнаго въ ней нельзя пройти. Въ дѣйствительности

такъ и бываетъ. Программа служитъ лишь путеводной нитью учителю, источникомъ, откуда онъ черпаетъ, по мѣрѣ надобности, нужныя указанія, употребляя ихъ примѣнительно къ обстоятельствамъ. Положимъ, учебный день начался. Въ младшемъ курсѣ назначенъ урокъ французскаго языка; читается статейка, въ которой нѣсколько словъ непонятныхъ для дѣтей.

На вопросы: что это? отчего? и почему? учитель по возможности даетъ простыя объясненія, показываетъ предметы на картинахъ, достаетъ ихъ изъ школьнаго музея. Такимъ образомъ, во время этого чтенія онъ затронулъ, можетъ быть, съ учениками и естественныя науки, и исторію, и сельское хозяйство. Зерна знанія запали въ головки дѣтей.

Курсъ во французскихъ школахъ концентрическій. Черезъ нѣсколько времени дѣти вновь встрѣтятся съ этими понятіями, которыя будутъ объяснены имъ болѣе подробно, а на среднемъ и старшемъ курсѣ самое существенное будетъ сообщено имъ и въ связной формѣ.

Благодаря системѣ сопутствующихъ работъ, учитель можетъ научить многому учениковъ, на что, при другомъ пріемѣ преподаванія, не хватило бы времени. На урокѣ ариѳметики, говоря объ именованныхъ числахъ, учитель объясняетъ своимъ ученикамъ, что̀ такое квадратный метръ, выясняетъ имъ понятіе квадрата вообще (notions de géometrie), заставляетъ ихъ занести съ черной доски изображеніе квадрата къ себѣ въ тетради (урокъ рисованія) и вырѣзать его по опредѣленной мѣркѣ изъ картона или бумаги (упражненіе въ ручномъ трудѣ). Урокъ ботаники „о колосѣ“ соединяется съ урокомъ земледѣлія, а вычисленіе, сколько даетъ аръ, если посѣяно столько-то и каждое зерно дало самъ-15, составитъ уже урокъ ариѳметики.

Пользуясь, такимъ образомъ, каждымъ урокомъ, чтобы расширить кругозоръ ученика, облегчить ему усвоеніе всего новаго черезъ посредство стараго, укрѣпляя пройденное повтореніемъ и возбуждая его вниманіе постоянной смѣной предметовъ, облегчая его чисто-интеллектуальный трудъ физическими упражненіями, уроками пѣнія, рисованія, ручного труда и образовательными прогулками, — школа достигаетъ того, что ученики усвоиваютъ не только необходимое, т.-е. умѣнье грамотно писать, читать сознательно книги и умѣнье съ увѣренностью обращаться съ ариѳметическими выкладками, но и ознакомливаются съ тѣми общими, хотя и элементарными свѣденіями, безъ которыхъ, по выраженію Греара, нельзя теперь жить.

Намъ пришлось разъ пройти почти около четырехъ верстъ съ маль-

чикомъ, окончившимъ начальную школу. Ему было около 13-ти лѣтъ. Мы шли не торопясь, съ остановками, и имѣли время свободно побесѣдовать съ нимъ о самыхъ различныхъ предметахъ; онъ отвѣчалъ такъ разумно и такъ увѣренно, что дай Богъ любому взрослому человѣку. Онъ много уже съ толкомъ читалъ (книги были изъ школьной библіотеки) и по развитію своему ничуть не уступалъ гимназистамъ своего возраста. И такія дѣти—не исключеніе. Проѣзжая по французскимъ провинціямъ, особенно западнымъ и центральнымъ, видишь, что новая школа уже начала приносить свои плоды.

Положеніе учителей значительно улучшилось. Содержаніе ихъ увеличено до 1.200 франковъ, при чемъ они пользуются землей, находящейся при школѣ (во Франціи 50.350 школьныхъ садовъ), и часто получаютъ добавочное содержаніе. Законъ 1876 г. обезпечиваетъ имъ пенсію въ 600 фр. Циркуляръ 31-го іюля 1881 г. оформилъ ихъ политическое положеніе. Увольненіе ихъ, зависѣвшее прежде отъ каприза префекта, теперь предоставлено ихъ непосредственному начальству, которое должно принимать въ соображеніе лишь ихъ профессіональную дѣятельность, а не политическія убѣжденія.

Но вернемся къ описанію нашей поѣздки.

III.

Въ гостяхъ.

Служба въ церкви уже кончилась. Г-нъ П., его семейство и управляющій были на паперти, а за ними постепенно стали выходить и остальные.

Мужчины были одѣты: одни въ темные казакины бретонскаго покроя, съ широкими синими и красными поясами и съ широкополыми фётровыми шляпами на головахъ, а другіе, побѣднѣе, въ синихъ блузахъ и фуражкахъ.

Женщины, съ большими бѣлыми чепцами на волосахъ, разодѣлись по праздничному, причемъ нѣкоторыя нарядились въ довольно безвкусные городскіе костюмы, подражая „парижскимъ" модамъ.

По окончаніи богослуженія священникъ вышелъ къ ожидавшей его толпѣ вмѣстѣ съ сакристэномъ, который тотчасъ же занялся составленіемъ процессіи, при чемъ имъ было принято во вниманіе іерархическое значеніе каждаго участвующаго лица.

Впереди, вслѣдъ за священникомъ и церковнымъ мальчикомъ, шелъ сакристэнъ, руководившій дюжиной ребятишекъ—дѣвочекъ и мальчиковъ, двигавшихся попарно и разставленныхъ по росту. Участникамъ въ первой парѣ, чуть виднымъ отъ земли, было, кажется, не болѣе какъ по 6-ти лѣтъ. Слѣдующія дѣти были повыше и старше, хотя послѣднимъ двумъ, завершавшимъ колонну, на видъ было не болѣе 10-ти лѣтъ. Эти шесть дѣвочекъ, одѣтыя въ бѣлыя платьица, съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головѣ и крылышками изъ кисеи, вмѣстѣ съ 6-ю сопровождавшими ихъ мальчиками, одѣтыми тоже въ бѣлое, должны были изображать ангельчиковъ и херувимовъ.

У каждаго ребенка на ленточкѣ, перекинутой черезъ шею, повѣшена небольшая корзиночка, наполненная лепестками розъ и другихъ цвѣтовъ.

Потомъ, тоже парами, подъ предводительствомъ учителя, шли ученики мѣстной школы, изъ которыхъ нѣкоторые, участвующіе въ хорѣ, пѣли соотвѣтствующія случаю молитвы.

За учениками слѣдовали почетныя лица: г-нъ П. съ семьей, богатые сосѣдніе землевладѣльцы и, наконецъ, толпа народа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Порядокъ сохранялся четырьмя пожарными въ каскахъ, съ ружьями на плечахъ, подъ начальствомъ полевого сторожа. Послѣдній—отставной солдатъ и старый служака — относился къ своей роли съ полною серьезностью. Онъ, махая своей саблей, давалъ сигналъ къ выступленію, оглядывался на своихъ подчиненныхъ, еще молодыхъ парней, хотя и не отличавшихся надлежащей военной выправкой, но зато очень усердствовавшихъ. Когда же мы останавливались около часовенокъ, то онъ и команда его повертывались фронтомъ къ reposoir'у и дѣлали „на караулъ".

Херувимчики и ангельчики тоже не бездѣйствовали. Когда священникъ съ крестомъ подымался къ статуѣ, освящая reposoir, дѣти, имѣя сакристэна въ центрѣ, описывали, идя другъ за другомъ, окружность и сыпали при этомъ во всѣ стороны изъ своихъ корзинъ лепестки цвѣтовъ.

Мальчики шли слѣва направо, а дѣвочки—въ обратномъ направленіи. Послѣ чего они, по знаку сакристэна, пріостанавливались, мѣняли направленіе и вновь становились въ пары. Самыхъ маленькихъ, когда они выказывали наклонность путать что-нибудь, онъ направлялъ, взявши за руки, а остальныя шли уже по инерціи за другими. Ребятишекъ всѣ эти эволюціи повидимому страшно занимали, и видно было, что они въ это время дѣйствительно были, какъ говорятъ французы, „aux anges".

Бѣленькое платье, вѣнокъ, цвѣты, все это ново и веселитъ глазъ. О матеряхъ и говорить нечего. Онѣ всѣ находились, кажется, въ непреложномъ убѣжденіи, что дѣти ихъ на это время превратились въ свѣтлыхъ небесныхъ духовъ,—и даже онѣ забыли повидимому о своихъ простыняхъ.

На свѣжаго человѣка такія процессіи производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе.

Театральность обстановки такихъ церковныхъ празднествъ и весь ихъ внѣшній декорумъ должны настолько отвлекать вниманіе зрителей, что у нихъ не можетъ остаться ни времени, ни желанія заняться именно тѣмъ, ради чего собственно строятся эти часовенки и собираются всѣ богомольцы—молитвой.

По крайней мѣрѣ, въ той процессіи, которую я только-что описалъ, участвующимъ рѣшительно не было ни одной минуты свободной для того, чтобы сосредоточиться и придти въ молитвенное настроеніе. Ходили по селу, смотрѣли на дѣтей, обсуждали достоинство того или другого герозоіг'а, любовались упражненіями пожарныхъ или критически относились къ бѣлымъ колыхающимся стѣнамъ, вдоль которыхъ мы шли... но только не молились.

Несомнѣнно, что бретонцы очень ревностные католики, но только у нихъ рядомъ съ христіанствомъ уживается такая масса суевѣрій, предразсудковъ, историческихъ переживаній и различныхъ апокрифическихъ преданій, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, благодаря всѣмъ этимъ добавочнымъ вѣрованіямъ, образовались какіе-то особые спеціальные культы, подъ-часъ вовсе не соотвѣтствующіе духу ученія Христа.

Лучшимъ примѣромъ такого извращенія религіи можетъ служить существованіе въ окрестностяхъ Трегіé извѣстной часовни, посвященной Богородицѣ-Ненависти (Notre Dame de la Haine).

Капелла эта была, по всей вѣроятности, построена на мѣстѣ какого-нибудь дикаго и мстительнаго кельтическаго божества.

Туда, по словамъ извѣстнаго знатока Бретани, Эмилія Сувестра, ходили (не знаю, существуетъ ли она теперь) на поклоненіе всѣ желающіе какого-либо несчастія своему ближнему: жена молила о смерти ненавистнаго ей мужа, сынъ—объ ускореніи кончины отца, зажившагося на этомъ свѣтѣ и не передающаго ему наслѣдства, и всѣ они, какъ и тѣ, которые молились здѣсь 2.000 лѣтъ тому назадъ, твердо вѣровали, что божество исполнитъ ихъ ходатайства.

Совершенно миѳологическій характеръ имѣетъ также „Мадонна дверей“, которая, согласно мѣстнымъ легендамъ, является

ночью въ свѣтлыхъ одеждахъ къ дверямъ спящихъ земледѣльцевъ и даетъ имъ знать о хорошемъ урожаѣ.

Вѣра въ колдуній, фей, карликовъ, русалокъ, амулеты и проч. продолжаетъ существовать до сихъ поръ.

Впрочемъ, эти миѳологическія воззрѣнія не мѣшаютъ бретонцу быть вѣрнымъ католикомъ, и подъ-часъ даже фанатикомъ.

Статуи нѣкоторыхъ святыхъ, заслужившихъ репутацію чудотворныхъ, привлекаютъ къ себѣ тысячи богомольцевъ, которые стекаются къ нимъ въ установленные дни со всѣхъ концовъ Бретани.

Весьма значительною популярностью пользуется богомолье св. Анны Орейской, описаніе котораго, сдѣланное Майковымъ, мы приводимъ ниже.

Статуя св. Анны была открыта поселяниномъ Ивомъ Николайзикомъ въ 1825 г. и съ тѣхъ поръ прославилась многими чудесами.

Теперь на поклоненіе статуѣ стекается такая масса народа, что иногда нѣтъ возможности пробраться чрезъ толпы богомольцевъ; самое большое стеченіе народа бываетъ въ праздники Троицы и св. Анны. „Одни, — говоритъ Майковъ, — приходятъ въ одиночку для того, чтобы никто не мѣшалъ имъ въ молитвѣ; другіе являются цѣлыми семьями, а за неимѣніемъ послѣднихъ, соединяются съ односельцами, съ цѣлью составить хоры для пѣнія тропарей. Иногда можно видѣть цѣлое семейство, мать котораго тащитъ на рукахъ своего только-что родившагося младенца, а отецъ поддерживаетъ едва передвигающаго ноги старика; вотъ цѣлая группа моряковъ-рыболововъ плетутся къ храму босоногіе, безъ шапокъ, едва прикрытые одеждами, по обѣту: они были всего на шагъ отъ погибели во время бури, но призвали на помощь св. Анну, спаслись отъ вѣрной смерти, и теперь пришли отблагодарить свою заступницу и вручить духовенству тѣ деньги, которыя пріобрѣтены ими съ опасностью для жизни. Жители острова Іё, отдѣленные отъ материка крайне бурливымъ моремъ, и тѣ не страшатся отваживаться на поѣздку въ Сентъ-Аннъ за цѣлыхъ 60 льё; туда же заходятъ моряки арзонской коммуны съ полуострова Рюи, во исполненіе обѣта, даннаго еще ихъ отцами во время боя съ Рюйтеромъ, который случился тоже на недѣлѣ св. Троицы; сами они, дѣти, жены ихъ — все это какъ попало усаживается въ Портъ-Навалѣ въ рыбачьи лодки съ характеристичными кирпично-красными парусами; впереди двигается такая же лодка, но роскошно убранная разными яркими матеріями и цвѣтами, съ духовенствомъ и приходскимъ серебрянымъ кре-

стомъ. Въ день праздника со всѣхъ сторонъ видны подходящія процессіи, которыя всѣ собираются на такъ-называемой Каштановой площади въ Кераннѣ; во главѣ каждой изъ нихъ несутъ крестъ, хоругвь мѣстнаго святого и знамя коммуны; тутъ же въ толпѣ замѣтишь разодѣтыхъ дамъ и раздушенныхъ франтовъ, которые, также какъ и всѣ, идутъ къ сборному пункту пѣшкомъ, въ пыли, а экипажи ѣдутъ слѣдомъ, чтобы было на чемъ потомъ отдохнуть представителямъ аристократіи. Едва лишь замѣтятъ богомольцы башню Сентъ-Анны, какъ падаютъ на колѣни и затѣмъ уже тихими шагами, съ шапками въ рукахъ, подвигаются къ цѣли своего странствованія. Вокругъ священнаго колодца—постоянная давка; кто уже отдыхаетъ, сидя на ступенькахъ; кто моется, мочитъ руки, ноги, глаза, или пьетъ воду, которая, по убѣжденію жителей, имѣетъ цѣлебную силу; кто мѣрными шагами, безъ шапки, съ зажженною свѣчею въ рукахъ, словно еще не уходился, и во исполненіе даннаго обѣта, ходитъ по монастырскому двору; кто ползаетъ по двору на четверенькахъ, а кто и на животѣ, — есть, наконецъ, и такіе, которые ползкомъ взбираются на „Святую лѣстницу", вышиною футовъ въ 30, и прикладываются къ воздвигнутому на ея вершинѣ кресту".

Впрочемъ, бретонцы не всегда исполняютъ сами свои обѣты. Люди богатые, старые и больные, нанимаютъ часто вмѣсто себя представителей, которые продѣлываютъ то, что̀ требуется, за извѣстную плату.

Въ мѣстахъ значительныхъ богомолій всегда имѣются охотники для такого замѣстительства. Подъ наблюденіемъ богомольца, платящаго имъ деньги, они ползаютъ по цѣлымъ часамъ на колѣняхъ, на четверенькахъ, ходятъ босикомъ по камнямъ и т. д., доставляя такимъ подвижничествомъ душевный миръ своимъ нанимателямъ, которые съ чистою совѣстью возвращаются послѣ этого домой.

Рядомъ съ поклоненіемъ чудотворнымъ статуямъ въ Бретани, очень развито почитаніе мѣстныхъ патроновъ. Каждое мѣстечко и всѣ чѣмъ-либо замѣчательныя урочища имѣютъ своихъ особыхъ святыхъ — покровителей.

Приношенія, которыя дѣлаются имъ, различаются сообразно съ данной мѣстностью и личностью патрона. Инымъ приносятъ хлѣбъ, другимъ пряжу, третьимъ шерсть; св. Антонію же, какъ утверждаетъ Бодвинъ, принято подносить почти исключительно свиные окорока, а св. Элою — лошадиные хвосты.

Собранныя такимъ образомъ жертвы тутъ же у церкви про-

даются съ публичнаго торга, при чемъ священники выручаютъ иногда за одинъ аукціонъ отъ 1.500 до 2.000 фр.

Насколько бретонецъ преданъ своему патрону, настолько же онъ равнодушенъ къ тѣмъ, къ которымъ не имѣетъ отношенія.

Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, „Les feuilles détachées", покойный Э. Ренанъ приводитъ разсказъ, очень популярный въ Бретани, который характеризуетъ бретонцевъ съ указанной точки зрѣнія.

Въ одной деревенькѣ, во время проповѣди, всѣ присутствовавшіе въ церкви, тронутые краснорѣчіемъ священника, проливали горькія слезы. Какой-то незнакомый парень, стоявшій въ теченіе всей проповѣди оперщись на коллону, поразилъ молящихся своею холодностью и полнѣйшимъ равнодушіемъ.

— А вы... не плачете?—обратились къ нему съ вопросомъ.

— Я!—отвѣтилъ онъ съ удивленіемъ.—Да вѣдь я изъ другого прихода...

Собравшись въ домѣ г-на П. и усѣвшись на террасѣ, мы уже готовились начать завтракъ, какъ появился полевой сторожъ со своей командой, чтобы принести личныя поздравленія почтеннѣйшему гражданину мѣстечка. Г-нъ П. приказалъ подать вина и пошелъ распить его со старикомъ. Тотъ браво вытянулся во фронтъ и пожелалъ здоровья по-военному; спутники же его, снявши свои мѣдныя каски, выразили почтительное merci.

— Нашъ завтракъ,—сказалъ вернувшійся хозяинъ,—является какъ бы предварительной кулинарной иллюстраціей къ предстоящей поѣздкѣ вашей на польдеры. Вотъ два продукта, которые славятся во всей Европѣ: баранина, называемая de pré salé (съ соленыхъ пастбищъ) и спаржа съ только-что добытыхъ польдеровъ.

— Какія же спеціальныя свойства вашей баранины?

— У нея особый солоноватый и немного ароматичный привкусъ, очень цѣнимый потребителями. Происходитъ онъ вслѣдствіе того, что овцы здѣсь кормятся особымъ видомъ низенькой травы агростисъ-маритима, ростущей на мѣстахъ, заливаемыхъ морской водой въ большіе приливы. На такой почвѣ никакія другія растенія не могутъ выживать, такъ какъ морская вода настолько ѣдка, что совершенно сжигаетъ ихъ; для агростисъ же она даже полезна.

— Для насъ агростисъ-маритима имѣетъ еще другое значеніе,—добавилъ старшій сынъ г-на П., завѣдывающій сельскохозяйственными культурами:—когда трава эта покрываетъ въ надлежащемъ количествѣ, т.-е. почти безъ перерывовъ, вновь под-

нявшуюся изъ моря отмель, то эти послѣднія считаются созрѣвшими и ихъ превращаютъ изъ польдеровъ, какъ ихъ называютъ, въ культурныя поля...

— На которыхъ разводится вотъ эта спаржа и артишоки! — прервала его, улыбаясь, хозяйка, указывая на вносимыя слугою блюда. — Прошу васъ попробовать ихъ.

Мы усердно ѣли и то, и другое, и все было отмѣнно. Мясо морскихъ барашковъ нѣжно, очень сочно и хотя обладаетъ какимъ-то чуть-чуть ощутимымъ намекомъ на море, но именно это свойство придаетъ ему особую пикантность и прелесть. Спаржа сочна, полновѣсна и по нѣжности вкуса не уступаетъ своей соперницѣ—аржантельской спаржѣ, которая до того царила по всей Франціи. Объ артишокахъ и говорить нѣчего. Это цѣлые кочни, точно капуста на крестьянскомъ огородѣ.

Послѣ довольно продолжительнаго завтрака, всѣ вышли на балконъ.

— Пріятно имѣть такого любезнаго сосѣда, какъ ваше море, — сказалъ я, обращаясь къ хозяину; — оно доставляетъ очень недурныя вещи. Викторъ Гюго рисуетъ его грознымъ, злымъ, — демономъ разрушенія, а не творцомъ экономическихъ цѣнностей.

— Какъ видно, поэзія не всегда сходится съ практическою жизнью. Море наше не только любезно, но и щедро. Ежегодно оно даритъ нашей компаніи отъ 100 до 200 гектаровъ „спѣлыхъ“ польдеровъ, которые представляютъ доходность приблизительно отъ 200 до 500 тысячъ франковъ. Вотъ полумилліонный доходъ, который хотя и не стоитъ въ бюджетѣ, но уплачивается моремъ аккуратнѣе, чѣмъ людскія подати, и ежегодно увеличиваетъ на это количество земли національную территорію.

— Давно вы тутъ хозяйничаете?

— Наша компанія пріобрѣла право эксплуатаціи прибрежныхъ отмелей уже давно. Сначала дѣло шло съ большимъ трудомъ. Надо было выработать пріемы, съ которыми вы ознакомитесь при осмотрѣ, найти подходящій персоналъ, а главное, поладить съ прибрежными жителями. Мы осушили болота, которыя обезцѣнивали ихъ земли, сдѣлали предохранительныя дамбы вдоль двухъ протекающихъ тутъ рѣчекъ, заливавшихъ во время дождей ихъ луга, и одну углубили настолько, что она стала судоходной, провели шоссе и ввели въ здѣшнія мѣста массу полезныхъ пріемовъ и новыхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій.

— Но лишили прибрежныхъ жителей намытой земли, которою они могли бы воспользоваться?

— Не совсѣмъ такъ. Наша компанія получила право пользоваться берегомъ отъ правительства, продавшаго ей за 300 тысячъ франковъ пространство около 4-хъ тысячъ гектаровъ будущихъ земель, которыя должны были поступить въ наше полное распоряженіе. Но ихъ вѣдь надо было добыть. Пока же, какъ недоступныя культурѣ и покрываемыя два раза въ сутки морскимъ приливомъ, онѣ были для насъ неосуществленными еще надеждами. Я не говорю уже о томъ, что почти вся отвоеванная отъ моря земля поступаетъ въ распоряженіе тѣхъ же жителей, которые покупаютъ ее или поселяются на ней въ качествѣ фермеровъ. Компанія почти ничего не эксплуатируетъ сама. Хотя я и хозяйничаю здѣсь, обладаю значительнымъ участкомъ земли и въ качествѣ директора компаніи стараюсь дѣлать различные опыты и вводить улучшенія, которыя могли бы поднять еще болѣе производительность польдеровъ и дать возможность арендаторамъ земли извлечь изъ нея возможно больше дохода при минимальныхъ затратахъ,—но въ экономическомъ отношеніи я тоже фермеръ компаніи, только привилегированный и болѣе крупный.

— Развѣ жители не могли бы сами заняться укрѣпленіемъ намывныхъ земель?

— Нѣтъ! для этого у нихъ не хватаетъ ни предпріимчивости, ни знанія, ни капиталовъ. Вотъ примѣръ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наши сосѣди, крестьяне одной изъ близлежащихъ деревень, образовали компанію для арендованія у государства нѣсколькихъ прибрежныхъ польдеровъ. И что же вышло?—На слѣдующій же годъ они отказались отъ своей аренды и бросили начатое дѣло. Тамъ, гдѣ приходится въ теченіе 5, 10 и даже 15 лѣтъ заниматься работами, не получая дохода и съ одной смутной надеждой вернуть затраченный капиталъ еще черезъ такой же промежутокъ времени, маленькія и небогатыя крестьянскія товарищества почти безсильны.— Въ послѣднее время, впрочемъ, наши крестьяне стали понемногу развиваться, и теперь уже рѣже приходится наталкиваться на такія безобразія, которыя встрѣчались тутъ раньше. Цѣлыми вѣками здѣшніе туземцы сидѣли окруженные болотами, болѣли лихорадками, и все-таки не предпринимали ничего, увѣряя, что ихъ болота не могутъ быть осушены, такъ какъ они-де у нихъ „особенныя“, и къ нимъ и приступиться нельзя. Теперь же, когда они приведены въ культурное состояніе, они сами не нахвалятся производительностью почвы!

Мы помолчали.

— Невѣжество и пьянство—вотъ враги, противъ которыхъ мы должны тутъ бороться, и боремся неустанно.

— Полюбуйтесь на нихъ!—закончилъ онъ свою рѣчь ироническимъ возгласомъ, указывая рукой (мы сидѣли еще на террасѣ) на трехъ бретонцевъ, которые, обнявшись и горланя пѣсни, шли, качаясь, по улицѣ.—Они теперь во всей своей красѣ.

Въ отличіе отъ большинства французовъ, бретонецъ пьетъ не столько для удовольствія и времяпрепровожденія, сколько для того, чтобы напиться. Поэтому рядомъ съ виномъ и сидромъ у нихъ потребляется не мало водки или, по здѣшнему,—огненной воды (guin ardent), дѣйствующей развращающимъ образомъ на населеніе.

Французскихъ публицистовъ, занимающихся этимъ вопросомъ, приводитъ въ отчаяніе привычка бретонцевъ напиваться при совершеніи всякаго рода сдѣлокъ—продажѣ и покупкѣ земли, сбытѣ и пріобрѣтеніи на базарахъ и ярмаркахъ скота, сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, добычѣ отъ рыбной ловли и проч., такъ какъ подобное несвоевременное употребленіе вина крайне вредно отзывается на ихъ экономическомъ благосостояніи. Не мало встрѣчается пьяныхъ во время праздниковъ и даже на богомольяхъ...

Бретонцы, въ этомъ случаѣ, подумалъ я, стремятся, очевидно, подтвердить на дѣлѣ пословицу своихъ русскихъ собратьевъ, гласящую, что „кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ". Впрочемъ, насколько мнѣ удалось замѣтить, молодежь, которая разгуливала по улицамъ мѣстечка, не думала въ этомъ случаѣ слѣдовать примѣру старшихъ.

— Кажется,—обратился я къ г. П.,—что главными кліентами распивочныхъ являются представители пока еще прежняго поколѣнія, бывшіе подъ „властью тьмы". Подождите, какъ скажутся результаты школы!

— Да!—оживился мой собесѣдникъ:—мы на нихъ возлагаемъ большія надежды, и потому компанія считаетъ въ своихъ интересахъ субсидировать всѣ школы околотка; онѣ находятся въ прекрасномъ состояніи и могутъ похвалиться уже теперь порядочными результатами.

IV.

На польдерахъ.

Польдеры представляютъ своеобразное зрѣлище.

Руководившій осмотромъ, старшій сынъ нашего хозяина привезъ насъ сначала на вновь пріобрѣтенный польдеръ, засаженный спаржей.

Погода, вполнѣ ясная утромъ, испортилась немного, и все небо заволоклось тучами. Передъ нами разстилался квадратъ въ 10 десятинъ съ почвой сѣроватаго цвѣта, не покрытой ни единой травкой. Кругомъ сѣрыя дамбы, надъ ними сѣрое небо. На лицѣ моего спутника отражается сумрачное настроеніе. Ни зелени, ни солнца. По дамбамъ проложены рельсы,—и рослая нормандская лошадь везетъ куда-то нѣсколько вагонетокъ съ сѣрымъ пескомъ. Пустынно и уныло; кажется, что все умерло, и въ то же время чудится, что кругомъ кроется какая-то невѣдомая таинственная сила, заключенная здѣсь человѣкомъ. Слѣды его дѣятельности, эти высокія дамбы, рельсы и канавы постепенно начинаютъ выдѣляться на общемъ тускломъ фонѣ. Вся поверхность польдера покрыта невысокими гребнями, въ родѣ грядокъ, между которыми сочится вода отъ вчерашняго дождя. Ни признака растительности; гдѣ же жатва? Не подъ землей ли? Такъ и есть. Кое-гдѣ на верхушкахъ гребней чуть-чуть виднѣются маленькія головки несрѣзанной утромъ спаржи.

Вотъ и всѣ признаки того, что эта однообразно пепельная равнина находится подъ культурой. Послѣдняя доведена до такого совершенства, что всѣ внѣшніе аттрибуты оказалось возможнымъ упразднить. Поэтому тутъ уже не поле въ нашемъ смыслѣ слова, а скорѣе фабрика органическаго азота и углерода!

Химическій анализъ теперь даетъ точныя данныя о составныхъ частяхъ танги,—какъ называется здѣсь песокъ, составляющій почву польдера,—а метеорологія, физіологія растеній и опытныя данныя указываютъ на условія, которыя будутъ сопровождать развитіе того или другого растенія, и возможные результаты.

Морской климатъ гарантируетъ землевладѣльца какъ отъ большихъ засухъ, такъ и отъ неожиданныхъ разрушительныхъ холодовъ, этихъ двухъ бичей, составляющихъ отчаяніе жителей странъ съ континентальнымъ климатомъ. Вредъ отъ слишкомъ частыхъ дождей устраняется отводными канавами.

А градъ, а насѣкомыя и потравы? О нихъ и не думаютъ. Граду нечего выбивать; съ насѣкомыми умѣютъ бороться; потравъ тутъ не существуетъ.

А истощеніе земли? Его не предвидится; если же оно наступитъ, то средство исправленія—подъ рукой.

Хозяевамъ тутъ незачѣмъ бѣгать въ поле и безпокоиться объ урожаѣ, стараясь разрѣшить мудреный вопросъ—выйдетъ ли что-нибудь изъ ихъ хлопотъ, или не выйдетъ.

Они дѣйствуютъ почти навѣрняка. Съ весны уже, окончивъ работы по посѣву и посадкѣ, владѣлецъ можетъ, сидя у себя въ

кабинетѣ, на листочкѣ бумаги сообразить количество предстоящаго дохода.

Десять десятинъ по полторы тысячи дадутъ около 15 тысячъ франковъ. Обработка по 750 фр. за десятину=7.500 франкамъ. Излишекъ дохода надъ расходами $7^1/_2$ тыс. франковъ 5% рента за землю,—считая десятину въ 5.000 фр.=2.500 фр. Предпринимательскихъ чистыхъ за хлопоты—5 тысячъ франковъ.

Осенью владѣлецъ такого поля идетъ въ банкъ и кладетъ на текущій счетъ, если онъ собственникъ земли, отъ 7 до 8 тысячъ франковъ, а если арендаторъ—5, и, забросивъ мимоходомъ въ казенное учрежденіе большія, хотя въ сущности незамѣтныя при равномѣрной и значительной доходности земли, повинности, ѣдетъ „отдыхать" и жуировать въ Парижъ.

Мнѣ припоминается, въ моментъ осмотра этихъ сѣрыхъ полей-фабрикъ, тоже десяти-десятинная „клѣтка" на крестьянскомъ полѣ—въ яровомъ клину въ одной изъ степныхъ губерній. Чего только тутъ нѣтъ: просо и пшеница, овесъ и гречиха, подсолнухи и картошка. По межникамъ буйно ростутъ бурьяны, которые привольно расположились и среди хлѣбовъ; авсюкъ предательски забрался въ овесъ и, выкинувъ колосъ, спѣшитъ обсѣмениться, прежде чѣмъ его скосятъ. Вдоль дороги тянутся огрѣхи, непропаханные за недосугомъ, а всѣ углы сбиты проѣзжающими, которымъ лѣнь было объѣхать хлѣбъ по дорогѣ. Въ одномъ полѣ не разберешь, что̀ ростетъ. Полоса эта—вдовья. Она весной просила „человѣчка" пособить ей за деньги, и онъ согласился, да все тянулъ и тянулъ, и довелъ до того, что настоящее время посѣва прошло, а въ полѣ выросли только сорныя травы, да кое-гдѣ виднѣется колосокъ засѣяннаго ячменя.

Вслѣдствіе плохой и несвоевременной обработки и посѣва всходы неровны и не радуютъ хозяйскаго глаза.

На пасхѣ ужъ очень мужики какъ-то запраздновались и время пропустили, а тутъ и сушь прихватила. Солнце палитъ немилосердно. Проходитъ недѣля—нѣтъ дождя, проходитъ вторая—тоже. Вотъ и мѣсяцъ истекъ, а дождя нѣтъ какъ нѣтъ. Совсѣмъ хлѣба̀ стали желтѣть. Бѣгали, бѣгали крестьяне на поля и перестали наконецъ. Понять нельзя, что̀ за причина. Ужъ не Божье ли наказаніе за наши грѣхи? Надо бы съ крестнымъ ходомъ пойти. Пригласили священника, обошли поля, молились горячо, отъ сердца молились, а дождя все нѣтъ.

Вдали, впрочемъ, показалась туча, да бокомъ она какъ-то плыла, въ сторону. Стали тогда бабы другъ друга водой окачивать, чтобы дождь притянуть, да не удалось,—туча мимо прошла.

Появились жучки.—Отъ суши!—рѣшили въ одинъ голосъ старики. И какъ только времечко, ретивый хозяинъ бѣжитъ на свое поле и удивляется.—Скажите пожалуйста, всего половину только съѣлъ и дохнуть сталъ. Съ чего бы это?

Но всему вѣдь есть мѣра. Насталъ, наконецъ, желанный день. Пошелъ дождь. Да еще какой—съ грозой и бурей! Загрохоталъ громъ, засверкала молнія, полили цѣлыя рѣки дождя. Земля пьетъ и напиться не можетъ. По ярамъ вода несется бурнымъ потокомъ, заливая берега точно гдѣ-нибудь въ заправскихъ горахъ; мѣстами даже водопады стали образовываться; вѣтеръ рветъ и мечетъ. Лица просвѣтлѣли, и радость охватила всѣхъ отъ мала до велика. Даже безсловесная скотина, набивавшая уже себѣ двѣ недѣли животы одной пылью, за неимѣніемъ травы, воспрянула духомъ. Но прошла недѣля, и оказалось, что дѣло почти такъ же скверно, какъ и прежде. Плохіе хлѣба такъ плохими и остались, а хорошіе по лощинамъ, вмѣстѣ съ огородомъ, коноплянниками и бакшами, водою поразмыло или иломъ занесло. Вотъ развѣ гречихи и проса—тѣ такъ дѣйствительно значительно поправились.

Осенью съ клѣтки собрали немного соломы, мало хлѣба, но много бурьяну.

Свадьбы, однако, справили, но на текущій счетъ ничего не клали. Подати, понатужившись, уплатили, но не всѣ, и недоимочку увеличили. Зимой остались на сухояденіи.

— Надоѣлъ одинъ сухой хлѣбъ,—говоритъ какой-нибудь изъ обиженныхъ судьбою.

— А ты бы позанялся въ огородѣ, какъ въ полѣ не было работы,—вотъ зимой на приварокъ и было бы. Огородъ у рѣки, а капуста не была полита, навозъ подъ бокомъ валялся, а гряды не удобрены. Чего смотрѣлъ? Иначе и быть не могло!

— Вона! поливать ее еще! Богъ захочетъ, такъ и на печкѣ уродитъ. Да и не мужицкое дѣло огородъ, а бабье... Намъ не сподручное...

Здѣшніе хозяева—другого мнѣнія. И на огородинѣ тысячи берутъ.

Правда, что тысячи эти даются имъ не даромъ.

Природа—хорошая работница, но надо умѣть взять ее въ руки, а не быть у нея самому на побѣгушкахъ.

Добываніе и укрѣпленіе польдеровъ является одною изъ побѣдъ разума и воли человѣка надъ слѣпыми силами природы. А одна такая побѣда имѣетъ больше значенія, въ смыслѣ пользы и интереса, чѣмъ десять побѣдъ людей надъ людьми.

Бухта Сенъ-Мишель, въ которой работаетъ компанія польдеровъ, имѣетъ полукруглую форму. Начиная отъ мѣстечка Канкаль, береговая линія идетъ пологимъ выгибомъ до устья рѣки Куэснонъ, вдается въ материкъ около города Авранша, гдѣ впадаетъ рѣчка Селюнна, и заканчивается вблизи города Гранвиля. Пространство, занимаемое заливомъ, равняется 300 кв. километрамъ.

Заливъ обнажается во время отлива и покрывается водой во время прилива. Дно его представляетъ ровную, понижающуюся по мѣрѣ удаленія отъ берега, поверхность, среди которой одиноко возвышаются два скалистыхъ островка—гора Сенъ-Мишель, съ знаменитымъ монастыремъ того же имени, и островокъ Томбелэнъ.

Разница между уровнями высокой и низкой воды тутъ исключительно велика.

На остальномъ побережьѣ Франціи она бываетъ обыкновенно въ 4—5 метровъ и только во время большихъ, полугодичныхъ приливовъ достигаетъ 6—7 метровъ. Здѣсь же она подымается до 10—12½ метровъ. Подобной высоты приливы бываютъ только въ двухъ мѣстахъ—въ Севернѣ, въ Англіи, и въ заливѣ Фунди, въ Новой Шотландіи [1]). Происходитъ это явленіе вслѣдствіе того, что теченіе подымающейся воды, которая наталкивается на острова Гернесей и Джерсей и на два маленькихъ архипелага, замедляется въ своемъ движеніи, между тѣмъ какъ съ юга вода протекаетъ свободно въ заливъ и наполняетъ его. Прежде чѣмъ уйти обратно, вода эта подпирается подоспѣвшимъ теченіемъ, обогнувшимъ острова, которое и подымаетъ значительно ея уровень. Но это не все. Еще одно теченіе прилива, которое въ это время успѣло обогнуть Британскіе острова, вливается въ заливъ, проникнувъ сюда черезъ Па-де-Калэ, и сталкивается съ водами Атлантическаго океана, начинающими отливать.

Можно себѣ вообразить, что̀ должно дѣлаться въ заливѣ, когда вся эта масса воды, количество которой опредѣляется 1.300.000.000 куб. метровъ,—чего было бы достаточно для питанія такой рѣки, какъ Сена у Парижа, въ теченіе 60 дней,—надвигается на островъ Сенъ-Мишель! Въ нѣсколько секундъ десятки верстъ песчаной равнины, окружающей островъ, исчезаютъ подъ необозримой скатертью воды. Волны хлещутъ какъ бѣшеныя, вода надвигается съ ошеломляющей быстротой, и всѣ эти три прилива, которые въ теченіе нѣсколькихъ часовъ должны размѣститься въ бухтѣ и придти въ равновѣсіе, образуютъ при этомъ

---

[1]) Elisée Reclus: „Géographie Universelle", t. II. France, p. 605 et autres.

очень опасные водовороты, которые затрудняютъ движеніе парусныхъ судовъ.

Старые бретонскіе моряки, говоря о горѣ Сенъ-Мишель, не иначе называли ее, какъ „Погибелью въ морѣ".

Во время мартовскихъ и сентябрьскихъ приливовъ высота воды достигаетъ тутъ своего апогея, подымаясь иногда на высоту 14—15 метровъ.

Быстрота прилива настолько велика, что, какъ говорятъ, всадникъ верхомъ на хорошей лошади не всегда въ состояніи даже галопомъ ускакать отъ набѣгающей воды. Какъ только на горизонтѣ за островомъ показалась голубовато-бѣлая полоска прилива и послышался отдаленный рокотъ, предвѣщающій его приближеніе, приходится спасаться на берегъ. Мѣшкать нельзя. Горе тому, кто не успѣетъ убраться во-время! Дойдя до своего предѣла, море быстро, бурля и пѣнясь, уходитъ назадъ.

„Глядя на отливъ,—говоритъ Гюи-де-Мопасанъ,—кажется, что кто-то властною рукою сдергиваетъ бѣлый вуаль, покрывавшій дно, и обнажаетъ его, чтобы открыть любопытнымъ тайники моря".

Дно залива мѣстами твердо настолько, что по немъ можно свободно ходить; мѣстами же, тамъ, гдѣ рѣчныя воды, теряющіяся въ пескахъ, разжижаютъ ихъ, оно лишено всякой устойчивости. Такіе топкіе участки называются „лизами" (lises). При дневномъ свѣтѣ опытный глазъ можетъ отличить ихъ по слившейся блестящей поверхности, тогда какъ на твердыхъ пескахъ море, уходя, оставляетъ слѣды потековъ. Но вечеромъ и ночью такія трясины очень опасны, такъ какъ, кромѣ указаннаго признака, очень трудно различить ихъ, и онѣ ничѣмъ не выдаютъ себя. Вступивъ на „лизу", пѣшеходъ чувствуетъ свои ноги погруженными до щиколки. Дѣлая усиліе, чтобы высвободиться, и растаптывая подъ собою песокъ, онъ погружается все дальше и дальше, пока его не затянетъ совсѣмъ съ головой.

Разсказываютъ, что зыбучіе пески затягивали иногда цѣлые корабли, которые, попадая на мель, не успѣвали убраться съ отливомъ, экипажи съ лошадьми, сбившимися въ туманѣ съ дороги, неопытныхъ богомольцевъ и слишкомъ предпріимчивыхъ туристовъ. Единственное спасеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда попадешь на „лизу"—лечь на спину и катиться до болѣе твердаго мѣста. Иногда удается переправиться черезъ нихъ, пробѣжавъ ихъ во весь духъ, но слѣдующее лицо не должно бѣжать по проложеннымъ слѣдамъ, а выбирать свѣжее мѣсто. При продолжительномъ стояніи на мѣстѣ и обыкновенный песокъ превращается въ „лизу" и начинаетъ затягивать.

Вотъ на этомъ-то пескѣ компанія польдеровъ задумала основать свое благосостояніе.

Вслѣдъ за морской водой течетъ прѣсная изъ рѣки Куэснона, Селюнны и еще нѣсколькихъ незначительныхъ ручейковъ.

Не встрѣчая сопротивленія въ наносномъ пескѣ, потоки эти постоянно мѣняли свои русла, бросаясь изъ стороны въ сторону, образовывали трясины и, разливаясь отъ весеннихъ и осеннихъ дождей, способствовали образованію болотъ и затопленію культурныхъ земель. Самой опасной и капризной была рѣчка Куэснонъ, служащая границей между Бретанью и Нормандіей, про которую поется въ одной бретонской пѣсенкѣ, что: Couesnon par sa folie mit Saint Michel en Normandie, т.-е. Куэснонъ, перемѣнивъ теченіе и протекая теперь мимо западной части острова, перенесъ этотъ искони бретонскій монастырь въ Нормандію.

Такимъ образомъ, у піонеровъ, выступившихъ для завоеванія польдеровъ, оказалось три врага: море, рѣки и движущіеся пески.

Морской приливъ въ 15 метровъ высоты, т.-е. выше трехъэтажнаго дома, разливъ рѣкъ, затоплявшій сотни десятинъ и бездонныя трясины—тутъ есть надъ чѣмъ задуматься! Надо обладать большою отвагою и силою, идя на бой съ такими противниками, и много знанія, чтобы успѣшно бороться съ ними.

Первою заботою компаніи было укрѣпленіе береговъ рѣки Куэснона и устройство канала въ 5.600 метровъ длины для пропуска ея въ море. На первыхъ 4.000 метровъ протяженія канала предстояло выкопать и вывезти около двухъ милліоновъ кубическихъ метровъ земли. Сдѣлать это обыкновенными средствами было слишкомъ дорого. Куэснонъ и море приглашены были исполнить эту работу. Они охотно окончили ее въ одно лѣто. Инженеры въ нужномъ направленіи выкопали канаву, по которой направили рѣку, обведя ее солидной плотиной, устроенной между двумя большими приливами, укрѣпили берега будущаго канала свободно наброшенными камнями, и дѣло пошло само собой. Воды моря и воды рѣки размывали землю между обоими берегами. Камни на послѣднихъ садились внизъ, а когда вода вынесла достаточно земли, то они были укрѣплены надлежащимъ образомъ.

Остальные 1.600 метровъ шли по низкому мѣсту, и поэтому надлежало не углублять дно канала, а возвысить его берега. Море любезно исполнило и эту работу, наслоивъ на подставленные ему валики нужное количество песку. При всемъ томъ устройство канала обошлось въ милліонъ франковъ.

Такъ же были укрѣплены и направлены по опредѣленнымъ

русламъ и остальные водяные потоки, кочевавшіе вдоль береговъ, и такимъ образомъ мѣстность избавилась отъ трясинъ. Но пока онѣ были, устройство защитныхъ дамбъ представляло неимовѣрныя трудности. Приходилось работать на неустойчивомъ грунтѣ, покрываемомъ два раза въ день водою, рискуя, что все насыпанное во время отлива будетъ разрушено и размыто приливомъ. Освободивъ побережья отъ бродячихъ рѣчныхъ водъ, компанія гарантировала регулярное образованіе польдеровъ.

Оставляя каждый день дань землѣ въ видѣ слоя песка и ила и возвышая почву, море принуждаетъ само себя отодвигаться назадъ. Когда прибрежная часть дна поднимется настолько, что ее покрываетъ лишь въ очень большіе приливы и на ней заводится агростисъ-маритима, то польдеръ считается спѣлымъ. Его обводятъ со стороны моря солидными насыпями, имѣющими въ основаніи отъ $14^1/_2$ до 19 метровъ ширины и высоту, разсчитанную такимъ образомъ, чтобы верхняя часть ихъ была на $1^1/_2$ метра выше наибольшаго прилива. Затѣмъ польдеръ пересѣкается канавами, земля изъ которыхъ служитъ для засыпки ямъ и низкихъ мѣстъ, въ которыхъ застаивается морская вода. Канавы эти устроиваются не только для осушенія польдеровъ, но и для стока дождевой воды.

Послѣдняя не можетъ быть оставляема на полѣ, такъ какъ при изобиліи въ этихъ мѣстностяхъ дождей она могла бы вредить растительности, не говоря уже о томъ, что свободный стокъ ея нуженъ еще для промывки почвы. Съ этой цѣлью польдеры распахиваются тотчасъ же послѣ отдѣленія ихъ отъ моря, и землю держатъ въ рыхломъ состояніи, пропахивая ее отъ времени до времени, до тѣхъ поръ, пока дождевая вода не вымоетъ изъ почвы излишка заключающихся въ ней морскихъ солей.

Во избѣжаніе возвращенія морской воды черезъ сточныя канавы, на этихъ послѣднихъ устроены автоматическіе запиратели, которые выпускаютъ воду изъ польдеровъ, но не пускаютъ ее обратно. Затѣмъ къ польдеру строятъ шоссе, устроиваютъ среди него ферму, состоящую изъ жилого помѣщенія, конюшни, сарая для рогатаго скота, амбара для зерна и корма, и желѣзную или каменную цистерну для воды, вмѣстимостью въ 5—6 тысячъ литровъ, такъ какъ колодцы тутъ, конечно, немыслимы. Послѣ чего ихъ отдаютъ въ аренду, на сроки въ 9 или 12 лѣтъ, или же продаютъ.

Устройство польдера (обведеніе его дамбой и дальнѣйшія работы) обходится компаніи по 700 франк. за гектаръ въ заливѣ Сенъ-Мишеля и по 2.000 фр. въ заливѣ Вей.

Арендная плата колеблется между 200 и 300 фр., а покупная стоимость между 2.500—5.000 франками.

Въ тѣхъ польдерахъ, которые примыкали къ береговымъ помѣстьямъ и арендовались владѣльцами ихъ, фермъ не устроивалось.

Въ настоящее время компанія привела въ культурное состояніе слишкомъ 2.500 гектаровъ польдеровъ, стоимостью въ 10 милліоновъ фр. Всюду проведены дороги, а для защиты отъ моря устроено около 50 верстъ плотинъ. Наружные склоны послѣднихъ, покрытые дерномъ и свободно лежащими камнями, противостоятъ прекрасно самымъ сильнымъ приливамъ. Въ случаѣ прорыва одной изъ плотинъ, большого несчастія не можетъ случиться.

Поверхность описываемыхъ польдеровъ выше чѣмъ морское дно, такъ что послѣдствія подобныхъ случаевъ, бывающихъ, впрочемъ, очень рѣдко, и то лишь на нижнихъ, т.-е. вновь пріобрѣтенныхъ поляхъ, выражается лишь потерей въ текущемъ году залитой жатвы; на слѣдующій же годъ они годны опять для культуры. Въ тѣхъ же польдерахъ, которые устроиваются при помощи осушенія посредствомъ выкачиванія, какъ это дѣлается въ Голландіи, прорывъ одной плотины грозитъ полнымъ затопленіемъ громадныхъ пространствъ, иногда всей осушенной площади, поверхность которой расположена ниже уровня моря.

Сѣверно-французскіе польдеры бываютъ двухъ родовъ: запущенные подъ траву и, въ качествѣ прекрасныхъ и очень богатыхъ луговъ, служащіе пастбищами для откармливанія рогатаго скота,—и предназначаемые для полеводства.

Тѣ польдеры, въ которыхъ почва тяжелѣе и съ бо̀льшей примѣсью глины, какъ это случается въ бухтѣ Вей, признаются очень удобными для превращенія въ луга. На нихъ, послѣ промывки почвы, засѣваютъ сначала хлѣба̀, а потомъ траву, но и тѣ и другіе въ первые годы ростутъ плохо. Подобные участки достигаютъ своей настоящей цѣнности не ранѣе, какъ черезъ три года послѣ обращенія ихъ подъ культуру. Польдеры съ легкой почвой, какъ въ заливѣ Сенъ-Мишель, даютъ полные урожаи съ перваго же года.

Верхній слой этихъ польдеровъ представляетъ изъ себя мельчайшій илъ, оставленный уходящей волной, которая, потерявъ всю силу, уже не въ состояніи ничего увлечь за собой. Онъ состоитъ изъ мелкаго песку, перетертыхъ раковинъ, остатковъ моллюсковъ, рыбъ и перегнившихъ водорослей. Первыя доставляютъ почвѣ фосфорно-кислую известь, послѣднія—калійныя вещества,

а органическіе остатки—азотъ. Свѣжіе польдеры обладаютъ всегда характернымъ аммоніакальнымъ запахомъ.

Благодаря своему, такъ сказать, идеальному составу почвы, польдеры могутъ давать чудовищные урожаи. На нихъ удаются одинаково хорошо зерновые хлѣба (за исключеніемъ овса), корнеплоды, нѣкоторыя масличныя растенія, кормовыя травы и конскій зубъ.

Огородныя овощи—спаржа, артишоки, капуста и горохъ—бываютъ такъ хороши, что хоть сейчасъ на выставку. Интенсивная культура такъ называемыхъ дессертныхъ овощей, требующая значительныхъ расходовъ, приноситъ зато и невиданные даже здѣсь барыши. Такъ, мы указали выше, что десятина подъ спаржей даетъ до 750 фр. чистаго дохода. Спаржевыя и артишочныя плантаціи бываютъ въ 20—30 десятинъ, такъ что обладатели такихъ крошечныхъ на нашъ взглядъ имѣній, равняющихся приблизительно двумъ надѣламъ государственныхъ крестьянъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, получаютъ ежегодно по 10—12 тысячъ франковъ и могутъ быть признаны состоятельными и даже богатыми людьми.

Бо́льшая часть продуктовъ отправляется въ Лондонъ, гдѣ тотчасъ же раскупается.

Почва польдера даетъ полные урожаи по нѣскольку лѣтъ, не истощаясь. Когда же недостатокъ въ азотѣ начинаетъ чувствоваться, то его вводятъ въ почву посредствомъ сидерацій. Поле засѣваютъ какимъ-либо изъ бобовыхъ растеній, обладающихъ способностью, какъ извѣстно, связывать свободный азотъ воздуха и собирать его въ клубенькахъ своихъ корней, и запахиваютъ полученный урожай въ моментъ цвѣтенія.

Такое зеленое удобреніе даетъ прекрасные результаты, значительно поднимая упавшую производительность почвы.

Вслѣдствіе тучности своей и изобилія заключающихся въ ней удобрительныхъ веществъ, почва польдеровъ можетъ служить сама по себѣ очень цѣннымъ удобреніемъ. Верхній слой ея, какъ сказано выше, называемый технически тангой (la tangue), покупается очень охотно земледѣльцами внутренней части страны, гранитная почва которой нуждается въ удобреніяхъ, богатыхъ известковыми солями. Съ береговъ залива Сенъ-Мишель вывозится ежегодно до 500 тысячъ тоннъ танги.

Посѣтивъ польдеры, мы отправились всѣ вмѣстѣ къ морю на „крики“: такъ называются участки, находящіеся въ періодѣ „поспѣванія“ и покрывающіеся постепенно травой-агростисъ. На „крикахъ“ пасутся пресловутыя овцы съ соленыхъ луговъ—de pré

salé, за которыми наблюдаетъ нѣсколько пастуховъ. Послѣдніе живутъ во временныхъ помѣщеніяхъ, устроиваемыхъ безъ фундамента и вопреки мудрому библейскому указанію—прямо на пескѣ. Когда польдеръ поступаетъ въ разрядъ тѣхъ, которые подлежатъ обращенію въ культурное состояніе, то овцы оттоняются дальше, а жилище пастуховъ и временныя изгороди переносятся на новое мѣсто.

Чтобы не возвращаться обратно къ г. П., мы зашли въ одну изъ фермъ, гдѣ предполагали ночевать. Сидя на крылечкѣ, мы могли любоваться закатомъ солнца и семьей утятъ еще въ пушкѣ, разгуливавшихъ, переваливаясь съ боку на бокъ, подъ предводительствомъ высидѣвшей ихъ курицы. Нагулявшись, они бросились въ ближайшую лужу и стали полоскаться въ ней, къ великому отчаянію своей сухопутной мамаши, очутившейся въ драматическомъ положеніи. Ея птенцы „смѣли" дѣлать то, о чемъ она не могла и помышлять.

Г-нъ П. сообщилъ намъ, между прочимъ, что въ настоящее время назрѣваетъ смѣлый, но пока еще неосуществимый проектъ—овладѣть сразу всей бухтой Сенъ-Мишель, прекративъ въ нее доступъ прилива посредствомъ плотинъ. Этимъ способомъ удалось бы осушить сразу десятки тысячъ десятинъ.

Устройство дамбъ во время отлива еще возможно,—но какъ свести ихъ вмѣстѣ? и выдержатъ ли онѣ во время постройки удары волнъ, которыя вдали отъ берега дѣйствуютъ съ страшною силой? Послѣднее, по его мнѣнію, сомнительно.

— Проектъ этотъ возникъ, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ успѣха нашей компаніи,—добавилъ г-нъ П.—Значительные дивиденды, которые мы выдаемъ, соблазняютъ всякихъ предпринимателей и не даютъ имъ спать.

V.

„Si j'étais roi!"

Эксплуатація польдеровъ представляетъ интересъ не только какъ удачная попытка утилизировать силы природы,—она поучительна и съ чисто сельско-хозяйственной точки зрѣнія.

Посѣщая польдеры, наглядно убѣждаешься, что производительность земли далеко не дошла до своего предѣла и не уменьшается, какъ полагаютъ нѣкоторые пессимисты, а можетъ быть усиливаема до такихъ размѣровъ, о которыхъ раньше не смѣли и мечтать.

Кто можетъ предсказать, до какихъ усовершенствованій можетъ дойти въ будущемъ человѣчество въ этой области?

Уже теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пахатный слой почвы не натуральнаго происхожденія, а составленъ искусственно при помощи различныхъ примѣсей и удобреній. Обладая нужными рецептами, хозяева могутъ теперь, прибавивъ въ надлежащей пропорціи различныя химическія удобренія, выращивать культурныя растенія почти съ такою же увѣренностью, какъ технологи, наполняющіе котлы для варки мыла или добыванія какого-нибудь другого химическаго продукта. Вліяніе погоды тоже утрачиваетъ свое значеніе.

Парижскіе огородники совсѣмъ упразднили теперь дождь, находя, что иррегулярное дѣйствіе его находится въ противорѣчіи съ раціональной культурой, которой они занимаются, и замѣнили его поливкой въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ количествѣ изъ водопроводныхъ крановъ. Благодаря всевозможнымъ приспособленіямъ, употребленію скоро поспѣвающихъ сортовъ, они умудряются снять съ каждой гряды по три-четыре смѣны овощей. Культура подъ стекломъ (безъ отопленія) даетъ возможность побѣждать холодà и поднять далеко къ сѣверу самыя нѣжныя и зябкія растенія.

Чтò же будетъ еще тогда, когда электричество найдетъ практическое примѣненіе въ садахъ и поляхъ?

Оно станетъ своимъ дѣйствіемъ ускорять химическій обмѣнъ на холодныхъ почвахъ, освѣщать растенія въ темные мѣсяцы, предупреждать звонками объ излишней сухости или сырости, зажигать костры, при наступленіи утренниковъ, для образованія искусственныхъ облаковъ—и многое другое.

Пользуясь услугами науки по всѣмъ ея отраслямъ, касающимся сельскаго хозяйства, земледѣлецъ будетъ въ состояніи добывать изъ земли неизмѣримо больше, чѣмъ теперь.

Законы объ истребленіи насѣкомыхъ и усовершенствованіе средствъ для борьбы съ ними значительно увеличатъ количество продуктовъ, которые теперь истребляются ими.

Искусственное орошеніе, разряженіе тучъ посредствомъ динамита, предотвращеніе града разставленными въ поляхъ громоотводами, прививка полямъ нужныхъ имъ микроорганизмовъ, осушеніе сырыхъ мѣстъ, исчезновеніе сорныхъ травъ, наконецъ болѣе полный анализъ почвъ химическимъ путемъ или посредствомъ растеній по системѣ Жоржа Виля—даютъ въ руки земледѣльцевъ могучія орудія для подчиненія себѣ природы.

Цѣлыя области, не бывшія годными для культуры, ежегодно

поступаютъ въ общій оборотъ, благодаря усиліямъ человѣчества. Склоны горъ покрываются террасами. Сыпучіе пески скрѣпляются лѣсами, каменистыя площади обращаются въ цвѣтущія поля.

Теперь даже мечтаютъ о наводненіи Сахары и наполненіи Каспійскаго моря, чтобы обратить безплодныя нынѣ земли, которыя окружаютъ ихъ, въ поля, сады и луга!

Французы послѣ войны, когда страна была разорена, двѣ лучшія провинціи отторгнуты, и, казалось, вся нація истекала кровью,—съумѣли, благодаря знаніямъ и настойчивости, изъ пространства величиною въ нѣсколько черноземныхъ губерній, собрать съ гранита и гнейста пять милліардовъ франковъ и, собравши, стали еще богаче.

Какія же суммы могутъ дать настоящая воронежская, харьковская или курская губерніи и всѣ имъ подобныя, земля которыхъ не гранитъ, а черноземъ?

Да, черноземъ, этотъ невѣдомый могучій богатырь, который 33 года спитъ, но зато, когда проснется, то о томъ знаетъ уже весь свѣтъ, все засыплетъ онъ своими плодами и возвратитъ съ лихвой тому сильному и терпѣливому, который 32 года ждалъ.

Но какъ поступать тѣмъ, которые слабы? Какими средствами разбудить имъ богатыря, и какъ заставить его работать на себя болѣе регулярно?

Во Франціи, когда приходится обсуждать какіе-либо государственные, общественные или даже мѣстные вопросы, очень любятъ употреблять формулу: „Si j'étais roi!"

„Если бы я былъ королемъ,—говоритъ одинъ,—то велѣлъ бы перевести всѣ университеты въ деревню, чтобы молодые люди жили вдали отъ городскихъ соблазновъ и пользовались чистымъ воздухомъ".

Другой идетъ дальше и проектируетъ, „еслибы онъ былъ королемъ", перенести весь Парижъ въ провинцію, такъ какъ въ настоящее время почва всемірнаго города заражена и климатъ не важенъ. Третьи ограничиваются желаніемъ назначить кузена на постъ префекта, дядюшку—директоромъ банка, а самому—имѣть хорошихъ лошадей для прогулки по парку, а лѣтомъ—„маленькую дачу съ садикомъ".

Такъ какъ мы теперь во Франціи, то позаимствуемся у нихъ этой формулой, чтобы пофантазировать еще немного на избранную нами тему.

Что̀ сдѣлалъ бы я, еслибы владѣлъ готовымъ черноземомъ?

Прежде всего запретилъ бы всѣмъ заниматься земледѣліемъ и

послалъ бы ихъ въ города на нѣсколько лѣтъ для пріятнаго времяпрепровожденія.

Насиліе это я мотивировалъ бы тѣмъ, что у меня, какъ во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, азартныя игры были бы строго запрещены.

А развѣ безъ надлежащихъ техническихъ знаній наше хозяйство на черноземѣ, особенно въ южныхъ мѣстностяхъ, не есть въ настоящее время азартная игра?

Сплошь да рядомъ тутъ на карту ставится все состояніе!

Вотъ два первыхъ, пришедшихъ мнѣ на память, примѣра.

Хозяйничаетъ одинъ помѣщикъ пять лѣтъ. Первый годъ— неурожай и убытокъ; на второй — не важно: едва свелъ концы съ концами; на третій — неурожай и убытокъ; на четвертый — плохо; наконецъ, на пятомъ, когда озимые пропали, онъ, видя что „не везетъ", рѣшилъ бросить имѣніе кредиторамъ и сбѣжать въ городъ. Весной, однако, собравъ послѣднія крохи, какъ истый игрокъ, рѣшилъ сыграть ва-банкъ и, купивъ льну, засѣялъ 300 десятинъ, т.-е. почти все, что̀ имѣлъ. Ленъ уродился самъ-14 и далъ съ десятины по 100 рублей чистаго барыша. Получивъ неожиданно на руки 30 тысячъ руб., помѣщикъ поспѣшилъ расплатиться съ долгами, а на оставшіяся двадцать съ чѣмъ-то тысячъ съѣздилъ за границу и года три шатался по разнымъ мѣстамъ, не будучи въ состояніи придти въ себя отъ неожиданно привалившаго счастья и заняться дѣломъ!

Другой хозяинъ, бывшій военный, весельчакъ большой руки, разсказчикъ анекдотовъ и пѣвецъ подъ звуки гитары игривыхъ шансонетокъ, пріѣхалъ въ доставшееся ему черноземное имѣніе и началъ хозяйничать. Не желая быть рутинеромъ, онъ познакомился съ различными руководствами, авторы которыхъ трактуютъ о почвахъ, преобладающихъ въ германскихъ и латинскихъ странахъ, не подозрѣвая часто свойствъ двухъ-аршиннаго сухого чернозема, на которомъ онъ сидѣлъ. Поэтому книжные совѣты, также какъ и собственныя соображенія, основанныя на данныхъ, къ чернозему не относящихся, давали плачевные результаты. Подъ сухой годъ — посѣялъ пшеницу, а она почти ничего не дала. Земля истощена, смекаетъ помѣщикъ, и подвозитъ въ поле навозу; на второй годъ пшеница по навозу, благодаря хорошимъ дождямъ, выбухалась такая, что не могла устоять и полегла. Опять плохо. Единственное утѣшеніе, что у сосѣдей тоже въ сухой годъ и по навозу ничего не уродилось (слишкомъ глубоко запахали). Бился, бился нашъ помѣщикъ, чуть тоже не разорился. Никакъ не приноровиться къ своему кормильцу, который

все капризничаетъ, какъ богатая петербургская барышня, которую замужъ не берутъ. Однако и ему улыбнулось счастье. Захудалъ уже онъ совсѣмъ, половину земли бросилъ, и осенью не пахалъ, и весной ее не трогалъ. Выѣзжаетъ онъ только разъ на поля, которыя въ предъидущемъ году засѣяны были подсолнухомъ и должны были представлять изъ себя безотрадное черное пространство съ торчащими кое-гдѣ желтыми пеньками будылей и придти въ себя не можетъ отъ изумленія. Всѣ они покрыты густыми всходами подсолнуха-самосѣя, да такъ ровно и хорошо, точно рукой его разбросали. Полюбовался помѣщикъ, раза два послалъ бабъ прополоть этотъ подсолнухъ, а осенью загребъ за него нѣсколько тысячъ рублей, не ударивъ пальцемъ о палецъ для подготовки земли и не затративъ ни копѣйки на сѣмена.

Черноземъ захотѣлъ, и яровое растеніе превратилъ въ озимое,—растеніе, требующее обработки, уродилъ безъ всякой обработки и, вопреки теоріи о плодосмѣнѣ, на одномъ и томъ же мѣстѣ далъ урожай второй того же растенія, даже лучшій, чѣмъ первый.

Послѣ этого нашъ помѣщикъ сталъ въ ряды тѣхъ фаталистовъ, которые вѣрятъ, что и на паспортъ, если судьба захочетъ, можно выиграть 200 тысячъ, и говоритъ, что съ черноземомъ мудрить нельзя, такъ какъ мы не знаемъ еще его свойствъ.

И онъ отчасти былъ правъ. Съ г-мъ черноземомъ мы не имѣемъ чести быть знакомы.

Поэтому первымъ дѣломъ, еслибы я владѣлъ готовымъ черноземомъ, отправивъ всѣхъ своихъ людей въ города для пріятнаго времяпрепровожденія, я, какъ Альфредъ Великій, который удалился въ лѣса, отправился бы въ степь интервьюировать чернаго богатыря. Разбудивъ его отъ послѣдняго тяжелаго десятилѣтняго сна, я представился бы ему и постарался бы познакомиться съ нимъ поближе.—Богатырь!—сказалъ бы я ему:—вотъ уже почти тысяча лѣтъ, какъ народъ, представителемъ котораго я явился сюда, хотя и живетъ на груди твоей и отъ тебя же получаетъ всѣ свои жизненныя силы, но до сихъ поръ не можетъ постичь твоихъ свойствъ. Правда, что онъ и не старался дѣлать этого, такъ какъ, начиная отъ скиѳовъ и до нашихъ дней, ты баловалъ его сначала неограниченнымъ количествомъ степныхъ травъ въ ростъ человѣка, среди которыхъ онъ нагуливалъ табуны своихъ коней, а потомъ, когда онъ сталъ заниматься земледѣліемъ, ты давалъ ему по цѣлинамъ баснословные урожаи пшеницы. Но теперь не то,—съ недавняго времени ты сталъ экономнѣе, прижимистѣе, скупѣе и требовательнѣе. Ты

даришь намъ хорошія жатвы только урывками и взамѣнъ заставляешь расплачиваться за нихъ годами неурожая и даже голода.

Скажи, отчего произошла такая перемѣна въ твоемъ настроеніи, откуда эти капризы и непостоянство?

И еслибы его могущество, богатырь, умѣлъ говорить, то онъ съ отчаяніемъ и стономъ, подобнымъ громовому раскату, навѣрное воскликнулъ бы:

„Какъ хотите вы, чтобы я былъ прежнимъ сильнымъ, неистощимымъ давальцемъ народа, когда грудь моя разрывается тысячами овраговъ, которые образуются и расширяются ежегодно, и никто не заботится пріостановить ихъ дальнѣйшее распространеніе? Лишенный одежды, густой степной растительности и зимней шубы — лѣсовъ, я лежу обнаженный подъ палящими лучами южнаго солнца, обвѣваемый сухими вѣтрами и томимый страшною жаждой, которую нечѣмъ утолить. Всѣ зимнія воды, выпадающія въ видѣ снѣга, растаявающаго весною въ нѣсколько дней, вмѣстѣ съ водами отъ лѣтнихъ ливней, не остаются у меня, а, смывши часть моего тѣла, стекаютъ въ рѣки, засоряя ихъ русла, и оттуда безъ всякой пользы уносятся въ моря. Вотъ еслибы овраги, бугры и водораздѣлы были облѣсены, на открытыхъ степныхъ пространствахъ насажены лѣсныя опушки и живыя изгороди, а въ удобныхъ мѣстахъ устроены пруды, запасные резервуары, или выкопаны артезіанскіе колодцы, въ ложбинахъ устроены плотины для задержки весеннихъ и снѣговыхъ водъ, гдѣ возможно, организовано искусственное орошеніе, и въ каждую губернію приглашенъ опытный гидрогеологъ, тогда я опять готовъ былъ бы, при умѣломъ обхожденіи со мною, возвращать сторицею, и притомъ регулярно, затрачиваемые на меня труды и деньги. Вотъ иные изъ моихъ владѣльцевъ претендуютъ на меня за то, что я душу̀ ихъ хлѣба сорными травами, которыхъ нѣтъ на пескѣ, а на другой годъ сами, когда обращаютъ хлѣбное поле въ толоку, то жалуются, если на ней мало травы. Не могу же я дать имъ травы, не произведя раньше сѣмянъ! Они недовольны, что я сталъ слабѣе, а сами распахиваютъ косогоры, съ которыхъ меня сноситъ, а то, что̀ остается, выпахиваютъ и истощаютъ постоянными посѣвами однородныхъ растеній... Скажите имъ, чтобы они упорядочили водяное хозяйство, занялись лѣсоразведеніемъ, травосѣяніемъ“...

Но тутъ я прервалъ бы моего могучаго собесѣдника и попросилъ бы позволенія съѣздить на время въ городъ.

Будучи хотя и владѣтелемъ, но земного, все-таки, происхожденія и обладая ограниченными человѣческими способностями, я,

конечно, не былъ бы въ состояніи запомнить все, что̀ онъ могъ бы сказать о себѣ.

Поэтому, вернувшись домой, я назначилъ бы изъ вѣрныхъ слугъ своихъ приказчика надъ сельско-хозяйственными дѣлами и далъ бы, сколько надо, нарочито-ученыхъ мужей, съ тѣмъ чтобы онъ отправилъ ихъ въ степь къ богатырю, поручивъ имъ изучить всѣ его качества и недостатки и способы обхожденія съ нимъ. Вернувшись, они должны были бы знать свойства чернозема, какъ знаютъ сѣверные нѣмцы свои пески, южные—глину, французы—гранитъ, англичане—мѣлъ, а покойный Энгельгардтъ—свой суглинокъ.

Если же черный богатырь оказался бы нѣмъ, или не пожелалъ бы отвѣчать на мои вопросы, то я устроилъ бы земледѣльческую академію, съ лабораторіями и испытательными станціями, и предложилъ бы профессорамъ заняться изученіемъ способовъ улучшенія южныхъ хозяйствъ и произвести при посредствѣ серіи опытныхъ полей наблюденія надъ условіями сельско-хозяйственныхъ культуръ въ сказанномъ районѣ.

Полученныя тѣмъ или другимъ способомъ свѣденія я разлилъ бы среди народа посредствомъ элементарныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ, народныхъ чтеній, популярныхъ книгъ, спеціальныхъ журналовъ, музеевъ, выставокъ и сельско-хозяйственныхъ и иныхъ обществъ. Я бы назначилъ, быть можетъ, и особый орденъ за земледѣльческія заслуги, въ родѣ французскаго mérite agricole, который давался бы всѣмъ сословіямъ безъ различія, потому что передъ земледѣліемъ, какъ и передъ промышленностью, всѣ равны.

Получивъ затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ свою казну милліардовъ пять рублей, я, какъ король Миланъ, отправился бы жуировать въ Парижъ, гдѣ...

Не знаю, до чего домечтался бы я, сидя на польдерахъ, при закатѣ солнца, на балкончикѣ, любуясь семьей утятъ и воображая себя королемъ,—еслибы голосъ моего спутника не вернулъ меня къ дѣйствительности.

— Идите спать! — проговорилъ онъ усталымъ голосомъ. — Комната, которую намъ уступили, уже готова.

— Спать? Ну, это-то мы умѣемъ!

VI.

Близкая побѣда.

Западную часть полуострова, очень интересную съ географической и этнографической точки зрѣнія, мнѣ не удалось посѣтить.

Но тѣхъ двухъ недѣль, которыя я провелъ въ восточной Бретани, достаточно было, чтобы убѣдиться, какъ велики успѣхи французовъ въ древней Арморикѣ и съ какой неуклонной и всепобѣждающей энергіей насаждаютъ они тутъ европейскую культуру.

Конечно, весьма значительная доля вліянія на процессъ пріобщенія означенной провинціи къ обще-французской жизни должна быть приписана все нивеллирующему дѣйствію современной цивилизаціи, развитію сѣти желѣзныхъ дорогъ, всеобщей воинской повинности и проч. Но обстоятельства эти не могутъ умалять заслугъ нынѣшней республики.

Французская культура существовала и до 70-хъ годовъ, но она пребывала особнякомъ въ Парижѣ, а бретонцы со своими предразсудками и невѣжествомъ оставались тоже сами по себѣ.

Первые, однако, задатки очеловѣченія, какъ уже сказано, относятся еще къ 50-мъ годамъ. Въ тѣ времена, въ области сельскаго хозяйства царилъ полный застой и вѣковая рутина. Поля, послѣ двухъ или трехъ посѣвовъ одного и того же растенія, запускались на нѣсколько лѣтъ подъ толоку и лежали такъ, совершенно непроизводительно, давая лишь немного тощей травы, служившей пищею для овецъ и рогатаго скота. Старой конструкціи деревянные тяжелые плуги не переворачивали почву, а лишь раздѣляли ее, давая самую несовершенную пахоту. Всякая попытка къ усовершенствованіямъ встрѣчалась населеніемъ крайне враждебно. Бодрильяръ, у котораго мы заимствуемъ здѣсь нѣсколько свѣденій, разсказываетъ, что поломка первыхъ желѣзныхъ инструментовъ, употреблявшихся на господскихъ фермахъ, страшно радовала рабочихъ, а первая паровая молотилка была, какъ изобрѣтеніе дьявольскаго характера, разбита бретонскими крестьянами, не пожелавшими работать на ней.

Наиболѣе воспріимчивыми къ новымъ условіямъ земледѣлія оказались прибрежные жители. Благодаря вліянію гольфстрема, полоса земли, прилегающая къ морю и идущая вдоль всей Бретани, особенно по западной и юго-западной ея части, пользующаяся

замѣчательно мягкимъ климатомъ, представляется очень благопріятной для садовой и огородной культуры, — это такъ называемый „золотой поясъ“ Бретани.

Мелкіе землевладѣльцы близь Роскова (въ департаментѣ Финистеръ) прославились уже давно выгонкою раннихъ овощей и всякаго рода припасами, которые они, до проведенія по Бретани желѣзныхъ дорогъ, возили въ своихъ одноконныхъ телѣжкахъ въ Парижъ. Теперь тамъ производится одной только земляники болѣе чѣмъ на ½ милліона франковъ.

Близость моря обезпечивала также дешевое удобреніе. Танга, водоросли, известковый песокъ и всякаго рода морскіе отбросы, стали издавна уже утилизироваться прибрежнымъ населеніемъ.

Но тутъ же, рядомъ съ цвѣтущими полями въ нѣсколько десятинъ, можно было иногда встрѣтить громадныя пространства безплодныхъ ландовъ.

Теперь, гдѣ возможно, при помощи умѣлой обработки, различныхъ примѣсей и удобреній, ланды превращаются въ пахатныя поля, дающія превраснные урожаи ржи, пшеницы и овса.

Прежняя трехпольная система почти исчезаетъ, уступая мѣсто болѣе сложнымъ сѣвооборотамъ съ корнеплодами и травосѣяніемъ.

Кое-гдѣ разводится свекловица и масличныя растенія. Въ виду влажности климата часть земли превращается въ луга, служащіе для пастьбы лошадей и рогатаго скота. Порода лошадей значительно улучшена, и выведеніе ихъ доставляетъ крупныя выгоды заводчикамъ. Количество молочныхъ коровъ въ послѣднее время утроилось, и бретонское масло теперь почти сравнялось съ знаменитымъ нормандскимъ столовымъ масломъ.

Съ цѣлью вполнѣ утилизировать производительность почвы, луга стали теперь засаживаться яблонями, плоды которыхъ служатъ для выдѣлки сидра. Доходъ отъ послѣдняго составляетъ хорошее подспорье для хозяина.

Съ распространеніемъ среди населенія положительныхъ знаній, прежніе предразсудки и суевѣрія стали ослабляться и исчезать. Колесница богини засухи, которая, по повѣрію, проѣзжая ночью надъ лугами, предвѣщала бездождіе, смѣнилась барометромъ, а предсказаніе погоды посредствомъ движеній листовъ деревьевъ замѣнено предсказаніемъ по листкамъ метеорологическихъ бюллетеней. Мнѣнія, что коконы вредныхъ насѣкомыхъ не стоитъ уничтожать,—такъ какъ вылетающія изъ нихъ бабочки не портятъ плодовыхъ деревьевъ, хотя и встрѣчаются (мнѣ пришлось разъ слышать подобное разсужденіе отъ одного поселянина лѣтъ сорока, въ департаментѣ Котъ-дю-Норъ), — но они вызываютъ тотчасъ

же возраженія и смѣхъ присутствующихъ. Вмѣсто прежнихъ неуклюжихъ деревянныхъ орудій, почти вездѣ уже можно встрѣтить легкіе желѣзные плуги, экстирпаторы, сѣялки, катки, вѣялки и конныя и паровыя молотилки.

Всѣхъ этихъ успѣховъ удалось добиться лишь благодаря энергичной и послѣдовательной сельско-хозяйственной политикѣ.

Въ настоящее время находятся еще люди, которые утверждаютъ, что государственная и общественная иниціатива въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ и распространеніе среди населенія полезныхъ свѣденій можетъ приносить существенную пользу только по отношенію къ населенію, стоящему уже довольно высоко въ культурномъ отношеніи.

Къ чему станете вы читать лекціи въ средѣ, гдѣ—говорятъ они—все равно никто ничего изъ нея не пойметъ, издавать брошюру, когда ее не раскупятъ, устроивать испытательную станцію, куда не будутъ обращаться, и проч. и проч.?

Бретань является живымъ доказательствомъ, что подобныя разсужденія совершенно неосновательны. По косности, консерватизму и упрямству бретонцевъ можно было бы сравнить съ малороссами, которыхъ вѣдь тоже укоряютъ въ упрямствѣ, лѣни и неподвижности.

По незнанію государственнаго французскаго языка они еще недавно подходили къ многочисленнымъ группамъ нашихъ инородцевъ, а по невѣжеству, обилію предразсудковъ и малограмотности—къ великороссамъ, малороссамъ и инородцамъ, взятымъ вмѣстѣ.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ свѣта науки, грубые предразсудки быстро уступаютъ здѣсь мѣсто знаніямъ, и прежняя эпоха невѣжества—этого состоянія длительнаго дѣтства—исчезаетъ на нашихъ глазахъ, какъ снѣгъ при лучахъ вешняго солнца.

Правда, что тутъ пришлось пойти тройнымъ походомъ противъ указанныхъ выше свойствъ бретонцевъ, что̀ затруднило и замедлило нѣсколько побѣду. Но тѣмъ славнѣе она!

Хотя ограниченіе и искорененіе мѣстныхъ нарѣчій и является довольно тягостной и подъ-часъ трудной операціей для нѣкоторыхъ изъ племенъ, входящихъ въ то или другое государство, но съ этимъ обстоятельствомъ приходится мириться тамъ, гдѣ, вмѣстѣ съ государственнымъ языкомъ, приносится свѣтъ науки и высшая культура.

Несомнѣнно также, что сельско-хозяйственная политика, если ее приходится примѣнять въ средѣ безграмотной и неразвитой, даетъ меньшіе и худшіе результаты, но это не значитъ, что ее

нельзя примѣнить совсѣмъ. Надо только одновременно выступить и противъ невѣжества, распространивъ и расширивъ народное образованіе, чтò и было сдѣлано въ Бретани.

Весьма серьезнымъ тормазомъ, въ подобныхъ случаяхъ, является бѣдность страны, не могущей сразу вынести большихъ расходовъ, нужныхъ для широкаго распространенія школъ въ данной мѣстности.

Кредитъ отъ государства, какъ это было во Франціи, разсроченный на большое количество лѣтъ, является при этомъ весьма желательнымъ.

Детальное примѣненіе всѣхъ требованій, выраженныхъ въ законоположеніяхъ, предназначенныхъ для болѣе культурныхъ мѣстностей, является тоже очень труднымъ и подъ-часъ даже неосуществимымъ, но общіе принципы, положенные въ основу ихъ, должны быть неприкосновенны.

Въ Бретани, при проведеніи въ жизнь школьной реформы, пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ приноравливаться къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Такой образъ дѣйствія вызвалъ, напримѣръ: институтъ странствующихъ учителей, занимающихся въ двухъ или даже трехъ школахъ за-разъ, если въ каждой изъ нихъ менѣе чѣмъ по 20 человѣкъ учениковъ; устройство школъ на каждые 12 кв. километровъ; соединеніе въ одномъ училищѣ мальчиковъ и дѣвочекъ; постройку болѣе простыхъ и не столь дорогихъ школьныхъ помѣщеній и т. д. Наконецъ, объемъ программъ былъ съуженъ, и учителя должны главнымъ образомъ обращать вниманіе на французскій языкъ. Но за всѣмъ тѣмъ, всѣ общія начала, которыя составляютъ сущность школьной системы въ другихъ департаментахъ—обязательность, безплатность и общность обученія и методы его—остаются все тѣ же, такъ что, по мѣрѣ увеличенія населенія и роста его благосостоянія, школы будутъ развиваться совершенно нормальнымъ путемъ, т.-е. тѣмъ же, по которому идетъ вся Франція, и, при благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, онѣ, безъ всякой ломки въ своей организаціи, могутъ даже стать образцовыми, какъ тому уже есть въ Бретани нѣсколько примѣровъ.

Правительство французское не придерживалось теоріи, которая имѣетъ не мало приверженцевъ, что для начала надо дать что-нибудь, хотя бы и плохое, а потомъ уже устроивать и хорошее.

Отъ плохихъ школъ (т.-е. при неподготовленномъ педагогическомъ персоналѣ, отсутствіи помѣщеній, учебныхъ пособій, не-

выработанности методовъ обученія и проч.), и результаты получаются самые плачевные. Позднѣе же, при желаніи добиться лучшаго, приходится все передѣлывать снова. Въ виду этого, министерство народнаго просвѣщенія нашло болѣе цѣлесообразнымъ устроить здѣсь хотя и нѣсколько упрощенныя школы, по извѣстной заранѣе опредѣленной программѣ, но затративъ на ихъ устройство столько, чтобы онѣ могли удовлетворять всѣмъ потребностямъ учащихся, даже при значительномъ увеличеніи ихъ числа.

На благопріятные результаты такой политики было указано выше.

Отсюда видно, что для того, чтобы покорить себѣ „подъ нози" отсталыхъ бретонцевъ и пріобщить полуостровъ къ общему культурному движенію, французское правительство употребило, между прочимъ, цѣлый рядъ мѣръ, взаимно дополнявшихъ другъ друга и клонившихся къ просвѣщенію массъ и къ поднятію ихъ экономическаго благосостоянія, не щадя для того денегъ.

Съ этой точки зрѣнія современная Бретань, по сравненію ея съ прежней, представляется достойною наблюденія и изученія.

Если нѣкоторые изъ пріемовъ, употребленныхъ правительствомъ, для того, чтобы сломать сопротивленіе и упорство бретонцевъ, имѣютъ только мѣстный интересъ, то другія мѣры, имѣющія общечеловѣческій характеръ, поучительны и для насъ, какъ вслѣдствіе сходства нѣкоторыхъ изъ условій бретонской жизни съ нашей, такъ и потому, что они указываютъ, чего можетъ въ краткій періодъ времени достигнуть систематическая дѣятельность правительства и общества по отношенію къ малограмотному и отсталому населенію.

Что бы ни говорили, но французы имѣютъ полное право похвастаться, что на поприщѣ „созиданія" они за послѣднія 10—15 лѣтъ добились значительныхъ и явныхъ успѣховъ.

Выставка 1889 г. является лучшимъ и самымъ нагляднымъ доказательствомъ справедливости сказаннаго.

Слѣдующая война, если таковая случится, покажетъ, будутъ ли они также побѣдителями на поляхъ „разрушенія". Судя по всѣмъ даннымъ, они и тамъ съумѣютъ постоять за себя.

Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, получилось у меня, когда, приглашенный, по возвращеніи въ Парижъ, 14-го іюля, на смотръ войскамъ, производимый на громадномъ Лоншанскомъ полѣ, я увидѣлъ вновь, послѣ пятилѣтняго перерыва, военную силу Франціи. Пѣхота молодцовато продефилировала мимо насъ, за нею съ гуломъ покатила артиллерія, но особенно эффектна была кавалерійская атака. Нѣсколько тысячъ, а можетъ быть

десятковъ тысячъ, кавалеристовъ, имѣя въ центрѣ кирасиръ, развернутымъ строемъ, занявъ въ ширину все поле, помчались изъ глубины, отъ лѣса, прямо на насъ.

Даже парижская толпа, всегда шумная, веселая, хохочущая, болтающая и каламбурящая, затихла на мгновеніе передъ этой колыхающейся лавиной, съ чисто стихійною силою несшейся впередъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ барьеровъ атака была остановлена, и лошади стали какъ вкопанныя.

Картина была поразительная.

Сотни тысячъ зрителей, окружавшихъ поле, ахнули какъ одинъ человѣкъ, при видѣ столь удачнаго маневра и идеальной остановки, наградивъ кавалеристовъ громомъ апплодисментовъ.

Прислушиваясь къ одобреніямъ этой многотысячной, разноплеменной толпы, мнѣ казалось, что они предназначаются не однимъ только солдатамъ, но и всей Франціи, которой они являются здѣсь представителями. Той молодой, полной жизни и силы Франціи, которая смѣнила одряхлѣвшую Галлію, предъ вступленіемъ въ XX-е столѣтіе въ полномъ развитіи своихъ силъ и могущества.

Евграфъ Ковалевскій.

БЕЗЪ МУЖЕЙ

ПОВѢСТЬ.

I.

Невдалекѣ отъ захолустнаго городка съ большимъ острогомъ и небольшимъ сравнительно числомъ коренныхъ жителей стояла помѣщичья усадьба, старый дубовый домъ на каменномъ фундаментѣ, ни разу не реставрированный со времени его постройки. Жимолость и павилика жались къ его бурымъ стѣнамъ. Березовый молодятникъ все гуще, все ближе къ дому, разростался въ глубину двора, покрытаго сорной травой. Домъ, какъ съ закрытыми глазами, съ заколоченными ставнями среди ликующей природы, казался мертвымъ и заброшеннымъ, а между тѣмъ въ немъ жилъ его владѣлецъ, отставной капитанъ Мамаевъ, съ женою и двумя дочерьми.

И внутреннее убранство дома не измѣнилось со дня его постройки. Въ немъ—колоссальные шкафы, массивныя кровати и комоды, волосяные черные диваны и стулья съ жесткими спинками, —все какъ было давно поставлено, такъ и стояло на своемъ мѣстѣ, и такъ все было прочно устроено, что могло еще долго простоять.

Весь порядокъ въ домѣ держался на одномъ работникѣ съ женой, поэтому старенькій фаэтонъ недѣлями стоялъ неубранный среди двора; некому было вытащить изъ колодца попавшую туда собаку, и надо было ходить за водой къ ручью, черпать воду кострюлькой, потому что ковшъ былъ занятъ какимъ-то мѣсивомъ. Въ стаканѣ подавали сливки, въ молочникѣ—постное масло, перочиннымъ ножемъ рѣзали лимонъ, а кухоннымъ чинили карандашъ, занавѣшивали скатертями окна, стола совсѣмъ не накрывали, и все разбрасывали, гдѣ придется, кое-какъ.

Прямому своему назначенію вполнѣ лишь отвѣчала керосиновая лампа, чуть не единственная вещь, пріобрѣтенная за деньги въ этомъ домѣ, а не полученная вмѣстѣ съ прочими удобствами въ наслѣдство. Къ ней собиралась вся семья за большой столъ въ большую комнату, бывшую дѣвичью, чтобы въ скукѣ провести вечеръ. Безъ крѣпостныхъ людей жилось Мамаевымъ не весело и трудно. Кое-какъ на скорую руку прибирали за собою сами господа, какъ-нибудь одѣвались, наскоро ѣли что-нибудь, какъ будто временно терпя всѣ неудобства, и все какъ будто ждали, что вотъ сама собою жизнь наладится, по прежнему привольная, спокойная и беззаботная. А безпокойство и заботы возростали съ каждымъ годомъ, и безпорядочная жизнь на время—сложилась въ постоянную, привычную.

Дѣдушкино сѣрое пальто безъ погонъ, съ протертыми локтями, надѣваемое вмѣсто халата, какъ будто приросло къ немного согбенной фигурѣ барина; не разстается барыня съ накинутымъ на плечи атласнымъ капюшономъ отъ наслѣдственнаго, поношеннаго уже давно салопа; барышни одѣты въ сбереженные обноски трехъ поколѣній. Нѣсколько дѣдушкиныхъ книгъ, сложенныхъ вмѣстѣ, замѣняютъ сломанную подъ буфетомъ ножку цѣлые годы. Все словно замерло, застыло въ полной неподвижности, и такъ же неподвижны и живучи, какъ вся обстановка, традиціи, наклонности, вкусы и взгляды обитателей стараго дома. Въ стѣнахъ его, съ самаго ихъ основанія, раздававшіяся слова повторяются изо дня въ день безъ всякаго участія мысли.

— Ахъ дѣти, дѣти!—отъ скуки скажетъ капитанъ:—куда бы васъ дѣти?

— На ниточку да къ полу,—отвѣтитъ въ сотый разъ Антонина Антоновна, его супруга.

— Вотъ и Анютѣ ужъ десятый годъ пошелъ.

— Старое старится, молодое ростетъ.

— Охъ, старость не радость!

— Пришибить некому.

Такъ же безсмысленно и механически шевелили языками старики и на тему объ упущеніяхъ въ хозяйствѣ, о томъ, что безъ людей какъ безъ рукъ,—кругомъ все валится, шатается, поправить некому; и о томъ говорили супруги, что того и гляди все растащатъ у нихъ, и помилуй Богъ домъ подожгутъ. Между тѣмъ пронесся слухъ, что въ этой мѣстности будетъ проведена желѣзная дорога, и капитанъ сталъ часто ѣздить въ городъ справляться тамъ объ этомъ слухѣ, сталъ занимать и тратить втихомолку отъ жены большія деньги, и въ силу одному ему извѣст-

ныхъ соображеній увѣрилъ себя и семью, что станція проектируемой дороги будетъ построена на ихъ землѣ, прямо противъ усадьбы. Другого мѣста и не подъискать. Бесѣды начали разнообразиться животрепещущимъ вопросомъ о томъ, какъ выгодно сбывать всѣ деревенскіе продукты прямо на станцію. Понемногу, и если представлялся особенно удачный случай, начали Мамаевы скупать у крестьянъ сѣно и рожь въ снопахъ. Скирды и копны окружили ихъ имѣніе со всѣхъ сторонъ. Но годы шли, чернѣетъ сѣно, проростаетъ перестоявшійся хлѣбъ, а хорошія цѣны такъ и не установились съ проведеніемъ желѣзной дороги въ трехстахъ верстахъ отъ ихъ усадьбы. Капитанъ сдѣлался молчаливъ. Молчала Антонина Антоновна въ продолженіе долгихъ вечеровъ, соображая, сколько недостаетъ у нея копѣекъ до рубля, чтобы превратить скопленную мелочь въ крупную кредитку и, присоединивъ ее къ другимъ, спрятать въ ларецъ.

Чѣмъ бы ни занималась старуха, а послѣдняя цифра рублей и копѣекъ, вырученныхъ отъ продажи въ городѣ молочныхъ сконовъ, четкая и неотступно понудительная, всегда держалась въ головѣ ея на первомъ планѣ.

Вычитанія она не терпѣла, готовая на всѣ крайности, лишь бы избѣгнуть или отдалить его. Любовь къ деньгамъ въ одряхлѣвшемъ сердцѣ Антонины Антоновны преобладаетъ надъ остальными чувствами. Она здорова и бодра. Алчные инстинкты благородныхъ предковъ ясно выражены въ ея профилѣ хищной птицы, и она передала свою наружность старшей дочери въ болѣе крупныхъ и опредѣленныхъ чертахъ.

Старшая ея дочь, Ирина Семеновна Мамаева, сложилась въ зрѣлую дѣвицу и гадаетъ о своей судьбѣ. Въ осеннюю и злую непогоду, когда всѣ подсаживаются къ лампѣ, перебираетъ она колоду, пристукивая каждой картой по столу, и надъ каждой картой приговариваетъ:—Быть богатой, знатной дамой, или просто бѣдной самой?—Выйти замужъ за гвардейца, за путейца, за лѣниваго армейца, за артиста, за купца, иль за стараго вдовца? —Иль морякъ плѣнится мною, иль придворный со звѣздою, камеръюнкеръ, камергеръ, или горный инженеръ?..—Какой довольной улыбкой раздвигаются ея губы, когда на червонную даму, то-есть на нее, выпадаетъ камергеръ! Хотя она не совсѣмъ вѣритъ въ возможность сдѣлаться вдругъ камергершей, но надежда на внезапную перемѣну къ лучшему никогда не покидаетъ ее.

Разъ такъ гадала она вечеромъ, а Анюта, младшая сестра ея, вырѣзывала сломанными ножницами санки изъ бумаги; капитанъ курилъ; Антонина Антоновна, въ чаду своихъ соображеній о рублѣ,

механически заговорила о томъ, что смерть не за горами, а за плечами, и мужъ подкрѣпилъ ея замѣчаніе той несомнѣнной истиной, что всѣ мы смертны. Вдругъ застучала отъ вѣтра шаткая рама окна, и всѣ вздрогнули, повернувъ къ нему испуганныя лица. Завыванье вѣтра неслось со стороны села вмѣстѣ съ отдѣльными звуками человѣческихъ голосовъ. Мясистое и красное лицо старой помѣщицы все побѣлѣло. Ей слышится стукъ на дворѣ и шорохъ въ домѣ, и пристально вглядываются ея дальнозоркіе глаза въ темноту сосѣдней комнаты.

— Матрена, это ты?

— Матрена и Ѳедотъ ушли куда-то послѣ ужина, — робко заявила Анюта; а человѣческіе голоса между тѣмъ становятся слышнѣе, даже какъ будто приближаются.

Въ мучительномъ сознаніи своей безпомощности притихла вся семья. Голова капитана ушла въ воротникъ пальто-халата, и плечи его поднялись. Прижалась къ сестрѣ Анюта. Антонина Антоновна, оставаясь неподвижной и продолжая всматриваться въ темноту, какъ будто видитъ сквозь рядъ неосвѣщенныхъ комнатъ и сквозь стѣны, что расхищаются стога ихъ и скирды.

Наступившая тишина повисла надъ головами и давитъ страшнымъ ожиданіемъ. Страшное дуновеніе какъ будто пронеслось по комнатѣ, но никто не двигается съ мѣста. И по мѣрѣ того какъ длится томительная тишина, мутнѣе становится взглядъ помѣщицы, и видитъ ужъ она сквозь стѣны, что воры забрались въ амбаръ, и слышитъ чьи-то шаги въ нежилыхъ, запертыхъ комнатахъ.

— Придутъ сюда! — сорвался съ ея блѣдныхъ губъ трепетный шопотъ.

— Пусть придутъ!—вдругъ воскликнула Ирина и, нарушивъ невыносимую тишину, продолжаетъ разгонять ее:—Пусть явятся! Я имъ покажу! Я имъ задамъ! Какъ вамъ не совѣстно трусить, папаша,—еще военный!

Она поднялась, высокая, съ широкой грудью, воинственно закинувъ голову. Въ маленькой рукѣ ея стиснуты ножницы, отвагой и рѣшимостью дышетъ ея лицо, и бродитъ по ея тонкимъ, но красиво очерченнымъ губамъ презрительно вызывающая улыбка. Она отвлекла на себя вниманіе испуганной семьи, всѣ ободрились, и мать забормотала:

— Это они сговариваются... Воръ на ворѣ, мошенникъ на мошенникѣ! ни суда, ни расправы...

— Голодъ...—началъ капитанъ,—и на полусловѣ оборвался при шорохѣ въ сосѣдней комнатѣ; потомъ донесся изъ передней слабый стукъ; и снова всѣ притихли. Тогда Ирина взяла лампу и

вышла, сопровождаемая тоскливыми, испуганными взглядами семьи. Свѣтъ удаляющейся лампы произвелъ странныя, колеблющіяся тѣни, свѣтъ скрылся, и шаги ея замолкли, а кругомъ—непроницаемая темнота. Антонина Антоновна, послѣ нѣкотораго колебанія, по краю стола ощупью придвинулась къ супругу, таща Анюту за собой. И среди безмолвія и мрака всѣ трое, скованные страхомъ, ждутъ. Тянется каждое мгновеніе мучительно, кровь застываетъ въ лицѣ. Наконецъ вернулась, обойдя весь домъ, Ирина, поставила лампу на столъ и сказала:

— Никого нѣтъ. Должно быть, мыши.

Анюта захохотала. Неловко, напряженно засмѣялись старики; улыбнулась и старшая дочь, обведя семью взглядомъ насмѣшливаго превосходства.

— Я бы сломанными ножницами всю толпу разогнала,—вѣдь они хамы, трусы.—И сказавъ это, она взялась за карты и зашептала вдохновенно: „выйти замужъ за гусара, за улана, за чиновное лицо, за поэта, адмирала"...

— Тебѣ бы, Риночка, героемъ быть! — съ почтительнымъ удивленіемъ обратилась къ ней мать.

— Полководцемъ,—подхватилъ отецъ:—на приступъ первая пошла бы...

Со двора кто-то забарабанилъ пальцами въ окно. Анюта съ визгомъ спряталась подъ столъ, вскочилъ со стула капитанъ, а за окномъ раздался голосъ.

— Я, я! отецъ Николай! Не достучусь къ вамъ въ дверь, звонка нѣтъ.

Ирина пошла отпереть дверь и ввела въ столовую священника, къ неожиданному посѣщенію котораго она довольно равнодушно отнеслась, тогда какъ родители съ нескрываемымъ смущеніемъ приняли батюшку. Онъ недолго посидѣлъ, противъ своего обыкновенія наотрѣзъ отказавшись отъ закуски, и старался говорить съ замѣтной выдержкой.

— Надо бы, надо бы,—продолжая начатую въ передней рѣчь и садясь, сказалъ онъ капитану:—продать бы вамъ надо въ кредитъ крестьянамъ ржицы, сѣнца, нельзя же иначе. Да и лѣску, землицы уступили бы, давно ужъ я вамъ говорилъ.

— Не стоютъ они: воры, мошенники! — начала Антонина Антоновна, но священникъ ее перебилъ:

— Ну, нѣтъ, худого еще за ними не было. Бѣдствуютъ по причинѣ недородовъ, земля у нихъ плоха, пастбища нѣтъ.

— Все воля Божія,—вздохнула капитанша, смиренно опустивъ глаза.—Безъ Бога, батюшка, ни до порога, сами знаете.

— Безъ воли Божіей ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ, —добавилъ капитанъ.—Надѣлъ имъ утвержденъ былъ уставной грамотой, то бишь бумагой, а что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Такъ ли я говорю? Пользовались они своимъ надѣломъ столько времени...

— Отъ песку да глины ужъ какая польза!—вставилъ батюшка съ печальнымъ вздохомъ.

— Песчаная почва родитъ превосходный картофель,—поднявъ смиренно опущенную голову, возразила капитанша:—крупный, разсыпчатый, вкусный.

— Сами запустили землю, — продолжаетъ въ одинъ голосъ съ супругой капитанъ,—не удобряли. Жили же прежде.

— Сосѣдніе господа ихъ выручали, а теперь сосѣди ужъ не тѣ.

— А мы чѣмъ виноваты?—спросила Антонина Антоновна.

Батюшка помолчалъ, погладилъ свою жидкую бородку и повторилъ сказанное:

— Я неоднократно говорилъ и теперь говорю: лѣску имъ надо бы, лужокъ, землицы получше.

— А похуже себѣ оставить?—съ неописуемымъ удивленіемъ воскликнули супруги Мамаевы, и капитанъ, недружелюбно, искоса глядя на гостя, усмѣхнулся.

— Какъ это у васъ языкъ-то повернулся, батюшка, сказать такую вещь!

— Не обо мнѣ рѣчь. Голодъ. Неужели вы не понимаете, что дровъ имъ теперь негдѣ взять, скотина падаетъ у нихъ безъ корму, и самимъ нечего ѣсть?

— Батюшка!— прижавъ руки къ груди, убѣдительно проговорила Антонина Антоновна:—должны и вы тоже понять, что еслибъ Богу не было угодно, то ничего бы этого и не было.

— Чего ничего?—Священникъ развелъ руками и неловко заглянулъ подъ столъ; тамъ его нога толкнула что-то мягкое. Глядя на рукава его рясы и безучастно слушая весь этотъ разговоръ, Ирина думала о томъ, что у нея никогда не было платья съ греческими рукавами, что мода ужъ на нихъ прошла, а мать такъ и не дала ей денегъ на обновку, и вслухъ замѣтила она священнику, почему бы ему для примѣра не уступить свою землю крестьянамъ.

— Не мѣшало бы и даже очень, кабы возможность была,—въ смущеніи пожалъ плечами батюшка, и медленно поднялся.

Антонина Антоновна подошла къ нему съ протянутой горстью

рукой за благословеніемъ и съ покорнымъ вздохомъ наклонила голову.

— Какъ Богъ велѣлъ, такъ ужъ тому и быть,—сказала она. —Благословите, батюшка.

— Если таково ваше разсужденіе, — отвѣчалъ тотъ сухимъ тономъ, сквозь который слышалась нерѣшительность при нежеланіи портить свои отношенія къ хозяевамъ,—то весьма сожалѣю, что понапрасну васъ обезпокоилъ въ такой вечерній часъ. Днемъ я въ разгонѣ: мрутъ. Во имя Отца и Сына и святаго Духа... Повторяю: надо бы! Мое дѣло—сказать и удалиться съ миромъ. Добраго здоровья.—Ни на кого не глядя и торопливо отступая, священникъ вышелъ, сопровождаемый Ириной съ лампой въ рукѣ.

— Подосланъ!—тихо заговорила въ темнотѣ Антонина Антоновна:—и попы, и всѣ, всѣ нынче съ ними за-одно... Ай! Ай!..

II.

Первый осенній морозъ затянулъ тонкими льдинами дождевую воду въ колеяхъ дороги, по которой еще никто не проѣхалъ, хотя полдень былъ на исходѣ. Съ пасмурнаго неба спускались облака, и вѣтеръ въ полѣ крѣпчалъ. Шумѣли обнаженными вѣтками деревья, но не было на землѣ ковра опавшихъ листьевъ, какъ бываетъ осенью, и не осталось травы на изрытой землѣ. Унылое запустѣніе кругомъ, только стая воронъ копошится надъ трупомъ собаки. Съ поля виденъ крестъ на деревянной колокольнѣ села Мамаевки, и за околицей надъ оголенными, обломанными прутьями кустарника, понуривъ голову, стоитъ корова на широко разставленныхъ ногахъ. Туго обтянуты кости коровы, всѣ ея ребра выступили подъ кожей, и на впадинахъ по сторонамъ лба ея бьются узловатыя жилы. Животъ ея сильно раздутъ. Испуская тяжелое дыханіе, она тянется къ кусту сухими губами и не можетъ достать. Не переступая ногами, словно врытыми въ землю, она рванулась мордой къ прутьямъ, и отъ ихъ прикосновенія взъерошенная, сухая шерсть между рогами посыпалась, какъ пожелтѣвшія на вѣткѣ иглы хвои. Дрожь мелкой зыбью пробѣжала по кожѣ ея. Забравъ губами прутъ, она стала глодать его, и біеніе узловатыхъ жилъ усилилось на лбу. Глаза ея фосфорическимъ свѣтомъ горѣли въ глубинѣ зрачковъ.

Вся масса меркнувшаго подъ облаками воздуха вдругъ понеслась со свистомъ по полю, взрывая комья земли. Тяжко

упавъ на согнутыя ноги, потомъ на бокъ, корова промычала три раза отрывисто, жалобно, слабо. И замерло въ пустомъ полѣ ея выразительно горестное, послѣднее мычанье!

Невдалекѣ сидѣлъ на поваленномъ деревѣ съ краю дороги рослый молодой мужикъ и утиралъ слезы кулакомъ. Сердце его повернулось отъ стона буренушки, которую онъ пришелъ зарѣзать, да рука не поднялась. Наплакавшись, онъ пошелъ въ свою избу, стоявшую отдѣльно отъ села по ту сторону почти отвѣсно поднятаго невысокаго холма. Дома ждала его больная дочь и мать-старуха. Тамъ на чисто вымытомъ столѣ передъ прислоненнымъ къ стѣнѣ образомъ неизвѣстно какого святого, потому что живопись во всю его средину стерлась, горѣла церковная восковая свѣчка. Сидѣла у стола старуха и сшивала сборками двѣ полосы миткаля толстой иглой. Она медленно дѣйствовала первымъ и вторымъ пальцами правой руки и часто выдвигала лѣвой рукой ящикъ стола, заглядывала въ него и опять задвигала.

— Маинька,—обратился къ ней вошедшій мужикъ съ лицомъ, носившимъ слѣды слезъ:—буренушка пала.

Не поднимая склоненной надъ работой головы, старуха пробормотала что-то непонятное и заключила словомъ:—Пусто!

— Гдѣ пусто?

Старуха выдвинула ящикъ стола и, глубоко засунувъ въ него руку, долго не шевелилась.

— Взялъ,—сказала она.

— Кто?

— Господь.

— Что?

— Все далъ, и все взялъ. Нѣтути хлѣбушка, пусто.

Его смутила неподвижность матери. Какъ потерянный, сѣлъ онъ на опрокинутую кадочку въ углу и не смѣлъ говорить. Старуха продолжала шить. Ея неестественная молчаливость или отвѣты невпопадъ, и странная въ рукахъ работа передъ образомъ, жидкое пламя восковой свѣчи въ тѣсныхъ, унылыхъ стѣнахъ, отъ всего вѣяло смертью, тоской охватывая сердце. Скрипнула на палатяхъ доска, мужикъ взглянулъ туда и заревѣлъ.

— Нишкни!—быстро обернувшись, погрозила кулакомъ старуха, и безкровныя губы ея, бѣлый носъ, впалыя щеки, словно застывшія, непокорныя волѣ черты ея лица на одно мгновеніе дрогнули, показавъ оскаленные зубы, и снова окаменѣли. — Дѣвоньку не тревожь, Егорка! — глухо продолжала она, опустивъ кулакъ и взявшись за работу:—Никакъ ты съ пустыми руками пришелъ? Погоди, ужо дастъ тебѣ вселочку отецъ.

— Ни зернышка нѣтути, — вздохнулъ Егоръ: — ни у кого нѣтути, за деньги не достать.

— Иди, Егорка, иди, поколь живы, будь кормильцемъ, иди! Говоря это, старуха устремила на сына взглядъ съ холоднымъ блескомъ, съ мучительнымъ блескомъ голода.

— У, придурковатый!—вскрикнула она.—Тебѣ говорятъ: иди.

Мужикъ, всхлипнувъ, поднялся и нѣхотя вышелъ изъ избы. Легкій стонъ на палатяхъ заставилъ старуху разогнуться и поглядѣть туда, и опять она склонилась надъ шитьемъ. Долго не двигалась она.

Окна съ дребезгомъ дрогнули подъ напоромъ хлынувшаго дождя, и стало въ избѣ еще темнѣе; пламя быстро таявшей свѣчки вытянулось, покраснѣло и пустило свѣтлыя полоски до уровня палатей, съ которыхъ свѣшивалось тряпье. Стѣны нахмурились. Поникла еще ниже голова старухи въ тяжеломъ, дремотномъ полузабытьѣ. Надъ ней, въ холодномъ спертомъ воздухѣ, витали чудовищныя грёзы, фантастическіе ужасы ея голоднаго воображенія. Она вздрагивала плечами, широко открывала глаза и крестилась на полинявшій образъ. Послышался съ палатей дѣтскій голосокъ.

— Баушка, а, баушка!

— Асенька?—отозвалась старуха, встрепенувшись.

— Ты что̀, баушка, дѣлаешь?

— Саванъ тебѣ шью.

— А на што?

— Умрешь, внучка милая, — тупо отвѣтила старуха, и наступило долгое молчаніе.

Подъ неумолкаемымъ шумомъ дождя вѣтеръ возился въ трубѣ, звякалъ заслонкой и разносилъ горсточку пепла по шестку.

Съ палатей свѣсилась головка съ черными прядями волосъ по сторонамъ крутого лба. Повернувъ бѣлое до прозрачности лицо свое, съ блескомъ внутренняго страданія въ глазахъ, больная дѣвочка смотрѣла на работу старухи.

— Это на голову сборки-то придутся? — спросила она.

— На голову, — просто отвѣтила старуха, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной обновкѣ, и оторвала зубами нитку, кончивъ шить.

Просительно ласковымъ, слабымъ, но еще не утратившимъ дѣтской звонкости голосомъ, дѣвочка протяжно молвила:

— Похорони меня, бауныка, въ розовомъ сарафанчикѣ.

— Экъ хватилась!—вырвалось съ языка старухи, но, поправившись, она отвѣтила успокоительно:—Ладно. Въ новенькомъ,

въ розовомъ положу тебя. — И, разглаживая, расправляя ладонями саванъ на столѣ, она складывала его медленно.

— И косы распусти, и цвѣтиковъ на грудь мнѣ положи, какъ у Ѳенички было, — просила дѣвочка. — И кустикъ на могилку посади.

— Все по твоему, дѣвонька милая, сдѣлаю, — тупо глядя на саванъ, отвѣчаетъ старуха: — и ракитку, и вербочку, и всяку красу вокругъ тебя насажаю, и воткну березку на Троицынъ день.

— И поплакать придешь? Не оставляй меня, баунька, приходи.

Отецъ дѣвочки между тѣмъ сходилъ къ дьячку попросить хлѣба; но весь церковный причтъ ушелъ на панихиду въ сосѣднюю деревню, а попадья уѣхала съ дѣтьми къ роднымъ, повѣсивъ на дверь своего домика огромный замокъ. Позабытая удочка лежала поперекъ сѣней.

Улица была пуста. Ни куръ, ни поросятъ, ни рѣзвыхъ ребятишекъ не встрѣчалось; не видно никого за окнами, и не дымилась ни одна труба. Крестьяне разошлись на заработки или въ кусочки; много избъ было заколочено; въ другихъ оставшіяся семьи запирались изнутри отъ попрошаекъ, и лавочка затворена.

Егоръ тихонько постучалъ въ ея окно.

— Мучицы бы самую малость! — забормоталъ онъ, снявъ шапку передъ высунувшейся въ окно головой лавочника. — Съ благодарностью того... заплатимъ... безпремѣнно.

Лавочникъ молча на него поглядѣлъ и скрылся, затворивъ окно, подъ которымъ долго стоялъ, съ шапкой въ рукѣ, съ приниженнымъ, озабоченнымъ видомъ, рослый мужикъ.

Рядомъ съ лавочкой стоитъ изба городского дворника, Нефеда, заготовившаго на зиму кадушку солонины. Тамъ что-то ѣли, и сквозь запертую дверь, въ которую Егорка постучался, услышалъ онъ отрывистый и рѣзкій крикъ, похожій на лай собаки:

— Иди, иди, нечего тебѣ тутъ, иди.

И онъ шелъ вдоль улицы, заглядывая въ окна и заходя въ незапертыя двери. Женщина, сидя на полу въ одной изъ совершенно опустѣвшихъ избъ, безъ стола и скамеекъ, нянчила свернутое дѣтское одѣяло, не желая понять, что ребенокъ ея умеръ.

Въ другой избѣ всѣ обитатели—старикъ, старуха и двое подростковъ—лежали на соломѣ. Они были безпомощны, изнурены и голодны, и, потерявъ чувство стыда, валялись рядомъ безъ бѣлья, ничѣмъ не прикрытые. При входѣ Егора, почти взрослая дѣвочка встала и, безсмысленно на него глядя, ощупала его карманы, но, ничего въ нихъ не найдя, опять легла. А старикъ, смѣривъ его жестокимъ взглядомъ, плюнулъ и отвернулся. Егоръ, въ своемъ

рваномъ армякѣ на крѣпкихъ еще членахъ, казался между ними человѣкомъ сравнительно богатымъ и здоровымъ. Круглымъ лицомъ своимъ съ нависшими на лобъ кудрями онъ раздражалъ больныхъ, и жалкіе люди безъ человѣческаго достоинства разразились неистовой бранью.

— Бычья голова, чего стоишь? Что глазища-то пялишь, Каиново отродье? Иди, иди, нечего тутъ, иди.

Онъ пошелъ и встрѣтилъ старика, несшаго на палкѣ узелъ за спиной, и попросилъ у него хлѣба. Тотъ выхватилъ изъ-за спины свой узелъ, прижалъ его къ груди обѣими руками, попробовалъ бѣжать, но трясущіяся ноги его подкосились, и, бормоча что-то невнятное, онъ упалъ.

Помня одно, что нельзя идти домой съ пустыми руками, Егоръ бродилъ, осматриваясь по сторонамъ, и вышелъ за околицу. Кругомъ ни листа, ни травинки, ни звука, только рѣка журчитъ подъ холмомъ. Съ рѣшительностью направился Егоръ къ дому священника, взялъ въ сѣняхъ удочку и для сокращенія дороги черезъ пашню побрелъ къ рѣкѣ. Съ того мѣста, гдѣ пала его буренушка, ему послышалось ея послѣднее мычанье, и онъ, перекрестившись, побѣжалъ къ песчаному откосу берега. Тучи все надвигались, вѣтеръ сорвалъ съ него шапку, разметалъ остриженные въ кружокъ волосы и обдалъ его холоднымъ дождемъ.

Ничего! ужъ онъ сидитъ надъ рѣкой, дождь не мѣшаетъ ему держать удилище, пусть себѣ хлещетъ. Сидитъ Егоръ и самъ съ собою разговариваетъ: — Не сахарный, не растаю; кабы плотвы хоть штукъ десять поймать, на хлѣбъ промѣнять бы, а то несытно будетъ одну уху ѣсть безъ хлѣба. Никакъ лещъ? — Егоръ дергаетъ удилище и хватается жадной рукой за крючокъ. Ничего нѣтъ. Снова насаживаетъ онъ червяка и снова закидываетъ удочку. Дождь шелъ все сильнѣе, словно придавить его хотѣлъ тяжестью ливня къ землѣ; а онъ думалъ о томъ, какъ хорошо въ теплой избѣ, когда печка затоплена, и варится рыба, и хлѣбы пекутъ. Продрогшія челюсти его двигались, стуча зубами, и, вхлебывая воздухъ вмѣстѣ съ дождемъ, казалось ему, что онъ корку хлѣба жуетъ въ прихлебку съ ухой. Конецъ удилища пригнулся къ водѣ. Егорка вскочилъ. Вотъ и въ самомъ дѣлѣ рыбу поймалъ. Трепещетъ, бьется на крючкѣ холодная, чешуйчатая, мокрая, большая-пребольшая рыба. Онъ бросилъ ее на песокъ и энергично почесалъ животъ обѣими руками. Онъ выросъ весь въ одно мгновеніе, выпрямился, ожилъ. Съ такой рыбой онъ не пропадетъ. Поддѣвъ подъ жабры пальцами, онъ не-

сеть рыбу, путаясь ногами въ мокрыхъ лохмотьяхъ, и рыба бьетъ хвостомъ, извивается, рвется.

Пасмурный день незамѣтно перешелъ въ вечеръ, и сквозь бушующую водяную сѣть едва мерцаетъ огонекъ, какъ неподвижная блестка, и раздвигается постепенно въ квадратѣ. Это лавочника окно.

— Дядя Максимъ! — зоветъ Егоръ лавочника издали: — а дядя Максимъ! Отворяй дверь!

На его голосъ высунулись головы изъ оконъ. У него очень громкій голосъ. Сегодня онъ говорилъ съ лавочникомъ шопотомъ, съ улыбочкой, свойственной людямъ несчастнымъ, съ робкимъ примигиваньемъ заплаканныхъ вѣкъ, а теперь онъ кричитъ, потому что не съ пустыми руками идетъ. Онъ безцеремонно вошелъ въ лавку и тряхнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ отряхаются мокрыя собаки. Съ рыбой онъ ужъ не тотъ человѣкъ, и не такъ ужъ люди должны къ нему относиться. И лавочникъ довольно снисходительно сказалъ:

— Покажь, покажь, чтò у тебя? Окунь?

— Судакъ у меня, вотъ чтò принесъ, — придавая своему голосу какъ можно больше значенія, развязно произнесъ Егоръ: —давай полпуда муки.

— Ловокъ больно. Я до рыбы не охотникъ, — равнодушно отвѣчаетъ лавочникъ.—Ты снеси Мамаихѣ, опричь некому.

Между тѣмъ любопытные набрались въ лавку посмотрѣть, чтò у Егора. Окружили его бабы, ребятишки, трогаютъ его находку, съ завистью смотрятъ на него и обращаются къ нему заискивающимъ тономъ, потому что самоуваженіе у нихъ основывается на обстоятельствахъ,—ни у кого нѣтъ такой рыбы, и на всѣхъ Егорка смотритъ свысока:—Ну, ну, не трошь!

— Гдѣ это ты, Егорушка, пымалъ, скажи родимый! Молодецъ. Ловкій ты, братъ, дѣтина. На какомъ мѣстѣ выудилъ?

Егоръ ни съ кѣмъ не говоритъ. Сквозь торжествующее выраженіе въ отверстіяхъ припухшихъ вѣкъ его проглядываетъ безпокойство. Онъ прижимаетъ къ груди рыбу и спѣшитъ выбраться за дверь. Суетливо и возбужденно оглядываясь, несетъ онъ рыбу въ усадьбу. За спиной его, у дверей лавки, голоса становятся шумливѣе:—Каку рыбу Егорка притащилъ, видѣли? Ребята, пойдемъ рыбу ловить. Тетка, гдѣ у тебя мережки? Эй, собирайся, что-ли!

Не далѣе какъ въ это утро Егоръ старался незамѣтно пройти мимо стоговъ потемнѣвшаго сѣна, которые плотными рядами загораживаютъ дворъ; онъ отворачивался отъ амбара,

чтобъ не подумали чего, и шмыгнулъ въ сторону, завидя капитана на дворѣ. Теперь онъ смѣло подходитъ къ дому въ увѣренности, что его, какъ собственника, примутъ тамъ, и ужъ во всякомъ случаѣ прогнать не могутъ. И онъ стучитъ въ дверь, потрясая болтъ.

— Кто тамъ?

— Съ рыббой! Отворяй штоль!—толкая дверь ногой, кричитъ Егорка; удача совсѣмъ опьянила его.

— Ахъ, ты разбойникъ!—раздается за дверью испуганный визгъ самой барыни:—какъ же ты смѣешь ломиться? Вотъ погоди, я въ тебя выстрѣлю изъ ружья!

Егорка понесъ рыбу домой и по дорогѣ захватилъ переложенное черезъ ручей бревнышко, по которому онъ благополучно перебрался.

III.

Домъ Мамаевыхъ стоялъ словно въ осадномъ положеніи. Всѣ ставни въ немъ, за исключеніемъ трехъ жилыхъ комнатъ, всегда закрыты, и тяжелые желѣзные болты дверей не избавлялись отъ замковъ и днемъ: а то заберутся, чего добраго. Наполненная водой кадка стояла посреди двора на случай пожара: того и гляди подпалятъ, тогда ищи съ нихъ. Въ спальнѣ Антонины Антоновны, представлявшей собою хранилище скопленнаго добра, затхлой и полутемной комнатѣ, похожей на кладовую, съ полками и шкафами, полными посуды со всякой снѣдью и заставленной сундуками, было на-готовѣ заряженное ружье и стояла въ углу палка съ желѣзнымъ набалдашникомъ въ видѣ сѣкиры. Не заколочено въ ней только одно окно съ тусклыми двойными рамами, для наблюденій предстоящихъ опасностей. У этого окна проводитъ Антонина Антоновна большую часть дня. Необыкновенно дальнозоркимъ взглядомъ своимъ она проникаетъ въ закоптѣлое оконце кухни, гдѣ видны голые локти Матрены, и большой огонь въ растопленной печи. Тужитъ барыня о томъ, что неумѣренно истребляются дрова, и, водя взглядомъ по всему двору, замѣчаетъ по ту сторону забора чью-то голову.

— Риночка! Мужъ!—поднимаетъ она тревогу:—тамъ чья-то голова! Долго ли тутъ... того и гляди!..

Всѣ выбѣгаютъ на крыльцо, но голова исчезла.

— Сейчасъ тутъ была! Такъ и торчала! Матрена! Матрена!

— Чтобъ вамъ провалиться!—огрызается изъ кухни Матрена,

однако на зовъ явилась съ мрачнымъ лицомъ и облѣпленными квашней руками.

— Чья это голова была? Ты видѣла?—приступаютъ къ ней господа.—Вотъ на томъ мѣстѣ? За заборомъ? Надъ заборомъ? У забора?

— Тьфу ты!—отвѣтила Матрена, плюнувъ, и скрылась въ кухню, потому что щи кипятъ.

Рѣдкій день и рѣдкій вечеръ проходилъ безъ того, чтобъ кто-нибудь изъ Мамаевыхъ не испугался чего-нибудь. То вдругъ увидитъ разомъ двѣ головы Антонина Антоновна, и вмѣсто того, чтобъ ихъ прогнать, ни жива, ни мертва пройдетъ мимо забора, будто не видя ихъ. То Анюта внѣ себя отъ волненія разскажетъ, какъ она встрѣтила въ березнякѣ, должно быть, каторжника-оборванца. То капитанъ своими глазами видѣлъ въ лѣсу порубку, и не только не пугнулъ воровъ, а насилу ноги унесъ. Разбойники, убьютъ, какъ пить дадутъ.

— За какимъ лихомъ они васъ убьютъ?—вставляла отъ себя Матрена иногда довольно пространныя замѣчанія.—Лѣсу у нихъ нѣтъ, вотъ и порубка. Вы съ исправникомъ дѣтей крестили, когда надѣлъ былъ, и съ посредникомъ хлѣбъ-соль водили—вотъ и обдѣлили крестьянъ...

— А ты, Матренушка, не знаешь ли,—ласково прерываетъ ее барыня:—кто повалилъ наше дерево у самой дороги?

— Вѣтеръ. Вотъ кто.—Словно рубитъ топоромъ каждое слово, такъ грубо отвѣчаетъ кухарка; но такъ какъ много наемной прислуги перемѣнили Мамаевы, предоставляя старшей дочери непріятную процедуру послѣдняго прощанія съ изгоняемыми и становясь, въ силу необходимости, все снисходительнѣе къ новой, то грубости Матрены рѣшено пропускать мимо ушей. И къ молоденькой горничной, Грушѣ, недавно привезенной изъ города, приходится относиться съ большою осторожностью. Захочетъ ли капитанъ съ ней полюбезничать и ласково ей скажетъ: „красоточка-чечоточка!“ она отвѣтитъ ему: „старый прелюбодѣй!“ —и приметъ угрожающую позу; или у барыни нечаянно сорвется съ языка: „мерзавка!“—Груша надуется и цѣлый день не хочетъ дѣлать ничего. Въ такихъ случаяхъ барыня прибѣгаетъ къ старшей дочери:—Ты бы, Риночка, покричала на нее.

— Грушка, я тебѣ покажу! — закричитъ Ирина съ такой силой, что струны дряхлаго фортепіано могутъ издать жалобный отзвукъ, а горничная, заткнувъ уши, проворчитъ:—Что это за манера такъ кричать! а еще благородные!

Въ богатомъ имѣніи, гдѣ Груша была подняныкой, съ обязан-

востью наблюдать, чтобъ не разбудили ребенка, или задремавшаго послѣ обѣда стараго барина, гдѣ прислуга ходила на мягкихъ подошвахъ и всѣ говорили полушопотомъ,—Груша привыкла къ тишинѣ и благообразію. Здѣсь самый видъ господъ съ ихъ образомъ жизни былъ ей не по душѣ; рѣзкій голосъ Ирины доводилъ ее до содроганія, и не могла она смотрѣть на ея капотъ цвѣта вареной рѣпы, обшитый розовой тесьмой. Такое сочетаніе цвѣтовъ, равно и фасонъ рукавовъ, напоминающій крылья летучей мыши, вполнѣ отвѣчая вкусу Ирины, приводили Грушу, привыкшую видѣть простой, красивый туалетъ своихъ прежнихъ госпожъ, въ непріятное настроеніе духа. И разъ она сказала:

— Къ вамъ, барышня, совсѣмъ не идетъ этотъ капотъ.

— Молчи.

— Ей-Богу-съ. Ужъ очень онъ васъ старитъ.

— Не воображай, что я тебѣ его отдамъ.

— Вотъ ужъ не взяла бы ни за что безвкусицу такую!

— Вонъ пошла!

Послѣ этого объясненія долго и пристально смотрѣлась Ирина въ зеркало, что̀, впрочемъ, часто дѣлала, оставаясь одна, но никогда еще съ такой болью въ сердцѣ не убѣждалась она въ томъ, что блекнетъ ея бѣлое лицо, пропадаетъ свѣжесть и округлость щекъ, носъ выступаетъ рѣзче. Понимаетъ она, что безрадостно проходятъ въ глуши ея лучшіе годы, и по пустому поводу громко клянетъ свою судьбу. Клянетъ родителей за то, что произвели ее на свѣтъ, сестру—за шалости, прислугу—за неисполнительность, и, проходя мимо уснувшей кошки, непремѣнно толкнетъ ее въ морду ногой. Собака, слыша ея голосъ, всегда спѣшила спрятаться въ укромный уголокъ, и бѣдная, забравшись разъ въ колодезь, утонула. Груша бѣжала отъ ея гнѣва въ кухню, Антонина Антоновна—подъ благовиднымъ предлогомъ—въ амбаръ, капитанъ уходилъ за ворота посидѣть, и если встрѣчалъ Матрену или Ѳедота, то предостерегалъ ихъ:—Риночка опять забушевала.

Все притихало кругомъ Риночки, только голосъ Анюты раздавался за стѣной:—Сова! сова! сова!

Цѣпляясь широкими рукавами за дверныя ручки и опрокидывая стулья, летитъ сестра на ея голосъ, замахивается чѣмъ ни попало.

— Плосконосая лягушка! Я тебѣ покажу!

Но съ невиннымъ выраженіемъ на дѣтскомъ личикѣ Анюта отвѣчаетъ ей смиренно:

— Риночка, я по-французски говорю:—ça va.

— Злая подхалима! Вся въ мать!

Такими по большей части невеселыми событіями дня разнообразилась деревенская жизнь Мамаевыхъ, и родители, наглядно убѣдившись, какъ необходимо дочерямъ образованіе, безъ котораго по нынѣшнимъ временамъ трудно ихъ съ рукъ сбывать, рѣшились учить Анюту всему, чему другія дѣти учатся. Они выписали-было дешевенькую гувернантку третьяго разряда, да она съ Риночкой не ужилась и трехъ недѣль. Поэтому приглашена была учить Анюту дальняя родственница, сирота, кончившая курсъ въ гимназіи, хотя Ирина сильно этому противилась, не желая видѣть въ домѣ никакихъ ученыхъ дуръ. Однако во всемъ уступавшіе ей родители на этотъ разъ списались съ родственницей и со дня на день ждутъ ея пріѣзда.

Осень тянулась долго; мокрая трава на дворѣ всхлипывала подъ ногами, и было грязно у крыльца. Ирина, пройдясь отъ скуки за ворота, промочила ноги, напилась липоваго цвѣта и сѣла къ окну, думая о томъ, что есть на свѣтѣ благодатные края, гдѣ постоянно грѣетъ солнце, и есть люди, которые вездѣ бывали и все видѣли. А она, достигнувъ полной самостоятельности въ домѣ, сидитъ въ немъ, ни о чемъ, кромѣ деревни и уѣзднаго городка, не имѣя никакого представленія. Сосѣднія имѣнія распроданы или сданы въ аренду мѣщанамъ, не къ кому въ гости поѣхать. Есть тетка въ городѣ, да ничѣмъ нельзя у нея распорядиться по-своему; есть тамъ и знакомые, но не хочется у нихъ бывать, потому что ученыя дуры, не оказывая ей надлежащаго вниманія, ведутъ съ мужчинами разговоры, которыхъ она поддерживать не можетъ. Предпочтеніе мужчинами „ученыхъ" и въ особенности превосходство надъ собою послѣднихъ ей невыносимо. И, сознавая себя послѣдней въ обществѣ, занимаетъ она въ своихъ мечтахъ первую роль не только въ уѣздѣ, а и въ столичномъ городѣ. Хочетъ она, чтобъ только ею занимались, на зло ученымъ дурамъ, и чтобъ она дѣйствительно была того достойна. Тогда бы она показала... Самые честолюбивые и властолюбивые планы возникаютъ въ ея головѣ, а въ груди такъ тѣсно и такъ больно, что плакать хочется. Подернутые влагой глаза ея съ трудомъ разглядѣли сквозь дождевую мглу повозку, когда ужъ она подкатила къ воротамъ.

— Лизанька Груздева пріѣхала!—возвѣстила Антонина Антоновна, сидя въ спальнѣ на своемъ наблюдательномъ посту. Раздались въ передней поцѣлуи и привѣтствія; только Ирина не торопилась встрѣтить учительницу, которая сама къ ней вошла.

Ирина косо взглянула на ея дорожный модный туалетъ, молча подставила ей щеку для поцѣлуя и, странно поднявъ брови,

подумала про себя: „еще посмотримъ, кто кого“... Изъ опасенія, чтобы учительницѣ не досталась въ домѣ первенствующая роль, она, по заранѣе составленному плану, будетъ держать ее подальше отъ себя и будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдя за нею, на-готовѣ къ отпору при малѣйшемъ съ ея стороны посягательствѣ на какія бы то ни было права и преимущества. Такъ она и начала дѣйствовать. Она какъ будто совсѣмъ не замѣчала присутствія учительницы, но слѣдила незамѣтно за каждымъ ея словомъ, за выраженіемъ ея лица.

Не снимая шляпы и перчатокъ, Лизанька Груздева прошлась по всему дому, выбрала для себя комнату, и когда ее провѣтрили и протопили, сѣла заниматься съ Анютой. Все это время Ирина, дѣлая видъ, что ищетъ что-то, сновала по комнатамъ и усмѣхалась про себя, оглядывая искоса учительницу: „ученая дура, и больше ничего“... Но озабоченная своимъ дѣломъ и новымъ положеніемъ, Лиза даже не видѣла ее, и такое очевидное невниманіе къ ея особѣ раздражило Ирину.

— Я покажу, какъ распоряжаться въ моемъ домѣ!—сказала она вслухъ самой себѣ, такъ какъ съ ней никого не было въ гостиной, смежной съ комнатой учительницы, и неизвѣстно зачѣмъ шумно сдвинула столъ съ его мѣста. Всѣ ея члены пришли въ безпокойное движеніе; все она переставляетъ, громыхая на весь домъ стульями и взмахивая, какъ крыльями, рукавами своего капота. Все она передвигаетъ на другой ладъ, каждымъ своимъ движеніемъ выражая, что она покажетъ и задастъ, и повернетъ по своему.

На шумъ явилась Груша.—Прикажете помочь вамъ, Ирина Семеновна?

— И приказывать могу сколько угодно!—громко отчеканиваетъ каждое слово Ирина Семеновна:—я здѣсь не наемница, не бездомовница, не сирота. Что̀ захочу, то̀ и прикажу.

Облегчивъ себя такимъ изліяніемъ, стрѣлой вонзившимся въ испуганное сердце неуспѣвшей оглядѣться сироты, Ирина сѣла отдохнуть за картами, и только-что успокоилась, перебравъ всю колоду, а червонная дама такъ и не выпала ни на кого. Она ищетъ червонную даму, нагибается, заглядываетъ подъ столъ и подъ диванъ. И въ ту минуту, когда съ трудомъ удалось Лизѣ сосредоточить вниманіе ученицы на урокѣ, Ирина ворвалась къ нимъ, какъ ураганъ, схватила со стола линейку и подняла надъ головой Анюты:

— Ты, плосконосая, вытащила изъ колоды червонную даму? Говори, гдѣ она?

Лукаво смѣясь глазами, самымъ невиннымъ голосомъ Анюта отвѣчаетъ:—Право же, Риночка, она сама вспорхнула на стѣну.

— Не входите пожалуйста во время занятій въ мою комнату!—съ спокойной твердостью произнесла учительница.

Ирина вся похолодѣла, остановясь, какъ вкопанная, съ поднятой линейкой, и расширенными ноздрями втянувъ въ себя побольше воздуха, она сдержала порывъ бѣшенства, не громко отвѣчая:

— У васъ здѣсь ничего своего нѣтъ, и комната не ваша... Старайтесь, чтобъ васъ не выгнали изъ нея.

Затѣмъ, изъ опасенія потерпѣть ущербъ своему достоинству въ дальнѣйшихъ препирательствахъ съ ученой дурой, она поспѣшно удалилась. Она нашла приколотой къ стѣнѣ червонную даму, съ подрисованными длинными носами на обѣихъ головахъ, и постаралась отрѣшиться отъ горькой дѣйствительности въ сладкихъ гадательныхъ мечтаніяхъ.

IV.

Такъ началось и продолжалось образованіе Анюты въ скучные осенніе дни. Разъ, въ хорошую сравнительно погоду, капитанъ вышелъ посидѣть подъ окнами гостиной, Антонина Антоновна легла немного подремать послѣ обѣда, Анюта ушла гулять, и волей-неволей пришлось Иринѣ сѣсть вмѣстѣ съ Лизой у стола. Зажженная въ гостиной лампа соединила ихъ. Почему-то неловко было Иринѣ гадать на глазахъ ученой дуры, и она взялась за починку бѣлья. Украдкой взглядываетъ она на учительницу, погруженную въ чтеніе, и молча скучаетъ. Разговоръ на дворѣ заинтересовалъ ее, и она пересѣла къ окну. Старуха Маланья, мать Егорки, въ разорванной на плечѣ рубашкѣ, стоя передъ капитаномъ, дрожала отъ холода, а можетъ быть и отъ волненія, потому что прерывающимся голосомъ просила она:

— Не дай помереть, баринъ! Видитъ Богъ: внучка вся извелась съ голодухи, того и гляди отойдетъ; сынъ одурѣлъ; мужъ въ добывку ушелъ и запропалъ который день,—негдѣ мнѣ взять, кромѣ тебя. Недостача у всѣхъ. Баринъ?!

— Да что: баринъ да баринъ, только и слышу!—отрывисто и съ сердцемъ отвѣчаетъ капитанъ, держа въ зубахъ чубукъ и глядя въ сторону.—Не ты первая ко мнѣ пристала. Я вамъ не баринъ. Вы сами себѣ господа. Сами и справляйтесь. Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ. Своя земля, сами и... то-бишь...

— Нешто ее укусишь, землю-то? Баринъ!—Губы старухи непроизвольно всхлипнули, и дырявая рубашка всколыхнулась на груди. Лиза, оставивъ книгу, подошла къ окну; Ирина искоса внимательно глядитъ въ ея лицо, стараясь угадать: какъ внутренно относится ученая къ происходящему, и, уловивъ въ ея глазахъ сочувствіе къ голодной, уловивъ невольный вздохъ ея, вздохнула и сама.

— Ты вспомни, вспомни, — говоритъ Маланья,—Богъ-то у всѣхъ одинъ. Ты Бога вспомни. Грѣхъ на тебѣ большой. Загубилъ ты меня, первую дѣвку, рукодѣльницу-красавицу, да попустилъ свою жену-злодѣйку отдать меня замужъ за калѣку нѣмого, безрукаго, чтобъ я всю жизнь свою маялась, и въ полѣ одна, и въ домѣ одна... А второго мужа безъ вины она засудила въ тюрьму, и опять я билась какъ рыба объ ледъ...

— Ну, ты! — махнулъ рукою капитанъ, выпустивъ изо рта чубукъ и безпокойно оглянувшись: —разговорилась черезъ-чуръ... то-бишь... дочери у меня... не дѣлай сраму...

— Пособи малость.

— У меня у самого неудачи. Хоть самому приходится все сѣно съѣсть.

— Хлѣбушка ломоточекъ подай.

— Тогда всѣ повадитесь. Я не одинъ, дочери у меня, жена.

При послѣднемъ словѣ неподвижное лицо Маланьи шевельнулось всѣми мускулами, растягиваясь въ долгую, злую усмѣшку:

— Не уберегъ отъ жены, такъ отъ смерти спасай!—крикнула она.—Тряпичная твоя душа! Давай хлѣба! — Она яростно подступила къ лицу капитана, который, отшатнувшись отъ нея, вскочилъ. Лицо его покрылось густой краской, и вѣки безпокойно замигали. — Будь ты на томъ и этомъ свѣтѣ проклятъ съ лютой злодѣйкой! — разразилась дикими воплями старуха. — Подохнуть бы тебѣ съ ней. — Капитанъ растерянно оглядывался, хотѣлъ уйти, но за нимъ слѣдовала съ проклятьями Маланья, и онъ сѣлъ на прежнее мѣсто, пыхтя, утирая лицо, которое съёжилось и утонуло въ поднятомъ воротникѣ. Черезъ его голову перелетѣлъ большой хлѣбъ и покатился къ ногамъ старухи, потрясавшей кулакомъ надъ головой. Она подпрыгнула, нагнулась, хватая хлѣбъ, оторвала кусокъ, и жилистая шея ея вытянулась. Ирина, быстро сходившая за хлѣбомъ и бросившая его въ распахнутое окно, пристально глядѣла въ глаза Лизы, желая знать: какъ та относится къ ея поступку. Съ плотоядной судорогой въ лицѣ, похожей на улыбку, обнажившую десна, жадно зачавкала старуха, жуя кусокъ за оттопыренной щекой и бормоча невнятно:—Сожру,

сожру, не утерплю! — опрометью, съ хлѣбомъ въ подолѣ, побѣжала со двора.

Въ тотъ вечеръ у Маланьи справлялся настоящій пиръ. Мужъ ея, Андронъ, откуда-то вернулся и принесъ муки, сала, гостинцевъ, и поваленное дерево, на которомъ Егоръ оплакивалъ буренушку, попало въ его печь въ видѣ обрубковъ. Они трещали и пылали, обдавая мелькающимъ свѣтомъ всю избу, нагроможденные на полу деревянные колья, стружки и щепки, пилу и топоръ, и пять еще неотесанныхъ досокъ для гробика, прислоненныхъ къ косяку входной двери. Теплилась лампадка передъ повѣшеннымъ въ углу на свое мѣсто стертымъ образомъ, а на столѣ пестрѣла разная посуда, пеклись лепешки, кипѣло что-то въ котелкѣ и пахло лукомъ. Егоръ, забравшись на палати, кормилъ свою больную дочь баранками. За дверью тявкала пришедшая домой съ хозяиномъ его собака. Матрена вошла въ дверь и начала креститься на лампадку. Толстая, проворная Матрена, по прозванью „топоръ-баба", босая и растрепанная, съ тупымъ носомъ и живыми темными глазами, всѣмъ поклонилась, осмотрѣлась и высыпала на столъ изъ фартука грудочку ржи. — Вотъ вамъ!—сказала она, какъ отрубила.

— Тебя Господь не оставитъ,—затянула Маланья.

— У васъ раздолье нынче,—удивилась Матрена.—А дѣвчонка хвораетъ еще?

— Я, тетенька, лежу, — отозвалась съ палатей дѣвочка:—я помираю. Приди меня помянуть. У меня розанъ будетъ на могилкѣ рости.

— Ахъ ты болѣзная! А можетъ, ты меня помянешь. Живи да рости. А къ намъ священникъ приходилъ объ васъ хлопотать.

— Какъ же, выхлопочетъ съ васъ лихого бѣса! — возразила Маланья.—Спасибо ему, батюшкѣ: далъ свѣчку да миткалю на саванъ, пару картофелинъ намедни далъ. Да я не утерпѣла, сожрала дорогой, такъ внучкѣ и не донесла.

— Я ѣсть не хочу,—сказала дѣвочка и прибавила, помолчавъ: — а можетъ, я, баунька, не умру.

— Поѣшь лепешечку, поѣшь, свѣтикъ мой!—заунывнымъ голосомъ уговариваетъ ее бабушка.—Егорка, ты корми ее.

— Не охотно ей,—говоритъ Егоръ:—отвыкла, знать, ѣсть-то. Нà вотъ, нà, дѣвонька, сглони еще кусочекъ. Не все горевать.

Налитая въ чашку похлебка задымилась на столѣ, и Маланья пригласила гостью.

— Поѣшь съ нами, Матрена, сядь-присядь. Небось ѣда у васъ неважная.

— И-ихъ, сухо да жидко! Өедотъ съ тѣла спадаетъ. Хошь бы она мнѣ когда маслица постненькаго отлила,—жалуется Матрена: — вотъ, молъ, тебѣ съ кашей, поѣшь. И сами-то одну чечевицу ѣдятъ.

Егоръ спрыгнулъ съ палатей и потянулъ ноздрями воздухъ. Все человѣческое слетѣло съ его лица; выраженіе тупого простодушія на немъ исчезло въ быстромъ, какомъ-то шныряющемъ взглядѣ.

Андронъ, сѣдой старикъ, чернобровый, высокій, получивъ смолоду за свой веселый нравъ прозвище Рѣзвый, удержалъ его за собой, несмотря на суровость, смѣнившую рѣзвость его. Когда Егоръ опустилъ въ солонку корочку хлѣба, сидѣвшій съ нимъ рядомъ Андронъ со всего размаха ударилъ сына по затылку:

— Іуда-предатель хлѣбъ мокалъ въ чашу, — сказалъ онъ, — и ты съ нимъ.

Отецъ и сынъ посмотрѣли другъ другу въ лицо — послѣдній вопросительно и робко, Андронъ—съ поднявшейся верхней губой, отчего желтѣвшіе изъ-подъ усовъ длинные зубы его придали ему устрашающій видъ. Ѣда длилась молчаливая, поспѣшная, ожесточенная. Съ шипѣньемъ выкипалъ въ печкѣ горшокъ, но никто не обращалъ на это вниманія. Горѣвшій шнурокъ въ пузырькѣ съ керосиномъ поднималъ струйку черной копоти. Дѣвочка вдругъ заметалась на палатяхъ, потомъ притихла. Маланья первая оставила ложку и, погладивъ себя по животу, зажмурилась:—Словно опьянѣла я отъ ѣды,—сказала она, но никто не взглянулъ на нее.

— Похлебка на диво!—сказала Матрена, почувствовавъ пресыщеніе. — Хоть бы нашимъ чечевичникамъ попробовать. Вотъ жила-барыня! Нѣтъ, чтобъ оставить кусочекъ кухаркѣ: пусть, молъ, попробуетъ. Какъ бы не такъ. Со всѣхъ тарелокъ соскребетъ въ свою, да въ спальню къ себѣ.

Маланья утвердительно кивнула головой.—Клубнику, бывало, какъ закраснѣется, такъ она ягоды на грядахъ, ходитъ, считаетъ, чтобъ не сорвалъ кто. Сейчасъ провалиться, не лгу.

— Я и говорю: хоть бы когда мнѣ маслица, — жалобно начала Матрена.

— Ну, что молоть изъ-за пустого,—возразилъ Андронъ:—велика фигура маслице. У меня три брата изъ-за нея перемерли, по тринадцатому году ихъ женила да на тягло сажала. Придутъ молодые съ поля—жена за тряпочную куклу хватится, а мужъ ревѣтъ: леденчикъ потерялъ. Повалятся отъ устали, не ѣвши, такъ и заморились совсѣмъ.

Утвердительно кивая головой, Маланья вытянула оба кулака и возбужденно заговорила:

— Умирать буду—не забуду. Боялись мы ее хуже смерти. Смолоду я приставлена была сѣнныхъ дѣвушекъ учить шитью, а она подсматривала въ стеклянную дверь, такъ, бывало, мы боялись голову поднять, хуже смертнаго грѣха боялись всѣ ее. И была у барина собака большущая черная, пасть красная.

— Плутошкой звали,—вставилъ Андронъ.

— Плутошкой звали. Какъ разинетъ пасть да зубища оскалитъ—страсти!

Глубоко перевела дыханіе Маланья и, опустивъ голову, нагнулась, сидя. Егоръ потеръ ладонями лицо и, дрогнувъ весь, поднялся.

— Ты это, маинька, наврала,—тихо промолвилъ онъ.

— Не вѣрится мнѣ,—пожимаясь, сказала Матрена.

— Правду говорю истинную. И со мной, родимые, тоже баринъ надѣлалъ.

— Ну! — строго прикрикнулъ Егоръ на жену, и верхняя губа его вздернулась.—Ты посмотри, чтò ты надѣлала. Чтò ты надѣлала? А?—Маланья испугалась и смотритъ въ полъ по направленію указательнаго пальца мужа: подъ ея ногой виденъ раскрошенный кусочекъ хлѣба.—Это что? Даръ Божій. А ты ногами топчешь. За каждую крошечку отвѣтъ Богу отдашь. Подбирай прямо въ ротъ, да молись!

— Ай, батюшки мои, бѣжать мнѣ!—всполошилась Матрена:—небось ужинать нашимъ пора. Прощай, Андронъ Михеичъ, прощай, Маланья! за хлѣбъ за соль! Егорушка, прощай. Инъ ужъ проститься мнѣ по-христіански съ доченькой твоей.

Матрена ступила на дно опрокинутой кадочки, потянулась къ палатямъ, потрогала больную рукой.—Семъ я тебя, дѣвонька, поцѣлую... Знать, ужъ преставилась?—обернувшись, сказала Матрена и соскочила съ кадочки.—Знать, Богу душеньку отдала! Ай, батюшки, бѣжать мнѣ...

Мгновеніе жуткаго, тяжелаго молчанія въ избѣ смѣнилось пронзительнымъ воемъ Маланьи:—Кормилица ты моя, ненаглядная внученька! на кого ты меня, горемычную, бро-осила?

V.

Какъ разъ вò-время прибѣжала Матрена домой, подала на столъ миску чечевичной кашицы, ломтики холодной солонины, картофель и сказала, какъ отрубила:—Все тутъ.—Потомъ, отойдя къ двери, она такъ громко чихнула, что баринъ съёжился и заморгалъ, а барыня, вздрогнувъ, воскликнула:

— Какъ ты испугала!

— У страха глаза велики. Вы бы хоть ржицы свѣженькой отсыпали, на затхломъ хлѣбѣ силы слабнутъ. Я баба тѣльная, а и то спадать начала.

— Надо прежде это доѣсть. А то куда же ее?—спросила барыня.

— Совѣсти у васъ нѣтъ, ей Богу, право. Ну, какъ таки этакимъ хлѣбомъ рабочаго человѣка кормить?

Антонина Антоновна поджала губы и, съ видомъ самоотверженія положивъ на тарелку родственницы ломтикъ солонины, громко ей предложила:

— Покушай чечевицы, Лиза, это очень питательное блюдо.

— Надоѣла чечевица,—начала Анюта слезливо.

— Другую вѣтвь проведутъ, говорятъ, прямо черезъ наше имѣніе,—растерянно мигая вѣками, произнесъ капитанъ:—и то бишь... станція здѣсь будетъ... Тогда все скупятъ, только давай!

— Хоть бы вы мнѣ когда маслица постненькаго отлили!—жалобно промолвила Матрена, глядя, какъ барыня полила на своей тарелкѣ картофель постнымъ масломъ, при чемъ поддѣла пробкой оставшуюся на горлышкѣ каплю и отправила ее назадъ въ бутылку.

— Какъ ты надоѣла, Матрена, своими разговорами!

— На то языкъ данъ. Не стану я хлѣбы ставить изъ гнилой муки,—вотъ вамъ и сказъ.

Выразительнымъ взглядомъ Антонина Антоновна поощрила старшую дочь прекратить эти дерзости, что̀ во всякое другое время та съ готовностью исполнила бы; но на этотъ разъ, однако, промолчала она, будучи поглощена созерцаніемъ сидѣвшей противъ нея учительницы. Поймавъ улыбку на ея лицѣ, едва замѣтную, невольную и грустную улыбку, почуяла она въ улыбкѣ этой осужденіе, и ясно стало ей, что поводъ къ осужденію есть.

— Выдайте людямъ свѣжей муки, мамаша,—неожиданно сказала она.—Отецъ и мать, не произнося ни слова, устремили на нее удивленные глаза. И сама она словно недоумѣвала и конфузилась, и, продолжая наблюдать выразительное лицо Лизы, искала на немъ одобренія.

Ей долго не спалось въ ту ночь. Проникнутая новымъ, смѣшаннымъ чувствомъ уязвленнаго самолюбія за себя и за семью, сознавая себя и своихъ пристыженными передъ ученой дурой, ненавидитъ она ее, и въ то же время втайнѣ отъ себя волнуется желаніемъ внушить ей уваженіе къ себѣ. Во снѣ она такъ же

отчетливо, какъ на яву, все видѣла улыбку снисходительнаго сожалѣнія, печальную улыбку.

Телѣга застучала по дорогѣ, загоготалъ на дворѣ старый гусакъ и заскрипѣла кухонная дверь. Ирина встала, взглянула въ окно, и ранняя заря блеснула ей въ глаза. Осторожно, со связкою ключей въ рукѣ, вышла она и позвала Матрену въ амбаръ. Тамъ было темно. Натыкаясь на кули и бочки, руководимая Матреной, добралась она до закромовъ, и вотъ своими холеными ручками проворно выгребаетъ она зерно, насыпаетъ въ мѣшокъ и помогаетъ кухаркѣ утащить его. Обѣ въ волненіи спѣшатъ, оглядываясь съ таинственнымъ веселымъ шопотомъ заговорщицъ:

— Будетъ покамѣсть.

— Бери еще.

— Не проснулась бы сама... прямо къ окну... всполошится...

— Со мной не бойся ничего. Спрячь въ кухнѣ, потомъ отнеси и раздай по-ровну.

— Помогите, барышня, мнѣ на спину взвалить.

Испачканная въ мукѣ, съ трухой на волосахъ и разгорѣвшимся лицомъ, оживленная, свѣжая, бѣжитъ Ирина черезъ дворъ, какъ маленькая дѣвочка, и весело смѣется.

— Матренушка милая, я къ теткѣ поѣду сейчасъ, денегъ у нея попрошу. Шарабанъ поскорѣй, пока никто не проснулся!

Сама Ирина правитъ лошадью, ѣдетъ безъ провожатаго и киваетъ головой Матренѣ:—Прощай!

Хорошее слово—прощай: повелительное, властное, оно выражаетъ довѣріе къ человѣческой незлобивости и означаетъ: въ разлукѣ ты прощай мнѣ все. Хорошій вѣтеръ, влажный и крѣпкій, проникаетъ до дрожи; хорошая дорога пошла въ гору; шумитъ проснувшійся лѣсъ. Роса, земля и деревья издаютъ такой бодрящій запахъ, что свѣтлѣе становится жизнь, легче дыханіе. Хочется видѣть людей, хочется сблизиться съ ними, хочется всѣхъ полюбить. На открытомъ возвышенномъ мѣстѣ хорошая картина представилась глазамъ. Поднялось солнце надъ рѣкой, огненной чешуей заиграла вода, и на ней чернѣетъ лодка, какъ потухшій уголь въ пламени. Все кругомъ облито розовымъ свѣтомъ, все хорошо. Хорошій человѣкъ ей встрѣтился въ селѣ.

VI.

Присутствіе Лизы не произвело видимой перемѣны въ домѣ. Она никому не мѣшаетъ, проводя свободные часы за чтеніемъ привезенныхъ съ собою книгъ, и голоса ея не слышно. Никто ее не замѣчаетъ, покуда не нужна ея услуга. Тогда она очень охотно исполняетъ требуемое, интересуясь только своей работой. У нея особенная способность входить во вкусъ всего, что бы она ни дѣлала. Отъ книги она отрывается съ трудомъ, но стоитъ ей взяться за шитье, и она втянется въ него, любуясь постепенно созидающейся подъ иголкой вещью. И отъ шитья ей жалко оторваться. Анюта съ каждымъ днемъ быстрѣе понимаетъ и правильнѣе судитъ обо всемъ,—не хочется кончать урока съ ней. Всегда довольная настоящей минутой, Лиза не имѣетъ желаній, кромѣ желанія ее продлить, и жизнь ея состоитъ изъ ряда пріятныхъ настроеній, жизнь—удовольствіе для нея. Счастливыя натуры, какъ у нея, на всякомъ поприщѣ трудятся не для славы и выгоды, а изъ любви къ своему дѣлу. Еслибъ судьба ее забросила въ тюрьму, и тамъ нашлась бы для нея возможность пріятно время проводить. Ей восемнадцатый годъ. Лицо у нея серьезное, но совершенно дѣтское, съ пухлыми губами и выбившейся на лобъ черной прядкой зачесанныхъ назадъ волосъ. Не подозрѣваетъ она, молчаливая и скромная, что помимо воли и сознанія, однимъ своимъ присутствіемъ вліяетъ она на поступки и понятія Ирины.

Антонина Антоновна сѣтовала на отсутствіе старшей дочери: безъ нея какъ безъ рукъ. Шумливый говоръ мужиковъ по вечерамъ казался ей еще страшнѣе; еще смиреннѣе встрѣчала она грубости прислуги, все ласковѣе относилась къ учительницѣ.

— Ужъ не взыщи, голубчикъ мой, на угощеньѣ, чѣмъ богаты. Приготовь себѣ постельку, налей водицы въ графинъ, привыкай, душечка, дѣлать все сама. Люди дороги, грубы, лѣнивы. Такъ ли я говорю? А Риночка загостилась въ городѣ.

— Надо же ей себя показать и людей посмотрѣть,—возражалъ капитанъ, а самъ думалъ про себя: „всѣмъ бы намъ бѣжать отсюда не мѣшало".

Разъ, когда всѣ уснули ночью, Антонина Антоновна вспомнила, что поставила остудить миску клюквеннаго варенья въ наглухо заколоченной залѣ, да такъ и не убрала его подъ замокъ. Не желая, чтобы прислуга имъ попользовалась утромъ, она пошла за нимъ со свѣчкой, захвативъ палку-сѣкиру. Она испу-

галась въ залѣ и подняла неистовые крики на весь домъ. Столкнувшіеся въ дверяхъ залы капитанъ и Лиза нашли ее въ угрожающей, окаменѣвшей отъ страха позѣ. Такая же, какъ она, старуха, въ такой же точно позѣ, съ поднятой палкой, стояло передъ ней—ея собственное отраженіе въ подернутомъ пылью зеркальномъ простѣнкѣ. И вотъ, чтобъ не такъ жутко было, рѣшили Грушу на ночь въ домѣ оставлять, и барыня искательно сказала ей за чаемъ:

— Перенеси изъ кухни сюда свою постельку, въ передней будешь спать, голубчикъ мой.

— Грушечка-душечка!—хихикнулъ капитанъ.

Горничная учтиво улыбнулась, наклонивъ свою гладко причесанную голову. Въ свѣжемъ ситцевомъ платьѣ, красиво собранномъ на груди, въ безукоризненно бѣломъ передникѣ, обутая въ полосатые чулки и полу-ботинки съ бантами, она составляла разительный контрастъ съ неряшливыми господами, особенно съ Анютой, красныя руки которой были испачканы, а ноги—въ грубыхъ опойковыхъ башмакахъ.

— Ступай же, Грушка!—сорвалось съ языка барыни давно уже упраздненное презрительное полуимя.

— Грушка-побѣгушка, — смягчаетъ шуткой это слово капитанъ.

Но горничная продолжаетъ стоять передъ ними. Сдержаннымъ тономъ, перебирая чистенькими пальцами уголокъ передника, она такъ начала:

— Позвольте вамъ сказать, сударыня, я собственно хочу проситься, чтобъ отпустили вы меня совсѣмъ.

Супруги обмѣнялись озадаченнымъ взглядомъ и въ одинъ голосъ воскликнули:

— Не успѣла пожить, и совсѣмъ? Чѣмъ же ты недовольна?

— Я, собственно, всѣмъ много довольна, только нѣтъ моего желанія остаться здѣсь. Харчи у васъ нельзя сказать, чтобъ были мнѣ по вкусу.

— И я къ купцу Павлову уйду, — выхватилась Матрена изъ-за двери:—у него харчи-то не ворчи.

— Бунтъ! — прошептала Антонина Антоновна, и сказала громко:—Поди, Матреша, на погребицу, мнѣ сливокъ наснимай, а молоко возьми себѣ. Поди, голубчикъ, поскорѣй... Вотъ какъ ты заговорила!—обратилась она къ Грушѣ, пытаясь расположить ее улыбкой.

Но та этимъ не тронулась, и послѣ небольшого молчанія съ

рѣшительностью заявила: — Совсѣмъ мнѣ не къ лицу у васъ служить.

Капитанъ, забавно надувъ щеки, засмѣялся насильно.

— Опять же я пріучена къ опрятности, а у васъ полный домъ клоповъ,—сказала Груша и потупилась.

— Еще что? — съ едва примѣтнымъ раздраженіемъ спросила барыня.

— Пыли, сору не оберешься...

— На то и наняли тебя...

— Совсѣмъ не по мнѣ такая грязь.

— Ахъ, мои батюшки!—не выдержала барыня.—Вспомни: кто ты? Отецъ твой былъ моимъ форейторомъ и на навозѣ спалъ.

— А я этого не могу-съ. Увольте ужъ меня, какъ вамъ угодно. Опять же барышня, Ирина Семеновна, ужъ очень неспокойны. Мои нервы не выносятъ ихняго крику.

— Часъ отъ часу не легче! — Капитанъ сердито плюнулъ, Анюта засмѣялась, и мать поставила ее въ примѣръ.

— Видишь: дочь капитана, помѣщица, столбовая дворянка, а про нервы и не думаетъ. Какъ ты полагаешь: хуже она или лучше тебя?

— Этого я доподлинно знать не могу-съ.

— Ахъ ты мерзавка!

Неизвѣстно, къ чему бы привели всѣ эти объясненія, еслибы въ столовую не вошла Ирина, въ шляпкѣ и пальто. Мать такъ и бросилась на встрѣчу ей, такъ и припала головой къ ея плечу.

— Ужасъ, ужасъ, Риночка! ты только послушай! — безпомощно залепетала старая помѣщица, и мясистое лицо ея, съ двойнымъ подбородкомъ, облилось слезами. — Ты, Риночка, послушай ея разговоръ!

— Какіе же собственно мои разговоры, — учтиво возразила горничная: — я только къ тому сказала, что окончательно мое желаніе уйти. Я ужъ папашенькѣ объ этомъ написала. Я между прочими господами хорошему обращенію научилась, и всегда мѣсто найду. Я умѣю, какъ съ дѣтьми разговаривать...

— Дурочка!—беззвучно смѣясь, перебила ее Ирина и, отнявъ у матери носовой платокъ, похожій на затертую тряпку, бросила Грушѣ. — Возьми и подай чистый!—крикнула она безъ всякой, впрочемъ, досады.

Взявъ двумя пальцами платокъ и отведя далеко руку, съ брезгливой миной горничная вышла.

Ловя загадочную, быструю улыбку на губахъ Лизы, которая

не безъ удивленія отвѣтила на ея крѣпкое рукопожатіе, Ирина въ первый разъ привѣтливо къ ней обратилась:

— Привыкаешь къ деревнѣ, Лизанька? Мамаша, да перестаньте нюнить. Чаю хочу.

Въ числѣ новостей, привезенныхъ ею изъ города, былъ слухъ объ ожиданіи коммиссіи для изслѣдованія причинъ неурожаевъ.

— Наша земля, слава Богу, родитъ, — набожно молвила Антонина Антоновна:—арендаторы не жалуются. Это мужиковъ Богъ наказываетъ.

— А вы радуетесь этому, мамаша, и еще Бога благодарите! —не сводя глазъ съ лица учительницы, протестуетъ Ирина, и послѣ чая подсаживается къ Лизѣ въ гостиной, пока всѣ, ради воскресенья, собрались къ обѣднѣ:—Останься со мной, Лизанька, проситъ она: — поговоримъ, не ходи въ церковь. У меня есть дѣло до тебя.

Но когда Лиза, исполнивъ ея желаніе, углубилась въ вязанье, забавляясь фигурками, выростающими подъ крючкомъ, она не знала, какъ приступить къ дѣлу, и, подавляя въ себѣ чувство, похожее на робость передъ ученой дурой, открыла фотографическій альбомъ.

— Какой-то курносый король сформировалъ полкъ изъ курносыхъ,—неловко улыбаясь, сказала Ирина:—а я, напротивъ, собираю длинноносыхъ. Вотъ Шиллеръ, Листъ, Шопенъ, бюстъ Цезаря...

Въ своемъ желаніи выйти изъ затрудненія, Ирина засмѣялась принужденно.

— Какъ ты думаешь, Лиза, могу я понравиться кому-нибудь?

— Разумѣется, можешь. Извини, Риночка, я пойду, поищу ножницы.

Порывисто обнявъ за талію, Ирина удержала ее.—Не избѣгай, не бойся меня, Лиза... Ты пойми. Ну, сядь и войди въ мое положеніе: папаша глупъ, какъ пробка, мамаша скряга и подхалима, мнѣ не съ кѣмъ слова сказать. Какъ же не быть мнѣ злой подчасъ? Не осуждай меня.

— Развѣ я тебя осуждала?

— Ты только выслушай. Вѣдь я семи лѣтъ испытала чувства, какихъ и взрослымъ не приходится испытывать, — оживленно, искренно заговорила Ирина, и рѣзкій голосъ ея сталъ мягокъ и чистъ:—мое сердце съ тѣхъ поръ такъ и не разжималось. Мы были больны корью: я и маленькая сестрица, и мы лежали рядомъ. Она умерла. Когда ее выносили, я слышала, какъ отецъ сказалъ:—„Жалость какая, красавица была".—А мать запла-

кала и отвѣчала:—„Да, лучше бы Рина умерла“.—Я тогда похолодѣла вся отъ ненависти и обиды...

Она умолкла и, облокотясь на столъ, вопросительно смотрѣла на собесѣдницу, передъ которой неожиданно для себя проявила внутреннюю жизнь свою, и рѣчь ея, проникнутая горькой убѣдительностью, доставила ей облегченіе. Но ей было необходимо утѣшительное слово, и Лиза кстати и съ участіемъ сказала ей:

— Мало ли чтȏ говорится съ отчаянія. Еслибъ ты умерла, они то же сказали бы...

— Ты думаешь?—съ живостью прервала она ее.—Я сама такъ думала иногда. А просьбу мою ты исполнишь, милая Лиза?

— Съ удовольствіемъ.

— Письмо мнѣ надо написать одному знакомому, только почеркъ у меня плохой и... ошибки.

— Она хлѣбъ пишетъ: х-л-е-п-ъ, — со смѣхомъ объявила изъ-за двери Анюта.

Безъ гнѣва, больше по привычкѣ, Ирина на нее прикрикнула:—Ты зачѣмъ въ церковь не пошла? Ступай сейчасъ.

— Жаль новые башмаки трепать, — отвѣчала девятилѣтняя дѣвочка.

Послѣ нѣкотораго колебанія, взявъ съ Лизы клятвенное увѣреніе сохранить ея тайну, она призналась ей порывисто и горячо:

— Я влюблена.

Лиза сконфузилась и промолчала, гляди на нее. Ирина съ томнымъ вздохомъ начала передавать ей подробности своего дѣла. Пріѣхавшій изъ Петербурга продать свой домъ въ ихъ городѣ заслуженный докторъ, профессоръ, тайный совѣтникъ Трампедахъ встрѣтился ей въ селѣ Мамаевѣ, куда онъ приходилъ лечить крестьянъ. Она ѣхала въ городъ и предложила подвезти его. Дорогой онъ правилъ шарабаномъ и былъ чрезвычайно внимателенъ къ ней. Потомъ, по приглашенію тетки, былъ у нихъ на вечеринкѣ и обращался въ разговорахъ преимущественно къ ней, а на другой день очень радушно принималъ ее съ теткой у себя. Ни одинъ мужчина не выказывалъ ей, какъ онъ, знаковъ особеннаго расположенія и не внушилъ ей такого серьезнаго чувства. Однимъ словомъ, она въ первый разъ любитъ, любитъ его и хочетъ, чтобъ онъ это зналъ. Сказать ему она никогда не рѣшится, поэтому надо написать. Противъ обыкновенія тихо и медленно говорила Ирина, съ явнымъ желаніемъ продлить пріятную бесѣду. Говорила она въ простыхъ, порою даже слишкомъ безъискусственныхъ выраженіяхъ о томъ, что вѣдь она не болѣе какъ жертва происходящей кругомъ неурядицы, изъ которой ей

пора ужъ давно выбраться. И на эту тему слѣдовало построить содержаніе письма.

При всемъ нежеланіи Лизы огорчить ее сомнѣніемъ въ успѣхѣ такого предпріятія, рѣшилась она все-таки замѣтить ей:

— Не рискованно ли будетъ?

— Хуже не будетъ,—съ оттѣнкомъ удали отвѣтила Ирина. —Пиши.

И вылилось изъ-подъ пера Лизы посланіе, пояснявшее внезапно вспыхнувшее чувство дѣвушки къ достойнѣйшему изъ людей, могущему своей взаимностью осчастливить и спасти во-время жертву семейной неурядицы, и тѣмъ пріобрѣсти навѣки преданное сердце.

Пріятельницы отправились въ село, чтобъ тамъ нанять когонибудь снести въ городъ письмо. Поля, мимо которыхъ онѣ шли, представляли собой печальное зрѣлище. Торчали рѣдко кое-гдѣ колосья, которыхъ жать не стоило, обломанные и пустые; глинистыя пустоты, гладкія и красноватыя какъ лысины, безпокоили взглядъ; мѣстами мокли и темнѣли тощія копенки, не свезенныя за неимѣніемъ лошади, и птицы кружились надъ ними. Лѣсъ свѣтлѣлъ насквозь безъ зелени, и каждый стволъ, и каждый кустъ его былъ облитъ острыми лучами октябрьскаго солнца. Изъ-за вѣтвей орѣшника съ пугливымъ любопытствомъ выглянули дѣтскія лица и спрятались. И раздалось вслѣдъ барышнямъ сопровождаемое звонкимъ смѣхомъ прозвище: — Чечевичницы идутъ! — Ирина сдѣлала движеніе, какъ бы желая ихъ поймать: —Вотъ я васъ! Хворостъ воруете! Ломаете сучья въ нашемъ лѣсу!—Прискорбное сознаніе собственной неправоты въ непріязни крестьянъ пробуетъ она заглушить въ себѣ вѣскими доводами:

— Неблагодарны, грубы, дики, жадны мужики, — говоритъ она Лизѣ, ловя улыбку на ея лицѣ, и завидя рослаго плечистаго Егорку, изъ опасенія ущерба своему достоинству, останавливается. — Ты пошли письмо, я не люблю много ходить, я устала.

И повернула назадъ съ тяжелымъ чувствомъ, не будучи въ состояніи разобраться въ спутанныхъ мысляхъ своихъ: „Какое дѣло имъ, что ея семья ѣстъ скупленную пять лѣтъ тому назадъ чечевицу, которую не удалось продать по дорогой цѣнѣ?“ И въ солнечномъ блескѣ, въ мельканьѣ вѣтвей, во всемъ, на что смотритъ она, видится ей скрытая, невольная улыбка, скользнувшая по губамъ ученой, улыбка оскорбительнаго снисхожденія запечатлѣлась внутри ея взгляда, преслѣдуетъ ее и возмущаетъ во-

просомъ: развѣ не жадность—скупить и погноить сѣно и хлѣбъ, когда кругомъ безкормица и голодовка?

Скверно у нея на душѣ.

VII.

Лиза вступила въ переговоры съ Егоромъ относительно письма, и тотъ, отвѣтивъ ей:—Надо у маиньки спроситься,—громко позвалъ, повернувшись къ избѣ:—Маинька!—И понесся изъ избы ворчливый крикъ старухи:

— Чтобъ васъ всѣхъ розорвало съ лиходѣйкой, курощупы, чечевичники! Умирать буду, не забуду!

— Осатанѣла маинька, — сказалъ Егоръ, — съ тѣхъ поръ какъ у насъ дѣвонька померла.

Маланья, какъ безумная съ растрепанными волосами, съ разстегнутой грудью, выбѣжала и сѣла на крыльцѣ. Она устремила глаза въ сторону усадьбы Мамаевыхъ, на краснѣвшую за обнаженной грядой древесныхъ вершинъ крышу ихъ дома, и погрозила туда поднятымъ надъ головою кулакомъ. Потомъ она стала креститься и шептать:

— Не введи во искушеніе! не попусти меня, Господи!

Егоръ нерѣшительно къ ней приблизился:—Съ письмомъ меня въ городъ шлютъ, маинька.

Заслонивъ глаза рукой отъ солнца, Маланья поглядѣла на Лизу, спросила ее:—Ты въ горничныхъу нихъ, али учительша? Рублей пять небось жалованья тебѣ положено? Ты посиди, отдохни, ничего; и Матрена заходитъ когда, — барыня не узнаетъ. А и узнаетъ, такъ ничего не подѣлать ей, кромѣ какъ прикинуться казанской сиротой. А поглядѣла бы ты, какая грозная была. По злобѣ меня за нѣмого калѣку замужъ выдала. Воля насъ съ ней развязала, а меня съ мужемъ законъне развяжетъ, а она идетъ, бывало, мимо, да и спрашиваетъ, издѣвается: „Какъ поживаешь, Малаша? Съ нѣмымъ-то, говоритъ, лучше: не ругается, а безрукій не дерется". Вотъ что я тебѣ, дѣвушка, скажу: приходи къ намъ приклонить головушку, коли житья не будетъ отъ нея,—у насъ другая изба такъ стоитъ. Снеси письмо, Егоръ, предоставь безпремѣнно. Вонъ и барыня идетъ, а баринъ, знать, остался чай пить у попа.

Барыня идетъ, отрывисто шагая и опираясь на палку-сѣкиру. Она не просто идетъ, а тычетъ въ землю ногами, при чемъ мясистыя щеки ея трясутся и колышется на головѣ уголъ косынки. Плотное, короткое туловище ея выказываетъ силу; узловатые пальцы крѣпко впились въ набалдашникъ, и безпокойно разбѣгаются ея глаза.

Вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, она глянула черезъ плечо, когда Лиза вышла къ ней изъ-за избы, стоявшей на нѣкоторомъ разстояніи отъ села.

— Ахъ, это ты!—пробормотала Антонина Антоновна:—а я думала... Какъ ты меня испугала!.. Здравствуй, голубчикъ мой!—поклонилась она Егору, который приподнялъ неохотно шапку и нахмурился.

— Своей совѣсти пугается,—ворчитъ Маланья на крыльцѣ.

— Здравствуй, Малаша, какъ поживаешь?

— Какъ вы живете-можете, сударыня, все ли во здравіе чечевичку кушаете?

— Вотъ чтò приходится терпѣть!—шепчетъ Лизѣ Антонина Антоновна:—мужа ея только недавно изъ тюрьмы выпустили, а она ужъ грубитъ. Ну, скажи на милость, Лиза: какъ же не выпороть такую тварь, еслибъ была на то возможность? Вотъ я Риночкѣ скажу,—пусть покричитъ.

Но Ирина ни во что не вмѣшивается, только секретничаетъ съ Лизой, которая и часть обязанностей горничной, по ея уходѣ, исполняетъ охотно.

Въ самомъ безпокойномъ состояніи духа, то замирая отъ надеждъ на удачу, то упрекая себя за напрасное униженіе передъ едва знакомымъ человѣкомъ, описывала Ирина его обстановку: пальмы въ кадкахъ, японскіе столы и ширмы, и терракотовыя вазы, всю невиданную ею роскошь его дома, съ практическимъ смысломъ своей матери подводя итоги стоимости. Трампедахъ служилъ прежде во флотѣ, много путешествовалъ и навезъ, по ея словамъ, необыкновенныхъ рѣдкостей изъ-за границы. И съ простодушной дѣвической вѣрой переходила она къ восклицаніямъ:—Не даромъ мнѣ такъ часто выпадало въ картахъ выйти замужъ за чиновное лицо!

— А наша Риночка что-то давно не бушевала,—удивлялся ея отецъ; а мать по прежнему къ ней прибѣгала:—Ты бы покричала на Матрену.

— Кричите сами. Довольно вы меня съ самаго дѣтства натравляли на прислугу.

Другой разъ, будучи не въ духѣ послѣ выданнаго мужикамъ мѣшка муки, въ борьбѣ природной скупости съ стремленіемъ быть не хуже тѣхъ, кто многому учился, Ирина охватывалась безсильной досадой, невольно слетавшей съ ея языка вмѣстѣ съ укоризненными взглядами въ сторону Лизы:

— Себя разоришь, а всѣхъ не накормишь,—произносила она готовыя слова, звучавшія въ этихъ стѣнахъ со дня ея ро-

жденія:—чѣмъ больше даешь, тѣмъ больше просятъ. Береженаго и Богъ бережетъ!—и сводила свою щедрость до горсти муки, до ковшика ржи. При этомъ тягостное сознаніе, что она все-таки обворовываетъ семью, заставляло ее дружелюбнѣе къ ней относиться.

— Выпейте хересу, папаша, не жалѣйте для себя... Мамаша, я выдала ваши любимыя пикули къ обѣду; можно еще купить.

Тревогами своими утомляла она Лизу, или молча бродила вокругъ дома. Голыя вѣтки, какъ высохшіе пальцы, задѣвали ея платье; вороны возились въ обнаженныхъ гнѣздахъ, шумно крича надъ ея головой: не накаркали бы несчастія.

Наконецъ получила она первое въ жизни письмо на свое имя, сѣла на пень—и не сразу рѣшилась открыть свою судьбу. Она поняла, перечитавъ письмо четыре раза, что Трампедахъ очень удивленъ пріятной для него неожиданностью, не находитъ словъ выразить Иринѣ Семеновнѣ, насколько тронутъ онъ ея предпочтеніемъ, и когда-нибудь воспользуется случаемъ поближе съ ней познакомиться, также какъ и съ почтенными ея родителями.

Трепещущая, обновленная, прижавъ къ взволнованной груди руку съ письмомъ, пришла она домой и поцѣловала Лизу.

— Я тебя не оставлю, пристрою,—сказала она.—Прочти. Вѣдь это значитъ, что онъ пріѣдетъ сюда?

Лиза пробѣжала глазами письмо.—Должно быть, пріѣдетъ.

— Ахъ, Господи! Ты только никому заранѣе не говори. Ради Бога, не говори!

Невольная торжествующая улыбка растягивала тонкія губы Ирины, какъ будто она своей удачей кому-то досадила или сокрушила какихъ-то враговъ; такой побѣдной гордостью зажглись ея глаза, и въ ликующемъ возбужденіи она бормотала про себя: —Я имъ всѣмъ докажу... я покажу... увидятъ...—Немедленно стала она готовиться къ принятію жениха, и прежде всего подумала о новомъ платьѣ. Обратиться къ матери за деньгами было бы безполезно, и вспомнила она, что въ сундукѣ лежитъ китайская матерія, до такой степени великолѣпная, что мать рѣшилась никогда не вынимать ее. Матерія эта, въ качествѣ ризокъ, была подарена крестившимъ Риночку исправникомъ, который давно умеръ, а матерія все лежитъ въ сундукѣ. И вотъ, доставъ ее украдкой, Ирина проситъ Лизу выкроить ей платье изъ нея. Та подняла рѣшительный протестъ.

— Не годится это! Помилуй, куда же такое платье! Нельзя!

— Пожалуйста меня ты не учи. Яркіе цвѣта идутъ ко мнѣ, я знаю.

И комната Ирины приняла видъ мастерской, заваленной лоскутьями и выкройками.

Работая въ ней, пріятельницы запирались изнутри.

Переполненная счастьемъ до упоительной усталости, Ирина раскидывалась въ креслѣ и томно молчала. Не отвѣчая на необходимый вопросъ, она съ несвойственной ей шаловливостью вдругъ запоетъ: „Мой мужъ странный такой"... и зальется тихимъ, звенящимъ смѣхомъ.

— Лиза, знаешь, я точно пьяная; право, кружится голова, но вѣдь это-то и пріятно... Ирина Трампедахъ... Нѣтъ, кромѣ шутокъ...

Въ настроеніи побѣднаго ликованія, не покидавшаго ее въ продолженіе нѣскольких дней, торжественнымъ трубнымъ звукомъ раздавалась въ ея устахъ ея будущая фамилія.

Работа подвигалась медленно, урывками и скрытно отъ домашнихъ. Ужъ выпалъ снѣгъ, когда пришлось Иринѣ въ первый разъ примѣрить золотистое, съ пунцовыми цвѣтами, шолковое, китайское платье. Она вышла въ гостиную посмотрѣться въ зеркальный простѣнокъ; мать, встрѣтивъ ее въ такой обновѣ, попятилась назадъ, молча всплеснула руками и съ открытымъ ртомъ упала въ кресло.

Высокая, широкоплечая, въ колоссальной прическѣ, какъ колоколомъ обведена Ирина плотной, блестящей юбкой; съ несокрушимымъ довольствомъ на лицѣ, она похожа на языческое божество. Она не замѣчаетъ ничего, кромѣ своей особы въ зеркалѣ, и поетъ вполголоса: „Жду тебя, милый другъ, счастье жизни моей"...

Антонина Антоновна, не вѣря своимъ глазамъ, пощупала на ней обѣими руками завѣтную матерію и въ безсиліи своемъ пролепетала:

— Что ты дѣлаешь, дочь моя?

— Обновляю свои ризки, мать моя.

— Да ты и впрямь на попа въ ризѣ похожа,—съ вытянутымъ отъ удивленія лицомъ замѣтилъ отецъ, входя.

— Жаръ-птица!—хохочетъ Анюта въ дверяхъ.

Не обращая ни на кого вниманія, величественно удалилась въ свою комнату Ирина; какъ сухой листъ шуршало, шелестило, переливая огоньками, дивное платье на ней. Съ платьемъ явилось нетерпѣніе скорѣе увидѣть жениха. Сама почистила Ирина мебель, выгребла не мало сору изъ-подъ комодовъ и шкафовъ, заставила отца перемѣнить слишкомъ незатѣйливое одѣяніе на старенькій мундиръ и приступила къ матери:

— Какъ вы одѣты, мамаша! Вдругъ кто-нибудь къ намъ пріѣдетъ и приметъ васъ Богъ знаетъ за кого.

Для Анюты она поискала въ гардеробѣ что-нибудь подходящее, и вдругъ, увидя, что Лиза шьетъ что-то себѣ изъ хорошенькаго ситца, обезпокоилась. Она безпрестанно проходитъ черезъ комнату учительницы, заглядывая въ ея работу, наконецъ поддѣльно равнодушнымъ тономъ спрашиваетъ ее: — Чтò ты шьешь?

— Блузку. Знаешь, это очень удобно: можно со всякой юбкой надѣвать.

Съ тонкой усмѣшкой поднявъ брови, Ирина вышла, а черезъ минуту вошла въ другую дверь и мимоходомъ, не замедляя шага, говоритъ:

— Напрасно ты... Онъ терпѣть не можетъ новыхъ знакомствъ. —И, сопровождаемая удивленнымъ взглядомъ Лизы, исчезаетъ за дверью, чтобъ снова появиться черезъ другую дверь: —Тебѣ незачѣмъ и выходить къ нему.

— Не выйду, будь покойна! — понявъ причину ея волненія, отвѣчаетъ ей вслѣдъ Лиза, смущенная ея предостереженіемъ, и начинаетъ интересоваться: пріѣдетъ или не пріѣдетъ Трампедахъ. Зная подробности его обстановки, описанной Ириною, она не можетъ себѣ представить его наружность, о которой та ни словомъ не обмолвилась. Любопытство въ ней возбуждено. Судя по фамиліи, ей кажется, что онъ долженъ быть человѣкъ воинственнаго вида, съ громкимъ голосомъ и странными манерами. Онъ долженъ быть смѣшонъ, — предполагаетъ Лиза, сосредоточивъ свои мысли на человѣкѣ, о которомъ до той минуты совсѣмъ не думала.

„Пусть шьетъ, — думаетъ между тѣмъ Ирина: — еще посмотримъ, кто кого“... Съ клокочущей въ душѣ тревогой видитъ она, что ужъ сугробы выросли подъ окнами, занесены снѣгомъ тропинки на дворѣ, а дорога еще не накатана, и можно на ней заблудиться... Нѣтъ, онъ не пріѣдетъ совсѣмъ... Не можетъ онъ не пріѣхать: онъ добрый, честный, благородный человѣкъ. Въ самыхъ красивыхъ очертаніяхъ рисуетъ она себѣ образъ обвѣяннаго атмосферой тайны, издали познаваемаго мужчины, и все страстнѣе, непреодолимѣе становится ея желаніе соединиться съ нимъ. Что же онъ медлитъ?!.. „Поспѣшите ко мнѣ, Павелъ Леопольдовичъ! я такъ жажду васъ видѣть, я такъ жажду любви! Я всю душу отдамъ, полюбивъ. Все, чтò есть добраго и чистаго во мнѣ, я передъ вами разверну. На васъ перваго, на васъ единственнаго, я изолью сокровища моего сердца, никому не открытаго, и никому, кромѣ васъ, не открою его никогда!“

Вотъ еслибъ эти неподдѣльныя, сокровенныя чувства свои

она сама могла ему написать... Черезъ посредницу невозможно ихъ выразить, невозможно произнести такихъ словъ передъ тѣмъ, къ кому они не относятся... Нѣтъ, онъ не пріѣдетъ.

Измученная волненіями, подолгу остается она неподвижной съ локтями на столѣ, подолгу не ложится вечеромъ спать. Чѣмъ бы разсѣяться, съ кѣмъ отдохнуть, къ кому бы пойти? Идетъ она все къ той же Лизѣ, пытливо̀ и пронзительно глядитъ въ ея глаза, хочетъ заговорить, но истерическій хохотъ душитъ ее.

Страшная мысль шевельнулась въ ея мозгу: „Еслибъ можно было по смерти людей завладѣвать ихъ познаніями и способностями... гораздо чаще происходили бы убійства съ цѣлью грабежа"... Хохотомъ и слезами гонитъ она отъ себя страшную мысль, а Лиза спрашиваетъ ее съ участіемъ:

— Ты нездорова, Риночка? Скажи мнѣ скорѣе, что̀ ты чувствуешь?

— Онъ подшутилъ надо мной, Лиза!—вырвался изъ сдавленной груди Ирины отчаянный шопотъ.—Онъ смѣется надъ моимъ письмомъ. Напрасно ты писала... Зачѣмъ ты писала ему! Еслибъ не ты... Пожалѣй ты меня!

— Полно, не думай объ этомъ. Ты займись чѣмъ-нибудь. Вотъ интересная книга, прочти. Я сейчасъ приготовлю лекарство, ты выпей и постарайся заснуть.

VIII.

Напрасно Лиза отговаривалась, что лечить она не умѣетъ; Матрена, узнавъ, что у нея есть какое-то лекарство, попросила для Ѳедота порошокъ: продуло его всего, не то съ тощей ѣды разнемогся,—и скоро въ селѣ стало извѣстно, что сиротинка помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней, что у нея—легкая рука. Пришелъ разъ Егорка просить Христомъ Богомъ Лизавету Ивановну „маиньку растереть". Фельдшерово снадобье ей не помогло.

Когда Лиза ушла съ Егоромъ, Ирина схватила графинъ за горлышко, крѣпко сжала и, поднявъ его, прошептала ей вслѣдъ:

— Всѣхъ бы ученыхъ дуръ задушить, уничтожить съ ихъ книгами. Тоже читать мнѣ совѣтуетъ... Вотъ я ей покажу!

Задыхаясь, вошла она къ матери въ спальню и сѣла на сундукъ.—Мамаша, гоните ее безъ всякихъ разговоровъ!—сказала она:—вы еще не знаете, какая она дрянь.

— Кто?

— Ученая дура.

— Ну, это ты напрасно.

— Нѣтъ, я замѣтила. Егоръ повелъ ее на свиданіе... онъ ей письмо приносилъ...

Антонина Антоновна покачала головой, глянувъ ей прямо въ глаза, и спокойно отвѣтила:

— Ужъ ты, Риночка, кого захочешь очернить, такъ очернишь безъ всякой церемоніи.

— Клянусь вамъ. Я пойду сейчасъ въ село... къ фельдшеру, мнѣ нужно лекарство; посмотрю, что̀ она тамъ дѣлаетъ.

Страшное подозрѣніе гнало Ирину по снѣжной дорогѣ въ село. Въ промежуткахъ между облаками яркіе лучи солнца, искрясь по снѣгу, рѣзали ей глаза. Она жмурилась, безпрестанно оступалась, путалась въ ротондѣ, болѣе получаса выбивалась изъ силъ въ непривычной ходьбѣ, и не прошла она и половины разстоянія, какъ увидала Лизу, шедшую назадъ. Обѣ остановились.

— Куда ты, Риночка?

— Къ фельдшеру. Тебѣ что̀ за дѣло?—отрывисто произнесла она и, поднявъ голову, строго спросила:—Скажи, пожалуйста, что это у тебя за секреты... съ Маланьей? Съ кѣмъ ты переписываешься?

— Ни съ кѣмъ. У Маланьи ревматизмъ. Я интересовалась массажемъ, почитала, посмотрѣла, какъ онъ дѣлается, и могу ей помочь. Я провожу тебя къ фельдшеру.

Ирина недовѣрчиво поджала губы, и нервическая судорога пробѣжала по ея лицу, но гордость ей не позволила обнаружить свое подозрѣніе, и неловко ей было вернуться. А дорога, что̀ дальше, становилась все непроходимѣе по рыхлому свѣжему снѣгу. Скрылись слѣды полозьевъ, и надо было внимательно выбирать мѣсто, куда ступить; тонули въ скрытыхъ впадинахъ ноги, и приходилось нагибаться, вынимать руками увязшій сапогъ вмѣстѣ съ ногой. Лизѣ это было ни по чемъ. Ее забавляло хожденіе руками и ногами, и съ легкой рѣзвостью прыгала она по широко разставленнымъ, огромнымъ слѣдамъ лаптей и сапогъ. Она садилась на сугробъ, снимала и вытряхивала свои теплые сапожки и громко смѣялась. Не подозрѣвала она, что проворство ея, грація и молодость разжигаютъ въ спутницѣ враждебное къ ней чувство.

— Что ты скачешь, какъ угорѣлая, Лиза? Развѣ не видишь, что я отстала? Нѣтъ, съ такими манерами тебѣ нельзя показываться при гостяхъ.—Не договоривъ, она ступила въ яму и упала. По счастію, ѣхавшій мимо крестьянинъ посадилъ барышенъ въ розвальни и довезъ до аптеки. Выбѣжалъ фельдшеръ ихъ принять и ввелъ Ирину первую въ узкую дверь избы. Прежде всего она

потребовала стаканъ воды, потомъ спросила умирающимъ голосомъ лекарства отъ разстройства нервовъ.

— Хорошо, хорошо!—засуетился фельдшеръ передъ шкапчикомъ, называемымъ собственно аптекой. — Сейчасъ вамъ будутъ капли... удивительныя!

Желая казаться обходительной, Ирина, отряхивая на себѣ ротонду, улыбнулась ему.

— Өедоръ Иванычъ... Васъ Өедоръ-Иванычемъ зовутъ?

— Совершенно вѣрно.

— Посмотрите, на что̀ я похожа!

— Хорошо, хорошо,—не глядя, отвѣчаетъ фельдшеръ, отливая капель въ пузырекъ.

— Какъ я вымокла и перепачкалась!

— А, это нехорошо. Вотъ капли. Десять или пятнадцать передъ сномъ.

— Найдемъ мы здѣсь лошадь?

— Лошадь можно. Скачковъ вамъ лошадь найдетъ. Пріятель, выходи, познакомься съ особами.

Изъ-за перегородки вышелъ худощавый мужчина въ барашковомъ воротникѣ, съ фѣтровой шляпой въ рукѣ, и вѣжливо, прилично поклонился. Фельдшеръ представилъ его.

— Грушинъ мужъ.

— То-есть, она—моя жена. Что у тебя за манера!—Злое смущеніе пробѣжало по его лицу, и онъ отвернулся къ окну. Барышни спрашивали его съ удивленіемъ:

— Неужели Груша замужъ вышла? Когда она успѣла? Такъ вы—мужъ нашей Груши?

— Я Скачковъ, — съ едва скрываемымъ чувствомъ обиды произнесъ незнакомецъ, а фельдшеръ простодушно рекомендуетъ его:

— Скачкова прасола сынъ, можетъ, слыхали, и нашей лавочницы братъ.

— Я Скачковъ самъ по себѣ,—на этотъ разъ съ явной досадой повторилъ тотъ. — Что у тебя за манера!.. мужъ, братъ, сынъ—словно я самъ по себѣ никто.

— Товарищъ мой по школѣ, только-не кончилъ ученья,—окончательно разсердилъ фельдшеръ пріятеля, который, махнувъ рукой и плюнувъ, выскочилъ за дверь.

— Чудакъ какой!—сказала Ирина.—Какъ же насчетъ лошади?

Фельдшеръ поглядѣлъ въ окно.

— Вонъ лошадь!—кивнулъ онъ подбородкомъ на проѣз-

жавшаго крестьянина, и Лиза выбѣжала его позвать. Фельдшеръ—долговязый молодой человѣкъ, съ рѣдкими, словно выщипанными усами неопредѣленнаго цвѣта, а волоса его напоминають войлокъ, свалявшійся на макушкѣ и вытертый на вискахъ. Лицо у него красное и непріятно улыбающееся.

— Такъ я возьму лекарство, — еще разъ улыбнулась ему Ирина.

— Можно. Все можно,—отвѣчалъ онъ, окидывая нескромнымъ взглядомъ приподнятое на ней платье. Вручая пузырекъ, онъ захватилъ ея мизинецъ и задержалъ въ своей рукѣ.

Она, брезгливо отступая, крикнула въ дверь:

— Лиза! Что это у тебя за манера... Ушла вдругъ!..

— И у тебя новая манера говорить: „что за манера", какъ у Грушина мужа, — засмѣялась Лиза, помогая ей сойти съ крыльца, и пристально взглянувъ на нее, говоря это, нашла какое-то неуловимое сходство между Ириной и Скачковымъ.

Подсаживая барышенъ въ сани, фельдшеръ отвѣтилъ на ея слова:

— Адское самолюбіе... „Я — Скачковъ"! Подумаешь... Какъ будто я въ обиду ему сказалъ сущую правду. Никого я не согласенъ обижать. Пріятнѣйшаго вамъ пути.

— Какой противный!—брезгливо пожимаясь, начала Ирина дорогой, и въ раздумьѣ, послѣ небольшого молчанія, съ неожиданной убѣдительностью опровергнула себя:—Впрочемъ онъ ничего, онъ обстоятельный, непьющій... Хочешь, Лиза, я тебя за него сосватаю? У фельдшеровъ практики бываетъ больше чѣмъ у докторовъ.

— Покорно благодарю.

— Все лучше, чѣмъ бездомовной сиротой...

— Нѣтъ, ужъ ты не безпокойся обо мнѣ.

Поднявъ брови, Ирина смѣрила ее пренебрежительнымъ взглядомъ.—Тоже разбираетъ!—прошептала она,—и разговоръ не возобновлялся дорогой.

Отъ ужина Ирина отказалась, и когда всѣ легли спать, вошла къ Лизѣ, засидѣвшейся за книгой, и, силясь взять шутливый тонъ, подсѣла къ ней, дружески обнявъ ее за шею.

— Я знаю, почему ты не спишь. Ты скрываешь отъ меня, плутовка, а я все вижу.

Глядя на ея блѣдное лицо, въ общихъ чертахъ нисколько не похожее на лицо Скачкова, Лиза все-таки вспомнила о немъ, и замѣченное ею сходство между ними точнѣе для нея опредѣлилось въ умной и злой улыбкѣ, неудовлетворенномъ выраженіи,

въ порывистыхъ движеніяхъ и въ сухомъ, истерическомъ взглядѣ. Устремивъ на нее такой взглядъ, Ирина, шутя, сдавила пальцами ея горло:—Задушу, если не скажешь правды! Мнѣ все равно, скажи только: писала ты ему?

— Кому?

— Трампедаху отъ себя.

— О чемъ же мнѣ ему писать, если я не видѣла его ни разу?

— Ну, скажи откровенно, я не разсержусь.

— Откровенно скажу: надоѣла ты мнѣ!

Почему-то терзавшее Ирину подозрѣніе вдругъ разсѣялось отъ этихъ словъ. Она ушла къ себѣ, сѣла къ окну и тихонько запѣла:

Что за ночь, за луна, когда друга я жду...

Дѣйствительно, въ эту минуту въ лунномъ свѣтѣ надъ снѣжной гладью была разлита ясная, успокоительная дремотная тишина; томленіемъ сна обвиты деревья, строенія, дворъ, и все кругомъ далеко обливалось луннымъ серебрянымъ свѣтомъ; въ тѣсную избу Андрона также проникъ этотъ свѣтъ. И Андрону не спалось: надо лошадь добыть, никакъ нельзя безъ нея обойтись. Съ такой заботой онъ одѣлся потеплѣе и сына разбудилъ.

— Пойдемъ со мной, Егорушка, и для тебя дѣло есть.

— Куда?—прошептала Маланья съ палатей, хотя никто не могъ ее слышать, кромѣ своихъ.

— Я-то? за лошадью,—тихо отвѣтилъ ей Андронъ.—У какого-нибудь мужичонка изъ дальнихъ надо отнять. И жаль человѣка, да ничего не подѣлаешь; самимъ лошадь нужна.

— А чѣмъ ее кормить?

— Эка! Съ лошадью и сѣна, и всего достанемъ.

— Охъ, не попадись!

— Богъ милостивъ. Ты, знай, лампадку наблюдай, чтобъ не погасла, пуще всего Бога не забывай. А ужъ я за лошадь отсидѣлъ въ тюрьмѣ, не сдѣлавши грѣха, теперь это онъ мнѣ будетъ въ зачетъ,—тономъ спокойнаго убѣжденія разсуждаетъ Андронъ.

— Охъ, попадешься!

— Не накликай, вѣдьма! Типунъ тебѣ на языкъ.

И, преклонивъ колѣна передъ образомъ съ едва теплившейся лампадкой, старикъ сталъ усердно молиться. Автоматическое движеніе руки, успокоительно на него дѣйствуя, разсѣяло его мысли и вытѣснило изъ головы всякую тѣнь сомнѣнія въ успѣхѣ. Потомъ онъ налилъ до краевъ лампадку, оправилъ ярче загорѣв-

шуюся свѣтильню и, какъ бы задобривъ своего Бога и заручившись его помощью, съ веселымъ духомъ вышелъ на дорогу съ сыномъ.

— Тебѣ туда, а мнѣ туда! — показалъ онъ въ разныя стороны.—Помни, Егоръ: какъ пропилишь, гдѣ я тебѣ показывалъ, гнилыя бревна, такъ изъ той щели выгребай на рогожу зерно. Да щель, смотри, опять заложи, да снѣгомъ прикрой, да слѣды заметай. Съ Богомъ, иди!

Егоръ, испытавъ при поимкѣ большой рыбы минуты сладкаго сознанія себя собственникомъ, весело дрогнулъ отъ предвкушенія такихъ же минутъ, широко шагая съ мѣшкомъ за спиной.

Долго сидѣлъ Андронъ въ прорытомъ углубленіи высокаго сугроба, представляя собой олицетвореніе терпѣливаго ожиданія; отъ холода лицо его стало похоже на морщинистый капустный листъ и вѣки покраснѣли. Луна между тѣмъ скрылась, и повалилъ обильный снѣгъ, что̀ значительно благопріятствовало его цѣли.

Не спалось въ ту ночь и Антонинѣ Антоновнѣ. Озабоченная туго наростающимъ рублемъ, она думала о томъ, что поручить продать картофель лавочнику—дѣло рискованное, и мечтала она, лежа съ открытыми глазами, какъ было бы удобно ей самой, еслибъ никто не зналъ ее въ уѣздѣ, одѣться простой бабой и возить самой все на базаръ, самой торговать и безъ утайки пользоваться всей выручкой. Вдругъ слышитъ она осторожное шарканье пилы въ сторонѣ амбара и, замирая отъ страха, будитъ мужа, негромко зоветъ Ирину и Лизу, а сама глубже прячется подъ одѣяло.—Караулъ!—крикнула она, какъ только голова дочери просунулась въ дверь спальни.

— Что вы кричите, мамаша? сами же звали меня.

— Кто тамъ? почему? зачѣмъ?—бормочетъ капитанъ спросонокъ.—Вздоръ, пустяки, вранье...

— Неужели вы не слышите пилу? — дрожащимъ голосомъ спросила старая помѣщица.

— Ну, слышу!—скользнувъ глазами по лицу Лизы, вошедшей со свѣчкой, спокойно отвѣчаетъ дочь ея.—Кто-нибудь хочетъ забраться въ амбаръ. Надо же имъ что-нибудь ѣсть.

— Ахъ, Риночка, вѣдь ты съума сошла!

— Переворотъ въ ней ужъ давно!—восклицали супруги подъ одѣяломъ.—Вѣдь они насъ убьютъ! это не люди, а звѣри.

— А вы? ни себѣ, ни людямъ!—Проговоривъ это со свойственной ей пылкостью, Ирина обратилась къ Лизѣ:—Пойдемъ, посмотримъ, кто тамъ.

— Нѣтъ, не пойду, и тебѣ не совѣтую.

Но Ирина закуталась въ ротонду и пошла на чердакъ къ слуховому окну; при видѣ шевелящейся тѣни, всего одной только тѣни на фонѣ облитаго луной снѣга за амбаромъ, она, не торопясь, зѣвая, сошла внизъ, прямо на дворъ, и, обогнувъ амбаръ рѣшительнымъ и смѣлымъ шагомъ, крикнула:—Ты что тутъ дѣлаешь?

Сперва невольно отбѣжалъ Егоръ, оставивъ на снѣгу свой мѣшокъ и рогожку съ грудой зерна. Но онъ остановился, постоялъ немного въ отдаленіи и, медленно опустивъ голову, вернулся къ мѣшку.

— Болванъ! Вѣдь тебя въ острогѣ сгноятъ!—протяжно молвила Ирина.

— А тамъ, пожалуй, легче будетъ, — отвѣчалъ Егоръ, взваливая на спину мѣшокъ.

— Погоди, погоди, брось мѣшокъ! Изволь прежде отверстіе задѣлать!—сказала Ирина, уходя:—и въ другой разъ не попадайся мнѣ!

Въ тупомъ недоумѣніи поглядѣвъ ей вслѣдъ, Егоръ продолжалъ свое дѣло. Ирина, вернувшись домой, успокоительнымъ голосомъ отвѣчала на всѣ разспросы:

— Ничего, такъ... Это намъ показалось. Вѣтеръ. Спите спокойно.

А. Виницкая.

НОВЫЯ ДАННЫЯ
О
СЛАВЯНСКИХЪ ДѢЛАХЪ

IV.—П. И. Прейсъ *).

Въ этнографическомъ журналѣ „Живая Старина", основанномъ съ 1890 года при этнографическомъ отдѣленіи Географическаго Общества, мы находимъ чрезвычайно любопытные матеріалы о нашихъ первыхъ славистахъ, дѣятельностью которыхъ открывается въ нашей литературѣ первое широкое и многостороннее изученіе славянскаго міра. Славянскія каѳедры основаны были въ первый разъ въ нашихъ университетахъ (по уставу 1835 г.) въ концѣ тридцатыхъ годовъ и правильно замѣщены только въ началѣ сороковыхъ. Для этого избраны были въ четырехъ университетахъ молодые ученые, которые предварительно посланы были для изученія своего предмета въ славянскія земли. Это путешествіе было, разумѣется, совершенно необходимо, потому что иначе не было возможности познакомиться съ предметомъ, для котораго не было въ то время нигдѣ ни спеціальной каѳедры, ни цѣльной литературы, — въ послѣдней въ то время не существовало даже хотя нѣсколько точныхъ свѣденій о цѣлыхъ племенахъ, какъ напримѣръ о племенахъ Балканскаго полуострова, особливо болгарахъ.

Правда, еще раньше возвращенія посланныхъ молодыхъ ученыхъ, еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, начато было препода-

*) См. выше: іюнь, стр. 712.

ваніе „славянскихъ нарѣчій", напр. въ Москвѣ Каченовскимъ, но это преподаваніе не могло не быть недостаточнымъ. Для Каченовскаго, который былъ человѣкъ весьма ученый, это былъ предметъ второстепеннаго интереса; онъ былъ здѣсь самоучкой, въ распоряженіи котораго было лишь немногое и о древнемъ, и особливо новѣйшемъ славянствѣ. Правда также, что раньше учрежденія каѳедръ въ нашей литературѣ появлялись уже и готовились замѣчательные труды, имѣвшіе важное руководящее значеніе для изученія древняго славянства,—каковы были: знаменитое „Разсужденіе о церковно-славянскомъ языкѣ" (1820), Востокова, гдѣ замѣчательнымъ образомъ положена была основа историческаго объясненія церковно-славянскаго языка въ связи съ другими нарѣчіями; имъ же сдѣланное изданіе и объясненіе такъ называемыхъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, и изданное впослѣдствіи описаніе рукописей Румянцовскаго музеума и „Остромирово евангеліе"; знаменитый „Іоаннъ, экзархъ Болгарскій", Калайдовича;—все это были труды первостепеннаго значенія, указывавшіе, что научный интересъ къ изученію различныхъ отраслей славянства и его далекой древности возникалъ самъ собою изъ потребностей русской науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ—указывавшіе, что изученіе должно быть для успѣха самой науки поставлено раціонально, т.-е. расширено на весь славянскій міръ, въ его прошломъ и настоящемъ. На первый разъ, когда наша наука приступала къ сличеніямъ и справкамъ о славянской исторіи, имѣлись въ виду первоначальные вопросы нашей старины: нужно было, напр., объяснить введеніе христіанства, переводъ священнаго писанія на славянскій языкъ, распространеніе церковныхъ книгъ, церковныя и политическія отношенія съ южнымъ славянствомъ,—на этомъ въ особенности останавливались труды нашихъ первыхъ ученыхъ, — но вопросъ самъ собою расширялся: въ древнихъ судьбахъ славянства открывалось много разнообразныхъ точекъ соприкосновенія, которыя должны были быть объяснены, и которыя переводили вопросъ на общія племенныя свойства, на цѣлую племенную особенность славянства сравнительно съ другими племенами, а вскорѣ затѣмъ, съ возникновеніемъ сравнительнаго языкознанія, на родство и связь славянства съ другими историческими племенами Европы.

Къ потребностямъ и поискамъ русской науки присоединялись параллельныя стремленія въ средѣ славянской науки. Вслѣдъ за „Разсужденіемъ" Востокова вышла знаменитая книга Добровскаго, говорившая о тѣхъ же судьбахъ церковно-славянскаго языка; въ болѣе раннихъ трудахъ этого знаменитаго ученаго являлось множество важныхъ указаній о славянской древности, между прочимъ

изслѣдованіе по исторіи чешскаго языка и литературы, а позднѣе— книга о Кириллѣ и Меѳодіи; Шафарикъ уже въ двадцатыхъ годахъ далъ (по преимуществу библіографическій) обзоръ исторіи славянской литературы по всѣмъ нарѣчіямъ, а затѣмъ важное небольшое изслѣдованіе по исторіи стараго сербскаго языка, и наконецъ, въ 1836 году, „Славянскія древности"; въ тѣхъ же тридцатыхъ годахъ другой знаменитый ученый, Копитаръ, еще ранѣе извѣстный обширными познаніями, выступалъ съ своеобразной теоріей о началѣ славянскаго христіанства и родинѣ церковнославянскаго языка,—теоріей, которая и понынѣ раздвояетъ мнѣнія ученыхъ въ этомъ вопросѣ... Эти труды съ одной стороны были вполнѣ дѣломъ новой науки, но во многихъ случаяхъ имъ предшествовала ученая работа предшественниковъ, какъ напр. труды Добровскаго примыкали къ изысканіямъ славянскихъ, особливо чешскихъ ученыхъ конца прошлаго вѣка. Но къ археологическимъ вопросамъ, которые зарождались и развивались въ изученіи самой славянской отечественной исторіи, присоединились теперь новые мотивы, которымъ предстояло чрезвычайно расширить область этихъ изслѣдованій, съ одной стороны—связавъ ихъ съ изученіями обще-европейскими или обще-арійскими, а съ другой—давая имъ значеніе глубокаго интереса общественнаго, національнаго, наконецъ—политическаго.

Однимъ изъ этихъ явленій было развитіе въ европейской наукѣ сравнительныхъ изученій языка, миѳологіи, народной поэзіи, бытовыхъ учрежденій и права, и т. д. Возникшія на чужой почвѣ, преимущественно въ германской наукѣ, эти изученія коснулись вскорѣ и славянства, гдѣ стали потомъ разработываться и самими славянскими учеными. Для славянской науки открывалась съ этимъ еще болѣе глубокая старина, чѣмъ та, какую можно было предполагать до сихъ поръ: для объясненій языка, народной поэзіи, обычая, представлялись отдаленные источники, гдѣ славянство объединялось со всею семьей народовъ индо-европейскихъ, и гдѣ получались болѣе прочныя истолкованія племенной старины. Раскрывалось такое богатство параллельныхъ явленій, что наука до сихъ поръ, особливо въ области преданія и обычая, не могла достигнуть сколько-нибудь полной реставраціи того прошедшаго, изъ котораго родилось разнообразіе современныхъ явленій.

Другое обстоятельство, которое содѣйствовало успѣхамъ историческихъ и сравнительныхъ изученій, было то національное движеніе въ средѣ всѣхъ безъ исключенія славянскихъ народностей, которое было ихъ настоящимъ возрожденіемъ. Корни этого движенія, вначалѣ, какъ бываетъ обыкновенно, едва замѣтнаго,

восходятъ главнымъ образомъ ко второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, а въ началѣ девятнадцатаго—оно проявилось уже столь опредѣленными чертами, что̀, при всей слабости сношеній съ славянскимъ міромъ, было почувствовано и у насъ въ самомъ началѣ столѣтія. Въ западномъ славянствѣ, большинство котораго заключалось политически въ австрійской имперіи, эти національныя проявленія въ отдѣльныхъ племенахъ сказывались скорѣе и сильнѣе, и между ними образуется довольно крѣпкая солидарность: національныя пріобрѣтенія, какія дѣлались въ одномъ племени, становились нравственной поддержкой для другого, и въ концѣ концовъ слагалось цѣлое движеніе, которое отражалось и въ общественномъ духѣ, и въ самомъ развитіи науки. И въ поэзіи, и въ наукѣ, все больше распространяется тема славянскаго единенія, которое отыскивалось въ прошлыхъ судьбахъ племени, призывалось въ настоящемъ и казалось основою будущаго порядка вещей, гдѣ братскіе народы, разъединенные насиліемъ исторіи, сойдутся опять для общей свободной и самобытной жизни...

Въ такой моментъ научнаго изслѣдованія и національной жизни западнаго славянства поднятъ былъ вопросъ объ изученіи славянства въ Россіи. Мы встрѣтимся дальше съ тою формой, въ какой необходимость этого изученія объяснена была въ оффиціальныхъ мотивахъ, установлявшихъ введеніе славянскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ: изученіе славянства, первое прямое сближеніе русскихъ научныхъ силъ съ славянскимъ движеніемъ, были сведены къ преподаванію „славянскихъ нарѣчій"; вмѣстѣ съ тѣмъ неясность самаго предмета была такова, что молодымъ ученымъ, которые впервые отправлялись въ невѣдомыя славянскія земли, давались инструкціи, совершенно невыполнимыя по обширности задачъ,—какова была, напр., инструкція, данная Срезневскому харьковскимъ университетомъ или его попечителемъ (рѣшеніе данныхъ ему задачъ было бы впору для цѣлой академіи). Какъ бы, однако, ни опредѣлялись эти программы, тѣсно или широко, ихъ исполненіе должно было зависѣть отъ самихъ молодыхъ ученыхъ, отъ тѣхъ понятій, какія успѣли у нихъ образоваться, и отъ той славянской среды, въ которой должна была идти ихъ дѣятельность: тѣснота оффиціальной программы должна была расшириться положеніемъ науки, а цѣлый взглядъ на положеніе славянства долженъ былъ установиться въ большой мѣрѣ подъ впечатлѣніями самой славянской жизни. Такъ это дѣйствительно и вышло.

Выборъ молодыхъ ученыхъ сложился чрезвычайно удачно:

для Москвы былъ выбранъ Бодянскій, для Петербурга — Прейсъ, для Харькова — Срезневскій, и для Казани — Григоровичъ. Все это были еще молодые люди [1]), еще недавно оставившіе университетъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и съ жаждою научной работы. По характерамъ они были весьма непохожи другъ на друга, впослѣдствіи иногда даже непріязненны между собою, съ различною ученою складкой, — но всѣ были сходны въ одномъ: въ нетерпѣливой ревности къ изученію, въ глубокой привязанности, съ какою они отдавались изслѣдованію славянства, и которую потомъ они умѣли внушать своимъ слушателямъ. Всѣ они заранѣе были склонны къ славянскимъ изученіямъ, побуждаемые состояніемъ самой русской науки, какъ мы выше упоминали. Въ славянскія земли они являлись новичками, — раньше у нихъ не было и не могло быть непосредственнаго знакомства съ славянскою жизнью (хотя Срезневскій еще за нѣсколько лѣтъ до путешествія съумѣлъ записать въ Харьковѣ словацкія пѣсни отъ бродячихъ торговцевъ словаковъ); но уже вскорѣ послѣ своихъ путешествій они въ средѣ самихъ славянскихъ ученыхъ оказывались компетентными знатоками, потому что между учеными славянскими не было тогда ни одного, кто могъ бы равняться съ ними по разнообразію своего личнаго опыта. Срезневскій, напр., сдѣлалъ столько пѣшеходныхъ странствій по славянскимъ землямъ (кромѣ славянъ турецкихъ), какъ никто изъ самихъ славянъ; подобнымъ образомъ ни одинъ славянскій ученый не сдѣлалъ такихъ пріобрѣтеній въ средѣ балканскаго славянства, какъ Григоровичъ; своего рода исключительныя знанія пріобрѣталъ Бодянскій; въ Прейсѣ готовился первостепенный ученый. Путешествіе нашихъ славистовъ стало вообще крупнымъ фактомъ въ цѣлой славянской наукѣ; у насъ оно было первымъ прочнымъ утвержденіемъ славистики.

Прейсъ едва успѣлъ начать свое поприще. Въ печати остались только очень немногіе его отчеты и статьи; изъ нихъ, а также изъ общихъ отзывовъ ученыхъ людей, его знавшихъ, можно судить объ обширности его знаній, оригинальномъ умѣ, проницательной критикѣ. Почти впервые обстоятельное воспоминаніе о немъ сдѣлано было Срезневскимъ уже подъ конецъ жизни, когда окончили свое поприще его послѣдніе сотоварищи [2]). Въ послѣднее время, какъ мы упоминали, нѣсколько отрывковъ изъ его переписки помѣщены были въ „Живой Старинѣ“ [3]). Въ за-

[1]) Бодянскій род. въ 1808; Прейсъ — 1810; Срезневскій — 1812; Григоровичъ — 1815.
[2]) „На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ“. Спб., 1878.
[3]) Вып. II—IV. 1890—1891.

мѣткѣ, предпосланной г. Ламанскимъ этимъ письмамъ, мы читаемъ слѣдующую оцѣнку его научнаго значенія: „Въ лѣтописяхъ русской и славянской науки Прейсу по праву принадлежитъ почетное мѣсто. Въ исторіи славяновѣдѣнія, по времени и по ученой подготовкѣ, по дарованіямъ и по заслугамъ, Прейсъ стоитъ непосредственно за Добровскимъ, Востоковымъ, Копитаромъ и Шафарикомъ. Въ Россіи и вообще въ славянствѣ онъ является первымъ по времени крупнымъ ученымъ въ области сравнительнаго языкознанія и первымъ критикомъ Бопповой грамматики. Въ Россіи и вообще въ славянствѣ онъ былъ и первымъ ученымъ знатокомъ литовскаго языка. Онъ же въ Россіи является и первымъ отличнымъ изслѣдователемъ славянскихъ древностей. Уже въ 1843 году ему ясны были разные недочеты, пробѣлы и недостатки знаменитаго труда Шафарика: „Славянскія древности". Небольшія статьи его о ц.-сл. языкѣ, о средне-болгарскомъ нарѣчіи, о глаголической письменности, объ эпической поэзіи у сербовъ и проч., явившіяся съ полвѣка тому назадъ, и теперь должны быть рекомендуемы всѣмъ начинающимъ славистамъ, какъ работы образцовыя. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ рѣдкую честь въ славяновѣденіи, за-одно съ разными статьями и изслѣдованіями Добровскаго, съ „Разсужденіемъ" и наблюденіями Востокова".

О происхожденіи и первоначальномъ воспитаніи Петра Ивановича Прейса извѣстно очень мало. Онъ былъ сынъ иностраннаго подданнаго, музыканта, католическаго исповѣданія, и родился во Псковѣ или псковской губерніи; семья была бѣдная, но онъ получилъ возможность поступить въ университетъ въ Петербургѣ; курса онъ не успѣлъ кончить: въ половинѣ четвертаго года пребыванія въ университетѣ онъ долженъ былъ покинуть его вслѣдствіе болѣзни матери, и затѣмъ, въ 1828 году, назначенъ былъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ дерптской гимназіи, и только въ 1837 опредѣленъ былъ тамъ же старшимъ учителемъ. По его собственнымъ словамъ, онъ еще тринадцати-лѣтнимъ мальчикомъ и потомъ студентомъ былъ заинтересованъ изученіемъ русскаго языка и перечитывалъ все, что могъ найти тогда въ Публичной библіотекѣ по русской и славянской филологіи; тогда же онъ познакомился съ упомянутымъ „Разсужденіемъ" Востокова, но, по словамъ его, долго не понималъ, хотя почувствовалъ его важность. Въ университетѣ у тогдашнихъ классическихъ филологовъ, Грефе, Фрейтага и Попова, онъ могъ хорошо узнать древніе языки. Пребываніе въ Дерптѣ было для него благотворно. Въ томъ же 1828 году пріѣхали въ Дерптъ,

въ такъ называемый профессорскій институтъ, его университетскій товарищъ и другъ М. С. Куторга и другіе будущіе профессора нашихъ университетовъ, Порошинъ, Чивилевъ, Калмыковъ и пр. Въ университетской библіотекѣ онъ. нашелъ книги, которыя были необходимы для его любимыхъ занятій. „Многое,—говорилъ онъ потомъ въ запискѣ о своихъ занятіяхъ съ 1823 до 1839 года,—чего мнѣ недоставало въ Петербургѣ, какъ по ограниченности моихъ средствъ, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, было наконецъ восполнено тѣми сокровищами, которыя представляла мнѣ университетская библіотека. Незабвенный Эверсъ собиралъ и успѣлъ собрать важнѣйшее по части славянскихъ древностей и языкознанія". Дерптскіе друзья уѣхали за границу и, вернувшись въ Россію, заняли каѳедры университетовъ, а скромный учитель продолжалъ свои занятія и становился серьезнымъ ученымъ. Когда въ концѣ 1837 года министръ народнаго просвѣщенія обратился къ попечителю петербургскаго округа съ вопросомъ: не имѣетъ ли петербургскій университетъ предложить кого на каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, при чемъ министерство разрѣшило бы такому кандидату отправиться для приготовленія къ каѳедрѣ въ славянскія земли,—то профессора филологическаго факультета Устряловъ, М. Куторга, Порошинъ, профессоръ юридическаго факультета Калмыковъ, высоко цѣнившіе Прейса, рекомендовали его совѣту, а совѣтъ попечителю, какъ человѣка наиболѣе приготовленнаго для занятія новой каѳедры. Представлялись при этомъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ Прейсъ не успѣлъ кончить курса, а между тѣмъ требовались магистерская и докторская степень; но эти затрудненія были улажены, и поѣздка Прейса была рѣшена. Любопытно, однако, что до отъѣзда за границу Прейсъ пожелалъ остаться на цѣлыхъ девять мѣсяцевъ въ Петербургѣ, чтобы закончить свое изученіе церковно-славянскаго языка подъ руководствомъ Востокова; это должно было служить основой для изученія прочихъ славянскихъ нарѣчій. Въ концѣ 1839 года Прейсъ выѣхалъ за границу; вскорѣ за нимъ отправился черезъ Петербургъ Срезневскій: они впервые встрѣтились и сдружились въ Кёнигсбергѣ.

Кромѣ писемъ въ „Живой Старинѣ", напечатана также упомянутая выше черновая записка Прейса объ его занятіяхъ до путешествія за границу. Мы замѣтили, что свои филологическія изученія онъ началъ еще мальчикомъ; тогдашній университетъ могъ помочь ему только лекціями по древнимъ языкамъ; о славянской филологіи тамъ еще не было и рѣчи; въ Дерптѣ онъ былъ тѣмъ болѣе предоставленъ самому себѣ; поэтому особенно

любопытенъ разсказъ объ его занятіяхъ, постановка которыхъ свидѣтельствуетъ уже за это время объ его сильномъ научномъ дарованіи. Это вмѣстѣ съ тѣмъ любопытный фактъ въ исторіи нашей науки, гдѣ молодымъ силамъ не однажды приходилось искать новыхъ путей, и находить ихъ безъ помощи устарѣлой школы и даже наперекоръ ей. Въ черновой запискѣ только набросаны замѣтки Прейса о ходѣ его филологическихъ занятій, но и по нимъ видно, какая самостоятельная пытливость возникала у него съ теченіемъ его занятій. Упомянувъ о томъ, какъ въ библіотекѣ дерптскаго университета ему удалось встрѣтить главнѣйшія сочиненія по славянскимъ древностямъ и языкознанію, онъ говоритъ: „чѣмъ болѣе я углублялся въ предметъ, тѣмъ болѣе онъ распространялся предо мною: для изученія русскаго языка потребовались знанія, о которыхъ я прежде и не чаялъ". Онъ заимствовалъ критическое направленіе изъ трудовъ Добровскаго и Копитара: „зародышъ сомнѣнія былъ брошенъ; пытливость была подстрекнута. Къ сожалѣнію, не находилъ я въ нихъ полнаго, удовлетворительнаго отвѣта на мои запросы". При грамматическомъ изученіи встрѣчались неодолимыя трудности, потому что онъ имѣлъ подъ руками только памятники позднѣйшіе, и его руководителями были люди, которые пользовались тѣми же источниками: „для развитія критическаго духа въ этомъ бореніи заключалось достаточно пищи", но въ его свѣденіяхъ все-таки не было единства, необходимаго для точнаго знанія. Онъ „очень давно зналъ Разсужденіе" Востокова, но сначала понималъ его очень плохо. „Въ каждомъ замѣчаніи сочинителя этого разсужденія заключается результатъ, выводъ изъ предварительнаго глубокаго изученія своего предмета; подробности должны были найти мѣсто въ его грамматикѣ. Чтобы вполнѣ достигнуть тѣхъ результатовъ, которые предложены авторомъ, надобно было развить все, чтò авторомъ дано in nuce. Трудъ не легкій при недостаткѣ древнихъ памятниковъ. Мало-по-малу сталъ я отыскивать средства, которыя мнѣ казались довольно надежными".

Средства дѣйствительно были надежныя. Онъ обратился къ Гримму, т.-е. къ его нѣмецкой грамматикѣ. Познакомившись съ нимъ, онъ „сталъ все болѣе и болѣе довѣрять тому, чтò находилъ въ организмѣ новѣйшихъ діалектовъ"; иначе говоря, онъ сталъ понимать явленія исторіи языка. Онъ убѣдился, однако, что въ діалектахъ только отчасти сохранились свойства древняго славянскаго языка, и, сличая ихъ съ этимъ послѣднимъ, онъ пришелъ къ тѣмъ результатамъ, которые получены были Востоковымъ. При этой работѣ, какъ онъ говоритъ, онъ не могъ огра-

ничиться одними живыми славянскими нарѣчіями и долженъ былъ прибѣгнуть къ изслѣдованію историческаго ихъ хода. Для этого послѣдняго онъ имѣлъ въ то время лишь немногое: для чешскаго онъ пользовался знаменитой тогда, и еще долго послѣ, Краледворскою рукописью и однимъ (плохимъ) изданіемъ старыхъ чешскихъ произведеній, Ганки; для польскаго—нѣкоторые изъ старыхъ польскихъ памятниковъ, которые онъ при помощи поляковъ сличалъ съ новѣйшимъ польскимъ языкомъ; для стараго сербскаго единственнымъ источникомъ было то, что̀ нашелъ онъ въ „Іоаннѣ Экзархѣ" Калайдовича. „Къ удовольствію моему,—говоритъ онъ,—я впослѣдствіи замѣтилъ, что столкнулся во многомъ съ Шафарикомъ". Конечно, больше пособій было у него для языка русскаго.

Эти показанія, у самого Прейса отчасти неловко выраженныя, чрезвычайно любопытны, какъ свидѣтельства его сильной научной мысли. Не имѣвшій въ университетѣ никакой школы этого предмета, предоставленный въ Дерптѣ самому себѣ и только нашедши въ университетской библіотекѣ сочиненія по славянской древности и языку, не представлявшія въ то время ничего цѣльнаго (при чемъ нѣкоторыхъ важныхъ сочиненій онъ, повидимому, не имѣлъ тогда въ рукахъ), Прейсъ умѣлъ, однако, найти въ этомъ лѣсу настоящую дорогу, понялъ основные вопросы науки и при помощи вѣрнаго метода, несмотря на крайнюю скудость матеріала, приходилъ къ выводамъ, которые, какъ „впослѣдствіи" оказывалось, сходились съ изысканіями ученыхъ, имѣвшихъ въ распоряженіи весьма обильныя данныя (какъ, напр., относительно сербскаго языка онъ сходился съ Шафарикомъ).

Овладѣвши до извѣстной степени историческимъ пріемомъ въ изученіи языка, Прейсъ пошелъ дальше. Онъ занялся изслѣдованіемъ словъ, перешедшихъ въ славянскій языкъ изъ чужихъ языковъ. „Многія изъ словъ, заимствованныя у германскихъ народовъ, значительно разнятся отъ тѣхъ же значеніемъ и формою. Это заставило меня опять обратиться къ великому труду Гримма, къ сочиненіямъ Граффа, Циманна и т. д. Этотъ источникъ моихъ изученій не остался безъ пользы, какъ въ отношеніи филологическомъ, такъ и въ отношеніи историческомъ. Г. Шафарикъ въ своихъ Древностяхъ не упустилъ изъ вида этого важнаго историческаго момента; и здѣсь я имѣлъ удовольствіе во многомъ найти подкрѣпленіе своимъ наблюденіямъ, хотя съ другой стороны приведенъ въ необходимость отступить отъ него, особенно въ отношеніи къ финскимъ языкамъ". Другимъ источникомъ, хотя крайне ограниченнымъ, были слова славянскія, вошедшія въ чужіе

языки. Больше всего Прейсъ нашелъ ихъ въ словаряхъ венгерскомъ, молдавскомъ, литовскомъ и эстскомъ. „Значеніе и форма, хотя не вездѣ чистая, проливали, однакоже, свѣтъ на предметъ“. Вмѣстѣ съ исторіей языка Прейсъ изучалъ древности, сколько позволяли средства, старое славянское право, и все это вмѣстѣ „послужило основаніемъ къ составленію словаря этимологическаго общеславянскаго“; у него собирались матеріалы для сравнительной грамматики, „образовались сборники юридическій и миѳологическій, грамматики исторической русской, словаря древнихъ словъ русскаго языка, извлеченнаго изъ чтенія едва-ли не изъ всего, что̀ напечатано“.

Еще дальше начиналось „сличеніе славянской грамматики съ родственными языками“, т.-е. изученія сравнительно филологическія. Онъ сравнивалъ славянскій языкъ съ германскимъ, латинскимъ, греческимъ и отчасти литовскимъ, и это сравненіе „указывало на многія общія точки, въ которыхъ первый соприкасается съ послѣдними, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживая тѣ особенности, которыя образовались и развились независимо, своеобразно, въ духѣ славянскомъ“, и главнымъ образомъ онъ обращалъ при этомъ вниманіе не на тождество, а на разность, особенность. Для него всего больше выяснялись явленія исторіи языка. „Постепенные переходы и измѣненія, которымъ языкъ подвергается въ продолженіе времени, никогда не бываютъ повсемѣстны, никогда вполнѣ не измѣняютъ первобытнаго его состава: въ новомъ его состояніи всегда остается многое древнее, до котораго время не касается. На основаніи этого нѣкоторые отдѣльные случаи въ новѣйшихъ діалектахъ суть исключенія, между тѣмъ какъ въ церковно-славянскомъ они составляютъ правило. То же самое представляетъ и грамматическое сличеніе языка славянскаго съ родственными; то, что̀ въ славянскихъ нарѣчіяхъ представляется явленіями, не имѣющими видимой связи и причины въ настоящемъ организмѣ языка, то̀ самое находимъ въ родственныхъ языкахъ въ видѣ закона, правила, вполнѣ развитого. И вотъ другая сторона необходимости сравнительной филологіи для полнаго историко-критическаго познанія нынѣшнихъ языковъ. Эти два направленія нисколько не мѣшаютъ одно другому, ибо дополняютъ себя взаимно“.

Онъ говоритъ о томъ, какъ трудны были его занятія въ теченіе службы въ остзейскомъ краѣ, и когда представилась возможность исключительно предаться давно любимому труду въ Петербургѣ, онъ, какъ упомянуто выше, нашелъ нужнымъ прежде всего завершить изученіе церковно-славянскаго языка подъ руководствомъ Востокова:

„не въ Прагѣ я началъ свое приготовленіе къ новому призванію, но въ Петербургѣ“. Онъ говоритъ, что литературою славянскихъ народовъ онъ имѣлъ мало возможности заниматься „по неимѣнію подъ рукою необходимыхъ пособій“, но въ особенности занимало его сравнительное изученіе эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ у разныхъ славянскихъ народовъ: „для этого у меня было достаточно матеріаловъ, потому что мало-мало я успѣлъ собрать едва-ли не все, что̀ до сихъ поръ издано въ свѣтъ“. Наконецъ,— говоритъ онъ,—успѣлъ слѣдить и за успѣхами сравнительной филологіи, за трудами Боппа, Бенари, Граффа, Куна; въ этомъ отношеніи онъ надѣялся пополнить свои свѣденія за границей.

Въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія сохранился одобренный Востоковымъ планъ путешествія Прейса по заграничнымъ славянскимъ землямъ; въ то же время Востоковъ давалъ самый лучшій отзывъ о занятіяхъ Прейса въ Петербургѣ подъ его руководствомъ и вообще находилъ, что Прейсъ, дополнивъ въ путешествіи свой запасъ славянскаго языкознанія, безъ сомнѣнія будетъ способнѣе всѣхъ занять каѳедру славянскихъ нарѣчій. Въ планѣ Прейсъ говорилъ, что тотъ, кто отправляется въ славянскія земли, обязанъ исключительно имѣть въ виду изученіе славянскихъ языковъ и литературъ (этого требовала и оффиціальная программа): исторія, древности, палеографія, пересмотръ архивовъ, не должны отвлекать его вниманія. Поэтому онъ находилъ излишнимъ путешествіе по такимъ странамъ, гдѣ славянское населеніе исчезло и остались отъ него только памятники историческіе, а не литературные: этимъ сбережется время для главной цѣли — путешествія по землямъ чисто славянскимъ. Поэтому онъ не считалъ нужнымъ отправляться въ сѣверную Германію и Италію, полагая, впрочемъ, относительно послѣдней посовѣтоваться съ свѣдущими людьми. (Впослѣдствіи оказалось, что подобныя путешествія были далеко не безполезны для интересовъ славяновѣденія, что, напр., въ итальянскихъ архивахъ и библіотекахъ находятся драгоцѣнные памятники для славянской исторіи и т. д.; но Прейсъ былъ правъ въ томъ отношеніи, что на первый разъ русскому слависту должно было поставить себѣ болѣе важную, ближайшую цѣль). Особенное вниманіе онъ обращалъ на необходимость сравнительно-филологическаго изученія. „Въ послѣднія десять лѣтъ,— говоритъ онъ,—сравнительная филологія сдѣлала такіе блистательные и огромные успѣхи, что славянскій языкоизыскатель не можетъ не слѣдовать за ходомъ ихъ. Сравнительная филологія получила нынѣ совершенно иное значеніе. Теперь дѣло заключается не въ томъ, чтобы отыскать тождество звуковъ въ

сравниваемыхъ языкахъ и такимъ образомъ выводить начало одного языка изъ другого. Въ новѣйшее время метода эта оставлена, убѣжденіе сдѣлалось повсемѣстнымъ, что европейскіе языки имѣютъ матеріалъ общій. Вся важность вопроса заключается въ опредѣленіи органическихъ различій и въ развитіи характеристическихъ началъ отдѣльныхъ языковъ, въ развитіи того, что̀ имъ особенно свойственно. Въ этомъ отношеніи для изслѣдователя славянскихъ языковъ становится чрезвычайно настоятельнымъ изученіе литовскаго языка, въ чемъ никакъ нельзя сомнѣваться послѣ того, что̀ высказано объ этомъ предметѣ Гриммомъ, Боппомъ, Боленомъ, Резою, Шафарикомъ и другими... Недавно еще справедливо замѣтилъ Шафарикъ, что безъ вреда нельзя исключить литовскаго языка изъ круга славянскихъ и что, при сличеніи послѣднихъ между собою, первый есть регулативъ, подобно какъ языкъ готскій для изучающаго германскіе діалекты".

Онъ считалъ небезполезнымъ посѣтить Кёнигсбергъ, гдѣ въ университетѣ есть каѳедра литовскаго языка, затѣмъ Данцигъ для собранія свѣденій о языкѣ кашубовъ; далѣе, въ Берлинѣ войти въ сношенія съ Боппомъ и другими спеціалистами по сравнительному языкознанію. Затѣмъ путешественникъ долженъ посѣтить Познань, Силезію, Саксонію, Лузацію, Моравію и Богемію: эти страны довольно описаны и извѣстны и въ нихъ есть много научныхъ дѣятелей; особенно въ Прагѣ можно пріобрѣсти важныя свѣденія. Въ Вѣнѣ надо воспользоваться руководствомъ Копитара и пособіями тамошнихъ библіотекъ.

„Изъ Вѣны отправиться въ Пестъ и Офенъ, потомъ проѣхать Штирію, Каринтію, Крайну, Кроатію и Славонію, изъ Лайбаха въ Тріестъ и оттуда въ Венецію, если впослѣдствіи окажется, что поѣздка въ Венецію можетъ быть особенно полезна для изучающаго славянскіе языки и литературу. Страны, гдѣ господствуетъ нарѣчіе хорутанское, должны особенно обратить на себя вниманіе путешествующаго. Труды Копитара и другихъ сдѣлали это нарѣчіе чрезвычайно важнымъ въ отношеніи историческомъ и филологическомъ.

„Отсюда путешественникъ долженъ поѣхать въ Далмацію, Герцеговину, Рагузу, Скутари, Черногорію, Боснію, Сербію и Булгарію и чрезъ Молдавію, Валахію и Семиградскую область въ Галицію, гдѣ, какъ извѣстно, для дѣятельности славянскаго ученаго представляется обширное поле. Въ числѣ другихъ предметовъ нарѣчіе русиновъ, столь важное по отношенію къ малороссійскому, должно обратить особенное его вниманіе.

„Изъ Кракова направить путь въ Царство Польское; въ Литвѣ

вновь обратиться къ языку литовскому и короче познакомиться съ нарѣчіемъ бѣлорусскимъ".

На первую часть этого путешествія до Вѣны, Прейсъ считалъ достаточнымъ времени около года; на вторую по значительному пространству, по малой извѣстности южно-славянскихъ странъ, по недостатку надежныхъ руководителей, онъ считалъ нужнымъ около полтора года. Востоковъ, вообще одобрившій его планъ, считалъ нужнымъ еще увеличить срокъ путешествія до трехъ лѣтъ.

Немногія свѣденія о странствіяхъ Прейса въ письмахъ, изданныхъ „Живой Стариной", даютъ, однако, понятіе объ его разносторонних интересахъ, а также и его наблюдательности. Первое письмо, къ М. С. Куторгѣ, было изъ Кёнигсберга отъ декабря 1839 года. Съ первыхъ же дней онъ завелъ много знакомствъ въ кругу кенигсбергскихъ ученыхъ; нѣкоторымъ изъ нихъ (здѣсь, и потомъ въ Берлинѣ), историкамъ и филологамъ, онъ долженъ былъ передать французскій переводъ диссертаціи своего друга Куторги. Въ письмахъ онъ рисуетъ мимоходомъ портреты нѣмецкихъ гелертеровъ, и въ томъ числѣ профессора литовскаго языка Резы, въ которомъ нашелъ великаго чудака. Прейсъ пользовался только его библіотекою, гдѣ было очень много драгоцѣнныхъ рукописей, относящихся къ литовскому языку; но учился этому языку у одного студента, литвина родомъ, котораго рекомендовалъ ему профессоръ: это былъ Куршатъ, извѣстный впослѣдствіи составитель литовской грамматики и словаря. Уроками его Прейсъ былъ очень доволенъ; кромѣ того по утрамъ приходилъ къ нему унтеръ-офицеръ литвинъ, съ которымъ онъ учился литовскому разговору. Въ Кёнигсбергѣ онъ остался, кажется, до конца января, его задержали занятія литовскимъ языкомъ: „для другихъ языковъ пособій довольно вездѣ,—писалъ онъ,—для литовскаго нигдѣ, кромѣ Кёнигсберга. Притомъ этому прекрасному языку суждено въ Пруссіи скоро умереть. Общая повинность быть солдатомъ и запрещеніе въ школахъ учить на литовскомъ, чрезъ нѣсколько поколѣній истребятъ совершенно этотъ языкъ, тѣмъ болѣе, что литовское народонаселеніе не превышаетъ 150 тыс. человѣкъ". Мы упоминали выше, какую важность придавалъ онъ литовскому языку въ сравнительно-филологическомъ изученіи славянскаго.

Повидимому онъ легко сходился съ нѣмецкими учеными, чему, безъ сомнѣнія, содѣйствовала его научная компетентность. Въ Кёнигсбергѣ и Берлинѣ онъ бывалъ и на лекціяхъ наиболѣе интересовавшихъ его профессоровъ. Розенкранцъ, по его словамъ, „читаетъ обворожительно"; въ Берлинѣ Риттеръ — „безподобный".

Въ половинѣ декабря онъ упоминаетъ о проѣздѣ черезъ Кёнигсбергъ Срезневскаго.

Въ письмѣ къ Куторгѣ изъ Праги, въ концѣ августа 1840 г., Прейсъ говоритъ о знакомствѣ съ нѣмецкими учеными въ Берлинѣ, Галле, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, о знакомствѣ съ г-жею Робинзонъ (дочерью стараго харьковскаго профессора Якоба, вышедшей замужъ за американца и писавшей о славянской литературѣ и народной поэзіи подъ именемъ Тальви) и др. Прейсу удалось встрѣтить большое расположеніе со стороны такихъ первостепенныхъ ученыхъ, какъ Риттеръ, Боппъ, Ранке, Поттъ, Гезеніусъ. Напр.: „Риттеръ такъ полюбилъ меня, что я не знаю, чѣмъ и какъ я заслужилъ его расположеніе. Все, что̀ мнѣ нужно было, онъ доставлялъ съ величайшею готовностью, приглашалъ меня въ берлинскія собранія ученыхъ, знакомилъ меня со всѣми, кого я знать хотѣлъ"... „Съ Боппомъ я сошелся также очень хорошо, *несмотря на то*, что весь мой разговоръ составлялъ оппозицію его мнѣніямъ. Замѣчанія мои на его сравнительную грамматику я доставилъ ему письменно; онъ былъ ими очень доволенъ. Изъ Праги, какъ только удосужусь, пошлю ему еще нѣсколько замѣчаній, какъ кажется, длинныхъ, тѣмъ болѣе, что въ Берлинѣ я могъ писать только при помощи моей памяти"... „Съ г-жею Робинзонъ я читалъ русскія пѣсни, которыя она мастерски переложила на нѣмецкій. Хотя ученыя дамы и не по вкусу мнѣ, при всемъ томъ она составляетъ исключеніе. Какъ ее обрадовало, когда я сказалъ, что знаніемъ сербскаго языка я ей обязанъ. Это не былъ комплиментъ, а сущая правда: не имѣя лексикона, я съ помощью ея перевода навострился въ сербскомъ"... Въ Галле онъ между прочимъ пріятно проводилъ время—„въ бесѣдѣ съ Поттомъ, съ которымъ я очень часто сходился (мы представляли изъ себя школу взаимнаго обученія въ лицахъ)... съ Гезеніусомъ по поводу боговъ, упоминаемыхъ Несторомъ и съ которыми у меня весьма благополучно обстоитъ. Мои догадки не только объясняютъ мѣсто у Нестора, но вмѣстѣ съ тѣмъ озаряютъ неожиданнымъ свѣтомъ нѣкоторыя стороны исторіи арійскихъ народовъ"... Читателю, которому знакомы имена Риттера (знаменитаго географа), Боппа и Потта (основателей сравнительнаго языкознанія), Ранке (уже тогда извѣстнаго историка), Гезеніуса (знаменитаго оріенталиста), понятно будетъ, что расположеніе ихъ къ Прейсу означало, что послѣдній могъ имъ самимъ представить интересъ, какъ компетентный критическій умъ, вооруженный большимъ знаніемъ.

Въ Галле онъ неожиданно встрѣтилъ двухъ венгерскихъ словаковъ и былъ очень порадованъ, что вполнѣ понималъ ихъ, когда

они говорили „по-богемски“. „Звуки этого языка слышалъ въ первый разъ въ жизни. Не мало и ихъ удивило мое замѣчаніе, когда я имъ указывалъ на не-богемскія особенности ихъ языка. Они болѣе говорятъ словацкимъ, нежели богемскимъ нарѣчіемъ. Я не въ первый разъ благодарилъ душевно Я. Гримма за методу: только строгое сравнительное изученіе сл. языковъ могло мнѣ дать нить для странствованія по лабиринту діалектовъ“. Въ Лейпцигѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ лужичанъ, которые „также пробудились отъ сна“; ... „здѣсь я нашелъ рукописный словарь верхне-лузацкаго нарѣчія и—разумѣется—проглотилъ его цѣликомъ“.

Изъ пражскихъ ученыхъ онъ говоритъ особенно о Шафарикѣ, Палацкомъ и Челяковскомъ, мимоходомъ и, кажется, немного насмѣшливо упомянувъ о „кавалерѣ ордена св. Владиміра“, т.-е. Ганкѣ. Главное лицо былъ, конечно, Шафарикъ: „Всѣхъ болѣе мнѣ полюбился Шафарикъ, человѣкъ въ высшей степени скромный, полный души и сердца и вовсе не фанатикъ, какимъ его изображаютъ многіе изъ нашихъ. Я вожусь съ нимъ каждый день, сообщаю ему замѣчанія свои насчетъ его труда. Онъ принимаетъ спокойно, видя, что я изучалъ его трудъ глубже, нежели его панегиристы. Онъ часто спрашиваетъ моего мнѣнія о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ имъ въ разныхъ его сочиненіяхъ. Я отвѣчаю ему, какъ меня Богъ создалъ, прямо, откровенно; о чемъ не имѣю положительнаго мнѣнія, говорю, что не изучилъ еще этого предмета“.

Онъ занимался въ Прагѣ чешскимъ языкомъ, а кромѣ того „составленіемъ грамматики и лексикона булгарскаго діалекта на основаніи тѣхъ пособій, которыя мнѣ доставилъ Шафарикъ. Этотъ трудъ необходимо обдѣлать до поѣздки въ Булгарію, куда ни Бодянскій, ни Срезневскій не дерзнули отправиться. Имѣя готовый, хотя и несовершенный матеріалъ, я безъ особеннаго труда могу на мѣстѣ дополнять, направлять и т. д. Предметъ чрезвычайно любопытный“.

Другое письмо писано уже въ январѣ 1841 г. Если онъ не сожалѣетъ, что онъ еще въ Прагѣ, то главная причина тому—Шафарикъ. „У него столько собрано превосходныхъ матеріаловъ, печатныхъ и рукописныхъ, что я почелъ долгомъ не пропустить случая заняться—елико возможно—изученіемъ ихъ. Сверхъ того, многое нашлось и въ здѣшнемъ музеѣ. Прибавь къ этому древне- и ново-болгарскія изученія и т. д. Все это требовало времени. Я прошелъ съ Шафарикомъ его „Древности“, и почти на каждой страницѣ представлялся случай къ замѣчаніямъ, поправкамъ, дополненіямъ и т. д. При этой оказіи я имѣлъ возможность на-

блюдать этого человѣка, какъ человѣка и какъ ученаго. Въ первомъ отношеніи онъ едва-ли не болѣе меня удовлетворилъ. За исключеніемъ Юнгмана и Пресля, никто въ Богеміи съ нимъ не выдержитъ сравненія, какъ лицо нравственное".

Чрезвычайно любопытны отзывы Прейса о чешской литературѣ и о цѣломъ характерѣ національнаго возрожденія по его отношенію къ тому историческому прошлому, которое должно было стоять въ его основѣ: „Восторгаться я успѣхами чешской литературы, подобно нѣкоторымъ изъ нашихъ, не могу; я ѣхалъ въ Прагу съ невыгоднымъ мнѣніемъ объ этой статьѣ, какъ тебѣ и Виктору Семеновичу вѣдомо. Im Ganzen я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи; при всемъ томъ думаю, что было бы дѣломъ несправедливымъ не замѣтить въ чешской литературѣ благороднаго движенія". Все зависитъ отъ точки зрѣнія: чешская литература не выдержитъ сравненія ни съ польскою, ни съ русскою, но сама по себѣ она представляетъ извѣстное движеніе. Писателямъ и языку прежде всего надо сбросить ярмо нѣмецкихъ взглядовъ, нѣмецкаго синтаксиса и т. д. Чехамъ полезно было бы короче познакомиться съ литературой польской и русской, съ собственной исторіей и особливо съ народностью: за немногими исключеніями, въ Прагѣ очень дурно говорятъ по-чешски. „Къ сожалѣнію, бо̀льшая часть литераторовъ не имѣетъ опредѣленныхъ понятій о томъ, что̀ имъ надобно дѣлать. Можно ли ожидать добра литературѣ отъ переводовъ съ нѣмецкаго, т.-е. съ такого языка, который имъ нерѣдко лучше извѣстенъ, нежели свой собственный. Если уже переводить, то скорѣе съ другихъ языковъ европейскихъ, знаніе которыхъ недовольно распространено между пишущими въ Богеміи. Критики литературной почти не существуетъ". „Добровскій, которымъ чехи недовольны безъ всякаго основанія, нѐхотя нанесъ имъ много вреда. Не имѣя его ума, многіе изъ чешскихъ литераторовъ погрязли въ пучинѣ этимологій и „новословокованій". Такъ напр., Челяковскій, которому musa dedit rotundo loqui ore—занимается составленіемъ этимологическаго чешскаго словаря, вещи очень прекрасной, но несвоевременной. Въ Богеміи ожидаютъ этого словаря какъ Мессіи, полагая, что при его помощи можно освободиться отъ ярма нѣмецкаго языка. Замѣчательно, что всѣ литераторы чешскіе—отъ мала до велика—раздѣляютъ этотъ предразсудокъ. Напиши Челяковскій книгу той величины, какой будетъ словарь, и литература выиграла бы несравненно болѣе. Такъ я думаю и говорю всюду и вездѣ. Почти ежедневно я имъ читаю проповѣди объ этомъ предметѣ. Срезневскій того же мнѣнія.

Наше пребываніе въ Прагѣ будетъ полезно молодому поколѣнію литераторовъ".

„Срезневскій,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—къ большому моему удовольствію, находится въ Прагѣ. Я очень доволенъ имъ: мы дополняемъ другъ друга. Онъ любитъ настоящее; занимается болѣе народомъ, этнографіею вообще; я же — какъ извѣстно — стариною, прошедшимъ. Настоящее преимущественно интересуетъ меня тогда, когда оно объясняетъ прошедшее".

По поводу этого прошедшаго онъ дѣлаетъ очень простое, вѣрное и глубокое замѣчаніе, которое представлялось далеко не всѣмъ тогдашнимъ наблюдателямъ чешской жизни и которое указываетъ одну изъ существенныхъ сторонъ чешскаго возрожденія на его тогдашней ступени.

„Въ лѣтніе мѣсяцы я часто ѣздилъ и ходилъ по окрестностямъ Праги въ обществѣ съ Шафарикомъ. Мѣста, къ которымъ прикованы воспоминанія историческія, не трогали моего сердца. Не то было въ Познани, въ Литвѣ. Поэзія и исторія (писанная на языкѣ родномъ) давали пищу сердцу и воображенію. То же дѣйствіе произведутъ на меня многія мѣстности въ Сербіи: народная пѣсня сдѣлала ихъ для меня родными. Въ Богеміи другое дѣло: исторія писалась и пишется по-нѣмецки; народныхъ историческихъ пѣсенъ нѣтъ. Коротко сказать: чехи лучше знаютъ исторію Швеціи, нежели собственную. Чувство историческое (если позволено такъ выразиться) у чеховъ пятое колесо въ телѣгѣ. Это очень больно. Слѣдовательно на мои чувства Богемія могла дѣйствовать одной живописностью положеній — а это самая слабая сторона у меня. Вышеградъ и гора Ржипъ шевелили сердце, есть пѣсни о нихъ, есть преданія. Но въ нынѣшнемъ сознаніи все уснуло".

Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: „Какъ мнѣ досадно, что я теперь не въ Берлинѣ, гдѣ, какъ знаешь, поселился мой Jacobus Grimm"... „Мои сборники миѳологическіе, грамматическіе, лексикальные, юридическіе ростутъ, ростутъ: я ихъ принужденъ оставить въ Прагѣ, по крайней мѣрѣ бо̀льшую часть. Я ихъ показывалъ Шафарику; онъ очень ими доволенъ, особенно моимъ древне-славянскимъ и древне-русскимъ словаремъ, изъ которыхъ и на его долю не мало перепало".

Въ длинномъ письмѣ къ Срезневскому отъ февраля 1841 года, среди всякихъ разсказовъ объ его пражской жизни, проходитъ опять та же мысль объ отсутствіи у тогдашнихъ чеховъ жизненно-исторической физіономіи. Въ тѣ годы въ чешской общественности бывали большимъ событіемъ чешскіе балы. На одномъ изъ такихъ

баловъ, многолюдномъ („присутствовалъ весь пражскій адресъ-календарь") и „блестящемъ", былъ Прейсъ и такъ передаетъ свои впечатлѣнія:

„Я явился спозаранку: мнѣ хотѣлось, чтобы эта масса людей прошла предъ моимъ испытующимъ глазомъ по каплѣ, не разомъ. Возможность обозрѣть цѣлое была для меня не отрѣзана... Итакъ, частности осмотрѣны и остаются безъ описанія. Цѣлое (только женскій полъ): толпа съ красными, румяными щеками, съ глазами, въ которыхъ не добьешься толку: текстъ писанъ на арабскомъ языкѣ, мнѣ неизвѣстномъ. Если никому не нравятся „кожа да кости", то сколько же могутъ быть по вкусу „мясо да кровь", другими словами: мясная лавка. Народъ, теряя понятіе о самомъ себѣ, теряетъ свой цвѣтъ, дѣлается физіогноміею безъ выраженія, безъ души. Безо́бразный и безобра́зный—синонимы, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ. Просвѣщеніе, чувство́ человѣческаго достоинства можетъ дать физіогноміи смыслъ, значеніе. Подобныя физіогноміи—очень естественно—могутъ являться кое-гдѣ спорадически, всего менѣе тамъ, гдѣ чувственность есть идея жизни, гдѣ только полицейскія добродѣтели суть единственныя добродѣтели: счастіе человѣка".

Тако́е впечатлѣніе дѣйствительно могла производить чешская жизнь. Историческое прошлое было затеряно. То явленіе, которымъ чешскій народъ вмѣшался нѣкогда въ исторію человѣчества, гуситское движеніе, было истреблено до основанія католической и іезуитской реакціей; теперь національное возрожденіе напомнило славную эпоху, но она не нашла никакого жизненнаго отголоска, не послужила мотивомъ для новаго движенія. Народныя массы, какъ дальше увидимъ, всю силу своихъ религіозныхъ увлеченій полагали на Яна Непомука, мнимаго святого XIV вѣка, выставленнаго іезуитами въ началѣ XVIII столѣтія. Складъ чешской жизни былъ въ очень сильной степени нѣмецкій; литература въ большинствѣ случаевъ была узкимъ подражаніемъ нѣмецкой. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ Прейсъ указывалъ, какъ полезно было бы для чеховъ знакомство съ польской и русской литературой, и послѣдняя, кажется, въ особенности могла бы своимъ примѣромъ развить тотъ сильный реализмъ, который, служа цѣлямъ искусства, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ и реальной постановкѣ общественнаго пониманія; но этого не случилось и до сихъ поръ... Страннымъ образомъ совпадало со всѣмъ этимъ то обстоятельство, что для возбужденія чешскаго національнаго чувства въ началѣ столѣтія потребовались не столько дѣйствительные, сколько поддѣльные памятники мнимой древности.

Въ это время явилось у Срезневскаго предположеніе устроить путешествіе по южнымъ сербскимъ краямъ вмѣстѣ съ Прейсомъ и Вукомъ Караджичемъ. Прейсъ былъ въ восторгѣ отъ этого предположенія. Онъ пишетъ къ Срезневскому въ концѣ февраля 1841 года: „Что̀ можетъ быть прелестнѣе того, что̀ намъ предстоитъ? Кажется, насъ любитъ Небо: развѣ это не даръ Неба—возможность путешествовать съ Вукомъ? Вукъ—„огриjа̀но сунце"; сербскія пѣсни—Иліада нашего времени, сербскій языкъ—прелесть прелестей.

„Въ жару моего восторга я заврался—виноватъ".

Въ мартѣ 1841 Прейсъ былъ въ Вѣнѣ. Здѣсь онъ каждый день видѣлся съ Вукомъ, по словамъ его—„добрѣйшимъ, любезнѣйшимъ и умнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ"; видался также съ Копитаромъ, хотя не видно, насколько сошелся онъ съ послѣднимъ: Копитаръ вообще былъ предметомъ ненависти въ Прагѣ; Прейсъ, по обыкновенію, не полагался на чужія мнѣнія, но изъ книгъ Копитара выводилъ заключеніе о крайнемъ его самолюбіи. Въ маѣ 1841, какъ предположено было, онъ съѣхался съ Срезневскимъ въ Тріестѣ, и они сдѣлали вмѣстѣ путешествіе въ Венецію, Истрію, Далмацію, Черногорію и обратно до Загреба, откуда Прейсъ между прочимъ описывалъ свое путешествіе Куторгѣ отъ 19-го августа. Въ Загребѣ онъ разстался съ Срезневскимъ, потому что заболѣлъ, а тотъ поѣхалъ далѣе.

Изъ письма, писаннаго имъ къ Срезневскому повидимому въ октябрѣ этого года, можно понять (хотя подробности неясны), что Прейсъ вмѣшался въ тогдашнія дѣла „иллирійскихъ" патріотовъ, предводителемъ которыхъ былъ докторъ Гай, хотѣвшій быть диктаторомъ въ патріотическихъ предпріятіяхъ. „Кстати о Гаѣ. По отъѣздѣ вашемъ долго я не имѣлъ случая сойтись съ Гаемъ; наконецъ, случай этотъ представился. Спокойно, строго высказалъ я ему по пунктамъ все, что̀ у меня лежало на сердцѣ; не щадилъ лица, гдѣ оно мѣшало дѣлу; жалобы на прочихъ литераторовъ были устранены мною рѣзкимъ замѣчаніемъ.—Эта бесѣда тронула его: онъ сталъ со мною сближаться. Мнѣ было это пріятно: я могъ ему развивать все, что́ прежде въ общихъ чертахъ было высказано.—Между тѣмъ противниковъ я подгонялъ къ работѣ. Pregled кристаллизовался: приступилъ и Вукотиновичъ. По плечамъ даны работы и младичамъ.—Наконецъ, будущіе редакторы отправились къ Г., *какъ къ типографу*.—Послѣдовало объясненіе, благотворное для обѣихъ сторонъ.—Каждый получилъ удѣльное княжество на свою долю; владѣй имъ подъ собственною отвѣтственностію и безъ зависимости отъ великаго князя.—Врагамъ внѣ-

шнимъ, общему—общія усилія". Въ письмѣ къ Куторгѣ около того же времени онъ говоритъ объ этомъ „иллирійскомъ" движеніи:

„Ты ошибаешься, полагая, что я нахожусь „между дикарями". — Мнѣ здѣсь отраднѣе, нежели въ Берлинѣ, Дрезденѣ etc. Не говорю о впечатлѣніи, которое производитъ на меня привѣтливость, услужливость — большая рѣдкость въ Германіи". За *семь* лѣтъ назадъ въ Кроаціи „ничего не было"; теперь въ одномъ Загребѣ работаютъ двѣ типографіи, выходятъ двѣ газеты, къ новому году прибавятся еще два изданія, въ каждомъ нѣсколько значительномъ городѣ есть кабинеты для чтенія, въ Загребѣ устроенъ постоянный театръ, вскорѣ будетъ основанъ музей и при немъ учено-литературное общество, молодежь возбуждена къ живой патріотической дѣятельности. „Если мѣрить европейскимъ аршиномъ, то, конечно, сдѣланное не Богъ знаетъ чтò, но ради Бога — можно ли болѣе сдѣлать въ продолженіе 7-ми лѣтъ? Не забудь еще, что все это творится усиліями *частныхъ* людей и большею частію людей небогатыхъ, не безъ борьбы съ старымъ поколѣніемъ и съ непріятелями разнаго званія и происхожденія.

„Все это вмѣстѣ взятое веселитъ душу, особенно когда видишь, какъ общество выигрываетъ при этомъ движеніи, какъ жизнь, нѣкогда пьяную, обжорную, буйную, замѣняетъ жизнь съ требованіями удовольствій благородныхъ, утонченныхъ".

Кромѣ небольшого числа писемъ изъ-за границы, помѣщенъ въ „Живой Старинѣ" еще небольшой рядъ писемъ Прейса изъ Петербурга по возвращеніи изъ путешествія. Здѣсь также есть нѣкоторыя любопытныя черты для его біографіи и характеристики. Таково длинное письмо къ Срезневскому отъ конца января 1843 года. Онъ долженъ былъ исполнить нѣкоторыя порученія Срезневскаго, сообщаетъ о своихъ работахъ и предположеніяхъ, о разныхъ новостяхъ по славянскимъ дѣламъ, а также о концѣ своего путешествія, который былъ не совсѣмъ благополученъ. Онъ былъ уже боленъ и повидимому весьма серьезно, а кромѣ того попалъ въ руки невѣжественнаго доктора, который еще ему повредилъ. Дѣло было въ Венгріи. Наконецъ въ постоянныхъ переѣздахъ онъ встрѣтилъ благоразумнаго врача, который нѣсколько ему помогъ, и въ суровую осень онъ добрался до Варшавы и наконецъ до Петербурга. „Обыкновенная" у него болѣзнь горла, по всей вѣроятности, была развивающейся чахоткой. Въ Петербургѣ онъ имѣлъ болѣе разумный медицинскій уходъ, но потеря голоса на нѣсколько мѣсяцевъ замедлила начало его лекцій; повидимому, онъ никогда уже не оправлялся отъ своей болѣзни.

Между прочимъ онъ пишетъ, что редакторъ журнала министерства просвѣщенія, Сербиновичъ, вызывалъ его написать статью о вышедшей передъ тѣмъ славянской этнографіи Шафарика. Прейсъ отказался, прибавивъ: „изъ всѣхъ славистовъ, не исключая Шафарика", только Срезневскій „можетъ говорить о діалектахъ славянскихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла". Сербиновичъ и просилъ его передать это предложеніе Срезневскому. Самъ Прейсъ намѣревался, получивъ статью, прибавить къ ней съ своей стороны то, чтò могло быть не упомянуто Срезневскимъ въ этомъ сложномъ предметѣ. „Чтò, вы не разсердитесь на меня? Можетъ быть, вамъ это будетъ непріятно. Но дѣло сдѣлано. Таить же предъ вами что-нибудь составляетъ для меня невозможность. Надѣюсь, что и вы будете со мною откровенны, т.-е. разругаете меня—какъ говорится—въ прахъ. Вы вѣрно не забудете вашихъ правъ и обязанностей въ отношеніи ко мнѣ.

„Почему я отъ предложенія Сербиновича отказываюсь? спросите вы: 1) Я въ подметки не гожусь вамъ въ этомъ предметѣ. 2) У меня еще впереди одинъ важный разборъ, къ которому я долженъ приготовиться. Это Остромирово евангеліе, которое, вѣроятно, къ Пасхѣ выйдетъ въ свѣтъ. Далѣе: можетъ быть нужно будетъ написать статью о изданномъ Востоковымъ же каталогѣ рукописей Румянцовскаго музея. 3) Я много убилъ времени на разсмотрѣніе двухъ рукописей, диссертаціи магистра Григоровича въ Казани: исторія литературы славянъ съ древнѣйшихъ временъ до XIV столѣтія, и старшаго учителя Коншина краткаго церковно-славянскаго словаря. Обѣ рукописи получили: damnatur. Эти, хотя и лестныя, порученія министра довольно непріятны. Оскорбляешь самолюбіе людей. Сколько предвижу, этимъ порученіямъ не будетъ конца, тѣмъ болѣе, что на Руси думаютъ: довольно знать русской грамотѣ для того, чтобъ писать о славянахъ и нарѣчіяхъ славянскихъ вкривь и вкось. 4) Наконецъ, я до сихъ поръ хворалъ, и вотъ причина, почему я еще не начиналъ лекціи".

Любопытны дальше замѣчанія о положеніи новой каѳедры и о томъ, какъ уже въ то время складывались въ извѣстныхъ кругахъ славянскія сочувствія.

„По поводу одной бумаги вѣнскаго двора призывалъ меня министръ къ себѣ и просилъ меня ничего не говорить политическаго на лекціяхъ, о чемъ увѣдомляю васъ. Немножко досталось отъ министра и Москвѣ, въ особенности Бодянскому. И по дѣломъ! У москвичей только славяне во всемъ чисты и правы, только виноваты австрійцы и мадьяры. Съ этимъ я вовсе не со-

гласенъ. Москва не можетъ существовать безъ святыхъ. Будто бы ихъ мало безъ Шафарика, Ганки и иныхъ. Я все поджидаю, что Погодинъ съ товарищами сочинитъ тропарь или кондакъ которому-нибудь изъ своихъ славянскихъ пріятелей. Вѣдь это у него послѣднее, сильнѣйшее доказательство, см. его разсужденіе о Несторѣ ad calcem".

Жаль, что эти замѣтки такъ отрывочны. Изъ нихъ видно, однако, что Прейсъ не имѣлъ самъ охоты къ тропарямъ и кондакамъ и относился критически къ тѣмъ святымъ, какимъ поклонялись въ Москвѣ. О томъ, какъ относились Прейсъ и Срезневскій, напр., къ Шафарику, въ то время первостепенному и единственному ученому, ставившему въ своихъ трудахъ вопросы о цѣломъ славянствѣ [1]), въ той же книжкѣ „Живой Старины" помѣщены интересныя соображенія г. Ламанскаго, съ приложеніемъ нѣсколькихъ писемъ Шафарика къ Срезневскому [2]).

Онъ пишетъ о распредѣленіи своего курса, въ которомъ было между прочимъ преподаваніе церковно-славянскаго языка: „На безрыбьи и ракъ рыба, а потому я принужденъ взять въ руководство хрестоматію Пенинскаго. О горе!" Онъ перечисляетъ, чтò у него есть изъ малорусской литературы: это было всего 12 книжекъ; своихъ славянскихъ книгъ онъ все еще ожидалъ изъ-за границы—изъ Загреба, Праги, Лейпцига, Кёнигсберга, Кракова: „недостатокъ нужнѣйшихъ пособій дѣлаетъ меня безрукимъ".

Въ письмѣ къ Шафарику, отъ іюня, 1843, Прейсъ посылалъ ему копіи нѣсколькихъ списковъ одного памятника славяно-русской литературы, сообщаетъ другія ученыя новости и между прочимъ замѣчаетъ: „Какъ меня порадовало извѣстіе, что вы вновь занялись составленіемъ исторіи литературы славянскихъ нарѣчій. Никто живѣе не можетъ чувствовать необходимости такого руководства, какъ мы, преподающіе. Матеріалъ разбросанъ, всюду disjecta membra. Вы первый начали сосредоточивать этотъ матеріалъ и вѣрно положите конецъ хаотическому нестроенію и начало спеціальнымъ трудамъ". Объ этомъ намѣреніи Шафарика онъ повторяетъ въ письмѣ къ С. И. Барановскому: „изъ писемъ Шафарика узнаю, что онъ крѣпко занимается приготовленіемъ новаго изданія своей исторіи славянскихъ литературъ, которая,

---

[1]) Въ Исторіи славянскихъ литературъ, 1826, въ Древностяхъ, 1837, въ Этнографіи, 1842.

[2]) Годъ первый, выпускъ IV, стр. 164—174; тамъ же, стр. 174—187, перепечатана статья Срезневскаго о Славянской этнографіи, изъ Журнала мин. просв. 1843.

разумѣется, выйдетъ на чешскомъ языкѣ" [1]). Въ письмѣ къ тому же Барановскому любопытно напоминаніе о томъ, что Барановскій извѣщалъ его о существованіи точнаго facsimile Слова о полку Игоревѣ. Прейсъ прибавляетъ: „Есть еще списокъ московскаго профессора Тимковскаго, сколько извѣстно, по слухамъ превосходный. Говорятъ, что Тимковскій приготовлялъ новое изданіе Слова съ учеными примѣчаніями и прибавляетъ, что ему остались только три мѣста темными. Послѣ смерти Тимковскаго, бумаги его Богъ вѣсть куда пропали. Злые языки разсказываютъ, что Снегиревъ изволилъ ихъ заблаговременно украсть и отчасти донынѣ почерпать оттуда свою диковинную премудрость" [2]).

Любопытна замѣтка объ Остзейскомъ краѣ: „Вы пишете, что вы застали предметъ вашъ въ жалкомъ состояніи [3]). Это напомнило 1828 годъ, когда я началъ свое учительское поприще въ Дерптѣ. Не знаю, до какихъ вы убѣжденій дошли по этому случаю, я же, признаюсь, и теперь виню не жителей Остзейскаго края, а учителей русскаго языка, людей, большею частію, необразованныхъ, мало приготовленныхъ къ назначенію своему, слѣдовательно людей, которые не въ состояніи ни поддержать своего предмета, ни возбудить къ нему вниманія".

Наконецъ онъ задаетъ Барановскому цѣлый рядъ вопросовъ —о картѣ финскихъ нарѣчій, изданной тогда однимъ изъ профессоровъ въ Гельсингфорсѣ, о разныхъ финскихъ миѳологическихъ преданіяхъ, которыя были для него важны.

Лѣтомъ того же года писалъ Прейсъ къ своему учителю литовскаго языка Куршату. Послѣ знакомства въ Кёнигсбергѣ они поддерживали сношенія, но видимо съ обѣихъ сторонъ не весьма аккуратно. Вернувшись въ Петербургъ, Прейсъ написалъ старому другу и, предположивъ, что тотъ желалъ бы знать объ его странствіяхъ, посвятилъ письмо этому разсказу [4]).

„...Когда я покинулъ Кёнигсбергъ, я отправился, какъ вы, можетъ быть, припомните, въ Данцигъ, чтобы точнѣе изслѣдовать языкъ кашубовъ. Посредствомъ разспросовъ и при помощи знаю-

[1]) Этотъ трудъ исполненъ не былъ. Впослѣдствіи Шафарикъ издалъ только исторію южно-славянскихъ литературъ, библіографическаго характера и на нѣмецкомъ языкѣ.

[2]) Въ „Живой Старинѣ" приведено по этому поводу существующее въ литературѣ свѣдѣніе, что труды Тимковскаго по объясненію Слова о полку Игоревѣ погибли во время петербургскаго наводненія 1824 года, и замѣчено, что Прейсъ, должно быть, этому не вѣрилъ.

[3]) Барановскій занималъ тогда профессуру русскаго языка въ Гельсингфорсѣ.

[4]) Письмо писано по-нѣмецки.

щихъ людей мнѣ удалось собрать о немъ довольно важныя свѣденія. Изъ Данцига отправился я въ Торнъ и Познань... и послѣ короткаго пребыванія въ Познани, направилъ путь свой на Берлинъ, Галле, Дрезденъ, Прагу. Въ этомъ послѣднемъ городѣ я прожилъ съ полгода съ большою пользой для своихъ занятій, потомъ я направился черезъ Вѣну, Штирію, Крайнъ въ Тріестъ, съ заѣздомъ въ Венецію. Ничего нѣтъ легче путешествія въ Венецію изъ Тріеста. Въ 10 часовъ вечера отходитъ пароходъ: путешественникъ ложится спать и рано утромъ на другой день просыпается въ Венеціи, не зная, какъ это случилось. Но это—необыкновенное, волшебное путешествіе! Впрочемъ, не вездѣ путешествуешь такъ легко, удобно и быстро. Стоитъ только вернуться изъ Венеціи въ Тріестъ, стоитъ только предпринять отсюда путешествіе по Истріи per pedes apostolorum, и вмѣсто волшебства встрѣчаешь вездѣ голую, безнадежную дѣйствительность... Эта бѣдная землица правильно каждый годъ подвержена засухѣ. Послѣ того, какъ я исходилъ Истрію пѣшкомъ во всѣхъ направленіяхъ и посѣтилъ Полу съ ея прекрасными римскими памятниками, я отправился черезъ Фіуме въ Военную границу, дѣлалъ экскурсіи на большіе острова (Велья, Паго), всходилъ на высоты Велебита и такимъ образомъ все дальше я вымѣрялъ всю Далмацію до Черногоріи. Несмотря на нѣкоторыя затрудненія, большія только издали, я поднялся на Черную Гору и сдѣлалъ по истинѣ интересное знакомство съ черногорцами и ихъ владыкой. Въ этомъ главѣ второй церковной области въ Европѣ я нашелъ очень образованнаго молодого человѣка, едва тридцати лѣтъ, но который поставленъ въ печальную необходимость бить своихъ враговъ, гдѣ только можетъ ихъ встрѣтить. Изъ Черногоріи обратный путь (большей частью другой дорогой, въ большемъ отдаленіи отъ морского берега и ближе къ турецкой границѣ) шелъ на Загребъ и Хорватію, гдѣ, какъ вамъ вѣроятно уже извѣстно, находится гнѣздо невиннаго иллиризма, того иллиризма, который даетъ столько хлопотъ бумажнымъ политикамъ въ Германіи. Здѣсь напала на меня сильная лихорадка и мучила довольно долго. Изъ Хорватіи черезъ Славонію и Сремъ въ Бѣлградъ, въ Сербіи. Въ числѣ другихъ знакомствъ, которыя я сдѣлалъ въ Сербіи, было также знакомство съ княземъ Михаиломъ и тѣми людьми, которые стоятъ теперь во главѣ сербскихъ дѣлъ. Изъ Сербіи вверхъ по Дунаю на пароходѣ въ Пештъ. Близилось время моего возвращенія домой, я долженъ былъ спѣшить. Къ несчастію я снова заболѣлъ перемежающейся лихорадкой въ Шемницѣ (въ верхней Венгріи; по-славянски

Щавница) и долженъ былъ долго страдать отъ нея, также какъ и отъ послѣдствій очень дурного леченія одного варвара врача. Какъ только я поправился, я безъ дальнѣйшихъ препятствій черезъ Галицію и Польшу вернулся въ Россію.

„Теперь моя кочевая жизнь кончена, я сижу спокойно дома, работаю и только въ досужные часы свожу счеты съ друзьями за границей, думаю о нихъ и пишу къ нимъ. Вотъ и вы получаете нѣсколько строкъ".

Онъ спрашиваетъ Куршата объ его занятіяхъ, говоритъ о своихъ планахъ работъ надъ литовскимъ языкомъ, для чего онъ думалъ самъ отправиться въ русскую Литву и т. д. Другое письмо къ Куршату отъ 1844 года занято спеціальными вопросами по литовскому языку. Изъ остальныхъ писемъ отмѣтимъ еще одно письмо къ знакомому сербу (по-сербски): „...Вы пишете, что вы слышали, что я имѣю много друзей въ министерствѣ (какомъ?). Кто могъ вамъ это сказать? Можетъ быть, люди, которые думаютъ, что я путешествовалъ какъ агентъ моего правительства въ интересахъ панславизма! Скажите этимъ людямъ, что это ложь и очень смѣшная ложь. Не только въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но и въ моемъ министерствѣ (просвѣщенія) я—ничто". Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ о намѣреніи этого знакомца издать сербскій переводъ Древностей Шафарика. Прейсъ убѣждаетъ его, что это будетъ напрасный трудъ, во-первыхъ потому, что эта книга не годится для сербовъ по своей формѣ, а во-вторыхъ, что она „во многомъ устарѣла" и въ очень многихъ случаяхъ должна быть исправлена по новымъ изслѣдованіямъ, но что было бы большой заслугой сдѣлать изъ нея для сербовъ краткое извлеченіе.

Въ упомянутыхъ воспоминаніяхъ, гдѣ Срезневскій (въ 1878) говорилъ о первыхъ нашихъ славистахъ, одновременно съ нимъ начавшихъ свое поприще, онъ съ особенной любовью останавливается на Прейсѣ, который умеръ, едва успѣвъ начать это поприще. Разсказавъ въ нѣсколькихъ словахъ его біографію до путешествія за границу, онъ говоритъ о его занятіяхъ за границей, о ходѣ которыхъ даютъ понятіе подробные отчеты, какіе посылалъ онъ министру и совѣту университета. „Отчеты эти,— говоритъ Срезневскій, — давая ясное понятіе о научной требовательности, руководившей Прейса во время путешествія, вмѣстѣ съ тѣмъ представили по изученію славянства столь драгоцѣнныя сообщенія, что ими нельзя было не пользоваться какъ важнымъ пособіемъ. Не утратили они своего достоинства и теперь, несмотря на множество открытій по всѣмъ отраслямъ науки, въ

нихъ затронутымъ... Многіе изъ отчетовъ Прейса напечатаны въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и высоко цѣнятся знатоками дѣла". Затѣмъ по личнымъ воспоминаніямъ Срезневскій говоритъ: „Столько же цѣнились начитанность, наблюдательность и трудолюбивая изслѣдовательность Прейса и тѣми людьми науки, съ которыми онъ сближался во время путешествія. Составитель этой записки, путешествуя по славянскимъ землямъ одновременно съ Прейсомъ и частію вмѣстѣ съ нимъ, можетъ лично свидѣтельствовать объ уваженіи, которое Прейсъ оставлялъ всюду за собою, какъ ученый, столько же богатый запасами знаній и наблюденій, сколько и осторожный въ соображеніяхъ и выводахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ провели мы вмѣстѣ съ нимъ въ Прагѣ, сходясь съ пражскими учеными. Всѣ они дорожили указаніями и мнѣніями Прейса. Шафарикъ между прочимъ обильно пользовался его извлеченіями изъ древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и указателями его къ Славянскимъ Древностямъ самого Шафарика и къ нѣкоторымъ трудамъ Я. Гримма. Пользовался его указаніями и Челяковскій, и Палацкій, и нѣкоторые другіе. Ему и я обязанъ, какъ первому совѣтнику, узнаніемъ первыхъ пріемовъ, какъ заниматься древними рукописями. Вмѣстѣ съ нимъ я началъ и кончилъ путешествіе по Истріи, Далмаціи съ Черной Горой и Хорватской землѣ, работалъ между прочимъ и надъ памятниками письменности, тамъ нами замѣченными. Вмѣстѣ съ нимъ думалъ я продолжать путешествіе и далѣе; но болѣзнь Прейса помѣшала исполненію этого предположенія—такъ-же, какъ и составленію одного общаго нашего отчета о сдѣланномъ вмѣстѣ путешествіи (причиной, по которой ни отъ него, ни отъ меня не было отдѣльныхъ отчетовъ объ этой долѣ нашихъ заграничныхъ занятій). Болѣзнь Прейса, не покидавшая его со времени нашей разлуки въ Загребѣ, т.-е. съ осени 1841 года, если развилась и не исключительно подъ вліяніемъ душевныхъ заботъ, то все-таки отъ нихъ сильно зависѣла. Прейсъ сталъ задумываться все чаще, чѣмъ болѣе приближалось время его возвращенія домой" [1]).

Задумался онъ о томъ, „какая судьба ожидала его безъ состоянія, безъ умѣнья считать копѣйки—и безъ той первой ученой степени, которая необходима для достиженія другихъ высшихъ и для полученія которой испытаніе становилось ему тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе обособлялъ онъ свои научныя работы". Дѣло въ томъ, что, какъ мы упоминали, Прейсъ не докончивъ универ-

---

[1]) Срезневскій, „На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ", стр. 7—8.

ситетскаго курса, не имѣлъ даже степени кандидата; между тѣмъ для занятія профессорской каѳедры онъ долженъ былъ быть по крайней мѣрѣ магистромъ. Живя въ Петербургѣ, по выѣздѣ изъ Дерпта, онъ весь былъ занятъ своими спеціальными работами и хлопоталъ, чтобы ему разрѣшено было держать экзаменъ прямо на магистра по его спеціальности; между тѣмъ отъ него требовали по порядку сначала экзамена на кандидата, т.-е. изъ всѣхъ факультетскихъ предметовъ. Въ концѣ концовъ ему разрѣшено было отправиться за границу, а вопросъ объ экзаменахъ предполагалось рѣшить по его возвращеніи, смотря по обстоятельствамъ и по тѣмъ правиламъ, какія могутъ быть приняты впослѣдствіи. Правилъ, однако, не было принято никакихъ и дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи. „Увлекшись своими изученіями за границей, Прейсъ забылъ думать обо всемъ этомъ, но когда приходило время къ возвращенію и воспоминанія ожили въ немъ тревожно и сокрушительно для его силъ, и безъ того ослаблявшихся непрерывнымъ трудомъ, да и вообще не очень надежныхъ. Преодолѣвая себя, онъ сдѣлалъ еще поѣздку изъ Загреба въ Сербію, потомъ по Венгріи черезъ Новый Садъ, Пештъ и Шемницъ; но нигдѣ уже не могъ работать такъ, какъ работалъ прежде—въ Кёнигсбергѣ, Данцигѣ, Берлинѣ, Познани, Дрезденѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Тріестѣ, Дубровникѣ, Макарскѣ, Загребѣ. Болѣзнь не позволила ему воротиться къ сроку. Онъ пробылъ за границею еще болѣе полугода,—а все-таки воротился больной".

Дѣло кое-какъ уладилось тѣмъ, что онъ назначенъ былъ въ качествѣ преподавателя и съ порядочнымъ по тому времени окладомъ (въ 1.000 р.); но болѣзнь позволила ему начать лекціи только въ мартѣ 1843 года. Общій распорядокъ чтеній былъ приготовленъ имъ еще во время путешествія и могъ быть представленъ имъ въ факультетъ уже вскорѣ по возвращеніи [1]).

---

[1]) „Чтенія свои,—говоритъ Срезневскій,—онъ раздѣлилъ на три отдѣла:

„1. Введеніе съ отвѣтами на вопросы: о древнѣйшихъ жилищахъ славянъ въ Европѣ, объ ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и повелителямъ, объ эпохѣ ихъ переселеній, ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ, объ образованіи самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, о принятіи славянами христіанства, о внутреннемъ бытѣ славянъ—по положительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ и по выводамъ сравнительнаго изученія древностей славянскихъ.

„2. Историческое разсмотрѣніе каждаго изъ важныхъ народовъ славянскихъ: болгаръ, сербовъ съ хорватами, хорутанъ, чеховъ со словаками, поляковъ съ балтійскими и лужицкими славянами—въ отношеніи къ судьбамъ политическимъ, языку и литературѣ.

„3. Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій съ изложеніемъ главнѣй-

Срезневскій замѣчаетъ о курсѣ Прейса: „Этотъ стройный, многообъемлющій и вмѣстѣ самостоятельный распорядокъ чтеній по каѳедрѣ новой, не давшей ничего ни для подражанія, ни для исправленія, не могъ не быть одобренъ факультетомъ, и долженъ остаться памятникомъ въ исторіи славянской филологіи“.

Прейсъ усиленно работалъ, читая одновременно нѣсколько курсовъ, собирая матеріалы, между прочимъ для магистерской диссертаціи, такъ какъ черезъ полтора года послѣ его возвращенія ему разрѣшено было съ Высочайшаго соизволенія, въ виду его особенныхъ обстоятельствъ, держать экзаменъ прямо на степень магистра. Въ актѣ петербургскаго университета 1845 года напечатана была его рѣчь объ эпической поэзіи сербовъ. Для магистерской диссертаціи онъ выбралъ предметомъ богомильскую ересь, вопросъ очень важный въ исторіи южнаго славянства и до тѣхъ поръ почти никѣмъ не тронутый; онъ работалъ надъ нимъ въ теченіе 1845 года; нѣсколько толстыхъ тетрадей были имъ приготовлены окончательно, но онъ не успѣлъ довершить своей работы. Серьезная болѣзнь, въ теченіе которой онъ все еще усиливался работать, свела его въ могилу 11-го мая 1846.

Срезневскій упоминаетъ, что отъ одного изъ его слушателей онъ получилъ въ даръ университетскія записки по лекціямъ Прейса: „пересматривая ихъ теперь, слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ ихъ написанія, все-таки видимъ въ нихъ достоинства изложенія, не общія и въ это послѣднее время“. По смерти Прейса не стало и его труда о богомилахъ; „кто-то овладѣлъ имъ, до сихъ поръ безслѣдно, на первыхъ же порахъ послѣ его кончины“. До послѣдняго времени не было никакихъ свѣденій и объ его бумагахъ. „Бумаги, послѣ него оставшіяся,—говоритъ Срезневскій, — перешли въ руки его близкаго товарища, М. С. Куторги. Незначительная часть ихъ перешла въ собственность академіи; почти все другое лежитъ нетронутое, неизвѣстное; говорю: почти все, а не все, потому что очень многія замѣтки, малаго и немалаго объема, при продажѣ книгъ его библіотеки, достались тѣмъ, кто купилъ книги, въ которыя онѣ были вложены“. На основаніи того, что̀ было извѣстно о работахъ Прейса и что̀ необходимо предполагать, Срезневскій составилъ списокъ его бумагъ, которыхъ можно было бы искать; нѣкоторая доля ихъ находится въ архивахъ университета, академіи и министерства просвѣщенія. „Все это,—заключаетъ Срезневскій,—дорого, какъ

шихъ результатовъ сравнительной филологіи вообще и отношеній русскаго языка къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ“.

Болѣе полное изложеніе этого плана находится въ архивѣ Спб. университета.

память о замѣчательномъ научномъ дѣятелѣ, одномъ изъ первыхъ —если не по времени, то по достоинству—учениковъ Востокова, умѣвшемъ соединить въ себѣ уваженіе къ заслугамъ другихъ и полную самостоятельность мысли и работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ научно важный источникъ свѣденій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть ничѣмъ незамѣнимый. Собственныя письма Прейса дороги еще и потому, что даютъ понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ глубоко нравственномъ, добромъ по природѣ и по выработкѣ характера въ помыслахъ и въ дѣйствіяхъ".

Въ „Живой Старинѣ" сообщено лишь немногое изъ архива министерства просвѣщенія и нѣтъ указанія о томъ, что̀ вообще сохранилось изъ бумагъ Прейса (кромѣ писемъ) у проф. М. С. Куторги.

Въ заключеніе матеріаловъ, собранныхъ въ „Живой Старинѣ", это изданіе вспомнило статью въ старой „Иллюстраціи" 1849 года, гдѣ помѣщены были воспоминанія о немъ кого-то изъ близкихъ ему лицъ [1]) и приложенъ былъ портретъ Прейса, рисованный по воспоминанію послѣ его смерти. Статья проникнута самымъ теплымъ сочувствіемъ къ личности Прейса и высокой оцѣнкой профессора, который названъ одною изъ звѣздъ русской учености. Здѣсь указано между прочимъ, что по происхожденію онъ былъ чехъ, „по сердцу чисто русскій"; разсказывается, что когда умные сотоварищи призывали его къ дѣятельности болѣе обширной и славной, чѣмъ было его слишкомъ скромное учительство въ Дерптѣ, онъ долго отказывался: „онъ не совсѣмъ еще разрѣшилъ задачу, самимъ себѣ предложенную, касательно языка русскаго и нарѣчій славянскихъ, и, какъ человѣкъ положительный, не хотѣлъ вѣрить похваламъ, расточаемымъ друзьями. Онъ лучше другихъ сознавалъ важность трудовъ своихъ, и это именно внушало ему благородную боязнь". Очевидно, по точнымъ свѣденіямъ, можетъ быть отчасти и изъ воспоминаній самого Прейса, сообщается объ его пражской жизни: „Въ бытность его въ Прагѣ онъ особенно любилъ посѣщать извѣстнаго славянскаго ученаго Шафарика, спорилъ съ нимъ горячо, доказывая несправедливость многаго въ „Староженостяхъ славянскихъ", изданныхъ этимъ ученымъ. Шафарикъ иногда сердился, но всегда соглашался съ мнѣніемъ Прейса, удивляясь проницательному, ясному взгляду русскаго ученаго и его глубоко-основательнымъ познаніямъ".

Авторъ воспоминаній говоритъ объ его вступительной лекціи:

---

[1]) Г. Ламанскій думаетъ: М. С. Куторги или П. Д. Калмыкова; первое мало вѣроятно, такъ какъ братья Куторги упоминаются въ самой статьѣ.

„Ясно представляется онъ мнѣ на каѳедрѣ XII аудиторіи въ зданіи этого университета, въ присутствіи его сіят. министра народнаго просвѣщенія и всѣхъ профессоровъ философскаго факультета, читающій вступительную свою лекцію. Огромный залъ, построенный въ видѣ амфитеатра, былъ полонъ; студенты жаждали услышать новаго ученаго. Тихій голосъ его, часто прерываемый небольшимъ сухимъ кашлемъ, не достигая до слуха всѣхъ присутствовавшихъ, терялся въ огромномъ пространствѣ; и потому не всѣ слышали эту замѣчательную рѣчь. Она была обширна и заключала описаніе мѣстъ жительства славянъ, очеркъ занятій ученыхъ по этой части, взглядъ на жизнь ихъ,—наконецъ проектъ преподаванія славянскихъ нарѣчій въ Россіи, согласно желанію верховной воли. Памятно, какъ ученый ревнитель просвѣщенія, министръ, поздравлялъ его съ успѣшнымъ началомъ; какъ послѣ всѣ ученые университета спѣшили принять Прейса въ свою среду".

Дальше мы читаемъ: „Особенное вниманіе было обращено имъ на языкъ церковно-славянскій; Прейсъ любилъ говорить о немъ и при этомъ выражалъ всегда глубокое уваженіе къ трудамъ академика Востокова, сожалѣя, что его небольшія сочиненія не были замѣчены славянофилами". Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Глубоко изучивъ славянскія нарѣчія, Прейсъ старался черезъ сравненія рѣшить до него нерѣшенное. Гриммъ, славный нѣмецкій ученый, былъ образцомъ для ученаго русскаго; съ чувствомъ и любовію говорилъ о немъ Прейсъ и часто совѣтовалъ самоучкамъ-славянофиламъ изучать его изслѣдованія о языкѣ нѣмецкомъ"...

Далѣе: „Петръ Ивановичъ умѣлъ увлекать слушавшихъ его интересомъ предлагаемыхъ къ разрѣшенію вопросовъ и самымъ способомъ разрѣшенія ихъ. Г-нъ попечитель московскаго учебнаго округа, графъ Строгановъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, рядомъ со студентами безъ малѣйшаго утомленія слушалъ Прейса и всегда выходилъ довольный его лекціями. Обширныя свѣденія Петра Ивановича не лишали его милой ласковости и сообщительности. Онъ любилъ, когда посѣщали его молодые люди изъ университета; онъ дружески давалъ имъ драгоцѣнные совѣты, снабжая книгами изъ своей богатой библіотеки, и охотно дѣлилъ съ ними вечера... Самая искренность бесѣдъ уже, казалось, свидѣтельствовала, что Прейсъ торопился жить жизнью, которой посвятилъ себя, и заботился о скорѣйшей передачѣ своихъ мыслей, своихъ знаній; впрочемъ, какъ всегда въ этихъ болѣзняхъ, онъ до послѣдней минуты не терялъ надежды на выздоровленіе, хотя ясно обнаруживалась близость смерти".

Приводимъ наконецъ слова одного изъ ближайшихъ друзей Прейса, проф. Порошина въ письмѣ къ Плетневу: „О покойномъ Прейсѣ, мнѣ кажется, мало сказано. Тутъ безъ всякихъ гипербола можно сказать, что потеря безмѣрна и невознаградима. Мало сказать, угасъ человѣкъ, памятный дружбѣ и университету: нѣтъ, цѣлая вѣтвь познаній усохла, можетъ быть навсегда. Не обижая никого изъ ученыхъ, я вѣрю, что Прейсъ былъ человѣкъ единственный. Его рукописи теперь въ рукахъ у одного изъ товарищей его: можетъ быть, изъ нихъ его узнаютъ со временемъ, но узнаютъ, какъ въ тускломъ стеклѣ; завѣтную тайну своихъ мыслей онъ, конечно, унесъ съ собою".

Наука, разъ вступивъ въ извѣстную область, идетъ обыкновенно своимъ путемъ: уходящія силы смѣняются новыми; разъ поставленная цѣль рано или поздно достигается, но бываютъ дѣйствительно случаи, когда можно говорить о потеряхъ невознаградимыхъ. Какъ мы уже видѣли и какъ еще увидимъ, наши славянскія изученія, собственно говоря, начались сразу трудами тѣхъ первыхъ путешественниковъ, которые отправились теперь изслѣдовать славянскій міръ во всемъ его цѣломъ, проникая, иногда впервые, въ его самые глухіе, забытые уголки, и въ концѣ концовъ заняли первостепенныя мѣста въ изслѣдованіи этого цѣлаго славянства. Во многихъ отношеніяхъ ихъ труды бывали настоящими открытіями, у всѣхъ была одинаковая глубокая преданность предмету своего изученія, но у каждаго изъ ученыхъ путешественниковъ была своя особенность научнаго и общественнаго взгляда, и та особенность, какая отличала, кажется, одного Прейса, была, если не ошибаемся, именно необходима для того, чтобы уравновѣшивать труды другихъ, и съ научной, и съ общественной стороны. У него не развилось и повидимому не могло бы впредь развиться той исключительности, которая уже вскорѣ стала чувствоваться въ кругу славистовъ и славянолюбцевъ. Какъ въ научномъ отношеніи его отличала склонность къ упорному критическому анализу, такъ она должна была сказаться и въ общественномъ пониманіи славянскихъ дѣлъ: онъ не былъ склоненъ ни къ преувеличеніямъ романтизма, ни къ археологическимъ увлеченіямъ, доходившимъ до нѣкотораго мистицизма, ни къ преувеличеніямъ политическимъ и національнымъ, какія проглядывали или господствовали у тѣхъ или другихъ славистовъ, у Погодина и славянофиловъ. Приверженцы славянства обособились, интересъ къ славянству сдѣлался какъ бы сектой и пріобрѣлъ всю исключительность и нетерпимость секты, — когда другая часть общества и литературы оставалась къ нимъ равнодушна или даже, вызывае-

мая нетерпимостію, становилась враждебна. Присутствіе въ самомъ началѣ проницательнаго критическаго ума, не расположеннаго создавать „святыхъ", ума, соединявшагося съ широкимъ образованіемъ и свободнаго отъ нетерпимости, могло бы стать благотворнымъ противовѣсомъ той исключительности, съ какою поставленъ былъ славянскій вопросъ и въ наукѣ и въ общественности; можно было бы ожидать, что славянскія изученія пріобрѣли бы у насъ другой складъ и болѣе тѣсно и органически вошли бы въ содержаніе нашей литературы, чѣмъ это можно бы сказать и въ настоящее время, послѣ полувѣковой жизни нашей славянской каѳедры. Къ сожалѣнію, намъ дѣйствительно остается только въ тускломъ стеклѣ угадывать завѣтную мысль Прейса.

V.—И. И. Срезневскій въ годы путешествія по славянскимъ землямъ (1839—1842).

Срезневскій началъ путешествіе одновременно съ Прейсомъ, но онъ ѣхалъ изъ Харькова, останавливался въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, и нагналъ Прейса уже въ Кёнигсбергѣ, когда тотъ уже нѣкоторое время жилъ тамъ, изучая литовскій языкъ. Изъ этого путешествія онъ правильно писалъ своей матери въ Харьковъ, и эти письма, издаваемыя теперь въ „Живой Старинѣ" (съ начала изданія и донынѣ), составляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ для исторіи нашей славистики. „Срезневскій,—говоритъ г. Ламанскій въ замѣткѣ къ этимъ письмамъ,—еще съ юности на Украйнѣ привыкъ водиться съ народомъ, привыкъ его изучать, и со вниманіемъ и любовью относиться къ его жизни, нуждамъ, старинѣ. Лишь по зимамъ и глухою осенью, во время своего путешествія (въ славянскихъ земляхъ), проживалъ Срезневскій въ городахъ, сидя за книгами и рукописями, видясь съ учеными и писателями, посѣщая театры и общественныя собранія, раннею же весною, лѣтомъ и по нашему еще осенью, Срезневскій обыкновенно отправлялся въ путь, — дѣлая небольшіе переѣзды въ мальпостахъ, на обывательскихъ, верхомъ, на лодкахъ, на пароходахъ, одинъ или съ тѣмъ или другимъ пріятелемъ изъ славянъ, или, какъ однажды, съ П. И. Прейсомъ, но большею частью бродя пѣшкомъ по западнымъ славянскимъ деревнямъ, селамъ, мѣстечкамъ и маленькимъ городамъ въ Пруссіи, Саксоніи, Чехіи, Моравіи, Галиціи, Венгріи, Хорватіи, Славоніи, Далмаціи, Черной Горѣ и Сербіи. И обо всѣхъ своихъ встрѣчахъ, наблюденіяхъ писалъ онъ своей матушкѣ... легко, живо, остроумно, задушевно, нерѣдко увлекательно".

Письма эти, по замѣчанію г. Ламанскаго, важны не только какъ біографическій матеріалъ, не только любопытны данными о многихъ писателяхъ русскихъ, западно-славянскихъ и нѣмецкихъ, сороковыхъ годовъ: „эти письма полны живыхъ и тонкихъ замѣтокъ, бойкихъ, часто мастерскихъ рисунковъ съ натуры цѣлыхъ краевъ и народностей, различныхъ ихъ классовъ и состояній... Срезневскій далеко не былъ лишенъ литературнаго дарованья, отлично владѣлъ языкомъ, былъ впечатлителенъ, наблюдателенъ, остеръ, любилъ и понималъ свое дѣло"... „Письма Срезневскаго (о славянской жизни полвѣка тому назадъ) имѣютъ часто значеніе первоисточника. За послѣднія десятилѣтія не мало у насъ было обнародовано дневниковъ, записокъ, писемъ начала 40-хъ годовъ, но мы, право, затрудняемся указать въ нашей литературѣ еще другой, столь же подробный, цѣльный и интересный сборникъ писемъ кого-либо изъ замѣчательныхъ русскихъ писателей и ученыхъ за эти годы". Г. Ламанскій полагаетъ даже, что письма Срезневскаго могутъ занять почетное мѣсто въ томъ отдѣлѣ путевыхъ писемъ изъ-за границы, въ которомъ есть первоклассныя произведенія Фонъ-Визина, Карамзина, Искандера, и почетное мѣсто среди его сверстниковъ, описывавшихъ свои путешествія по Европѣ. „За исключеніемъ Бодянскаго и Прейса, Ковалевскаго, А. Н. Попова, Чижова и Ригельмана, писавшихъ, впрочемъ, немного о своихъ наблюденіяхъ, вся тогдашняя (въ 40-хъ гг.) ученая и литературная наша молодежь (какъ и наибольшая ея часть изъ прежнихъ, а также изъ позднѣйшихъ поколѣній), въ скитаньяхъ по Европѣ заживалась исключительно въ романскихъ и германскихъ странахъ, кое-когда лишь заглядывая на нѣсколько дней въ Прагу, и, побесѣдовавъ недолго съ Ганкой или др., обыкновенно воображала, что все уже сдѣлала для знакомства со всѣмъ не-русскимъ славянствомъ, спѣшила далѣе на западъ. Поэтому и всѣ путевыя письма, наблюденія и воспоминанія сверстниковъ Срезневскаго относятся къ Италіи, отчасти Испаніи (Боткина), Франціи, Германіи, отчасти Англіи, преимущественно къ ихъ столицамъ и городамъ, а селъ и деревень и населенія вовсе не касаются.

„Путевыя же письма и наблюденія Срезневскаго (начала 40-хъ годовъ) касаются заграницы, Европы, но не настоящей, не-романской и не германской ея части, а славянской, сродной Россіи и наименѣе ей знакомой, части... Тамъ русскіе были по преимуществу туристы, зрители... Здѣсь Срезневскій былъ *путешественникъ* и *изслѣдователь*, наблюдатель и живописецъ сельскаго люда въ особенности".

Въ началѣ 1841 года встрѣтился въ Вѣнѣ съ Срезневскимъ П. В. Анненковъ и подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ нимъ записалъ: „Въ Вѣнѣ познакомился я съ проф. Срезневскимъ. Человѣкъ этотъ совершаетъ подвигъ европейскій: отъ Балтійскаго моря и до Адріатическаго изучаетъ онъ славянскія племена, ихъ нарѣчія, обычаи, пѣсни, преданія, и большею частію пѣшкомъ, по деревнямъ и проселочнымъ дорогамъ. Теперь онъ въ Вѣнѣ доучивается по-сербски и потомъ собирается обойти Иллирію, Далмацію и Черногорію. Особенную прелесть его составляетъ необычайная германская любовь къ своему предмету. Онъ рѣшительно убѣжденъ, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и съ восторгомъ показывалъ намъ карты, говоря, какимъ образомъ соотчичи наши разлились отъ Помераніи до Венеціи. За двѣ станціи до Венеціи есть еще славяне, въ Австріи ихъ 18 милліоновъ, Турція почти вся состоитъ изъ нихъ, и по остроумнымъ его доказательствамъ даже вся полоса Европы до Рейна принадлежала нѣкогда славянамъ. Онъ будетъ обладателемъ богатѣйшихъ фактовъ, съ помощію которыхъ и объяснится, наконецъ, наша народная физіогномія“ [1].

Цитируя слова Анненкова, г. Ламанскій замѣчаетъ: „Принося честь наблюдательности и безпристрастію Анненкова, эти строки живо выражаютъ различіе путевыхъ наблюденій Срезневскаго съ одной и Анненкова и многихъ другихъ нашихъ путешественниковъ и туристовъ по западной Европѣ съ другой стороны. Чтò они видѣли и описывали на западѣ, то большинство русскихъ читателей или само видѣло, или еще лучше знаетъ или узнать можетъ изъ книгъ иностранныхъ. Чтò видѣлъ и описывалъ Срезневскій, того огромнѣйшее большинство русскихъ читателей никогда не видало и едва-ли что объ этомъ читало, о многомъ изъ этого нигдѣ даже и не могло прочесть“ [2].

При сравненіи нашихъ туристовъ въ западной Европѣ и славистовъ-путешественниковъ, какъ Срезневскій, надо вспомнить, что были весьма различны самые мотивы путешествій. Если первые предпочитали страны германскія и романскія, причина была понятна. Эти страны были источникомъ нашей новѣйшей образованности; ихъ жизнь, учрежденія, искусство, литература оказывали такъ давно и такое сильное вліяніе у насъ, продолжавшееся и въ эпоху самихъ путешествій, что для туристовъ онѣ естественно получали особенную притягательную силу. Таковы

[1]) П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892, 138.

[2]) „Живая Старина“, годъ II, вып. I. Спб. 1892, стр. 49—51.

были побужденія, руководившія Карамзина въ концѣ прошлаго столѣтія, и таковы продолжали быть, напр., побужденія Анненкова въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Русскій образованный человѣкъ видѣлъ страны,—иногда чрезвычайно интересныя по самой природѣ, картины которой были новы для жителя нашихъ равнинъ, — гдѣ совершалась та умственная и художественная жизнь, воздѣйствія которой такъ сильно чувствовались въ русскомъ просвѣщеніи; съ любопытствомъ осматривая памятники исторіи, знаменитыя произведенія искусства; знакомился, какъ еще Карамзинъ, съ представителями науки, слава которыхъ доходила и до его отечества; расширялъ свои собственныя познанія и находилъ новыя возбужденія къ труду... Было бы слишкомъ смѣло сказать, что „большинство“ русскихъ читателей само видѣло или можетъ еще лучше узнать изъ иностранныхъ книгъ то, чтò видѣли и описывали эти туристы. Если въ настоящее время заграничныя путешествія стали дѣломъ довольно обыкновеннымъ, то этого вовсе не было ни во времена Карамзина, ни даже въ сороковыхъ годахъ; „большинство“ и до сихъ поръ не видѣло само тѣхъ вещей, описаніе которыхъ встрѣчаетъ у путешественниковъ; притомъ въ разсказахъ нашихъ туристовъ были не одни описанія, но и впечатлѣнія чужой жизни, воспринятыя болѣе или менѣе самостоятельно: таковы они были и у Карамзина и у Анненкова. Если наши обыкновенные туристы рѣдко заглядывали въ славянскія земли и иной разъ ограничивали знакомство съ славянствомъ тѣмъ, что побесѣдовали съ Ганкой, это объясняется и тѣмъ же положеніемъ нашего образованія и положеніемъ славянскаго вопроса. Отъ временъ Карамзина и до временъ Анненкова (а для большинства и послѣ) русскіе путешественники совсѣмъ не находили въ славянскихъ странахъ того образовательнаго содержанія, какое находили въ странахъ романскихъ и германскихъ. Первыя прочныя свѣденія о самомъ славянствѣ начинаются всего съ сороковыхъ годовъ, именно съ первыхъ путешествій нашихъ славистовъ. Чтò могло дать изученіе славянства и сближеніе съ нимъ, это было еще вопросомъ, и мало того, для большой доли русскаго общества остается вопросомъ до сей минуты. Изъ словъ Анненкова, который былъ человѣкъ очень образованный и вовсе не исключительный западникъ, видно, что у него были немалыя ожиданія отъ тѣхъ новыхъ изученій, ревностнаго представителя которыхъ онъ встрѣтилъ въ Срезневскомъ; но видно также, что эти ожиданія были все-таки очень неопредѣленны. Не подлежало сомнѣнію одно (и было понято еще ранѣе экспедиціи нашихъ славистовъ), что изученіе

славянства должно принести много важныхъ указаній относительно нашей первоначальной исторіи, а также нашей бытовой обычной старины,—всего скорѣе это самое и подразумѣвалъ Анненковъ въ своихъ ожиданіяхъ; но этотъ археологическій и этнографическій интересъ былъ слишкомъ спеціальный и въ то время былъ еще слишкомъ мало выясненъ для того, чтобы привлечь вниманіе массы общества. Правда, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ заявленъ былъ и другой, гораздо болѣе широкій, даже грандіозный интересъ—возможность слiянія славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, ожиданіе, что славянскіе орлы расклюютъ желѣзнымъ клювомъ цѣпь насилія, съ помощью полуночнаго орла; но эти надежды выражались пока только въ поэтическихъ мечтахъ. Когда Погодинъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ выражалъ эти мысли въ политическомъ разсужденіи, оно осталось только конфиденціальной бумагой, а десять лѣтъ спустя императоръ Николай категорически высказывалъ, что объединеніе славянъ подъ русскимъ скипетромъ было бы для Россіи гибельно. Вопросъ дѣйствительно былъ далеко не такъ простъ, какъ это казалось Погодину: преувеличивая цифры славянъ и преуменьшая цифры нѣмцевъ, мадьяръ, пропуская румынъ, итальянцевъ, въ австрійской имперіи, онъ считалъ безъ хозяина и слишкомъ поспѣшно предрекалъ гибель Австріи, при чемъ, по его мнѣнію, единственнымъ исходомъ представлялось присоединеніе всего славянства (т.-е. австрійской имперіи?) къ Россіи. Забыто было одно—возможность развитія политическихъ отношеній въ самой Австріи совсѣмъ въ другую сторону, а также развитіе народнаго чувства у самихъ славянъ, которое должно было вести, и дѣйствительно повело, къ упорной охранѣ своей племенной особности. Вопросъ все еще остается дѣломъ вѣры. Извѣстная доля нашего литературнаго круга вѣровала, и вѣруетъ, въ объединеніе славянства съ Россіей во главѣ; другая не вѣровала и не вѣруетъ. Во всякомъ случаѣ для сороковыхъ годовъ это была задача еще болѣе трудная, чѣмъ теперь, потому что то время было крайне бѣдно даже самыми основными свѣдѣніями о славянскихъ племенахъ...

Въ біографіи Срезневскаго, написанной для исторической записки о московскомъ археологическомъ обществѣ, г. Ламанскій изображаетъ тогдашнее настроеніе Срезневскаго относительно славянства какъ чистый романтизмъ. Такъ это дѣйствительно и было. Въ его славянскихъ интересахъ былъ съ одной стороны чисто научный интересъ къ славянской старинѣ, изученіе которой должно было дать извѣстные выводы относительно исторіи, языка, литературы, а съ другой—интересъ, такъ сказать, поэтическій, мечты о про-

шлыхъ временахъ, слѣды которыхъ оставались на землѣ теперь уже чужой; немного сентиментальное увлеченіе патріархальной простотой народнаго быта, который подъ политическою властью чужого племени хранилъ языкъ и преданія предковъ; сочувствіе къ скромной дѣятельности патріотовъ, которые не разрывали связи съ народомъ, заботились о его просвѣщеніи, восхищались тою же старой поэзіей народной пѣсни и обычая. Полагалось, что этотъ патріархальный бытъ народа и стоявшіе съ нимъ въ связи успѣхи племенного возрожденія поведутъ въ будущемъ къ широкому національному результату,—но Срезневскій ближайшимъ образомъ его не опредѣлялъ: у него только при случаѣ вырывались выраженія антипатіи къ „нѣмцамъ“ и, конечно, къ тѣмъ порядкамъ, которые исходили отъ нихъ и стѣсняли славянскую жизнь,—но онъ старательно избѣгалъ и не любилъ „политики“, къ которой, однако, сводился вопросъ о внѣшнихъ условіяхъ славянской жизни, а отъ нихъ должны были зависѣть и успѣхи жизни внутренней. Онъ встрѣчалъ среди славянскихъ племенъ, въ самой народной массѣ, большія сочувствія къ Россіи и русскимъ, встрѣчалъ сходство въ обычаяхъ, но опять не опредѣляя ближе — какой именно былъ источникъ этихъ сочувствій и какъ далеко онѣ могли простираться. По всей вѣроятности еще до своего путешествія онъ объ этомъ мечталъ и много разъ подтверждалось это въ его странствіяхъ среди самого народа, въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ разноплеменнаго славянства Пруссіи, Саксоніи и Австріи. Въ его перепискѣ мы встрѣчаемъ постоянно свидѣтельства этого настроенія; оно сполна владѣло имъ въ первое время по возвращеніи изъ путешествія, и оно извѣстно еще его слушателямъ въ первые годы его петербургской профессуры. До извѣстной степени оно сказалось въ его отчетахъ о научныхъ занятіяхъ его въ славянскихъ земляхъ, въ нѣсколькихъ корреспонденціяхъ, какія посылалъ онъ съ дороги въ русскіе и славянскіе журналы, въ нѣсколькихъ статьяхъ, писанныхъ имъ послѣ (какъ, напр., особенно въ характерномъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ Вуку Караджичу), но нельзя не замѣтить того факта, который долженъ, кажется, привлечь вниманіе будущаго біографа, что Срезневскій никогда не далъ полнаго изложенія своихъ взглядовъ на славянскія отношенія, какъ никогда послѣ путешествія не имѣлъ мысли дать о немъ полнаго разсказа.

Издаваемыя теперь письма въ высокой степени любопытны, но едва восполняютъ отсутствіе такого описанія, о какомъ мы говорили. Письма по необходимости отрывочны, очень часто при хлопотливомъ путешествіи писаны торопливо, оставляя много не-

ясностей для обыкновеннаго читателя, которому мало извѣстны и общее положеніе упоминаемыхъ земель, и называемыя имена и другія подробности. Въ томъ видѣ какъ есть, онѣ требовали бы для обыкновеннаго читателя постоянныхъ объясненій въ родѣ тѣхъ, какія приданы имъ въ настоящемъ изданіи; теперь они въ особенности имѣютъ историческій интересъ, какъ документъ для исторіи славистики.

Срезневскій выѣхалъ изъ Харькова въ сентябрѣ 1839 года; по тогдашнему онъ ѣхалъ медленно, на почтовыхъ и на вольныхъ; останавливался въ каждомъ городѣ и осматривалъ его, знакомился съ мѣстностью, посѣщалъ замѣчательныя церкви, наблюдалъ костюмы и иныя мѣстныя особенности и т. п. Въ Москвѣ у него были уже старые знакомые и вскорѣ нашлось еще много новыхъ, особливо, конечно, въ учёномъ и литературномъ кругу. Между прочимъ познакомился съ Каченовскимъ и былъ у него на лекціи („Каченовскій читаетъ сухо, несвязно, но дѣльно“; въ другой разъ: „вечеръ провелъ у Каченовскаго, разговаривая съ нимъ о Македоніи, славянщинѣ и т. д.; добрый, умный старикъ и истинный ученый“); познакомился съ Снигиревымъ, Строевымъ, Вельтманомъ, Погодинымъ, Гоголемъ. О московскихъ писателяхъ Срезневскій отзывается вообще не весьма сочувственно: „Всматриваясь въ литераторовъ московскихъ, я не могъ не получить впечатлѣній самыхъ горестныхъ, самыхъ досадныхъ. Не то думалъ я найти въ людяхъ, обязанныхъ быть людьми болѣе всѣхъ другихъ людей, не то, чтò нашелъ. Привычка видѣть на всѣхъ одинъ и тотъ же типъ не могла меня не заставить предполагать, что и тѣ, которыхъ я не видѣлъ, такіе же, какъ и другіе“. Онъ предполагалъ, что встрѣтитъ то же и въ Вельтманѣ, но именно Вельтманъ понравился ему въ Москвѣ больше всѣхъ. „Вельтманъ — истинный поэтъ, мужчина прекрасный собою, съ свѣтлымъ, открытымъ лбомъ и блестящими глазами, пишетъ несравненно лучше, нежели говоритъ, но говоритъ умно, весело и задумчиво вмѣстѣ, добръ, простъ, окруженъ книгами, безпрерывно работаетъ, чѣмъ и живетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ опять говоритъ, что долженъ сдѣлать для него исключеніе изъ общаго понятія, составленнаго имъ о московскихъ литераторахъ: „Я сознавалъ въ немъ великое дарованіе,—я нашелъ въ немъ истинно добраго человѣка, душу, которая рада найти сочувствіе съ другою душою, душу художника и—русскаго человѣка. Я видѣлъ его въ кабинетѣ, видѣлъ въ семьѣ, видѣлъ съ знакомыми: онъ всюду одинъ и тотъ же; не любить его нельзя, не желать ему славы—грѣхъ. Передъ нимъ по-неволѣ становишься дитятею, безотчетно предаю-

щимся чувству любви. А какъ онъ хорошъ собою даже по лицу: правильная, многозначительная профиль, лобъ открытый, свѣтлый, глаза, горящіе огнемъ думы, глубоко проникнувшей душу. Я не въ состояніи забыть его, не въ состояніи не быть его поклонникомъ". По всей вѣроятности ему сочувственна была въ Вельтманѣ, кромѣ личнаго характера, и извѣстная романтическая наклонность, какая въ то время была сильна у самого Срезневскаго. Любопытенъ также отзывъ о Гоголѣ, котораго онъ встрѣтилъ у Погодина. „Погодинъ только-что воротился изъ-за границы, былъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи,—и воротился вмѣстѣ съ Гоголемъ. Вотъ почему я имѣлъ случай увидѣться и съ этимъ русскимъ испанцемъ (?). Очень молодой человѣкъ, хорошенькій собою, умненькій, любящій все славянское, все малороссійское, но съ перваго виду мало обѣщающій".

Въ Петербургѣ онъ былъ во второй половинѣ октября. Здѣсь онъ остановился у своего брата, офицера, который слушалъ тогда курсы въ военной академіи, встрѣтилъ не мало харьковскихъ знакомыхъ и пріятелей и опять пріобрѣлъ много новыхъ знакомствъ. Петербургъ ему чрезвычайно понравился и между прочимъ онъ безпрестанно бывалъ въ театрѣ, которымъ вообще восхищался, — въ театрѣ русскомъ, въ оперѣ и даже въ балетѣ.

Письмо отъ 19-го ноября онъ начинаетъ стихотвореніемъ Хомякова:

„Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночный орелъ" и т. д. [1])

„Какъ же вамъ нравятся, милая маменька, эти стихи? — пишетъ Срезневскій, — не правда ли, хороши? Они — Хомякова и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ. Царю не угодно было этого позволить. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будетъ помнить; а иначе—вѣроломные тевтоны и Богъ знаетъ что подумаютъ".

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 21-го ноября 1839 года на Нарву, Дерптъ, Ригу, Митаву, Таурогенъ въ Кёнигсбергъ и затѣмъ Берлинъ. Въ Кёнигсбергѣ онъ пробылъ пять дней: это— „городъ старый, слѣдовательно состоящій изъ канавъ, обставленныхъ шкафами",—такъ Срезневскій описываетъ старинные нѣ-

---

[1]) Въ „Живой Старинѣ" замѣчено, что въ изданіи стихотвореній Хомякова эта пьеса помѣчена 1832 годомъ, но издатель не увѣренъ въ правильности даты. Надо полагать, что эта дата должна быть именно 1839; иначе невѣроятно, чтобы Срезневскій сообщалъ стихотвореніе какъ *новость*. Текстъ, приведенный въ его письма, представляетъ нѣкоторыя отличія отъ изданія стихотвореній Хомякова.

мецкіе города съ узкими улицами и высокими домами; первымъ такимъ городомъ была для него Рига. „Въ Кёнигсбергѣ я видѣлъ все, что̀ стоитъ вниманія—и соборъ, и музеумъ, и библіотеку, и за̀мокъ, и университетъ, и домъ Канта, и театръ, и обсерваторію. Соборъ великъ, не хуже рижскаго; въ соборѣ погребены разные маркграфы и пр. Съ сѣверной стороны есть галерея, называемая Stoa Kantiana, и въ глубинѣ ея, въ чуланѣ, за желѣзной рѣшеткой гробница Канта, надъ которою на черной стѣнѣ какой-нибудь вѣрно студентъ написалъ: „Думай, дѣйствуй“ (Denke, wirke!). Соборъ есть вмѣстѣ и университетская церковь. Университетскія зданія тутъ же подлѣ: старые, дрянные дома, грязные, по крайней мѣрѣ нечистые. На аудиторіи страхъ взглянуть: въ уѣздномъ училищѣ у насъ во 100 разъ лучше, даже въ приходской школѣ лучше, потому что это нечистыя комнатки, уставленныя гадкими столами и скамьями, а каѳедры, такія же гадкія, годились бы развѣ для миргородской базарной торговки, и самая лучшая аудиторія только-что поболѣе другихъ, впрочемъ тоже не велика, и самая наконецъ торжественная зала похожа скорѣе на корридоръ. Обсерваторія, гдѣ командиромъ Бессель, одинъ изъ первыхъ современныхъ астрономовъ, очень богата инструментами“. Но „въ Кёнигсбергѣ многіе умѣютъ жить: прекрасная мебель, чистота, хорошее кушанье, наряды и пр. это доказываютъ. И профессора живутъ хорошо“. Онъ познакомился съ нѣкоторыми профессорами, во-первыхъ съ Шубертомъ, профессоромъ политическихъ наукъ: Срезневскій подарилъ ему экземпляръ своей диссертаціи [1]), пересказалъ ея содержаніе и былъ очень обрадованъ, когда Шубертъ не только одобрялъ его мысли, но почти соглашался съ ними. Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ Срезневскій прибавляетъ къ этому: „Шубертъ обязалъ меня сообщеніемъ статистико-топографическихъ свѣденій о славянскомъ народонаселеніи не только Пруссіи, но и австрійской имперіи, и первый указалъ мнѣ на необходимость личныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ отчасти и въ Австріи, многіе видятъ славянъ только тамъ, гдѣ народъ остается чисто славянскимъ безъ знанія нѣмецкаго языка. Съ его помощію началъ я составленіе этнографической карты славянской части Европы“. Далѣе, Розенкранцъ (авторъ извѣстной долго книги „Poesie und ihre Geschichte“, представлявшей обзоръ исторіи

---

1) „Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно“. Харьковъ, 1839,—она не была допущена совѣтомъ харьковскаго университета къ публичной защитѣ, вслѣдствіе новизны взглядовъ, которые были въ ней изложены.

всемірной поэзіи съ точки зрѣнія историко-эстетическихъ взглядовъ Гегеля) — „профессоръ философіи, пылкая, нѣжная, мечтательная душа, напомнившая мнѣ Вельтмана, былъ также въ моемъ вкусѣ: нѣсколько часовъ провелъ я съ нимъ въ разговорѣ о народной поэзіи, которую онъ страстно любитъ, — и этотъ разговоръ сблизилъ насъ какъ давно знакомыхъ“. Онъ встрѣтилъ здѣсь и стараго профессора Швейкарта, который былъ нѣкогда профессоромъ въ харьковскомъ университетѣ и зналъ семью Срезневскихъ. Наконецъ, „видался каждый день по нѣскольку разъ съ Прейсомъ“. Въ путевыхъ замѣткахъ Срезневскій пишетъ о немъ: „Первый мой визитъ былъ Петру Ивановичу Прейсу, какъ сотоварищу по пути, мною избранному. Онъ живетъ съ мѣсяцъ и пробудетъ еще съ мѣсяцъ въ Кёнигсбергѣ для изученія литовскаго языка подъ руководствомъ профессора Резы. Милый молодой человѣкъ, отъ котораго многаго можно надѣяться“.

Въ Берлинѣ онъ пробылъ съ мѣсяцъ, гдѣ у русскаго священника свелъ знакомство съ нѣсколькими соотечественниками и проводилъ время довольно весело, хотя жалуется: „до сихъ поръ съ самаго пріѣзда въ Германію я еще не согрѣлся“. Изъ Берлина онъ отправился черезъ Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ, съ короткими остановками, въ Прагу. Въ письмахъ онъ упоминаетъ только о подробностяхъ путешествія; изъ другихъ данныхъ извѣстно, что въ Галле Срезневскій познакомился съ извѣстнымъ филологомъ Поттомъ, Дункеромъ и историкомъ Польши Рёппелемъ. Наконецъ 4-го февраля (ст. ст.) 1840 года онъ былъ въ Прагѣ. „Дорога отъ Дрездена до Праги очаровательна. Идетъ между горъ и по горамъ, и безпрестанно раскрываетъ новые очаровательные виды. Чѣмъ ближе къ австрійской границѣ, тѣмъ высота горъ чувствительнѣе, виды красивѣе. Въ Петерсвальдѣ — на границѣ — снѣгъ и холодъ, точно зима, между тѣмъ какъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ я гулялъ въ одномъ сюртукѣ и вокругъ все уже начинаетъ зеленѣть“. Онъ исполненъ былъ ожиданіями. „Мало-по-малу стемнѣло, и мѣсяца было не видно за туманомъ; но я не переставалъ глядѣть и смотрѣть. Я былъ въ Богеміи: могъ ли я спать? Подлѣ Кульма я выскакивалъ изъ дилижанса, чтобы лучше видѣть поле сраженія и три памятника въ память этого сраженія. Далѣе любовался Тёплицемъ, еще далѣе Лауномъ; еще далѣе всякой деревушкой, потому что всякая хатка напоминала мнѣ Русь. Въ 7-мъ часу утра мы подъѣхали къ горамъ, окружающимъ Прагу, въ 8-мъ были въ Прагѣ. Когда-то сердце мое трепетало, когда я подъѣзжалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ, Прага имѣетъ сходство съ Москвою. Чудный городъ!

Не знаю, какимъ я найду его, когда осмотрю лучше; а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самого Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходя по улицѣ, слышишь славянскіе звуки и даже московскій напѣвъ".

Въ Прагѣ онъ остался нѣсколько мѣсяцевъ. На другой день по пріѣздѣ, отдохнувши отъ дороги, онъ началъ пражскія знакомства: „я поѣхалъ къ Шафарику, былъ имъ обласканъ и проговорилъ съ нимъ часа два. Я понимаю, когда онъ говоритъ почешски; онъ понимаетъ, когда я говорю по-русски; слѣдовательно можемъ разговаривать безъ труда". Въ тотъ же день съ семействомъ Шафарика онъ былъ въ театрѣ: „чешскій театръ бываетъ только по воскресеньямъ и то отъ 4 до 6 часовъ, потому что въ 6 начинается нѣмецкій". Изъ театра „опять къ Шафарику, и пили чай, приготовленный *по-русски*" [1]). На другой же день онъ переѣхалъ изъ гостинницы на частную квартиру въ чешскомъ семействѣ. Изъ ученыхъ чеховъ онъ сошелся въ особенности съ докторомъ Станькомъ, который, чтобы познакомить его съ молодыми чешскими литераторами, созвалъ ихъ къ себѣ. „Пили чай по-русски. Сестра жены Станька, миленькая дѣвушка, прекрасно играющая на фортепіано и прекрасно поющая, пѣла старинныя чешскія пѣсни, потомъ „Соловья" Дельвига и „Сладко пѣлъ душа соловушко" Лажечникова (видите, я не напрасно повезъ съ собою ноты). Послѣ сѣлъ за фортепіано одинъ изъ литераторовъ и подъ его акомпаниментъ все общество стало пѣть народныя чешскія пѣсни: чудный хоръ, человѣкъ 12 басовъ и теноровъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Всѣ рады были знакомиться со мной, всѣ говорили отъ души. Литературное братство славянъ—могущественное братство: я это испытываю на себѣ, и душевно благодарю ихъ за пріязнь. Особенно нравится чехамъ моя терпимость, мое правило „почитать и власть политическую, оставаясь вѣрными подданными отечества, почитать и народность". Въ политическомъ отношеніи мы всѣ европейцы, въ народномъ—славяне. Въ обществѣ нашемъ есть и поляки,—и, повѣрите ли, маменька, рука въ руку съ каждымъ изъ нихъ, я остаюсь русскимъ, онъ полякомъ, и дружны. „Мы славяне": это слово примиряетъ враговъ... я это испытываю уже не въ первый разъ: въ Лейпцигѣ сошелся я такъ же съ поляками, и мы были друзьями, разстались друзьями... Германцы не составляютъ вѣдь одного государства, а могутъ быть германцами—братьями одной крови: такъ могутъ быть братьями и

[1]) Этому послѣднему научилъ вѣроятно Погодинъ. Чехи обыкновенно угощали русскихъ гостей чаемъ; но приготовленный *по-чешски* (т.-е. по-нѣмецки) онъ бывалъ довольно ужасенъ.

славяне; а что до поляковъ, то, Богъ дастъ, они будутъ со временемъ и болѣе нежели братьями русскихъ".

Конечно, онъ подробно осматривалъ Прагу, посѣщалъ церкви, былъ въ восхищеніи отъ храма св. Вита, присматривался къ обычаямъ; по утрамъ обыкновенно занимался дома, по вечерамъ часто бывалъ въ чешскомъ обществѣ; на масляницу удивлялся неутомимому чешскому веселью, особливо безконечнымъ танцамъ. На масляницу зазвали его на одинъ вечеръ въ „мѣщанскомъ" кругу. „Общество было незавидное, хоть отчасти и изъ литераторовъ здѣшнихъ; но для меня любопытное. Пѣли большею частію пѣсни народныя, нерѣдко глупыя по содержанію, но вообще прекраснаго напѣва: сходство съ малороссійскими удивительное, и напѣвы еще музыкальнѣе. И танцовали большею частію народные танцы — разнаго рода вальсы въ $^2/_4$, напр. польку, рейдовакъ, рейдовачку, фуріантъ и т. п. Дамы всѣ вообще ловки, и, слѣдовательно, смотрѣть было весело... Гостепріимство истинно славянское; простота и безцеремонность даже болѣе нежели славянская, мѣщанская... Мнѣ бы и веселѣе было, еслибы я лучше могъ заставлять себя понимать; а то ломаю, ломаю языкъ, мѣшаю слова и грамматическія формы всѣхъ возможныхъ нарѣчій, а на чешскій ладъ попадаю развѣ случайно или въ веселую минуту. Впрочемъ я не могу бранить чешскаго языка только потому, что еще не могу выражаться на немъ сколько-нибудь прилично: это языкъ очень нѣжный, очень музыкальный".

Вскорѣ у него установились близкія отношенія съ главными представителями чешскаго движенія; это были Шафарикъ, Ганка, Палацкій, Челяковскій и второстепенные—Станекъ, Амерлингъ, Каубекъ; всѣ они снабжали его книгами и онъ жалѣлъ, что съ своей стороны не можетъ отдаривать ихъ, оставивши книжный чемоданъ въ Петербургѣ. Уроки чешскаго языка онъ бралъ ежедневно у Челяковскаго, извѣстнаго чешскаго поэта и хорошаго филолога, знакомаго со всѣми славянскими нарѣчіями. Съ Ганкой онъ говорилъ по-русски, съ Каубкомъ по-малороссійски; „говорить по-чешски начинаю—по крайней мѣрѣ уже понимаютъ; но читать до сихъ поръ я не выучился—такъ трудно, хоть и вовсе не трудно произнести каждый звукъ отдѣльно"... „Съ юными литераторами здѣшними сближаться не хочу; какъ они ни бѣдны, а все же сходятся въ кофейныхъ домахъ и т. п., и нѣкоторые большіе охотники до политики: врагъ политики и кофейныхъ обществъ, я не нахожу съ ними предмета для разговора, и сижу дома".

Онъ подробно описываетъ великопостныя церковныя службы

и праздникъ Свѣтлаго Воскресенья. Съ весной начались загородныя прогулки, которыя онъ посѣщалъ, чтобы посмотрѣть народные и мѣщанскіе нравы и увеселенія. Съ весной начались и небольшія путешествія въ чешскія деревни; разъ онъ отправился съ пріятелемъ своимъ Станькомъ въ сѣверный край Богеміи, къ его роднымъ, и Срезневскій подробно описываетъ сельскіе обычаи, постройки, костюмы, увеселенія. Вернувшись въ Прагу, онъ видѣлъ и подробно описываетъ церковно-народное празднество въ день знаменитаго патрона Чехіи, св. Іоанна Непомука.

„...Великолѣпная серебряная рака его есть одно изъ блестящихъ украшеній собора св. Вита. Іоаннъ Непомукъ былъ пражскимъ священникомъ и по повелѣнію короля Вячеслава сверженъ въ Молдаву съ моста. Въ 1729 г. онъ былъ канонизированъ, т.-е. причисленъ къ лику святыхъ, и съ тѣхъ поръ сталъ въ числѣ патроновъ Чехіи, наиболѣе чтимыхъ всѣми чехо-славянами. Едва-ли можно найти въ цѣлой Чехіи домикъ, въ которомъ бы не было его статуи. Въ Прагѣ же не только въ домахъ, но и на домахъ видите эти статуи. Кстати, Прага въ отношеніи религіозномъ похожа на Бенаресъ; не только множество церквей, часовенъ и прочихъ молитвенныхъ мѣстъ, но во всякой улицѣ вы найдете передъ чѣмъ стать на колѣна и молиться, — на однихъ изъ домовъ въ самой серединѣ, между окнами бель-этажа, нарисованъ огромный образъ, на другихъ, тоже въ серединѣ, въ нишѣ, или на углу статуя какого-нибудь святого, или Божіей Матери, или распятіе; даже на площадяхъ стоятъ всюду такія статуи. Словомъ, куда ни оборотись—или образъ, или статуя. Изъ статуй всего чаще статуи св. Іоанна Непомука. На праздникъ его стекается народъ въ Прагу не только со всѣхъ сторонъ Чехіи, но и изъ Моравіи, изъ Венгріи, Тироля и такъ далѣе. „Венковскій“ (не живущій въ Прагѣ) народъ копитъ деньги на это странствіе въ Прагу цѣлый годъ, и на 40 миль вокругъ Праги нѣтъ человѣка, который бы хоть однажды не былъ въ Прагѣ въ день св. Іоанна Непомука. И какъ идетъ этотъ народъ въ Прагу. Съ каждаго прихода люди, рѣшившіеся идти въ Прагу, собираются вмѣстѣ и, взявши изъ церкви знамя, процессіей идутъ, всю дорогу напѣвая пѣсни св. Іоанну. Уже въ четвергъ, шедши въ музеумъ, я встрѣтилъ по дорогѣ нѣсколько такихъ процессій. Вчера я также былъ въ музеумѣ и ходилъ съ Ганкою въ церковь Вита. Дворы дворца, черезъ которые надобно идти къ церкви, были уже полны. Тутъ и штевницкіе словаки въ костюмахъ вамъ извѣстныхъ, и словаки изъ горъ, въ бѣлыхъ шляпахъ и плащахъ, и мораваны въ синихъ шинеляхъ, и ганаки въ синихъ курткахъ и

малиновыхъ панталонахъ, и чехи во фракахъ и кожаныхъ штанахъ, и женщины въ разныхъ костюмахъ, подобныхъ тѣмъ, которые описывалъ въ прошломъ письмѣ. Мостъ, украшенный между прочимъ также бронзовою статуей Іоанна, также былъ полонъ. Въ 6 часовъ, при громѣ пушекъ, было совершено на мосту молебствіе передъ статуей, которая по этому случаю была украшена балдахиномъ, въ родѣ алтаря, и по захожденіи солнца освѣщена множествомъ цвѣтныхъ фонарей. Такая же статуя стоитъ и на моемъ Конскомъ торгу [1]); и она также была украшена. Вчера вечеромъ, возвратившись изъ театра, я занимался, а по площади неслись отъ мѣста, гдѣ статуя, звуки пѣсни колѣнопреклоненнаго передъ нею народа. Я выглянулъ въ окошко—и заглядѣлся. Середи площади статуя, украшенная алтаремъ, горитъ фонарями, во всѣхъ окнахъ домовъ горятъ свѣчи, мѣсяцъ свѣтитъ изъ-за тучъ. Площадь полна народомъ, — и всюду поютъ. Зрѣлище для меня необыкновенное и поразительное“ [2]).

На другой день былъ самый праздникъ. Срезневскій съ однимъ изъ пріятелей отправился въ церковь св. Вита, гдѣ долженъ былъ служить архіепископъ. Толпы народа были такъ велики, что можно было подвигаться только шагъ за шагомъ: „такое стеченіе народа я видѣлъ въ Россіи только тогда, когда, помните, встрѣчали мы въ Харьковѣ императрицу“... „Передъ обѣднею каноникъ Пешина читалъ проповѣдь, и при концѣ ея народъ рыдалъ. Служба шла своимъ чередомъ великолѣпно и въ сопровожденіи музыки и пѣвчихъ. Мы не дождались конца и вышли... Различныхъ процессій описать нельзя... Кстати сказать: чехи очень любятъ духовныя пѣсни и имѣютъ ихъ болѣе, нежели обыкновенныхъ пѣсенъ. Многое мнѣ кажется страннымъ въ католическихъ обрядахъ; но когда вспомнишь о благоговѣніи, съ которымъ исполняются они народомъ, чувство овладѣваетъ душою“.

---

[1]) Названіе площади.

[2]) Прибавимъ здѣсь, что св. Янъ Непомукъ, относимый къ концу XIV столѣтія, былъ канонизированъ на основаніи гораздо болѣе позднихъ легендъ, распространявшихся особливо іезуитами, какъ полагаютъ, съ тайной мыслью затмить чисто католическимъ святымъ память гуситства. Сомнѣніе въ исторической достовѣрности легендъ возникло еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Новѣйшая разработка памятниковъ чешской исторіи все больше укрѣпляла эти сомнѣнія, и послѣдній выводъ критиковъ легенды былъ тотъ, что Янъ Непомукъ, какимъ изображаетъ его легенда и самый актъ канонизаціи, въ дѣйствительности никогда не существовалъ, а тотъ, котораго дѣйствительно знаетъ исторія, въ легендѣ и въ актѣ канонизаціи считается *другимъ* Непомукомъ, котораго не должно смѣшивать со святымъ и который святымъ вовсе не былъ. Но оказывается, что исторически существовалъ именно только этотъ, вовсе несвятой Непомукъ, а Непомука канонизированнаго никогда не было.

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ о чрезвычайной музыкальности Праги. На площади, гдѣ онъ жилъ, происходила постоянная музыка: то сотни мальчиковъ и дѣвочекъ идутъ изъ школы въ церковь и обратно, съ знаменами и крестами и поютъ духовную пѣсню, то погребальный маршъ при похоронахъ солдата или офицера, то разводъ, то (обыкновенно по вечерамъ) передъ домомъ какой-нибудь барышни, наканунѣ дня ея рожденія, пѣвцы поютъ ей серенаду; въ садахъ каждое послѣ-обѣда концерты, въ церквахъ каждый день оргàны, даже въ самыхъ плохихъ шинкахъ какая-нибудь музыка. „И замѣтьте: тактъ рàзъ-два, рàзъ-два чаще всего". Кромѣ этой музыкальности онъ отмѣчаетъ и другія свойства мѣстныхъ жителей. „Музыкальность, любовь наряжаться, страсть къ лотереямъ и наконецъ—богомольство (очень кстати!): вотъ 4 сторонки квадрата, между которыми мечется сердце жителя Праги".

Въ маѣ и іюнѣ Срезневскій сдѣлалъ нѣсколько экскурсій вовнутрь Чехіи, обыкновенно къ чешскимъ патріотамъ, которые, по письмамъ изъ Праги, встрѣчали его очень гостепріимно и передавали его другимъ патріотамъ въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ: онъ много странствовалъ пѣшкомъ, любовался горной природой, наблюдалъ обычаи, слушалъ пѣсни, и въ іюлѣ пишетъ уже, что „наломалъ языкъ на чешскій ладъ". Русскій путешественникъ, притомъ порядочно овладѣвшій чешскимъ языкомъ, человѣкъ веселый и довольствовавшійся немногимъ, былъ вездѣ, и особенно въ захолустьяхъ, желаннымъ гостемъ, и это съ другой стороны помогало ему расширять свои этнографическія наблюденія. Ему сообщали свѣденія, а его разспрашивали о Россіи. Онъ не разъ отмѣчаетъ великія сочувствія чеховъ къ Россіи; объ одномъ старомъ чешскомъ патріотѣ онъ писалъ, что онъ „любитъ Россію, какъ родную землю" (въ числѣ этихъ патріотовъ были особенно священники); но въ Прагѣ, замѣчаетъ онъ, все-таки нѣмецкій языкъ владычествуетъ всюду. „По-чешски говоритъ только тотъ, кто не умѣетъ по-нѣмецки, и такъ называемые „властенцы". Жалость, какъ подумаешь, до какого уничиженія дошли чехи".

Въ іюнѣ Срезневскій отправился на югъ Чехіи и затѣмъ въ Линцъ по желѣзной дорогѣ, а отъ Линца по Дунаю въ Вѣну. Письма изъ Вѣны, гдѣ онъ на первый разъ прожилъ только недѣли полторы, заняты описаніемъ города, окрестностей, концертовъ, итальянской оперы; серьезныя занятія откладывались до другого времени. Отсюда онъ отправился въ Моравію, гдѣ онъ опять въ кругу славянскихъ патріотовъ; здѣсь онъ также сдѣлалъ

небольшое путешествіе пѣшкомъ и въ концѣ іюля онъ пишетъ уже изъ Вратиславы, т.-е. Бреславля, гдѣ онъ встрѣтился и очень сдружился съ чешскимъ патріотомъ Пуркиньей, извѣстнымъ физіологомъ, который былъ тогда профессоромъ бреславскаго университета. Въ первыхъ числахъ августа онъ отправился въ Силезію, гдѣ опять ходилъ пѣшкомъ, изучая обычаи и языкъ, затѣмъ вернулся въ Бреславль, гдѣ онъ жилъ въ домѣ Пуркиньи, и въ концѣ августа отправился въ новый путь: „ни откуда, тутъ за границей, я не выѣзжалъ съ такимъ горестнымъ чувствомъ и не былъ провожаемъ съ такимъ сердечнымъ участіемъ“. На этотъ разъ путь лежалъ къ лужичанамъ-вендамъ или лужицкимъ сербамъ. Дорога была очень интересная, красивая, горная; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Срезневскій проходилъ по самой границѣ между Богеміей и Силезіей.

„Подъѣзжая къ какому-нибудь городу (въ Германіи почти всюду такъ), прежде всего видишь кладбище: такъ и приближаясь къ какой-нибудь славянской землѣ, не минуешь гробовъ славянской народности... и, разумѣется, на землѣ болѣе могилъ, нежели живыхъ людей. Тутъ то же: еще я между нѣмцами, еще лужичане-венды далеко,—а уже все напоминаетъ славянщину—и физіогноміи, и одежды женщинъ, и архитектура домиковъ, и самые плетни, и самыя вербы и липы, идущія за славянами всюду. Гляжу на эту страну какъ на поле: жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ вылѣзъ всюду. Была ли сжатая жатва зрѣла? уже ли безъ паханья не выростетъ новая?—кто знаетъ!“

Въ началѣ сентября онъ былъ въ Сгорѣльцѣ (Гёрлицѣ) и тотчасъ сошелся съ лужицкими патріотами; одинъ изъ нихъ, Смолеръ, училъ его горно-лужицкому нарѣчію; въ домѣ другого, пастора Гаупта, онъ былъ какъ дома; съ третьимъ, совѣтникомъ полиціи Кёлеромъ, и другими онъ совершалъ пѣшеходныя прогулки въ окрестности, гдѣ, между прочимъ, его занимали древнія городища. Въ семействахъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ увеселеніяхъ, танцахъ, фантахъ и т. п.

Въ концѣ сентября онъ переѣхалъ вмѣстѣ съ Гауптомъ и Смолеромъ въ другой пунктъ лужицкаго населенія, Будишинъ (Бауценъ). Опять началась та же жизнь въ бесѣдахъ съ лужицкими патріотами, въ изученіи обычаевъ, въ пѣшеходныхъ странствіяхъ по краю, въ пріобрѣтеніи книгъ. Изъ горной Лузаціи Срезневскій направился въ нижнюю Лузацію на лодкѣ и пѣшкомъ по низменностямъ, гдѣ пришлось однажды выдержать очень тяжелый путь въ непогоду, подъ дождемъ и не зная хорошенько дороги.

Отъ 19-го декабря 1840 г. Срезневскій писалъ уже изъ Дрездена, гдѣ онъ осматривалъ городъ, галереи, музеи, библіотеки; изъ Дрездена сдѣлалъ двѣ „поѣздки-походки" — одну на Черный Эльстеръ къ городищамъ, другую въ саксонскую Швейцарію. Въ письмахъ онъ даетъ подробное описаніе этихъ странствій. Въ началѣ ноября онъ былъ въ Прагѣ, гдѣ засталъ Прейса. Въ результатѣ онъ могъ писать (отъ 15-го декабря изъ Праги): „Тутъ могу и похвастаться: теперь не Шафарикъ мнѣ, а я Шафарику поправляю карты Чехіи, Моравіи, Силезіи, Лужицъ, а лужичанинъ Іорданъ, составляющій лужицкій словарь, приходитъ ко мнѣ списывать изъ моего словаря слова. Безъ личнаго посѣщенія всѣхъ земель славянскихъ я не буду преподавателемъ, какимъ бы хотѣлъ быть".

Здѣсь онъ окончательно подружился съ Прейсомъ. Отъ 1-го января 1841 онъ писалъ: „Тутъ, въ Прагѣ, я очень благодаренъ Прейсу. Товарищъ по трудамъ, онъ сдѣлался моимъ товарищемъ и въ жизни. Не проходитъ дня, чтобы мы не видались другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ однажды: всегда вмѣстѣ обѣдаемъ, и послѣ обѣда идемъ въ кофейню. „Zwey Russen, dwa Russy": это въ Прагѣ въ родѣ сіамскихъ близнецовъ. Въ гостинницѣ вмѣстѣ, въ кофейнѣ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, гуляютъ вмѣстѣ: zwey Russen, dwa Russy. И въ добавокъ смѣются, безпрестанно смѣются, хохочутъ. Чтобы не забыть ничего: и влюблены вмѣстѣ... Шутки въ сторону: сближеніе съ Петр. Ив. Прейсомъ меня утѣшаетъ. Относительно способа занятій мы различны (онъ называетъ меня человѣкомъ жизни, наблюдателемъ; я его — человѣкомъ книги, изыскателемъ); но это не мѣшаетъ нашей связи, скрѣпляетъ ее еще болѣе. Шафарикъ сказалъ однажды Прейсу: „какъ бы хорошо вамъ вмѣстѣ путешествовать по Сербіи и Болгаріи: вы бы покопались въ библіотекѣ, онъ бы побродилъ между народомъ!" Я безъ сомнѣнія не прочь отъ этого; но едва-ли это случится".

Мы упоминали о томъ, въ какихъ скромныхъ формахъ выражалось тогда возрожденіе чешской народности въ общественной жизни. Срезневскій приводитъ объ этомъ любопытныя замѣчанія. По поводу готовившагося „чешскаго" бала онъ замѣчаетъ, что нельзя было, конечно, запретить говорить по-чешски, но полиція не позволила напечатать по-чешски даже пригласительныхъ билетовъ и буфетныхъ листковъ. „Хуже всего тутъ то, что нѣтъ единодушія, нѣтъ открытости. Правительство не можетъ не подозрѣвать (?); а между тѣмъ тѣ, которыхъ подозрѣваетъ, всѣ до одного—невинные боязливцы, дѣти съ прихотями, но безъ злыхъ

намѣреній. Они бы испугались сами себя, еслибы увидѣли въ себѣ злое намѣреніе". Примѣръ въ другую сторону: „Вчера давали „Возстаніе въ Сералѣ", глупую пьесу, гдѣ все, по самому намѣренію автора, должно быть глупо, — и не поостереглись вставить туда пѣсню въ похвалу „отечества, чешской власти". Этимъ соединеніемъ глупостей съ пѣснію объ отечествѣ можно отравить любовь къ отечеству, заставить презирать его, а не возбудить любви къ нему".

Въ половинѣ января 1841 онъ выѣхалъ изъ Праги въ Вѣну; здѣсь онъ сошелся съ Вукомъ, который обѣщалъ помогать ему въ изученіи сербскаго языка. О знакомствѣ съ Копитаромъ въ письмѣ говорится неясно, тѣмъ болѣе, что въ печати въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ, кажется, пропускъ: „Былъ два раза и у Копитара: съ нимъ едва-ли буду имѣть дѣла... Лучше не подходить, а то смотри и укуситъ". Въ Вѣнѣ встрѣтился Срезневскій также съ Надеждинымъ и Д. М. Княжевичемъ, тогда попечителемъ одесскаго учебнаго округа.

Въ концѣ февраля онъ выѣхалъ въ Штирію, останавливался въ Грецѣ, Марбургѣ; отыскивалъ тамъ и здѣсь ученыхъ людей, занимающихся славянскими предметами, и встрѣчалъ обычное гостепріимство у славянскихъ патріотовъ. Въ половинѣ марта онъ былъ въ Загребѣ, гдѣ его уже ожидали, хотя не такъ скоро. „На другое утро (по пріѣздѣ) я отправился къ Гаю: стоило мнѣ сказать, что я русскій и Срезневскій, какъ меня и Гай, и другіе, бывшіе у него, давай цѣловать, обнимать. Они меня не ждали: Шафарикъ писалъ имъ, что я буду въ Загребъ изъ Далмаціи. Весь день провели вмѣстѣ. Гай предводитель здѣшняго славянства, и въ 6 лѣтъ успѣлъ сдѣлать, что все и гражданство, и дворянство стало говорить по-славянски". Изъ Загреба, по обыкновенію, онъ дѣлаетъ поѣздки въ окрестности, при чемъ спутникомъ его бывалъ одинъ изъ хорватскихъ патріотовъ, поэтъ Вразъ, съ которымъ онъ сдружился. Вотъ образчикъ его тогдашнихъ встрѣчъ въ Загребѣ:

„Цѣлый день до вечера книги въ руки не бралъ. Въ 10-мъ часу пришелъ Бабукичъ [1])—и мы пошли съ нимъ къ Зденчаю. Почтенный старикъ, домородецъ, славянинъ въ полномъ смыслѣ слова. Заговоривши со мною объ отношеніяхъ между русскими и поляками, онъ заплакалъ. „Боже мой! когда же наступитъ время, что всѣ мы—братья, славяне, — подадимъ братскія руки другъ

---

[1]) Одинъ изъ дѣятелей иллирскаго возрожденія.

другу!“ Вообще здѣсь всѣ домородцы бредятъ о соединеніи славянъ...

„Отъ Драшковича — въ уніатскую церковь: богослуженіе на славянскомъ языкѣ, какъ у насъ. Изъ уніатской—въ православную. Тутъ служба какъ у насъ, пѣсни какъ у старообрядцевъ нашихъ. Къ хору дьячковъ присоединяются и многіе мужчины. Женщины стоятъ сзади... Потомъ — обѣдать въ иллирскую народную кофейню, какъ обыкновенно. Сюда въ 2 часа пришелъ одинъ молодой священникъ и просилъ, чтобы я „удостоилъ“ посѣтить семинарію, гдѣ меня ждутъ съ нетерпѣніемъ семинаристы. Толпа молодыхъ людей меня окружила, глядя на меня во всѣ глаза. Одинъ сказалъ что-то въ родѣ поздравительной рѣчи,—и потомъ начали мнѣ хвалиться, что они учатся разнымъ славянскимъ языкамъ, одни — чешскому, другіе — русскому. По-русски учатся больше всего и съ удивительною ревностію. О домородствѣ ихъ нечего и говорить. И хоть католики, настолько же уважаютъ православіе, какъ вообще всѣ домородцы здѣшніе“. „Домородцами“ назывались славянскіе патріоты у хорватовъ, какъ у чеховъ они звались „властенцами“. Въ томъ же письмѣ читаемъ далѣе: „Не успѣлъ прійти домой, какъ явились ко мнѣ студенты академіи, которымъ я на дняхъ показывалъ правила русскаго чтенія. Ревность въ изученіи русскаго языка страшная. Нашего царя любятъ какъ Бога, русскихъ не меньше. Если такъ пойдетъ дальше, то я не знаю, что̀ будетъ черезъ 20 лѣтъ. Не только тутъ, но во всей Кроаціи, Славоніи, отчасти въ Далмаціи и далѣе все молодое поколѣніе за русскихъ. Мадьяры, напротивъ, боятся и ненавидятъ насъ. Меня многіе увѣряютъ, что я составляю теперь въ Загребѣ одинъ изъ главныхъ предметовъ разговора: одни за меня, другіе противъ меня. Никто только не воображалъ, что я такой маленькій ростомъ: всѣ тутъ воображаютъ русскаго великаномъ, голова подъ потолокъ“.

По поводу этихъ послѣднихъ замѣчаній невольно представляется мысль, что радостныя, гостепріимныя встрѣчи преувеличивали дѣйствительность. Послѣдующая литература хорватская или чешская, и вообще западно-славянская, не свидѣтельствуетъ объ особомъ распространеніи знанія русскаго языка и даже за послѣднее время, когда русская литература получила такой успѣхъ за границей, литературы славянскія въ этомъ отношеніи несомнѣнно отстали, именно отстали и въ интересѣ къ русскимъ произведеніямъ, и въ пониманіи характера нашей литературы. Срезневскій задавалъ вопросъ, что̀ будетъ черезъ двадцать лѣтъ, если такъ пойдетъ дальше; но дальше такъ едва-ли шло, и не только черезъ

двадцать, но и черезъ пятьдесятъ лѣтъ западное славянство политически осталось чуждо Россіи. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ, и о Далмаціи, гдѣ онъ тогда еще не былъ: уже вскорѣ, посѣтивши Далмацію, онъ съ трудомъ находилъ тамъ людей, заинтересованныхъ славянствомъ.

Изъ Загреба онъ предпринялъ, на первое время опять вмѣстѣ съ Вразомъ, поѣздку въ Крайнъ и Каринтію (Хорутанію), пробылъ по нѣскольку дней въ Люблянѣ (Лайбахѣ) и Целовцѣ (Клагенфуртѣ), а затѣмъ двинулся далѣе на юго-западъ въ мало извѣстныя и рѣдко кѣмъ посѣщенныя мѣстности, гдѣ небольшое славянское поселеніе смѣшивается съ итальянскимъ, въ Зильскую долину и Резію; наконецъ направился въ Тріестъ, гдѣ встрѣтился съ Прейсомъ. Съ нимъ вмѣстѣ сдѣлали они путешествіе по Далмаціи до Черной Горы, какъ мы упоминали прежде.

Изданныя до сихъ поръ письма кончаются письмомъ отъ 6-го іюля, изъ Сплѣта (Спалатро) 1841 г. Надо ожидать еще длиннаго ряда писемъ за послѣдній годъ путешествія. Срезневскій вернулся въ Россію осенью 1842, и 16-го октября онъ читалъ въ Харьковѣ свою вступительную лекцію. Теперь она явилась въ первый разъ въ печати [1]) и будетъ интереснымъ завершеніемъ путевыхъ писемъ.

У историковъ харьковскаго университета сохранились разсказы о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое произвела лекція Срезневскаго [2]). Издатель лекціи разсказываетъ теперь, что самъ Срезневскій до этого чтенія крайне тревожился сомнѣніями о предстоящемъ ему дѣлѣ. Въ замѣткахъ, сохранившихся отъ того времени, онъ писалъ между прочимъ: „Что-то будетъ съ моимъ будущимъ преподаваніемъ“. „Думаю, думаю, а все никакъ не придумаю, какъ бы расположиться съ нимъ, чтобы и слушателямъ было выгодно, и предположенія правительства были исполнены, и требованія науки и времени не упущены, а мнѣ самому не было въ тягость то, чтò до сихъ поръ такъ меня утѣшаетъ. О преподаваніи систематическомъ, вполнѣ отчетливомъ, такомъ, какое требовать можно отъ профессора литературы латинской и грече-

[1]) Въ статьѣ Вс. Изм. Срезневскаго, въ „Журналѣ мин. просв.“, 1893, май, 110—133. Въ „Кіевской Старинѣ“, 1893, январь, стр. 20—33, онъ помѣстилъ замѣтку объ „Украинскомъ Альманахѣ“ 1831 года, который былъ изданъ И. И. Срезневскимъ и Росковшенкомъ и заключалъ первые труды знаменитаго слависта. Авторъ статьи приводитъ изъ „Альманаха“ нѣсколько выписокъ, которыя замѣчательнымъ образомъ предвѣщаютъ въ мечтахъ 18-лѣтняго юноши будущіе интересы ученаго; здѣсь именно высказаны любопытныя по своему времени догадки объ исторіи языка, которая впослѣдствіи составила предметъ одного изъ важнѣйшихъ трудовъ Срезневскаго.

[2]) См. воспоминанія Де-Пуле, „Вѣстн. Европы“ 1874, январь.

ской, въ наше время и думать нельзя. Матеріаловъ множество, критически разсмотрѣны слишкомъ немногіе, а для зданія и плана еще нѣтъ. Приходится, оставя въ покоѣ общую систему, ограничиться частными предметами и только стараться о томъ, чтобы достигаемо было хоть сколько-нибудь то, что̀ бы достигалось безъ особенной трудности, еслибы возможна была общая система. Что̀ же выбрать на первый разъ, для первыхъ слушателей, которые ни къ чему не приготовлены, ничего не ожидаютъ и, слѣдовательно, потребуютъ многое, отчасти даже предубѣждены противъ важности предмета, и слѣдовательно готовы быть не только невнимательны, но и совершенно холодны!"

Онъ какъ будто недовѣрчиво отнесся къ успѣху, какъ можно видѣть изъ того, что̀ онъ писалъ объ этомъ Ганкѣ; но изъ чужихъ свидѣтельствъ мы знаемъ, что успѣхъ лекціи былъ несомнѣнный. „Я не ожидалъ,—писалъ онъ Ганкѣ,—что на мое чтеніе обратятъ такое вниманіе, какое обратили: назначенная зала была мала для всѣхъ посѣтителей, и ихъ перевели въ другую, и та набилась биткомъ; не только студенты пришли меня слушать, но и много профессоровъ, и не мало постороннихъ частныхъ лицъ; послѣ чтенія профессора благодарили, какъ показалось, съ участіемъ, а другіе изъ посѣтителей пріѣзжали знакомиться [1]).

Въ лекціи Срезневскій начинаетъ указаніемъ того, какимъ образомъ въ послѣднее время вопросъ о славянскомъ племени, еще недавно совсѣмъ забытомъ, сдѣлался предметомъ общаго европейскаго интереса. Произошло это отъ того, что сами славянскіе народы проснулись, а чтобы это пробужденіе было возможно, надо было, чтобы какая-нибудь одна народность этого племени, хотя бы безсознательно, дала о себѣ сильно знать въ исторіи. Это суждено было народу русскому. Возвышеніе Россіи начинается съ XVI и XVII вѣка: тогда заговорили о ней въ Европѣ и тогда же начали вспоминать о цѣломъ славянскомъ племени, къ которому русскіе принадлежали. Война двѣнадцатаго года была великимъ историческимъ переломомъ: на Россію въ полчищахъ Напо-

¹) Рукопись лекціи служила Срезневскому и для послѣдующихъ чтеній и потому въ первоначальномъ текстѣ онъ дѣлалъ потомъ прибавки и измѣненія. В. И. Срезневскій говоритъ въ своемъ предисловіи: „Историческій интересъ лекціи заставляетъ меня отнестись къ сохранившейся ея рукописи *нѣсколько иначе, чѣмъ это принято* при печатаніи посмертныхъ трудовъ. Я беру для печати не послѣднюю редакцію или передѣлку лекціи, а хочу представить ее въ томъ самомъ видѣ, какъ она была прочитана въ 1842 году, когда свѣжи были у ея автора всѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ-за границы. Для этого приходится лекцію *возстановить*, такъ какъ рукопись не сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ"... Но иначе этого и не слѣдовало дѣлать, если рѣчь идетъ о лекціи, читанной въ данное время.

леона, кромѣ германцевъ и романцевъ, пришло и много славянъ; они вернулись домой съ разсказами о русской силѣ; русскія войска, идя на западъ, встрѣчали какія-то родственныя племена. Для русскихъ впечатлѣніе было преходящее, но у западныхъ и южныхъ славянъ эти встрѣчи оставили сильное дѣйствіе. Сознаніе присутствія великой родственной силы дало опору ихъ попыткамъ заявить собственную народность. Отъ скромныхъ начинаній эти попытки выросли до цѣлаго національнаго движенія, къ которому и мы не можемъ оставаться равнодушны. Кромѣ общаго отвлеченнаго интереса, этотъ предметъ имѣетъ и ближайшій научный интересъ: для насъ, русскихъ славянъ, наступила пора сознанія самихъ себя, своей силы, своей самобытности, своего подвига въ жизни политической и гражданской; но это сознаніе остается на ступени инстинкта, и для того, чтобы оно стало полнымъ и прочнымъ, необходимо изученіе цѣлаго славянства, къ которому мы принадлежимъ и въ которомъ заключена наша племенная особенность. Только это знаніе укажетъ намъ, что мы, въ чемъ наша сила, какъ она можетъ развиваться, въ чемъ долженъ заключаться нашъ долгъ гражданскій.

Другая причина, дѣлающая необходимымъ это изученіе, заключается въ томъ, что мы, русскіе славяне, находимся въ политическихъ отношеніяхъ съ другими славянами, слѣдовательно должны быть знакомы съ ихъ языками и съ ихъ обычаями.

Далѣе, знаніе славянства нужно намъ въ отношеніи учено-литературномъ. Знаніе обще-славянской народности поможетъ правильному образованію нашего языка; литература можетъ быть самобытна и развиваться только тогда, когда будетъ народною, а для этого послѣдняго мы должны изучать свою народность и въ ея основѣ литературную народность обще-славянскую. Изученіе славянства можетъ послужить для обогащенія нашей собственной литературы.

Наконецъ, еслибы мы и не были славяне, изученіе славянскаго міра было бы все-таки для насъ важно. Славянское племя, по крайней мѣрѣ, столько же древне въ Европѣ, сколько германское и романское, и совершало въ европейской исторіи свои великія дѣла... „Вспомнимъ, кто былъ первымъ земледѣльческимъ народомъ въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, между народами, извѣстными у грековъ и римлянъ подъ именемъ варваровъ? Кто прежде другихъ показалъ отважность и ловкость въ торговомъ мореплаваніи по морямъ Адріатическому и Балтійскому? Кто породилъ мысль о распространеніи святыхъ истинъ христіанства на живомъ, народномъ языкѣ? Кто цѣлые вѣка защищалъ и защитилъ Европу

отъ татаръ и туровъ? Кто первый сблизилъ народовъ востока съ западомъ? Кто снабжаетъ мотивами всѣхъ музыкантовъ Европы? Кто возвелъ народную поэзію до такой степени совершенства? И могу ли все пересказать тутъ, что̀ извѣстно? И все ли еще извѣстно, когда никто до недавнихъ лѣтъ и не мечталъ приводить въ извѣстность?" Славяне, кромѣ того, всегда свято хранили старину, и ихъ бытъ, преданія, поэзія могутъ доставить множество важныхъ указаній для объясненія забытой и непонятной старины европейской.

„Итакъ,—заключалъ Срезневскій,—славянство сто̀итъ, должно быть изучаемо, и мы можемъ начать изучать его съ полною увѣренностью, что это долгъ, налагаемый на насъ не только славянскимъ чувствомъ, которое, надѣюсь, одушевляетъ насъ всѣхъ одинаково, но и современною образованностью".

А. Пыпинъ.

НАШИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ

и

ВОПРОСЪ О РОСТОВЩИЧЕСТВѢ

Законодательная дѣятельность отличается у насъ вообще большою широтою: быть можетъ, ни въ одной странѣ Европы нѣтъ такого громаднаго количества законовъ, какъ въ Россіи, и количество это возростаетъ постоянно, изъ года въ годъ. Въ то же время нигдѣ нѣтъ такой массы разъяснительныхъ и дополнительныхъ правилъ, предписаній и циркуляровъ, восполняющихъ недостатки и пробѣлы законодательства и служащихъ отчасти суррогатами законовъ,—какъ у насъ. Почему же тѣмъ не менѣе раздаются столь часто жалобы на отсутствіе или безплодность законовъ по многимъ важнымъ вопросамъ нашей общественной и экономической жизни? Почему всякій новый законъ, болѣе или менѣе сложный, почти тотчасъ по его изданіи вызываетъ разныя недоразумѣнія, неудобства и противорѣчивыя толкованія, дающія поводъ къ оффиціальнымъ разъясненіямъ и изъятіямъ?

Можно сказать: habent sua fata... leges,—законы, какъ и книги, имѣютъ свою судьбу. Есть вопросы, иногда незначительные сами по себѣ, хотя и весьма существенные для жизни,—которые десятки лѣтъ ждутъ законодательнаго разрѣшенія и никакъ не могутъ его дождаться. Напомнимъ одинъ замѣчательный фактъ этого рода. Больше двадцати лѣтъ тому назадъ предположено было составить точныя правила о томъ, какое имущество крестьянъ не должно быть подвергаемо продажѣ съ публичнаго торга по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ, чтобы не доводить крестьянскаго хозяйства до полнаго разоренія; и однако до сихъ

поръ не было издано такого закона, который ограждалъ бы крестьянина отъ принудительной продажи послѣдней лошади или коровы за податныя недоимки и долги,—и самый указъ 1871 г., возбудившій этотъ вопросъ, остается какъ бы позабытымъ. Нерѣдко потребность въ законодательной реформѣ сильно чувствуется на практикѣ, и нужная реформа не выходитъ, однако, изъ круга „благочестивыхъ пожеланій". Давно уже, напр., признана всѣми несостоятельность существующаго у насъ способа взысканія податей и сборовъ мѣстными органами полицейской власти, безъ прямого участія того именно спеціальнаго вѣдомства, на которомъ прежде всего должна была бы лежать обязанность собирать налоги съ населенія; и однако устарѣлый порядокъ сбора податей сохраняется въ силѣ, и не видно еще никакихъ приготовительныхъ мѣръ къ его коренному пересмотру и преобразованію. Есть и такіе пробѣлы и упущенія въ законодательствѣ, которыхъ, повидимому, никто не замѣчаетъ, хотя вредныя послѣдствія ихъ не подлежатъ сомнѣнію; таково, между прочимъ, отсутствіе постановленій объ обязательномъ надзорѣ за душевно-больными, совершившими преступленіе и оправданными судомъ по невмѣняемости; въ Англіи такихъ оправданныхъ подсудимыхъ, какъ и вообще всѣхъ подозрительныхъ или опасныхъ помѣшанныхъ, обязательно сажаютъ въ заведенія для умалишенныхъ, а у насъ эти субъекты гуляютъ на свободѣ. Многихъ нужныхъ законовъ нѣтъ, а излишніе существуютъ и размножаются въ изобиліи. Въ послѣднее время мы видимъ, съ какою легкостью и быстротою вырабатываются проекты, которыхъ цѣли и мотивы неясны даже для людей, спеціально знакомыхъ съ затронутою областью интересовъ. Недавно обсуждался въ газетахъ проектъ закона о передѣлахъ земель при общинномъ землевладѣніи, устанавливающій заботливую опеку немногихъ административно-судебныхъ чиновниковъ надъ внутренними земельно-хозяйственными порядками многомилліоннаго сельскаго населенія; по этому проекту чиновники, заваленные своими обычными служебными дѣлами, обязываются еще вдобавокъ быть непогрѣшимыми знатоками и цѣнителями всякихъ нуждъ и условій крестьянскаго земледѣлія, а сами крестьяне, не исключая и опытныхъ и зажиточныхъ хозяевъ, низводятся на степень пассивнаго, безличнаго стада, лишеннаго даже права пользоваться по-своему своею безспорною поземельною собственностью. Земскіе начальники и члены уѣздныхъ съѣздовъ заранѣе предполагаются идеально-добросовѣстными, способными рѣшать безошибочно и безконтрольно чужіе, крайне сложные поземельные вопросы, которые могутъ быть взвѣшены и разобраны только непосред-

ственно заинтересованными лицами въ предѣлахъ каждой отдѣльной общины, послѣ всестороннихъ обсужденій и споровъ,—вопросы, которыхъ не взялся бы рѣшать за крестьянскую массу ни одинъ ученый спеціалистъ по сельскому хозяйству. Это обращеніе къ непогрѣшимому авторитету всезнающихъ, будто бы, земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ понадобилось для того, чтобы предупредить возможность злоупотребленій сельскихъ сходовъ при передѣлахъ своихъ земель самими крестьянами; а что еще худшія злоупотребленія будутъ неизбѣжны вслѣдствіе произвола, личнаго усмотрѣнія, незнанія, торопливости и недосуга чиновниковъ-опекуновъ, занятыхъ другими многосложными обязанностями, — это, по обыкновенію, не принимается въ разсчетъ [1]). Никакой настоятельной потребности не было въ этомъ проектѣ, и по всей вѣроятности онъ является дѣломъ личнаго взгляда, основаннаго на случайныхъ и недостаточно полныхъ свѣдѣніяхъ, которыя могли бы найти болѣе правильную оцѣнку при знакомствѣ съ огромною массою фактовъ, собранныхъ въ земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ; тѣмъ не менѣе законопроектъ приготовленъ и поставленъ на очередь, прежде чѣмъ компетентные спеціалисты успѣли высказать свое мнѣніе объ его основѣ и сущности,—и по-неволѣ приходится думать, что онъ вызванъ какими-то неизвѣстными намъ особенно важными экономическими причинами, не допускающими обычныхъ проволочекъ. Столь же быстро и внезапно появлялись проекты законовъ о соляномъ налогѣ, объ опытѣ водочной монополіи и др.; легко и скоро выработывались серьезныя передѣлки прежнихъ реформъ, измѣненія судебныхъ уставовъ, новыя обширныя положенія о городскомъ и земскомъ управленіи и т. п. Рядомъ съ этимъ мы видимъ, что необходимость закона о ростовщичествѣ обсуждается уже съ шестидесятыхъ годовъ, а практическіе результаты этихъ обсужденій начинаютъ выясняться только въ послѣднее время. Очевидно, участь законовъ неодинакова и находится иногда въ зависимости отъ условій постороннихъ и случайныхъ, не имѣющихъ связи ни съ важностью и внутреннимъ значеніемъ проектовъ, ни съ реальными потребностями и интересами жизни.

Два рода законопроектовъ могутъ имѣть болѣе обезпеченный успѣхъ: во-первыхъ, тѣ, въ которыхъ выражается господствующее въ данный моментъ направленіе или настроеніе; и во-вторыхъ, проекты финансовые, имѣющіе цѣлью прямое или косвенное

[1]) См. объ этомъ законопроектѣ въ іюньской книгѣ „Вѣстника Европы", Внутр. Обозрѣніе, стр. 812 и слѣд.; основательныя замѣчанія высказаны также въ статьѣ г. Өедора Самарина, въ „Новомъ Времени", отъ 26-го мая.

увеличеніе государственныхъ доходовъ. Законы, не принадлежащіе къ этимъ двумъ разрядамъ, безразличные по своему предмету въ политическомъ отношеніи и не интересующіе спеціально ни одно изъ вѣдомствъ, могутъ выработываться годами и десятками лѣтъ въ разныхъ коммиссіяхъ и канцеляріяхъ, и никто не потревожитъ покоя этой мирной дѣятельности. Какъ бы цѣнны ни были труды и изслѣдованія этихъ коммиссій, но основанные на нихъ законопроекты останутся мертворожденными, если они не пользуются какимъ-нибудь особымъ преимуществомъ, способнымъ дать имъ практическую силу и значеніе. Работы податной коммиссіи въ шестидесятыхъ годахъ, сельско-хозяйственной и кустарной—въ семидесятыхъ,—были въ сущности безплодны для законодательства, ибо ни одно изъ вѣдомствъ не было спеціально и непосредственно заинтересовано въ осуществленіи намѣченныхъ задачъ. Облегченіе податныхъ тягостей для крестьянской массы, привлеченіе всѣхъ классовъ общества къ платежу государственныхъ налоговъ, поднятіе уровня народнаго земледѣлія, поддержаніе крестьянскихъ промысловъ и производствъ,—все вообще, что̀ касается народнаго блага въ жизненномъ значеніи этого слова, въ принципѣ, конечно, интересуетъ всѣхъ, но остается часто безъ особыхъ заступниковъ и покровителей на практикѣ.

Нѣкоторые законопроекты, признаваемые издавна необходимыми, подвергаются долгимъ и напраснымъ процедурамъ только потому, что не было повода взять ихъ крѣпко въ руки и довести до желанной пристани. Возьмемъ для примѣра исторію законодательныхъ работъ по составленію устава объ опекахъ. Не такъ давно появился обширный „Проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ, съ объяснительною къ нему запискою“ (Спб., 1891). Изъ вступительнаго объясненія мы узнаемъ, что уже съ самаго начала нынѣшняго столѣтія и въ особенности съ тридцатыхъ годовъ правительство озабочивалось болѣе правильнымъ устройствомъ опекунскихъ установленій и вообще опекунской части. „Это доказывалось цѣлымъ рядомъ послѣдовательно состоявшихся проектовъ опекунскихъ уставовъ, которые, однако, не привели къ желанной цѣли. Проекты оставлялись безъ утвержденія законодательною властью или потому, что государственный совѣтъ находилъ необходимымъ имѣть въ виду дополнительныя свѣденія, преимущественно финансоваго свойства, или потому, что ко времени окончанія работъ по составленію проекта опекунскаго устава дѣйствительная жизнь далеко опережала основныя мысли, на которыхъ проектъ утверждался, а посему возникала надобность въ коренныхъ преобразованіяхъ въ той или другой области законо-

дательства, соприкасающейся съ опекунскою частью, и составленный ранѣе проектъ необходимо требовалъ существенныхъ измѣненій и переработокъ—и въ концѣ концовъ все-таки оставался безъ утвержденія въ законодательномъ порядкѣ". Проекты 1837 и 1847 годовъ такъ долго обсуждались и исправлялись, что пришлось ихъ оставить совсѣмъ; проектъ 1860 года не могъ быть разсмотрѣнъ потому, что содержаніе его не было согласовано съ основами предпринятыхъ реформъ по разнымъ частямъ управленія. Учреждена была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, и въ 1864 году составленъ былъ новый проектъ, появившійся въ печати вмѣстѣ съ подробными матеріалами (въ двухъ томахъ); но этотъ проектъ почему-то не удостоился разсмотрѣнія. Предполагалось образовать новую коммиссію изъ высшихъ представителей разныхъ вѣдомствъ для обсужденія устава объ опекахъ, съ тѣмъ, чтобы представить его на окончательное разсмотрѣніе государственнаго совѣта; но предположеніе это не осуществилось, а между тѣмъ опекунскою коммисіею выработанъ былъ новый проектъ, напечатанный въ 1875 году. Однако и этотъ дѣльно разработанный и обстоятельно мотивированный проектъ „не получилъ дальнѣйшаго движенія", такъ какъ въ 1882 году приступлено было къ общему пересмотру дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и къ составленію проекта гражданскаго уложенія, въ составъ котораго должны войти и законы объ опекахъ. Спустя два года, взгляды опять измѣнились: въ 1884 году государственный совѣтъ призналъ, что, „въ виду крайней неудовлетворительности нынѣшняго устройства опекунской части, весьма желательно дать направленіе въ законодательномъ порядкѣ вопросу о переустройствѣ сей части, не ожидая окончанія трудовъ Высочайше учрежденнаго при министерствѣ юстиціи комитета по составленію новаго гражданскаго уложенія, нынѣ же подвергнуть этотъ вопросъ отдѣльному разсмотрѣнію въ означенномъ комитетѣ, и выработанныя онымъ предположенія, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, въ непродолжительномъ по возможности времени внести на обсужденіе государственнаго совѣта" [1]). Результатомъ этого рѣшенія является нынѣшній проектъ 1891 года, шестой по счету;—будетъ ли онъ счастливѣе прежнихъ—сказать трудно. Если сосчитать, сколько людей занималось этими работами въ теченіе полустолѣтія, сколько труда и денегъ потрачено на нихъ безплодно, то

[1]) Проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ, съ объяснительною къ нему запискою. Спб., 1891, стр. 3—16.

въ итогѣ получились бы весьма внушительныя цифры, которыя были бы достаточны для устройства цѣлаго законодательнаго учрежденія.

Еще поучительнѣе исторія законопроектовъ о ростовщичествѣ. Въ подробной оффиціальной запискѣ, составленной въ началѣ 1885 года, приводятся любопытныя свѣденія о ходѣ работъ по этому предмету. Въ 1815 году состоялся сенатскій указъ такого содержанія: „Государь Императоръ, усматривая съ негодованіемъ по разнымъ доходящимъ случаямъ крайній развратъ, безбоязненно противъ всякаго благонравія и доброй вѣры производимый ростовщиками, подъ разными видами дающими взаймы: деньгами, галантерейными вещами, картинами и другими товарами за непомѣрныя цѣны и проценты, со взятіемъ векселей, которые и безденежно впредь берутъ для сыску на нихъ взаймы денегъ, въ число коихъ, давъ малѣйшую часть, въ полной суммѣ векселя у себя оставляютъ, каковыми коварствами приводятся слабоумные, а иногда и обстоятельствами стѣсненные люди въ запутанность и конечное разореніе, а правительства и судебныя мѣста—во многія затрудненія,—Высочайше указать соизволилъ: объявить Его Величества монаршую волю, чтобы таковые вредные ростовщики и сущіе чуждаго хищники строжайше преслѣдуемы и укрощаемы были и, по предъявленнымъ таковымъ ихъ искамъ и заведеннымъ дѣламъ, не только законнымъ пособіемъ и покровительствомъ не пользовались, но напротивъ подвергались неослабно сужденію и наказанію по законамъ". Указъ этотъ послужилъ основаніемъ одной изъ статей устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, которая возлагаетъ на обязанность полиціи, чтобы „вредные ростовщики лихоимцы, какъ сущіе хищники, были строжайше преслѣдуемы и отсылаемы къ суду уголовному". Это было скорѣе только доброе пожеланіе, чѣмъ законъ,—тѣмъ болѣе, что законное понятіе ростовщичества опредѣлялось взиманіемъ процентовъ выше установленной нормы 6% въ годъ. Въ 1863 году, при обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ закона о лихвенныхъ процентахъ, былъ поднятъ вопросъ о преслѣдованіи ростовщичества, но дѣло было почему-то отложено. Въ 1868 году происходила опять переписка по этому предмету между министерствомъ финансовъ и главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Въ 1870 году государственный совѣтъ предоставилъ главноуправляющему II-мъ отдѣленіемъ, по сношеніи съ министрами финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, внести соображенія о мѣрахъ взысканія за ростовщическія дѣйствія; исполненіе этой задачи было возложено на особую ком-

миссію при министерствѣ юстиціи, по Высочайшему повелѣнію 1871 года. Правила о закладопринимателяхъ (ссудныхъ кассахъ), выработанныя этою коммиссіею, были одобрены и утверждены въ 1879 году, но о наказуемости ростовщичества не было принято никакого рѣшенія.

Вопросъ снова возникъ въ 1879 году въ государственномъ совѣтѣ, при отмѣнѣ узаконенной нормы процента. Государственный совѣтъ высказалъ тогда замѣчательно вѣскія и вѣрныя соображенія, которыя впослѣдствіи были почему-то забыты. По поводу предположенія воспретить судамъ взысканіе роста свыше 12% въ годъ, государственный совѣтъ нашелъ, что мѣра эта останется безслѣдною для крестьянскаго населенія, ибо „займовъ на умѣренные проценты въ крестьянскомъ быту вообще нѣтъ и, къ сожалѣнію, вѣроятно, долго не будетъ". Государственный совѣтъ „вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что ростовщичество вообще, т.-е. не только въ селеніяхъ, но и въ городахъ, составляетъ одно изъ самыхъ ужасныхъ золъ, съ которыми необходимо бороться, принимая къ искорененію его наиболѣе энергическія и дѣйствительныя мѣры. Но къ такимъ мѣрамъ нельзя причислить предполагаемое правило о томъ, чтобы судебныя установленія не постановляли рѣшеній о взысканіи роста свыше 12%. Прежде всего, какъ выше замѣчено, нельзя считать ростовщичествомъ одно только взиманіе процентовъ нѣсколько выше опредѣленной нормы, которая не можетъ даже быть назначена вполнѣ справедливо для всѣхъ безъ изъятія займовъ, заключаемыхъ при обстоятельствахъ крайне разнообразныхъ. При такомъ взглядѣ на дѣло, пришлось бы считать ростовщиками и ссудо-сберегательныя товарищества, столь благодѣтельныя для народа. Съ другой стороны, предполагаемая противъ ростовщиковъ мѣра могла бы имѣть нѣкоторое значеніе въ томъ лишь случаѣ, еслибы они дѣйствовали явно, заявляя открыто суду о количествѣ слѣдующихъ имъ по договору процентовъ. Между тѣмъ, какъ извѣстно, на дѣлѣ этого никогда не бываетъ. Ростовщики дѣйствуютъ всегда втайнѣ, и, взимая самый непомѣрный ростъ, умѣютъ придать сдѣлкѣ вполнѣ законный видъ, получая проценты впередъ, присчитывая ихъ къ капиталу, или же прибѣгая къ другимъ подобнымъ ухищреніямъ... Они строго соблюдаютъ всѣ предписанные закономъ формы и обряды, а вмѣстѣ съ тѣмъ хладнокровно и по разсчету совершаютъ самыя вопіющія беззаконія, пользуясь несчастіемъ ближняго, находящагося въ крайности, вымогая послѣднюю копѣйку у безпомощныхъ вдовъ и сиротъ, высасывая, такъ сказать, кровь изъ народа, а въ то же

время развращая неопытныхъ молодыхъ людей, которымъ сначала угодливо и предупредительно доставляютъ средства къ веселой и разгульной жизни, затѣмъ мало-по-малу совершенно опутываютъ ихъ и доводятъ иногда даже до безчестныхъ поступковъ... При установленіи означенной мѣры о 12%, ростовщики никогда не примутъ обязательства, въ коемъ было бы сказано, сколько именно процентовъ уплачивается за капиталъ. Въ дѣйствительности они возьмутъ ихъ, можетъ быть, нѣсколько сотъ, а въ векселѣ или заемномъ письмѣ будетъ значиться, что ссуда дана безъ процентовъ или за 6% въ годъ. При предъявленіи ко взысканію подобныхъ обязательствъ, судъ, по всей вѣроятности, будетъ имѣть внутреннее убѣжденіе о совершенной беззаконности и безнравственности дѣйствій взыскателя, но въ то же время онъ долженъ будетъ основать свое рѣшеніе на буквѣ закона, не дозволяющей только присуждать болѣе 12% въ годъ, и онъ присудитъ, священнымъ именемъ Императорскаго Величества, взысканіе самаго непомѣрнаго, безчеловѣчнаго роста, замаскированнаго посредствомъ приписки его къ капитальной суммѣ". По мнѣнію государственнаго совѣта, *„нельзя ставить судъ въ такое положеніе*, въ которомъ онъ обязанъ былъ бы сознательно способствовать разоренію несчастныхъ людей, сдѣлавшихся безвинными жертвами ростовщичества". Государственный совѣтъ одобряетъ австро-венгерскій законъ 1877 года, который не воспрещаетъ присуждать болѣе 12% и „не останавливается на этой чисто формальной сторонѣ обязательствъ, въ сущности ничего не доказывающей, а идетъ несравненно глубже, предоставляя суду дѣйствительное средство къ обузданію безсовѣстныхъ лихоимцевъ... Независимо отъ дѣйствительной пользы, которой слѣдуетъ ожидать отъ изданія подобныхъ правилъ, одно уже оглашеніе твердаго намѣренія правительства преслѣдовать ростовщиковъ произведетъ и въ обществѣ, и въ массѣ народа самое лучшее впечатлѣніе и будетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что, несмотря на отмѣну узаконеннаго роста, правительство не намѣрено оставаться равнодушнымъ къ случаямъ злоупотребленія даруемою народу свободою денежныхъ сдѣлокъ". При разсмотрѣніи правилъ о ссудныхъ кассахъ, государственный совѣтъ высказался противъ назначенія законной нормы процента и нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ установить карательныя мѣры противъ ростовщиковъ; поэтому министерству юстиціи предоставлено было, по соглашенію съ главноуправляющимъ II-мъ отдѣленіемъ и съ министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, „внести въ государственный совѣтъ проектъ правилъ о мѣрахъ взысканія за такія злоупотребленія,

которыя, съ отмѣною отвѣтственности за взятіе болѣе 6%, должны быть почитаемы ростовщическими".

Дѣло едва не остановилось опять въ 1881 году: по представленію тогдашняго министра юстиціи состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ обсужденія вопроса о ростовщичествѣ въ имѣвшую образоваться коммиссію для пересмотра уложенія о наказаніяхъ. Вопросъ казался похороненнымъ на многіе годы; однако онъ былъ вновь возбужденъ учрежденными въ томъ же году въ 16-ти губерніяхъ особыми коммиссіями по еврейскому вопросу, съ чѣмъ согласилась и высшая коммиссія для пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ о евреяхъ въ имперіи законовъ. Высшая коммиссія (графа Палена) нашла нужнымъ отправить одного изъ своихъ членовъ, князя Голицына, въ Австрію и Венгрію, для изученія на мѣстѣ существующихъ тамъ законовъ противъ ростовщичества,—хотя, конечно, всѣ нужныя свѣденія и матеріалы можно было собрать болѣе легкимъ и простымъ способомъ, при помощи спеціальной литературы предмета и при содѣйствіи ученыхъ юристовъ въ самомъ Петербургѣ. Въ маѣ 1885 года, коммиссія, обсудивъ представленныя свѣденія и записки, утвердила проектъ, главныя основанія котораго заключаются въ слѣдующемъ. Договоръ или иная какая-либо сдѣлка, словесная или письменная, совершённая при заключеніи займа или по поводу отсрочки платежа по обязательству, признается ростовщическою и подлежитъ уничтоженію, если взаимныя выгоды договорившихся сторонъ отличаются несоразмѣрностью, и если притомъ заимодавецъ, съ цѣлью извлеченія для себя или третьяго лица имущественной выгоды, воспользовался легкомысліемъ, невѣжествомъ или стѣсненнымъ положеніемъ должника. Правило это не распространяется на торговыя сдѣлки, въ которыхъ обѣ участвующія стороны принадлежатъ къ сословію лицъ, производящихъ торговлю по свидѣтельствамъ купеческимъ и промысловымъ. Дѣла объ уничтоженіи ростовщическихъ сдѣлокъ производятся въ порядкѣ гражданскаго суда и подвѣдомственны мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ, смотря по цѣнѣ иска. Право требовать уничтоженія ростовщическихъ сдѣлокъ принадлежитъ потерпѣвшимъ отъ нихъ лицамъ, ихъ супругамъ, родителямъ или опекунамъ. При разрѣшеніи этихъ дѣлъ, содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершённыхъ или засвидѣтельствованныхъ, можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей. Излишне уплаченная прибыль возвращается заемщику, а заимодавцу присуждается только дѣйствительно выданная имъ ссуда. Если заимодавецъ совершитъ ростов-

щическую сдѣлку „на условіяхъ, могущихъ причинить или содѣйствовать матеріальному разстройству должника“, или „съ цѣлью достигнуть заключенія сдѣлки или для сокрытія ростовщическаго ея характера употребить какія-либо ухищренія или особыя приготовленія“, то онъ подлежитъ уголовному преслѣдованію и наказывается тюремнымъ заключеніемъ. Тому же наказанію подвергается, во-первыхъ, „кто съ цѣлью обезпечить себя удовлетвореніемъ по ростовщической сдѣлкѣ побудитъ заемщика сдѣлать предъ судомъ признаніе предъявленныхъ къ нему исковыхъ требованій, вполнѣ или частью, подлежащими удовлетворенію и такимъ способомъ облечетъ преступную сдѣлку въ форму судебнаго рѣшенія или судебно-мирового соглашенія; во-вторыхъ, кто съ тою же цѣлью побудитъ заемщика выдать два или болѣе одного и того же рода или разнородныхъ обязательствъ; и въ-третьихъ, кто будетъ изобличенъ въ совершеніи болѣе трехъ ростовщическихъ сдѣлокъ (въ теченіе какого срока?) или въ томъ, что занимается ростовщичествомъ въ видѣ промысла“. Тѣ же послѣдствія установлены для лицъ, пріобрѣвшихъ или переуступившихъ завѣдомо ростовщическія обязательства. Карательныя мѣры не примѣняются, если обвиненіе не было предъявлено въ теченіе двухъ лѣтъ со времени заключенія сдѣлки, или если до разрѣшенія дѣла обвиняемый возвратитъ излишне полученную прибыль или не пожелаетъ воспользоваться выгодами сдѣлки, а выразитъ готовность довольствоваться 6%. Неправильное обвиненіе заимодавца въ ростовщическихъ дѣйствіяхъ наказывается, какъ ложный доносъ.

Изложенный проектъ былъ бы очень хорошъ, еслибы практическія достоинства его зависѣли лишь отъ благихъ намѣреній составителей; но, къ сожалѣнію, онъ составленъ былъ, повидимому, не юристами и не экономистами, что̀ и отразилось на его содержаніи. Крайняя неопредѣленность самыхъ признаковъ наказуемаго ростовщичества бросается въ глаза уже съ первыхъ строкъ законопроекта. Что̀ считать „несоразмѣрностью“ взаимныхъ выгодъ договорившихся сторонъ въ отдѣльныхъ случаяхъ? По какимъ даннымъ судъ будетъ рѣшать, соразмѣрны ли выгоды сторонъ въ заключенной ими сдѣлкѣ? Какая степень несоразмѣрности потребуется для того, чтобы оправдать требованіе объ уничтоженіи обязательства? Очевидно, если искать абсолютнаго равенства выгодъ обѣихъ сторонъ въ имущественныхъ договорахъ, то ни одна сдѣлка не удовлетворяла бы этому условію; въ каждомъ соглашеніи перевѣсъ склоняется то въ ту, то въ другую сторону, смотря по денежной силѣ и кредиту участниковъ. Ка-

питалистъ всегда будетъ находиться въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ лицо, обращающееся къ нему за ссудою; но внѣшняя несоразмѣрность выгодъ не доказываетъ еще сама по себѣ, что сдѣлка выгоднѣе для заимодавца, чѣмъ для должника. Человѣкъ можетъ занимать деньги за очень высокіе проценты и на какихъ угодно условіяхъ, для того, чтобы получить богатое наслѣдство, или начать и довести до конца важный судебный процессъ, или пустить въ ходъ какое-нибудь изобрѣтеніе, могущее доставить громадныя выгоды; будетъ ли незаконнымъ ростовщичествомъ снабженіе такого лица нужными средствами, съ соотвѣтственною высокою платою за рискъ? Далѣе, гражданскія сдѣлки заключаются обыкновенно между взрослыми людьми, способными понимать свои интересы, и было бы крайне странно, еслибы совершеннолѣтніе отвѣтчики по обязательству, находящіеся въ здравомъ умѣ, могли ссылаться на свое собственное легкомысліе, невѣжество и стѣсненное положеніе при подписаніи невыгоднаго акта. Проектъ не ставитъ никакихъ условій и ограниченій для оспариванія сдѣлокъ, предполагаемыхъ ростовщическими: спорить могутъ одинаково и богатые и бѣдные, и образованные и безграмотные, и предметомъ спора можетъ быть и заемъ въ десятки тысячъ, какъ и долгъ въ сотню рублей. Крестьяне, не знающіе законовъ и вѣрящіе на слово всякому грамотному „благодѣтелю", ставятся на одну доску съ культурными бонвиванами, дѣлающими долги для пріятной жизни; обязательства, вынуждаемыя крайнею надобностью какого-либо расхода въ хозяйствѣ или необходимостью прокормленія до весны, приравниваются къ займамъ, дѣлаемымъ „по легкомыслію" купеческими сынками или представителями золотой молодежи. Уже эта огульность постановленій проекта, подводящая подъ одну мѣрку самыя разнородныя явленія, уничтожаетъ всякій разумный смыслъ предположенныхъ мѣръ противъ ростовщичества. Если для безграмотныхъ крестьянъ было бы вполнѣ справедливо допустить свидѣтельскія показанія противъ письменныхъ документовъ, предъявляемыхъ ростовщиками, то въ денежныхъ спорахъ лицъ другихъ общественныхъ классовъ такая легкая возможность опровергать формальные акты создавала бы массу затрудненій и соблазновъ; въ крупныхъ дѣлахъ всегда можно было бы найти свидѣтелей, достаточно ловкихъ для того, чтобы не давать повода сомнѣваться въ ихъ показаніяхъ.

Тѣмъ не менѣе, основная мысль проекта должна быть признана безусловно вѣрною: корень зла заключается именно въ невольномъ содѣйствіи судебныхъ мѣстъ легальному грабительству хищниковъ, вооруженныхъ документами, и прежде всего необ-

ходимо предоставить суду входить въ разсмотрѣніе матеріальной сущности обязательствъ, по заявленіямъ должниковъ, не стѣсняясь формальными соображеніями. Но эта хорошая сторона проекта не была одобрена министерствомъ юстиціи, на заключеніе котораго дѣло поступило въ 1885 году. Министерство въ принципѣ отнеслось сочувственно къ принятію общихъ мѣръ противъ ростовщичества, но только карательныхъ, а не гражданскихъ, какъ предлагала коммиссія графа Палена. Министръ юстиціи призналъ, что, „въ виду отсутствія правильнаго и доступнаго кредита для сельскаго населенія, послѣднее въ особенности подвергается въ настоящее время хищнической эксплуатаціи со стороны ростовщиковъ", и притомъ не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ евреямъ дозволено проживать въ селеніяхъ, но и въ другихъ частяхъ имперіи. Министръ соглашался и съ тѣмъ, что „*судебныя власти*, при содѣйствіи коихъ производятся взысканія по гражданскимъ договорамъ и сдѣлкамъ, *вполнѣ безпомощны* для противодѣйствія самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ въ области кредита. При отсутствіи въ дѣйствующемъ законодательствѣ уголовной кары за ростовщичество, упомянутыя власти лишены возможности пріостановить взысканіе для возбужденія преслѣдованія противъ кредитора даже при полной очевидности на судебномъ разбирательствѣ, что должникъ былъ вовлеченъ въ разорившую его сдѣлку, благодаря своему невѣжеству или стѣсненному положенію". Нельзя, однако, допустить уничтоженіе сдѣлокъ гражданскимъ судомъ, помимо уголовнаго, такъ какъ это „явилось бы не только нововведеніемъ въ нашей юридической жизни, но и кореннымъ отступленіемъ отъ началъ иностранныхъ законодательствъ, послужившихъ въ главныхъ чертахъ образцомъ для предположеній коммиссіи по настоящему предмету"; невозможно также вводить принципъ оспариванія формальныхъ актовъ свидѣтельскими показаніями, въ виду „весьма прискорбныхъ послѣдствій для нашего кредита". Вслѣдствіе такого взгляда министерства юстиціи, въ мартѣ 1890 года, черезъ пять лѣтъ послѣ составленія проекта коммиссіи графа Палена, поручено было коммиссіи по составленію уголовнаго уложенія выработать новый проектъ карательныхъ мѣръ противъ ростовщичества. Эта послѣдняя коммиссія по обыкновенію занялась опять обзоромъ иностранныхъ законодательствъ по неполнымъ и случайнымъ свѣдѣніямъ, при чемъ пропустила такіе существенные законы, какъ англо-индійскій 1879 года и норвежскій 1888 года; затѣмъ, разобравъ мнѣнія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ юристовъ, выбранныхъ на удачу, и не упомянувъ при этомъ ни о спеціальномъ сочиненіи Лоренца Штейна („Der Wucher

und sein Recht)“), ни объ извѣстномъ сборникѣ берлинскаго „союза соціальной политики“ („Der Wucher auf dem Lande“), ни о русскихъ данныхъ по ростовщичеству, предложила черезъ годъ свой небольшой проектъ, которому министерство юстиціи придало окончательную форму въ іюлѣ 1892 года. Предполагалось въ одинъ изъ отдѣловъ уложенія о наказаніяхъ включить слѣдующія правила. Виновный въ ссудѣ капитала за чрезмѣрный ростъ: 1) если ссуда была оказана при такихъ условіяхъ, при которыхъ она, завѣдомо для виновнаго, представлялась крайне тягостною для должника; 2) если виновный, занимаясь отдачей капиталовъ въ ссуду, скрылъ чрезмѣрность роста включеніемъ его въ капитальную сумму, подъ видомъ платы за храненіе или инымъ способомъ,—за сіе ростовщичество подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Тому же наказанію подвергается тотъ, кто пріобрѣтетъ завѣдомо ростовщическое обязательство или предъявитъ такое обязательство ко взысканію, или получитъ по оному платежъ. Виновные въ совершеніи упомянутыхъ дѣяній въ видѣ промысла подвергаются лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Ростъ, не превышающій 12% въ годъ, не почитается чрезмѣрнымъ. Ростовщическое обязательство признается недѣйствительнымъ, а заимодавцу предоставляется право обратнаго полученія дѣйствительно даннаго капитала, за вычетомъ полученныхъ платежей.

Эти правила, основанныя на отвлеченныхъ уголовно-юридическихъ соображеніяхъ и имѣющія мало общаго съ существующими условіями жизни, были справедливо отклонены государственнымъ совѣтомъ. Между прочимъ, максимальный размѣръ дозволенныхъ процентовъ въ 12% совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо всѣмъ извѣстно, что ссуднымъ кассамъ разрѣшается взимать 24% и до 36% въ годъ. Для крестьянской массы, нуждающейся въ краткосрочномъ мелкомъ кредитѣ, уплата даже 5% въ мѣсяцъ за реальную сумму займа не считается чрезмѣрною, и сельскіе капиталисты, дающіе деньги на такихъ условіяхъ и поступающіе честно съ должниками, т.-е. не злоупотребляющіе ихъ нуждою, безграмотностью, довѣрчивостью и незнаніемъ законовъ, а довольствующіеся только полученіемъ должнаго, безъ прибавочныхъ тягостей, неустоекъ и двойныхъ взысканій,—серьезно признаются уже благодѣтелями. Если въ какомъ-

либо селѣ нашелся бы денежный человѣкъ, который снабжалъ бы крестьянъ нужными средствами, безъ всякихъ подвоховъ, за 2% въ мѣсяцъ, т.-е. 24% въ годъ, и не слишкомъ притѣснялъ бы должниковъ при взысканіи, то онъ въ самомъ дѣлѣ пріобрѣлъ бы репутацію полезнѣйшаго человѣка и заслужилъ бы признательность мѣстнаго населенія. И вдругъ такого сравнительно добросовѣстнаго заимодавца стали бы преслѣдовать уголовнымъ судомъ за преступленіе ростовщичества, а опытный кулакъ, умѣющій скрывать слѣды своихъ продѣлокъ и опутывающій крестьянина формальными документами и исполнительными листами, продолжалъ бы по прежнему дѣйствовать безнаказанно! Что касается обременительности условій ссуды для должника, то это обстоятельство само по себѣ еще не характеризуетъ дѣятельности кредитора; многимъ сельскимъ хозяевамъ крайне тяжело платить проценты поземельнымъ банкамъ, и долги, сдѣланные даже на льготныхъ основаніяхъ, при посредствѣ дворянскаго банка приводятъ часто къ полному разоренію владѣльцевъ, хотя эти проценты и долги вовсе не имѣютъ, повидимому, ростовщическаго характера. Для многихъ крестьянъ чрезвычайно трудно не только платить какіе-либо проценты по займамъ, но и вообще возвращать полученныя ссуды, такъ какъ весь денежный заработокъ поглощается уплатою казенныхъ податей и обязательными хозяйственными расходами. Между тѣмъ небольшой заемъ, заключенный своевременно даже при невыгодныхъ условіяхъ, иногда спасаетъ хозяйство отъ немедленной ликвидаціи и позволяетъ переждать критическое время. Едва-ли справедливо поэтому считать признакомъ наказуемаго ростовщичества тяжесть даннаго обязательства для заемщика; степень этой тяжести зависитъ отъ общаго экономическаго положенія крестьянъ, вынужденныхъ искать кредита. Взысканіе податей и недоимокъ въ неподходящіе сроки можетъ оказаться разорительнымъ для крестьянина; однако такое систематическое разстройство крестьянскаго хозяйства ради интересовъ казны не ставится въ вину сборщикамъ податей, а напротивъ, усердные взыскатели удостоиваются одобренія и награды. Почему же частные кредиторы должны быть болѣе снисходительны къ должникамъ-крестьянамъ и болѣе отвѣтственны за послѣдствія своихъ взысканій для народнаго хозяйства, чѣмъ должностныя лица, дѣйствующія отъ имени правительственной власти? Не надо также забывать, что значительная часть сельскаго населенія обращается къ ростовщикамъ только подъ гнетомъ неослабнаго сбора казенныхъ платежей, и что, слѣдовательно, ростовщичество отчасти создается и поощряется устарѣлыми особенностями нашей

податной системы. Нелогично, разумѣется, карать одною рукою то, что вызывается и поддерживается другою. Наконецъ, постановка вопроса на почву уголовныхъ преслѣдованій нецѣлесообразна и ошибочна въ принципѣ. Жертвы ростовщичества, особенно сельскаго, обыкновенно не знаютъ законовъ и большею частью, по безграмотству, лишены будутъ возможности жаловаться въ судъ на злоупотребленія эксплуататоровъ; еще труднѣе будетъ доказывать основательность обвиненій предъ судомъ, въ виду обычной предусмотрительности и ловкости противниковъ, и въ этой неравной борьбѣ преимущество силы неизбѣжно окажется на сторонѣ заимодавцевъ. Проектъ не предоставляетъ самому суду возбуждать вопросъ о ростовщическомъ характерѣ сдѣлки, помимо заявленій отвѣтчика; на практикѣ будутъ пользоваться закономъ только недобросовѣстные должники, а честные и несвѣдущіе хозяева по-неволѣ расплачивались бы за рискъ, которому подвергаются капиталисты при отдачѣ денегъ на проценты.

Значительно измѣненный и дополненный проектъ министерства юстиціи принятъ государственнымъ совѣтомъ и получилъ силу закона 24-го мая текущаго года. По новому закону „занимающійся, *въ видѣ промысла*, отдачею въ ссуду сельскимъ обывателямъ хлѣба или другихъ припасовъ, или же денегъ, подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частью или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работою, если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, не соотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ условіяхъ онъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика, подвергается: въ первый разъ – аресту на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ; во второй и послѣдующіе разы— заключенію въ тюрьмѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ. Сдѣлка, заключенная при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, какъ ростовщическая, признается недѣйствительною; но заимодавецъ не лишается права обратнаго полученія дѣйствительно данныхъ имъ хлѣба, припасовъ или денегъ, за вычетомъ уже возвращеннаго ему количества“.

Здѣсь установлено уже извѣстное мѣрило для оцѣнки ростовщическихъ дѣйствій: судъ долженъ руководствоваться мѣстными обычаями при рѣшеніи вопроса о томъ, превысилъ ли заимодавецъ мѣру дозволеннаго и подлежитъ ли онъ преслѣдованію за „чрезмѣрно обременительныя условія“, наложенныя на должника. Къ несчастію, во многихъ мѣстностяхъ нѣтъ для крестьянъ другого кредита, кромѣ ростовщическаго, и тяжелыя долговыя обязательства, имѣющія нерѣдко характеръ настоящей кабалы, стали уже обычнымъ явленіемъ. Въ этихъ случаяхъ ростовщикъ всегда

можетъ доказать, что обременительныя условія ссуды вполнѣ соотвѣтствуютъ установившейся мѣстной практикѣ, и судъ долженъ будетъ сложить оружіе передъ силою существующаго обычая; только особенныя „чрезмѣрныя“ проявленія сельскаго ростовщичества будутъ допускать примѣненіе карательныхъ мѣръ,—но такихъ исключительныхъ фактовъ будетъ немного, или они будутъ благополучно прикрыты формальными документами, такъ что обнаружить и выяснить ихъ не окажется возможности. Никакой максимальной нормы процентовъ не установлено для крестьянскихъ займовъ, заключенныхъ подъ условіемъ уплаты части долга натурою или трудомъ: съ одной стороны, этимъ предоставляется больше простора усмотрѣнію судьи, въ виду разнообразія фактическихъ отношеній, а съ другой—отнимается возможность ставить какія-либо законныя границы злоупотребленіямъ сельскаго кредита, освященнымъ мѣстными обычаями. Далѣе, преслѣдованію подвергаются только лица, занимающіяся указаннымъ видомъ ростовщичества „въ видѣ промысла“, и притомъ „въ первый разъ“ назначается наказаніе болѣе легкое, чѣмъ „во второй и послѣдующіе разы“. Между тѣмъ самое понятіе промысла или профессіи предполагаетъ частое повтореніе извѣстныхъ дѣйствій, и потому совершеніе ростовщическаго проступка „въ первый разъ“ не можетъ быть приписано профессіональному ростовщику; если же понимать это выраженіе въ томъ смыслѣ, что ростовщикъ, занимавшійся своимъ дѣломъ добросовѣстно, въ первый разъ попался въ „чрезмѣрной“ эксплуатаціи должниковъ, то надо было бы предположить большую наивность со стороны судьи, который повѣрилъ бы такому внезапному повороту въ ростовщической дѣятельности обвиняемаго. Есть пословица: „не пойманъ, не воръ“; но профессіональный воръ, разъ онъ пойманъ, не можетъ быть сравниваемъ съ случайнымъ преступникомъ, согрѣшившимъ въ первый разъ. Затѣмъ остается непонятнымъ, почему законъ освобождаетъ отъ преслѣдованія сельскихъ кулаковъ, занимающихся ростовщичествомъ не въ видѣ промысла, а случайно, въ связи съ кабацкимъ, торговымъ или сельско-хозяйственнымъ дѣломъ; именно этотъ родъ кулачества связанъ съ наибольшими злоупотребленіями, ложится сильнѣйшимъ гнетомъ на обѣднѣвшую часть крестьянской массы, создаетъ новый видъ кабальной зависимости и увеличиваетъ численность безземельнаго пролетаріата въ угрожающей прогрессіи.

Для сдѣлокъ чисто денежныхъ законъ постановляетъ правила несравненно болѣе строгія. „За ссуду капитала въ чрезмѣрный ростъ или подъ обезпеченіе чрезмѣрной неустойки, если заем-

щикъ былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами, извѣстными заимодавцу, принять условія ссуды, крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ, или если кто, занимаясь ссудами, скрылъ чрезмѣрность роста какимъ-либо способомъ, какъ-то: включеніемъ роста въ капитальную сумму, въ видѣ платы за храненіе или неустойки, и т. п.—виновный въ семъ ростовщичествѣ подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, и кромѣ того, по усмотрѣнію суда, денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей. Сему же наказанію подвергается тотъ, кто пріобрѣтетъ и предъявитъ ко взысканію обязательство, завѣдомо для него ростовщическое, или получитъ по оному ростовщическій платежъ. Ростовщическое обязательство признается неимѣющимъ силы, но заимодавецъ не лишается права обратнаго полученія дѣйствительно даннаго кипитала, за вычетомъ полученныхъ платежей. Ростъ, не превышающій 12 процентовъ въ годъ, не почитается чрезмѣрнымъ". Виновные въ повтореніи этого преступнаго дѣянія и въ „учиненіи его въ видѣ промысла" наказываются лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкою на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, или заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Дѣла этого рода подсудны уже не земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, а уѣзднымъ членамъ окружного суда и окружнымъ судамъ по принадлежности. Законъ предусматриваетъ еще тотъ случай, когда, для вовлеченія кого-либо въ невыгодную сдѣлку, виновный, „прибѣгнувъ къ ложнымъ обѣщаніямъ, увѣреніямъ и тому подобнымъ средствамъ, воспользовался отсутствіемъ у обманутаго яснаго пониманія свойства и значенія принимаемаго на себя обязательства"; за это полагается лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь или отдача въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ одного до полутора года. Наконецъ, содержатели ссудныхъ кассъ и ихъ прикащики, „за ростовщичество" (т.-е. за наказуемыя злоупотребленія ростовщичества?) подвергаются, сверхъ установленныхъ наказаній, еще лишенію навсегда права содержать ссудныя кассы.

Таково все содержаніе закона, выработаннаго послѣ многолѣтнихъ обсужденій въ разныхъ правительственныхъ и законодательныхъ учрежденіяхъ. Въ оффиціальныхъ мотивахъ къ новому закону отчасти объясняются нѣкоторыя его характерныя особен-

ности. Различіе постановленій о денежномъ и натуральномъ кредитѣ приводится въ связь съ различіемъ условій городской и сельской жизни. „Проявленія городского и сельскаго ростовщичества существенно различны. Въ городѣ преобладаютъ денежныя ссуды, въ деревнѣ—ссуды хлѣбомъ и продуктами, подъ обезпеченіе личнаго труда заемщика. Норма роста для городского и сельскаго кредита также не одинакова: то, что въ городѣ, особенно большомъ, является чрезмѣрнымъ, въ деревенскомъ быту или на глухой окраинѣ почитается обычнымъ и нормальнымъ. Необходимо поэтому отдѣльно предусмотрѣть эти два вида ростовщичества, проведя въ законѣ различіе между ними какъ при опредѣленіи ихъ признаковъ, такъ и при установленіи за нихъ наказанія". Однако въ текстѣ закона, какъ мы видѣли, вовсе не говорится особо о городскомъ ростовщичествѣ, и постановленіе о денежныхъ ссудахъ имѣетъ общій смыслъ, одинаково обязательный для сельскихъ, какъ и для городскихъ обывателей. При натуральномъ кредитѣ, какъ справедливо замѣчено государственнымъ совѣтомъ, „высокій размѣръ роста, въ силу особенностей сельской жизни, оказался бы наименѣе пригоднымъ признакомъ для опредѣленія ростовщичества. Нерѣдко своевременная ссуда, хотя бы и за большіе проценты, составляетъ для сельскаго обывателя не притѣсненіе, а напротивъ помощь и благодѣяніе. Такъ, напримѣръ, весною, послѣ неурожайнаго года, крестьянинъ сочтетъ себя выручённымъ изъ бѣды своимъ односельцемъ, который дастъ ему сѣмянъ на обсѣмененіе поля, съ обязательствомъ возвратить ихъ даже въ двойномъ количествѣ, при чемъ, быть можетъ, въ свою очередь заимодавецъ окажется, ко времени расплаты, въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ выведенный имъ изъ затрудненія должникъ его. Съ другой стороны, мѣстный землевладѣлецъ, ссужающій крестьянъ деньгами или продуктами подъ условіемъ уплаты долга работою, цѣнность которой составляетъ весьма высокій процентъ на капиталъ, часто является отнюдь не утѣснителемъ заемщиковъ, а сосѣдомъ, спасающимъ отъ разоренія. Приведенные и подобные случаи, обусловленные особенностями деревенской жизни, конечно, ничего общаго съ ростовщичествомъ не имѣютъ. Но, на ряду съ такими обычными явленіями, существуетъ гнетъ настоящихъ, злонамѣренныхъ ростовщиковъ, которые обратили ростовщичество въ промыселъ. Противъ нихъ только и должно быть направлено уголовное преслѣдованіе". Зло это,—заявляютъ составители закона въ другомъ мѣстѣ,—продолжаетъ усиливаться, въ особенности въ сельскихъ мѣстностяхъ. Ростъ, взимаемый по ссудамъ, увеличи-

вается непомѣрно, достигая двухсотъ и болѣе годовыхъ процентовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ собранныя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ статистическія свѣденія. Между тѣмъ правительственная власть лишена возможности принять какія-либо мѣры даже противъ открытаго ростовщичества и вынуждена оставаться безсильною зрительницею пагубной дѣятельности такихъ лицъ, которыя систематически разоряютъ крестьянъ, пользуясь ихъ нуждою и безпомощностью, какъ средствомъ для своего обогащенія. Цѣлыя села въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ бѣдствіемъ неурожая (какъ показалъ примѣръ 1891 года), дѣлаются жертвою подобныхъ хищниковъ, совершенно захватывающихъ въ свои руки сельское населеніе и препятствующихъ развитію его благосостоянія еще сильнѣе, чѣмъ самое бѣдствіе. Именно противъ такихъ ростовщиковъ, отъ коихъ, подъ многозначительнымъ наименованіемъ міроѣдовъ и кулаковъ, тяжко страдаютъ сельскіе обыватели, и должно быть, наконецъ, направлено воздѣйствіе правительственной власти, которое, за неимѣніемъ еще у насъ и невозможностью открытія въ близкомъ будущемъ учрежденій сельскаго кредита, можетъ состоять нынѣ только въ уголовномъ преслѣдованіи ростовщичества". Относительно денежнаго кредита государственный совѣтъ высказалъ, между прочимъ, что „судья, и при наличности въ обсуждаемой сдѣлкѣ чрезмѣрности роста, въ правѣ отвергнуть ростовщическій ея характеръ, если, по его убѣжденію, въ дѣйствіяхъ заимодавца не заключается другихъ, указанныхъ въ законѣ, признаковъ преступленія: завѣдомаго притѣсненія должника и разорительности для него заключенной сдѣлки". Притомъ, „понятіе о тягостныхъ условіяхъ ссуды само по себѣ весьма относительно и въ общемъ гражданскомъ оборотѣ почти совпадаетъ съ крайнею невыгодностью сдѣлки, всецѣло относящеюся къ области гражданскаго права и частныхъ отношеній. Но чрезмѣрная цѣна предмета и невыгодность сдѣлки пріобрѣтаютъ уголовный характеръ и становятся преступными и наказуемыми, коль скоро первая чѣмъ-либо вынуждена, а вторая является результатомъ обмана или пользованія какою-либо слабою стороною контрагента. Поэтому существенный признакъ наказуемаго ростовщичества слѣдуетъ видѣть прежде всего въ вынужденности ссуды для должника, т.-е. въ злоупотребленіи его положеніемъ. Условія вынужденной ссуды могутъ быть или обременительны въ настоящемъ, или тягостны по своимъ послѣдствіямъ въ будущемъ. Подъ первыя подойдетъ обремененіе ростомъ дохода, жалованья или заработка заемщика, сопровождаемое нуждою, а подъ вторыя— отягощеніе ростомъ имущества и невыгодная его продажа, со-

провождаемая разореніемъ заемщика. На этихъ признакахъ прежде всего и слѣдуетъ построить составъ наказуемаго ростовщичества". Что же касается установленной нормы дозволеннаго роста въ 12%, то ее „не слѣдуетъ отождествлять съ возстановленіемъ отмѣненныхъ въ 1879 году указныхъ процентовъ. Мѣра эта имѣетъ совершенно другое значеніе; она опредѣляетъ лишь тотъ предѣлъ процентовъ, до коего взысканіе ихъ безусловно ненаказуемо, а превышеніе коего можетъ влечь отвѣтственность лишь при *другихъ* указанныхъ въ законѣ признакахъ ростовщичества. Трудно и предположить, что въ иномъ значеніи издаваемый законъ будетъ понятъ на практикѣ, при чемъ онъ, очевидно, не только не можетъ установить норму въ 12% для кредитныхъ сдѣлокъ вообще, но не въ состояніи даже косвенно повліять на повышеніе размѣра обычныхъ процентовъ, зависящаго отъ многоразличныхъ экономическихъ условій. Самый размѣръ 12% избранъ соображавшими это дѣло вѣдомствами, по подробномъ обсужденіи имѣвшихся въ виду многихъ другихъ нормъ, и отвѣчаетъ, между прочимъ, проценту, платимому казною по просроченнымъ обязательствамъ ея по договорамъ съ частными лицами. Безъ установленія подобной предѣльной нормы, весь законъ о денежномъ ростовщичествѣ явился бы лишь излишнимъ стѣсненіемъ кредита, не принося дѣйствительной пользы въ дѣлѣ огражденія частныхъ лицъ отъ злоупотребленія этимъ важнымъ орудіемъ гражданскаго оборота". Различіе подсудности для злоупотребленій денежнымъ и натуральнымъ кредитомъ мотивировано не совсѣмъ ясно. „Подчиненіе дѣлъ о денежномъ ростовщичествѣ вѣденію уѣздныхъ членовъ окружного суда въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскіе начальники, и мировымъ судьямъ по назначенію отъ правительства тамъ, гдѣ законъ 12 іюля 1889 года еще не дѣйствуетъ, представляетъ значительныя преимущества. Уѣздные члены окружного суда и большинство мировыхъ судей по назначенію отъ правительства, будучи юристами по образованію, опытными въ судебной практикѣ, совмѣщаютъ въ себѣ необходимыя условія для правильнаго разрѣшенія юридическихъ вопросовъ, которые могутъ возникать при установленіи принциповъ ростовщичества (не только денежнаго, но и натуральнаго и смѣшаннаго?). Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти лица достаточно близки къ мѣстному населенію, чтобы не упускать изъ виду и тѣхъ экономическихъ его интересовъ, которые наиболѣе требуютъ охраны со стороны суда" [1]).

---

[1]) Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій, 24 мая 1893 года, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ онъ основанъ. Изданіе государственной канцеляріи. Спб., 1893, стр. 7—15.

Очевидно, составители закона были проникнуты самыми лучшими намѣреніями; но достигнется ли цѣль установленными нынѣ мѣрами и повліяють ли онѣ хоть сколько-нибудь на уменьшеніе зла—это вопросъ, на который трудно отвѣтить утвердительно. Текстъ закона довольно кратокъ, особенно въ сравненіи съ иностранными постановленіями этого рода; въ немъ всего шесть статей, изъ которыхъ только три имѣютъ существенное значеніе, тогда какъ въ австрійскомъ законѣ 1881 года—17 параграфовъ, въ венгерскомъ 1883 г.—27, а въ англо-индійскомъ 1879—даже 76. При всей своей краткости, новый законъ заключаетъ въ себѣ не мало неточностей, могущихъ сильно затруднить разумное примѣненіе его на практикѣ.

Предположеніе, что денежное ростовщичество свойственно только городамъ, а что въ селахъ господствуетъ лишь натуральный или смѣшанный кредитъ, противорѣчитъ всѣмъ имѣющимся даннымъ о сельскихъ кредитныхъ сдѣлкахъ. Значительная часть крестьянскихъ займовъ вызывается необходимостью уплаты податей, и крайняя нужда въ деньгахъ обыкновенно совпадаетъ съ моментами суровыхъ податныхъ взысканій; не только отдѣльные крестьяне, но и цѣлыя общества часто занимаютъ деньги у ростовщиковъ, которые при этомъ обезпечиваютъ себя формальными документами, независимо отъ прибавочныхъ словесныхъ обязательствъ. Въ московской губерніи 5/6 всего числа общественныхъ займовъ заключается для уплаты налоговъ, и одна шестая — на покупку сѣмянъ, на арендованіе угодій и пр. Въ тверской губерніи добывается займомъ у частныхъ лицъ не менѣе двухъ-третей всей суммы, нужной крестьянамъ для обязательныхъ казенныхъ платежей. Заимодавцы обыкновенно заранѣе включаютъ проценты въ цифру долга и смотрятъ на отдѣльныя уплаты натурою или трудомъ какъ на дополнительное вознагражденіе, не уменьшающее должной суммы; долгъ закрѣпляется письменнымъ актомъ или даже векселемъ, который все болѣе входитъ въ практику сельскаго ростовщичества. Масса долговыхъ обязательствъ свидѣтельствуется въ волостныхъ правленіяхъ и вносится въ книги сдѣлокъ и договоровъ, пріобрѣтая значеніе документовъ, которые по закону считаются безспорными. Въ одномъ изъ уѣздовъ псковской губерніи (опочецкомъ) числилось въ 1886 году частныхъ крестьянскихъ долговъ по волостнымъ книгамъ — 2.493.000 р., въ томъ числѣ долговъ ростовщикамъ—1.530.000 р., а процентовъ за эти деньги выплачивается около полумилліона рублей въ годъ, гораздо болѣе всей суммы государственныхъ сборовъ. Въ одной изъ волостей порховского уѣзда по двадцати займамъ по-

лучено крестьянами 800 р., а обязательства выданы на 2.345 р., т.-е. сумма увеличена на 293%; въ 1887 году, въ 17 случаяхъ было занято 585 р., а показано въ документахъ 2.602 р., т.-е. увеличеніе доходитъ до 445%; въ 1888 г., въ 23 случаяхъ было взято въ ссуду 1.520 р., а по документамъ значится 3.545 р., т.-е. на 233% больше. Ростовщикъ, пользуясь безграмотностью крестьянина и незнакомствомъ его съ законами, не отмѣчаетъ сдѣланныхъ уплатъ на документѣ, и часто по покрытіи всего долга оставляетъ вексель у себя, а впослѣдствіи предъявляетъ его ко взысканію, противъ чего безсильны всѣ протесты и увѣренія бывшаго должника, подтверждаемыя свидѣтельствомъ всего сельскаго общества; имущество злосчастнаго хозяина продается съ публичнаго торга по распоряженію органовъ судебной власти, которые въ этихъ случаяхъ принуждены служить простымъ орудіемъ въ рукахъ хищниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мировые судьи сами находятъ, что не менѣе 10% всѣхъ вексельныхъ и долговыхъ взысканій производится по оплаченнымъ уже документамъ. Иногда заимодавцы выдаютъ деньги не иначе, какъ по полученіи отъ суда исполнительныхъ листовъ на взысканіе соотвѣтственной суммы; признаніе долга предъ судомъ и облеченіе обязательства въ форму готоваго судебнаго приговора предшествуютъ здѣсь самому заключенію сдѣлки. Формальные документы даютъ слишкомъ большія преимущества при взысканіи, чтобы сельскіе ростовщики могли пренебрегать ими; денежныя обязательства берутся и при натуральномъ кредитѣ. Впрочемъ, въ центральныхъ губерніяхъ процентъ натуральныхъ займовъ ничтоженъ, въ восточныхъ же значительно больше [1]). По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ московской губерніи, крестьяне, нуждающіеся въ продуктахъ, напр. въ сѣменахъ для посѣва, дѣлаютъ все-таки денежные займы и по возможности избѣгаютъ пользоваться ссудами натурой. „Плохое качество отпускаемыхъ въ долгъ продуктовъ, произвольная и высокая ихъ оцѣнка (когда таковая дѣлается), а также констатируемые нѣкоторыми корреспондентами случаи обмѣриванія и обвѣшиванія, естественно, должны очень часто приводить къ предпочтенію крестьянами денежныхъ займовъ натуральнымъ, несмотря на то, что деньги крестьянамъ достаются вообще нелегко, и что сами кредиторы многіе не любятъ давать крестьянамъ денегъ и даютъ ихъ развѣ на крайнія нужды: если пала лошадь или корова, или на похороны и т. п.,

[1]) Ср. статью г. М. Соболева: „Сельскій ростовщическій кредитъ въ Россіи по даннымъ земско-статистической литературы", въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній", т. I, Спб., 1893, стр. 235—267.

а отпускаютъ бо́льшею частью товары по высокой цѣнѣ, и обыкновенно къ должникамъ хлѣбомъ относятся гораздо сочувственнѣе, чѣмъ къ занимающимъ деньги". Понятно, что ростовщики могутъ просто отказывать въ денежныхъ ссудахъ: „денегъ никому не даютъ, чтобы не купили хорошей муки по 90 коп., а отпускаютъ свою, съ изъянцемъ, и кладутъ за пудъ 1 р. 25 коп." (въ бронницкомъ уѣздѣ); „хлѣбъ и другіе товары даютъ самые плохіе; денегъ же заимодавцы даютъ очень рѣдко и мало" (въ можайскомъ у.); но гдѣ только возможно, крестьяне кредитуются деньгами. Въ иныхъ мѣстахъ, „кредита хлѣбомъ почти нѣтъ, а деньгами занимаютъ въ обычное время цѣлымъ обществомъ на уплату податей". Условія этихъ займовъ нерѣдко крайне тяжелы. Такъ, въ одной волости, когда начальство съ энергіей принялось выбивать недоимки, крестьяне заняли у своего же односельца 50 р., съ условіемъ уплачивать ему за занятую ссуду въ мѣсяцъ по 10 р., что̀ составляетъ въ годъ 240%. У этого же ростовщика кредитуются почти всѣ жители селенія; ссуды, выдаваемыя имъ, обезпечиваются роспиской и залогомъ имущества, превышающаго цифру займа по крайней мѣрѣ въ три раза; роста же за ссуды онъ беретъ, вмѣстѣ съ угощеніемъ его самого и его семьи, никакъ не менѣе ста процентовъ въ годъ. По мелкимъ денежнымъ займамъ, заключаемымъ на краткіе сроки, взимается процентовъ чаще всего отъ 5 до 10 въ мѣсяцъ, т.-е. 60—120% въ годъ, а иногда они доходятъ до 20—25% въ мѣсяцъ и даже до 10% въ недѣлю, т.-е. до 520% въ годъ, никогда не спускаясь ниже $1^1/_2$—2% въ мѣсяцъ. Вообще средняя годовая величина процентовъ при займахъ денегъ отдѣльными лицами, при колебаніяхъ отъ 6 до 300% въ годъ, составляетъ около 70%; при общественныхъ займахъ она значительно ниже и равняется почти 52%, при чемъ наибольшею высотою роста отличаются ссуды на уплату повинностей, добываемыя подъ страхомъ продажи имущества и тому подобныхъ мѣръ ко взысканію этихъ повинностей [1]). Крестьянскій кредитъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Черненковъ, является кредитомъ нужды. Самый размѣръ процента зависитъ отъ степени настоятельности займа для должника и отъ степени риска для кредитора, отъ существованія конкурренціи между ростовщиками или отъ монопольнаго ихъ положенія; а такъ какъ эти условія чрезвычайно разнообразны и перемѣн-

[1]) „Крестьянскій кредитъ въ московской губерніи по сообщеніямъ гг. корреспондентовъ", въ „Статистическомъ ежегодникѣ" по моск. губ. за 1889 годъ, очеркъ Н. Н. Черненкова.

чивы, то и величина роста представляетъ огромныя различія и колебанія въ отдѣльныхъ случаяхъ; отсюда „полное отсутствіе въ этой области чего-либо подобнаго рыночному проценту". Извѣстно, что въ волостяхъ, имѣющихъ ссудо-сберегательныя товарищества и волостныя кассы, процентъ по частнымъ займамъ ниже, чѣмъ въ волостяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ; въ саратовской губерніи средній процентъ понижается, въ мѣстностяхъ перваго рода, съ 36—50% до 18—20%. Въ одномъ изъ селъ бердянскаго уѣзда, съ учрежденіемъ ссудо-сберегательнаго товарищества, процентъ по частнымъ долгосрочнымъ займамъ понизился съ 50% до 25—30% [1]. По словамъ г. Красноперова, „весьма нерѣдко бываетъ такъ, что если кредитующійся занимаетъ деньги у ростовщика въ началѣ іюля, когда урожайность хлѣба и цѣны на него еще не выяснились, то онъ платитъ 45 — 48%, а если занимаетъ въ концѣ сентября—120% и болѣе". Масса крестьянъ работаетъ уже не на себя, а на заимодавцевъ; при этихъ условіяхъ „экономическая задолженность населенія ростовщику нерѣдко тянется цѣлые годы, тянется до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не разоритъ крестьянина: продаются на сносъ изба, сарай, рабочій скотъ, телѣга, а самъ разорившійся поступаетъ къ кому-нибудь въ батраки вмѣстѣ съ женой" [2]).

По новому закону, денежное ростовщичество преслѣдуется несравненно строже, чѣмъ натуральное: первое, практикуемое въ видѣ промысла, наказывается лишеніемъ правъ и ссылкою на житье, или заключеніемъ въ тюрьмѣ на время до двухъ лѣтъ, а второе — только тюрьмою до шести мѣсяцевъ. Мотивы такого громаднаго различія въ мѣрѣ наказанія остаются, къ сожалѣнію, неизвѣстными; а между тѣмъ оба вида ростовщичества одинаково господствуютъ въ нашихъ селахъ, принимая разныя смѣшанныя формы и переплетаясь въ разнороднѣйшихъ сочетаніяхъ,—при чемъ денежно-натуральный кредитъ почти всегда тягостнѣе и опаснѣе для заемщиковъ, чѣмъ чисто денежный. Одни и тѣ же сельскіе ростовщики будутъ подлежать то ближайшему суду земскаго начальника, то болѣе отдаленному суду уѣзднаго члена или даже окружного суда, и будутъ подвергаться совершенно различнымъ наказаніямъ, смотря по случайнымъ внѣшнимъ способамъ ссуды. Такая двойственность можетъ на первыхъ же порахъ возбудить множество недоумѣній, тѣмъ болѣе, что признаки наказуемаго

---

[1]) См. въ статьѣ г. Соболева, стр. 259 и др.

[2]) „Формы крестьянскаго кредита въ самарской губерніи", И. М. Красноперова, въ „Юридическомъ Вѣстникѣ", 1891, кн. XI, стр. 405—429.

денежнаго ростовщичества слишкомъ недостаточны и неясны: эти признаки—нужда заемщика, обременительность условій и скрытіе чрезмѣрнаго роста включеніемъ его въ капитальную сумму—присущи всѣмъ вообще крестьянскимъ займамъ и долговымъ обязательствамъ, а если еще вдобавокъ имѣть въ виду предѣльную норму процентовъ въ 12%, то не окажется, пожалуй, во всей россійской имперіи ни одного сельскаго заимодавца, который не подлежалъ бы уголовному преслѣдованію за „ссуду капитала въ чрезмѣрный ростъ". Утвержденные правительствомъ частные ломбарды, выдавая деньги подъ залогъ движимости, взимаютъ 24% въ годъ; поэтому и для городскихъ и сельскихъ ростовщиковъ нельзя было устанавливать болѣе низкую норму дозволеннаго процента.

Если же держаться того взгляда, который выраженъ въ комментаріяхъ къ закону, хотя и не подтверждается его текстомъ,—а именно, что постановленіе о денежныхъ ссудахъ непримѣнимо къ сельскому ростовщичеству, то главнѣйшая масса крестьянскихъ долговыхъ сдѣлокъ оставлена была бы внѣ дѣйствія закона, и не было бы ничего легче, какъ изъять весь сельскій кредитъ изъ предѣловъ вліянія уголовнаго суда: для этого стоило бы только всѣ натуральные или смѣшанные сельскіе займы перевести на денежные. Конечно, подобной странности не допускаетъ прямой смыслъ закона. Отвѣтственность заимодавца поставлена въ зависимость не столько отъ его собственныхъ дѣйствій, сколько отъ „стѣсненныхъ обстоятельствъ" и „крайне тягостнаго положенія" заемщика: тутъ тоже оказывается важный пропускъ,—не упомянуто злоупотребленіе безграмотностью должниковъ-крестьянъ и незнаніемъ ими законовъ и судебныхъ порядковъ. Этотъ существенный признакъ сельскаго ростовщичества, предусматриваемый почти всѣми иностранными законодательствами, имѣетъ наибольшее практическое значеніе у насъ въ Россіи, при повальномъ безграмотствѣ крестьянской массы, и можно только пожалѣть, что былъ упущенъ изъ виду столь значительный и едва-ли не главнѣйшій факторъ хищнической эксплуатаціи сельскаго населенія.

Два вопроса возникаютъ прежде всего при первой попыткѣ практическаго объясненія закона. Кому принадлежитъ право возбуждать дѣла о ростовщическомъ характерѣ кредитныхъ сдѣлокъ и обязательствъ,—самимъ ли только должникамъ, или также суду, на разсмотрѣніи котораго находятся данные акты, или же, наконецъ, и представителямъ прокурорской власти? Полное молчаніе закона по этому пункту заставляетъ думать, что преслѣдованіе начинается не иначе, какъ по жалобѣ заинтересованныхъ лицъ,

и что самъ судъ не можетъ подвергать сомнѣнію даже явные ростовщическіе акты, если послѣдніе не оспариваются отвѣтчиками. При условіяхъ нашего сельскаго быта такой порядокъ вещей сдѣлаетъ преслѣдованіе ростовщиковъ рѣдкою случайностью, результатомъ личнаго рѣшенія какого-нибудь земскаго начальника или смѣлой настойчивости недобросовѣстнаго должника. По венгерскому закону, возбудить дѣло могутъ не только сами потерпѣвшіе, но и ихъ супруги, равно какъ и родственники въ восходящей или нисходящей линіи, опекуны или попечители; а въ извѣстныхъ случаяхъ, при усиленіи ростовщичества въ какой-либо мѣстности, уголовное преслѣдованіе можетъ быть начато судебною властью, по распоряженію министра юстиціи. По норвежскому закону 1888 года, ростовщическіе проступки преслѣдуются судомъ независимо отъ частныхъ жалобъ.

Второй вопросъ, не затронутый закономъ, еще важнѣе и серьезнѣе перваго: подлежатъ ли дѣйствію правилъ о ростовщичествѣ формальные акты, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованные, или имѣющіе силу безспорныхъ документовъ, какъ, напр., векселя и исполнительные листы? Несмотря на безграмотность главной массы населенія, наши судебно-гражданскіе законы придаютъ рѣшающее значеніе письменнымъ актамъ даже въ дѣлахъ, касающихся частныхъ интересовъ темнаго сельскаго люда, и не допускаютъ возраженій противъ сущности документовъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ формальнымъ условіямъ. Земскіе начальники, поставленные въ роли ближайшихъ опекуновъ крестьянства и разбирающіе всѣ гражданскіе иски и споры на сумму до трехсотъ рублей, обязаны строго руководствоваться тѣмъ правиломъ, что „содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершённыхъ или засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей“; тотъ же принципъ обязателенъ и для городскихъ судей, какъ и для всѣхъ вообще судебныхъ мѣстъ. Сверхъ того, существуютъ еще особыя мѣры „понудительнаго исполненія“ для „крѣпостныхъ, нотаріальныхъ и засвидѣтельствованныхъ установленнымъ порядкомъ актовъ о платежѣ денегъ или о возвратѣ вещей или иного движимаго имущества, если исполненіе означенныхъ въ сихъ актахъ обязательствъ не поставлено въ зависимость, въ самомъ актѣ, отъ выполненія такихъ условій, наступленіе коихъ должно быть доказано предварительно истцомъ“; по такимъ актамъ рѣшеніе въ пользу взыскателя постановляется немедленно, безъ вызова должника, безъ всякаго суда и разбирательства. Подобные законы даютъ сильнѣйшее оружіе въ руки ростовщиковъ и оставляютъ сельскихъ обы-

вателей вполнѣ безпомощными противъ кулачества, вооруженнаго документами; сами судьи вынуждены подвергать насильственному исполненію такіе акты, которые по существу представляются имъ явно несправедливыми. Позволяетъ ли новый законъ дотронуться до этой своеобразной юридической святыни, прикрывающей собою нерѣдко плоды беззаконій и легальнаго грабежа? Можно ли доказывать ростовщическое происхожденіе векселей, крѣпостныхъ и нотаріальныхъ актовъ, если въ этихъ документахъ опредѣляются только цифры долга или обязательства, способы и сроки уплаты или исполненія, безъ указанія дѣйствительнаго источника состоявшейся имущественной сдѣлки? Въ законѣ опять-таки ничего не сказано объ этомъ важномъ предметѣ, и очень можетъ быть, что судебная практика, столь ревниво оберегающая авторитетъ денежныхъ актовъ, облеченныхъ въ извѣстную форму, избавитъ большинство заимодавцевъ отъ неудобствъ и тревогъ, порождаемыхъ для нихъ существованіемъ закона о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій.

Но какъ бы широко и разумно ни примѣнялись карательныя мѣры противъ хищниковъ, онѣ не коснутся общихъ и наиболѣе распространенныхъ злоупотребленій сельскаго ростовщичества, пока гражданскіе суды будутъ обязаны по прежнему безпрекословно подчиняться формальнымъ требованіямъ и правамъ кредиторовъ, пользующихся вообще спеціальнымъ и крайне заботливымъ покровительствомъ законодательства. Достойнымъ подражанія образцомъ для правилъ о сельскихъ кредитныхъ сдѣлкахъ могъ бы служить англо-индійскій законъ 1879 года, о которомъ мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ [1]). Наши правила 24-го мая составлены независимо отъ новѣйшаго положенія вопроса о ростовщичествѣ въ иностранныхъ законодательствахъ и въ спеціальной литературѣ, какъ заграничной, такъ и отечественной; первоначальные же составители законопроекта были скорѣе криминалистами, чѣмъ юристами, а экономическая сторона предмета интересовала ихъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, — что̀ и отразилось отчасти на содержаніи и характерѣ закона.

Л. Слонимскій.

[1]) Въ брошюрѣ объ „Охранѣ крестьянскаго землевладѣнія", стр. 90 и слѣд.

ПѢСНИ О ВЕСНѢ

I.

Свѣжѣютъ съ каждымъ днемъ и молодѣютъ сосны;
Чернѣетъ лѣсъ; теплѣй синѣетъ даль;
Сдается, наконецъ, сырымъ вѣтрамъ февраль,
И потемнѣлъ въ лощинахъ снѣгъ наносный.

На гумнахъ и въ саду по зимнему покой
Царитъ въ затишьѣ дѣдовскихъ строеній;
Но что-то тянетъ въ залъ, холодный и пустой,
Гдѣ пахнетъ сыростью весенней...

Сквозь стекла зимнія заклеенныхъ дверей
Гляжу я на балконъ, гдѣ снѣгъ еще наваленъ,
И голый, темный садъ теперь мнѣ не печаленъ,
И въ черныхъ сучьяхъ липъ я жду уже грачей.

Жду, какъ любви, какъ отдыха и воли,
Тумановъ мартовскихъ, чернѣющихъ бугровъ,
И свѣта, и тепла отъ бѣлыхъ облаковъ,
И первыхъ жаворонковъ въ полѣ!

II.

Бушуетъ полая вода
Въ лощинахъ глухо и протяжно;
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело, и важно;

За лугомъ черные бугры
Дымятся въ воздухѣ нагрѣтомъ,
И всюду мягкимъ бѣлымъ свѣтомъ
Стоятъ тяжелые пары.

А въ полдень лужи у крыльца
Такъ разливаются и блещутъ,
Что въ нашей „дѣтской"—безъ конца
По стѣнкамъ „зайчики" трепещутъ...

Межъ бѣлыхъ рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьѣ гуменъ и дворовъ...

Совсѣмъ весна! Какъ все ей радо!
Какъ въ забытьѣ какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ...

Все на селѣ живетъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ весной,
А вѣтеръ, легкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

III.

Догорѣлъ апрѣльскій поздній вечеръ,
По лугамъ холодный сумракъ легъ;
Спятъ грачи; далекій шумъ потока
Въ темнотѣ таинственно заглохъ.

Но свѣжѣе пахнетъ зеленями
Молодой озябшій черноземъ,
И струится чище надъ полями
Звѣздный свѣтъ въ молчаніи ночномъ.

По лощинамъ, звѣзды отражая,
Ямы свѣтятъ тихою водой;
Журавли, другъ друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой...

А весна стоитъ—забылась въ рощѣ
И, какъ бы дыханье затая,
Чутко слышитъ каждый легкій шорохъ,
Зорко смотритъ въ темныя поля...

IV.

То разростаясь, то невнятно
Громъ за усадьбой грохоталъ;
Какъ тусклыя слѣпыя пятна,
На стекла сумракъ набѣгалъ;
Все ниже тучи наплывали,
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей;
Къ межамъ, шумя, хлѣба клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ—
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ...

Но вотъ отчаянно упрямо
Порывъ послѣдній налетѣлъ—
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Захлопнулась со звономъ рама,
Пахнуло въ комнаты дождемъ...
Раскатъ проснувшагося грома
Ударилъ вдругъ надъ крышей дома
И прокатился... Все кругомъ
Затихло сразу, непонятно;
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ—
И широко и благодатно
Весенній ливень зашумѣлъ...
На мèжи низко наклонились
Хлѣба въ поляхъ... А изъ садовъ
Все такъ же звучно доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ...

Когда же, медленно слабѣя,
Дождь отшумѣлъ и замеръ громъ,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьемъ и тепломъ.

Паръ неподвижный и пахучій
Стоялъ въ хлѣбахъ. Спала земля.
Заря чуть теплилась подъ тучей
Полоской алаго огня.

А изъ лощинъ, гдѣ распускались
Во тьмѣ цвѣты, и изъ садовъ
Лились и въ чащахъ отдавались
Напѣвы раннихъ соловьевъ!..

V.

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни
И подъ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ;
Но ужъ сіяетъ яркій зной,
Давно топоръ стучитъ въ сараѣ,
И голубей веселыхъ стаи
Блестятъ на солнцѣ бѣлизной.

Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалекѣ,
И въ молодомъ березнякѣ
Такъ пахнетъ зеленью лѣсною;
Трепещетъ радостно, смѣется
Подъ солнцемъ чистая рѣка,
И голоса, и стукъ валька —
Все въ рощѣ гулко отдается...

А за деревнею, гдѣ мѐжи
Въ хлѣба привольные бѣгутъ,
Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣже—
Ржи наливаются, цвѣтутъ;
Струится зной, синѣютъ рощи,
Даль безмятежна и ясна...
— Чтò въ свѣтѣ радостнѣй и проще
И гдѣ прекраснѣе весна?

Ив. Бунинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1893 г.

Законъ 24-го мая о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій. — Легенда по этому поводу въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. — Два вида ростовщичества. — Обнимаютъ ли они собою всѣ ростовщическія сдѣлки?—Наблюденія надъ практикою, установившеюся въ одномъ изъ уѣздныхъ съѣздовъ.—Любопытный ревизіонный отчетъ.—Еще о передѣлахъ.—Виленское общество доброхотной копѣйки.

Къ числу важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ послѣдняго времени принадлежитъ законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій, Высочайше утвержденный 24-го мая. Исторію этого закона читатель найдетъ выше въ особой статьѣ, спеціально посвященной этому предмету [1]. Но чтобы понять и оцѣнить вообще значеніе этого закона, необходимо, прежде всего, устранить „легенду“, пущенную въ ходъ еще до его обнародованія. „Зло ростовщичества, — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 145), — давно было сознано; давно уже раздавались негодующіе голоса, требовавшіе правительственнаго вмѣшательства въ это дѣло; но либеральная рутина, такъ долго господствовавшая въ нашихъ высшихъ законодательныхъ сферахъ, упорно замалчивала всѣ подобнаго рода протесты и со спокойнымъ духомъ складывала ихъ въ архивъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія *свободнаго развитія индивидуума* какъ можно было бы оправдать какую-нибудь правительственную регламентировку частныхъ правовыхъ отношеній?! Хочетъ человѣкъ закабалиться, пусть идетъ въ кабалу къ ростовщику; хочетъ человѣкъ заниматься ростовщичествомъ, пусть занимается: это его частное дѣло. Правда, отъ этого можетъ разориться населеніе и придти въ окончательную нищету, но это вѣдь пустяки, зато будутъ торжественно осуществлены святыя идеи *свободы личности и совѣсти*! Правительственная регламентація, ограни-

[1]) См. выше, стр. 335.

ченіе закономъ ростовщическихъ дѣяній—да вѣдь это почти *правительственная опека*, возвращеніе къ дореформеннымъ порядкамъ. Такъ судили лица, заправлявшія ходомъ нашего законодательства, и въ результатѣ подобнаго умозрѣнія явился законъ 6-го марта 1879 г., отмѣнившій узаконенный ростъ и кару за взиманіе свыше 6% въ годъ. Подъ такою отрадною сѣнью ростовщичество стало рости съ громадною силой, пока наконецъ, съ перемѣной общаго направленія нашей государственной политики, не настала очередь приняться и за вопросъ объ упорядоченіи этой грустной стороны нашей городской и деревенской жизни".

Вся эта тирада — сплошное отступленіе отъ истины. Увлекаясь желаніемъ нанести новый ударъ ненавистному „либерализму", московская газета упускаетъ изъ виду или проходитъ молчаніемъ цѣлый рядъ безспорныхъ фактовъ. Въ самый моментъ изданія закона 6-го марта 1879 г., въ изложеніи „Московскихъ Вѣдомостей" являющагося торжествомъ „либеральной рутины", предусматривалась уже *возможность такихъ дѣйствій со стороны заимодавцевъ, которыя не могутъ оставаться безнаказанными*. Не было, слѣдовательно, и мысли о какомъ-то правѣ на ростовщичество, проистекающемъ изъ принципа личной свободы (!); борьба съ злоупотребленіями кредита признавалась вполнѣ закономѣрной и цѣлесообразной, и только пріисканіе формъ, въ которыя она должна быть облечена, откладывалось до другого времени. Такія отсрочки—явленіе совершенно обычное и постоянно у насъ повторяющееся; утвержденіе закона сопровождается, сплошь и рядомъ, порученіемъ составить, въ дополненіе къ нему, тотъ или другой тѣсно связанный съ ними законопроектъ. Нѣчто подобное случилось и съ закономъ о ростовщичествѣ. „Либеральною" печатью предположенія коммиссіи были встрѣчены, при самомъ оглашеніи ихъ, съ большимъ сочувствіемъ [1]; не отъ ея „рутины" зависѣла, слѣдовательно, медленность въ исполненіи реформы. Немало, въ послѣднее десятилѣтіе, было издано сепаратныхъ уголовныхъ новеллъ; если къ нимъ такъ долго не присоединялся законъ о ростовщичествѣ, то это можно объяснить только однимъ — позднимъ появленіемъ, въ оффиціальныхъ сферахъ, убѣжденія въ его неотложной необходимости. При чемъ же тутъ „перемѣна общаго направленія государственной политики", о которой говорятъ „Московскія Вѣдомости"? Вѣдь эта перемѣна произошла уже много лѣтъ тому назадъ, а вопросъ о ростовщичествѣ, давно назрѣвшій и со всѣхъ сторонъ освѣщенный, поставленъ на очередь только минувшей зимою. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что его вы-

[1]) См., напримѣръ, Внутр. Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1886 г.

двинули на первый планъ съ одной стороны неурожаи 1891 и 1892 г., показавшіе всю глубину народной нужды, съ другой—земскія изслѣдованія о задолженности крестьянства, какъ объ одной изъ причинъ его разоренія. Сколько бы ни говорилось о тенденціозности земскихъ статистическихъ работъ, это не мѣшаетъ ихъ результатамъ проникать въ общее сознаніе и оказывать благотворное вліяніе на ходъ законодательства.

Есть еще одно обстоятельство, которое необходимо имѣть въ виду при сравненіи законовъ 1879 и 1893 г. Послѣдній изъ этихъ законовъ—вовсе не простое возвращеніе къ порядку, отмѣненному первымъ, вовсе не признаніе сдѣланной тогда ошибки. До 1879 г. лихвой или ростовщичествомъ считалось всякое взиманіе процентовъ свыше узаконенной нормы, т.-е. свыше 6%. Между тѣмъ эта норма вовсе не соотвѣтствовала условіямъ денежнаго рынка [1]); сдѣлки, въ основаніи которыхъ лежалъ процентъ значительно высшій, совершались на каждомъ шагу—и должны были совершаться, потому что на иныхъ условіяхъ заемъ оказывался, въ большинствѣ случаевъ, невозможнымъ. Платить болѣе шести процентовъ должники часто не считали для себя обременительнымъ; кредиторы, взимавшіе болѣе шести процентовъ, не осуждались за то общественнымъ мнѣніемъ, и уголовное преслѣдованіе лихвы встрѣчалось чрезвычайно рѣдко. Обходъ закона вошелъ въ обычай, всѣмъ извѣстный и всѣми безмолвно признанный. Сохранять въ силѣ постановленіе, давно обратившееся въ мертвую букву, не было ни основанія, ни надобности — и законъ 1879 г., отмѣняя, со всѣми послѣдствіями, максимальную норму процента, былъ не чѣмъ инымъ, какъ легализаціей совершившагося факта. Законъ 1893 г. не возстановляетъ этой нормы, не опредѣляетъ чисто формальныхъ признаковъ лихвы; даже 12 процентовъ считаются лихвенными только при наличности другихъ условій, коренящихся въ самомъ существѣ договорнаго отношенія. Остріе закона направлено только противъ „такихъ дѣйствій со стороны заимодавцевъ, которыя не могутъ оставаться безнаказанными"; другими словами, онъ только осуществляетъ мысль, высказанную при самомъ изданіи закона 1879 г. Было, правда, время, когда ограниченіе лихвы отвергалось, въ принципѣ, во имя абсолютной экономической свободы (которую, разумѣется, только невѣжество или недобросовѣстность можетъ смѣшивать съ *свободой личности и совѣсти*); было время, когда къ приверженцамъ этой свободы принадлежалъ покойный руководитель „Русскаго Вѣстника" и „Московскихъ Вѣдомостей", — но русскіе „либералы" далеко не всѣ

---

[1]) Припомнимъ, что въ то время больше 6% приносили иногда даже государственныя кредитныя бумаги.

увлекались крайностями манчестерской доктрины, и не она, во всякомъ случаѣ, продиктовала законъ 1879 г., съ той характеристичной оговоркой, логическимъ результатомъ которой является законъ 24-го мая 1893 г. Отмѣна максимальной нормы процента совпала у насъ съ тѣмъ временемъ, когда манчестерскіе взгляды перестали господствовать на западѣ Европы. Въ Германіи и Австріи подготовлялись законы противъ ростовщичества (обнародованные въ 1880 и 1881 г.); послѣдовать этому примѣру тогда же обѣщалъ и нашъ законодатель. Усматривать въ законѣ 1893 г. проявленіе русской самобытности или побѣду надъ „либерализмомъ"—значитъ не знать или не хотѣть знать исторію вопроса, разрѣшеннаго этимъ закономъ.

Обратимся теперь къ самому тексту закона. Центръ тяжести его, какъ извѣстно, заключается въ слѣдующей статьѣ (180^{1}), подлежащей включенію въ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями: „За ссуду капитала въ чрезмѣрный ростъ или подъ обезпеченіе чрезмѣрной неустойки: 1) если заемщикъ былъ вынужденъ своими стѣсненными обстоятельствами, извѣстными заимодавцу, принять условія ссуды крайне обременительныя или тягостныя по своимъ послѣдствіямъ, или 2) если кто, занимаясь ссудами, скрылъ чрезмѣрность роста какимъ-либо способомъ, какъ-то: включеніемъ роста въ капитальную сумму, въ видѣ платы за храненіе или неустойки и т. п.,—виновный въ семъ ростовщичествѣ подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ и кромѣ того, по усмотрѣнію суда, денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей. Ростъ, не превышающій 12 процентовъ въ годъ, не почитается чрезмѣрнымъ". Отъ первоначальнаго проекта коммиссіи, составляющей уголовное уложеніе, эта статья отличается, по существу, только однимъ: она понизила уровень, при которомъ ростъ можетъ быть признанъ чрезмѣрнымъ (коммиссія предполагала опредѣлить его въ пятнадцать процентовъ). Это пониженіе кажется намъ совершенно правильнымъ; разбирая семь лѣтъ тому назадъ проектъ коммиссіи, мы указывали на примѣръ Венгріи, гдѣ ростъ можетъ быть признанъ чрезмѣрнымъ уже при 8%, и выражали мнѣніе, что слѣдовало бы понизить 15% до 10 или 12. Другія различія между проектомъ и постановленіемъ новаго закона имѣютъ характеръ преимущественно редакціонный. Въ проектѣ два характеристическіе признака ростовщичества (завѣдомая обременительность условій сдѣлки и попытка скрыть чрезмѣрность роста) были соединены союзомъ *и*, а отсюда могло возникнуть предположеніе, что corpus delicti требуетъ наличности *обоихъ* признаковъ. Въ законѣ эти признаки раздѣлены союзомъ *или*; отсюда ясно, что для состава преступленія достаточно одного изъ нихъ. Проектъ признавалъ сдѣлку

ростовщическою только подъ условіемъ *разорительности* ея для должника; законъ идетъ дальше, признавая ее ростовщическою уже при крайней ея *обременительности* или *тягостности ея последствій.* Все это, конечно, — перемѣны къ лучшему, перевѣшивающія нѣкоторую тяжеловѣсность въ изложеніи закона. Вполнѣ основательно, въ нашихъ глазахъ, и допущенное закономъ соединеніе двухъ видовъ взысканія—личнаго и денежнаго. Въ коммиссіи оно было предложено однимъ членомъ (И. Я. Фойницкимъ), но отвергнуто большинствомъ. Намъ казалось уже тогда, что соединеніе денежной пени съ лишеніемъ свободы особенно цѣлесообразно въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершается хладнокровно, обдуманно, осторожно, въ видахъ обогащенія, наживы. Ростовщичество—именно одно изъ такихъ преступленій; ударяя по ростовщику не только дубьемъ, но и рублемъ, наказаніе задѣваетъ самую чувствительную его струну и представляется возмездіемъ вполнѣ заслуженнымъ.

Составители проекта, признавая весьма полезнымъ лишеніе ростовщиковъ права открытія ссудныхъ кассъ, находили излишнимъ включать особое о томъ постановленіе въ текстъ уголовнаго закона, такъ какъ разрѣшеніе и закрытіе подобныхъ кассъ зависитъ отъ администраціи. Въ нашемъ разборѣ проекта было указано на неубѣдительность этого довода: правомъ закрытія или неразрѣшенія ссудной кассы администрація можетъ воспользоваться или не воспользоваться, между тѣмъ какъ запрещеніе, исходящее отъ суда и основанное на прямомъ требованіи закона, имѣетъ безусловную силу. Новому закону и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отдать преимущество передъ проектомъ: содержатели ссудныхъ кассъ и ихъ приказчики, осужденные за ростовщичество, лишаются навсегда права содержать ссудныя кассы.

Въ проектѣ, составленномъ коммиссіей, не было особаго постановленія о занятіи ростовщичествомъ въ видѣ профессіи или промысла. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что профессіональный характеръ преступленія предусмотрѣнъ въ общей части проекта какъ одно изъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе. Новый законъ, являющійся лишь дополненіемъ къ дѣйствующему уложенію, не могъ пройти молчаніемъ профессіональное ростовщичество столь существенно отличающееся отъ единичной, болѣе или менѣе случайной ростовщической сдѣлки. Виновные въ повтореніи проступка, подходящаго подъ дѣйствіе ст. 180[1] уст. о наказ., или въ учиненіи его въ видѣ промысла, подвергаются лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ (или соотвѣтствующему ей тюремному заключенію).

Другая часть новаго закона предусматриваетъ особый видъ ростовщичества—ссуду сельскимъ обывателямъ, въ видѣ промысла, хлѣба или другихъ припасовъ, или денегъ, подъ условіемъ уплаты денежнаго долга, частью или вполнѣ, хлѣбомъ, припасами или работой, если для совершенія сдѣлки на чрезмѣрно обременительныхъ, несоотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ условіяхъ, заимодавецъ воспользовался крайне тягостнымъ положеніемъ заемщика. Наказаніе—въ первый разъ арестъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, а во второй разъ и послѣдующіе—заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ одного до шести мѣсяцевъ. Это постановленіе возбуждаетъ нѣсколько весьма серьезныхъ недоразумѣній. Трудно объяснить себѣ, во-первыхъ, почему оно выдѣлено изъ общей статьи о ростовщичествѣ. Подъ именемъ *капитала*, о которомъ говорится въ этой статьѣ, нѣтъ причины разумѣть однѣ деньги; ничто не мѣшало, притомъ, присоединить къ слову: *капиталъ*, слова̀: *въ чемъ бы онъ ни заключался*, или выразиться такъ: *за ссуду денегъ, хлѣба или иныхъ продуктовъ и товаровъ* и т. д. Съ другой стороны, объектомъ ссуды, подходящей подъ дѣйствіе спеціальнаго правила, могутъ служить и *деньги*; слѣдовательно, центръ тяжести этого правила заключается не въ предметѣ ссуды, а въ *способахъ ея возвращенія*. Но вѣдь эти способы вполнѣ возможны при *всякой* ростовщической сдѣлкѣ: деньги, съѣстные припасы или другіе продукты могутъ быть даны въ ссуду, подъ отработку, и городскому жителю (напр. ремесленнику или рабочему), съ такими же невыгодными для него послѣдствіями, какимъ подвергается, при аналогичныхъ условіяхъ, сельскій обыватель. На какомъ основаніи, во-вторыхъ, ростовщичество спеціальное признается менѣе наказуемымъ, чѣмъ ростовщичество вообще? Болѣе естественною была бы, наоборотъ, усиленная наказуемость перваго, какъ потому, что субъектами преступленія являются здѣсь исключительно люди, *промышляющіе* ссудами, такъ и потому, что здѣсь почти всегда соединены *оба* признака ростовщичества: обременительность сдѣлки и сокрытіе чрезмѣрности роста. Въ самомъ дѣлѣ, когда уплата долга и процентовъ производится не деньгами, а припасами или работой, заемщикъ, въ особенности неопытный, мало развитой и малограмотный, гораздо легче можетъ быть введенъ въ ошибку относительно настоящаго значенія принимаемыхъ имъ на себя обязательствъ. Ему труднѣе сообразить, сколько съ него берутъ роста, сколько ему придется, de facto, переплатить сверхъ цѣнности имъ дѣйствительно полученной. То „тягостное положеніе заемщика", о которомъ говорится въ законѣ, нигдѣ не встрѣчается такъ часто и нигдѣ не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ именно въ деревнѣ; нигдѣ, притомъ, заимодавцу не извѣстны такъ коротко и близко обстоятельства,

въ которыхъ находится заемщикъ, и которыя заставляютъ его, сплошь и рядомъ, соглашаться на самыя невыгодныя условія. Охрана отъ ростовщичества особенно нужна для сельскихъ обывателей—а спеціальная статья новаго закона для нихъ именно ее и ослабляетъ. Существеннымъ неудобствомъ этой статьи мы считаемъ и то раздвоеніе подсудности дѣлъ о ростовщичествѣ, которое она влечетъ за собою. Ростовщичество *вообще* изъято изъ вѣденія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей и отнесено къ кругу вѣдомства уѣздныхъ членовъ окружного суда; для ростовщичества спеціальнаго такого изъятія не установлено. Между тѣмъ дѣла о ростовщичествѣ, гдѣ бы и по какому бы поводу они ни возникли, болѣе чѣмъ многія другія требуютъ со стороны судей и полнѣйшаго безпристрастія, и значительной степени юридическаго развитія. Установить наличность признаковъ, изъ которыхъ слагается ростовщичество—задача далеко не простая; стѣсненное положеніе заемщика, обременительныя условія или тягостныя послѣдствія займа, чрезмѣрность роста или неустойки, стараніе скрыть ее, *завѣдомое* эксплуатированіе должника—все это понятія относительныя, эластичныя, разобраться въ которыхъ вовсе не легко. Съ другой стороны, къ числу сельскихъ ростовщиковъ принадлежатъ не одни крестьяне; ростовщическія сдѣлки совершаются и землевладѣльцами, не исключая дворянъ [1])—а земскіе начальники, вообще говоря, расположены къ строгости только по отношенію къ крестьянамъ, да и то не ко всѣмъ одинаково. Занимаются ростовщичествомъ преимущественно крестьяне зажиточные, ловкіе, умѣющіе ладить съ начальствомъ и добиться положенія фактически-привилегированнаго. Совершенно безсильной эта привилегія оказалась бы только передъ уѣзднымъ членомъ окружнаго суда.

Разбирая проектъ постановленій о ростовщичествѣ, составленный коммиссіей, мы имѣли случай замѣтить, что сфера ростовщичества заключена имъ въ слишкомъ тѣсныя границы. Онъ былъ направленъ исключительно противъ злоупотребленія *кредитомъ*, касался только отношеній между кредиторами и должниками; между тѣмъ однородные случаи встрѣчаются на каждомъ шагу и въ другихъ областяхъ гражданскаго права. Несомнѣнно лихвенная, т.-е. несоразмѣрно большая и крайне отяготительная для другого прибыль можетъ быть извлечена изъ имущества и помимо кредитныхъ сдѣлокъ: землевладѣлецъ отдаетъ, напримѣръ, сосѣднимъ крестьянамъ подъ выгонъ участокъ земли, взимая съ нихъ за это — деньгами или работой—

[1]) См. во Внутр. Обозрѣніи, № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1885 г., исторію ростовщика-дворянина и крупнаго землевладѣльца (роменскаго уѣзда полтавской губерніи), державшаго въ кабалѣ крестьянъ пяти волостей и удостоившагося, тѣмъ не менѣе, одобрительныхъ свидѣтельствъ отъ многихъ дворянъ своего уѣзда.

безобразно высокую плату и выговаривая за каждую просрочку платежа громаднѣйшую неустойку. Крестьяне соглашаются на всѣ навязываемыя имъ условія, потому что выгонъ въ данномъ мѣстѣ имъ абсолютно необходимъ, потому что имъ больше негдѣ пасти скотину, которой грозитъ иначе чуть не голодная смерть. Такая сдѣлка не подойдетъ и подъ новый законъ—а между тѣмъ она очевидно соединяетъ въ себѣ всѣ признаки ростовщичества. Намъ кажется, что силу закона о ростовщическихъ дѣйствіяхъ слѣдовало бы распространить на сдѣлки всякаго рода, если онѣ направлены къ доставленію одной сторонѣ, въ явное отягощеніе другой, чрезмѣрной имущественной выгоды (при наличности остальныхъ признаковъ ростовщичества). Духу нашего законодательства такое расширеніе понятія о ростовщичествѣ не противорѣчило бы нисколько; вѣдь назначено же, въ прошедшемъ году, уголовное наказаніе за скупку, по несоразмѣрно низкой цѣнѣ, хлѣба, если при совершеніи сдѣлки скупщикъ завѣдомо воспользовался крайне стѣсненнымъ положеніемъ продавца. Если ростовщичество возможно—и наказуемо—не только при договорѣ займа или ссуды, но и при договорѣ купли-продажи, то нѣтъ никакой причины отрицать его возможность и наказуемость при другихъ договорахъ—напр., при наймѣ имущественномъ и личномъ. Само собою разумѣется, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ важно не столько уголовное наказаніе ростовщика, сколько тѣсно связанное съ нимъ признаніе недѣйствительности ростовщической сдѣлки. По закону 24-го мая, ростовщическое обязательство признается неимѣющимъ силы, но заимодавецъ не лишается права обратнаго полученія дѣйствительно данныхъ денегъ (или хлѣба, припасовъ). При другихъ ростовщическихъ сдѣлкахъ за стороною, виновною въ лихвѣ, также могло бы быть оставлено право на вознагражденіе, соотвѣтственное настоящей стоимости предмета сдѣлки—но не болѣе. Этимъ путемъ былъ бы положенъ хоть какой-нибудь предѣлъ эксплуатаціи чужихъ затрудненій и чужой нужды—эксплуатаціи, именно въ нашемъ сельскомъ быту достигающей, сплошь и рядомъ, по истинѣ чудовищныхъ размѣровъ.

Что уголовное преслѣдованіе ростовщичества является лишь однимъ изъ средствъ борьбы противъ этого зла, и далеко не самымъ дѣйствительнымъ—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Поднять народное благосостояніе законъ 24-го мая не въ силахъ, но онъ можетъ нѣсколько задержать его упадокъ. Ядовитое дерево ростовщичества—повторяемъ сказанное нами семь лѣтъ тому назадъ—не будетъ срублено, но цвѣтъ его станетъ менѣе пышнымъ. Не лишено значенія уже и то, что вещь будетъ названа ея настоящимъ именемъ, что ростовщичество — по крайней мѣрѣ, ростовщичество

извѣстнаго сорта—потеряетъ право на титулъ профессіи, дозволенной закономъ. Параллельно съ преслѣдованіемъ ростовщическихъ сдѣлокъ, конечно, должно идти устраненіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ онѣ возникаютъ—развитіе народнаго кредита и общее улучшеніе условій, среди которыхъ живетъ народъ.

Года полтора тому назадъ [1]) мы говорили на этомъ мѣстѣ о наблюденіяхъ сдѣланныхъ нами въ засѣданіи одного изъ уѣздныхъ съѣздовъ. Недавно намъ опять пришлось присутствовать при разборѣ, въ томъ же съѣздѣ, цѣлой серіи судебныхъ дѣлъ. Преобладали между ними, по прежнему, жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ; жалобъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ было сравнительно мало. Гражданскія дѣла, поступившія въ съѣздъ изъ волостныхъ судовъ, по прежнему отличались большимъ разнообразіемъ и, во многихъ случаяхъ, большою запутанностью, зависящею отчасти отъ сложности и невыясненности поземельныхъ отношеній, отчасти отъ поверхностнаго ихъ разбора волостнымъ судомъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ по прежнему бросалась въ глаза строгость приговоровъ волостного суда, не оправдываемая ни сущностью проступковъ, ни обстоятельствами, сопровождавшими ихъ совершеніе. Тѣлесное наказаніе назначалось, напримѣръ, за самую обыкновенную обиду дѣйствіемъ, за самую заурядную драку, за шумъ въ публичномъ мѣстѣ (на деревенской улицѣ). Оскорбленіе на словахъ, нанесенное одною бабою другой во время ссоры, каралось пятью днями ареста. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ наказанія были значительно смягчаемы уѣзднымъ съѣздомъ; изъ приговоровъ, присуждавшихъ къ тѣлесному наказанію, не былъ оставленъ въ силѣ не одинъ. Насъ поразили въ особенности два обычая, установившіеся въ практикѣ съѣзда. Одинъ изъ нихъ находится въ тѣсной связи съ тѣмъ толкованіемъ ст. 31 врем. правилъ о волостномъ судѣ, неправильность котораго была указана нами въ одномъ изъ прошлогоднихъ обозрѣній (1892 г., № 10).

На основаніи пун. 1 ст. 31 земскій начальникъ обязательно представляетъ уѣздному съѣзду жалобы по дѣламъ о тѣхъ проступкахъ, за которые виновный приговоренъ къ аресту на время свыше трехъ дней, либо къ тѣлесному наказанію, либо къ денежному взысканію свыше пяти рублей, а также по спорамъ и тяжбамъ, по которымъ присуждено болѣе тридцати рублей. Остальнымъ жалобамъ земскій начальникъ, за силою пун. 2 ст. 31, даетъ дальнѣйшій ходъ только тогда, если найдетъ обжалованное рѣшеніе постановленнымъ съ на-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 12 „Вѣстн. Европы" за 1891 г.

рушеніемъ предѣловъ власти суда или явно неправосуднымъ. Губернское присутствіе, въ вѣденіи котораго состоитъ знакомый намъ уѣздный съѣздъ, понимаетъ и предписываетъ понимать ст. 31 *буквально*, т.-е. признаетъ за сторонами безусловное право обжалованія тѣхъ только рѣшеній, которыя постановлены *противъ обвиняемаго* или *противъ отвѣтчика* (если, притомъ, наказаніе или взысканіе превышаетъ извѣстную норму). Жалоба на рѣшеніе, оправдывающее обвиняемаго или освобождающее отвѣтчика отъ всякой отвѣтственности передъ истцомъ, можетъ, съ точки зрѣнія губернскаго присутствія, поступить на разсмотрѣніе съѣзда только тогда, когда это найдетъ нужнымъ земскій начальникъ. Къ какимъ несообразностямъ ведетъ подобное толкованіе въ дѣлахъ гражданскихъ — это мы въ свое время показали; еще яснѣе его несостоятельность въ дѣлахъ уголовныхъ. Безъ содѣйствія земскаго начальника обвинитель не можетъ жаловаться съѣзду на полное *оправданіе* обвиняемаго, не можетъ просить объ усиленіи наказанія, не превышающаго трехъ дней ареста или пяти рублей штрафа. Но если обвиняемый присужденъ къ *четыремъ* днямъ ареста или *шести* рублямъ штрафа, то содѣйствіе земскаго начальника перестаетъ быть необходимымъ: жалоба обвинителя, мотивированная недостаточностью наказанія, *должна* быть представлена съѣзду и имъ разсмотрѣна по существу. Никакихъ разумныхъ основаній для такого порядка, очевидно, пріискать нельзя; невозможно предположить, чтобы къ установленію его была сознательно направлена воля законодателя. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, допускать стремленіе обвинителя къ увеличенію мѣры наказанія обвиняемаго, когда она безъ того уже довольно значительна, и не допускать его, когда она совершенно ничтожна? Не странно ли признавать за обвинителемъ право менѣе важное (просить объ усиленіи наказанія) и отказывать ему въ правѣ несравненно болѣе важномъ (жаловаться на оправданіе обвиняемаго)? Оправданіе обвиняемаго, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, лишаетъ обвинителя возможности получить матеріальное удовлетвореніе за понесенный имъ убытокъ; оно весьма часто вредитъ репутаціи обвинителя, заставляетъ сомнѣваться въ его правдивости и добросовѣстности. Зачѣмъ же затруднять для него переносъ дѣла въ высшую инстанцію, совершенно доступный для того, кто домогается лишь болѣе строгаго наказанія осужденнаго уже противника? Не значитъ ли это поощрять мстительность, стѣсняя законную самозащиту? На практикѣ ограниченіе правъ обвинителей можетъ имѣть весьма нежелательныя послѣдствія. Волостной судъ больше чѣмъ какой бы то ни было другой расположенъ къ лицепріятію, къ потворству болѣе сильнымъ и болѣе богатымъ. Оправдательные приговоры, по отношенію къ послѣднимъ, весьма возможны даже при

несомнѣнной ихъ винѣ. Устранить обжалованіе этихъ приговоровъ— значитъ сдѣлать волостной судъ почти безконтрольнымъ именно въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ контроль особенно желателенъ. Мы говоримъ: *почти* безконтрольнымъ, потому что надзоръ земскаго начальника, конечно, не можетъ замѣнить собою самодѣятельность лица, непосредственно заинтересованнаго въ обвиненіи. Рѣшеніе волостного суда можетъ быть неправильнымъ и несправедливымъ, не будучи *явно неправосуднымъ* [1]); между тѣмъ для вмѣшательства земскаго начальника требуется именно *явное неправосудіе*. Къ распространительному толкованію этого понятія земскіе начальники всего меньше расположены именно въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы теперь говоримъ. Наиболѣе вліятельные между крестьянами пользуются, бóльшею частью, благосклонностью начальства — пользуются ею уже потому, что меньше другихъ причиняютъ ему хлопотъ, легче другихъ подчиняются его волѣ. Протестовать противъ ихъ оправданія земскіе начальники будутъ развѣ только въ случаяхъ совершенно исключительныхъ—и въ крестьянской средѣ опять воскреснетъ старая, дореформенная поговорка: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись".

Другой обычай, правильность котораго въ нашихъ глазахъ болѣе чѣмъ сомнительна, — это допущеніе земскаго начальника, перенесшаго дѣло изъ волостного суда въ уѣздный съѣздъ, къ участію въ разрѣшеніи этого дѣла уѣзднымъ съѣздомъ. На основаніи временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, земскій начальникъ въ правѣ требовать пересмотра рѣшеній волостныхъ судовъ (по дѣламъ уголовнымъ) не только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 31 (т.-е. при наличности жалобъ, которыя сами по себѣ не подлежатъ разсмотрѣнію съѣзда), но вообще каждый разъ, когда онъ найдетъ рѣшеніе постановленнымъ съ нарушеніемъ предѣловъ власти волостного суда или явно неправосуднымъ (ст. 20). Поступая такимъ образомъ, земскій начальникъ выражаетъ опредѣленное мнѣніе, часто даже мотивируетъ его; онъ становится почти въ такое же положеніе, какъ и судья, рѣшающій дѣло въ первой инстанціи—и слѣдовательно, наравнѣ съ послѣднимъ, долженъ быть устраненъ отъ участія въ рѣшеніи второй инстанціи. Настоящимъ судьею, безпристрастнымъ и спокойнымъ, можетъ быть только тотъ, кто приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ всякаго предвзятаго взгляда и приходитъ къ окончательному выводу лишь по всестороннемъ знакомствѣ съ обстоятельствами дѣла, по выслушаніи всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

---

[1]) Это подробно разъяснено нами во Внутреннемъ Обозрѣніи № 2 „Вѣстн. Европы" за 1891 г.

Такимъ судьею земскаго начальника, по иниціативѣ котораго дѣло перешло въ съѣздъ, очевидно признать нельзя. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ будетъ отстаивать во что бы то ни стало свое первоначальное заключеніе—или, лучше сказать, свое первоначальное *впечатлѣніе*, потому что къ заключенію глубоко обдуманному и точно взвѣшенному далеко не всегда можно придти на основаніи одного только рѣшенія волостного суда. Поддерживаемое съ особою настойчивостью, мнѣніе земскаго начальника, перенесшаго дѣло на съѣздъ, не можетъ не повліять на его товарищей, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ, по дѣламъ своего участка, находился или будетъ находиться въ такомъ же точно положеніи. Между земскими начальниками можетъ установиться, такимъ образомъ, своего рода круговая порука, тѣмъ болѣе опасная, что мысль о необходимости поддержать авторитетъ земскихъ начальниковъ, какъ можно рѣже отмѣняя ихъ рѣшенія или отклоняя ихъ представленія, весьма сильно распространена въ средѣ новыхъ судебно-административныхъ установленій [1]). Уѣздному съѣзду, если большинство присутствующихъ—земскіе начальники, безъ того уже не легко пойти въ разрѣзъ съ однимъ изъ нихъ, хотя бы и не участвующимъ въ разсмотрѣніи даннаго дѣла; эта трудность значительно возростаетъ, если земскій начальникъ находится на-лицо и лично защищаетъ свое мнѣніе.

Любопытно было бы знать, составляютъ ли оба замѣченные нами обычая исключеніе или общее правило? При раздробленности высшаго надзора надъ уѣздными съѣздами между множествомъ губернскихъ присутствій, въ образѣ дѣйствій съѣздовъ возможны и даже неизбѣжны самыя существенныя разногласія. Признаваемое законнымъ въ одной губерніи сплошь и рядомъ можетъ считаться незаконнымъ въ другой. Мы слышали, напримѣръ, что въ новгородской губерніи—сосѣдней съ тою, къ которой относятся наши наблюденія —земскіе начальники не участвуютъ въ рѣшеніи дѣлъ, ими перенесенныхъ изъ волостныхъ судовъ въ уѣздные съѣзды. Въ другой губерніи (одной изъ подмосковныхъ) ст. 31-ая временныхъ правилъ о волостномъ судѣ истолкована губернскимъ присутствіемъ совершенно правильно, т.-е. прямо противоположно тому, какъ она понимается въ знакомомъ намъ районѣ. Еслибы общее руководство уѣздными съѣздами по дѣламъ судебнымъ было сосредоточено въ прав. сенатѣ, то ненормальныя явленія въ родѣ мѣръ, о которыхъ мы только-что говорили, давно уже перестали бы быть возможными.

---

[1]) „По мнѣнію многихъ съѣздовъ—читаемъ мы, напримѣръ, въ отчетѣ о ревизіи, произведенной судебно-административнымъ учрежденіямъ одной изъ подмосковныхъ губерній—авторитетъ земскаго начальника подрывало бы разрѣшеніе съѣздомъ дѣла въ смыслѣ противоположномъ его представленію“.

Чѣмъ рѣже поднимается покрывало, за которымъ дѣйствуютъ земскіе начальники и уѣздные съѣзды, тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ тѣ немногія свѣденія, которыя, отъ времени до времени доходятъ до насъ изъ этой сферы. Въ нашемъ майскомъ обозрѣніи мы имѣли уже случай коснуться результатовъ ревизіи судебно-административныхъ учрежденій, произведенной года полтора тому назадъ въ одной изъ подмосковныхъ губерній (той самой, о которой упомянуто выше, въ текстѣ и примѣчаніи); заимствуемъ изъ того же источника нѣсколько данныхъ и разсужденій, не лишенныхъ общаго интереса. Нашимъ читателямъ памятенъ еще, быть можетъ, циркуляръ бывшаго черниговскаго губернатора, разъяснявшій земскимъ начальникамъ, что имъ не нужно обзаводиться особыми камерами, такъ какъ камера ихъ—это весь ихъ участокъ: дорога, по которой они ѣдуть, волостное правленіе, въ которомъ они останавливаются, помѣщичій домъ, который они посѣщаютъ какъ желанные гости [1]). Совершенно иначе—и несравненно правильнѣе—относится къ этому вопросу другой губернаторъ. По словамъ ревизіоннаго отчета, соблюденіе правилъ 29-го декабря 1889 г.—заблаговременный вызовъ сторонъ и свидѣтелей, веденіе протокола судебнаго засѣданія, допросъ свидѣтелей по очереди, каждаго отдѣльно и т. д.—обусловливаетъ необходимость для земскаго начальника имѣть опредѣленное помѣщеніе, спеціально приспособленное для судебнаго разбирательства, т.-е. такъ-называемую камеру. Нельзя представить себѣ земскаго начальника всегда находящимся въ разъѣздѣ, вовсе неимѣющимъ опредѣленнаго мѣста для разбора судебныхъ дѣлъ. Одинъ изъ мѣстныхъ земскихъ начальниковъ затѣялъ-было нѣчто въ родѣ такой кочующей жизни, но неудобства, съ нею сопряженныя, оказались настолько существенными, что вызвали вмѣшательство губернской власти. Столь же неблагосклонно отнеслась она и къ другой попыткѣ „упростить“ дѣлопроизводство, путемъ составленія мотивированныхъ рѣшеній по тѣмъ только дѣламъ, по которымъ принесены жалобы. По справедливому замѣчанію ревизіи, мотивированнымъ должно быть безусловно *всякое* рѣшеніе, потому что только при соблюденіи этого условія является увѣренность въ внимательномъ отношеніи судьи къ доказательствамъ и доводамъ обѣихъ сторонъ [2]). Вооружилась ревизія и противъ через-чуръ широкаго пониманія *усмотрѣнія,* предоставленнаго земскимъ начальникамъ въ дѣлахъ административныхъ. И въ этихъ дѣлахъ земскій начальникъ обязанъ избирать такіе способы изслѣдованія,

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 11 „В. Европы“ за 1891 г.

[2]) Намъ извѣстна другая губернія, въ которой, при ревизіи, дѣлалось земскимъ начальникамъ внушеніе совершенно другого рода; имъ говорилось, что они напрасно затрудняютъ себя подробнымъ мотивированіемъ своихъ рѣшеній.

которыми наиболѣе обезпечивалась бы справедливость рѣшенія. Методъ раскрытія истины, признаваемый правильнымъ въ дѣлахъ судебныхъ, не можетъ быть инымъ въ дѣлахъ административныхъ. Нельзя, напримѣръ, быть увѣреннымъ въ справедливости административнаго рѣшенія земскаго начальника, постановленнаго, по чьей-либо жалобѣ, безъ выслушанія противной стороны. Нельзя признать ложность обвиненія, взведеннаго на должностное лицо, не допросивъ свидѣтелей, на которыхъ ссылается жалобщикъ. По наблюденіямъ ревизіи, земскіе начальники изъ бывшихъ мировыхъ судей, усвоивъ въ судебно-мировой практикѣ привычку разбирать дѣла съ вызовомъ сторонъ и свидѣтелей, устно и гласно, перенесли эту привычку, *къ пользѣ дѣла,* и на разборъ дѣлъ административныхъ; напротивъ, земскіе начальники, не бывшіе мировыми судьями, не всѣ держатся этого порядка. Щадя „авторитетъ" должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, многіе земскіе начальники довольствуются истребованіемъ отъ нихъ письменныхъ объясненій и не только не ставятъ ихъ лицомъ къ лицу съ жалобщиками, но даже не вызываютъ послѣднихъ и не выслушиваютъ ихъ объясненій. Параллельно съ этимъ излишнимъ охраненіемъ „авторитета" идетъ, однако, не менѣе излишнее его нарушеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда сталкиваются между собою не частное лицо съ должностнымъ, а должностное лицо съ земскимъ начальникомъ. Въ силу дисциплинарной власти земскаго начальника арестуются, безъ достаточно уважительныхъ причинъ, не только низшія крестьянскія власти, но и волостные судьи, и волостные старшины—арестуются, притомъ, при волостномъ правленіи, что̀ роняетъ значеніе ихъ въ глазахъ крестьянъ (нельзя не замѣтить, однако, что отправленіе для „высидки" въ арестный домъ уѣзднаго города также представляетъ большія неудобства, вовлекая арестуемыхъ въ расходы и заставляя ихъ терять много времени на переходъ или переѣздъ туда и обратно). Волостные судьи караются иногда за неумышленныя ошибки въ примѣненіи закона, послѣдствіемъ чего является зависимость ихъ отъ писаря, какъ отъ лица, свѣдущаго въ законахъ. Одинъ изъ земскихъ начальниковъ, особенно часто и особенно широко пользующійся своею дисциплинарной властью, штрафуетъ сельскаго старосту—за явку къ нему безъ знака, волостного старшину—за непреслѣдованіе судебныхъ раздѣловъ; сельскій староста, за „недостаточную заботу о внушеніи населенію уваженія къ земскому начальнику", подвергается аресту на пять дней, волостной судья, за неявку въ судъ, хотя и по уважительной причинѣ, но безъ извѣщенія предсѣдателя — аресту на три дня. Столь же оригинальны иногда поводы къ административнымъ взысканіямъ, налагаемымъ по ст. 61 Положенія 12-го іюля 1889 г., на крестьянъ, не занимающихъ

никакой должности. Таково, напримѣръ, появленіе въ нетрезвомъ видѣ къ священнику, приходъ къ земскому начальнику въ одной рубашкѣ, неснятіе шапки передъ земскимъ начальникомъ. Циркулярныя распоряженія земскихъ начальниковъ (неисполненіе которыхъ считается поводомъ къ примѣненію ст. 61) не всегда представляются основательными; такъ, напримѣръ, ни на какомъ законѣ не основано требованіе одного изъ земскихъ начальниковъ о посѣщеніи церкви, въ праздничные дни, всѣми волостными и сельскими должностными лицами... При ревизіи замѣчено было, между прочимъ, что съ постановленій земскаго начальника, считающихся окончательными и обжалованію не подлежащими, не всегда выдаются копіи лицамъ, которыхъ постановленія касаются. По этому поводу земскимъ начальникамъ разъяснено, что нѣтъ такого постановленія, содержаніе и мотивы котораго могли бы оставаться тайной для лицъ заинтересованныхъ; въ противномъ случаѣ неминуемо возникло бы ложное представленіе о безотвѣтственномъ и произвольномъ рѣшеніи дѣлъ—представленіе, которымъ подрывался бы авторитетъ закона и самихъ земскихъ начальниковъ. Населеніе должно чтить въ земскомъ начальникѣ такого представителя закона и власти, дѣйствія котораго постоянно и во всемъ сообразуются съ закономъ, а не зависятъ отъ личнаго произвола.

Что теченія и тенденціи, обнаруженныя и осужденныя ревизіей, существуютъ, въ бо̀льшей или мѐньшей степени, повсемѣстно — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но вездѣ ли они встрѣчаютъ такой отпоръ, какъ въ данномъ случаѣ, вездѣ ли признаются несогласными съ духомъ закона и съ намѣреніями законодателя? Мы едва-ли ошибемся, если отвѣтимъ на этотъ вопросъ отрицательно. Основная мысль, руководившая ревизіей, далеко не сходится съ тою, которую усматриваютъ въ узаконеніяхъ 1889 г. наиболѣе ревностные ихъ панегиристы. Усилія ревизіи были направлены къ тому, чтобы поддержать внутреннюю связь между старыми и новыми учрежденіями, привить къ послѣднимъ, насколько позволяетъ ихъ устройство, лучшіе изъ обычаевъ и взглядовъ, выработанныхъ первыми. Другое, прямо противоположное мнѣніе видитъ въ новомъ порядкѣ рѣшительный разрывъ съ старымъ и не только допускаетъ, но предписываетъ забвеніе прежнихъ судебныхъ традицій. Вѣрными истолкователями закона, съ этой точки зрѣнія, должны считаться не тѣ, которые переносятъ въ административныя дѣла пріемы судебно-мировой практики, а тѣ, которые являются администраторами даже въ дѣлахъ судебныхъ. Чѣмъ бо̀льшаго напряженія достигаетъ въ рукахъ земскаго начальника дисциплинарная и административно-карательная власть, тѣмъ лучше; чѣмъ дальше распространяется сфера циркуляр-

ныхъ его распоряженій, тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе подвигается впередъ перевоспитаніе крестьянства, въ смыслѣ новыхъ требованій и взглядовъ. Самостоятельный авторитетъ волостныхъ старшинъ, волостныхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія вовсе не нуженъ; для нихъ вполнѣ достаточно сіянія отраженнаго, авторитета заимствованнаго, принадлежащаго имъ какъ орудіямъ власти земскаго начальника. Изобиліе сыплющихся на нихъ взысканій—это та abondance de bien, которая, по извѣстной французской поговоркѣ, ne nuit pas; нужно хорошенько вымуштровать старшихъ, старостъ и волостныхъ судей, чтобы они, въ свою очередь, муштровали надлежащимъ образомъ простыхъ крестьянъ. Вотъ воззрѣнія, господствующія или, по меньшей мѣрѣ, широко распространенныя въ средѣ земскихъ начальниковъ—и не только въ ней одной. Понятія о *произволѣ* и о *законѣ*, разсматриваемыя сквозь призму этихъ воззрѣній, теряютъ свой обычный смыслъ; произволъ становится чѣмъ-то вполнѣ допустимымъ или даже благотворнымъ, законъ является не столько нормой, регулирующей дѣятельность, сколько преградой, ее стѣсняющей. Намъ кажется, что на той позиціи, которую старалась занять ревизія, удержаться довольно трудно. Въ принципѣ она совершенно правильна, — но съ задачами, во имя которыхъ созданы новыя судебно-административныя учрежденія, она безъ натяжки согласована быть не можетъ. На ея сторонѣ—отвлеченная справедливость; на сторонѣ противоположнаго мнѣнія—логическая послѣдовательность и общій складъ современной жизни... Безъ уступокъ моднымъ взглядамъ не обошелся и разсматриваемый нами ревизіонный отчетъ, несмотря на всю добрую волю его составителей. Чрезвычайно труднымъ для разрѣшенія кажется имъ вопросъ о томъ, въ правѣ ли земскій начальникъ, подвергнувъ кого-либо административному, по ст. 61-ой, взысканію за проступокъ, предусмотрѣнный въ уставѣ о наказаніяхъ или въ временныхъ правилахъ о вол. судѣ (напр., нарушеніе общественной тишины на сходѣ, появленіе въ пьяномъ видѣ), предать еще такое лицо суду за тотъ же самый проступокъ? Они склоняются къ утвердительному разрѣшенію этого вопроса, находя, что административнымъ взысканіямъ, налагаемымъ по ст. 61, закономъ данъ совершенно особый характеръ, отличный и отъ судебныхъ рѣшеній, и отъ административныхъ по другимъ дѣламъ постановленій. Мы думаемъ, наоборотъ, что вопросъ безъ всякаго труда разрѣшается въ противоположномъ смыслѣ, на основаніи коренной аксіомы права: non bis in idem, усвоенной и народомъ, въ формѣ извѣстной поговорки („съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ"). Нельзя себѣ представить такихъ обстоятельствъ, при которыхъ позволительно было бы наказать одно и то же лицо, за одно и то же

дѣяніе, сначала въ административномъ, потомъ въ судебномъ порядкѣ. Наказаніе остается наказаніемъ, какова бы ни была данная ему кличка; арестъ или штрафъ одинаково чувствительны и въ качествѣ административной, и въ качествѣ судебной кары. Кто понесъ первую, тотъ, очевидно, не можетъ быть подвергаемъ, за ту же вину, и послѣдней. Если земскій начальникъ находитъ, что неисполненіе его распоряженія составляетъ проступокъ, и притомъ проступокъ настолько тяжкій, что ему не соотвѣтствуетъ высшая мѣра установленной ст. 61 административной кары, то ему не остается ничего другого, какъ воздержаться отъ привлеченія виновнаго къ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ и возбудить противъ него формальное судебное производство. Убѣдиться въ этомъ можно еще съ помощью слѣдующаго простого разсужденія. Что̀ запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, то̀ не требуетъ никакихъ дополнительныхъ, спеціальныхъ запрещеній со стороны земскаго начальника. Возьмемъ хотя бы нарушеніе общественной тишины. Кто совершилъ такое нарушеніе, тотъ подлежитъ отвѣтственности въ силу самаго закона, все равно, состоялись ли или не состоялись какія-либо на этотъ счетъ подтвержденія со стороны земскаго начальника. Требованіе закона настолько авторитетно само по себѣ, что возвысить его силу, — а слѣдовательно, и отвѣтственность за его нарушеніе — распоряженіе земскаго начальника отнюдь не можетъ. Представимъ себѣ, что земскому начальнику одного участка вздумалось напомнить циркулярно, что тишину въ публичномъ мѣстѣ нарушать нельзя, а земскій начальникъ другого, сосѣдняго участка этого не сдѣлалъ, находя законъ достаточно яснымъ и достаточно извѣстнымъ. Неужели, вслѣдствіе этого, нарушеніе общественной тишины, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, болѣе преступно и болѣе наказуемо въ первомъ участкѣ, чѣмъ во второмъ? А между тѣмъ только въ первомъ участкѣ можетъ быть рѣчь о двойной за него карѣ, административной и судебной, потому что только здѣсь оно является неисполненіемъ распоряженія земскаго начальника.

Весьма интересны два замѣчанія ревизіоннаго отчета, относящіяся, одно — косвенно, другое — прямо, къ животрепещущему вопросу о передѣлахъ. Первымъ изъ нихъ подтверждается тотъ фактъ, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи—фактъ зависимости уѣзднаго съѣзда, въ дѣлахъ административныхъ, отъ земскаго начальника, въ участкѣ котораго они возникли. Весьма рѣдки, по удостовѣренію отчета, случаи рѣшенія дѣла въ смыслѣ противномъ заключенію земскаго начальника; они встрѣчаются почти исключительно тогда, когда земскій начальникъ допустилъ ошибку въ примѣненіи закона. Значеніе съѣзда, какъ второй инстанціи для дѣлъ админи-

стративныхъ, весьма, поэтому, невелико; главный результатъ его административной дѣятельности—*объединеніе* земскихъ начальниковъ, посредствомъ постояннаго обмѣна мыслей и взглядовъ, подъ руководствомъ земскаго начальника. Итакъ, утвержденіе приговоровъ о передѣлѣ уѣзднымъ съѣздомъ будетъ равносильно, de facto, утвержденію ихъ единоличною властью земскаго начальника... Въ другомъ мѣстѣ ревизіоннаго отчета объяснено, что ст. 31 положенія о земскихъ начальникахъ предоставляетъ имъ возможность раскрыть и устранить *злоупотребленія* міра въ распоряженіи мірской полевой землей, но самое право общества распоряжаться этой землей нисколько не ограничено закономъ. Земскій начальникъ не долженъ, поэтому, стѣснять сходъ въ распредѣленіи земли путемъ общаго или частнаго передѣла, лишь бы только поводомъ къ передѣлу служили дѣйствительныя измѣненія въ составѣ рабочихъ силъ и самыя основанія передѣла были одинаковы для всѣхъ домохозяевъ селенія. Это указаніе отчета чрезвычайно цѣнно, какъ противовѣсъ распространительному толкованію ст. 31-ой, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи, и какъ совершенно правильное указаніе тѣхъ границъ, въ которыхъ возможенъ *цѣлесообразный* контроль администраціи по отношенію къ земельнымъ передѣламъ.

Кстати о передѣлахъ. Законопроектъ по этому предмету, разобранный нами мѣсяцъ тому назадъ, продолжаетъ вызывать съ разныхъ сторонъ самыя вѣскія возраженія. Такова, напримѣръ, статья Ѳ. Д. Самарина, напечатанная въ № 6191 „Новаго Времени". Признавая регламентацію передѣловъ ненужною и не вытекающею изъ указаній опыта, г. Самаринъ весьма рельефно рисуетъ тѣ неудобства, къ которымъ она должна привести на практикѣ. „Приговоръ о передѣлѣ, — говоритъ онъ: — состоялся; неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ трудности такъ или иначе преодолѣны, спорные пункты, худо ли, хорошо ли, но разрѣшены. Можетъ быть даже удалось достигнуть если не полнаго единодушія, то, по крайней мѣрѣ, согласія значительно бóльшаго числа домохозяевъ, чѣмъ какое требуется по закону. Во всякомъ случаѣ никто не жалуется; недовольное меньшинство если не примирилось съ передѣломъ, то подчинилось ему, какъ неизбѣжному злу. И вдругъ—безъ всякой просьбы со стороны заинтересованныхъ лицъ, въ деревню является земскій начальникъ, созываетъ сходку и снова возбуждаетъ всѣ тѣ жгучіе вопросы, которые уже были предметомъ горячихъ споровъ, а можетъ быть и обостренныхъ столкновеній между различными партіями крестьянъ! Если бы приговоръ былъ приведенъ въ дѣйствіе безъ всякаго утвержденія со стороны администраціи, какъ дѣлается теперь, то страсти, вѣроятно,

скоро улеглись бы, и недовольное меньшинство примирилось бы, въ концѣ концовъ, съ рѣшеніемъ схода, и притомъ не только въ силу внѣшней необходимости, но и въ силу внутренняго сознанія неизбѣжности и справедливости принятаго сходомъ рѣшенія. Повѣрка же приговора непремѣнно заставитъ вновь возгорѣться улегшіяся-было страсти и подольетъ масла въ огонь; ибо каждый крестьянинъ, какъ бы ни безнадежна была его претензія, попытается склонить на свою сторону земскаго начальника, разъ онъ увидитъ, что окончательное рѣшеніе зависитъ не отъ міра, а отъ правительственной власти. Такимъ образомъ, авторитетъ сельскаго схода, и безъ того уже значительно пошатнувшійся за послѣднее время, будетъ окончательно подорванъ, и вмѣшательство администраціи, вмѣсто умиротворенія, внесетъ въ среду общины лишь новую смуту". Въ повѣркѣ приговоровъ уѣзднымъ съѣздомъ г. Самаринъ видитъ, какъ и мы, гарантію призрачную, мнимую; онъ думаетъ, что рѣшеніе дѣлъ о передѣлахъ будетъ зависѣть не отъ мѣстныхъ хозяйственныхъ и бытовыхъ условій, а исключительно отъ личныхъ взглядовъ, которые получатъ преобладаніе въ томъ или другомъ съѣздѣ. Чтобы ограничить произволъ съѣздовъ, правительству придется преподать точныя правила о передѣлѣ, т.-е. составить нѣчто въ родѣ общиннаго устава. Въ возможность удовлетворительнаго осуществленія такой задачи г. Самаринъ совершенно основательно не вѣритъ; общинный уставъ, вносящій однообразіе законодательныхъ нормъ въ безконечное разнообразіе дѣйствительной жизни, „оказался бы для бóльшей части сельскихъ общинъ чѣмъ-то въ родѣ Прокустова ложа". Къ совершенно аналогичнымъ выводамъ приходитъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 148), г. Евг. Якушкинъ. Вопросъ о передѣлѣ, по его словамъ, „созрѣваетъ, большею частью, очень медленно и нерѣдко возбуждаетъ споры и распри въ обществѣ, такъ какъ всегда есть домохозяева, которымъ передѣлъ невыгоденъ. Эти распри въ обществѣ прекращаются только съ производствомъ передѣла. Назначеніе годичнаго срока для приведенія приговора въ исполненіе будетъ имѣть то неудобство, что продолжитъ время смуты и распрей въ обществѣ. Если этотъ годичный срокъ назначенъ для того, чтобы дать земскому начальнику время обсудить цѣлесообразность приговора, то это лучше всего доказываетъ, до какой степени земскимъ начальникамъ будетъ трудно справиться съ этимъ дѣломъ, но и годичный срокъ въ большинствѣ случаевъ не принесетъ никакой пользы". Возможность злоупотребленій при общихъ передѣлахъ г. Якушкинъ почти совершенно отрицаетъ, а злоупотребленія при частныхъ передѣлахъ могли бы быть предотвращены, по его мнѣнію, возложеніемъ на каждое обще-

ство обязанности составить приговоръ, которымъ заранѣе опредѣлился бы порядокъ скидки и накидки надѣловъ.

Чѣмъ чаще приходится слышать въ наше время оправданіе грубѣйшихъ формъ уголовной и административной расправы, тѣмъ отраднѣе встрѣтиться съ ихъ осужденіемъ, идущимъ изъ такихъ сферъ, которыя никакъ не могутъ быть заподозрѣны въ „либерализмѣ“ или систематической оппозиціи. Самоубійство крестьянина Мальцева, о которомъ мы говорили въ майскомъ внутреннемъ обозрѣніи, вызвало со стороны „Церковнаго Вѣстника“ нѣсколько разсужденій, замѣчательныхъ именно на страницахъ этой газеты. Подчеркнувъ тотъ фактъ, что между крестьянами попадаются личности, предпочитающія смерть позору наказанія розгами, органъ с.-петербургской духовной академіи останавливается въ особенности на воспитательномъ (т.-е. анти-воспитательномъ) значеніи тѣлесныхъ наказаній. Что примѣненіе розогъ деморализующимъ образомъ можетъ дѣйствовать на дѣтей, въ особенности тамъ, гдѣ волостное правленіе помѣщается въ одномъ зданіи съ училищемъ и гдѣ дѣти могутъ сдѣлаться свидѣтелями наказанія ихъ родителей—это, по словамъ „Церковнаго Вѣстника“, *не подлежитъ сомнѣнію*. Какъ же устранить зло?—спрашиваетъ газета.—*Разумѣется, самое радикальное средство—отмѣна тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ,* о чемъ время отъ времени поднимается рѣчь и вчинаются ходатайства то въ одномъ, то въ другомъ земскомъ собраніи“. Къ этому можно было бы прибавить, что такихъ ходатайствъ было бы гораздо больше, еслибы противъ нихъ не возставали, почему-то, гг. предсѣдатели собраній, часто, съ явнымъ превышеніемъ власти, налагающіе на нихъ свое veto.

Въ майскомъ внутреннемъ обозрѣніи шла рѣчь, между прочимъ, о новомъ видѣ конфискаціи, изобрѣтенномъ однимъ изъ нашихъ ультра-націоналистовъ—объ обогащеніи одного благотворительнаго общества на счетъ другого, недостаточно благонамѣреннаго. Намъ сообщены теперь болѣе подробныя свѣденія о виленскомъ обществѣ „доброхотной копѣйки“, которое г. Владиміровъ такъ безцеремонно предлагаетъ „присоединить“ къ свято-духовскому братству. Читатели припомнятъ, быть можетъ, что, по словамъ г. Владимірова, общество доброхотной копѣйки не даетъ ни одной копѣйки бѣднымъ православнаго исповѣданія (или, по другому варіанту, *почти* исключаетъ изъ круга своихъ благотвореній русскую народность и православіе). Между тѣмъ изъ отчета общества за 1892 г. видно, что благотво-

рительными его учрежденіями пользовались далеко не одни католики. Въ дешевыхъ квартирахъ помѣщалось 13 православныхъ и 34 католика; въ богадельнѣ призрѣваемо было 5 православныхъ и 45 католиковъ; въ сиротскомъ отдѣленіи воспитывалось 8 православныхъ и только 3 католика; въ учебныхъ мастерскихъ училось 15 православныхъ, 18 католиковъ и 2 лютеранина [1]). Остается только удивляться смѣлости обвинителя, не желающаго знать этихъ общедоступныхъ фактовъ (отчеты общества печатаются во всеобщее свѣденіе). Прибавимъ къ этому, что завѣдують дѣлами общества, большею частью, лица православнаго исповѣданія, изъ которыхъ многія занимають оффиціальное, иногда весьма видное положеніе въ мѣстномъ управленіи.

---

[1]) Католическое населеніе города Вильно слишкомъ вдвое многочисленнѣе православнаго.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1893.

Парламентскіе выборы въ Германіи.—Общій характеръ избирательнаго движенія. — Успѣхи соціальной демократіи и ихъ значеніе для будущаго.—Упадокъ партіи свободомыслящихъ.—Распространеніе антисемитизма въ нѣмецкомъ народѣ.—Двѣ рѣчи графа Кальноки и вызванные ими комментаріи. — Обвинители-патріоты въ французской палатѣ депутатовъ.

Новый имперскій сеймъ въ Германіи созванъ на 22-е іюня (4-го іюля нов. стиля), и политическій кризисъ, такъ долго волновавшій всѣ классы нѣмецкаго общества, приближается наконецъ къ своей развязкѣ. Избирательное движеніе отличалось горячностью и энергіею; представители разныхъ партій неустанно громили противниковъ въ газетахъ и въ общественныхъ собраніяхъ, — но правительство, наиболѣе заинтересованное въ исходѣ выборовъ, соблюдало обычную сдержанность, не пыталось производить искусственное давленіе на избирателей и предоставляло народу высказываться съ полною свободою, избѣгая тѣхъ угрожающихъ и запугивающихъ пріемовъ, которые обыкновенно пускались въ ходъ при князѣ Бисмаркѣ. Канцлеръ Каприви и на этотъ разъ обнаружилъ свое всегдашнее уваженіе къ существующимъ конституціоннымъ законамъ и порядкамъ; такъ же точно и имп. Вильгельмъ II держался терпѣливо въ сторонѣ, выжидая конечнаго результата съ понятной тревогою.

Благодаря отсутствію правительственнаго вмѣшательства, чисто-политическія оппозиціонныя группы лишились удобнаго оружія борьбы и не имѣли случая освѣжить и поддержать свою популярность въ населеніи, такъ какъ образъ дѣйствій правительства не давалъ подходящаго матеріала для смѣлой критики и не вызывалъ потребности въ настойчивой защитѣ общественныхъ интересовъ отъ скрытыхъ угрозъ и насилій. Партійные споры о военномъ законопроектѣ и о чрезмѣрныхъ, все болѣе возростающихъ расходахъ на вооруженія не могли увлечь народныя массы въ ту или другую сторону, ибо въ сущности новая прибавка военныхъ силъ и затратъ является лишь дальнѣйшимъ логическимъ развитіемъ милитаризма, который всѣ привыкли уже считать неизбѣжнымъ, неустранимымъ зломъ при современныхъ условіяхъ мира въ Европѣ. Никакого принципіальнаго вопроса не возбуждали противники законопроекта,—кромѣ только соціалистовъ,

отвергающихъ самое существованіе постоянныхъ армій; но и соціаль-демократы не отрицаютъ войны въ принципѣ, какъ видно, напримѣръ, изъ частыхъ враждебныхъ рѣчей ихъ о Россіи. Громадное большинство населенія чувствуетъ и сознаетъ, что милитаризмъ разоряетъ страну, и что необходимо положить предѣлъ его новымъ, постоянно увеличивающимся требованіямъ; но почему надо остановиться именно теперь и слѣдуетъ ли рѣшительно отказать въ требуемой уступкѣ правительству, доказавшему на дѣлѣ свою осторожность и фактическое миролюбіе,—это оставалось неяснымъ для избирателей. Съ одной стороны, военное вѣдомство утверждаетъ, что увеличеніе численности арміи безусловно необходимо для безопасности Германіи, даже на случай войны съ одной Франціею; а съ другой стороны, ни одна изъ нѣмецкихъ партій не отрицаетъ того, что Германія должна быть всегда готова защищать свои пріобрѣтенія. Соціаль-демократы въ 1871 году возражали противъ присоединенія Эльзаса и части Лотарингіи, но и они теперь не допускаютъ мысли о добровольной отдачѣ завоеванныхъ провинцій французамъ. Толки о вооруженіяхъ вертятся какъ будто въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго трудно найти разумный выходъ. Что поддержаніе военнаго могущества имперіи есть первая, настоятельнѣйшая задача германской націи, — это считается безспорной аксіомою въ нѣмецкомъ обществѣ и народѣ; сомнѣнія и протесты касаются только размѣровъ вооруженій, количества требуемыхъ ими расходовъ. А въ вопросѣ о томъ, нужно ли усилить вооруженія и въ какой мѣрѣ, признаютъ себя единственно компетентными спеціалисты военнаго дѣла и отвѣтственные руководители внѣшней политики государства. При такихъ условіяхъ масса нѣмецкихъ избирателей не имѣла твердой точки опоры для рѣшительнаго отвѣта въ томъ или другомъ смыслѣ.

Внутреннія противорѣчія и колебанія составляютъ поэтому наиболѣе характерную черту послѣдней выборной агитаціи въ Германіи. Возставать прямо противъ господства милитаризма,—на это не хватало мужества у многихъ; а преувеличивать значеніе частностей, поддерживать изъ-за нихъ серьезные конфликты и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ подвергать какому-либо риску боевую силу имперіи, —это тоже не могло входить въ намѣренія мирныхъ нѣмецкихъ обывателей, привыкшихъ вѣрить въ неминуемую опасность французской мечты о возмездіи. Не было опредѣленной руководящей идеи, которая давала бы извѣстный тонъ общественному движенію и сообщала бы единство дѣйствіямъ отдѣльныхъ партій; борьба принимала партизанскій характеръ, переходила въ рядъ случайныхъ стычекъ, безъ общаго плана, и затрогивала разнороднѣйшіе вопросы и интересы, не имѣвшіе между собою другихъ связей, кромѣ личныхъ и мѣст-

ныхъ. Страстная полемика газетъ поощряла соперниковъ, возбуждала энергію и запутывала взаимные счеты; недавніе союзники становились врагами—и наоборотъ,—подъ вліяніемъ временныхъ и незначительныхъ разногласій. Внутри парламентскихъ группъ возникали раздоры, приводившіе къ выдѣленію новыхъ самостоятельныхъ фракцій; въ наиболѣе многочисленной и сплоченной партіи католическаго центра отдѣлилась часть аристократическая, съ барономъ Гюне, отъ демократической, предводительствуемой Либеромъ; партія прогрессистовъ распалась на „свободомыслящую народную партію", съ Рихтеромъ во главѣ, и „свободомыслящій союзъ", подъ руководствомъ Рикерта. Сторонники барона Гюне предлагали принять военный законопроектъ въ измѣненномъ видѣ, тогда какъ большинство членовъ центра отвергало всякіе компромиссы; часть прогрессистовъ также высказывалась въ пользу соглашенія съ правительствомъ въ военномъ вопросѣ, но противъ этого рѣшительно возсталъ оффиціальный вождь партіи, Евгеній Рихтеръ, чѣмъ и вызвалъ образованіе новой независимой отъ него группы „свободомыслящаго союза".

Среди этой борьбы противоположныхъ, неустановившихся стремленій и интересовъ, произошли выборы 15 (3) іюня. Почти въ половинѣ избирательныхъ округовъ голоса раздѣлились между многими кандидатами, и только около двухсотъ членовъ имперскаго сейма было выбрано сразу, такъ что первый результатъ выборовъ не давалъ еще никакихъ данныхъ для сужденія о дѣйствительномъ исходѣ кризиса. Въ 180 округахъ предстояла перебаллотировка, и выборы могли окончиться только послѣ 26 (14) іюня. Однако уже первая часть выборовъ указывала на три важные факта,—на полный разгромъ свободомыслящей партіи Рихтера, на значительное усиленіе консервативныхъ группъ и на поразительные успѣхи соціальдемократовъ. Партія Рихтера была просто уничтожена, упразднена: ни одинъ изъ членовъ ея не былъ выбранъ, и самъ глава ея не получилъ достаточнаго числа голосовъ въ своемъ давнишнемъ избирательномъ округѣ, Гагенѣ. Отпавшіе отъ него прогрессисты выбраны были только въ трехъ мѣстахъ. Соціалистовъ выбрано сразу 24, и въ томъ числѣ два въ Берлинѣ,—Либкнехтъ и Зингеръ; членовъ центра—81, консерваторовъ—60, національ-либераловъ—15, поляковъ—12. Вторичныя голосованія должны были возродить къ жизни разбитую партію свободомыслящихъ, такъ какъ при перебаллотировкѣ между соціаль-демократами и прогрессистами послѣдніе могли разсчитывать на голоса національ-либераловъ и консерваторовъ; но быть обязанною своимъ существованіемъ содѣйствію враговъ, не желавшихъ допустить торжества соціалистовъ и вынужденныхъ изъ двухъ золъ выбрать меньшее,—было, конечно, тяжело и горько для

группы Рихтера, еще недавно столь вліятельной и воинственной. Относительныя силы партій въ новомъ имперскомъ сеймѣ опредѣляются слѣдующими цифрами: консерваторовъ и членовъ имперской партіи—95, центра — 90, національ-либераловъ — 50, соціалистовъ — 45, прогрессистовъ группы Рихтера — 21, членовъ свободомыслящаго союза — 13, поляковъ—19, антисемитовъ — 17, южно-нѣмецкихъ демократовъ—11, эльзасцевъ—10, вельфовъ — 7, „дикихъ", т.-е. не принадлежащихъ ни къ какой партіи — 5, датчанинъ — 1, — всего 383 депутата; объ остальныхъ 14 округахъ не было еще получено окончательныхъ свѣденій. Соціаль-демократы вытѣснили прогрессистовъ во многихъ мѣстахъ, но особенно знаменательно занятое ими положеніе въ Берлинѣ: изъ шести округовъ столицы пять принадлежатъ соціалистамъ, и только въ одномъ удержался представитель свободомыслящихъ, при дѣятельной помощи консерваторовъ. Между прочимъ, знаменитый Вирховъ побѣжденъ соціаль-демократомъ, наборщикомъ Фишеромъ, и теперь столица германской имперіи представлена въ парламентѣ почти исключительно соціалистами. Это завоеваніе Берлина соціальной демократіею составляетъ событіе первостепенной важности; оно напоминаетъ отчасти, по своему значенію, республиканскіе выборы въ Парижѣ въ послѣдніе годы второй имперіи. Постепенный и быстрый ростъ соціально-демократической партіи, какъ парламентской группы, подготовляетъ какъ будто возможность того момента, который предусматривалъ первый организаторъ этой партіи, Лассаль,—возможность образованія соціалистическаго большинства въ германскомъ парламентѣ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ. Трудящееся и необезпеченное населеніе преобладаетъ въ странѣ, по численности, и потому естественный ходъ вещей долженъ привести къ тому, что и въ народномъ представительствѣ составится большинство изъ выборныхъ рабочаго класса; такимъ образомъ политическая власть выпадетъ изъ рукъ буржуазіи и перейдетъ къ предпріимчивому четвертому сословію, съ которымъ военно-монархическое государство легко можетъ вступить въ соглашеніе. Эта идея Лассаля до сихъ поръ вдохновляетъ вождей соціализма, и они систематически подвигаются впередъ къ завѣтной цѣли. Успѣшное водвореніе въ Берлинѣ оживляетъ и оправдываетъ самыя смѣлыя надежды соціаль-демократовъ, укрѣпляетъ ихъ вѣру въ свои силы и въ свое будущее; но было бы ошибочно думать, что политическое торжество этой партіи было бы въ то же время торжествомъ революціоннаго соціализма. Чѣмъ болѣе соціальная демократія превращается въ организованную политическую партію и чѣмъ сильнѣе становится значеніе, пріобрѣтаемое ею въ парламентѣ, тѣмъ болѣе утрачиваетъ она свои прежнія воинственныя черты; изъ революціон-

ной она дѣлается реформаторскою, и мирный путь законодательства замѣняетъ собою старые порывы къ радикальнымъ переворотамъ. Непосредственное практическое участіе въ обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ заставляетъ откладывать въ сторону и даже забывать многое изъ того, что̀ проповѣдовалось въ теоріи и входило въ широкія предварительныя программы. Великимъ достоинствомъ и заслугою считается уже сохраненіе нѣкоторыхъ существенныхъ принциповъ революціоннаго прошлаго, иногда смягченныхъ и измѣненныхъ до неузнаваемости,—какъ это мы видимъ, напр., въ исторіи французскаго радикализма. Когда послѣ 1871 года утвердилась во Франціи республика, то консервативная часть общества наиболѣе опасалась перехода власти въ руки дѣйствительныхъ республиканцевъ и предвидѣла всевозможныя бѣдствія отъ попытокъ осуществленія радикальныхъ программъ Гамбетты и его единомышленниковъ; Тьеръ предлагалъ тогда „республику безъ республиканцевъ" и утверждалъ, что „или республика будетъ консервативна, или ея совсѣмъ не будетъ". Соціальный вопросъ, о которомъ разсуждали въ своихъ рѣчахъ передовые республиканцы, служилъ пугаломъ для буржуазіи, и среднее французское общество долго испытывало невольный страхъ при мысли, что радикальный Гамбетта можетъ сдѣлаться министромъ. Прошелъ десятокъ лѣтъ, и прежніе радикалы и революціонеры господствовали въ администраціи и въ высшемъ правительствѣ,—и никакихъ особенныхъ соціальныхъ перемѣнъ во Франціи не произошло, и даже требованія весьма скромныхъ экономическихъ реформъ были забыты или отсрочены на неопредѣленное время. Радикалъ Гамбетта превратился въ могущественнаго сановника, президента палаты депутатовъ, и подъ вліяніемъ новыхъ задачъ и обязательствъ затерялись многія его передовыя идеи, которыя онъ краснорѣчиво и смѣло излагалъ еще въ то время, когда былъ бѣднымъ „богемой", адвокатомъ безъ дѣлъ. Этотъ періодъ приспособленія французскихъ радикальныхъ республиканцевъ къ новымъ условіямъ политической дѣятельности сопровождался на практикѣ почти полнымъ забвеніемъ прежнихъ широковѣщательныхъ программъ, которыхъ такъ серьезно боялась консервативная буржуазія. На практикѣ вышло, что французская республика, управляемая бывшими передовыми республиканцами, дала опередить себя германской имперіи въ соціальныхъ реформахъ и въ экономическомъ законодательствѣ на пользу рабочаго класса. И теперь такъ называемыя „крайнія" радикальныя или соціалистическія группы французскаго парламента почти ничѣмъ не обнаруживаютъ стремленія примѣнить на дѣлѣ тѣ принципы, во имя которыхъ они были выбраны въ палату, и вообще французская радикальная партія, столь плодовитая когда-то въ своихъ

идеяхъ и рѣчахъ, оказалась довольно безсодержательною и безплодною, когда получила возможность проводить свои взгляды въ жизнь. Различіе между теоріей и практикой скажется неизбѣжно и у нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, хотя нѣмцы болѣе склонны къ послѣдовательному, методическому выполненію разъ задуманныхъ плановъ. Предводители нѣмецкой демократіи успѣли уже значительно измѣнить свою тактику и усвоить новые парламентскіе пріемы съ тѣхъ поръ, какъ освободились отъ дѣйствія спеціальнаго закона о соціалистахъ. Вожди партіи проявляютъ во многихъ случаяхъ большую умѣренность и разсчетливость, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о праздновaніи рабочими 1-го мая; а иногда они высказываютъ вдругъ неожиданныя буржуазныя поползновенія и притомъ съ удивительною рѣзкостью, какъ это было во время волненій неимущихъ рабочихъ въ Берлинѣ: соціаль-демократы и ихъ органъ „Vorwärts" отнеслись съ негодованіемъ и презрѣніемъ къ этимъ злосчастнымъ „лохмотникамъ", которые своими безпорядками могли будто бы вызвать насильственныя военныя мѣры противъ рабочихъ вообще и противъ соціалистовъ въ особенности. Соціально-демократическія газеты объясняли даже, что эти лохмотники-пролетаріи (Lumpenproletarier) не могутъ сравнивать себя съ рабочими, принадлежащими къ составу партіи и дѣлающими денежные взносы въ ея кассу. Если уже въ послѣдніе годы парламентскіе соціалисты такъ далеко ушли отъ революціоннаго соціализма, что могутъ не хуже буржуазіи смотрѣть свысока на неимущихъ, то чтò останется отъ ихъ принциповъ къ тому времени, когда они займутъ преобладающее мѣсто въ парламентѣ?

Во всякомъ случаѣ нѣмецкое общество имѣетъ основаніе относиться болѣе спокойно къ успѣхамъ соціальной демократіи, какъ политической, парламентской партіи. Эта партія имѣетъ два громадныя преимущества передъ другими: во-первыхъ, она точно знаетъ, къ чему стремится, и подготовляетъ свое торжество цѣлесообразными средствами, опираясь на нравственную солидарность и воодушевленіе своихъ членовъ и единомышленниковъ; и, во-вторыхъ, она есть самая передовая и радикальная партія, къ которой могутъ примкнуть всѣ приверженцы неограниченнаго прогресса, всѣ искатели идеаловъ. Между всѣми парламентскими группами она—единственная, которая могла извлечь пользу изъ кризиса и увеличить свои силы насчетъ другихъ; она дѣйствовала съ наибольшимъ хладнокровіемъ и единствомъ, пользуясь всѣми ошибками, внутренними слабостями и раздорами противниковъ.

Тѣ именно причины, которыя способствовали успѣху соціальной демократіи, должны были привести къ пораженію свободомыслящихъ. Чтò такое представляютъ изъ себя свободомыслящіе? Это партія безъ

опредѣленнаго знамени, безъ положительной и интересной програмы, безъ ясной цѣли впереди, безъ всякихъ видовъ на будущее. Возникла она и существовала, какъ боевая, оппозиціонная сила, выдвинутая буржуазнымъ либерализмомъ противъ князя Бисмарка, и въ этомъ качествѣ она оказала не мало услугъ нѣмецкому обществу, сдерживая односторонпія увлеченія стараго канцлера и особенно склонность его къ властнымъ, крутымъ мѣрамъ экономической реформы, въ родѣ проектовъ разныхъ монополій. Евгеній Рихтеръ съ неутомимымъ усердіемъ исполнялъ свое назначеніе передового бойца противъ Бисмарка; многолѣтнимъ упражненіемъ и опытомъ онъ спеціально выработался для этой роли, которая требовала особаго искусства, энергіи и находчивости. Популярность Рихтера отчасти сопутствовала славѣ и авторитету знаменитаго канцлера; во всѣхъ парламентскихъ преніяхъ, когда говорилъ Бисмаркъ, ему непремѣнно возражалъ Рихтеръ, и публика нерѣдко гордилась дѣльною критикою и рѣзкими замѣчаніями либеральнаго оратора, безстрашно выступавшаго противъ перваго государственнаго человѣка въ Европѣ. Имя Рихтера пользовалось громкою извѣстностью и почетомъ не только въ Германіи, но и въ другихъ государствахъ. Съ паденіемъ Бисмарка все это сразу и неожиданно измѣнилось. Евгеній Рихтеръ остался безъ обычнаго объекта своей дѣятельности; къ новому канцлеру была уже непримѣнима боевая система, выработанная спеціально для Бисмарка. Генералъ Каприви обезоруживалъ оппозицію своимъ миролюбіемъ и сравнительною скромностью; онъ не проводилъ никакой личной политики, не возбуждалъ страстей и не давалъ богатой пищи парламентскому краснорѣчію. Что̀ было дѣлать Рихтеру и его̀ партіи? Онъ произносилъ рѣчи, обсуждалъ текущіе политическіе вопросы, говорилъ о финансахъ и вооруженіяхъ, возставалъ противъ соціалистическихъ идей и мечтаній; но ему не удалось установить свои собственныя самостоятельныя идеи и предложить что-нибудь похожее на цѣльную политическую программу. Въ 1890 году нѣмецкіе избиратели могли думать, что съ отставкою Бисмарка начнется для Рихтера новая эпоха положительной, самостоятельной дѣятельности, и оттого его партія имѣла тогда значительный успѣхъ на выборахъ; скоро, однако, публика убѣдилась въ своей ошибкѣ, и безцѣльность существованія особой группы свободомыслящихъ стала для всѣхъ очевидною. Самое названіе „свободомыслящихъ" (Freisinnige), придуманное Рихтеромъ уже давно вмѣсто „прогрессистовъ" (Fortschritts-Partei), вызывало въ свое время справедливыя насмѣшки; „мы всѣ свободомыслящіе,—заявлялъ князь Бисмаркъ,—и нѣтъ основанія присвоивать этотъ титулъ какой-нибудь отдѣльной политической группѣ". Въ сущности эта партія, по своему происхожденію и

назначенію, составляетъ лѣвое крыло націоналъ-либераловъ, отъ которыхъ она отдѣлилась въ семидесятыхъ годахъ, подъ названіемъ „сецессіонистовъ"—отщепенцевъ; теперь отъ нея опять отпали новые „сецессіонисты", и хотя при баллотировкѣ избрано было двадцать союзниковъ Рихтера, но политическая роль этой группы можетъ считаться поконченною. Пораженіе партіи Рихтера не можетъ быть приписано тому, что избиратели стояли за принятіе военнаго законопроекта,—ибо, напротивъ, они большею частью подавали голоса за соціалъ-демократовъ, еще болѣе энергично возстающихъ противъ милитаризма. Дѣло не въ оцѣнкѣ военной реформы, а въ безплодности чисто-политической боевой оппозиціи, не имѣющей за собою реальныхъ потребностей и интересовъ общественныхъ или народныхъ,—безплодности, выступившей особенно наглядно при канцлерствѣ Каприви.

Еще одна черта характеризуетъ послѣдніе германскіе выборы,—сильное и повсемѣстное развитіе антисемитизма. Берлинскій корреспондентъ парижской „Temps", довольно внимательно и съ знаніемъ дѣла слѣдившій за избирательнымъ движеніемъ въ Германіи, подробно отмѣчалъ необыкновенную распространенность племенной вражды къ еврейству въ различныхъ слояхъ нѣмецкаго общества, даже самыхъ образованныхъ и культурныхъ, и предсказывалъ, что число антисемитовъ въ новомъ имперскомъ сеймѣ дойдетъ, пожалуй, съ 6 до 12, т.-е. увеличится вдвое. Въ дѣйствительности выбрано ихъ почти втрое прежняго — 17 человѣкъ, немногимъ меньше всей группы свободомыслящихъ; самъ Альвардтъ, несмотря на комическія и нелѣпыя выходки его въ послѣднемъ имперскомъ сеймѣ, удостоился избранія сразу въ двухъ округахъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ, и слѣдовательно не только не утратилъ своей популярности, а еще пріобрѣлъ новыхъ сторонниковъ въ массѣ населенія. Очевидно, избиратели усмотрѣли въ Альвардтѣ носителя извѣстнаго знамени, представителя извѣстной идеи, и выдвинули его именно въ этомъ качествѣ, не разбирая его личныхъ достоинствъ и недостатковъ; напротивъ, скандалы, которые онъ устроивалъ въ парламентѣ, дѣлали его имя болѣе популярнымъ въ странѣ, такъ какъ газеты постоянно имъ занимались и вели о немъ оживленную полемику. Появляясь теперь въ имперскомъ сеймѣ во главѣ цѣлой группы единомышленниковъ, онъ будетъ имѣть право считать себя выразителемъ серьезнаго общественнаго теченія, господствующаго въ значительной части нѣмецкаго общества, и какъ бы ни были неудачны и грубы его личные способы дѣйствія, но въ нихъ нельзя будетъ видѣть только матеріалъ для ироніи и карикатуры. Новѣйшее распространеніе антисемитизма въ Германіи представляетъ несомнѣнный симптомъ

какого-то внутренняго общественно-политическаго недуга, который заслуживалъ бы подробнаго изслѣдованія; самый фактъ возрожденія старинной вражды къ еврейству въ такой странѣ, какъ Германія, не можетъ быть объясняемъ случайными или произвольными причинами, а долженъ зависѣть отъ разнообразныхъ и сложныхъ условій національной жизни..

Нѣмецкія газеты обсуждали результаты выборовъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія возможной судьбы военнаго законопроекта; они взвѣшивали и считали относительныя силы разныхъ парламентскихъ группъ, чтобы выяснить, сколько сторонниковъ и противниковъ военной реформы окажется въ новомъ имперскомъ сеймѣ. По приблизительному разсчету предполагалось, что составится незначительное большинство въ пользу правительства. Вопросъ этотъ весьма важенъ для нѣмецкаго общества по понятнымъ причинамъ: принятіе законопроекта означаетъ немедленное прекращеніе тяжелаго кризиса, а отклоненіе предвѣщало бы дальнѣйшія осложненія и замѣшательства, которыя при извѣстныхъ условіяхъ могли бы сдѣлаться опасными для мирнаго внутренняго развитія имперіи. Конечно, можно было бы разсчитывать на уступчивость Вильгельма II и его канцлера; но конфликтъ во всякомъ случаѣ не прошелъ бы безслѣдно и привелъ бы къ внутренней натянутости, недовольству и раздраженію. Эти послѣдствія выборовъ не имѣютъ, однако, особеннаго значенія для постороннихъ наблюдателей; судьба военнаго законопроекта въ Германіи была бы для насъ совершенно безразлична, еслибы возникшій кризисъ не коснулся вопросовъ, представляющихъ большой интересъ и для другихъ европейскихъ государствъ. Парламентскіе выборы освѣтили отчасти дѣйствительное настроеніе различныхъ элементовъ нѣмецкаго населенія, указали на внутренній разладъ и неустойчивость партій, на угрожающій ростъ соціальной демократіи и антисемитизма, —и эти указанія сами по себѣ несравненно важнѣе вопроса о принятіи или отклоненіи военнаго законопроекта. Настоящая, принципіальная борьба противъ тягостей милитаризма еще не поднята въ Германіи, и едва-ли скоро будетъ поставлена на очередь, даже при продолжительномъ и прочномъ международномъ мирѣ. Идея о томъ, что миръ обезпечивается непрерывными приготовленіями къ войнѣ, крѣпко владѣетъ умами современныхъ патріотовъ и не поддается никакимъ доводамъ разсудка. Недавно еще можно было видѣть любопытный примѣръ той чувствительности, какую обнаруживаетъ патріотизмъ извѣстнаго рода при малѣйшей попыткѣ поколебать незыблемую вѣру въ цѣлесообразность безконечныхъ вооруженій. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кальноки, высказалъ 3-го іюня (нов. ст.) въ коммиссіи венгерской делегаціи нѣкоторыя успокоитель-

ныя замѣчанія объ общемъ характерѣ внѣшней политики имперіи. Онъ подчеркнулъ между прочимъ то обстоятельство, что Россія относится дружественно къ Австро-Венгріи и что отношенія обѣихъ державъ все болѣе улучшаются. „Это положеніе дѣлъ,—продолжалъ графъ Кальноки,—мало-по-малу усилитъ тѣ основанія и мотивы, по которымъ господствующая въ Европѣ военная напряженность должна прекратиться, развитіе оборонительныхъ военныхъ силъ всѣхъ государствъ достигнетъ своего предѣла и установится нормальное состояніе,—состояніе, признаваемое цѣлью для Австро-Венгріи, какъ державы, преслѣдующей лишь миролюбивую политику". Казалось бы, что эти слова о спокойномъ нормальномъ состояніи народовъ могли вызвать только сочувствіе среди спеціальныхъ охранителей международнаго мира въ Европѣ; но на дѣлѣ оказалось, что своимъ напоминаніемъ о желательности разоруженія графъ Кальноки возбудилъ тревогу въ нѣмецкой патріотической печати и далъ даже поводъ заподозрить искренность его приверженности къ тройственному союзу. Нѣмецкіе патріоты были особенно недовольны тѣмъ, что австрійскій министръ заговорилъ въ столь миролюбивомъ тонѣ въ то самое время, когда въ Германіи вся благонамѣренная печать ежедневно доказываетъ необходимость увеличить военныя силы имперіи и безусловно принять предложенный правительствомъ военный законопроектъ, въ виду возможныхъ внѣшнихъ опасностей въ недалекомъ будущемъ. Какимъ образомъ слова о прочномъ мирѣ и разоруженіи могутъ вредить спокойствію другихъ великихъ державъ, столь же озабоченныхъ сохраненіемъ мира? Какъ это ни странно, но многія нѣмецкія газеты усмотрѣли въ миролюбіи графа Кальноки нежелательный, тревожный симптомъ; они вывели заключеніе, что онъ думаетъ сблизиться съ Россіею и измѣнить союзу съ Германіею,—какъ будто сближеніе съ Россіею непремѣнно означаетъ охлажденіе дружескихъ связей съ Берлиномъ и не является само по себѣ успокоительнымъ признакомъ, которому должны были бы радоваться всѣ искренніе сторонники прочнаго мира въ Европѣ.

Графъ Кальноки счелъ нужнымъ отвѣтить на нападки и комментаріи нѣмецкихъ газетъ и произнесъ по этому поводу объяснительную рѣчь 9-го іюня (н. ст.), въ засѣданіи бюджетной коммиссіи австрійской делегаціи. Онъ подтвердилъ, что вовсе не имѣлъ въ виду намекнуть на какую-либо перемѣну въ политическихъ отношеніяхъ и интересахъ Австро-Венгріи, а указалъ на общее настроеніе, проявляющееся одинаково повсюду; твердою и неизмѣнною основою австрійской политики остаются союзы, о колебаніи которыхъ не можетъ быть и рѣчи. Вооруженія должны продолжаться энергично, по мѣрѣ возможности, и мысль о сокращеніи военныхъ силъ вовсе

будто бы не была высказана министромъ. Вторая рѣчь графа Кальноки удовлетворила нѣмецкихъ патріотовъ, хотя она едва-ли во всемъ согласуется съ первою; министру пришлось по-неволѣ измѣнить смыслъ прежнихъ черезъ-чуръ миролюбивыхъ словъ, чтобы успокоить нѣмецкихъ охранителей вооруженнаго мира. Можно было бы подумать, что мирныя дружескія связи между государствами предупредили бы необходимость разорительныхъ военныхъ приготовленій или по крайней мѣрѣ давали бы возможность сократить военныя затраты и усилія, безъ всякаго ущерба для политическихъ интересовъ отдѣльныхъ странъ; но по логикѣ вооруженнаго патріотизма выходитъ наоборотъ,—соглашеніе Австріи съ Россіею было бы не гарантіею мира, а подрывомъ для системы вооруженій, оберегающихъ будто бы миръ въ Европѣ. Выходитъ, что для общаго мира лучше, если между отдѣльными державами поддерживается натянутость и недовѣріе. Такія неразрѣшимыя внутреннія несообразности и противорѣчія встрѣчаются на каждомъ шагу при оцѣнкѣ этой своеобразной системы, воздвигнутой Бисмаркомъ и нашедшей вѣрныхъ поклонниковъ и пропагандистовъ даже въ мирной средѣ газетныхъ писателей, не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ.

Съ нѣкоторыми изъ такъ называемыхъ политическихъ дѣятелей современной Франціи случилась „исторія", единственная въ своемъ родѣ. Въ газетѣ „Cocarde", бывшей прежде органомъ буланжизма, заявлено было, что изъ англійскаго посольства въ Парижѣ похищены чрезвычайно важные документы, свидѣтельствующіе о государственной измѣнѣ вліятельныхъ французскихъ депутатовъ, и что эти бумаги будутъ въ свое время преданы гласности. Счастливые обладатели этихъ важныхъ политическихъ тайнъ, депутаты Милльвуа и Дерулэдъ, собирались сдѣлать изъ нихъ наилучшее употребленіе, т.-е. возбудить въ странѣ возможно больше шуму; они думали добиться формальнаго преслѣдованія виновныхъ и заранѣе предвкушали побѣду надъ старымъ врагомъ, предводителемъ радикальной партіи въ парламентѣ. Въ засѣданіи палаты, 19-го іюня, когда на трибуну взошелъ Клемансо, они осыпали его такими оскорбленіями и обвиненіями, какихъ рѣдко кому приходилось выслушивать въ лицо даже въ самыхъ шумныхъ революціонныхъ парламентскихъ собраніяхъ Франціи. Милльвуа и Дерулэдъ, не дожидаясь разсмотрѣнія дѣла судомъ, рѣшительно заклеймили Клемансо, какъ измѣнника, продавшаго французскіе интересы иностраннымъ державамъ; они произнесли надъ виновнымъ свой безпощадный, уничтожающій приговоръ, и никакіе призывы президента не въ силахъ были остано-

вить ихъ при совершеніи этого „акта правосудія". Оба депутата сослались на документы, имѣющіеся у нихъ въ рукахъ, и которые на дняхъ будутъ представлены палатѣ; на послѣднемъ особенно настаивалъ Клемансó. Большинство палаты невольно заразилось пламенною убѣжденностью и горячностью Дерулэда; почти всѣ уже смотрѣли на Клемансо какъ на погибшаго человѣка и избѣгали встрѣчи съ нимъ, какъ съ зачумленнымъ. На слѣдующій день Милльвуа ѣздилъ съ своими документами къ главѣ кабинета, Дюпюи, и къ министру иностранныхъ дѣлъ, Девеллю, давалъ имъ читать ихъ и предлагалъ даже взять оффиціально ихъ на храненіе, въ виду ихъ исключительной важности; но министры отклонили предложеніе, такъ какъ бумаги были похищены изъ посольства дружественной державы. Газеты аккуратно сообщали о продолжительныхъ совѣщаніяхъ и переговорахъ съ министрами по поводу этихъ документовъ, такъ что серьезное значеніе послѣднихъ должно было казаться публикѣ несомнѣннымъ. Въ засѣданіи 22 числа (нов. ст.) Милльвуа выступилъ наконецъ предъ палатою во всеоружіи настоящаго обвинителя и началъ по порядку читать таинственныя дипломатическія бумаги, долженствовавшія окончательно поразить Клемансò и нѣкоторыхъ другихъ „измѣнниковъ" палаты; но съ первыхъ же словъ документа, прочитаннаго съ трибуны, раздался всеобщій хохотъ, въ виду явныхъ нелѣпостей и безсмыслицъ, на которыя обратили вниманіе болѣе свѣдущіе люди въ палатѣ. „Чрезвычайно важная" переписка англійскаго дипломата Листера съ секретаремъ посольства въ Парижѣ сильно напоминаетъ, по своему характеру, политическія разсужденія гоголевскаго Поприщина въ роли испанскаго короля. Милльвуа и Дерулэдъ повѣрили серьезному дипломатическому происхожденію слѣдующаго, напр., письма, которое приводимъ въ точномъ переводѣ: „Законъ объ оскорбленіи иностранныхъ государей былъ внушенъ не императоромъ Германіи, а княземъ Монако. Этотъ послѣдній опасается враждебной кампаніи противъ Монте-Карло, такъ какъ само-убійства были особенно многочисленны въ послѣдніе годы; но французскій шовинизмъ находитъ извѣстное удовольствіе въ томъ, чтобы взваливать всѣ грѣхи Израиля на нѣмецкаго „кайзера". Я не вижу, чтò могутъ выиграть враги Криспи отъ раскапыванія всей этой грязи; лучше было бы оставить этого человѣка въ покоѣ; онъ и безъ того разбитъ и уничтоженъ. Г. Андріё не такъ легко справится съ дѣломъ поимки Артона, какъ онъ думаетъ; при малѣйшей опасности онъ скроется въ тюрьмѣ. Андріё будетъ только смѣшонъ и больше ничего. Но этотъ необыкновенный человѣкъ становится неразумнымъ при видѣ юбки. Еслибы дѣло шло не объ артисткѣ казино въ Ниццѣ, то его присутствіе на берегахъ Средиземнаго моря осталось бы не-

замѣченнымъ, т.-е. незамѣченнымъ большою публикою. Власти знали объ его присутствіи и терпѣли его по приказанію свыше". Такъ, будто бы, пишетъ лондонскій дипломатъ, старшій чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, къ своему младшему брату въ Парижѣ. Въ другомъ письмѣ разсказывается, что визитъ французской эскадры турецкому султану въ Константинополѣ имѣлъ важную политическую цѣль: французы должны были ждать прибытія русской эскадры, чтобы вмѣстѣ направиться къ Египту и потребовать немедленнаго очищенія его англичанами. Далѣе говорится о намѣреніи Россіи „разорвать Санъ-Стефанскій договоръ" и т. п. Нѣкоторыя письма составляютъ сплошной наборъ ребяческихъ глупостей и пошлостей; а въ концѣ этой важной переписки приложенъ счетъ „англійскаго секретнаго фонда", по которому выданы крупныя суммы Клемансо, Рошфору и другимъ,—при чемъ въ этомъ точномъ снимкѣ (facsimile) съ подлинника значится „ambassy" вмѣсто „embassy", „nots" вмѣсто „notes" и т. п. Трагическое начало засѣданія быстро перешло въ комическое, и Милльвуа изъ грознаго обвинителя превратился въ жалкаго, смущеннаго школьника, уличеннаго публично въ элементарнѣйшемъ невѣжествѣ, непростительномъ журналисту и депутату. Сотоварищъ его Деруләдъ, взволнованный прочитаннымъ именемъ стараго друга и союзника его Рошфора, вышелъ изъ палаты, заявивъ о сложеніи своихъ депутатскихъ полномочій; такъ же точно вынужденъ былъ поступить и Милльвуа. Удивительнѣе всего, что министры Дюпюи и Девелль, повидимому, приняли мнимые документы за нѣчто серьезное и говорили еще съ трибуны о похищеніи этихъ бумагъ изъ англійскаго посольства; они распорядились также о производствѣ уголовнаго слѣдствія противъ виновниковъ мнимой кражи,—и это послѣ ознакомленія съ содержаніемъ документовъ! Скандальная исторія, волновавшая Францію въ теченіе нѣсколькихъ дней, могла бы служить крайне печальной характеристикою новѣйшихъ парламентскихъ дѣятелей французской республики; но въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, министры не разувѣряли Милльвуа и оставили его въ заблужденіи, чтобы дать возможность палатѣ и публикѣ оцѣнить надлежащимъ образомъ степень основательности и разумности дѣйствій такихъ отчаянныхъ обвинителей-патріотовъ, какъ Деруләдъ и Милльвуа.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1893.

— Н. В. Гербель. *Собраніе сочиненій Гёте* въ переводѣ русскихъ писателей. Второе изданіе подъ редакціей Петра Вейнберга. Томы пятый—седьмой. Спб. 1893.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы упомянули о началѣ этого изданія, въ которомъ наша литература получитъ гораздо болѣе полное, а главное несравненно болѣе исправное собраніе сочиненій Гёте въ русскихъ переводахъ, чѣмъ это было въ первыхъ изданіяхъ Гербеля. Въ пятомъ томѣ мы находимъ: знаменитый романъ „Избирательное сродство" (Wahlverwandtschaften) въ старомъ переводѣ Кронеберга; „Закладъ"; „Пробужденіе Эпименида" и „Страннические годы Вильгельма Мейстера". Шестой томъ занятъ „Путешествіемъ въ Италію" и въ концѣ прибавленъ отрывокъ: „Добрыя женщины". Наконецъ седьмой заключаетъ „Фауста", а именно обѣ его части, съ глоссаріемъ послѣдней, т.-е. краткимъ объясненіемъ малоизвѣстныхъ именъ и словъ, и затѣмъ подъ рубрикой смѣси рядъ небольшихъ статей: Изреченія въ прозѣ; о Лаокоонѣ; Іосифъ Босси; о „Тайной Вечери" Леонардо да-Винчи въ Миланѣ; О правдѣ и правдоподобности въ художественныхъ произведеніяхъ; Шекспиръ—и безъ конца Шекспиръ! Къ переводу „Фауста" приложенъ этюдъ, составленный самимъ переводчикомъ, г. Холодковскимъ, гдѣ онъ обозрѣваетъ все содержаніе драмы и даетъ читателю руководство для ея пониманія. Вторая часть „Фауста" обыкновенному читателю вообще очень мало извѣстна — и не безъ основанія. Нашъ переводчикъ указываетъ для ея объясненія слѣдующее: „Гёте недаромъ называлъ свои стихотворенія *поэтическою исповѣдью*... Почти каждое изъ его стихотвореній имѣетъ въ основѣ какой-нибудь конкретный случай изъ его жизни... „Фаустъ" болѣе, чѣмъ какое-либо другое изъ произведеній Гёте, коренится въ его жизни и совпадаетъ съ нею какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ... Самое рѣшеніе великихъ вопросовъ, поставленныхъ въ „Фаустѣ", дано до извѣстной

степени въ жизни самого Гёте, который, какъ извѣстно, не терпѣлъ метафизическихъ умозрѣній и не даромъ былъ прозванъ великимъ реалистомъ. Будучи почти всю жизнь далекъ отъ философіи, или вѣрнѣе, отъ *метафизики*, Гёте, однако, по своей дѣятельности и по тѣмъ взглядамъ, которые приведены въ „Фаустѣ", съ полнымъ правомъ можетъ считаться (какъ справедливо указываютъ нѣкоторые авторы) предтечею новѣйшей положительной и эволюціонистской философіи, и въ этомъ отношеніи онъ далеко опередилъ свой вѣкъ".

„Изъ сказаннаго ясно, насколько неправы тѣ критики, которые (какъ, напр., Льюисъ) говорятъ, что первая и вторая части Фауста представляютъ, „собственно говоря, не двѣ части одного произведенія, а два произведенія, совершенно между собою различныя". „Фаустъ", эта квинтэссенція всей жизни Гёте, такъ же цѣленъ, какъ цѣльна сама эта могучая жизнь въ своемъ непрерывномъ, послѣдовательномъ развитіи. Правы ли тѣ, кто утверждаетъ, что вторая часть „Фауста" есть произведеніе *слабое*, не удавшееся? Если смотрѣть на нее *безотносительно*, какъ на художественное произведеніе, отъ котораго требуется прежде всего ясность и опредѣленность образовъ и характеровъ, то эти порицатели правы. Но дѣло въ томъ, что подобный взглядъ здѣсь непримѣнимъ, такъ какъ онъ не принимаетъ во вниманіе *задачъ* второй части, которыя были столь велики, что самъ Гёте хотѣлъ-было удовольствоваться однимъ *планомъ* продолженія „Фауста" и лишь по настояніямъ Эккермана приступилъ къ осуществленію этого плана. Если взвѣсить трудность и громадность этихъ задачъ, то придется признать вторую часть „Фауста", напротивъ, значительно удавшеюся. Символизмъ, проникающій всю эту часть поэмы, есть неизбѣжное слѣдствіе громадности плана: поэтъ принужденъ былъ (какъ иногда и въ первой части) прибѣгать къ аллегоріи, чтобы выразить свою мысль по возможности коротко и образно. Главный недостатокъ второй части тотъ же, что и первый: нагроможденіе въ нее совершенно посторонняго матеріала, выражающаго личные взгляды Гёте на разные политическіе и иные вопросы, а подчасъ состоящаго изъ эпиграммъ или каррикатуръ на нѣкоторыхъ современниковъ поэта. Эти добавленія и вставки, дѣйствительно, не художественны и звучатъ какъ непріятные диссонансы въ общей гармоніи поэмы".

Намъ кажется однако, что эта защита второй части „Фауста" остается натянутой. Каковы бы ни были задачи поэта, ихъ великость не оправдываетъ неудачной формы. Эти задачи не были такого свойства, чтобы для ихъ разрѣшенія необходимо было такое сложное построеніе, какъ вторая часть „Фауста", или чтобы это сложное построеніе могло ихъ осуществить. Задачи становились уже чисто теоретическими, философскими, выходящими изъ предѣловъ

искусства: для ихъ рѣшенія нуженъ былъ философскій трактатъ, а не поэтическое произведеніе,—иначе это поэтическое произведеніе, требующее отъ читателя спеціальной подготовки, большихъ знаній философіи и миѳологіи, подвергается той участи, какой и подверглась вторая часть „Фауста": она остается безъ читателей, кромѣ немногихъ спеціальныхъ поклонниковъ Гёте. Комментаторъ могъ бы прибавить, что весь складъ этого произведенія носитъ на себѣ печать эпохи, когда, особенно въ Германіи, развита была, такъ сказать, ученая поэзія, въ другія эпохи почти невозможная или по крайней мѣрѣ очень рѣдкая: другими словами, въ томъ литературномъ кругу, во главѣ которыхъ стояли Шиллеръ и Гёте, гдѣ за ними слѣдовали Гердеръ, Виландъ и пр., господствовалъ столь высокій уровень философскаго и художественнаго развитія, что поэзія или поэты считали возможнымъ такую ступень символизма, какая въ другихъ условіяхъ доступна была бы только избраннымъ.

— *Историческое Обозрѣніе.* Сборникъ Историческаго Общества при императорскомъ спб. университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. *Карѣева* (1893 г.). Томъ шестой. Спб. 1893.

Изданіе, предпринятое Историческимъ обществомъ, какъ видимъ, успѣшно идетъ впередъ, изъ чего можно заключить, что оно отвѣчаетъ дѣйствительной потребности кружка людей, интересующихся вопросами исторической науки и историческаго преподаванія. Этому нельзя, конечно, не порадоваться, потому-что историческая наука принадлежитъ въ особенности къ тѣмъ humaniora, развитіе которыхъ, несмотря на классическую систему средняго образованія, стоитъ у насъ довольно низко. Въ самомъ дѣлѣ, историческое знаніе въ томъ громадномъ объемѣ, какой принимаетъ оно въ послѣднее время, способно быть однимъ изъ наиболѣе плодотворныхъ образовательныхъ предметовъ въ гимназическомъ и университетскомъ преподаваніи, въ серьезномъ и популярномъ чтеніи; между тѣмъ до „Историческаго Обозрѣнія" у насъ не было изданія, посвященнаго интересамъ всеобщей исторіи, какъ и вопросамъ историческаго преподаванія. Форма изданія, гдѣ оно является органомъ кружка заинтересованныхъ лицъ, кажется именно наиболѣе цѣлесообразной для такого предпріятія, представляя просторъ для весьма различныхъ научныхъ интересовъ и точекъ зрѣнія. Въ настоящемъ томѣ находимъ слѣдующіе труды: Очерки исторіи изученія финикійской древности, г. Тураева; Максимальная схема средневѣковой и новой исторіи Англіи, въ курсѣ средне-учебныхъ заведеній, г. Щеп-

кина; Донесенія папскихъ нунціевъ изъ Германіи въ XVI вѣкѣ, г. Любовича; Къ исторіи эллино-іудейскаго просвѣщенія въ Александріи, г. Лурье; Культъ Разума и Верховнаго Существа, г. Водовозова, и наконецъ, Средне-вѣковыя западно-европейскія новости въ русской и славянскихъ литературахъ, г. Пташицкаго. Во второмъ отдѣлѣ—отчетъ и протоколы Историческаго общества за 1892 годъ, списокъ членовъ и т. д.

„Нельзя не замѣтить отраднаго явленія,—говоритъ г. Тураевъ въ началѣ своей статьи,—что въ *нашемъ* образованномъ *обществѣ* интересъ къ древнему востоку развивается все болѣе и болѣе. Египетская и ассиро-вавилонская древность *перестали быть* исключительнымъ *достояніемъ ученыхъ*; интересъ къ нимъ *болѣе широкаго круга* общества вызываетъ *на всѣхъ языкахъ* (?) появленіе многихъ, даже популярныхъ трудовъ“... Дальше авторъ жалѣетъ только, что въ ряду этихъ изученій финикійская древность возбуждаетъ меньше вниманія, чѣмъ бы заслуживала по своимъ историческимъ отношеніямъ. Въ приведенныхъ словахъ есть, однако, неясность: вначалѣ авторъ говоритъ очевидно о нашемъ, русскомъ, обществѣ; но когда упоминается о трудахъ на *всѣхъ* языкахъ, подразумѣвается, конечно, не наше, а европейское общество. Смѣшивать ихъ, однако, никакъ нельзя; египетская и ассиро-вавилонская древность „перестали быть исключительнымъ достояніемъ ученыхъ“—это можно сказать о европейскомъ, но вовсе не о нашемъ обществѣ: наша наука ничѣмъ не участвовала въ установленіи этой замѣчательной новой отрасли историческаго знанія, и въ нашей литературѣ она знакома только по немногимъ переводамъ и пересказамъ общихъ сочиненій; въ общемъ уровнѣ нашего образованнаго круга какъ будто полагается даже, что мы можемъ даже освободить себя отъ хлопотъ по этимъ предметамъ,—надъ ассирійскимъ или коптскимъ языкомъ могутъ „корпѣть“ нѣмцы: подобныя мнѣнія можно прочесть въ изданной недавно перепискѣ даже столь образованнаго человѣка, какъ И. С. Аксаковъ (письма изъ-за границы).

Все это можно бы, пожалуй, считать естественнымъ: вся наша наука, во всѣхъ ея отрасляхъ, очень молода, стоитъ въ полной зависимости отъ науки европейской, и могла бы во многихъ случаяхъ, въ томъ числѣ и въ знакомствѣ съ древностью востока, спокойно—впредь до будущей возможности болѣе самостоятельныхъ трудовъ—довольствоваться усвоеніемъ результатовъ науки западно-европейской; но извѣстно, что въ то же самое время у насъ распространяется мнѣніе, что мы, въ качествѣ особеннаго „культурно-историческáго типа“, не нуждаемся въ Европѣ, можемъ даже поучать ее. Какъ быть съ этимъ противорѣчіемъ: можетъ ли нашъ „типъ“ обходиться безъ

(европейской) науки, и въ такомъ случаѣ не долженъ ли онъ оставаться ниже „типа“ европейскаго, и слѣдовательно все-таки оставаться въ зависимомъ отъ него положеніи?

Авторъ замѣчаетъ, что, несмотря на возникающій интересъ къ древнему востоку, въ частности финикійская древность у насъ мало извѣстна и мало возбуждаетъ вниманія; онъ приписываетъ это „недостаточности знакомства съ литературой этого предмета и даже невозможности оріентироваться въ послѣдней, разсѣянной, большею частію, по періодическимъ изданіямъ, мало извѣстнымъ и мало доступнымъ“,—почему авторъ „взялъ на себя смѣлость познакомить интересующихся успѣхами исторической науки съ тѣмъ, что̀ сдѣлано по этому отдѣлу ея“. Авторъ сдѣлалъ это весьма обстоятельно, начавъ отъ среднихъ вѣковъ, когда во время крестовыхъ походовъ составлены были замѣтки о мѣстностяхъ древней Финикіи, и кончая новѣйшими трудами западныхъ ученыхъ. Въ то время какъ русская литература не можетъ указать ни одного самостоятельнаго труда въ этой области, въ европейской литературѣ научныя изслѣдованія о Финикіи восходятъ еще къ половинѣ XVII столѣтія, и нѣкоторыя сочиненія того времени не утратили своего значенія и до сихъ поръ. Въ этихъ изслѣдованіяхъ приняли участіе путешественники и ученые, археологи и оріенталисты всѣхъ западныхъ націй, нѣмцы, французы, англичане, итальянцы, испанцы (напрасно только авторъ называетъ Монфокона Монтефокономъ). Самая исторія этихъ изученій есть любопытный эпизодъ въ судьбахъ европейской науки, потому что предметъ представлялъ чрезвычайныя трудности по недостатку памятниковъ и отдаленности эпохи, и преодолѣніе этихъ препятствій было одно изъ настоящихъ побѣдъ научнаго изслѣдованія.

Очень любопытны и другія статьи; между прочимъ, статья г. Лурье — по предмету, который также не можетъ считаться у насъ достаточно извѣстнымъ. Изслѣдованіе г. Лурье примыкаетъ поэтому скорѣе не къ нашей, а къ западно-европейской, особливо нѣмецкой литературѣ. Мы читаемъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ: „Мы не будемъ подробно останавливаться на разборѣ „системы“ Филона; оно было бы *излишнимъ*, послѣ того, что̀ въ этомъ отношеніи сдѣлано Gfrörer'омъ, Daehne, а въ новѣйшее время Целлеромъ“ — слѣдуютъ названія спеціально-нѣмецкихъ сочиненій, неизвѣстныхъ на русскомъ языкѣ: для кого же это выходитъ излишне?

Въ приложеніи къ настоящему тому начато печатаніе мемуаровъ г-жи Роланъ.

—*Въ интересахъ нашего юношества.* I. Необходимость реальнаго образованія въ Владивостокѣ.—II. Источникъ матеріальныхъ средствъ. *В. Латина.* Владивостокъ, 1892—1893.

Намъ въ первый разъ встрѣчается книжка съ нашего крайняго востока (небольшого формата, 48 страницъ, печатано въ типографіи сибирскаго флотскаго экипажа, съ цензурнаго разрѣшенія мѣстнаго вице-губернатора), и мы считаемъ не лишнимъ остановиться на ней, тѣмъ болѣе, что она посвящена весьма существенному вопросу, важному не только для того края въ частности, но быть можетъ и для многихъ другихъ мѣстностей. Какъ видно изъ самаго заглавія, авторъ настаиваетъ на необходимости реальнаго образованія для нашего дальняго востока и желаетъ пріискать матеріальныя средства для устройства и поддержанія реальной гимназіи. Эта общая тема весьма серьезна и симпатична, но съ подробностями разсужденій автора можно иногда не согласиться или даже найти ихъ очень странными.

Въ самомъ началѣ книжки мы читаемъ слѣдующее: „Одной изъ главныхъ заботъ общества при колонизаціи новаго края являлась всегда и вездѣ забота о школахъ для юношества. И чѣмъ добровольнѣе было переселеніе, чѣмъ осмысленнѣе было колонизаторское движеніе, тѣмъ живѣе всегда сказывалась эта забота. Достаточно вспомнить Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ помѣщеніе для школы всегда является однимъ изъ первыхъ строеній только-что появившагося селенія, и гдѣ школа всегда—дитя заботъ общественныхъ, а не правительственныхъ. Совсѣмъ въ другое положеніе становится школьный вопросъ тамъ, гдѣ колонизація является результатомъ желаній и соображеній правительства; тамъ правительство само заботится обо всемъ, а общество является безучастнымъ зрителемъ. Такъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ жизни новаго края". Дѣло представлено неправильно. Выходитъ по автору, что въ Соединенныхъ Штатахъ дѣло школы есть чисто частное добровольное дѣло общества, въ которое правительство не вмѣшивается; напротивъ, существованіе школы обезпечивается въ Америкѣ основнымъ закономъ и обширнымъ фондомъ. Вторая половина цитаты, о „другомъ положеніи", относится повидимому къ нашей колонизаціи въ частности въ Приамурскомъ краѣ. Дѣйствительно, дальше мы читаемъ: „При взглядѣ со стороны, поразительно то равнодушіе, съ которымъ наше мѣстное общество и наша мѣстная печать относились къ дѣлу народнаго образованія. Даютъ намъ школы—хорошо, не даютъ—молчимъ, но ничего въ отношеніи образованія дѣтей нашихъ мы не просили, мы—столь лакомые до разныхъ пособій, субсидій, казенныхъ задатковъ и т. п. Изумительно со стороны, но совершенно естественно,

потому что наше общество въ большей его части служащій людъ, не склонный къ самостоятельности и привыкшій къ тому, чтобы начальство думало и рѣшало за него, избавляя его такимъ образомъ отъ излишней мозговой работы (?!). Но вопросъ о томъ: *чему* и *какъ* обучается юношество есть вопросъ о будущности нашихъ дѣтей, о будущности слѣдующаго поколѣнія, а потому никто не имѣетъ права (?!) безучастно относиться къ нему, независимо отъ служебной или иной дѣятельности". Судя по всему дальнѣйшему изложенію, авторъ близко знакомъ съ существующимъ положеніемъ нашего учебнаго дѣла, и потому приведенныя сейчасъ слова его совершенно непонятны: автору должно бы быть извѣстно, что наше общество далеко не было равнодушно къ вопросу о постановкѣ учебнаго дѣла, и въ свое время высказывалось весьма опредѣленно относительно классической и реальной системы школьнаго образованія. Справедливо ли, и въ историческомъ и въ нравственномъ смыслѣ, сказать, что общество не интересовалось дѣломъ школы и желало только избавиться отъ излишней „мозговой работы"? Если потомъ можно было бы видѣть примѣры подобнаго равнодушія, то не бывало ли это результатомъ историческаго опыта? Дальше самъ авторъ подтвердитъ это. „Каждый понимаетъ, — говоритъ онъ,—что правительство и общество не какія-либо враждебныя между собой силы, а наоборотъ согласныя, что само правительство вызвало къ жизни дѣятельность общества, какъ силу вспомогательную". (Авторъ разумѣетъ, вѣроятно, земскія и городскія учрежденія, но мы не знаемъ, чтобы общество имѣло какія-либо полномочія въ вопросахъ средняго и высшаго образованія). „И на обязанности (?) общества, какъ вспомогательной силы, лежитъ главнымъ образомъ выясненіе особыхъ мѣстныхъ условій жизни того или другого края. Что же касается общихъ точекъ зрѣнія, общихъ выводовъ, общихъ мѣрокъ и шаблоновъ, то они у правительства всегда готовы заранѣе".

Перечисливъ затѣмъ существующія во Владивостокѣ средне-учебныя заведенія (есть между прочимъ и классическая прогимназія), для приготовленія чиновниковъ и офицеровъ, — авторъ замѣчаетъ, что этимъ „правительство сдѣлало все, что можно было ожидать въ данномъ случаѣ", что затѣмъ болѣе прикладное образованіе не можетъ явиться „безъ общественной иниціативы", но что „и въ этомъ направленіи правительство сдѣлало первый шагъ *при полномъ молчаніи* общества" (учрежденіемъ мореходныхъ классовъ). Авторъ настаиваетъ, что въ виду необходимости средняго техническаго образованія для самого общества, а не для правительства (которое будто бы нуждается только въ офицерахъ) и въ виду различія *мѣстныхъ* условій промышленности „заботиться объ учрежденіи среднихъ спе-

ціальныхъ училищъ—задача чисто общественная". Насколько желательно и необходимо было бы участіе общества въ установленіи системы средняго образованія, объ этомъ нечего говорить; но при этомъ представляются разнаго рода недоумѣнія. Изъ словъ самого автора (выше) можно видѣть, что наше общество не привыкло (по историческимъ причинамъ) и, собственно говоря, не имѣетъ достаточнаго полномочія вмѣшиваться въ вопросы школьной администраціи; а съ другой стороны, невозможно согласиться съ тѣмъ, будто бы интересы мѣстнаго и частнаго промысла могли и должны были быть чужды правительству, будто бы послѣднему достаточно заботиться о чиновникахъ и офицерахъ для себя. Неужели авторъ думаетъ въ самомъ дѣлѣ, что правительство нуждается для государственныхъ интересовъ только въ наполненіи канцелярій и казармъ, что ему могутъ быть чужды интересы промысла (промыслы вездѣ *мѣстные*)? Въ дѣйствительности правительство заботится и о распространеніи такихъ знаній, которыя идутъ не только на его спеціальную службу, но и на пользу частнаго труда и промышленности: школы ремесленныя, техническія разнаго рода, земледѣльческія и т. д., и въ особенности при нашей централизаціи всѣхъ подобныхъ интересовъ, при отсутствіи самаго права общественной самодѣятельности въ подобныхъ вопросахъ, расширеніе этой отрасли практическихъ полезныхъ знаній можетъ быть только дѣломъ правительственнымъ (припомнимъ, что въ самой Сибири потребовалось нѣсколько десятковъ лѣтъ усилій общественной иниціативы для основанія университета, который все еще ограничивается однимъ факультетомъ). Автору слѣдовало не укорять „полное молчаніе общества", а постараться понять его причину и затѣмъ не сваливать на это общество недостатокъ учебныхъ заведеній, а стараться выяснить необходимость расширенія той учебной дѣятельности, которая у насъ можетъ исходить только изъ правительственнаго источника. Не только въ приамурскомъ краѣ или Владивостокѣ, но и по всей Россіи европейской и азіатской, чувствуется недостатокъ учебныхъ учрежденій отъ низшихъ и до высшихъ, и потребность въ нихъ вовсе не есть мѣстная, а цѣлая государственная. Для восполненія этого недостатка были бы возможны только два средства: или дѣйствительное расширеніе общественной иниціативы (которое одно, впрочемъ, никогда не могло бы восполнить слишкомъ обширной потребности), или расширеніе дѣятельности учебныхъ вѣдомствъ. При нашихъ условіяхъ возможно въ сущности только это послѣднее средство: извѣстно, по статистическимъ даннымъ, что по объему школьнаго образованія и бюджету просвѣщенія Россія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ сравнительно съ другими государствами въ Европѣ, если не самое послѣднее.

Авторъ и не думаетъ заикнуться объ этомъ обстоятельствѣ; но ему хочется однако, чтобы нашлись средства для содержанія того реальнаго училища, какое онъ считаетъ необходимымъ для Владивостока: гдѣ же взять для него средства? И онъ придумалъ это средство. При упомянутомъ положеніи вещей надо было бы желать, чтобы расширилась правительственная дѣятельность въ этой области, потому что расширеніе образованія есть именно интересъ государственной важности; но авторъ думаетъ иначе: „Остается одна надежда на казну,—разсуждаетъ онъ,—но казна, огромная во всемъ своемъ составѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается весьма ограниченною: ея милліоны, раздѣленные по губерніямъ и областямъ, являются только сотнями и десятками тысячъ, и насколько трудно свести ея счеты, каждый можетъ видѣть изъ того, что чрезвычайно рѣдки тѣ случаи, когда государственный доходъ выше расхода. При этихъ условіяхъ является постоянная необходимость указывать новые источники средствъ для дохода казны". Но авторъ придумалъ хитрое средство: „у насъ такіе источники, казалось бы, подъ руками. Это наши конкурренты въ промышленности и торговлѣ: китайцы, японцы и корейцы. Но, къ сожалѣнію, по международнымъ конвенціямъ, правительство не имѣетъ права облагать иностранцевъ такими сборами, какіе не существуютъ для своихъ подданныхъ. Однако, если этого нельзя сдѣлать прямо, то можно косвенно: путемъ установленія такихъ налоговъ, которые упадутъ преимущественно на инородческую часть нашего населенія и сравнительно въ очень малой мѣрѣ на насъ, русскихъ, притомъ незамѣтно, именно по причинѣ косвенности налоговъ. А что сдѣлать это нетрудно, можемъ доказать"... Пропускаемъ доказательства и предоставляемъ читателю судить о достоинствахъ этого способа поддерживать русское просвѣщеніе, налегая „косвенно" на безгласныхъ инородцевъ. Но какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подъ рукой не окажется ни китайцевъ, ни корейцевъ, ни японцевъ?

— *Записки Ивана Ивановича Неплюева* (1693—1773). Новое полное изданіе, съ примѣчаніями. Спб. 1893.

Неплюевъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ питомцевъ Петра Великаго, а также однимъ изъ самыхъ любопытныхъ русскихъ людей XVIII вѣка, для которыхъ реформа была славнымъ и необходимымъ фактомъ русской жизни. Свои самые юные годы онъ прожилъ повидимому по старому русскому обычаю, хотя отецъ его былъ уже на новой военной службѣ и между прочимъ участвовалъ въ неудачномъ сраженіи при Нарвѣ. Отецъ вскорѣ послѣ того умеръ; Неплюевъ

остался послѣ него юношей 16 лѣтъ и владѣльцемъ имѣнія въ восемьдесятъ душъ въ новгородскомъ уѣздѣ. Когда ему было восемнадцать лѣтъ, въ 1711 году, онъ по волѣ матери женился, получивъ за женой въ приданое съ небольшимъ двадцать душъ. Въ слѣдующемъ году у него родился сынъ, а затѣмъ „въ 1713, ноября мѣсяца, оставивъ жену мою беременну, отшелъ я по обѣщанію въ монастырь". Вернулся онъ домой только въ мартѣ 1715 года (въ отсутствіе его родилась у него дочь) и въ томъ же мѣсяцѣ „взять на службу и, бывъ на смотрѣ марта въ 24 день у князя Меньщикова, написанъ въ число назначенныхъ обучаться въ Новгородѣ начальныхъ основаній математики"; но изъ Новгорода его вскорѣ вмѣстѣ съ другими учениками отправили въ Нарву, потомъ въ Петербургъ, потомъ въ Ревель („а жена моя осталась беременною"), а затѣмъ онъ былъ „опредѣленъ на корабль", и въ маѣ 1716 года „выступили въ походъ". Началась трудная служба, которую онъ велъ почти до конца своихъ дней, сначала на морѣ и за-границей, потомъ на дипломатической службѣ въ Константинополѣ, наконецъ, въ оренбургскомъ краѣ, устройство котораго составляетъ его особенную заслугу.

Записки его составлены имъ уже въ концѣ его жизни, хотя въ нихъ есть и слѣды давнишнихъ записей. Онѣ были извѣстны Голикову, который помѣстилъ въ своей книгѣ извлеченія изъ его автобіографіи и кромѣ того привелъ нѣсколько разсказовъ о Петрѣ В., слышанныхъ имъ отъ Неплюева. Первое изданіе самыхъ Записокъ сдѣлано было въ „Отечественныхъ Запискахъ" Свиньина 1823—1826, но съ разными сокращеніями, отчасти цензурными, отчасти произвольными. Затѣмъ полный текстъ изданъ былъ уже только въ 1871 г. въ „Русскомъ Архивѣ"; послѣднее изданіе сдѣлано было Л. Н. Майковымъ по рукописи, принадлежащей академіи наукъ. Почти въ томъ же видѣ изданіе повторено въ настоящей книгѣ, которая является первымъ отдѣльнымъ изданіемъ Записокъ.

Какъ мы сказали, въ Запискахъ Неплюева является передъ нами типическая біографія XVIII вѣка. Этотъ юноша былъ уже семейнымъ человѣкомъ, когда былъ посаженъ за цифирь, и едва пробывъ въ школѣ около года, 23 лѣтъ, онъ уже вступаетъ на настоящую службу на самыхъ разнородныхъ поприщахъ. Человѣкъ стариннаго воспитанія (этому воспитанію принадлежитъ между прочимъ удаленіе 20-лѣтняго семьянина въ монастырь „по обѣщанію"), онъ однако очень быстро вошелъ въ требованія новаго времени и былъ, какъ извѣстно, въ числѣ самыхъ восторженныхъ почитателей Петра Великаго, при которомъ одно время непосредственно состоялъ. Нигдѣ въ его Записках не видно, чтобы онъ страдалъ отъ того разрыва со стариной,

какой приписывается Петровской эпохѣ и оплакивается новѣйшими приверженцами этой старины.

Внѣшность изданія очень хороша; но цѣна едва-ли не высока для небольшой книжки.—Д.

— Наука гражданскаго права въ Россіи. Проф. казанскаго университета Г. Ф. *Шершеневича*. Казань. 1893. Стр. 243. Ц. 2 р.

Книга г. Шершеневича заключаетъ въ себѣ обстоятельный критическій обзоръ научныхъ работъ по гражданскому праву въ Россіи, со второй половины прошлаго вѣка до послѣдняго времени. Авторъ справедливо указываетъ на тѣсную зависимость возникавшихъ и господствовавшихъ у насъ юридическихъ теорій, съ одной стороны, отъ вліянія западно-европейской научной литературы, а съ другой—отъ общественныхъ и умственныхъ теченій, правительственныхъ взглядовъ и требованій въ нашей собственной странѣ. Наши юристы-теоретики были прежде всего и почти исключительно учениками, послѣдователями и истолкователями западныхъ доктринъ, особенно нѣмецкихъ. По словамъ г. Шершеневича, „много нужно было времени, чтобы въ Россіи появились самостоятельные ученые, которые дерзнули бы высказать свои собственные взгляды, независимые отъ западныхъ ученій"; но и теперь такіе самостоятельные ученые составляютъ у насъ великую рѣдкость, и собственные, независимые взгляды, имѣющіе какую-либо цѣнность для науки, почти не встрѣчаются въ нашей спеціальной юридической литературѣ. Нерѣдко оказывается, что идеи, считаемыя новыми и оригинальными, заимствованы въ дѣйствительности изъ старыхъ иностранныхъ книгъ, или же основаны на недоразумѣніяхъ и ошибкахъ, а часто даже на недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ.

Въ началѣ столѣтія въ теоретической юриспруденціи преобладало еще философское направленіе, и въ университетахъ излагались начала „естественнаго права"; но въ этомъ характерѣ научнаго правовѣденія усмотрѣнъ былъ опасный духъ, противъ котораго съ особенною энергіею возсталъ Магницкій. „Наука естественнаго права,—заявлялъ этотъ самобытный ревнитель просвѣщенія,—сія метафизика правъ, несопредѣльная къ народному, публичному и положительному праву, есть изобрѣтеніе невѣрія новѣйшихъ временъ сѣверной Германіи. Она всегда была опасна; но когда Кантъ посадилъ въ преторы такъ-называемый чистый разумъ, который вопросилъ истину Божью: что̀ есть истина? и вышелъ вонъ (?), тогда наука естественнаго права сдѣлалась умозрительною и полною системою всего того, что̀ мы видѣли въ революціи французской на самомъ дѣлѣ" и т. д.

Естественное право, будто бы, „исторгаетъ съ руки Божьей начальное звено златой цѣпи законодательства и бросаетъ въ хаосъ своихъ лжемудрствованій, и наконецъ, ниспровергнувъ алтарь Христовъ, наноситъ святотатственные удары престоламъ царей, властямъ и таинству супружескаго союза, подпиливаетъ въ основаніи сіи три столба, на коихъ лежитъ сводъ общественнаго здравія". Послѣ такихъ ужасовъ оставалось только отвергнуть всякую философію права и направить юристовъ на болѣе благонадежный путь новой германской школы —исторической. Графъ Уваровъ прямо предлагалъ слѣдовать „исторической методѣ", чтобы раскрыть самобытныя основы русскаго права, въ связи съ коренными началами русской жизни — православіемъ, самодержавіемъ и народностью. Притомъ въ ученіи нѣмецкой исторической школы „скрывалась внутренняя притягательная сила, которой невольно подчинились русскіе ученые" (стр. 28). Русская наука вообще проявляетъ замѣчательную чуткость и воспріимчивость ко всякимъ новымъ вѣяніямъ западной науки, и чуть зародившееся на западѣ направленіе, еще не окрѣпшее на отечественной почвѣ, непремѣнно находитъ сторонниковъ и пропагандистовъ среди русскихъ ученыхъ". Впослѣдствіи, когда утвердились у насъ принципы и пріемы нѣмецкой исторической школы, наши ученые патріоты находили уже въ этомъ направленіи доказательство независимости русской науки отъ иностранныхъ вліяній. Въ ученой юридической диссертаціи, появившейся въ 1848 году, высказано было, между прочимъ, слѣдующее: „Любовь ко всему отечественному есть одно изъ отличительныхъ направленій современнаго образованія и просвѣщенія въ Россіи. Мы, русскіе, дорожимъ нашею отечественною стариною; мы любимъ все, что говоритъ намъ о Россіи; памятники ея прежней жизни для насъ священны; и на нихъ обращаются изслѣдованія историческія какъ по любви къ наукѣ, такъ и по любви къ отечеству". Читая эти строки, — прибавляетъ г. Шершеневичъ, — „начинаешь думать, что историческое направленіе составляетъ нѣчто самобытное, выросшее собственно на русской почвѣ, безъ всякаго западнаго вліянія!" (стр. 41—2).

Эпоха послѣдовательныхъ и обширныхъ реформъ въ шестидесятыхъ годахъ внесла оживленіе въ юридическую литературу; новые судебные уставы „вызвали въ обществѣ запросъ на образованныхъ юристовъ". Историческое направленіе уступило мѣсто догматическому, основанному на живомъ, реальномъ пониманіи права; разумное толкованіе и примѣненіе дѣйствующихъ законовъ выступили на первый планъ. „Прежняя рознь между теоріей и практикой, подъ давленіемъ времени, переходитъ въ общеніе: теорія начинаетъ задаваться практическими цѣлями, а потому и практика охотно обращается къ ней

съ требованіемъ совѣтовъ и указаній" (стр. 80). Позднѣе „въ науку гражданскаго права ворвалось новое теченіе мысли, оторвавшее снова теорію отъ практики" и вызванное отчасти „успѣхомъ соціологіи въ русскомъ обществѣ и привлекательностью новизны въ ученіи Іеринга". Вмѣстѣ съ передѣлками судебныхъ уставовъ и съ измѣненіемъ общественнаго настроенія, значительно понизилась роль юридической науки для судебной практики и законодательства. Тогда какъ въ западной Европѣ „на судѣ не стѣсняются приводить цитаты изъ наиболѣе извѣстныхъ сочиненій, ссылаются на наиболѣе уважаемые авторитеты", у насъ, напротивъ, „обнаруживается какая-то непріязнь, враждебность между теоретиками и практиками".

Авторъ даетъ совершенно вѣрную, хотя отчасти рѣзкую и слишкомъ общую, характеристику юридической дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, вынужденныхъ слѣпо подчиняться формальному авторитету сената. „Судебная практика,—говоритъ г. Шершеневичъ, — рабски ловитъ каждое замѣчаніе кассаціоннаго департамента, старается согласовать свою дѣятельность со взглядомъ сената. Эта масса рѣшеній, наростающая съ каждымъ годомъ, все крѣпче и крѣпче опутываетъ нашъ судъ, который, какъ левъ, запутавшійся въ сѣтяхъ, безсильно подчиняется своей участи, отказывается отъ борьбы и живетъ разумомъ высшей судебной инстанціи. Въ настоящее время вся задача практика заключается въ томъ, чтобы подъискать кассаціонное рѣшеніе на данный случай. Борьба передъ судомъ ведется не силою логики, не знаніемъ соотношенія конструкціи института и системы права, не искусствомъ тонкаго толкованія законовъ, а исключительно ссылкою на кассаціонныя рѣшенія. Печальную картину представляютъ теперь судебныя засѣданія, гдѣ мы видимъ, какъ адвокаты поражаютъ другъ друга кассаціонными рѣшеніями, и гдѣ торжествуетъ тотъ, кто нашелъ наиболѣе подходящее и притомъ позднѣйшее. Еще болѣе печальное явленіе составляютъ судебныя рѣшенія, гдѣ мы не находимъ юридическихъ мотивовъ и соображеній, а только указаніе номеровъ рѣшеній... Углубившись въ этотъ непроницаемый лѣсъ рѣшеній, практика не видитъ свѣта. Авторитетъ кассаціонныхъ рѣшеній отъучилъ нашихъ практиковъ отъ самостоятельнаго мышленія, отъ собственнаго юридическаго анализа... Представимъ, что еще свѣжій человѣкъ вступаетъ на свое адвокатское поприще въ полномъ научномъ вооруженіи. Къ чему оно ему пригодится? Самыя тонкія историческія, систематическія изъясненія закона безсильны противъ кассаціоннаго рѣшенія, которымъ владѣетъ его противникъ. Такой ученый практикъ рискуетъ, что будетъ остановленъ предсѣдательскимъ замѣчаніемъ, что суду извѣстны законы,—тогда какъ его противнику судъ будетъ

очень благодаренъ за указанія номера и года рѣшенія. Можно ли ожидать, чтобы начинающіе практики сохранили въ себѣ надолго вѣру въ науку, которой авторитетъ топчется въ каждомъ засѣданіи?" (стр. 235—6). Самъ сенатъ поддерживаетъ такое направленіе судебной практики и нерѣдко выражаетъ прямое пренебреженіе къ теоретической юриспруденціи. Авторъ приводитъ замѣчательное рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента за 1891 годъ, гдѣ сенатъ дѣлаетъ замѣчаніе виленской палатѣ за „неумѣстныя ссылки на начала такъ называемой теоріи права, на ученія римскаго и французскаго права, на сочиненія иностранныхъ юристовъ и т. п.", при отсутствіи постановленій въ русскомъ законодательствѣ по данному вопросу. „Здѣсь все заслуживаетъ вниманія,—замѣчаетъ авторъ,—но особенно прелестно въ устахъ сената (выраженіе) „такъ называемая теорія права". Значитъ, сенатъ не знаетъ о существованіи дѣйствительной теоріи права, или намѣренно игнорируетъ ее. Мало того, онъ запрещаетъ судебнымъ учрежденіямъ обращаться за указаніями къ теоріи права и ею оправдывать свои рѣшенія". Однако сенатъ имѣетъ въ своемъ составѣ „столь видныхъ представителей такъ называемой теоріи права, какъ гг. Таганцевъ, Пахманъ и др. Иронія, издѣвательство надъ наукою несомнѣнно болѣе неумѣстны въ судебномъ рѣшеніи, хотя бы и кассаціонномъ, нежели ссылка на иностранныя законодательства и литературу. Такимъ путемъ сенатъ стремится заглушить и безъ того рѣдкое поползновеніе въ средѣ практиковъ обращаться къ наукѣ и предлагаетъ замкнуться исключительно въ кругу кассаціонныхъ рѣшеній". Понятно, что рѣшеніе, подобное приведенному, „было бы безусловно невозможно для французскаго сената, который стоитъ въ самой тѣсной связи съ наукою и пользуется полнымъ уваженіемъ со стороны ея представителей (стр. 239). Научная юриспруденція находится у насъ опять въ загонѣ, и нельзя не замѣтить, что наши ученые юристы очень мало дѣлаютъ для того, чтобы поднять ея значеніе въ обществѣ.

Въ книгѣ г. Шершеневича замѣчается недостатокъ системы при распредѣленіи матеріала: такъ, послѣ разбора нѣсколькихъ сочиненій, относящихся къ концу пятидесятыхъ, къ шестидесятымъ и даже семидесятымъ годамъ, онъ вдругъ переходитъ къ подробной оцѣнкѣ труда Неволина, вышедшаго въ 1851 году (стр. 49 и слѣд.); къ нѣкоторымъ авторамъ онъ возвращается нѣсколько разъ или говоритъ о нихъ больше, чѣмъ они заслуживали бы по своему значенію; о другихъ говоритъ слишкомъ мало (напр. о работахъ Оршанскаго, „талантливаго русскаго юриста, такъ рано умершаго"). Останавливаясь на изслѣдованіяхъ по вопросу о представительствѣ и довѣренности, авторъ упускаетъ изъ виду, что первая значительная работа

по этому предмету принадлежитъ г. Гордону и была напечатана въ журналѣ министерства юстиціи задолго до появленія сочиненій гг. Евецкаго, Казанцева и Нерсесова; позднѣйшей же обширной книгѣ г. Гордона удѣлено гораздо меньше вниманія, чѣмъ слѣдовало бы по богатству ея матеріала и по внутреннимъ ея достоинствамъ. Иногда критическіе отзывы г. Шершеневича отличаются рѣзкостью, недостаточно мотивированною; такъ, о книгѣ г. Табашникова онъ выражаетъ, что авторъ „пытается наполнить сочиненіе фейерверкомъ трескучихъ и не относящихся къ дѣлу фразъ, напыщенностью и искусственною энергіею критики, производящею чрезвычайно непріятное впечатлѣніе фальшивости", и что лучшее, что можно сказать объ этой книгѣ, при желаніи быть необыкновенно снисходительнымъ,— это то, что „она не заслуживаетъ одного сплошного порицанія" (стр. 157).

Критикуя разныхъ ученыхъ юристовъ, авторъ не выясняетъ своей собственной точки зрѣнія и не высказываетъ опредѣленныхъ взглядовъ на задачи юридической науки, на желательное ея направленіе и методъ; нерѣдко онъ впадаетъ въ серьезныя противорѣчія, одобряя въ одномъ мѣстѣ то, что осуждается въ другомъ. Упомянувъ объ одномъ разборѣ книги Кавелина по гражданскому праву, онъ замѣчаетъ, что „рецензія эта не заслуживаетъ вниманія, потому что въ ней рѣзкость замѣчаній прикрываетъ недостатокъ научныхъ обоснованій дѣлаемыхъ возраженій" (стр. 109); однако онъ возвращается къ той же статьѣ въ другомъ мѣстѣ и уже находитъ въ ней указаніе на „несомнѣнную, близкую связь между гражданскимъ правомъ и политическою экономіею", причемъ дѣлаетъ изъ статьи довольно длинную цитату. Разбирая съ своей стороны систему, предложенную Кавелинымъ, онъ въ существѣ сходится съ авторомъ упомянутой рецензіи и косвенно признаетъ его возраженія вполнѣ основательными. Указанія на экономическія основы гражданскаго права объясняются г. Шершеневичемъ „особенною склонностью русскаго общества къ экономическимъ наукамъ"; въ то же время принципіальное признаніе важности и обязательности экономическихъ основъ для науки права не имѣетъ будто бы значенія, и весь вопросъ заключается только въ томъ, чтобы „выяснить, какимъ образомъ положить экономическую точку зрѣнія въ основу правовѣдѣнія" (стр. 134—5). Между тѣмъ очевидно, что прежде чѣмъ говорить о способахъ преобразованія юриспруденціи необходимо было бы въ принципѣ рѣшить вопросъ объ ея истинныхъ реальныхъ основахъ, объ ея общемъ характерѣ и методѣ. Повидимому, авторъ не отрицаетъ существенной и необходимой связи между правовѣдѣніемъ и политической экономіею; такъ, онъ находитъ, напр., что „недостатокъ экономическихъ

познаній чувствуется во всѣхъ трудахъ г. Муромцева, и тѣмъ осязательнѣе, что онъ пускается самостоятельно въ область чисто (?) экономическихъ отношеній" (стр. 213). Значитъ, экономическія познанія нужны юристу сами по себѣ, для правильнаго выясненія юридическихъ институтовъ и нормъ, а вовсе не вслѣдствіе „особенной склонности русскаго общества къ экономическимъ наукамъ".

Г. Шершеневичъ относится съ большимъ уваженіемъ къ научной дѣятельности г. Муромцева; онъ высоко цѣнитъ К. Д. Кавелина, хотя и не считаетъ его цивилистомъ по призванію. „Главною ошибкою Кавелина,—говоритъ онъ,—было избраніе своею научною спеціальностью гражданскаго права, которое менѣе всего подходило къ складу его ума и характера. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на характеристику этой науки, которую онъ самъ сдѣлалъ, и сравнить ее со всею жизнью этого замѣчательнаго дѣятеля... Вотъ почему, несмотря на блестящій талантъ, на всестороннее образованіе Кавелина, труды его по гражданскому праву являются какими-то случайными эпизодами въ жизни автора" (стр. 100—1). Кавелину удѣлено въ книгѣ наиболѣе мѣста (стр. 100—119, а также 37—8, 45—7 и др.); немного меньше—г. Муромцеву (стр. 199—213 и мн. др). При всѣхъ своихъ недостаткахъ, сочиненіе г. Шершеневича представляетъ, однако, несомнѣнный интересъ не только для юристовъ, но и для образованныхъ читателей вообще. Одно изъ достоинствъ книги—ясность и легкость изложенія.

Идеальное государство. Съ планами, чертежами и таблицами. *Петръ Бедрисъ.* Спб., 1893. Стр. 246. Ц. 3 р.

Идеальнымъ государствомъ, по теоріи г. Бедриса, будетъ такое, гдѣ нѣтъ черезполосности въ землевладѣніи, гдѣ среднія разстоянія селеній отъ своихъ полей наименѣе значительны, и гдѣ общее межеваніе земель произведено наилучшимъ образомъ. Книга г. Бедриса почти цѣликомъ посвящена вопросамъ о черезполосности и межеваніи, причемъ авторъ вдается въ техническія подробности и вычисленія, съ приложеніемъ рисунковъ, плановъ и таблицъ; въ концѣ перепечатано почему-то „Положеніе о размежеваніи черниговской и полтавской губерній, 1859 года, даже съ штатами межевыхъ палатъ и коммиссій (стр. 177—228), и затѣмъ помѣщены акты и планы по спеціальному размежеванію чрезполосныхъ дачъ города Суража, произведенному „начальникомъ землемѣрной партіи, г. Петромъ Бедрисомъ". При чемъ тутъ „идеальное государство"—остается повидимому непонятнымъ, но внутренняя связь между идеалами и межеваніемъ существуетъ у автора, какъ спеціалиста по межеванію, и взгляды

его на совершенный государственный строй носять на себѣ соотвѣтственный, чисто-межевой характеръ.

По подробнымъ разсчетамъ г. Бедриса оказывается, что „самою выгодною хозяйственною единицею является площадь пахатной земли въ 60 десятинъ (при отсутствіи парового поля)", и что поэтому „площадь земли, разбитая на шестиугольные участки, по 60 десятинъ каждый, при центральномъ положеніи хуторовъ, представляетъ то идеальное хозяйство, которое, при употребленіи нормальной рабочей силы, можетъ дать наивысшій доходъ" (стр. 46—7). А если все государство будетъ раздѣлено на „правильные и равные между собою шестиугольники нормальной величины", то оно достигнетъ идеала, и напримѣръ Россія пріобрѣтала бы ежегодно болѣе двухъ съ половиною милліардовъ рублей отъ такого размежеванія земель. „Стоить только вооружиться нѣкоторымъ мужествомъ, энергіей и настойчивостью и дружно приняться за устраненіе всѣхъ перечисленныхъ недостатковъ народнаго хозяйства (т.-е. черезполосности, чрезмѣрныхъ разстояній поселковъ отъ полей и т. д.),—восклицаетъ г. Бедрисъ,—и мы мало-по-малу сдѣлаемся обладателями этихъ милліардовъ!"—Авторъ, очевидно, твердо вѣритъ въ осуществимость своего межевого идеала и предлагаетъ рядъ практическихъ мѣръ для скорѣйшаго приведенія его въ жизнь въ предѣлахъ Россіи; онъ упускаетъ изъ виду только одно маленькое обстоятельство—реальныя условія быта, привычки, чувства и желанія многихъ десятковъ милліоновъ человѣческихъ существъ, несогласныхъ жить хуторами въ размѣренныхъ шестиугольникахъ по плану г. Бедриса или кого-либо другого.—Л. С.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Акинфіевъ, И. Я.—Путешествіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу. Екатерин. 93. Стр. 67. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ, Александръ.—Сонъ и явь. М. 93. Стр. 198. Ц. 1 р.

Бедрисъ, Петръ.—Идеальное государство. Съ планами, чертежами и таблицами. Спб. 93. Стр. 246. Ц. 3 р.

Бекарюкова-Гизетти, женщ. врачъ, Н. — Для взрослыхъ. Великое горе. Разсказъ о томъ, какая бѣда отъ „дурной болѣзни", и какъ отъ нея спастись. М. 93. Стр. 71.

Боткинъ, Я. А.—Особенности гражданской психіатрической экспертизы и значеніе свѣтлыхъ промежутковъ. Каз. 93. Стр. 49. Ц. 30 к.

——— Нравственное помѣшательство въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Каз. 93. Стр. 71. Ц. 30 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. — Новыя вѣянія. Ром., въ 2 ч. Пер. съ норвеж. М. В. Лучицкой. Кіевъ, 93. Стр. 301 и 372. Ц. 70 к.

Вагнеръ, Влад.—Методы естествознанія въ наукѣ и школѣ. М. 93. Стр. 50.

Гезенъ, А.—Очерки и замѣтки изъ области филологіи, исторіи и философіи. Вып. 1: Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры. Спб. 84. Стр. 128. Ц. 3 руб.

Гейки, д-ръ К.—Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Вып. 6. Съ оригинальными рисунками Г. А. Гарпера. Пересказъ съ англ. п. р. Ф. С. Комарскаго. Спб. 93. Стр. 482—575. Ц. 1 р.

Гербель, Н. В.—Собраніе сочиненій Гёте, въ переводѣ русскихъ писателей. Второе изд., п. р. П. Вейнберга. Т. V, VI и VII. Спб. 93. Стр. 495, 388 и 434.

Дубенскій, Мих.—Очеркъ дѣятельности волостного суда въ Восточной Сибири. Округъ Красноярскій. Ирк., 93. Стр. 64.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).—Грезы и пѣсни. Стихотворенія. Спб. 93. Стр. 88.

Каблицъ, I. (Юзовъ).—Основы народничества. Ч. II. Спб. 93. Стр. 509. Ц. 2 р.

Киландъ.—Торговый домъ „Германъ и Верзе". Ром., съ норвеж.—*Лефлеръ*, А. К.—Званный вечеръ. Разск., съ норвеж. М. 93. Стр. 391.

Когенъ, А.—Стихотворенія. Кіевъ, 93. Стр. 153. Ц. 1 р.

Коменскій, Янъ Амосъ.—О культурѣ природныхъ дарованій. Переводъ съ латинскаго Л. Н. Модзалевскаго. Спб. 93. Стр. 44. Ц. 30 к.

——— Уставъ материнской школы. Перев. Ѳ. Ржига. Н.-Новг. 93. Стр. XIV и 109. Ц. 50 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II: Особенная часть. Спб. 93. Стр. 417. Ц. 2 р. 50 к.

Королевъ, Ф. Н.—Льноводство. Съ 47 черт. въ текстѣ. Спб. 93. Стр. 146 Ц. 80 к.

Крыловъ, А.—Ученическій домашній столъ на новыхъ началахъ. М. 93. Стр. 11.

Левенсонъ, П. Я.—Беккаріа и Бентамъ. Спб. 93. Стр. 95. Ц. 25 к.

Лишинъ, А.—Динамическая крѣпость боевыхъ судовъ. Севаст. 93. Стр. 14.

Лёббокъ, Дж.—Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Перев. съ англ. п. р. А. П. Павлова. М. 93. Стр. 255. Ц. 1 р. 50 к.

Лурье, Осипъ.—Звуки жизни. Спб. 93. Стр. 112.

Лѣсковъ, Н. С., Сочиненія. Т. XI. Спб. 93. Стр. 490. Ц. 3 р.

Межовъ, В. И.—Русская историческая библіографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 вкл. Т. III. 93. Стр. 514. Ц. 3 р. 50 к.

Моссо, Анджело.—Усталость. Съ 30 рис. въ текстѣ. Перев. съ итальян. и дополн. по нѣмецк. изд. М. М. Манасеиной. Спб. 93. Стр. 316. Ц. 1 р. 25 к.

Полиновскій, М. Б.—Стихи. Од. 93. Стр. 127. Ц. 40 к.

Прессъ, А. А.—Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ. Спб. 93. Стр. 182. Ц. 1 р. 75 к.

Родъ, Эд.—Михаилъ Тейсье. Ром. Съ франц. Спб. 93. Стр. 331.

Руссетъ, И.—Конспектъ свѣденій, необходимыхъ для лицъ, занимающихся рисованіемъ. Спб. 93. Стр. 72. Ц. 25 к.

Саловъ, И.—Съ натуры. Очерки и разсказы. Спб. 93. Стр. 325. Ц. 1 р.

С—въ, П. Е.—Въ городѣ и на дачѣ. Сборникъ юмористическихъ стихотвореній. Вып. 1. Пенза, 93. Ц. 25 к.

Скворцовъ, Ир.—Бесѣды о холерѣ. Харьк. 93. Стр. 57.

Скобельцынъ, А. Е.—Объ уголовномъ преслѣдованіи за отзывъ въ русской печати объ иностранцѣ. Орелъ, 93. Стр. 40. Ц. 50 к.

Сумцовъ, Н. Ѳ.—Народныя пѣсни о смерти солдата (Изъ XVI книги „Этнографическаго Обозрѣнія"). М. 93. Стр. 44—60.

——— Легенда о грѣшной матери (оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина"). Кіевъ, 93. Стр. 14.

Таргонскій, В. А. — Географическое распредѣленіе града въ европейской Россіи и зависимость этого явленія отъ рельефа земной поверхности. М. 93. Стр. 65. Ц. 50 к.

Филодумовъ. А. — Путевые разсказы и замѣтки. Вып. 1. Од. 93. Стр. 60. Ц. 30.

Цигенъ, д-ръ Т.—Физіологическая психологія, въ 14 лекціяхъ. Перев. съ нѣм. М. Милославскаго, п. р. В. Ф. Чижа. Съ 21 рис. въ текстѣ. Спб. 93. Стр. 190. Ц. 75 к.

Шереметевъ, гр. Сергій.—Ульянка. Спб. 93. Стр. 24.

Leroy-Beaulieu, Anatole. — Les Juifs et l'antisémitisme. Israël chez les nations. Par. 93. Стр. 441. Ц. 3 фр. 50 сант.

Lourié, Ossip.—Échos de la vie. Par. 93. Стр. 145. Ц. 3 фр.

— Десятый годичный отчетъ Общества взаимнаго вспоможенія прикащиковъ въ г. Самарѣ за 1892 г. Сам. 93.

— Журналы Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія XXVII очередн. сессіи. Александровскъ, 93. Стр. 308.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея за 1890—92 г. Спб. 93. Стр. 333.

— Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. б. Тов. Гарбель и К°. Вып. 68 и 69 (Мировая юстиція — Молочай). М. 93. Стр. 3197—3276. Ц. по 40 коп.

— Общій отчетъ Елисаветградской уѣздной земской управы за 1892 г. Елисаветгр. 93. Стр. 343.

— Постановленія Бердянскаго уѣздн. зем. собранія, въ сентябрѣ 1892 г. Бердянскъ, 93. Стр. 480.

— Саратовскій край. Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе Саратовскаго Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ. Выпускъ первый. Саратовъ, 93. Стр. 372.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій по Саратовской губерніи. Т. IX. Сердобскій уѣздъ. Сарат. 92. Стр. 332 и 829.

——— Т. VII: Вольскій уѣздъ. Сарат. 92. Стр. 201 и 369.

——— Т. XII: Балашовскій уѣздъ. Сарат. 92. Стр. 311 и 365. Ц. 2 р.

— Сибирскій сборникъ, п. р. А. Н. Ушакова. Вып. II. Иркутскъ, 93. Стр. 156.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго общества. Т. 83: Политическая переписка ген. Савари, 1807 г. Т. 84: Протоколы, указы и журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта, 1728 г. Т. 85: Донесенія англійскихъ пословъ при русскомъ Дворѣ, 1740—41 гг. Т. 86: Дипломатическая переписка изъ парижскаго архива мин. ин. дѣлъ, 1738 г. Т. 87: Политическая переписка имп. Екатерины II, 1768—69 гг. Спб. 93. Ц. 3 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henri Joly. Le socialisme chrétien. Paris, 1893. Стр. 332. Ц. 3 фр. 50 с.

Проповѣдники „христіанскаго соціализма“ ссылаются обыкновенно на библейскіе и евангельскіе тексты въ доказательство того, что соціалистическіе идеалы находятъ себѣ подтвержденіе въ предписаніяхъ религіи; но если разумѣть подъ соціализмомъ господство извѣстной принудительной организаціи, регулирующей всю экономическую жизнь и дѣятельность народа по началамъ равенства, то христіанство не даетъ никакой точки опоры для подобнаго порядка вещей. Эту несложную мысль подробно развиваетъ Анри Жоли въ своей интересной книгѣ, богатой историческими и литературными свѣдѣніями.

Сопоставивъ и разобравъ тексты, авторъ въ концѣ первой главы приходитъ къ слѣдующему заключенію: „христіанскій соціализмъ существовалъ бы, еслибы нашелся такой видъ соціализма, который, согласно священному писанію, вѣрнѣе предупреждалъ бы воровство, лучше охранялъ бы семью, воздавалъ бы каждому должное, уменьшалъ бы злоупотребленія силы, укрѣплялъ бы солидарность личностей. Христіанскій соціализмъ могъ бы также существовать, еслибы нашлась соціалистическая организація, которая, не будучи въ состояніи сама по себѣ обезпечить всѣ эти преимущества, согласилась бы для достиженія ихъ прибѣгнуть къ нравственному вліянію христіанства. Но если хотятъ говорить о властномъ, нивеллирующемъ строѣ, имѣющемъ цѣлью регулировать трудъ и навязывать равенство, то можно смѣло сказать, что нѣтъ соціализма библейскаго или евангельскаго, а слѣдовательно — нѣтъ соціализма христіанскаго“. Авторъ обращается затѣмъ къ исторіи католической церкви и къ анализу разныхъ сектантскихъ ученій, чтобы по документальнымъ источникамъ провѣрить обычныя ссылки на религіозныя основы соціализма, и въ результатѣ обширнаго этюда о „традиціяхъ и ересяхъ“ (стр. 36—113) получается опять отрицательный выводъ. Нѣчто подобное новѣйшимъ соціалистическимъ идеямъ проповѣдовалось только основателями и послѣдователями сектъ, теоріи которыхъ отвергались церковью. „Во всякомъ случаѣ,—замѣчаетъ Жоли,—кажется довольно страннымъ, что

горячіе католики видятъ въ соціализмѣ традицію, которую нужно возстановить въ христіанствѣ: въ томъ, что̀ мы видѣли до сихъ поръ относительно жизни христіанства, соціализмъ представленъ исключительно еретиками". Многіе искренніе друзья народныхъ массъ, увлеченные доктринами и событіями 1848 года, приняли на вѣру предполагаемый соціализмъ отцовъ церкви; какому-нибудь святому приписывали еретическій текстъ, который онъ въ дѣйствительности приводилъ только для того, чтобы нѣсколькими строками ниже отвергнуть его въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ; папу считали отвѣтственнымъ или, вѣрнѣе, прославляли за мнимое посланіе, проникнутое коммунистическимъ духомъ, — между тѣмъ лицо, совершившее эту поддѣлку, хорошо извѣстно. Такія недоразумѣнія и ошибки играютъ большую роль въ литературѣ христіанскаго соціализма, насколько можно судить по приводимымъ въ книгѣ примѣрамъ.

Отъ отцовъ церкви авторъ переходитъ къ средневѣковымъ теологамъ, къ позднѣйшимъ проповѣдникамъ и миссіонерамъ,—останавливается на ученіяхъ св. Ѳомы Аквината и Суареца, говоритъ объ идеяхъ эпохи возрожденія, о Боссюэтѣ и Фенелонѣ, о дѣйствіяхъ миссіонеровъ въ Парагваѣ, объ увлеченіяхъ мнимыми преимуществами первобытной жизни и о предвѣстникахъ революціи. Между прочимъ, Жоли указываетъ на крайнюю преувеличенность свѣденій объ успѣхахъ іезуитовъ въ Парагваѣ и на ложное освѣщеніе быта туземцевъ въ краснорѣчивыхъ миссіонерскихъ описаніяхъ; благоденствіе дикарей, поставленныхъ въ простыя, „естественныя" условія жизни, было чистѣйшею фантазіею, и однако серьезные умы, какъ Монтескьё, опирались на эти коммунистическія учрежденія и порядки, введенные будто бы іезуитами по образу древнихъ республикъ, и дѣлали на этомъ основаніи широкіе и смѣлые выводы о возможномъ устройствѣ человѣческаго быта въ Европѣ. Шатобріанъ восторженно описывалъ „христіанскую республику" подъ іезуитскимъ управленіемъ, ставилъ ее выше Аѳинъ, связывалъ ее съ идеями Платона и выражался о туземцахъ какъ о дѣтяхъ, воспитываемыхъ учителями по рецептамъ великихъ философовъ; наставники выдѣляли изъ туземцевъ тѣхъ, которые „проявляли признаки генія", и помѣщали ихъ въ семинарію, гдѣ господствовало „суровое ученіе въ духѣ Пиѳагора". Эта фразеологія, смѣшивавшая въ одну кучу древнихъ аѳинянъ съ туземцами Парагвая, Ликурга и Платона съ іезуитскими миссіонерами,—соотвѣтствовала духу той эпохи и, конечно, производила тогда совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ въ настоящее время. Идеи романтическаго соціализма порождались такимъ образомъ на почвѣ явныхъ иллюзій, которыя должны были бы разсѣяться безслѣдно при первомъ прикосновеніи критики.

Въ главахъ о кризисѣ 1848 года и о „новѣйшихъ школахъ" собрано много любопытныхъ фактовъ, касающихся развитія христіанскаго соціализма во Франціи, въ связи съ общимъ ходомъ соціалистическаго движенія въ обществѣ и въ журналистикѣ. Придерживаясь своей исходной точки зрѣнія, авторъ видитъ истинную традицію христіанства въ послѣдней энцикликѣ папы Льва XIII, выражающей сочувствіе рабочему классу, но отвергающей принудительныя формы соціализма. Жоли придаетъ рѣшающее значеніе авторитету подлинныхъ текстовъ и документовъ, при оцѣнкѣ идей „христіанскаго соціализма"; но общественныя и народныя движенія, все болѣе разростающіяся въ Европѣ и въ Америкѣ, не справляются съ текстами, а подчиняются чувствамъ и интересамъ, противъ которыхъ безсильны всякіе формальные доводы. Если христіанскій соціализмъ ошибочно прикрывается ученіями церкви, какъ доказываетъ Жоли, то это нисколько не ослабляетъ того безспорнаго факта, что христіанскій соціализмъ существуетъ и развивается въ жизни, и что сама церковь, въ лицѣ ея высшихъ служителей, считаетъ долгомъ высказываться въ пользу трудящихся народныхъ массъ, заявляя этимъ отчасти свою солидарность съ проповѣдниками христіанскаго соціализма. Попытка римской церкви овладѣть рабочимъ движеніемъ представляла бы большую важность для будущаго, при современномъ демократическомъ строѣ государствъ, и эта попытка, конечно, не могла бы быть остановлена тѣми наивными доказательствами, которыя противопоставляетъ ей Анри Жоли.

II.

Les juifs et l'antisémitisme. Israël chez les nations, par *Anatole Leroy-Beaulieu*, de l'Institut. Paris, 1893. Стр. 483. Ц. 8 фр. 50 с.

Прежде чѣмъ писать объ антисемитизмѣ и объ „Израилѣ между народами", Анатоль Леруа-Больё потратилъ много труда на изученіе еврейства съ различныхъ сторонъ, собиралъ свѣденія и наблюденія въ Германіи, Австріи, Россіи и даже въ Палестинѣ, ознакомился съ религіозными книгами, обрядами и воззрѣніями евреевъ, старался проникнуть въ этотъ замкнутый міръ еврейской жизни и психологіи, и подготовилъ, такимъ образомъ, всѣ нужные матеріалы для возможно полнаго объективнаго изслѣдованія. И тѣмъ не менѣе, написавъ большую книгу объ этомъ предметѣ, онъ не успѣлъ вполнѣ выяснить сущность новѣйшаго антисемитизма и долженъ былъ пока оставить въ сторонѣ тѣ экономическія и финансовыя явленія, которыя повсюду играли такую видную роль въ еврейскомъ вопросѣ. Леруа-Больё не

выступаетъ безусловнымъ защитникомъ евреевъ,—нѣкоторыя разсужденія его вызывали даже горячіе протесты со стороны французскихъ раввиновъ,—но онъ рѣшительно возстаетъ противъ племенной и религіозной вражды, какими бы мотивами она ни прикрывалась. „Эта книга,—говоритъ онъ въ предисловіи, — написана христіаниномъ и французомъ. Какъ христіанинъ, авторъ принадлежитъ къ числу лицъ, считающихъ духъ нетерпимости противнымъ христіанству, и ничто не кажется ему менѣе согласнымъ съ евангеліемъ, чѣмъ вражда расъ... Какъ французъ, авторъ сохраняетъ убѣжденіе, что Франція должна остаться вѣрною завѣтамъ справедливости и свободы... Антисемитизмъ несогласенъ ни съ нашими принципами, ни съ нашимъ національнымъ духомъ. Онъ явился къ намъ извнѣ, изъ странъ, не имѣющихъ ни свойствъ нашего ума, ни нашихъ традицій. Онъ занесенъ къ намъ съ той стороны Рейна, изъ старой Германіи, всегда наклонной къ вѣроисповѣднымъ спорамъ и проникнутой сословнымъ духомъ, и изъ Германіи новой, переполненной чувствомъ племенной гордости и презрительно взирающей на все не-германское“.

Современныя культурныя общества страдаютъ отъ многихъ важныхъ золъ, нравственныхъ и матеріальныхъ, и ошибка антисемитовъ, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что симптомъ болѣзни они принимаютъ за ея причину. „Чтобы возвратить здоровье европейскимъ націямъ, недостаточно еще устранить семита... Еслибы даже всѣ евреи до послѣдняго были изгнаны изъ Франціи и еслибы Израиль вполнѣ исчезъ съ лица Европы, Франція отъ этого не выздоровѣла бы, и Европа нисколько бы не поправилась. Прежде чѣмъ лечить, нужно знать болѣзнь; но антисемитизмъ создаетъ иллюзію, поддерживая въ насъ увѣренность, что причина недуга не въ насъ самихъ, а внѣ насъ. Нѣтъ ошибки болѣе опасной. Мы поражены внутреннею болѣзнью, зависящею отъ нашего строя и отъ нашихъ порядковъ, а антисемиты упорно повторяютъ намъ, что это лишь зло внѣшнее, поверхностное, случайное, чуждое нашей расѣ и нашей крови“. Вопросъ еврейскій есть въ одно и то же время вопросъ религіозный, національный и экономическій, соціальный; сложность дѣлаетъ его болѣе острымъ и жгучимъ. Антагонизмъ возбуждается здѣсь и религіозною нетерпимостью, и національною или племенною исключительностью, и промышленнымъ соперничествомъ,—всѣмъ вообще, что̀ наиболѣе способно раздѣлять и увлекать людей.

Авторъ поочередно подвергаетъ критическому разбору и оцѣнкѣ главнѣйшіе мотивы обычныхъ обвиненій противъ еврейства. Религія сама по себѣ не служитъ уже предметомъ непріязни и преслѣдованій, но она оставляетъ широкое поле для подозрѣній, въ виду малой извѣстности и недоступности еврейскихъ религіозныхъ книгъ

для большинства христіанъ. Невѣжественные или недобросовѣстные обвинители приводятъ изъ талмуда какое-либо мнимое или дѣйствительное изреченіе, могущее показаться ужаснымъ или возмутительнымъ; они не знаютъ или забываютъ при этомъ, что талмудъ есть громадное собраніе мнѣній, толкованій и разсужденій, часто противорѣчивыхъ, высказанныхъ въ разныя эпохи представителями различныхъ школъ. Въ этой „безформенной энциклопедіи религіозныхъ и юридическихъ преданій“ можно найти всякаго рода свѣденія, замѣчанія, басни, легенды, въ видѣ отчетовъ о засѣданіяхъ и спорахъ раввиновъ; естественно, что нелѣпости встрѣчаются рядомъ съ здравыми и возвышенными идеями,—точно такъ же, какъ въ христіанской средневѣковой схоластикѣ, въ массѣ богословскихъ комментаріевъ и выводовъ, находится не мало такого, что̀ возмущало бы совѣсть современнаго читателя. Содержаніе талмуда выработалось въ періодъ времени отъ перваго столѣтія до Р. Хр. и до IV или V вѣка послѣ Р. Хр. и отразило въ себѣ положеніе и настроеніе іудеевъ послѣ паденія Іерусалима; поэтому извлекать изъ этого источника матеріалъ для характеристики взглядовъ нынѣшняго еврейства—еще менѣе основательно, чѣмъ приписывать теперешней римской церкви идеи и стремленія средневѣковой инквизиціи. Притомъ талмудъ, какъ извѣстно, не имѣетъ обязательнаго религіознаго значенія и изучается только весьма немногими ревнителями вѣры;—уже по своему громадному объему и трудному смѣшанному языку онъ не можетъ быть доступенъ массѣ; содержаніе его остается невѣдомымъ отчасти для самихъ евреевъ, особенно для тѣхъ, которые по рожденію не принадлежатъ къ ортодоксальнымъ элементамъ еврейства. Ученія св. Ѳомы Аквината или св. Августина извѣстны большинству даже образованной публики только изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, но современнымъ читателямъ-христіанамъ эти латинскія книги несравненно доступнѣе, чѣмъ евреямъ—халдейско-арамейско-еврейскіе тексты фоліантовъ талмуда. Какъ богословскія науки проходятся не всѣми, такъ и еврейскія религіозныя книги и сборники изучаются лишь спеціалистами или особенно набожными евреями; но, по словамъ Леруа-Больё, и между раввинами раздаются жалобы на упадокъ талмудическихъ занятій. „Они не знаютъ даже Мишны“, говорилъ автору презрительно одинъ изъ русскихъ евреевъ-талмудистовъ (стр. 36).

Антисемитизмъ въ Германіи, по мнѣнію Леруа-Больё, возникъ подъ вліяніемъ антиклерикальной или культурной борьбы, предпринятой княземъ Бисмаркомъ въ семидесятыхъ годахъ, при участіи и сочувствіи еврейскихъ журналистовъ и общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ депутата Ласкера; католики будто бы не могли простить

евреямъ это коварное ихъ поведеніе и тотчасъ обратили противъ нихъ старое оружіе, едва успѣвшее выйти изъ употребленія въ образованныхъ слояхъ нѣмецкаго общества. Объясненіе это слишкомъ слабо и недостаточно само по себѣ; отчасти оно также противорѣчитъ фактамъ: въ періодъ культурной борьбы нѣмецкимъ католикамъ было не до евреевъ, и вліяніе послѣднихъ не было замѣтно, когда Бисмаркъ принималъ свои суровыя мѣры противъ Ватикана;—антисемитизмъ развился позднѣе, и его проповѣдники были преимущественно протестанты, какъ пасторъ Штекеръ и другіе; движеніе особенно усиливается въ новѣйшее время, послѣ того, какъ давно затихли послѣдніе отголоски „культуркампфа". Еще ранѣе, чѣмъ въ Германіи, или почти одновременно проявился антисемитизмъ въ Австріи и въ другихъ странахъ, гдѣ не было никакой борьбы противъ клерикаловъ и противъ католическаго духовенства; а во Франціи, гдѣ эта борьба энергически велась республиканцами, не поднимался вопросъ объ еврействѣ до послѣдняго времени, когда установилась уже примирительная политика относительно церкви. Кампанія Дрюмона и Мореса вызвана, конечно, не клерикализмомъ. Отмѣтимъ еще одно обстоятельство, къ которому авторъ возвращается почему-то нѣсколько разъ: по его словамъ, Гамбетта былъ еврей по отцу, т.-е. „отецъ его былъ еврей не по религіи, а по происхожденію" (стр. 281 и др.). На этомъ основаніи авторъ серьезно разсуждаетъ о Гамбеттѣ, какъ объ евреѣ, и называетъ его человѣкомъ чужой крови (стр. 393), хотя во всякомъ случаѣ мать его была природная француженка, а отецъ тоже, быть можетъ, родился христіаниномъ. Извѣстно, что въ дѣтствѣ Гамбетта предназначался къ духовному званію; это едва-ли было бы возможно, еслибы родители его имѣли какую-либо связь съ еврействомъ. Но допустимъ вѣрность этого факта, сообщеннаго автору „человѣкомъ, слышавшимъ о томъ (будто бы) отъ самого Гамбетты". Почему же этимъ благодарнымъ матеріаломъ не воспользовались клерикалы, когда Гамбетта громилъ ихъ и восклицалъ: „le cléricalisme—voilà l'ennemi!"? Неужели ярые враги Гамбетты упустили бы случай заклеймить его неблагозвучнымъ именемъ „juif", которымъ такъ легко объяснялась бы вражда его къ римской церкви и къ клерикализму? Однако, насколько извѣстно, при проведеніи школьныхъ и другихъ законовъ, направленныхъ противъ католическаго духовенства, — еврейство почти не упоминалось въ жестокой полемикѣ партій. Главный практическій дѣятель „культурной борьбы", Жюль Ферри, не былъ евреемъ; а главнѣйшимъ противникомъ его, защитникомъ полной свободы совѣсти и преподаванія, даже для іезуитовъ, и слѣдовательно союзникомъ клерикаловъ, былъ Жюль Симонъ, еврей по происхожденію. Только впослѣдствіи, когда борьба

затихла, нѣкоторые писатели, какъ, напр., Дрюмонъ, пытались связать ее съ господствомъ и интригами евреевъ, ибо, по своеобразной теоріи Дрюмона и его единомышленниковъ, всякій зловредный дѣятель есть еврей или потомокъ евреевъ, или орудіе еврейства.

Анатоль Леруа-Больё замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что Карлъ Марксъ, еслибы сохранилъ имя своихъ предковъ, назывался бы Мардехай. „Я сожалѣю,—говоритъ онъ далѣе,—объ этомъ арійскомъ переименованіи вдохновителя интернаціоналки; я хотѣлъ бы видѣть, сдѣлался ли бы Мардехай столь же легко пророкомъ коллективизма" (стр. 376 и 387). Авторъ, впрочемъ, добавляетъ, что уже отецъ Карла принялъ фамилію Маркса. Мы не знаемъ, насколько основательно это указаніе; сомнѣніе тѣмъ болѣе возможно, что Мардехай есть имя, а не фамилія;—но предположивъ, что фактъ вѣренъ, и что онъ могъ бы въ самомъ дѣлѣ имѣть серьезное значеніе для судьбы вдохновителя интернаціоналки, нельзя опять-таки не задаться вопросомъ: что же мѣшало врагамъ Маркса вспомнить своевременно о Мардехаѣ и пригвоздить это злополучное имя къ личности автора „Капитала"? Очевидно, слова и названія не играютъ въ Европѣ той роли, какую приписываетъ имъ авторъ; и сколько бы ни называли Гамбетту евреемъ и какъ бы ни старались передѣлать Маркса въ Мардехая, однако значеніе и популярность этихъ дѣятелей не были бы поколеблены подобными ребяческими средствами. Еслибы такія средства имѣли хоть малѣйшую силу, то буржуазія всего міра давно называла бы Маркса не иначе какъ Мардехаемъ; но это никому не придетъ въ голову по той простой причинѣ, что успѣхъ книги о „Капиталѣ" не зависѣлъ отъ имени и былъ бы, конечно, столь же значителенъ подъ фирмою Мардехая, какъ и при всякомъ другомъ имени автора. Дѣло именно въ томъ, что внутреннее содержаніе „Капитала" и характеръ всей дѣятельности Маркса говорили слишкомъ громко и ясно противъ всего того, что принято считать специфически еврейскимъ, и потому, въ примѣненіи къ такимъ лицамъ употреблять слово „еврей" въ оскорбительномъ смыслѣ было бы только смѣшно. Такъ же точно роль Гамбетты въ періодъ народной обороны, какъ и позднѣйшая дѣятельность его, полная ошибокъ и увлеченій, но открытая и безкорыстная,—исключала возможность напоминаній объ его еврейскомъ происхожденіи съ цѣлью обиды, если онъ и въ самомъ дѣлѣ происходилъ изъ евреевъ. Очевидно, внѣшніе, поверхностные признаки и мелкіе личные факты не рѣшаютъ вопроса объ антисемитизмѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ, и причины этого явленія находятся, вѣроятно, не тамъ, гдѣ ищетъ ихъ Леруа-Больё.—Л. С.

III.

Les Trophées, par *José Maria de Hérédia.* Paris. 1893. Стр. 209.

Имя Гередіа далеко не изъ новыхъ во французской поэзіи, хотя оно впервые является на обложкѣ отдѣльнаго стихотворнаго сборника. Начавъ писать еще въ „Parnasse Contemporain“, Гередіа составилъ себѣ своими сонетами извѣстность, какъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ представителей „парнасской“ школы, основателемъ которой считается Леконтъ де-Лиль. Но по какой-то особенной артистической щепетильности, онъ до сихъ поръ не собиралъ своихъ произведеній въ отдѣльныя книжки; медленно, тщательно отдѣлывая сонетъ за сонетомъ, онъ подготовлялъ элементы книги, въ которой вполнѣ отразилась его индивидуальность, какъ поэта, и только мѣсяца два тому назадъ вышелъ этотъ томикъ, сводъ творческой дѣятельности нѣсколькихъ десятилѣтій. Появленіе въ свѣтъ „Trophées“ интересно именно тѣмъ, что оно даетъ возможность установить литературную физіономію писателя, который до сихъ поръ ускользалъ отъ основательнаго разсмотрѣнія критики разбросанностью своей поэзіи. Существовавшее о немъ во французской критикѣ мнѣніе основано лишь на общемъ впечатлѣніи его поэзіи, на воспоминаніяхъ о томъ или другомъ отдѣльномъ стихотвореніи; теперь же, когда все написанное Гередіа объединено въ одно стройное цѣлое, особенности и вмѣстѣ съ тѣмъ границы его таланта выступаютъ болѣе отчетливо; а то обстоятельство, что сборникъ вышелъ тогда, когда теченіе, породившее поэзію Гередіа и другихъ „парнасцевъ“, уступило мѣсто другимъ,—также способствуетъ объективной оцѣнкѣ поэта, какъ представителя уже не временно торжествовавшей школы, а поэзіи и искусства вообще.

„Нельзя себѣ представить ничего болѣе гордо безличнаго, стоящаго болѣе внѣ времени, болѣе равнодушнаго къ интересамъ толпы и интересамъ минуты“,—писалъ Теофиль Готье при появленіи „Poèmes antiques“ Леконта де-Лиля. Эти слова примѣнимы къ творчеству ученика еще болѣе, чѣмъ учителя. Леконтъ де-Лиль — философъ въ своей поэзіи; его безстрастность, „impassibilité“—результатъ философскаго міросозерцанія, отразившагося въ его поэзіи; жизнь съ ея борьбой, человѣкъ съ его страстями и слабостями, близки и понятны ему, и только чтобы представить жизнь и страданія человѣчества болѣе полно и безпристрастно, онъ выбираетъ картины далекаго прошлаго, допускающаго объективное отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ. Совершенно иной характеръ носитъ у автора „Trophées“—общая у него съ Леконтомъ де-Лилемъ „impassibilité“. Гередіа стоитъ совершенно внѣ жизни,—настоящее для него не существуетъ, въ историческомъ

прошломъ человѣчества только то находитъ откликъ въ его поэзіи, что̀ красиво и звучно. Философской подкладкой его ретроспективной поэзіи служитъ лишь то поэтически меланхолическое настроеніе, которое связано съ разсмотрѣніемъ прекраснаго въ прошломъ. Умершая, исчезнувшая красота, символизированная памятниками искусства, грусть при видѣ забвенія, выпадающаго на долю всего прекраснаго, и мысль о безнадежной бренности существующаго, налагающей отпечатокъ скорби на всю природу,—таковы мотивы поэзіи Гередіа. Даже когда онъ затрогиваетъ общечеловѣческія струны, говоря о любви, о дружбѣ, честолюбіи, жаждѣ подвиговъ, то чувства эти, отраженныя лишь въ видѣ эпиграммъ (въ античномъ смыслѣ слова), воспоминаній о далекомъ прошломъ міра и т. д., являются у него не вѣчно живыми, торжествующими надъ теченіемъ временъ, а напротивъ, лишь реликвіями чего-то мертваго, навсегда замолкнувшаго.

По своему внутреннему содержанію, книга Гередіа не пріурочена ни къ какому времени, — она такъ же чужда современныхъ теченій мысли, какъ стояла бы внѣ ихъ, появившись 10—15 лѣтъ тому назадъ. Эта полная отчужденность отъ вліянія времени, вмѣстѣ съ отсутствіемъ философскихъ идей, помимо указанной нами общей меланхоліи,—особенно поражаетъ въ сборникѣ Гередіа. Чтобы оцѣнить талантъ, обнаруженный авторомъ, нужно отрѣшиться отъ всѣхъ требованій, которыя современный читатель ставитъ поэту: въ „Trophées“ мы не находимъ отклика на волнующіе насъ вопросы жизни и мысли, отраженія тѣхъ или другихъ идеаловъ, которые указали бы на міросозерцаніе самого поэта. Вся его фантазія, всѣ мысли сосредоточены на терпѣливомъ воспроизведеніи античныхъ формъ красоты, на поклоненіи этой красотѣ во всѣхъ ея мельчайшихъ проявленіяхъ. Внутреннимъ спокойствіемъ вѣетъ отъ этой поэзіи, преисполненной благочестиваго культа старины, и среди тревожныхъ исканій въ области идеала, увлекающихъ большинство поэтовъ новѣйшей формаціи, книга Гередіа производитъ впечатлѣніе какой-то рѣдкой коллекціи старинныхъ objets d'art, средневѣковыхъ миніатюръ, ювелирныхъ работъ флорентинскихъ мастеровъ, античныхъ камеевъ и т. д.,—коллекціи, гдѣ чувствуется гармонія между стремленіями къ художественной красотѣ, породившими собранныя сокровища, и преклоненіемъ предъ ними самого коллекціонера. Если, выходя изъ шумной, лихорадочно настроенной толпы, попасть въ подобный музей любителя искусства, то созерцаніе прекрасныхъ предметовъ и мысль о столькихъ жизняхъ, проведенныхъ въ исключительныхъ заботахъ о красотѣ формъ и красокъ, несомнѣнно успокоитъ тревожную мысль, противопоставляя идею вѣчной красоты смѣняющимся волненіямъ жизни. Такое впечатлѣніе отчасти производятъ „Trophées“ Гередіа; они не удовлетворяютъ идей-

нымъ требованіямъ современнаго читателя, но даютъ зато интересные образчики чисто художественнаго творчества.

Гередіа особенно старается отдѣлывать стихъ, отливать его въ безупречныя формы; отсюда безличность его поэзіи. Онъ стремится къ тому, чтобы впечатлѣніе, производимое его стихотвореніями, зависѣло не отъ того, что они отражаютъ душу поэта, а исключительно отъ красоты и яркости образовъ, отъ звучности, музыкальности стиховъ, въ которыхъ ни одно слово не взято наудачу. Самой подходящей формой для этой своеобразной поэзіи, въ которой комбинаціи рѣдкихъ, звучныхъ эпитетовъ играютъ такую большую роль, оказался сонетъ. Заключить въ 14 етихахъ цѣлую сложную картину, смыслъ цѣльнаго миѳа, душевный складъ какого-нибудь средневѣковаго артиста и т. д. и т. д.—въ этомъ главная задача Гередіа.

„Trophées" раздѣлены на отдѣльныя книги по различнымъ эпохамъ исторической жизни; — греческая миѳологія, римская исторія, средніе вѣка, эпоха возрожденія, резюмируются поэтомъ въ отдѣльныхъ картинкахъ, отличающихся сжатостью и пластичностью. Особенный блескъ красокъ въ описаніяхъ южной природы объясняется происхожденіемъ поэта. Гередіа родомъ изъ южныхъ колоній Франціи; онъ воспитывался среди тропической природы, и въ этомъ секретъ многихъ его вдохновеній. Съ наибольшей нѣжностью и любовью онъ останавливается однако не на картинахъ юга и не на подвигахъ всякихъ „conquérants d'or", привлекающихъ его своими звучными именами. Гораздо ближе ему забытые средневѣковые художники и монахи, которые вдохновенно трудились цѣлую жизнь надъ украшеніемъ какого-нибудь молитвенника разноцвѣтными миніатюрами, надъ слѣпящей глаза ювелирной работой и т. д. Когда онъ говоритъ объ этой кропотливой неустанной отдѣлкѣ деталей, когда онъ слѣдитъ мечтою артиста о томъ, что̀ именно удастся ему изобразить своимъ тонкимъ рѣзцомъ на золотой рукояти меча или на эмали кубка,—видно, что поэтъ сродни этимъ забытымъ художникамъ, проникнутымъ беззавѣтной и безкорыстной преданностью идеаламъ красоты. Гередіа самъ принадлежитъ къ семьѣ этихъ артистовъ-рѣзчиковъ въ поэзіи.

Трудно указать на лучшіе изъ сонетовъ Гередіа, — всѣ они хороши въ своемъ родѣ. Отмѣтимъ, какъ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ, „Antoine et Cléopatre", гдѣ художественность впечатлѣнія производится контрастомъ между торжествующей страстью египтянки и пророческой грустью полководца, который, вглядываясь въ глаза своей возлюбленной, видитъ въ нихъ „toute une mer immense, où fuyaient des galères". Интересны также—описаніе воинственнаго дикаря въ „Le Samouraï", грустная пѣсня любви въ „L'Esclave" и мн. др.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1898 г.

Солидарность между различными оттѣнками консерватизма. — „Равноправность инородцевъ“ и „расчлененіе Россіи“.—А. Н. Энгельгардтъ и г. Рачинскій.—Отголоски прошлогодняго неурожая.

Скучная и безполезная полемика, касающаяся мелочей и личностей, даже продолжительная, имѣетъ свой raison d'être, когда служитъ только средствомъ къ выясненію общихъ вопросовъ, существенно-важныхъ. Возражая на наши замѣтки о екатеринославскихъ нѣмцахъ, о „расчлененіи“ Россіи, о разныхъ оттѣнкахъ современнаго консерватизма, „Московскія Вѣдомости“ говорятъ отъ имени общественной группы, далеко не лишенной вліянія и силы. Рѣчь идетъ, въ этомъ спорѣ, не только о той или другой отдѣльной мѣрѣ, предположенной къ осуществленію или уже осуществленной, но о цѣломъ направленіи, предопредѣляющемъ, на много лѣтъ впередъ, будущность Россіи. Этимъ оправдывается нашъ отвѣтъ и объясняется его подробность.

Мы говорили о солидарности „Московскихъ Вѣдомостей“ съ „грязнымъ хвостомъ консерватизма“ [1]). Солидарнымъ,—возражаетъ г. Дурново,—можно быть только съ тѣмъ, у кого имѣется на-лицо „корпусъ доктрины“, т.-е. совокупность продуманныхъ, обоснованныхъ мнѣній, —и приглашаетъ насъ отыскать такой „корпусъ доктрины“ въ „Гражданинѣ“. Большихъ поисковъ для этого не нужно: взгляды „Гражданина“ бросаются въ глаза и сами собою складываются въ одно цѣлое. Противорѣчія въ частностяхъ не исключаютъ послѣдовательности въ общемъ и главномъ; сквозь безграмотность формы, сквозь безпорядочность мотивировки, проглядываетъ весьма опредѣленное содержаніе. Ожесточенная вражда къ реформамъ прошедшаго царствованія, ничѣмъ не прикрытое сожалѣніе объ отмѣнѣ крѣпостного права, едва прикрытое стремленіе къ его возрожденію, презрѣніе къ законности, идеализація произвола, отрицаніе самоуправленія, сочувствіе къ насилію, защита грубѣйшихъ видовъ судебной и административной расправы, вѣра въ спасительность розги и палки, въ необходимость и благотворность самыхъ широкихъ сословныхъ привилегій—вотъ совокупность признаковъ, съ достаточною яркостью характеризующихъ газету князя Мещерскаго. *Создала* газету „Гражда-

[1]) Это выраженіе примѣнено къ „Гражданину“ самими „Московскими Вѣдомостями“.

нинъ", по мнѣнію г. Дурново, петербургская либеральная печать; она такъ старательно его опровергала, такъ усердно съ нимъ спорила, что органъ, лишенный системы, знаній, приличія, могъ не безъ успѣха и съ нѣкоторою видимостью прослыть одно время въ публикѣ за очень высоко поставленнаго оффиціоза". Совершенно наоборотъ: либеральная печать обращала вниманіе на разсужденія „Гражданина" именно потому—и только потому, что они, сплошь и рядомъ, шли рука объ руку съ событіями и бросали отраженный свѣтъ на настоящее и даже на ближайшее будущее. Не даромъ же „Гражданинъ", основанный еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, сталъ замѣтенъ только лишь въ послѣднія 8—10 лѣтъ; не даромъ его похвала и его порицанія бывали иногда въ глазахъ общества предвѣстіемъ какихъ-нибудь перемѣнъ даже въ оффиціальныхъ сферахъ [1]); не даромъ въ немъ появлялись, по временамъ, статьи, возбуждавшія интересъ не столько своимъ содержаніемъ, сколько своимъ происхожденіемъ. Знаніями и уваженіемъ къ приличію „Гражданинъ" не блеститъ,—въ этомъ мы совершенно согласны съ г. Дурново; но *система* у него несомнѣнно есть — и благодаря этой системѣ, мы въ правѣ ставить его на одну доску съ „Московскими Вѣдомостями". Въ самомъ дѣлѣ, всѣ характеристичныя черты петербургской реакціонной газеты, перечисленныя нами выше, свойственны и московской, видоизмѣняясь здѣсь только наружно. Приводить этому детальныя доказательства—значило бы повторять сказанное много разъ въ нашихъ обозрѣніяхъ и хроникахъ. Остановимся только на одномъ пунктѣ, прямо затронутомъ въ статьѣ г. Дурново. Поборникомъ „обособленія" дворянства и „расчлененія" русскаго народнаго организма „Гражданинъ", по словамъ г. Дурново, долженъ быть признанъ потому, что онъ хочетъ сдѣлать изъ дворянства сословіе исключительно служилое и хозяйственное, классъ чиновниковъ и сельскихъ землевладѣльцевъ въ губерніяхъ, „пугливо отстраняя его отъ всей нашей общественной и деревенской неурядицы, заслоняя его отъ насъ спиной правительства". Какъ! Постоянно настаивать на расширеніи правъ и власти земскихъ начальниковъ, желать избранія ихъ мѣстнымъ дворянствомъ, мечтать о созданіи вотчинной полиціи, о привлеченіи всѣхъ помѣщиковъ къ участію въ „упорядоченіи" деревни, къ борьбѣ противъ „распущенности" крестьянъ—это значитъ прятать дворянство за спиною правительства, отстранять его отъ „деревенской неурядицы"? Мыслимо ли такое отстраненіе, разъ что дворянство является по преимуществу „классомъ чиновниковъ и сельскихъ землевладѣльцевъ"?... Справедливо, въ аргументаціи г. Дурново, только то, что „Гражданинъ"

---

[1]) См., напримѣръ, Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „В. Европы" за 1892 г.

не прочь отъ сосредоточенія въ рукахъ дворянства политической и экономической силы — политической, коренящейся въ служебныхъ полномочіяхъ, и экономической, коренящейся въ землевладѣніи; но развѣ не къ той же цѣли направлены усилія „Московскихъ Вѣдомостей"? Развѣ между ними и „Гражданиномъ" существовало когда-нибудь серьезное разномысліе относительно средствъ къ ея достиженію? Развѣ не одинаково было сочувствіе обѣихъ газетъ ко всѣмъ нововведеніямъ, предоставляющимъ дворянству льготный кредитъ и льготное положеніе въ судѣ и администраціи—и развѣ онѣ не сходились въ сожалѣніи о томъ, что эти нововведенія недостаточно рѣшительны и радикальны? Развѣ не въ „Русскомъ Вѣстникѣ"—этомъ, въ тѣ времена, alter ego „Московскихъ Вѣдомостей"—была напечатана извѣстная статья покойнаго Пазухина, провозглашавшая, между прочимъ, необходимость возвратить дворянству положеніе „*служилаго* и вмѣстѣ съ тѣмъ высшаго земскаго сословія"? Г-ну Дурново не нравятся попытки организовать дворянство въ замкнутое сословіе, „съ маіоратнымъ наслѣдованіемъ, корпоративнымъ судомъ, недѣлимыми участками" и т. п.; но развѣ въ той же статьѣ г. Пазухина не восхвалялся „нравственный контроль бытового союза надъ его членами", мало чѣмъ отличный отъ корпоративнаго суда? Развѣ не изъ сферъ, близкихъ и сочувственныхъ „Московскимъ Вѣдомостямъ", вышли многочисленныя ходатайства о заповѣдныхъ имѣніяхъ?.. Повторяемъ еще разъ: *въ подробностяхъ* обѣ газеты расходились и расходятся нерѣдко—но *только* въ подробностяхъ, а не въ принципахъ. Нельзя же, напримѣръ, видѣть нѣчто принципіальное въ разногласіи о способахъ, которыми должно быть предупреждено распространеніе „нѣмецкаго землевладѣнія". Безъ согласія и содѣйствія центральной власти дворянское собраніе не могло бы ни запретить продажу дворянскихъ имѣній нѣмецкимъ колонистамъ, ни, тѣмъ менѣе, установить какую-нибудь кару противъ нарушителей запрещенія. Никакого ограниченія правительственныхъ функцій предложеніе „Гражданина", поэтому, въ себѣ не заключало; „локализировать" борьбу съ нѣмцами оно было бы не въ силахъ, потому что отъ правительства всегда зависѣло бы распространить ее, въ той или иной формѣ, на другія губерніи или дать ей характеръ повсемѣстный.

Утверждая, что „Московскія Вѣдомости", какъ и „Гражданинъ", стремятся къ обособленію дворянства, мы сослались на слова одного изъ тѣхъ теоретиковъ реакціи, по мнѣнію которыхъ Россія все еще недостаточно возвратилась къ „доброму старому времени". „Чтó мы сдѣлали, — спрашиваетъ себя авторъ статей о „Равенствѣ" и „Свободѣ", — съ нашимъ дворянскимъ сословіемъ, когда оказалось, что оно злоупотребляетъ своимъ легальнымъ правомъ надъ крѣпостнымъ

сословіемъ? Мы не поставили его въ должныя рамки, а прямо уничтожили его историческую, государственную роль. Мы вынули одно изъ самыхъ важныхъ колесъ въ государственной машинѣ—и удивляемся, что она испортилась! Мы теперь сознали свою ошибку и пытаемся опять какъ-нибудь приладить сбоку это колесо къ машинѣ, воображая, что этимъ поможемъ дѣлу". Г. Дурново признаетъ, что въ этихъ словахъ заключается цѣлая программа—но программа, свидѣтельствующая о стремленіи „установить и *возстановить* тѣсную связь дворянства съ народомъ", а никакъ не о стремленіи организовать дворянство въ „замкнутую отъ остальныхъ сословій касту", или *обособить* его „отъ общаго теченія народной и государственной жизни". Но развѣ „обособленность" и замкнутость, „обособленность" и непричастность къ государственному организму—не одно и то же? Развѣ не обособлено то сословіе, которое поддерживается на искусственной высотѣ, занимаетъ, не въ силу своего естественнаго превосходства, а въ силу данныхъ ему привилегій, положеніе командующаго класса, признается единственнымъ способнымъ къ важнѣйшимъ функціямъ государственной жизни, образуетъ, въ силу закона, „бытовой союзъ", съ „опредѣленными взглядами и интересами" (выраженіе г. Пазухина)? Развѣ во времена до-реформенныя, при господствѣ крѣпостного права, дворянство не было обособлено отъ крестьянъ, да и отъ всѣхъ другихъ сословій? Развѣ не лежала между ними цѣлая пропасть, ничуть не уменьшавшаяся отъ того, что отдѣльнымъ лицамъ удавалось перешагнуть съ одного края на другой?.. Важно, впрочемъ, не слово, а дѣло. Допустимъ, что исключительное положеніе, которое принадлежало дворянству до 1861 г., и которое услужливые его друзья хотѣли бы вновь за нимъ упрочить, правильнѣе назвать не *обособленіемъ,* а какъ-нибудь иначе. Существенной перемѣны въ спорномъ вопросѣ отъ этого не произойдетъ никакой; цѣль, общая „Московскимъ Вѣдомостямъ" и „Гражданину", получитъ только другое имя. Въ исторіи Россіи XIX в. нѣтъ событія болѣе важнаго, чѣмъ освобожденіе крестьянъ; отношеніемъ къ нему опредѣляется, прежде всего, политическое и общественное міросозерцаніе отдѣльнаго лица, журнала, партіи или группы. „Гражданинъ" и „Московскія Вѣдомости" сходятся между собою въ осужденіи крестьянской реформы, въ провозглашеніи необходимости „освободить наше крестьянство отъ губящихъ его равенства и свободы". Этого одного было бы уже достаточно, чтобы установить солидарность обѣихъ газетъ, несмотря на разногласіе въ деталяхъ и различіе въ способѣ выраженій.

Перейдемъ теперь къ екатеринославскому ходатайству и къ тѣсно связанному съ нимъ вопросу о расчлененіи Россіи. Нашъ оппонентъ считаетъ доказаннымъ то, что въ нашихъ глазахъ еще требуетъ до-

казательствъ: прекращеніе аренды земель, попадающихъ въ руки нѣмецкихъ колонистовъ; хищническое хозяйничанье на этихъ земляхъ; обращеніе русскихъ рабочихъ въ нѣмецкихъ батраковъ и т. п. Мы не видимъ, однако, причины принимать на вѣру слова г. Дурново, рѣшительно ничѣмъ не подтвержденныя, и продолжаемъ думать, что экономическія послѣдствія перемѣщенія поземельной собственности, совершающагося на югѣ Россіи, должны быть выяснены не путемъ восклицаній и громкихъ словъ, а путемъ достовѣрныхъ фактическихъ данныхъ. Что пространство земли, обработываемой крестьянами, клонится къ уменьшенію—этого мы не отрицаемъ, какъ не отрицаемъ и зависящаго оттого упадка крестьянскаго хозяйства; но вѣдь къ этому же результату ведетъ непомѣрное возвышеніе арендныхъ цѣнъ, замѣчаемое въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ и рѣчи о нѣмецкомъ землевладѣніи. Необходимость придти на помощь крестьянамъ, закрѣпить за ними ускользающую отъ нихъ, по той или другой причинѣ, землю, мы признаемъ вполнѣ—но мы не видимъ основанія пріурочивать этотъ вопросъ къ національности землевладѣльцевъ. Для насъ совершенно все равно, кто фактически обезземеливаетъ крестьянъ—нѣмецъ или русскій, колонистъ или дворянинъ; мѣрамъ противъ обезземеленія мы предлагаемъ поэтому дать общій характеръ, устраняющій всякую несправедливость и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширяющій сферу ихъ примѣненія. О правѣ преимущественной покупки, которымъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы облечь крестьянскій банкъ, г. Дурново не говоритъ ни слова, вслѣдствіе чего вся наша аргументація получаетъ совершенно невѣрное освѣщеніе. Читая статьи нашего противника, можно подумать, что мы заботимся только о нѣмецкихъ колонистахъ, совершенно игнорируя интересы крестьянъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ поддерживаемая нами мысль благопріятствуетъ этимъ интересамъ несравненно больше, чѣмъ екатеринославское ходатайство. Запрещеніе нѣмцамъ пріобрѣтать земельную собственность привело бы,—во-первыхъ,—къ обходу закона, какъ приводятъ къ нему аналогичныя запрещенія въ западномъ краѣ; нашлись бы подставныя лица и фиктивныя формы, съ помощью которыхъ сдѣлка, выгодная для обѣихъ сторонъ, проскальзывала бы сквозь сѣть запретительныхъ правилъ. Безпрепятственный переходъ земли къ покупателямъ всѣхъ другихъ національностей и сословій на каждомъ шагу,—во-вторыхъ,—имѣлъ бы послѣдствіемъ измѣненіе аграрныхъ отношеній, невыгодное для крестьянъ. „Какъ бы тяжело,—говоритъ г. Дурново,—ни было экономическое давленіе русскихъ эксплуататоровъ, но, тѣмъ не менѣе, это все-таки *свои*, семьи и потомство которыхъ остаются членами русскаго народа и могутъ сдѣлаться полезными и производительными

его членами. Иноземцы же, *не сливающіеся* съ кореннымъ племенемъ, высасывая русскую почву и русское населеніе, остаются ему вѣчно чуждыми, а потому они безконечно вреднѣе. Это такая истина, которая понятна всякому и не нуждается въ доказательствахъ. Высказать ее—значитъ доказать". Нѣтъ, это не истина, а нѣчто прямо ей противоположное. Эксплуататорскіе инстинкты и привычки могутъ быть у *своего* и не быть у *чужого*; и у того, и у другого они могутъ перейти, могутъ и не перейти отъ отца къ сыну. Можно, вдобавокъ, не быть эксплуататоромъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—и существенно ухудшить положеніе крестьянъ, отобравъ у нихъ земли, которыми они издавна пользовались. Одной надеждой на отдаленное и неопредѣленное будущее нельзя, во всякомъ случаѣ, уравновѣсить бѣдствія настоящаго. Эксплуатируемые *своимъ*, русскимъ человѣкомъ, крестьяне едва-ли утѣшатся мыслью, что, *можетъ быть*, имъ будетъ лучше при его потомкахъ. Еслибы они читали Салтыкова, они, вѣроятно, нашли бы, вмѣстѣ съ нимъ, что тому, кого высасываютъ, совершенно все равно, чисто ли или нечисто—сосущій выговариваетъ глаголъ: *сосать*.

„Равноправность инородцевъ", за которую стоитъ „Вѣстникъ Европы",—это, съ точки зрѣнія нашего противника, все равно, что „расчлененіе" Россіи; защищать равноправность—значитъ „дерзко издѣваться надъ русскимъ народнымъ чувствомъ", значитъ допускать „право инородцевъ угнетать коренное русское населеніе". Приведя наши слова: „объ обрусеніи поляковъ, нѣмцевъ и вообще культурныхъ народностей, входящихъ въ составъ русскаго государства, нѣтъ и не можетъ быть и рѣчи",—г. Дурново сопровождаетъ ихъ слѣдующимъ комментаріемъ: „поляки, во имя равноправности, потребуютъ отъ насъ возстановленія ихъ Рѣчи Посполитой; остзейцы—сохраненія ихъ феодальныхъ привилегій; финляндцы—права ставить памятники на мѣстахъ ихъ мнимыхъ побѣдъ надъ русскими войсками. Можетъ быть, найдется и еще какая-нибудь культурная народность, еще новый паразитъ на великомъ организмѣ русскомъ, который тоже предъявитъ запросъ на особо отмежеванное ему мѣсто. Россія превратится въ аггломератъ такихъ самодовлѣющихъ народностей, связанныхъ между собою лишь центральною властью, да и то въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ имъ угодно будетъ ее надъ собою признать. Вѣдь всѣ эти народности, за права которыхъ такъ горячо вступается *Вѣстникъ Европы*, только и мечтаютъ объ обособленіи отъ общаго рускаго *отечества*, несмотря на то, что составляютъ иногда лишь *этнографическое меньшинство* на занимаемой ими территоріи. *Вѣстникъ Европы*, конечно, намѣренно смѣшиваетъ слова: *русско-подданный* и *русскій*, и также намѣренно отдѣляетъ представленіе о

государствѣ отъ понятія объ *отечествѣ*. Въ этомъ и лежитъ коренное между нами и *Вѣстникомъ Европы* различіе. Для насъ русское *государство* есть уже вмѣстѣ съ тѣмъ дорогое *отечество*. Мы, подданные русскаго государства—патріоты *своего* отечества; *Вѣстникъ Европы* и его послѣдователи — подданные того же русскаго государства, но патріоты *чужого* отечества" (мы вездѣ сохраняемъ курсивъ подлинника)... Еслибы мы хотѣли продолжать споръ на той почвѣ, на которой очутился, подъ конецъ своей аргументаціи, нашъ противникъ, мы могли бы спросить его, гдѣ же то *чужое* отечество, „патріотами" котораго онъ насъ считаетъ—въ Германіи или Польшѣ, Финляндіи или Австріи, вездѣ или нигдѣ?..

Послѣднія строки г-на Дурново выписаны нами, однако, только какъ образецъ „увлеченій", до которыхъ способны доходить наши ультра-націоналы. Все предшествующее напоминаетъ отчасти неловко исполненный фокусъ, отчасти канцелярское крючкотворство. Подобно тому, какъ фокусникъ вынимаетъ изъ бутылки яйцо и другіе предметы, никакъ не могущіе въ ней умѣститься, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей" обращаетъ равноправность въ нѣчто прямо ей противоположное—въ *господство* меньшинства надъ большинствомъ, въ *угнетеніе* инородцами коренныхъ русскихъ. Безспорно, было время, когда поляки, въ западномъ краѣ, угнетали русскихъ; нѣмцы, въ остзейскихъ губерніяхъ — эстовъ и латышей; но почему? Именно потому, что между тѣми и другими не было *равноправности*, потому что меньшинство было вооружено, на законномъ основаніи, привилегіями, подчинявшими ему массу населенія. Въ западномъ краѣ царствовало крѣпостное право; въ остзейскомъ краѣ оно было отмѣнено больше по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Такому положенію вещей долженъ былъ наступить и наступилъ конецъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было нарушить равновѣсіе въ другую сторону и замѣнить избытокъ правъ—ихъ недостаткомъ. Равноправность—лучшая охрана противъ всякаго гнета, противъ всякаго господства одного класса или одной группы надъ всѣми остальными. Правда, за политическою и гражданскою равноправностью можетъ скрываться величайшее экономическое неравенство; но развѣ можно смягчить его мѣрами, направленными противъ инородцевъ и иновѣрцевъ? Съ экономическимъ зломъ можно бороться только на экономической почвѣ, а не на религіозной или національной... Нѣтъ, фокусъ не удался; для зрителей слишкомъ ясно, что яйцо вынуто фокусникомъ вовсе не изъ бутылки. Слишкомъ очевидно, что „возстановленіе феодальныхъ привилегій" или возвращеніе къ политическому строю, основанному на господствѣ „этнографическаго меньшинства", было бы не осуществленіемъ равноправ-

ности, а вопіющимъ ея нарушеніемъ, и никакъ, слѣдовательно, не можетъ входить въ защищаемую нами программу.

Не больше искусства выказалъ г. Дурново и въ крючкотворствѣ, предпринятомъ имъ съ помощью словъ: *русско-подданный* и *русскій*, *государство* и *отечество*. Мы вовсе не смѣшиваемъ первыя два слова; напротивъ, мы строго ихъ различаемъ, очень хорошо помня, что между русско-подданными много не-русскихъ (т.-е. не-русскихъ по языку и по происхожденію). Мы утверждаемъ только одно: всякій *русско-подданный*, какого бы онъ ни былъ происхожденія, на какомъ бы языкѣ онъ ни говорилъ и какую бы вѣру ни исповѣдовалъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, именно въ силу своей принадлежности къ русскому подданству, *русскій гражданинъ*, которому должны быть предоставлены и всѣ права государства. Что касается до понятій о государствѣ и отечествѣ, то они, безъ сомнѣнія, не всегда совпадаютъ одно съ другимъ. Можно декретировать, напримѣръ, присоединеніе къ *государству* той или другой, завоеванной или инымъ путемъ пріобрѣтенной области—но нельзя ожидать и требовать, чтобы ея жители тотчасъ же начали разсматривать это государство какъ свое *отечество*. Такой взглядъ можетъ выработаться только у слѣдующихъ поколѣній, и притомъ только при соблюденіи условія, которое мы формулировали въ словахъ, возбуждающихъ негодованіе нашего противника:—„одинаково дорогимъ и близкимъ для всѣхъ своихъ гражданъ государство можетъ быть только тогда, когда оно имъ всѣмъ въ одинаковой степени обезпечиваетъ гражданскую полноправность". „Для *насъ*, — говоритъ г. Дурново, — русское государство есть уже вмѣстѣ съ тѣмъ дорогое отечество". Удовольствоваться этимъ сознаніемъ можетъ только неисправимый и узкій національный эгоизмъ: что русское государство—дорогое отечество для коренныхъ русскихъ, это въ порядкѣ вещей, это не можетъ быть иначе; нужно, чтобы оно стало отечествомъ и для не-русскихъ, подобно тому, какъ Франція стала отечествомъ для эльзасскихъ нѣмцевъ. Для этого вовсе нѣтъ надобности въ *обрусеніи* поляковъ и нѣмцевъ. Эльзасскіе нѣмцы не были офранцужены; ихъ роднымъ языкомъ, послѣ двухъ вѣковъ принадлежности къ Франціи, продолжалъ быть нѣмецкій; но это не мѣшало имъ быть французскими патріотами, не мѣшаетъ имъ оставаться французами въ душѣ подъ властью германской имперіи. *Обрусеніе* поляковъ и нѣмцевъ, повторяемъ еще разъ, *невозможно*; чѣмъ больше прилагается къ нему стараній, тѣмъ меньше оно имѣетъ шансовъ успѣха. Отдѣльныя лица изъ числа нѣмцевъ и поляковъ могутъ, конечно, становиться русскими—но не можетъ сдѣлаться русской, подъ давленіемъ извнѣ, масса населенія, имѣющаго свою исторію, свой вполнѣ выработанный языкъ, свою богатую литературу. Она

можетъ полюбить страну, въ которой живетъ издавна, не отказываясь отъ своего духовнаго наслѣдства, не порывая связь съ своимъ прошедшимъ. Прочна и надежна только такая любовь; но именно о ней, къ несчастью, всего меньше думаютъ наши ультра-націоналисты. Наоборотъ, они стараются, насколько могутъ, сдѣлать ее совершенно немыслимой.

Въ концѣ своей трудовой и во многихъ отношеніяхъ нелегкой жизни А. Н. Энгельгардтъ могъ утѣшаться мыслью, что работалъ не напрасно. Его научныя заслуги были признаны всѣми; его письма „Изъ деревни“ были оцѣнены по достоинству даже принципіальными его противниками; начатое имъ дѣло нашло подражателей въ разныхъ концахъ Россіи; его сосѣди-крестьяне, слѣдуя его примѣру, достигли сравнительно-высокой степени благосостоянія. Его смерть вызвала общее сожалѣніе; въ журналахъ и газетахъ различныхъ оттѣнковъ появились самыя сочувственныя воспоминанія о его дѣятельности. Недоставало только одного: чтобы его память была почтена нападеніями со стороны тѣхъ, чье порицаніе равносильно похвальному слову. Теперь въ вѣнкѣ, положенномъ на могилу А. Н. Энгельгардта, красуется, наконецъ, и этотъ цвѣтокъ. Среди почитателей покойнаго возникла мысль объ открытіи въ деревнѣ Батищевѣ, гдѣ онъ жилъ, народной школы, въ которой крайне нуждается не только самая деревня, но и вся окрестная мѣстность. На это извѣстіе „Московскія Вѣдомости“ отозвались статьей: „Либеральная теорія и практика“. „Въ свое время,—говоритъ московская газета,—не мало шума надѣлалъ А. Н. Энгельгардтъ, оставившій профессорскую каѳедру и отправившійся въ деревню хозяйничать. Въ самомъ этомъ фактѣ не было ничего особеннаго: масса помѣщиковъ оставляютъ службу и ѣдутъ хозяйничать въ свои имѣнія. Многіе изъ нихъ, прибывъ въ деревню, не гнушаются надѣвать и полушубокъ, и сапоги бутылкой, но они дѣлали и дѣлаютъ это совершенно просто, полагая, что иначе и хозяйство вести нельзя. Но г. Энгельгардтъ сдѣлалъ все это не просто, а либерально; онъ шелъ не въ имѣніе, а *въ народъ*. Описаніе собственнаго самоотверженія, появившееся въ свое время въ „Отечественныхъ Запискахъ“, было встрѣчено чуть не за откровеніе свыше. А. Н. Энгельгардтъ былъ возведенъ въ почетное званіе пророка: на него указывали какъ на идеалъ интеллигента-народолюбца. Либеральная печать до небесъ превознесла профессора-народника; его хозяйственная система была объявлена чѣмъ-то въ родѣ алькорана либеральнаго хозяйства, а самъ онъ — не только образцовымъ хозяиномъ, но и *воспитателемъ* народа. Нужно было думать, что весь край, смежный съ имѣніемъ г. Энгельгардта, процвѣтетъ и ста-

нетъ живымъ укоромъ помѣщикамъ, ведущимъ свое хозяйство не на либеральныхъ началахъ". Подчеркнувъ, затѣмъ, отсутствіе въ Батищевѣ школы и даже грамотныхъ крестьянъ, „Московскія Вѣдомости" восклицаютъ: „итакъ, вотъ къ чему сводится просвѣтительная дѣятельность знаменитаго либерала! Стоило ли изъ-за всего этого „огородъ городить" и метать громы и молніи противъ ретроградовъ? Дерево познается по его плодамъ. Вотъ, напримѣръ, г. Рачинскій не особенно-то кричалъ о себѣ, а посмотрите, чтó онъ сдѣлалъ въ своей деревнѣ, побывайте въ его школѣ,—и вы увидите, что либеральныя слова много хуже консервативнаго дѣла". Дальше идутъ насмѣшки надъ пріѣзжавшими въ Батищево „интеллигентными молодыми людьми", „которые пробовали иногда учить крестьянъ, но занятія происходили урывками и остались безъ результатовъ"; „либеральная затѣя" А. Н. Энгельгардта окончилась „полной неудачей".

Избытокъ недоброжелательства и злорадства, которыми дышетъ каждое слово этой статьи, влечетъ за собою полнѣйшее пренебреженіе къ истинѣ. Читая „Московскія Вѣдомости", можно подумать, что „воспитывать" народъ А. Н. Энгельгардтъ хотѣлъ путемъ начальнаго обученія. Ничего подобнаго онъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду—не могъ уже потому, что пріѣздъ его въ деревню не былъ добровольнымъ, и разрѣшенія на открытіе школы онъ бы ни въ какомъ случаѣ не получилъ. По той же причинѣ не могли заниматься обученіемъ крестьянъ иначе, какъ урывками, и молодые люди, пріѣзжавшіе въ Батищево для изученія хозяйственныхъ пріемовъ А. Н. Энгельгардта. Призывая друзей покойнаго къ открытію, въ его память, начальной школы, госпожа Никонова упоминаетъ о томъ, что условіемъ допущенія молодежи въ Батищево Энгельгардтъ прямо ставилъ воздержаніе отъ попытокъ сближенія съ крестьянами. Онъ зналъ, что всякая такая попытка будетъ перетолкована въ дурную сторону и можетъ повредить или даже положить конецъ его любимому дѣлу. Этимъ дѣломъ было *хозяйственное* воспитаніе народа—и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе интеллигенціи на тотъ путь, на которомъ она можетъ сослужить крестьянству особенно большую службу. Способовъ работы на пользу народа много; каждый желающій принять участіе въ этой работѣ выбираетъ тотъ изъ нихъ, къ которому чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ. Еслибы даже не существовало тѣхъ особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы говорили, А. Н. Энгельгардту смѣшно было бы вмѣнять въ вину, что онъ шелъ инымъ путемъ, чѣмъ г. Рачинскій. Послѣдній—педагогъ по призванію; первый былъ естествоиспытателемъ и практическимъ хозяиномъ. Понятно, что они задались совершенно различными цѣлями. Мы не послѣдуемъ примѣру нашихъ противниковъ и не станемъ умалять заслугъ

г. Рачинскаго; напротивъ того, мы признавали и признаемъ ихъ вполнѣ, отказываясь только считать систему г. Рачинскаго *единственною* нормальною и правильною. Г. Рачинскій дѣлалъ и дѣлаетъ настоящее *дѣло*—но то же самое слѣдуетъ сказать и объ Энгельгардтѣ. И у того, и у другого *дѣломъ* оказывались даже *слова*, которыми они вербовали себѣ приверженцевъ и сотрудниковъ. Энгельгардтъ, какъ и г. Рачинскій, никогда не *кричалъ* о самомъ себѣ; они оба только *разсказывали* о томъ, что̀ ими предпринято и достигнуто. Ни о какомъ „самоотверженіи" въ письмахъ Энгельгардта изъ деревни не могло быть рѣчи уже потому, что рѣшимость промѣнять профессуру въ высшемъ учебномъ заведеніи на хозяйничанье въ глухомъ углу не была дѣломъ его свободной воли... Не видѣть разницы между Энгельгардтомъ и зауряднымъ помѣщикомъ, поселяющимся у себя въ имѣніи,—не видѣть ея только потому, что въ обоихъ случаяхъ происходитъ переодѣваніе въ полушубокъ и сапоги бутылками—значитъ быть намѣренно-слѣпымъ. Еслибы вся дѣятельность Энгельгардта исчерпывалась принципомъ: хозяйничать такъ, чтобы все предпринимаемое помѣщикомъ могло быть усвоиваемо и перенимаемо крестьянами,—то этого одного было бы уже достаточно, чтобы провести глубокую черту между нимъ и обыкновеннымъ „добрымъ хозяиномъ". „Добрый хозяинъ" сплошь и рядомъ увеличиваетъ состояніе на счетъ своихъ сосѣдей; для Энгельгардта процвѣтаніе крестьянскаго хозяйства было главною и конечною цѣлью всѣхъ улучшеній, которыя онъ дѣлалъ у себя въ имѣніи. Батищевскіе крестьяне остались безграмотными не по винѣ Энгельгардта—но, благодаря ему, имъ живется теперь гораздо лучше, чѣмъ прежде. Впрочемъ, въ помѣщенныхъ выше воспоминаніяхъ объ А. Н. Энгельгардтѣ (стр. 59 и слѣд.) читатели могутъ познакомиться непосредственно съ истиннымъ характеромъ его энергической дѣятельности и судить непосредственно о ея значеніи для края, въ которомъ онъ жилъ.

О послѣдствіяхъ неурожаевъ 1891 и 1892 г. теперь почти совершенно перестали говорить и даже думать; а между тѣмъ они изгладились далеко не вполнѣ, и во многихъ мѣстахъ чувствуются еще чрезвычайно сильно. Намъ случилось недавно прочесть письмо изъ шадринскаго уѣзда (пермской губ.), написанное въ маѣ нынѣшняго года и изображающее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе тамошняго башкирскаго населенія. „Башкирскія деревни,—говоритъ авторъ письма,—представляютъ картину страшнаго разоренія, точно здѣсь прошли съ огнемъ и мечемъ. Большинство ютится въ гнилушкахъ безъ крышъ, съ однимъ потолкомъ; въ землянкахъ безъ оконъ

живутъ семьи съ маленькими дѣтьми. Живутъ даже въ корзинкахъ: въ землю кругомъ вбиваютъ колья и оплетаютъ прутьями; слѣпятъ печь, окно затянутъ пузыремъ коровьимъ—и жилище готово. Часто въ одной избушкѣ помѣщается нѣсколько семей. „Все кончали",—какъ они говорятъ:—„лошадь кончалъ, корова кончалъ, изба кончалъ"; ни дома, ни лома. А нѣсколько лѣтъ назадъ каждый такой башкиръ имѣлъ свои стада, пахалъ землю. Теперь помощь благотворителей для нихъ только продолженіе смертельной агоніи. Смерть должна наступить, если имъ не дадутъ возможности самостоятельно существовать... Лѣтъ семь послѣднихъ земля родить стала плохо. Непредпріимчивый башкиръ, можно сказать, дитя, не пріученное къ труду, не нашелъ никакого выхода, какъ только ожидать голодной смерти. Много семей въ цынгѣ. Есть семьи, гдѣ отъ голода не могутъ почти двигаться; дѣти сидятъ какъ окаменѣлыя, и даже не просятъ. Ужасное впечатлѣніе произвели нѣсколько семей. Въ избѣ, кромѣ стѣнъ, ничего нѣтъ, полъ прогнившій; у стѣны сидитъ мужъ, напоминая собою трупъ; въ углу на рогожѣ, не поднимая головы, лежитъ полуобнаженная баба, и у ея полумертвой груди скелетъ, а не ребенокъ. Такая картина не изгладится во всю жизнь"... Пока возможны подобныя явленія, задача, созданная для русскаго общества бѣдствіями послѣднихъ лѣтъ, не можетъ считаться исполненною.

ПОПРАВКИ.

Въ іюньской книгѣ слѣдуетъ исправить:

Стран.	Строк.	Напечатано:	Вмѣсто:
570	17 сн.	крестьянскаго	критическаго
—	13 „	Мейеръ	Менгеръ
571	8 св.	собственность	совокупность
—	5 сн.	Gemütlichkeit	Gemüt
580	2 св.	ученикъ	ученый

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Д-ра К. Гейки. Съ оригинальными рисунками Г. А. Гарпера. Пересказъ съ англ. п. р. Ѳ. С. Комарскаго Вып. 6. Спб. 93. Стр. 482—575. Ц. 1 р.

Настоящій выпускъ заключаетъ собою первую половину всего изданія, которое по предположенію издателя должно состоять изъ 12 выпусковъ, и содержитъ въ себѣ самую важную часть, а именно подробное описаніе Іерусалима и его ближайшихъ окрестностей, до Силоамскаго пруда включительно. Началомъ описанія Геѳсиманіи и Голгоѳы оканчивается новый выпускъ.

Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Е. П. Карновича. Съ 13-ю гравюрами. Изд. второе. Спб., 1893. Стр. 469. Ц. 2 р.

Книга покойнаго Е. П. Карновича, вышедшая теперь вторымъ изданіемъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ историческихъ сочиненій, которыя особенно привлекаютъ читателей обиліемъ иностранныхъ анекдотовъ и біографическихъ подробностей; подобныя книги даютъ не только полезное, но и пріятное чтеніе, если авторъ распоряжается своимъ матеріаломъ умѣло и добросовѣстно, съ знаніемъ предмета. Очерки Карновича вполнѣ удовлетворяютъ этимъ условіямъ и потому пользуются у насъ заслуженнымъ успѣхомъ. Въ настоящей книгѣ помѣщены обстоятельные этюды о Морицѣ Саксонскомъ, о дѣвицѣ-кавалерѣ д'Эонъ, о графѣ Каліостро, о герцогинѣ Кингстонъ, о прусскомъ почтъ-директорѣ Вагнерѣ, проведшемъ нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ въ Сибири, о князѣ Безбородко и др.

Французская революція въ показаніяхъ современниковъ и мемуаровъ (?). Виконта де-Брока (La France pendant la revolution). Переводъ подъ редакціей Ѳ. И. Булгакова. Спб., 1893. Стр. 616. Ц. 2 р.

Авторъ собралъ въ своей книгѣ много свѣдѣній объ ужасахъ революціонной эпохи во Франціи, о преступныхъ дѣлахъ и рѣчахъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей, о невинныхъ жертвахъ террора, ихъ самоотверженіи и геройствѣ, безъ всякихъ указаній на причины и цѣли этой грозной борьбы, положившей начало новому періоду всемірной исторіи. Факты, изложенные авторомъ, давно извѣстны; но освѣщеніе ихъ грѣшитъ явной односторонностью и не даетъ правильнаго понятія объ общемъ ходѣ дѣлъ во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка. Переводъ книги не свободенъ отъ ошибокъ и промаховъ: уже въ заглавіи замѣчается странная неточность, какъ, напримѣръ, выраженіе: „современниковъ и мемуаровъ“. Нельзя понять также фразу: „когда революціонная легенда приникалась съ благоговѣніемъ въ угоду какому-либо стилю“ (стр. 9); или, на стр. 112, приводятся слова доктора: „пускай ему приготовятъ тизаны“ (т.-е. вѣроятно tisane—лекарственное питье?); въ иномъ мѣстѣ упоминается о „дѣлѣ Колье“ (стр. 284), какъ будто Колье—фамилія какого-то лица, хотя рѣчь идетъ, конечно, объ извѣстномъ дѣлѣ по поводу ожерелья (collier) и т. п. Такого рода неточности, допущенныя переводчикомъ, отчасти подрываютъ значеніе книги для русскихъ читателей, независимо отъ ея содержанія.

Исторія французской революціи, И. Карно. Переводъ съ франц. подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1893. Стр. XII и 349. Ц. 1 р.

Сочиненіе Ипполита Карно, пользующееся большою популярностью во Франціи, представляетъ сжатый и въ то же время достаточно полный очеркъ событій первой революціи, безъ рѣзкихъ комментаріевъ въ ту или другую сторону; спокойный тонъ автора не переходитъ, однако, въ равнодушіе и индифферентизмъ, чего, впрочемъ, нельзя было бы и ожидать отъ сына одного изъ видныхъ дѣятелей той эпохи, знаменитаго „организатора побѣды“, Лазаря Карно. Русскій переводъ книги отличается не только точностью, но и значительными литературными достоинствами, которыя вообще не часто встрѣчаются въ нашихъ переводныхъ изданіяхъ.

Леввокъ, Джонъ. — Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Перев. съ анг. п. р. А. Павлова. Съ 36 полит. М. 93. Стр. 255. Ц. 1 р. 50 к.

Издатель посвящаетъ свой трудъ тѣмъ читателямъ, которые не могли бы воспользоваться въ оригиналѣ трудомъ столь извѣстнаго англійскаго писателя, какъ Леббокъ,—съ цѣлью дать возможность и имъ взглянуть на окружающую природу хоть немного глубже. Конечно, какъ замѣчаетъ и издатель, этотъ небольшой томъ не можетъ быть названъ въ обширномъ смыслѣ этого слова „книгою жизни“, но тѣмъ не менѣе программа его обнимаетъ все живущее на землѣ, подъ водою и надъ землею; въ первыхъ главахъ очерчена жизнь животныхъ, растеній и самого земного шара; затѣмъ слѣдуетъ описаніе населенія воды и, наконецъ, дѣятельность міровъ, расположенныхъ по звѣздному небу.

Полное собраніе пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ писателей, п. р. И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. XXII и XXIII. Тифл. 93. Стр. 251—274. Цѣна по 20 коп.

Вышедшіе до сихъ поръ 23 выпуска составляютъ уже сами по себѣ большой томъ in-8°; о началѣ изданія въ русскомъ переводѣ поэзіи самаго популярнаго пѣвца Франціи въ эпоху, послѣдовавшую за іюльской революціей, мы упоминали при появленіи въ свѣтъ первыхъ его выпусковъ, года два тому назадъ. Большинство переводовъ принадлежитъ псевдониму „Ивана-да-Марья“, извѣстному В. Курочкину, Л. Мею и др.

Энциклопедическій Словарь. Т. IX. Гол-Гравюръ. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 93. Стр. 474. Ц. 3 р.

Въ нынѣшнемъ выпускѣ Словаря, издаваемаго съ тою же обстоятельностью и богатствомъ свѣдѣній, съ приложеніемъ картъ и иллюстрацій, тщательно выполненныхъ, встрѣчаются, какъ и прежде, самостоятельные труды по предметамъ, касающимся отечественной исторіи, или важныхъ научныхъ предметовъ; такъ, въ этотъ выпускъ, по алфавитному порядку, вошли такіе оригинальные статьи и очерки, какъ: „Гоголь“, „Гончаровъ“, „Горацій“, „Городскія училища“, „Горчаковъ“, „Государственный Совѣтъ“ и мн. др.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ.

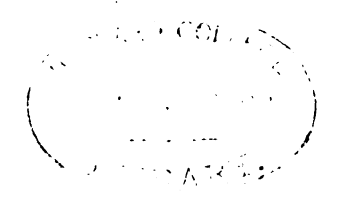
ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1893.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1893.

ИТАЛЬЯНСКІЙ ГУМАНИЗМЪ

и

НОВЫЙ ЕГО ИЗСЛѢДОВАТЕЛЬ

—Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе Михаила Корелина. Москва. 1892.—Стр. VIII+1087+73.

I.

Въ нашей исторической литературѣ, особенно бѣдной сочиненіями по всеобщей исторіи, такіе труды, какъ новая книга г. Корелина, относятся къ числу весьма рѣдкихъ явленій. Уже одно это давало бы ей право на особое вниманіе со стороны образованной публики, если бы даже она не отличалась большими научными достоинствами, благодаря коимъ она могла бы занять весьма выгодное мѣсто и въ болѣе богатой литературѣ, и если бы ея содержаніе было и менѣе широкимъ и важнымъ. Особенно предметъ, избранный г. Корелинымъ для своего изслѣдованія, заслуживаетъ того, чтобы его трудъ сдѣлался извѣстнымъ болѣе широкимъ кругамъ общества, нежели ученый міръ, для коего авторъ главнымъ образомъ писалъ свою книгу, или молодые люди, приступающіе къ самост льному изученію новой исторіи, для которыхъ непосредст юе знакомство съ изслѣдованіемъ г. Корелина должно быть ос лно важно. Въ виду того, что изъ большинства читающей пу ки лишь немногіе, конечно, прочтутъ эту книгу, мы намѣре болѣе или менѣе обстоятельно познакомить съ нею возможно

широкій кругъ читателей, особенно выдвинувъ на первый планъ общіе взгляды автора на то крупное историческое явленіе, изслѣдованію котораго онъ посвятилъ свой капитальный ученый трудъ. Итальянскій гуманизмъ въ новой западно-европейской исторіи,—подъ вліяніемъ коей совершается и наше культурное развитіе, — имѣетъ въ высшей степени важное и универсальное значеніе: онъ даетъ имя цѣлой эпохѣ,—называемой также возрожденіемъ или ренесансомъ,—которая открываетъ собою новое время въ жизни западно-европейскихъ народовъ, и многіе историки ставятъ гуманизмъ по его универсальному значенію для этой жизни рядомъ съ двумя самыми замѣчательными историческими движеніями новаго времени: съ реформаціей XVI в. и французской революціей. Къ сожалѣнію, по-русски нѣтъ ни одного сочиненія, которое охватывало бы собою всю эпоху возрожденія, какъ обще-европейскаго историческаго явленія, да и по итальянскому гуманизму, ранней исторіи коего посвящено изслѣдованіе г. Корелина, у насъ имѣется только два переводныхъ труда: „Культура Италіи въ эпоху возрожденія", Я. Буркгардта (Спб. 1876), и „Возрожденіе классической древности, или первый вѣкъ гуманизма", Георга Фогта (М. 1884). Оба эти труда вышли въ свѣтъ въ подлинникѣ уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, оказали весьма большое вліяніе на всю послѣдующую весьма богатую литературу о томъ же предметѣ, тщательно изученную авторомъ разсматриваемаго труда, но во многихъ отношеніяхъ должны въ настоящее время считаться устарѣлыми, особенно послѣ появленія книги г. Корелина. Притомъ первый изъ названныхъ трудовъ представляетъ изъ себя слишкомъ общую картину эпохи, которая для полнаго пониманія требуетъ гораздо бо́льшаго запаса фактическихъ знаній, чѣмъ обыкновенно встрѣчающійся среди большинства русскихъ читателей, а второй трудъ имѣетъ, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ, слишкомъ внѣшній характеръ. Самостоятельно у насъ до г. Корелина этотъ предметъ изучался только однимъ акад. А. Н. Веселовскимъ, который посвятилъ эпохѣ Возрожденія свою магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: „Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтія" (Москва, 1870). При бѣдности нашей литературы книгами по исторіи такого важнаго предмета, изслѣдованіе г. Корелина должно быть признано особенно цѣннымъ вкладомъ въ эту литературу, тѣмъ болѣе, какъ было уже сказано, что и само по себѣ оно является трудомъ весьма капитальнымъ. Уже одни размѣры книги—болѣе тысячи страницъ—свидѣтельствуютъ о массѣ по-

ложеннаго на нее труда, о которомъ еще краснорѣчивѣе говоритъ приложенный къ тексту книги „алфавитный указатель вполнѣ или отчасти разсмотрѣнныхъ сочиненій гуманистовъ и о гуманизмѣ", занимающій болѣе тридцати страницъ (30—61 особой нумераціи) въ два столбца. Въ основательности работы убѣждаютъ читателя съ перваго же взгляда и постоянныя подстрочныя примѣчанія, сопровождающія текстъ почти на всемъ его протяженіи. Г. Корелинъ пользовался не только печатными произведеніями гуманистовъ, но и богатымъ рукописнымъ матеріаломъ, хранящимся въ заграничныхъ библіотекахъ (въ миланской Ambrosiana, въ флорентійской Laurentiana, въ Ватиканской библіотекѣ, въ парижской Національной и въ Британскомъ музеѣ): многое ему удалось открыть даже вновь, и кое-что изъ письменнаго матеріала вошло въ подстрочныя примѣчанія или составило особыя приложенія (стр. 1—29 особой нумераціи). Такія книги вообще создаются лишь годами упорной работы надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, и, сколько намъ извѣстно, г. Корелинъ, дѣйствительно, посвятилъ изслѣдованію своему немалое количество лѣтъ. Московскій университетъ, въ историко-филологическій факультетъ котораго „Ранній итальянскій гуманизмъ" былъ представленъ, какъ магистерская диссертація, воздалъ работѣ г. Корелина должное, признавъ, что въ ней заключаются цѣлыя двѣ диссертаціи, и давъ за нее ея автору прямо докторскую степень. Въ нашей литературѣ до сихъ поръ, однако, не было обращено на эту книгу достаточнаго вниманія, и это еще болѣе побудило пишущаго эти строки взять на себя ознакомленіе съ нею русскихъ читателей.

Прежде всего разсмотримъ самую книгу. Распадается она на обширное введеніе, занимающее 174 страницы, и четыре обширныя главы, изъ коихъ первая посвящена „первому гуманисту" Петраркѣ (стр. 175—416); вторая—Боккачіо (стр. 417—576); третья—„современникамъ, друзьямъ, ученикамъ и послѣдователямъ первыхъ гуманистовъ въ XIV и первой четверти XV в." (стр. 577—1003), а четвертая—„спеціальной литературѣ о возрожденіи" (стр. 1004—1061) и „общимъ выводамъ" (стр. 1061—1087). Введеніе имѣетъ строго историографическій характеръ. Въ немъ авторъ разсматриваетъ „заслуги представителей различныхъ отраслей историческаго знанія въ изученіи итальянскаго возрожденія", при чемъ отдѣльные параграфы заключаютъ въ себѣ обзоры и характеристики взглядовъ на ренесансъ, высказывавшихся философами исторіи, авторами всемірныхъ исторій, историками церкви, культуры, философіи, искусства, литера-

туры, филологіи, исторіографіи, права и педагогики, равно какъ историками отдѣльныхъ итальянскихъ центровъ и вообще разныхъ сторонъ культурной и соціальной жизни всей Италіи. Рядомъ съ этимъ исторіографическимъ введеніемъ, знакомящимъ читателя съ тѣмъ, какъ относились къ эпохѣ писатели, спеціально ея не изучавшіе, нужно поставить первую половину IV главы, разсматривающей именно спеціальную литературу о ренесансѣ, къ коей относятся, напр., упомянутые труды Фогта и Буркгардта. Нельзя не признать большого значенія за этими частями труда г. Корелина для всякаго, кто взялся бы за изученіе итальянскаго гуманизма вообще: авторъ собралъ массу полезныхъ указаній, высказалъ множество интересныхъ замѣчаній и т. п., но въ то же время оба отдѣла указываютъ на то, какъ широко поставилъ авторъ свою тему, не ограничившись изученіемъ спеціальной литературы предмета, но поставивъ себѣ задачу—познакомиться съ тѣмъ, какъ смотрѣли на итальянское возрожденіе представители различныхъ отраслей историческаго знанія. Исторіографическіе отдѣлы есть и въ другихъ главахъ труда. Глава о Петраркѣ распадается на двѣ части: первая представляетъ изъ себя обзоръ литературной дѣятельности этого гуманиста, считающагося родоначальникомъ возрожденія; вторая—заключаетъ историко-критическій обзоръ всей біографической литературы о Петраркѣ. Такимъ же образомъ поступилъ г. Корелинъ и съ Боккачіо: занявшись сначала анализомъ и характеристикой произведеній этого дѣятеля ренесанса, онъ и тутъ переходитъ затѣмъ къ біографической литературѣ о Боккачіо, чтобы представить общій ея историко-критическій обзоръ. Такіе же исторіографическіе отдѣлы (мѐньшихъ только размѣровъ) можно найти и въ главѣ о другихъ гуманистахъ XIV и первой четверти XV вѣка. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ одну сторону труда г. Корелина, отмѣченную и на заголовкѣ книги словами: „и его исторіографія". Понятное дѣло, что этою-то стороною всего труда и могутъ наиболѣе заинтересоваться спеціалисты-историки, которые, конечно, отнесутся къ автору съ большою благодарностью за собранныя въ его трудѣ исторіографическія данныя. Въ предисловіи самъ г. Корелинъ говоритъ, что первою задачею его изслѣдованія и было „выяснить отношеніе къ итальянскому гуманизму и воззрѣнія на его сущность и характеръ, господствующія во всѣхъ главныхъ отрасляхъ исторической науки, и дать критическій обзоръ какъ спеціальной литературы о гуманизмѣ вообще, такъ и монографическихъ изслѣдованій о дѣятеляхъ ранняго возрожденія". Въ самомъ изслѣдованіи гуманизма ав-

торъ такимъ образомъ имѣлъ возможность исходить изъ данныхъ и взглядовъ, представленныхъ его предшественниками, но притомъ такъ, чтобы сами эти взгляды были подвергнуты въ то же время критикѣ, на основаніи самостоятельнаго изученія источниковъ. Быть можетъ, читатель выигралъ бы, если бы г. Корелинъ рѣзче отдѣлилъ одну сторону своего труда отъ другой, т.-е. исторіографію гуманизма отъ изслѣдованія самого гуманизма, но несомнѣнно, что для автора во время его работы было удобнѣе идти именно тѣмъ путемъ, который отразился на порядкѣ изложенія въ его книгѣ. Работу читателя г. Корелинъ облегчаетъ, впрочемъ, тѣмъ, что подъ отдѣльными, даже самыми дробными частями своихъ исторіографическихъ обзоровъ подводитъ итоги, дающіе читателю возможность оріентироваться, а для справокъ приложилъ къ тексту два указателя, изъ коихъ одинъ— упомянутый перечень литературы съ ссылками на страницы труда, гдѣ говорится о томъ или другомъ произведеніи, а второй заключаетъ списокъ раннихъ гуманистовъ и лицъ, родственныхъ имъ по направленію, опять съ указаніями на страницы (замѣтимъ, что здѣсь перечислено болѣе 270 именъ).

Исторіографія въ трудѣ г. Корелина занимаетъ все-таки меньше половины: главное въ немъ все-таки изслѣдованіе самого гуманизма въ выбранную имъ эпоху. Задачи, которыя онъ здѣсь себѣ поставилъ, опредѣляются самимъ авторомъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія: „при изслѣдованіи итальянскаго гуманизма въ ранній періодъ его исторіи я поставилъ себѣ такія задачи: 1) выяснить отношеніе и т. д., что̀ уже было приведено выше; 2) дать критическій анализъ тѣхъ произведеній раннихъ гуманистовъ, которыя имѣютъ значеніе для исторіи движенія, опредѣлить ихъ характеръ и выяснить ихъ цѣну и значеніе для исторіи возрожденія; 3) изслѣдовать сравнительную силу и направленіе гуманистическаго движенія въ различныхъ центрахъ Италіи, и 4) *опираясь исключительно на документальные источники*, опредѣлить сущность гуманистическаго движенія, указать его результаты, насколько они обнаружились въ началѣ XV столѣтія, и отмѣтить его причины, поскольку онѣ проявляются въ гуманистической литературѣ и во внѣшней исторіи движенія“.

Первая изъ только-что перечисленныхъ задачъ обусловливалась главнымъ образомъ неудовлетворительнымъ состояніемъ источниковъ для исторіи гуманистическаго движенія. Дѣло въ томъ, что латинскія сочиненія Петрарки и Боккачіо почти не издавались послѣ XVI в., а изданія сочиненій другихъ гуманистовъ или составляютъ библіографическую рѣдкость, или никогда не были

сдѣланы, часто же ихъ произведенія неизвѣстны даже по имени. Вотъ почему г. Корелину пришлось рыться въ заграничныхъ библіотекахъ, гдѣ онъ нашелъ немало новаго. Вся научно-литературная дѣятельность Салутати и Бруни, напр., изслѣдована имъ главнымъ образомъ на основаніи рукописнаго матеріала, а сочиненія Джіованни да-Равенна, разсмотрѣнныя авторомъ, были до него извѣстны только по названію. Благодаря тщательному изученію источниковъ, г. Корелинъ и далъ намъ разборъ сочиненій и характеристику взглядовъ итальянскихъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки. Въ главѣ объ этомъ первомъ гуманистѣ авторъ, напр., разсматриваетъ его произведенія философскія, полемическія (инвективы), автобіографическія и эпистолярныя, историческія и поэтическія. То же дѣлается и по отношенію къ Боккачіо и другимъ гуманистамъ. Поставивъ себѣ задачу „изслѣдовать сравнительную силу и направленіе гуманистическаго движенія въ различныхъ центрахъ Италіи", г. Корелинъ даетъ въ III главѣ краткое описаніе политическаго состоянія каждаго крупнаго центра въ Италіи, чтобы отмѣтить внѣшнія условія, вліявшія на характеръ и развитіе мѣстнаго гуманизма, и при этомъ не ограничивается одними крупными представителями движенія: напротивъ, онъ старался найти какіе бы то ни было слѣды гуманистически настроенной массы, шедшей за вождями движенія и ихъ поддерживавшей или простымъ сочувствіемъ своимъ, или собственной литературной работой. „Я,—говоритъ самъ авторъ въ предисловіи,—я искалъ такихъ мало-замѣтныхъ и позабытыхъ работниковъ гуманизма какъ въ крупныхъ центрахъ, такъ и въ мелкихъ городахъ Италіи, чтобы выяснить такимъ путемъ интенсивность и распространенность движенія, его ширину и глубину. При современномъ состояніи источниковъ единственный способъ найти слѣды этихъ мелкихъ гуманистовъ—письма ихъ крупныхъ единомышленниковъ и случайныя указанія въ каталогахъ рукописей и въ старыхъ словаряхъ мѣстныхъ писателей, составленныхъ иногда по рукописнымъ источникамъ. Если какое-нибудь лицо названо авторомъ сочиненія XIV вѣка, посвященнаго классической древности, и если оно встрѣчается въ гуманистической перепискѣ, то его съ большой вѣроятностью можно отнести къ числу рядовыхъ гуманистической арміи. Иногда тотъ же выводъ сдѣланъ на основаніи одного изъ этихъ двухъ признаковъ, если сочиненіе, судя по заглавію, касается спеціально гуманистическаго сюжета, или если несомнѣнный гуманистъ даетъ намекъ на интересы своего адресата". Желая дать картину географическаго распространенія движенія и отмѣтить мѣстныя его условія, г. Корелинъ излагаетъ

исторію гуманизма по городамъ, хотя этимъ нарушается хронологическій порядокъ,—неудобство, устраняемое авторомъ въ IV главѣ при помощи общаго обзора развитія гуманизма. Исторію географическаго распространенія гуманизма г. Корелинъ начинаетъ не съ Флоренціи, какъ это было принято до сихъ поръ, а съ папской куріи въ Авиньонѣ и съ папской области въ Италіи, на что у автора были весьма вѣскія основанія. Затѣмъ онъ говоритъ о гуманизмѣ въ Неаполѣ и Сициліи, во Флоренціи и въ Тосканѣ, въ Миланѣ и въ Миланской области, въ тираніяхъ сѣверной и средней Италіи, въ Венеціи и Генуѣ—и оканчиваетъ главу параграфомъ объ учителяхъ греческаго языка въ Италіи. Каждый дробный отдѣлъ первыхъ трехъ главъ книги оканчивается небольшимъ résumé, а вся книга—„общими выводами", составляющими вторую половину главы IV: это заключеніе имѣетъ ближайшее отношеніе къ послѣдней задачѣ, которую поставилъ себѣ г. Корелинъ—опредѣлить сущность гуманистическаго движенія съ его причинами и ближайшими результатами. Подводя общій итогъ подъ литературой о ренесансѣ, новѣйшій его историкъ имѣлъ право сказать, что до сихъ поръ или излагалась главнымъ образомъ внѣшняя исторія гуманизма, или давалась общая характеристика движенія за нѣсколько столѣтій: самъ г. Корелинъ сдѣлалъ попытку намѣтить постепенное развитіе гуманизма, опираясь на произведенія главнѣйшихъ его представителей, и хотя, по его мнѣнію, всесторонняя и детальная исторія внутренняго развитія преждевременна, тѣмъ не менѣе онъ счелъ возможнымъ документально установить главные моменты этой исторіи. Въ заключительномъ отдѣлѣ г. Корелинъ и даетъ свое опредѣленіе сущности гуманистическаго движенія съ характеристикой первыхъ стадій его развитія.

Мы уже указали выше, что въ русской переводной литературѣ объ итальянскомъ гуманизмѣ есть два сочиненія—Фогта и Буркгардта, оказавшія большое вліяніе на всю послѣдующую разработку предмета, въ коей г. Корелинъ видитъ „прежде всего попытку примирить нѣсколько узкій взглядъ на движеніе перваго (т.-е. Фогта) съ широкимъ до неопредѣленности воззрѣніемъ второго (т.-е. Буркгардта), а затѣмъ развить и дополнить сочиненія обоихъ изслѣдователей. Если, по словамъ нашего автора, вторая задача болѣе или менѣе успѣшно выполнена въ новѣйшихъ трудахъ по гуманизму (Сэймондса, Гейгера, Жебара и Кёртинга), то первая задача — выяснить сущность движенія посредствомъ примиренія противоположныхъ взглядовъ Фогта и Буркгардта — рѣшена гораздо менѣе удовлетворительно. „Мнѣ кажется,—говоритъ

г. Корелинъ (стр. 1061),—что главная причина такой неуспѣшности заключается въ маломъ интересѣ новыхъ изслѣдователей къ содержанію гуманистической литературы, между тѣмъ какъ только она можетъ дать правильное понятіе о цѣляхъ стремленій гуманистовъ и о средствахъ, которыми они пользовались для достиженія своихъ цѣлей, а слѣдовательно о сущности и характерѣ самого движенія". Опираясь на источники, разсмотрѣнные въ первыхъ трехъ главахъ, авторъ и сдѣлалъ свою попытку разрѣшить эту задачу по отношенію къ раннему періоду эпохи возрожденія. Вотъ эту-то попытку и представляетъ изъ себя вторая половина IV главы („общіе выводы"). Къ сожалѣнію, отдѣлъ этотъ очень кратокъ: въ немъ менѣе тридцати страницъ. Это—дѣйствительно краткое систематическое résumé изъ всего труда съ постоянными ссылками на разныя мѣста книги, но въ цѣломъ этотъ отдѣлъ можетъ быть понятенъ лишь тому, кто болѣе или менѣе внимательно прочиталъ все сочиненіе или по крайней мѣрѣ всю не-исторіографическую его часть: безъ этого утвержденія автора могутъ показаться голословными, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ, хотя, конечно, не всѣ его положенія одинаково прочно обоснованы и одинаково обстоятельно развиты въ текстѣ книги. Не всегда, впрочемъ, это зависитъ отъ самого автора: не разъ ему приходится дѣлать оговорку такого рода, что при современномъ состояніи источниковъ отвѣтить на тотъ или другой вопросъ или совсѣмъ нельзя, или въ высшей степени трудно, или возможно только въ самой общей формѣ и лишь съ приблизительной достовѣрностью. Къ числу такихъ вопросовъ, напр., относится въ высшей степени важный вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ гуманизмъ къ крупнымъ перемѣнамъ, происходившимъ въ Италіи одновременно съ гуманистическимъ движеніемъ въ политической, соціальной и церковной сферахъ (стр. 1083 и слѣд.). Въ данномъ отношеніи г. Корелинъ скорѣе склоненъ думать, что гуманистическое движеніе вообще мало обусловливалось причинами чисто политическаго и соціальнаго характера: онъ, напр., не находитъ никакого основанія считать ту или другую политическую форму или борьбу между ними причиной гуманистическаго движенія, равно какъ не допускаетъ, чтобы причиною послѣдняго было сословное броженіе, которое развѣ только создавало благопріятную для гуманизма среду и атмосферу. Только въ чисто отрицательномъ смыслѣ онъ готовъ признавать вліяніе политической жизни на зарожденіе движенія: „есть основаніе предполагать, — говоритъ онъ,—что политическій духъ, господствовавшій тогда въ большинствѣ итальянскихъ государствъ, содѣйствовалъ

развитію движенія", а именно „политическіе перевороты, разрушавшіе старыя традиціи и попиравшіе законы, должны были усиливать критическое настроеніе". Впрочемъ, такой взглядъ автора вытекаетъ и изъ общаго его воззрѣнія на сущность гуманизма съ его чисто индивидуалистическимъ характеромъ. Если, напр., единственною отраслью гуманистической литературы, на которой обнаружилось вліяніе политической дѣйствительности, былъ только политическій трактатъ, то политическая мысль гуманистовъ, по автору, объясняется въ гораздо большей степени ихъ общимъ міросозерцаніемъ, придающимъ ей извѣстный общій характеръ, нежели реальными политическими отношеніями, которыя, наоборотъ, до-нѣльзя разнообразили политическія воззрѣнія гуманистовъ. Указавъ на то, что всѣ крупные представители возрожденія вышли изъ демократическихъ слоевъ общества и что слѣды ихъ происхожденія можно, пожалуй, усмотрѣть и въ страстномъ тонѣ ихъ борьбы противъ знати, г. Корелинъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что „эта борьба происходила во имя индивидуальныхъ свойствъ личности, а не интересовъ какого-либо общественнаго класса": „гуманисты,—говоритъ онъ,—еще не были органомъ какого-либо общественнаго класса, и ихъ идеи о человѣческой природѣ, объ этикѣ, о наукѣ не обусловливались соціальными перемѣнами, происходившими въ современномъ имъ обществѣ" (стр. 1086).

Г. Корелинъ отвергаетъ и вліяніе общеитальянскаго патріотизма на возникновеніе гуманизма, отмѣчая тотъ общій фактъ, что идеи гуманистовъ носятъ не національный, а общечеловѣческій характеръ. Послѣднее въ книгѣ установлено гораздо прочнѣе, чѣмъ утвержденіе о независимости гуманистическаго движенія отъ какихъ-либо политическихъ и соціальныхъ стремленій: хотя мы въ данномъ случаѣ готовы вполнѣ присоединиться къ основному взгляду г. Корелина, тѣмъ не менѣе не можемъ не отмѣтить, что на его фактическое доказательство онъ обратилъ гораздо меньше вниманія, чѣмъ на доказательство той общей мысли, что гуманистическое движеніе было результатомъ культурнаго роста личности; авторъ, дѣйствительно, сдѣлалъ все, что могъ, и въ самой книгѣ вообще, и въ заключительной ея главѣ въ частности, чтобы представить гуманизмъ какъ продуктъ индивидуальнаго развитія, хотя можно было бы поставить еще вопросъ о томъ, нельзя ли искать причинъ этого самаго развитія, между прочимъ, именно въ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ тогдашней Италіи, а не „въ особенностяхъ условій культурнаго развитія европейскихъ народовъ", какъ склоненъ думать авторъ, хотя такое объясненіе намъ кажется через-чуръ общимъ и потому

неопредѣленнымъ (стр. 1087). Впрочемъ, самъ г. Корелинъ думаетъ, что вопросъ объ отношенiи гуманизма къ политическимъ и соцiальнымъ перемѣнамъ и не можетъ быть рѣшенъ окончательно „при современномъ состоянiи источниковъ", да и вообще, какъ мы думаемъ, съ одними тѣми источниками, на которыхъ исключительно опирается его изслѣдованiе, хотя, разумѣется, мы не ставимъ этого автору въ упрекъ: онъ и такъ много сдѣлалъ для надлежащаго пониманiя гуманизма съ такой точки зрѣнiя, которая, дѣйствительно, не можетъ не преобладать при изученiи даннаго предмета, и притомъ при помощи матерiала, коему всегда будетъ принадлежать главное значенiе при опредѣленiи сущности гуманизма, ибо послѣднiй нашелъ самое рельефное свое выраженiе именно въ литературныхъ произведенiяхъ гуманистовъ. Быть можетъ, г. Корелинъ просто долженъ былъ бы воздержаться отъ слишкомъ категорическихъ заявленiй, если считалъ невозможнымъ вполнѣ документально доказать свою общую мысль о томъ, что непосредственный источникъ гуманистическаго движенiя слѣдуетъ искать, если можно такъ выразиться, въ личности, а не въ обществѣ, во внутреннемъ мiрѣ индивидуума, а не во внѣшнихъ отношенiяхъ политическаго и соцiальнаго характера.

Отмѣчая эту неровность въ заключительномъ отдѣлѣ книги, мы вовсе не имѣли въ виду, какъ это могло бы показаться, произвести такое впечатлѣнiе на читателя, будто книга г. Корелина страдаетъ односторонностью. Совсѣмъ нѣтъ: мы хотѣли только выяснить, что въ новомъ трудѣ о ренесансѣ на первомъ планѣ культурныя, а не соцiальныя отношенiя, и что это обусловливается самою сущностью разсматриваемаго предмета, такъ какъ гуманизмъ былъ цѣлымъ переворотомъ въ мiросозерцанiи и настроенiи личности, нашедшiй самое главное и лучшее свое выраженiе въ литературѣ, но отнюдь не можетъ считаться какимъ-то переворотомъ политическаго и соцiальнаго характера, въ основѣ коего будто бы лежали какiя-то хозяйственныя перемѣны, какъ недавно взглянулъ на дѣло одинъ заграничный представитель „экономическаго матерiализма" въ исторiи. Труду г. Корелина и сообщаетъ главный его интересъ сдѣланная въ немъ попытка взглянуть на гуманистическое движенiе съ той точки зрѣнiя, что въ движенiи этомъ, помимо условiй мѣста и времени, нужно искать одно изъ могучихъ проявленiй роста личности, столь характернаго для исторiи европейскихъ народовъ, особенно въ новое время. „Подъ влiянiемъ историческихъ условiй,—говоритъ г. Корелинъ на послѣдней страницѣ своей книги,—личность доросла до сознанiя своего права на всестороннее развитiе: отсюда отрицанiе церковной

опеки и требованіе свободы и самостоятельности для творческой дѣятельности человѣческаго духа и прежде всего для науки. Только съ этой точки зрѣнія,—прибавляетъ онъ,—идеи гуманистовъ находятъ объясненіе и могутъ быть приведены въ ясную и опредѣленную систему". Въ исторіи европейской цивилизаціи гуманистическая эмансипація личности и общества отъ схоластической философіи, аскетической этики и теократической политики среднихъ вѣковъ—была дѣйствительно весьма важнымъ и плодотворнымъ моментомъ, началомъ совершенно новой эпохи въ этой исторіи: г. Корелинъ сдѣлалъ очень хорошо, что весь громадный исторіографическій и литературный матеріалъ, бывшій въ его распоряженіи, сгруппировалъ около этой основной мысли, тѣмъ самымъ придавъ своему труду интересъ не для однихъ только спеціалистовъ исторической науки.

Наша историческая литература такъ бѣдна и наши научныя силы такъ невелики, что при выборѣ темъ для диссертацій на ученыя степени, изъ коихъ главнымъ образомъ и складывается наша литература самостоятельныхъ трудовъ по иностранной исторіи, мы особенно должны принимать въ разсчетъ интересы не одной, такъ сказать, отвлеченной науки, но и отечественнаго просвѣщенія, которому особенно нужны книги по исторіи эпохъ со всемірно-историческимъ значеніемъ. Г. Корелинъ съумѣлъ сочетать въ своемъ изслѣдованіи служеніе отвлеченной наукѣ со служеніемъ отечественному просвѣщенію, выбравъ для своей диссертаціи такой предметъ, какъ итальянскій гуманизмъ. Развитіе личности у насъ сильно отстало отъ того, что въ этомъ отношеніи представляетъ жизнь западно-европейскихъ народовъ: послѣдніе въ значительной мѣрѣ обязаны успѣхами своей цивилизаціи итальянскому гуманистическому движенію, распространившемуся мало-по-малу по всѣмъ странамъ западной Европы, и книга, которая изслѣдуетъ начало этого движенія, должна считаться у насъ особенно желательной.

Съ другой стороны, гуманизмъ, какъ и всѣ другія великія историческія движенія, съ самаго же начала получилъ, какъ это весьма хорошо доказывается въ книгѣ г. Корелина, характеръ явленія, выходящаго за границы какой-либо одной національности, хотя бы оно и возникло въ такихъ границахъ, вслѣдствіе чего предметъ, коему посвящено разсматриваемое явленіе, получаетъ особый интересъ не только для однихъ итальянцевъ, но и для всѣхъ вообще образованныхъ людей, причастныхъ къ той свѣтской цивилизаціи новаго времени, родоначальниками коей были итальянскіе гуманисты XIV и XV вѣковъ. Въ эпоху господства національной исключи-

тельности особенно полезно напоминать обо всемъ, что̀ мало-мальски имѣетъ общечеловѣческій характеръ, а объ итальянскомъ гуманизмѣ это можно говорить съ такимъ же правомъ, съ какимъ говорится о французскомъ „просвѣщеніи“ XVIII вѣка. Вопросъ о происхожденіи итальянскаго гуманизма, изслѣдуемый г. Корелинымъ, имѣетъ, кромѣ того, особый интересъ для насъ, русскихъ. Въ нашей публицистикѣ — да и въ научной литературѣ тоже — не перестаютъ раздаваться голоса противъ запада и въ пользу Византіи, и однимъ изъ аргументовъ въ пользу послѣдней служила и служитъ до сихъ поръ ссылка на то, что Византія была въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ хранительницей древняго образованія, безъ чего и на западѣ не могло бы совершиться возрожденіе. Въ самой западно-европейской наукѣ долгое время держалось представленіе, будто итальянскій ренесансъ обязанъ своимъ происхожденіемъ бѣглымъ грекамъ, которые принесли съ собою въ Италію античныя философскія, научныя и литературныя идеи, обновившія западно-европейскую образованность. Къ числу предразсудковъ, давно оставленныхъ лучшими историками и разбиваемыхъ также критикой нашего автора, относится и это невѣрное представленіе о роли византійскихъ грековъ въ итальянскомъ ренесансѣ, болѣе поздней и болѣе, какъ основательно доказываетъ г. Корелинъ, второстепенной. Правда, этотъ вопросъ не былъ предметомъ спеціальной разработки г. Корелина, но приводимыхъ имъ данныхъ и соображеній совершенно достаточно для того, чтобы вмѣстѣ съ авторомъ, оставаясь притомъ на чисто научной почвѣ, „свести роль раннихъ грековъ въ исторіи гуманистическаго движенія къ простой передачѣ техническихъ свѣденій и ни къ чему больше“ (стр. 1002—1003). Дѣло въ томъ, что отношеніе византійскихъ грековъ, у которыхъ итальянскіе гуманисты учились языку, къ древней греческой литературѣ было такое же схоластическое, какъ и у западно-европейскихъ средневѣковыхъ ученыхъ къ литературѣ римской, и ужъ никакъ не греки научили Петрарку и другихъ гуманистовъ относиться по новому къ классическимъ авторамъ: учителя греческаго языка и литературы по пониманію своему стояли гораздо ниже своихъ итальянскихъ учениковъ, которые независимо отъ нихъ заинтересовались содержаніемъ греческой литературы,—заинтересовались потому, что находили у доступныхъ имъ по языку римскихъ писателей указанія на важность греческихъ философовъ, поэтовъ, историковъ и ораторовъ. Византія именно была хранительницей древней образованности, но движеніе мысли къ образованности новой на основѣ, созданной образованностью древнею, которую Византія умѣла

лишь хранить, произошло только на западѣ. Могли ли византійскіе греки дать итальянцамъ то, чѣмъ не обладали сами, т.-е. новое, не-схоластическое отношеніе къ античной литературѣ? Вообще, могло ли знаніе древности само по себѣ быть источникомъ гуманистическаго движенія? Г. Корелинъ ставитъ и этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него отрицательно, отмѣчая въ исторіографіи ренесанса тѣ сравнительно немногіе случаи, когда встрѣчается въ ней съ такимъ же, какъ его собственный, взглядомъ на этотъ предметъ. Именно онъ безпрестанно возвращается къ той мысли, что „древность—не источникъ движенія, а только его знамя и опора" (стр. 20), что „суть движенія заключалась не въ подражаніи классикамъ, а въ томъ настроеніи, которымъ оно было вызвано и которое опредѣляло его объемъ" (стр. 33), или что „древняя литература была оружіемъ въ борьбѣ, а не ея источникомъ" (стр. 69) и т. п. И въ литературѣ, и въ практической жизни весьма часто гуманизмъ и классицизмъ совершенно напрасно отождествлялись—и нерѣдко къ ущербу истинному гуманизму: авторъ устанавливаетъ надлежащія историческія отношенія между ними, которыя не лишнимъ было бы принимать въ разсчетъ, напр., въ вопросахъ общаго образованія, впервые, какъ извѣстно, созданнаго на новой, не-схоластической основѣ, опять-таки гуманистами.

Всякій разъ, какъ историческая тема ставится достаточно широко, она получаетъ жизненный характеръ, соприкасается съ запросами жизни. Это именно и можно сказать о темѣ г. Корелина, что̀, повторяемъ, было однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ насъ взяться за перо съ цѣлью познакомить бо̀льшій кругъ читателей съ разсматриваемымъ трудомъ. Конечно, сравнительно немногіе изъ нихъ возьмутъ въ руки самую книгу, слишкомъ объемистую, слишкомъ мѣстами спеціальную да и вообще слишкомъ мало разсчитанную на то, чтобы соотвѣтствовать требованіямъ средняго читателя. Тѣмъ не менѣе тому, кого заинтересуетъ настоящая статья, мы рекомендовали бы заглянуть и въ самую книгу, отличающуюся вполнѣ литературнымъ изложеніемъ, что̀ также нужно поставить въ число ея достоинствъ.

II.

Читая „введеніе" въ трудѣ г. Корелина, представляющее изъ себя большой исторіографическій обзоръ итальянскаго ренесанса, поражаешься разнообразіемъ и крайнимъ несходствомъ общихъ

взглядовъ, какіе высказывались по этому предмету представителями различныхъ отраслей историческаго знанія. Тѣмъ не менѣе среди этихъ взглядовъ можно подмѣтить два основныя воззрѣнія, которыя мы позволимъ себѣ обозначить—одно какъ философское, другое какъ филологическое. Уже французскіе „просвѣтители" XVIII в., мало знакомые съ фактической исторіей возрожденія, чувствовали свое внутреннее родство съ итальянскими гуманистами, хотя и не умѣли вполнѣ оцѣнить своихъ духовныхъ предковъ. То же можно сказать и о философахъ исторіи XIX вѣка, когда они касались гуманизма. Для другого взгляда возрожденіе было главнымъ образомъ главою въ исторіи классической филологіи, для которой, какъ извѣстно, гуманисты такъ много сдѣлали. Къ этимъ двумъ взглядамъ и примыкаютъ два названные выше труда по исторіи итальянскаго гуманизма: въ то время, какъ Фогтъ видитъ въ гуманизмѣ прежде всего реставрацію древности, что̀ отразилось на самомъ заголовкѣ его труда—„Возрожденіе классической древности, или первый вѣкъ гуманизма", для Буркгардта все движеніе имѣетъ значеніе главнымъ образомъ какъ возрожденіе личности, проявленіе индивидуализма. „По основному взгляду на гуманистическое движеніе,—говоритъ г. Кореллинъ,—Фогтъ въ сущности примыкаетъ къ своимъ предшественникамъ, хотя нѣсколько расширяетъ ихъ воззрѣнія. Въ предисловіи къ первому изданію онъ замѣняетъ старое названіе эпохи „возстановленіе наукъ" новымъ и, по его мнѣнію, болѣе точнымъ —„возрожденіе (Wiederbelebung") классической древности". Но общій смыслъ движенія, конечную его цѣль онъ видитъ въ сліяніи античнаго съ христіанскимъ: „въ этомъ заключается значеніе Аріосто и Тассо, Браманте и Палладіо, Леонардо да Винчи и Рафаэля Санціо". Противъ такой точки зрѣнія,—продолжаетъ авторъ,—если понять ее въ самомъ широкомъ смыслѣ, едва-ли можно спорить: новая цивилизація—продуктъ сліянія античной и средневѣковой, и ренесансъ ввелъ много жизненнаго въ новую культуру изъ наслѣдства, завѣщаннаго древнимъ міромъ. Но вопросъ въ томъ, какъ это случилось? Фогтъ не даетъ на это прямого отвѣта. „Намъ предстоитъ,—говоритъ онъ во введеніи къ своей книгѣ,—прослѣдить только одну стадію и одну сторону этого культурно-историческаго событія,—возрожденіе классической древности и ея проникновеніе въ духовную жизнь прежде всего Италіи. Не вполнѣ ясно, исчерпывается ли, по мысли автора, первая стадія движенія этой его стороной, или онъ только избираетъ возрожденіе классической древности спеціальной цѣлью своего изслѣдованія, оставляя въ сторонѣ другія стороны движе-

нія. Но, судя по заглавію книги и по дальнѣйшему изложенію, особенно же по послѣдней главѣ, возрожденіе классической древности и гуманизмъ перваго столѣтія—тождественныя понятія для автора. По мысли Фогта, ранніе гуманисты ставили своей цѣлью реставрировать древность, и всѣ прочія гуманистическія тенденціи —результатъ вліянія этой реставраціонной попытки. По его словамъ, у гуманистовъ „было дѣтское стремленіе реформировать политическій и моральный міръ по образцу древности"; „слово и дѣйствительность, фантазія и реальность (Schein und Sein) стояли у нихъ въ крайне своеобразномъ противорѣчіи"; онъ находитъ даже черты донкихотства у дѣятелей возрожденія" (стр. 1022—1023). Г. Корелинъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ такой взглядъ, указывая на то, что источники ни подъ какимъ видомъ не даютъ права дѣлать подобную характеристику. „Фогтъ,—говоритъ онъ,—не доказалъ и не могъ доказать, что ранніе гуманисты ставили своею задачею реставрацію древности: такой мысли нельзя найти ни въ одномъ гуманистическомъ произведеніи. Наоборотъ, легко видѣть, что подобное „донкихотство" и невозможно для дѣятелей возрожденія... Съ другой стороны, критическое отношеніе къ древности вызывалось даже самымъ интересомъ къ ней: древность неоднородна, что же взять изъ нея?" (стр. 1024)... „Схема Фогта,—продолжаетъ г. Корелинъ,—дѣлаетъ, далѣе, совершенно непонятной причину не только предполагаемаго имъ стремленія реставрировать античный міръ, но и несомнѣннаго увлеченія классической литературой и древностью. Во введеніи авторъ касается этого вопроса, перечисляетъ остатки древности въ Италіи, отмѣчаетъ ея политическое разъединеніе, упадокъ церкви и проч., но все изложеніе сводится къ очень общимъ разсужденіямъ, и прямого отвѣта на вопросъ мы не находимъ... Невѣрная основная точка зрѣнія на возрожденіе повлекла за собою крупные недостатки въ изложеніи и главнымъ образомъ въ общихъ итогахъ движенія, которые Фогтъ подводитъ въ послѣдней главѣ своей книги. Прежде всего, онъ сводитъ всю литературную дѣятельность гуманистовъ къ „дѣтскому" подражанію древнимъ. „Научныя занятія и дѣйствительная жизнь этихъ почитателей древности,—говоритъ онъ,—должны были впасть въ странный конфликтъ". Къ сожалѣнію, эта характеристика не иллюстрируется ни однимъ примѣромъ, и въ литературѣ ранняго гуманизма мы не можемъ указать ни одного произведенія, которое стояло бы внѣ всякой связи съ современными вопросами морали, политики или общественной жизни. Подражаніе сводилось исключительно къ формѣ. Что касается до конфликта, то онъ

дѣйствительно существовалъ, только виною этому была не древность: новые идеалы, основанные на новыхъ потребностяхъ, сталкивались съ старой моралью... Здѣсь Фогта покидаетъ даже свойственная ему обстоятельность: онъ старательно перечисляетъ всѣ работы гуманистовъ по латинской и греческой грамматикѣ и бѣгло упоминаетъ весьма немногія изъ ихъ философскихъ произведеній" (1028).

Таково отношеніе г. Корелина къ книгѣ Фогта, которую тѣмъ не менѣе онъ ставитъ очень высоко, и чего она дѣйствительно заслуживаетъ. Мы отмѣтили это отношеніе главнымъ образомъ въ виду того, что г. Корелинъ является—и вполнѣ справедливо—противникомъ взгляда, по которому источникомъ гуманистическаго движенія было изученіе древности. Такой взглядъ Фогтъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ, излагая воззрѣнія коихъ, г. Корелинъ не разъ имѣлъ случай говорить о своемъ отношеніи къ вопросу о томъ, какую роль играетъ классическая древность въ гуманистическомъ движеніи. Опредѣленіемъ этой роли онъ занимается попутно и при обзорѣ литературной дѣятельности самихъ гуманистовъ, накопляя такимъ образомъ фактическій матеріалъ, коимъ и пользуется потомъ, подводя общіе итоги подъ всѣмъ изслѣдованіемъ. Самъ авторъ русской книги примыкаетъ своимъ основнымъ воззрѣніемъ на гуманизмъ къ сочиненію Буркгардта, которое не безъ основанія называетъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ произведеній западно-европейской исторіографіи, хотя и его находитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудовлетворяющимъ требованіямъ науки. „Буркгардтъ,—говоритъ онъ,—не даетъ исторіи гуманистическаго движенія; въ его книгѣ нѣтъ изображенія историческаго процесса вообще, хотя ея содержаніе захватываетъ болѣе трехъ столѣтій. Это—широкая картина итальянской культуры, при чемъ авторъ далеко не во всѣхъ частяхъ заботится объ исторической перспективѣ... Мы не находимъ въ книгѣ опредѣленія точно формулированнаго взгляда автора на это движеніе, но единственная идея, объединяющая всѣ отдѣльныя части его общей культурной картины—индивидуализмъ и его проявленія. Культура ренесанса, по Буркгардту, индивидуалистическая культура. Въ проведеніи этого взгляда на возрожденіе заключается главная и огромная заслуга автора... Гуманистическая литература,—продолжаетъ авторъ,—вполнѣ подтверждаетъ взглядъ Буркгардта, что возрожденіе—проявленіе индивидуализма; но авторъ идетъ дальше и считаетъ всякое проявленіе индивидуализма возрожденіемъ. Если не придавать термину „ренесансъ" его обычнаго техническаго значенія, то со взгля-

доймъ Буркгардта можно согласиться: индивидуализмъ—характерная черта начала новой эпохи; онъ проявляется во всѣхъ сферахъ общественной и индивидуальной жизни и его начала заходятъ далеко въ средніе вѣка. Въ извѣстномъ смыслѣ все это—„возрожденіе человѣческаго разума". Но тогда гуманистами придется признать и Фридриха II, и Эццелино ди Романо, и трубадуровъ, и голіардовъ, и Саванароллу, и „братчиковъ", и даже Лютера. Гуманистическое движеніе утрачиваетъ при такомъ возрѣніи всякіе хронологическіе предѣлы и почти всѣ специфическіе признаки. Такой неопредѣленностью страдаетъ и книга Буркгардта, вслѣдствіе чего далеко не все, что онъ называетъ культурою ренессанса, можетъ войти въ исторію гуманистическаго движенія" (стр. 1034).

Мы не станемъ слѣдить за тѣмъ, какъ г. Корелинъ съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ содержаніе отдѣльныхъ частей книги, сдѣлавъ исключеніе только для третьяго отдѣла книги Буркгардта, трактующаго о пробужденіи (Wiedererweckung) древности. „Въ коротенькомъ введеніи къ этой части книги,—говоритъ г. Корелинъ,—авторъ высказываетъ такой взглядъ на роль древности въ исторіи возрожденія, который радикально расходится съ обычнымъ представленіемъ о движеніи. По его мнѣнію, не древность создала гуманизмъ—и большая часть духовныхъ теченій эпохи мыслима и безъ ея вліянія. Но Буркгардтъ не отрицаетъ этого вліянія, только не приписываетъ ему исключительнаго значенія. Какъ на главномъ положеніи нашей книги,—говоритъ онъ,—мы должны настаивать на томъ, что не одинъ античный міръ, а его тѣсный союзъ съ итальянскимъ народнымъ духомъ побѣдилъ западъ. Изъ этого соединенія возникаетъ новая духовная среда (medium), которая, распространяясь изъ Италіи, становится жизненной атмосферой всѣхъ болѣе высокообразованныхъ европейцевъ". Въ другомъ мѣстѣ авторъ нѣсколько ближе опредѣляетъ значеніе древности въ движеніи. По его словамъ, прежде всего развивается индивидуализмъ, результатомъ котораго является „усердное и многостороннее изученіе индивидуальнаго". „Между обоими великими явленіями,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ помѣстить вліяніе античной литературы, потому что способъ познаванія и изображенія индивидуальнаго и общечеловѣческаго существенно окрашивается и опредѣляется этою средою (medium). Но сила познаванія лежала во времени и въ націи. Другими словами, предшествующимъ моментомъ въ исторіи гуманизма является развитіе личности, послѣдующимъ—интересъ къ древности, и только потомъ—изученіе міра и человѣка.

Къ сожалѣнію, эта мысль, требующая для своего подтвержденія детальнаго изученія источниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, остается афоризмомъ въ книгѣ Буркгардта. На самый существенный вопросъ, почему развившаяся личность прежде всего и съ огромнымъ интересомъ обратилась къ изученію древности, авторъ отвѣчаетъ весьма неопредѣленнымъ указаніемъ на развитіе городской жизни и на естественность возвращенія къ идеалу римскаго всемірнаго владычества при паденіи папства и имперіи. Источники не допускаютъ такой гипотезы; точно также не уполномочиваютъ они утверждать, что античная литература „опредѣляетъ и окрашиваетъ" гуманистическую философію и науку. Отношеніе Буркгардта къ гуманистической литературѣ вообще одно изъ наиболѣе слабыхъ мѣстъ его книги. Всѣ произведенія гуманистовъ кажутся автору воспроизведеніемъ древности, при чемъ наиболѣе важныя изъ нихъ—сочиненія этико-философскаго содержанія—сознательно обходятся молчаніемъ. Если принять во вниманіе, что Буркгардтъ вездѣ, гдѣ считаетъ возможнымъ, ограничиваетъ вліяніе древности, то единственное объясненіе такого отношенія къ гуманистической литературѣ приходится искать въ сравнительно маломъ интересѣ къ ея содержанію" (стр. 1036). Изъ этихъ словъ мы видимъ, въ чемъ г. Корелинъ видитъ главный недостатокъ сочиненія Буркгардта по интересующему его вопросу: симпатизируя точкѣ зрѣнія книги, онъ находитъ, что ея авторъ не былъ достаточно подготовленъ къ рѣшенію вопроса знакомствомъ съ гуманистическою литературою. Г-ну Корелину вообще весьма часто приходилось отмѣчать у историковъ, касавшихся ренессанса, весьма ограниченное знакомство съ непосредственными источниками, и рядомъ съ этимъ стремленіе къ догадкамъ апріорнаго характера, нерѣдко, впрочемъ, довольно удачнымъ.

Фогтъ и Буркгардтъ являются такимъ образомъ представителями двухъ различныхъ взглядовъ на источникъ гуманистическаго движенія. Склоняясь лично на сторону Буркгардта, г. Корелинъ тѣмъ не менѣе находитъ, что обѣ книги „превосходно дополняютъ другъ друга: то,—говоритъ онъ,—что̀ составляетъ слабую сторону книги перваго, является самой важной заслугой второго, и наоборотъ. Фогтъ слишкомъ узко и односторонне смотритъ на гуманизмъ, но даетъ обстоятельное и систематическое изложеніе его внѣшней исторіи; Буркгардтъ глубоко понимаетъ движеніе, но изображаетъ различные его фазисы, какъ нѣчто цѣлое и законченное. Оба писателя вмѣстѣ даютъ возможность и глубже понять возрожденіе, и правильнѣе изложить его исторію, что̀ не замедлило отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на отно-

шеніи къ этой эпохѣ въ сочиненіяхъ по всѣмъ отдѣламъ исторической науки“ (стр. 1039—1040). Мы видѣли уже, что г. Корелинъ всю новѣйшую исторіографію по возрожденію характеризуетъ какъ попытку примирить и дополнить или развить взгляды обоихъ писателей, но до сихъ поръ, по его мнѣнію, сущность гуманистическаго движенія все еще остается невыясненною, благодаря малому интересу новыхъ изслѣдователей къ содержанію гуманистической литературы (стр. 1061). Какъ же самъ авторъ „Ранняго итальянскаго гуманизма“ рѣшаетъ поставленный имъ вопросъ, опираясь именно на произведенія гуманистовъ?

Вотъ его общій отвѣтъ на вопросъ. „Два существенныхъ признака,—говоритъ онъ именно,—составляютъ особенность гуманистической литературы: проявляющійся въ ней индивидуализмъ и глубокій интересъ къ классической древности. Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ преимущественно къ другому человѣку; въ-третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ-четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка“ (стр. 1061). Въ этой формулировкѣ мы встрѣчаемся опять съ соединеніемъ въ одно цѣлое взглядовъ Фогта и Буркгардта; его характеристика гуманистическаго индивидуализма основывается у г. Корелина именно на данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ изученія произведеній гуманистовъ. „Но,—замѣчаетъ еще нашъ авторъ,—этотъ индивидуализмъ, являясь характернымъ свойствомъ гуманистической литературы, не составляетъ ея специфическаго признака. Спорадически онъ проявляется и въ предшествующую эпоху не только у отдѣльныхъ писателей, но и въ нѣкоторыхъ литературныхъ теченіяхъ, развившихся на почвѣ оппозиціи аскетическому идеалу. Въ этомъ отношеніи гуманисты отличаются отъ своихъ предшественниковъ количественно, а не качественно. Ихъ качественная разница, составляющая специфическій признакъ движенія, заключается въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры и въ стремленіи выработать на индивидуалистической основѣ новое міросозерцаніе, т.-е. построить на ней религію, мораль, педагогію, политику и науку. Это міросозерцаніе должно было дать теоретическое обоснованіе новымъ потребностямъ, ставшимъ въ противорѣчіе съ средневѣковыми идеалами. Весьма важную роль,—продолжаетъ г. Коре-

линъ,—при выработкѣ новыхъ идеаловъ играла античная литература. Интересъ къ древности и сравнительно хорошее знакомство съ нею гуманистовъ нѣтъ надобности доказывать. Это проявляется въ каждомъ гуманистическомъ сочиненіи, и относительно этого никто никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но знаніе классическихъ языковъ и литературы само по себѣ еще менѣе, нежели индивидуализмъ, можетъ служить специфическимъ признакомъ гуманистическаго движенія. Не говоря уже о томъ, что между предшественниками гуманистовъ были люди, не хуже Петрарки знакомые съ древностью, и въ занимающую насъ эпоху встрѣчаются отдѣльныя лица, которыя знаютъ древніе языки и литературу, но не раздѣляютъ гуманистическихъ стремленій, а иногда даже относятся враждебно къ движенію... Для гуманистовъ древность—нѣчто большее, чѣмъ объектъ науки. Они находятъ въ ней иногда родственное настроеніе, иногда готовую формулу для своихъ воззрѣній, иногда высокій образецъ для литературной и научной работы... Но живой интересъ къ дѣйствительности, пониманіе ея жизненности, силы и важности препятствуютъ слѣпому преклоненію передъ античнымъ прошлымъ, фантастическому стремленію воскресить отжившее, и гуманисты относятся къ классической древности такъ же критически, какъ къ ближайшему прошлому и современной дѣйствительности. Въ выработкѣ новаго міросозерцанія они руководятся индивидуальными потребностями, которыя служатъ для нихъ критеріемъ годнаго и подходящаго какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Исходнымъ пунктомъ этой работы являлась индивидуальная потребность, основнымъ настроеніемъ по отношенію къ прошлому былъ критицизмъ, при чемъ классическая древность по временамъ служила опорой для новаго міросозерцанія, а современная дѣятельность—его регуляторомъ" (стр. 1066—1067).

Такъ понимаетъ г. Корелинъ отношеніе, существовавшее, въ его представленіи дѣла, между факторами гуманистическаго движенія, и нужно сказать, что это пониманіе является результатомъ не только общихъ соображеній, которыя высказываются авторомъ большею частью при разборѣ чужихъ мнѣній, но и обобщеній, сдѣланныхъ на основаніи анализа произведеній самихъ гуманистовъ. Указанное имъ отношеніе между факторами движенія онъ распространяетъ на всѣ направленія культурной работы гуманистовъ, за исключеніемъ выработки религіозныхъ воззрѣній, хотя самый фактъ попытки раннихъ гуманистовъ построить себѣ религіозное міросозерцаніе личными средствами свидѣтельствуетъ объ индивидуалистическомъ стремленіи и въ этой

области. Вотъ какъ въ частностяхъ г. Корелинъ проводитъ свой общій взглядъ. „Несмотря,—говоритъ онъ,—на разнообразіе моральныхъ ученій, всѣ гуманисты чувствуютъ интересъ къ этимъ вопросамъ, неизмѣнно рѣшая ихъ на индивидуалистической почвѣ, при чемъ одни стараются примкнуть къ традиціонной морали; другіе ее совершенно игнорируютъ. Но всѣ они ищутъ опоры въ древности или въ формѣ назидательнаго біографическаго примѣра, заимствуя изъ древности подходящую доктрину. Этой практической приложимостью памятника классической литературы и объясняются симпатіи гуманистовъ къ тому или другому античному писателю... Въ политическихъ построеніяхъ ранніе гуманисты положительно или отрицательно исходятъ отъ современной дѣйствительности, причемъ древность служитъ санкціей самыхъ противоположныхъ воззрѣній“ (стр. 1074). Сдѣлавъ нѣсколько ссылокъ на факты, установленные въ изслѣдованіи гуманистической литературы, г. Корелинъ, между прочимъ, доказываетъ и такую общую мысль: „развитіе индивидуальныхъ потребностей вызвало интересъ гуманистовъ къ наукѣ; гуманистическимъ интересомъ къ личности опредѣлялось ихъ отношеніе къ различнымъ отраслямъ знанія и къ античной литературѣ. Обращеніе къ классической старинѣ было неизбѣжно, потому что средневѣковая наука не подходила къ новымъ потребностямъ; но и въ древней литературѣ ищутъ прежде всего такихъ писателей, которые ближе по настроенію и даютъ болѣе средствъ понять современнаго человѣка, вообще наиболѣе приложимы къ дѣйствительности! Поэтому гуманисты изучаютъ философовъ, поэтовъ, ораторовъ и историковъ. Особенно такая точка зрѣнія обнаруживается въ выборѣ ораторовъ для перевода... Въ этомъ же, думаетъ нашъ авторъ, слѣдуетъ искать причины равнодушія гуманистовъ къ праву: законы утратили силу въ современной дѣйствительности, и изученіе древняго права не имѣло практическаго интереса. Но, интересуясь исключительно классической наукой, гуманисты относятся къ ней критически... Точно такъ же не слѣпымъ поклоненіемъ античной старинѣ, а въ значительной степени потребностями развитой индивидуальности объясняется нѣкоторое увлеченіе гуманистовъ классической формой. Формальное изученіе древней литературы вызывалось прежде всего желаніемъ точно понять писателя, затѣмъ стремленіемъ излагать свои сочиненія изящной латынью. Употребленіе латинскаго языка въ научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ не было нововведеніемъ гуманистовъ. Они примыкаютъ въ этомъ отношеніи къ средневѣковой традиціи... Но развитіе эстетическаго чувства, составляющее характерную черту эпохи, требовало улучшенія тра-

диціонной формы, и гуманисты обратились къ изученію ея античныхъ образцовъ и стали подражать ихъ стилю" (стр. 1075—1076). Понимая такимъ образомъ взаимныя отношенія двухъ главныхъ сторонъ гуманистическаго движенія, г. Корелинъ даетъ слѣдующее общее его опредѣленіе: сущность этого движенія, по его мнѣнію, „заключается именно въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальныхъ потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ новое міросозерцаніе, т.-е. новую этику, педагогику, политику и науку, при чемъ авторитетная классическая древность служила только оружіемъ для борьбы со старой культурой и опорой для выработки новаго міросозерцанія" (стр. 1076).

Въ только-что приведенной формулѣ авторъ „Ранняго итальянскаго гуманизма" сводитъ воедино главные результаты своего изслѣдованія по вопросу о томъ, что̀ же такое гуманизмъ. Мы видѣли уже раньше, какое мѣсто отводитъ онъ классической древности въ исторіи движенія, но нужно прибавить, что ея роль онъ понялъ вполнѣ вѣрно, и что взглядъ этотъ опирается у него на весьма вѣскихъ доказательствахъ. Сравнивая эту формулу съ другими попытками примирить воззрѣнія Фохта и Буркгардта, мы должны отдать ей преимущество въ ясности, простотѣ и соотвѣтствіи съ фактическими данными. Съ точки зрѣнія г. Корелина происхожденіе гуманизма и извѣстнаго увлеченія (только не слѣпого) древностью объясняется такимъ образомъ. Въ своемъ историческомъ развитіи личность переросла культурныя формы среднихъ вѣковъ: ея не удовлетворяли болѣе ни аскетическая этика, ни схоластическая философія, ни теократическая политика, отрицавшія при томъ самыя элементарныя права личности. Отсюда вышло критическое отношеніе развитой индивидуальности къ устарѣлымъ культурнымъ формамъ, и рядомъ съ нимъ стремленіе замѣнить ихъ новыми началами жизни. Ближе всего къ новымъ потребностямъ личности была античная литература, и вотъ на нее, такъ сказать, и набрасываются гуманисты, ища у древнихъ писателей аргументовъ въ пользу своихъ стремленій. Ясность и простота такого объясненія гуманизма и увлеченія древностью сами по себѣ, конечно, служили бы доказательствомъ его вѣрности, еслибы выводы г. Корелина не основывались на всесторонней критикѣ другихъ объясненій и на обобщеніи большого количества фактовъ.

Г-нъ Корелинъ дѣлаетъ и общую характеристику первыхъ стадій гуманистическаго движенія. Сравнивая между собою воззрѣнія гуманистовъ разсмотрѣнныхъ имъ поколѣній, онъ приходитъ

къ тому выводу, что „уже къ первой четверти XV столѣтія вполнѣ опредѣлились основныя направленія гуманистическаго движенія и намѣтились его главнѣйшіе результаты. Прежде всего,—говоритъ авторъ,—обнаруживается постепенное ослабленіе религіознаго интереса. Для Петрарки и Боккачіо религіозные вопросы имѣютъ еще важное значеніе: авторъ Декамерона, разсказавъ какую-нибудь компрометирующую церковь новеллу, совершенно искренно выводитъ изъ нея религіозное назиданіе. Отношеніе къ религіи второй гуманистической генераціи нѣсколько иное. Нѣкоторые ея представители, какъ Ромбальди, Салутати и Верджеріо, раздѣляютъ эти интересы первыхъ гуманистовъ, но они уже совершенно не занимаютъ Конвертино и гуманистовъ третьей генераціи. Параллельно ослабленію религіозныхъ интерессвъ идетъ развитіе секуляризаціи мысли и чувства. Петрарка старается примирить свои свѣтскія идеи и чувства съ религіей; Боккачіо, по крайней мѣрѣ, приходитъ въ голову вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ его преклоненіе передъ естественными наклонностями человѣка къ церковной доктринѣ; Верджеріо довольствуется механическимъ и поверхностнымъ примиреніемъ своихъ взглядовъ и симпатіей съ религіей и въ педагогическомъ трактатѣ является совершенно свѣтскимъ мыслителемъ. Но уже нѣкоторые гуманисты второго поколѣнія сознали, повидимому, непримиримость своихъ идей и стремленій съ церковнымъ ученіемъ. По крайней мѣрѣ, начиная съ Конвертино, гуманисты отказываются отъ систематическаго примиренія своихъ идеаловъ съ церковными и не принимаютъ въ разсчетъ этихъ послѣднихъ въ своихъ философскихъ разсужденіяхъ... Эта секуляризація мысли,—продолжаетъ г. Корелинъ, — имѣла важное вліяніе на всѣ проявленія культурной работы гуманистовъ. Прежде всего она опредѣлила направленіе гуманистической философіи. Паденіе аскетическаго идеала вызвало жгучую потребность въ новой этикѣ, и удовлетворенію этой потребности, вполнѣ ясно формулированной Бруни, посвящены всѣ философскія работы раннихъ гуманистовъ. Она заслонила на время другія стороны философіи, и въ этомъ слѣдуетъ искать объясненія того факта, что интересъ къ метафизическимъ вопросамъ появляется только во второй половинѣ XV-го вѣка"...

„Работа надъ этическими проблемами не осталась безъ результата: ранніе гуманисты выработали ученіе, что человѣкъ по природѣ существо нравственное, и что на лучшихъ сторонахъ нашей природы должна быть построена новая этика, которая должна не подавлять индивидуальныя свойства, а содѣй-

ствовать ихъ правильному развитію... Но если дѣятелямъ ранняго возрожденія не удалось построить прочной этической системы, руководствуясь новымъ взглядомъ на человѣческую природу, то, благодаря ему, они положили начало новой педагогіи. Идеи Верджеріо и Бруни, что воспитаніе должно быть построено на психологіи, должно всесторонне развивать душу и тѣло, готовить человѣка для жизни и парализовать вредное вліяніе естественныхъ недостатковъ, — составляютъ основаніе новой школы.

„Политическая мысль гуманистовъ съ самаго начала весьма слабо окрашена церковной доктриной... Развитіе гуманистической мысли въ этой области выражается въ постепенномъ паденіи средневѣковыхъ политическихъ традицій, въ усиленіи раціонализма, который не стѣсняется ни моралью, ни традиціей, и считается только съ дѣйствительностью, въ появленіи національнаго и политическаго индифферентизма... Съ паденіемъ средневѣковыхъ политическихъ традицій является потребность выработать новыя воззрѣнія, и гуманисты обращаются для этого то къ принципу практической пользы, то къ раціоналистическимъ соображеніямъ... Политическіе трактаты гуманистовъ положили основаніе политикѣ, какъ наукѣ и какъ искусству, а ихъ борьба противъ аристократіи и сословныхъ различій вообще, во имя индивидуальныхъ свойствъ, представляетъ первую попытку теоретическаго обоснованія политическаго равенства. Особенно благотворное вліяніе имѣла секуляризація мысли въ научной сферѣ... Однимъ изъ результатовъ гуманистическаго движенія было признаніе самостоятельности и свободы науки. Кромѣ того, секуляризація мысли и гуманистическій критицизмъ повлекли за собою выработку научныхъ методовъ. Интересъ къ древности и желаніе точно понять классическихъ писателей вызвали критическое установленіе текста рукописей древнихъ авторовъ и точную передачу на латинскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые писаны по-гречески... Но заслуги раннихъ гуманистовъ по отношенію къ наукѣ не исчерпываются установленіемъ научныхъ пріемовъ формальнаго изученія древности: они положили первыя основанія научной исторіографіи, внеся въ нее и новый методъ изслѣдованія, и новую систему изложенія“ (стр. 1077—1081).

Таковы были, по автору „Ранняго итальянскаго гуманизма“, и результаты этого движенія уже на самыхъ первыхъ порахъ. Всѣ эти выводы опять-таки основаны на фактическихъ данныхъ. Кромѣ того, г. Корелинъ отмѣчаетъ еще одну весьма важную сторону дѣла. Онъ указываетъ именно на то, что переписка гуманистовъ, предназначенная для всей образованной публики, ихъ рѣчи политическаго

содержанія, ихъ инвективы общественнаго и частнаго характера, ихъ политическая полемика въ стихахъ и прозѣ—представляетъ собою настоящую и уже весьма вліятельную публицистику... Публицистика стала пріобрѣтать силу, значитъ—начало слагаться общественное мнѣніе. „Выразителями и руководителями этой вновь нарождающейся силы являются свѣтскіе люди незнатнаго происхожденія; единственнымъ основаніемъ ихъ вліянія служитъ образованіе и талантъ, а это вліяніе весьма обширно. Не говоря уже объ огромной популярности крупныхъ гуманистовъ, какъ Петрарка и Бруни, меценаты приглашаютъ къ себѣ такихъ второстепенныхъ дѣятелей, какъ Дом. ди Бандино; эти факты, а также раннее развитіе меценатства, указываютъ на то, что уже въ занимающую насъ эпоху начала слагаться свѣтская интеллигенція, вліятельная аристократія образованія и таланта“ (стр. 1083). Къ послѣдней мысли г. Корелинъ возвращается особенно охотно на разныхъ страницахъ своего труда. „Итакъ,—заключаетъ онъ разсматриваемый отдѣлъ заключительной главы,—итакъ, уже въ началѣ XV-го в. обнаруживаются главнѣйшіе результаты гуманистическаго движенія: освобожденіе мысли отъ церковнаго авторитета, начала новой этики, новой педагогіи, новой политики и новой науки, появленіе публицистики, образованіе общественнаго мнѣнія и руководящаго имъ класса свѣтской интеллигенціи“ (стр. 1083). Мы думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что самымъ главнымъ результатомъ гуманистическаго движенія и нужно считать секуляризацію мысли, секуляризацію этики, педагогіи, политики и науки, секуляризацію интеллигенціи. Мы уже говорили нѣсколько выше, что гуманистическое движеніе имѣло источникъ въ недовольствѣ личности средневѣковыми формами; но эти формы были сильно проникнуты церковными началами, противъ которыхъ мало-по-малу и стали ополчаться индивидуальные умъ и чувство, все болѣе и болѣе отворачиваясь отъ аскетизма, теологическаго догматизма и теократической политики средневѣкового католицизма: античная литература и привлекала къ себѣ своимъ свѣтскимъ характеромъ, своимъ соотвѣтствіемъ съ новымъ настроеніемъ образованныхъ классовъ общества, съ ихъ стремленіемъ къ секуляризаціи мысли и жизни. Обозрѣвая литературную дѣятельность гуманистовъ XIV-го и начала XV-го вв., г. Корелинъ постоянно отмѣчаетъ то, что можно назвать успѣхами свѣтскаго духа въ ихъ произведеніяхъ: этотъ духъ, столь враждебный средневѣковой католической системѣ, былъ порожденіемъ индивидуализма, для котораго были узки и тѣсны рамки средневѣкового міросозерцанія,

и поддерживался въ своихъ стремленіяхъ античной литературой, бывшей также порожденіемъ свѣтской цивилизаціи Греціи и Рима.

Вообще индивидуалистическій характеръ гуманизма изслѣдованъ авторомъ весьма обстоятельно, гораздо основательнѣе, чѣмъ у Буркгардта, и если по массѣ фактическаго матеріала русскій трудъ можно поставить рядомъ съ сочиненіемъ Фогта, то послѣдняя книга г. Корелина превосходитъ болѣе широкимъ пониманіемъ сущности гуманистическаго движенія. Дѣлая свои исторіографическіе обзоры и критикуя своихъ предшественниковъ, авторъ „Ранняго итальянскаго гуманизма" создавалъ себѣ болѣе широкое воззрѣніе на избранный имъ предметъ, отмѣчалъ слабыя стороны отдѣльныхъ взглядовъ, какіе высказывались въ литературѣ, и опредѣлялъ то, что̀ должно сдѣлать, пользуясь матеріаломъ, которымъ пренебрегали, или который не такъ, какъ слѣдуетъ, обработывали другіе изслѣдователи. Во всякомъ случаѣ тому, кто желалъ бы опровергать основной взглядъ г. Корелина на итальянскій гуманизмъ, должно было бы считаться не съ отдѣльными его воззрѣніями, а съ цѣлою системою аргументовъ, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи между собою. Это впрочемъ не значитъ, конечно, чтобы въ трудѣ не было ничего такого, что̀ не могло бы сдѣлаться предметомъ возраженія даже по отношенію къ его основной мысли.

Н. Карѣевъ.

ГОСПОДИНЪ АРСКОВЪ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XVII *).

Ксеніи Николаевнѣ Варягиной Арсковъ былъ представленъ съ годъ тому назадъ въ аристократическомъ салонѣ извѣстной дамы-патронессы, затѣявшей очень интимный и очень экстренный литературный вечеръ въ разгарѣ зимняго сезона.

За честь явиться у нея гостемъ надо было заплатить дорого, и потому избранное общество не столько блистало родовитою знатью, сколько пестрѣло разнообразными представителями финансовой аристократіи. Большинство оголенныхъ плечъ, ослѣпительныхъ брилліантовъ и моднѣйшихъ туалетовъ, прибывшихъ прямо изъ Парижа, принадлежало женамъ, сестрамъ и дочерямъ наиболѣе видныхъ дѣловыхъ тузовъ столицы. Самъ Арсковъ, лишь нѣсколько знакомый родовитой хозяйкѣ именно въ качествѣ такого „туза", получилъ отъ нея собственноручное приглашеніе на этотъ вечеръ.

Лучшія артистическія силы столицы вмѣнили себѣ въ пріятную обязанность поддержать широкое филантропическое предпріятіе, затѣянное энергичною и вліятельною особой.

Это одно, однако, мало способно было создать интересъ вечера. Поочередно выступавшихъ на изящно декорированной тропическими растеніями эстрадѣ артистовъ можно было и безъ того

---

*) См. выше: іюль, 5 стр.

видѣть и слышать на сценѣ каждый вечеръ и притомъ за гораздо болѣе дешевую плату. Они были слишкомъ знамениты, чтобы не успѣть набить оскомины въ теченіе сезона.

Всѣ заранѣе знали, въ какомъ мѣстѣ первый теноръ возьметъ фальцетомъ si-bémol, на какой нотѣ закатитъ глаза колоратурная пѣвица, какую салонную вещицу разыграють артисты Михайловскаго театра.

Вотъ почему собравшихся уже съ начала вечера интриговалъ всего болѣе таинственный иниціалъ г-жи В., скромно стоявшій въ концѣ перваго отдѣленія программы противъ двухъ нумеровъ пѣнія. Всѣ знали, что подъ заглавною буквою скрывается артистка-любительница, „дама изъ общества", впервые рискнувшая выступить публично.

Къ тому же обѣ взятыя ею музыкальныя вещицы были оригинальными новинками граціознаго вдохновенія только-что входившаго тогда въ моду русскаго композитора.

Появленіе на эстрадѣ самой носительницы таинственнаго иниціала, изящной и очаровательной молодой женщины, въ бѣломъ файѣ, съ фіалками въ волосахъ и на корсажѣ, съ непринужденною сдержанностью аристократическихъ манеръ, превзошло всѣ ожиданія.

Это и была Варягина.

Чѣмъ-то свѣжимъ—какъ будто фіалки на самомъ дѣлѣ пахли и принесли весну—повѣяло съ эстрады. И спѣтые ею романсы оказались очаровательными. Это были граціозные лирическіе наброски: тончайшій переплетъ капризныхъ и измѣнчивыхъ настроеній элегически обнаженной души.

Говорили, что, увлеченный манерою Варягиной передавать романсы, самъ композиторъ поработалъ съ нею, и, если бы только она захотѣла, сулилъ ей блестящую артистическую карьеру.

Она имѣла огромный, выдающійся успѣхъ.

Хозяйка дома сама своими аристократичнѣйшими руками подала ей на эстраду букетъ.

Теноръ, не выносившій ничьего соперничества, едва не захворалъ „внезапно". Его удержало отъ этого только присутствіе на вечерѣ его ближайшаго театральнаго начальства.

Когда Варягина кончила свои нумера, ей, послѣ множества аплодисментовъ и овацій, какъ принадлежащей къ „обществу", поспѣшили отвести мѣсто въ публикѣ.

Арскову пришлось быть ея сосѣдомъ. Онъ, въ счастливую минуту, ранѣе другихъ презентабельныхъ кавалеровъ попался на глаза восхищенной и переволнованной хозяйкѣ дома, и потому

именно на его долю выпала высокая честь состоять cavalier servant'омъ госпожи Варягиной на весь остальной вечеръ.

Близость этой красивой, видимо взволнованной и искренно опьяненной своимъ первымъ публичнымъ успѣхомъ молодой женщины невольно вызывала сочувственное возбужденіе.

Вѣяло ли отъ нея самой весною, или то пахли фіалки,—Арсковъ не могъ разобрать, но только онъ сразу почувствовалъ себя и легко, и пріятно. Сердце принялось работать быстрѣе, какъ будто онъ очутился въ атмосферѣ, гдѣ только-что пробѣжалъ электрическій токъ.—„Подлѣ нея воздухъ озонированъ!" подумалъ онъ про себя съ усмѣшкою, и, съ счастливымъ довольствомъ попавшаго наконецъ въ свою сферу человѣка, сталъ неторопливо любоваться ею, какъ знатокъ любуется художественнымъ произведеніемъ.

У него былъ навыкъ въ обращеніи съ женщинами, и въ ихъ обществѣ онъ всегда чувствовалъ себя легче и свободнѣе, нежели въ обществѣ мужчинъ.

Варягиной тѣмъ болѣе должна была польстить на этотъ разъ вся полнота столь явно произведеннаго ею на Арскова впечатлѣнія, что ранѣе уже было два, три случая, когда онъ могъ быть ей представленъ, и онъ ими не воспользовался.

Но о самой Варягиной Арсковъ зналъ пока лишь то, что̀ было всѣмъ извѣстно.

Всѣ считали ее недосягаемою и, по странному капризу судьбы, безумно влюбленною въ своего красавца-мужа, отчаяннаго бретера и вертопраха, спускавшаго въ яхтъ-клубѣ на Морской, въ самой отборной компаніи игроковъ, остатки своего наслѣдственнаго, нѣкогда дѣйствительно феноменальнаго состоянія.

Всѣ ее жалѣли: рѣшительно это была партія не для нея.

Жизнь молодой женщины, по общему отзыву, вообще складывалась не особенно счастливо до сихъ поръ.

Отецъ ея, нѣкогда разбогатѣвшій откупщикъ, на чьихъ рукахъ она осталась, рано лишившись матери, подъ конецъ жизни немного спиритъ, немного маньякъ, все мудрилъ съ ея воспитаніемъ и съ ея артистической карьерой. То онъ держалъ ее затворницей, то предоставлялъ ей полную свободу, отсылая за границу въ сопровожденіи какихъ-то случайныхъ компаньонокъ.

Образованіе она получила такъ называемое блестящее, т.-е. совершенно невыдержанное и случайное. Годъ она провела гдѣ-то въ окрестностяхъ Парижа, чуть ли не въ заправскомъ женскомъ монастырѣ, потомъ, вернувшись въ Россію, побывала въ

разныхъ институтахъ и великосвѣтскихъ пансіонахъ, училась также и дома.

Маньячество старика окончилось въ одномъ отношеніи даже вполнѣ печально: почти наканунѣ своей смерти, онъ ухлопалъ все свое состояніе на какое-то геніальное, но совершенно неосуществимое промышленно-артистическое предпріятіе. Хорошо еще, что дочь успѣла къ тому времени выйти замужъ. Не случись этого, она должна была бы остаться нищею.

Теперь всѣ винили мужа. Рѣшительно ему было не подъ силу оцѣнить эту тонкую эстетическую натуру и создать для нея подходящій складъ семейной жизни.

Самымъ прозаическимъ образомъ онъ оставлялъ ее ради охоты, картъ и спорта. Она была принуждена всюду появляться одна, т.-е. безъ супруга, довольствуясь обществомъ случайныхъ спутницъ, или даже услугами жившей въ ея домѣ и очень ей преданной компаньонки.

Этимъ, быть можетъ, объяснялось, что Варягина очень цѣнила внимательное къ себѣ отношеніе разныхъ великосвѣтскихъ сердобольныхъ старушекъ, гостепріимныхъ особъ и всевозможныхъ дамъ-патронессъ, явно покровительствовавшихъ ей. Этимъ послѣднимъ всегда было лестно видѣть ее, напримѣръ, у себя въ театральной ложѣ, хотя бы уже ради того, чтобы переживать заодно съ нею пріятное ощущеніе устремленныхъ съ разныхъ концовъ залы биноклей. Вообще было пріятно лансировать въ свѣтъ эту такъ странно одинокую, полную изящныхъ достоинствъ женщину.

Арсковъ внутренно торжествовалъ, когда, по окончаніи оффиціальной программы вечера, хозяйка дома дружески задержала и его въ числѣ немногихъ болѣе интимныхъ гостей.

— Вы должны остаться! М-мъ Варягина намъ споетъ что-нибудь... Это будетъ для усиленія фонда...

Покинувъ разомъ опустѣвшее зало, приглашенные разсѣялись по анфиладѣ роскошныхъ, тѣсно заставленныхъ гостиныхъ.

Былъ поданъ чай, а въ одной изъ проходныхъ галерей красовался блестѣвшій всѣми переливами дорогой сервировки, открытый буфетъ съ шампанскимъ и фруктами.

На всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы успѣхъ неизмѣнно и властно влечетъ къ себѣ.

Весь вечеръ Варягина была окружена.

Все, что̀ было въ этомъ тѣсномъ кругу отборнаго, вліятельнаго и выдающагося—тѣснилось около нея. Осушали бокалы за ея успѣхъ. Пожилые селадоны и любезники съ фамильярною лю-

безностью тутъ же открыто записывались въ ея поклонники. Молодые люди вели себя дипломатичнѣе: каждый работалъ втихомолку за свой счетъ и страхъ.

Какъ это ни казалось самому Арскову глупымъ и смѣшнымъ, но его неотступно дразнила затаенная ревность. Весь вечеръ его съ ребяческимъ малодушіемъ преслѣдовало желаніе быть первымъ среди всѣхъ этихъ мужчинъ, молодыхъ и старыхъ, претендовавшихъ на благосклонное вниманіе Ксеніи Николаевны.

Между тѣмъ Варягина, упоенная очарованіемъ перваго общепризнаннаго успѣха, казалось, никого даже не различала въ отдѣльности. Ея счастливая блуждающая улыбка отвѣчала всѣмъ равно внимательнымъ и въ то же время разсѣяннымъ привѣтомъ.

Но и за этимъ разсѣяніемъ счастья уже чуялась закаленная сила самообладанія.

Помимо своего желанія Арсковъ съ какимъ-то настойчивымъ вниманіемъ весь вечеръ наблюдалъ за Варягиной. Онъ слѣдилъ за каждымъ жестомъ, за каждымъ движеніемъ молодой женщины.

Нельзя было не подивиться.

Ей не могло быть болѣе двадцатипяти лѣтъ, а между тѣмъ какое глубокое пониманіе людского сердца! Какой тонкій, какой лукавый разсчетъ въ оцѣнкѣ слабостей своего ближняго!

Для каждаго возраста, для каждаго положенія, рѣшительно даже для каждаго отдѣльнаго лица, Ксенія Николаевна умѣла найти свой неуловимый оттѣнокъ въ наклонѣ головы, свою улыбку, свою манеру выслушивать и отвѣчать.

И всѣ, рѣшительно всѣ, несмотря на разнообразіе вкусовъ и настроеній, были отъ нея въ восторгѣ.

Это стало раздражать Арскова.

Онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, когда она была особенно окружена, чтобы отретироваться. Онъ прошелъ въ другія гостиныя, гдѣ были дамы, и принялъ участіе въ ихъ бесѣдѣ. Сухопарая супруга какого-то банкира, на длинной шеѣ которой умѣстился бы весь ювелирный прилавокъ Болина, видимо польщенная вниманіемъ столь интереснаго кавалера, тотчасъ же нещадно стала строить ему глазки.

О Варягиной Арсковъ вспомнилъ только тогда, когда за звуками рояля раздался ея голосъ.

Она пѣла.

Въ глубокой и нарядной гостиной, отраженной множествомъ зеркалъ, живописными группами расположились слушатели. Всѣ лучшія мѣста были заняты.

Арсковъ, войдя неслышно среди напряженнаго вниманія при-

сутствующихъ, вынужденъ былъ опуститься на первый попавшійся ему пуфъ въ отдаленномъ углу комнаты.

Съ прежнимъ, если еще не болѣе шумнымъ успѣхомъ Варягина исполнила нѣсколько эффектныхъ вещицъ. Голосъ ея былъ не изъ сильныхъ и въ небольшой комнатѣ только выигрывалъ въ красотѣ и яркости. Оттѣнки фразировки выходили еще тоньше, и какъ-то цѣпко хватали за душу.

Всѣ, словно находясь подъ властью лѣниваго очарованія, даже не тронулись съ мѣстъ, когда она кончила. Хотѣлось слушать еще.

Но къ ней уже энергично подоспѣла хозяйка и наставительно нашептывала что-то.

Послѣ одной секунды раздумья молодая женщина, въ отвѣтъ на ея слова, утвердительно тряхнула головой.

Захвативъ въ одну руку край своего бѣлаго длиннаго платья, который волочился по полу и мѣшалъ ей ступать, а въ другой держа ноты, такъ, какъ ихъ держатъ обыкновенно пѣвицы, собираясь обойти публику со сборомъ, Варягина, скромно потупивъ глаза, но ничѣмъ не обнаруживая, однако, ни робости, ни смущенія, двинулась съ мѣста.

Первымъ на ея пути оказался заслуженный, т.-е. увѣшенный всѣми регаліями, генералъ, который съ привѣтливою и шумною готовностью выложилъ ей на ноты двѣ красненькихъ кредитки. Титулованный банкиръ, въ модномъ англійскаго покроя фракѣ, съ безмолвнымъ поклономъ, выпустилъ изъ пальцевъ, какъ выпускалъ сквозь зубы свои односложныя замѣчанія, нѣсколько золотыхъ. Его примѣру послѣдовали многіе другіе доморощенные джентльмены, свыкшіеся съ филантропическими сюрпризами важной особы.

Когда Варягина приблизилась къ Арскову, который сидѣлъ, почти особнякомъ, въ сторонѣ, сборъ ея былъ уже весьма внушителенъ. Совершенно потупивъ глаза и произнося чуть слышно: „pour les pauvres!“ она остановилась передъ нимъ съ видомъ такого смиренія и нѣмой мольбы, какъ будто позировала для скульптора въ группѣ „Милосердіе“.

У Арскова не было золотыхъ, и онъ вынужденъ былъ чуть-чуть задержать просительницу. Онъ неловко потянулъ изъ бумажника нѣсколько сотенныхъ и всѣ выложилъ ихъ ей на ноты.

Никто до сихъ поръ не подалъ ей такъ щедро.

— Oh! Merci!—все не поднимая глазъ и медленно направляясь далѣе, прошелестила губами Варягина.

Прощаясь съ Ксеніею Николаевною, хозяйка дома поцѣловала ее въ обѣ щеки и осыпала молодую женщину самыми

льстивыми похвалами. Никогда еще, никогда благотворительная касса ея не пополнялась съ такою щедрою готовностью.

Желая какъ бы поощрить и Арскова въ его явно обнаружившейся способности широко распахивать свое сострадательное сердце на встрѣчу нуждъ ближняго, осчастливленная неслыханной удачей, филантропка поспѣшила и ему сдѣлать пріятное. Именно ему и никому другому было предоставлено—„la chère dame Variaguine“ проводить до ея кареты.

Полный тайнаго довольства, съ какимъ-то глупо-горделивымъ и вмѣстѣ блаженнымъ чувствомъ ощутилъ Арсковъ физическую близость „очаровательной“ Варягиной, когда та, наконецъ, взяла его руку.

За весь вечеръ онъ только теперь вздохнулъ свободно, спускаясь съ нею за-одно по широкому бѣлому мрамору, ярко залитому праздничными огнями.

XVIII.

То, что́ не разъ впослѣдствіи Арсковъ съ злобнымъ чувствомъ называлъ „жалкою комедіею“, началось.

Не то чтобы имъ разомъ овладѣло безумство страсти, нѣтъ; но что-то въ высшей степени острое и характерное стало шевелиться въ его груди при каждой новой встрѣчѣ съ Варягиной. Она, въ свою очередь, какъ-то весело и радостно, словно дѣлала доброе дѣло, шла на встрѣчу его приподнятому настроенію.

Прошло немного времени, и между ними установилось какое-то какъ бы заранѣе условленное сближеніе. Они словно по уговору съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ стали заниматься другъ другомъ. Можно было предположить, глядя со стороны, что это уже влюбленная пара, у которой едва хватаетъ силы и охоты скрывать свои истинныя чувства. Въ дѣйствительности, однако, ничего подобнаго не было. Былъ только съ обѣихъ сторонъ упрямый задоръ капризнаго, хотя и ровно ни къ чему не обязывающаго заигрыванія съ затаенною пустотою и прозорливою холодностью своего собственнаго сердца.

Недоговоренныя, нерѣдко противорѣчивыя и, во всякомъ случаѣ, двойственныя душевныя движенія, въ высшей степени свойственныя самому Арскову, пріятно поразили его на первыхъ порахъ въ Варягиной. Въ его идеалѣ женщина рисовалась всегда существомъ простымъ и искреннимъ. Съ своеобразною и даже пожалуй истинною теплотой, онъ цѣнилъ женщинъ, съ которыми

легко было справиться. Съ Варягиной легко справиться было нельзя,—это онъ понялъ сразу, и тѣмъ не менѣе едва-ли не эта черта въ кокетствѣ молодой женщины, въ одно и то же время и откровенномъ, и самоувѣренномъ, была ему особенно плѣнительна.

Къ тому же, по мѣрѣ своего увлеченія Варягиною, которая тѣмъ охотнѣе вызывала его на игру въ серьезное чувство, что заранѣе объявляла себя недосягаемой, у Арскова всегда былъ подъ рукою благодѣтельный поводъ попенять на судьбу, когда только вздумается.

А это необыкновенно освѣжаетъ душу.

Теперь, по крайней мѣрѣ, онъ всегда могъ найти объясненіе своимъ неудовлетвореннымъ чувствованіямъ: на повѣрку во всемъ и выходила виноватой женщина... Та самая, которая — наконецъ-то!—такъ дивно приближается къ его идеалу и вмѣстѣ такъ странно ему противорѣчитъ.

Вотъ она, вѣчно мучительная и сладкая загадка! И сладкая-то только оттого, что загадка...

Съ прозорливостью привычнаго самосозерцателя, Арсковъ какъ-то хитро умудрялся забѣгать впередъ каждаго малѣйшаго своего душевнаго движенія, словно ему предстояло расчистить дорогу и нé-вѣсть какому міровому явленію.

Въ хвостѣ довольно многочисленныхъ поклонниковъ Ксеніи Николаевны Варягиной Арсковъ явился, во всякомъ случаѣ, настолько „виднымъ экземпляромъ“, что избалованная успѣхомъ молодая женщина ни за что не согласилась бы пройти мимо, отпустивъ его „такъ“, „ни съ чѣмъ“, не попытавшись даже добиться признанія своего полнаго торжества.

Таковы были сокровенныя представленія обоихъ о томъ „истинномъ чувствѣ“, котораго они оба не то настойчиво другъ отъ друга добивались, не то лишь тщательно, каждый для себя, избѣгали.

На языкѣ разныхъ простофиль все это выходитъ иначе. Но Варягина и Арсковъ съ перваго слова стали понимать другъ друга. И каждый понималъ о другомъ, что самаго чувства не было. Съ утомленіемъ и боязнью даже думалось о возможности подобнаго чувства. Оба душою не были молоды.

Зато у обоихъ оказалось и достаточно энергіи, и достаточно ума, чтобы съ тонкимъ и увлекательнымъ блескомъ съумѣть воспроизвести на практикѣ то, чтò можетъ быть названо *теоріею* чувства. Это сразу спасало ихъ отъ утомленія и скуки, поднимало интересъ жизни и молодило въ своихъ собственныхъ гла-

захъ. Они оба были похожи на отправляющихся въ длинный путь случайныхъ товарищей, равно безстрашныхъ, увѣренныхъ въ себѣ и ожидающихъ поэтому какъ можно болѣе опасностей и приключеній. Когда путешествіе окончится,—а предѣлъ его уже заранѣе обозначенъ судьбою,—каждый посмѣется надъ страхами и слабостями другого и весело пожметъ другому руку.

На этихъ условіяхъ Варягина заранѣе разрѣшала Арскову ухаживать за собою и бѣсноваться, сколько ему было угодно. Арсковъ принялъ вызовъ, и... кампанія началась...

На первыхъ порахъ имъ приходилось встрѣчаться только на людяхъ, при тысячѣ посторонних глазъ.

Для этой цѣли оказались особенно подходящими разныя филантропическія затѣи, не разъ собирающія весь Петербургъ въ теченіе сезона.

Варягина, всегда оригинально и со вкусомъ одѣтая, собирающая вокругъ любопытную и сочувственно настроенную толпу, съ спокойнымъ, самоувѣреннымъ увлеченіемъ, то вертѣла колесо аллегри, то продавала цвѣты, то разливала въ бокалы шампанское. И Арсковъ всюду слѣдовалъ за нею съ неизмѣнною сдержанностью ассистента, щедро поощряющаго ея филантропическое рвеніе. Это его развлекало. Онъ пріятно, на виду всего веселящагося Петербурга, убивалъ время.

Варягина, въ свою очередь, была пріятно польщена. Завидѣвъ его уже издали, она спѣшила принять каждый разъ то немного удивленное, немного восторженное выраженіе лица, которое такъ шло къ ней.

Въ переводѣ на человѣческій языкъ, понятный только для нихъ двухъ, это былъ цѣлый допросъ, нѣмой, но выразительный. Она обращалась къ нему не то съ укоромъ, не то съ ироническимъ вопросомъ: „Какъ, вы?.. опять—вы, съ вашею неизмѣнною, всюду выростающею передо мной внимательностью?.. Но что же это значитъ? Какъ я должна понять? Объяснитесь“.

Но онъ не объяснялся и съ добровольнымъ смиреніемъ, какъ бы уже по привычкѣ, принималъ спокойную позу и видъ влюбленнаго, не безнадежно только оттого, что ничего не ждетъ и не хочетъ надѣяться.

Но и въ такомъ постоянствѣ Арскова проскальзывалъ скорѣе медлительный капризъ скучающаго человѣка, нежели глубокій порывъ страсти и увлеченія.

Варягина удвоила къ нему вниманіе. Онъ сталъ бывать и у нея въ домѣ.

Здѣсь, въ огромной вышины покояхъ, отдѣланныхъ лѣпными

декоративными причудами и обставленныхъ съ грандіозною и вмѣстѣ продуманною роскошью, Арсковъ любилъ засиживаться подолгу въ одиночку.

Это тѣмъ легче выпадало на его долю, что, какъ бы въ награду за безкорыстность его публичнаго ухаживанія, Варягина у себя не отказывала ему въ маленькихъ поблажкахъ. Онъ всегда могъ разсчитывать, не являясь въ обычные часы ея предобѣденныхъ, довольно людныхъ пріемовъ, быть принятымъ, когда она оставалась совершенно одна. А это случалось довольно часто, несмотря на то, что инымъ ея жизнь могла казаться исключительно шумною и разсѣянною.

Она, несмотря на аристократическую фамилію мужа, вовсе не вращалась въ кругу той мелочно-расхватанной безпрерывными визитами и выѣздами свѣтской жизни, которую обязательно ведутъ заправскіе петербургскіе бары, связанные огромнымъ кругомъ родства и знакомствъ. Быть можетъ, это объяснялось отчасти поведеніемъ и нѣсколько двусмысленнымъ общественнымъ положеніемъ ея супруга. Къ тому же въ ея темпераментѣ было что-то истинно артистическое. Когда не было толпы, она предпочитала сосредоточенную замкнутость и дорожила одиночествомъ.

Въ свои артистически убранные, стоившіе огромныхъ денегъ и какимъ-то лабиринтомъ расположенные аппартаменты, она—сама сознавалась—была влюблена. Ей доставляло ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе бродить неслышно по мягкимъ коврамъ, медленно обводить глазами всю эту роскошь, глядѣться задумчиво въ сплошныя зеркала, цѣликомъ отражавшія ея красивую фигуру, пробовать свой голосъ въ феноменальной для частной квартиры высотѣ лѣпного потолка.

Всѣ эти маленькія слабости она охотно разбалтывала Арскову въ минуты своихъ приподнятыхъ и оживленныхъ настроеній, когда онъ, сидя всегда въ одномъ и томъ же мягкомъ и удобномъ, уже облюбованномъ имъ и какъ-то сразу избранномъ креслѣ ея фантастическаго кабинета, безмолвно любовался ея подвижною, нѣсколько экзальтированною граціею.

Случалось, что она пѣла ему. Безъ всякаго аккомпанимента, не переставая передвигаться съ мѣста на мѣсто, точно на сценическихъ подмосткахъ, то она наклонялась надъ душистыми, свѣже-принесенными розами, то неожиданно останавливалась и глядѣлась въ зеркало, то обрывала пѣніе для какой-нибудь отрывочной фразы или вопроса.

Случалось, что Арсковъ уходилъ отъ нея совершенно упоенный и очарованный, словно отрываясь отъ какого-то волшебнаго

сна. Уходилъ съ трудомъ, когда уже было совершенно необходимо уходить. Она, торжествующая, долго не отнимала у него своей руки, которую тотъ осыпалъ на прощаніе самыми страстными поцѣлуями, пока, наконецъ, какъ бы очнувшись, она проворно не вырывала ее и не оставляла Арскова одного въ обществѣ безмолвной компаньонки, всегда во-время подоспѣвавшей на ея звонокъ.

Иногда Арсковъ не могъ высидѣть у нея и пяти минутъ.

Вся эта вычурная роскошь, самый воздухъ, она сама казались ему отвратительными. Инстинктивно чуемая глубокая фальшь немилосердно душила его. Варягина ему представлялась какою-то сознательною, убѣжденною актрисою,—актрисою по самому существу своей тщеславной и властолюбивой природы, гораздо опаснѣе любой заправской комедіантки, раскидывающей свои сѣти только на сценѣ. Ксенія Николаевна сама признавалась, что не идетъ на сцену только оттого, что тамъ бы ей пришлось повторять чужія, часто глупыя слова. Она находила, что жизнь лучше сцены, и геніальные артисты не нуждаются въ рукоплесканіяхъ райка.

Въ минуты своихъ какъ бы неожиданныхъ просвѣтленій, когда, кромѣ глухой вражды и ненависти, Варягина не возбуждала въ немъ иныхъ чувствъ, Арсковъ едва взглядывалъ на ея тотчасъ же растерянное и какъ бы затаивающее непримиримую злобу лицо, которое казалось ему совсѣмъ тогда и некрасивымъ, едва касался на прощаніе ея холодѣвшихъ отъ внутренняго волненія пальцевъ.

Но проходилъ едва день, и онъ уже томился и раскаявался. Его влекло къ ней съ неудержимою силою какого-то бѣдственнаго запоя. Онъ рѣшительно не зналъ теперь, куда дѣвать безъ нея свои досуги. Видѣть ее, хоть бы урывкомъ, на одну минуту, но непремѣнно каждый день, стало для него рѣшительно потребностью.

Случилось такъ, что на эту пору онъ очутился совершенно свободнымъ, настоящимъ „соломеннымъ вдовцомъ". Жена его была вынуждена, чуть ли не на всю зиму, уѣхать въ деревню, по совѣту врачей, ради Лиды, тяжко заболѣвшей и медленно поправлявшейся въ Петербургѣ. Въ разлукѣ она переписывалась съ мужемъ, и онъ ей отвѣчалъ довольно аккуратно, отговариваясь, однако, скопившеюся срочною работою и тщательно избѣгая проронить хоть слово о своемъ новомъ, начинавшемъ ему казаться очень серьезнымъ, увлеченіи.

Благодаря полной домашней свободѣ, которая такъ кстати

теперь подоспѣла къ Арскову и которою Варягина располагала всегда, такъ какъ мужъ ея возвращался домой только ночевать, наступила возможность неустаннаго и безпрерывнаго общенія.

Они условились облегчать другъ другу свиданія. Отъ нея стали летать къ нему коротенькія пахучія записки; онъ, въ свою очередь, въ минуты своихъ мрачныхъ, неудовлетворенныхъ настроеній, сталъ одолѣвать ее длинными, желчными посланіями.

Онъ бывалъ съ нею рѣзокъ, и она это позволяла ему. На ея сторонѣ было преимущество: она все еще оставалась недосягаемой и владѣла собой, а онъ уже метался какъ раненый звѣрь. Ей приходилось выслушивать то дикія страстныя признанія, то незаслуженные укоры и бѣшеныя проклятія.

Съ какою-то веселою и торжествующею ясностью ей удавалось иногда успокоивать его.

Она отказалась отъ своего прежняго, вызывающаго кокетства и стала съ нимъ сдержанна и серьезна. И какъ онъ цѣнилъ теперь каждое ласковое ея слово, малѣйшее вниманіе! Случайное ея прикосновеніе, малѣйшее пожатіе руки пронизывало его электрическимъ токомъ.

По телефону она давала ему знать, когда собиралась въ театръ или на вечеръ, если не могла принять его у себя. Онъ тотчасъ принималъ мѣры и поднималъ на ноги весь Петербургъ, чтобы достать нужный билетъ или нужное приглашеніе. Присутствіе въ ея обществѣ какихъ-нибудь надоѣдливыхъ ухаживателей или даже просто знакомыхъ ей мужчинъ поднимало въ его груди цѣлую бурю ревнивыхъ и злыхъ опасеній.

Она торжествовала.

Всѣ вокругъ замѣчали его безумство, а она, казалось, еще и еще выростала на своемъ пьедесталѣ.

Хотя Арсковъ по прежнему ежедневно бывалъ у Ксеніи Николаевны, не отказываясь заглядывать и въ часы ея предобѣденныхъ пріемовъ, такъ что, наконецъ, даже кучеръ его вызналъ время, когда требовалось сворачивать на Милліонную, однако ему теперь все рѣже и рѣже выпадало на долю оставаться съ съ нею подолгу наединѣ.

Она стала выѣзжать больше и рѣшительно противилась его слишкомъ позднимъ и, главное, слишкомъ продолжительнымъ визитамъ. Она нашла этому и объясненіе послѣ того, какъ однажды неожиданно вернувшійся съ охоты мужъ засталъ ее, въ довольно поздній часъ, въ интимномъ tête-à-tête съ Арсковымъ.

Слегка коверкая русскую рѣчь, мило, на французскій ладъ, картавя и съ добродушной улыбкой показывая всѣ свои ровные

бѣлые зубы, красавецъ Варягинъ, производившій, несмотря на свои тридцать лѣтъ и набухшіе отъ кутежей подъ глазами мѣшки, впечатлѣніе какого-то здоровеннаго ребенка, съ дружескою пріязнью потрясъ руку Арскова, котораго немного зналъ.

Онъ не только не выразилъ ничѣмъ своего неудовольствія при видѣ Арскова en petit comité съ Ксеніей Николаевной, но наоборотъ, очень любезно подсѣлъ къ нимъ и даже сталъ пытаться занять гостя. Онъ сообщилъ кое-какія великосвѣтскія сплетни и конфиденціально передалъ Арскову нѣсколько самоновѣйшихъ каламбуровъ изъ репертуара извѣстнаго всему Петербургу забавника-сенатора, клубнаго остряка, занимавшагося въ свободное отъ служебныхъ занятій время подборомъ „оппозиціонныхъ" риѳмъ. Варягинъ раскатисто и громко хохоталъ, цитируя одну изъ новинокъ этого жанра, только-что вызванную назначеніемъ новаго лица на важный постъ:

Напыщенъ, важенъ, бритъ,
Жаль,—онъ умомъ не Браттъ!

Онъ удалился только тогда, когда Ксенія Николаевна стала явно выражать свое нетерпѣніе нервическимъ покусываніемъ нижней губы и легкимъ пожиманіемъ плечъ.

Крѣпко и дружелюбнѣе прежняго стиснувъ руку Арскова и почтительно прикоснувшись губами къ рукѣ жены, Варягинъ отправился переодѣваться, чтобы ѣхать въ клубъ, заявивъ на прощаніе, что онъ весьма радъ видѣть monsieur Arskoff „у себя" и не хочетъ мѣшать ихъ „умнымъ" разговорамъ.

Нѣсколько секундъ послѣ его ухода длилось неловкое молчаніе. Арскову непріятно было только вспомнить, что у нея „вообще" есть мужъ, но самъ Варягинъ его какъ-то мирилъ съ собою. Онъ показался ему безпретенціознымъ и добрымъ малымъ и къ тому же былъ породистъ и красивъ. Арсковъ не могъ не замѣтить при этомъ, что Варягинъ какъ-то по-дѣтски наивно-преувеличеннаго понятія объ умѣ своей жены и нѣсколько даже побаивается ея.

Варягина долго и сосредоточенно молчала и, наконецъ, вздохнула съ видомъ такого грустнаго унынія, какъ будто хотѣла сказать: „Не правда ли, какъ я должна быть удовлетворена?.. Таковъ мой мужъ!.. и это на всю жизнь"!..

Приходъ Варягина во всякомъ случаѣ какъ-то грубо оборвалъ ихъ интимно-затянувшееся свиданіе.

Они простились холодно и нескладно.

XIX.

На другой день Варягина писала Арскову, что имъ „лучше разстаться навсегда".

Арсковъ подивился, хотѣлъ отвѣтить, но письмо такъ какъ-то и не склеилось. Въ тотъ же вечеръ онъ разсчитывалъ встрѣтить Варягину въ оперѣ, гдѣ надѣялся имѣть случай объясниться съ нею лично.

Въ театрѣ онъ Варягиной не нашелъ.

Протомившись весь первый актъ и добрую половину второго, онъ къ ужасу своему убѣдился, что абонированная ею ложа, пустовавшая еще къ началу второго акта, вдругъ стала стремительно наполняться какими-то незнакомыми ему личностями, предводительствуемыми расфранченной и сіяющей компаньонкой госпожи Варягиной. Было ясно, что сама Варягина не пріѣдетъ. За ненадобностью ложа была, очевидно, сдана съ рукъ на руки бѣлесоватой „mademoiselle Софи", которая, собравъ наскоро по Петербургу всѣхъ своихъ дальнихъ и ближнихъ, поспѣшила заполонить ими все даровое театральное помѣщеніе.

Не дождавшись конца аріи, которую только-что завелъ жидковатый теноръ, Арсковъ, провожаемый легкимъ шиканьемъ партера, раздраженный и злобный, вышелъ изъ театра.

Пришлось разогнать всѣхъ посыльныхъ, пока удалось, наконецъ, разыскать запропастившагося куда-то кучера, никакъ не желавшаго сообразить, что его могутъ выкликнуть и ранѣе окончанія спектакля.

Сани покатили прямо на Милліонную и какъ вкопанныя остановились у старинной колоннады гигантскаго подъѣзда.

Въ обширной прихожей, укрывшись за колонною, сидѣлъ и дремалъ на высокомъ дубовомъ стулѣ упитанный сѣдовласый швейцаръ. Едва онъ успѣлъ открыть глаза и увидѣть передъ собою хорошо знакомую фигуру щедраго и потому любезнаго ему барина, лицо его тотчасъ же осклабилось самою пріятною и даже поощрительною улыбкою.

Сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ почтительно вскочилъ, снялъ свою, отороченную фантастическимъ галуномъ, фуражку и, чуть ли не завѣряя честнымъ словомъ браваго унтера священную правдивость каждаго своего слова, обстоятельно доложилъ Сергѣю Павловичу, что еще къ обѣду Ксенія Николаевна „изволили выѣхать въ Царское" и „приказали подать карету" только къ послѣднему поѣзду.

Сунувъ на этотъ разъ почему-то особенно крупную подачку въ руку швейцара, какъ бы желая этимъ искупить невольно чувствуемый передъ нимъ стыдъ, Арсковъ, провожаемый его суетливымъ и льстивымъ вниманіемъ, недовольный собою, сѣлъ въ сани.

Онъ зналъ, куда поѣдетъ, но ни за что не рѣшился бы тутъ же громко заявить объ этомъ. Онъ только крикнулъ кучеру: „пошелъ!"

Съ какимъ-то ребяческимъ отчаяніемъ ему вдругъ пришло на мысль, что Варягина потеряна теперь для него навсегда, и мысль эта стала леденить его кровь.

Чего бы онъ не отдалъ сейчасъ за то, чтобы, какъ въ былое время, очутиться съ нею наединѣ, въ этой чарующей обстановкѣ спокойнаго комфорта, гдѣ, укрытый отъ всего міра ея дружескимъ расположеніемъ, онъ бывалъ такъ полно, такъ незлобиво счастливъ!

Чудная, обворожительная женщина!..

Какъ мало онъ цѣнилъ ее, какъ небрежно, какъ неосторожно расплескивалъ драгоцѣнный живительный напитокъ, котораго вотъ не остается и на днѣ!..

Его досада и отчаяніе росли.

По мѣрѣ того, какъ все ходчѣе и ходчѣе его мчалъ впередъ крупный рысакъ, ему казалось, что онъ все далѣе и далѣе отстаетъ отъ заманчиваго призрака, за которымъ тщетно гонится теперь при блуждающемъ свѣтѣ уличныхъ фонарей.

Вокзалъ былъ пустыненъ и мало освѣщенъ. Только черезъ полчаса отходилъ слѣдующій поѣздъ. Арсковъ имѣлъ время и одуматься, и сообразить, что̀ онъ станетъ дѣлать. Отпустивъ кучера, онъ остался ждать. Все его приключеніе скоро ему показалось ужасно глупымъ, но онъ сказалъ себѣ: „пускай!" и рѣшилъ проѣхать въ Царское и съ послѣднимъ поѣздомъ вернуться обратно.

Какъ ни мало пассажировъ прибыло къ отходящему поѣзду и какъ ни высоко поднималъ онъ плечи подъ воротникомъ своей шинели, къ его досадѣ все же прибавилось двѣ-три встрѣчи, нѣсколько рукопожатій, нѣсколько праздныхъ вопросовъ: „зачѣмъ?" „куда?"

— Совершенно бѣлый волкъ я въ Петербургѣ... нигдѣ не укроешься!—и онъ съ досадою, запахиваясь въ широкія полы шинели, прошелъ въ отдѣльное купе перваго класса. Ему все казалось, что на лицѣ его каждый можетъ прочесть и то, что̀ онъ чувствуетъ, и то, куда и зачѣмъ онъ сейчасъ ѣдетъ.

Локомотивъ посвистывалъ, пыхтѣлъ, шумѣлъ, стучалъ, разсѣкая туманную ночную мглу, и Арскову казалось, что онъ грузно приросъ къ своему мѣсту, что онъ составляетъ уже одно цѣлое съ этой бездушной, разъ налаженной и заведенной машиной, неизвѣстно куда и зачѣмъ пущенной. И вдругъ ему сдѣлалось обидно и больно отъ сознанія, что вотъ теперь онъ уже безсиленъ сказать ей: „стопъ!", своротить ее въ сторону и даже оторваться отъ нея.

XX.

Арскову, запоминавшему каждую мелочь, когда-либо даже вскользь сказанную о себѣ Ксеніею Николаевною, не трудно было сообразить, какъ и зачѣмъ Варягина могла отправиться сегодня въ Царское.

У нея тамъ была родня, т.-е. собственно не ея, а черезъ мужа, но очень знатная и ласкавшая ее. Родная тетка Варягина была замужемъ за очень выдавшимся въ послѣднюю кампанію кавалерійскимъ генераломъ.

Какъ-нибудь, въ теченіе зимы, уже давно затѣвалось залучить Варягину на полу-военный, полу-семейный праздникъ, который, по случаю новоселья, долженъ былъ справлять генералъ. Но еще наканунѣ Ксенія Николаевна видѣлась съ Арсковымъ и противъ своего обыкновенія ни словомъ не обмолвилась о своихъ планахъ относительно слѣдующаго дня.

Съ досадою и скукою, медленно шагая въ темнотѣ по обледенѣлому и скользкому снѣгу, Арсковъ бродилъ нѣкоторое время по пустыннымъ бульварамъ Царскаго, пока, наконецъ, незадолго до отхода послѣдняго петербургскаго поѣзда мимо него, на встрѣчу не пронесся въ снѣжномъ вихрѣ цѣлый увеселительный поѣздъ.

Здѣсь были и сытыя, рвавшія копытами снѣгъ тройки, съ бубенцами и завитыми въ кольца пристяжными, и рѣзвыя одиночки, и дружно рысившія подъ сѣтками пары. Компанія была весело оживлена, слышались женскіе голоса, смѣхъ, перекликаніе обгонявшихъ другъ друга.

Въ одной изъ троекъ, съ семьею генерала, была Варягина. Сейчасъ можно было догадаться, что она составляетъ центръ всего увеселительнаго поѣзда. Блестящая гвардейская молодежь, на своихъ быстрыхъ одиночкахъ, составляла ея почетный эскортъ. Она весело перекидывалась словами съ тѣми, кому удавалось подъѣхать къ ней ближе, и владѣльцы тысячныхъ рысаковъ на перебой задорили своихъ кучеровъ, чтобы оттереть другъ друга.

Генералъ былъ пріятно и весело настроенъ. Празднество удалось какъ нельзя лучше, а пѣніе Варягиной, начинавшее входить въ моду, самымъ блестящимъ образомъ скрасило и закончило все. Генералъ громко и раскатисто смѣялся, бережно охраняя отъ толчковъ Варягину, не забывая отъ времени до времени осадить своимъ громовымъ, слышнымъ на всѣхъ парадахъ голосомъ слишкомъ зарвавшихся наѣздниковъ.

Для Ксеніи Николаевны эти шумные и дружные проводы были настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Въ отдѣльныхъ саняхъ везли и трофеи ея побѣды: цѣлый ворохъ цвѣтовъ въ корзинахъ и букетахъ, поднесенныхъ ей въ этотъ вечеръ.

Вокзалъ живо напомнилъ собою мѣсто военнаго постоя, когда вся эта компанія, звеня шпорами и громыхая саблями, высыпала на платформу.

Веселое или даже вѣрнѣе было бы сказать—восторженное оживленіе присутствующихъ провожало Варягину до самаго вагона. Здѣсь все столпилось въ кучу и можно было ожидать, что при отходѣ поѣзда грянетъ дружное ура. Этого не случилось; зато взамѣнъ сколько „восторженной“, „благодарной“, „почтительной“, „сердечной“ и тому подобной пріязни было выражено въ какія-нибудь двѣ-три минуты, остававшіяся до отхода поѣзда!

Однѣ дѣвицы, провожавшія Варягину въ качествѣ новоявленныхъ поклонницъ ея „дивнаго“ таланта, не говоря уже о всѣхъ усатыхъ и безусыхъ гвардейцахъ, наговорили ей столько пріятнаго и лестнаго, что отъ словъ „délicieux“, „charmant“, „incomparable“, сопровождаемыхъ то восторженнымъ взвизгиваньемъ, то застѣнчивымъ пришепетываньемъ, у Ксеніи Николаевны рѣшительно кружилась голова.

Но она себя чувствовала счастливою счастьемъ царицы, когда, возвышаясь надъ восторженно провожавшею ее свитою, стояла въ дверяхъ вагона.

Въ эту минуту она замѣтила пробиравшагося въ отдаленіи платформы Арскова, нырнувшаго въ ближайшій вагонъ, не желая быть замѣченнымъ компаніей.

Уже ранѣе, когда ее еще бѣшено мчала тройка, Варягиной показалось, что чья-то слишкомъ знакомая ей фигура пугливо шарахнулась въ сторону изъ полосы случайно упавшаго на нее свѣта и тотчасъ же поспѣшно скрылась. Но тогда въ ней не было еще увѣренности, что то былъ Арсковъ. Теперь она болѣе не сомнѣвалась въ этомъ. Всѣми своими чуткими нервами она даже угадывала, какъ и зачѣмъ онъ могъ очутиться здѣсь.

Теперь она чувствовала себя вдвойнѣ счастливою. Какой-то

одуряющій восторгъ веселья дразнилъ ея воображеніе. Ее мутилъ настоящій задоръ: еслибъ можно бы громко окликнуть его, подозвать къ себѣ, показать его всѣмъ такимъ, какимъ онъ мелькнулъ передъ нею, покорнымъ и униженнымъ!..

Для полноты ея сегодняшняго тріумфа только этого одного и недоставало.

Отправивъ по-утру свою отрывистую и рѣзкую записку, она ждала какого-нибудь проявленія бурнаго раскаянія, но о подобномъ торжествѣ ей даже не мечталось. Какъ еще осязательнѣе могла бы она проявить свою власть надъ нимъ. Безумствующій юноша не могъ бы перещеголять господина Арскова. Самого „господина Арскова"!.. Плѣненіе было полное и очевидное.

Упоенная торжествомъ побѣды, она чувствовала, какъ все безалаберно и весело спутывается въ ея головѣ, и не старалась справиться съ этимъ. Желая вспомнить Римъ, она вспоминала только оперу „Аиду": царственнаго вида плѣнникъ влечется скованный какъ рабъ за тріумфальной колесницей!..

Отчасти увлеченная общимъ энтузіазмомъ, отчасти безцеремонно оттертая въ сторону блестящею толпою провожатыхъ, сама поѣздная прислуга нѣсколько продлила торжество Ксеніи Николаевны. Поѣздъ запоздалъ отходомъ на цѣлую минуту.

Во все это время не переставали раздаваться восторженныя и дружныя привѣтствія. Дѣвицы нѣсколько разъ принимались хлопать въ ладоши, взвизгивать отъ восторга, а вся гвардейская молодежь, выстроившись передъ окнами вагона, не переставала, какъ одинъ человѣкъ, почтительно держать руку у козырька.

Отъѣздъ былъ совершенно царственный. Стоя во весь ростъ у окна вагона, слегка опьяненная одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ, которыми успѣли завалить ея купэ, Варягина сіяла всѣмъ торжествомъ и всею красотою счастья.

Поѣздъ покатилъ.

Арсковъ рѣшился не двигаться съ своего мѣста.

Всѣхъ глупостей, которыя онъ сегодня надѣлалъ, было слишкомъ достаточно. Да сію минуту у него уже и не было настоящаго желанія выйти изъ своего сумасброднаго одиночества.

Онъ зналъ, что Варягина замѣтила его, и это пока казалось ему главнымъ. Къ тому же въ вагонѣ Варягина была не одна; ее провожала какая то безцвѣтная институтская подруга и кое-кто изъ петербургскихъ гостей генерала.

Арсковъ грѣлся въ своемъ мягкомъ углу, пряталъ даже носъ

въ воротникъ шинели; его одолѣвала сначала нервная зѣвота, а передъ самымъ Петербургомъ онъ едва не задремалъ.

Ксенія Николаевна, въ свою очередь, порядочно-таки соскучилась своими случайными спутниками и чувствовала большое утомленіе. Ей казалось, что она угадываетъ причины, по которымъ къ ней въ купэ не рѣшается заглянуть Арсковъ, и была ему только благодарна.

Она находила это и тактичнымъ, и выдержаннымъ.

Вообще въ самочувствіи обоихъ была какая-то тайная связь. Оба походили на актеровъ, только-что сваливших съ плечъ трудную и отвѣтственную роль. Завтра предстояло опять играть; быть можетъ, потребуется еще бо̀льшій подъемъ нервовъ, но на сегодня, кромѣ пустоты и утомленія, уже ничего не ощущалось...

Когда выѣздной лакей Ксеніи Николаевны, путаясь въ разрѣзныя фалды своей длиннополой ливреи, умащивалъ цвѣты въ карету, ранѣе чѣмъ помочь войти госпожѣ, Арсковъ, пользуясь минутой, приблизился къ ней. Они стояли на освѣщенномъ подъѣздѣ вокзала.

— Вы!?.. Какимъ образомъ?.. — притворно удивилась Варягина.

— Мнѣ захотѣлось взглянуть на васъ. Я ѣздилъ за этимъ въ Царское...

— Вы откровенны! — широко открыла глаза Варягина и тутъ же, понизивъ голосъ, прибавила:—Это—признаніе?!..

— Пускай! — отвѣтилъ, выразительно пожавъ плечами, Арсковъ и помогъ ей пройти къ каретѣ.

Живая роза, которая была у нея въ рукахъ, мѣшала ей запахнуться въ шубу. Она разсѣянно передала ее Арскову.

Отвѣчая на прощальное пожатіе его руки, она какъ-то мечтательно промолвила:

— Я была права, когда писала вамъ: намъ лучше не видѣться вовсе! Вы поняли, что̀ я хотѣла сказать?..

Арсковъ только-что собрался отвѣтить ей и задумчиво поднялъ глаза. Но дверцы кареты уже захлопнулись и брызги мокрой грязи летѣли во всѣ стороны изъ-подъ резины быстро удалявшихся колесъ.

Ночью Арсковъ, всегда отличавшійся хорошимъ сномъ, нѣсколько разъ рѣзко и тревожно пробуждался.

— Да вѣдь не люблю же я ее въ самомъ дѣлѣ! — ударилъ

онъ, въ одно изъ своихъ пробужденій, такъ сильно сжатымъ кулакомъ по мрамору ночного столика, что высокая ножка хрустальнаго бокала, зазвенѣвъ, подломилась, вода вся пролилась, и бѣдная роза упала, прильнувъ своими мокрыми лепестками къ холодному мрамору.

XXI.

Вся слѣдующая недѣля для Арскова прошла въ какой-то странной и глухой борьбѣ съ самимъ собою.

Онъ не ѣздилъ къ Варягиной, но и не упускалъ ни одного случая, когда могъ увидать ее.

Она встрѣчала и провожала его грустной и загадочной улыбкой, какъ бы прощаясь съ тѣмъ, что̀ ей было дорого и пріятно; при этомъ она тщательно избѣгала вступать съ нимъ въ бесѣду и старалась быть всегда окруженной.

Арсковъ уже съ болью начиналъ чувствовать, какъ его сердце какими-то бѣшеными скачками то приближало его къ ней съ такою силою и стремительностью, что онъ готовъ былъ, забывъ все, съ мольбою и страстью пасть къ ея ногамъ, то снова отбрасывало его въ тотъ странный холодокъ горделиваго одиночества, которымъ онъ по временамъ еще такъ дорожилъ.

Наслаждаясь какимъ-то тайнымъ ужасомъ и любопытствомъ, онъ внимательно слѣдилъ теперь за всѣми перипетіями, переживаемыми его собственною душою.

Куда-то все это приведетъ?..

Еслибы онъ зналъ заранѣе конецъ, вся эта романическая исторія, пожалуй, перестала бы его интересовать.

Варягина, между тѣмъ, все настойчивѣе и настойчивѣе скрывалась отъ него.

Однажды—это было въ театрѣ—онъ, наконецъ, увидѣлъ ее послѣ тщетныхъ поисковъ и терзаній.

До тѣхъ поръ онъ не могъ себѣ представить даже того пронизывающаго счастья, какое могутъ дать черты любимаго лица, когда ихъ увидишь вотъ такъ, невзначай, послѣ многихъ дней вынужденной разлуки.

Она, между тѣмъ, увидѣвъ его, вся ушла въ глубь ложи; едва-ли не сдѣлала даже движеніе, чтобы покинуть театръ.

Не дожидаясь антракта, Арсковъ вышелъ изъ партера и направился по корридору бенуара съ твердою рѣшимостью во что бы то ни стало повидать Ксенію Николаевну и объясниться съ

нею. Рѣшительно онъ не могъ выносить долѣе своего страннаго, на половину добровольнаго отчужденія отъ той, которая начинала ему казаться дороже жизни...

Случай ему на этотъ разъ особенно благопріятствовалъ.

Они были въ частномъ театрѣ, на представленіи итальянскаго трагика. Знакомыхъ почти не было. Въ ложѣ съ Варягиною были только ея компаньонка, „mademoiselle Софи", да еще безцвѣтная институтская подруга, съ еще болѣе безцвѣтнымъ супругомъ своимъ, очевидно захваченными только для обстановки.

Капельдинеръ хлопотливо отомкнулъ передъ нимъ дверь литерной ложи.

Оставшись одинъ въ глубокой и пустынной, убранной какъ гостиная, аванложѣ, Арсковъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по мягкому ковру и остановился.

Здѣсь все уже напоминало ее.

Ея бархатная ротонда, опрокинутая бѣлымъ мѣхомъ вверхъ, кружевной платокъ, даже ея мѣховые ботики, все это было ему хорошо знакомо; ему не разъ случалось помогать ей одѣваться, провожая до подъѣзда. Запахъ ея духовъ какою-то неуловимою заразою уже чуялся ему въ воздухѣ.

Онъ въ изнеможеніи опустился на первое попавшееся ему кресло, не зная хорошенько самъ: что̀ онъ можетъ и что̀ намѣренъ предпринять?

Заглушенные выкрики декламирующаго на сценѣ трагика вдругъ съ силою ворвались ему въ уши:

„Più che mia vita t'amo, t'amo!"...

Передъ нимъ стояла Варягина.

Онъ не поднялся, а только съ какою-то безнадежной мольбой протянулъ къ ней руки.

Она прошла мимо и съ строгимъ, слегка поблѣднѣвшимъ лицомъ опустилась на кресло у противоположнаго края стола.

Онъ молчалъ, былъ близокъ къ рыданіямъ и, захвативъ рукою ея головной платокъ изъ черныхъ кружевъ, лежавшій передъ нимъ на столѣ, словно насыщая какую-то неутолимую жажду, поднесъ его къ своимъ губамъ.

Она вся гордо выпрямилась и поднялась съ своего мѣста.

— Я никогда не хотѣла унижать васъ до нищенства или до сумасшествія... Неужели у васъ нѣтъ достаточно твердости, чтобы всему этому положить конецъ?

Потомъ, помолчавъ секунду, она прибавила.

— Скажите, что *я* должна сдѣлать, чтобы этого не было?

Такъ какъ онъ не отвѣчалъ, она сдѣлала шагъ впередъ, остановилась какъ бы въ нерѣшительности и потомъ осторожно, расчленяя каждое свое слово, съ строгою серьезностью промолвила:

— Скажите!.. Я сдѣлаю все.

Несмотря на всю значительность выраженія, послѣднія ея слова прозвучали для Арскова едва-ли не шуточной шарадой. Ему казалось, что она мистифицируетъ его.

Тогда Варягина, строго сощуривъ глаза, какъ бы внимательно наблюдая его, нѣсколько разъ качнула головой.

— Вы слышите: я сдѣлаю *все*?!..

Онъ сообразилъ, что надо рвануться къ ней.

— Сумасшедшій!... — и торопливо оправляя свои едва не разсыпавшіеся отъ быстраго движенія волосы, она поспѣшно скользнула въ ложу, захлопнувъ за собою дверь.

Въ слѣдующемъ антрактѣ нѣсколько начинавшій соображать Арсковъ, поощренный ея спокойнымъ и дружелюбнымъ взглядомъ, какъ ни въ чемъ не бывало вошелъ къ ней въ ложу.

Она, видимо, пришла въ нормальное настроеніе, точно гора у нея свалилась съ плечъ.

Представивъ Арскова институтской подругѣ и ея слащаво вѣжливому супругу („mademoiselle Софи“, неразлучной компаньонкѣ Ксеніи Николаевны, онъ уже имѣлъ честь быть ранѣе представленнымъ), Варягина позволила ему остаться въ ея ложѣ.

Подобное счастье давно уже не выпадало на долю Арскова.

Сидя уютно за спиной любимой женщины, наполовину укрытый отъ любопытныхъ взоровъ, онъ едва не прикасался губами до завитковъ волосъ на ея шеѣ, слышалъ скрипъ ея шолковаго платья, вдыхалъ весь ея ароматъ.

Вечеръ мелькнулъ для него какимъ-то блаженнымъ очарованіемъ. Онъ находилъ, что у трагика недостаточно выразительно выходитъ „t'amo“, „t'adoro“, и весь вечеръ нашептывалъ объ этомъ Варягиной, мѣшая ей слушать пьесу.

Когда, съ неожиданной смѣлостью горячо осыпая ее подъ шумокъ всѣми нѣжными ласкательными названіями, онъ, увлекшись, начиналъ объясняться слишкомъ громко, она только поднимала вѣеръ и, не оборачиваясь, давала ему знакъ осторожности.

По окончаніи спектакля, принимая отъ нея бинокль, Арскову удалось крѣпко захватить ея руку и поднести къ своимъ губамъ.

Мягкая, еще теплая, вся ароматная перчатка такъ и осталась въ его рукахъ таинственнымъ залогомъ.

— Когда же я увижу васъ, когда?..

Ксенія Николаевна смущенно потупляла глаза.

Только садясь въ карету, на его новый, растерянный и полный неотступной мольбы вопросъ, она успѣла шепнуть ему:

— Послѣ восьми... завтра... Не звоните, васъ будутъ ждать!..

Арсковъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

XXII.

Это завтра—сегодня...

Наконецъ-то! А онъ терялъ уже надежду...

Но безъ четверти восемь къ нему звонили въ телефонъ.

Съ нимъ объяснялась компаньонка Ксеніи Николаевны, всегда безмолвная mademoiselle Софи, краснорѣчивая на этотъ разъ.

Волнующимся и безпрестанно обрывающимся голосомъ она очень много и очень пространно извинялась за свою обожаемую принципалку: та рѣшительно должна была сегодня отказать себѣ въ удовольствіи принять Арскова.

Сколько ни допрашивалъ онъ: „какъ?“ и „почему?“—отвѣты все получались сбивчивые и мало удовлетворительные.

Ксенія Николаевна оказывалась и очень больною, и очень разстроенною, и собиралась сейчасъ куда-то выѣхать, и все это въ одно и то же время.

Назначить опредѣленный часъ, когда бы Арсковъ могъ навѣрное въ другое время застать Варягину, mademoiselle Софи также не рѣшалась.

Часовъ до девяти Арсковъ былъ въ нерѣшительности. Не совладѣвъ, наконецъ, съ своимъ волненіемъ, томимый предчувствіями, онъ приказалъ подать себѣ давно ожидавшія его сани и поѣхалъ къ Варягиной.

Все оказалось на своихъ мѣстахъ: старинная колоннада гигантскаго подъѣзда, обширная, ярко освѣщенная прихожая и хлопотливо-услужливый швейцаръ.

— Ксенія Николаевна у себя?.. здорова?..

— Такъ точно.

— Принимаетъ?

— Надо такъ полагать... пріймутъ!

Увѣренный тонъ браваго и прозорливаго малаго нѣсколько успокоилъ Арскова. Оставивъ на его рукахъ шинель и не отпуская лошади, онъ съ легкостью поднялся во второй этажъ.

Едва онъ успѣлъ коснуться электрическаго звонка, массивная входная дверь квартиры Варягиныхъ медленно передъ нимъ отворилась.

Прислуги не было. Его встрѣчала сама „mademoiselle Софи" (Софія Леонтьевна Пяльцева, дѣвица лѣтъ за тридцать), въ своемъ гладкомъ, сѣромъ, цвѣта электрикъ, платьѣ. Каждый, кто бывалъ у Варягиной, зналъ „mademoiselle Софи" и именно такъ ее и называлъ. Пяльцева была извѣстна едва-ли не всему Петербургу своею самоотверженною преданностью Ксеніи Николаевнѣ.

Увидѣвъ передъ собою Арскова, Софья Леонтьевна сдѣлала большіе глаза. Едва-ли не съ нѣкоторымъ страхомъ она отступила передъ нимъ.

Арсковъ заговорилъ съ нею нетерпѣливымъ, однако же заискивающимъ тономъ.

— Пожалуйста... Могу я видѣть Ксенію Николаевну?

Пяльцева сдѣлала значительное лицо.

— Но вотъ именно по ея приказанію я уже имѣла случай извиняться...

— Да, да!.. Все-таки, прошу, скажите, что я здѣсь.

Mademoiselle Софи собрала губы какъ-то оффиціально непроницаемо и лицо ея сдѣлалось еще болѣе значительнымъ.

— Извольте,—снисходительно, однакоже ни мало не обнадеживая, вздохнула компаньонка.—Я передамъ... Я попробую!..

Ранѣе чѣмъ уйти, Пяльцева предложила Арскову войти въ большую, отдѣланную рѣзнымъ дубомъ столовую, выходившую прямо въ прихожую.

Арсковъ принялся ждать.

Огромные стѣнные часы важно и не спѣша, словно оказывая міру и нѣ-вѣсть какую услугу, отсчитывали секунды своимъ массивнымъ маятникомъ. Кромѣ ихъ однообразнаго постукиванія, нигдѣ въ квартирѣ не слышно было ни одного живого звука. Все заглушалось мягкими коврами и массивными драпировками.

Прошло порядочно времени.

Но вотъ сѣрая фигура mademoiselle Софи опять беззвучно, какъ привидѣніе, выросла передъ Арсковымъ.

Компаньонка была смущена и не сразу начала говорить.

— Ну что же?..—долженъ былъ начать Арсковъ.

— Нѣтъ... Право, Ксенія Николаевна очень, очень извиняется, но она не въ силахъ васъ принять сегодня...—Компаньонка медленно и глубоко вздохнула. — Она такъ разстроена!..

— Она больна?—живо спросилъ Арсковъ.

— Если хотите—да, больна... очень больна! Надо дать ей оправиться...

Пяльцева подняла выразительно глаза къ небу, и на ея безцвѣтномъ и безкровномъ лицѣ обнаружились нѣкоторые при-

знаки волненія. На обѣихъ щекахъ ея стали выступать красныя пятна.

— Ахъ, я такъ ее понимаю. Бѣдная, бѣдная!..

Пяльцева даже поднесла къ глазамъ крошечный батистовый платокъ.

Она начинала раздражать Арскова.

— Вотъ еще наемная плакальщица, дешевая комедіантка!— зло мелькнуло въ его головѣ.

Онъ почти строго заговорилъ съ нею.

— Да успокойтесь... Скажите мнѣ наконецъ, что̀ съ нею?.. Вы точно хранитель печати передъ государственной тайной...

Пяльцева, повидимому, никакъ не ожидала такого оборота. Она съ удивленіемъ, забывъ о томъ даже, что хотѣла заплакать, подняла на него глаза. Послѣ секунды колебанія она уже овладѣла собою и приняла свой прежній плаксивый тонъ.

— Что̀ же я могу сказать вамъ?.. Я исполняю только ея волю...

Арсковъ понялъ, что такъ ему не добиться ничего. Тогда онъ порѣшилъ измѣнить тактику. Онъ смягчился и даже, осторожно взявъ руку „mademoiselle Софи“, дружески удержалъ въ своей.

Красныя пятна еще шибче стали гулять по щекамъ взволнованной конфидентки.

— Послушайте, Софья Леонтьевна!—онъ заставилъ ее присѣсть рядомъ съ собою у обѣденнаго стола, освѣщеннаго висѣвшею съ потолка лампою:—я обращаюсь къ вамъ какъ къ честной и сердечной женщинѣ...

Долгій и, какъ почудилось Арскову, полный нѣмой благодарности вздохъ былъ отвѣтомъ на его дипломатическое вступленіе. Онъ продолжалъ уже съ надеждою.

— Вы понимаете, какъ все касающееся Ксеніи Николаевны живо и глубоко меня трогаетъ?..

Пяльцева поощрительно качнула головой.

— Я все понимаю. Понимаю!..

— Ну вотъ, — продолжалъ Арсковъ,—я и хочу, чтобы вы были со мною откровенны.

— Откровенна?!—точно это слово ее могло ужалить и становясь совершенно красною, всхлипнула мамзель Софи.

— Да, откровенны, совершенно откровенны!—повторилъ Арсковъ.

— Понимаю!—нерѣшительно вздохнула Пяльцева.

— Скажите, что̀ это за мистификація?.. Что̀ случилось съ Ксеніею Николаевною?.. Ради Бога!..

— Вы непремѣнно хотите?

Mademoiselle Софи безнадежно развела руками, какъ бы призывая окружающее безмолвіе въ свидѣтели, что она вынуждается говорить противъ воли.

— Да, я хочу, хочу!..—волновался Арсковъ.

— Боже мой, что я могу сказать! — боязливо потупляла глаза Пяльцева.—Именно вамъ она не хотѣла говорить объ этомъ... Конечно, рано или поздно все узнается... Но теперь ее, бѣдняжку, такъ жаль, такъ жаль!.. Сколько она выстрадала!..

— Въ чемъ дѣло, наконецъ?

— Мнѣ ея чувства, конечно, неизвѣстны, мнѣ и не должно объ этомъ знать. Я дѣвушка, Сергѣй Павловичъ!..

— Ну, конечно, конечно,—торопилъ ее Арсковъ.

Пяльцева съ гордостью подняла на него свои бѣлесоватые, золотушные глаза.

— Для кого она принесла эту жертву, я не знаю. Но это жертва, жертва!.. Ея общественное положеніе, ея состояніе, все ея прошлое скомпрометтировано...

— Что вы говорите?..

— Да, да, я знаю, знаю!.. Въ нее полетятъ камни!.. Свѣтъ золъ и завистливъ...

Арсковъ переставалъ понимать.

— Но я горжусь дружбою Ксеніи Николаевны,—уже съ какимъ-то торжествомъ продолжала расходившаяся старая дѣва.— Она поступила какъ героиня. Вы понимаете, какъ она должна быть разстроена!.. Именно сегодня, сегодня, не далѣе какъ нѣсколько часовъ назадъ, все наконецъ разрѣшилось. О, это подготовлялось и раньше; но только сегодня у нея хватило духу съ этимъ покончить... Онъ уже выѣхалъ... временно въ Москву... и далъ ей свое согласіе... Чего ей это стоило, бѣдняжкѣ!.. О, она поступила геройски... геройски!

Пяльцева, казалось, обезсилѣла. У нея не хватало словъ, не хватало воздуха въ легкихъ, чтобы продолжать.

Какіе-то желѣзные тиски стали помаленьку сдавливать голову Арскова. Его какъ будто начинало бросать въ жаръ. Только мысль, что онъ все еще чего-то не понимаетъ, поддерживала его.

Наконецъ и это двойственное состояніе притворнаго недоумѣнія миновало. Пяльцева, набравшись заново духа, выпалила въ него съ новою силою:

— Да, это рѣшено окончательно! Она не можетъ лгать передъ своею совѣстью... Знайте: Ксенія Николаевна разводится съ своимъ мужемъ. Она затѣваетъ разводъ... Я вамъ сказала все!..

Съ вызывающимъ и торжествующимъ видомъ mademoiselle Софи глядѣла на Арскова.

Потупившись, тотъ какъ-то странно и мало эстетично засопѣлъ себѣ въ носъ. Этого съ нимъ ранѣе какъ будто даже никогда и не случалось. Онъ попробовалъ-было развести руками, но подумалъ, что это ужъ будетъ совсѣмъ лишнее, и безсильно опустилъ ихъ.

Платье mademoiselle Софи своимъ „электрикъ" такъ и отливало какою-то блестящею фольгою подъ свѣтомъ лампы, а ему казалось, что это къ нему нарочно выслали злую и глупую шутиху въ надеждѣ позабавить его.

Но онъ чувствовалъ себя не въ забавномъ настроеніи.

Онъ даже какъ-то удивительно тяжело и туго соображалъ: „разводится"—это что же такое? Зачѣмъ? Почему? Кому нуженъ этотъ разводъ? И потомъ что̀ это такое... „развестись"? Куда развестись?.. Въ разныя стороны?.. Гдѣ эти стороны?.. Онъ самъ на какой сторонѣ теперь?..

Голосъ mademoiselle Софи между тѣмъ уже неотступно журчалъ надъ нимъ.

— Конечно, вы поймете, какъ ей трудно сегодня принять васъ... именно васъ!.. Такіе шаги даются нелегко. Она вся потрясена и разстроена... Конечно, если вы настаиваете, я попробую еще разъ... Ей тяжело вамъ отказывать... Очень тяжело!..

Арсковъ молчалъ.

— Софи! — Компаньонка вся замерла и прислушалась.— Софи!..—еще разъ, слабо раздаваясь гдѣ-то въ третьей комнатѣ, донесся голосъ Варягиной.

Можно было подумать, что зоветъ умирающая.

— Она зоветъ!—съ безпокойною таинственностью прислушалась Пяльцева и тотчасъ же кинулась на зовъ.

Черезъ секунду она опять стояла передъ Арсковымъ.

— Васъ зоветъ... Хочетъ видѣть... Бѣдняжка!

Mademoiselle Софи почему-то снова взялась за свой батистовый платокъ...

Варягина на правахъ „полубольной" полулежала въ своемъ таинственно и слабо освѣщенномъ кабинетѣ, въ длинномъ креслѣ, искусно задрапированномъ какимъ-то фантастическимъ альковомъ, затканнымъ гербами Варягиныхъ. Въ креслѣ этомъ любила отдыхать Ксенія Николаевна въ дни своихъ мигреней и легкихъ недомоганій.

Укутанная вся въ какую-то яркую шолковую, дорогую ма-

терію, отороченную сѣрымъ мѣхомъ, съ краснымъ плюшевымъ плэдомъ на ногахъ, она дѣйствительно имѣла видъ больной.

Арскову только показалась нѣсколько театральною вся эта таинственная и причудливая обстановка и она сама, точно нарочно костюмированная для царственной роли въ какой-нибудь сложной и замысловатой феерiи...

Какъ бы по какому-то зловѣщему инстинкту Арсковъ не рѣшался даже приблизиться: онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, глядѣлъ на нее и молчалъ.

Между тѣмъ со дна его души поднималось уже какое-то глухое, сдержанное, но глубокое и грозное волненіе...

Они глядѣли другъ другу въ глаза, какъ должны глядѣть два борца передъ послѣднею отчаянною схваткою.

Наконецъ Варягина, какъ бы впадая въ невольную дремоту, сблизила рѣсницы и первая заговорила слабымъ голосомъ.

— Вы требовали?.. Софи вамъ разсказала все?..

Арсковъ утвердительно качнулъ головой.

— Чего же вы отъ меня хотите?.. Что̀ я еще могу сказать!..

Онъ молчалъ.

— Чего вы хотите?—еще разъ нетерпѣливо спросила Варягина, не открывая глазъ, безпокойно и нервно высвобождая свою руку изъ-подъ яркой покрышки и давая ей свободу повиснуть въ какомъ-то безсильномъ утомленіи.

„Бѣжать отсюда!“—съ какою-то бѣшеною силою вдругъ завопило въ груди Арскова.—И онъ, чувствуя, какъ голова его туманится, а ноги отказываются держать его, неожиданно для самого себя, въ безсиліи опустился на низкій пуфъ, стоявшій тутъ же у самыхъ ея ногъ.

— Бѣдный!..—и Варягина тянула къ нему свои длинные, начинавшіе холодѣть пальцы.

Арсковъ, какъ бы подъ вліяніемъ толчка посторонней силы, прильнулъ ничкомъ къ ея рукѣ.

Ему хотѣлось рыдать...

— Знаю, знаю...—говорила въ это время Варягина:—и вѣрю вамъ безусловно!..

Такъ какъ Ксенія Николаевна ссылалась на нездоровье и казалась дѣйствительно разстроенною, а Арсковъ не настаивалъ, то свиданіе очень скоро на этомъ и покончилось.

Но имъ предстояло видѣться потомъ, еще и всегда...

Уходя съ этимъ, Арсковъ не могъ только почему-то безъ злобы глядѣть на услужливую mademoiselle Софи, которая, про-

вожая его съ какою-то заискивающею торжественностью, граціозно отливала на ходу всѣмъ своимъ „электрикъ".

Еще съ недѣлю Арсковъ не столько бывалъ у Ксеніи Николаевны и говорилъ ей о своей любви, сколько былъ занятъ ея дѣлами. Ея рѣшимость захватила ее повидимому врасплохъ. Надо было подумать обо всемъ.

Зато mademoiselle Софи оказалась теперь неоцѣнимою. Переставъ стѣсняться, она поминутно „запросто" летала то на квартиру къ Арскову, то ловила его „на секунду" во время перерывовъ въ засѣданіяхъ разныхъ правленій, обществъ и т. п. Во всемъ она искала его совѣтовъ и указаній.

Кончилось тѣмъ, что по ея настоянію Арсковъ не только отрекомендовалъ для бракоразводнаго дѣла Варягиныхъ „своего" адвоката, пріятеля, Кидошенцова, но и самъ побывалъ у него и даже, скрывъ это обстоятельство отъ Ксеніи Николаевны, внесъ ему довольно крупный авансъ. Онъ понималъ, что для такого рода дѣлъ авансъ необходимъ.

Софья Леонтьевна торжествовала. Она рѣшительно начинала входить въ роль какой-то благодѣтельной феи, все устрояющей и предусматривающей.

Ксенія Николаевна, наоборотъ, была апатична и разсѣянна. Она никуда не показывалась, одѣлась въ какой-то полутрауръ и вообще начала казаться какою-то совершенно „не отъ міра сего".

Арскова она горячо благодарила за всѣ его о ней заботы и хлопоты, но была съ нимъ холодна и сдержанна.

По городу тотчасъ же пошли гулять самые разнообразные толки о предстоящемъ разводѣ Варягиныхъ.

Случайно Арсковъ узналъ одну такую подробность, о которой ужъ, конечно, ничего не могъ слышать изъ ближайшаго источника.

Все дѣло о разводѣ объясняли такъ. Увѣряли, что Варягинъ, дѣла котораго давно пошатывались, внезапно окончательно разорился.

Проигравшись до тла въ яхтъ-клубѣ, онъ едва-ли даже не попалъ на черную доску и отъ стыда укрылся въ Москву... Жена его тотчасъ же затѣяла дѣло о разводѣ и—какъ увѣряли особенно злые языки—при благосклонномъ участіи своей преданнѣйшей mademoiselle Софи приняла даже нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы „спасти" отъ описи и продажи все великолѣпіе,

бывшее у нихъ въ квартирѣ, поспѣшно закрѣпивъ все имущество за собой.

— „Какой вздоръ!“ „Какая гадость!“—негодовалъ Арсковъ, невольно прислушиваясь ко всѣмъ этимъ росказнямъ.

Разъ какъ-то, захвативъ Арскова врасплохъ въ его дѣловомъ кабинетѣ, mademoiselle Софи, противъ всякаго ожиданія, заговорила съ нимъ о его женѣ.

Арскова всего покоробило.

Она разспрашивала о ея здоровьѣ и о томъ, гдѣ она въ настоящую минуту, каковы ея планы на будущее?

Арсковъ встрепенулся.

— Вы знаете,—вдругъ, съ самоотверженною восторженностью, воскликнула mademoiselle Софи:—я была бы способна поѣхать къ ней туда, найти ее... Я бы бросилась къ ногамъ этой святой женщины, покрыла ихъ поцѣлуями и слезами!..

— Чтò?.. Что такое?..

— О, я увѣрена,—она бы все поняла!.. Она бы не захотѣла мѣшать счастью двухъ существъ, двухъ!.. Насильно заставить любить себя нельзя. Она дала бы свое согласіе на разводъ... Вы могли бы ее обезпечить!

Арскова качнуло. Онъ какъ-то дико таращилъ на нее глаза.

Софья Леонтьевна въ безпокойствѣ даже вскочила съ своего мѣста.

— Оставьте меня... прошу васъ, оставьте!—какимъ-то задушеннымъ, рыдающимъ хрипомъ вырвалось изъ груди Арскова...

„Я самъ виноватъ во всемъ... самъ!“ —твердилъ себѣ Арсковъ въ тотъ же вечеръ, нервно ероша волосы и ходя изъ угла въ уголъ по анфиладѣ неосвѣщенныхъ комнатъ, между тѣмъ какъ въ его уборной Семенъ спѣшно собиралъ его въ дорогу.

— Чтò... укатилъ?—пожелалъ обмѣняться своими впечатлѣніями солидный и важный швейцаръ того дома, гдѣ жилъ Арсковъ, съ молодымъ и увертливымъ Сеней.

Они только-что заботливо помогли Арскову усѣсться въ сани, уложивъ съ нимъ и небольшой его походный чемоданъ.

— Укатилъ!—сдѣлавъ рукою выразительное движеніе вдаль, сказалъ Семенъ, стоя въ открытомъ фракѣ и безъ фуражки на двадцатиградусномъ морозѣ.

— По варшавской?

— По варшавской! На побывку къ супругѣ что-то вздумалось...

— Въ имѣнье?

— Въ деревню!—съ оттѣнкомъ весьма замѣтнаго пренебреженія отрѣзалъ Семенъ. — Ну, да недолго тамъ загостится, соскучится!..

— Соскучится?—съ проникновеннымъ вниманіемъ переспросилъ швейцаръ.

— Ги-и!.. Еще какъ!—весело хихикнулъ Семенъ.—У него тутъ краля. Я вамъ скажу,—мое почтенье!..

И назябшійся и довольный собою лакей, запахиваясь въ лацканы фрака, юркнулъ въ подъѣздъ.

XXIII.

Детальныя воспоминанія о „злополучномъ романѣ" какъ-то разомъ спугнули нѣсколько элегическія, нѣсколько сентиментальныя мечтанія Арскова.

Перчатка была смята и брошена въ дальній уголъ...

Глухіе истерическіе смѣшки клокотали въ его могучей, тяжело дышавшей груди.

Онъ продолжалъ лежать на диванѣ, забившись подальше отъ полосы падавшаго на него свѣта, но уже въ какомъ-то безпокойномъ и нервномъ волненіи.

Ѣдкій стыдъ, словно заползающій всюду дымъ, такъ и подымался среди этихъ взбудораженныхъ воспоминаній, незамѣтно подкрадывался, обволакивалъ ихъ и, прихотливо окутывая со всѣхъ сторонъ, строилъ изъ нихъ какія-то новыя, чудовищныя фигуры.

Или дѣйствительность на самомъ дѣлѣ была такъ безобразна, и все это странное и уродливое, что̀, извиваясь и корежась, ползло теперь передъ нимъ, было имъ пережито и перечувствовано?

По временамъ ему начинало слышаться, какъ онъ самъ съ собою говоритъ громко.

— Да, да, только и недоставало *откупиться* отъ жены!.. безпорядочными обрывками бродило въ его головѣ.—И безъ твоего откупа, *даромъ* она бросила бы тебѣ въ лицо этотъ „разводъ"... Что же ты не открылъ ей, до какихъ подлостей ты успѣвалъ иногда додуматься?.. Не посмѣлъ, не посмѣлъ!..—Арскова душилъ злобный смѣхъ.—Не посмѣлъ, а жаль!.. La chère dame Variaguine была о тебѣ лучшаго мнѣнія! Не даромъ же предусмотрительная

mademoiselle Софи успѣла во-время поддразнить и твое честолюбіе... Какъ и съ этой удочки ты сорвался?!.. Жаль, жаль!..

Арскову рисовалась цѣлая бездна подлости, въ которую онъ будто бы успѣлъ уже окунуться, а въ дѣйствительности только мрачно тѣшилось его воображеніе.

— У Ксеніи Николаевны вліятельныя и сильныя связи... масса поклонниковъ. Она—талантъ, а талантъ—сила... его цѣнятъ, его ищутъ! Объ руку съ нею такъ легко было бы возвыситься. La chère dame Variaguine, то бишь Arskoff... помогла бы,—о, навѣрное бы помогла! И чего тутъ шутить?... Годамъ къ сорока—„отвѣтственный" портфель и достигнуто, чего не снилось... По крайней мѣрѣ, все поле открыто разомъ... Есть гдѣ развернуться, гдѣ показать себя... О, для добра, для добра!.. Вѣдь „отечество", „признательное потомство", „исторія", „безсмертіе" наконецъ!.. Или не закружилась голова?..—И Арсковъ тутъ же, съ какимъ-то злораднымъ и обжигавшимъ ему всю внутренность торжествомъ, припомнилъ, какъ, уже сѣвъ въ нарочно приготовленный для него по пріятельству „директорскій" вагонъ, гдѣ былъ такой ужасный просторъ для его мыслей, онъ, пока поѣздъ еще не тронулся, наскоро сочинилъ и тутъ же отправилъ съ нарочнымъ записку Варягиной.

Это за-одно могло служить отвѣтомъ на то ея посланіе, въ которомъ она спрашивала: „не лучше ли имъ разстаться навсегда?"

Онъ такъ и отвѣтилъ ей тогда. Это было кстати. Теперь, именно теперь слѣдовало отвѣтить ей, и онъ отвѣчалъ: „Вы были правы, намъ лучше навсегда разстаться".

Слоняясь изъ одного отдѣленія совершенно пустыннаго вагона въ другое, Арсковъ только успокоивалъ себя поучительнымъ размышленіемъ: въ рѣшительныхъ случаяхъ надо дѣйствовать рѣшительно!.. Въ боковомъ его карманѣ было цѣлыхъ пять писемъ жены, на которыя онъ не успѣлъ еще отвѣтить. Въ вагонѣ онъ въ нѣсколько пріемовъ принимался перечитывать ихъ. Они были полны безпокойства и тревоги о немъ, о его дѣлахъ, и главное, о его здоровьѣ.

Съ какимъ-то горячимъ и яркимъ краснорѣчіемъ описывала ему Вѣра Димитріевна то ощущеніе правдивой, настоящей жизни, которое испытываешь „только здѣсь", въ деревнѣ, вдали отъ вздорныхъ и вымученныхъ интересовъ показного прозябанія.

Она ждала его, приглашала пріѣхать, обѣщала и успокоить, и поправить его расходившіеся нервы, на разстройство которыхъ онъ ей глухо, но безпрестанно жаловался въ послѣднихъ пись-

кахъ... Этотъ призывъ, искренній и сердечный, былъ для него настоящимъ якоремъ спасенія.

Изъ деревни, гдѣ ему удалось пробыть всего недѣли двѣ, Арсковъ вернулся въ Петербургъ вмѣстѣ съ женой и Лидой.

Вѣрѣ Димитріевнѣ это пришлось очень кстати, такъ какъ она получила очень тревожныя извѣстія о братѣ. Надъ нимъ тяготѣла какая-то „исторія", вслѣдствіе которой онъ долженъ былъ надолго оставить Петербургъ.

Все это хотя и очень сокрушало ее, но отчасти и заглушило то тревожное волненіе, которое было вызвано въ ней не столько неожиданнымъ пріѣздомъ, сколько необычно подавленнымъ и угнетеннымъ видомъ мужа.

Не разспрашивая его, она догадывалась о многомъ. Онъ и самъ наполовину открывался ей. Умоляя ее все „простить" и „забыть", онъ, казалось, искренно ненавидѣлъ и проклиналъ все свое прошлое, всю свою жизнь, полную неожиданныхъ уступокъ, сдѣлокъ съ совѣстью и малодушной привязанности ко всему тому, что онъ самъ же такъ глубоко презиралъ...

Едва-ли Вѣра Димитріевна (такъ по крайней мѣрѣ думалось Арскову) могла измѣрить всю глубину захватившей его волны. Но этого онъ отъ нея и не требовалъ. Онъ только хотѣлъ, настойчиво хотѣлъ, чтобы она вѣрила ему, вѣрила всей полнотѣ его искренности и не протестовала противъ рѣшенія, неожиданнаго, но твердаго, принятаго имъ какъ бы по какому-то откровенію свыше.

Она невольно поддавалась его горячимъ и страстнымъ убѣжденіямъ, отвѣчавшимъ такъ полно, такъ задушевно ея собственнымъ сокровеннымъ стремленіямъ и планамъ.

И вотъ было рѣшено (т.-е. онъ одинъ это рѣшилъ и за себя, и за нее вмѣстѣ) навсегда поселиться въ деревнѣ, порвать со всѣмъ прошлымъ и зажить новою, полною широкихъ чувствованій и помысловъ, скромною и трудовою жизнью.

Деревенька, которая принадлежала Вѣрѣ Димитріевнѣ, доставшись ей отъ какой-то дальней родственницы, сама по себѣ едва-ли могла обезпечить даже самое бѣдное существованіе. Но Арсковъ не унывалъ. Онъ уже порѣшилъ прикупить земли у сосѣда, прогоравшаго земца, и надѣялся не только прокормить семью, но и облагодѣтельствовать мѣстныхъ крестьянъ, которые поголовно бѣдствовали и съ каждымъ годомъ нищали отъ „нехватки" земли.

Онъ даже намѣтилъ, какъ ему списаться съ Энгельгардтомъ

относительно предстоящаго удобренія, колеблясь только между фосфоритомъ и каонитомъ...

Ночь наканунѣ предстоявшаго имъ теперь уже „временнаго" отъѣзда въ Петербургъ Арсковъ провелъ въ необыкновенномъ волненіи. Онъ просто ни на секунду не могъ сомкнуть глазъ.

Теоретически, книжно давно уже воспитанный въ сознаніи своей тяжкой вины передъ „собирательнымъ мужикомъ", подъ вліяніемъ свѣжихъ и новыхъ впечатлѣній деревенской жизни, среди которыхъ такъ просто и безпритязательно устроилась его жена, а по сосѣдству и еще кое-кто изъ мѣстныхъ „интеллигентовъ", отдавшихся безраздѣльно „новымъ завѣтамъ" и вѣяніямъ, Арскову казалось, что онъ зàново открываетъ Америку. Мысль и фантазія его неудержимо работали, сердце безумно колотилось въ груди...

Поздно ночью, когда все уже кругомъ уснуло, онъ, нàскоро одѣвшись и осторожно минуя скрипучія половицы, вышелъ одинъ въ запущенный и занесенный снѣгомъ садъ, а оттуда на пригорокъ, выступавшій изъ сосѣдней рощи, откуда видна была вся убогая, съ покосившимися старыми избами, деревенька.

Полная луна плыла по небу. Кругомъ было видно далеко. Окаменѣлою стѣною издали надвигался лѣсъ; безконечнымъ саваномъ тянулась снѣжная полоса... Какимъ-то заколдованнымъ кругомъ безмолвія очерчивалось все вокругъ...

Арсковъ взволнованно, съ благоговѣйнымъ и вмѣстѣ щемившимъ его сердце чувствомъ остановился какъ вкопанный.

Онъ вглядывался въ жалкія избёнки, гдѣ уже погасли огни и гдѣ, онъ зналъ, несмотря на каторжный дневной трудъ, ночью ютилась только голая нищета.

Его стиснутыя въ пальцахъ руки не то съ мольбой, не то съ надеждой тянулись туда...

— Прости... и защити!..—едва не зарыдалъ онъ горючими покаянными слезами, проклиная и ненавидя всю свою прошлую, раскиданную на вѣтеръ, безцѣльную и безполезную жизнь.

Тутъ же онъ давалъ себѣ торжественныя клятвы „поднять" эти покосившіяся избы, всего себя „отдать" этому забытому и жалкому углу, въ которомъ пока ему было только нестерпимо жутко и какъ-то непривычно стыдно...

Распростертый на диванѣ въ какомъ-то безсильномъ и тягостномъ утомленіи, весь охваченный воспоминаніями о недавно пережитомъ, Арсковъ и теперь испытывалъ что-то похожее на чувство стыда. Но въ этомъ новомъ чувствѣ не было уже ни

остроты новизны, ни такъ ярко блеснувшаго ему въ ту памятную лунную ночь луча надежды на примиреніе съ самимъ собой.

Стыдясь понемножку всего, онъ едва-ли не стыдился *теперь* и того, чтò ему могло быть *тогда* такъ юношески стыдно и жутко...

XXIV.

Кто-то постучалъ у дверей.

— Ты? — очнулся Арсковъ.

Вошла Вѣра Димитріевна, въ бѣлой ночной кофтѣ, съ волосами, скрученными въ одну косу.

Арсковъ хотѣлъ подняться съ дивана, но она удержала его мягкимъ движеніемъ руки.

— Лежи!.. Ты усталъ!.. Я сяду подлѣ.

Отодвинувшись, онъ далъ ей мѣсто.

— Я не могла придти раньше. Только-что уснула Лида, она такъ волновалась сегодня...

Арсковъ взялъ ея руку и сочувственно тихонько пожалъ ее.

Послѣ минуты глубокой задумчивости, высвободивъ свою руку и какъ бы выходя изъ томившей ее нерѣшительности, Вѣра Димитріевна заговорила съ какимъ-то неожиданнымъ волненіемъ.

— Не знаю, отчего мнѣ такъ тяжело, такъ жутко сегодня... точно покойникъ у насъ въ домѣ... Мнѣ просто страшно! Сергѣй! послушай!

— Что такое?

— Я не мѣшаю тебѣ?

— Нисколько!

— Послушай!—сказала снова Вѣра Димитріевна съ тою сосредоточенною глубиной, которая давала понять Арскову, что ее что-то мучаетъ и что она не успокоится, пока до конца не объяснится съ нимъ.

— Ну?—лѣниво и вмѣстѣ участливо протянулъ Арсковъ, готовясь слушать и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя уже, какъ утомленіе и желаніе ни о чемъ не думать овладѣваетъ имъ.

Онъ машинально, чтобы чѣмъ-нибудь скрыть свое равнодушіе, потянулся за ея рукой.

— Еслибы ты зналъ, сколько я передумала за это короткое время здѣсь... и тамъ, въ деревнѣ! — начала Вѣра Димитріевна, не давая ему своей руки. Она съ какимъ-то безсиліемъ наклонилась къ колѣнямъ, подпирая голову руками.—Я не хотѣла къ тебѣ возвращаться вовсе... Я такъ рѣшила! Ты меня слушаешь?..

Арсковъ, успѣвшій закрыть глаза, утвердительно качнулъ головой.

— Всѣ эти твои любовныя увлеченія, капризы, глупости,— я бы простила тебѣ, но я никогда не прощала и не прощу тебѣ одного—лжи! Да, ты лгалъ, лгалъ и этимъ только унижалъ меня!

— Когда же?—вырвалось у Арскова.

— Въ этой твоей исторіи съ Варягиной... Ты думаешь, я была слѣпа? Очень ошибаешься!—голосъ Вѣры Димитріевны сразу повысился на нѣсколько тоновъ.—Я знаю даже день, проклятый день, съ котораго все это началось! Этотъ концертъ!.. Да ты знаешь самъ!

Арсковъ молчалъ.

— Не притворяйся, пожалуйста!.. Ты знаешь отлично!—уже почти крикливо продолжала Вѣра Димитріевна.—Такъ знай же, не одна болѣзнь Лиды заставила меня уѣхать тогда... Чего мнѣ все это стоило,—это другой вопросъ! Но я не хотѣла, слышишь ли, не хотѣла больше униженій! Я нарочно предоставила вамъ здѣсь carte blanche, чтобы вы воспользовались на свободѣ... Я рѣшилась навсегда, да, навсегда стряхнуть съ себя это подлое, унизительное рабство, въ которомъ ты, повидимому, былъ бы очень непрочь держать меня всю жизнь!..

Арсковъ медленно пожалъ плечами.

Вѣра Димитріевна, какъ бы сдержавшись, понизила голосъ.

— Вдали отъ тебя я сразу почувствовала, что могу быть еще кому-то полезною и на что-нибудь годною. Тамъ я была нужна, мною дорожили. Я вотъ только при тебѣ безсильна, безпомощна!..

Крупныя слезы выступили на большихъ и лучистыхъ глазахъ Вѣры Димитріевны. Какъ огорченный ребенокъ, она тихо плакала.

Арсковъ привсталъ, пытаясь отнять ея руки отъ лица и силясь удержать ихъ въ своихъ рукахъ.

— Ты первый вернулся ко мнѣ, первый! У меня только не хватило силы оттолкнуть тебя, какъ ты вполнѣ заслужилъ этого!

Арсковъ сдѣлалъ попытку, чтобы ее приласкать и поцѣловать ея мокрые отъ слезъ глаза, но она рѣшительнымъ и настойчивымъ движеніемъ отстранила его.

— Нѣтъ, оставь, оставь!..

Вдругъ она сдѣлала какой-то отчаянный жестъ, всплеснувъ обѣими руками.

— Боже, еслибы хоть я была увѣрена, что дѣйствительно нужна тебѣ! Но зачѣмъ я тебѣ, зачѣмъ?..

Тяжело дыша, она помолчала секунду.

— Ахъ, какой ты трудный!.. Да, да, именно *трудный* человѣкъ. Чтò тебя сдѣлало такимъ,—ума не приложу!..

Арсковъ, успѣвшій между тѣмъ захватить ея руку, тихонько сжималъ ее и медленно водилъ ея пальцами у себя по лбу.

Вѣра Димитріевна внимательно поглядѣла на него.

— Ну, Богъ съ тобой, видно не мнѣ тебя передѣлать! — тихо промолвила она.—Да я и не укорять тебя пришла. Лично за себя я даже готова простить тебѣ все... если мое прощеніе зачѣмъ-нибудь нужно тебѣ! — въ ея голосѣ дрогнули слезы. — Пусть Богъ насъ разсудитъ! Я только пришла сказать тебѣ... пока еще есть время: намъ надо разстаться. Это глубоко мною продумано. Надо!.. необходимо!

— Какъ, теперь разстаться? — встрепенулся Арсковъ. — Теперь?!..

— Да, именно теперь. Послѣ ужъ поздно будетъ. Ты не шути этимъ, ради Христа, не шути! Я все обдумала, все рѣшила...

Арсковъ поглядѣлъ на жену такъ, какъ будто она обезумѣла.

Вѣра Димитріевна, между тѣмъ, съ новою энергіей продолжала:

— Повѣрь, я все время со страхомъ слѣжу за тобою. Ты съ какимъ-то отчаяніемъ все рвешь, все ломаешь на своемъ пути. Чѣмъ это вызвано? Для чего ты это дѣлаешь? Ради меня, чтобъ вознаградить за прошлое? Все равно, прошлаго не вернешь! Или подъ вліяніемъ разочарованія, каприза?.. Этого я и боюсь! Это и было бы ужасно! Это приведетъ насъ только къ новымъ затрудненіямъ, а меня—къ новому горю. Неужели ты хочешь, чтобы я и вовсе извѣрилась въ тебя?!..

Арсковъ молчалъ и только глубоко переводилъ дыханіе.

Вѣра Димитріевна продолжала.

— Подумай хорошенько! Насколько удовлетворитъ тебя та новая жизнь, о которой ты мечтаешь? Тамъ все такъ буднично, тускло, бѣдно и однообразно. Ты и здѣсь, въ самомъ центрѣ жизни, скучаешь, и здѣсь тебя ничто не удовлетворяетъ. Чтò же будетъ тамъ?..

— Да оттого я и бѣгу, пойми, — какимъ-то убѣжденнымъ, почти страстнымъ шопотомъ вдругъ заговорилъ Арсковъ: — что этотъ центръ, какъ ты его называешь,—дьявольская петля... Она душитъ меня, пойми! Я отдыха ищу. Если я останусь здѣсь, я съ ума сойду... Пойми ты это!

Вѣра Димитріевна притаилась.

— Ты вотъ все пугаешь меня непосильной работой тамъ въ деревнѣ, чуть не нищетой... Да развѣ здѣсь я не на подневольной каторгѣ?!..

— Я не за себя боюсь, не за Лиду,—поспѣшила перебить его Вѣра Димитріевна: — намъ очень немного нужно, я и сама могу работать. Но ты, ты у насъ такъ избалованъ, такой баринъ! Ты самъ этого не замѣчаешь, но всѣ твои привычки, всѣ вкусы...

— Какой вздоръ!..—вспылилъ Арсковъ.

— Ты честолюбивъ, наконецъ,—попробовала еще разъ остановить его Вѣра Димитріевна:—вся карьера твоя еще впереди. Подумай объ этомъ. Чтò, если когда-нибудь ты пожалѣешь, раскаешься... Это будетъ ужасно!

— Ужасно одно только,—съ медленною разстановкою словъ проговорилъ Арсковъ: — когда человѣку жить нечѣмъ. Ты понимаешь, чтò это значитъ, когда *жить нечѣмъ*?!.. Нищій, выходящій съ пустою сумою на паперть церкви и творящій тамъ земные поклоны съ вѣрою, что Онъ ему непремѣнно подастъ,—счастливецъ! Ему есть чѣмъ жить! Я хуже нищаго...

Съ глубокимъ, пронизывающимъ волненіемъ и невольнымъ восторгомъ вслушивалась Вѣра Димитріевна въ слова мужа. Какъ глубоко, какъ красиво, какъ ярко озарялось все, до чего прикасалась его мысль! Какъ полно умѣло воспринимать его чуткое сердце! Какими плоскими и ничтожными—рядомъ съ ея собственнымъ мужемъ—казались ей теперь всѣ мужчины, которыхъ только она знала,—даже въ средѣ тѣхъ „лучшихъ“, въ праведность не только убѣжденій, но и поступковъ которыхъ она почти увѣровала.

Но она сдѣлала надъ собою усиліе и продолжала:

— Это еще не все, не все... Выслушай!—съ какою-то тревожною мольбой заговорила она.

— Да я и то слушаю!—доброю улыбкой усмѣхнулся Арсковъ, удерживая ея руки въ своихъ.

— Такъ будетъ лучше, такъ и надо сдѣлать! — съ какою-то торжественною глубиной промолвила Вѣра Димитріевна.—Выслушай меня, прошу тебя, безъ злобы, и пойми, что иначе я поступить не могу!

Помолчавъ секунду и видя, какъ Арсковъ съ тревожнымъ любопытствомъ начинаетъ вглядываться въ ея лицо, она продолжала:

— Алексѣй уѣзжаетъ... одинъ. Бѣдный мальчикъ! Я рѣшилась послѣдовать за нимъ; возьму и Лиду. Втроемъ намъ будетъ хорошо. У меня будетъ забота...

Арсковъ широко открылъ глаза.

— По крайней мѣрѣ я не дамъ ему погибнуть... Право, разсуди хорошенько, и ты согласишься со мной. Зачѣмъ я тебѣ?..

Арсковъ разжалъ пальцы и выпустилъ ея руку изъ своей.

Легкій холодокъ какого-то тревожнаго озноба забѣгалъ у него въ спинѣ.

Она продолжала:

— Ты отдохнешь, развлечешься, разсѣешься и успокоишься. Вся жизнь твоя еще впереди!..

— Ты думаешь?—какимъ-то иронизирующимъ тономъ спросилъ Арсковъ.

— Думаю!—отвѣчала жена.—Увѣрена даже!.. Какъ мнѣ въ этомъ ни грустно и ни больно сознаться и какъ ни поздно я до этого додумалась,—не такая тебѣ нужна жена, не такая!..

— Какая же?—вызывающе переспросилъ Арсковъ.

— Другая!.. Да вотъ хоть бы Варягина... Даже навѣрное такая! Именно такая! Она заставитъ тебя страдать, но ты будешь любить ее...

— Вотъ какъ?!

— Да, да!.. Ты себя не обманывай. Никто такъ круто, такъ полно не коверкалъ твою жизнь. Развѣ одно ужъ это не доказываетъ... Ты ее любишь?!

Арсковъ молчалъ. Ему не приходило, однако, въ голову, чтобы жена его была права. Въ эту минуту ему казалось, что онъ за что-то презираетъ Варягину. Ему хотѣлось оскорбить ее, унизить въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ жены.

Вѣра Димитріевна, между тѣмъ, опять безнадежно всплеснула руками. Она вся вздрагивала отъ внутренняго волненія. Лицо ея, одухотворенное страданіемъ, было прекрасно. Арсковъ невольно любовался ею.

— Иди, иди къ ней!.. Я возвращаю тебѣ свободу!

Она какъ-то трагически торжественно опустила руки.

— Ты одна—моя прелесть... Я тебя люблю!..—взволнованно зашепталъ ей неожиданно Арсковъ въ самое ухо.

— Нѣтъ, ступай къ ней, ступай!.. Ты ее любишь!..

— Ты слышишь: я тебя люблю, одну тебя въ цѣломъ мірѣ! —съ энергіею воскликнулъ Арсковъ, и сталъ покрывать ее всю поцѣлуями.

Вся зардѣвшись въ какомъ-то покорномъ безсиліи, Вѣра Димитріевна замерла въ его объятіяхъ.

XXV.

На утро у Арскова сохранилось лишь тупое и досадное воспоминаніе о дурно проведенной ночи.

Болѣть ему не случалось, и потому простое недомоганіе уже раздражало его. Проснулся онъ съ головною болью.

Съ десяти часовъ его стали безпокоить разные дѣловые посѣтители. Сначала онъ хотѣлъ-было не принимать, но это оказалось рѣшительно невозможнымъ. Являлись все люди дѣйствительно нужные, прослышавшіе о его скоромъ отъѣздѣ.

Было выражено множество недоумѣній, сожалѣній и сердечныхъ пожеланій вернуться, какъ можно скорѣе, къ прежнему дѣлу послѣ отдыха и возстановленія силъ. Арсковъ едва успѣвалъ пожимать руки. Онъ не пускался въ дальнія объясненія о причинахъ своего отъѣзда.

Между двухъ дѣловыхъ посѣтителей къ нему успѣлъ юркнуть какой-то проворный, маленькій, совершенно незнакомый ему господинъ. Субъектъ отрекомендовался репортеромъ распространеннаго столичнаго листка, въ удостовѣреніе чего тутъ же и предъявилъ редакціонный билетъ съ припечатанною къ нему его собственною фотографіею.

— Бываютъ самозванцы, знаете ли!.. Такъ для огражденія публики!..—захихикалъ подлинный корреспондентъ и, не дожидаясь приглашенія, развязно разсѣлся какъ у себя дома.

„Взять его за шиворотъ, да выгнать! — энергически мелькнуло въ головѣ Арскова, но тутъ же явилась поправка:—Завтра же будетъ напечатано, что я спятилъ съ ума и что меня сажаютъ въ сумасшедшій домъ“.

Онъ, насколько могъ любезно, обратился къ репортеру съ вопросомъ: что̀ ему собственно было угодно?

Корреспондентъ желалъ получить нѣкоторыя автобіографическія свѣденія отъ Арскова. Въ виду интереса, возбужденнаго въ обществѣ его внезапнымъ отъѣздомъ, репортеръ намѣренъ былъ напечатать не только коротенькій отчетъ о происходящемъ у него въ квартирѣ блестящемъ аукціонѣ, но и обстоятельный докладъ о личномъ съ нимъ interview.

Держа совсѣмъ наготовѣ крошечную записную книжку, юркій господинъ съ ожиданіемъ уставился на Арскова.

— Что̀ же собственно вы отъ меня хотите?—съ тягостнымъ и искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ Арсковъ.

— Ну, полноте, вы понимаете, уважаемый Сергѣй Павло-

вить,—поощрительно и вмѣстѣ фамильярно затараторилъ репортеръ: — такъ, кое-что. Маленькія подробности изъ прошлаго... вкратцѣ... въ сжатомъ видѣ, самомъ сжатомъ... Остальное ужъ моя работа.

— Вкратцѣ?—тягостно вздохнулъ Арсковъ.—Вкратцѣ я могъ бы сказать о себѣ весьма немногое... Да и врядъ-ли это то, что вамъ нужно...

— Все, все принимаемъ съ благодарностью!—весело хихикалъ репортеръ.—Всякое сырье... Объ обработкѣ не безпокойтесь...

У Арскова явилась мысль злорадно подшутить надъ собирателемъ сенсаціонныхъ извѣстій: для этого ему только стоило быть искреннимъ.

— Вотъ вамъ вкратцѣ! — промолвилъ онъ однимъ духомъ, какъ будто всякую передышку считалъ бы уже нарушеніемъ принятой рѣшимости высказаться дѣйствительно кратко. — Въ такомъ-то городѣ, въ такой-то улицѣ родился крупный и здоровый ребенокъ... Все обѣщало ему долгую жизнь... Смолоду онъ былъ честенъ и отзывчивъ... Потомъ все, что онъ узналъ... все, что видѣлъ... все, чѣмъ жилъ—развратило его. Онъ пересталъ понимать, чего онъ собственно желаетъ, и желаетъ ли въ дѣйствительности чего-нибудь... Надо бѣжать, а куда?—онъ не знаетъ...

Начавшій-было слушать его со вниманіемъ репортеръ прыснулъ изо всей мочи и такъ и покатился отъ хохота на своемъ стулѣ.

— Ахъ, вы, шутникъ, Сергѣй Павловичъ, право, шутникъ!.. Уморили!.. Я и не зналъ за вами такого таланта...

Нѣсколько успокоившись, онъ проворно отмѣтилъ у себя въ книжкѣ: гдѣ именно родился Арсковъ, когда кончилъ курсъ, гдѣ служилъ, что строилъ, какія спеціальныя статьи печаталъ въ журналахъ...

Арсковъ, быстро и ловко допрашиваемый, самъ того не замѣчая, отвѣчалъ на всѣ его вопросы. Въ заключеніе корреспондентъ пожелалъ еще узнать авторитетное мнѣніе „нашего знаменитаго строителя“, т.-е. его же, Арскова, о вновь возведенномъ чудѣ строительнаго искусства—Эйфелевой башнѣ. По послѣдней телеграммѣ изъ Парижа, она была уже наканунѣ открытія.

— Что вы собственно хотите знать?—удивился Арсковъ.— Техническія подробности сооруженія—отнюдь не новость, не открытіе какое-нибудь... Эта затѣя грандіозна развѣ только благодаря своей дороговизнѣ и абсолютной безполезности.

Корреспондентъ понялъ, что Арсковъ, въ качествѣ знамени-

таго инженера, которому, однако, не пришла въ голову столь смѣлая и блестящая архитектурная идея, просто-на-просто завидуетъ своему прославленному заграничному собрату.

— Однако... высота изумительная, неслыханная!.. — поспѣшилъ восторгнуться онъ, чтобы хотя отчасти разсѣять пессимистическое настроеніе своего собесѣдника.

— Да, высота достаточная... чтобы броситься внизъ головой!—съ сдержанной улыбкою промолвилъ Арсковъ.

Репортеръ снова залился своимъ звонкимъ, галопирующимъ смѣхомъ.

— Вонъ вы какой!.. вонъ какой!..

Въ своей записной книжкѣ онъ тутъ же отмѣтилъ, что „господинъ Арсковъ", извѣстный знатокъ современнаго строительнаго искусства, въ общемъ восторженно отозвался о счастливой идеѣ своего французскаго собрата...

Ловко выполнивъ свою миссію, проворный человѣчекъ, запрятавъ въ боковой карманъ свою записную книжку, сталъ расшаркиваться.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ гостепріимной любезности Арскова.

Усердно откланиваясь, онъ пятился до тѣхъ поръ, пока не очутился наконецъ благополучно за порогомъ комнаты. Сіяющій и довольный, онъ кинулся въ переднія комнаты, гдѣ шелъ уже второй, едва-ли не самый оживленный день аукціона.

Арскову, между тѣмъ, все не давали покоя. Онъ какъ-то разомъ всѣмъ понадобился.

Утромъ же, благо настроеніе было дѣловитое и спѣшное, онъ не забылъ отослать письма и фотографіи Варягиной. Посыльный, вернувшійся съ объявленіемъ, что пакетъ доставленъ, никакого письменнаго отвѣта не принесъ; на словахъ доложилъ однако, что приказано „благодарить и кланяться".

Зато отъ Арденскаго, которому онъ переслалъ въ наслѣдіе цѣлую кипу неразобранныхъ дѣловыхъ бумагъ и писемъ, было получено длинное посланіе. Отвѣтъ былъ и игривъ, и любезенъ. Онъ, разумѣется, съ восторгомъ принималъ предложеніе заняться послѣ Арскова дѣлами и даже посылалъ ему за это свой дружескій, хотя „пока только воздушный поцѣлуй".

Онъ выражалъ также желаніе знать точно о днѣ его отъѣзда.

Оказывалось, что наканунѣ еще вся „товарищеская громада", —какъ живописно выражался въ своемъ письмѣ Арденскій,— единогласно порѣшила чествовать Арскова въ виду его отъѣзда. Готовился обѣдъ по подпискѣ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ. Онъ, Арденскій, въ качествѣ ближайшаго друга отъѣзжав-

шаго, и еще двое другихъ товарищей были избраны въ депутацію, которая сегодня же намѣревалась явиться съ почетнымъ приглашеніемъ.

Пользуясь исключительными правами дружбы, самъ Арденскій извинялся, обѣщался заѣхать попозднѣе, чтобы уже разомъ обо всемъ переговорить, но предупреждалъ о предстоящемъ визитѣ двухъ остальныхъ депутатовъ на то же утро. Онъ очень убѣждалъ Арскова принять ихъ полюбезнѣе и выражалъ опасенія, чтобы онъ, чего добраго, не вздумалъ окончательно оттолкнуть товарищей грубымъ отказомъ.

„Это новое дружное и вмѣстѣ въ высшей степени почетное для тебя проявленіе товарищескихъ симпатій,—заканчивалъ свое живое посланіе Арденскій, — да послужитъ живымъ укоромъ твоему озлобленному дикарству, которое рано или поздно, я въ томъ увѣренъ, безслѣдно соскочитъ съ тебя, и ты съ обновленною душою возвратишься въ кругъ близкихъ и симпатизирующихъ тебѣ людей“...

Арсковъ зналъ, что своимъ внезапнымъ уходомъ онъ порадуетъ не одного конкуррента и завистника; но онъ никакъ не предвидѣлъ, что съ нимъ станутъ такъ церемониться. Оффиціальное торжество, общественное выраженіе соболѣзнованія!.. Или все еще боятся: не вернулся бы, не раздумалъ!.. Тяжелый опытъ научилъ его не вѣрить въ безкорыстность товарищескихъ симпатій, вѣчно искушаемыхъ жестовою борьбою за преуспѣяніе. Конечно, и въ его средѣ были „хорошіе“ люди, даже навѣрное большинство было „хорошихъ“. Но развѣ современная терминологія къ чему-нибудь человѣка обязываетъ?.. Воспользовавшись минутой одиночества, Арсковъ, сидя у стола съ видомъ безнадежной усталости, подперъ голову руками и задумался.

XXVI.

Не прошло и десяти минутъ, какъ предупрежденіе Арденскаго сбылось. Прибыла депутація.

Семенъ взволнованно и нѣсколько растерянно, такъ какъ не зналъ, гдѣ слѣдовало теперь принимать „господъ“, дѣлающихъ визиты, подалъ двѣ карточки.

Пробѣжавъ фамиліи, Арсковъ невольно поморщился. Депутація показалась ему не изъ самыхъ пріятныхъ и даже не изъ почетныхъ. Явившіеся были моложе его по выпуску и оба съ репутаціею довольно проблематичною.

Одинъ былъ тотъ самый Жарковъ, незаслуженными удачами котораго еще наканунѣ дразнилъ его Арденскій; другой, хотя лично Арскову и менѣе непріятный, былъ слишкомъ молодъ и мало ему извѣстенъ. Кромѣ нѣсколько мудреной фамиліи Вѐлахъ, которая на его огромныхъ размѣровъ карточкѣ такъ и значилась съ обязательно-благозвучнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ, очень модныхъ и франтовскихъ костюмовъ, да еще славы мазуриста на благотворительныхъ балахъ, за этимъ молодымъ, хотя и очень юркимъ, а стало быть и подающимъ большія надежды дѣльцомъ—серьезныхъ профессіональныхъ заслугъ пока еще не было признано.

— Прикажете сюда просить?—спросилъ Семенъ, засматривая въ глаза Арскову.

— Конечно!.. Куда же больше!..

Арсковъ все утро принималъ въ этой неуютной, проходной, служившей имъ временно столовою, комнатѣ, въ которой были по крайней мѣрѣ необходимые стулья.

Дверь пріотворилась.

Показался прежде всего необыкновенно модный и необыкновенно блестящій цилиндръ, а вслѣдъ за нимъ выглянули и чрезвычайно острые и столь же чрезвычайно длинные носки лакированныхъ ботинокъ господина Вѐлаха.

По свойственной ему юркости, онъ былъ впереди. Его довольно красивое и до послѣдней степени модное (т.-е. именно такое, какъ и у всѣхъ прочихъ модныхъ молодыхъ людей) лицо дышало оживленіемъ и какимъ-то открытымъ и откровеннымъ самодовольствіемъ. Казалось, что онъ уже „побѣдилъ міръ“.

Арсковъ замѣтилъ, что у всѣхъ молодыхъ людей новѣйшей формаціи именно такое выраженіе въ лицѣ. Что-то въ родѣ горькой ироніи шевельнулось у него въ душѣ: эти, по крайней мѣрѣ, никогда не заглянутъ въ самихъ себя, никакія тяготы ихъ не одолѣютъ... „на всѣхъ парахъ и впередъ!“

Въ качествѣ „польщеннаго довѣріемъ“ товарищей, Вѐлахъ выступалъ необыкновенно горделиво. Не даромъ онъ самъ предложилъ свое избраніе, чтобы только имѣть поводъ явиться теперь къ Арскову, свѣтскимъ замашкамъ котораго онъ втайнѣ старался подражать,—какъ равный къ равному. Онъ даже принялъ на себя всѣ хлопотливыя заботы по устройству обѣда.

За нимъ гораздо болѣе солидно и сдержанно слѣдовалъ Жарковъ. На первый взглядъ это былъ довольно видный, хотя уже значительно облысѣвшій тридцати-пятилѣтній мужчина. По мѣрѣ своего приближенія онъ, однако, терялъ. У него была привычка

безпощадно потирать себѣ руки, какъ будто онѣ страдали злѣйшею чесоткой, и сопровождать это суетливое движеніе пріятельски-фамильярными короткими смѣшками. Его кругловатые, нѣсколько выпученные глаза при этомъ безпокойно бѣгали по полу, какъ мыши, затерявшія свою нору.

— Хе, хе, хе!—такъ и рѣзанули Арскова привѣтственные смѣшки Жаркова еще ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ промолвить слово.

На этотъ разъ смѣшки оказались только вступленіемъ. Непосредственно за нимъ послѣдовало отчасти торжественное, отчасти сердечное привѣтствіе, очевидно, заранѣе приготовленное. Какъ и слѣдовало ожидать, шла рѣчь о заслугахъ „дорогого товарища“ на избранномъ имъ поприщѣ. Имъ гордились товарищи. Очень тонко намекалось на то, что онъ вознагражденъ свыше мѣры, и если „пріобрѣлъ“, то поступаетъ предусмотрительно и благородно, очищая мѣсто другимъ, пришедшимъ позже на трапезу или, такъ сказать, на этотъ жизненный пиръ...

Спичъ Жаркова не отличался ни краснорѣчіемъ, ни теплотою; это не помѣшало, однакоже, Арскову быть съ нимъ любезнымъ. Онъ, какъ нарочно, припомнилъ намеки Арденскаго, и ему непріятно было бы даже мысленно признать, что онъ враждебно настроенъ противъ Жаркова. Онъ дружески потрясъ ему руку, благодарилъ и даже позаботился о томъ, чтобы усадить его возможно удобнѣе...

— Хе, хе, хе!—посыпалъ опять смѣшками Жарковъ, какъ только благополучно выполнилъ свою миссію, и его глаза, которыми онъ никогда не глядѣлъ прямо на своего собесѣдника, опять проворно забѣгали по полу.

Гораздо болѣе милъ въ своей импровизаціи оказался Вѣлахъ.

Онъ даже счелъ нужнымъ полѣзть облобызаться съ Арсковымъ, передавая ему приглашеніе на товарищескій обѣдъ. Потомъ онъ весело и болтливо сообщилъ, что обѣдъ назначенъ на послѣзавтра, что меню уже отпечатано, а о предстоящемъ торжествѣ оповѣщено даже и въ газетахъ... Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ тутъ же извлекъ изъ бокового кармана свой щегольской бумажникъ и высыпалъ изъ него вырѣзки разныхъ газетъ и образецъ обѣденной карты. Въ газетныхъ сообщеніяхъ значилось, что именно онъ, Вѣлахъ, распорядитель обѣда и что торжество готовится дружное и сердечное. Бѣгло перечислялись при этомъ и профессіональныя заслуги Арскова. Виньеткой на обѣденной картѣ служило изображеніе Эйфелевой башни, о которой только-что успѣли прокричать. Какъ бы предугадывая недоумѣвающій вопросъ Арскова, Вѣлахъ заторопился.

— Это моя идея!.. Согласитесь, кстати? Послѣднимъ словомъ инженернаго строительнаго дѣла мы всѣ въ правѣ гордиться... Наверху изображенъ флагъ, на немъ вырѣзана „слава"... Это аллегорія!.. Ваша извѣстность такъ же высоко возносится... и мы, какъ желѣзная башня, дружно и легко ее поддерживаемъ.

Вѣлахъ былъ оживленъ, его глаза блистали даже вдохновеніемъ.

Арсковъ весь съёжился. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто ему снится, и снится нелѣпость: что его хотятъ зарѣзать тупымъ ножомъ. Онъ сдѣлалъ усиліе и, какъ бы вытягиваясь и расправляясь отъ кошмара, наконецъ вымолвилъ:

— Я, господа, очень благодарю... Но я долженъ отказаться. Я не могу, рѣшительно не могу!

Слова Арскова вызвали цѣлую бурю недоумѣній, упрековъ и возраженій.

Депутаты были взволнованы, потрясены и обижены.

— Хе, хе, хе!—усиленно потирая руки, отчеканивалъ Жарковъ.—Признаюсь, я это предсказывалъ... предсказывалъ!.. Плевокъ цѣлому товарищескому обществу!.. Публичная благодарность! Одинъ могъ бы стрѣляться... но какъ стрѣляться всѣмъ?.. Это тяжкое оскорбленіе, тяжкое!..

Вѣлахъ, втайнѣ не терявшій, повидимому, надежды уговорить Арскова, повелъ рѣчь нѣсколько дипломатичнѣе.

— Нѣтъ, это невозможно, Сергѣй Павловичъ, просто невозможно!.. Подписка закончена, обѣдъ заказанъ... приглашена даже музыка—хоръ пожарной команды... Вѣдь это выйдетъ общественная каррикатура какая-то! Газеты на-смѣхъ поднимутъ... Какъ же намъ безъ васъ обѣдать!.. да еще съ музыкой!?

Арсковъ понялъ, что безъ него обѣдать, да притомъ еще „съ музыкой", будетъ дѣйствительно смѣшно. Онъ даже улыбнулся. Ему раньше совсѣмъ не приходило въ голову, что его отказъ, вызванный вполнѣ искреннимъ намѣреніемъ устраниться отъ этихъ жалкихъ пародій на общественное чествованіе, которыя онъ считалъ вообще фальшивыми и неискренними, создастъ столько затрудненій.

Богъ вѣсть, какъ бы разрѣшилось это внезапно созданное отказомъ Аркова замѣшательство, еслибы какъ разъ во-время не подоспѣлъ Арденскій. Онъ разомъ угадалъ, въ чемъ дѣло. Тутъ же онъ порѣшилъ не щадить на этотъ разъ усилій и вывести „друга", хотя бы противъ его воли, изъ того убійственнаго положенія, въ которое онъ самъ себя необдуманно поставилъ.

— Господа... господа!—вмѣшался онъ своимъ пѣвучимъ носовымъ голосомъ:—да развѣ вы не видите, съ кѣмъ имѣете дѣло? Онъ, какъ медвѣдь, переживаетъ свою временную спячку, сосетъ свою собственную лапу...

Затѣмъ, уже обращаясь къ Арскову, онъ прибавилъ:

— Ты, дружище, дѣлаешь надъ собой опасные опыты!.. Ты самъ привилъ себѣ и поддерживаешь развитіе очень вреднаго микроба...

— Микроба?!—засмѣялся Вѣлахъ, желая съ своей стороны чѣмъ-нибудь содѣйствовать разсѣянію нелѣпаго настроенія, вызваннаго отказомъ Арскова.

— Ну, разумѣется,—микроба!.. Я бы назвалъ его микробомъ *самоотрицанія*. Да встряхнись ты, дружище, полно!—снова обратился онъ къ Арскову и даже дружески положилъ ему руку на плечо.—Нечего намъ спѣшить съ работой, которая предстоитъ могильнымъ червямъ; они и безъ насъ сдѣлаютъ свое дѣло...

— Онъ, господа, беретъ свои слова назадъ!—помолчавъ секунду, вновь рѣшительно заговорилъ Арденскій.—Я за него извиняюсь и ручаюсь, что доставлю его на наше товарищеское пиршество... Еще кàкъ вспрыснемъ его отъѣздъ,—стариной тряхнемъ!..

Арсковъ не возражалъ.

Властное вмѣшательство Арденскаго даже облегчило его. Разъ его отказъ принималъ характеръ какого-то высокомѣрнаго протеста,—чего, казалось ему, у него даже и въ мысляхъ не было,—онъ былъ готовъ отступиться отъ него. Да и вообще все, чтò происходило теперь вокругъ него, какъ-то удивительно мало интересовало и трогало его. Все казалось только жалкою комедіею, въ которую нѣтъ охоты вставить даже банальной реплики. И теперь онъ ничего не отвѣтилъ, хотя своимъ молчаніемъ и давалъ понять, что онъ добровольно подчиняется рѣшенію „друга“.

Вѣлахъ, а вслѣдъ за нимъ даже и Жарковъ нѣсколько оживились. Дѣло было, очевидно, улажено. Выдержанный до конца отказъ вызвалъ бы и въ самомъ дѣлѣ слишкомъ шумный скандалъ.

Испробовавъ вслѣдъ затѣмъ нѣсколько общихъ темъ для разговоровъ, Жарковъ и Вѣлахъ удалились. Остался одинъ Арденскій. Онъ долго и много журилъ Арскова. Этотъ какъ-то особенно покорно и сосредоточенно выслушивалъ сегодня его дружескія наставленія.

XXVII.

Въ три дня аукціонъ былъ конченъ. Гуськинъ, сведя счеты, доставилъ Арскову въ пакетѣ значительную сумму денегъ и очень благодарилъ его за то, что тотъ „далъ нажить“ ему. Такого ходкаго и бойкаго аукціона, по его словамъ, давно уже въ Петербургѣ не бывало.

Уплативъ кое-какіе случайные долги, которыхъ все-же набралось нѣсколько тысячъ, Арсковъ всѣ остальныя деньги, которыхъ осталось значительно болѣе, передалъ женѣ. Онъ просилъ ее „приберечь“ это.

Ранѣе она никогда не касалась его денежныхъ дѣлъ, и ее очень удивило, что онъ дѣлаетъ ее своимъ кассиромъ. Каково было состояніе мужа и было ли оно у него—она не интересовалась и ничего объ этомъ не знала.

Въ нѣсколько пріемовъ поговорили они о томъ, чтобы назначить день отъѣзда, но такъ ни на чемъ и не порѣшили. Арскова безпрестанно задерживали. Онъ было-предложилъ, чтобы, взявъ Лиду, она выѣхала впередъ, но она предпочитала ждать его „сколько угодно“, лишь бы не оставлять его одного среди неудобствъ опустошенной квартиры. Да и въ деревню пока еще нечего было спѣшить,—весна еще не установилась.

О предстоящей ему жизни въ деревнѣ Арсковъ заговаривалъ неохотно. Послѣ ночного объясненія, стоившаго ей столько усилій и слезъ, Вѣра Димитріевна, въ свою очередь, уже не считала возможнымъ опять поднимать этотъ вопросъ...

„Тамъ видно будетъ, и все выяснится!“—рѣшала она про себя, хотя иногда чувство какой-то тайной тревоги нѣтъ-нѣтъ и поднималось у нея въ душѣ. Ей хотѣлось, чтобы уже поскорѣе дѣло сдѣлалось и новая жизнь началась.

О томъ, что передъ отъѣздомъ ему предстоитъ еще принять участіе въ товарищескомъ обѣдѣ, Арсковъ какъ-то совсѣмъ забылъ сказать женѣ. Его самого это мало интересовало.

Что обѣдъ этотъ былъ назначенъ именно на сегодня, онъ самъ вспомнилъ только тогда, когда увидѣлъ пріѣхавшаго за нимъ Арденскаго.

— Куда же ты? Сейчасъ подаютъ супъ...—завидѣвъ Арденскаго, съ нѣкоторою тревогою спросила жена.

Арсковъ объяснилъ ей.

— Мы не знали, согласились ли бы и вы раздѣлить нашу скромную трапезу,—обратился къ ней съ любезною усмѣшкою Арденскій:—иначе мы бы, конечно, устроили парадный обѣдъ съ дамами... Теперь у насъ только товарищеская пирушка!..

Вѣра Димитріевна, никогда не скрывавшая своей антипатіи къ Арденскому, холодно отвѣчала:

— Благодарю! Я обѣдаю всегда дома, съ Лидой...

— Ты поздно вернешься?—обратилась она съ вопросомъ къ мужу.

— Ужъ не взыщите!.. Рано мы вамъ его не отпустимъ,—отвѣчалъ за него Арденскій. — Для него теперь начинается новая, полная тихихъ прелестей, семейная жизнь... Надо же справить мальчишникъ!..

Арсковъ на прощаніе дружески пожалъ руку женѣ. На ходу уже онъ вдругъ вспомнилъ, что день отъѣзда такъ и не назначенъ, и тотчасъ же вернулся.

— Мы ѣдемъ завтра же, съ вечернимъ, по варшавской... Это рѣшено! Ты успѣешь?..

Оказалось, что завтра „пятница", и отъѣздъ былъ назначенъ на слѣдующій день—въ „субботу".

У подъѣзда Арденскаго ждала извозчичья карета. На дворѣ было пасмурно и мокро.

— Я словно шаферъ за невѣстой!.. Недостаетъ тебѣ только газоваго вуаля и fleurs d'oranges!—пошутилъ Арденскій, пропуская впередъ Арскова.

Пріятели усѣлись. Долгое время они ѣхали молча. Оба чувствовали, что имъ рѣшительно нечего сказать другъ другу.

Уже миновавъ Милліонную, Арденскій вдругъ спохватился.

— А знаешь ли, каналья Жарковъ таки-разболталъ!.. Онъ старался всѣхъ увѣрить, что ты намѣренно ломался и куражился. Вчера едва все не разстроилось. Хотѣли отмѣнять обѣдъ!.. Однако я уломалъ. Не знаю, всѣ ли соберутся. Могутъ намѣренно разрѣдить списокъ, чтобы только проучить тебя!..

Арсковъ молчалъ. Ему почему-то сейчасъ же представилась огромная, пустынная квартира и въ ней жена съ Лидою, вдвоемъ. Онъ былъ бы не прочь тутъ же вернуться къ нимъ.

Карета между тѣмъ уже пересѣкала широкій Пѣвческій мостъ и вкатывалась въ узкій дворъ моднаго ресторана.

— Bonjour, monsieur Arskoff! Vous allez donc bien, n'est-ce pas? —привѣтствовалъ Арскова, едва онъ вошелъ въ подъѣздъ, французъ-ресторагоръ, красивый и яркій брюнетъ, одѣтый поваромъ, въ бѣлую куртку и кухонный колпакъ,—совсѣмъ „какъ муха въ молокѣ".

На верхней площадкѣ, съ подвитыми волосами и съ яркой розеткой въ петлицѣ, поджидалъ Арскова Вѐлахъ.

Еще въ прихожей той отдѣльной половины ресторана, гдѣ давался обѣдъ и куда привелъ его Арденскій, Арсковъ могъ убѣдиться, что опасенія друга о томъ, что обѣдъ, пожалуй, не состоится, были напрасны. Всѣ вѣшалки были уже завалены верхнимъ платьемъ, а участники обѣда все еще прибывали.

Арсковъ гдѣ-то глубоко какъ бы почувствовалъ успокоеніе. Когда онъ еще только поднимался по лѣстницѣ, волоча на себѣ шинель, имъ овладѣвало что-то похожее на волненіе. Ему даже пришло на мысль, что онъ долженъ быть очень блѣденъ...

Крѣпко и фамильярно ухвативъ Арскова подъ-руку, Вѐлахъ стремительно ввелъ его въ первую отъ входа бархатную гостиную, оттуда въ слѣдующую ярко-освѣщенную комнату, гдѣ была накрыта закуска.

Арскова разомъ обдало тепломъ, свѣтомъ и радушіемъ.

Едва его завидѣли—раздались дружные аплодисменты. Скрытый гдѣ-то въ отдаленіи хоръ музыки заигралъ привѣтственный маршъ. Потомъ всѣ въ кучу столпились вокругъ него.

Арденскій не покидалъ его и какъ будто зàново знакомилъ съ товарищами. Арсковъ дружески жалъ руки, вглядывался въ лица, какъ бы желая угадать, чѣмъ именно онъ всѣмъ имъ такъ пріятенъ... Къ нему подскочилъ Вѐлахъ и увлекъ его въ сторону. Поодаль оказалась цѣлая группа, которую въ разсѣянности чуть-было не миновалъ Арсковъ. Это все были почетные старѣйшины, отдыхавшіе на лаврахъ дѣльцы той самой профессіи, къ которой принадлежалъ и Арсковъ. Среди нихъ онъ узналъ и многихъ изъ бывшихъ своихъ профессоровъ.

Съ неподдѣльною радостью кинулся онъ къ одному изъ нихъ, всегда живому и всегда оригинальному шестидесятилѣтнему крѣпышу, съ четырехугольною, стриженой, сѣдоватой головой.

Въ шестидесятыхъ годахъ, даже въ концѣ ихъ, когда уже началъ слушать лекціи Арсковъ, студенты бредили имъ. И среди лекцій по высшей математикѣ онъ умудрялся отъ времени до времени будить въ нихъ гуманныя стремленія, призывать ихъ къ скромному и безкорыстному труду... Видно уже вѣянія времени

были тогда всесильны! Арсковъ долго и крѣпко жалъ въ своихъ рукахъ жилистую, узловатую руку бывшаго профессора...

Лѣтъ около двадцати онъ уже не профессорствовалъ болѣе и даже круто свернулъ въ сторону, пролагая себѣ совершенно иную, болѣе прибыльную и видную карьеру, но Арсковъ объ этомъ даже и не подумалъ. Онъ какъ сейчасъ слышалъ его нервную, отрывистую рѣчь и слезы, дрожавшія въ его голосѣ, когда въ послѣдней передъ выпускомъ лекціи онъ напутствовалъ ихъ въ „новую“, „трудную“ жизнь... Были на-лицо и нѣкоторые изъ бывшихъ его начальниковъ того времени, когда Арсковъ занималъ еще очень скромное мѣсто на государственной службѣ. Теперь эти господа были уже „особы“ заслуженныя и съ большими отличіями. Они также почему-то пожелали почтить своимъ вниманіемъ бывшаго сослуживца, который впослѣдствіи такъ выдался.

— Ого! — успѣлъ Арденскій дружески шепнуть Арскову.— Тебя можно поздравить. Говоря актерскимъ жаргономъ, ты сдѣлалъ *полный* сборъ! Пойди, угадывай людей!..— скривилъ Арденскій ротъ въ саркастическую улыбку.—Твой мнимый отказъ только раздулъ ихъ любопытство... „Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью“!—засмѣялся онъ рѣзкимъ и непріятнымъ смѣхомъ.

— Господа, къ закускѣ!.. къ закускѣ!.. — раздалось разомъ нѣсколько оживленныхъ возгласовъ, и между ними, какъ звукъ іерихонской трубы, покрывая всѣ другіе голоса, прокатился зычный голосъ бородатаго малаго съ плечами въ косую сажень, нѣкоего Брагина, который первый же и устремился къ водкѣ.

— Ай да Брагинъ! молодецъ Брагинъ!.. Никогда не сорвется на высокой нотѣ!..—послышались отовсюду добродушныя, поощрительныя замѣчанія.

Брагинъ, обладавшій неизсякаемыми голосовыми рессурсами, на товарищескихъ собраніяхъ и пирушкахъ обыкновенно весьма охотно бралъ на себя обязанности глашатая и герольда. Онъ провозглашалъ тосты, выкликалъ фамиліи, водворялъ тишину.

Къ концу товарищескихъ пирушекъ онъ такъ же охотно варилъ жжонку и еще охотнѣе разсказывалъ сальные анекдоты.

— Закусить... пожалуйста, пожалуйста!—провожалъ Вѣлахъ къ столу самыхъ почетныхъ гостей и въ числѣ первыхъ Арскова.

Длинный, большой столъ, освѣщенный множествомъ канделябръ, вмѣщалъ въ себѣ по части „выпивки“ и „закуски“ все, что только могъ пожелать самый прихотливый и изысканный вкусъ.

Водки были разнообразныя, даже всевозможныя. Наливки, настойки, разные эссенціи и бальзамы шли имъ лишь въ подкрѣпленіе.

Граненые графины и графинчики, кувшины, плетенки и бутылки большія, малыя и среднія, то пузатенькія, то пирамидальныя, то съ длинными горлышками, то съ короткими, всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, такъ и кидались въ глаза, отливая при свѣтѣ огней всѣми цвѣтами радуги.

При ближайшемъ изслѣдованіи и относительно закусокъ также невозможно было ничего возразить. Все, начиная со свѣжей икры и омаровъ и даже кончая таявшей во рту селедкой и всевозможными сырами, было безукоризненно свѣжо и въ должномъ разнообразіи. Такъ называемая горячая закуска, особо приготовленная и поданная на пыхтѣвшихъ еще отъ жара сковородкахъ, имѣла уже настоящій успѣхъ. Здѣсь былъ, во-первыхъ, форшмакъ такой, что Брагинъ, отваливъ себѣ на тарелку половину сковородки, не отсталъ отъ нея до тѣхъ поръ, пока не перепробовалъ всѣхъ сортовъ водокъ. Во-вторыхъ, были колбасики, зажаренные въ капустѣ, слегка треснувшія отъ жара и запекшіяся въ своемъ собственномъ соку. Потомъ шли необыкновенно хитро запеченные въ особыхъ раковинахъ грибки бѣлые и въ маслѣ. Затѣмъ и еще... Но всего не перечтешь!

Арсковъ давно уже не ѣдалъ такъ изысканно, переставъ посѣщать рестораны въ послѣднюю зиму. Отъ одного вида, какъ вкусно и охотно ѣдятъ кругомъ, у него разыгрался аппетитъ. Онъ то-и-дѣло накладывалъ себѣ на тарелочку то свѣжей икры, то кулебяки, то хрустѣвшихъ на зубахъ колбасиковъ. Отъ времени до времени кто-то чокался съ нимъ, предупредительно наливая ему водки въ чужія недопитыя рюмки. Онъ, не брезгая, выпивалъ ихъ. На такихъ дружныхъ товарищескихъ трапезахъ какъ-то обязательно чувствуешь себя непринужденно.

Долго еще свѣжему человѣку было бы совершенно невозможно протолкаться къ закусочному столу. Отъ него какъ-то не хотѣли отстать. Всѣ топтались какъ бы на одномъ мѣстѣ, однакоже преисправно обходили его кругомъ, добирались до самыхъ отдаленныхъ закусокъ и вновь оставались на занятыхъ позиціяхъ. Словно порѣшили, что взять его возможно только изморомъ.

Наконецъ, когда на столѣ уже ничего не осталось, кромѣ перепачканныхъ и недопитыхъ рюмокъ, обглоданныхъ селедокъ, опорожненныхъ коробокъ отъ сардинъ и анчоусовъ, да еще нетронутыхъ жесткихъ колбасъ и безконечныхъ сыровъ, — начали мало-по-малу отставать. Всѣ ждали,—и дѣйствительно такъ и случилось,—чтобы въ видѣ финальнаго аккорда раздался вновь зычный выкликъ Брагина.

— Господа!—прогремѣлъ онъ, и всѣ моментально, насторо-

жившись для смѣха, смолкли.—Закуска заслужила единогласную апробацію!—онъ выдержалъ необходимую паузу, отеръ салфеткою свою вымазанную во время ѣды бороду, чѣмъ только усилилъ эффектъ, и затѣмъ уже съ усиленно торжественнымъ видомъ отрѣзалъ:—Полагалъ бы, честь честью: благодарить Бинона!

Кто-то захлопалъ въ ладоши, остальные захохотали.

Въ дверяхъ въ ту же секунду показалась сіяющая физіономія ресторатора-француза. Выглядывая изъ-за приподнятой портьеры и приподнявъ высоко надъ своей головой бѣлый кухонный колпакъ, онъ улыбался и кланялся.

Вѣлахъ, хлопотавшій въ эту минуту въ обѣденномъ залѣ, заслышавъ оживленіе и аплодисменты, поспѣшилъ вынырнуть. Вообразивъ, что благодарятъ его, какъ распорядителя, онъ тоже сталъ кланяться изъ другой двери.

Брагинъ тотчасъ же „по-товарищески“ поспѣшилъ ему на выручку. На этотъ разъ онъ пустилъ уже всю свою мощную октаву.

— Распорядителя!.. Вѣлаха!.. благодаримъ Вѣлаха!

Всѣ неудержимо захохотали и дружно стали аплодировать.

XXVIII.

Въ довольно обширной, но узковатой и съ низкимъ потолкомъ залѣ, расцвѣченной лѣпною позолотою и щедро освѣщенной монументальными канделябрами и стѣнными бра, былъ накрытъ, по установившемуся едва-ли не съ библейскихъ временъ обычаю, обѣденный столъ въ видѣ традиціонной буквы П.

Это давало возможность создать „центръ“ изъ наиболѣе почетныхъ гостей, и Вѣлахъ не мало усердствовалъ, налаживая заранѣе надуманный имъ порядокъ. На эти мѣста попали лица преклоннаго возраста и высокаго положенія, съ бывшимъ профессоромъ во главѣ.

Арскова умѣстили какъ разъ напротивъ, также въ центрѣ, какъ виновника торжества. Сосѣдями его оказались по правую руку Жарковъ, по лѣвую Арденскій.

Когда разсѣлись, Арскову представилась возможность окинуть взоромъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ. Его пріятно поразила элегантная и чинная торжественность собравшихся. Всѣ слишкомъ хорошо знакомыя, примелькавшіяся лица и фигуры показались ему вдругъ и интересными, и значительными.

Ему особенно было пріятно, что собралось много молодежи

недавнихъ выпусковъ. Всюду, гдѣ представлялась къ тому возможность, эта зеленая юность выражала Арскову неизмѣнно свое восторженное и преданное расположеніе. Онъ зналъ, что пользуется ея симпатіями.

Засѣдавшая по краямъ столовъ, значительно отодвинутая отъ болѣе почетныхъ гостей, эта молодежь, тѣмъ не менѣе, имѣла самый парадный и привлекательный видъ. Здѣсь не было ни старческихъ морщинъ, ни угнетенныхъ предвзятымъ выраженіемъ физіономій, ни наконецъ безнадежныхъ сплошныхъ лысинъ, блестѣвшихъ въ иныхъ мѣстахъ совершенно зеркальнымъ блескомъ.

Былъ поданъ жидковатый и едва теплый супъ, сопровождаемый огромнымъ ассортиментомъ крохотныхъ пирожковъ. Въ немъ едва омочили ложки.

Потомъ стали смѣняться блюда, и послѣ каждаго слуги-татары лили то то, то другое вино въ хрусталь различнаго цвѣта и формы.

Съ самаго начала обѣда и вплоть до конца хоръ наемныхъ трубачей, скрытый гдѣ-то въ концѣ корридора, разыгрывалъ чувствительныя мелодіи.

Самый обѣдъ, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ на подобныхъ торжествахъ, вплоть до жаренаго, т.-е. до начала тостовъ, тянулся вяло и монотонно.

Даже настоящаго аппетита уже не было,—онъ совершенно обезсилѣлъ на закускѣ.

Опытный ресторагоръ, всегда принимавшій это въ разсчетъ, видимо не слишкомъ заботился о сплошной тонкости и изысканности безконечнаго числа блюдъ. Для утѣшенія гурмановъ выдались, впрочемъ, и удачныя вещи: гатчинская форель и спаржа. Все остальное, хотя и носило на обѣденной картѣ очень звучныя и замысловатыя названія, прошло безъ малѣйшаго успѣха.

Арденскій, который любилъ много и хорошо поѣсть, не удержался отъ восклицанія.

— Содралъ каналья по двадцати пяти... а ѣсть нечего!

Арскову пришло на мысль при этомъ, что, въ качествѣ приглашеннаго, онъ ничего не платитъ, а, стало быть, и претендовать не въ правѣ.

Вино зато было въ изобиліи и отличнаго качества. Объ этомъ Вѐлахъ особенно позаботился. Арденскій и самъ пилъ, и усердно подливалъ Арскову.

Разговоры, особенно въ началѣ обѣда, велись отрывочно и не во весь голосъ. Говорилъ больше сосѣдъ съ сосѣдомъ. Только подъ вліяніемъ прекраснаго икема, поданнаго вслѣдъ за зеленью,

послѣ того, какъ были уже выпиты хересъ, мадера, лафитъ, понтеване и даже рейнвейнъ, языки развязались и отовсюду заговорили гулко и разомъ. Почувствовалось, наконецъ, настоящее и непринужденное оживленіе.

Стали разносить жаркое.

Арсковъ разсѣянно взглянулъ на бронзовые часы, стоявшіе какъ разъ противъ него на каминѣ изъ краснаго гранита. На обѣдъ ушло болѣе двухъ часовъ, они сѣли ровно въ шесть. Воздухъ въ комнатѣ успѣлъ уже накалиться и впитать въ себя какую-то опьяняющую пряность. Лица понемногу краснѣли, оживлялись, глаза загорались выразительнымъ блескомъ. Со всѣхъ сторонъ гремѣли голоса, слышались оживленные споры, возгласы и смѣхъ. Гдѣ-то въ сторонѣ голосъ Брагина гудѣлъ уже неумолчно.

Арденскій, слегка поблѣднѣвшій и съ какимъ-то упорно установившимся блескомъ во взглядѣ, наклонясь къ Арскову, сталъ ему шептать.

— Сейчасъ начнутся тосты. Брагинъ, конечно, не упустилъ своей очереди... Вотъ уже истинно факельщикъ, обязательный на всѣхъ церемоніяхъ!.. Но я потомъ скажу. Будетъ говорить также Кальвановъ,—Арденскій назвалъ фамилію профессора,—онъ предупредилъ. Скажутъ и еще кое-кто... по крайней мѣрѣ собирались. Ты намъ отвѣть!

Арсковъ не успѣлъ ничего возразить другу, такъ какъ съ внутренняго праваго угла стола, гдѣ засѣдалъ Брагинъ, уже настойчиво раздавался звонъ стекла.

Скоро большинство обѣдавшихъ принялось весело и въ тактъ постукивать по бокаламъ.

Неизвѣстно откуда вынырнувшій Вѣлахъ, какъ вьюнъ, мелькнулъ по залѣ въ своемъ черномъ развѣвающемся фракѣ и очутился за спиною Арскова съ полнымъ бокаломъ въ рукахъ.

— Вотъ вамъ готовый бокалъ, Сергѣй Павловичъ!.. Начинаются тосты.

Въ это время Брагинъ уже поднялся во весь свой богатырскій ростъ и, держа бокалъ въ одной рукѣ, другою, бѣлою и пухлою, принялся утюжить свою бороду.

Арденскій совсѣмъ придвинулся къ Арскову и настойчивѣе прежняго зашепталъ ему въ ухо.

— А нашъ протодіаконъ, кажется, уже... готовъ... угобзился!.. Вмѣсто тоста, чего добраго, издастъ только неприличный звукъ. Погляди, пожалуйста, что за противная пухлая, бѣлая рука... совершенно поповская!.. Ему бы молебны только служить.

— Тссъ, тссъ! Слушать! Брагинъ!.. говоритъ Брагинъ! —послышались отовсюду дружныя и энергичныя восклицанія.

— Господа!—не совсѣмъ свободнымъ языкомъ началъ Брагинъ.—Господа!—повторилъ онъ еще разъ и, почувствовавъ себя увѣреннѣе, продолжалъ.—Я поднимаю бокалъ... провозглашаю тостъ... пью здоровье нашего отъѣзжающаго въ путь-дорогу товарища, Сергѣя Павловича Арскова. По рускому обычаю отъ всего сердца бьемъ ему челомъ на доброе здоровье: „ура!"

Музыка грянула тушъ: одинъ, два и до трехъ разъ, пока раздавались привѣтственные клики.

Задвигались стулья.

— Нечего сказать... много сказалъ!—успѣлъ-таки шепнуть Арденскій.

Стали чокаться. Всѣ потянулись съ бокалами къ виновнику торжества.

Брагинъ, расплескивая шампанское, полѣзъ цѣловаться съ Арсковымъ, при чемъ немилосердно вымазалъ ему лицо своею мокрою бородой.

Вѣлахъ, стоявшій все время подлѣ, также расцѣловался съ нимъ.

Его примѣру послѣдовали нѣкоторые другіе. Даже Жарковъ, хихикая и корежась, заключилъ Арскова въ свои объятія.

Незамѣтно для него самого, на Арскова стало надвигаться какое-то странно-умиленное настроеніе. Что-то безконечно отзывчивое, почти доброе стало расцвѣтать въ его душѣ.

— Я бывалъ несправедливъ къ нимъ... ко всѣмъ! Право! Они хорошіе ребята!—и онъ усиленно потрясалъ руки, охотно отвѣчалъ на всѣ объятія.

Во время этихъ дружескихъ изліяній кто-то пустилъ слухъ, что сейчасъ станетъ говорить Кальвановъ. „Профессоръ, профессоръ!"—прошелъ шопотъ.

Кальвановъ дѣйствительно никогда не упускалъ случая говорить публично. И на этотъ разъ у него уже была въ карманѣ заготовленная рѣчь. По своему обыкновенію онъ даже вытвердилъ ее наизусть. На протяженіи всего длиннаго обѣда, сохраняя разсѣянно-мечтательный видъ, онъ не переставалъ все время думать только о ней.

Уже всѣ взоры были устремлены на Кальванова, и онъ самъ ждалъ, повидимому, только сигнала, чтобы подняться. Но какъ разъ въ эту минуту, съ совершенно противоположнаго края стола, гдѣ засѣдала исключительно молодежь, успѣвшая къ концу обѣда порядочно-таки расшумѣться, раздался отчаянный звукъ стекла,

призывавшій ко вниманію, и потомъ, неожиданно для всѣхъ, послышался чей-то крикливый, молодой, напряженный и взволнованный голосъ.

Всѣ смолкли и съ необычайнымъ любопытствомъ устремили взоры на поднявшагося съ своего мѣста оратора, возбужденнаго и блѣднаго молодого человѣка.

Вѣлахъ кинулся-было къ нему, находя, что очередь его еще не наступила, но было уже поздно. Юный ораторъ настойчиво требовалъ слова.

Арсковъ, съ невольною симпатіей и едва удерживаясь отъ благодушной улыбки, уставился на красивое, одухотворенное какимъ-то тайнымъ восторгомъ, блѣдное лицо молодого человѣка, окаймленное едва пробившеюся мягкою растительностью.

— Не мѣшайте, пусть говоритъ! Что за чины!.. Пусть говоритъ, кто хочетъ!—раздались веселые оклики, разомъ остановившіе стремительность Вѣлаха. Всѣ были заинтересованы.

Наступило молчаніе.

Молчаніе въ такой мѣрѣ полное и неожиданное, что молодой человѣкъ, неудержимо рвавшійся говорить, первый же самъ и смутился. Тягостно было видѣть, какъ напряженно бились артеріи на его вискахъ, какъ росинки пота выступали на его верхней губѣ... Онъ заговорилъ съ такою безумною стремительностью и такъ невнятно, что его едва можно было понять.

Раздавались на всю залу только отдѣльныя слова и восклицанія: „Живой протестъ всѣмъ нашимъ карьеристамъ и лицемѣрамъ! Переживаемъ позорное время!.. Подлое время! Каждый долженъ стыдиться самого себя и всѣхъ окружающихъ!.. Надо бѣжать тѣмъ, кто не утратилъ еще послѣднихъ живыхъ инстинктовъ!.. Лучшіе, благороднѣйшіе—это чувствуютъ... Жизнь обманула!.. Такъ жить нельзя!“ Молодой ораторъ едва не разрыдался, не зная, къ чему свести и на чемъ закончить свою рѣчь. Почти задыхающимся голосомъ, готовый брызнуть слезами, онъ, наконецъ, такъ же неожиданно, кажется, для себя самого, какъ и для всѣхъ окружающихъ, провозгласилъ тостъ „за честнѣйшаго“, по его мнѣнію, изъ всѣхъ бывшихъ здѣсь на-лицо, за глубоко ему, оратору, симпатичнаго Арскова.

Поднялся невообразимый гвалтъ. Большинство брезгливо и раздраженно запротестовало противъ „нелѣпой“ и „безтактной“ выходки необузданнаго оратора. Самъ Арсковъ не зналъ, какъ принять подобный тостъ. Лишь незначительная группа молодежи, силясь дѣлать какъ можно больше шума своими жидкими и неувѣренными голосами, подхватила Арскова на руки и приняла „на ура“.

Хоръ музыкантовъ, замедлившій нѣсколько, заслышавъ продолжительные крики, грянулъ наконецъ обычный тушъ, чѣмъ нѣсколько и поддержалъ импровизированную овацію.

Вѐлахъ и Брагинъ во все время, пока держалъ рѣчь молодой человѣкъ, безпокойно метались отъ одной двери къ другой и высылали прислугу.

Когда Арсковъ, порядочно помятый и взъерошенный, очутился наконецъ вновь на твердой землѣ, Арденскій поддразнилъ его.

— Ну-съ, „честнѣйшій"!.. „Есть рѣчи—значенье темно иль ничтожно, но имъ безъ волненья внимать невозможно"... Не такъ ли?!

Въ это время съ нашумѣвшимъ молодымъ человѣкомъ уже приключилось что-то въ родѣ истерики. Его увели сначала въ другую комнату, гдѣ долго отпаивали, а потомъ и вовсе увезли домой.

XXIX.

Когда мало-по-малу всѣ успокоились и принялись за сладкое, пошелъ говоръ, что Кальвановъ обидѣлся и говорить не намѣренъ. Онъ дѣйствительно сидѣлъ нахохлившись, бросая по сторонамъ изъ-подъ своихъ густыхъ, нависшихъ бровей короткіе, недоброжелательные взгляды.

— Однако, что́ же собственно его разобидѣло?—спрашивали нѣкоторые.

— Какъ что́?.. Ему помѣшали!.. Этого довольно!.. Какой-то выскочка перебилъ его... Теперь, если его не упросить, онъ рта не разожметъ!

Порѣшили просить Кальванова, чтобы онъ сложилъ гнѣвъ на милость. Безъ его авторитетнаго „слова" чувствовался рѣшительный пробѣлъ. Вѐлахъ, захвативъ съ собою двухъ, трехъ товарищей, ловко скользя по паркету, подкатилъ къ профессору съ экстренной депутаціей. Сначала Кальвановъ только немилосердно ерошилъ свою стриженую голову да упорно отнѣкивался, дѣлая уморительныя гримасы; но мало-по-малу онъ сталъ, наконецъ, сдаваться. Когда со всѣхъ сторонъ поднялся вызывающій шумъ, а затѣмъ прокатился и настоящій гулъ: „профессоръ будетъ говорить, профессоръ!.. слушайте!"—Кальвановъ дѣйствительно поднялся. Плотный, съ нѣсколько отвислымъ животомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, казался нервнымъ и возбужденнымъ. Ранѣе, чѣмъ онъ собрался открыть ротъ, залу уже потрясли продолжительныя и

единодушныя рукоплесканія. Всѣ знали заранѣе, что рѣчь его будетъ богата содержаніемъ. Какъ всегда, какой-нибудь общій вопросъ послужитъ ему темою, нѣсколько отдаленно и туманно, но все-же отвѣчающею текущей злобѣ дня.

Объ Арсковѣ, какъ о случайномъ виновникѣ торжества, привычный ораторъ думалъ всего менѣе.

Какъ бы съ разсѣяннымъ видомъ начавъ свою импровизацію, онъ даже не взглянулъ на него.

По заранѣе заготовленному плану рѣчь должна была начаться съ очень замысловатой, тонкой и легкой не то аллегоріи, не то шутки. На сцену выдвигалось что-то изъ миѳологіи... Онъ такъ и началъ. При этомъ вышелъ, однако, легкій диссонансъ. Весь складъ его еще разсерженнаго лица и злое выраженіе глазъ никакъ не хотѣли гармонировать съ легкимъ и игривымъ содержаніемъ того, о чемъ шла рѣчь. Вѣроятно, благодаря этому, и вся миѳологическая шутка какъ-то плохо удалась, была мало понята и прошла почти незамѣченною. Это еще болѣе раздражило избалованнаго оратора. Онъ неожиданно перешелъ вдругъ въ крикливый и желчный тонъ и такъ и велъ свою рѣчь, пока ему не удалось, наконецъ, совершенно овладѣть аудиторіею.

Было бы весьма мудрено въ немногихъ словахъ передать все, что было сказано Кальвановымъ. Пока онъ сердился, было всѣмъ ясно, что онъ ратуетъ за утраченную жизнерадостность, что его упругая натура никакъ не хочетъ понять и допустить того тона недоумѣвающаго утомленія, которое грозитъ забраться всюду... При этомъ основные тезисы не только не подчеркивались имъ намѣренно и не выдвигались откровенно на показъ, но, наоборотъ, очень искусно и вмѣстѣ эффектно окутывались какою-то таинственною дымкою недомолвокъ и намековъ.

Съ внѣшней стороны рѣчь пестрѣла всѣми блестками заправскаго краснорѣчія. Поэтическіе образы, фигуры, сравненія—такъ и напирали другъ на друга, такъ и громоздились причудливыми, словно кристаллическими группами, въ которыхъ отточенныя ребра и грани переливали всѣми цвѣтами радуги.

— Браво, Кальвановъ! Браво, профессоръ!—нѣсколько разъ прерывалась вдохновенная рѣчь оратора.

Арсковъ глубоко и сосредоточенно вникалъ въ каждое слово нѣкогда любимаго имъ профессора. Рѣчь эта казалась ему не только полною захватывающаго содержанія, но и какъ-то странно и неожиданно отвѣчающею на многіе изъ затаеннѣйшихъ вопросовъ, мучившихъ его самого въ послѣднее время.

Словно геніальный духовидецъ проникнулъ чудомъ въ самую подоплеку его таинственныхъ тяготъ и сомнѣній.

Между тѣмъ Кальвановъ въ своемъ увлеченіи, какъ бы окончательно озлобившись, стучалъ по временамъ по столу и говорилъ властно и настойчиво:

„Способность русской натуры раскисать и тотчасъ же пятиться назадъ—явленіе какъ бы органическое... Но это не такъ, и не должно быть такъ! Впередъ, всегда впередъ, впередъ quand même! Это символъ жизни! Быть можетъ, мы переживаемъ очень острое... даже, быть можетъ, очень *невыносимое* время... („Браво! браво!") Тѣмъ болѣе заслуги въ томъ, чтобы его... *выносить*! (Общее движеніе, смѣхъ и новые крики „браво!".) J'y suis, j'y reste!.. Есть что-то по истинѣ отрадное въ мужественной скорби и „гордомъ терпѣніи"... Мы бодры, мы не увяли! Если переживаемый нами періодъ личнаго существованія и не самый отрадный, онъ все же благороднѣйшій... Онъ мѣтко можетъ быть охарактеризованъ въ немногихъ словахъ. Заимствую удачное выраженіе у французовъ... La raison est tenace, que les passions passent!.. Это нашъ личный „пароль и лозунгъ". Будемъ же счастливы имъ, насколько счастье возможно!.. Тѣмъ болѣе, что когда совершатся утопическія pia desideria—„счастье всѣхъ"... *къ счастью* насъ уже не будетъ! (Взрывъ смѣха и общее движеніе.) Намъ не придется такимъ образомъ заглядываться ни на револьверъ, ни на петлю... А это непремѣнно бы случилось, еслибы это *счастье всѣхъ* наступило теперь же... По крайней мѣрѣ я лично, я не могу себѣ представить ничего болѣе тусклаго, болѣе плоскаго... извините... болѣе *тошнотворнаго* (новый взрывъ хохота) этого хваленаго *всеобщаго счастья*!.. И такъ, поднимаю бокалъ: за *наше*, кружковое,—я разумѣю всѣхъ передовыхъ интеллигентныхъ людей,—маленькое, но вѣрное и реальное счастье,—ура!"

Впечатлѣніе, вызванное заключительными словами профессора, было огромное, потрясающее. Совершенно заглушая звуки музыки, раздались и бѣшеный ревъ одобренія, и неумолкаемыя рукоплесканія. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, кинулись къ Кальванову, проливая по дорогѣ бокалы, опрокидывая стулья, сшибая другъ друга съ ногъ.

Кто-то на ходу тутъ же выкрикнулъ восторженный тостъ:

— За нашу гордость! За нашего профессора — ура!

Какъ ни отбивался Кальвановъ, какъ ни смѣшно гримасничалъ, со смѣхомъ увѣряя, что онъ отнюдь не понимаетъ удовольствія нежданно очутиться „на воздусѣхъ", его дружно схватили на руки и бережно стали подкидывать.

Это былъ не порывъ отдѣльной группы молодежи, которая уже ранѣе оказала подобную же честь Арскову; нѣтъ, это было нѣчто до такой степени всеобщее и непреодолимое, что невозможно было оставаться безучастнымъ зрителемъ.

Тушъ слѣдовалъ за тушемъ, клики ликованія не прекращались, и даже наиболѣе сановные изъ присутствующихъ спѣшили въ общую кучу, чтобы имѣть случай хотя бы только на-лету прикоснуться сочувственно къ плечу чествуемаго тріумфатора.

— Ура! ура! браво! брависсимо!—какимъ-то многозначительнымъ и выразительнымъ натискомъ гремѣло отовсюду.

Арденскій, увлекшійся общимъ энтузіазмомъ и поспѣшая къ группѣ, гдѣ подкидывали Кальванова, успѣлъ шепнуть на ходу Арскову:

— А... старикъ-то каковъ!.. Недаромъ пожаловалъ!.. Съ своего былого профессорства двадцатый годъ преисправно оброкъ собираетъ... Молодчина!

Арсковъ едва отдавалъ себѣ отчетъ: чтò же собственно въ словахъ оратора такъ магически, такъ полно наэлектризовало и подняло общее настроеніе? А подъемъ между тѣмъ чувствовался огромный, почти неслыханный. „Умная“ рѣчь Кальванова, со всѣми необходимыми аттрибутами публичнаго и властнаго слова, съ своими смѣлыми фигурами и уподобленіями, какъ-то всѣхъ ободрила, подняла во всѣхъ колеблющуюся увѣренность.

Вѣдь не даромъ же мудреными и не всякому доступными словами была произнесена блестящая апологія *маленькому*, но реальному, всѣми ощущаемому счастью... Стало быть, оно того заслуживаетъ! Можно смѣло ликовать, можно бросить при случаѣ въ лицо всякому сомнѣвающемуся блестящую философскую тираду о лично осязаемыхъ радостяхъ.

— Ура, Кальвановъ!.. Да здравствуетъ профессоръ!

Арскову по временамъ казалось, что послѣ этой рѣчи на немъ, именно на немъ останавливаются саркастическіе и недоумѣвающіе взгляды. Его точно жалѣли, къ нему точно снисходили. Онъ самъ чувствовалъ себя не то публично наказаннымъ, не то глубоко одинокимъ и безпомощнымъ.

За рѣчью Кальванова спичи полились уже безъ конца. Менѣе тонкіе, менѣе значительные и содержательные, всѣ они были, однако, торжествующими, ликующими и хвалебными.

Восхвалялась профессія, чествовался разумъ, поминался добромъ прогрессъ. Рѣчи выдавались длинныя и короткія, скучныя и игривыя, но всѣ онѣ обязательно заканчивались какимъ-либо

вдохновеннымъ тостомъ. Пили поочередно за здоровье всѣхъ наиболѣе значительныхъ и вліятельныхъ гостей.

Каждый, кто только чувствовалъ въ этомъ надобность, безпрепятственно курилъ ѳиміамъ тому изъ присутствующихъ, кому находилъ это для себя выгоднымъ и полезнымъ.

Какого-то увѣшеннаго звѣздами старца, безнадежно задремавшаго къ концу обѣда, но занимающаго чрезвычайно видный и вліятельный постъ, одинъ изъ ораторовъ „себѣ на умѣ", не обинуясь, провозгласилъ „государственнымъ мужемъ" и даже „живымъ достояніемъ исторіи". Болѣе безкорыстные витали въ области звучныхъ фразъ и общихъ положеній.

Отказавшись отъ мысли конкуррировать съ ораторскими успѣхами Кальванова, который именно сегодня превзошелъ самого себя, Арденскій отмѣнилъ свое рѣшеніе: произнести цѣлую рѣчь.

Онъ удовольствовался краткимъ, pour la bonne bouche, тостомъ „за прекрасныхъ женщинъ", при чемъ игриво находилъ, что женщины „вообще прекрасны". Чтобы нѣсколько оживить спичъ, онъ тутъ же лукаво и вмѣстѣ искусно намекнулъ товарищамъ, что объ Арсковѣ онъ по этой части кое-что знаетъ, однако же изъ скромности ничего ровно имъ не скажетъ.

Всѣ грузно и непринужденно захохотали. Мысль, что и въ ихъ средѣ водятся порядочные-таки Донъ-Жуаны, необыкновенно развеселила всѣхъ.

Героическій тостъ Арденскаго: „за браваго товарища и лихого побѣдителя женскихъ сердецъ—Арскова",—былъ встрѣченъ поэтому необыкновенно благодушно.

Потребовали-было, чтобы и Арсковъ въ отвѣтъ сказалъ „что-нибудь", но онъ рѣшительно отстоялъ себя. Поклонившись, онъ только кратко провозгласилъ: „за присутствующихъ!" и до дна опорожнилъ свой бокалъ.

Задвигались стулья...

Обѣдъ былъ конченъ.

XXX.

Какъ всегда на подобныхъ торжествахъ, истинная непринужденность наступила лишь послѣ обѣда.

Расправляя свои отяжелѣвшіе отъ долгаго сидѣнья члены и переходя въ ярко освѣщенныя и хорошо вентилированныя гостиныя, всѣ облегченно вздохнули. Карточные столы были уже раскрыты, а для желающихъ подавались ликеры и кофе. Люби-

телей винта оказалось достаточно и, не теряя драгоцѣннаго времени, тотчасъ же составились партіи.

Кальванова усадили съ важнымъ, къ концу обѣда совершенно выспавшимся старцемъ и еще двумя другими, также очень значительными личностями.

На мягкихъ угловыхъ диванахъ, въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, расположились товарищескія группы. Тотчасъ же было потребовано шампанское дополнительное и въ должномъ изобиліи.

Брагинъ, едва только успѣли опростать обѣденную залу, собравъ наиболѣе подкутившихъ, засѣлъ съ ними за отдѣльный столъ. Изъ-за батареи вновь выстроенныхъ бутылокъ, какъ изъ-за фантастической ширмы, переливавшей всѣми цвѣтами радуги, онъ принялся увеселять компанію. Порядочно исковерканные, но зато удачно приспособленные къ скоромному настроенію слушателей разсказы Горбунова и Вейнберга служили весь вечеръ неизсякаемымъ источникомъ общаго веселья и дружнаго смѣха.

Среди подкутившихъ было нѣсколько человѣкъ, хватившихъ черезъ край.

Словно подъ наитіемъ вольнолюбивой мечтательности, эти никакъ не хотѣли оставаться на мѣстахъ. Они безцѣльно бродили изъ комнаты въ комнату, тыкались отъ одной группы къ другой и не приставали ни къ одной изъ нихъ.

Одинъ пузатенькій, маленькій, съ коротко подстриженными височками, все притоптывалъ на одномъ мѣстѣ лѣвою ногою съ такимъ сосредоточеннымъ и напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто замышлялъ выкинуть и нé-вѣсть какое антраша. Однако дѣло такъ и обошлось однимъ притоптываньемъ лѣвой ножки...

Другой, съ всклокоченной бородкой и налитыми до-пьяна крохотными глазками, ко всѣмъ поочередно тянулся съ объятіями и поцѣлуями. Отъ него всѣ разбѣгались, и онъ только съ тоскливою слезливостью и необыкновенно слащавою вкрадчивостью вопилъ вслѣдъ: „ваше превосходительство!.. ваше превосходительство!..“ Но и на эту удочку никто не ловился.

Третій, желчный и озлобленный, грозно и безпокойно металъ молніи изъ-подъ синихъ очковъ и приставалъ съ придирчивыми допросами. Всѣ ему казались подозрительными. Онъ неустанно требовалъ откровеній и признаній...

Арскова ему удалось-таки захватить за лацканъ сюртука и онъ долго теребилъ его, не желая отпускать отъ себя. Ему все требовалось дознаться: „зачѣмъ уѣзжаетъ?.. куда?.. по какому праву?.. и что за новости?..“ Оставалось терпѣливо и снисходи-

тельно отшучиваться, пока не удалось наконецъ путемъ хитрости улизнуть въ сторону. Хотя выпито и было много, но Арсковъ не охмелѣлъ. Голова его была совершенно свѣжа. Выходки подкутившихъ товарищей поэтому мало развлекали его.

Онъ готовъ былъ, однако, ощутить настроеніе, не чуждое настоящаго, искренняго веселья...

Послѣ зимы, проведенной уединенно и скучновато, сегодняшній шумный кутежъ какъ-то свѣжо и бодро поднялъ нервы Арскова.

Если бы можно было „во всю" отвести душу, пошумѣть, поспорить, обмѣняться мыслями, потолковать о томъ, что̀ дѣйствительно интересовало, трогало, наполняло всю душу... онъ лучшаго бы не желалъ! Но какъ разъ здѣсь, въ этой компаніи самыхъ близкихъ ему людей, собравшихся для чествованія именно его, онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ и одинокимъ.

Особенно ярко это ощущалось теперь, когда обѣдъ былъ конченъ и когда вся обязательная и оффиціальная сомкнутость вокругъ него, какъ виновника торжества, распалась. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ нескладно, какъ-то сиротливо, не приклеиваясь ни къ одной группѣ, не подходя ни къ одной компаніи.

Анекдоты Брагина казались ему и плоскими, и скучными, въ карты онъ вовсе не игралъ, толки о повышеніяхъ по службѣ, о предстоящихъ кушахъ и дѣловыхъ комбинаціяхъ не занимали его болѣе, и онъ съ болѣзненною чуткостью понималъ, какъ съ его приходомъ каждая истинно „дружеская" бесѣда тотчасъ же теряла весь свой смыслъ и интересъ.

Это сознаніе передавалось въ свою очередь окружающимъ, и онъ чувствовалъ, какъ однимъ своимъ замкнутымъ и сосредоточеннымъ видомъ онъ вносилъ уже повсюду дисгармонію.

Это тяготило его.

Но что̀ же?.. что̀ же нужно сдѣлать, чтобы стряхнуть хоть на время это убійственное клеймо своего собственнаго самочувствія, смѣшаться со всѣми, подойти подъ одинъ общій уровень?..

Арсковъ задумался не на шутку:

Не пройтись ли колесомъ по залѣ, какъ норовитъ это сдѣлать теперь на общую потѣху пьяненькій танцоръ, пузатенькій малый, съ коротко выстриженными височками?..

Или надсадить себѣ грудь сквернословіемъ, какъ это дѣлаетъ среди несмолкаемаго хохота весь вечеръ Брагинъ?.. Сѣсть за винтъ и обругать партнера послѣдними словами, чтобы стяжать себѣ хотя бы славу „души человѣка" и „добраго товарища"...

Чтò еще?.. Еще чтò?.. Кому и для чего отъ него нужно другое?!..

Арсковъ тосковалъ и чувствовалъ приливъ какой-то щемящей и безсильной злобы.

— А, вотъ ты гдѣ?—раздался въ эту минуту надъ самымъ его ухомъ пѣвучій голосъ Арденскаго.—А я-то тебя разыскиваю...

Арсковъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ за группой пальмъ въ одной изъ гостиныхъ. Его дѣйствительно можно было не замѣтить.

— Ты самъ гдѣ пропадалъ?—спросилъ онъ разсѣянно Арденскаго.

Тотъ съ многозначительнымъ и таинственнымъ видомъ, поманивъ его съ мѣста, цѣпко ухватилъ за руку и, увлекая въ пространство, промолвилъ.

— Пойдемъ-ка, на пару словъ!..

Арсковъ покорился.

Когда они очутились въ залѣ, въ достаточномъ отдаленіи отъ компаніи Брагина, гдѣ никто не могъ ихъ слышать, Арденскій остановился, высвободилъ руку и уставился на „друга" въ упоръ.

— Послушай, долго мнѣ еще возиться съ тобой... какъ нянькѣ?..

Арсковъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на вопрошавшаго.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, чѣмъ я виноватъ, что ты дался Ксеніи Николаевнѣ?! Прослышавъ о твоемъ неминуемомъ отъѣздѣ, она повидимому никакъ въ себя придти не можетъ... Разумѣешь?!

— Съ чего ты взялъ?..

— Въ этомъ я убѣдился сейчасъ. Увы! окончательно... Всѣ женщины, видно, на одинъ ладъ!—съ меланхолическимъ сарказмомъ заключилъ Арденскій.

— Чтò ты хочешь сказать? Я съ Варягиной не вижусь давно... Ты, кажется, достаточно посвященъ.

— Да, кажется!..—хитро подмигнулъ Арденскій.—А на повѣрку выходитъ, что старое правило... наполеоновское... одно только и вѣрно!

— Чтò за правило?

Арденскій многозначительно выпятилъ усы.

— Въ любви лучшая побѣда—*бѣгство!*

Наступила минутная пауза.

— Сейчасъ она меня продержала у телефона цѣлый часъ... Я истощилъ всѣ доводы благоразумія, все свое краснорѣчіе...

Арсковъ сталъ широко открывать глаза и съ настойчивостью вглядываться въ лицо Арденскаго. Этотъ даже нетерпѣливо поддалъ плечами и продолжалъ:

— Право, скучно въ чужомъ пиру справлять похмелье!.. Съ влюбленными, какъ съ сумасшедшими, никогда не знаешь, чего ждать!..

— Да кто, наконецъ, влюбленные... и чтò ты выдумалъ?

Арсковъ имѣлъ видъ человѣка, начинающаго раздражаться.

— Влюбленные?! — Арденскій хитро прищурилъ свои пронзительные глазки. — Ты да она — вотъ и *влюбленные!*..

Арсковъ только тяжело выпустилъ дыханіе, которое передъ тѣмъ, словно желая что-то затаить въ себѣ, неловко задержалъ.

— Право, эта вымученная канитель, теперь, когда я немножко раскусилъ васъ, начинаетъ бѣсить меня!..

Арденскій нетерпѣливымъ движеніемъ повернулъ плечо Арскову.

— Толкомъ люди даже *взять* другъ друга не умѣютъ... Все съ подходцами!

Слово „*взять*", которое онъ сочно и вмѣстѣ недвусмысленно подчеркнулъ, какъ-то дико прозвучало въ ушахъ Арскова.

— Она вотъ цѣлый часъ доказываетъ мнѣ, что ей *необходимо* сейчасъ же и неотступно видѣться съ тобою!.. Если не пожелаешь къ ней, она куда угодно... И все это говорится мнѣ, постороннему... совершенно откровенно и прямо!.. Лишь бы только устроилось это свиданіе. А ты еще ломаешься!..

Арсковъ молчалъ, сосредоточенно сдвигая брови.

— Кажется, я достаточно вразумлялъ. Она не хочетъ ничего слушать... Видно, плотина прорвалась, и вотъ... долой всякое благоразуміе!.. А еще сама осуждала тебя!.. А впрочемъ, можетъ быть, у васъ тутъ старые счеты, и все это только военная хитрость. Но въ такомъ случаѣ я-то при чемъ?..

— Никакихъ счетовъ... Ты все любишь преувеличивать! — нéхотя, сквозь зубы процѣдилъ Арсковъ.

— Ну, ужъ это твое дѣло... А я исполнилъ порученіе. Она тебя ждетъ!..

Еслибы что-нибудь громоздкое, тяжелое обрушилось на голову Арскова, онъ не былъ бы такъ пораженъ. Арденскій даже не сдержалъ торжествующей улыбки. Разводя руками и выражая всею своею фигурою безпредѣльность изумленія, онъ промолвилъ:

— Ого, какъ напуганъ, дружище!.. Успокойся, успокойся... не въ Армидины сады тебя влекутъ... Пока — только къ телефону!.. Я, во всякомъ случаѣ, обѣщалъ тебя послать...

Въ эту минуту, не смѣвшій ранѣе приблизиться къ разговаривавшимъ, слуга-татаринъ подступилъ къ Арскову.

— У телефона васъ покорно просятъ... Давно дожидаются... Звонятъ!

— Bonnes chances, дружище!—торжественно потрепалъ Арденскій по плечу Арскова и, круто повернувшись на каблукахъ, ухмыляясь, направился въ гостиную.

Слуга, слѣдуя впереди въ характерномъ и почтительномъ полуоборотѣ, показывалъ Арскову дорогу.

XXXI.

Телефонъ помѣщался въ концѣ корридора, въ отдѣльной, полуосвѣщенной каморкѣ. Туда вошелъ Арсковъ и за нимъ захлопнулась дверь. Онъ испытывалъ необычайное волненіе. Сердце его съ совершенно непонятнымъ проворствомъ колотилось въ груди. Словно въ каждую предстоящую секунду ему выпадало прожить часы...

Когда онъ взялся за рукоятку, чтобы позвонить, ему пришлось сдѣлать надъ собою усиліе.

Трубка телефона, поднесенная къ уху, издавала сначала какой-то жалобный трескъ, наконецъ какъ бы что-то распахнулось и послышался живой женскій голосъ въ своеобразномъ акустическомъ миніатюрѣ.

Тембръ этого голоса былъ ему хорошо знакомъ. Даже въ этомъ искусственно видоизмѣненномъ отраженіи Арсковъ хорошо зналъ всѣ его вибраціи, всѣ его оттѣнки. Во время разгара ихъ романическихъ перипетій они нерѣдко, оставаясь каждый у себя, пользовались телефономъ для переговоровъ. Подчасъ даже самые сложные духовные моменты переживались именно въ этой неестественной, напряженной позѣ съ слуховою трубкою у уха... Случалось, что поздно уже ночью, раньше, чѣмъ заснуть, кидалось одно слово, полное тайны и очарованья, и оно не давало уснуть всю ночь... О слѣдующемъ днѣ, о возможной встрѣчѣ—условливались всегда такъ: заставляя магическую нитку издавать свой жалобный трескъ...

Арскову почудилось, что теперь, противъ его воли, эту нитку соединили съ самымъ его сердцемъ и пытаются распахнуть его. Онъ прислушался.

— Вы слушаете?.. Да?!..

— Да!—какъ-то хрипло сорвался его отвѣтъ.

— Прошу васъ, выслушайте меня!..

Эти слова раздались какъ-то ясно, отчетливо, съ нескрываемымъ оттѣнкомъ мольбы и покорности.

— Я хочу, я должна васъ видѣть. Нельзя, чтобы вы уѣхали, чтобы мы разстались... такъ!..

Арсковъ молчалъ и только тяжело и напряженно дышалъ.

— Я знаю, что вы не захотите пріѣхать ко мнѣ. Та обстановка, въ которой я живу, по моей же винѣ, быть можетъ слишкомъ памятна вамъ и... слишкомъ ненавистна... Чтò дѣлать!.. Никто не знаетъ своего будущаго. Еслибъ мы заранѣе знали его!.. Все было бы иначе...

Арсковъ притаился. Ему былъ слышенъ каждый оттѣнокъ слова, каждый подавленный вздохъ, каждое глубоко переведенное дыханіе... Голосъ между тѣмъ серебристо и вкрадчиво продолжалъ звучать...

— Но вы не можете мнѣ отказать въ послѣдней просьбѣ!— на словѣ „послѣдней" было сдѣлано протяжное удареніе. — Я должна васъ видѣть. Я не знаю, какъ это сдѣлать лучше, но вотъ чтò я придумала. Пусть это сумасшествіе!.. Минутъ черезъ двадцать... Ровно въ десять... Въ наемной каретѣ... у Пѣвческаго моста... Хотите!?

Арсковъ молчалъ. Онъ не зналъ, чтò отвѣтить, имъ владѣло волненіе. Ему начинало казаться, что онъ слышитъ шелесть ея платья, легкій скрипъ корсета, тѣснящаго ея дыханіе; ему чудился даже знакомый ароматъ ея духовъ...

— Хотите!?—снова зазвенѣлъ, но уже съ какою-то торжествующею полнотою и рѣшительностью опять прежній голосъ.— Не заставляйте же себя ждать!.. Я буду.

Проволока опять какъ-то жалобно зашипѣла, досадно щекоча ухо, что-то звякнуло, какъ будто оборвалась туго натянутая струна, и послышался безпорядочный гулъ.

Арсковъ еще нѣсколько секундъ безсознательно продолжалъ сжимать въ своей рукѣ слуховую трубку, наконецъ нашелъ ей мѣсто, провелъ, какъ бы очнувшись, рукою по лицу и медленно сталъ удаляться.

Онъ прошелъ весь корридоръ, вошелъ въ зало, обошелъ всѣ гостиныя, оглядѣлъ всѣхъ, но съ такимъ жалкимъ и растеряннымъ видомъ, какъ будто совершилъ сейчасъ нé-вѣсть какое постыдное дѣло.

У одного стола, гдѣ засѣдала за виномъ веселая компанія, его задержали. Однимъ залпомъ онъ съ наслажденіемъ осушилъ нѣсколько бокаловъ замороженнаго шампанскаго. Арденскій при этомъ, выразительно подмигнувъ, чокнулся съ нимъ.

— Ты не вздумай сбѣжать! — поощрительно и вмѣстѣ лукаво, какъ показалось Арскову, улыбнулся ему „другъ". — Во всякомъ случаѣ возвращайся во-время... Къ полночи заказаны тройки. Всей компаніей къ цыганамъ... непремѣнно!

Арскову казалось, что передъ нимъ — такъ бываетъ только во снѣ—все медленно раздвигается, смѣняется, уплываетъ...

Въ эту минуту часы, стоявшіе на каминѣ, своимъ легкимъ стеклянным перезвономъ стали бить.

Они пробили десять.

Вся кровь какою-то поднимающеюся, горячею волною прилила къ лицу Арскова.

Нетерпѣливо сдвигая брови, тяжело и какъ-то нескладно ступая по лощеному паркету, онъ направился къ выходу.

XXXII.

На дворѣ хотя и было мокро, но перестало моросить. Коегдѣ только съ крышъ звонко шлепали крупныя капли.

Низко по небу ползли мелко изорванныя облака, нескладно цѣпляясь другъ за друга и застилая весь горизонтъ причудливокомковатою сѣткой. Серпокъ молодого мѣсяца, словно бѣлка въ листвѣ понураго лѣса, проворно мелькалъ то тамъ, то здѣсь въ межоблачныхъ просвѣтахъ темнѣвшаго неба.

— Вотъ благодать!—невольно вздохнулъ полною грудью Арсковъ, распахивая шинель и заворачивая изъ-подъ низкихъ сводчатыхъ воротъ набережной направо.

Нежданно на него повѣяло весной.

Въ воздухѣ стояло тепло. Тянуло какимъ-то низовымъ, словно прильнувшимъ любовно къ землѣ, вѣтеркомъ. Казалось, ослабленный и разсѣянный лѣнивою нѣгой земли, онъ уже медленно, какъ бы нéхотя, поднимался въ верхніе слои воздуха, ласково опахивалъ всего человѣка, едва ощутимо прикасался къ его щекамъ.

Пересѣкая широкій Пѣвческій мостъ по направленію къ двумъ свѣтившимся издали фонарямъ кареты, Арсковъ,—въ противоположность только-что передъ тѣмъ владѣвшему имъ настроенію,— шелъ увѣренно, большими шагами и даже про себя мурлыкалъ какую-то пѣсню.

На все его внутреннее настроеніе хлынуло вдругъ какою-то неожиданною удалью и бодрой рѣшимостью.

— Что же, пойду! Безъ развязки нельзя... Только трусы боятся развязокъ... Я не трусъ!

Ему хотѣлось задорно и весело трунить надъ собой.

Онъ не самообольщался насчетъ того чувства, которое по его разсчетамъ должна была теперь питать къ нему Варягина, не вѣрилъ также ни искренности, ни глубинѣ ихъ былого другъ къ другу тяготѣнія.

— Благо на ходу... иначе бы меня не сдвинуть! — продолжалъ саркастически размышлять онъ.—Ужъ больно что-то уменъ я сталъ!.. Ну, да сегодня, видно, день чудачествъ. Чествовали же меня, да еще какъ, съ музыкой! А очень я имъ всѣмъ нуженъ! Авось, и здѣсь, на *любовномъ* свиданіи, безъ малаго, *безъ любви*, обойдемся!..

Фонари кареты между тѣмъ все ярче и пронзительнѣе, какъ два именно на него устремленные глаза, выступали изъ темноты. Еще шагъ—и они уже въ упоръ глядѣли на него. Онъ на секунду долженъ былъ опустить вѣки—такъ кинулся въ глаза ему ихъ свѣтъ.

— Она теперь видитъ меня и торжествуетъ! — успѣло еще мелькнуть въ его головѣ.

У открытаго окна кареты, въ черной кружевной, живописно накинутой на голову, косынкѣ, угломъ спущенной въ видѣ ажурной маски на самое лицо, запахнутая въ песцовую мягкую ротонду, какъ бы притаившись и окаменѣвъ въ позѣ ожиданія, сидѣла Варягина.

Арсковъ остановился вплотную у самой кареты и занялъ своею плечистою фигурою все свободное пространство у спущеннаго окна. Въ его движеніяхъ, въ самой его позѣ было что-то вызывающее, развязное.

Пришло ли при этомъ Варягиной на мысль, что онъ легко можетъ находиться подъ вліяніемъ обѣденныхъ возліяній на товарищескомъ пиру, мы не знаемъ, но только она ничѣмъ не выразила своего безпокойства. Она осталась совершенно неподвижною, когда Арсковъ, словно изъ-подъ земли, выросъ рядомъ съ нею по ту сторону окна. Только какъ бы про себя она улыбнулась. Но въ тускломъ отблескѣ фонаря улыбка эта, какъ проворный змѣенышъ въ травѣ, скользнула легко и незамѣтно подъ тѣнью ея кружевной косынки.

Ей нравилось, что въ обращеніи съ нею Арсковъ бывалъ иногда надмененъ и дерзокъ, пока ей не удавалось снова охватить его своимъ сложнымъ и разностороннимъ вліяніемъ. Это забавно тѣшило ея самолюбіе.

Въ тайникѣ души гордость и увѣренность въ себѣ и теперь не покидали ее.

На этотъ разъ по очень многимъ сложнымъ и противорѣчивымъ побужденіямъ ей именно было пріятно, что онъ подходитъ къ ней безъ затаеннаго трепета и смущенія — этого досаднаго отраженія нескладной путаницы ихъ былыхъ отношеній.

Развѣ она не была прежде всего красивой женщиной: кокетливой и очаровательной, особенно въ причудливой обстановкѣ этого таинственнаго свиданія? Какой мужчина не захотѣлъ бы стать теперь на его мѣсто?..

Она подняла на него свои темные кругловатые глаза, которые въ полусвѣтѣ показались ему красивыми, высвободила изъ-подъ согрѣвавшаго ее мѣха свою выхоленную, тонкую руку, которая оказалась безъ перчатки, и прикоснулась своими согрѣтыми пальцами къ его холодной рукѣ.

— Какъ вы хорошо сдѣлали, что пришли... какъ хорошо!— съ восторженной серьезностью промолвила она.

Какъ бы желая сказать: „все равно, пришелъ!“—Арсковъ недовѣрчиво мотнулъ головой.

— Нѣтъ, вы и не знаете, вы и не знаете!..—Она выговорила это съ такою непринужденною глубиной, какъ будто только сейчасъ вздохнула свободно въ первый разъ послѣ долгаго и тягостнаго испытанія. Она улыбнулась при этомъ тою очаровательною, тихою и спокойною улыбкой, которою открывался весь рядъ ея жемчужныхъ зубовъ.

Арсковъ, наклонясь вглубь кареты, продолжалъ покачивать головой. Имъ владѣло какое-то спокойное, увѣренное въ себѣ, почти лѣнивое настроеніе. Измѣнить на другую эту свободно избранную имъ позу было бы для него уже принужденіемъ.

Онъ глядѣлъ на нее, неизмѣнно привлекательную и кокетливую, уютно забившуюся въ уголъ кареты, словно намѣренно притаившуюся, слышалъ запахъ ея духовъ, слегка заглушенный ея мѣхомъ, и какое-то сытое, безмятежное довольство начинало катиться по всѣмъ его членамъ.

Она первая прервала молчаніе.

— Мы обратимъ на себя вниманіе... Это неудобно! Карета наемная. Vous ne risquez rien... садитесь!—въ голосѣ ея послышался легкій задоръ затаенной насмѣшки.

— Vous ne risquez absolument rien!—повторила она снова, и на этотъ разъ лицо ея весело освѣтилось одною изъ очаровательнѣйшихъ ея улыбокъ.

Арсковъ съ стѣсненнымъ сердцемъ оторвался отъ окна, про-

шелъ сзади кареты и въ противоположную дверцу вошелъ въ нее.

— Пусть тронетъ... Куда-нибудь, все равно! Часъ... я большаго не требую!

Арсковъ приказалъ кучеру ѣхать на Троицкій мостъ, и карета легко и плавно тронулась на своихъ каучуковыхъ шинахъ.

Съ обѣихъ сторонъ длилось нѣкоторое время упорное молчаніе.

Было слышно только дружное топотанье рысившей пары.

Какъ бы защищаясь взаимно отъ какой-то удаленной, но всегда возможной опасности, они сидѣли откинувшись по угламъ кареты и оба молча и сосредоточенно запахивались въ свои мѣховыя одежды. Имъ не могло быть холодно, но какой-то легкій внутренній ознобъ, казалось, безпокоилъ обоихъ. Качка кареты и царившія въ глубинѣ ея сумерки навѣвали между тѣмъ мечтательно-созерцательное настроеніе.

Арсковъ съ какою-то настойчивою остротой сознавалъ свое положеніе. Онъ точно видѣлъ другого на своемъ мѣстѣ.

Онъ понималъ, что стоило ему только забыться, отрѣшившись на время отъ вѣчно мучившей его внутренней потребности находить правду и неподкупную искренность на днѣ каждаго своего поступка и побужденія, и никто не могъ бы дать ему столько пьянящаго волненія и полноты очарованія, какъ эта женщина, сидѣвшая теперь такъ близко отъ него въ той же напряженной неподвижности, какъ и онъ самъ...

Но онъ не вѣрилъ ей. Не вѣрилъ давно, не вѣрилъ въ сущности никогда,—теперь это представлялось ему отчетливо,—по какому-то упорно затаенному въ немъ инстинкту.

Иногда оглушенный, сбитый съ толку разными тонкими и соблазнительными разсчетами, опьяненный очарованіями, которыя ему сулило воображеніе, — инстинктъ этотъ почти умолкалъ. Но стоило только наступить трудной, рѣшительной минутѣ, — онъ снова подавалъ свой голосъ. Не вѣрилъ онъ и себѣ, и это было самое трудное. Не вѣрилъ своему собственному чувству, которое —онъ предугадывалъ заранѣе—постыдно бы измѣнило ему при первомъ успѣхѣ, при первой удачѣ у этой очаровательной, но... „съ ледяною душой“ женщины.

А между тѣмъ какое захватывающее блаженство вотъ въ этой ея намѣренной, таинственной близости, полной непонятной, но вызывающей рѣшимости!

Чтò она еще затѣяла и какой головоломный и неожиданный вольтъ намѣрена выкинуть?

Мягкія рессоры, какъ люльку, покачивали на ходу карету,

катившуюся неслышно по досчатой настилкѣ безконечно длиннаго, мрачнаго и пустыннаго въ эту пору моста.

По обѣимъ сторонамъ Невы убѣгающими лентами тянулись въ даль причудливыя линіи огней.

Арскову чудилось, что въ этой таинственной полутьмѣ какимъ-то философскимъ просторомъ окрыляются его мысли.

Онъ лѣниво размышлялъ о томъ, какъ въ сущности сладко и въ то же время мучительно-больно мириться съ очевидною двойственностью своего настроенія. Не въ этомъ ли одномъ таится однако еще кое-какая новизна?..

И цѣлый рядъ отрывочныхъ мыслей и образовъ сочувственно забродилъ въ его головѣ:

„Это въ молодости только съ прямолинейною (не съ глупою ли?) настойчивостью все ищешь „настоящей“ жизни. А гдѣ она—настоящая!?.. Идутъ годы и несутъ другое! Если въ бѣшеной скачкѣ ошибокъ и заблужденій успѣешь встать и подняться, все равно—не найти пути. Есть путь одинъ вѣрный, да это какъ будто ужъ въ сторону!.. (Мысль такъ понравилась Арскову, что онъ тутъ же улыбнулся.) Да, это ужъ въ сторону!.. И остается наповѣрку одно: барахтаться все въ той же лжи. И сколько напрасныхъ мученій! Отрываешь ее каждый разъ отъ себя клочками вмѣстѣ съ тѣломъ, и она наростаетъ снова... Ни дать, ни взять сумасшедшій подвигъ классическаго атлета, напрасно пытавшагося сорвать съ себя ядовитую сорочку. Мы, „счастливцы“, родимся въ этой сорочкѣ, съ нею и умираемъ!.. И все вздоръ, никому не нуженъ этотъ подвигъ самоистязанія! И весь-то фокусъ не стоитъ головоломной разгадки... Про себя мы это отлично сознаемъ и только открыто стыдимся исповѣдоваться... А фокусъ-то идетъ себѣ, проходитъ, скоро и вовсе пройдетъ!“...

Арскову казалось, что онъ необыкновенно отчетливо, даже какъ-то сверхчувственно осязаетъ всю лживую двойственность каждаго жизненнаго явленія, и вмѣсто безпокойства въ немъ наростала, напротивъ, проницательная увѣренность, что именно тутъ-то и кроется то̀, „что̀ и не снилось мудрецамъ“.

— Да,—это жизнь! Маленькій фокусъ... всегда новѣйшій!..—хитро съ какимъ-то затаеннымъ лукавствомъ размышлялъ онъ про себя, вопросительно искоса взглядывая на Варягину.

Карета съѣхала съ моста и покатилась по Каменноостровскому проспекту.

Фонари замелькали чаще и вмѣстѣ съ освѣщенными окнами загородныхъ трактировъ и харчевенъ освѣтили внутренность кареты.

Варягина нетерпѣливымъ движеніемъ вдругъ откинула назадъ кружевную косынку, скрывавшую на половину ея черты, и открыла свое блѣдное, все сосредоточившееся въ какомъ-то глубокомъ выраженіи лицо.

Арсковъ никогда не видалъ ее такою задумчивою и серьезной. Это необыкновенно шло къ строго-законченному овалу ея лица. Онъ даже участливо повернулся и весь подался къ ней. Онъ хотѣлъ заговорить, но тутъ она сдѣлала нетерпѣливое движеніе рукой, чтобы остановить его. Тогда онъ любопытно и напряженно заглянулъ ей въ самое лицо. Сомнѣнія быть не могло,—и одинъ видъ этого повергъ его въ величайшее безпокойство,—изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ двѣ крупныя слезы катились по ея блѣднымъ и неподвижнымъ щекамъ.

XXXIII.

Арсковъ заволновался. Онъ съ трудомъ выносилъ женскія слезы. Но отъ Варягиной, зная ея сатанинское самообладаніе, онъ всего менѣе ждалъ такого пассажа.

Съ изумленіемъ и какимъ-то недоумѣвающимъ трепетомъ онъ успѣлъ только раздуматься: „и съ чего это она?.. плачетъ!“ Ему тутъ же пришло въ голову, что надо взять ея руку, вообще выразить чѣмъ-нибудь свое сочувствіе: утѣшить, успокоить.

Но Варягина уже овладѣла собою.

На-лету поймавъ его мысли, она вся выпрямилась и съ горделивымъ спокойствіемъ, точно досадуя на самоё себя, какимъ-то удалымъ движеніемъ тряхнула головой.

— Какъ это глупо!.. Не вообразите пожалуйста, что я—плачу. Это—сумерки и качка. У меня музыка вызываетъ слезы... иногда. По наукѣ это выходитъ какъ: физіологія или патологія?.. —холодно и дѣланно улыбнулась Варягина.

— Я никогда не считалъ васъ чувствительною,—нескладно замѣтилъ Арсковъ.

— О, я тоже!..—засмѣялась Варягина.

Помолчавъ секунду, она тутъ же съ оживленною насмѣшкою прибавила.

— Впрочемъ, у васъ, у мужчинъ, особливо у такъ называемыхъ избалованныхъ успѣхомъ (васъ, кажется, можно къ нимъ причислить?!), понятіе о женской чувствительности очень... и очень оригинально! По вашему, безсердечна каждая, которая не спѣшитъ по первому вашему знаку, забывъ всѣхъ и вся, броситься

вамъ на шею. И все это для того, чтобы на другой день имѣть счастіе убѣдиться, что то была съ ея стороны *роковая* ошибка... Избави Богъ каждую порядочную женщину отъ подобной чувствительности! Право, она граничитъ съ чѣмъ-то очень...—Варягина какъ бы затруднилась въ пріисканіи нужнаго ей слова, но послѣ небольшой запинки сказала:—очень неопрятнымъ!

— Какъ вы дальновидны и... благоразумны!—также насмѣшливо отвѣтилъ ей Арсковъ.

— Дальновидна, пожалуй,—да! Но благоразуміемъ хвалиться не могу, и лучшее доказательство, что я—съ вами... Моя хваленая дальновидность, это просто глупый фатализмъ какой-то. Я упряма!

— Скажите лучше, вы самолюбивы и привыкли властвовать.

— Я—властвовать?!—лицо Варягиной все засвѣтилось долгой и ясной улыбкой.—Нѣтъ,—я упряма! Вы ничего не знаете изъ моей жизни. Я не люблю разсказывать. Но еслибы вы знали...

— Что̀ же я бы узналъ?

Варягина нетерпѣливо сдвинула брови и поглядѣла на Арскова строгимъ и сосредоточеннымъ взглядомъ.

— Прежде всего вы перестали бы шутить!..

Кучеръ сдержалъ лошадей, и онѣ пошли шагомъ.

Слова зазвучали громко и Варягина, сама какъ бы испугавшись ихъ значенія, умолкла.

Арсковъ воспользовался этимъ и сталъ отдавать приказанія кучеру.

Онъ распорядился, чтобы, объѣхавъ Острова и обогнувъ Стрѣлку, карета не спѣша вернулась тою же дорогою обратно.

— Вы были для меня всегда загадкою, Ксенія Николаевна,—началъ Арсковъ, усаживаясь на прежнее мѣсто удобно и комфортабельно и видимо желая продолжать разговоръ, который успѣлъ задѣть его за живое.

— Все остается загадкою для тѣхъ, кто не трудится разгадывать... О, я васъ отлично поняла, потому что сама немножко *изъ такихъ*!—съ оттѣнкомъ не то злорадства, не то укоризны подхватила Варягина брошенный имъ вызовъ.

— Изъ какихъ?!

— Другіе назвали бы насъ эгоистами. Посудить,—намъ подавай весь міръ... или ничего не надо!.. А въ сущности!..

— Въ сущности?.. Это любопытно! Неужели вы угадаете слово?.. Мнѣ самому его недостаетъ... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ мы съ вами такое, Ксенія Николаевна?

— Жалкіе и безсильные люди!..

— Это не опредѣленіе, притомъ не ново!..

— Можетъ быть. Я бы сказала, что мы фальшивые эгоисты... Все, кажется, хотимъ для себя, жадно, неотступно хотимъ, а на повѣрку сами же поѣдаемъ себя всѣми угрызеніями совѣсти за одни пожеланія!.. Мы, какъ наказанныя дѣти, ни къ чему даже прикоснуться не смѣемъ. Что̀ жизнь намъ подастъ, то̀ и ладно! Мы принимаемъ отъ нея гроши, которые тутъ же разбрасываемъ, потому что это не обогатитъ насъ...

Варягина вся оживилась и заволновалась.

Какимъ-то разсѣяннымъ движеніемъ она совсѣмъ сдвинула съ головы кружевную косынку, и ея чудесные темнорусые волосы, стиснутые въ тяжелую и мягкую косу, стали понемногу распадаться. Чтобы оправить ихъ, она распахнула стѣснявшую ея движенія шубу и осталась въ легкой свѣтлой, какого-то китайскаго рисунка, фуляровой matinée, которая ей удивительно шла и молодила. Съ своими на половину обнаженными въ широкихъ рукавахъ руками и въ этомъ ребяческомъ простомъ и безпретенціозномъ нарядѣ она смотрѣла восемнадцатилѣтней дѣвушкой.

Арсковъ невольно залюбовался, когда ея высоко поднятыя руки медленно и съ усиліемъ стали справляться съ густыми, длинными, такъ и тѣснившими другъ друга волосами. Розовые, тонкіе пальцы, съ драгоцѣнными камнями на нѣкоторыхъ изъ нихъ, красиво ложились на темномъ фонѣ ея волосъ.

Почувствовавъ на себѣ его пристальный взглядъ, Варягина поспѣшно справилась съ волосами и снова закинулась въ свою шубу.

— Желаніе васъ видѣть явилось у меня такъ внезапно,— заговорила она снова легко и спокойно,—что, какъ видите, я не подумала даже о туалетѣ... Вы должны извинить.

— О, да вы всегда очаровательны!—невольно сорвалось у Арскова съ какою-то неувѣренною искренностью.—Сегодня болѣе, чѣмъ когда-нибудь,—поспѣшилъ онъ прибавить, но уже съ развязной и дѣланной усмѣшкой.

Варягина сдѣлала большіе глаза и движеніемъ головы и губъ изобразила что-то въ родѣ мимическаго, но очень низкаго реверанса.

— Вы неизмѣнно галантны и вѣжливы!.. О, этого отъ васъ отнять нельзя!—засмѣялась Ксенія Николаевна короткими, задорными смѣшками. — Еслибы вамъ было поручено казнить вашу жертву, вы бы сперва отмѣнно расшаркались передъ нею, наговорили бы ей тысячу комплиментовъ!..

— Вы это такъ говорите, словно *жертва*—вы?—съ недоумѣвающею досадой отрѣзалъ Арсковъ.

Варягина съ строгою и медлительною задумчивостью поглядѣла на него.

Подъ этимъ взглядомъ онъ опустилъ глаза и почувствовалъ неловкость... Но его тотчасъ же ободрила мысль, что смутился онъ напрасно. Развѣ только собственная мнительность могла винить его въ томъ, въ чемъ онъ не былъ повиненъ.

Онъ заговорилъ горячо, почти съ раздраженіемъ.

— Ксенія Николаевна, объяснимся разъ и навсегда!.. Вы не даромъ хотѣли меня видѣть.

— Объяснимся!

Они оба приняли болѣе удобную для продолжительной бесѣды позу, повернувшись другъ къ другу лицомъ.

Глаза ихъ встрѣтились.

— Неужели я такъ же гляжу на нее?—невольно пришло въ голову Арскову.

Онъ былъ совершенно пораженъ ея спокойнымъ, довѣрчивымъ, едва ли не полнымъ доброты взглядомъ, устремленнымъ на него. Куда же дѣвался всегда присущій ему холодный блескъ, гдѣ эта вѣчная тревога кокетливой подвижности?

Нѣтъ, такъ смотрѣть не надо!

— Объяснимся!—снова, но уже безъ прежней увѣренной настойчивости повторилъ Арсковъ.—Вашъ адвокатъ, а мой пріятель, Петръ Николаевичъ Кидошенцевъ...

— Только, пожалуйста, мимо этого... Мимо этой грязи. Съ меня довольно! Пусть дѣлаютъ, чтò хотятъ!..

— Но я хорошо понимаю, какъ тяжело ваше положеніе... Ваше имя, ваша репутація!..

— О, когда-то я придавала этому значеніе,—холодно и рѣзко возразила Варягина.—Я дорожила мнѣніемъ свѣта, я считала себя принятою въ немъ. Съ меня довольно! Я заплатила дань своему узко-тщеславному, жалкому воспитанію... Это все виноватъ отецъ—Богъ ему прости! Не ему ли я обязана и этимъ жалкимъ несчастнымъ бракомъ... Варягинъ былъ молодъ, красивъ... съ меня было довольно!.. Чтò я понимала? я была дѣвчонкой восемнадцати лѣтъ. Бѣдный отецъ!.. Высокородовитое имя господина Варягина такъ улыбалось его тщеславнымъ мечтамъ!.. Слава Богу, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ бы ужаснулся при одной мысли, что имя супруга его дочери стало теперь почетнымъ достояніемъ трактировъ, клубовъ и неоплаченныхъ векселей! Вы знаете ту роскошь, въ которой я жила,—я все отдала, все вплоть до своихъ бриллiантовъ... На мнѣ нѣтъ грязи! И я, глупая, придавала значеніе этому имени, берегла его! Я душила

въ себѣ лучшее чувство, которое впервые узнала; прошла мимо своего собственнаго счастья!..

Варягина была потрясена. Ея трепещущій голосъ звучалъ и глубиной, и страстью. Напряженно насупивъ брови, Арсковъ безмолвно глядѣлъ на нее.

— Я знаю, какое нелестное, какое убійственно-нелестное мнѣніе составилось у васъ обо мнѣ! Бездушная кокетка, чуть не интригантка, загадывающая о будущемъ, не давъ себѣ отчета о настоящемъ... Вотъ какъ вы думали обо мнѣ!.. Я знаю, я знаю! Вы думали, что я *посягаю* на ваше семейное счастье—допустимъ, что оно есть у васъ!—что я васъ хочу себѣ непремѣнно въ мужья... разочаровавшись въ господинѣ Варягинѣ!.. Не отрицайте, вы такъ думали! И по дѣломъ, по дѣломъ! Всякая ложь, даже самая возвышенная, самая благородная, отмщаетъ за себя. Мнѣ—отмстила!..

Варягина отвела глаза и, тяжело и нервно дыша, вся трепетала и вздрагивала.

Арсковъ взялъ ея руку, она была ледяная.

— О, успокойтесь, успокойтесь!

Варягина какъ бы замерла на нѣсколько мгновеній, но потомъ, осторожно высвободивъ руку, промолвила:

— О, я спокойна, я слишкомъ спокойна!..

— Чтò вы хотите сказать?..

Тогда Варягина съ какою-то нервною торжествующею улыбкой откинулась вглубь кареты и съ проворствомъ достала что-то изъ кармана своей ротонды.

— Что это?..

— Вотъ!—показала Варягина, крѣпко сжимая въ своей рукѣ небольшой карманный револьверъ.

— Да вы съ ума сошли!—вскочилъ Арсковъ и съ силою сталъ отнимать его.

Уступая силѣ, Варягина выпустила оцарапавшую ей руку блестящую вещицу, которую Арсковъ тутъ же поспѣшно переложилъ въ боковой карманъ своей шинели.

Оба взволнованно и тяжело дышали.

— Все равно, потомъ!.. Здѣсь бы я и не доставила вамъ этой непріятности,—сконфуженно сказала Варягина и отвернулась къ окну. Въ голосѣ ея звучали слезы какой-то ребяческой, но глубокой и искренней обиды.

Арсковъ начиналъ терять всякое самообладаніе. Что-то похожее на злобное раздраженіе смѣнило въ немъ тоску и растерянность недоумѣнія...

Онъ почти грубо ухватилъ ее за руку.

— Вы скажите, скажите,—потрясъ онъ ее:—къ чему эта новая жалкая комедія?.. Чтò вамъ отъ меня нужно!?

Она повернула къ нему свое блѣдное, слегка перекосившееся отъ нервныхъ вздрагиваній лицо. Губы ея какъ-то странно и безсильно открылись. Избѣгая его взгляда, она съ легкою, точно сдавившей ей горло хрипотой, тихо, но такъ, что было отчетливо слышно каждое ея слово, промолвила:

— Ничего, Боже мой, развѣ это васъ касается... Оставьте меня!

Она попробовала высвободить свою руку.

Онъ сжалъ ее злобнѣе прежняго.

— Оставьте!.. Вы пользуетесь силой...

Арсковъ разжалъ руку и почувствовалъ, какъ съ этимъ движеніемъ прежняя тоска недоумѣнія снова овладѣваетъ имъ.

— Къ чему вамъ знать?!..

Арсковъ молчалъ и только тяжело и напряженно дышалъ.

— Ну, такъ знайте же,—какимъ-то отрывочнымъ шопотомъ вырвалось изъ груди у Варягиной:—я люблю васъ... люблю давно... Вы довольны?!

Арсковъ почти вскрикнулъ.

— Чтò!?—и прежнее озлобленіе съ новой силою хлынуло къ его сердцу.—Чтò вы сказали?—спросилъ онъ, произнося отдѣльно каждую букву, и губы его сжались какимъ-то недобрымъ бѣшенствомъ.

— Люблю безумно!—стыдливо, но глядя прямо ему въ глаза, повторила Варягина.

Арсковъ даже отшатнулся, но тутъ же почувствовалъ, какъ какая-то неслыханная, одуряющая, кричащая радость, ликуя и торжествуя, поднимается и колотится въ его груди.

Онъ весь рванулся къ ней.

— Безумно, безумно!—медленно, словно баюкая, приговаривала Варягина, трепетно опуская свои руки на его склоненную, покорную голову...

Было около четырехъ часовъ ночи, когда по уединенной лѣстницѣ отдаленнаго загороднаго ресторана спускалась элегантная, изящная женщина, вся окутанная чернымъ кружевомъ, такъ что не было видно лица.

За нею слѣдовалъ Арсковъ.

Усердствуя, ему кланялись вслѣдъ вытянувшіеся шеренгой въ прихожей слуги, но онъ имѣлъ разсѣянный и утомленный видъ человѣка, который ничего не видитъ и никого не замѣчаетъ.

Гдѣ-то вдали бубенцы раскатывавшихъ по островамъ троекъ еще весело позвякивали.

Карета захлопнулась.

Суетливый швейцаръ крикнулъ громко: „пошелъ!"

Поздніе гости укатили.

— Помните... Помни!.. Я все тебѣ, все отдала!—успѣла съ какою-то торжественной глубиной шепнуть Варягина Арскову, крѣпко пожимая его руку, когда они разставались у подъѣзда.

Такъ какъ швейцаръ нѣсколько замѣшкался, она успѣла еще прибавить.

— Donc, c'est bien entendu!.. Черезъ три дня мы съѣдемся въ Вержболовѣ... Какое счастье!

XXXIV.

На Петропавловской крѣпости часы играли и били шесть.

Начинало свѣтать.

Загоравшихся гдѣ-то по астрономическому разсчету лучей солнца еще не было видно; зато сплошной молочно-бѣлесоватый туманъ напиралъ со всѣхъ сторонъ.

Въ квартирѣ, куда успѣлъ вернуться Арсковъ, было еще наполовину темно. Потревоженныя ночныя тѣни уже ползли, пятились, но какъ-то лѣниво и медленно отступали.

Возвратился Арсковъ къ себѣ неслышно, точно воровски — крадучись. Карманный ключъ отъ входной двери и на этотъ разъ, какъ всегда, былъ при немъ. Вступивъ въ квартиру, онъ прислушался: не потревожилъ ли кого своимъ приходомъ?

Кругомъ было, однако, тихо.

Только на парадной лѣстницѣ гулко хлопнулась входная дверь послѣ того, какъ швейцаръ отпустилъ карету.

Арсковъ постоялъ въ нерѣшительности нѣсколько секундъ въ темной прихожей, все еще продолжая прислушиваться.

Убѣдившись, что всѣ кругомъ спятъ, онъ вздохнулъ свободнѣе.

Ему вдругъ не захотѣлось почему-то идти дальше по корридору въ жилыя комнаты, гдѣ для него должна была быть приготовлена постель.

По привычкѣ онъ возвратился домой, но теперь яркое сознаніе, что онъ не имѣлъ права вернуться сюда, поразило его.

Какъ былъ, въ шинели и въ шапкѣ, онъ круто свернулъ направо и вступилъ въ длинную анфиладу теперь пустынныхъ,

когда-то „парадныхъ“ аппартаментовъ. И безъ огня здѣсь было достаточно свѣтло, благодаря огромнымъ окнамъ, съ которыхъ были содраны гардины и драпировки.

Онъ шелъ по какимъ-то сараямъ, которыхъ не узнавалъ.

Среди огромныхъ деревянныхъ ящиковъ и всюду набросанной соломы изрѣдка попадались кое-какіе слѣды прежней обстановки. Зеркала еще не были тронуты, и своимъ отраженіемъ только увеличивали просторъ поразившей его пустоты.

Его письменный столъ и при немъ цѣлый тронъ, гигантское кресло, на темномъ дубѣ котораго были еще всѣ слѣды его недавняго и многолѣтняго живого прикосновенія,—были вынесены изъ кабинета и зачѣмъ-то стояли среди маленькой гостиной, прямо противъ широкаго зеркала, доходившаго до пола.

Арсковъ не пошелъ далѣе.

Съ какою-то дрожью нервнаго утомленія онъ разсѣянно сбросилъ съ себя мѣховую шинель, которая упала тутъ же и распласталась по полу, а шапку умудрился такъ ловко откинуть въ сторону, что она попала прямо на уцѣлѣвшую въ дальнемъ углу кушетку.

Самъ онъ опустился въ кресло передъ столомъ.

На секунду онъ положилъ-было голову на руки въ какомъ-то безсильномъ утомленіи, какъ будто собирался тутъ же, сидя, уснуть, но очень скоро очнулся, откинулся назадъ и сталъ уже глядѣть во всѣ глаза.

Онъ видѣлъ самого себя въ зеркалѣ, въ открытомъ фракѣ, всю свою внушительную фигуру въ этой странной обстановкѣ, распростертую на полу шубу, словно свалившуюся съ ночного гуляки; и все вмѣстѣ ему казалось какою-то нелѣпою туманною картиною, которую ему неизвѣстно для чего затѣяли показать.

Онъ вздумалъ-было закурить, но сигара погасла, и ему было лѣнь чиркнуть во второй разъ спичкой. Руки его пахли духами, которыми онъ самъ не душился, и это какъ-то остро и вмѣстѣ болѣзненно раздражило его.

Съ той самой минуты, когда онъ простился съ Ксеніей Николаевной и даже раньше, какъ только она успѣла заговорить съ нимъ о планахъ на будущее, на ихъ „общее будущее“, онъ всѣмъ своимъ существомъ ощутилъ тогда же, что этого *будущаго* никогда не будетъ, и какъ бы нравственно успокоенный весь отдался минутѣ настоящаго.

Но вотъ въ окно ползетъ мутный разсвѣтъ... ползетъ будущее!

Онъ отвелъ глаза отъ окна и устремилъ ихъ въ зеркало.

Какъ все измято на немъ и какое вытянулось блѣдное, апатичное, съ осунувшимися чертами лицо... Да онъ ли это, полно?

„Господинъ Арсковъ, господинъ Арсковъ... вы ли это?!"

Губы его покривились грустной и жалкой улыбкой.

Онъ медленно потеръ себѣ сухою ладонью лобъ, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вплотную подошелъ къ зеркалу.

Съ какимъ-то мелочнымъ вниманіемъ, съ какою-то жадною настойчивостью сталъ онъ разглядывать свое лицо, слѣдя за малѣйшимъ оттѣнкомъ его выраженія.

Право, его можно было принять за сумасшедшаго.

Потомъ онъ сталъ медленно поглаживать себѣ на головѣ волосы, разглядѣвъ въ нихъ нѣсколько серебрившихся сѣдинъ.

Лицо его приняло при этомъ выраженіе, котораго онъ не узнавалъ и отъ котораго ему становилось жутко.

Наконецъ, послышались какіе-то задушенные, тупые смѣшки, какъ будто наружу сдержанно вырывался чей-то неудержимый внутренній хохотъ.

— Никуда вы не поѣдете, никуда, господинъ Арсковъ, никуда!.. Ни въ Вержболово, ни въ деревню.

Смѣялся онъ самъ.

Что-то неистовое, злобное и сокрушительное стало подступать къ его груди. Онъ отводилъ отъ самого себя глаза.

— Кончено, все кончено! Страшна не Варягина, Варягина— вздоръ... случайность! Стерпѣла бы и жена!.. Это водится. Не водится другое, другое!..

Онъ началъ терять мысли.

— Другое!.. Итогъ сведенъ: нуль, нуль... скалящій зубы нуль!—Онъ въ отчаяніи стискивалъ свои руки.—Чѣмъ же жить?..

Мутно и нескладно отраженное въ запыленномъ зеркалѣ лицо его вдругъ неподвижно застыло, какъ потрясенное нежданнымъ открытіемъ.

— На казнь, на казнь осужденнаго!..—вдругъ нестерпимо-остро завопило въ его груди.—На казнь!.. Его будятъ рано и пользуются вотъ этакою мутью (онъ перевелъ глаза на окно, которое бѣлѣло), чтобы покончить, пока не взошло солнце. Не будетъ утра. Не надо!.. Стыдно!

Сосредоточенная рѣшимость овладѣвала имъ.

Онъ всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ, какъ съ нимъ и даже собственно не съ нимъ самимъ, а съ тѣмъ, что̀ такъ злобно и вмѣстѣ любовно льнуло къ его сердцу, вдругъ—„кончено"!

Совсѣмъ кончено.

Онъ перестанетъ страдать, и такъ странно окрылятъ его—покой и свобода.

— Нельзя было вернуться сюда, нельзя! — уже, какъ бы успокоенный, мягко и наставительно приводилъ онъ резоны. — Разъ вернулся—казнь! Тебя вынесутъ отсюда вмѣстѣ съ остальнымъ дорогимъ хламомъ... солому послѣ выметутъ!

Холодокъ бѣжалъ у него по спинѣ.

Ему вдругъ стало жутко: сейчасъ войдутъ жена и Лида, увидятъ его такимъ и... помѣшаютъ.

Онъ сталъ руками тереть себѣ лицо, какъ бы желая очнуться.

Опять этотъ запахъ!..

Какъ-то по-дѣтски, наивно-снисходительно, хоть и съ оттѣнкомъ затаенной укоризны, ухмыльнулся онъ себѣ въ руки.

Пестрая, движущаяся картина завертѣлась въ его головѣ.

— Шумный былъ праздникъ, шумный! Я самъ нашумѣлъ больше всѣхъ... Пестро и красиво, тепло и ярко, сладко и мучительно. Говоръ и музыка—заглушены стоны! Сколько головъ! Вездѣ носы и уши и... рукопожатія. А ждать нечего! Ни отъ кого никому ничего не надо... Черныя галки и сѣрые журавли, летите... кишъ! Ускользнуть, не прощаясь! Вотъ такъ, во фракѣ, en grande tenue... tres distingué!.. Никого не обезпокоивъ, ни о комъ и не подумавъ. Попятиться только къ дверямъ и незамѣтно исчезнуть...

И ему до мучительной боли, до изжигавшей всю его внутренность истомы захотѣлось попятиться только и... исчезнуть.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ-было шагъ, чтобы отступить назадъ, но какъ-то неожиданно весь зашатался, затрясся и, заступивъ валявшуюся на полу шубу, грохнулся со всѣхъ ногъ.

Прошло нѣсколько мгновеній. Комната стала наполняться какими-то протяжными, жалобными стонами и вздохами.

Вдругъ Арскову показалось, что тотъ, кого онъ все время такъ зорко наблюдалъ въ зеркалѣ, кого почти жалѣлъ до этой минуты, теперь уже нелѣпо кривляется, противно хныча и корчась на полу.

Онъ почуялъ въ немъ лютаго, злѣйшаго своего врага, котораго надо сейчасъ же, сію минуту извести, пока онъ не успѣлъ еще подняться. Какъ разбойникъ, когда тотъ крадется въ лѣсной чащѣ, Арсковъ съ силою приподнялся на обѣ руки и сталъ тревожно шарить вокругъ себя. Онъ вспомнилъ, что въ боковомъ карманѣ шубы долженъ быть револьверъ, который еще недавно такъ странно попалъ туда.

Ему хотѣлось бы, чтобъ это былъ ножъ, чтобъ можно было

нанести ударъ... Бьютъ въ животъ, когда хотятъ всадить ножъ по самую рукоятку!

Ножа не было.

— Заряженъ ли еще?..—вдругъ мелькнуло брезгливо въ головѣ Арскова, и все лицо его исказилось больною и бѣшеной улыбкой.—Только недоставало... балагана!

На запотѣвшихъ оконныхъ стеклахъ сталъ играть первый утренній лучъ.

Выстрѣлъ раздался.

Арсковъ опрокинулся и, стискивая зубы, корчился на спинѣ.

Утренніе лучи одинъ за другимъ прибывали, заливая комнату багрянымъ румянцемъ.

Когда раненаго удалось освободить, наконецъ, отъ одежды, сдѣлать перевязку, смѣнить окровавленное бѣлье и при помощи созванныхъ людей перенести на простыняхъ, онъ уже только слабо стоналъ и безпрестанно впадалъ въ забытье.

Съ выраженіемъ остановившагося ужаса въ глазахъ, вся трепещущая и блѣдная, Вѣра Димитріевна тщетно пыталась давать ему съ ложечки вино, безпрерывно смѣняя ледъ на перевязкѣ.

Незамѣтно проскользнувшая въ пріотворенную дверь Лида неслышно забилась въ дальній уголъ и глазами, полными слезъ, слѣдила за всѣми движеніями матери. У Вѣры Димитріевны хватало еще мужества по временамъ дѣлать ей ободряющіе знаки. Про себя она не переставала мысленно молить Кого-то, все еще надѣясь спасти мужа...

Но теперь, по крайней мѣрѣ, онъ лежалъ уже спокойно въ чистой постели, посреди просторной комнаты съ занавѣшенными окнами, въ ровномъ и слабомъ свѣтѣ затепленнаго ночника, а не безпомощно распростертый на полу, среди этого ужаснаго, кроваваго разсвѣта...

Вотъ этого ужаса ей не забыть никогда.

Пока жива,—не забыть!

И какъ могло это случиться?!.. Какъ могла она уснуть?.. не дождаться его, не встрѣтить?!..

О причинѣ она не догадывалась... Она ничего не могла соображать. Она чувствовала и сознавала только, что послѣднюю каплю крови, послѣдній фибръ своей изнемогающей души она охотно отдала бы сейчасъ, чтобы хотя на одно мгновеніе продлить еще жизнь этого угасающаго, дорогого ей, безконечно дорогого существа!..

Арсковъ умиралъ.

Въ сосѣдней комнатѣ совѣщались врачи и рѣшали, что дѣло плохо. У каждаго изъ трехъ консультантовъ были свои мнѣнія относительно огнестрѣльныхъ раненій брюшной полости вообще, но въ частности, на этотъ разъ, всѣ сходились на томъ, что при такой значительной потерѣ крови, особенно если поранена селезенка,—какъ это очевидно и было въ данномъ случаѣ,—больной неминуемо и притомъ въ самомъ непродолжительномъ времени долженъ погибнуть отъ общаго peritonitis. Повертѣвъ въ рукахъ крохотный револьверъ, поднятый на мѣстѣ, и осмотрѣвъ уцѣлѣвшіе патроны съ такимъ видомъ, какъ будто имъ хотѣлось сказать другъ другу: „не хитрая игрушка, а человѣкъ ухлопанъ!“ —они тутъ же порѣшили, что если принять во вниманіе мѣсто раненія, то выстрѣлъ придется, пожалуй, приписать только несчастной случайности. Кто хочетъ стрѣляться, тотъ цѣлитъ въ високъ или въ сердце. По крайней мѣрѣ на оффиціальный запросъ, равно какъ и для окружающихъ, рѣшено было констатировать наличность неосторожности въ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ...

Вызвавъ къ себѣ на секунду Вѣру Димитріевну, какъ бы для того, чтобы какъ молотомъ поразить ее безнадежнымъ приговоромъ, они, съ грустнымъ, но сосредоточеннымъ видомъ сдѣлавшихъ свое дѣло людей, стали разъѣзжаться.

Между тѣмъ съ чернаго хода посланцы отъ гробовщиковъ уже совали въ руки растерявшейся прислуги свои печатные адреса...

На другой день „весь Петербургъ“ читалъ уже газетное объявленіе о внезапной кончинѣ „господина Арскова“.

Читала и Варягина.

Н. Карабчевскій.

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТѢ

V *).

Въ 1887 г. Энгельгардтъ продолжалъ опыты съ минеральнымъ удобреніемъ и въ результатѣ получилъ подтвержденіе того, что намъ нужно ввести въ сѣверной Россіи экстенсивную систему—по обилію земель, съ помощью фосфоритовъ и залуженія выпаханныхъ при содѣйствіи фосфоритовъ земель (сидерація). Въ этомъ же году департаментъ земледѣлія назначилъ ему 500 руб. на опыты съ фосфоритомъ. Изъ писемъ Энгельгардта къ проф. П. К—ву видно, при какихъ, однако, тяжкихъ условіяхъ приходилось А. Н—чу выработывать химическія основы земледѣлія и примѣнять къ нему минеральное удобреніе. Онъ посылаетъ въ Петербургъ къ профессору К—ву образцы почвъ и пишетъ ему отъ 10-го апрѣля 1887:

„Теперь только попрошу васъ, если можно, попробуйте опредѣлить, сколько фосфорной кислоты извлекается изъ почвъ № 1, № 3 и № 10 *уксусной кислотой*. Такъ пробуетъ почвы Дегеренъ и, можетъ быть, не будетъ ли это лучше, чѣмъ лимоннокислый амміакъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ реактивѣ не бунтуетъ ли все дѣло амміакъ! Всѣ три почвы—№ 1, № 3, № 10—съ *переломовъ*: былъ лугъ.

---

*) См. выше: іюль, 59 стр.

„Въ 1885 г. по *пластамъ* былъ ленъ. Въ 1886 г. по *перелому* посѣяна рожь.

„№ 1 и № 3 взяты съ *одной и той же десятины*, а именно: № 1 взятъ съ того мѣста, которое *ничѣмъ не удобрено*. № 3—съ того мѣста, которое удобрено 24 пудами фосфоритной муки на $^1/_2$ десятины=1.200 кв. саж.

„№ 10 взятъ съ поля, отстоящаго отъ № 1 и № 3 на три версты въ противоположномъ концѣ имѣнія.

„На № 1 (неудобр. переломъ) зелень осенью была *плоха*.

„На № 3 (тотъ же переломъ, удобренный фосфор. мук.) зелень была осенью *поразительно хороша*.

„№ 10 (неудобренный другой переломъ) зелень была осенью *хороша*, лучше № 1.

„Между тѣмъ лимонный амміакъ растворилъ:

Изъ	№ 1—0,124	фосфорной	кислоты
„	№ 3—0,075	„	„
„	№ 10—0,060	„	„

„Количество извести, магнезіи, кали и пр. во всѣхъ трехъ почвахъ *одинаковое. Только и есть разница въ количествѣ фосфорной кислоты*. Можно было бы подумать, что № 1 самая лучшая почва, а *рожь* показываетъ, что лучше № 10, а еще лучше № 3 (тотъ же № 1, получившій въ удобреніе 6,72 пуда фосфорной кислоты на *десятину*).

„Хитро! Не правда ли, очень хитро? Разскажите, пожалуйста, объ этомъ Баталину. Интересно еще будетъ, что̀ покажетъ опредѣленіе азота въ № 1, 3, 5, 9, 10 ?

„Получилъ „бумагу" отъ директора департамента о назначеніи 500 р. въ мое распоряженіе. „Бумага" интересная; давно я такихъ не читалъ. Въ департаментѣ, очевидно, думаютъ, что 500 р.—огромная сумма для опытовъ, потому что заказали сдѣлать опытовъ пропасть: 1) у себя въ имѣніи, 2) у сосѣдей, 3) у крестьянъ. Ну, конечно, сдѣлаю, что̀ можно; на дняхъ напишу директору и сообщу планъ опытовъ".

Вслѣдъ затѣмъ онъ пишетъ другое письмо, свидѣтельствующее, съ какимъ вниманіемъ онъ продолжалъ слѣдить изъ своей смоленской глуши за малѣйшими успѣхами химическаго знанія, пользуется каждымъ изъ нихъ и даже провѣряетъ ихъ лабораторнымъ способомъ при помощи преданныхъ ему друзей и учениковъ. Онъ пишетъ отъ 14-го того же апрѣля:

„Въ послѣдней февральской книжкѣ „Журнала Сельск. Хозяй-

ства и Лѣсоводства", въ библіографіи, въ обзорѣ журнала „Baltische Wochenschrift", на стр. 77 упоминается о работѣ Томса надъ 47 почвами Лифляндіи. Между прочимъ, тутъ сообщается, что *бонитированіе почвъ по аналитическимъ даннымъ* совпало съ принятой въ Курляндіи планификаціей почвъ. Еще тамъ говорится, что 14 *богатыхъ* (?) содержаніемъ фосфорной кислоты почвъ принадлежатъ къ *хорошимъ*, а 13 бѣдныхъ (?) содержаніемъ фосфорн. кислоты—къ почвамъ плохимъ. Это очень важно, но, конечно, нужно знать, чтò называется хорошими и худыми почвами. Я не получаю „B. W." и не читалъ статью Томса, но у васъ въ Петербургѣ навѣрно получается этотъ журналъ. Прочитайте статью Томса и обратите на нее вниманіе. Если можно, сообщите мнѣ ваши соображенія по поводу ея, а также, чтò тамъ называютъ богатою и бѣдною фосфорной кислотою почвами, и чтò называютъ хорошею и плохою. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ сообщилъ, что у насъ (въ моихъ почвахъ) фосфорная кислота ничего не указываетъ. При одинаковости относительно другихъ составныхъ частей въ почвахъ № 1 и № 10 и различіи только въ фосфорной кислотѣ,—при чемъ № 1 содержитъ *вдвое болѣе фосфорной кислоты*, чѣмъ № 10,—рожь на № 1 хуже, чѣмъ на № 10, и фосфоритъ на № 1 произвелъ громадное дѣйствіе.

„Непремѣнно нужно, чтобы вы заѣхали ко мнѣ по дорогѣ на югъ теперь весною, потому что теперь все будетъ лучше видно".

Дальнѣйшія письма къ тому же профессору поражаютъ читателя, какъ трудолюбіемъ Энгельгардта, такъ и научной осторожностью и проницательностью, съ которыми А. Н. приступалъ къ дѣлу, вопреки мнѣнію многочисленныхъ его недруговъ о томъ, что онъ бралъ многое „наскокомъ" и догадками.

Онъ пишетъ въ концѣ 1887 года:

„Мнѣ необходимо знать составъ фосфоритныхъ мукъ, употребленныхъ для удобренія въ нынѣшнемъ году. Образцы этихъ мукъ вы взяли для анализа, когда были въ Батищевѣ. Скоро ли можно будетъ получить отъ васъ результаты анализовъ? Мнѣ собственно важно знать только количество фосфорной кислоты въ каждомъ сортѣ муки, и затѣмъ еще желательно бы знать количество глауконита въ рославльской и рязанской мукахъ. Для этого нужно опредѣлить или количество кали, или количество кремнезема, растворимаго въ содѣ, остающагося при обработкѣ муки крѣпкой соляной кислотой при кипяченіи. Что касается анализовъ почвъ, то эту работу слѣдуетъ вамъ публиковать отъ своего имени. А интересные результаты дали опыты съ супер-

фосфатами. Замѣтьте, что и суперфосфаты оказали особенно хорошее дѣйствіе на плохихъ земляхъ, содержащихъ мало перегноя.

„Увѣренъ, что и фосфоритная мука оказала бы такое же дѣйствіе тамъ, гдѣ подѣйствовали суперфосфаты. Нужно было бы произвести въ *тѣхъ же хозяйствахъ*, гдѣ были суперфосфаты, опыты съ фосфоритной мукою. Программа можетъ оставаться одна и та же. Напишу объ этомъ департаменту. Только фосфоритной муки нужно класть столько, чтобы приходилось отъ 4,5 до 6,75 пудъ Ph^2O^5 на казенную десятину, слѣдовательно мясоѣдовской муки отъ 30 до 45 пуд., а куломзинской—отъ 18 до 27 пуд. Куломзинская мука выходитъ много дешевле мясоѣдовской: 1 п. Ph^2O^5 въ куломз. мукѣ 1 р., въ мясоѣдовской—1 п. 66 к.“.

Приблизительно въ этихъ годахъ (1885 г.) распалась Буковская община по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ распадаются нынѣ и толстовскія общины интеллигентныхъ пахарей: это—наше неумѣнье держать обязательствъ другъ передъ другомъ, такое же неумѣнье продолжительно работать, не понижая своего настроенія, а главное зависть и ссоры въ общежитіи, когда оно перестаетъ быть уже новымъ и увлекательнымъ. „Рассейскій“ характеръ вездѣ сказывается, но, конечно, трудно упрекать молодежь за ея попытки и неудачи перевоспитать себя къ лучшему. Энгельгардтъ видѣлъ крушеніе многочисленныхъ попытокъ русской интеллигенціи обратиться къ источнику существованія, установленному самой природой: къ землѣ, а не къ искусственнымъ и дорого оплачиваемымъ учрежденіямъ. Онъ утѣшался тѣмъ, что по крайней мѣрѣ въ этомъ направленіи возникло ученіе, а практическія его неудачи показываютъ только несостоятельность личностей.

Вообще къ 1887—88 годамъ Энгельгардтъ уже охладѣлъ къ „тонконогимъ“, замѣтивъ перемѣну въ настроеніи молодежи. Въ письмахъ этого періода онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о нихъ, отдавшись съ прежнимъ увлеченіемъ новому дѣлу о фосфоритахъ. Фосфоритное дѣло подвигалось у него шибко впередъ, завоевывало симпатіи крестьянъ и радовало старика за всѣ неудачи жизни. Онъ пишетъ отъ 23-го октября 1888:

„Жаль, что вы ко мнѣ не заѣхали. Я бы вамъ показалъ интересную вещь. Помните, когда мы съ вами ѣздили за деревню Батищево смотрѣть крестьянскую рожь по фосфориту, я вамъ показывалъ лежащую тамъ пустошь съ плохою травою и уже подгнившими пнями. Ныньче я раздѣлалъ на этой пустоши 31½ десятину (сдалъ съ половины крестьянамъ подъ 3 урожая: по пласту — ленъ, рожь съ фосфоритомъ, овесъ или ленъ). Ленъ

нынче по пластамъ вышелъ умопомрачительный, высокій, толстый—пенька. Съ $31^1/_2$ каз. десят. набрано 500 копъ (мнѣ половина—250 копъ). Прасолы, занимающіеся скупкой льна въ стебляхъ, давали по 4 рубля за копу. Если же разработать ленъ самому, то въ очистку рублей по 8 отъ копы придется, а то и цѣлая десятка, если цѣны на ленъ будутъ хороши. Значитъ, тысячи четыре за 31 десятину. А средняя цѣна такихъ пустошей 25 руб. десятина. И крестьяне-половинщики теперь въ восхищеніи, а между тѣмъ какъ трудно было склонить взять эту разработку. И рожь съ фосфоритомъ тоже будетъ хороша, а потомъ—ленъ. Послѣ того хоть трава не рости. Но я надѣюсь, что и потомъ будетъ рости. Посылаю сегодня двѣ статейки Баталину, между прочимъ объ урожаѣ клевера по фосфориту. Знаете ли, что оказывается: фосфоритная мука, употребленная подъ рожь, *не оказываетъ* дѣйствія на слѣдующій *за ней клеверъ*. На рожь дѣйствуетъ отлично, на слѣдующій за рожью овесъ—отлично; на клеверъ же, также на ленъ, *не дѣйствуетъ*. Отчего? А это ужасно жаль, если нельзя будетъ фосфоритной мукой увеличить урожайность клевера на нашихъ почвахъ. Что *вы насчетъ этого думаете*? На овесъ тоже не особенно дѣйствуетъ, если положить *прямо* подъ него. Лучше дѣйствуетъ *послѣ ржи*. Масса теперь интересныхъ опытовъ и *съ каждымъ годомъ* будетъ интереснѣе, потому что дѣлаются новые опыты и *остаются старые*. Напримѣръ, какъ бы интересно было сдѣлать почвенное изслѣдованіе вновь разрабатываемой пустоши, которая еще въ 1888 г. была подъ лѣсомъ. А вѣдь интересно будетъ рожь съ фосфоритомъ сѣять *на кормъ*. Косцовъ только, пожалуй, не найдемъ—грѣхъ. Нынче сдѣлалъ опытъ съ тимоѳеевкой. Нужно еще изслѣдовать почвы на *лядахъ*. Слѣдуетъ настоять, чтобы департаментъ далъ средства для изслѣдованія Батищева въ почвенномъ отношеніи, *пока я еще живъ*. У меня за 17 лѣтъ каждый клочокъ земли извѣстенъ, что далъ когда. Едва-ли найдется имѣніе болѣе удобное. Нужно прорыть глубокія траншеи, да чтобы почвы взяли вы сами, да изслѣдовать грунтовыя водныя подпочвы, химическій составъ разныхъ членовъ формаціи, составить планъ. Одна флора изучена Мих. Александр. (сынъ Энгельгардта) обстоятельно. Окаменѣлости мнѣ опредѣлитъ С. Н. Никитинъ. Я думаю, что почвенное обстоятельное изслѣдованіе *одного* имѣнія дастъ очень много. Не анализы почвъ важны, а изслѣдованія, что доказываетъ ваша работа. Этимъ-то и дорога ваша послѣдняя работа съ моими почвами, что вы именно не ограничились однимъ опредѣленіемъ, что вотъ въ почвѣ столько-то кали, извести, фосфорной кислоты и пр. Сегодня я

взялъ для васъ почвы, которыя въ скоромъ времени вамъ пришлю. Пока почвы въ мѣшкахъ лежатъ въ моей комнатѣ, слѣдовательно сохнутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришлю описаніе поля, съ котораго взяты почвы, съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ взяты. Почвы я взялъ съ того поля, гдѣ въ будущемъ году будутъ всѣ *паровые клинья;* слѣдовательно, если нужно, то можно будетъ въ будущемъ году удобрить фосфоритомъ тѣ десятины, которыя пожелаемъ. Поле это лучшее изъ моихъ 3-хъ *большихъ* полей. На этомъ полѣ, „западномъ", и до моего переѣзда въ Батищево хлѣбъ всегда родился лучше, чѣмъ на другихъ двухъ поляхъ—до 4 четвертей ржи съ десятины хозяйственной получалось болѣе, чѣмъ въ другихъ поляхъ. Бо̀льшая часть десятинъ этого поля лежитъ по покатости къ рѣчкѣ. Почва—красный суглинокъ. Въ подпочвѣ встрѣчается мѣстами прѣсноводный известковый туфъ, залегающій на темной глинѣ. Ключъ, вытекающій у подошвы поля, содержитъ известь. Я взялъ почвы съ десятинъ съ краснымъ суглинкомъ. Есть въ томъ же полѣ 6 десятинъ съ подзолистой почвой. На одной изъ десятинъ былъ опытъ съ фосфоритомъ, который вы видѣли въ 1887 г. и съ которой взяты анализированныя вами почвы № 1, 2, 3. Такъ какъ всѣ подзолистыя десятины съ этого поля уже удобрены фосфоритомъ, то я взялъ подзолистую почву съ примыкающей облоги, т.-е. десятины давно запущенной—лѣтъ 25, взялъ верхній слой—сѣрый подзолъ. Взялъ и нижній красный слой (*совсѣмъ другого вида, чѣмъ красный суглинокъ*), въ которомъ находятся желѣзистыя стяженія въ видѣ *шариковъ*. Все это вамъ пришлю; вмѣстѣ пришлю и описаніе, и планикъ поля, и разрѣзы (кроки отъ руки). При семъ прилагаю 6 листковъ письма для васъ (по вечерамъ люблю писать о томъ, что̀ меня интересуетъ). Отчего на рожь фосфоритъ дѣйствуетъ тотчасъ, если даже его внести въ почву за 3 дня до посѣва? отчего у фосфоритной ржи такъ сильно развиты корни? отчего не дѣйствуетъ на клеверъ и ленъ? отчего на овесъ непосредственное удобреніе фосфоритомъ дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ предъидущее подъ рожью (?). У меня еще есть департаментскія деньги, на которыя я и пріобрѣту рязанскую муку. Не лежитъ у меня сердце дѣлать еще опыты съ калійными удобреніями, или, лучше сказать, мнѣ это трудно. Департаментъ даетъ деньги на покупку матеріала, но кромѣ того есть не мало и другихъ расходовъ (я не стану дѣлать опыты на маленькихъ дѣлянкахъ), особенно если опредѣлять урожаи вѣсомъ. Наконецъ, и трудно мнѣ самому, а поручить некому—надѣлаютъ того, что и не разберешься. Отчего же бы департаменту не сдѣлать опытовъ на своихъ фермахъ, напр. на Горецкой, гдѣ на-

вѣрно есть подходящія земли? Впрочемъ, посмотримъ потомъ. Но рязанскіе фосфориты хочу испытать въ большомъ видѣ. Слѣдовало бы изслѣдовать лядныя почвы, на которыхъ клеверъ такъ хорошо ростетъ. Я надѣюсь, что мало-по-малу и вопросъ насчетъ клевера уяснится. А нельзя будетъ на подзолистыхъ почвахъ сѣять клеверъ, будемъ съ фосфоритомъ сѣять рожь на кормъ скоту. Подладимся".

Въ слѣдующемъ письмѣ того же 1888 года, отъ 14-го октября, онъ сообщаетъ К—ву о посылкѣ ему почвъ съ описаніемъ ихъ и планомъ поля для изслѣдованія, говоря:

„Мнѣ кажется, что подзолистыя почвы, имѣющія подъ ними бурыя подпочвы, слѣдовало бы подвергнуть, параллельно съ красными суглинками, *механическому* анализу и затѣмъ разсмотрѣть полученныя порціи въ *микроскопъ*. Если залегающіе *въ низинахъ* между лысинами краснаго суглинка, выходящими на поверхность, подзолы и подзолистыя почвы образовались на мѣстѣ, подъ вліяніемъ просачивающихся сквозь почву водъ, то скелетъ кварцевый будетъ одинаковый и въ красныхъ суглинкахъ, и въ подзолахъ, и въ ортштейнѣ, мнѣ кажется. Вообще механическій и микроскопическій анализъ долженъ, мнѣ кажется, кое-что разъяснить. Конечно, я нисколько не сомнѣваюсь, что химическое дѣйствіе воды, содержащей въ растворѣ углекислоту и органическія соединенія, имѣло главное вліяніе при образованіи подзоловъ, но, можетъ быть, и смываніе земли съ бугровъ въ низины тоже имѣло значеніе. Я уже вамъ писалъ, что красный суглинокъ, выходящій на поверхность лысинами, представляетъ почву безплодную. Въ дикомъ состояніи эти лысины покрыты лишаями и gnaphalium (почва № 1 теперешней присылки). Ленъ на красныхъ лысинахъ бываетъ плохой, клеверъ—тоже, рожь, съ навознымъ удобреніемъ, ничего. Эти красныя лысины и при продолжительной культурѣ остаются красными и не дѣлаются темными, какъ обыкновенно становится темною почва покатостей, хотя отъ культуры красныя земли становятся плодородными. Бѣлый подзолъ въ низинахъ тоже представляетъ почвы безплодныя; ленъ на такомъ подзолѣ бываетъ плохъ и часто отмякаетъ, вызябаетъ. Нужно много лѣтъ, десятки лѣтъ удобрять навозомъ такіе подзолы, чтобы хлѣбъ на нихъ родился хорошо. Но фосфоритная мука для такихъ подзоловъ есть *специфическое* удобреніе подъ рожь, фосфоритная мука *сразу* производитъ *поразительное, изумительное* дѣйствіе на самыхъ настоящихъ бѣлыхъ подзолахъ. Для подзолистыхъ почвъ фосфоритная мука лучше навоза, въ особенности если не пожалѣть муки. Переходныя почвы, отъ

чистыхъ красныхъ суглинковъ (на буграхъ-лысинахъ) съ чистымъ бѣлымъ подзоломъ (въ низинахъ)—лучшія почвы. Во-первыхъ, на нихъ отлично родится ленъ, который у насъ даетъ громадный доходъ. (Въ прошломъ году я получилъ съ хозяйственной десятины (3.200 кв. саж.) 60 пудовъ льна-сырца (только смятаго), который продалъ по 3 р. 30 к. пудъ, слѣдовательно на 198 р., да 5 четвертей сѣмянъ по 12 р.—на 60 р. Итого на 258 руб. съ десятины. Положите за работу десятины 100 р. (много кладу), чистаго дохода съ хозяйственной десятины—158 р. Можно было пріѣхать въ Петербургъ и иногда завтракать у Кузнецова, гдѣ фунтъ свѣжей икры былъ 4 р., десятокъ устрицъ—2 р., бутылка шампанскаго 6 р. 50 к. Во-вторыхъ, съ фосфоритомъ отлично родится рожь.

„Красныя лысины мнѣ понятны. Это выходящіе на поверхность красные дилувіальные суглинки, которые у насъ составляютъ верхній слой геологической формаціи. Такіе же красные суглинки находятся на покатостяхъ. Замѣтьте, что въ нашихъ красныхъ суглинкахъ не слыхалъ я, чтобы попадались остатки мамонтовъ, которыхъ множество, напр., въ лёсовомъ дилувіальномъ суглинкѣ рославльскаго уѣзда, но кремневыя орудія есть [1]). Но на ровныхъ *плато*, гдѣ мѣстность слегка волнистая и гдѣ по преимуществу почва подзолистая, на возвышеніяхъ почвы не красный суглинокъ, а желтая земля. Не есть ли это измѣнившійся подъ вліяніемъ воздуха ортштейнъ, который въ видѣ мраморно-бураго суглинка залегаетъ ниже подзола? Но какъ онъ попалъ на болѣе возвышенныя мѣста? Чтобы все это уяснить, нужно много работы. Студентика хорошенькаго, дѣльнаго, на лѣто нужно. Я все могу указать, но ходить самъ не могу — ноги слабы. А тутъ нужно рыть траншеи, буровыя скважины дѣлать. Говорятъ, теперь есть очень практичные буры для небольшихъ глубинъ — сажень, двѣ.

„Сегодня опять ѣздилъ смотрѣть свои зеленя. Чудеса надѣлала фосфоритная мука. Особенно поразительна десятина, на которую въ прошломъ году подъ овесъ былъ положенъ фосфоритъ; не будемъ ѣздить на степь за хлѣбомъ. Не будемъ! Это вѣрно!"

Въ ноябрѣ онъ пишетъ:

„Сегодня сразу получилъ два вашихъ въ высшей степени интересныхъ письма. Я тоже думаю, что фосфоритная мука будетъ дѣйствовать на *опредѣленныхъ* почвахъ. Но эта опредѣленность по-моему такова: фосфоритная мука будетъ дѣйствовать (у

---

1) *Разъ* найдено кремневое копье при рытьѣ канавы по подзолистому мѣсту Но самъ я не былъ, когда нашли, а канава доходитъ до суглинка.

насъ въ Россіи) на *всякихъ* почвахъ, плохихъ отъ природы или истощенныхъ культурою, и на подзолахъ, и на суглинкахъ, и на супесяхъ,—на всякихъ почвахъ, которыя безъ навоза даютъ плохіе урожаи, которыя не содержатъ достаточно фосфорнокислой *извести*. Разрушающій анализъ можетъ показывать въ почвѣ значительный процентъ фосфорной кислоты, но она можетъ находиться въ видѣ такихъ соединеній, которыя не могутъ въ данную минуту служить для питанія растеній, напр. въ видѣ фосфорно-органическихъ, фосфорно-кремнеземистыхъ, наконецъ, даже въ видѣ фосфорно-желѣзистыхъ или фосфорно-глиноземистыхъ. Ваши опыты показываютъ, что эти соединенія могутъ растворяться и въ лимонномъ амміакѣ, а между тѣмъ не служить для питанія растенія. И вотъ на такихъ почвахъ, содержащихъ сотни пудовъ Ph^2O^5, какихъ-нибудь 5 пудовъ Ph^2O^5 въ видѣ *нерастворимой* (которая по агрономіи не должна дѣйствовать) фосфорной извести удвоиваетъ урожай. Анализъ не можетъ показать, что въ почву прибавлена фосфорная известь, а рожь-тотчасъ показываетъ. Это даже изумительно. Поэтому-то (агрономіей-то за послѣдніе годы *всѣ пропитались*, и мнѣ это видно изъ разговоровъ посѣщающихъ меня лицъ) такъ трудно распространяется примѣненіе фосфоритной муки, и нужно долбить и долбить. Нужно собирать факты и убѣждать, чтобы дѣлали опыты на *всякихъ* почвахъ. Никакихъ *путъ* пока не нужно. Фосфоритная мука особенно хорошо дѣйствуетъ на подзолахъ, но я думаю, что она дѣйствуетъ и на красныхъ суглинкахъ. Обратите вниманіе, что дѣйствуетъ *именно* на *рожь*. Въ будущемъ году можно будетъ сдѣлать опытъ удобренія фосфоритной мукой и на тѣхъ почвахъ, которыя я вамъ послалъ. Сберегите посланный мною планъ и описаніе и по немъ укажите, гдѣ бы вы желали, чтобы былъ сдѣланъ опытъ удобренія фосфоритной мукою. Вообще по этому плану вы можете дѣлать мнѣ всякіе запросы. Соединеніе химическихъ изслѣдованій съ опытами на поляхъ въ большомъ видѣ, на цѣлыхъ десятинахъ, очень важно.

„Удивительно трудно вѣрятъ тому, что фосфоритная мука производитъ такое поразительное дѣйствіе. Статьи, сообщенія, слова —мало дѣйствуютъ. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, господинъ, входитъ, рекомендуется, говоритъ, что читалъ мои статьи и пр. Начинаемъ толковать о фосфоритномъ удобреніи. Вижу—не вѣритъ. Снопы, что̀ стоятъ въ кабинетѣ, показываю—не вѣритъ. Ѣдемъ въ поле (осенью на зеленяхъ лучше всего показывать, потому что соломистый навозъ еще не перепрѣлъ и сейчасъ видно, гдѣ не унавожено). Какъ только увидитъ зеленя по фосфоритному удобре-

нію, сейчасъ въ азартъ придетъ, и начнется оханье.—„Значитъ, можно и скотъ уничтожить“ (скотъ-то для навоза у всѣхъ въ горлѣ сидитъ)? — Можно. Будете держать сколько можно прокормить соломой, мякиной; рожь будете жать повыше, чтобы не перевозить солому съ мѣста на мѣсто (показываю, какое у меня высокое жнивье оставлено на ржаномъ полѣ), сѣно будете что лишнее продавать, а на эти деньги покупать фосфоритную муку. —„А истощеніе?“ Тогда я везу господина домой, приглашаю къ обѣду, выпиваю водки и начинаю ругать истощеніе, агрономію и т. д.; кстати и свиноводство (о немъ *всегда спрашиваютъ*) и каждому приходится объяснять эту безсмыслицу. Послѣ обѣда иду спать, а господина предоставляю А. Мертвагѣ. Вы думаете, что фосфоритная мука будетъ дѣйствовать только на *опредѣленныхъ* почвахъ, которыя можно довольно рѣзко отличить отъ другихъ не только по химическому изслѣдованію, но и на глазъ. Я съ этимъ не согласенъ. Если я удобрю подзолъ достаточнымъ количествомъ фосфоритной муки, то такую удобренную почву, *ни на глазъ, ни химическимъ изслѣдованіемъ, нельзя будетъ отличить* (анализированныя вами почвы № 1 и № 3) отъ неудобренной фосфоритной мукою, а между тѣмъ на одной фосфоритная мука будетъ дѣйствовать, на другой—нѣтъ. Не думаю, чтобы можно было отличить на глазъ, или даже химическимъ анализомъ, подзолистую почву, хорошо удобрявшуюся навозомъ, отъ подзолистой почвы, не удобрявшейся; а между тѣмъ на первой фосфоритная мука не будетъ дѣйствовать, а на второй будетъ. Я никакъ не могу уяснить себѣ, почему вы думаете, что фосфоритная мука будетъ дѣйствовать только на подзолѣ и не будетъ дѣйствовать на суглинкахъ и супесяхъ. Какъ вы себѣ представляете дѣйствіе фосфоритной муки? Отчего фосфоритная мука производитъ поразительное дѣйствіе именно на рожь и слабо дѣйствуетъ на овесъ?

„Нужно испытывать дѣйствіе фосфоритной муки подъ рожь на *всякихъ* почвахъ. Рожь лучше всего покажетъ, хозяину, слѣдуетъ ли ему на своей почвѣ употреблять фосфоритную муку.

„Никакихъ *путъ!*

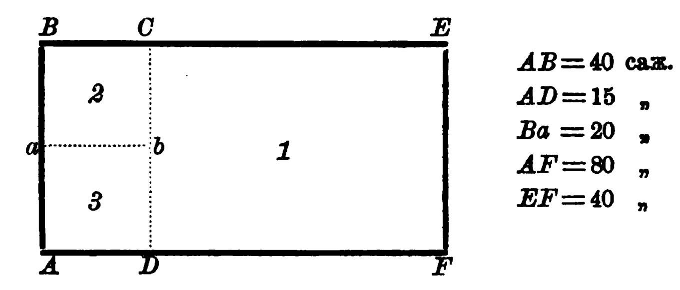
„Дѣло примѣненія фосфоритной муки—*большое* дѣло“.

Въ слѣдующемъ, 1889 году Энгельгардтъ получилъ результаты изслѣдованія батищевскихъ почвъ проф. К—вымъ и по этому поводу пишетъ ему:

„Я нисколько не сомнѣваюсь, что въ образованіи подзоловъ и подзолистыхъ почвъ принимали участіе процессы растворенія водами, содержащими CO^2 и органическія кислоты. Но кромѣ

этого участвовали и другіе процессы: сносъ въ низины водами тонкихъ частицъ. Иначе механическій составъ подзоловъ и суглинковъ былъ бы одинаковъ, а одинаковъ ли онъ? Въ подзолѣ низинъ нѣтъ валуновъ (намъ только разъ попался въ подзолѣ при рытьѣ канавы кремень, но это былъ обдѣланный въ копье кремень), да и остатокъ при отмучиваніи тонкихъ частицъ въ типичномъ красномъ суглинкѣ, я полагаю, будетъ другой, чѣмъ въ подзолѣ. Механическій сносъ тонкихъ частицъ въ низины можно и теперь наблюдать послѣ дождей.

„По поводу 2-го вашего опыта ничего сказать пока нельзя, хотя, думаю, онъ дастъ интересные результаты. Сообщу вамъ объ одномъ нашемъ опытѣ, который сдѣланъ въ смежномъ съ Батищевымъ имѣніи, Семеновщинѣ, молодымъ хозяиномъ В. Е. Корсакомъ. Для опыта взята ровная хозяйственная десятина ABEF

въ 3.200 кв. саж. съ подзолистою почвою. На этой десятинѣ отбитъ участокъ ABCD въ 600 кв. саж. Этотъ участокъ ABCD удобренъ 300 возовъ торфяной земли и 100 пудами извести. Затѣмъ на часть удобреннаго известью съ торфомъ участка, именно на aBCb, разсыпанъ 1 мѣшокъ въ 4 пуда куломзинской фосфоритной муки. На остальную часть десятины 5 мѣшковъ (20 пуд.) куломзинской фосфоритной муки. Вчера я осматривалъ эту десятину на участкѣ DCEF (одна фосфоритная мука)—зелень *превосходнѣйшая*, темная, густая, *лучше, чѣмъ на десятинахъ, удобренныхъ навозомъ*. На участкѣ aBCb (торфяная земля, известь и фосфоритная мука) зелень тоже превосходная и такъ же хороша, какъ на 1 участкѣ съ одною фосфоритной мукой. На участкѣ (3) AabD (только торфяная земля и известь) зелень плоха; хуже навозной и *гораздо хуже*, чѣмъ на участкахъ 1 и 2. Этотъ участокъ 3 рѣзко выдѣляется на десятинѣ по плохому, сравнительно съ 1 и 2, состоянію зелени. Изъ этого опыта видно, что известь съ торфомъ не оказываетъ дѣйствія на первый хлѣбъ или очень слабое (потомъ, на послѣдующіе хлѣба, вѣроятно окажетъ); но если къ извести и торфу прибавить фосфоритной муки, то она (ф. м.)

тотчасъ оказываетъ дѣйствіе. Не правда ли интересный опытъ? И другіе опыты нынѣшняго года очень интересны. Буду ли на съѣздѣ натуралистовъ — вопросъ денегъ. Продамъ ленъ — буду. Не продамъ—можетъ быть, не буду. На поѣздку немного нужно, рублей 200. Но мнѣ нужно платье, шуба"...

Какъ ни были научны и интересны опыты въ Батищевѣ, они производились съ большими затрудненіями: надо было имѣть такихъ преданныхъ Энгельгардту друзей, какъ проф. П. К—въ, П. Л—въ и др.; надо было переписываться съ нимъ о каждой мелочи, о малѣйшей неясности, и, разумѣется, выясненіе практическихъ вопросовъ путемъ переписки крайне затруднительно. Едва-ли кто-нибудь изъ русскихъ ученыхъ работалъ при такихъ условіяхъ. Одинъ Энгельгардтъ умѣлъ на простомъ почтовомъ листѣ бумаги такъ же отлично работать, какъ и на поляхъ. Но плохо было, когда его письма терялись или до него не доходили. Вотъ почему онъ пишетъ К—ву:

„Письмо ваше отъ 10/х 89 получилъ. Прежде всего объясните слѣдующее маленькое недоразумѣніе: вы говорите объ опытѣ съ почвой № 9 прошлогодней и прибавляете: „анализъ, который у васъ есть". Между тѣмъ анализовъ почвъ, посланныхъ мною вамъ въ прошломъ 1888 году, у меня нѣтъ — вы мнѣ ихъ не сообщили (можетъ быть писали, но я письма не получалъ—вообще я долго (до осени) не получалъ отъ васъ писемъ и думалъ, что вы куда-нибудь уѣхали, и въ печати я тоже объ нихъ не читалъ. А между тѣмъ я ждалъ этихъ анализовъ съ нетерпѣніемъ, потому что мнѣ хотѣлось знать, есть ли разница, и какая, въ составѣ красныхъ почвъ съ лысинъ и бѣлясыхъ съ низинъ. Еще хотѣлось знать составъ *желѣзистыхъ стяженій* (которыя въ видѣ мелкихъ шариковъ есть и въ красныхъ почвахъ). Почему вы думаете, что известь или NH^3 разложитъ фосфорно-органическія соединенія при условіяхъ вашего опыта? Если въ почвѣ находятся фосфорно-органическія соединенія, подобныя искусственно получаемымъ сочетаннымъ фосфорно-органическимъ соединеніямъ (фосфорно-винная кислота и т. п.), то эти соединенія могутъ быть настолько прочны, что соли ихъ не будутъ разлагаться известью и т. п. Въ природѣ, конечно, разложеніе можетъ происходить, если оно будетъ сопровождаться окисленіемъ подъ вліяніемъ какихъ-нибудь бактерій и т. п. Очень интересно, что̀ дадутъ ваши дальнѣйшіе опыты. Буду съ нетерпѣніемъ ждать сообщенія вашихъ предположеній. Опытъ Корсака сдѣланъ такъ: десятина въ 1888 г. вспахана на зиму, весною 1889 выборонована: торфяная земля (подобная черной моей землѣ изъ кротовыхъ кучъ,

которую вы анализировали) вывезена въ первыхъ числахъ іюня (до 8-го). Торфяная земля бралась съ десятины обработываемой. Торфяная земля изъ верхняго слоя вывозилась и складывалась кучками прямо. Торфяная земля изъ нижняго слоя, менѣе разложившаяся, тоже складывалась въ кучки, пересыпалась известью, перелопачивалась. На это употреблено 50 пудъ извести. Въ концѣ іюня кучки разбиты, запахано и пробороновано. Въ половинѣ іюля взмѣшано и разсыпано еще 50 пудъ извести. За 4 дня до посѣва разсыпана куломзинская мука. Рожь посѣяна 8-го августа. Задѣлано.

„Одна торфяная земля и известь не оказали почти никакого дѣйствія. Гдѣ прибавлена куломзинская мука—дѣйствіе громадное. Я думаю, что съ теченіемъ времени и одна известь съ торфяной землей окажутъ дѣйствіе.

„Былъ у меня вчера Мясоѣдовъ. Говорилъ, что продалъ за 14 мѣсяцевъ 40.000 пудъ своей муки. Мука ему обходится 4 коп. пудъ, продаетъ по 25 к. (значитъ, рубль на рубль да 3 барыша). Не уменьшаетъ цѣну потому, что разбираютъ по этой цѣнѣ все, что намелетъ. Если есть запасъ муки, то продаетъ и дешевле (если кто *поторгуется*). Опредѣлили ли вы азотъ въ моихъ почвахъ 1886 или 1888 г.?"

Въ январѣ 1890 г. онъ пишетъ:

„Очень жалѣю, что не могъ быть на съѣздѣ. Такъ и не продалъ-таки ленъ — ни прошлогодній, ни нынѣшній. Поэтому „денегъ я имѣю нѣтъ", какъ говоритъ одинъ знакомый нѣмецъ. Вотъ какія наши дѣла. А очень хотѣлось побывать на съѣздѣ и посмотрѣть, что выйдетъ изъ агрономической секціи.

„Насчетъ фосфоритной муки еще хочу поговорить.

„Я совершенно увѣренъ, что растеніямъ нужно давать *фосфорнокислую известь трехосновную.*

„Если почва содержитъ *очень мало извести,* то суперфосфатъ окажетъ на ней, можетъ быть, *худшее дѣйствіе, чѣмъ фосфоритная мука.*

„На бѣдныхъ известью почвахъ лучше всего подѣйствуетъ томасова мука, потомъ термофосфатъ, т.-е. обожженный фосфоритъ, потомъ фосфоритная мука, костяная зола, костяной уголь.

„Костяная мука будетъ дѣйствовать тѣмъ *лучше, чѣмъ лучше выварено органическое костное вещество* изъ костей. Самая лучшая костяная мука будетъ та, изъ которой выварено *все органическое костное вещество.*

„Насчетъ извести я того мнѣнія, что нужно *время* для ея

дѣйствія,—для того, чтобы она разложила фосфорныя соединенія почвы.

„Ph^2O^5 въ почвахъ можетъ быть не только въ видѣ недѣятельныхъ соединеній съ органическими веществами (сочетанныя фосфоритныя соединенія), но и въ видѣ соединеній съ кремнеземомъ и кремнекислыми соединеніями, и эти соединенія *могутъ не разлагаться известью*. Говорилъ мнѣ одинъ господинъ, что получалъ подобныя соединенія при сплавленіи Ph^2O^5 или солей ея со стекломъ, но не кончилъ этихъ изслѣдованій (въ Харьковѣ у Николая Бекетова). Что̀ думаете о семъ? Сырая костяная мука хуже дѣйствуетъ, чѣмъ пареная, потому что частицы фосфорной извести облечены костнымъ органическимъ веществомъ. Тоже, думаю, будетъ, если фосфоритную муку облечь жиромъ или столярнымъ клеемъ. А не окажется ли, что всюду сѣверные суглинки, бѣдные известью, не лёсовидные (не содержащіе, думаю я, остатковъ мамонта), болѣе или менѣе подзолисты? По вашему, кажется, такъ бы оно и должно быть. А что, на агрономической секціи не поднимался вопросъ о рабочихъ книжкахъ и разныхъ обузданіяхъ рабочихъ? Если напустите на агрономическую секцію *хозяевъ*, то вѣрно подымутъ такіе вопросы. Я писалъ М. Л. Бортникеру, что въ нынѣшнемъ году не представляется надобности въ ассигнованіи денегъ на пріобрѣтеніе фосфоритной муки для производства опытовъ въ Батищевѣ. Отъ прежнихъ ассигнованій у меня осталось еще достаточно денегъ на покупку муки для опытовъ 1890 года. Думаю повторить опытъ Корсака, но хочу употребить вмѣсто извести *мѣлъ*. Что̀ вы объ этомъ думаете? Дѣлали ли вы анализы тѣхъ *желѣзистыхъ стяженій*, кусочки которыхъ я вамъ послалъ въ прошломъ 1888 году? Мнѣ очень интересно знать, содержатъ ли эти стяженія Ph^2O^5, известь и органическія вещества. Меня очень интересуютъ *ортштейны*. Нѣкоторые ортштейны представляютъ песокъ, сцементированный фосфорно (до 10% Ph^2O^5 въ цементѣ, органическими соединеніями глинозема и окиси желѣза. *Это нѣчто въ родѣ песчанаго фосфорита*. И залеганіе очень похоже. Сверху и снизу песокъ, не содержащій Ph^2O^5, и вдругъ между ними слой ортштейна, цементъ котораго содержитъ значительныя количества Ph^2O^5. Тоже и фосфоритъ. Песокъ, не содержащій Ph^2O^5, и вдругъ въ немъ прослоекъ кругляковъ фосфорита, т.-е. песка, сцѣпленнаго фосфорнымъ цементомъ, и цементъ этотъ всегда содержитъ органическія вещества. Разница только въ томъ, что въ прослойкахъ фосфорита встрѣчаются куски дерева, губки, кости, и все это окаменено фосфорною известью. Но, можетъ быть, и въ ортштейнѣ

есть остатки растеній и животныхъ, нынѣ живущихъ. Самое интересное: *почему* и фосфоритныя плиты, и ортштейны образовались на извѣстномъ мѣстѣ, *что̀ привлекало сюда именно* цементирующее вещество, осаждавшееся очевидно изъ раствора? Какъ вы думаете? При вашихъ опытахъ искусственнаго полученія ортштейна не выяснилось ли что̀? Еслибы въ землю, сквозь которую вы пропускаете воду, насыщенную продуктами разложенія лѣсной подстилки, положить въ извѣстномъ мѣстѣ кусочки травы, раковинки съ моллюсками и пр. — не образовался ли бы тутъ ортштейнъ?

„Въ юрскихъ глинахъ, напр., встрѣчаются стяженія фосфорита, и всегда въ этихъ кругляках находятся раковины, которыя, очевидно, служили центромъ стяженія. Всѣ юрскія окаменѣлости заполнены фосфоритной массой. Фосфориты песчаные—не ортштейны ли мѣловыхъ временъ? Интересно мнѣ, что̀ дасть механическій анализъ моихъ почвъ, что̀ дасть обработка сѣрной кислотой. Я думаю, что мои почвы очень песчанисты, только песокъ мелкій. Напишите пожалуйста, что̀ было на съѣздѣ въ агрономической секціи“.

VI.

Занимаясь „опытами“, ведя по поводу ихъ обширную переписку съ Петербургомъ, Энгельгардтъ находитъ время не только отвѣчать письменно корреспондентамъ по вопросамъ сельскаго хозяйства, но съ удивительной практичностью руководить ими въ ихъ хозяйствованіи. Когда въ городѣ Рязани возникало товарищество добычи и обработки фосфоритовъ и другихъ минеральныхъ туковъ, и основатель его (В. Анз—овъ) обратился за совѣтомъ къ А. Н. Энгельгардту, то по письмамъ послѣдняго интересно прослѣдить его участіе въ исторіи этого товарищества. Живая отзывчивость и заботливость Энгельгардта объ интересахъ чуждаго ему „товарищества“ свидѣтельствуетъ о прекрасномъ характерѣ ученаго профессора. Вся его переписка съ В. А. А—вымъ доказываетъ, что, занятый повидимому исключительно собственными мыслями, Энгельгардтъ въ то же время близко принималъ къ сердцу и интересы другихъ людей, и никогда не оставлялъ не только безъ отвѣта ихъ просьбы, но всегда принималъ подъ свое покровительство менѣе опытныхъ и знающихъ людей.

Въ іюнѣ 1888 г. онъ пишетъ В. А—ву:

„Отъ всей души, сердечно, привѣтствую ваше благое начинаніе и желаю вамъ успѣха. Радуюсь, что осуществляется, на-

конецъ, разработка фосфоритовъ подлѣ Рязани. Въ моихъ статьяхъ я постоянно указывалъ на громадное значеніе устройства добычи фосфоритной муки въ подмосковномъ краѣ. И превосходныя качества фосфоритовъ, и центральное положеніе, и близость *сѣверныхъ* городовъ, куда пойдетъ масса фосфоритной муки и, наконецъ, удобство сообщеній — все говоритъ за широкое развитіе этого дѣла въ подмосковномъ краѣ. Я былъ бы очень радъ, еслибы кто-нибудь изъ васъ, господа, пріѣхалъ ко мнѣ въ Батищево посмотрѣть, какъ превосходно дѣйствуетъ фосфоритная мука. Посѣщеніе ваше мнѣ доставило бы большое удовольствіе. Кромѣ того, я считаю *чрезвычайно важнымъ*, чтобы *вы сами* на опытѣ убѣдились, какое дѣйствіе оказываетъ фосфоритная мука, *видѣли* ея дѣйствіе на моихъ поляхъ. Это дастъ вамъ *вѣру* въ дѣло и еще болѣе возбудитъ вашу *энергію*. Кромѣ того, мы могли бы переговорить о разныхъ *важныхъ* вопросахъ, касающихся дѣла. Мои совѣты, можетъ быть, принесли бы вамъ пользу. Мнѣ очень хотѣлось бы показать на зеленяхъ, *какіе узоры я расписываю посредствомъ фосфоритной муки*. Именно — узоры! Это нужно видѣть! Всѣ, кто ни пріѣзжалъ ко мнѣ, и вѣрующіе въ мои описанія, были поражены. Мнѣ все сдается, что вы еще не вѣрите, что фосфоритная мука производитъ поразительное дѣйствіе. Пріѣзжайте и посмотрите. „Гляженое лучше хваленаго". *Опытъ показалъ* (совершенно *наоборотъ* тому, что̀ до сихъ поръ предполагалось агрономами), *что фосфоритная мука превосходно дѣйствуетъ на тощихъ, плохихъ*, требующихъ неустаннаго удобренія навозомъ, почвахъ. Введя фосфоритную муку, мы, сѣверяне, не будемъ „ѣздить на степь" за хлѣбомъ. Мы сами завалимъ рынки рожью. Если же фосфоритная мука, даже рязанская, калійная, не будетъ увеличивать урожаи клевера, — если невыгодно станетъ производить рожь на зерно, мы станемъ сѣять рожь *на кормъ*. Будемъ по фосфориту на плохихъ земляхъ сѣять рожь и косить ее зеленую на кормъ скоту. Завалимъ рынки сыромъ, масломъ, саломъ, кожей, мясомъ.

„Вотъ что̀ такое фосфоритная мука!

„Нужно только отрѣшиться отъ агрономической рутины, которая такъ засѣла въ агрономическихъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Вы говорите, что гарантируете въ вашей мукѣ 23% Ph^2O^5. Какъ вы сами достигаете увѣренности, что отпускаемая мука содержитъ именно 23%? Глауконитовый фосфорный песчаникъ *не можетъ имѣть совершенно однообразный составъ*: мѣстами въ песчаникѣ есть стяженія фосфорнокислой извести, мѣстами песчаникъ переходитъ въ песокъ, мѣстами пустоты заполнены

кварцевымъ пескомъ и т. п. Чтобы гарантировать извѣстный % Ph^2O^5, вы должны контролировать ваше производство анализами, постоянно брать пробы и анализировать среднюю пробу. Какъ это у васъ дѣлается? Подъ контролемъ какого химика находится ваше производство? Позвольте посовѣтовать вамъ слѣдующее. Поручите вашему химику сдѣлать *механическій* анализъ средней пробы вашей фосфоритной муки. Затѣмъ, когда мука будетъ раздѣлена на порціи *разной тонкости*, слѣдуетъ опредѣлить количество фосфорной кислоты въ каждой порціи. Такимъ образомъ опредѣлится, *сколько фосфорной кислоты остается при крупномъ пескѣ*. Если это количество невелико, то размолъ хорошъ. Прочитайте мою статью по этому предмету въ № 41 „Земл. Газ." и въ слѣдующемъ. Вникните въ суть дѣла, и вы вѣроятно согласитесь со мной, что размолъ слѣдуетъ вести до *извѣстнаго предѣла. Нѣтъ никакой надобности* перетирать въ тончайшую муку *всѣ* зерна глауконита и кварца. Это только удорожитъ муку. Притомъ же разсыпать пылеобразную муку *очень неудобно*. (Самое удобное было бы разсыпать такую муку, которая состояла бы изъ зеренъ песка, облеченныхъ, каждое зерно, тончайшимъ слоемъ фосфорита.) *Песчанистая мука разсыпается гораздо легче и равномѣрнѣе*. Все дѣло въ томъ, чтобы опредѣлить *предѣлъ*, до котораго слѣдуетъ вести растираніе, и опредѣлить это можно только механическими анализами муки, *соединенными* съ опредѣленіями Ph^2O^5 въ различныхъ порціяхъ, отдѣленныхъ механическимъ анализомъ. Дѣло это очень важное какъ для заводчиковъ, такъ и для хозяевъ, и вамъ слѣдуетъ его уяснить. Агрономы не могутъ переварить, что фосфоритную муку нужно употреблять на хорошихъ перегнойныхъ земляхъ. Разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ агрономовъ, которые пріѣзжали въ Батищево и видѣли здѣсь дѣйствіе фосфоритной муки. Гг. же въ родѣ Масленикова, издающаго „Сельскій Хозяинъ", печатаютъ статьи, въ которыхъ просто-на-просто говорятъ, что я все вру, что я еще не могъ имѣть ржи по фосфоритному удобренію и проч. Самое важное—это, чтобы вашъ заводъ *ручался* (какъ Куломзина) за извѣстный процентъ фосфорной кислоты въ каждомъ сортѣ муки. Для покупателя *ручательство* завода—самое важное, если онъ выписываетъ муку прямо съ завода. Затѣмъ обратите вниманіе на хорошую упаковку муки. Въ мѣшокъ нужно сыпать 4 пуда муки (какъ у Куломзина), потому что иначе тяжело носить. Мѣшки спеціально заказывать на одномъ заводѣ. На каждый мѣшокъ класть клеймо и пломбу. Затѣмъ нужно всѣми мѣрами облегчить для покупателей выписку муки: продавать муку нужно съ мѣшкомъ (какъ у Куломзина). Конечно, можно при-

нимать мѣшки обратно въ извѣстной цѣнѣ. Упаковка—важное дѣло, а то у Мясоѣдова, напр., вслѣдствіе небрежной упаковки въ старые мѣшки отъ пшеничной муки, много мѣшковъ приходятъ разбитыми. Еще нужно обратить вниманіе на цѣнность перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, знать тарифы, вступить въ сношеніе съ правленіями дорогъ, такъ, чтобы вы всегда могли опредѣлить покупателю, сколько ему будетъ стоить перевозка и во что обойдется мука на мѣстѣ полученія, чтобы покупатель могъ, если пожелаетъ, выслать вамъ деньги за перевозку. У Куломзина тоже это хорошо устроено и его мука перевозится, напр., дешевле мясоѣдовской. Все это повидимому мелочи, но все это важно, въ особенности въ началѣ дѣла. Куломзинъ это отлично понялъ. Затѣмъ объявленія, объявленія, объявленія—въ массахъ и при томъ въ самой простой формѣ. Совѣтую при изготовленіи муки отъ каждаго мѣшка брать опредѣленную пробу (мѣрочкой маленькой), составлять среднюю пробу отъ извѣстнаго числа мѣшковъ и дѣлать анализъ, — опредѣлять фосфорную кислоту. Для собственнаго заводскаго контроля вамъ слѣдуетъ брать пробу, напр., отъ каждыхъ 10 пудъ мѣркой опредѣленной величины (для этого удобны коробочки отъ шведскихъ спичекъ: зачерпнуть коробочкой муки и пропустить сквозь футлярчикъ). Изъ взятыхъ пробъ дѣлать среднюю изъ 600 пудъ и опредѣлять въ ней только Ph^2O^5. Это вы должны дѣлать для себя, а затѣмъ контролировать васъ можетъ кто хочетъ. Вамъ бы слѣдовало послать вашу муку въ рижскій политехникумъ Томасу, или еще тамъ кому, и напечатать объявленія въ рижскихъ нѣмецкихъ газетахъ, и въ сельско-хозяйственныхъ извѣстіяхъ „Balt. Wochenschr.", и др. Хорошо бы было помѣстить объявленія въ распространенномъ календарѣ, въ справочной книжкѣ для сельскихъ хозяевъ. Можетъ быть, ваша мука можетъ идти за границу. Нельзя ли ее доставлять водой въ Калугу? Конечно, все дѣло въ капиталѣ, который вы можете затратить. Сразу такое дѣло сейчасъ вдругъ пойти не можетъ. Я не могу принять никакого участія или посредничества между вами и Куломзинымъ, и попросилъ бы васъ даже вовсе не упоминать обо мнѣ, если будете вести переговоры съ Куломзинымъ. Я вообще противъ соединенія заводовъ фосфоритныхъ въ однѣхъ рукахъ. Чѣмъ болѣе конкурренціи, тѣмъ лучше. Я очень радъ, что вашъ заводъ хорошо устроивается. Увѣдомьте меня, когда дѣло, т.-е. приготовленіе фосфоритной муки, пойдетъ въ ходъ, когда вы въ состояніи будете доставлять однообразную, съ тонкоразмолотою фосфоритною частью (не знаю, стоитъ ли молоть такъ, чтобы и глауконитъ былъ тонко размолотъ) муку

опредѣленнаго состава. Простота производства, однообразіе продукта и дешевизна его—вотъ что самое главное. И еще важно, чтобы дѣло было поставлено на торговую ногу. Пишите мнѣ почаще, поподробнѣе и точнѣе о ходѣ вашего дѣла. Зная положеніе дѣла, и я, можетъ быть, что-нибудь полезное присовѣтую. Самый опасный вашъ конкуррентъ—это Мясоѣдовъ. Онъ послѣ васъ былъ у меня и говорилъ, что фосфоритная мука дѣйствительно ему обходится по 4 коп. пудъ, и что онъ за 14 мѣсяцевъ продалъ 40 тысячъ пудъ. Купилъ онъ имѣніе—Бѣльскую—дешево. Залежи отличныя и добыча очень дешевая. Онъ мнѣ говорилъ, что будетъ продавать фосфоритную муку съ доставкою на всѣ (любую) станц. жел. дорогъ (даже до Петербурга) по 30 коп. пудъ. Если Мясоѣдовъ упорядочитъ дѣло, будетъ имѣть хорошіе мѣшки, будетъ имѣть химика и гарантировать (но не такъ, какъ онъ теперь нелѣпо гарантируетъ) извѣстный % Ph^2O^5, то его дѣло широко разовьется".

Въ 1890 году Энгельгардтъ продолжаетъ писать тому же лицу:

„Есть ли у васъ достаточные запасы муки, однородной по составу и тонкости размола, чтобы удовлетворить требованіямъ заказчика? Можно ли быть увѣреннымъ, что, давъ заказъ, тотчасъ же получишь муку? Вотъ какую уйму вопросовъ я вамъ задалъ. Но дѣло въ томъ, что я не встрѣчаю вашихъ публикацій о продажѣ фосфоритной муки. Изъ этого можно заключить, что дѣло у васъ еще не налажено и не въ полномъ ходу. А между тѣмъ приближается время, когда нужно заказывать фосфоритную муку, чтобы получить ее по зимнему пути. Получить по зимнему пути очень важно, потому что лѣтомъ мука можетъ попасть подъ дождь, а это не хорошо: подмоченные мѣшки, особенно если они изъподъ пшеничной муки, быстро плесневѣютъ, расползаются и вывозить ихъ на поле крайне неудобно. Отсырѣвшая мука разсыпается не такъ равномѣрно, падаетъ комками. Мнѣ необходимо знать все это, потому что часто ко мнѣ обращаются съ запросами, гдѣ купить фосфоритную муку, а это опредѣляется цѣною муки, % Ph^2O^5, цѣнностью доставки и проч. Въ западныя губерніи, могилевскую, витебскую, псковскую, разумѣется, пойдетъ фосфоритная мука Мясоѣдова, который, если *поторговаться* (Мясоѣдовъ продаетъ фосфоритную муку *за что дадутъ*, какъ хозяева продаютъ хлѣбъ: дадутъ 10 руб. за четверть хорошо, даютъ 5 руб. —отдаютъ и за пять), уступаетъ фосфоритную муку за 15 коп.: она ему обходится на заводѣ 4 коп., станція подлѣ, скиньте доставку на станцію и пр. 3 коп., барышъ все-таки хорошій—рубль

на рубль да рубль барыша. Даже отдать за 10 коп. пудъ Мясоѣдову барышъ хорошій. Въ рязанскую, тульскую, московскую, калужскую, отчасти смоленскую, тверскую—должна идти ваша мука, если не догадаются устроить фабрику въ Москвѣ, которая стоитъ на фосфоритахъ. Въ костромскую, вологодскую, ярославскую, владимірскую, нижегородскую пойдетъ куломзинская мука. Можно ли получать отъ васъ фосфоритную муку въ мѣшкахъ по 4 пуда, какъ у Куломзина? Боченки на 10 пудъ, лишній расходъ—3½ коп. на пудъ муки (мѣшки можно отправить назадъ или употребить въ хозяйствѣ, а боченки куда годны?), и неудобно еще потому, что придется все равно разсыпать въ мѣшки: поднять на телѣгу боченокъ одинъ человѣкъ не можетъ и спустить тоже.

„Вы говорите, что думаете повести дѣло широко и устроить заводы въ различныхъ мѣстахъ. Это совершенно необходимо для удешевленія муки на мѣстахъ потребленія, такъ какъ доставка обходится дорого и много удешевлена быть не можетъ. Разумѣется, вы должны устроить заводы въ долинѣ р. Десны. Добыча фосфоритовъ тутъ очень дешева: массы фосфорита прежде добывались для ремонта шоссе—нельзя ли эксплуатировать самое шоссе? Сбытъ муки въ западныя губерніи обезпеченъ въ огромномъ размѣрѣ. Нужно только, чтобы явились предпріимчивые люди съ капиталами и знаніями. На дняхъ у меня былъ крестьянинъ изъ деревни Сещи, Ларіонъ Васильевъ. Этотъ Ларіонъ, который служилъ на шоссе десятникомъ и зналъ всѣ удобныя мѣста добычи фосфорита, сопровождалъ меня въ экскурсію 1866 г. Потомъ я его разыскалъ въ 1884 г., и онъ опять сопровождалъ меня въ экскурсію 1884 г. Ларіонъ—человѣкъ способный, энергичный, живой, увлекающійся, но непрактичный (для себя) и любитъ выпить (хотя это не мѣшаетъ дѣлу). Мнѣ онъ былъ очень полезенъ и я умѣлъ его держать въ порядкѣ. Мясоѣдовъ, заведя фабрикацію фосфоритной муки, не съумѣлъ воспользоваться Ларіономъ; впрочемъ и Ларіонъ не любитъ Мясоѣдова. Когда у Мясоѣдова мука пошла, Ларіонъ подбилъ мельника Н. Михайлова, имѣющаго мельницу въ Сещѣ, готовить муку, и, разумѣется, всю выгоду получилъ мельникъ. Ларіонъ взялся ставить на мельницу фосфоритъ очищенный, готовый къ помолу, по 3 коп. пудъ. Ныньче они продали 12.000 пудъ муки по 20 коп. Изъ этого Ларіонъ за камень получилъ 360 руб., изъ которыхъ *ему лично* досталось рублей 25, да угощалъ Нефедъ водкой. Нефеду же камень обошелся 3 коп., помолъ 3 коп., мѣшокъ 3 коп., доставка на платформу 1 коп., итого 10 коп.; а продавалъ онъ муку по 20 коп. и положилъ въ карманъ чи-

стенькихъ 1.200 руб. Ларіону это показалось обидно, да и Нефеду теперь Ларіонъ не нуженъ. Вотъ Ларіонъ и отыскалъ удобныя залежи подлѣ другой мельницы, подбилъ мельника на дѣло. У нихъ тамъ теперь начинается фосфоритная горячка и *уже появились евреи*, значитъ: „дѣло есть"; да и въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь Нефедъ за одно лѣто отложилъ 12 сотенныхъ такъ себѣ за здорово живешь,—завидно! Пріѣзжалъ ко мнѣ Ларіонъ посовѣтоваться, переговорить (онъ будетъ вести дѣло пополамъ съ мельникомъ: того капиталъ, Ларіонова голова) и главное убѣдиться, *серьезное ли это дѣло* и *дѣйствительно ли фосфоритная мука полезна* (на ихъ *фосфоритныхъ* [1]) почвахъ, конечно, мука не дѣйствуетъ). Я, конечно, показалъ ему и зеленя, и жнивья. Онъ только ахалъ. Это очень важно, чтобы производители фосфоритной муки пріѣзжали въ Батищево убѣждаться въ пользѣ ея. По разсчету Ларіона, мука имъ будетъ обходиться съ доставкой на станцію Дубровку (орл.-витеб. жел. дор.) и мѣшкомъ 10 коп. за пудъ, продавать думаютъ 20 коп. Совѣтовалъ я Ларіону пустить муку по 15 коп. пудъ (онъ разсчитываетъ, что мука будетъ 20%, но въ среднемъ я думаю болѣе 15% не выйдетъ). *Обидно*, говоритъ, продавать по 15 коп., когда Мясоѣдовъ 25 коп. (беретъ)... и мука у него готовится безъ всякаго призора, а заказовъ у Мясоѣдова столько, что не успѣваетъ готовить муку. Коммиссіонеръ Мясоѣдова, какой-то еврей въ Витебскѣ, даже бралъ муку у Нефеда для удовлетворенія заказчиковъ. „Тамъ не разбираютъ; это вы только посылаете дѣлать анализы,—говоритъ Ларіонъ,—а другіе не посылаютъ, сыплютъ, что̀ имъ ни пришлютъ".

„Очень жалѣю, что дѣло такъ поставлено. Понятно, что всѣ эти полуграмотные мельники будутъ наконецъ отпускать всякую дрянь, фальцифицировать муку черной глиной, пескомъ и проч. На это ума хватитъ, а тамъ что мука не окажетъ никакого дѣйствія—что̀ ему! Схватилъ тысячу, другую, открылъ кабакъ. Соблазнъ великъ. Можетъ быть, это уже и дѣлается. Можетъ быть, у иныхъ фосфоритная мука не оказываетъ дѣйствія, потому что получили не фосфоритную муку, а чортъ знаетъ что̀. У Мясоѣдова, говорилъ Ларіонъ, — страшный безпорядокъ на фабрикѣ. Управляющаго нѣтъ, механики не живутъ, такъ мужичокъ орудуетъ; самъ онъ тутъ не живетъ, а „набѣгаетъ"... по временамъ. Въ 1866 году, когда я занимался изслѣдованіями залежей фосфорита въ брянскомъ уѣздѣ, фосфоритомъ *мостили шоссе* отъ станціи

[1]) Кстати: вы знаете, что въ Туркестанѣ открыты *фосфоритные черноземы*. Подобно глинистымъ, песчанымъ, известковымъ, есть и фосфоритныя почвы (съ 2—3% Ph_2O_5). См. мою послѣднюю статью въ „Земл. Газ."

Угость до г. Брянска. Фосфоритъ добывался по близости отъ шоссе во многихъ мѣстахъ *сотнями кубовъ*. Въ городѣ Брянскѣ тогда улицы мостили фосфоритомъ. Въ самомъ городѣ фосфоритъ *собирали въ оврагахъ*, вымытый весенними и дождевыми водами изъ стѣнъ овраговъ. Въ Брянскѣ фосфоритъ *въ круглянкахъ 2-хъ сортовъ*, твердый и *совершенно мягкій* (въ сыромъ состояніи точно глина).

„Теперь въ Брянскѣ на желѣзномъ заводѣ, кажется, получается томасовъ шлакъ, изъ котораго можно дѣлать томасову фосфоритную муку, которую и *нѣмцы признаютъ*.

„Удобныя для добычи залежи находятся близь д. *Чайковичи*, *с. Дарковичи*, *Дубровка*, *Соколово* (здѣсь были добыты для шоссе огромныя количества фосфорита), *Липово*. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ фосфоритъ залегаетъ въ пескѣ *не глубоко отъ поверхности*, добывался открытой разработкой.

„Мальцевскія шоссе отъ Любахны къ Дятькову и другимъ заводамъ тоже мостились фосфоритомъ, который добывался изъ разныхъ мѣстъ: близь *Любахны*, *Боровики*, *Ивотъ*, *Вороново*, *Козинки*, *Яблонь*.

„Вообще здѣсь, въ долинахъ р. Десны, Габви, Болвы, множество залежей фосфоритовъ, лежащихъ въ самыхъ удобныхъ для добыванія условіяхъ.

„Массы ихъ были добыты для шоссе, но, разумѣется, еще осталось множество. Вы сдѣлали экскурсію съ С. Н. Никитинымъ. Вѣроятно были въ д. Хорошовѣ на р. Москвѣ, недалеко отъ города. Аммониты, которые тутъ попадаются, всѣ состоятъ изъ фосфорита. Тутъ же песчаные сростки фосфоритные. Раковистый песчаникъ тоже пропитанъ фосфоритомъ. Если хорошевскія залежи богаты и удобны, то хорошо бы тутъ заводъ устроить. Что это вамъ вздумалось устроивать заводъ въ костромской губерніи, —тамъ Куломзинъ есть, да и далеко. Тоже и въ нижегородской далеко. Главное требованіе будетъ, увидите, въ наши западныя губерніи. Подумайте, нельзя ли воспользоваться шоссе (остающимся теперь безъ употребленія), которое вымощено фосфоритомъ отъ станціи Угость до Брянска.

„Чрезвычайно интересны совершенно мягкіе фосфориты въ Брянскѣ. Въ сыромъ состояніи мягки какъ глина, при высыханіи растрескиваются. Молоть можно на самой обыкновенной мельницѣ. Обратите также вниманіе на томасовскіе шлаки, которые, кажется, получаются на брянскихъ желѣзныхъ заводахъ. Мнѣ кажется, что, устроивъ здѣсь контору и складъ, вы могли бы получать фосфоритную муку съ *простыхъ мельницъ* и, проанализировавъ, уров-

нявъ, отпускать отъ себя, подъ своимъ клеймомъ, какъ это дѣлалось сначала во Франціи. По крайней мѣрѣ не было бы фальсификацій.

„Долину Десны я считаю очень важнымъ пунктомъ, хотя фосфоритъ здѣсь не высокопроцентный: 15%, 20%. Зато близко къ мѣстамъ сбыта. Въ калужской губерніи, въ уѣздахъ смежныхъ съ брянскимъ, тоже есть фосфориты".

Въ мартѣ 1892 года онъ пишетъ по тому же вопросу:

„Получилъ недавно вашъ новый прейсъ-курантъ. По моему, изъ рязанскихъ глауконитовыхъ фосфоритовъ трудно, почти невозможно, невыгодно, готовить 25%-фосфоритную муку. Повидимому удобнѣе всего готовить 10% и 15—18%. Нѣтъ никакой надобности готовить такую массу различныхъ по % содержанію фосфоритныхъ мукъ. Достаточно было бы установить *два сорта* глауконитовой муки *съ опредѣленнымъ*, въ извѣстныхъ предѣлахъ, % $Ph.^2O^5$ и опредѣленною цѣною. Зачѣмъ эта лѣстница различныхъ мукъ отъ 15 до 25%? Да и есть ли глауконитовая фосфоритная мука въ 25% Ph^2O^5? Вотъ, напримѣръ, въ „Самопомощи" въ Ригѣ одинъ сортъ томасовой муки, одинъ сортъ каинита; у Куломзина одинъ сортъ. Просто и удобно. У насъ это еще тѣмъ важнѣе, что большинство хозяевъ ничего не знаетъ: какая тамъ фосфорная кислота, какой тамъ процентъ? А нужно, чтобы и „мужикъ" взялся за фосфоритную муку, и „попъ". А имъ что̀ нужно? Сколько муки на десятину? Гдѣ купить? Почемъ? Приходится рекомендовать куломзинскую муку. Ибо тутъ прямой отвѣтъ: 24 пуда на десятину, 30 коп. за пудъ безъ доставки, 10 коп. доставка, 9 руб. 60 к. удобрить десятину. Будь у васъ одинъ сортъ муки, съ гарантированнымъ % Ph^2O^5 (положимъ, 15%), было бы просто, а то извольте объяснить, что муки 15% нужно 40 пуд., 20%—30 пуд. Ваше товарищество фосфорита, судя по объявленіямъ, считаетъ хозяевъ гораздо болѣе свѣдущими, чѣмъ это есть. Большая ошибка. „Готовлю такую-то муку, съ такимъ-то % Ph^2O^5"—и больше ничего. „Столько-то пудъ на десятину", „такая-то цѣна"—это было бы лучше, придало бы солидность дѣлу, упрочило бы фирму. И потомъ: зачѣмъ эти суперфосфаты, костяныя муки, осажденные фосфаты и проч. и проч.? Думаю, что все это товариществу въ *убытокъ*. Вотъ Мясоѣдовъ... (беретъ) себѣ по 25 коп. за пудъ (если кто поторгуется, онъ и уступку сдѣлаетъ) и самъ не знаетъ, какіе у него %. Товарищество должно представлять упорядоченнаго Мясоѣдова и больше ничего. Теперь вы, судя по объявленію, готовите муку изъ юрскихъ фосфоритовъ. Гдѣ добываете? Гдѣ заводъ?"

Отношенія Энгельгардта къ рязанскому „товариществу" продолжались до тѣхъ поръ, пока оно не стало прочно на ноги. Фосфоритчики говорятъ, что Энгельгардтъ далъ имъ хлѣбъ, и память о немъ будетъ долго жить среди нихъ.

VII.

Одновременно съ этимъ Энгельгардтъ задумалъ выхлопотать себѣ болѣе прочное мѣсто, чѣмъ работать въ своемъ частномъ имѣніи, гдѣ такіе интересные опыты, какъ съ мѣломъ и известью, задерживались недостаткомъ средствъ и т. д. Онъ пишетъ въ сентябрѣ 1890: „Сдѣлалъ опытъ съ мѣломъ и известью. Почву выбралъ *распреподзолистую*, истощенную (относительно минеральнаго состава, т.-е. Ph^2O^5), но пробывшую 12 лѣтъ подъ травой, слѣдовательно достаточно азотированную.

„*Ни мѣлъ, ни известь* никакого дѣйствія *не оказали*. Фосфоритъ же оказалъ *громадное дѣйствіе*.

„Ни мѣлъ, ни известь, употребленные совмѣстно съ фосфоритомъ, не усилили дѣйствія фосфорита.

„Ясно: почва не содержитъ усвояемой фосфорной кислоты (фосфоритъ дѣйствуетъ), хотя, конечно, содержитъ достаточно Ph^2O^5, какъ почва № 1 (1-й присылки). Мѣлъ и известь *не могутъ перевести* ту *неусвояемую фосфорную кислоту*, которая находится въ почвѣ, въ *усвояемую*.

„Кали и азота въ почвѣ достаточно (фосфоритъ дѣйствуетъ).

„Все это ясно и отчетливо видно на опытныхъ десятинахъ.

„Наши подзолистыя почвы нужно *прежде фосфоритовать*, а потомъ уже известковать, удобряя въ то же время навозомъ. Фосфоритовать же и *выгодно*, потому что отъ фосфоритной муки сильно *увеличивается урожай ржи*, которая тотчасъ окупаетъ фосфоритную муку. На известь же и мѣлъ (мергель, прибавка которой въ почву *безъ сомнѣнія* полезною окажется въ будущемъ) приходится только тратить деньги безъ надежды *тотчасъ* вернуть ихъ. Думаю, что мѣлъ (мергель) и известь должны оказать хорошее дѣйствіе на *старопахатныя* земли, изстари удобрявшіяся навозомъ при трехпольномъ сѣвооборотѣ, а также и на новыя земли, *послѣ того* какъ онѣ будутъ *нафосфоричены*. Все это требуетъ опытовъ и опытовъ, но у меня на это нѣтъ средствъ. Дѣлалъ и дѣлаю, что̀ могу, но развернуться широко нельзя — главное, нѣтъ лабораторіи (за зиму что̀ бы надѣлалъ!), нѣтъ помощниковъ.

„Пришло мнѣ въ голову слѣдующее: въ министерствѣ государственныхъ имуществъ есть казенныя фермы, которыя *должны служить примѣромъ правильнаго веденія хозяйства* для данной мѣстности; на фермахъ есть управляющіе; фермы находятся при земледѣльческихъ училищахъ, гдѣ есть лабораторіи, библіотеки, ученики, спеціалисты-преподаватели. Вотъ я и думаю предложить департаменту свои услуги въ качествѣ управляющаго казенной фермой. На одной изъ фермъ въ сѣверной Россіи разведу хозяйство; ученики земледѣльческихъ училищъ будутъ мнѣ помощниками; организую опыты. Отлично можетъ выйти.

„Чтò вы объ этомъ думаете? Осуществимъ ли такой планъ? Или, можетъ быть, департаменту ничего этого не нужно? Можетъ, это будетъ только лишнее безпокойство, которое нарушитъ обычное теченіе дѣлъ. Думаю пріѣхать въ Петербургъ попытать счастья. Стоитъ ли?"

Въ дополненіе къ предъидущему письму, онъ пишетъ въ октябрѣ:

„Я вовсе не желаю быть директоромъ земледѣльческаго училища. Я хотѣлъ бы получить болѣе скромную должность *управляющаго казенной фермой*, и если желалъ бы, чтобы ферма была при училищѣ, то потому, что училище дало бы мнѣ много вспомогательныхъ средствъ (библіотека, лабораторія, учителя и ученики), и я надѣюсь, что, ведя хозяйство фермы, съумѣлъ бы заинтересовать учителей и учениковъ. Никто изъ нихъ у меня подъ началомъ не состоялъ бы, а съ рабочими фермы, мнѣ подчиненными, я съумѣлъ бы ладить. Вотъ при такой-то, мной управляемой казенной фермѣ, можно было бы устроить *опытную станцію*. И это было бы *дѣло прочное*, потому что здѣсь возможна преемственность.

„Совсѣмъ *не то* въ Батищевѣ (развѣ министерство купитъ у меня Батищево, превратитъ его въ образцовую ферму съ опытной станціей и сдѣлаетъ меня директоромъ—тогда другое дѣло), пока оно находится въ частномъ владѣніи. Это насчетъ прочности дѣла. Мнѣ кажется, что министерство скорѣе согласится на устройство опытной станціи при образцовой казенной фермѣ. Даже странно какъ-то, если оно устроитъ въ частномъ имѣніи. Но и съ другой стороны—положимъ, на лабораторію будетъ довольно 500 р. въ годъ. Но кромѣ этого нужно и многое другое. Нужно выстроить помѣщеніе для лабораторіи и для помощника, службы, сараи для инвентаря, склада и пр. Много нужно. А инвентарь, рабочіе! Землю (немного) я могу дать, но одной земли мало. А на казенной фермѣ все есть готовое—и скотъ, и инвентарь, и постройки.

Хозяйство въ Батищевѣ я *долженъ вести* для полученія денегъ, „презрѣннаго металла", а это не такъ удобно совмѣщается съ опытами. Что-нибудь да страдаетъ—либо хозяйство, либо опыты. Я въ этомъ *очень хорошо убѣдился*, производя разные опыты въ Батищевѣ. Еслибы я поменьше занимался опытами и велъ бы хозяйство для дохода только, то теперь курилъ бы сигары и имѣлъ бутылку вина за обѣдомъ. Это такъ. Я вижу это здѣсь *на другихъ хозяйствахъ*, которыя прямо *воспользовались* моими опытами. 20 лѣтъ моей хозяйственной дѣятельности прошли въ постоянной разработкѣ опытомъ разныхъ вопросовъ, важныхъ для хозяйства сѣверной Россіи. Я въ Батищевѣ дѣлалъ то, что̀ должны дѣлать образцовыя казенныя фермы. Вотъ, что касается пенсіи, то это было бы разлюбезное дѣло. За мои труды по фосфоритному дѣлу (я его поставилъ на ноги) и по хозяйству вообще (выработка системы для сѣверныхъ хозяйствъ или по крайней мѣрѣ осмысленіе ея) не грѣхъ было бы департаменту выхлопотать мнѣ пожизненную правительственную пенсію. Еслибы мнѣ дали профессорскую пенсію, 2.400 р. въ годъ, такъ я бы ничего лучшаго не желалъ и, надѣюсь, еще сдѣлалъ бы что-нибудь. Пожалуй, и сигаръ все-таки не сталъ бы курить, и безъ вина обошелся бы. Я теперь пишу для департамента отчетъ о фосфоритныхъ опытахъ. Представлю и думаю пріѣхать хлопотать о пенсіи. Помогите и вы. Боюсь только—пріѣдешь, потратишь деньги и останешься съ носомъ. Прошедшій разъ, какъ былъ въ Петербургѣ, провелъ березовую рощицу. Неужели же департаментъ такъ и не вознаградитъ меня за мои труды по производству хотя бы только фосфоритныхъ опытовъ по его предложенію—если не пенсіей, то единовременной денежной наградой. Это мнѣ просто *слѣдуетъ* какъ *плата за трудъ* по производству опытовъ для департамента. Кто же бы имъ даромъ и на свой счетъ разсыпалъ на 1.500 руб. фосфоритной муки? Развѣ, можетъ, мои опыты съ фосфоритной мукой находятъ *неудовлетворительными?* Это уже ваше дѣло, ученаго комитета, за меня постоять. Вотъ вы теперь Кавказомъ занялись и виноградными почвами, а наши сѣверныя оставите; а я надѣялся, что вы найдете способъ опредѣлять въ лабораторіи — есть ли въ почвѣ усвояемая фосфорная кислота, или нѣтъ, и нужно ли удобрять фосфоритной мукой. Мнѣ кажется, что *вы*, продолжая опыты съ сѣверными почвами *по вашему методу*, пришли бы къ тому, что *по образцу* почвы, въ *лабораторіи*, опредѣлили бы, будетъ ли дѣйствовать фосфоритная мука на данной почвѣ. Это навѣрно такъ. Но, можетъ быть, это и есть въ вашей статьѣ. Съ нетерпѣніемъ ее ожидаю.

„*Отчего ни мѣлъ (по вашему совѣту я разсыпалъ 220 пуд. мѣлу на хозяйственную десятину), ни известь не переводятъ имѣющуюся въ батищевскихъ почвахъ фосфорную кислоту въ усвояемое состояніе*? Не правда ли, интересенъ въ моей статьѣ (№№ 34—37 „Земледѣльческой Газеты") опытъ, гдѣ рожь шла *второй* разъ по фосфориту и воспользовалась тѣмъ, что̀ осталось отъ фосфоритной муки послѣ урожая ржи и льна? Посылаю вамъ отдѣльный оттискъ этой статьи. Обратите вниманіе на стр. 14-ую. Штриховка на чертежѣ выражаетъ наглядно урожайность (стр. 14). Что это за прелесть опытъ былъ въ натурѣ! Прямо шахматная доска. Ужасно я жалѣлъ, что вы не могли видѣть. Фосфоритное дѣло идетъ. Въ рославльскомъ уѣздѣ уже начинается фосфоритная горячка. Мясоѣдовъ не успѣваетъ готовить муку для удовлетворенія заказовъ. Мельникъ Нефедъ въ Сещѣ на простой мельницѣ за лѣто приготовилъ 12.000 пуд. муки. Другой мельникъ началъ готовить. *Появились евреи.* Обходится мука съ доставкой на станціи и мѣшкомъ 10 коп. пудъ. Продаютъ 20 коп. За одно лѣто мельникъ взялъ 1.200 р., да мельница имѣла заработокъ! А если подсыпать *песочку да черной глинки!* Былъ у меня недавно крестьянинъ оттуда, орудующій фосфоритнымъ дѣломъ — приглашалъ меня къ себѣ. Интересны его разсужденія: „Это только вы, говоритъ, посылаете дѣлать анализы, а другіе хозяева сыплютъ, что̀ имъ ни пришлешь. Намъ бы только имя ваше" (т.-е. мое имя).

„Благодарю васъ за присланную статью „Образованіе и свойства перегноя". Прочиталъ статью съ большимъ интересомъ и вниманіемъ. Резюмировать можно такъ: при разложеніи органическихъ растительныхъ веществъ азотъ не выдѣляется, а концентрируется въ образующемся перегноѣ. Въ образовавшемся перегноѣ азотъ находится въ видѣ бѣлковыхъ веществъ, входящихъ въ составъ живыхъ (или способныхъ жить) микроорганизмовъ. Такъ сказать, азотъ въ перегноѣ весь *живой*, а мертваго нѣтъ или мало. Такъ я понялъ? Понятно, что я съ величайшимъ интересомъ жду вашей статьи и прочитаю ее съ достаточнымъ вниманіемъ.

„Теперь естественно у меня рождается вопросъ: *когда* же разлагающееся вещество *начнетъ* разлагаться такъ, что будетъ выдѣляться азотъ въ видѣ амміака, селитры, т.-е. когда перегной станетъ, разлагаясь, *давать основные азотистые элементы*, служащіе для питанія высшихъ растеній? Объясните мнѣ это.

„Статья ваша у Баталина, конечно, выйдетъ не скоро, и я вѣроятно къ тому времени буду уже въ Петербургѣ. Закажите

вы отдѣльные оттиски. „Журналъ С. Х. и Лѣс." въ ученомъ мірѣ не въ ходу и мало читается. Вамъ бы слѣдовало научныя части статей печатать въ ученыхъ журналахъ. Напр., ваше изслѣдованіе моихъ почвъ и вся эта работа навѣрно неизвѣстна многимъ химикамъ. Я знаю это относительно своихъ статей въ „Журналѣ С. Х. и Л.". Многое, что там было напечатано, неизвѣстно было геологамъ,—напр., то, что губки (ваши анализы) мѣловыя состоятъ изъ фосфоритной массы,—что хорошевскіе (подлѣ Москвы) аммониты и сростки (анализы Малышева) состоятъ изъ фосфоритной массы и пр. и пр.

„Что красная земля, подъ вліяніемъ просачивающихся водъ, содержащихъ разлагающіяся вещества, превращается въ сѣрую—это понятно. Понимаю, что просачивающіяся воды, лѣсная покрышка и пр. должны измѣнять почвы. Запущена полевая земля, заросла березнякомъ, на мѣстѣ поля березовая роща. Поднимите лѣсную покрышку—почва *бѣлая*, не такая, какъ на рядомъ лежащей незаросшей полевой десятинѣ. Все это можно отлично видѣть въ Батищевѣ, гдѣ я могу указать (и планы есть) десятины, запущенныя 50 лѣтъ и теперь заросшія березнякомъ,—гдѣ, значитъ, опытъ, который вы дѣлаете, продолжался 50 лѣтъ. Я только говорю то, что между подзоломъ низинъ (бѣлый, лучнистый, не пропускающій воды) и краснымъ суглинкомъ горбышей есть разница въ механическомъ составѣ, которую укажетъ механическій анализъ. Понятно, что тонкія частицы должны смываться въ низины. Это и теперь можно видѣть послѣ каждаго дождя. Что вы называете калоидальными частицами почвы? Любопытно, что вы объясните насчетъ лядъ. *Тутъ много интереснаго.* Напр., отчего на лядѣ, выжженномъ по сыросѣчищу хлѣбъ не удается. Вы знаете статьи (кажется, Щеватова) о лядахъ на сѣверѣ въ „Журналѣ С. Х. и Л."? Очень интересны. Я твердо рѣшился выбраться изъ Батищева. Хозяйство будетъ идти и безъ меня, да и мало интереса оно теперь для меня представляетъ. Предполагаю въ ноябрѣ быть въ Петербургѣ. Не могу воздержаться, чтобы не написать вамъ по поводу вашего послѣдняго письма. Вотъ такъ штуку вы придумали! Это, я вамъ скажу, штука! Растительное вещество разлагается безъ выдѣленія *азота* (и превращается въ перегной) до тѣхъ поръ, пока содержаніе азота въ этомъ перегноѣ не станетъ равно содержанію азота въ грибахъ. Съ *этого момента* начинается разложеніе съ выдѣленіемъ азота (въ видѣ амміака, азотной кислоты и пр.). Въ тотъ моментъ, когда перегной имѣетъ составъ грибовъ, азотъ въ перегноѣ находится въ видѣ бѣлковъ. *Значитъ, въ этотъ моментъ перегной состоитъ*

изъ грибовъ. Такъ я понялъ? Вѣдь это штука! Но развѣ изслѣдованіе перегноя подъ микроскопомъ не можетъ показать, что онъ состоитъ изъ грибовъ?

„Выходитъ, что перегной есть *живое существо, скопленіе грибовъ, нѣчто въ родѣ прессованныхъ*, такъ называемыхъ сухихъ, *дрожжей*. Такъ я понялъ? Значитъ, *перегной* можно ѣсть. Можно было бы питаться имъ (въ посты), еслибы онъ не былъ *ядовитъ*. Къ сожалѣнію, перегной ядовитъ. Бабы, въ деревнѣ, если больное дитя, которое видно, что умретъ, долго мучается, долго не умираетъ, для того, чтобы оно *скорѣе умерло, не мучилось, поятъ его земляицей:* разводятъ въ водѣ огородную землю и даютъ испить ребенку, чтобы посворѣе кончился. Понятно, почему личинки насѣкомыхъ питаются перегноемъ, да еще какія толстыя бываютъ! Постная пища подъемна. Грибы вовсе не плохая пища. Въ 50-хъ годахъ, помнится мнѣ, какой-то нашъ ученый привезъ откуда-то глину, которую ѣдятъ какіе-то народы. А, можетъ, въ этой глинѣ какіе-нибудь грибы, годные для питанія человѣка? Въ голодные годы прибавляли перегнившую *дубовую* колоду къ мукѣ, и это вмѣсто мякины. Это будетъ въ родѣ пирога съ *грибами*. Вы только не вздумайте прибавлять: „держи языкъ за зубами“. Я *не смѣюсь*, а говорю серьезно: *перегной — это нѣчто въ родѣ прессованныхъ дрожжей*, если я васъ вѣрно понялъ.

„И какъ все это просто тогда! Вотъ ужъ именно: „ларчикъ просто открывался“. Понятно, что уловить моментъ, когда перегной состоитъ изъ однихъ грибковъ, трудно, но не невозможно. Еще вотъ что̀. Когда грибы дышатъ на счетъ безазотистыхъ веществъ, то не образуется ли *еще чего*, кромѣ CO^2 (угольной кислоты)? Изъ сахара, напр., образуется спиртъ. Очевидно, должно образоваться что-нибудь летучее, иначе до состава грибовъ не дойдетъ. Какъ бы это какую-нибудь личинку кормить перегноемъ и собрать экскременты ея, выдѣляемые ею газы и пр., да все взвѣсить, проштудировать химически и подъ микроскопомъ, какъ дѣлали съ собакой. Понятно, что объяснятся многіе непонятные хозяйственные вопросы. Словомъ, чортъ знаетъ что̀!

„Надѣюсь скоро быть въ Питерѣ, и нынѣшній годъ хочу быть даже если ленъ не продамъ. У меня ленъ за 3 года лежитъ — 1.500 пуд. По цѣнамъ 1887 года по 3 р. 30 пудъ — уйма бы денегъ. Кто къ чему, а солдатъ къ солонинѣ: помните, я васъ возилъ въ 1887 за деревню Батищево и показывалъ вамъ тамъ мою пустошь съ пнями. Нынче тамъ было поле превосходной ржи.

VIII.

Въ ноябрѣ 1890 г. Энгельгардту удалось пріѣхать въ Петербургъ. Отсюда онъ писалъ въ Батищево къ одному изъ своихъ учениковъ, А. Мертвагѣ: „Благодарю, что не забываете. Пишите почаще. Здѣсь на чужбинѣ очень пріятно получать письма съ родины. Я здоровъ, чувствую себя хорошо, и еслибы не ноги и одышка, былъ бы совсѣмъ молодцомъ. Сижу больше дома, въ своемъ „Пале-Роялѣ". Любуюсь на стѣны противоположнаго 6½-этажнаго дома, въ которомъ живетъ столько же людей, сколько въ Суткинской волости. Получить здѣсь мѣсто можно и даже по агрономической части. Не сейчасъ, конечно, но по времени, не упуская, конечно, случая. Но я рѣшилъ, что все это не по мнѣ, да и въ неволю идти не хочется. И въ Батищевѣ проживу. Поэтому объ мѣстахъ здѣсь не думаю. Теперь прежде всего хлопочу о вознагражденіи за старые труды. Такъ и говорилъ съ директоромъ д., которому представилъ „отчетъ" и особую „записку". Когда эта „синица" будетъ у меня въ рукахъ, тогда одѣнусь, подтянусь, возобновлю старыя знакомства—до сихъ поръ я ни у кого не былъ, даже у Бекетовыхъ,—и стану болѣе дѣятельно хлопотать объ устройствѣ станціи въ Батищевѣ или Буковѣ. Записку я уже подалъ, прошу, по совѣту Докучаева, 5.000 р. ежегодно. Можетъ быть, станція будетъ въ „Горкахъ". Это все равно. Петровская академія закрывается. Остаются деньги. Думаютъ устроить опытныя станціи для практическаго изученія агрономіи окончившими курсъ на естественномъ факультетѣ университета и пр. Предположеній много. Теперь все валятъ на Ю.; но зачѣмъ же было поручать Ю. управленіе флагманскимъ агрономическимъ кораблемъ? Думали, что онъ, какъ окулистъ, съумѣетъ „очки втереть". Ошиблись".

Что касается казеннаго мѣста, то Энгельгардтъ даетъ подтвержденіе, что Батищево съ его „опытами" не переставало его занимать. Онъ пишетъ 17 декабря 1890:

„Такого служебнаго мѣста, которое требовало бы пребыванія лѣтомъ въ Петербургѣ, я не возьму. Но если представится такое мѣсто, что можно будетъ на 6 мѣсяцевъ уѣзжать въ деревню, то возьму. Встрѣтилъ здѣсь товарища Л. Н. Ш., который, напримѣръ, имѣетъ такое мѣсто". Въ томъ же мѣсяцѣ онъ опять пишетъ: „Сижу и жду у моря погоды. Здѣсь дѣла не такъ-то скоро дѣлаются. Еще только черезъ 2 недѣли опредѣлится, получу ли я вознагражденіе за опыты примѣненія фосфоритовъ. Это будетъ

первый шагъ. Затѣмъ—и только затѣмъ, когда это пройдетъ, здѣсь будетъ разговоръ о другомъ, болѣе прочномъ. Насчетъ опытнаго поля въ Батищевѣ, повидимому, не выгоритъ. Нѣтъ подходящаго прецедента и вообще по-чиновничьи это какъ-то не выходитъ. Думаютъ устроить какъ-то другое, какое-то мѣсто, съ подходящей обстановкой. Посмотримъ. Боюсь, что ничего не выйдетъ (тѣмъ болѣе, что я на такое мѣсто не пойду, съ котораго нельзя на 6 лѣтнихъ мѣсяцевъ уѣзжать въ Батищево)—будутъ за носъ водить, какъ прошлый разъ съ мѣстомъ агронома. Не умѣю я какъ-то все это устроивать и потому можетъ ничего не выйти. Впрочемъ, „ничего". Я рѣшилъ жить здѣсь, пока хватитъ денегъ, а въ мартѣ возвращусь въ Батищево, даже если мѣсто устроится. Вотъ В.—тотъ, кажется, умѣетъ устроиваться: задолжалъ по школѣ и по молочнымъ дѣламъ на 45 тысячъ. И ему рѣшили (министерство финансовъ) дать 45 тысячъ для уплаты долговъ. Да ранѣе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, простили 70 т. долга казнѣ. Въ департаментѣ теперь реакція. Время широкихъ задачъ и увлеченій прошло. Насчетъ свиноводства, скотоводства, опіеводства, мятоводства—дѣлъ нѣтъ. Торфяно-фекальные туки, суперфосфаты, фосфориты тоже прошли. Время переходное. Былъ на агрономическомъ обѣдѣ. Много говорили и недурно говорили. Учрежденіе, т.-е. обѣды, полезное. Обѣдаютъ вмѣстѣ, знакомятся. Прервалъ письмо В., который сейчасъ зашелъ ко мнѣ. Вѣрно! Уплатили 45.000 его долговъ; такъ прямо и выдали ему 45 т. Онъ говоритъ, что всегда такъ дѣйствуетъ Посылаетъ молодыхъ людей изучать дѣло, тратитъ деньги, занимаетъ для этого, а потомъ эти долги и заплатятъ. Отлично устроился. Почвенныя изслѣдованія и фосфоритное дѣло имѣютъ очень много противниковъ, во главѣ которыхъ стоитъ Ч. Онъ до сихъ поръ на обѣдахъ и т. п. все подшучивалъ надъ фосфоритомъ, надъ почвенными изслѣдованіями Ферхмина, Докучаева и др. Теперь нѣсколько притихъ съ тѣхъ поръ, какъ въ одной компаніи я сказалъ, что Ч. старается набросить тѣнь на научныя изслѣдованія Докучаева и др. шутовствомъ, и я скажу это ему въ глаза. Конечно, это передали Ч., и вчера у Б. онъ уже не шутилъ, а спорилъ очень горячо. Я сдѣлалъ сообщеніе въ почвенной коммиссіи о значеніи почвенныхъ изслѣдованій для сельскаго хозяйства и отпечаталъ сообщеніе отдѣльной брошюрой въ 500 экземплярахъ. Это, разумѣется, не по нутру противу-почвенникамъ. Вчера Ч. даже не выдержалъ и сказалъ: „вотъ теперь передъ обсужденіемъ вопроса объ учрежденіи почвеннаго комитета всѣмъ разсылаютъ эту брошюру". А я отвѣтилъ: конечно, разсылаютъ, а вы возражайте. Дѣло

просто. Департаментомъ изданы почвенныя карты Чаславскаго (значитъ же, онѣ считались нужными). Но эти карты устарѣли, какъ устарѣла, напримѣръ, географическая карта (чертежъ русской земли), которую (помните, у Пушкина, въ „Борисѣ Годуновѣ") разсматривалъ сынъ Годунова. Устарѣвшія карты нужно замѣнить новыми, а для этого нужно произвести всюду почвенныя изслѣдованія. Ясно и просто".

Въ 1891, января 12-го, Энгельгардтъ пишетъ: „Директоръ департамента приказалъ не печатать представленный мною „Отчетъ объ опытахъ примѣненія фосфорита" въ „Журналѣ Сельск. Хоз. и Лѣс.", а отдѣльной брошюрой въ количествѣ 3.500 экземпляровъ для разсылки корреспондентамъ департамента. Мин. госуд. им. хочетъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на награжденіе меня, но предварительно сдѣланъ запросъ въ мин. внутр. дѣлъ относительно меня. Если это все выйдетъ благопріятно, то есть надежда, что мнѣ дадутъ средства на опыты. Директоръ департамента просилъ меня сумму въ 5.000 р. расчленить, чтобы можно было отнести на разныя статьи смѣты. Я расчленяю 5.000 такъ: 2.500 р. вознагражденія мнѣ, какъ руководителю работъ; 1.000 рублей на содержаніе помощника и анализы; 1.500 рублей на покупку удобреній, сѣмянъ и расходы по опытамъ".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ имѣется другое:

„Сегодня,—пишетъ Энгельгардтъ,—я получилъ извѣщеніе о томъ, что разрѣшено выдать мнѣ въ вознагражденіе за труды по разработкѣ вопроса о примѣненіи фосфоритовъ пять тысячъ рублей, а не какъ награду, а потому объ этомъ не публикуется ни въ „Правит. Вѣстн.", ни въ „Земледѣльческой Газетѣ", и не заносится въ формуляръ. Эти 5.000 р. выданы мнѣ въ вознагражденіе именно за труды по производству опытовъ съ фосфоритами изъ остаточныхъ за 1890 г. суммъ, назначенныхъ, по смѣтѣ департамента, на поощреніе нѣкоторыхъ отраслей хозяйства. Въ газеты извѣстіе о назначеніи мнѣ 5.000 р. проникло какъ слухъ. Департаментъ объ этомъ помалчиваетъ (а вдругъ всѣ эти фосфориты пустяки!). Пожалуй, „Гражданинъ" или Масленниковъ еще проберутъ. Какъ только получу эти 5.000 р., куплю себѣ шубу, шапку, сюртучную пару, 6 рубашекъ, 12 кальсонъ, 12 платковъ и пр. и пр. Придется, вѣроятно, шить и фракъ, если нельзя будетъ взять на прокатъ, потому что нужно будетъ ѣхать благодарить министра. Вотъ какія дѣла вышли! Теперь буду хлопотать объ устройствѣ опытной станціи въ Батищевѣ съ назначеніемъ мнѣ 5.000 р. въ годъ на опыты. Если даже это не удастся, то все-таки хорошо, что я съѣздилъ въ Петербургъ:

5.000 р.—деньги, и если изъ нихъ останется за расходами 4.000 р., то это 200 р. % въ годъ. Мнѣ на табакъ и хватитъ".

Затѣмъ, говоря объ ежегодныхъ 5.000 р. на опыты, онъ замѣчаетъ, что эта цифра очень небольшая и за такую сумму департаментъ не можетъ организовать опыты на своей фермѣ уже потому, что человѣка не найдетъ съ знаніями и практическою опытностью, да и человѣку этому еще много нужно потратить времени, чтобы узнать почвы фермы, хозяйственныя условія и пр. Мнѣ же почвы въ Батищевѣ хорошо извѣстны. Я уже составилъ общую программу опытовъ, и она передана въ ученый комитетъ. На-дняхъ буду представляться министру, жду только фрака. Но все это идетъ тихо и придется еще посидѣть въ Петербургѣ, да и къ марту, можетъ, ничего не кончишь. А важно было бы, еслибы удалось. Известь мнѣ хотѣлось бы хорошенько пробрать".

Вскорѣ онъ пишетъ:

„Однако и вы соскучились безъ меня и ждете моего пріѣзда. Вотъ то-то оно и есть: что имѣемъ, не хранимъ, а потерявши—плачемъ. Вѣдь я опять буду говорить рѣзкости и пр. Я тоже соскучился въ Петербургѣ и очень хочу поскорѣе вернуться въ Батищево. Задерживаетъ меня начатое дѣло. Уѣду я, и ничего не будетъ. При мнѣ же, можетъ быть, что-нибудь и вытанцуется. Въ субботу 16 февраля въ ученомъ комитетѣ минист. госуд. им. будетъ обсуждаться вопросъ о предоставленіи мнѣ средствъ для производства въ Батищевѣ опытовъ съ минеральными туками. Посмотримъ, что скажетъ комитетъ. Но и тогда еще, если даже комитетъ одобритъ, дѣло будетъ долго ходить, и чтобы оно ходило, нужно все-таки его подталкивать. Очень бы хотѣлось поскорѣе вернуться въ Батищево. Усталъ я, скучаю, надоѣло все и нездоровится что-то, а бросить жалко: все дѣло на ходу, и если состоится, то всѣмъ будетъ хорошо... Усталъ я—вотъ что. Покоя хочется. Даже такого большого дѣла, какъ опыты, побаиваюсь и разсчитываю на помощниковъ".

Наконецъ, 10 апрѣля 1891 года Энгельгардтъ торопится сообщить о томъ, что онъ только-что вернулся съ обѣда, который почвенники давали Б. и Энгельгардту.

„Рѣчамъ и тостамъ,—пишетъ онъ,—не было конца. Я сегодня особенно былъ въ ударѣ, потому что утромъ мое дѣло кончилось, и я получилъ изъ департамента талонъ къ ассигновкѣ на 1.500 р. Теперь я въ теченіе 5 лѣтъ (Высочайше утверждено) буду получать по 3.000 р.: 1.500 вознагражденія и 1.500 р. на расходы по опытамъ. Получилъ талонъ на послѣднюю сумму на нынѣшній годъ. Опыты произвожу по собственному усмотрѣнію

и своей программѣ. Это, кажется, небывалый примѣръ. Сегодня отправилъ часть вещей малою скоростью. Выѣзжаю 14 апрѣля и, слѣдовательно, 16-го рано утромъ буду въ Дуровѣ".

Такимъ образомъ, Энгельгардтъ почти полгода прожилъ въ Петербургѣ и, наконецъ, добился правительственнаго участія въ опытахъ съ минеральнымъ удобреніемъ почвъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ писалъ А. С. Е—ву:

„Въ высшей степени интересные результаты дали опыты удобренія клевера каинитомъ, золой, гипсомъ и пр. Гипсъ даетъ такіе же результаты, какъ и каинитъ, *только въ томъ случаѣ*, когда почва была предварительно хорошо удобряема подъ хлѣба навозомъ и, слѣдовательно, богата калійными солями. Но если, напримѣръ, десятина, хорошо удобрявшаяся навозомъ подъ хлѣба, пробыла 6 лѣтъ подъ клеверомъ, была подъ льномъ и рожью безъ навоза съ однимъ фосфоритнымъ удобреніемъ, то при посѣвѣ по ржи клевера *онъ выходитъ плохъ*. При удобреніи же каинитомъ и гипсомъ клеверъ выходитъ хорошъ, но каинитъ производитъ гораздо большее увеличеніе урожая, чѣмъ гипсъ. Отава же послѣ гипса идетъ значительно хуже, чѣмъ послѣ каинита. На старыхъ лядахъ каинитъ тоже дѣйствуетъ лучше, чѣмъ гипсъ, на пустошахъ—тоже. Посредствомъ каинита обыкновенный пустошный лугъ можно превратить въ клеверный. Подобно каиниту дѣйствуетъ смѣсь древесной золы съ гипсомъ.

„Весьма важный результатъ получился тоже относительно льна, посѣяннаго по клеверу, который въ прошломъ году былъ удобренъ каинитомъ. Ленъ вышелъ много лучше на удобренной каинитомъ части клевера, чѣмъ на неудобренной. Каинитное дѣло пойдетъ такъ же, какъ и фосфоритное, если только не помѣшаетъ *лѣсоохранительный законъ*, который у насъ введенъ съ нынѣшняго года. Теперь у насъ хозяинъ—лѣсоохранительный комитетъ. Распахивать земли изъ-подъ лѣсовъ и *зарослей* нельзя. Все, что̀ теперь подъ лѣсомъ и зарослью, *какого бы она ни была возраста*, должно оставаться подъ лѣсомъ *на вѣчныя времена*. Ляда жечь нельзя. Для облѣсенія требуютъ оставлять сѣмена деревьевъ. Способъ—*никуда негодный*, въ чемъ я давно уже убѣдился. Остается масса сучьевъ, въ которой заводится всякая нечисть, заростаетъ крупными травами. Вотъ-те и фосфоритъ! Вотъ-те и каинитъ! Не знаю, къ кому обратиться, чтобы разрѣшили другіе способы облѣсенія. О фосфоритной мукѣ лучше всего судить по тому, какъ она распространяется. Въ нынѣшнемъ году наши заводы не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ. На что уже мельница Н. Михайлова—и на той въ іюлѣ уже нельзя было получить фосфо-

ритной муки. Куда въ прошломъ году требовалось 60 пудовъ, нынче требуютъ вагонъ. Главное, *мужикъ тронулся*... Цѣлыми волостями складываются и выписываютъ фосфоритную муку. Это тоже, что клеверъ, который теперь быстро распространяется у крестьянъ. Нынѣшней весной деревенская лавочка распродала 100 пуд. клеверныхъ сѣмянъ крестьянамъ. Особенно бросились на клеверъ крестьяне, которые прикупили пустоши при содѣйствіи крестьянскаго банка. Пустошь расчищаютъ и распахиваютъ подъ хлѣбъ, а на надѣльной землѣ сѣютъ клеверъ. Это дѣло тоже пойдетъ сильно въ ходъ, если не воспрепятствуетъ нашъ главный хозяинъ—лѣсоохранительный комитетъ. Превосходное дѣйствіе оказала фосфоритная мука на огородныя растенія—брюкву, капусту, рѣпу, огурцы, бобы и проч. Наученный опытами, я, не будь глупъ, не сталъ пробовать на старомъ, сильно унаваживаемомъ каждогодно огородѣ, но распахалъ пустырь и безъ навоза раздѣлалъ и устроилъ равной величины гряды, на которыхъ садилъ, удобряя подъ каждое растеніе. Результаты поразительные. Напримѣръ, капуста—безъ удобренія—совершенно тщедушная, безъ кочновъ; съ куломзинскимъ удобреніемъ—капуста прекрасная, съ кочнами до 12 ф. вѣсомъ. Тоже съ брюквой, рѣпой, свеклой, морковью, огурцами, лукомъ, бобами, горошкомъ и пр. Такъ дѣйствуетъ куломзинская мука. Съ *каинитомъ* же *все пропало*: молодыя растенія не выносятъ удобренія каинитомъ и смѣсью каинита съ фосфоритной мукой. Тогда мы перебили грядки такъ, чтобы каинитъ смѣшался съ землею получше и послѣ дождей, когда каинитъ, лучше сказать NaCl (хлористый натръ), проникъ глубже, опять посадили растенія—пошло хорошо. Особенно хорошо подѣйствовала смѣсь каинита съ фосфоритной мукой. Результатъ важный для закладки огородовъ на новыхъ мѣстахъ".

Иногда серьезной дѣятельности Энгельгардта мѣшали требуемыя отъ него формальности или просто невыполнимыя вещи, какъ, напр., сосчитать на „департаментскихъ поляхъ" растенія, смѣрить листья и т. д. По поводу этого Энгельгардтъ писалъ тому же А. С. Е.: „Зачѣмъ это требуютъ, чтобы я сосчитывалъ растенія на опытныхъ десятинахъ и измѣрялъ листья? Можетъ, есть машина такая? Я не знаю. Что̀ они хотятъ еще о почвахъ? Въ моемъ отчетѣ точно указанъ типъ почвы; сказано, что выбраны десятины съ одинаковой почвой; посланы образцы почвъ съ опытныхъ десятинъ; указанъ способъ ихъ выдѣлки для составленія средняго образца на десятинѣ (а знаютъ ли, что̀ это за работа?—нужно опредѣлить, сколько на десятинѣ мѣстъ съ почвою болѣе подзолистою, сколько съ менѣе подзолистою, сколько

нужно сдѣлать для этого ямокъ?); чего еще больше? Не присылать же при отчетѣ нивелировочные журналы, описанія сотенъ ямокъ, сдѣланныхъ для опредѣленія наслоеній почвы. Для этого нужно мнѣ канцелярію завести. Кто ввелъ фосфоритъ въ Россію? Я. Кто указалъ значеніе каинита? Я. Чего же молчали другіе до сихъ поръ? Отчего не примѣняли каинитъ на казенныхъ фермахъ? Мы знаемъ, какой клеверъ бываетъ на казенныхъ фермахъ! Вы же видѣли мой клеверъ. Вы видѣли, что̀ дѣлаетъ у меня каинитъ. Нечего ко мнѣ придираться съ пустяками. Это неприлично".

IX.

По этому же вопросу онъ писалъ и проф. К—ву, въ августѣ 1891 года.

„А моя звѣзда еще не померкла! Счастье мнѣ благопріятствуетъ! Опыты нынѣшняго года дали очень интересные результаты. Поразительно дѣйствіе фосфорита на рожь, но еще поразительнѣе дѣйствіе каинита на красный клеверъ. Стоитъ только на чахлую блѣдную отаву, послѣ скоса плохого клевера, бросить горсть каинита, чтобы на этомъ мѣстѣ черезъ мѣсяцъ появились роскошные темнозеленые кусты клевера. Откуда что̀ берется! Я сѣю клеверъ съ тимоѳеевкой. На 4-й годъ посѣва (3-й годъ укоса) клеверъ бываетъ уже очень слабъ. Сѣно съ 3-го укоса у насъ не называется клевернымъ, а зовется тимоѳеевкой и идетъ для телокъ и старыхъ коровъ. Клевера въ немъ почти незамѣтно. По отавѣ послѣ 3-го укоса посыпалъ каинитомъ. Откуда что̀ взялось! Клеверъ такъ и поперъ, такъ и поперъ. Точно не каинитъ сѣяли, а клеверъ! Густой, темнозеленый, съ сочными стеблями, зацвѣлъ и далъ еще хорошій укосъ. Получилось 191 п. сѣна съ хоз. десятины! Крестьянамъ особенно это понравилось, болѣе, чѣмъ фосфоритъ. И на такой пустошной землѣ, гдѣ красный клеверъ не ростетъ, послѣ каинитованія клеверъ идетъ.

„Вы понимаете, какое это имѣетъ значеніе для насъ. Съ фосфоритомъ съ пустошныхъ земель получаются отличные хлѣба: рожь, овесъ, даже ячмень и *горохъ*, но для залуженія выпаханныхъ земель нельзя употреблять красный клеверъ — не идетъ. Даже на 1-й годъ укосъ плохой. Поэтому для залуженія я употреблялъ смѣсь изъ тимоѳеевки, шведскаго и бѣлаго клевера съ *небольшою* примѣсью краснаго. Хотѣлъ прибавлять Tr. medium, agrarium, spadiceum, но сѣмянъ не досталъ. Обѣщали къ буду-

щему году прислать изъ-за границы. Но теперь не нужно! Съ каинитомъ идетъ и красный клеверъ. Опыты свои я развелъ широко:

1) Сдѣлалъ подъ рожь опытъ на 6 хозяйственныхъ десятинахъ перелома безъ навоза удобреніе: 1 дес. куломзинской мукой, 1 дес. томасовской мукой, 1 дес. костяной мукой, 1 дес. суперфосфатъ, 1 дес. куломзинская мука + каинитъ, 1 дес. рязанскій молотый глауконитово-фосфоритный песокъ (такое содержаніе PhO^5 и KO, какъ и въ предъидущей десятинѣ).

2) Сдѣлалъ такой же опытъ на 6 хозяйственныхъ десятинахъ мягкой земли, но съ *навозомъ*. Куломзинская мука + навозъ, томасова мука + навозъ, суперфосфатъ + навозъ, и т. д.

„И замѣтьте: каждый опытъ на хозяйственныхъ десятинахъ въ 3.200 кв. саж. Это не то, что на маленькихъ десятиночкахъ.

3) Сдѣлалъ опытъ удобренія подъ ленъ будущаго года каинитомъ: каинитъ + куломзинская мука, каинитъ + томасова мука, рязанскій глауконитъ. Ленъ я сѣю по пластамъ, а удобреніе производилъ тотчасъ послѣ скоса травы по перелогамъ, чтобы удобреніе попало подъ низъ и было въ тѣсной связи съ дерниной.

„Теперь еще сдѣлаю въ сентябрѣ опыты удобренія луговъ, торфяныхъ и пустошныхъ, фосфоритными, известковыми (мергель) и калійными удобреніями (каинитъ, глауконитъ, зола древесная, зола изъ соломы, поташъ и пр. и пр.). Сдѣлаю осенью удобреніе каинитомъ подъ яровое будущаго года, подъ будущую рожь.

„Кромѣ того, разработалъ изъ дѣвственной пустоши, *никогда не пахавшейся*, *никогда не удобрявшейся*, особое поле (департаментское) въ 24 казенныя десятины. Выкорчевалъ кусты и пни, осушилъ канавами, разбилъ на десятины, возьму 96 пробъ почвъ для опредѣленія азота (анализы департаментъ взялся дѣлать на свой счетъ). Широко развелъ. Всѣ деньги 1.500 р. потратилъ, да еще своихъ много приложилъ (возьму изъ будущихъ ассигновокъ, если не дадутъ дополнительнаго). И притомъ всѣ работы, которыя производятся хозяйственнымъ образомъ моими рабочими и на моихъ лошадяхъ, я не ставлю въ счетъ. Мнѣ за то земля удобряется. А между тѣмъ нѣкоторые чиновники находили, что 1.500 р. много на опыты! Вотъ поди-ка, поработай. А то сидятъ тамъ въ Петербургѣ, получаютъ жалованья, жрутъ икру по 3 рубля фунтъ и болтаютъ, болтаютъ безъ конца. Насмотрѣлся я нынѣшнюю зиму. 4½ мѣсяца высидѣлъ. Ну, зато теперь могу работать; хотя и урѣзали, а все-таки ничего. На 5 лѣтъ обезпеченъ, и слава Богу! Здоровье мое только плохо;

ноги болятъ, одышка, такъ бываетъ иногда трудно поѣхать въ поле. Къ счастью, нашелъ себѣ великолѣпнаго помощника изъ здѣшнихъ моихъ учениковъ: здоровъ, силенъ, всѣ работы самъ можетъ дѣлать, исполнителенъ, точенъ, тонкій наблюдатель, интересуется дѣломъ. Лучше не нужно. Гдѣ вы были нынѣшнее лѣто? Не въ голодной ли сторонѣ? Вѣдь дѣло плохо. Еще зима предстоитъ, весна, когда-то новый хлѣбъ поспѣетъ. Кстати, замѣтили вы въ № 32 „Земледѣльческой Газеты“ статью Бодиски? Прелесть! Вкратцѣ статью можно передать такъ: Курсъ упалъ. Франкъ стоитъ 37 коп. Ура! Слава Богу! Свинину можно вывозить за границу! Да чѣмъ же кормить свиней? Неурожай, голодъ. Пустяки—неурожай на озимое, голодъ для людей. Люди будутъ питаться ржаной мукой съ примѣсью лебеды, гнилой колоды, мякины, а свиней будемъ кормить яровымъ—гречей, горохомъ, просомъ, овсомъ. Чортъ знаетъ что! Нисколько не прибавляю. Прочитайте сами статью Бодиско: „Къ свѣденію свиноводовъ и экспортеровъ соленой свинины“ въ 32 № „Земледѣльческой Газеты“.

„А между тѣмъ врачи и свѣдущіе люди въ Петербургѣ объяснили, что яровые хлѣба тоже питательны и могутъ быть, какъ и пшеница, суррогатомъ ржи. Объ этомъ и циркуляръ губернаторамъ былъ. Тамъ въ Петербургѣ думаютъ—мужикъ не знаетъ, что гречневая и просяная каши, горохъ и толокно—подспорье хлѣбу! Въ будущемъ году думаю пробрать клеверъ на разныхъ земляхъ (старопаханныхъ, новопаханныхъ, пустошныхъ, обложныхъ, на полядкахъ) гипсомъ, каинитомъ, сѣрнокислой магнезіей, глауконитомъ, глауконитомъ съ гипсомъ. И все на цѣлыхъ десятинахъ. Насчетъ золы древесной я мало надѣюсь, чтобы она вошла въ употребленіе. Я нынче заготовилъ 600 пуд. золы, но для этого я нарочно жегъ хворостъ, полученный при очисткѣ пустоши, на которой я устроилъ спеціальное департаментское поле въ 22 десятины. Такъ собрать, скупить печной золы много нельзя. Въ деревняхъ вся зола идетъ на щелокъ для мытья бѣлья, да и вообще древесная зола—товаръ темный. Въ Поволжьѣ можно скупать золу отъ соломы и тамъ есть организованная торговля ею. Но вообще важно, чтобы былъ опредѣленный торговый продуктъ для замѣны каинита. Напр., можно употреблять смѣсь гипса съ 20% поташа; но этотъ продуктъ будетъ не дешевле каинита. Можно употреблять смѣсь чреннаго камня (гипсъ съ поваренною солью) изъ солеваренъ съ поташемъ. Нужно употреблять фосфорно-калійныя удобренія *подъ хлѣба* и затѣмъ, *нафосфоритивъ и накаліевавъ* землю, но хлѣбамъ сѣять клеверъ, но-

торый и удобрять гипсомъ. Такъ ли? Буду также пробирать и известковыя удобренія. Нынче разсыпалъ 12 кубическихъ саженей (около 10 тысячъ пуд.) известковаго туфа. Въ будущемъ году возьмусь за ѣдкую известь. Все хочется сдѣлать поскорѣе да побольше, только денегъ мало. Преразлюбезное это дѣло—производить опыты въ большомъ видѣ на цѣлыхъ десятинахъ. Или въ горшкахъ, въ саду, для рѣшенія научныхъ вопросовъ,—или на цѣлыхъ десятинахъ въ хозяйствѣ. А опыты на участочкахъ, какъ у М. было, пустяковина.

„Пожалуйста же, не забудьте мнѣ прислать ваши статьи о почвахъ Крыма. Пишите объ лѣсныхъ нашихъ почвахъ. Я уже писалъ вамъ, кажется, что у насъ при рытьѣ колодца, на глубинѣ 7 аршинъ, оказался красный суглинокъ, вскипающій съ кислотой (можетъ быть, мергель). Вотъ бы этотъ суглинокъ наверхъ. Былъ бы у насъ тогда клеверъ. Но тогда, вѣроятно, и фосфоритъ бы не дѣйствовалъ. А знаете, что съ фосфоритомъ и подзолистыми почвами выгоднѣе хозяйничать, лучшіе урожаи получаются. А тамъ (у насъ есть такія земли), гдѣ фосфоритъ не дѣйствуетъ, урожаи безъ навоза все-таки не велики. Лучше конечно, чѣмъ у насъ безъ навоза, но далеко не то, что у насъ безъ навоза, но съ фосфоритомъ. А навозъ съѣдаетъ весь урожай и дохода нѣтъ. А тутъ при урожаѣ въ 12 зеренъ—1 зерно за сѣмена, $1^1/_2$ за фосфоритъ, $4^3/_4$ за работу и остается чистенькихъ $4^3/_4$ зерна. По нынѣшнимъ цѣнамъ 45—50 рублей на десятину.

„Такъ, по петербургскому, голода нѣтъ? Да, и газеты пишутъ: „хлѣбъ дешевѣетъ“, и ликуютъ! А отчего дешевѣетъ? Да оттого, что *не на что его покупать*. Ѣдятъ всякую дрянь, а хлѣба не покупаютъ, потому что „купила“ нѣтъ. Когда мануфактурный товаръ не идетъ, дешевѣетъ—понимаютъ, что это оттого, что на Дону или въ Поволжьѣ неурожай, недородъ, и потому нѣтъ у мужика денегъ. Ну то же и теперь съ хлѣбомъ. Будетъ дешевѣть, какъ не на что покупать. И еще подешевѣетъ, когда много народу перемретъ съ голоду. Вообще дѣло плохо и серьезное дѣло.—Я все болѣю. Кашель, было, совсѣмъ замучилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ я засѣлъ у себя во флигелѣ безвыходно при температурѣ 16—18°, то это дѣло поправилъ. Острый кашель прошелъ и остался мой старый, такъ называемый желудочный, поповскій, кашель. Затѣмъ ноги, которыя были ушиблены, болятъ. Удушье одолѣло. Наконецъ, толстѣю непомѣрно. Фосфоритное платье, что построилъ въ прошломъ году, получивъ награду, уже не сходится.

„Нѣтъ, просто невозможно хозяйничать безъ минеральныхъ удобреній. Судите сами: нынче я нанялъ *вывезти навозъ* зимой по 11 р. за экономическую десятину. Весною разбить навозъ 1 рубль. Итого 12 рублей.

„На десятину нужно 32 пуда куломзинской муки, что̀ будетъ стоить 12 рублей: разсыпать—32 копѣйки; итого 12 рублей 32 коп. Но что̀ стоитъ навозъ? Конечно, это—отбросъ, но отбросъ дорогой, за которымъ мы гонимся. Но разъ мы будемъ примѣнять минеральные туки, и навозъ станетъ простымъ отбробомъ, потому что не станемъ держать лишняго скота для навоза. А то теперь постоянно слышите: „Положимъ, по корму и не стоило бы эту скотинку пустить, *но зато навозъ*“. Самое важное, чтобы не держали скота „для навоза“. И вотъ еще: урожай по фосфориту получается на нашихъ почвахъ не хуже, чѣмъ по навозу. *Навозъ хорошо дѣйствуетъ только на землѣ, которая нафосфоричена*. Теперь устроены сельско-хозяйственные винокуренные заводы. Заводъ долженъ имѣть извѣстное количество пахатной земли не далѣе 15 верстъ и тогда получаетъ извѣстную премію. Но у хозяина винокуреннаго завода нѣтъ достаточнаго количества пахатной земли. Вотъ что̀ можно сдѣлать (и *дѣлается* уже). Винокуренный заводъ покупаетъ дешевую пустошную землю, верстахъ въ 10—15 отъ завода, распахиваетъ и удобряетъ фосфоритомъ. Барду по прежнему всю стравливаетъ вблизи завода,—не возитъ же ее за 10—15 верстъ и не заводитъ же для нея отдѣльный хуторъ съ убыточнымъ для хозяйства скотомъ. Земли пахатной тогда—сколько требуется, и премія получается. Надѣюсь, что *новыя винокуренныя правила будутъ способствовать распространенію фосфорита*. Вотъ какъ оно выходитъ! Это то же, что съ кабаками. Уничтожили кабаки и завели винныя лавочки, гдѣ нельзя пить, а можно купить водку въ запечатанной посудѣ. Что же вышло? Теперь при каждой винной лавочкѣ есть и кабакъ, и увеселительное заведеніе. Подлѣ лавочки—изба, сидитъ въ ней бобылка—добрая душа, всегда пьяная. Купили вы въ лавочкѣ водки, не пить же ее на дворѣ при 20° мороза, заходите въ избу къ бобылкѣ—у нея и стаканчикъ есть, и закусочка. Тутъ и краденое принимаютъ; есть тутъ и развеселыя бабы. Даже гораздо лучше, чѣмъ въ прежнихъ кабакахъ. И кабачникъ всегда чистъ какъ стекло. И капиталъ пріобрѣтенъ, и невинность соблюдена.

„Но чѣмъ дальше идутъ опыты, тѣмъ болѣе еще видишь необходимость сдѣлать то и то. Мало удобрить клеверъ. Нужно

еще узнать, каковъ будетъ ленъ и хлѣбъ *послѣ* клевера гипсованнаго и каинизованнаго".

Несмотря на болѣзненные приступы, Энгельгардтъ продолжаетъ лихорадочно работать и аккуратно ведетъ переписку съ своими друзьями. Онъ пишетъ отъ 10 декабря 1891:

„Разговаривать письмами—моя страсть, а разговаривать съ вами такъ пріятно! Знаете, теперь, кажется, все *перебаламутилось*. Читаешь и глазамъ не вѣришь! Читали вы въ № 48 „Земледѣльческой Газеты" статью „о приготовленіи муки изъ соломы". Не читали—прочитайте или повѣрьте мнѣ. Теперь всѣ хлопочутъ о *суррогатахъ* хлѣба. Вотъ и въ Перми надумались печь хлѣбъ изъ *соломы*. Взяли соломы, изрѣзали на мелкіе куски, высушили и привезли на мельницу молоть. Мельникъ *не хотѣлъ молоть* и увѣрялъ, что изъ этой *затѣи* ничего не выйдетъ. Ну, мельникъ, конечно, дуракъ, неучъ. Обратились къ хозяину мельницы. Тотъ уважилъ и приказалъ смолоть. Получилась *соломенная мука*. Изъ этой муки, съ прибавкой ржаной, спекли хлѣбы. Муку брали въ разныхъ пропорціяхъ: $^2/_3$ ржаной и $^1/_3$ соломенной; $^1/_2$ ржаной, $^1/_2$ соломенной; $^1/_3$ ржаной и $^2/_3$ соломенной. Попробовали хлѣбъ и нашли, что при первыхъ двухъ пропорціяхъ: $^1/_3$ и $^1/_2$ соломенной муки, получается *очень хорошій хлѣбъ*. При третьей пропорціи ($^2/_3$ соломенной муки) хлѣбъ вышелъ неудаченъ, но *съѣдобенъ* и не имѣлъ дурного вкуса. *Сухари же изъ всѣхъ сортовъ хлѣба выходили отличные*. Конечно, пробовали хлѣбъ съ икрой, закусывая водку передъ обѣдомъ, за которымъ подавалась цвѣтная капуста и къ ней масло съ толчеными соломенными сухарями изъ соломеннаго хлѣба. Поэтому и *рекомендуютъ соломенную муку* какъ суррогатъ *ржаной муки*. Но такъ какъ рекомендуютъ соломенную муку не неучи какіе-нибудь, въ родѣ мельника, отказавшагося молоть солому, то и представили научныя подтвержденія—изъ „Справочной книжки русскаго сельскаго хозяина": въ таблицахъ состава кормовыхъ веществъ нашли, что солома содержитъ 37,7% *переваримыхъ* веществъ т.-е. лишь *только вдвое* менѣе, чѣмъ рожь. Изъ этого заключили, что 2 части соломенной муки могутъ замѣнить одну часть ржаной. Конечно, никто не зналъ, что въ таблицахъ показано количество веществъ, перевариваемыхъ травоядными животными, а не человѣкомъ. Навѣрно мельнику говорили, что онъ, мужикъ, ничего не знаетъ, что въ соломѣ, также какъ и въ зернѣ, много углеводовъ и пр. Статья была напечатана въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" и перепечатана (безъ всякой оговорки) въ „Земледѣльческой Газетѣ", № 48. Зачѣмъ? Въ на-

смѣшку что-ли? *Но какъ же не оговорить!* Кто-нибудь прочтетъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“ и приметъ въ серьёзъ. Начнетъ еще дѣлать опыты какая-нибудь продовольственная коммиссія или Красный Крестъ. Я послалъ Баталину небольшую замѣтку, написанную просто и серьезно, безъ насмѣшекъ... Эхъ! взялъ бы я этихъ пермскихъ изобрѣтателей соломенной муки и посадилъ бы на двѣ недѣли на хлѣбъ, на воду, въ карцеръ, и давалъ бы хлѣбъ изъ соломенной муки по 6 фунтовъ на человѣка (вмѣсто 3-хъ ржаного)... Зачѣмъ это вы вступили въ полемику съ газетчиками? Развѣ они поймутъ? Они хотятъ воду, образующуюся при таяніи весною снѣга, собирать и потомъ употреблять для орошенія. Это просто и для всѣхъ видимо: будетъ прудъ съ водою и изъ него вода будетъ разводиться арыками. Вы же, если я вѣрно васъ понялъ, хотите, чтобы вода, образующаяся при таяніи снѣга, поглощалась почвою и тутъ же на мѣстѣ оставалась. Надѣетесь достигнуть этого извѣстными техническими пріемами обработки. Такъ вѣдь? Не знаю, поймутъ ли они это? Не думаю, чтобы поняли. Тутъ воды не будетъ видно и *сооруженій* никакихъ не будетъ... Насчетъ суррогатовъ часъ отъ часу не легче. Предлагаютъ (помѣщена статья въ „Трудахъ Вольно-экономическаго Общества“) печь хлѣбъ изъ торфа для *корма скоту*: 20 частей ржаной муки, 20 частей отрубей, 60 частей торфа, и опять приводятъ цифры изъ „Справочной книжки“ о количествѣ азота и пр.“.

Въ январѣ 1892 года Энгельгардтъ писалъ:

„Въ нынѣшнемъ году буду производить опыты известкованія. Теперь уже запасаю известь. Дорогà она у насъ, отъ 2 р. 50 коп. до 3 руб. за бочку (въ 20 пуд.). Для опытовъ это все равно, но для хозяйства дорого. Полагаю разсыпать на десятину казенную 240 пуд. и 120 пуд. Посмотримъ, чтò будетъ. Нынче думаю употребить 1.260 пуд.

„Пришлите обѣщанныя книжки относительно примѣненія калійныхъ удобреній.

„Предполагаю сдѣлать слѣдующіе опыты весною:

„*На паровомъ полѣ подъ рожь 1892 г.*

1) Одну экономическую (3.200 кв. саж.) десятину перелома (1-я рожь послѣ травъ) удобримъ всю 320 пудами извести и затѣмъ ½ этой десятины еще удобримъ 24 пудами куломзинской муки.

„Одну экономическую десятину *перелома* всю удобримъ 160 пудами извести и затѣмъ на этой десятинѣ ¼ удобримъ еще

каинитомъ, 1/4—куломзинскою мукой, 1/4 десятины—куломзинскою мукою и каинитомъ.

2) На мягкой землѣ подъ рожь, по которой будетъ посѣянъ клеверъ.

„На одной экономической десятинѣ 1/2 дес. удобримъ 160 пудами извести и всю десятину навозомъ лѣтней вывозки.

„На одной экономической десятинѣ 1/2 дес. удобримъ 160 пудами извести и всю десятину навозомъ зимней вывозки.

„На одной экономической десятинѣ всю десятину удобримъ 160 пудами извести и всю навозомъ лѣтней вывозки.

„*На пустошномъ лугу—поверхностное удобреніе.*

„На одну казенную (2.400 кв. саж.) десятину 100 пуд. извести.

„На одну казенную десятину 100 пуд. извести и 24 пуда куломзинской муки.

„На одну казенную десятину 100 пуд. извести, 24 пуда куломзинской муки и 24 пуда каиниту.

„Это будетъ отлично, если вы нынче сдѣлаете путешествіе по Россіи. Хорошо было бы, еслибы ученый комитетъ поручилъ вамъ заѣхать посмотрѣть мои опыты. Я вообще считаю полезнымъ, чтобы ежегодно дѣлались отъ департамента экскурсіи дѣльными людьми, такъ сказать, рекогносцировки сельско-хозяйственныя, для чего при департаментѣ должны были бы состоять извѣстныя лица (инспекторы сельскаго хозяйства), которыя съ ранней весны до глубокой осени объѣзжали бы извѣстные округа. Я сначала думалъ, что въ этомъ-то и состоятъ обязанности инспекторовъ сельскаго хозяйства, но оказывается, что они дѣлаютъ что-то другое. Еслибы при департаментѣ были такія лица, ежегодно дѣлающія рекогносцировки, то департаментъ лучше бы былъ знакомъ съ положеніемъ дѣла. Пришлите мнѣ обѣщанныя книжки объ опытахъ съ калійными удобреніями".

Въ февралѣ того же года онъ пишетъ:

„Посланныя вами брошюры получилъ. Съ величайшимъ интересомъ прочиталъ вашу работу о почвахъ виноградниковъ. Да—это работа! Теперь важно, чтобы съ толкомъ были произведены указанные вами опыты удобренія виноградниковъ. Будутъ ли сдѣланы такіе опыты? Ужасно радуюсь, что вы дали по носу суперфосфату. Ваши объясненія превосходны и подходятъ къ нашимъ почвамъ тоже. Хорошо бы было и на опытѣ доказать непригодность въ данномъ случаѣ суперфосфата.

„Есть ли только у васъ въ виноградникахъ надежные люди, которымъ можно было бы поручить производство опытовъ?

„Относительно калiйныхъ удобренiй, я думаю, самое лучшее было бы для виноградниковъ употреблять золу отъ соломы и кизяка. Вездѣ, гдѣ топятъ соломой, получаются массы золы, которую выбрасываютъ, такъ какъ она не годится для щелока даже. Впрочемъ, мнѣ извѣстно, что въ симбирской губернiи *скупаютъ* соломенную золу, но куда она идетъ, не знаю. „Удѣлу“, конечно, не трудно было бы черезъ своихъ чиновниковъ организовать скупку соломенной золы. Кромѣ того, слѣдовало бы испытать и рязанскiй фосфоритно-глауконитовый песокъ. Этотъ песокъ въ Рязани продается по 5 коп. пудъ, а молотый на сито № 2 по 9 коп. пудъ. Содержитъ 10% фосфоритной кислоты и 3—4% кали. Анзимировъ мнѣ говорилъ, что у нихъ въ значительномъ количествѣ покупаютъ этотъ песокъ для *виноградниковъ Губонина*, несмотря на то, что перевозка въ Крымъ стоитъ очень дорого, чуть ли не 50 коп. съ пуда.

„Что касается удобренiя известью, то нельзя известь сначала погасить и, когда она разсыплется въ порошокъ, разбрасывать. И глаза ѣстъ, и горло, до кровохарканiя. Просто невозможно вынести. Для виноградниковъ, думаю, лучше всего дѣлать изъ земли и извести компостъ, переслаивая жженую известь съ землею. Когда известь въ такой кучѣ сама собою погасится, перелопатить хорошенько и тогда уже разбрасывать.

„Пожалуйста при случаѣ напишите мнѣ, что̀ значитъ: 1) Moorwiesen, 2) Anmoorigewiesen, и чѣмъ они отличаются отъ Torfwiesen? Что̀ значитъ Riesenwiesen?

„Хорошо было бы, еслибы вы вашу брошюрку о почвахъ виноградниковъ послали Куломзину. У него тоже есть гдѣ-то виноградникъ; по крайней мѣрѣ онъ говоритъ, что вино, которое у него подаютъ, изъ его виноградника.

„Конечно, будетъ очень хорошо, если вы лѣтомъ заѣдете ко мнѣ. Лучше всего было бы, еслибъ вамъ поручено было отъ департамента посмотрѣть мои опыты; въ прошломъ году объ этомъ говорилось въ ученомъ комитетѣ. Мнѣ бы желательно было, чтобы въ образцахъ почвъ, которые я послалъ департаменту, азотъ былъ опредѣленъ непосредственно“.

X.

Дальнѣйшiя письма 1892 года свидѣтельствуютъ, что Энгельгардтъ задумывалъ все болѣе и болѣе широкiе сельско-хозяйственные опыты, не оставляя своей обычной осторожности въ приго-

ворахъ по спеціальнымъ вопросамъ и требуя разъясненія о каждой неясной сторонѣ.

Онъ пишетъ въ февралѣ 1892:

„Въ известковомъ туфѣ достаточно опредѣлить $^0/_0$ извести и фосфорной кислоты. Въ золѣ нужно опредѣлить $^0/_0$ кали, фосфорной кислоты, и хотѣлось бы также, чтобы былъ опредѣленъ $^0/_0$ извести. Я такъ и писалъ въ департаментъ, посылая образцы. Я послалъ въ департаментъ 22 образца почвъ (съ 22 десятинъ новаго спеціальнаго опытнаго поля № 3). Просилъ, чтобы въ каждомъ изъ 22 образцовъ было опредѣлено количество азота и количество углерода (не гумуса, а углерода, потому что почвы содержатъ и органическія вещества).

„Затѣмъ я просилъ, чтобы въ 3-хъ образцахъ, № 6, № 14 № 20, былъ, кромѣ того, опредѣленъ и минеральный составъ, причемъ желательно, чтобы остатокъ послѣ обработки соляной кислотой былъ еще обработанъ сѣрной кислотой для опредѣленія количества глины. Все это новое опытное поле заложено на типичной подзолистой дѣвственной пустынѣ, никогда не пахавшейся и не удобрявшейся. Разработка его будетъ вестись съ одними минеральными удобреніями (безъ азотистыхъ), и черезъ нѣкоторое время, когда урожаи ослабѣютъ, опять опредѣлимъ количество азота и углерода, а также и минеральный составъ.

„Такихъ „Moorboden“, какъ ранѣе анализированный вами № 7 (прежде присланный, въ 1886 году), которыя способны горѣть и содержать много PhO^5, у меня мало. Это только по низинамъ. Притомъ же такія мѣста, во время засухъ, часто выгораютъ и потомъ, по гари, почва на нихъ дѣлается водопроницаемой, такъ что вода на низинахъ уже не стоитъ. Интересно было бы изъ такой почвы извлечь фосфорно-органическое вещество. Интересно также изучить дѣйствіе извести на такую почву, что̀ я и намѣренъ сдѣлать. Казалось бы, на такой почвѣ известь и каинитъ должны произвести отличное дѣйствіе. Отчего нѣмцы на Moorboden къ каиниту непремѣнно прибавляютъ томасову муку? Почему не известь?

„Ну, что̀ представляетъ новый директоръ департамента? Были вы у него? Пощупали сельско-хозяйственный пульсъ? Напишите пожалуйста. Чрезвычайно странно, что изъ губернаторовъ пошелъ въ директоры департамента сельскаго хозяйства. Пописывали въ газетахъ, что департаментъ хотятъ преобразовать во что-то болѣе важное.

„Ну, что̀ ваша экскурсія? Выхлопотали? Состоится? Очень бы желалъ, чтобы департаментъ или ученый комитетъ поручилъ вамъ

заѣхать ко мнѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы все у меня посмотрѣли.

„Ну, что, Пухерта выпустили наконецъ? Однако, теперь насчетъ хлѣба строго. У насъ скупаютъ хлѣбъ для голодающихъ губерній (какъ же, степь кормимъ). Ныньче были дожди во время уборки и потому много рослаго хлѣба. Такъ рослаго не берутъ, а только хорошій. Весь хорошій поскупали, а мѣстные крестьяне, которые хлѣбъ къ веснѣ всегда покупаютъ и уже начали покупать, будутъ ѣсть рослый".

Вскорѣ Энгельгардтъ, должно полагать, получилъ изъ департамента или отъ г. К—ва результаты изслѣдованій нѣкоторыхъ присланныхъ имъ образцовъ, и Энгельгардтъ въ мартѣ пишетъ:

„Меня не особенно удивилъ составъ золы. Я предполагалъ въ ней отъ 2 до 3% кали, но оказалось еще менѣе: 1,78%. (Даже еще менѣе, потому что я послалъ золу, отсѣянную отъ угля, головешекъ, комковъ земли. И всего этого было отсѣяно 15%. Слѣдовательно въ употребляемой мною золѣ всего 1,51% кали). Придется разсыпать вдвое болѣе, чѣмъ я разсыпалъ. Золу эту я добылъ самъ слѣдующимъ образомъ: при подготовкѣ пустоши для новаго поля очищали ее отъ пней, деревьевъ, кустовъ, поросли. Все это вырубалось съ корнемъ, при чемъ корни обрубались кругомъ дерева или куста. Понятно, что на корчижкахъ между корнями оставалось много земли. Изъ вырубленныхъ деревцовъ были выбраны дрова, а корчижки, мелкій хворостъ, гнилые пни и проч. снесены въ груды. Эти груды были сожжены и зола собрана. При этомъ, конечно, еще прибавилось земли съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ сжигались груды. Такимъ образомъ мы собрали 600 пуд. золы. Уже по количеству золы я разсчитывалъ, что въ ней будетъ много земли, процентовъ 50, а вышло еще болѣе. Но вѣдь это все равно. Лучшей золы достать негдѣ. Ныньче зимой я собралъ, впрочемъ, нѣсколько печной золы у себя въ домѣ и изъ овина. Та зола должна содержать болѣе кали.

„Въ деревнѣ очень трудно собрать хорошей золы. Здѣсь золу употребляютъ для бученія полотенъ, для мытья бѣлья, и бабы очень дорожатъ золой. Развѣ только старикъ-гуменщикъ убережетъ золу, а если гуменщикъ молодой, то бабы подластятся и всю хорошую золу у него растаскаютъ, а онъ будетъ подсыпать земли.

„Спѣшить съ анализами почвъ нечего. Конечно, можно и лѣтомъ сдѣлать. Желательно только, чтобы опредѣленія азота и углерода дѣлалъ одинъ и тотъ же лаборантъ по одному и тому же способу. Убѣдительнѣйше прошу, чтобы на вѣски для опредѣленія

N и C брать въ томъ видѣ, какъ почвы присланы, и не отсѣивать находящіяся въ почвѣ частицы дерницы и проч. Мы почвы высушили и сами растерли. Нельзя ли для опредѣленія азота брать на вѣски поболѣе. Все это, повторяю, не къ спѣху. Жду, не дождусь весны. Надѣюсь, что весной здоровье мое поправится. Да и скучно, всю зиму не выхожу изъ комнаты.

„Ну, кончили съ Пухертовой мукой. Слава Богу. Какъ это мы всѣ не перемерли, сколько мы этого куколя поѣли! Я и не зналъ, что куколь вреденъ. У насъ во ржи куколя не бываетъ, но въ яровой пшеницѣ, которую сѣятъ на лядахъ, куколя пропасть. Куклеотборниковъ ни у кого нѣтъ. Стараются отобрать куколь (для того, чтобы хлѣбъ былъ бѣлѣе), вскруживая пшеницу на рѣшетахъ, но все-таки куколя остается много. Изъ мѣстной муки съ куколемъ пекутъ очень вкусные калачи и хлѣбъ, и я прежде ѣлъ,—ничего. И дѣти ѣли,—ничего. Постоянно пекли хлѣбъ изъ своей муки съ куколемъ. Мы и не знали, что это отрава. Но, должно быть, кукольный ядъ—медленный ядъ".

Въ октябрѣ Энгельгардтъ, однако, начинаетъ торопить профессора К—ва съ анализами и пишетъ ему:

„Я послалъ вамъ почтой образецъ фосфоритной муки съ просьбой опредѣлить въ ней $^0/_0$ фосфорной кислоты. Сдѣлайте одолженіе, поторопите лаборанта съ анализомъ. Мнѣ очень нужно поскорѣе знать содержаніе фосфорной кислоты въ этой мукѣ. Съ этой мукой у меня вышелъ казусъ. Не послалъ муку въ департаментъ, который все равно передалъ бы вамъ, чтобы дѣло сдѣлалось поскорѣе. Интересные результаты дали мои опыты. Сколько работы и какой богатый матеріалъ!

„Куломзинская мука на ржи превзошла все. Не только лучшее дѣйствіе оказала, чѣмъ другія фосфоритныя муки, но лучше, чѣмъ томасова мука и костяная. Куломзинская мука уступила только суперфосфату, да и то немного. Съ суперфосфатомъ получено лишь на 3 мѣрки ржи болѣе съ десятины, чѣмъ съ куломзинской муки.

„И какъ это прежде дѣлали опыты? Ничего не выходило. Впрочемъ, и теперь у иныхъ ничего не выходило даже рядомъ со мной. Точно заколдовано. А поля межа съ межой, и почва одинаковая. Отлично подѣйствовала фосфоритная мука, на свѣжей землѣ безъ навоза, на капусту (увеличила урожай въ 6 разъ), брюкву и др. крестоцвѣтныя.

„На нихъ отлично подѣйствовалъ каинитъ.

„Вообще, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

„Есть еще у меня до васъ просьба. Въ 1888 году я послалъ вамъ образцы моихъ почвъ (2-я присылка). Вы сдѣлали ихъ ана-

лизы, но до сихъ поръ не напечатали. Когда я былъ въ Петербургѣ, вы мнѣ сообщили нѣкоторые результаты анализовъ, но я ихъ не записалъ. Теперь хорошо было бы, еслибы вы сообщили подробно объ этихъ почвахъ (преимущественно красные суглинки), потому что нынче сдѣланы опыты удобренія известью и другими минеральными туками именно на десятинахъ, почвы съ которыхъ я вамъ переслалъ осенью 1888 года. Могутъ быть интересные результаты. Мы только-что поставили баллы осенніе зеленямъ нынѣшняго года. Мы это дѣлаемъ каждый отдѣльно, и смотря потому, чтò каждому на взглядъ представляютъ зеленя́, онъ и ставитъ баллъ (цифру) каждой десятинѣ. Интересно, какъ совпадутъ баллы съ вашими анализами. Сколько помню, чтò вы мнѣ сообщили въ Петербургѣ,—результаты будутъ интересные. Я самъ балловъ не ставилъ. Я началъ сооруженія для ирригаціи водами известковыми и фосфорными. Еще разъ сообщите поскорѣе, сколько фосфорной кислоты содержится въ посланной мною мукѣ".

Въ ноябрѣ того же года Энгельгардтъ пишетъ противъ грубо размолотыхъ и необожженныхъ фосфоритовъ (немолотаго сырого песка и молотаго зеленаго песчаника), несмотря на ихъ дешевизну, въ виду того, что у него урожай не окупилъ удобреніе „дешевымъ тукомъ".

„Многіе бросятся на дешевизну, накупятъ сего глауконитоваго песку, и ничего не получится. Тогда станутъ говорить: пустяки—этотъ фосфоритъ. Закончилъ опыты съ рожью и скоро пошлю статью въ „Земл. Газ.". Результаты интересные очень. Съ фосфоритными туками безъ навоза получено 15 четвертей съ казенной десятины. Между тѣмъ есть для сравненія урожаи ржи въ томъ же полѣ съ 1865 года. И вотъ чтò оказывается: при старомъ хозяйствѣ безъ травосѣянія среднiй урожай за года 1865, 68, 71 былъ 5 четвертей съ казенной десятины. По введенія травосѣянія и пр. новшествъ среднiй урожай (года 1874, 77, 80, 83) былъ 8 четвертей съ казенной десятины. Особенно урожайные годы 1886, 89 по 11 четвертей съ казенной десятины. Нынче безъ навоза съ одними фосфоритами 15 четвертей, и чтò всего важнѣе—на одной десятинѣ, которая не получала навоза 3 трехлѣтія, а только фосфоритъ въ 1886—1889—1892 гг., урожай нынче былъ 10 четвертей съ казенной десятины. Вотъ вамъ и азотъ. Очевидно, его у васъ на почвѣ довольно. При вашихъ анализахъ моихъ пустошныхъ почвъ оказалось очень много азота; когда ихъ истощимъ.—А какъ мы разработали все. Даже жнивья съ клеверомъ скосили, свѣсили, анализировали.

„Говорятъ, что Черняевъ будетъ провѣрять мои опыты на

одной изъ департаментскихъ фермъ. Черняевъ находитъ, что мои опыты не научны. Пусть попробуетъ. Этому я радъ.

„Еще скажу вамъ одну вещь по секрету. Сдѣлалъ я одно наблюденіе, которое не рѣшаюсь публиковать, пока не сдѣлаю спеціальныхъ опытовъ. Сдается мнѣ, что свѣжій навозъ дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на фосфоритъ, съѣдаетъ фосфоритъ. Въ самомъ дѣлѣ: одинъ фосфоритъ даетъ часто лучшіе результаты, чѣмъ фосфоритъ + навозъ (свѣжій). Разложившійся навозъ не то. Но молчокъ. Пока не сдѣлаю спеціальные опыты, боюсь высказывать это. А мнѣ кажется, это подходитъ къ вашимъ опытамъ о поѣданіи бактеріями фосфорныхъ соединеній. Напишите ваше мнѣніе. Можетъ, и укажете мнѣ что̀. Отправивъ статью о результатахъ опытовъ подъ рожь, сяду за обработку данныхъ относительно удобренія минеральными туками подъ ленъ. Тутъ тоже интересные результаты. Особенно хорошо дѣйствуетъ каинитъ, который лучше употреблять подъ клеверъ, послѣ котораго по пласту будетъ ленъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ опытъ. По скосѣ клевера 3-го на десятину было разсыпано 3 мѣшка каиниту, стоющихъ 8 руб. 55 коп. Каинитъ очень усилилъ ростъ отавы, такъ что по скосѣ получено 56 пуд. сѣна, болѣе чѣмъ съ неудобренной десятины на 11 р. 20 к. Осенью поднято. Нынче посѣянъ ленъ. Каинитъ оказалъ сильное дѣйствіе, которое было видно на глазъ.

„Съ удобренной получено сѣмянъ болѣе на 8 пуд. (1 р. 26 к. пудъ) на 10 руб. Льна съ удобренной получено на 16 пуд. болѣе противъ неудобренной и проданъ ленъ по 2 руб. 45 коп. за пудъ (съ неудобренной ленъ проданъ 1 руб. 80 коп. за пудъ)—на 40 руб. 30 коп. Да цѣна 42 пуд. (всего съ удобренной десятины получено $58^1/_2$ льна) увеличилась на 65 коп. съ пуда, слѣдовательно еще 27 руб. 30 коп.

Итого:	за прибавку клевера.	11 р.	20	к.
	за прибавлен. льняное сѣмя	10 „	—	„
	за прибавлен. ленъ	40 „	30	„
	за прибавл. цѣны на весь удобр. ленъ.	27 „	30	„
	Итого	88 р.	80	к.

болѣе чѣмъ съ неудобренной.

„Три мѣшка каиниту, стоющіе 8 руб. 55 коп., за оплатою удобренія, дали 80 руб. 25 к. пользы, т.-е. около 800%. Невѣроятно даже. А вотъ Черняевъ пусть повѣритъ. Что̀ же намъ повторять. Мы дальше пойдемъ.

„Урожай капусты куломзинская мука увеличила въ 6 разъ.

„Началъ опыты съ известью. Хорошо идетъ. Но самое непріятное удобреніе. Не то что у людей, но у лошадей даже при работѣ съ известью кашель и кровь идетъ изъ ноздрей“.

Такимъ образомъ, Энгельгардтъ встрѣтилъ 1893 годъ полный надеждъ, что его новые опыты съ известью дадутъ такіе же неожиданные и блестящіе результаты, какъ и фосфоритные и каинитные опыты, но смерть уже поджидала его, и дни его были сочтены... Въ январѣ онъ захворалъ и 21-го числа скончался. Оканчивая земное поприще, онъ и въ предсмертномъ бреду не разставался съ задуманными планами объ удешевленіи ржи, для освобожденія земледѣльца отъ кабальнаго хозяйства частнаго предпринимателя, и галлюцинировалъ отчетами министерству государственныхъ имуществъ о казенной копѣйкѣ, выданной ему на сельско-хозяйственные опыты. Такъ и отошелъ онъ въ вѣчность съ готовыми цифрами и замыслами о поднятіи народнаго благосостоянія. Благодаря его „опытамъ", вся земля у него въ с. Батищевѣ анализирована, имѣется учетъ приходо-расходу по каждой статьѣ, и самое имѣніе представляетъ превосходную сельскохозяйственную станцію для дальнѣйшихъ опытовъ съ фосфоритами для ржи и каинитомъ для клевера и льна при экстенсивной системѣ 15-польнаго сѣвооборота, какъ наилучшей системѣ для хозяйствъ на подзолистыхъ почвахъ. Но по мѣрѣ улучшенія своего одичалаго имѣнія, Энгельгардта посѣщали невеселыя думы. „Я достигъ въ своемъ хозяйствѣ,—писалъ онъ,—блестящихъ результатовъ, но будущее не принадлежитъ такимъ хозяйствамъ, какъ мое. Стоитъ мнѣ не то что бросить хозяйство, а только заболѣть, и все пойдетъ прахомъ — никто не будетъ знать, что̀ дѣлать, гдѣ что̀ сѣять. Это понимаетъ и мой староста, и другіе крестьяне. „Умрете—и ничего не будетъ, все прахомъ пойдетъ,—говоритъ староста.—Кончится тѣмъ, что и вы сдадите имѣніе въ аренду нѣмцу"... А между тѣмъ, перейди мое хозяйство въ руки общины, артельно ведущей хозяйство, оно продолжало бы процвѣтать и развиваться". Неужели же опасенія Энгельгардта оправдаются, и никто не подниметъ голоса о признаніи его заслугъ для хозяйствъ нечерноземной Россіи, съ тѣмъ, чтобы всѣ начатыя имъ работы въ сельцѣ Батищевѣ не были остановлены за его смертью? Кажется, смоленскому земству было бы всего приличнѣе выкупить это имѣніе и сдѣлать изъ него опытную сельско-хозяйственную станцію. Это былъ бы достойный памятникъ плодотворной дѣятельности Энгельгардта на народной нивѣ. Въ равной степени, батищевское имѣніе могло бы служить и для устроенія казенной фермы со школой въ память А. Н. Энгельгардта.

А. Фаресовъ.

БЕЗЪ МУЖЕЙ

ПОВѢСТЬ.

IX *).

Дорога установилась и, какъ русло между снѣговыми стѣнами, прорѣзывала бѣлую равнину. Сплошной сугробъ сгладилъ всѣ впадины и котловины, занесъ подножіе лѣса, превративъ для глазъ вершины его въ неясно обрисованный издали гребень холмовъ, и застелилъ все до горизонта. Все кругомъ бѣло, неподвижно и мертво въ прозрачныхъ тѣняхъ сѣверной ночи. Снѣгъ падалъ мягко и безмолвно, роясь легкимъ столбомъ перистыхъ звѣздъ. Ненарушима тишина въ бѣломъ пространствѣ, въ немъ замеръ всякій звукъ, шаговъ не слышно, и невозможно на дорогѣ разглядѣть прохожаго, который слился съ бѣлой мѣстностью. Съ головы до ногъ закрытый бѣлымъ полотномъ, онъ шелъ задомъ. Онъ словно пятился назадъ отъ испугавшаго его предмета и пряталъ руки въ простынѣ, которою запасся, убѣгая изъ тюрьмы. Какъ бы обратные слѣды его ступней глубоко и отчетливо врѣзались въ свѣжій снѣгъ. Онъ обманулъ ими погоню и ушелъ далеко отъ тюрьмы. Ноги болѣли у него; фигура вся осѣла и стала тяжела отъ утомленія, но онъ все шелъ, разсчитанно и осторожно отмѣривая каждый шагъ назадъ. По временамъ раскутывалъ онъ голову, оглядывался во всѣ стороны и чуткимъ ухомъ вслушивался въ тишину.

У перекрестка онъ остановился. Только предвзято бдительный слухъ его могъ уловить едва колеблемый воздухъ вдали. Какъ привидѣніе, окутанное саваномъ, стоитъ человѣкъ на дорогѣ,

---

*) См. выше: іюль, 289 стр.

напряженно внимая, слышитъ свое дыханіе, и снова дальній звукъ, заглушенный біеніемъ сердца. Лошадиный топотъ слышится ему. Темной выростающей точкой несется погоня за нимъ, слышится визгъ полозьевъ и голоса людей. Бѣглецъ, не торопясь, взобрался на снѣговую стѣну, легъ тамъ и вытянулся во весь ростъ. Онъ сглаживаетъ очертанія своей фигуры въ простынѣ съ сугробомъ, вдавился тѣломъ въ рыхлые слои новаго снѣга, врылся плечами и ногами въ нихъ. Снѣгъ падалъ непрерывными рядами и облегалъ его, и, тая, застывалъ вокругъ лица. Стукъ собственнаго сердца усиливался по мѣрѣ приближенія полозьевъ, по мѣрѣ возростанія встревоженной жажды свободы. Простыя сани неслись къ перекрестку; въ нихъ, стоя, правилъ лошадью солдатъ, и задомъ къ нему сидѣлъ его спутникъ, какъ видно, тюремный служитель, и держалъ револьверъ. Изъ-подъ соломы виденъ былъ прикладъ ружья, а сверхъ соломы свернуты кружкомъ веревки. Сани остановились у перекрестка. Солдатъ сѣлъ на солому, а тюремщикъ, соскочивъ съ саней, обмахиваетъ рукавицей снѣговой налетъ съ пути. Слегка занесенные слѣды сапогъ повели его къ узкой вырубкѣ въ снѣгу по направленію къ лѣсу.

Солдатъ ему сказалъ:

— Найдутъ и безъ насъ, а то, глядишь, и найденъ онъ теперь. Сюда онъ не могъ уйти, нечего тутъ и искать.

— Само собой,—отвѣтилъ тюремщикъ, не разгибаясь и продолжая углубляться въ вырубку:—надо все-таки службу исполнять.

Прошло нѣсколько мгновеній. Усиленное дыханіе бѣглеца, свистящее и бурное, могло бы его выдать, какъ ему казалось, и съ отчаянной рѣшимостью поднялся бѣлый человѣкъ надъ высокимъ сугробомъ, и прежде чѣмъ испуганный солдатъ успѣлъ спросить, что̀ за видѣніе ему явилось, налетѣлъ на него, столкнулъ съ саней, самъ прыгнулъ въ нихъ и погналъ лошадь во весь духъ. Раздавшійся ему вслѣдъ выстрѣлъ поддалъ быстроты испуганной лошади.

— Ахъ ты растяпа, дурень!—ругался тюремщикъ.—Ахъ ты вражеское навожденіе!—кричалъ солдатъ, и голоса ихъ скоро замерли вдали для исчезнувшаго изъ виду ихъ бѣлаго человѣка.

Лошадь неслась въ карьеръ, щетиня гриву и храпя, и, становясь бѣлѣе на востокѣ, необозримое пространство съ неимовѣрной быстротой неслось на встрѣчу бѣглецу. Первый розовый взглядъ зари остановилъ паденіе снѣга и радужными блестками разлился по равнинѣ; холодная природа, не знающая ни заботъ, ни страданій, вздохнула, пробудясь подъ снѣгомъ, и стая птицъ взвилась высоко, привѣтствуя разсвѣтъ смѣлымъ и радостнымъ

крикомъ. И кажется бѣглецу, что миновали всѣ опасности, и готовъ онъ, какъ птицы, запѣть отъ рвущейся въ груди надежды на покой. Отрадный видъ селенія сулитъ ему тепло и отдыхъ, и дорого доставшуюся, близкую, желанную свободу.

— Стой!—раздался голосъ какъ изъ-подъ земли.

Бородатый мужикъ выскочилъ передъ самой мордой лошади, остановилъ ее и хочетъ рѣзать постромки. Бѣглецъ пошатнулся, вставъ на ноги; усталый и хилый, онъ все-таки простеръ грозно руку.

— Прочь съ дороги!

— Не перечь, убью! Лошадь отдай!

Мгновеніе—и два человѣка въ отчаянной схваткѣ валялись въ снѣгу. Руками они тискали другъ друга, ногами брыкались, старались вцѣпиться зубами другъ другу въ лицо и, какъ звѣри, срывали клочья другъ съ друга, кусаясь, щипаясь, хрипя.

Потерявъ въ борьбѣ остатокъ силъ, плюясь въ безпомощной ярости, побѣжденный сдался.

— Погоня!—сказалъ онъ, поднявшись съ земли, и бросился въ сани вмѣстѣ съ побѣдителемъ, и оба помчались, принявъ за погоню женщину съ коровой. Оба, оглядываясь назадъ въ саняхъ, взглянули другъ на друга, и съ радостнымъ хохотомъ мужикъ протянулъ къ побѣжденному руки.

— Братецъ ты мой! Глѣбъ Николаичъ! Какъ тебѣ Богъ помогъ вырваться, князенька нашъ!

— Неужели Андронъ?—тихо вымолвилъ Глѣбъ Николаевичъ и, закрывъ глаза, упалъ головой на солому.

Андронъ нагнулся къ своему бывшему товарищу по заключенію, взялъ его голову на колѣни и, захлебываясь отъ избытка участія къ нему, шепчетъ:

— Ай, заморился совсѣмъ? Помялъ я тебя... Прости Христа ради!

Усталая лошадь тихо пошла. Дорога повернула къ лѣсу. То-и-дѣло слышалось похрустыванье мерзлыхъ вѣтокъ; но вотъ сѣдые мощные стволы, закутанные словно ватой снизу, начали постепенно рѣдѣть, и показался въ воздухѣ словно недолетѣвшій съ неба, сверкающій крестъ колокольни. Андронъ снялъ шапку и сталъ размашисто креститься.

— Вотъ и слава Тебѣ, Создателю, пріѣхали!—сказалъ онъ, бережно приподнимая голову своего спутника; но тотъ не показывалъ признаковъ жизни, только влажное лицо его въ глубокомъ снѣ нервически дрогнуло.

X.

Въ одну темную ночь исчезла противъ самыхъ воротъ Мамаевыхъ цѣлая копна сѣна посвѣжѣе, и было рѣшено, что капитанъ поѣдетъ въ городъ за управой на воровъ.

— Этакъ вѣдь они все растащутъ у насъ!—съ растерянными лицами толковали супруги, и на этотъ разъ имъ вторила Ирина:—Нечего ихъ щадить. Своя рубашка ближе къ тѣлу. Береженаго и Богъ бережетъ,—въ три голоса произносились и другія истины, давно утратившія всякое значеніе, давно истрепанныя, какъ всѣ перешедшія изъ поколѣнія въ поколѣніе наслѣдственныя принадлежности стараго дома. Казалось, сами стѣны изрекали ихъ—такъ тупо, дико и безжизненно звучали избитыя слова, механически навертываясь на языки. И въ своей несознанной потребности услышать хоть одно живое слово, вопросительно глядитъ Ирина на ученую, пробуетъ вызвать ее на свѣжее, новое слово.

— Гуманность-то легко разыгрывать изъ чужого кармана,—говоритъ она укоризненно и съ такимъ вызывающимъ видомъ въ сторону Лизы, какъ будто на той лежитъ отвѣтственность за происшедшее. И задумчиво притихла Ирина, не сводя глазъ съ ея лица: хотѣлось ей сорвать съ него, похитить и усвоить ея мнѣніе.

Еслибъ кто-нибудь Лизѣ сказалъ, что ея существованіе пробуждаетъ въ душѣ Ирины роковыя начала добра и справедливости и вноситъ новую окраску въ жизнь окружающихъ, она бы не повѣрила этому. Еслибъ сказали ей, что, благодаря безсознательно указанному ею направленію протестующимъ порывамъ Ирины, произошли перемѣны кругомъ, она не поняла бы этого. Но въ простотѣ и свѣжести ея молодой, нетронутой рефлексіей души и заключалось ея вліяніе. Лиза смотрѣла на себя, какъ смотрятъ на нее другіе въ домѣ, гдѣ ничего для нея лично знаменательнаго не предвидится, и свой образъ мыслей хранила въ себѣ. Но тѣмъ бдительнѣе ухищрялась подмѣчать, ловить на ея лицѣ Ирина все, что составляетъ между ними разницу, и, стремясь къ солидарности съ ней, ненавидѣла за превосходство невольную виновницу недовольства собой. Чувства эти, ей самой непонятныя, смутныя, волновали ее постоянно.

Послѣ урока Лиза надѣла новую блузку изъ хорошенькаго ситца, подвернула въ кольцо прядку волосъ надо лбомъ и одѣлась въ свой модный дорожный костюмъ. Она сама не знала,

для чего она занялась туалетомъ, но тайное предчувствіе ей говорило о чемъ-то знаменательномъ и для нея въ этой глуши. У нея прибавился паціентъ, котораго ей рекомендовали подъ большимъ секретомъ какъ ссыльнаго поселенца. Ей въ высшей степени пріятно было облегчить его страданія, и по обѣщанію она идетъ къ нему.

При видѣ ее такой нарядной, Ирина ничего не сказала, только судорога искривила ея губы недоброй усмѣшкой. Страшное подозрѣніе закралось въ ея сердце. Когда Лиза ушла, она поторопила отца къ отъѣзду въ городъ, чтобъ онъ завезъ ее въ село, гдѣ ей понадобилось спросить что-то у фельдшера относительно капель. Вся замираетъ она, подкрадываясь къ подъемному окну избы Андрона, и смутно, и страшно у нея на душѣ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что ученая дура списалась съ ея женихомъ, очаровала его и назначаетъ ему здѣсь свиданія. Но никого нѣтъ въ избѣ, кромѣ Андрона, который наколачиваетъ на сапогъ подметку, и болью отдается каждый ударъ его молотка въ ея головѣ. Быть можетъ, въ другой, въ старой его избѣ происходитъ что-то ужасное; но старая изба заперта на замокъ и вмѣстѣ съ окнами до самой крыши почти завалена сплошной массою снѣга. Ирина вошла въ сѣни и пріотворила дверь. Андронъ не оглянулся, продолжая свое дѣло, но сзади по ступенькамъ приближаются чьи-то шаги, и, вздрогнувъ, Ирина подалась впередъ, задѣла ногой за порогъ и волей-неволей низко поклонилась уставившему на нее глаза Андрону.

— Матушка-то наша, барышня, — говоритъ вошедшая слѣдомъ за ней Маланья приторно-фальшивымъ голоскомъ:—Ирина-то Семеновна пришла къ намъ. Часъ добрый. Дай вамъ Господи на томъ и на этомъ свѣтѣ... женишка хорошаго... Андронъ, благодари. Ржицы намъ мѣшокъ съ Егоркой прислала.

Стоя передъ барышней на вытяжку, Андронъ перевелъ на жену хмурый вопросительный взглядъ, и лицо его выразило полное пониманіе.

— А я къ вамъ,—неловко начала Ирина.—Нельзя ли какъ-нибудь лошадь?

— Ахъ ты Господи, Царица Небесная!—въ испугѣ всплеснула руками Маланья:—отколь у насъ лошадь? Кто вамъ сказалъ?

— Лошадь-то?—сурово переспросилъ Андронъ и, тряхнувъ волосами съ видомъ упорнаго отрицанія, переглянулся съ женой. —Лошади нѣтъ у насъ,—отвѣтилъ онъ.

— Кака-така лошадь, и не знаемъ, и не видѣли,—обиженно затянула Маланья:—съ чего это вздумается...

— Я забрела далеко и устала; сдѣлайте милость, достаньте, я вамъ заплачу.—Смущеніе Ирины возросло до полной растерянности, заставивъ ее утратить собственный голосъ и принять смиренный, жалобно тонкій, похожій на совиный, какимъ говоритъ ея мать въ затруднительныхъ случаяхъ.

Но въ гораздо большей степени были смущены хозяева. Сильный кашель началъ душить обоихъ, когда вблизи послышалось глухое ржаніе. И въ смущеніи они не видѣли, что гостья смущена, также какъ и она не замѣчала ихъ смущенія.

— Что-жъ это право... какъ же такъ... Нельзя ли хоть проводить меня... Ахъ, да вѣдь Лиза сюда пошла. Гдѣ она?

— Кака-така Лиза?—начала Маланья.—Ахъ, вѣдь и впрямь Лиза хотѣла придти, мнѣ спинушку растереть. Охъ, всеё-то меня разломило! — скорчилась вдругъ старуха. — Ой-ой-оюшки мои! Что-жъ это она не идетъ до сей поры?

— Ну, я пойду, вы извините... Прощай, Маланья; ты прилегла бы, если больна.

— Когда намъ лежать-то!—суетливо отворяя дверь, бормотала старуха.—Прошлась бы съ тобой, да вотъ спинушку... ой! А ужъ мы твоей милостью довольны, вѣкъ будемъ Бога молить... Пронюхала и высмотрѣть пришла!—захлопнувъ дверь, шепнула она Андрону.—Куда теперь лошадь дѣвать?

— Да что, лошадь не штука, и ободрать ее можно, а вотъ съ этакимъ дѣломъ влетишь!—кивнулъ онъ на смежную стѣну двухъ своихъ избъ. И ставъ передъ образомъ, взываетъ, крестясь, на-распѣвъ:—Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ...

Въ старой его избѣ, скупо освѣщенной маленькой стѣнной лампой, сидѣлъ на столѣ жилецъ въ новомъ нагольномъ тулупѣ. Одну ногу онъ подвернулъ подъ себя; другая, обнаженная, опухшая, была спущена и покоилась ступнею на колѣнкѣ Лизы, сидѣвшей на обрубкѣ. Лиза гладила его ногу ладонями усердно и заботливо, со свойственнымъ ей увлеченіемъ, уходя въ свое дѣло, съ ободряющей доброй улыбкой поднимая глаза на него.

Его изнуренное лицо во всѣхъ чертахъ своихъ, однако, проявляетъ смѣлость вмѣстѣ съ выраженіемъ довѣрія въ ясныхъ, окаймленныхъ синевою, большихъ глазахъ. Юноша онъ, несмотря на впалыя щеки и разбитые члены свои, и признаки непосильныхъ страданій не изгладили въ немъ свойствъ породистаго человѣка, созданнаго для свѣта и наслажденій жизнью. Такъ хочется ему помочь и возвратить всѣ радости.

— Хорошо мнѣ,—сказалъ онъ тихо и задумчиво,—и какъ

стало легко переносить лишенія! Благодаря вамъ, я крѣпко спалъ всю ночь; боли утихли, но слабъ я.

Маленькой, красивой рукой онъ взялъ ея руку, когда, обернувъ чистымъ платкомъ, она вложила его ногу въ валенку и поднялась.

— А я ничего для васъ не могу,—съ грустью и робко заглядывая ей въ глаза, сказалъ онъ.

— Можете выздоровѣть; это лучше всего для меня.

— Мнѣ бы хотѣлось удовольствіе вамъ сдѣлать, но... я—сынъ князя и богача—но у меня нѣтъ ни имени, ни состоянія, мнѣ нечѣмъ благодарить.

— Тѣмъ пріятнѣе для меня, ничего мнѣ не нужно. До свиданья.

Онъ пригнулся къ ея рукѣ, и поцѣлуй уныло прозвучалъ въ темныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ. Сосновые обрубки на полу, столъ и разостланный на лавкѣ войлокъ, ничего больше нѣтъ у него; но какъ онъ красивъ!

Загремѣлъ наружный замокъ и вошелъ Андронъ, за нимъ Маланья; оба съ разстроенными лицами заговорили они наперерывъ.

— Пронюхала, знать, подглядѣла... Всунула голову въ избу, а я сзади иду...

— Кто? Что такое?—съ удивленіемъ спрашиваетъ Лиза, а молодой человѣкъ опустилъ руки, слѣдя за ихъ отчаянной жестикуляціей.

— Сейчасъ тутъ была, спрашивала: гдѣ Лиза, и нѣтъ ли, молъ, лошади у васъ... Провѣдала...

— Ирина Семеновна? Сказали бы, что я сейчасъ приду,—не совсѣмъ понимая причину ихъ волненій, спокойно промолвила Лиза.

— Эка напасть!—восклицаетъ Андронъ, махая рукой.

Послѣ вдумчиваго, серьезнаго молчанія, какъ металлическая струна зазвучалъ возбужденный голосъ молодого человѣка:

— Вамъ нельзя сюда приходить, милая дѣвушка: я... вы не знаете... бѣглый каторжникъ. Не губите себя. Торопитесь уйти.—Едва держась на ногахъ, изящнымъ все-таки движеніемъ онъ подалъ Лизѣ пальто, съ утонченной вѣжливостью подвелъ ее къ двери и, взявъ ея руки, крѣпко пожалъ. — Прощайте, прощайте.

Проникнутая невольно сообщившейся ей тревогой, провожаемая самимъ Андрономъ, Лиза спѣшила, бѣжала домой. Въ пе-

редней встрѣтила ее Ирина и ласковымъ голосомъ, но холодно и съ безпокойнымъ любопытствомъ во взглядѣ спрашиваетъ:

— Гдѣ ты такъ долго была? У кого?

— У больныхъ. Что ты все безпокоишься обо мнѣ?—спросила Лиза въ свою очередь, и выраженіе недоумѣвающаго простосердечія въ ея глазахъ мгновенно успокоило Ирину.

Андронъ между тѣмъ стоялъ, притаясь, за сараемъ усадьбы, и выждавъ время, когда Матрена понесла изъ кухни кипящій самоваръ, онъ проскользнулъ, какъ тѣнь, на дворъ, сорвалъ ржавый пробой съ двери конюшни, вошелъ и затворился въ ней. Тамъ онъ взнуздалъ лучшую лошадь, потомъ обулъ ее, то-есть обернулъ ей ступни лоскутами войлока, и вихремъ умчался въ село на новопріобрѣтенномъ конѣ. И, не сходя съ него, стучалъ онъ въ окна избъ, торопливымъ шопотомъ оповѣщая друзей.

— Провѣдали! Прячь сѣно, жги, коль некуда его, поворачивайся! Того и гляди, начальство нагрянетъ.

Зашевелились, высыпали крестьяне на улицу, стали кучками собираться въ разныхъ избахъ, и всю ночь шумливыя ихъ совѣщанія доносились до усадьбы. А чуть забрезжила заря, четыре воза потянулись изъ села, четыре семьи съ дѣтьми и стариками двинулись въ далекій, неизвѣстный путь.

Андронъ съ Егоромъ собрались налегкѣ и верхомъ, оставивъ все имущество Маланьѣ и жильцу. Но не проѣхали они десяти верстъ, какъ ихъ вернули назадъ.

Поздно проснулась въ то утро Ирина, увидѣла передъ собою мать и испугалась выраженія ея лица, искаженнаго страхомъ и злобой.

— Уходитъ, утекаетъ наше добро!—такимъ болѣзненнымъ, стонущимъ голосомъ говоритъ Антонина Антоновна о покражѣ лошади, какъ будто вела рѣчь о собственной истекающей крови, и съ закрытыми глазами припадаетъ къ плечу дочери. — Однѣ мы, беззащитныя женщины, среди разбойниковъ, должны ко всему приготовиться, всего ожидать.

— Ну, это еще посмотримъ!—сказала Ирина, и холодное высокомѣріе разлилось по ея лицу.—Я сама поѣду въ городъ. Папаша, должно быть, останется тамъ съ своими глупыми хлопотами о проведеніи дороги. Еще, пожалуй, имѣніе заложитъ; ужъ онъ заговаривалъ объ этомъ съ теткой. Надо ѣхать самой. Хорошо, что не всѣхъ лошадей увели.

— Вѣдь саней другихъ нѣтъ,—застонала Антонина Антоновна, и слезы облили ея мясистое лицо.

— Все равно, въ шарабанѣ поѣду, или у отца Николая

сани возьму,—весело объявила Ирина, въ тайной надеждѣ на свиданіе съ Трампедахомъ, одѣваясь въ свое новое золотистое платье.

Вдругъ явилась Матрена, съ нѣмотствующимъ любопытствомъ оглядѣла на ней чудный нарядъ и стала барынѣ докладывать, что крестьяне отказываются отъ своей земли и собрались выселяться.

— Теперь на селѣ, и-ихъ, что̀ поднялось! Начальство наѣхало и баринъ нашъ тамъ, да ничего не подѣлаютъ, хоть стрѣляй!—съ нескрываемымъ злорадствомъ заключила она свой докладъ.—Жалованье мнѣ пожалуйте.

Съ тоскливымъ страхомъ, съ громкой молитвой Антонина Антоновна опустилась на колѣни и воздѣла руки къ образамъ:— Избави насъ отъ всякаго врага и супостата...

— Ты слышала? — обратилась Ирина къ Лизѣ и вопросительно, пытливо смотритъ на нее.

— Да,—отвѣчала та серьезно:—жаль мнѣ несчастныхъ.

Порывисто снялась Ирина съ мѣста, надѣла ротонду и почти бѣгомъ скрылась за воротами.

Весь остатокъ населенія Мамаевки на улицѣ скучился группами вокругъ возовъ, нагруженныхъ домашней рухлядью. То-и-дѣло возвышался чей-нибудь голосъ, взмахивались руки надъ головами, но трудно было что-нибудь понять за общимъ говоромъ. Шевелились губы, бороды, брови, вращались выразительно глаза, но словъ нельзя было разобрать. Плакали дѣти, выли бабы; фыркали лошади, взятыя у Андрона и охраняемыя урядникомъ на первомъ планѣ; гдѣ-то невидимо блеяли овцы и кричали мужики каждый свое. Маланья съ сильной жестикуляціей что-то внушала сыну. Андронъ, въ зипунѣ и высокомъ гречневикѣ, выдѣлялся своей мощной фигурой, и его слушали съ возбужденными, мрачными лицами. —Въ тюрьмѣ-то легше,—вторили ему,—пущай. Не надо намъ такой земли, вотъ и вся недолга. Никакихъ такихъ правъ нѣтъ, чтобы насильно держать.

У избы старосты стояли нераспряженныя сани капитана Мамаева, пріѣхавшаго съ земскимъ начальникомъ, и всѣ лица обратились въ ту сторону, и всѣ прихлынули туда, гдѣ показалась голова земскаго начальника, вставшаго на заваленку. И каждый спѣшилъ заявить о своихъ нуждахъ, покрывая голоса другихъ.

— Кабала, кабала, кабала!—визжитъ изо всей силы бабенка: —я всю себя убила въ землю-то: не родитъ, хоть ты что хошь.

И съёживъ лицо отъ ея визга, еще громче голоситъ другая баба:—Пожалѣй хоть малаго дитю!

— Жалѣлъ волкъ кобылу, оставилъ хвостъ да гриву!—кричитъ Маланья.

Младенецъ на рукахъ визгливой бабы заливается неистовымъ плачемъ. Произошло смятеніе, толкотня; всѣ старались пробраться впередъ, поближе къ начальнику, и подъ самымъ его подбородкомъ дребезжитъ старческій голосъ:

— Хуже ня будя, ссылай! Сдѣлай твое такое одолженіе... Экъ, испужалъ!..

Напрасно молодой начальникъ дѣлалъ свирѣпыя гримасы и грозилъ пальцемъ передъ носами крикуновъ—испытанный пріемъ усмиренія не дѣйствовалъ на этотъ разъ.

Махалъ руками и метался во всѣ стороны урядникъ, стараясь водворить молчаніе, и староста уговаривалъ народъ:—Погоди, дай его благородію сказать. Уберите младенца-то.—Въ сумятицу безпорядочныхъ возгласовъ врѣзывается приподнятый голосъ начальника, прерываемый со всѣхъ сторонъ:

— Увольнительный приговоръ прежде составьте... посемейные списки...

— Кабала, кабала!

— Пріемные списки...

— Хоть ты стрѣляй... Брюхо-то пусто, хоть выверни да посмотри...—Поднялся безтолковый гулъ, поддерживаемый голосами дѣтей, охваченныхъ настроеніемъ взрослыхъ. Начальникъ дѣлаетъ какой-то знакъ уряднику, но никто не видитъ этого.

Глаза урядника и всѣхъ устремлены по направленію къ околицѣ, гдѣ съ поразительнымъ эффектомъ подъ распахнутой ротондой явилось золотое платье Ирины. И надсажавшаяся крикомъ: „кабала“, бабенка оборвалась на полусловѣ и, толкнувъ локтемъ Маланью, говоритъ:—Гляди-ко-сь, какъ чечевичница-то расфуфырилась!

По мѣрѣ приближенія Ирины шумъ падалъ, перешелъ въ сдержанный говоръ, умолкъ. Шеи вытянулись, и онѣмѣли открытые рты. Возбужденное выраженіе на лицахъ смѣнилось выраженіемъ любопытства, наивнаго удивленія, даже улыбкой удовольствія на женскихъ молодыхъ лицахъ. Съ чувствомъ несознаваемой приниженности, любуясь дорогой диковиной, всѣ разступились, образуя проходъ для Ирины. Бабы украдкой щупали на ней матерію, качая головами, и, забывъ о своемъ дѣлѣ, шептались между собой:—Шолкова, матерчата, глядишь, не дешево стоитъ.

Ирина, едва переводя дыханіе, осматривалась, однако, очень зорко, и, силясь казаться покойной, мимоходомъ погладила одну изъ лошадей:—Это нашъ Арапчикъ,—громко сказала она, подавъ

руку начальнику:—я имъ дала... на время... и сѣно я дала. Вы не судите ихъ.

— Вздоръ, пустяки, вранье!—послышался откуда-то голосъ ея отца, но она топнула ногой, и капитанъ умолкъ. Онъ сидѣлъ, сгорбившись, на заваленкѣ, у ногъ начальника, и пряталъ лицо въ воротникъ шинели. Ирина подняла его и поставила рядомъ съ начальникомъ. Откуда-то взявшійся священникъ подошелъ къ ней съ почтительнымъ поклономъ.

— Ужъ я давно вамъ говорилъ,—сказалъ онъ:—надо бы...

— Конечно. Необходимо уступить имъ земли, лѣсу... Я, батюшка, вамъ поручаю сказать, какъ тамъ... я не знаю сама. Папаша, вы согласны? Папаша согласенъ.

— Да наградитъ васъ Богъ, — началъ священникъ. Земскій начальникъ пожалъ ей руку.

Стихнувшіе крестьяне внимали каждому ея слову, и понесся между ними шопотъ:—Лѣсъ намъ отдаютъ, ребята... Слышь ты? И всю землю...

Андронъ, пробравшись впередъ, рѣшительно произнесъ:—Надо бумагой закрѣпить.

— Для вѣрности!—подхватили голоса.—Чтобъ, значитъ, все по-божески, по правдѣ.

Ирина съ внушительной осанкой, стоя на виду, скомандовала громко:

— Молчать! Дадутъ вамъ бумагу. Пропустите меня.

Передъ ней разступились. Всѣ съ обнаженными головами низко ей кланяются, идутъ за ней.

— Матушка-то наша, благодѣтельница!—раздаются кругомъ радостные голоса.—Да мы тебя на рукахъ донесемъ. Садись въ мои санки, не побрезгай. Дай Богъ тебѣ здоровья, родная ты наша, лучше родной!

Парни и дѣвушки, забѣгая впередъ, идутъ передъ ней задомъ; ребятишки, съ пальцами во рту, таращатъ на нее глаза. Всѣ смѣются и у всѣхъ почти влажные глаза, растроганныя лица. Старикъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, подойдя къ ней, и, ничего не сказавъ, заплакалъ навзрыдъ.

Двѣ бабы упали ей въ ноги.

Она, молча, улыбалась всѣмъ. Ея разгорѣвшееся, сіяющее лицо было прекрасно. Она шла и съ беззвучнымъ смѣхомъ глядѣла на всѣхъ, какъ бы говоря: — Смотрите всѣ, смотрите на меня: какъ я счастлива!

XI.

Покуда все это происходило въ селѣ Мамаевкѣ, Анюта проводила время за занятіемъ съ учительницей, которая, по ея просьбѣ, взялась вписать для памяти въ отдѣльную тетрадь главныя лица и событія всѣхъ пройденныхъ параграфовъ древней исторіи. Вдругъ послышались изъ спальни безпокойные возгласы матери:

— Кто-то къ намъ ѣдетъ! Лиза! Анюта! Скажите, что меня дома нѣтъ. Я такъ разстроена и такъ убита, и разъучилась я гостей-то принимать.

Въѣхавъ на дворъ въ легкихъ санкахъ безъ кучера, незнакомый господинъ въ высокой мѣховой шапкѣ остановился у крыльца. Анюта побѣжала его встрѣтить, и съ деревенской простотой спрашивая гостя:—вы зачѣмъ къ намъ?—ввела его въ комнату Лизы, которая, съ перомъ въ рукѣ и за тетрадью, вопросительно посмотрѣла на него. У него смуглое лицо съ нѣсколько помятыми временемъ, но пріятными чертами, и прямой станъ свой, безукоризненно обтянутый чернымъ сюртукомъ, держитъ онъ непринужденно. Подернутые сѣдиной волосы его и баки придаютъ ему серьезный, важный видъ сановника. Но главная особенность его наружности заключается въ его полураскрытыхъ продолговатыхъ глазахъ, выражающихъ привѣтливое вниманіе, съ которымъ онъ и поклонился Лизѣ.

— Я докторъ Трампедахъ.

— Ахъ!—неловко сорвалось у Лизы, и, покраснѣвъ, она наклонилась къ тетради.

— Прошу васъ извинить меня, я помѣшалъ,—сказалъ онъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ комнату и столъ, и, видя ея замѣшательство, обратился къ Анютѣ.—Мнѣ бы хотѣлось подождать Ирину Семеновну, но вамъ неудобно заниматься при мнѣ.

— Садитесь на стулъ,—отвѣчала Анюта.—Я кончила, Лиза скоро допишетъ, а Риночка сейчасъ придетъ. Она въ село ушла, тамъ бунтъ.

Она умолкла, остановленная взглядомъ Лизы, закрывшей и отбросившей тетрадь. Продолжая съ ней разговаривать, гость сѣлъ къ столу, машинально трогая и открывая книги.

— Ирина Семеновна тоже занимается съ вами?

— Куда ей. Она: хлѣбъ, пишетъ: х-л-е-п-ъ...

И подъ укоризненнымъ взглядомъ Лизы опять оборвалась ученица, что̀ не укрылось отъ вниманія ея собесѣдника, который

открылъ и перелистовалъ тетрадь съ невысохшими строчками какъ будто знакомаго ему почерка. И прямо посмотрѣвъ въ сконфуженное лицо Лизы, полу-вопросительно сказалъ:

— Трудна обязанность учительницы.

— Нѣтъ, ничего. — Лиза глянула на него сквозь рѣсницы и, не будучи въ состояніи оправиться отъ замѣшательства, поднялась и вышла изъ комнаты.

Не прерывая разговора объ учебникахъ, о родствѣ Анюты съ учительницей, о положеніи и средствахъ послѣдней, Трампедахъ относился къ своей маленькой собесѣдницѣ съ тѣмъ привѣтливымъ вниманіемъ, оставляющимъ впечатлѣніе чего-то дружелюбнаго, располагающаго къ нему, съ какимъ онъ относился рѣшительно ко всѣмъ, и которое составляло его прирожденное свойство, подавшее поводъ Иринѣ влюбиться въ него.

Ирину Семеновну подвезъ домой дьячокъ, догнавшій ее на полъ-пути. Она вошла счастливая, веселая, и поцѣловала встрѣтившую ее Лизу.—Чья это лошадь у крыльца?

— Трампедахъ здѣсь.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула Ирина, поблѣднѣвъ, и съ серьезнымъ, почти испуганнымъ лицомъ прошла подъ-руку съ Лизой въ свою комнату, и проситъ ее, оправляясь передъ зеркаломъ:—Ты не выходи къ нему, милая, сдержи свое обѣщаніе.

— Не выйду, будь покойна; не волнуйся, выпей воды.

И шелестя своимъ ослѣпительнымъ платьемъ, не найдя никого въ гостиной, тревожно рванулась она на встрѣчу Трампедаху, вышедшему изъ комнаты Лизы.

— Какое счастье! Сюда прошу... нельзя же тамъ,—безсвязно забормотала она.—Какъ я рада... наконецъ!—И чѣмъ замѣтнѣе проявлялось ея волненіе, тѣмъ холоднѣе, сдержаннѣе смотрѣлъ на нее гость.

— Устали вѣроятно?—освѣдомился онъ тономъ такого дѣловитаго вниманія, какъ будто для того и явился, чтобы задать ей этотъ вопросъ.

— Да... нѣтъ... право, не знаю.

Стараясь ободрить себя, она насильно, напряженно улыбается, съ несвойственной ей робостью опускаетъ глаза и, подавшись впередъ, садится къ нему ближе. Онъ незамѣтно отодвинулся, молчитъ.

— Какъ я ждала васъ! Вотъ альбомъ, посмотрите.

Снисходительно смѣясь глазами, невольно прикованными къ ея платью, онъ томитъ ее своимъ молчаніемъ. Теряясь отъ желанія вызвать въ немъ прежнее вниманіе и отъ избытка волне-

ній этого дня, Ирина не находитъ словъ, ни своего голоса, и, пропуская осторожно черезъ расширенныя ноздри скопившееся въ груди дыханіе, пробуетъ взять шутливый тонъ.

— Сейчасъ я усмирила бунтъ... Право, право!—неловко смѣется она.—Незнакомое ей чувство робости связало языкъ и движенія; она не можетъ поднять глазъ, но во что бы то ни стало хочетъ оживить бесѣду и повторяется:—Какъ я ждала васъ!

— Хлопотливые разъѣзды, — отвѣчаетъ онъ оффиціальнымъ тономъ,—поглощаютъ мое время. Я сюда на время пріѣхалъ, по дѣламъ; къ тому же много больныхъ въ уѣздѣ и мало докторовъ.

— И я... я тоже помогаю мужикамъ. Сейчасъ они мнѣ въ ноги кланялись. Я вообще занята отвлеченными предметами,—все болѣе теряясь въ своемъ желаніи освѣтить себя съ самой выгодной стороны, рискнула она выразиться по ученому:—отвлекаетъ меня хозяйство, неурядицы отвлекаютъ, я вообще отвлеченно живу.

Такимъ образомъ, неглупая отъ природы дѣвушка, желая показаться образованнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, говоритъ бестактно и смѣшно, и смутно сознавая, что роняетъ себя каждымъ словомъ даже въ собственныхъ своихъ глазахъ, дойдя до крайняго предѣла растерянности, необдуманно произноситъ:

— Все на мнѣ держится. Папаша глупъ, какъ пробка. Впрочемъ, не то!—спохватилась она при невольномъ движеніи гостя, который, вынувъ часы, поднялся.—Куда же вы... что-жъ это... посидите!—вскинувъ руками, проситъ она смиреннымъ голосомъ матери, съ умоляющей миной.

Но онъ не смотритъ на нее. Взглядъ его обращенъ выжидательно къ двери: не войдетъ ли въ нее другая дѣвушка, сказавшая ему только три слова, но показавшаяся такой порядочной и милой. Самымъ рѣшительнымъ образомъ откланявшись Иринѣ Семеновнѣ, онъ пошелъ въ классную комнату за оставленной тамъ своей шапкой.

— А что же чаю... какъ же такъ вдругъ!—слѣдуя за нимъ, повторяетъ Ирина, и въ голосѣ ея звенитъ невольно свойственная ей неукротимость.—Нельзя же такъ, Павелъ Леопольдовичъ... Я прошу васъ!

Отвѣтивъ ей уклончивымъ поклономъ, онъ беретъ одной рукой шапку со стола, другую протягиваетъ Лизѣ и съ особенной привѣтливостью говоритъ ей:

— Я чрезвычайно былъ бы радъ услужить вамъ при случаѣ по части уроковъ или мѣста. Надѣюсь: до свиданья.

Ирина смотритъ, слушаетъ, и мускулы ея мертвенно-блѣднаго

лица приходятъ въ движеніе: дрогнули щеки, сдвинулись брови, искривленныя губы беззвучно шевелятся, и безъ словъ, удерживая бурное дыханіе въ груди, она молитъ его глазами; но онъ, еще разъ поклонившись, не взглянулъ на нее. Окаменѣвъ на мѣстѣ, съ жалкой, растерянной улыбкой на губахъ, безсознательно повторяетъ она:—Какъ же такъ... Нельзя же, право... Что-жъ это? Неужели онъ такъ и уѣхалъ?—И вдругъ, съ приливомъ ужасающей тоски, какъ волна высоко поднявшейся въ груди, она заметалась, выбѣжала на крыльцо, чтобы догнать его, сказать ему что-то неотразимо убѣдительное, во что бы то ни стало воротить его. Но онъ исчезъ, и саней его нѣтъ на дворѣ. И съ выраженіемъ убійственнаго равнодушія на похудѣвшемъ вдругъ лицѣ прошлась она по комнатамъ, заглянула къ матери въ спальню и промолвила невнятно:

— Онъ уѣхалъ.

Антонина Антоновна, занятая починкой бѣлья, промолчала.

— Мамаша, онъ уѣхалъ, — повторила она глухо, чувствуя, что полъ подъ ней дрожитъ, и предъ глазами заходили стѣны.

— Чтò ему надо было? Кто такой?—спросила мать и, вскочивъ, едва успѣла поддержать зашатавшуюся дочь.—Чтò съ тобой? Ангелъ мой, Риночка... Лиза! Анюта!

— Никого не надо. Раздѣньте меня, мамаша!—прошептала Ирина, тяжело опускаясь на постель.

Но при входѣ Лизы она вдругъ поднялась, какъ наэлектризованная; съ закинутой назадъ головой, съ неизъяснимо страшной усмѣшкой, съ неукротимой силой бросилась она на вошедшую и схватила ее за горло. Испуганная мать насилу высвободила шею дѣвушки изъ конвульсивно сжатыхъ пальцевъ дочери, которую и заперла въ своей спальнѣ. И Лиза заперлась въ своей комнатѣ, укладывая въ чемоданъ свое имущество. Къ вечеру ея уже не было въ домѣ. Она ушла ночевать къ священнику и прислала Егора за вещами.

Ирина затихла вся, лежа въ постели, наружно покорившись своей участи; только взглядъ ея, косой и быстрый, выдавалъ далеко не спокойное состояніе духа, когда мать рѣшилась заглянуть къ ней.

— Я хочу быть одна, — сказала она, уходя въ свою комнату. Движенія ея стали необычайно торопливы, голосъ отрывистъ и грубъ.

На другой день капитанъ долго бесѣдовалъ съ женой о томъ, къ какимъ невольнымъ сдѣлкамъ съ крестьянами принудили его, что сѣно не идетъ съ рукъ, и что вообще они разорены совсѣмъ.

Пріуныли старики. Вышла Ирина, блѣдная, изнеможенная, и послушала ихъ разговоръ.

— Сунула свой носъ, то бишь, вмѣшалась не въ свое дѣло! —проворчалъ капитанъ, не глядя на нее; и Антонина Антоновна отъ нея отвернулась, не спросивъ о здоровьѣ: — Худую траву надо бы изъ поля вонъ,—сказала она со вздохомъ.

На подоконникахъ—мѣшки съ мокрымъ пескомъ, потому что худыя рамы просачиваютъ воду и дрожатъ отъ вѣтра; на стульяхъ и диванахъ—пыль. Фортепіано безъ крышки,—которая стоитъ въ углу, давно оторванная отъ своего мѣста,—скалитъ холодныя желтыя клавиши, словно смѣется надъ горемъ Ирины, и нѣтъ угла, нѣтъ ни одного предмета въ домѣ, который бы давно не опротивѣлъ ей. И возстаетъ передъ ней другая обстановка, съ картинами, съ пальмами, съ художественными фигурками... все это могло бы ей принадлежать. Въ непригдядной жизни ея блеснула свѣтлая полоса, озаривъ неразгаданной прелестью все ея будущее, и ужъ померкла. Осталась она погребенной въ старомъ и затхломъ домѣ, въ невыносимыхъ отношеніяхъ къ окружающимъ; еще невыносимѣе, еще безотраднѣе потянется жизнь.

— Отвезите меня въ городъ, отдайте куда-нибудь!—плачетъ Анюта, какъ бы раздѣляя ея чувства и настроеніе.

— Я сама тебя отвезу,—говоритъ ей Ирина,—и сама тамъ останусь. Надо же намъ выбраться изъ этой трясины. Мамаша, укладывайте наши вещи! Папаша, слышите мое рѣшеніе?

Но родители какъ будто не замѣчаютъ ея присутствія и ни слова съ ней не говорятъ. Потянулась вереница однообразныхъ, скучныхъ дней, и каждый день уноситъ въ прошлое блаженный міръ, въ который разъ заглянула Ирина, и видитъ его въ воображеніи, и оживляетъ въ своей памяти изо дня въ день. Впечатлѣнія пролетѣвшихъ надеждъ такъ живы, что невозможно отъ нихъ отказаться. Она перечитываетъ каждый день письмо Трампедаха. Все написанное рукою Лизы она выбрала изъ тетрадей сестры и пробуетъ скопировать, пробуетъ присвоить ея почеркъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ срисовываетъ она каждую ея букву, каждый штрихъ, и хмуритъ брови, напрягаетъ зрѣніе, въ страстной потребности поскорѣй написать ему что-то неотразимо убѣдительное.

Отъ натопленныхъ печей идетъ разслабляющее тепло; судорожная зѣвота раздвигаетъ челюсти, глаза смыкаются. Непреодолимая сонливость тянетъ ее къ постели, и, подкрѣпляя себя удивительными каплями фельдшера, составленными изъ наркотиковъ,

она проводитъ дни и ночи въ полу-дремотномъ, полу-бодрствующемъ состояніи.

Переходя отъ грёзъ къ дѣйствительности, мѣшая дѣйствительность къ грёзамъ, апатично смотритъ она заспанными глазами.

— Я уѣзжаю, прощай,—говоритъ ей отецъ.

— Прощайте,—отвѣчаетъ она, не отдавая себѣ яснаго отчета, во снѣ это происходитъ или на яву. Анюта, въ капорѣ и клѣтчатомъ пальто, тянется къ ней съ поцѣлуемъ, и она обнимаетъ ее.—Я тебя все обижала, дѣвочка, я злая.

— Нѣтъ, Риночка, ты добрая. Я тебѣ изъ института напишу.

— А зачѣмъ ты меня совой называла? Развѣ я виновата, что у меня такой носъ?

— Нѣтъ, Риночка, у тебя хорошенькій носикъ,—скороговоркой произноситъ Анюта, торопясь вырваться изъ ея объятій, и бѣжитъ на дворъ усаживаться въ сани.

Ирина хочетъ ее догнать, еще разъ обнять ее покрѣпче, и сдавленное сердце ея рвется къ людямъ, отъ которыхъ оно оторвано, а голова клонится къ плечу и закрылись глаза. И видитъ она Лизу, освѣтившую лучшія стороны ея души кроткой и грустной улыбкой своей.

— Вотъ мы съ тобой остались однѣ-одинёхоньки!—вздыхаетъ передъ ней мать.

— Не будите меня, мамаша.

— Вѣдь ты сидишь.

— Я могу сидя спать. Не трогайте меня.

XII.

Началась оттепель; подтаявшій снѣгъ глыбами падалъ съ крышъ; осѣли разрыхленные сугробы и выглянули въ поле два окна старой избы Андрона. Нѣтъ болѣе надобности нарочно ихъ заваливать: въ селѣ извѣстно, что Андронъ пустилъ къ себѣ жилицу, мамаевскую учительницу, не пожелавшую стѣснять собой священника, который вытребовалъ у Антонины Антоновны и вручилъ ей небольшую сумму ея жалованья. Она каждый день ходитъ растирать старую попадью отъ ломоты, и получаетъ за свой трудъ пару яичекъ, молочка или булки кусокъ. О хворомъ жильцѣ никто не слыхивалъ, потому что не видно его за синей коленкоровой занавѣской у постели, съ которой онъ ужъ три недѣли не вставалъ. И такъ какъ досчатая стѣна между палатями обѣихъ

избъ разбирается, то во всякое время можно перелѣзть изъ одной избы въ другую, не выходя за дверь. Этимъ пользовался жилецъ, когда былъ въ силахъ навѣщать своихъ хозяевъ. Отправляясь пѣшкомъ въ городъ справиться: не полученъ ли денежный пакетъ на его имя, Андронъ не счелъ нужнымъ запереть свою лошадь, потому что не всякій рѣшится идти съ обыскомъ къ нему; по крайней мѣрѣ, самъ онъ въ этомъ увѣренъ. Односельчане при встрѣчахъ кланялись ему очень почтительно. Хотя давно ужъ всѣмъ были извѣстны результаты достопамятнаго бунта, но при каждой встрѣчѣ съ нимъ крестьяне задавали ему тотъ же вопросъ: — Ну, какъ тамъ, батюшка, Андронъ Михеичъ, порѣшили насъ ублаготворить?

— Да что,—каждый разъ отвѣчалъ онъ имъ тономъ разочарованія: — луговинку отрѣжутъ, весной, да десятинъ пятьдесятъ пахатной, лѣску самую малость.

— За наши, стало-быть, за деньги?

— Можно и отработывать. На двадцать лѣтъ разсрочка сдѣлана.

— Все равно какъ крѣпостные, стало быть, будемъ опять на барщину ходить?

— Стало быть,—съ печальнымъ вздохомъ отвѣчалъ Андронъ.

И если при такомъ разговорѣ находилась Маланья, то, потрясая кулакомъ, она озлобленно шептала:

— Коли Господь не хочетъ развязать насъ съ чечевичницей, я сама съ ней развяжусь.

Угрозу эту она часто повторяла, привыкнувъ винить въ своей злосчастной долѣ злодѣйку-барыню и сваливать рѣшительно всѣ бѣды на нее. И на нее со скрежетомъ зубовнымъ излила она свою досаду при видѣ на ногахъ сына развалившейся, промокшей обуви.

— Всю жизнь свою билась какъ рыба объ ледъ, да и сынку завѣщала. Нѣтъ, ужъ сына-то я съ тобой, съ злодѣйкой своей, развяжу! Погоди! Только бы Глѣбушку-князя съ шеи долой.

Стукъ въ старой избѣ привлекъ ея вниманіе, и она проворно влѣзла на полати, и, просунувшись въ отверстіе поднятыхъ досокъ, съ участіемъ освѣдомилась:

— Аль что случилось? Лизавета Ивановна, никакъ ты плачешь, касатка?

Черезъ минуту она подбирала у ногъ Лизы глиняные черепки и схлебывала съ нихъ остатки молока. Лиза тихонько говорила сквозь слезы:

— Обида какая! Чего мнѣ стоило пронести крынку по всей

улицѣ, шагъ за шагомъ, чтобы не расплескать. Принесла и уронила. Такая досада!

— Спитъ? — спросила шопотомъ Маланья, слизывая молоко.

— Да. Всю ночь промучился кашлемъ. Захочетъ пить, когда проснется, а молока нѣтъ. У батюшки одна корова, неловко еще попросить.

— И Нефедиха не дастъ, — сказала Маланья.

— Достань у лавочника мяса или рыбы.

— Нѣтъ у него, завтра будетъ подвозъ. А хорошо бы, дѣвушка, ушицы похлебать. Намедни у купца Павлова щи со снѣтками ѣли работники, а я пришла за дѣломъ, меня и посадили. Чуть не сглонула ложку, не оторвусь, знамъ ѣмъ, знамъ ѣмъ... Ужли надъ молокомъ ты тужишь, убиваешься? Ахъ, дѣвушка, дѣвушка! Глазоньки-то у тебя безъ сна устали, вотъ и плачутъ. Шутка ли, сколько ночей ты надъ нимъ не спала. Лягъ-прилягъ, отдохни. Хочешь, я спроворю ржаненькихъ блинковъ?

— Не годится для него. Ну, иди въ лавку, поищи чего-нибудь. Найди молока.

Лиза зашла за синюю занавѣску и смотритъ на больного. Она не просто смотритъ, а хочетъ влить въ него лучами глазъ своихъ бодрость и силу. Она подслушиваетъ его ослабѣвшее дыханіе, трепещущее и гаснущее въ пустой груди, и вся душа ея —во взглядѣ пылкаго желанія заставить его жить. Для того она и осталась въ темной, погребенной подъ снѣгомъ лачугѣ, чтобъ дни и ночи проводить въ заботахъ о его выздоровленіи.

Тонкими, подвижными ноздрями онъ жадно потянулъ во снѣ струю свѣжаго воздуха; она плотнѣе затворила дверь.

Поверхъ ея вязанаго одѣяла онъ покрытъ въ ногахъ своимъ тулупомъ. У постели разостланъ коврикъ. Слѣды ея заботъ видны и въ скатерти, и въ бѣлыхъ шторкахъ, заслонившихъ окна, въ убогой чистенькой посудѣ, въ кипѣ газетъ на столѣ. На чемоданѣ своемъ она устроила родъ кресла изъ подушекъ, задрапированныхъ ситцемъ. Но больной ужъ не могъ проводить на немъ время, какъ въ первые дни ея водворенія сидѣлкой къ нему.

Ей не входило тогда въ голову, что надо будетъ съ нимъ вести продолжительные разговоры, приглаживать волосы его, ощущать пожатіе его горячей маленькой руки и постоянно видѣть его расширенные страданіемъ, большіе глаза рѣдкой красоты, тая въ своемъ сердцѣ возростаніе всесильной, всепобѣждающей любви. Ничего этого она не предвидѣла и ни о чемъ не думала, кромѣ желанія отнять его у смерти.

Онъ принималъ ея служеніе съ эгоизмомъ больного и аристо-

крата, окруженнаго со дня рожденія людьми, какъ бы нарочно созданными для того, чтобы служить ему. Привитый воспитаніемъ культъ женщины, уважительное къ ней отношеніе было его отвѣтомъ на беззавѣтно нѣжную самоотверженность ея. При изолированной, совмѣстной жизни подъ снѣгомъ, тѣснѣе, ближе которой нельзя себѣ представить, въ полной безпомощной зависимости отъ дѣвушки, онъ все-таки, самъ того не замѣчая, держалъ ее за непереступаемой чертой. Она смотритъ на него, спрашивая себя:—„за что онъ осужденъ? за что могли осудить его люди?“ Но по непонятной для себя причинѣ она ни разу не рѣшилась задать ему этотъ вопросъ. Она узнала только его фамилію: онъ князь Труворовъ-Поморскій.

Проснувшись, онъ ей улыбнулся съ выраженіемъ спокойнаго довольства. Исхудалыя черты его и остовъ тѣла въ широкихъ полотняныхъ складкахъ, безжизненно вытянутая рука, все въ немъ выказываетъ болѣзненную нѣжность и хрупкость, въ такой степени, что боязливо, чуть касаясь двумя пальцами, она откинула прядку волосъ съ его влажнаго лба. Съ слабымъ отстраняющимъ движеніемъ руки, онъ сказалъ:—Кажется, солнце свѣтитъ?—и она подняла синюю занавѣску, заложивъ на крючокъ дверь, потомъ, сѣвъ въ свое кресло, она проговорила извиняющимся голосомъ:

— Сейчасъ принесутъ молоко, Глѣбъ Николаевичъ. Андронъ пошелъ въ огородъ за письмомъ отъ Донцовой. — Ей хотѣлось знать, кто Донцова, но она не рѣшилась спросить даже, когда писала ей подъ его диктовку. Онъ заговорилъ съ большими разстановками.

— Вотъ тоже человѣкъ, этотъ Андронъ. Воръ и грабитель, самъ ходитъ въ рваномъ зипунѣ, а мнѣ на свои деньги справилъ, какъ онъ выражается, новый, чистый тулупъ, зная мою брезгливость.

— Да,—въ раздумьѣ отвѣчала Лиза. — И знаете, вѣдь онъ настоящій идолопоклонникъ: отправляясь воровать, онъ лампадкой подкупаетъ образъ, и при успѣхѣ обѣщаетъ ему взятку въ видѣ свѣчки или деревяннаго масла.

Остановивъ на ней глаза съ озабоченнымъ серьезнымъ выраженіемъ, занятый своею мыслью, князь тономъ снисходительной вѣжливости отвѣтилъ ей разсѣянно:

— Всякій по-своему поклоняется своему богу, создавъ его по своему подобію.—И неожиданно спросилъ:—Есть у васъ бинокль?

— Что за вопросъ?—Съ удивленіемъ взглянула Лиза на него.

Онъ промолчалъ, слѣдя за своей мыслью и мучась сожалѣніемъ, что не можетъ онъ, какъ бы хотѣлъ, наградить дѣвушку за преданность. Съ чувствомъ, похожимъ на привязанность къ хорошей нянькѣ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, онъ по-своему очень цѣнитъ ее. И говоритъ онъ, ласково на нее глядя:

— Всего болѣе я благодаренъ вамъ за чистое бѣлье, лишеніемъ котораго такъ тяготился, что арестанты снисходили къ моей слабости. Да. Мои грубые, страшные товарищи меня любили, знаете, какъ въ полку солдаты любятъ какое-нибудь животное: заведутъ козу, кота или собаку, и ласкаютъ наперерывъ. Со мною нянчились всѣ арестанты. Потребность излить на кого-нибудь хорошее чувство неискоренима и въ преступникахъ.

— А вы мнѣ удивляетесь!

— Не удивляюсь, а жалѣю васъ: je ne vous plains pas, je vous regrette. Я увѣренъ даже, что вы мнѣ болѣе обязаны, чѣмъ я вамъ. Мое украденное существованіе не нужно мнѣ, и потайной свободой я не дорожу, потому что нельзя ими пользоваться безъ здоровья, а умереть я не боялся и не при такихъ условіяхъ. Вамъ же я доставилъ возможность удовлетворить своему стремленію. Вы нашли свое призваніе?

— Нашла...—прозвучалъ невольнымъ отголоскомъ ея недоумѣвающій отвѣтъ.

Непривыкшая къ самоанализу, дѣвушка задумчиво поникла головой. При ровномъ, правильномъ, почти неуловимомъ дыханіи полуоткрытаго рта она удерживала въ себѣ сильное волненіе, ловя каждый звукъ его голоса, который лился слабо, но пріятно, мягко, красиво. И утомленное, но почти дѣтское лицо ея поднялось съ застывшимъ на немъ изумленіемъ, при словахъ князя.

— Вы созданы для подвижничества. Вамъ еще недостаточно всего, что̀ вы здѣсь переносите изъ-за меня. Вы были бы счастливѣе, еслибъ я васъ мальтретировалъ... мучилъ...

Онъ приникъ лицомъ къ подушкѣ, помолчалъ, и слабый сухой кашель рванулъ его впалую грудь. Она поднесла къ его губамъ пастилку, вынутую изъ коробки.

— Не тратьтесь, по крайней мѣрѣ, на конфекты для меня!—произнесъ онъ съ страдальческой улыбкой.—Напрасны всѣ ваши старанія. Я не обманываю себя, какъ всѣ чахоточные, я чувствую смерть, и я радъ ей. Смерть—благо въ сравненіи съ невозможностью дѣлиться съ людьми тѣмъ, чѣмъ переполнена душа.

Онъ потянулъ на плечо одѣяло и закрылъ глаза. Ей было такъ отрадно съ нимъ, и облитая солнечнымъ свѣтомъ лачуга казалась ей такой уютной, что не хотѣлось выйти изъ нея.

Вернулся Андронъ домой, раздѣлся, помолился, и Маланья приступила къ нему.

— Никакъ ты съ пустыми руками! Ты бы хоть сыну сапоги купилъ. И бубликовъ не принесъ?

— Хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи, — отвѣтилъ тотъ иносказательно и принялся хлебать изъ чашки квасъ.

— Давай, что-ль, денегъ!—пристаетъ Маланья, и, разсердившись, Андронъ закричалъ:

— Сдери съ меня шкуру, натяни на барабанъ и продай. Нѣтъ у меня денегъ.—И онъ понесъ жильцу хранимый бережно за пазухой пакетъ, полученный на свое имя.

— Вотъ тебѣ, Глѣбушка-князь, хорошая вѣсточка,—произнесъ онъ степенно:—полтораста рубликовъ тебѣ прислано.

Разорвавъ конвертъ и разронявъ небрежно ассигнаціи, князь пробѣжалъ письмо глазами и письмо выпало изъ его пальцевъ.

— Возьми сто рублей, — сказалъ онъ, стряхивая деньги съ одѣяла: — а пятьдесятъ будутъ мои. Ты купишь мнѣ на нихъ... Ты знаешь ли, чтȍ значитъ: вѣеръ?

— Отколь мнѣ знать, ваше сіятельство,—блаженно ухмыляясь и не сводя глазъ съ радужной бумаги, которую держалъ обѣими руками за края, покачалъ головою Андронъ.

— Чтȍ съ вами, Глѣбъ Николаевичъ?—на мгновеніе усомнившись въ ясности его мыслей, воскликнула Лиза.—У васъ бредъ. На что вамъ вдругъ понадобился вѣеръ?

— Не все же вы здѣсь будете жить,—отвѣчалъ князь, застѣнчиво опустивъ вѣки: — вамъ необходимо имѣть хорошенькій бинокль, вѣеръ, перчатки... Мнѣ совѣстно, что не могу какъ слѣдуетъ...

— Вы хотите, чтобъ я ушла отсюда? — съ неподдѣльной грустью возразила дѣвушка, и больной окончательно сконфузился.

— Вы извините, не сердитесь, мнѣ жаль... такъ совѣстно... такой пустякъ...—Онъ быстро перемѣнилъ неловкій разговоръ.— Ты купи женѣ какой-нибудь подарокъ на мои деньги, и Егору, а себѣ новый образъ купи.

— Много довольны, ваше сіятельство,—становясь почтительнѣе съ минуты на минуту, отвѣчаетъ Андронъ.—Лучше я за ваше здоровье водки выпью. Намъ старый, обмоленный образъ прогнѣвить никакъ нельзя. Отсырѣлъ, батюшка, облѣзъ онъ, а милуетъ насъ, грѣшныхъ. Отъ него, батюшки, мнѣ сколько дѣловъ съ рукъ сошло. Опять же онъ лошадку мнѣ послалъ, тебя, князеньку милосливова, Лизавету Ивановну.

Лиза махнула рукой, и станъ ея волнообразно колыхнулся отъ внутренняго смѣха. Улыбался и князь.

— А новый-то, еще не обмоливши,—степенно продолжалъ Андронъ:—кто его вѣдаетъ: какой онъ будя.

Вошла Маланья, внимательно поглядѣла на всѣхъ и, сообразивъ положеніе дѣла, низко поклонилась больному.

— Дай тебѣ Господи, на томъ и на этомъ свѣтѣ! — затянула она.

— Вотъ что̀, старуха,—повелительно прервалъ ее больной: —и ты слушай, старикъ. Не воруй, покуда я еще не умеръ. Неловко будетъ, если попадешься и найдутъ у тебя барышню.

— И совсѣмъ неладно будетъ, — съ живостью подхватила Маланья.—Навѣки дѣвушка потеряна, коль ее съ мужчиной застанутъ; опять и твое дѣло опасливое.

— И какъ только я умру... слушайте оба...

— Слушаемъ, ваше сіятельство.

— Какъ только я глаза закрою, въ ту же минуту отвезите барышню въ городъ, и тогда только можете объявить о моей смерти.

— По начальству и священнику,—тономъ полнаго согласія поддержала его старуха: — прохожій, молъ, странникъ, незнамо отколь.

— Смотрите же. Это моя послѣдняя воля, воля умирающаго, и нарушить ее вы не смѣете... грѣхъ.

Онъ все тише говорилъ, и Лиза въ тонъ ему начала тихое возраженіе:

— Но позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ...

Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, приподнялся съ подушки. Съ трудомъ дыша, онъ все-же строгость непреклонной воли проявилъ въ звукѣ голоса, блеснувъ почти суровымъ взглядомъ въ сторону Лизы.

— Если барышня захочетъ здѣсь остаться, хоть минуту послѣ моей смерти, силой отвезите ее. Я требую этого.

Голова его опустилась въ подушку. Еще одно слово было такъ тихо имъ сказано, что не долетѣло до слуха стариковъ, но по движенію его губъ было понято ими—они вышли.

Холодный и сумрачный вечеръ надвинулся и ощутительно проникалъ во всѣ скважины старыхъ бревенчатыхъ стѣнъ.

Лиза зажгла въ печкѣ хворостъ и, утвердивъ надъ головой больного стѣнную лампу, накрыла его сверхъ одѣяла своей шубкой, приготовила чай на столѣ и постлала для себя войлокъ на палатяхъ. Все это она дѣлала тихо, скрадывая шорохъ своихъ

движеній, мелькая въ лачужкѣ, какъ легкая тѣнь. Потомъ поставила передъ нимъ стаканъ чаю на табуретку, теплыхъ яицъ на блюдечкѣ и положила начатую газету. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, тяготясь мыслью, что такъ и умретъ онъ неоплатнымъ должникомъ бѣдной, работающей дѣвушки, отдавшей ему свое время, силы и покой. Нравственный долгъ учился онъ ставить высоко въ средѣ, гдѣ зачастую съ легкимъ сердцемъ не платятъ по формальнымъ обязательствамъ долговъ. Стыдомъ неудовлетворенной гордости скребло его чуть бьющееся сердце, и онъ съ рѣшительностью подозвалъ ее къ себѣ.

— Вотъ дѣло въ чемъ,—слегка опустивъ вѣки, началъ онъ. —Если бы я могъ вамъ передать свой титулъ... Какъ вы думаете... позвать сюда попа и обвѣнчаться? Впослѣдствіи, быть можетъ, амнистія... васъ признаютъ...

Она быстро отшатнулась отъ него.

— Вы просто унижаете меня,—дрожащей, густой нотой вырвался крикъ у нея, съ порывомъ муки, горячо затрепетавшей въ ея голосѣ.—Развѣ это мнѣ нужно!..

Она умолкла, испугавшись своихъ словъ, и, блѣдная, дышала тяжело. Всѣ страданія, которыя она скрывала въ себѣ: лишенія, безсонныя ночи, опасенія за него и за себя отразились безнадежной скорбью на лицѣ ея.

Онъ это видитъ.

Она метнулась къ двери, воротилась, выпила воды и, не зная, куда дѣться отъ его глазъ, крѣпко прижала лицо къ подушкѣ своего кресла, принявшей ея тихія, ѣдкія слезы.

Глухимъ, отдаленнымъ гуломъ долетаетъ гуляющій вѣтеръ по дальнему полю, а вблизи затишье, и безмолвно тянется вечеръ въ лачугѣ.

Князь обдумывалъ непроизвольно вырвавшійся крикъ ея: „развѣ это мнѣ нужно!“ Если не это, то что-то другое ей нужно. И понявъ, что̀ именно нужно ей отъ него, онъ глубоко, отрадно вздохнулъ. Мысль, что онъ можетъ ее наградить, что отъ него зависитъ ея полное, хотя мгновенное счастье, въ такой степени его радуетъ, что голосъ его окрѣпъ и поднялся такъ звучно, красиво и мягко.

— Лиза,—впервые полуименемъ зоветъ онъ къ себѣ дѣвушку, рѣшивъ притвориться влюбленнымъ въ нее и легко входя въ роль съ навыкомъ свѣтскаго человѣка. — Лиза, Лиза, подойдите же ко мнѣ!

Сердце въ ней дрогнуло веселой тревогой и замерло на мгно-

веніе; отъ слезъ не осталось слѣда. Она ужъ тамъ, за занавѣской, и вопросительно глядитъ въ его прекрасные глаза.

Сдѣлавъ красивое движеніе головой, онъ безмолвно приглашаетъ ее сѣсть къ нему, подвинулся, ласкающимъ взглядомъ притягиваетъ ее.

Въ ознобѣ непреодолимаго, сладкаго ужаса она блѣднѣетъ— до того неожиданно, сказочно хорошо ей вдругъ стало. Онъ коснулся ея подбородка. Онъ не нагнулся вѣжливо къ ея рукѣ для поцѣлуя, какъ дѣлалъ прежде, а притянулъ ее къ своимъ губамъ. Собравъ остатокъ силъ, онъ прямо сѣлъ. Влажно и радостно мерцая темными зрачками, онъ говоритъ своимъ бархатнымъ голосомъ такъ правдиво и просто, а любящее сердце такъ легко обмануть.

— Почему вы меня не цѣлуете, Лиза? Я васъ люблю.

И она, вспыхнувъ, начала цѣловать его глаза, волосы, шею, горячими ласками обжигаетъ его. Трепетный станъ ея, теплый и гибкій, прижался къ нему въ долгомъ объятіи. Но боязливо шепнула она между поцѣлуями:—А Донцова?

Онъ засмѣялся.

— Это моя бывшая учительница... Не ревнуйте, цѣлуйте меня! Денегъ она взяла для меня у княгини, моей мачихи, которой досталось все мое состояніе. Цѣлуй же, цѣлуй! я люблю тебя, Лиза...

Внезапно исчезла съ лица его улыбка и жестомъ, полнымъ величія, онъ привлекъ ее за обѣ руки, и глядитъ, глядитъ на нее. Глаза его стали еще больше отъ выраженія восторга, съ которымъ онъ глядитъ на нее.

Сіяетъ внутреннимъ свѣтомъ ея лицо. Бездонная глубина страсти во взорахъ составляетъ такой обаятельный контрастъ съ дѣвственной свѣжестью ея губъ и всего лица, что нельзя не глядѣть на нее, не упиваться ея ласками; ея невинная, молодая любовь влилась въ него, воспламенила его сердце.

— Хочешь быть моей женой?

— Хочу.

Все сильнѣе билось его сердце, прихлынулъ густой румянецъ къ щекамъ и мгновенно пропалъ; излишній блескъ въ его глазахъ погасъ, и стиснутыя губы приняли безстрастную, суровоспокойную складку. Онъ медленно склонился головой къ ея плечу, приникъ холодными губами къ ея шеѣ, и бренное тѣло его начало застывать. Изо всей силы она прижимаетъ его къ себѣ, хочетъ отнять у смерти, и тихимъ ласковымъ шопотомъ, какимъ баюкаютъ дѣтей, качая его, уговариваетъ открыть глаза, смотрѣть,

улыбаться. Вдругъ она съ безумнымъ крикомъ откачнула его отъ себя. На крикъ сбѣжались люди и въ торжественномъ безмолвіи крестятся, складываютъ его руки на груди.

Смутно чувствуя проникающій ее страшный, убійственный холодъ, она дрожитъ, шопотомъ повторяя неотвязно овладѣвшій ея мыслью вопросъ: за что̀ могли осудить его люди? И въ недоумѣвающемъ, холодномъ забытьѣ она склонилась головою на столъ.

Старики между тѣмъ суетятся, разрушили ея кресло, выносятъ изъ лачуги ея чемоданъ, и въ своемъ усердіи буквально выполнить волю умершаго, Андронъ взялъ въ охапку барышню, кутаетъ ее, кутаетъ ей вмѣстѣ съ головой лицо и выноситъ ее вслѣдъ за чемоданомъ на дворъ, укладываетъ въ самодѣльныя сани. Мигаетъ на крыльцѣ зажженный шнурокъ въ пузырькѣ съ керосиномъ, и два рѣзко очерченныхъ длинныхъ силуэта тянутся за плетень по снѣгу. Это тѣни Маланьи и сына ея, котораго она наставляетъ:

— Иди и скажи. Такъ, молъ, и такъ: зашелъ, молъ, переночевать прохожій странникъ, невѣдомо отколь, и Богу душу отдалъ. Ну-кось, скажи.

— Такъ, молъ, и такъ,—началъ Егоръ:—зашелъ, молъ...

— У, придурковатый!.. Прощай, сиротка, дай тебѣ Богъ, обними старуху, не брезгай... Егорка, иди, тебѣ говорятъ.

Скрипучія сани выползли за ворота и разомъ, какъ подхваченныя невидимой силой, помчались по разрыхленному пути. Выступившая изъ-подъ снѣга влага, бурыя деревья, подслѣповатыя избы, расшатанные плетни, окутанные мглистою сыростью, слилося все въ картину безнадежнаго плача сквозь слезы, выступившія на глаза. Звѣзды начинаютъ блѣднѣть и одна за другой пропадать, а Лиза, придерживаемая сильной рукой Андрона, не устаетъ смотрѣть назадъ.

— Назадъ! — закричала она и задвигалась въ судорогахъ рвавшаго душу отчаянія:—Вернемся къ нему на минуту! Назадъ!

Но Андронъ еще крѣпче держитъ ее, погоняя лошадь кнутомъ, и несется впередъ во весь духъ.

XIII.

Ѳедотъ вернулся съ лошадьми изъ города и, доложивъ барынѣ о томъ, что капитанъ съ маленькой барышней благополучно уѣхали въ столицу, самымъ рѣшительнымъ образомъ потребовалъ

выдать ему все причитающееся ему жалованье. И, поддержавъ его, Ирина приступила съ просьбой къ матери выдать и ей деньгами часть ея приданаго. Старая помѣщица сложила руки на груди и, выразивъ на своемъ лицѣ мольбу, стонущимъ голосомъ ей отвѣчала:

— Я все отъ тебя переносила, Риночка, и все перенесу, только не мучь меня напрасно, пощади. Откуда могутъ быть у меня деньги, ты сама подумай? Меня не на что̀ будетъ похоронить, когда умру.

Ирина не настаивала. Въ своемъ, не оставлявшемъ ее со дня визита Трампедаха, намѣреніи обдумать и написать ему что-то неотразимо убѣдительное, и затѣмъ что-то предпринять, она безжизненно и вяло, какъ во снѣ, двигалась по комнатамъ, ложилась и вставала. Все хочетъ она прежде отдохнуть, вотъ только хорошенько выспаться, потомъ собраться съ мыслями и начать дѣйствовать. Приближеніе весны съ дождями и утренними подморозками потянуло ее къ людямъ. Освобождаясь понемногу отъ снотворной лѣни, обдумываетъ она планъ своей будущей жизни. Она возьметъ съ собою Лизу въ Петербургъ, и будетъ по ея лицу угадывать, какъ надо поступать, чтобъ ее хвалили, уважали, называли замѣчательной личностью. Она сдѣлаетъ много добра, прославится, и Трампедахъ станетъ добиваться возобновленія знакомства съ ней. Тогда она еще посмотритъ... Пробовала она узнать отъ Матрены, гдѣ теперь Лиза, но ничего не добилась. Антонина Антоновна постоянно сѣтовала на нее:

— Ахъ, зачѣмъ ты обидѣла Лизу, когда всякій лишній человѣкъ такъ дорогъ въ домѣ! Жили бы мы всѣ вмѣстѣ, еслибъ она не ушла. Однѣ мы теперь остались, даже собаки нѣтъ у насъ.

Поглощенная своими мыслями, Ирина все молчитъ. Сидитъ она съ тоскливымъ выраженіемъ на болѣзненно изогнутыхъ губахъ, сухи и холодны ея глаза, и между бровей ея ложатся первыя продольныя складки; сидитъ она, повѣся носъ, какъ раненая птица, думая только о томъ, какъ будущимъ своимъ поправить прошлое. И если въ памяти возстанетъ противъ воли самый свѣтлый и радостный мигъ ея прошлаго, когда за нею шли съ благодарными кликами осчастливленные ею крестьяне, не радуетъ ее и это воспоминаніе, омраченное сознаніемъ, что умалила она, профанировала хвастливымъ словомъ передъ нимъ прекрасный свой поступокъ. Невыносимо ея настоящее.

Передъ мигающей лампой мать начала кроить подкладку для накидки изъ своего атласнаго капюшона.

— Барыня, а барыня,—говоритъ ей вошедшая Матрена,

и такъ громко и такъ сильно при этомъ дышетъ, что огненный языкъ за стекломъ лампы колыхается:—кострюли, самоваръ, посуду я сюды принесла, извольте принять.

Матрена проворно исчезла.

— Уйдетъ она какъ пить дастъ!—воскликнула Антонина Антоновна, и пошла посмотрѣть, что̀ дѣлается на дворѣ, изъ окна спальни, и оттуда кричитъ:—Такъ и есть! Уѣзжаютъ, подводу накладываютъ, разбойники. Егорка помогаетъ имъ. Ахъ, зачѣмъ ты меня заставила отдать имъ жалованье!

Встревоженная до послѣдней степени помѣщица вышла на крыльцо и ласково взываетъ:

— Матренушка, голубчикъ мой! куда ты собралась, ничего не сказавъ мнѣ? Развѣ можно такъ дѣлать? Погоди, я сейчасъ выдамъ тебѣ постнаго масла.

— Чувствительнѣйше благодарны вамъ, сударыня, — съ насмѣшливой почтительностью отвѣчаетъ смирный, за весь годъ своей службы не подавшій голоса, Ѳедотъ.—Доѣдемъ и безъ масла: дорога-то, чѣмъ она суше, тѣмъ и лучше для насъ. Счастливо оставаться!

— Ну, вотъ! Риночка, пойми, наконецъ: однѣ мы среди поля, на двѣ версты въ округѣ ни души нѣтъ. Что̀ мы будемъ дѣлать?

— Поужинаемъ какъ-нибудь и ляжемъ спать.

— Какой ужъ тутъ ужинъ? Какой сонъ? Опомнись! Ты одеревенѣла совсѣмъ. Боже мой, Боже, смерть моя близко!—заметалась старуха какъ въ агоніи, и зрачки ея подкатились подъ лобъ.

Мало-по-малу тревога матери сообщилась Иринѣ, и странно ей, что совсѣмъ не трусость она чувствуетъ, а напротивъ, не лишенное пріятности смутное предвкушеніе новыхъ, невѣдомыхъ и сильныхъ ощущеній.

— Давай хоть деньги спрячемъ... немножечко деньжонокъ, чтобъ не достались разбойникамъ, когда убьютъ насъ. Помоги мнѣ, голубчикъ мой!—упрашиваетъ ее мать.

Въ сѣняхъ подъ ларемъ есть ходъ въ глубокое подполье, о которомъ знаетъ только Антонина Антоновна, и молча, съ лампою, Ирина слѣдуетъ за матерью, которая несетъ въ дрожащихъ рукахъ тяжелый, окованный мѣдью ларецъ. Безъ особенныхъ усилій сдвигаютъ онѣ съ мѣста ларь, находятъ ржавое кольцо въ полу, и дергаютъ его, и поднимаютъ люкъ. Гнилью и сыростью пахнуло изъ черной дыры, и мать спускаетъ въ нее

на веревкѣ свой ларецъ, и креститъ дыру, и креститъ закрытый люкъ, чтобъ сохранилъ Богъ ея деньги.

Посидѣли онѣ еще немного вдвоемъ. Ирина вслушивается въ ночные звуки, и ожиданіе чего-то страшнаго сильно волнуетъ ея кровь желаніемъ борьбы. Антонина Антоновна взяла ружье, осмотрѣла его и держитъ на плечѣ. Потомъ онѣ обошли весь домъ со свѣчкой, посмотрѣли, надежно ли заперты двери, посмотрѣли въ окно и отскочили, встрѣтивъ чьи-то глаза за стекломъ.

— Ничего, ничего, это намъ показалось. Ну, не вздрагивайте, мамаша.

Съ ружьемъ въ рукахъ старуха опять приложилась къ стеклу.

— Ты видишь? О, Господи Боже мой!.. Ты посмотри туда... Видишь?

Въ темнотѣ ютится какая-то зловѣщая фигура у колодца. Фигура начинаетъ двигаться.

— Въ самомъ дѣлѣ кто-то ходитъ по двору. Ну, не дрожите такъ, мамаша. Это женщина, не бойтесь, мы справимся съ ней.

— Смотри... Она держитъ надъ головой кулакъ, грозится...

— Это вамъ со страху представляется.

— Нѣтъ, дочь моя, не представляется, предчувствую я близкую смерть. Идетъ, идетъ моя смерть... Не оставляй меня одну!— цѣпляясь за платье дочери, молитъ старуха:—пусти меня къ себѣ, я всю ночь не шелохнусь.—И съ подобранными подъ себя ногами, въ уголкѣ дивана, дрожитъ она, держа ружье, направленное дуломъ къ двери.

Ирина присѣла къ столу, попробовала свой почеркъ и опустила руку, зѣвая. Ей захотѣлось спать.

— Какъ странно,—говоритъ она невнятно соннымъ голосомъ, ложась одѣтая сверхъ одѣяла:—сейчасъ я могла сдвинуть десять ларей и открыть десять люковъ—такая сила во мнѣ была, а теперь я разбита вся. Если вы меня обезпокоите, я завтра же уѣду отъ васъ. Не мѣшайте мнѣ...

Не договоривъ, она погрузилась въ тревожное, мучительное сновидѣніе.

Ясное небо, роскошныя поля, серебристый ручей гремитъ сквозь бархатную зелень луга; кругомъ ландыши, незабудки, фіалки, и по свѣжей травѣ *онъ* идетъ подъ-руку съ ученой дурой, и ведетъ съ ней непонятно умный разговоръ. Они весело острятъ и смѣются. А сама она, чуждая умственныхъ удовольствій, чуждая радостей и счастья, съ растерзаннымъ завистью сердцемъ подкрадывается къ нимъ изъ-за куста. Она неслышно скользитъ по

травѣ, невидимо приближается къ нимъ сзади, и въ груди ея клокочетъ страшная жажда мести...

— Растерзаю!—крикнула она, проснувшись отъ толчковъ матери.—Ахъ, это вы, мамаша. На васъ лица нѣтъ. Чтò такое?

Стуча зубами, мать подняла вверхъ указательный палецъ и глядитъ на потолокъ, гдѣ вырисовывается большой тѣнью ея собственный профиль.

— Ты слышишь?

Пронесся надъ потолкомъ шорохъ.

— А вотъ я посмотрю, чтò тамъ такое,—грозно промолвила Ирина, и безъ малѣйшаго колебанія пошла со свѣчкой на чердакъ.

— Риночка, ружье возьми!—кричитъ ей мать:—хоть палку возьми, поберегись.

— Ничего не надо. Я руками задушу кого угодно, только бы схватить.

Въ страстной потребности схватить кого-нибудь за горло, заставить биться, трепетать въ своихъ рукахъ, и чувствуя въ себѣ приливъ необычайной силы, отразившейся на лицѣ судорожнымъ ожесточеніемъ, взбирается она нетерпѣливо по узкимъ ступенямъ. Близость опасности влила отвагу въ ея кипѣвшую кровь.

— Кто тамъ? Выходи скорѣй!—вызываетъ она свистящимъ шопотомъ, вглядываясь въ закутанные темнотою углы чердака.

Ржавое ведро вдругъ съ шумомъ покатилось, и вслѣдъ за тѣмъ, гремя обломками и черепками, сваленными въ кучу, пробѣжала кошка къ слуховому окну.

— Не далась въ руки, проклятая! Выскочила на крышу!

Ирина пробуетъ схватить ее за хвостъ, высунулась въ окно, шаритъ рукой по скату крыши, и утомленная, какъ будто выдержала трудную борьбу, потянула носомъ струйку дыма. Гдѣ-то горитъ. Не запала ли куда-нибудь, не залетѣла ли искра? Надо непремѣнно найти. Спѣшитъ она обойти углы чердака, перелѣзаетъ черезъ пыльныя бревна, и чувствуя, что силы ее оставляютъ, сѣла отдохнуть. Вѣтеръ задулъ оставленную подъ окномъ свѣчку, а дымъ все поднимается и наполняетъ темноту. Ощупью, едва передвигая ноги и натыкаясь на хламъ, долго не можетъ она найти двери. Ѣдкая гарь захватила ей ноздри и горло. Съ лѣстницы слышны странные звуки, похожіе на звонъ рвущихся струнъ, и прежде чѣмъ отворить дверь, она съ ужасомъ убѣдилась, что въ домѣ несчастіе. Фортепіано горитъ. Удушливый дымъ окуталъ ее въ передней. Гостиная и спальня охвачены огнемъ; все тамъ гудѣло, лопалось и съ грохотомъ валилось и трещало. Свистѣло пламя на стѣнахъ.

— Пожаръ! — нечеловѣческимъ голосомъ кричитъ Ирина, разводя руками въ сплошномъ облакѣ дыма.—Спасите! помогите! пожаръ!

Ей откликнулась только мать не своимъ, сдавленнымъ голосомъ:

— У меня ноги отнялись!

Еще отчаяннѣе, еще громче, съ закрытыми глазами, съ протянутыми въ пронзительный жаръ руками, кричитъ Ирина, подвигаясь впередъ:

— Мамаша, гдѣ вы?

Но мать не отзывалась болѣе.

Раскаленныя стекла съ дребезгомъ сыпались, воздухъ ворвался снаружи и прочистился дымъ. Пламя заколебалось, метнуло въ сторону и застелилось по полу, лизнувъ ей ноги; потомъ, шипя, взвилося къ потолку.

— Мамаша, мамаша, гдѣ вы?

Ирина выбѣжала на дворъ, вышибла гнилой переплетъ оконной рамы и просунулась головой впередъ въ зіяющее искрами дымное пространство. Черезъ минуту она вытащила, держа поперекъ, тѣло матери, и понесла его.

Въ состояніи, граничащемъ съ горячкой, не чувствуя подъ собой дороги, не чувствуя холода ранней морозной зари, она бѣжитъ отъ огня, унося свою мать. Сила и быстрота ея движенія возростаютъ съ каждымъ мгновеніемъ. Она не замѣчаетъ, что собака преслѣдуетъ ее хриплымъ лаемъ, что отворяются ворота крайней избы, а изъ окна смотритъ на нее заспанная баба,—она видитъ только наскоро сколоченную скамейку у крыльца аптеки, и бережно кладетъ на нее мать, натягиваетъ на ней подолъ, чтобъ закрыть ноги, и стучитъ колѣнкой въ дверь.

— Өедоръ Иванычъ! Өедоръ, Өедоръ, Өедоръ Иванычъ!

Фельдшеръ пріотворилъ немного дверь и скрылся, потому что не былъ одѣтъ.

Она вошла въ аптеку, сіяя величавымъ сознаніемъ исполненнаго долга.

— Өедоръ Иванычъ!

— Хорошо, хорошо,—отозвался за перегородкой фельдшеръ.

— Сейчасъ я съ опасностью жизни мамашу спасла!

Сказавъ это, она вдругъ опустилась вся, и померкшее лицо ея приняло виноватое выраженіе; углы губъ ея скорбно опустились, досадливое сожалѣніе показалось во взглядѣ, и голова поникла на грудь. Зачѣмъ она это сказала? Зачѣмъ умалила, профанировала она словами свой поступокъ? Сознаніемъ она не формулировала этого, но, глубоко чувствуя недовольство собой, съ

каждымъ мгновеніемъ ослабѣвала духомъ и разсудкомъ. Она забыла про мать, и глаза ея безсмысленно блуждали, когда наконецъ вышелъ фельдшеръ, въ пальто, накинутомъ поверхъ бѣлья, потирая ладонью лицо. Ему кажется, что онъ спитъ, и какъ во снѣ онъ спрашиваетъ необычную посѣтительницу:

— Какъ вы себя чувствуете, барышня?

Ирина посмотрѣла на свои изрѣзанныя стекломъ и обожженныя руки, на спаленные клочья своего платья, и сказала просто:

— Знаете, какой необыкновенный случай: сейчасъ загорѣлся нашъ домъ. Можно мнѣ тутъ посидѣть?

Дремотная теплота проникла ея тѣло; она зѣвнула и прислонилась къ стѣнѣ. По улицамъ бѣжали ребятишки съ крикомъ: —Чечевичница горитъ!—Проѣхала пожарная команда: два багра, бочка и ведро. Все село на ногахъ. У крыльца шумѣли голоса:

— А то куда-жъ ее? Тащи, тащи!

Фельдшеръ, глядя въ окно, впустилъ пальцы въ войлокъ своихъ волосъ, фыркнулъ губами и окончательно проснулся.

— Пожаръ!—сказалъ онъ:—это нехорошо.—И, подскочивъ къ Иринѣ, потрогалъ ея окровавленную руку, вытеръ пальцы о пальто и успокоительно прибавилъ:—Сейчасъ вамъ будутъ перевязочки съ удивительной примочкой.

— А мамаша? Вы помогите мамашѣ, я ее принесла... Какъ же такъ... Мамаша, мамаша, гдѣ вы?—озирается кругомъ Ирина.

Фельдшеръ повелъ ее за перегородку, уговаривая лечь. Она оробѣла подъ его нескромнымъ взглядомъ, и, покорно нагнувъ голову съ опаленной и спутанной косой, тихо промолвила:

— Будьте великодушны...

Увидавъ за перегородкой кровать, Ирина съ младенческой улыбкой потянулась къ ней обѣими руками.

— Я лягу,—сказала она.

Аптека наполнилась народомъ. Крестьяне внесли трупъ задохнувшейся въ дыму помѣщицы Мамаевой и заспорили о томъ, какъ должно поступать въ этакомъ разѣ.

Фельдшеръ махалъ на нихъ руками.

— Не мѣсто здѣсь, не мѣсто. Несите трупъ, куда хотите, а больная барышня здѣсь останется, пока найдется для нея болѣе удобное помѣщеніе.

XIV.

Обгорѣлыя развалины усадьбы Мамаевыхъ стояли въ полномъ забвеніи. Капитанъ, пристроивъ въ институтъ Анюту, остался въ Петербургѣ, и не показывалась въ этой мѣстности старшая его дочь съ тѣхъ поръ, какъ, выдержавъ серьезную болѣзнь въ городской квартирѣ своей тетки, пріѣзжала на день къ отцу Николаю для того, чтобы въ присутствіи сельскихъ властей извлечь изъ-подъ каменнаго фундамента своего дома кованый мѣдью ларецъ, который она увезла съ собою въ Петербургъ. Что касается до предоставленія права крестьянамъ пасти свой скотъ на лугахъ имѣнія Мамаевыхъ и другихъ уступокъ, то договоръ этотъ еще въ силу не вошелъ, такъ какъ не былъ окончательно оформленъ до поѣздки капитана въ Петербургъ. О немъ и о его старшей дочери доходили до мамаевцевъ странные слухи. Говорили, что Ирина Семеновна сдѣлалась юродивой, а капитанъ совсѣмъ съ ума сошелъ, и оба, не желая знать другъ друга, живутъ на разныхъ улицахъ. Слухамъ этимъ не особенно вѣрили, такъ какъ разносилъ ихъ вмѣстѣ съ продаваемыми книгами по деревнямъ и селамъ Грушинъ мужъ. Скачковъ не пользовался довѣріемъ, какъ непутёвый человѣкъ, покинувшій безъ повода свою жену въ первые мѣсяцы послѣ брака. Онъ не могъ перенести, что жена его, уроженка мѣстности, дѣлала его тамъ извѣстнымъ подъ названіемъ „Грушина мужа". Въ дѣтствѣ онъ, любимый, старшій и потому самый смышленый сынъ, все дѣлалъ лучше своихъ братьевъ, которые какъ будто для того только и родились, чтобъ ему нескучно было одному: такъ отличали его родители во всѣхъ правахъ передъ другими дѣтьми. Выросши вмѣстѣ съ привычкой видѣть себя центромъ и первымъ нумеромъ, Скачковъ не могъ ужъ примириться въ школѣ съ незамѣтною ролью среди болѣе его подготовленныхъ учениковъ, и бросилъ школу. Ничѣмъ рѣшительно не выдался онъ до сихъ поръ изъ среды людей обыкновенныхъ, что̀ составляло сильно угнетавшее его больное мѣсто, и вотъ судьба, какъ бы смѣясь надъ нимъ, въ союзѣ съ простой дѣвушкой ставитъ его на второй планъ. Въ погонѣ за самостоятельнымъ значеніемъ онъ повелъ странствующую жизнь, торгуя книгами въ разноску, давая книги на прочтеніе крестьянамъ и землевладѣльцамъ, и ящикъ свой, носимый на ремнѣ черезъ плечо, онъ снабдилъ вывѣской: „амбулаторная библіотека".

— Скачковъ-библіотекарь,—докладывалъ онъ о себѣ, являясь въ усадьбы. Но случалось, что господа, знавшіе его жену, какъ

горничную своихъ знакомыхъ, встрѣчали его добродушнымъ восклицаніемъ:—Ахъ, Грушинъ мужъ!..

И онъ переселился въ дальній Петербургъ, гдѣ неизвѣстно ни о его женитьбѣ, ни о его происхожденіи, и гдѣ онъ самъ по себѣ будетъ Скачковъ. Притянулъ всѣхъ ищущихъ труда, веселья, просвѣщенія, карьеры и извѣстности нашъ непривѣтливый, холодный Петербургъ.

На одной изъ окраинъ его дулъ осенью сильный вѣтеръ съ моря, разнося тучу снѣжинокъ, перемѣшанныхъ съ дождемъ. Отъ гибкихъ рябинъ у деревяннаго забора, срывавшихъ съ себя, какъ бы въ отчаяніи, послѣдніе листы, до запоздалой огородной зелени, совсѣмъ захлестанной и смятой, все было въ смятеніи. Все гнулось, прилегало, и заборъ шатался, издавая досадливый скрипъ. Рядъ деревянныхъ домиковъ, глядящихъ въ темноту едва мигающими слабымъ свѣтомъ небольшими окнами, подвергся нападенію стихій. Ошеломленные и беззащитные домики только хлопали ставнями. Вѣтеръ на нихъ налеталъ и съ пустыря, и съ кладбища, и съ огорода, врывался въ плохо затворенныя двери, вздувалъ у ихъ воротъ черныя лужи и обдавалъ ихъ сверху до низу разметанными тучами мокраго снѣга.

Одна дверь такъ сильно распахнулась подъ напоромъ вѣтра, словно хотѣла сорваться съ петель и бѣжать, выпустивъ на улицу закутанную плэдомъ женскую фигуру, которая, очутившись среди лужи, пошла на-встрѣчу дувшему ей вѣтру. По временамъ она повертывалась задомъ къ вѣтру, который рвалъ и раздувалъ на ней какъ крылья концы плэда, и запахивала на себѣ пальто, не переставая двигаться впередъ съ едва возможною при такихъ условіяхъ поспѣшностью, и такъ достигла до другого конца немощеной площади. Тутъ одиноко стоитъ огромное строеніе съ глухими боковыми стѣнами, съ высокими трубами, днемъ выпускающими клубы дыма. Ни одно изъ безчисленныхъ оконъ строенія не было освѣщено въ эту пору, кромѣ низенькаго оконца въ подвальномъ этажѣ. Постучавъ въ него, особа въ плэдѣ подождала у скрытой въ воротахъ калитки, которая скоро отворилась и впустила ее на фабричный дворъ.

Еслибы кому-нибудь была охота подсмотрѣть за ней, тотъ могъ бы увидать въ незавѣшенное оконце помѣщеніе рабочаго, свихнувшаго руку въ тотъ день, и какъ она вошла туда и гладила и растирала его предплечье, и какъ затѣмъ вышла опять на улицу. Тѣмъ же путемъ, не находя себѣ преграды, несся за нею вѣтеръ, гоня ее на этотъ разъ по чернымъ лужамъ въ спину, и проводилъ ее до домика, откуда она вышла полчаса тому на-

задъ. Удушливою сыростью пахну́ло на нее въ передней, изъ кухни неслись испаренія несвѣжихъ кушаньевъ; запахъ лавроваго листа и простого мыла вмѣстѣ съ табачною гарью наполнялъ воздухъ корридорчика безъ вентиляціи. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ, сдаваемыхъ жильцамъ хозяйкой-прачкой. И такъ какъ вся квартира раздѣлялась тонкими перегородками, не достигающими потолка, въ ней жили все равно какъ въ одной комнатѣ разные люди. Первую отъ входа занималъ отставной капитанъ Мамаевъ; вторую—акушерка безъ практики, Донцова; среднюю—учительница кройки безъ уроковъ, но съ маленькой дочерью, и въ послѣдней, рядомъ съ кухней, гдѣ жила хозяйка, помѣщалась только-что вернувшаяся домой особа въ плэдѣ, массажистка Груздева.

Около года тому назадъ, по смерти Глѣба Николаевича, вернулась она въ Петербургъ, и узнавъ, что Трампедахъ состоитъ главнымъ врачомъ въ больницѣ, принадлежащей княгинѣ Труворовой-Поморской, Лиза воспользовалась его обѣщаніемъ быть ей при случаѣ полезнымъ, и тотъ, по ея просьбѣ, давъ ей возможность изучить массированіе подъ руководствомъ спеціалистовъ, доставилъ занятіе въ той же больницѣ.

Нѣсколько минутъ слышно было, какъ Груздева, стуча каблуками, ходила у себя, чтобы согрѣться, потомъ шаги ея были покрыты пѣніемъ хозяйки надъ корытомъ: „Со дороженьки болятъ-то мои ноженьки, со работушки болятъ-то мои рученьки, со похмѣльюшка болитъ моя головушка“.

— Я самъ все сѣно съѣлъ,—громко проговорилъ капитанъ, сидя одиноко за своей перегородкой.

Познакомившись съ Донцовой на лекціяхъ массажа, Груздева, по ея совѣту, наняла комнату въ сосѣдствѣ съ ней. Потомъ она встрѣтила безпріютнаго капитана, который утратилъ всякую способность говорить о чемъ-либо, кромѣ своего сѣна и желѣзнодорожнаго пути, и его въ той-же квартирѣ помѣстила, такъ и не узнавъ отъ него ни о причинѣ его безпріютности, ни объ участи его жены и дочерей.

Слыхала она о какой-то Иринѣ Семеновнѣ Мамаевой, которая чудитъ на улицахъ, собирая вокругъ себя толпу, но никогда не останавливалась на мысли о ней, за невозможностью интересоваться чѣмъ-либо кромѣ своихъ занятій. Къ тому же она избѣгала вспоминать о родственницѣ, оставившей въ ней сценою своего бѣшенства до содроганія тягостное впечатлѣніе.

Мокрымъ плэдомъ своимъ она заслонила окно, такъ какъ и здѣсь вѣтеръ ее преслѣдовалъ, свистя въ щелку разбитаго стекла,

и, переодѣвшись, сѣла, утонувъ въ старомъ диванѣ у стола. Всунувъ продрогшія, усталыя ноги въ теплыя туфли, она самой себѣ пріятно улыбнулась, потому что и въ больницѣ, проводя утро на ногахъ, и шагая затѣмъ по улицамъ къ своимъ паціентамъ, она предвкушаетъ минуты отдыха въ своихъ стареньвихъ мягкихъ туфляхъ. Въ состояніи невозмутимаго довольства, какъ будто возвратясь съ прогулки, отдается она покою, и на душѣ у нея такъ ясно и тепло, что согрѣвается и тѣло. Свѣтъ лампы сбоку открываетъ ея свѣжіе виски и гладкій лобъ. Скромно и весело глядятъ ея глаза; нѣжный овалъ лица, неплотно сложенныя губы, прямой, нѣсколько поднятый носъ,—все носитъ выраженіе нетронутаго, молодого простодушія. Она немного похудѣла и вмѣстѣ развилась физически. Черноволосая голова ея опирается на руку съ тонкими пальцами. И голова, и рука, и поза, въ которой она сидитъ на темномъ ситцевомъ диванѣ, обличаютъ въ ней не вульгарную, а хорошо воспитанную дѣвушку, хотя простая мебель не дѣлаетъ ни малѣйшей уступки требованіямъ комфорта, но тѣмъ ярче выдѣляетъ своимъ невзрачнымъ видомъ изящество ея фигуры. Чѣмъ проще на ней покрой домашняго капота, тѣмъ больше прелести являютъ линіи шеи, розовыя уши дѣвушки, ея гибкая рука, обтянутая рукавомъ, и крошечныя ноги въ старыхъ туфляхъ. Она сидитъ, и все въ ней дышетъ миромъ, тишиной, невозмутимой радостью покоя.

За стѣной учительница кройки разговаривала съ своею дочерью:

— Ну, что тебѣ? не приставай.

— Мамочка, когда же у насъ будетъ жареный картофель со снѣтками?

— Въ воскресенье, если, Богъ дастъ, денегъ достану.

— Съ солеными огурчиками? А скоро воскресенье?

— „Слезы, слезы, мои слезы, не теките вонъ изъ глазъ,—заунывно поетъ хозяйка въ кухнѣ:—намъ теперьча не до васъ".

— Лизавета Ивановна, что вы притихли?—не возвышая голоса, спросила Груздеву сосѣдка.

— Такъ,—встрепенувшись, отвѣтила та:—сижу, думаю.

— Не знаете ли, который часъ?

— Должно быть, ужъ одиннадцать.

— А къ вамъ приходила торговка, что на углу подсолнечники продаетъ: Христомъ-Богомъ проситъ васъ ломоту въ ногахъ унять; и трубочистиха была.

— Завтра воскресенье, — въ раздумьѣ сказала Груздева: — пріема въ больницѣ не будетъ, такъ я ко всѣмъ сходить успѣю.

— Мамочка, завтра воскресенье.

— Ахъ, зачѣмъ вы сказали! теперь она мнѣ покою не дастъ.

— Поджарьте ей завтра картофелю, я могу вамъ дать сорокъ копѣекъ,—промолвила Груздева и перемѣнила разговоръ:—Донцова дома?

— Спитъ. Часовъ съ семи, кажется, завалилась.

— Устаю, оттого и ложусь, когда захочется,—недовольнымъ голосомъ отозвалась Донцова изъ-за своей перегородки.—Вамъ-то что? Терпѣть не могу, когда вмѣшиваются въ мои дѣла.

— То бишь... ничего больше не оставалось, какъ самому все сѣно съѣсть,—печально молвилъ капитанъ.—Проектъ былъ провести путь мимо моей усадьбы. Сколько я прохлопоталъ, сколько сберегъ продуктовъ!

— Лизавета Ивановна, вы будете чай пить? — спрашиваетъ Донцова:—я къ вамъ приду. У меня сахару нѣтъ.—Всѣ смолкли, волей-неволей слушая, что̀ продолжаетъ капитанъ самому себѣ разсказывать, постепенно возвышая голосъ.

— Анъ, вмѣсто того, меня же за носъ провели. Плутни, разумѣется. Тутъ взятка очевидна. Доставка дороже самого сѣна выходила, чортъ бы ихъ побралъ!—задребезжалъ его старческій крикъ.

— Есть у васъ сахаръ, Груздева? — старается перекричать его Донцова.

— „Не шатайси-ка да не валяйси,—поетъ хозяйка во все горло:—во полюшкѣ траушка“...

— Кажется, есть, приходите,—чуть слышенъ голосъ Груздевой за ея пѣніемъ.

— По гривеннику за пудъ давали... Лучше самъ съѣмъ! Самъ съѣмъ! Ракаліи! Канальи!.. Съѣлъ!..

— Капитану въ голову ударяетъ,—прекративъ пѣніе, распоряжается хозяйка:—что-жъ вы не унимаете его, лекарки!

Груздева сдѣлала движеніе, чтобы пойти на помощь капитану, но Донцова предупредила ее:

— Ужъ я начала ему шею массировать, а вы, хозяйка, ставьте самоваръ. Капитанъ, не сопротивляйтесь!

— Помилуйте, сударыня, да вѣдь по картѣ видно, что путь лежитъ самый прямой черезъ Мамаевку.

— Другую вѣтвь и проведутъ черезъ нее. Сидите смирно. Надо отвлечь кровь отъ головы, и вы сейчасъ успокоитесь.

— Не для продуктовъ же моихъ начнутъ другую вѣтвь. Вы, кажется, меня за дурака, то бишь, за сумасшедшаго считаете?

— А вы зачѣмъ себя ведете такимъ образомъ?

— Да я, что же... я, кажется, ничего особеннаго. Вспомнилъ и поволновался. Самое лучшее—не вспоминать.

— Ну, вотъ видите, ужъ вамъ легче стало. Ложитесь спать.

Скоро все стихло въ квартирѣ, только тяжелое дыханіе спящаго капитана и, время отъ времени, скрипъ кровати въ кухнѣ доходятъ до слуха пріятельницъ, вполголоса бесѣдующихъ за чаемъ. Донцова смуглая брюнетка, у нея короткіе волосы, которые разсыпаются и подняты вверхъ надо лбомъ, въ видѣ султана, сѣдымъ, совсѣмъ бѣлымъ клочкомъ. Остригшись смолоду, она, за вѣчнымъ недосугомъ, такъ и не собралась отпустить косу, и въ зрѣломъ возрастѣ—своимъ утратившимъ нѣжность, сухимъ лицомъ—походитъ на мужчину. Она—вѣчная школьница, съ неутомимой жаждой учиться. Не было курсовъ, не было лекцій или публичныхъ чтеній, на которыхъ бы она не присутствовала. За всякую науку ради самой науки бралась она съ энергіей, не остывающей съ годами, и въ настоящее время увлекается массажемъ. За самоваромъ сидитъ она одѣтая въ пальто и вздрагиваетъ все-таки плечами, оглядываясь на окно.

— Надо вставить у васъ окно,—сказала она.

— Да. Но я не напоминаю объ этомъ хозяйкѣ, потому что нѣтъ у меня вентиляціи.

— Пожалуй, вы правы. Я тоже не выношу здѣшняго воздуха, въ особенности запаха лавровъ... бррр! Лавры хороши только на головѣ или, вѣрнѣе, на могилѣ, а бѣдняки вздабриваютъ имъ кушанье, чтобы заглушить духъ разлагающейся провизіи... бррр!.. Обманываютъ себя. Кстати: что вамъ за охота связываться съ сосѣдкой!—продолжала она ворчливымъ тономъ по-французски:—право, не стоитъ. Она не хочетъ называться портнихой, потому что званіе учительницы кройки находитъ для себя почетнѣе, и отказывается отъ работы. А вы тутъ съ палліативами только вредите ей. Пусть поголодаетъ хорошенько и возьмется за работу.

— Ну, Богъ съ ней.

— Богъ съ вами,—раздражалась окончательно Донцова:—заложили, глядя на зиму, ротонду для какихъ-то...

— Перестаньте, пожалуйста.

— И бѣгаете по холоду раздѣтая. Не понимаю, что вамъ за охота лечить все безъ разбора, всѣ свои силы тратить. Ну, интересную какую-нибудь острую болѣзнь, это я понимаю. Отъ этого и я не откажусь, и даже попрошу васъ уступить мнѣ хорошенькій случай перелома, вывиха, ушиба, невральгіи. Есть у васъ?

— Есть растяженіе сухожилій, да я не уступлю.

— Не понимаю. Тяжкій, вѣдь, трудъ. Любопытно было бы изслѣдовать, сколько изъ нашихъ поръ ежедневно выдѣляется воды за работой только въ больницѣ. Бѣлье до нитки смокнетъ, а у васъ мокнутъ и волосы.

— Ничего.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, какая вамъ охота тратить себя на массажъ, съ вашимъ образованіемъ.

— Отвѣтьте вы мнѣ на тотъ же вопросъ.

— Я другое дѣло,— говоритъ Донцова, думая.—Въ медицину я не очень вѣрю. Не всегда предугадаешь, какъ тамъ подѣйствуетъ лекарство, принятое внутрь, тогда какъ хирургія и массажъ ясны до очевидности. Палецъ пораженъ гангреной. Отрѣжутъ палецъ, и гангрены нѣтъ.—Голосъ Донцовой звучалъ такою авторитетною убѣдительностью, что страстно отдававшаяся изученію массажа Груздева почувствовала новый приливъ бодрости при слѣдующихъ ея словахъ:—А массажъ еще того вѣрнѣе. Я вижу опухоль, и разгоняю изъ нея патологическіе продукты, и черезъ двѣ минуты замѣчаю, что опухоль уменьшается. Я утруждаю себя изъ любви къ наукѣ.

— А я изъ любви къ людямъ.

Нечаянно сказавъ это, Лиза застѣнчиво умолкла на мгновеніе, и щеки ея покрылись румянцемъ, но въ колебаніи ея почуялось пылкое, неудержимое чувство, которое она не могла въ себѣ преодолѣть, и невольно съ полуоткрытыхъ губъ ея полилось признаніе.

— Еслибы вы знали, что̀ меня приковываетъ къ больнымъ! Я и сама не подозрѣвала прежде, чтобы могло существовать такое сильное, такое потрясающее чувство состраданія; но на моихъ рукахъ умеръ любимый человѣкъ... Вы знаете. Я готова была вдохнуть въ него всѣ свои силы, влить въ него жизнь свою, и еслибы нужно было для его облегченія броситься въ огонь, я не поколебалась бы. Мое безсиліе, мое отчаяніе уничтожили мою личность, оставивъ во мнѣ слишкомъ сильно пережитое сочувствіе къ другому человѣку. Потребность унять чужую боль такъ во мнѣ инстинктивна, какъ еслибы я сама чувствовала ту же боль.

— А!—тихо произнесла Донцова, не сводя съ нея пристальнаго взгляда, и уважительно поставила передъ ней стаканъ чаю.

— Радость какая, если удастся больному помочь!—со вздохомъ необъятнаго наслажденія проговорила Груздева и, помолчавъ, неожиданно воскликнула:—За что̀ могли осудить его люди?

Донцова налила себѣ чаю и мелькомъ взглянула на нее.

— Вы избѣгали о немъ говорить,—неохотно отвѣтила она,—такъ и не спрашивайте, чтобы не тревожить ранъ сердечныхъ. Вѣдь не зажили еще?

Наступило молчаніе; обѣ, звеня ложками въ стаканахъ, съ опущенными лицами, глубоко погрузились въ себя, и въ тишинѣ, прерываемой зарядами дождя, прозвучалъ настоятельный вопросъ Лизы:—Скажите, за что?—Внезапный стукъ на улицѣ помѣшалъ Донцовой отвѣтить, но обѣ, про себя рѣшивъ, что это ставень хлопнулъ, остались неподвижны въ намѣреніи многое выяснить другъ другу въ эту ночь, какъ вдругъ до слуха ихъ долетѣлъ со двора нетерпѣливый возгласъ:

— Здѣсь костоправка живетъ? — И вслѣдъ затѣмъ голосъ хозяйки въ кухнѣ:—Здѣся! Пойдете, что-ль, лекарки? Ногу сломала женщина, съ лѣстницы полетѣла.

Массажистки вскочили и засуетились.

Донцова, поглядѣвъ кругомъ, схватила плэдъ съ окна, кутается въ него, сопротивляясь отнимающей у нея плэдъ Груздевой, и, торопясь къ двери, бормочетъ:

— Я пойду... Уступите... Интересный случай... переломъ...

Оставшись одна, Лиза легла и, словно скованная тяжелыми путами погрузилась въ безчувственнный сонъ. Утромъ съ большимъ трудомъ подняла ее на ноги Донцова. Она долго не могла открыть глазъ. Словно склеены были ея вѣки и подъ ними, какъ горячимъ пескомъ, жгло и кололо зрачки. Усталыя кисти рукъ, непроизвольно опускаясь, болѣли всѣми суставами, свинцовою тяжестью тянуло голову къ подушкѣ.

— Ничего, разойдусь, — говорила она:—это часто со мною бываетъ.

Донцова, посѣщавшая также и врачебные курсы, внимательно въ нее вглядывалась, подумала и сказала:

— Вы схватите тифъ, если не побережетесь; а все-таки надо къ обѣднѣ идти. Если и въ это воскресенье будетъ замѣчено ваше отсутствіе, на васъ пожалуются сестрѣ-Юліи, и княгиня приметъ за личную обиду ваше нерадѣніе къ храму ея. Одѣвайтесь скорѣй. Мы должны за ту же плату и работать, и молиться за княгиню, дабы она сторицею на томъ свѣтѣ получила выдаваемый намъ гонораръ.

— Ахъ, перестаньте вы...

— Ужъ теперь она, глядишь, перебираетъ четки, каждое зерно которыхъ могло бы обезпечить цѣлую семью.

Говоря это, Донцова видѣла въ окно, что погода совсѣмъ измѣнилась. Морозъ превратилъ вчерашнюю грязь въ твердую

колоть и запорошилъ снѣжной крупой. Сквозь щелку запушеннаго окна пробились крупныя снѣжинки, и холодъ безпрепятственно ходилъ по комнатѣ.

— Здѣсь костоправка живетъ?—раздается незнакомый голосъ въ передней.

Сонливость и усталость слетѣли съ Груздевой, и въ порывѣ возбужденныхъ силъ, одѣвшись очень быстро и не внимая протесту Донцовой, она поспѣшила на практику. Располагая свободнымъ часомъ, Донцова пожелала съ пользою его употребить, и такъ какъ рѣдко приходилось ей массировать отъ болѣзней желудка, она спросила, не выходя изъ комнаты, учительницу кройки, не разстроенъ ли у нея желудокъ.

— Нѣтъ, слава Богу,—отвѣчала та.

— А у вашей дочери?

— Нѣтъ, и у ней не болитъ, а что?

— Хозяйка!—закричала раздраженная неудачей Донцова:—у васъ, кажется, иногда животъ болитъ?

— А что?—испуганно отозвалась хозяйка:—Господи помилуй! Что вы всѣхъ спрашиваете? Ужъ не холера ли?

XV.

Не имѣя въ Петербургѣ никакихъ знакомствъ и привлеченная туда столько же тайной надеждой на возобновленіе знакомства съ Трампедахомъ, сколько явнымъ желаніемъ извѣдать прелести самостоятельной столичной жизни, Ирина Семеновна Мамаева нашла для себя стѣснительнымъ и недостойнымъ проживаніе въ установленныхъ общежитіемъ условіяхъ по гостинницамъ, вмѣстѣ съ отцомъ, и на частныхъ квартирахъ. И проводя время въ прогулкахъ и разъѣздахъ по улицамъ и окрестностямъ интереснаго города, скоро высмотрѣла она въ предмѣстьѣ назначенный къ продажѣ скромный, но красивый домъ. Внутренность дома, принадлежавшаго умершему капитану морской службы, сохранила слѣды достатка, сбереженнаго отъ распаденія. Въ большихъ свѣтлыхъ сѣняхъ висѣли спины черепахъ, военные доспѣхи неизвѣстныхъ странъ, засохшіе плоды и корни тропической флоры, рога заморскаго животнаго и тому подобные трофеи кругосвѣтныхъ плаваній, напомнившія ей міръ ея несбывшихся мечтаній: обстановку ея жениха, и оживили прерванныя въ ней болѣзнью грёзы и надежды. Безъ колебаній, привыкнувъ поступать за своею отвѣтственностью, она поспѣшила пріобрѣсть этотъ домъ. Въ

кованномъ ларцѣ, предусмотрительно сохраненномъ ея матерью и скрытомъ отъ отца, оказалось такъ много денегъ, что не съумѣла она сосчитать ихъ. Одного верхняго пласта туго набитыхъ въ него серій и билетовъ достало на покупку дома. И какъ только она вступила во владѣніе имъ, откуда-то явились къ ней съ услугами неизвѣстные ей люди, претендующіе на дальнее и близкое родство съ ней. Нашлись желающіе заботиться о ней и исполнять во всемъ ея волю. Двѣ титулованныя пожилыя особы, сомнительной репутаціи, безъ средствъ къ жизни, но неразборчивыя въ способахъ наживы, княгиня Какокидзе и баронесса фонъ-Штаубъ, заняли даромъ двѣ квартиры въ нижнемъ этажѣ ея дома, и она охотно допускала ихъ постоянное присутствіе въ своей столовой.

Въ комнатахъ ея собственной квартиры блистали стѣны арабесками не-русскаго производства; фамильные портреты чужихъ предковъ, копіи съ извѣстныхъ картинъ, инкрустированныя бронзой тяжелыя двери, мягкая въ восточномъ вкусѣ мебель, цѣнныя бездѣлки и красиво расположенныя по угламъ группы растеній,—все утопало въ прохладномъ полумракѣ полосатаго навѣса надъ балкономъ и все переносило ее въ блаженный міръ призывнаго будущаго. Недоставало здѣсь *его* присутствія, но она докажетъ ему что-то, и онъ явится.

Продолжая вести призрачное существованіе между грёзами и дѣйствительностью, прямолинейно приступила она къ исполненію своей задачи: начала дѣлать добро. Но въ постоянномъ колебаніи между врожденною скупостью и суетнымъ метаніемъ за славой, вначалѣ ограничивалась она неумѣренными обѣщаніями и крошечными подачками, вооружая противъ себя разочарованныхъ просителей. Посѣщала она церкви и монастыри, чтò въ значительной степени сокращало ея время, и, одѣляя нищихъ, привыкала видѣть себя окруженной. Такъ проходили незамѣтно мѣсяцы. Разъ послѣ торжественной соборной службы вышла она послѣдняя на паперть съ ридикюлемъ, наполненнымъ мѣдными деньгами, и раздавъ милостину, направилась къ своему дому. Нищіе повалили слѣдомъ за ней. Пришлось размѣнять въ лавкѣ и раздать еще немного денегъ, а толпа кругомъ увеличивалась и втягивала ее въ себя. Еще понадобилось мелочи. Не безъ труда выбралась она къ извозчику и, усѣвшись, разбросала все, чтò у нея было въ кошелькѣ—и серебро, и ассигнаціи. За ней бѣгутъ, кричатъ, хватая полы ея шубы, хватаясь за задокъ саней, всѣ голоса кругомъ слились въ веселый, возбужденный гулъ.

— Матушка наша, благодѣтельница, барыня, голубушка, тебя

Господь наградитъ... Этотъ гулъ радости волнуетъ ее, перенося въ тотъ самый свѣтлый и счастливый мигъ ея существованія, когда внимала она сердцемъ восторженно благодарнымъ кликамъ толпою шедшихъ за ней мамаевскихъ крестьянъ. Весь день подъ этимъ впечатлѣніемъ казалось ей, что смотритъ на нее толпа, и въ толпѣ Лиза, и *онъ* самъ. Въ своей потребности возстановить все лучшее изъ прошлаго, поручила она княгинѣ Какокидзе найти адресъ Трампедаха и списаться съ мамаевскими властями о мѣстопребываніи дѣвицы изъ дворянъ Грузцевой. Въ тотъ же день написала она отцу приглашеніе переселиться въ ея домъ, но не получила отъ него отвѣта.

Время шло однообразно, но не скучно для нея. Ежедневно отправляясь въ церковь, запасалась она мелочью въ большомъ количествѣ. Ее встрѣчали нищіе назойливымъ вытьемъ и приставаньемъ, и съ каждымъ днемъ тѣснѣе, гуще ее окружали, доводя до состоянія, близкаго къ опьянѣнію. У нея кружилась голова отъ скученныхъ дыханій, голосовъ, отъ устремленныхъ на нее просящихъ, жадныхъ взглядовъ, со всѣхъ сторонъ протянутыхъ къ ней рукъ. Невыразимое удовольствіе находитъ она въ своихъ попыткахъ убѣжать, скрыться отъ толпы. И жутко ей, и знаетъ она, что ей вреда не сдѣлаютъ, и хочется ей, чтобы ее догоняли, и въ то же время хочется ей ускользнуть; въ волнующей ее игрѣ съ толпой веселымъ страхомъ замираетъ ея сердце. Сильныя ощущенія освѣжаютъ неудовлетворенный организмъ ея. Ей въ глубинѣ души пріятно видѣть возвышающій ее позоръ и нищету, и чувствовать себя счастливой передъ реальнымъ горемъ угнетенной личности. Она спускается въ притоны темныхъ угловъ столицы, принося туда въ микроскопическихъ дозахъ то, чтò принято называть помощью, и взамѣнъ слушаетъ жалобы, стоны, проклятья, холоднымъ щекотаніемъ проникающіе тѣло ея. Видитъ она подъ образомъ Распятія, символомъ вѣчной любви и скорби, ежедневную, преходящую скорбь, и вмѣсто любви —зубовный скрежетъ злобы и вражды, находящій сочувственный отзвукъ въ ея отживающемъ сердцѣ, не знавшемъ любви.

Изо дня въ день разбрасывая въ толпѣ деньги, смутно сознаетъ она возможность просадить большое состояніе на страстную игру съ толпой, на наслажденіе, передъ которымъ не устояла ея природная скупость.

Ненасытная толпа овладѣвала ею и подчинялась ей, съ ожесточеніемъ преслѣдуя ее. Разъ сорвалъ съ ея головы соболью шапку пьяный оборванецъ и надѣлъ на себя, и обругалъ ее:

— Насъ пятаками одѣляешь, а сама, шкура, въ соболяхъ!

Тогда устремилось на нее вниманіе не однихъ бѣдныхъ слоевъ общества. Участіе къ обиженной благотворительницѣ выразилось появленіемъ въ ея толпѣ лицъ изъ культурныхъ сословій. Вмѣстѣ съ корявыми руками стали протягиваться къ ней руки въ перчаткахъ съ крупными деньгами, которыя тутъ же вырывались изъ ея рукъ корявыми руками.

— Ничего себѣ не оставляетъ благодѣтельница, мать бѣдныхъ! —раздаются вокругъ поощрительные возгласы:—что̀ возьметъ, то̀ и отдастъ сейчасъ.—И посыпались со всѣхъ сторонъ денежныя приношенія на участіе въ дѣлахъ ея благотворенія. Слухи о ней разнесли нищіе по городу, странники по деревнямъ и селамъ, репортеры по газетамъ мелкой прессы; слухи о ней достигли отдаленныхъ угловъ Россіи, и стали собираться къ ней просители со всѣхъ концовъ отечества.

Замѣтивъ, что шляпницы и шляпники не пользуются популярностью въ толпѣ, она покрыла голову черной косынкой, и черный креповый прозрачный флёръ на ней, вмѣстѣ съ тяжелой траурной одеждой, производитъ впечатлѣніе. Сытое, одутловатое лицо ея и крупныя черты, и тонкія морщинки вокругъ глазъ, обрамленныхъ темными кругами—признакъ подавленныхъ страстей—внушаютъ суевѣрный страхъ, подавляютъ толпу. Толпа боготворитъ ее, совѣтуется съ ней и ждетъ чудесъ. А чего ждетъ толпа, то̀ неизбѣжно, непосредственно и видитъ, чего хочетъ, то̀ и принимаетъ за просимое. Больной, дотронувшись до нея, вскорѣ послѣ того поправился; у бѣдняка улучшились дѣла, съ тѣхъ поръ, какъ получилъ онъ изъ ея легкой руки пособіе; пьяница пересталъ пить, воръ—воровать, услышавъ изъ ея устъ угрозу:

— Я тебѣ покажу! Я тебѣ задамъ!

Толпа ее признала; стало быть, она нужна толпѣ. Темнымъ, невѣжественнымъ, низкимъ натурамъ она необходима, какъ соломенка утопающему; за нее хватаются трусливые и малодушные передъ неминуемою смертью; хватаются за нее доведенные до отчаянія, не находя въ себѣ разсудка, мужества, покорности, терпѣнія, никакихъ нравственныхъ рессурсовъ для перенесенія бѣды. Шаткость вѣры, требующей болѣе ощутительнаго сношенія съ Богомъ, жажда чудесъ и сверхъестественныхъ явленій при шаткой совѣсти, нравственной и умственной тупости, заставляетъ прибѣгать къ ней жалкихъ людей. И она, не давая себѣ яснаго отчета, въ бреду или въ дѣйствительности изрекаетъ механически со дня ея рожденія повторявшіяся подъ отеческой кровлей готовыя слова:—Безъ Бога ни до порога. На Бога надѣйся, а самъ

не плошай. Пеняй на себя. Молись и будь достоинъ. Умъ хорошо, а два лучше, и проч.

По отсутствію духовныхъ интересовъ родственная съ ней толпа гипнотизируетъ ее: даетъ и проситъ денегъ—она беретъ и раздаетъ. Больные требуютъ у нея здоровья, и она идетъ къ больнымъ рѣшительно и смѣло. Въ десяти случаяхъ непремѣнно хоть одинъ больной поправится послѣ ея посѣщенія, и такъ какъ до девяти другихъ случаевъ никому дѣла нѣтъ, никто и не станетъ о нихъ слушать, не только разсказывать—только десятый случай выздоровленія, приписанный ея могуществу, подхватывается стоустой молвой, жадной до чудесъ, распространяя ея славу. Все увеличивается число брошюрокъ о ея дѣятельности и цѣломудренной жизни, и портреты ея, въ полу-монашеской одеждѣ, выставляются вездѣ.

Съѣзжается къ ней изъ дальнихъ мѣстъ закоренѣлое невѣжество, трусость и низость съ просительно-подленькими, узкими, личными цѣлями избѣгнуть чудомъ неизбѣжнаго, добиться незаслуженнаго, увернуться отъ высшей справедливости. Гостиницы предмѣстья, гдѣ она живетъ, подняли цѣны отъ наплыва пріѣзжихъ; ночлежные дома переполнены пришлымъ людомъ, и новоявленные родственники и знакомые „матери-Ирины", съ ея соизволенія, на пожертвованные ей деньги для бѣдныхъ, открываютъ притоны для пришлыхъ и пріѣзжихъ почитателей ея, плата съ которыхъ цѣликомъ остается въ ихъ пользу. Спекулируя безсовѣстно на суевѣріи и пошломъ изувѣрствѣ темной массы, богатѣютъ всѣ, кто входитъ въ соприкосновеніе съ матушкой-Ириной, а бѣдные все прибавляются въ толпѣ.

Тысячи денежныхъ пакетовъ со всѣхъ концовъ Россіи высылаются на имя матери-Ирины и поступаютъ въ кассу, завѣдуемую баронессой фонъ-Штаубъ подъ контролемъ ея знакомаго офицера. Подъ вѣденіемъ княгини Каковидзе возникло организованное агентство, миссія котораго состоитъ въ томъ, чтобы вызлѣживать въ вагонахъ, на вокзалахъ и въ гостинницахъ прибывающихъ почитателей матери-Ирины и незамѣтно узнавать о цѣляхъ и намѣреніяхъ ихъ, о ихъ болѣзняхъ, семейныхъ и другихъ дѣлахъ и извѣщать обо всемъ этомъ ея приближенныхъ.

Угодливостью и прислужничествомъ княгиня Каковидзе стала необходима неземной подвижницѣ, Иринѣ Семеновнѣ, которая и безъ баронессы не можетъ обойтись. Обѣ осторожно водятъ ее подъ-руки, усаживаютъ въ кресло, оправляютъ на ней платье, заглядываютъ ей въ глаза, и княгиня съ неустанной надоѣдли-

вой улыбочкой, льстиво играя черными глазками, настроиваетъ ее какъ инструментъ.

— Сейчасъ вы себя превзойдете, неоцѣненная Ирина Семеновна, я прихожу заранѣе въ восторгъ отъ васъ, честное слово. Къ вамъ сейчасъ явится купецъ изъ Бессарабіи, широкоплечій и сѣдой. Онъ хочетъ развестись съ женой, такъ ему нуженъ вашъ совѣтъ. Имѣйте въ виду, что онъ—ненавидимый окружающими, злой и корыстный человѣкъ. Онъ — ростовщикъ и кабатчикъ. О немъ было подробное письмо отъ преданнаго намъ человѣка, его земляка. Не мнѣ, конечно, васъ учить, я въ ученицы не гожусь вамъ, но предупредить васъ необходимо. Я прикажу впустить его къ вамъ перваго, потомъ двоихъ юнкеровъ изъ Москвы, пріѣхавшихъ, чтобъ поболтать съ вами изъ любопытства, какъ сами они заявляли въ вагонѣ. И не забудьте, что полковница, по увѣренію врача, только легко простужена, а старику дайте понять, что онъ скоро умретъ. Запомните же все это, дорогая вы наша, и приготовьтесь. Я пойду распоряжусь.

И княгиня, впустивъ въ гостиную нѣсколько облагодѣтельствованныхъ свидѣтелей будущихъ чудесъ, подобострастно окружающихъ подвижницу, впускаетъ и купца изъ Бессарабіи. Ирина Семеновна встрѣтила его долгимъ испытующимъ взглядомъ, сдвинула брови и глухимъ, измѣненнымъ отъ нервныхъ страданій, отрывистымъ голосомъ строго проговорила, грозя пальцемъ:

— Ты нехорошимъ дѣломъ занимаешься: ты спаиваешь и обираешь людей! Ты недостоинъ, уходи! Намъ съ тобой говорить не о чемъ.

Потрясенный даромъ ея прозорливости, грѣшникъ падаетъ ницъ и даетъ клятву исправиться. А она совѣтуетъ ему закрыть кабакъ и устроить пріютъ для сиротъ, не разводиться съ женой и вести жизнь благочестивую. Молодымъ людямъ мать-Ирина приказала подать пустые стаканы и предложила имъ, къ немалому ихъ смущенію, поболтать ложками въ стаканахъ.

— Вы пріѣхали сюда болтать, такъ и болтайте.

Между тѣмъ, въ числѣ ждущихъ очереди посѣтителей въ пріемной, такой же съ виду посѣтитель, какъ и всѣ, знакомый медикъ баронессы, діагностъ инкогнито, разговариваетъ съ окружающими о болѣзняхъ, а извѣстно, что никто и ни о чемъ не распространяется такъ охотно, какъ больные о подробностяхъ своихъ болѣзней. И медикъ то-и-дѣло, выходя курить, передаетъ свои сообщенія княгинѣ.

Такъ идутъ дѣла съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Люди съ высокимъ положеніемъ и хорошими средствами добиваются, какъ

милости, свиданія съ матерью-Ириной за большіе денежные взносы. Изъ пожертвованій на бѣдныхъ, попадающихъ помимо кармановъ приближенныхъ въ кассу, выростаетъ большая сумма, сотая часть которой идетъ на устройство маленькой богадельни и мастерской съ ночлежнымъ пріютомъ и столовой, дающей хорошій доходъ; на реставрировку старой и постройку новой церкви, а также на ежедневную раздачу нищимъ по пяти копѣекъ, что почти каждый богачъ дѣлаетъ на собственныя средства. Весь остальной денежный наплывъ поступаетъ въ карманы распорядителей, агентовъ, діагностовъ, портретистовъ матери-Ирины, репортеровъ и вообще нужныхъ людей, въ которыхъ недостатка нѣтъ.

Скопленіе нищихъ и богомольцевъ такъ велико, что на свѣжаго человѣка производитъ ошеломляющее впечатлѣніе ихъ показная рвань у рѣшетокъ церквей, ихъ требовательность и натискъ. Стоитъ прохожему опустить руку въ карманъ, какъ его окружаютъ, тискаютъ и рвутъ:—По двѣ копѣйки подаетъ, а еще баринъ, срамъ какой!—оглушаютъ его обидчивые возгласы.

Толпа нищихъ пестрѣетъ шляпками, кокардами, погонами, матросскими воротниками, форменными пуговицами въ перемежку съ зипунами и рваными платками, изо дня въ день обновляясь притокомъ въ нее такъ называемыхъ порядочныхъ людей, которымъ прежде не входило въ голову протянуть руку за милостыней. Но соблазнительные слухи о томъ, что перепадаютъ многимъ сотни рублей изъ рукъ жертвователей черезъ руки матери-Ирины, привлекли сюда и молодую дѣвушку, потерявшую браслетъ и не смѣющую сказать объ этомъ матери, и канцеляриста, желающаго справить именины, и проигравшагося игрока. Невѣсты безъ приданаго, женихи безъ должности, порочныя старухи, ополоумѣвшіе отъ разврата старики, и падкая до лакомства вдовица съ пенсіей, и мелкіе служаки, теперь ужъ недовольные своимъ сравнительнымъ достаткомъ, и захудалый дворянинъ, и благороднѣйшіе попрошайки по профессіи толкутся всѣ рядомъ съ лаптями и лохмотьями, выставляя на позоръ разнузданную страсть къ случайной поживѣ. И все это притягиваетъ къ себѣ мать-Ирина, дразня инстинкты растлѣвающей приманкой даровой кредитки. Какъ за лотерейнымъ выигрышнымъ билетомъ, за нею гонятся, стараясь всѣми мѣрами привлечь ея вниманіе. Кто аффектируетъ рыданія, кто рветъ на себѣ волосы, кто показываетъ вмѣсто ребенка завернутый въ тряпки чурбанъ. Тунеядство, притворство, обманъ, составляя основную черту сплоченной массы, держатъ ее на-сторожѣ передъ дверьми, изъ которыхъ должна выйти мать-

Ирина. И, какъ безсмысленное стадо, все это шарахается изъ стороны въ сторону по мѣрѣ приближенія ея экипажа. Передъ каретой ея падаютъ ницъ, хватаясь за подножку и колеса, бѣгутъ за лошадьми, и въ общей сутолокѣ, нанося и получая увѣчья, выходятъ изъ толпы съ отдавленной ногой и вывихнутымъ пальцемъ и съ надеждой, что въ другой разъ удастся вырвать крупный кушъ изъ легкой ручки матери-Ирины.

Возбужденныя лица, вертящіяся головы, безпокойные жесты,— все напряженно замерло и подалось впередъ. На площадкѣ паперти, за цѣпью дюжихъ рукъ тѣлохранителей изъ людей пришлыхъ и агентовъ, явилась передъ толпой мать-Ирина. Высокая и величавая ея фигура, задрапированная тяжелыми складками погребальнаго платья, подернутыя тѣнью утомленія крупныя черты лица и рѣзко обозначенные темные круги подъ глазами, напоминая византійской живописи ликъ, производятъ впечатлѣніе мистической, неотразимой силы. Поднятое лицо ея, съ опущенными вѣками, придаетъ ей высокомѣрный и вмѣстѣ съ тѣмъ смиренный видъ. Толпа, какъ одинъ человѣкъ, униженно склонилась передъ ней. Въ упадкѣ нравственныхъ силъ, въ тайныхъ порочныхъ страстяхъ изношенные члены организма слабѣютъ при всякомъ волненіи, сами собою подгибаются колѣнки въ потребности уничтожаться, пресмыкаться передъ созданнымъ себѣ кумиромъ...

Чья-то рука съ заклееннымъ пакетомъ протянулась черезъ головы тѣлохранителей и чей-то голосъ робко произнесъ:

— Матушка, примите мою лепту...

— Кто слѣпъ? — подхватила тугая на ухо старуха, стоя вблизи ступеней.— Да не слѣпъ.—Неужто прозрѣлъ?—Кто? Когда? —Сейчасъ слѣпой прозрѣлъ.

И прошептанный вопросъ старухи, облетая ряды, перебрасывается отвѣтами, догадками, и, обѣжавъ безтолковымъ говоромъ толпу, разросся въ небывалое событіе исцѣленія слѣпого матерью-Ириной. Между тѣмъ окружающіе ее агенты ревниво слѣдятъ, чтобъ не попалъ изъ ея рукъ пакетъ въ чужія руки, и одинъ незамѣтно взялъ его и спряталъ въ свой карманъ.

Она, безсознательно ощущая свою тожественность съ массой, въ которой нѣтъ ни одного вполнѣ здороваго человѣка по слабости духа и воли, по извращенію понятій и чувствъ, по неугомонному, безумному стремленію хоть чѣмъ-нибудь выставиться, отличиться,—она, сама немощная, властвуетъ надъ всѣми посредствомъ денегъ, которыхъ не зажимаетъ въ кулакъ— единственная особенность и случай, ставящіе ее, больную, такъ высоко

надъ больною толпой. Въ лучахъ ея горящаго взгляда, скрытаго тѣнью опущенныхъ рѣсницъ, сквозитъ истеричное, безумное упоеніе ожесточенной игрой съ тысячью устремленыхъ на нее горящихъ, жадныхъ взглядовъ, и въ нѣмомъ изступленіи бросаетъ она деньги... Приглядѣвшіяся ей до отупѣнія кокарды, шляпки и заплаты, пьяныя рожи, буйныя сцены, плаксивое притворство изъ-за пятака—вдругъ предстали во всемъ безобразіи ея словно сейчасъ только прозрѣвшимъ глазамъ. И по губамъ ея, по всему лицу, по рукамъ, повелительно поднятымъ, пробѣгаетъ дрожь отвращенія, и дрожитъ ея надорванный голосъ:

— Пропустите меня, пропустите... я больше не могу...

Она узнала на противоположномъ троттуарѣ улицы шедшую мимо Лизу Груздеву, которая проворно скрылась за стѣной фабричнаго зданія.

А. Виницкая.

ОТЪ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

Романъ, соч. м-съ Олифантъ.

—Lady Car: the Sequel of a Life.

VIII *).

Лэди Карѣ пришлось послѣ вышеописаннаго періода поступать во многомъ наперекоръ своему желанію; но была одна вещь, на которую она долго не соглашалась: это—поселиться вновь въ шотландскомъ домѣ, называвшемся „Тоуэрсъ" и который Томъ величалъ: „мое помѣстье", а Бофоръ считалъ самымъ подходящимъ для жены мѣстожительствомъ.

Онъ не зналъ, какія привидѣнія ютились тамъ.

Онъ не соображалъ, что то былъ домъ ея перваго мужа, домъ, куда ее привезли, несчастнѣйшею изъ новобрачныхъ, послѣ насильственнаго брака, и гдѣ она провела мученическіе годы жизни съ Тоненсомъ. Онъ не подозрѣвалъ о блаженномъ восторгѣ, съ какимъ она услышала вѣсть объ его кончинѣ. Ему и въ голову не приходило, что все это оживетъ въ ея памяти вмѣстѣ съ переселеніемъ въ домъ.

М-ръ Бофоръ просто считалъ неразумнымъ, владѣя прекраснымъ домомъ въ Шотландіи, не проводить въ немъ осени, какъ это дѣлаютъ всѣ другія фамиліи. Но не въ его характерѣ было докучать женѣ выраженіемъ своего удивленія.

Онъ былъ также удивленъ и даже, признаться сказать, немного разочарованъ, что ему стали предоставлять полную свободу

*) См. выше: іюль, стр. 136.

располагать собой и своимъ временемъ, и теперь, когда Кара не находилась постоянно въ его обществѣ, привычки его также мало-по-малу измѣнились. Прекрасная библіотека все еще оставалась его любимой комнатой, но онъ въ ней читалъ газеты и другія суетныя произведенія, и часто ѣздилъ въ сосѣдній городокъ, гдѣ находился мѣстный клубъ, и ежедневно проводилъ въ немъ по нѣскольку часовъ.

Нельзя сказать, чтобы ему особенно нравились джентльмены, посѣщавшіе этотъ клубъ. Онъ держался между ними какъ человѣкъ иного порядка,—высшаго во многихъ отношеніяхъ, какъ писатель (хотя онъ никогда ничего не писалъ) и философъ. Безъ сомнѣнія онъ имѣлъ право называться философомъ.

Онъ былъ очень вѣжливъ съ ними, но смотрѣлъ на нихъ свысока, отмѣчалъ ихъ „странности" и ѣдко критиковалъ и осмѣивалъ ихъ, когда возвращался домой.

Иногда онъ уѣзжалъ въ Лондонъ на день, сначала,—чтобы порыться въ книгахъ, но позднѣе не прибѣгалъ уже къ такимъ уловкамъ и бывалъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ не водилось никакихъ справочныхъ книгъ.

Но очень рѣдко бывало, чтобы онъ не возвратился къ вечеру домой. Онъ вовсе не гонялся за безпутными развлеченіями. Онъ былъ слишкомъ большой философъ, не говоря уже, что и джентльменъ.

Томъ, пожалуй, всего вѣрнѣе характеризовалъ его на своемъ школьномъ нарѣчіи, говоря, что Бо любитъ прохлаждаться. И онъ дѣйствительно любилъ это. У него не было изъяновъ въ характерѣ. Еслибы лэди Кара сопровождала его въ его экскурсіяхъ, она бы ничего не нашла въ нихъ предосудительнаго, а онъ былъ бы очень радъ, еслибы она ѣздила всюду вмѣстѣ съ нимъ.

Но у него вовсе не было миссіи, какую она ему навязывала: ему нечего было проповѣдовать, нечего было сказать людямъ. Если въ его планахъ и было когда что-либо иное, кромѣ юношескаго возбужденія и честолюбія, то оно давно испарилось среди праздной жизни.

Онъ могъ бы пробиться впередъ—многіе молодые люди пробиваются—настоять на женитьбѣ на любимой дѣвушкѣ и спасти ее отъ Тоненса и страшнаго эпизода перваго брака. Онъ могъ бы осуществить позднѣе нѣкоторыя изъ первоначальныхъ предположеній и ожиданій. Онъ могъ бы, наконецъ, побѣдить свою лѣнь и написать книгу, въ которую она вложила всю свою душу. Но, говоря правду, послѣднее сомнительно; онъ могъ бы, пожалуй, только доказать, что не въ состояніи написать этой книги, а для

лэди Кары было бы тяжелѣе думать, что онъ не съумѣлъ ее написать, чѣмъ не захотѣлъ.

Въ концѣ концовъ вышло, однакожъ, что онъ почувствовалъ громадное облегченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то смутное недовольство перемѣной, происшедшей въ его жизни.

А перемѣна произошла.

Нѣжное и постоянное, хотя порою и несносное, сообщество жены прекратилось, и онъ почувствовалъ себя, въ особенности вначалѣ, какъ-то сиротливо.

И Карри также перемѣнилась.

Ея вопросы, ея аргументы, ея непрерывные уговоры и убѣжденія засѣсть за книгу (и все это съ безграничной вѣрой въ его способность написать ее, съ которой тяжело было разставаться)— все это прекратилось.

Но съ другой стороны онъ получилъ полную свободу, онъ могъ теперь жить такъ, какъ хотѣлъ—неоцѣненное благо. Жить ему всегда хотѣлось какъ безупречному джентльмену, съ соблюденіемъ полнаго comme-il-faut.

Почему бы ему препятствовать въ этомъ? Онъ любилъ читать, любилъ и мыслить, хотя вовсе не предполагалъ необходимымъ, чтобы изъ его чтенія и размышленія что-нибудь выходило.

Онъ любилъ ѣздить по временамъ въ свой лондонскій клубъ и пріятно бесѣдовать тамъ; онъ охотно посѣщалъ, за неимѣніемъ лучшаго, ближайшій городокъ и толковалъ съ провинціальными джентльменами и съ болѣе мелкой провинціальной сошкой, но которая была, однако, настолько значительна, чтобы принадлежать къ мѣстному клубу. Съ неменьшимъ удовольствіемъ приходилъ онъ въ гостиную посидѣть съ женой, поболтать съ нею, почитать ей что-нибудь и даже прочитать лекцію Джанетѣ о литературѣ, до которой послѣдней не было никакого дѣла. Въ этихъ случаяхъ онъ бывалъ неоцѣненный собесѣдникъ, нисколько не кичившійся своими познаніями и безъ всякихъ претензій.

При ихъ богатомъ и привольномъ житьѣ-бытьѣ, когда всѣ заботы о средствахъ къ жизни были устранены, когда не приходилось загадывать о завтрашнемъ днѣ, онъ былъ въ самомъ дѣлѣ превосходнымъ мужемъ, милѣйшимъ вотчимомъ, пріятнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Чего же больше могла пожелать женщина?

Былъ моментъ въ этой удобной и блаженной жизни, когда Бофоръ почувствовалъ съ особенной силой перемѣну, происшедшую въ ихъ домѣ, но только на одинъ мигъ.

Это случилось какъ разъ послѣ публикаціи одной книги, ко-

торая трактовала о тѣхъ самыхъ вопросахъ, по части которыхъ онъ считалъ себя спеціалистомъ. Въ ней проводились многіе изъ его взглядовъ, но многіе и отрицались и были замѣнены діаметрально противоположными.

Онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ принесъ книгу женѣ и прочиталъ ей тѣ мѣста, съ которыми былъ несогласенъ.

— Я долженъ написать объ этомъ статью,—сказалъ онъ:— ты видишь, этотъ субъектъ пользуется моими аргументами и выводитъ изъ нихъ совсѣмъ обратное заключеніе. Я слишкомъ долго медлилъ. Я тотчасъ же примусь за работу и не дамъ такъ искажать и опровергать себя.

— Конечно, Эдуардъ,—отвѣчала Кара мягко.

Она нѣжно улыбнулась ему загадочной улыбкой, но не сказала больше ни слова.

— Ты говоришь такъ, какъ еслибы не считала нужнымъ, чтобы я написалъ статью,—сказалъ онъ, досадуя на ея сдержанность.

— О, нѣтъ, я думаю, что стоитъ писать статью,—отвѣчала она.

Онъ ушелъ смущенный, раздосадованный, не то сердитый, не то огорченный, но несомнѣнно подзадоренный ея равнодушіемъ. Но равнодушіе ли это? Или что̀ же это такое?

Еслибы она отвѣтила ему по старому, то онъ принялся бы толковать съ нею объ этомъ вопросѣ, обсудилъ бы его со всѣхъ сторонъ и... охладѣлъ бы. Но такъ какъ она этого не сдѣлала, то жаръ Бофора не остылъ. Онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и собралъ всѣ свои подготовительныя замѣтки и принялся съ усердіемъ излагать свои взгляды на бумагѣ и проработалъ всю ночь. На другой день онъ объявилъ женѣ, что намѣревается написать „разборъ книги этого субъекта"—какъ скорѣйшій и легчайшій способъ выразить свое неодобреніе.

— Конечно,—отвѣчала она опять, но слегка зарумянившись:—гдѣ же ты ее напечатаешь, Эдуардъ?

— О! я пошлю ее къ Боульсу,—сказалъ мужъ, разумѣя „The Nineteenth Century" того времени.

Само собой разумѣется, что „The Nineteenth Century" еще не зарождалось въ ту эпоху.

Бофоръ проработалъ все утро, но уже съ мѐньшимъ жаромъ; а послѣ обѣда сказалъ себѣ, что игра не стоитъ свѣчъ. Люди, которые прочитаютъ книгу этого субъекта, не станутъ читать его разбора; они, безъ сомнѣнія, окажутся приверженцами противной стороны и не обратятъ вниманія на аргументы соперниковъ.

Что касается публики вообще, то она нимало не интересуется какой бы то ни было соціальной философіей или политической экономіей.

Такимъ образомъ, послѣ нѣкотораго раздумья, онъ сложилъ обратно всѣ бумаги, повторяя себѣ: „не стоитъ!"—и отправился въ мѣстный клубъ, откуда привезъ забавный анекдотъ о тупоуміи нѣкоторыхъ тамошнихъ джентльменовъ.

Его не поразило, что Кара и не освѣдомилась даже, окончилъ онъ свою критическую статью или въ какомъ родѣ онъ ее написалъ.

Но онъ замѣтилъ ея улыбку и она вызвала въ немъ нѣкоторую неловкость, хотя онъ и самъ бы не могъ объяснить, почему.

Въ улыбкѣ этой онъ подмѣтилъ что-то новое, очень кроткое (ея улыбка всегда была кротка), очень терпѣливое, снисходительное, сопровождаемое взглядомъ какъ бы прощающимъ, хотя онъ и не постигалъ хорошенько, за что̀ его прощаютъ.

Въ скоромъ времени онъ совсѣмъ позабылъ о томъ, что намѣревался писать объ этой книгѣ; позабылъ и про самую книгу; но долгое время его преслѣдовала улыбка Кары. Что̀ бы такое она означала?

Томъ и Джанета, конечно, не понимали причины, почему мать гораздо больше времени проводила съ ними, чѣмъ прежде. И такъ какъ произошло это исподоволь, то они только порою спохватывались объ этомъ.

— Вотъ какъ, ты теперь постоянно съ мамашей,—сказалъ Томъ Джанетѣ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ на каникулы.

Онъ былъ теперь въ Итонѣ и хотя много разъ попадалъ въ просакъ, но благополучно выкарабкивался и надѣялся стать однимъ изъ лучшихъ гребцовъ—единственное отличіе, на какое онъ могъ разсчитывать.

— Да,—отвѣчала Джанета разсудительно:—я теперь большая, и мамаша говоритъ, что я должна быть постоянно при ней.

— Но вѣдь это, должно быть, ужасная кислятина,—замѣтилъ Томъ, употребляя выраженіе, которымъ въ Итонѣ (въ то время) обозначали все скучное и несносное.

Онъ былъ настолько любезенъ, что говорилъ вполголоса; Джанета исподлобья взглянула на него и оба засмѣялись, но такъ, чтобы никто не могъ спросить, чему они смѣются.

— У нея голова биткомъ набита тѣмъ, чего никто не можетъ знать,—продолжалъ Томъ:—мнѣ-то это все равно, потому что

теперь она меня оставляетъ въ покоѣ. Но тебя, вѣроятно, заставляютъ цѣлый день читать книги.

— О, нѣтъ. О, Томъ! тебѣ не годится такъ говорить и смѣяться... вѣдь она намъ мать и такъ добра. Право, она добра. Она сейчасъ видитъ, когда я устала.

— Ну да, еще бы. Впрочемъ, дѣвочкамъ вѣрно такъ и надо. Пойдемъ со мной играть. Пуститъ она тебя? Если нѣтъ, то убѣги потихоньку.

— О, Томъ!—вскричала снова Джанета:—какъ можешь ты такъ говорить про мамашу? Она никогда не мѣшаетъ никакой забавѣ... если только забава представится,—добавила дѣвушка послѣ нѣкотораго молчанія.

Лэди Кара сидѣла на другомъ концѣ комнаты въ углубленіи большого окна, въ которое была видна вся обширная окрестность.

Она поджидала Джанету, просившую помочь ей въ какой-то работѣ, шедшей наперекоръ всѣмъ предубѣжденіямъ Кары. Джанета рисовала цвѣты для маленькихъ трехножныхъ стульевъ для какого-то базара, и хотя она только копировала „узоры“, но нуждалась въ содѣйствіи матери, когда-то серьезно занимавшейся живописью и преуспѣвавшей въ ней.

Джанета и не подозрѣвала, что задумчивые пейзажи лэди Кары, въ которыхъ былъ воздухъ и даль, если не было чего другого, сколько-нибудь превосходятъ ея „узоры“, и призвала ее на помощь въ полной увѣренности, что тоже занимается настоящей живописью.

И Кара приготовила кисть, которою нужно было разрисовывать георгины и герань, съ такою же тщательностью, какъ еслибы она требовалась для Рафаэля.

Когда она увидѣла, что ея дѣти, пошептавшись у двери, внезапно исчезли, то не огорчилась. Возможно, что разрисовка стульевъ была тоже „кислятиной“ и для матери.

Она улыбнулась имъ, махнула рукой, когда они пробѣжали мимо окна, и тихонько покачала головой въ видѣ мягкаго упрека за брошенную работу; но, можетъ быть, она почувствовала такое же облегченіе, какъ и Джанета.

Она оперлась головой въ обитую атласомъ спинку кресла и наблюдала за молодежью: они несли въ рукахъ лопатки, въ то время какъ у Джанеты въ передникѣ помѣщались мячи для игры. Тому было семнадцать съ половиной, а Джанетѣ пятнадцать съ половиной лѣтъ: оба были въ полномъ расцвѣтѣ юношескихъ силъ и въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда человѣкъ безпеченъ и не знаетъ заботъ.

Они не были красивы, но Томъ казался сильнымъ и мужественнымъ, а Джанета, какъ думалось ея матери, была простодушная и искренняя, хорошая, хотя и не умная дѣвушка, но честная и добрая; и Томъ не дурной мальчикъ... грубоватъ немножко, но это отъ веселости и мальчишеской отваги. Оба были не умны. Она говорила себѣ съ слабой улыбкой, какъ она сама была глупа: какъ она поклонялась таланту,—нѣтъ, не таланту, генію... и надѣялась, что на нихъ отразится часть его блеска, на существахъ, которыхъ она произвела на свѣтъ! Они были всю жизнь окружены красивыми вещами. Когда другіе родители читаютъ дѣтямъ глупыя дѣтскія сказки, она читала своимъ все, что̀ есть лучшаго въ литературѣ... легенды и поэтическія сказанія... и однако Джанетѣ нравились „узоры" для стульевъ лучше всякихъ поэмъ и картинъ, а Томъ никогда не раскрывалъ книги по доброй волѣ.

— И что за бѣда?—говорила она себѣ, подсмѣиваясь надъ самой собой.—Дѣти оттого не хуже. Ея фантастическія надежды, ея фантастическія разочарованія—что̀ въ нихъ? Она вообще была фантазерка... всѣ это всю жизнь ей говорили, и теперь она сознавалась въ вѣрности этого обвиненія.

Есть ли женщина счастливѣе ея? Мужъ ея такъ добръ, постоянно заботится о ней, старается обо всемъ, что̀ можетъ сдѣлать ее счастливой. Дѣти у нея хорошія (право же, хорошія!) милыя, обезпеченныя... Томъ такъ мужественъ; Джанета—приличная молодая дѣвушка, хотя и совсѣмъ не такая, какою была Кара въ ея годы. Но вѣдь тѣмъ лучше! У Джанеты не будетъ никакихъ глупыхъ идеаловъ; она не будетъ мечтать о полу-богахъ, сошедшихъ съ небесъ, не будетъ мучить ни себя, ни другихъ фантастическими порываніями.

Она полюбитъ какого-нибудь добраго, честнаго молодого человѣка, когда придетъ время, и заживетъ обыкновенной жизнью, какою они живутъ теперь въ Истонѣ.

Эдуардъ уѣхалъ въ Кобальтонъ, въ мѣстный клубъ—естественное прибѣжище провинціальнаго джентльмена; братъ и сестра играютъ въ теннисъ на лужайкѣ... Мальчикъ надѣется попасть въ призовые гребцы; дѣвушка восторгается новыми „узорами" для стульевъ. И нигдѣ ни облачка, ни малѣйшей тревоги въ ихъ жизни, никакого затрудненія въ деньгахъ или въ чемъ иномъ.

Что за счастливая семья! Все идетъ правильно, пріятно, какъ по маслу.

И въ то время какъ Кара лежала въ креслѣ, размышляя

объ этомъ счастьѣ, глаза ея внезапно наполнились слезами... довольства и радости, безъ сомнѣнія.

Когда поданъ былъ чай, молодежь явилась голодная и набросилась на вкусныя вещи, которыми былъ заставленъ столъ.

Лэди Кара наблюдала, какъ они пожирали кэки съ тою улыбкой, которая казалась Бофору такой загадочной.

— Очень бы ты радъ былъ провести слѣдующія каникулы въ Тоуэрсѣ, Томъ?—спросила она съ нѣкоторымъ колебаніемъ въ голосѣ.

— Былъ ли бы я радъ! — вскричалъ Томъ, вскакивая съ мѣста со ртомъ, набитымъ хлѣбомъ съ масломъ:—да больше чѣмъ чему-либо другому въ свѣтѣ, мама!

— О, мама!—вскричала и Джанета, вся вспыхнувъ.

Она уже покончила съ бутербродами и отрѣзывала себѣ кусище кэка. Ножъ выпалъ у нея изъ рукъ отъ волненія и удовольствія.

— Неужели вамъ обоимъ такъ этого хочется? Если такъ,— сказала лэди Кара, выпрямляясь на стулѣ съ блѣднымъ, но рѣшительнымъ лицомъ,—выраженіе, повидимому, не соотвѣтствующее такому, казалось бы, простому дѣлу:—если такъ, дѣти, то мы поѣдемъ...

— Ура!—закричалъ Томъ:—вотъ радостнѣйшая вѣсть, какую я когда-либо слышалъ! Это то самое, чего мнѣ нужно! Я хочу видѣть свое помѣстье, хочу познакомиться съ нимъ прежде, нежели поѣду туда и поселюсь.

Лэди Кара обратила на него пытливый и удивленный взоръ. Казалось бы, чего проще. Но слышать, что кто-нибудь желаетъ поѣхать туда не только на праздники, но поселиться тамъ, удручало душу бѣдной Кары. Она поблѣднѣла какъ смерть, точно передъ обморокомъ. Ей представилось, что отецъ Тома глядитъ изъ-за его плеча,—отецъ, на котораго сынъ былъ такъ похожъ— живой портретъ, какъ говорится. Не такой высокій и сильный, но съ тѣми же чертами лица, тѣми глазами и общимъ видомъ, котораго бѣдная Кара такъ боялась.

— Бо!—вскричали дѣти въ одинъ голосъ.—О! я думаю, что мы ему этимъ обязаны, Томъ! Должно быть, онъ устроилъ это, Джанъ! Бо! на слѣдующія каникулы мы ѣдемъ въ Тоуэрсъ. Мама сказала. Мы проведемъ слѣдующія каникулы въ Тоуэрсѣ.

— Ваша мама женщина разсудительная, — отвѣчалъ Бофоръ, который только-что вошелъ.—Я зналъ, что она убѣдится, что всего благоразумнѣе такъ поступить.

Бѣдная Кара! Ей показалось, что она не перенесетъ этого;

что такая жертва, такое насиліе надъ всѣми ея чувствами и желаніями—свыше ея силъ. Она говорила себѣ, что не можетъ этого сдѣлать, что раньше того умретъ! И, быть можетъ, эта надежда поддерживала ея удрученную душу въ то время, какъ она сидѣла за чайнымъ столомъ съ мужемъ и дѣтьми и созерцала ихъ радость... весьма естественную, конечно, она это понимала... по крайней мѣрѣ радость эта была естественна и справедлива въ томъ, чтò касалось дѣтей.

Ей предстояло принять мѣры и сдѣлать большія распоряженія, чтобы привести домъ въ порядокъ. Онъ такъ долго простоялъ запертымъ. Тому было всего лишь шесть лѣтъ, когда онъ оттуда уѣхалъ, а теперь ему насчитывалось семнадцать съ половиною.

Она написала сестрѣ своей Эдитѣ и ея мужу, Джону Эрскину, равно какъ и управителю помѣстьемъ и слугамъ.

Нужно было также запастись въ городѣ многими вещами и отослать ихъ туда, „чтобы домъ сталъ обитаемъ".

Сдѣлать домъ обитаемымъ! Она не могла не подумать при этомъ, что этого-то какъ разъ *онъ* бы не потерпѣлъ, и припоминала изумительно дорогую и безобразную мебель и безвкусныя украшенія, которыми покойный мужъ такъ гордился, но отъ которыхъ бѣдный Эдуардъ пришелъ бы въ отчаяніе.

Эдуарду было рѣшительно все равно, что *его* деньгамъ они обязаны комфортомъ, окружавшимъ ихъ въ Истонѣ; но примириться съ его вкусомъ—это уже иное дѣло! Даже среди униженія и горькихъ чувствъ, осаждавшихъ ее, она не могла не содрогнуться, представивъ себѣ Эдуарда среди безобразной обстановки ея прошлой жизни. Одиннадцать протекшихъ лѣтъ не ослабили живости ея воспоминаній. Она съ мучительной отчетливостью помнила обо всѣхъ мелочахъ и посылала подробныя инструкціи, какъ все это слѣдуетъ передѣлать.

„Дорогая Эдита,—писала она сестрѣ:—позаботься, чтобы все было измѣнено. Ничего не оставляй въ прежнемъ видѣ. Меня убьетъ, если я увижу комнаты такими, какими ихъ оставила. Постарайся, чтобы все было за̀-ново отдѣлано".

Быть можетъ, оттого, что она заранѣе намучилась и истощила всю горечь предстоящаго переѣзда, лэди Кара, очутившись, наконецъ, въ Тоуэрсѣ, не ощутила больше ровно никакой боли. Она была вполнѣ равнодушна. Правда, что Эдита выполнила въ точности ея consigne, въ чемъ лэди Кара убѣдилась, въѣхавъ черезъ средневѣковыя ворота, въ которыхъ ее дожидалась сестра. Сестры не видались очень давно... уже нѣсколько лѣтъ, и встрѣча

сама по себѣ помогла отогнать тѣни прошлаго. Кара проснулась съ удивленіемъ и немалымъ облегченіемъ на слѣдующее утро въ своемъ старомъ домѣ, почувствовавъ, что ей рѣшительно все равно. Тоненсъ не встрѣтилъ ее у домашняго очага; онъ не выглядывалъ на нее изъ зеркалъ, не слѣдовалъ за ней по коридорамъ. Она почувствовала большое облегченіе, убѣдившись, что дѣйствительность не такъ ужасна, какъ она опасалась.

Да и пріятно было видѣть, что дѣти такъ счастливы. Тихая, маленькая Джанета, такая обыкновенно молчаливая, была внѣ себя. Она стала почти шумлива, бѣгая съ Томомъ по дому, обѣгая чердаки и подвалы, заглядывая во всѣ уголки.

Ея голосокъ звенѣлъ вмѣстѣ съ зычнымъ голосомъ Тома, выкрикивавшимъ „ура!“ при видѣ того флага, о которомъ онъ мечталъ, какъ о знакѣ собственнаго владычества надъ прадѣдовскимъ домомъ, представлявшимся мальчику святилищемъ благороднѣйшей расы.

— Я вижу теперь,—говорилъ онъ,—что истонская ветошка была однимъ шутовствомъ, а это—настоящее дѣло.

— Это—настоящее дѣло,—отвѣчала Джанета рѣшительно,—а тотъ флагъ—безсмыслица.

Они не провели и сутокъ въ домѣ, какъ познакомились со всѣми закоулками, гдѣ, какъ они увѣряли, узнавали все рѣшительно. Всѣ прошлыя впечатлѣнія, вся прошлая жизнь при иной обстановкѣ и въ иныхъ мѣстахъ какъ будто стушевались. Они опьянѣли отъ радости и гордости. Чета юныхъ принцевъ, вернувшаяся въ свое королевство, не могла бы съ большей гордостью признать свое величіе, чѣмъ они вступали въ наслѣдственныя права.

Домъ вскорѣ наполнился посѣтителями и гостями: одни пріѣхали на охоту, другіе изъ любопытства, мѣстные магнаты, друзья Линдоновъ, и болѣе мелкіе обыватели—пріятели Тоненса. И обѣ категоріи этихъ посѣтителей—этого Кара не могла не замѣтить, хотя, быть можетъ, ей это только казалось—относились къ ней и къ ея мужу съ величайшей вѣжливостью, но все-же главный интересъ ихъ сосредоточивался на Томѣ. Онъ былъ будущій владѣлецъ. Хотя мать пользовалась безконтрольнымъ управленіемъ дома—чего прежде никогда не бывало,—она все-же была только тѣнью, какъ это и всегда было.

И дѣти, въ торопливомъ нетерпѣніи воспользоваться всѣми своими привилегіями, охотно игнорировали ее.

Что касается Тома, то онъ окончательно вышелъ изъ-подъ ея опеки. Когда онъ не охотился, заблаговременно разыгрывая

роль хозяина, онъ скакалъ верхомъ по окрестностямъ, какъ дѣлалъ его отецъ, посѣщалъ всевозможныя мѣста и заводилъ разнообразныя знакомства.

Не разъ возвращался онъ домой, послѣ дневной отлучки, съ одурѣлыми глазами, не то сваливаясь, не то скатываясь съ лошади и заявляя о своемъ возвращеніи шумомъ и гамомъ, клича во все горло слугъ и ругая ихъ за мнимую мѣшкотность.

Въ первый разъ, какъ это случилось, лэди Кару смутило тревожное подозрѣніе, но всѣ кругомъ нея старались какъ можно скорѣе разогнать его, спрятавъ отъ нея юнаго бездѣльника.

— Въ чемъ дѣло? ровно ни въ чемъ! — говорилъ Бофоръ, идя къ ней на встрѣчу, слегка поблѣднѣвъ, но со смѣхомъ.— Томъ разсердился! Онъ досадуетъ на самого себя за то, что опоздалъ къ обѣду. Я поговорю съ нимъ потомъ.

— Только и всего, Эдуардъ?—спросила она.

— Что же можетъ быть еще?—отвѣчалъ ея мужъ.

Но въ другой разъ, какъ на бѣду, Томъ появился именно въ тотъ моментъ, когда гости, тогда особенно многочисленные, переходили изъ гостиной, гдѣ онъ отсутствовалъ, въ столовую обѣдать, и его мать, шедшая позади всѣхъ, могла вполнѣ насладиться представившимся зрѣлищемъ.

Сынъ ея стоялъ въ сѣняхъ обрызганный грязью съ головы до ногъ, нетвердый на ногахъ и съ гнѣвнымъ блескомъ въ тупыхъ, злобныхъ глазахъ.

— Эй, мамаша! Я немножко опоздалъ... Не бѣда. Я сяду не переодѣваясь,—закричалъ онъ, стараясь тверже держаться и ударяя хлыстикомъ по грязнымъ сапогамъ.

Лэди Кара бросила испуганный взглядъ на новаго буфетчика, величественно и равнодушно стоявшаго у двери.

Въ домѣ не было даже стараго слуги, который съумѣлъ бы увести глупаго мальчишку.

Она должна была идти въ столовую, сидѣть, улыбаясь, на хозяйскомъ мѣстѣ и занимать гостей, ожидая каждую минуту, что сынъ ворвется и произведетъ скандалъ.

Сквозь обѣденный шумъ, разговоры, стукъ ножей и вилокъ, прихода и ухода слугъ, ей казалось, что она слышитъ другой шумъ и громкіе голоса. Она должна была терпѣть это и не подавать никакого признака, но разговаривать съ сосѣдями непривычнымъ для нея громкимъ голосомъ, чтобы они тоже чего-нибудь не разслышали.

Быть можетъ, на дѣлѣ гораздо лучше — хотя на видъ оно

еще ужаснѣе—для заинтересованнаго лица находиться въ такую критическую минуту въ тискахъ общественной условности.

Кара выдержала ихъ и ничѣмъ не выдала себя, пока не окончился обѣдъ и не протекли безконечные часы, проведенные въ гостиной, и гости частью не разъѣхались, частью не разошлись по своимъ комнатамъ.

Тогда и только тогда осмѣлилась она выразить гнетущую тревогу, поднявшуюся въ ней.

Она сказала мужу: „ступай! ступай въ курительную комнату или куда хочешь, съ оставшимися гостями!“—и осталась одна.

Весь домъ былъ передѣланъ: старая мебель удалена, вся обстановка измѣнена, и совсѣмъ тѣмъ въ этотъ моментъ прошлое нахлынуло съ неудержимой силой. Ея сынъ! ея сынъ! Ей показалось, что она видитъ передъ собой его отца, въ томъ видѣ, какого она боялась всѣ эти годы, произносящаго съ знакомымъ грубымъ смѣхомъ: „*Твой* сынъ! какъ бы не такъ! *Мой*! онъ—*мой*!“

IX.

Бофоръ велъ себя превосходно въ эту критическую эпоху ихъ домашней жизни.

Онъ стряхнулъ обычную лѣнь и сталъ энергиченъ и дѣятеленъ. Что̀ онъ говорилъ Тому,—мы не повторимъ, но онъ „говорилъ“ очень настойчиво и краснорѣчиво, указывая ему на то, что нѣкоторыя дурныя привычки—больше даже чѣмъ иные, сами по себѣ худшіе пороки—губятъ репутацію человѣка и унижаютъ его передъ другими людьми.

Хотя самъ онъ былъ человѣкъ утонченный въ своихъ привычкахъ, но, къ счастію, угадалъ мотивы, которые одни могли повліять на грубую натуру его пасынка.

А затѣмъ пошелъ къ бѣдной Карѣ, сидѣвшей въ этомъ домѣ злополучной памяти, подобно призраку, окруженному злыми видѣніями прошлаго, и неотступно преслѣдуемой зрѣлищемъ сына съ нетвердой походкой и осоловѣлыми, пьяными глазами.

Онъ не былъ, увы! сыномъ ея фантазіи, тѣмъ ребенкомъ, о которомъ мечтаетъ каждая мать и который долженъ олицетворить собою идеалъ человѣка.

Многія разочарованія уже научили лэди Кару тому, что въ ея сынѣ мало идеальнаго и ничего или почти ничего общаго съ нею. Но все-же онъ былъ ея сынъ, и представить его себѣ грубымъ и злымъ провинціальнымъ развратникомъ было свыше силъ.

Когда Бофоръ пришелъ раздѣлить ея тоскливое одиночество, то вмѣстѣ съ нимъ какъ бы ворвалась къ ней струя свѣжаго воздуха и надежды. Онъ былъ такъ непохожъ на самого себя, что эффектъ удвоился. Онъ всегда бывалъ нѣженъ, но сегодня онъ былъ веселъ, полонъ надежды, увѣренности и сознательной силы.

— Этого больше не повторится!—вскричалъ онъ.—Успокойся, Кара. Отъ того, что мальчикъ разъ или два выпилъ лишнее — изъ этого не слѣдуетъ выводить ничего трагическаго или думать, что мальчикъ преданъ пороку. По всей вѣроятности онъ и не виноватъ въ этомъ, а случилось это по стеченію обстоятельствъ. Въ сущности, никто не виноватъ. Какой-нибудь глупый человѣкъ, забывая, что Томъ еще мальчикъ, угостилъ его, въ силу ложно понятаго принципа гостепріимства, чѣмъ-нибудь такимъ, отъ чего его юная голова закружилась. Какъ могъ такой неопытный мальчикъ знать, что у него закружится голова? Это чистый случай. Душа моя, вы, хорошія женщины, часто бываете очень несправедливы и строги въ своихъ осужденіяхъ. Тебѣ не слѣдуетъ осуждать Тома за его маленькое безразсудство.

— О, Эдуардъ!—вскричала она:—осуждать его! моего сына! Ахъ, я чувствую только, что охотнѣе умерла бы, чѣмъ видѣть этотъ ужасный взглядъ у моего ребенка!

— Пустяки, Кара. Это-то я и называю осуждать его. Ты больше его не увидишь. Что касается того, чтобы умереть... то неужели Томъ былъ бы счастливѣе, лишившись матери и самаго добраго вліянія, какое только мальчикъ...

Она покачала головой: но какъ сказать мужу про призракъ, представшій ей въ домѣ, принадлежавшемъ покойному, и заявлявшій о томъ, что сынъ—его сынъ и наслѣдникъ, а не ея, Кары — она этого не знала. Вліяніе! она была безсильна при жизни отца мальчика, и страшный опытъ подсказывалъ Карѣ, что сынъ, до такой степени похожій на отца, на человѣка, котораго она когда-то такъ боялась и, увы, ненавидѣла, теперь ускользнулъ изъ ея рукъ.

Бываютъ моменты въ жизни какъ бы пророческіе, когда самые близорукіе люди становятся ясновидящими. Сынъ ускользнулъ отъ ея вліянія, если только признать, что это вліяніе когда-нибудь существовало.

Ребенкомъ онъ долженъ былъ по неволѣ слушаться ея, и даже въ юности вліяніе всей обстановки—скромный, тихій, приличный образъ жизни въ Истонѣ, который отнынѣ Томъ такъ презрительно сравнивалъ съ „своимъ“ домомъ и съ богатствомъ, кото-

рое будетъ со временемъ принадлежать ему—все это держало его въ нѣкоторомъ повиновеніи.

Но Томъ всегда глядѣлъ на мать глазами, въ которыхъ свѣтилось недовѣріе: въ его глазахъ никогда не замѣчалось того восхищенія, съ какимъ дѣти глядятъ на мать, находя въ ней свой первый идеалъ.

Тому всегда бывало скучно въ ея обществѣ. Даже дѣтьми онъ и сестра его старались всегда убѣжать отъ нея. Лэди Кара смутно понимала, что даже Джанета... Эти вещи трудно даются матери, но бываютъ минуты, когда онѣ встаютъ передъ нею какъ неотразимый фактъ.

Ея вліяніе! Она не знала, заплакать ей или засмѣяться. Какъ было съ отцомъ, такъ будетъ и съ сыномъ. Въ настоящій моментъ бѣдная Кара была проницательна.

Но что̀ могла она сказать?

Она ничего не сказала. Даже Бофору не могла она сообщить своего мучительнаго ясновидѣнія. Можно ли осуждать родныхъ дѣтей передъ другимъ человѣкомъ, даже если онъ и мужъ? Какъ сказать, что такія близкія по крови существа чужды по душѣ? Какъ открыть эту печальную догадку?

Кара ни слова не сказала. Она покачала головой. Даже отцу родному она бы не сообщила этого открытія. Роль матери—все извинять, все прощать, все терпѣть и даже притворяться, что она ослѣплена пристрастіемъ, но никогда не признаваться въ глубокомъ и невыразимомъ уныніи, съ какимъ она убѣдилась въ истинѣ.

Она качала головой, выслушивая аргументы Бофора, предоставляя ему думать, что въ ней говоритъ прирожденная женщинамъ строгость сужденія о порокахъ, имъ несимпатичныхъ.

И мало-по-малу она дала себя утѣшить. Онъ подумалъ, что убѣдилъ ее взглянуть на дѣло болѣе здраво и умѣренно и не придавать такого большого значенія мальчишеской выходкѣ, хотя бы и непохвальной.

Онъ думалъ, что убѣдилъ ее быть снисходительнѣе къ Тому, не упрекать его, посмотрѣть сквозь пальцы на то, что̀ навѣрное больше не повторится—въ этомъ порука его здравый смыслъ.

Кара не пускалась ни въ какія объясненія.

Она уже давно пришла къ заключенію, что ей не слѣдуетъ ждать, чтобы кто-нибудь понялъ то, что̀ у нея на сердцѣ.

Тѣмъ временемъ Джанета, смутно извѣщенная о происшествіи и знавшая, что Томъ попалъ въ немилость, хотя ей неизвѣстно было, за что̀ именно, немедленно принялась защи-

щать его со всѣмъ жаромъ, какой только былъ свойственъ ея натурѣ.

Она пришла и сѣла около него въ то время, какъ онъ засѣдалъ за позднимъ завтракомъ, съ угрюмымъ видомъ человѣка, у котораго болитъ голова.

— О, Томъ, что̀ ты надѣлалъ?—спросила она.—Зачѣмъ ты не вернулся во̀-время къ обѣду? О, гдѣ ты пропадалъ весь день? Мы вездѣ тебя искали съ Джекомъ.

Джекъ былъ одинъ изъ кузеновъ Эрскиновъ, старшій въ семьѣ.

— Какое тебѣ дѣло, гдѣ я былъ?—огрызнулся мальчикъ.

— Томъ, мнѣ есть дѣло до всего, что̀ касается тебя,—отвѣчала Джанета;—и кромѣ того намъ не хватало партнера для тенниса.

— О! эта дурацкая игра! Что̀ ты воображаешь, что я ребенокъ или дѣвочка? Я ненавижу твой теннисъ. Это игра не для мужчины.

— Пропасть джентльменовъ играютъ въ теннисъ. Бо играетъ, офицеры играютъ,—закричала Джанета, чувствуя, что этимъ все сказано.

Томъ не могъ не признавать такого авторитета.

— Хорошо. Если такъ, то это не игра для меня, когда ее надо играть съ дѣвочками и съ дѣтьми. Скакать по окрестностямъ—вотъ что̀ я люблю, и встрѣчаться съ старинными пріятелями отца, и слушать ихъ разсказы про него. Клянусь Юпитеромъ, Джанета, отецъ былъ настоящій мужчина! не тряпка какая-нибудь, въ родѣ стараго Бо, годнаго только на то, чтобы тереться въ гостиныхъ.

Тутъ мальчикъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти.

— Бо, конечно, добрый,—прибавилъ онъ:—онъ не смотритъ на человѣка такъ, какъ еслибы... какъ еслибы онъ убилъ кого. Но еслибы отецъ былъ живъ...

— Я не понимаю...—сказала Джанета, но не договорила.

Ея свѣтлые глаза, удивленно смотрѣвшіе изъ-подъ черныхъ бровей, выражали вопросъ, который что-то помѣшало ей высказать. Возможность для отца ея быть въ живыхъ спутывала всѣ ея понятія. Она инстинктивно сознавала затрудненія, скрывавшіяся въ такомъ предположеніи.

Она перемѣнила разговоръ, замѣтивъ неосторожно:

— Какой у тебя нехорошій видъ, Томъ! ты былъ боленъ вчера вечеромъ?

Онъ оттолкнулъ ее сильною рукой.

— Пошла вонъ!—крикнулъ онъ.

— Ты всегда гонишь меня, а я знаю, что ты долженъ былъ вчера вести къ столу миссъ Оджильвію... хорошенькую миссъ Оджильвію, и когда ты не явился, то это всѣхъ удивило. Я слышала, какъ Гемшусъ говорилъ нянькѣ. Онъ выразился: „вашъ безпутный м-ръ Томъ", и нянька крикнула на него. Но потомъ расплакалась... и мамаша тоже плакала сегодня поутру... а у тебя такой нехорошій видъ; скажи мнѣ, Томъ, ты былъ боленъ?

Онъ не сразу отвѣчалъ, но затѣмъ закричалъ:

— Мамаша такая несносная со своими слезами! Что она воображаетъ, что я всю жизнь мою буду ребенкомъ?

— Знаешь ли,—сказала Джанета:—ты очень похожъ на большой портретъ отца въ залѣ... тотъ самый, гдѣ онъ изображенъ на конѣ? У мамаши всегда испуганный видъ, когда она проходитъ мимо него. Онъ кажется немножко сердитымъ, точно готовится хорошенько выбранить кого,—прибавила дѣвушка, допуская эту уступку.

— Я бы радъ былъ, еслибы онъ выбранилъ меня,—закричалъ мальчикъ. — Да нѣтъ, онъ не сталъ бы браниться. Онъ понималъ, какъ надо жить. Мужчина уменъ. Мы съ тобой, Джанъ, несчастные отъ того, что за нами смотритъ только женщина *да этотъ* Бо.

— Ты называешь мамашу женщиной?—сказала Джанета.— Ты могъ бы выразиться вѣжливѣе.

Но она не стала оспаривать этого мнѣнія, которое высказывалось уже не въ первый разъ. Она тоже постоянно думала, что тотъ идеальный отецъ, смутное воплощеніе доброты и пониманія, никогда бы не насмѣхался, какъ Бо, и не глядѣлъ бы такъ серьезно и печально, какъ мать, и подъ его руководствомъ все бы шло хорошо.

Но портретъ въ залѣ смутилъ Джанету. Она почувствовала, что эти брови могли хмуриться, а выпуклые глаза—глядѣть такъ сурово, какъ она и не представляла себѣ, избалованная съ дѣтства ласковымъ и нѣжнымъ обращеніемъ.

Она ни за что не выдала бы себя словомъ, но нельзя было отрицать, что она струсила.

— Мнѣ бы хотѣлось,—быстро проговорила она,—чтобы ты скорѣе кончилъ свой завтракъ, Томъ, и пошелъ со мной гулять. Къ чему ты притворяешься? вѣдь сейчасъ видно, что ты не хочешь ѣсть.

— Гулять!—повторилъ Томъ.—Ты можешь гулять съ той маленькой простофилей. Я обѣщалъ встрѣтиться съ однимъ малымъ—его зовутъ Блакморъ—по ту сторону болота, въ полдень.

Позвони, Джанета. Черезъ пять минутъ конь долженъ быть у крыльца.

— Теперь уже полдень. Не ѣзди сегодня. Кромѣ того, мамаша...

— Какое дѣло до этого мамашѣ?—закричалъ Томъ, вскакивая съ мѣста.—Я поѣду, хотя бы только въ пику мамашѣ, и ты можешь ей это сказать. Что ты думаешь, я привязанъ къ переднику мамаши? О? это вы, Бо? Я... хочу проѣхаться верхомъ...

— И я также,—отвѣчалъ Бофоръ, входя.—Я такъ и думалъ, что тебѣ пріятно будетъ прокатиться, и велѣлъ осѣдлать твою лошадь, когда приказывалъ осѣдлать свою. Куда ты, говоришь, ѣдешь? Я слышалъ, входя, чье-то имя.

— Онъ говоритъ, что онъ былъ пріятелемъ моего отца,—угрюмо отвѣчалъ Томъ.

— Ахъ! не трудно человѣку увѣрять, что онъ былъ пріятелемъ другого человѣка, когда этотъ послѣдній не можетъ его опровергнуть. Во всякомъ случаѣ мы можемъ доѣхать вмѣстѣ. Въ чемъ дѣло? ты еще не готовъ?—спросилъ Бофоръ.

— Онъ еще не кончилъ завтракать,—поспѣшила на выручку брата Джанета.

— О! пустяки! уже полдень!—сказалъ Бофоръ со смѣхомъ.

И, несмотря на сопротивленіе юноши, побѣдоносно увелъ его за собой.

Джанета, дивясь про себя, послѣдовала за ними до дверей дома, чтобы видѣть, какъ они поѣдутъ. Она стояла на подъѣздѣ, слѣдя за всѣми ихъ движеніями, смутно понимая, догадываясь помощью пробудившагося женскаго инстинкта. Угрюмый, злобный взглядъ Тома болѣе чѣмъ когда-либо придавалъ ему сходство съ портретомъ, передъ которымъ Джанета снова остановилась, проходя обратно по залѣ.

Она долго глядѣла въ насупленное, хмурое лицо. То былъ прекрасный портретъ, и Тоненсъ гордился имъ въ свое время, гордился крупной суммой, заплаченной имъ за него.

Этотъ портретъ былъ первой вещью, поколебавшей въ Джанетѣ ея поклоненіе призрачному отцу, казавшемуся ей въ дѣтствѣ какимъ-то полу-богомъ.

Томъ не былъ такъ высокъ, онъ былъ скорѣе средняго роста, но широкоплечій и дюжій мальчикъ. Портретъ былъ очень похожъ на Тома, но въ немъ было нѣчто, пугавшее дѣвочку. Пока она стояла и все нерѣшительнѣе вглядывалась въ лицо портрета, лэди Кара стремительно вошла, можно почти сказать, вбѣжала въ залу, очевидно взволнованная и встревоженная. Она вдругъ оста-

новилась при видѣ Джанеты, повернувшейся къ ней лицомъ, и перевела полуиспуганный и съ примѣсью отвращенія взглядъ съ портрета на дѣвочку. Въ ея нервномъ движеніи высказалось нѣчто въ родѣ извиненія.

— Я думала, Томъ здѣсь,—сказала она.

— Онъ уѣхалъ кататься верхомъ вмѣстѣ съ Бо.

— Съ Бо?

Лэди Кара пролепетала нѣчто въ родѣ:—слава Богу!

— Съ Томомъ случилось нехорошее? — спросила Джанета, глядя на мать съ вызовомъ въ глазахъ.

— Нехорошее? надѣюсь, нѣтъ. Мнѣ говорили, ничего нехорошаго нѣтъ. О, Боже упаси!

Лэди Кара сложила руки. Она была очень блѣдна и съ покраснѣвшими глазами.

— Если такъ, то почему же, мама, у васъ такой видъ?

— Такой видъ?

Лэди Кара попыталась разсмѣяться.

— Какой видъ, моя душа?

И прибавила, помолчавъ:

— Все это моя безразсудная трусость; всѣ говорятъ, что она безразсудна. Но... c'est plus fort que moi.

— Пожалуйста, не говорите по-французски. Томъ совсѣмъ здоровъ, хотя у него и нехорошій видъ. Онъ совсѣмъ не завтракалъ и глядѣлъ такъ, точно хотѣлъ откусить мнѣ голову. Не правда ли, Томъ... очень похожъ на отца?—прибавила Джанета тихимъ голосомъ.

Онѣ стояли у портрета, подавлявшаго ихъ своей колоссальностью, такъ что обѣ, и мать, и дочь, казались пигмеями передъ нимъ.

Кара слегка вздрогнула помимо воли.

— Да,—слабо отвѣтила она:—да и ты также, моя душа.

Джанета встрѣтила взглядъ матери съ неуклонной твердостью. Она видѣла, какъ глаза лэди Кары переходили съ портрета на ея лицо и обратно. Она совсѣмъ не понимала матери, но та возбуждала въ ней любопытство. Она думала про себя, что большинство матерей были бы довольны такимъ сходствомъ; по крайней мѣрѣ Джанета читала объ этомъ въ книгахъ.

Она подумала, что ея матери это какъ будто не нравится... быть можетъ, потому, что она вторично вышла замужъ...

— Вы никогда ничего не разсказывали намъ про папашу,—сказала она:—но нянька много разсказывала. Она говорила мнѣ, что онъ... былъ убитъ. Онъ убился, упавъ съ лошади?

— Да,—отвѣтила лэди Кара съ дрожью, какой не могла скрыть.

— Вы потому такъ нервны, что васъ огорчаетъ его смерть?—спросила Джанета, уставясь на мать тупыми свѣтлыми глазами,—глазами отца.

— Джанета! — вскричала мать: — не спрашивай меня объ этомъ!

Она прибавила тихимъ, торопливымъ шопотомъ:

— Довольно того, что это самая ужасная катастрофа, какую только я знаю. Я не въ силахъ думать о ней.

— Но впослѣдствіи,—продолжала дѣвушка, подталкиваемая глухимъ раздраженіемъ, проистекавшимъ частью отъ досады на мать, частью отъ разочарованія, что покойный отецъ, ангелъ-хранитель дома, куда она такъ рвалась, совсѣмъ не таковъ, какъ она воображала:—впослѣдствіи вы... вышли замужъ за Бо.

— Джанета!—снова вскричала лэди Кара, но на этотъ разъ негодованіе вернуло ей самообладаніе и чувство собственнаго достоинства.—Я не понимаю, что̀ съ тобою сегодня, моя душа. Ты забываешься... Ты не судья моихъ поступковъ, и я не считаю нужнымъ оправдываться передъ тобой.

Она прибавила, помолчавъ:

— Оба вы, и Томъ, и ты, очень похожи на вашего отца. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ здѣсь хозяиномъ, а ты, быть можетъ, хозяйкой... пока онъ не женится. Вашъ отецъ могъ бы еще быть живъ (бѣдная Кара вся поблѣднѣла и затряслась, говоря это), еслибы не былъ такимъ отчаяннымъ наѣздникомъ, такимъ... такимъ неосторожнымъ человѣкомъ; чего же ты дивишься, что я боюсь за Тома? Тебѣ слѣдуетъ научиться сдерживать его, удерживать отъ такой неосторожной ѣзды, удерживать его отъ...

Голосъ лэди Кары задрожалъ и слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Я думаю, что это въ порядкѣ вещей, когда молодой человѣкъ, съ характеромъ Тома, не особенно слушается матери. Но мнѣ говорятъ, что сестеръ они больше слушаются.

— Томъ нисколько меня не слушается,—отвѣчала Джанета,—о, нисколько... и никогда не женится. Онъ терпѣть не можетъ дѣвушекъ.

— Можетъ быть, вкусъ его перемѣнится,—замѣтила Кара съ слабой улыбкой.—Мальчики часто мѣняютъ свои вкусы. Припомни то, что̀ я тебѣ говорила, когда ты будешь здѣсь хозяйкой.

— Но какъ могу я быть здѣсь хозяйкой? Гдѣ же будете вы? Почему произойдетъ такая перемѣна?

— Этотъ домъ Тома, а не мой. А я буду въ своемъ собственномъ домѣ, въ Истонѣ... если только буду жива.

— О!—произнесла Джанета.

Кара хотя и приготовилась къ оборонѣ, но почти смѣшалась передъ взглядомъ, какой бросила на нее дочь.

— Вы будете тамъ счастливѣе,—сказала эта послѣдняя, съ видомъ аттакующаго, бросающаго камнемъ въ свою жертву:— потому что вы тамъ будете вдвоемъ съ Бо.

— Иди наверхъ, Джанета; я не хочу больше этого слышать.

— Не пойду,—закричала Джанета: — вы сказали, что это домъ Тома, а не вашъ. Онъ бы не прогналъ меня изъ своей залы, отъ портрета папаши, изъ-за... кого бы то ни было, еслибы онъ былъ тутъ.

Кара подняла глаза и увидѣла портретъ мужа за спиной дочери. Его глаза, казалось, смѣялись съ тріумфомъ.

„Ты думала, что дѣти твои, а они мои, — казалось, говорилъ Тоненсъ.—Оба—мои! въ каждой жилкѣ ихъ течетъ моя кровь, а матери они чужія".

X.

Кромѣ этихъ тягостныхъ стычекъ съ дѣтьми, которыя были совсѣмъ новы для лэди Кары, многія другія вещи отравляли ей пребываніе въ Тоуэрсѣ.

Начать съ того, что ближайшей сосѣдкой и дорогимъ другомъ ея была единственная сестра Эдита; дорогая подруга, поддерживавшая ее во всѣ тяжелыя минуты жизни и которой она въ свою очередь оказывала трепетное покровительство въ ея борьбѣ— болѣе удачной, чѣмъ борьба бѣдной Кары—съ отцомъ, желавшимъ и ее выдать замужъ противъ воли.

Эдитѣ удалось, наконецъ, выйти замужъ за того, кого она любила, при чемъ она сдѣлала неважную партію для дочери лорда. Обѣ онѣ, въ сущности, сдѣлали неважныя партіи, но какая разница между ними!

Кара безславно жила съ мужемъ, выбраннымъ ею на деньги Тоненса, доставшимся ей какъ награда за ея униженіе; между тѣмъ какъ Эдита находилась во главѣ счастливой скромной семьи, старательно воспитываемой, безъ всякихъ прихотей или фантазій, но въ полномъ довольствѣ и безъ всякихъ скрытыхъ терній или усложненій въ ихъ невинномъ существованіи.

Отецъ не въ силахъ былъ побѣдить Эдиту. Она не больше любила своего Джона, чѣмъ бѣдная Кара Эдуарда Бофора, теперешняго своего мужа; но Кара не съумѣла воспротивиться ужасному браку съ Тоненсомъ.

И въ этомъ одномъ уже преимущество оказывалось на сторонѣ ея сестры!

Но кромѣ того—о! какъ это, однако, странно!—Джонъ, тотъ самый Джонъ, отъ кого никто ничего особеннаго не ожидалъ, кромѣ того, что онъ окажется тѣмъ, чѣмъ всегда былъ, то-есть добрымъ малымъ, честнымъ джентльменомъ, преданнымъ другомъ, Джонъ, въ силу ли собственнаго развитія или подъ вліяніемъ Эдиты (хотя она никогда не была такъ умна, какъ Кара), или соединенными усиліями обоихъ,—Джонъ давно уже сталъ однимъ изъ выдающихся людей въ своемъ округѣ, членомъ парламента отъ своего графства, пользовавшимся довѣріемъ и уваженіемъ, какъ своихъ избирателей, такъ и сочленовъ по палатѣ, слѣдовавшихъ его совѣтамъ болѣе, нежели чьимъ-либо другимъ, во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся Шотландіи; между тѣмъ какъ Эдуардъ...

Кара давно уже про себя провела параллель между ними, но видѣть теперь ихъ обоихъ вмѣстѣ наполняло ее тайнымъ униженіемъ, въ которомъ она ни за что не призналась бы сестрѣ, тоже въ былые дни вѣрившей въ геніальность Бофора; тѣмъ менѣе Эдуарду... о, нѣтъ! зачѣмъ же унижать его!

Самъ онъ, повидимому, вовсе не замѣчалъ этого контраста, а если и замѣчалъ, то, очевидно, признавалъ его въ свою пользу, толкуя по временамъ объ ограниченности практическихъ людей, объ убійственномъ вліяніи политики и о томъ, до какой степени интересы Джона Эрскина сосредоточивались только на дѣлахъ мѣстнаго управленія и парламентскихъ вопросахъ.

— А вѣдь онъ былъ умный человѣкъ!—заключалъ безсознательно безполезный неудачникъ, праздная жизнь котораго такъ мучила его жену.

Но какъ будто бы всего этого было мало,—былъ еще Джекъ, маленькій Джекъ, моложе Джанеты, всего лишь четырнадцатилѣтній мальчикъ, но уже находившійся въ Итонѣ, какъ и Томъ, и обогнавшій по классу ея семнадцатилѣтняго тупоумнаго сына.

Пусть читатель припомнитъ, что эта исторія происходила не въ наши дни, а гораздо раньше, когда великовозрастные юноши могли засиживаться въ низшихъ классахъ, чего больше не бываетъ.

Томъ былъ въ низшихъ классахъ и маленькій Джекъ могъ бы „помыкать“ своимъ кузеномъ, еслибы не былъ въ коллегіи стипендіатомъ, ради экономіи, такъ какъ родители его были небогаты.

— „Зубрила!“ — презрительно воскликнулъ Томъ, подзадоренный выраженіемъ, появившимся въ глазахъ матери при сравненіи двухъ мальчиковъ, отъ котораго заныло ея сердце. Маленькій Джекъ, четырнадцатилѣтній отъ роду, такъ же превосходилъ юношу, чуть не мужчину, какъ Джонъ Эрскинъ, съ его солидностью и здравымъ смысломъ, ставшій значительнымъ человѣкомъ, превосходилъ Эдуарда съ его génie manqué. Сердце у Кары разрывалось.

Трудно ощущать чувство униженія, подавляющее сознаніе превосходства другой семьи, хотя бы родственной, надъ нашей собственной семьей, не испытывая нѣкоторой досады на счастливую, достойную, удачную семью.

Кара нѣжно любила Эдиту и счастіе послѣдней было ей дорого; но ей тяжело было видѣть непрерывно передъ глазами картину этого счастія. Она не могла глядѣть на милаго мальчика Эдиты, съ его невиннымъ личикомъ, не вспоминая съ сердечнымъ трепетомъ нахмуренныхъ бровей Тома и ужаснаго пьянаго выраженія, которое она видѣла у него на лицѣ; точно такъ видъ зятя, весело и дѣятельно занятаго общественными дѣлами, его письменный столъ, заваленный письмами, синими книгами, всѣми аттрибутами дѣлового человѣка, напоминали ей дилеттантскую лѣнь Бофора, его нежеланіе приняться за какое-нибудь дѣло и его восклицанія:—Охъ! я ничего не смыслю въ дѣлахъ!

Почему же онъ ничего не смыслилъ въ дѣлахъ? почему онъ былъ праздный, ни на что непригодный человѣкъ, тогда какъ другіе... о, далеко не такіе умные! трудились на пользу страны?

Кара все же отчаянно вѣрила, что онъ былъ умнѣе и талантливѣе другихъ... хотя порою говорила себѣ, что будь онъ такъ глупъ, какъ нѣкоторые, то она перенесла бы это, но чего она не могла перенести—это его загубленныхъ дарованій. Но даже и это призрачное утѣшеніе было отнято у нея во время одного митинга, собравшагося по случаю какихъ-то мѣстныхъ дѣлъ, и на который ея мужъ былъ приглашенъ въ качествѣ опекуна юнаго Тома, и гдѣ онъ долженъ былъ противъ воли сказать спичъ. Спичъ его былъ глупъ, скученъ и невѣжественъ—да и что̀ могъ онъ знать о шотландскихъ дѣлахъ?—между тѣмъ какъ Джонъ Эрскинъ зналъ эти дѣла вдоль и поперекъ и приковывалъ вниманіе своихъ слушателей.

— Я думалъ, что второй мужъ лэди Кары умный человѣкъ,— услышала она или вообразила, что услышала, какъ говорилъ кто-то, когда публика расходилась.

Быть можетъ, ей дѣйствительно это только послышалось или она прочитала это въ чьемъ-нибудь взглядѣ.

Но какъ они рукоплескали Джону Эрскину, который такъ хорошо говорилъ! Да, конечно, онъ владѣлъ своимъ предметомъ и симпатіями согражданъ, тогда какъ бѣдный Эдуардъ былъ чужой среди этихъ людей!

Бѣдный Эдуардъ!

Сердце Кары сжалось при мысли, что она могла такъ его назвать.

Она по прежнему любила Эдиту... о! да! какъ могла она не любить единственной сестры, самаго близкаго ей человѣка въ мірѣ?

Но она избѣгала ея общества и чувствовала, что, слушая ея счастливый голосъ, готова бѣжать куда-нибудь въ невѣдомое и дальнее мѣсто, потому что ей невыносима близость особы, которой дано все, что̀ есть самаго дорогого въ мірѣ, и которая была такъ счастлива.

Сочувствовать счастію ближняго, будучи самому несчастнымъ— трудно, труднѣйшая изъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей.

Кара говорила себѣ, что она рада и благодарна Небу за то, что Эдита такъ счастлива; но закрыть свое лицо, отвернуться къ стѣнѣ, не быть свидѣтелемъ этого счастія—лучшее, что̀ она могла сдѣлать.

Глядѣть на все это съ сознаніемъ собственной неудачи и смѣяться надъ собственными промахами, любуясь счастіемъ Эдиты —это было свыше ея силъ; а между тѣмъ ей приходилось дѣлать это изо дня въ день.

И она читала въ глазахъ Эдиты мнѣніе этой счастливой женщины о Томѣ, ея приговоръ Бофору и ея разочарованіе въ Джанетѣ. Хотя Эдита ничего не говорила, Кара знала все, что̀ она могла бы сказать, и даже какъ бы слышала издали и сквозь каменныя стѣны, какъ сестра ея съ печальнымъ вздохомъ произноситъ ея имя.

Бѣдная Кара! Ея сердце отворачивалось отъ тягостнаго сознанія; она закрывала глаза, затыкала уши, чтобы не видѣть и не слышать соболѣзнованія о себѣ; да она бы и не увидѣла и не услышала его путемъ этихъ о̀рагановъ. Но умъ обладаетъ иными способами видѣть и слышать.

— Эдуардъ,—сказала она разъ неожиданно мужу:—мы должны отсюда уѣхать. Я больше не могу этого выносить!

Онъ повернулся къ ней со взглядомъ удивленія.

— Оставить Тоуэрсъ! но почему же, душа моя? — спросилъ онъ.

Его удивленіе было вполнѣ искреннее. Онъ, въ то время

какъ она мучилась, не имѣлъ никакого отдаленнаго представленія объ этомъ.

— Причины я не могу назвать,—торопливо отвѣтила она:— но я просто не могу... не могу выносить больше.

— Но вѣдь это не совсѣмъ благоразумно, Кара! Зачѣмъ намъ уѣзжать? Теперь всего лишь половина сентября. Томъ уѣдетъ въ школу не раньше двухъ недѣль... а затѣмъ...

— Эдуардъ, я ненавижу это мѣсто. Ты зналъ вѣдь, что я ненавижу это мѣсто.

— Да, моя душа, но считалъ недостойнымъ моей Кары ненавидѣть какое бы то ни было мѣсто, тѣмъ болѣе то, которое будетъ владѣніемъ ея сына.

— Я совсѣмъ не хотѣла сюда пріѣзжать,—настаивала она,— и теперь, когда намъ доказано, какъ это было неблагоразумно...

— Не говори такъ, душа моя. Я уже высказалъ тебѣ мое мнѣніе. Лучшія изъ женщинъ бываютъ несправедливы къ мальчикамъ въ этомъ отношеніи. Я не осуждаю васъ. У васъ точка зрѣнія совсѣмъ иная. Напротивъ того, намъ давно слѣдовало привезти сюда Тома. Тогда бы онъ ребенкомъ научился, что люди, называющіе себя пріятелями его отца, непригодная для него компанія. Я думаю, что онъ это уже понялъ, и насильно увезти его изъ мѣста, которое онъ любитъ, и показать ему, такимъ образомъ, что ему не довѣряютъ...

— Я это не ради Тома, — сказала она. — Эдуардъ, неужели ты этого не понимаешь? Я хочу уѣхать ради себя.

— Не такая ты женщина, чтобы думать о себѣ, когда рѣчь идетъ объ интересахъ Тома. Мы должны оставаться здѣсь даже послѣ того какъ онъ уѣдетъ, чтобы завербовать ему какъ можно больше друзей. Что касается меня, то мнѣ здѣсь нравится, — прибавилъ Бофоръ. — И къ тому же по близости живетъ твоя сестра. Постарайся забыть объ огорчившемъ тебя эпизодѣ, Кара. Подумай объ удовольствіи имѣть ближайшими сосѣдями Эдиту и... этого славнаго малаго Джона... хотя онъ и черезъ-чуръ отдаетъ членомъ парламента.

Бофоръ намѣренно подсмѣялся такъ мягко и мило надъ слабостями свояка, чтобы отвлечь мысли жены отъ грустнаго эпизода, отъ шалости Тома, которая, какъ онъ полагалъ, лежала въ основаніи недовольства Кары.

И что̀ же она могла сказать? Не могла же она сказать ему, что глаза Тома напоминали ему другіе глаза, глаза самого Тоненса, изображеннаго во весь ростъ на портретѣ въ залѣ, и по

прежнему господствовавшаго здѣсь надъ всѣмъ, оживляя въ ея сердцѣ весь ужасъ прошлой жизни?

Не могла она сказать этого мужу, а также сообщить ему о непокорности Джанеты, всего же менѣе о томъ, что ее тяготитъ общество кроткой Эдиты, созерцаніе ея счастія и ея состраданіе къ бѣдной Карѣ.

Онъ могъ бы самъ догадаться, отчего шотландскій домъ ей такъ нестерпимъ; но разъ онъ не догадывался, она не могла ему этого сказать.

Такимъ образомъ лэди Кара постепенно принудила себя жить въ Шотландіи и улыбаться окружающимъ ее людямъ. Но въ улыбкѣ ея было нѣчто такое, чего никто не понималъ, хотя нѣкоторые и замѣчали, не зная, чѣмъ это объяснить.

— Бѣдная Карри!—говорила лэди Эдита тѣмъ самымъ тономъ, какой отдавался въ сердцѣ Кары, хотя это говорилось Джону Эрскину, въ его библіотекѣ, при закрытыхъ окнахъ, и въ пяти миляхъ разстоянія отъ Тоуэрса.

— Почему бѣдная Карри?—спросилъ мужъ:—если ты спросишь ее, то она скажетъ тебѣ, что она счастливая женщина, счастливая свыше ожиданій. Когда я припомню ея житье съ этой скотиной Тоненсомъ.... и погляжу, какъ ей живется теперь, при совершенно иныхъ условіяхъ...

— О, Джонъ, условія иныя; Эдуардъ очень добръ, но...

— Но что же?

— Карри не такая, какъ мы съ тобой,—сказала Эдита, качая головой.

— Нѣтъ; ну, тѣмъ лучше, быть можетъ, для насъ. Она фантазерка, полна поэтическихъ бредней и нервна; ей угодить не легко. Но по сравненію... она должна чувствовать себя въ раю, послѣ того какъ была въ аду.

Эдита снова покачала головой, но ни слова не сказала. Да и что̀ было сказать? Она бы, пожалуй, не съумѣла выразить въ словахъ, и Джонъ не понялъ бы ее. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ общественными дѣлами, задавленъ ими настолько, что опасался, какъ бы ему не пришлось нанимать частнаго секретаря—расходъ, который былъ ему совсѣмъ не по карману.

Жена, стоявшая за его стуломъ, погладила его по плечу, говоря:

— Бѣдный Джонъ, неужели тебѣ нужно отвѣчать на всѣ эти письма?

— На всѣ рѣшительно! — отвѣчалъ онъ со смѣхомъ. — Ты сегодня въ сострадательномъ настроеніи духа. Что, еслибы ты

отвѣтила на нѣкоторыя изъ нихъ за меня, вмѣсто того чтобы говорить: „бѣдный Джонъ!“?

Это было не трудно. Еслибы она не была такъ занята дѣтьми, то была бы лучшимъ изъ частныхъ секретарей.

Увы! ничего подобнаго не представлялось для бѣдной Карри. Она ничѣмъ не могла быть полезной мужу, размышляла Эдита, сидя за письменнымъ столомъ мужа: сочувствующая сестра не смѣла даже высказать своего сочувствія. Она должна была скрывать, что читаетъ въ глазахъ Тома то же выраженіе, что и у его отца, и понимаетъ, что книга Бофора не написана, а имя его неизвѣстно свѣту, а самъ онъ извѣстенъ лишь какъ второй мужъ лэди Каролины Тоненсъ.

„О! бѣдная Карри!“—повторила лэди Эдита, но уже про себя.

Другое лицо, замѣтившее перемѣну въ выраженіи глазъ лэди Каролины, была Джанета, нагрубившая матери. Она продолжала бунтовать и проводила бо́льшую часть времени съ Томомъ, безсознательно помогая такимъ образомъ зоркому надзору, учрежденному надъ пасынкомъ Бофоромъ, который если и обманулъ ожиданія лэди Кары во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, зато ревностно и старательно слѣдилъ за интересами Тома.

Джанета пристроивалась къ брату при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Она ухитрялась ѣздить съ нимъ верхомъ, гулять съ нимъ, развлекать его, какъ не съумѣлъ бы никто другой.

Правда, что Томъ не церемонился съ Джанетой и прогонялъ ее толчкомъ локтя, когда она ему надоѣдала, безъ малѣйшаго колебанія; но въ томъ настроеніи отчаяннаго и страстнаго бунта, въ какомъ находилась теперь Джанета, она не казалась скучной брату и онъ охотно проводилъ въ ея обществѣ короткое время, остававшееся ему до конца каникулъ. Она съ волненіемъ, отъ котораго дрожала вся съ головы до пятокъ, пересказала ему о своемъ возмущеніи противъ матери. То былъ величайшій кризисъ, пережитый ею въ жизни. Она не могла забыть его; малѣйшее слово, взглядъ врѣзались въ ея памяти.

Томъ съ восторгомъ, къ которому примѣшивалась тревога, глядѣлъ на нее, впервые выслушивая отъ нея разсказъ объ ея подвигѣ.

— Ты побранилась съ мамашей! вотъ какъ!

Онъ самъ не могъ бы поступить смѣлѣе, даромъ что мужчина и хозяинъ дома, а Джанета только дѣвчонка и безъ всякаго значенія. Но ея рвеніе, ея страсть сообщились ему, и все это овладѣло его умомъ такъ всевластно, какъ обыкно-

венно овладѣваетъ семейная стычка, и потому Джанета стала соучастницей интересной для Тома тайны.

Они слѣдили за каждымъ взглядомъ матери и обсуждали каждое ея слово съ точки зрѣнія этой стычки. Никто изъ нихъ не могъ и вообразить, чтобы лэди Кара выбросила ее изъ головы, въ то время какъ сами они только и думали, что о ней, и она составляла предметъ всѣхъ ихъ разговоровъ.

— Какъ ты думаешь, будетъ она упрекать меня?—спрашивалъ Томъ съ нѣкоторой тревогой.

— Не знаю; но если она станетъ браниться, то ты заступишься за меня, Томъ, не правда ли?

— О, не знаю, — отвѣчалъ Томъ. — Бо подниметъ цѣлую исторію, если я что-нибудь скажу мамашѣ. У него такая манера говорить, что по неволѣ подожмешь хвостъ.

— Подожмешь хвостъ? Ты? Когда ты хозяинъ? Помилуй, и мамаша такъ сказала, даромъ что была очень сердита.

— О, да, конечно, я хозяинъ,—сказалъ Томъ.—Но ты бы послушала, чтѝ говоритъ Бо о томъ, какъ долженъ себя вести джентльменъ. Чтѝ такое джентльменъ? Человѣкъ, у котораго есть свой домъ и куча денегъ, и онъ не долженъ трудиться, а жить въ свое удовольствіе... Если это не джентльменъ, то ужъ я и не знаю, чтѝ же послѣ этого джентльменъ.

— А развѣ Бо говоритъ... другое?—спросила Джанета не безъ страха.

— О, онъ говоритъ всякую чепуху: что важно не то, чтѝ есть у человѣка, а то, какъ онъ ведетъ себя, и все такое. Никогда не распитъ бутылочку,—какъ выражается Блакморъ, пріятель отца,—не распитъ бутылочку, никогда не помянуть чорта... и все такое. Клянусь Юпитеромъ, Джанета, если все, чтѝ они говорятъ, правда, папаша былъ веселый малый.

— Ты хочешь сказать, что онъ... все это дѣлалъ?

Томъ расхохотался.

— Дѣлалъ? чтѝ дѣлалъ? О! я не могу пересказать всего, чтѝ онъ дѣлалъ. Онъ ѣздилъ верхомъ, какъ никто; перескакивалъ черезъ всѣ изгороди и черезъ такіе рвы, черезъ какіе никто другой не могъ перескочить и... веселился сколько душѣ угодно. Вотъ чтѝ онъ дѣлалъ... пока не женился; а это портитъ всякое удовольствіе.

— О, Томъ!

— Ну да, конечно, портитъ. Приходится тогда жить точно старой бабѣ и отказываться отъ всего веселаго. Я никогда не женюсь, Джанъ, попомни мое слово, не женюсь еще долго, долго.

— Когда такъ, то я буду жить съ тобою, Томъ, и хозяйничать у тебя въ домѣ.

— Ну, не знаю,—отвѣчалъ Томъ:—придется ли тебѣ хозяйничать у меня; у меня будетъ толкучій рынокъ съ утра до ночи, а это неприлично для дѣвушки.

— Но долженъ же кто-нибудь вести у тебя хозяйство? Мамаша такъ говоритъ... Она не возьметъ меня съ собой въ Истонъ... я въ этомъ увѣрена; и если я не буду у тебя хозяйкой, Томъ, то что̀ я буду дѣлать?—спросила Джанета, готовая расплакаться.

Тутъ Томъ поступилъ такъ, какъ вообще поступаютъ мужчины, когда безразсудныя сестры ищутъ у нихъ защиты. Онъ поспѣшно отвернулся отъ пея.

— Тебѣ бы не слѣдовало грубить мамашѣ,—объявилъ онъ.

XI.

На слѣдующій день братъ и сестра поѣхали вдвоемъ кататься верхомъ. Дичь плохо охранялась во время продолжительнаго отсутствія лэди Кары, да и никогда не была очень обильна, такъ что время Тома не было поглощено охотой, и Джанета просила его взять ее съ собой на дальнюю прогулку, прежде чѣмъ онъ уѣдетъ назадъ въ школу.

Былъ ясный сентябрьскій день; въ воздухѣ уже чувствовалась осенняя свѣжесть, и апатичная кровь нѣсколько быстрѣе переливалась въ жилахъ брата и сестры, столь сходныхъ между собою и питавшихъ нѣкоторую привязанность другъ къ другу, при чемъ Джанета, какъ это и естественно, больше любила брата, нежели онъ ее.

Лэди Кара вышла на подъѣздъ проводить ихъ въ то время, какъ они уѣзжали.

— Береги Джанету,—сказала она сыну.

Многозначительный взглядъ Бофора и собственное сознаніе, что слова ея не будутъ имѣть никакого вѣса, помѣшали ей прибавить еще что-нибудь. Но, быть можетъ, глаза ея, тревожно глядѣвшіе имъ вслѣдъ, выразили больше.

— Не надо, Кара, — сказалъ мужъ, уводя ее обратно въ домъ,—не надо выказывать недовѣрія къ мальчику.

— Недовѣрія?—повторила она. — Мнѣ кажется, ему рѣшительно все-равно, какъ я смотрю на него.

— Душа моя! не думай такъ дурно о дѣтяхъ.

— О, нѣтъ; я не думаю о нихъ дурно; они молоды, не-

опытны. Но дѣло отъ этого не измѣняется. Они совершенно равнодушны къ моему мнѣнію, Эдуардъ; и это, конечно, моя вина, а не ихъ,—прибавила она съ улыбкой. — Какъ можно ихъ винить? Это ужъ такая судьба. Есть люди, не пользующіеся вліяніемъ... надъ кѣмъ бы то ни было. Слова ихъ такъ же недѣйствительны, какъ еслибы они обращались къ стѣнѣ или къ мебели.

— Ты говоришь странныя вещи,—серьезно проговорилъ Бофоръ.

— Я говорю глупости,—отвѣчала лэди Кара.—Если ты не занятъ, то пройдемся по саду. Я еще сегодня не гуляла.

Она знала, что онъ не занятъ, и давно уже отказалась отъ желанія видѣть его занятымъ. Желанія убиваются долгимъ ожиданіемъ и разочарованіемъ; но онъ былъ неизмѣнно добръ, всегда готовъ идти съ нею въ садъ или куда ей угодно.

— Чтò же мамаша думала, что я сдѣлаю съ тобою? Повезу тебя въ Красный Оврагъ и заставлю сломать шею? — спрашивалъ Томъ Джанету.

— О! — вскричала Джанета, глядя на Тома широко раскрытыми глазами.

И прибавила, понизивъ голосъ:

— Это гдѣ папаша убился. Я никогда тамъ не бывала.

— И я тебя туда не повезу. Да тамъ все и срыто съ тѣхъ поръ. Но знаешь, чтò мы сдѣлаемъ, Джанъ. Мы поѣдемъ далеко, далеко... на ферму Блакмора.

— На ферму Блакмора? Это то мѣсто...

Онъ громко захохоталъ.

— Ну да; что жъ изъ этого? Мало ли чтò было разъ; въ другой не повторится. Они были большіе пріятели отца. Я не хочу сказать, чтобы они были близкими людьми... въ родѣ Эрскиновъ и такъ далѣе. Блакморъ не джентльменъ, но онъ очень добрый малый. И еслибы ты видѣла его конюшни! У него есть одна охотничья лошадь, которую я сейчасъ бы купилъ, будь моя воля. Ферма его въ десяти миляхъ отсюда. Можетъ быть, ты устанешь?

— О, нѣтъ, я не устану. Но можно ли намъ туда ѣхать?.. Теперь рано смеркается... да и мамаша...

— О, чортъ съ ней, съ мамашей!—закричалъ мальчикъ. — Не можемъ же мы въ наши годы вѣчно думать о томъ, чтò скажетъ старуха.

— Мамаша не старуха, Томъ.

— Она гораздо старше насъ, иначе не могла бы быть нашей матерью. Ну, говори, Джанъ, хочешь ты хорошенько про-

катиться? Это вѣдь будетъ почти въ послѣдній разъ на каникулахъ. Ура, когда такъ, ѣдемъ!

И они понеслись во весь опоръ. Джанета слѣдовала за братомъ, не помня себя; темные волосы разлетались у нея по плечамъ, шляпа готова была свалиться съ головы.

Джанета не признавалась, что ей страшно, но дорога была длинная и кромѣ того Томъ не очень твердо зналъ ее; они плутали по пустырямъ и по полямъ и такая скачка оказалась совсѣмъ не по силамъ Джанетѣ. Она вся растрепалась и совсѣмъ выбилась изъ силъ, когда они пріѣхали, наконецъ, на мызу, довольно захолустнаго вида, гдѣ ихъ встрѣтилъ хоръ безчисленныхъ собакъ и толпа мужчинъ, довольно страшныхъ, какъ показалось Джанетѣ.

Они походили, по ея мнѣнію, не то на сторожей, не то на грумовъ, и ужъ никакъ не на такихъ людей, которыхъ можно считать пріятелями, хотя Томъ и встрѣтилъ ихъ какъ таковыхъ, пожимая руки высокому, бородатому хозяину дома и молодому человѣку—его сыну, а съ остальными обмѣниваясь громкими привѣтствіями, стараясь говорить на ихъ собственномъ мѣстномъ нарѣчіи.

Джанета догадывалась, что она была растрепана и непрезентабельна и чувствовала страшную усталость; но она отчаянно уцѣпилась за сѣдло, когда высокій егерь подошелъ къ ней, отчасти съ гордостью, отчасти со смущеніемъ.

— Такъ это ваша сестрица, мастеръ Томъ? Чарли, позови мать!—закричалъ онъ.—Жена сейчасъ придетъ, миссъ. Позвольте мнѣ снять васъ съ сѣдла.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала Джанета: — мы не можемъ долѣе оставаться. Мы должны ѣхать домой; скоро стемнѣетъ. О, Томъ! поѣдемъ домой.

— Глупости, Джанъ! Разъ я сюда пріѣхалъ, я хочу здѣсь побыть нѣкоторое время. И Блакморъ такой любезный; онъ покажетъ тебѣ конюшни. Ну, сходи съ лошади.

— Позови мать, Чарли!—снова сказалъ Блакморъ. — Молодая лэди думаетъ, что здѣсь одни мужчины, и боится. Не бойтесь, милая барышня. Эй, Марджета, гдѣ хозяйка? И привяжи пони. Обопритесь на мое плечо, и я вамъ помогу сойти съ сѣдла.

Когда Джанета увидѣла женщину въ чепцѣ и въ бѣломъ передникѣ, появившуюся въ дверяхъ, она позволила снять себя съ сѣдла, чувствуя все время, что попала въ какую-то странную исторію, какія описываются въ книгахъ и какихъ не бываетъ съ дѣвушками въ повседневной жизни. Она не знала, не захватятъ

ли ее въ плѣнъ, не запрутъ ли въ чуланъ и не заставятъ ли подписать какое-нибудь роковое обязательство, какъ это случалось съ героями старомодныхъ романовъ, какіе она нашла въ библіотекѣ въ Тоуэрсѣ. Отъ усталости и тревоги она конфузилась еще сильнѣе, чѣмъ это было естественно въ такой новой и неожиданной обстановкѣ.

Простой и грязный домъ, лай собакъ, тяжелые шаги мужчины, шедшаго за нею, сознаніе, что и сама она растрепана и непрезентабельна и находится такъ далеко отъ дома, совсѣмъ сразили бѣдную Джанету.

— О, Томъ, поѣдемъ домой!—закричала она въ агоніи страха и отчаянія.

— Это миссъ Тоненсъ изъ Тоуэрса? Боже мой, какъ она далеко заѣхала... по такой утомительной и неровной дорогѣ! Вамъ необходимо теперь отдохнуть, и я вамъ сейчасъ принесу чашку чая,—сказала хозяйка дома.

Она была свѣжая, полная женщина, совсѣмъ не похожая на жену разбойника, и улыбалась Джанетѣ съ добродушнымъ видомъ.

— Я очень рада видѣть вашу сестрицу, мастеръ Томъ; но вы вѣтренно поступили, завезя ее въ такую даль, когда она непривычна къ верховой ѣздѣ. Марджета, въ котлѣ есть кипятокъ; надо заварить чаю для молодой лэди.

— И намъ принеси кипятку и всего прочаго,—сказалъ Блакморъ:—потому что мы не охотники до чаю... эге! мастеръ Томъ? Послѣ ѣзды стаканчикъ вамъ не повредитъ.

Джанета молча сидѣла и глядѣла на всѣ эти гостепріимныя приготовленія. Большой столъ былъ покрытъ клеенкой, и на ней тамъ и сямъ виднѣлись пятна. Мужчины столпились съ одного края около подноса съ „горячей водой" и черной бутылкой и рядомъ стакановъ большихъ и малыхъ. Повидимому, это было привычнымъ дѣломъ въ домѣ, такъ какъ Марджета, высокая служанка (все въ этомъ домѣ было большихъ размѣровъ), внесла подносъ, толкнувъ дверь и растворивъ ее настежъ еще прежде, чѣмъ ей было отдано приказаніе. И вотъ комната наполнилась горячими парами „грога", издававшаго сильный запахъ, отъ котораго у Джанеты кружилась голова.

Мужчины усѣлись въ кресла, иные же столпились на другомъ концѣ комнаты, небольшой темной сплоченной группой, съ Томомъ по рединѣ. Всѣ были очень любезны съ Томомъ, гладили его по плечу, звали его по имени, наполняли его стаканъ, между тѣмъ какъ Джанета сидѣла и глядѣла съ тревогой въ глазахъ.

Хозяйка дома принесла чашки, блюдечки, сахарницу и другія принадлежности для чая.

— Маленькой миссъ было бы полезнѣе пропустить стаканчикъ моего питья; у нея бы отъ него румянецъ заигралъ на щекахъ,—сказалъ хозяинъ дома.

— Придержи языкъ, любезный, и предоставь мнѣ вѣдаться съ молодой лэди. Занимайся своимъ дѣломъ. Ты себѣ и другимъ наживешь непріятности, если не будешь осторожнѣе.

— Пустяки! стаканчикъ никому не повредитъ,—отвѣчалъ Блакморъ.

— Я хотѣлъ бы, чтобы сестра поглядѣла на ту лошадь,—произнесъ Томъ:—вы знаете, Блакморъ, ту самую, которую, вы говорите, приберегаете для меня. Я хочу, чтобы она посмотрѣла на ваши конюшни. Я ей про васъ разсказывалъ и про то, что вы были большіе пріятели...

— Ахъ, дружище!—сказалъ Блакморъ:—глядя на васъ, припоминается мнѣ многое изъ прошлаго Сколько разъ вашъ отецъ...

— Я ей это говорилъ,—перебилъ Томъ со стаканомъ въ рукахъ.—За ваше здоровье. И я намѣренъ держаться отцовскихъ пріятелей.

— Томъ!—вскрикнула Джанета, вся дрожа отъ страха.

Запахъ водки, толпа мужчинъ, ихъ громкіе голоса и топотъ ногъ по полу, не заглушаемый жидкимъ ковромъ, совсѣмъ разстроили ее.

— О! Томъ! Я слишкомъ устала, чтобы осматривать что-либо. Поѣдемъ домой, поѣдемъ домой!

И, осиленная волненіемъ и смущеніемъ, Джанета расплакалась.

— Моя милая барышня,—сказала хозяйка дома,—напейтесь сначала чаю.

— Пустите меня домой!—кричала Джанета.—Скоро совсѣмъ стемнѣетъ. Я боюсь ѣхать въ потемкахъ. Ахъ! эти ужасныя дороги! О! Томъ! поѣдемъ домой... поѣдемъ домой!

— Мастеръ Томъ,—вмѣшалась хозяйка дома:—она говоритъ правду. Для такой молоденькой барышни не годится скакать по нашимъ рытвинамъ въ потемкахъ. Чарли заложитъ лошадь въ догъ-кортъ и отвезетъ ее домой.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ Чарли, вставая съ шумомъ.

Онъ былъ самый красивый изъ присутствующихъ молодыхъ людей и торопливо поставилъ дымящійся стаканъ на столъ.

— Я запрягу Спанкера, и онъ мигомъ домчитъ насъ.

— Тебѣ придется держать ухо востро съ этой лошадью,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ:—она очень рѣзва.

— Не дури, Джанъ,—закричалъ Томъ:—она верхомъ вернется домой. Я не позволю ей ѣхать въ догъ-кортѣ съ вами,—слышите, Чарли! Къ чему поднимать цѣлую исторію? Я этого не позволю!—кричалъ онъ, топая ногой.—Вы хотите навлечь на меня непріятности? Я и то чуть не обязался честнымъ словомъ...

Онъ вдругъ умолкъ и всѣ замолчали. Джанета, торопливо и задерживая рыданія въ горлѣ, съ удивленіемъ взглянула на него.

— Вѣрно вы обязались честнымъ словомъ не пріѣзжать сюда больше, м-ръ Томъ?—сказалъ Блакморъ, вставая.—Я бы долженъ догадаться объ этомъ по вашимъ глазамъ. Ну, что-жъ, надо сдержать свое слово, молодой человѣкъ. Чарли, скорѣе запрягай экипажъ—чего же ты ждешь?—и отвези молодую лэди домой. Она не по собственной охотѣ пріѣхала сюда. Ты можешь такъ сказать. Это онъ виноватъ, а не она. Его лучше посадить на заднее сидѣнье, а верховыхъ лошадей мы пришлемъ завтра.

— Клянусь Юпитеромъ!—сказалъ Томъ:—я не сяду на заднюю скамейку! Я поѣду верхомъ на своей лошади или не двинусь отсюда... а ужъ дудки, чтобы я когда-нибудь опять взялъ ее съ собой.

И Томъ такъ выругался, что у Джанеты душа ушла въ пятки. Но вскорѣ она уже сидѣла рядомъ съ Чарли Блакморомъ, тепло укутанная въ шаль, и неслась какъ вѣтеръ въ догъ-кортѣ, запряженномъ „рѣзвой“ лошадью.

Непривычное ощущеніе bien-être испытывалось ею. Ее убѣдили выпить чашку чая. Она даже допустила уговорить себя съѣсть бутербродъ съ очень вкуснымъ мармеладомъ. Теплая шаль окутывала ея плечи и сладкое ощущеніе отдыха и тепла разлито было во всѣхъ членахъ. Стукъ копытъ лошади Тома, то обгонявшаго ихъ, то отстававшаго, слышался ей и усугублялъ чувство покоя и довольства.

Она такъ устала и перспектива ѣхать обратно верхомъ была такъ страшна. Ей казалось теперь, что она точно на крыльяхъ несется домой и вѣтеръ нѣжно ласкаетъ ея щеки.

Чарли Блакморъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, былъ очень „добръ“, почти слишкомъ добръ. Онъ громко говорилъ ей на ухо, съ интонаціями, которымъ Джанета смутно удивлялась, находя ихъ очень пріятными. Онъ много разсказывалъ ей про самого себя, про то, что онъ совсѣмъ не намѣревался оставаться дома „среди скотовъ“, что онъ провелъ одинъ семестръ въ коллегіи и намѣренъ снова вернуться назадъ и что онъ всегда хотѣлъ подняться въ свѣтѣ, а теперь это желаніе въ немъ еще усилилось. Несясь какъ вѣтеръ, согрѣтая теплой шалью, опи-

раясь на сильное плечо Чарли Блакмора и слушая ласкающіе звуки его голоса, Джанета чувствовала, какъ ею овладѣваетъ какое-то сладкое оцѣпенѣніе, нѣчто въ родѣ забытья, и только когда путешествіе окончилось и они въѣхали въ аллею, которая вела къ дому, сердце ея внезапно мучительно встрепенулось при мысли о томъ, чтò-то скажетъ ея мать.

Джанета была точно въ раю. Но въ одинъ мигъ снова спустилась на землю со всѣми ея заботами и тревогами. Она перебила Блакмора, безъ всякой послѣдовательности и съ полнымъ невниманіемъ къ его словамъ:

— Вы слышите Тома? О! гдѣ онъ? Томъ! Томъ!

— Онъ позади насъ, не бойтесь. Онъ цѣлъ и невредимъ,— отвѣчалъ Чарли, оглянувшись.

Лошадь въ эту минуту шарахнулась-было въ сторону, но тотчасъ же какъ стрѣла помчалась впередъ. Кто-то показался на дорогѣ... Какая-то темная фигура чуть не попала подъ колеса экипажа и знакомый голосъ послышался Джанетѣ:

— Это Томъ?

— О! это я, Бо!—закричала Джанета:—а Томъ позади.

Они пронеслись такъ быстро, что половина словъ пропала даромъ.

— Это вашъ вотчимъ? они тревожатся насчетъ васъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ сказалъ—Чарли помолчалъ, чтобы лучше привлечь ея вниманіе—я бы сказалъ, что вы проѣзжали по близости отъ насъ, не подозрѣвая, что такъ далеко забрались, а матушка вышла вамъ на встрѣчу и, видя какъ вы устали, приказала мнѣ отвезти васъ домой... вотъ чтò я бы сказалъ.

— Сказали!—закричала Джанета, совсѣмъ проснувшись:— неужели вы думаете, что я скажу это мамашѣ? Вѣдь это значило бы солгать.

— Ну, что-жъ такое,—отвѣчалъ Чарли съ пристыженнымъ смѣхомъ:—развѣ нельзя солгать себѣ въ извиненіе? и чтобы выручить м-ра Тома. Будьте увѣрены, что теперь, когда отецъ знаетъ, что онъ далъ слово не посѣщать насъ, его никогда больше не позовутъ къ намъ въ домъ.

— О!—сказала Джанета:—я ничего не съумѣю выдумать. Когда мамаша подойдетъ и взглянетъ на меня, я непремѣнно разскажу все, чтò случилось.

— Но ничего не случилось,—отвѣчалъ Чарли.—Кромѣ одной вещи, которую я вамъ когда-нибудь сообщу,—прибавилъ онъ.— Но это случилось со мной, а не съ вами. Миссъ Джанета, вы не забудете меня?

— О! какъ могу я забыть васъ,—вскричала Джанета съ рыданіемъ,—когда я знаю, что попала въ такую бѣду, какой еще со мной въ жизни не бывало. Ахъ! вотъ мамаша!

Дѣвушка сбросила шаль и соскочила съ догъ-корта, почти не дожидаясь, чтобы онъ остановился, и попала въ середину группы, состоявшей изъ лэди Кары, завернутой въ большую шаль, ея сестры и половины слугъ дома.

— Джанета! Гдѣ ты была? И гдѣ Томъ? Чтò случилось? скажи мнѣ!—кричала лэди Кара, обнимая дочь и съ мучительнымъ вопросомъ заглядывая ей въ глаза.

Прибытіе догъ-корта, и съ такой бѣшеной скоростью, повидимому оправдывало всѣ опасенія, овладѣвшія зрителями.

— Ахъ, мамаса!—вскричала Джанета, со страху картавя, какъ въ дѣтствѣ.

Но Чарли Блакморъ, сохранившій полное самообладаніе, отозвался изъ догъ-корта:

— Ничего худого не случилось. М-ръ Томъ ѣдетъ сзади насъ. Они заѣхали нечаянно слишкомъ далеко и очень устали. М-ръ Томъ сейчасъ пріѣдетъ. Но моя лошадь рѣзва... она не стоитъ на мѣстѣ, слышите! Она не стоитъ.

Лошадь рванулась впередъ, песокъ брызнулъ изъ-подъ ея копытъ, а грумъ отскочилъ, выкинувъ невольное сальтомортале, и все это случилось съ быстротой молніи.

— Слава Богу,—вскричала лэди Кара,—если это все! Но все ли это? Ты ничего не скрываешь, милая?

Джанета остановилась въ сѣняхъ, послѣ того какъ ей удалось вырваться изъ объятій матери. Глаза ея дико сверкали, волосы распустились по плечамъ, шляпа была подвязана носовымъ платкомъ м-ра Блакмора. Она казалась оглушенной, виноватой; страхъ былъ написанъ у нея на лицѣ и страхъ владѣлъ ея душой.

У нея былъ такой видъ, точно ее готовились прибить, точно она привыкла къ тому, чтобы ее били... Она стояла, дрожа съ ногъ до головы, передъ матерью, которая во всю свою краткую жизнь не обидѣла и мухи.

— Мамаша, мы заѣхали слишкомъ далеко, а затѣмъ эта женщина пришла, то-есть лэди, и сказала, что я слишкомъ устала. И онъ долженъ отвезти меня домой.

— Хорошо? И это все? Слава Богу, что ничего худого не случилось! Но гдѣ же Томъ?

— М-ръ Томъ ѣдетъ по аллеѣ, милэди,—сообщилъ одинъ изъ слугъ.

— Ну, тогда все въ порядкѣ и нечего, значитъ, бояться,— отвѣтила лэди Кара съ взволнованнымъ смѣхомъ.

Неужели Джанета такъ дешево отдѣлалась? Она стояла и наблюдала за матерью съ смущеніемъ и тревогой, въ то время какъ всеобщее вниманіе было обращено на Тома. Онъ соскочилъ съ лошади, блѣдный отъ такого же смущенія и страха, но брови его были насуплены и полу-опущенныя рѣсницы скрывали глаза.

Онъ не сталъ дожидаться взрыва упрековъ, на который разсчитывалъ.

— Я не виноватъ,—объявилъ онъ, сверкнувъ глазами изъ-подъ полу-опущенныхъ рѣсницъ въ сторону Бофора, подошедшаго вслѣдъ за нимъ.—Она забрала себѣ въ голову поглядѣть на лошадь, и я долженъ былъ взять ее съ собой. Я зналъ, что это слишкомъ далеко.

Джанета стояла съ раскрытымъ ртомъ, впиваясь въ каждое его слово. Крикъ протеста поднимался у нея въ груди, но она вѣ-время сообразила, что слѣдуетъ молчать.

— Оставимъ это, мой милый,—сказалъ Бофоръ:—все хорошо, что̀ хорошо кончается; но вы очень напугали мать. Ты послѣ разскажешь мнѣ, какъ было дѣло.

— Лучше я теперь же разскажу,—повторилъ Томъ.—Она забрала себѣ въ голову поглядѣть на ту лошадь. Я думаю, ничего худого я не сдѣлалъ, что разсказалъ ей про эту лошадь. А я думалъ, что она не такая мокрая курица. Вотъ и все. Я думалъ, что мы можемъ побывать въ конюшнѣ, не повидавшись... съ тѣми людьми, про которыхъ вы взяли съ меня слово, Бо, что я съ ними не увижусь больше. Но я не могъ этому помѣшать, когда увидѣлъ, какъ она устала. А Чарли отвезъ ее домой... Вотъ и все..

Крикъ протеста замеръ въ устахъ Джанеты, но на лицѣ ея выразилось удивленіе и ужасъ въ то время, какъ она стояла, уставясь глазами въ лицо матери.

Она не могла глядѣть на Тома. Лэди Кара смотрѣла на него безъ всякаго подозрѣнія, съ своей обычной тихой улыбкой... улыбкой, которая, какъ мерещилось Джанетѣ, выражала больше, чѣмъ кто-либо предполагалъ.

Но затѣмъ обо всемъ этомъ не было сказано ни слова.

XII.

Джанета не пускалась послѣ того ни въ какія экспедиціи съ Томомъ. Его ложь поразила ее въ самое сердце.

Она сама почти солгала ради него, согласно съ инструкціями Чарли Блакмора,—солгала или по крайней мѣрѣ утаила истину, давъ понять матери, что поѣздка ихъ была ненамѣренная, и что они случайно заѣхали такъ далеко... и все это чтобы спасти брата отъ выговора.

Но когда Томъ явился и сталъ безсовѣстно врать, сваливая всю вину на нее, Джанета была такъ поражена, что не нашла словъ въ его опроверженіе, но почувствовала, что ее точно ударили, точно пустили въ нее отравленной стрѣлой, какъ это дѣлаютъ дикари, про которыхъ она читала въ книжкахъ. И рана все расширялась, захватывая не только сердце, но и мозгъ, не особенно поворотливый и сообразительный.

Она ощущала не одно только страданіе, но и мучительное желаніе понять.

Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Чего онъ хотѣлъ этимъ достичь?

Она не могла почти повѣрить тому, что онъ сдѣлалъ это только съ свойственнымъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ усиліемъ свалить съ себя вину на нее.

— Джанета виновата... а не я!—говаривалъ онъ, будучи ребенкомъ.

— Томъ виноватъ... а не я!—говорила и она въ тѣ минуты, когда ихъ накрывали въ какой-нибудь шалости.

Неужели и теперь это было то же самое? или же тутъ скрывалась нѣчто иное?

Послѣдующее объясненіе Тома не удовлетворило ее.

— Ну, вотъ еще!—утверждалъ онъ:—вѣдь ты сама хотѣла видѣть лошадь; какъ же ты это забыла? Вѣдь я говорилъ тебѣ, что тебѣ не по силамъ такая дальняя поѣздка, а ты божилась, что да. И по чьей теперь винѣ все вышло наружу? ты мнѣ испортила все удовольствіе. Блакморы горды, какъ сатана, и...

— Не говори такъ!—вскричала Джанета, содрогаясь.

— И все-таки они горды, какъ сатана, хотя всего только лошадиные барышники. Я зналъ, что всему конецъ, разъ я сказалъ, что далъ честное слово. Старикъ вспыхнулъ, какъ ракета, и мнѣ нельзя больше туда ѣздить... А все ты виновата!

— Однако, Томъ, если ты далъ слово...

— Какъ ты глупа!—закричалъ Томъ:—развѣ это обязательно, когда слово дано не между равными? Что такое Бо? Онъ въ родѣ какъ бы школьнаго учителя. Они знаютъ, что имъ слово даютъ не взаправду; они знаютъ, что это слово будетъ нарушено, и постоянно караулятъ человѣка. Это совсѣмъ не то, когда поручишься честнымъ словомъ передъ товарищемъ. Конечно, такое слово я сдержу. Но съ мамашей или съ Бо—совсѣмъ иное дѣло. Тебя принуждаютъ дать слово и знаютъ, что ты его не сдержишь.

Такая аргументація заставила Джанету замолчать, хотя и не убѣдила ее.

Она не знала, что отвѣчать. Мальчишескій кодексъ чести былъ для нея всецѣло непонятенъ, и она привыкла уже къ тому, что между ея взглядами на обѣщанія и взглядами Тома существовала большая разница. Воспитаніе ихъ было одинаковое, но Джанета всегда придавала иной смыслъ словамъ, чѣмъ Томъ.

Возможно, что его точка зрѣнія правильная—для него—о томъ, что значитъ дать слово учителю или Бо; но умъ ея былъ занятъ другимъ вопросомъ, болѣе для нея интереснымъ и касавшимся ея лично.

— Я этого ничего не знаю,—сказала она:—но зачѣмъ ты сказалъ, что я хотѣла туда ѣхать?

— Помилуй, я сдѣлалъ это, чтобы доставить тебѣ удовольствіе! —вскричалъ Томъ.—Я думалъ, ты будешь довольна. Они тебѣ ничего за это не сдѣлаютъ. И *ты* ничего не обѣщала. А мнѣ они могутъ надѣлать много непріятностей,—прибавилъ мальчикъ задумчиво.—Они могутъ лишить меня всякихъ развлеченій... и мало ли что еще. Они распоряжаются моими деньгами, и я не могу имъ помѣшать. Люди скорѣе повѣрятъ Бо, нежели мнѣ. Но они ничего не могутъ сдѣлать съ тобой, потому что ты дѣвица. Мамаша не посадитъ тебя на хлѣбъ и на воду, не запретъ тебя въ твоей комнатѣ и все такое. Тебѣ прочтутъ нотацію, вотъ и все. Ну, а мнѣ однѣми нотаціями не отдѣлаться. Я думалъ, что ты первая предложишь мнѣ свалить все на тебя, Джанъ.

И снова Джанетѣ пришлось замолчать. Она смутно чувствовала, что одно дѣло—взять на себя вину, и другое—если ее свалятъ на шею безъ спроса, но въ то же самое время она почувствовала упрекъ въ словахъ Тома за то, что она сама не выступила впередъ для оправданія брата.

Она по своему разумѣнію вступилась за него, когда высказала придуманную Чарли Блакморомъ отговорку. Но Томъ этого

не зналъ и считалъ ее невеликодушной, желавшей выгородить только себя, а не защитить его.

Она попала въ неловкое положеніе и по неволѣ должна была молчать. Но въ душѣ Джанета чувствовала себя обиженной, и боль, съ какою она услышала, какъ онъ оправдывался, сваливая вину на нее, не проходила. Безъ сомнѣнія, въ ея жизни уже бывали подобные кризисы, но она была уже больше не ребенокъ.

Вслѣдствіе всего этого она не такъ искала его общества въ остальное время, проведенное имъ дома, прежде чѣмъ уѣхать въ школу; но Джанета не измѣняла ему и ни словечка не проронила къ его невыгодѣ во время „нотаціи", прочитанной ей лэди Карой. Впрочемъ, „нотація" была самаго миролюбиваго свойства. Лэди Кара обняла за талію пассивно сопротивлявшуюся дѣвушку и заговорила съ нею объ обязанностяхъ женщины.

— Сестра—важное дѣло въ жизни мальчика, — говорила она.—Часто, когда онъ не слушаетъ никого другого, онъ послушаетъ сестры, если вмѣсто того, чтобы сопутствовать ему въ его дикихъ поѣздкахъ, она убѣдитъ его сопутствовать лучше ей.

Джанета слушала съ чувствомъ обиды въ душѣ, но воздерживалась отъ возраженій, какія могли бы повредить Тому. Она замѣтила только:

— Мы просто ѣздили кататься, мамаша. Мы не намѣревались заѣзжать... куда-нибудь.

— Я готова этому вѣрить, Джанета,—сказала лэди Кара.

И на этомъ инцидентъ окончился, но не его послѣдствія. Пока Томъ не уѣхалъ въ школу, ничего больше не воспослѣдовало, но на другой день послѣ его отъѣзда Джанета, отправившаяся съ позволенія матери верхомъ на старомъ пони къ своей кузинѣ, встрѣтила Чарли Блакмора, шествовавшаго по дорогѣ. Она узнала его, и сердце у нея забилось. О! неужели онъ остановитъ ее и заговоритъ? О! что̀ онъ скажетъ ей, и что̀ она ему отвѣтитъ?

Съ ужасомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не безъ нѣкотораго удовольствія Джанета увидѣла, какъ онъ вздрогнулъ, точно увидѣлъ ее совсѣмъ неожиданно, и остановился, дожидаясь, пока она подъѣдетъ. Онъ желалъ поддерживать съ нею знакомство—это ясно.

— Миссъ Тоненсъ, я почти не надѣялся на такое счастіе. Мнѣ казалось, что это слишкомъ большая радость, чтобы она могла осуществиться.

— О, да, это я,—отвѣчала Джанета съ смущеніемъ.

— Вамъ нѐчего мнѣ это сообщать; я увидѣлъ васъ издали,—

сказалъ Чарли, забывая о своемъ драматическомъ вступленіи.— Я надѣюсь, что вы совсѣмъ здоровы; впрочемъ, нечего и спрашивать; вы свѣжи, какъ роза.

Джанета почувствовала, что покраснѣла при этомъ комплиментѣ. Она знала, что обыкновенно бываетъ блѣдна и вовсе не цвѣтетъ какъ роза, но съ его стороны очень любезно такъ говорить.

Она помнила, что въ романахъ дѣвицамъ говорятъ подобныя вещи, и ей было пріятно.

— Надѣюсь, что все обошлось благополучно, миссъ Джанета, въ тотъ вечеръ?

— О, да,—отвѣчала Джанета:—вполнѣ благополучно.

— М-ръ Томъ къ намъ больше не заѣзжалъ, да оно, пожалуй, и лучше; въ конюшняхъ всегда набирается пропасть всякаго безпутнаго люда, и ему лучше съ ними не водиться. Молодыхъ мальчиковъ его лѣтъ лучше подальше держать отъ всякихъ соблазновъ... пока можно.

— Томъ вернулся въ школу,—отвѣтила Джанета.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ Чарли.—Какъ смѣшно слышать, что такой молодецъ, какъ м-ръ Томъ, совсѣмъ почти уже взрослый, все еще находится въ школѣ. У меня въ его годы на рукахъ были всѣ наши конюшни. Но онъ, безъ сомнѣнія, мѣтитъ въ парламентъ, а потому хочетъ быть ученымъ, и все такое.

— О, нѣтъ,—отвѣчала Джанета:—онъ говоритъ, что это слишкомъ скучно. Онъ лучше бы желалъ заниматься лошадьми.

— А вы тоже любите лошадей, миссъ Джанета?—спросилъ Блакморъ вкрадчивымъ голосомъ.—У насъ есть чудная лошадка, вотъ бы вамъ ее подъ верхъ. Еслибы м-ръ Томъ былъ здѣсь хозяиномъ, я бы попросилъ у него позволенія прислать вамъ ее попробовать. Чудесная лошадка; совсѣмъ вамъ подъ стать. Но я не смѣю позволить себѣ этого, пока старики здѣсь хозяйничаютъ.

— Моя мать не старуха,—отвѣтила Джанета съ негодованіемъ.

— Нѣтъ, конечно, я говорю не про милэди. Но вѣдь она не одна. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы поглядѣли на мою лошадку, миссъ Джанета. Если когда-нибудь я вамъ попадусь на дорогѣ вмѣстѣ съ нею... вы сядете на нее и проѣдетесь? Вы слишкомъ хорошая наѣздница, чтобы ѣздить на вашей старой клячѣ.

— О, мамаша ни за что не позволитъ!—закричала Джанета съ тревогой.

— Милэди не повредитъ, если она объ этомъ ничего не будетъ знать. Я попытаюсь на удачу; если вы только желаете на нее поглядѣть.

— О...—проговорила Джанета.

Но въ эту минуту кто-то показался на дорогѣ, и Блакморъ снялъ шляпу и поспѣшилъ откланяться.

Дѣвушка была очень смущена этой встрѣчей, но въ ней было нѣчто таинственное, и это ей нравилось. Она отправилась къ кузинѣ съ бьющимся сердцемъ, но говорила себѣ, что м-ръ Чарли очень добръ.

Онъ былъ уже мужчина... почти вдвое старше Тома. И такъ красивъ въ бархатномъ сюртукѣ и съ голубымъ галстухомъ, который къ нему очень шелъ, а голубые глаза его были такъ выразительны, что Джанету конфузилъ ихъ взглядъ.

На слѣдующій день она пошла гулять по этой самой дорогѣ съ слабой надеждой, что авось... и каково! ей какъ разъ попался на встрѣчу Чарли верхомъ на лошади и держа въ поводу прелестнѣйшаго пони. Увидя ее, онъ соскочилъ съ лошади и, привязавъ ее къ дереву, показалъ ей всѣ красоты пони.

— Что вамъ мѣшаетъ сѣсть на него и мы проѣдемся... такъ, недалеко... чтобы не утомить васъ.

— О, я не такъ легко устаю,—отвѣчала Джанета съ загорѣвшимися глазами:—но на мнѣ нѣтъ амазонки... и мамаша...

— Милэди не узнаетъ,—сказалъ Чарли:—да еслибы и узнала, то я хорошо присмотрю за вами. Ей нѣчего безпокоиться.

— Вы думаете?—проговорила дѣвушка. И черезъ мигъ—ей все это представлялось однимъ мигомъ—она ѣхала рядомъ съ его большой лошадью, каждый шагъ которой обязательно гармонировалъ съ аллюромъ ея лошадки.

Когда Джанета ѣздила съ Томомъ, то была всегда его жертвой и обязана сообразоваться съ аллюромъ его лошади и дѣлать все, что̀ ему угодно. До сихъ поръ ей было незнакомо удовольствіе, когда за дѣвушкой ухаживаютъ, ставятъ ее на первый планъ и сообразуются со всѣми ея желаніями.

Она около часу каталась съ Блакморомъ, возбужденная, восхищенная, чуть не представляя себѣ, что она—волшебная принцесса, которой все на свѣтѣ подвластно.

Это повторилось опять и опять, и никто этого не узналъ. Въ Тоуэрсѣ думали, что она полюбила уединенныя прогулки въ лѣсу, вслѣдствіе своего одиночества, послѣ отъѣзда Тома. И хотя лэди Кара замѣчала, что Джанета, случалось, мѣняется въ лицѣ, а глаза ея то сіяли, то были задумчивы, но и тѣни со-

мнѣнія не входило ей въ голову. Да и никто ничего не подозрѣвалъ. Весь домъ былъ уже занятъ сборами по переѣзду и всѣ къ нему усердно готовились.

Первое октября было послѣднимъ днемъ, какой семейству предстояло провести въ Тоуэрсѣ, и Джанета ускользнула такъ же незамѣтно, какъ и всегда, на послѣднюю прогулку.

Никогда еще пони не носился такъ легко и быстро; никогда еще маленькая шалость не казалась такой восхитительной. Они медленно возвращались назадъ, стараясь выгадать время, неохотно готовясь къ разлукѣ.

— Я приберегу для васъ пони, миссъ Джанета,—сказалъ Блакморъ.—Никто не дотронется до него, кромѣ меня. Я буду холить и лелѣять его, пока вы не вернетесь.

— О, м-ръ Чарли!—вскричала Джанета:—не дѣлайте этого. Мнѣ не позволятъ купить его, а у меня не будетъ своихъ денегъ еще долгое время... цѣлыхъ пять лѣтъ.

— Денегъ!—вскричалъ онъ:—неужели вы предположили, что я думаю о деньгахъ? Вы очень ко мнѣ несправедливы, миссъ Джанета... но вы не виноваты.

— О!—вскричала она:—я сказала это потому, что вы говорите, что лошадь—моя. Ну, а какъ же она можетъ быть моей, если я ее не куплю? О! что я сказала худого? я совсѣмъ не хотѣла сказать что-нибудь худое!

— Я въ этомъ увѣренъ,—успокоилъ ее Чарли,—и пожалуй вы слишкомъ молоды, чтобы понять, что пони—вашъ, и его хозяинъ—вашъ, и что не денегъ отъ васъ ждутъ... а чего-то другого.

Джанету очень удивилъ его взглядъ. Она посмотрѣла на него и отвернулась. Она не понимала, въ чемъ дѣло. Онъ не сердился. Онъ глядѣлъ очень ласково, ласковѣе, чѣмъ когда-либо. Но она не могла на него смотрѣть, какъ не могла смотрѣть на сверкающее солнце (такъ, по крайней мѣрѣ, она призналась самой себѣ). Онъ наклонился къ ней со спины своей высокой лошади, и Джанетѣ было стыдно и страшно.

— О! нѣтъ, пожалуйста, не берегите ее для меня,—проговорила она.—Вы очень добры, и я этого никогда не забуду, за то, что позволили мнѣ покататься на ней... а она чудесная лошадка. Но я не могу принять ее въ подарокъ и не могу купить ее, и прошу васъ не думать объ этомъ, потому что это не отъ меня зависитъ. О! я боюсь, что я худо сдѣлала!—вскричала она вдругъ, сама не зная, почему.

— Ничуть,—отвѣчалъ Чарли Блакморъ.—Я еще никогда

въ жизни не былъ такъ счастливъ, и если вы не забудете меня, какъ сейчасъ сказали...

— Какъ могу я забыть? вы были такъ добры, а лошадка—самая восхитительная, какую я только видѣла. Но, пожалуйста, разойдемся теперь по домамъ, а то меня навѣрное хватятся, и у насъ теперь все вверхъ дномъ, потому-что завтра мы уѣзжаемъ.

— Вотъ почему я и хотѣлъ бы еще задержать васъ немножко,—сказалъ Чарли:—что я буду безъ васъ дѣлать? Я буду ждать и думать о васъ, пока вы не вернетесь. До будущаго года далеко, и я боюсь, что вы забудете меня и пони, когда уѣдете.

— О, право, не забуду. О! м-ръ, Чарли разойдемся. Я боюсь, кто-нибудь увидитъ насъ и мамаша разсердится.

— Что-жъ, дѣлать нечего,—сказалъ онъ со вздохомъ.—Вотъ вы и у калитки.

Онъ слѣзъ съ лошади и привязалъ ее, затѣмъ снялъ ее съ пони.

— Что вы мнѣ дадите въ награду?—произнесъ онъ, удерживая ее на минуту въ своихъ рукахъ.—Я былъ хорошимъ для васъ грумомъ. Вы должны поцѣловать меня, за мои труды, на прощанье.

— О!—вскричала Джанета, вырываясь изъ его рукъ.

Страхъ, стыдъ и гнѣвъ придали ей крылья. Она вбѣжала въ калитку и бросилась на боковую тропинку, которая вела къ заднему фасаду дома. Но она не пробѣжала и двадцати шаговъ, какъ налетѣла на Бофора, спокойно выходившаго изъ парка какъ разъ на эту самую тропинку. Оба увидѣли другъ друга только въ тотъ моментъ, какъ столкнулись. Джанета раскраснѣлась отъ стыда и страха, и глаза ея были полны слезъ. Она вскрикнула, увидя Бофора.

— Джанета, въ чемъ дѣло? Судя по твоему виду, что-то случилось.

— О!—вскричала она, переводя духъ.—Ничего особеннаго, Бо. Я только испугалась.

— Кто испугалъ тебя?—спросилъ онъ.—Въ чемъ дѣло. Помилуй, дитя, да ты вся дрожишь. Кто-нибудь гнался за тобой?

— Н-нѣтъ!—сказала Джанета, отворачиваясь отъ него... и въ ея виноватомъ мозгу мелькнуло воспоминаніе о томъ, что она проходила мимо нѣсколькихъ коровъ, миролюбиво щипавшихъ траву.

— Я испугалась коровъ,—объявила она.

— Коровъ!

Бофоръ, какъ джентльменъ, не могъ сказать кому бы то ни

было, тѣмъ менѣе дамѣ, что она говоритъ неправду. Но проговорилъ не безъ строгости:

— Я не зналъ, что ты такъ нервна. Ступай лучше прямо къ матери. Она вездѣ искала тебя.

Онъ снялъ шляпу и важно раскланялся, оставивъ Джанету совсѣмъ пристыженной, и ушелъ, не оглядываясь назадъ.

Она бросилась въ траву, когда онъ исчезъ изъ виду, и стала плакать съ такой бурной страстностью, какой сама не понимала. Бо не повѣрилъ ей. Чтò онъ подумалъ? чтò онъ скажетъ? Но не отъ этого плакала Джанета.

М-ръ Бофоръ направился къ калиткѣ, и когда вышелъ на дорогу, то увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи всадника, высокую фигуру котораго тотчасъ же призналъ. То былъ Чарли Блакморъ. Всадникъ держалъ подъ уздцы пони съ дамскимъ сѣдломъ. Бофоръ не сложилъ дважды два—четыре, потому-что былъ слишкомъ пораженъ таинственной догадкой, мелькнувшей у него въ умѣ.

Но онъ покачалъ головой, идя дальше, и проговорилъ:—Бѣдная Кара!

Лэди Кара увидѣла Джанету не прежде, какъ та вымыла глаза и успокоилась. Но ей не удалось, однако, изгладить всѣ слѣды волненія. Мать подозвала ее и обняла рукой за талію:

— Джанета, я вижу, что ты плакала. Неужели это потому, что тебѣ не хочется отсюда уѣзжать?

— Да, мамаша,—отвѣчала Джанета, дрожа.

— Какъ это странно! А я рада уѣхать. О! я бы желала, чтобы у насъ съ тобой, милая, были одни вкусы. Мнѣ всегда казалось, что дѣвушка должна смотрѣть на вещи такъ же, какъ и ея мать. У мальчиковъ могутъ быть иные вкусы, но у дѣвушки... Почему ты такъ любишь Тоуэрсъ, милая?

Джанета трепетала, потому что она думала не о Тоуэрсѣ, и нисколько она не была огорчена, а только смущена, напугана и сконфужена.

Но она не смѣла броситься на шею матери и разсказать ей то, чтò у нея было на умѣ. Она проговорила уныло, тщетно стараясь выразить голосомъ прежній искусственный восторгъ:

— Я думаю это потому, что мы здѣсь родились.

— Можетъ быть, ты и права,—замѣтила Кара.

— И притомъ это домъ папаши, и будетъ домомъ Тома,—прибавила дѣвушка.

Мать отняла руку со вздохомъ.

— Да, моя милая, это все хорошіе резоны,—сказала она съ обычнымъ кроткимъ спокойствіемъ.

Она не могла не попытаться вновь привлечь къ себѣ свое дитя. Но попытка такъ же не удалась, какъ и прежнія.

Она и не подозрѣвала, какая буря кипѣла въ юной груди дочери и какъ трудно было Джанетѣ сдерживать волненіе и ничего не сказать болѣе.

XIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ Тоуэрсъ былъ снова выбранъ резиденціей. Томъ поступилъ въ Оксфордъ, но карьера его тамъ была не очень удачна, и это оправдывало до нѣкоторой степени нежеланіе его матери вернуться въ злополучное, по ея мнѣнію, мѣсто.

Бофоръ ссылался на здравый смыслъ въ этихъ преніяхъ.

— Не все ли равно, въ какомъ мѣстѣ ни жить?—говаривалъ онъ.—Почему одно мѣсто будетъ менѣе благополучно, чѣмъ другое? Послѣ этого можно сказать, что и Оксфордъ—мѣсто неблагополучное, такъ какъ Томъ и тамъ велъ себя далеко не похвально. Да и самый Истонъ, наконецъ, миролюбивѣйшій уголокъ въ свѣтѣ, тоже былъ не безъ подводныхъ камней для такого упрямаго мальчика, съ такими сильными страстями и такой слабой волей.

На честное слово этого мальчика нельзя было положиться; онъ думалъ только о своихъ удовольствіяхъ, любилъ все то, чего не слѣдовало ему любить, и не любилъ всего того, что̀ ему слѣдовало любить: могъ ли такой мальчикъ гдѣ бы то ни было считаться въ безопасности?

Бофоръ былъ слишкомъ вѣжливъ, чтобы высказывать всѣ эти вещи про сына Карѣ, но онъ изъ всѣхъ силъ старался ее убѣдить, что дисциплина, связанная съ пріемомъ гостей, и развлеченіе охотой—все же это занятіе, а въ этомъ нуждаются всѣ смертные—будутъ наилучшимъ дѣломъ для Тома.

Быть можетъ, онъ былъ правъ, а она безразсудна. Кто скажетъ впередъ, какой путь наилучшій! Но бѣдная лэди Кара не могла выжить изъ памяти растрепаннаго и неприличнаго вида, въ какомъ Томъ ворвался въ залу въ тотъ злополучный вечеръ, когда она и гости ея собирались идти обѣдать. Проступки этого рода тщательно отъ нея скрывались съ тѣхъ поръ и она пыталась убѣдить себя, что мѣсто было виновато, а не мальчикъ.

И Джанета тоже стала раздѣлять до нѣкоторой степени антипатію матери къ Тоуэрсу. Джанета получила письмо вскорѣ послѣ ея возвращенія въ Истонъ, которое повергло ее въ величайшую

тревогу. Оно самымъ миролюбивымъ образомъ было передано ей, такъ какъ всѣ думали, что оно отъ ея кузины, но устрашило ее свыше мѣры.

Она послала украдкой записочку въ отвѣтъ, умоляя „м-ра Чарли“ не писать больше ей—о! ради Бога не писать больше, и ревностно обѣщала не забывать его и пони, если только онъ исполнитъ ея просьбу и не будетъ больше писать.

И долгое время послѣ того бѣдная Джанета была какъ на иголкахъ, съ ужасомъ ожидая новаго письма.

Она не смѣла почти вѣрить своему счастію, когда увидѣла, что ее оставили въ покоѣ, но была слишкомъ напугана, чтобы желать возвращенія въ Тоуэрсъ.

И такимъ образомъ время шло и шло, при чемъ для молодыхъ людей оно казалось гораздо медлительнѣе, чѣмъ для старыхъ. Правда, лэди Кара не была еще стара, но дѣти такъ рѣшительно записали ее въ старухи, а жизнь, исполненная разочарованій, такимъ тяжелымъ гнетомъ легла на нее, что она рано впала въ старческую пассивность.

Все, что̀ она дѣлала, оказывалось безполезнымъ, результаты совсѣмъ не соотвѣтствовали ея усиліямъ, и въ концѣ концовъ она сочла за лучшее покориться обстоятельствамъ, а самой ничего не предпринимать.

Поэтому жизнь въ Истонѣ текла съ скучной, хотя и очень комфортабельной рутиной. Великолѣпная библіотека Бофора была мѣстомъ, гдѣ онъ читалъ газеты, романы и другія неутомительныя книги.

Образованіе онъ получилъ классическое, а потому съ наслажденіемъ заглядывалъ въ произведенія классическихъ писателей, съ увлеченіемъ дилеттанта, считающаго, что занимается не пустяками, а самымъ высшимъ сортомъ умственнаго труда. Онъ былъ вполнѣ доволенъ, хотя жизнь его была крайне однообразна. У него,—говорилъ онъ,—не осталось желанія блистать. Порою онъ ѣздилъ въ мѣстный клубъ, порою въ Лондонъ, въ Атенеумъ, чтобы поглядѣть, какъ тамъ все обстоитъ.

Общество жены всегда было пріятно ему въ промежуткахъ его поѣздокъ. Ничего не могло быть пріятнѣе, глаже, приличнѣе, утонченнѣе и комфортабельнѣе его жизни и ничто не могло быть дальше отъ жизни съ высшимъ умственнымъ напряженіемъ, о какой мечтала лэди Кара.

Бѣдная лэди Кара! Она мечтала о стольких вещахъ, которыя не осуществились. А между тѣмъ у нея было многое, что̀ даетъ счастіе: ясная и спокойная жизнь, любящій мужъ. Сынъ,

конечно, причинялъ ей, какъ говорили люди, не мало хлопотъ. Безъ сомнѣнія, у нея были основанія тревожиться о немъ. Но, къ счастію, онъ былъ независимъ и не обязанъ заработывать средства къ жизни, а потому не особенно важно было для него хорошо кончить курсъ наукъ.

Молодой человѣкъ съ состояніемъ могъ и покутить немного; придетъ время—и онъ остепенится.

— Все это ничтожная песчинка въ ложѣ изъ розъ,—говорили люди.

Сама она никому не открывала, что̀ таилось у нея въ глубинѣ души. Для всѣхъ у нея была неизмѣнная улыбка на губахъ. Единственный пунктъ, на которомъ она настаивала, это нежеланіе ѣхать въ Шотландію... Куда угодно, только не туда, не туда.

Въ послѣдніе годы у нея оказалось, какъ бы сказать, une petite santé. Не то чтобы она была больна, о, нѣтъ, совсѣмъ не больна, а только вяла и лѣнива. Мало-по-малу она впадала въ состояніе крайней апатіи, свойственное, быть можетъ, женщинѣ семидесятилѣтней, но совсѣмъ не свойственное сорокалѣтней.

Томъ и Джанета не видѣли большой разницы между этими двумя возрастами; а что касается Бофора, то тихая и кроткая прелесть характера его жены казалась ему самымъ естественнымъ результатомъ пріятной бездѣятельности. Онъ лучше любилъ ее лежащей на софѣ или тихо гуляющей съ нимъ подъ-руку въ саду; онъ радовался, что желанія ея ограничиваются повидимому мирной оградой ихъ жилища и она съ удовольствіемъ наблюдаетъ, какъ встаетъ луна и заходитъ солнце, и больше ей ничего, какъ будто, не требуется.

Онъ толковалъ ей про свѣтъ и тѣни, про ширь мирнаго пейзажа, про звѣзды въ небѣ или про новыя книги, а порою и о томъ, что̀ дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ. Они были зрителями въ здѣшнемъ безпокойномъ мірѣ и точно изъ какого-нибудь райскаго уголка наблюдали, какъ люди мечутся и кипятъ въ сутолокѣ обыденности. Онъ любилъ толковать объ этомъ, о безполезности усилій, о томъ, какъ люди хватаются за невозможное, предпринимаютъ такія же невыполнимыя вещи, какъ остановить движеніе небесныхъ свѣтилъ.

Онъ подсмѣивался надъ государственными людьми и филантропами и всякаго рода безпокойными умами, сидя покойно на лужайкѣ, среди мирнаго сельскаго пейзажа. И лэди Кара отвѣчала улыбкой, при чемъ взглядъ ея часто покоился на немъ съ такимъ выраженіемъ, какое онъ не совсѣмъ понималъ.

Но чтò же бы это было за выраженіе, не совсѣмъ ему понятное? Онъ понималъ почти все и прекрасно разсуждалъ обо всемъ. Онъ былъ безукоризненный джентльменъ; тонъ его голоса, каждая его мысль были исполнены утонченности. И лэди Карѣ было пріятно—кто могъ въ этомъ сомнѣваться?—лежать на кушеткѣ и слушать. Какого еще иного счастія могла пожелать женщина, уже немолодая, не особенно здоровая, идеалистка и поэтесса? чего ей еще требовалось?

Но наступило, наконецъ, время, когда нельзя было больше отворачиваться отъ Тоуэрса. Томъ достигъ совершеннолѣтія, и лэди Кара не могла долѣе противиться необходимости вернуться туда и предсѣдательствовать на торжествахъ, какими должно было ознаменоваться его вступленіе во владѣніе своимъ имуществомъ и домомъ.

Къ этому времени Томъ былъ, такъ сказать, на ножахъ съ своей коллегіей и всѣми ея должностными лицами, такъ что его попросили, наконецъ, оставить университетъ и притомъ безъ промедленія. Громко онъ заявилъ, что ему на это наплевать, но въ душѣ, кажется, былъ несовсѣмъ доволенъ, хотя и прикидывался равнодушнымъ и безпечнымъ; у него было много шотландской гордости, которая не переноситъ неудачи, хотя бы самъ человѣкъ все сдѣлалъ, чтобы навлечь на себя катастрофу.

Дома ему не дѣлали упрековъ, такъ какъ лэди Кара была до такой степени убѣждена въ безполезности какихъ бы то ни было замѣчаній съ ея стороны, что ограничивалась словами: „О! Томъ!“ которыми встрѣтила его, да слезами, отъ которыхъ глаза ея казались болѣе блестящими, чѣмъ обыкновенно.

Ничѣмъ инымъ она не выразила своего огорченія.

Бофоръ смотрѣлъ очень серьезно, но не выказывалъ особеннаго безпокойства.

— Очевидно, что такъ должно было случиться рано или поздно,—холодно произнесъ онъ, но Тому почудилось презрѣніе въ его тонѣ.

— Къ чему же вы, въ такомъ случаѣ, посылали меня въ университетъ,—закричалъ молодой человѣкъ угрюмо, но съ краской въ лицѣ,—если ничего изъ этого не выйдетъ?

— Я полагаю, мать твоя послала тебя... потому что это считается необходимымъ для джентльмена,—отвѣчалъ Бофоръ.

— И вы хотите, должно быть, сказать, что я не джентльменъ?—закричалъ Томъ.

— Я никогда этого не говорилъ,—холодно отвѣтилъ его вотчимъ.

Джанета схватила брата подъ-руку и увела его.

— О! какой толкъ ссориться съ Бо! Неужели ты думалъ, что никто тебѣ ни слова не скажетъ,—вскричала Джанета.

— Пускай!—сказалъ Томъ:—что̀ бы они ни дѣлали, они не помѣшаютъ мнѣ стать совершеннолѣтнимъ въ будущемъ году; а тогда я погляжу, кто посмѣетъ мнѣ сказать хотя бы одно непріятное слово.

— Мамаша всегда будетъ въ правѣ говорить тебѣ все, что̀ ей угодно, Томъ.

— Ну, что̀ тамъ мамаша!—проговорилъ онъ.

Джанета потрясла его за руку и страстно вскричала:

— Я бы не позволила на твоемъ мѣстѣ... я бы никому не позволила говорить, что то, что̀ прилично для джентльмена, не по моимъ силамъ! О! я бы скорѣе умерла!—объявила Джанета.

Онъ оттолкнулъ ее съ глухимъ проклятіемъ.

— Много ты понимаешь, что̀ прилично для джентльмена... или хотя бы для лэди. Я кое-что знаю про тебя, и если бы сказалъ мамашѣ...

— Что̀ такое?—чуть не взвизгнула Джанета.

— О! я знаю... и если ты не подожмешь хвоста, то разскажу... Но заруби себѣ на носу, что я не стану восклицать, какъ мамаша: „О! Джанъ!“ Я выгоню тебя вонъ изъ дома и изъ помѣстья, если ты вздумаешь водиться съ какимъ-нибудь мужчиной, когда будешь жить со мной.

— Что̀ ты хочешь сказать?—спросила Джанета.

Но совѣсть черезъ-чуръ громко говорила въ ней. Она не могла стойко отнестись къ словамъ брата. Воспоминаніе жаркимъ румянцемъ залило ея щеки и наполнило глаза жгучими слезами.

— Я только каталась на пони. Я не хотѣла ничего худого. Я не знала, что это дурно. О! Томъ, Томъ! не говори мамашѣ!

— Ну, такъ веди себя смирнѣе и не воображай, что можешь каркать на меня. Я ничего ровно не сдѣлалъ худого. Это только старыя вороны никакъ не могутъ перенести, чтобы молодому человѣку весело жилось.

Несомнѣнно, контрастъ былъ великъ между униженнымъ положеніемъ, въ какомъ онъ вернулся домой, и величественными приготовленіями къ торжествамъ, какими должны были почтить совершеннолѣтіе блуднаго сына. Тріумфъ, ожидавшій Тома въ день совершеннолѣтія, послѣ его позорнаго изгнанія изъ университета, отнюдь не могъ служить нравоучительнымъ примѣромъ для молодыхъ людей съ такими же наклонностями, какъ у Тома.

Но никакой позоръ не можетъ помѣшать молодому человѣку

дожить до двадцати одного года, или отмѣнить всеобщій обычай, въ силу котораго считается нужнымъ праздновать этотъ моментъ и поздравлять молодого человѣка, точно онъ вслѣдствіе личныхъ добродѣтелей превращается въ мужчину.

Нѣкоторые изъ семейныхъ совѣтниковъ, призванныхъ по случаю предстоящаго торжества, находили, что, принимая во вниманіе прошлое поведеніе Тома, слѣдуетъ какъ можно скромнѣе обставить его совершеннолѣтіе.

Но Бофоръ снова выступилъ заступникомъ блуднаго сына. И такъ какъ онъ былъ не такого сорта человѣкъ, чтобы легко относиться къ университетскому неуспѣху, то къ мнѣнію его отнеслись тѣмъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ.

— Опять повторяю, — говорилъ онъ: — во всемъ этомъ нѣтъ ровно ничего такого, что̀ могло бы помѣшать Тому преуспѣвать въ его естественной карьерѣ. Это могло бы погубить другихъ юношей, но не его. Я никогда и не ждалъ, чтобы онъ чего-нибудь достигъ въ Оксфордѣ, и нисколько не удивленъ тѣмъ, что̀ случилось. Но не всѣ такъ думаютъ, какъ мы. Масса людей и не узнаетъ объ этомъ, а если и узнаетъ, то не придастъ никакого значенія. Я и раньше говорилъ тебѣ, Кара, что лучшія изъ женщинъ бываютъ несправедливы къ мальчикамъ. Это вполнѣ естественно. Но даже и теперь ничто не мѣшаетъ Тому преуспѣвать въ жизни.

— Дѣло въ томъ, что все это будетъ какъ будто наградой за его безразсудство, вмѣсто наказанія,—сказала Эдита Эрскинъ, думавшая, что поддерживаетъ мнѣніе сестры.

Что касается самой Кары, то она ничего не говорила. Она не въ силахъ была обсуждать дурное поведеніе сына; но не могла также помѣшать другимъ обсуждать его, а потому молчала.

— Онъ дурно велъ себя въ Оксфордѣ, и университетское начальство наказало его; но мы не въ правѣ переводить обратно часовую стрѣлку его жизни и лишать его правъ за то, что онъ дурно учился. Я увѣренъ, что такъ думаетъ и его мать...

— Его мать всегда слишкомъ баловала его, и вотъ что̀ изъ этого вышло,—сказалъ старый лордъ Линдонъ, качая головой.

Онъ бы послалъ Тома въ Африку или въ иное мѣсто съ гувернеромъ, еслибы только Томъ согласился подчиниться такому рѣшенію наканунѣ свободы, даруемой ему закономъ.

Но этого его дѣдъ не принималъ въ разсчетъ. Онъ качалъ головой, говоря про баловство Кары, и вовсе не понялъ того невыразимаго взгляда, который она обратила на него и въ которомъ выражалось много такого, чего не выговорилъ бы ея языкъ.

— Сердись, не сердись, душа моя, но я долженъ высказать свое мнѣніе,—заключилъ онъ.—Мальчика всю жизнь слишкомъ баловали. У него не такая натура, чтобы выдержать это; его слѣдовало держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Тебѣ бы слѣдовало помнить, чьей онъ породы.

Лэди Кара взглянула на отца съ такимъ огнемъ въ кроткихъ глазахъ, какого въ нихъ никто не запомнилъ раньше.

— Почему мой сынъ этой породы?—спросила она тихимъ голосомъ, но съ неудержимой страстью.

Мать ея и сестра вздрогнули и разомъ закричали:—Карри!— чтобы помѣшать ей говорить дальше.

— Чтò такое? чтò она сказала?—закричалъ лордъ Линдонъ.

Но ни Карри и никто изъ присутствующихъ не повторилъ того, чтò она сказала.

Но послѣ этой странной сценки ничего больше не говорилось о совершеннолѣтіи Тома, котораго они не могли задержать, еслибы даже и хотѣли.

Но приняты были всѣ мѣры, чтобы отпраздновать его достойно, если не ради Тома, то ради положенія, которое ему предстояло занять въ графствѣ, благодаря своему богатству. Продолжительное несовершеннолѣтіе и добросовѣстная заботливость, съ какой управлялись его помѣстья и капиталы, превратили Тома въ одного изъ богатѣйшихъ коммонеровъ Шотландіи, можно даже сказать, самаго богатаго изъ тѣхъ, чьи доходы обусловливались только земледѣліемъ, но не торговлей.

И хотя графство вспоминало объ его отцѣ безъ особеннаго почтенія,—да и отъ него самого не ждало ничего особенно хорошаго, такъ какъ всѣ знали про его дурное поведеніе, хотя родные и надѣялись, что оно ускользнуло отъ общественнаго вниманія,—но лэди Кара привлекала всеобщее сочувствіе, и ради этого, а отчасти и въ видахъ собственнаго развлеченія, сосѣди охотно принимали участіе во всѣхъ увеселеніяхъ, пили за здоровье Тома, желали ему всякаго благополучія, повидимому, съ полной искренностью и дружелюбіемъ.

И многія лэди громко высказывали, что молодому человѣку стоитъ только жениться, чтобы остепениться.

Быть можетъ, эта мысль, равно какъ и симпатіи къ лэди Карѣ, подогрѣвали дружескія чувства обывателей графства. Въ немъ было очень много молодыхъ дѣвицъ, и могло случиться, что одной изъ нихъ предназначено Провидѣніемъ быть подругой жизни второго Тома Тоненса изъ Тоуэрса. И, конечно, родителямъ, думавшимъ, что, быть можетъ, ихъ дочери выпадетъ на

долю эта миссія, и усматривавшимъ въ этой возможности смягчающее обстоятельство для поведенія Тома, приходилось простить гораздо меньше и примириться съ безконечно слабѣйшимъ зломъ, нежели лорду Линдону, когда онъ выдавалъ свою дочь за отца Тома. Поэтому всѣ послѣдовали разосланнымъ приглашеніямъ, и въ продолженіе цѣлой недѣли домъ горѣлъ огнями и гремѣлъ отголосками веселыхъ пировъ; а жизнь и движеніе царствовали во всемъ околоткѣ.

Длинное междуцарствіе кончилось и Томъ вступилъ въ управленіе своимъ царствомъ.

Къ счастію, событіе такого рода оказываетъ извѣстное вліяніе на всѣ умы. Быть можетъ, лэди Кара поддалась оптимистическимъ взглядамъ своего мужа и повѣрила, что Томъ можетъ остепениться, несмотря на раннія увлеченія; быть можетъ, кроткое и снисходительное отчаяніе, овладѣвшее ея душой, подсказывало ей, что всѣ ея слова и дѣйствія окажутся безсильными надъ сыномъ, и ей остается только одно: терпѣть и прощать,—какъ бы то ни было, но она съ кажущимся удовольствіемъ руководила всѣми увеселеніями, не щадя силъ и проявляя дѣятельность, какой уже давно не выказывала.

И Бофоръ въ совершенствѣ разыгрывалъ роль père noble, достойнаго, безкорыстнаго отеческаго опекуна, оказывающаго поддержку новичку, не затрогивая его правъ, какъ настоящаго хозяина дома.

Въ дѣйствительности, Бофоръ, съ его высокомѣрнымъ тономъ превосходства, пользовался гораздо бо́льшимъ вліяніемъ надъ Томомъ, нежели его мать, и болѣе, чѣмъ кто другой, умѣлъ сдерживать его въ границахъ приличія; такъ что все обошлось благополучно въ эту великую эпоху и юный помѣщикъ представлялся въ наилучшемъ свѣтѣ, заставляя родителей взрослыхъ дочерей говорить другъ другу, что, право же, въ немъ ничего нѣтъ такого, противъ чего могли бы возразить Мей или Беатриса.

Хищныя птицы, водившіяся въ этихъ сферахъ, насторожились и отточили клювы и когти... Но этого пока не было замѣтно.

И единственное лицо, не носившее личины счастія, была Джанета, проявлявшая несвойственную ей нервность, которой никто не могъ найти объясненія. Быть можетъ, она показалась бы понятнѣе для того, кто подслушалъ бы вопросъ Тома сестрѣ, вырывавшійся у него по временамъ съ мальчишескимъ задоромъ:

— Ты будешь сегодня кататься на пони?—спрашивалъ онъ ее иногда въ присутствіи лэди Кары съ многозначительнымъ взглядомъ и смѣхомъ.

Или:—Ты не собираешься ли прогуляться по восточной дорогѣ?

Но никто, кромѣ Джанеты, не зналъ, что̀ онъ хотѣлъ этимъ сказать. Онъ бросалъ въ нее этими камнями съ вершины своего тріумфа, и Джанета почти не смѣла выходить изъ дому, даже подъ опекой материнскаго присутствія, изъ боязни увидѣть укоризненный взглядъ Чарли Блакмора, обращенный на нее.

Онъ разъ прошелъ мимо ихъ кареты и снялъ шляпу, но поклоны были такъ многочисленны въ эти дни, что никто не обратилъ вниманія на человѣка, который поклонился, и только Джанета замѣтила его взглядъ. Но даже и для Джанеты ничего непріятнаго не произошло въ теченіе этой недѣли.

А. Э.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНІЯ

1892 ГОДА

Очеркъ современной политики С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

I.

Послѣдняя президентская кампанія была полна характерными неожиданностями съ начала до конца, и неожиданностями не только для массъ, но и для вожаковъ партій. Ранней весной 1892 года самыя ярыя демократическія газеты не смѣли даже мечтать объ успѣхѣ. Администрація Гаррисона была замѣчательно чиста отъ какихъ бы то ни было скандаловъ; цѣлые три года прошли безъ всякихъ пертурбацій, и самые ярые партизаны оппозиціи должны были признать, что администрація была и безусловно честна, и очень способна. Кабинетъ, какъ цѣлое, представлялъ собою комбинацію чрезвычайно дѣятельныхъ, популярныхъ и способныхъ государственныхъ людей; между ними былъ только одинъ политиканъ по профессіи: это премьеръ кабинета и министръ иностранныхъ дѣлъ, Джэмсъ Джиллеспи Блэнъ (James G. Blaine),— всѣ остальные были дѣловые люди, относившіеся къ своимъ министерскимъ портфелямъ не какъ къ профессіи, а какъ къ долгу, исполнить который они были призваны родиной. Генералъ почтмейстеръ Ваннамэкеръ (Wannamaker) пользовался національной репутаціей, какъ замѣчательно энергичный, прозорливый и успѣшный дѣлецъ; министръ финансовъ Виндомъ (Windom) въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ былъ извѣстенъ націи какъ непоколебимо честный, прямой, серьезный финансистъ; морской министръ Трэси (Tracy) завоевалъ себѣ почетное имя какъ энергическій преобра-

зователь пришедшихъ-было въ совершенный упадокъ морскихъ силъ и въ особенности военныхъ судовъ флота Союза; министръ земледѣлія, Джерри Рюскъ (Jerry Rusk), крайне оригинальный представитель лучшей части фермерскаго населенія дальняго Запада, съумѣлъ поставить свое новое, только-что учрежденное министерство на дѣловую ногу безъ всякаго формализма,—къ сожалѣнію, давно уже пробившаго себѣ дорогу во всѣ остальные департаменты федеральнаго правительства,—и пользовался обширной, заслуженной популярностью среди фермерскихъ массъ. Иностранная политика, за вялое и неискусное веденіе которой нація была особенно недовольна предшествовавшей администраціею Кливелэнда и его премьера Баярда, въ умѣлыхъ, энергичныхъ рукахъ Блэна совершенно переродилась: отношенія между Соединенными-Штатами и республиками центральной и южной Америки, дотолѣ индифферентныя и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже натянутыя, были не только постепенно и радикально улучшены, но и скрѣплены торговыми трактатами первостепенной важности, результатомъ созваннаго Блэномъ пан-американскаго конгресса; интриги Англіи, постоянно и упорно соперничествующей на всемъ американскомъ континентѣ съ Соединенными-Штатами относительно политическихъ и, главное, торговыхъ вліяній, были успѣшно парированы во всѣхъ направленіяхъ, и совершенно было-упавшая экспортная торговля Союза опять оживилась и медленно, но вѣрно стала захватывать важнѣйшіе рынки центральной и южной Америки. Притязанія Англіи на морскіе промыслы Берингова моря, и Франціи—на рыбныя ловли великихъ отмелей Атлантическаго океана, притязанія, тянувшіяся цѣлыя десятилѣтія и вызвавшія почти совершенное уничтоженіе морскихъ промысловъ Союза, были, наконецъ, встрѣчены съ такой твердостью, что обѣ эти державы принуждены были, послѣ упорной дипломатической борьбы, въ которой принялъ участіе даже верховный судъ Союза, отказаться отъ многихъ изъ своихъ притязаній въ пользу Союза, и эта дипломатическая кампанія, за которой съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдилъ весь американскій народъ, была закончена соглашеніемъ на третейскій судъ, посреди всеобщихъ рукоплесканій въ честь Блэна и его несокрушимаго стоицизма, разъ дѣло касалось существенныхъ интересовъ его родины.

Лѣто 1891 года было чрезвычайно благопріятно въ экономическомъ отношеніи. Хлопокъ, пшеница и кукуруза, эти три главные продукта земледѣлія Союза, дали отличный, давно небывалый урожай, а общій неурожай въ Европѣ поднялъ цѣны, такъ что Союзъ не только продалъ весь свой излишекъ, но и продалъ его

по высокой, давно небывалой цѣнѣ; экспортъ этихъ продуктовъ былъ слишкомъ на четыреста милліоновъ долларовъ выше средняго. Общее благосостояніе страны было особенно высоко въ теченіе зимы 1891—92 года и, само собой разумѣется, отразилось немедленно на всѣхъ отрасляхъ фабричной и заводской промышленности: мануфактурныя заведенія работали на всѣхъ парахъ, торговые обороты достигли огромныхъ, небывалыхъ размѣровъ, и вся страна находилась въ возбужденномъ, лихорадочно-энергичномъ настроеніи. Новый протекціонный тарифъ, выраженный знаменитымъ биллемъ Макъ-Кинлея, былъ въ дѣйствіи уже больше года, безпошлинный ввозъ усилился на цѣлые 70 милліоновъ долларовъ, тогда какъ общая сумма взысканныхъ ввозныхъ пошлинъ упала на сорокъ милліоновъ, сравнительно съ предшествовавшимъ до введенія новаго тарифа годомъ. Отчеты рабочихъ бюро, особыхъ учрежденій, введенныхъ во многихъ штатахъ для изслѣдованія рабочаго вопроса, отношеній труда къ капиталу и, главное, для разбора недоразумѣній и столкновеній между ними, были также крайне благопріятны. Число стачекъ значительно упало сравнительно съ предшествовавшими годами: заработная плата замѣтно увеличилась во всѣхъ штатахъ, число рабочихъ часовъ уменьшилось. Особенное вниманіе возбудилъ отчетъ „коммиссіонера труда“ штата Нью-Іорка, Пека (Peck), извѣстнаго по всему Союзу за завзятаго демократа и яраго партизана съ одной стороны, и за чрезвычайно талантливаго и умѣлаго статистика съ другой;—отчетъ этотъ указывалъ на небывалое благосостояніе и на поднятіе заработной платы по всѣмъ почти безъ исключенія отраслямъ труда. Въ то же время отчетъ коммерческой палаты города Нью-Іорка доказывалъ безусловно, что цѣнность всѣхъ, почти безъ исключенія, необходимыхъ предметовъ для жизни понизилась—въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ напр. сахара, на цѣлыхъ 40%. Данныя всеобщаго десятилѣтняго ценза 1890 года, мало-по-малу выдаваемыя публикѣ въ теченіе 1891 года, указывали на громадный, небывалый дотолѣ прогрессъ націи по всѣмъ безъ исключенія отдѣламъ. Цѣнность облагаемаго налогомъ имущества во многихъ штатахъ удвоилась, въ нѣкоторыхъ утроилась и даже учетверилась; государственный долгъ уменьшился до того, что отношеніе per copita было въ тридцать и даже сорокъ разъ меньше отношенія почти всѣхъ европейскихъ государствъ; большинство штатовъ оказалось совершенно свободнымъ отъ какихъ бы то ни было долговъ, и только немногіе штаты Юга все еще возились съ долгами, созданными

междоусобной войной. Общее благосостояніе и, какъ неизбѣжный его результатъ, общее довольство казались неоспоримыми.

Фермерскій союзъ (Farmers Alliance), на предшествовавшихъ выборахъ надѣлавшій большого шуму и все еще шумѣвшій какъ въ нѣкоторыхъ западныхъ, такъ и почти во всѣхъ южныхъ штатахъ, ослабляя на западѣ и сѣверо-западѣ республиканскую партію, въ то же время ослаблялъ на югѣ и демократическую. На выборахъ 1890 года союзъ этотъ побилъ регулярныхъ демократовъ въ Южной-Каролинѣ и успѣлъ выбрать значительнымъ большинствомъ не только весь свой штатный составъ, но и легислатуру, такъ что послалъ въ сенатъ Соединенныхъ-Штатовъ не Вэда Гемптона, состоявшаго уже двадцать лѣтъ сенаторомъ отъ Южной-Каролины, знаменитаго конфедератскаго кавалерійскаго генерала, а одного изъ молодыхъ своихъ представителей, заклятаго врага демократовъ-бурбоновъ—Ирби (Irby). Въ то же время фермерскій союзъ проявилъ значительную силу и въ штатахъ Джорджіи, Алабамѣ и Сѣверной-Каролинѣ, а регулярные демократы въ этихъ штатахъ должны были прибѣгнуть къ своей обычной тактикѣ относительно республиканцевъ; но на этотъ разъ, уже не противъ этихъ послѣднихъ, а противъ фермерскаго союза, и только благодаря этой тактикѣ, т.-е. интимидаціи избирателей и неправильному счету голосовъ, успѣлъ удержать за собою эти штаты, особенно Джорджію и Алабаму. На сѣверѣ начинала уже проявляться кое-гдѣ надежда, что, наконецъ, благодаря этому союзу, нераздѣльный Югъ будетъ наконецъ разрозненъ. Но надеждѣ этой не суждено было сбыться, такъ какъ фермерскій союзъ, почуявъ свою силу, дѣлалъ ошибку за ошибкой; въ теченіе 1891 года были созваны двѣ національныя конвенціи,—одна въ Санъ-Луисѣ, въ штатѣ Миссури, другая въ г. Окалѣ, въ штатѣ Флорида,—и программы этихъ конвенцій, принятыя большинствомъ послѣ горячихъ и долгихъ преній, окончательно убили фермерскій союзъ на востокѣ и сѣверо-востокѣ, значительно ослабили его на западѣ и сѣверо-западѣ, и породили рознь на югѣ. Камнемъ преткновенія явились, главнымъ образомъ, вопросы о свободной чеканкѣ серебра и объ учрежденіи федеральныхъ казначействъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, для доставленія фермеру дешеваго кредита. По обоимъ этимъ вопросамъ союзъ, тщательно заботившійся о томъ, чтобы не допустить въ число своихъ членовъ никого кромѣ дѣйствительныхъ фермеровъ, и потому не имѣвшій никакой подготовки по государственнымъ финансамъ, вдался въ несообразности и крайности, требуя исключительныхъ, такъ сказать, кастовыхъ, законовъ въ свою пользу,—и тѣмъ окон-

чательно оттолкнулъ отъ себя симпатизировавшіе-было ему рабочіе классы и всѣхъ тѣхъ дѣловыхъ и профессіональныхъ людей, которые дотолѣ были склонны со вниманіемъ относиться къ требованіямъ земледѣльческаго класса. И тѣ и другіе не могли не замѣтить, что фермерскій союзъ стремится къ обособленію своихъ интересовъ, во вредъ всѣмъ остальнымъ классамъ народа—а на программѣ съ поползновеніями подобнаго рода въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки далеко не уѣдешь; между тѣмъ платформы (т.-е. программы) Санъ-Луисской, а въ особенности Окальской національныхъ конвенцій союза не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ пошелъ по стопамъ блаженной памяти „грэнжеровъ" и „гринбакеровъ", только въ другомъ видѣ и подъ другимъ названіемъ, и съ этого момента участь союза была рѣшена. Недовольные элементы республиканской и демократической партій, съ живымъ интересомъ слѣдившіе за преніями Окальской конвенціи, какъ только ея резолюціи и программа были обнародованы, сразу и круто отвернулись отъ союза и немедленно принялись за образованіе новой политической партіи, подъ именемъ партіи народа—People's party. Фермерскій союзъ Запада, побитый въ Окалѣ представителями Юга, почти цѣликомъ перешелъ въ ряды новой партіи; въ штатахъ Канзасѣ, Минесотѣ, Небраскѣ и обѣихъ Дакотахъ онъ прямо перемѣнилъ имя, усилившись всѣмъ тѣмъ, что̀ было недовольно почему-либо двумя господствовавшими партіями. Новая партія весьма искусно переговаривалась съ сторонниками свободной чеканки серебра, въ нѣкоторыхъ штатахъ Запада, какъ напр. Колорадо, Невадѣ и Айдахо, составлявшими неоспоримое, огромное большинство; вожакъ этихъ послѣднихъ, сенаторъ Соединенныхъ-Штатовъ отъ штата Колорадо, Вольксттъ (Wolcott), выбранный какъ республиканецъ, всегда вотировавшій въ сенатѣ съ этой партіей, заявилъ публично, что какъ самъ онъ, такъ и его штатъ и всѣ остальные штаты и территоріи, заинтересованные въ вопросѣ о серебрѣ, примкнутъ безусловно къ какой-либо партіи, лишь бы партія эта открыто высказалась за свободную чеканку серебра. Тѣмъ временемъ финансовые центры Сѣверо-востока успѣли уже настолько возстановить прессу, а за нею и общественное мнѣніе, противъ этой чеканки, что не только демократы, еще только за годъ до весны 1892 года поголовно стоявшіе за эту чеканку, но и новая „партія народа" почуяла, что открыто стоять за эту чеканку значило потерять всякую надежду на успѣхъ на востокѣ и въ штатахъ Нью-Іоркѣ и Нью-Джерсеѣ, и во всемъ центрѣ; поэтому, хотя вожаки партіи народа и продолжали еще переговариваться

съ Вольконтомъ и его сторонниками, стараясь выяснить свои шансы и выиграть время, эксъ-президентъ Кливелэндъ, считавшійся массами народа за представителя регулярныхъ демократовъ, опубликовалъ письмо, въ которомъ становился безусловно на сторону противниковъ дешевыхъ денегъ и свободной чеканки, несмотря на то, что его партія была въ сущности связана своей національной „платформой“ предшествовавшаго года, и этимъ мастерскимъ, съ политической точки зрѣнія, шагомъ спасъ престижъ партіи на востокѣ и зародилъ въ ней надежду на успѣхъ. Въ томъ же направленіи, хотя и не такъ рѣзко и опредѣленно, какъ Кливелэндъ, высказался и другой наиболѣе видный представитель демократовъ, губернаторъ штата Нью-Іорка, Давидъ Беннетъ Гилль (David Bennett Hill), человѣкъ безъ правилъ или принциповъ, но изумительно ловкій политиканъ и способный организаторъ; въ теченіе президентства Гаррисона, онъ цѣлымъ рядомъ самыхъ мастерскихъ, иногда замѣчательно тонкихъ, иногда тяжело грубыхъ политическихъ пріемовъ, съумѣлъ крѣпко-на̀-крѣпко захватить бразды правленія въ штатѣ Нью-Іоркѣ, и организовалъ и сдерживалъ своимъ вліяніемъ такое надежное большинство во всѣхъ большихъ городахъ штата, что никому другому не оставалось ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Гиллю апплодировалъ весь Югъ — онъ былъ тамъ особенно популяренъ, и его поѣздка по южнымъ штатамъ въ теченіе зимы 1891—92 годовъ была настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Поѣздка эта была устроена какъ разъ послѣ того, какъ ему удалось захватить сенатъ штата Нью-Іорка, — легислатура этого штата, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, была всегда въ рукахъ республиканской партіи и только благодаря сверхъестественнымъ усиліямъ и цѣлому ряду самыхъ грубыхъ политическихъ злоупотребленій, покрытыхъ губернаторской властью Гилля, демократамъ удался этотъ фокусъ, —они захватили легислатуру большинствомъ одного голоса, сейчасъ же перекроили штатъ для слѣдующихъ выборовъ и прежде всего выбрали самого Гилля сенаторомъ отъ штата Нью-Іорка въ сенатъ Союза. Смѣлость и безстыдство пріемовъ, употребленныхъ Гиллемъ и его сподвижниками для достиженія этихъ результатовъ, были таковы, что множество демократовъ, во всѣхъ концахъ штата, не только высказались открыто противъ нихъ, но и образовали особую лигу въ средѣ самой демократической партіи для того, чтобы противодѣйствовать этимъ беззаконіямъ. Югъ же, нераздѣльный Югъ, рукоплескалъ, — пріемы Гилля были именно тѣ пріемы, которые употреблялись вездѣ и всегда демократами,— бурбонами Юга, и они безусловно одобряли все, что̀ вело къ

униженію республиканской партіи, несмотря на то, какими бы путями цѣль эта ни была достигнута. Побѣды Гилля имѣли особенное значеніе потому, что вліяли на политическую судьбу именно штата Нью-Іорка,—штатъ этотъ, самый значительный по населенію и богатству во всемъ Союзѣ, посылаетъ 36 избирателей въ національный колледжъ, выбирающій президента, и до сихъ поръ успѣхъ демократовъ безъ этихъ голосовъ считался совершенно невозможнымъ,—все населеніе было убѣждено, что и на президентскихъ выборахъ 1892 года безъ этого штата демократы не могутъ имѣть ни малѣйшаго шанса на успѣхъ. Гилль между тѣмъ открыто являлся претендентомъ на кандидатуру въ президенты; мало того, его приверженцы открыто проповѣдовали, что или онъ, или никто, и ужъ во всякомъ случаѣ не Кливелэндъ, съ которымъ Гилль былъ всегда на ножахъ. Между тѣмъ массы демократической партіи на западѣ, на сѣверо-западѣ, на тихоокеанскомъ побережьѣ и на юго-западѣ были поголовно за Кливелэнда, и слышать не хотѣли о Гиллѣ.

Такимъ образомъ, ранней весной 1892 года полный, казалось, непримиримый расколъ царствовалъ въ средѣ демократической партіи; фермерскій союзъ былъ почти стертъ съ лица земли, а замѣнившая его партія народа все еще возилась съ вопросомъ о свободной чеканкѣ серебра, кокетничала по этому поводу съ его сторонниками и не рѣшалась издать ничего въ родѣ національной „платформы". Казалось, что республиканской партіи, имѣвшей на своей сторонѣ федеральную администрацію, дорога была открыта, но вышло иначе, и выборы 1892 года навсегда останутся примѣромъ того, что въ американской политикѣ никакъ нельзя разсчитывать на конечный исходъ, какъ бы ни благопріятны были шансы на успѣхъ той или другой партіи.

Хотя честность и вообще личный характеръ президента Гаррисона и были выше какихъ бы то ни было подозрѣній и даже инсинуацій политикановъ, хотя и самъ онъ лично, и его кабинетъ были безусловно способны и работали неутомимо и энергично въ пользу страны, не отличаясь интенсивно партизанскимъ характеромъ предшествовавшихъ администрацій, тѣмъ не менѣе лично самъ по себѣ Гаррисонъ не пользовался популярностью даже въ средѣ самой республиканской партіи. Его назначеніе кандидатомъ на президентство національной конвенціи этой партіи въ Чикаго, четыре года тому назадъ, было чистой случайностью. Массы партіи желали и надѣялись, что будетъ назначенъ Блэнъ, —но приверженцы эксъ-президента Артюра, преимущественно федеральные чиновники его назначенія, оказались настолько силь-

ными въ конвенціи, что вожакамъ движенія въ пользу Блэна пришлось пойти на компромиссы, чтобы побѣдить вторичную кандидатуру Артюра, и назначеніе Гаррисона явилось неожиданнымъ для партіи результатомъ этихъ сдѣлокъ. Во время этого назначенія онъ былъ адвокатомъ въ столицѣ штата Индіаны, Индіанополисѣ, и хотя и отличился до извѣстной степени въ теченіе междоусобной войны 1861—1865 г. и занималъ послѣ нея нѣкоторыя общественныя должности, былъ мало знакомъ массамъ народа чѣмъ-либо выдающимся, исключая того, что приходился роднымъ внукомъ по прямой линіи президенту Гаррисону, умершему неожиданно въ Бѣломъ Домѣ въ сороковыхъ годахъ, черезъ мѣсяцъ послѣ занятія должности. Это родство впослѣдствіи сильно повредило ему. Американскій народъ не только крайне подозрителенъ ко всякой наслѣдственности, но и интенсивно ненавидитъ ее, въ какой бы формѣ она ни проявилась. Онъ инстинктивно боится кабалы — ему нужна новая сила, новые люди, новая кровь въ тѣхъ, кому онъ временно поручаетъ управленіе своими интересами. Гаррисонъ былъ выбранъ — но только благодаря стеченію крайне благопріятныхъ обстоятельствъ. Штатъ Нью-Іоркъ рѣшилъ этотъ выборъ своими 36 голосами, хотя въ то же время выбралъ губернаторомъ демократа Гилля, съ разницей въ слишкомъ 40.000 голосовъ. Бывшій предсѣдатель демократическаго національнаго комитета Брайсъ (Brice), крайній оптимистъ, былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ демократовъ въ этомъ штатѣ, что, въ сущности, даже не допускалъ сомнѣній и не принималъ его въ соображеніе въ своихъ выкладкахъ, и Квэй (Quay), предсѣдатель республиканскаго національнаго комитета, воспользовался этимъ оптимизмомъ, и, давъ полный ходъ своимъ по истинѣ замѣчательнымъ организаторскимъ способностямъ, побилъ своего противника и выбралъ Гаррисона. Благодаря ошибкамъ Брайса, штаты Вирджинія, Сѣверная-Каролина и западная Вирджинія, принадлежащіе къ нераздѣльному Югу, и находящіеся въ безусловномъ распоряженіи демократовъ-бурбоновъ Юга, на этотъ разъ едва-едва не ускользнули изъ ихъ рукъ — демократическое большинство въ нихъ, несмотря на всевозможныя нападки, не превышало тысячи голосовъ въ каждомъ, а въ штатѣ западной Вирджиніи большинство представителей въ конгрессѣ оказалось республиканскимъ, и кандидатъ той же партіи въ губернаторы, Гоффъ, былъ тоже несомнѣнно избранъ, хотя его и не допустили до занятія этой должности, такъ какъ, послѣ долгой и упорной борьбы въ судахъ штата, состоявшимися рѣшеніями мѣсто это было присуждено его демократическому против-

нику. Послѣ выборовъ и водворенія Гаррисона въ Бѣломъ Домѣ, демократы по всему Союзу взялись за его наслѣдственность,—особенно доставалось его дѣдовской шляпѣ, которую онъ имѣлъ неосторожность носить: всѣ каррикатурные журналы взялись за эту шляпу и въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ издѣвались и надъ ней, и надъ будто бы наслѣдственно-аристократическими тенденціями президента. Благодаря этимъ постояннымъ нападкамъ, общественное мнѣніе страны усиленно слѣдило за его образомъ жизни и привычками,—и несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи Гаррисонъ сдѣлалъ не мало промаховъ, незначительныхъ, мелкихъ сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе пріобрѣвшихъ извѣстное значеніе въ виду этихъ обвиненій. Дѣло въ томъ, что должность президента Соединенныхъ-Штатовъ требуетъ отъ занимающаго ее лица чрезвычайнаго, особеннаго такта. Американцы крайне демократичны и чувствительны къ тому, какъ держатъ себя въ публикѣ ихъ чиновники; со времени введенія конституціи и избранія Вашингтона, Бѣлый Домъ былъ открытъ для всякаго гражданина, кто бы онъ ни былъ, сперва постоянно, потомъ по извѣстнымъ днямъ;—толпы просителей, а бóльшею частью просто любопытныхъ, по цѣлымъ часамъ осаждаютъ президента, и каждый считаетъ своимъ правомъ требовать, чтобы онъ пожалъ ему руку и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста народонаселенія Союза, увеличивалась и работа президентовъ; дѣло дошло до того, что имъ пришлось работать по ночамъ, для того, чтобы успѣвать въ теченіе дня принять всѣхъ посѣтителей. Тѣмъ не менѣе они не рѣшились тронуть освященнаго временемъ обычая — Гаррисонъ былъ первымъ изъ нихъ, рѣшившимся положить до извѣстной степени предѣлъ этимъ требованіямъ на его время: онъ значительно урѣзалъ установленные до него часы для публичныхъ пріемовъ и, будучи по природѣ человѣкомъ чрезвычайно сосредоточеннымъ и несообщительнымъ, внесъ новый элементъ въ эти пріемы, элементъ, какъ казалось посѣтителямъ, особенно демократамъ-партизанамъ, холодный и презрительно-аристократическій. Затѣмъ, были введены извѣстныя требованія отъ посѣтителей: рукопожатія, такъ популярныя въ средѣ американскаго народа, были до извѣстной степени изгнаны; въ нѣкоторыхъ случаяхъ любопытныхъ прямо просили не утруждать президента лишними разспросами. Съ просителями разнаго рода Гаррисонъ былъ до чрезвычайности кратокъ—прямо ставилъ вопросъ ребромъ и рѣшительно отказывался убивать время на любезности. Всѣ эти нововведенія, въ сущности не только незначительныя, но и прямо необходимыя въ

виду измѣнившихся съ теченіемъ времени условій, тѣмъ не менѣе ставились ему въ вину и разносились тысячами посѣтителей Бѣлаго Дома по всему Союзу; мало-по-малу президентъ сдѣлалъ себѣ репутацію холоднаго, непроницаемаго аристократа, рѣшительно не понимающаго духа націи. Этому взгляду на президента, мало-по-малу укоренившемуся въ общественномъ мнѣніи страны, не мало способствовали искатели разныхъ должностей и окладовъ, политиканы-республиканцы. Гаррисонъ былъ тѣмъ, что̀ называется на американскомъ политическомъ жаргонѣ dark horse, т.-е. неожиданнымъ кандидатомъ, результатомъ обстоятельствъ минуты, не связаннымъ никакими политическими обѣщаніями; еще за сутки до его назначенія никто о немъ и не помышлялъ, какъ о возможномъ кандидатѣ, и потому по занятіи должности онъ считалъ себя безусловно свободнымъ въ своихъ назначеніяхъ на разные мѣста и оклады. Надо отдать ему полную справедливость въ этомъ отношеніи: онъ мало обращалъ вниманія на вопли вожаковъ-политикановъ въ разныхъ штатахъ и держался чрезвычайно осторожно выбора своихъ чиновниковъ; онъ обыкновенно прежде всего принималъ въ соображеніе личныя качества назначаемаго, а не тѣ услуги, которыя были имъ оказаны во время кампаніи тому или другому лицу. Мало того, онъ распространилъ дѣйствіе закона о гражданской службѣ,—закона, составлявшаго главное основаніе успѣха Кливелэнда въ 1882 году и потомъ заброшеннаго имъ послѣ выборовъ,—на многіе департаменты федеральныхъ учрежденій, дотолѣ не подлежавшіе этому закону; политиканы-республиканцы вопили, но Гаррисонъ упорно отказывался смѣстить дѣльныхъ чиновниковъ только потому, что они были демократы. Можно смѣло сказать, что въ теченіе четырехлѣтней администраціи Гаррисона законъ о гражданской службѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ составлявшій и въ настоящее время составляющій безусловно самое больное мѣсто американскихъ учрежденій вообще, исполнялся точнѣе, чѣмъ когда-либо прежде; я не хочу этимъ сказать, чтобы онъ исполнялся вполнѣ, какъ требуютъ этого его духъ и буква, такъ какъ это, по всей вѣроятности, недостижимо при настоящей организаціи политическихъ партій въ Соединенныхъ-Штатахъ,—тѣмъ не менѣе онъ принимался болѣе или менѣе въ соображеніе почти при всякомъ назначеніи и исполнялся во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ когда-либо прежде.

Само собою разумѣется, что такая неумѣстная и непонятная политиканамъ гражданская доблесть не замедлила вызвать недовольное броженіе въ ихъ средѣ; первымъ и самымъ непосред-

ственнымъ ея результатомъ была отставка Кларксона, правой руки Квэя въ президентской кампаніи 1888 года, занимавшаго должность перваго помощника генералъ-почтмейстера Ваннамэкера, и завѣдывавшаго всѣми назначеніями по почтовой части, а потому прежде всѣхъ другихъ успѣвшаго столкнуться съ президентомъ по поводу этихъ назначеній. Самъ Квэй между тѣмъ, вскорѣ послѣ занятія Гаррисономъ должности президента, отказался отъ званія предсѣдателя республиканскаго національнаго комитета, такъ какъ не могъ поладить съ нимъ относительно федеральныхъ назначеній въ штатѣ Пенсильваніи, сенаторомъ которой онъ состоитъ въ сенатѣ Соединенныхъ-Штатовъ, и въ распредѣленіи назначеній въ которой онъ разсчитывалъ быть безусловнымъ, полнымъ хозяиномъ. Вышедшій въ отставку, обиженный, Кларксонъ былъ немедленно выбранъ на его мѣсто—и тогда уже, меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ выборовъ, участь Гаррисона была, въ сущности, рѣшена, хотя массы народа и не вполнѣ понимали эти быстрыя перемѣны въ составѣ высшихъ руководителей республиканской партіи.

Непопулярности Гаррисона не мало также посодѣйствовалъ и его единственный сынъ, Руссель, молодой человѣкъ, занимавшійся изданіемъ самой вліятельной республиканской газеты въ штатѣ Монтанѣ. Этотъ юноша не обладаетъ особеннымъ тактомъ; онъ запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и, какъ утверждали противники президента, часто пользовался, или пытался пользоваться, политическимъ возвышеніемъ своего отца. Хотя въ Америкѣ вообще и несравненно меньше холопства и идолопоклонства, чѣмъ гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ, тѣмъ не менѣе оно существуетъ, особенно въ штатахъ и территоріяхъ Сѣверо-запада, почти на три четверти заселенныхъ европейскими эмигрантами, —и качества эти не разъ доставляли медвѣжьи услуги молодому Русселю, а съ нимъ и президенту, услуги, которыя немедленно комментировались демократической прессой, не упускавшей ни малѣйшаго случая инсинуировать на всевозможные лады объ аристократически-наслѣдственныхъ поползновеніяхъ Гаррисона, какъ будто бы заблаговременно принимавшаго мѣры къ тому, чтобы передать дѣдовскую шляпу и безпутному мальчишкѣ-сыну.

Всѣ эти, сами по себѣ незначительныя, въ сущности не имѣвшія никакого отношенія къ дѣлу, обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, мало-по-малу начали оказывать вліяніе на оцѣнку президента въ глазахъ націи. Какъ уже выше было замѣчено, онъ и съ самаго начала не пользовался популярностью; у него не было и не могло быть того престижа, который имѣли за собой Линкольнъ, Грантъ,

Гарфильдъ—и тѣ немногіе люди, которые знакомы со всѣми сторонами американской политики, стали высказывать сомнѣніе въ будущности республиканской партіи еще съ 1890 года, когда конгрессіонные выборы дали демократамъ громадное, неожиданное большинство (226 демократовъ на 88 республиканцевъ) и опять отдали имъ въ руки нижнюю палату конгресса.

Осенью 1891 года, по совѣту друзей, начинавшихъ понимать общественное настроеніе, Гаррисонъ предпринялъ путешествіе по Соединеннымъ-Штатамъ. Онъ объѣхалъ весь Югъ, Юго-западъ, тихо-океанское побережье и штаты Запада. Во всѣхъ городахъ по пути, въ которыхъ онъ останавливался, ему устроивали общественныя встрѣчи съ торжественной обстановкой; но нельзя было не замѣтить, что тотъ энтузіазмъ, то возбужденіе, которые всегда въ Америкѣ сопровождаютъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей, безусловно отсутствовали въ этомъ случаѣ. Тѣ маленькіе спичи, которыми президентъ отвѣчалъ на привѣтствія, находили дѣланными и неискренними, его манеру—холодною, его привычки и отношеніе къ народу—недостаточно демократичными. Едва-ли это путешествіе послужило ему въ пользу,—напротивъ, оно, вѣроятно, только подтвердило предшествовавшую ему молву.

Въ виду всего вышеизложеннаго не мудрено, что весной 1892 года громадное большинство республиканской партіи и не допускало возможности вторичнаго назначенія Гаррисона кандидатомъ партіи на президентство. Имя Блэна было у всѣхъ на умѣ и вездѣ въ печати. Блэнъ долженъ быть кандидатомъ, и никто другой; тѣмъ болѣе, что и не отрицаемый самыми ярыми партизанами-демократами четырехлѣтній успѣхъ администраціи Гаррисона приписывался не ему самому, а исключительно его премьеру.

Джемсъ Блэнъ, умершій 27-го января текущаго года, въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Линкольна, былъ самой выдающейся фигурой американской политики. Начавъ жизнь школьнымъ учителемъ въ одной изъ самыхъ захолустныхъ школъ штата Кентукки, онъ скоро сдѣлался издателемъ политической газеты, затѣмъ политиканомъ, былъ выбранъ въ члены нижней палаты конгресса, и въ ней съумѣлъ чрезвычайно быстро привлечь къ себѣ общественное вниманіе не только города Вашингтона, но и всей націи. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ безсмѣнно выбирался спикеромъ палаты и, хотя выбранъ былъ въ первый разъ еще будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, едва достигшимъ тридцатилѣтняго возраста, сразу завоевалъ себѣ уваженіе не только своихъ политическихъ единомышленниковъ, но и членовъ противной партіи. Это былъ умъ замѣчательно гибкій

и блестящій, съ обширной начитанностью, съ изумительнымъ знаніемъ не только политической исторіи страны во всѣхъ ея мельчайшихъ деталяхъ, но и условій и прецедентовъ парламентаризма во всѣхъ его тонкостяхъ. Надо замѣтить, что время его спикерства совпало какъ разъ съ самымъ тяжелымъ, но въ то же время и съ самымъ блестящимъ періодомъ исторіи американскаго конгресса, періодомъ, начинавшимся концомъ междоусобной войны 1861—1865 годовъ и обнимавшимъ собою переустройство Юга, возбудившее страсти, можетъ быть, даже глубже, чѣмъ самая война. Блэнъ съ удивительнымъ мастерствомъ обуздывалъ разъяренныхъ защитниковъ Юга, съ безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ американскаго парламентаризма безпристрастіемъ руководилъ преніями, несмотря на всю энергію своей страстной, удивительно самостоятельной натуры, и довелъ до конца дѣло переустройства, несмотря на почти невозможныя трудности. Обаяніе этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ личности было необыкновенно; но, вмѣстѣ съ массой друзей, раскиданныхъ по всему Союзу и готовыхъ лѣзть по одному знаку Блэна и въ огонь, и въ воду, онъ нажилъ и многочисленныхъ враговъ, особенно среди почему-либо считавшихъ себя обиженными политикановъ его собственной, республиканской партіи.

Я лично имѣлъ случай встрѣтиться съ Блэномъ три раза: дважды во время президентской кампаніи 1888 года, при чемъ одинъ разъ ѣхалъ съ нимъ цѣлыя сутки въ одномъ вагонѣ, и затѣмъ въ 1890 году, когда онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Гаррисона. Ни одинъ человѣкъ, нигдѣ, никогда не производилъ на меня ничего подобнаго тому впечатлѣнію, которое произвелъ этотъ послѣдній великій представитель великой американской республики. Его рессурсы по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія были неисчерпаемы,—и онъ умѣлъ такъ группировать факты и такъ освѣщать ихъ своимъ нескончаемымъ остроуміемъ, что превосходство его натуры чувствовалось собесѣдникомъ отъ перваго до послѣдняго слова. Въ то же время онъ былъ очень воспріимчивъ и умѣлъ быстро уловить всякія личныя особенности людей, съ которыми онъ встрѣчался въ первый разъ, быстро приспособлялся къ этимъ особенностямъ и заставлялъ васъ, въ разговорѣ съ нимъ, чувствовать себя какъ дома. Въ вагонѣ я пробесѣдовалъ съ нимъ почти безъ перерывовъ цѣлый день, преимущественно по вопросамъ исторіи и политики Соединенныхъ-Штатовъ; ему, казалось, было крайне интересно узнать, какимъ образомъ я, взрощенный и возмужалый на русской почвѣ, приспособлялся къ американскимъ порядкамъ, и мои

флоридскія впечатлѣнія и тѣ причины, которыя побудили меня примкнуть къ республиканской партіи, казались ему очень поучительными и для коренныхъ янки. Я никогда не забуду этого разговора,—обаяніе этой могучей личности, по всей вѣроятности, останется нетронутымъ, какъ бы долго мнѣ ни пришлось еще прожить.

Уже въ 1876 году Блэнъ явился самымъ вліятельнымъ кандидатомъ на президентство, получивъ на первомъ голосованіи республиканской національной конвенціи этого года наибольшее изъ всѣхъ остальныхъ кандидатовъ число голосовъ; но противные ему элементы были настолько сильны, что, путемъ компромиссовъ, назначенъ былъ совершенно неожиданно и для самой конвенціи, и для націи, Рутерфордъ Гейесъ. Въ 1880 году повторилась совершенно та же исторія: послѣ 35 голосованій,—при чемъ Блэнъ былъ большею частію во главѣ,—назначенъ и выбранъ былъ Гарфильдъ, погибшій такой трагической смертью черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по своемъ водвореніи въ Бѣломъ Домѣ. Наконецъ, въ 1884 году, требованіе націи было настолько неудержимо и сильно, что, несмотря на ту же тактику его враговъ, несмотря на гигантскія ихъ усилія и всевозможныя ухищренія, онъ былъ-таки назначенъ кандидатомъ, но на выборахъ былъ побитъ Кливелэндомъ, благодаря измѣнѣ сенатора штата Нью-Іорка въ сенатѣ Соединенныхъ-Штатовъ, Конклинга, чрезвычайно талантливаго и блестящаго адвоката, который никогда не могъ простить Блэну того, что тотъ однажды въ публичномъ засѣданіи сената назвалъ его индѣйскимъ пѣтухомъ, назвалъ за дѣло и при такихъ обстоятельствахъ, что не было никакой возможности отплатить ему тою же монетою. Штатъ Нью-Іоркъ на этихъ выборахъ оказался въ демократической колоннѣ большинствомъ всего 1.100 голосовъ, чѣмъ и рѣшенъ былъ выборъ Кливелэнда; графство Онондага, гдѣ Конклингъ имѣлъ неограниченное вліяніе, вмѣсто обычнаго республиканскаго большинства въ 3.000 голосовъ, дало 2.000 противъ Блэна, и такимъ образомъ рѣшило его пораженіе. Я уже говорилъ выше о тѣхъ условіяхъ конвенціи 1888 года, благодаря которымъ былъ назначенъ Гаррисонъ.

Такимъ образомъ, Блэнъ въ теченіе цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ неизмѣнно являлся самымъ виднымъ, самымъ, такъ сказать, естественнымъ кандидатомъ республиканской партіи на президентство Соединенныхъ-Штатовъ—и ни разу не успѣлъ занять этого мѣста. Къ сожалѣнію, то же повторилось и въ 1892 году—и на этотъ разъ республиканской партіи пришлось жестоко поплатиться за распри своихъ вожаковъ.

II.

Первый эпизодъ президентской кампаніи 1892 года произошелъ неожиданно рано, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, когда губернаторъ—сенаторъ Гилль—и его присные внезапно созвали конвенцію штата Нью-Іорка для выбора делегатовъ на національную демократическую конвенцію. Эти штатныя конвенціи никогда не созываются раньше мая и даже іюня; но Гилль, только-что успѣвшій, какъ уже упомянуто было выше, захватить законодательное собраніе штата Нью-Іорка, и быть выбраннымъ въ сенаторы Соединенныхъ Штатовъ, и вернуться изъ своего тріумфальнаго путешествія по югу, рѣшилъ ковать желѣзо, пока оно было горячо и пока энтузіазмъ его поклонниковъ, возбужденный его побѣдами, не остылъ, тѣмъ болѣе, что приверженцы Кливелэнда начинали поднимать голову и свирѣпо протестовать противъ его пріемовъ. Конвенція собралась и подавляющимъ большинствомъ не только выбрала исключительно приверженцевъ Гилля, но и связала ихъ резолюціей вотировать не иначе, какъ цѣликомъ, единицей. Горячіе протесты немногихъ друзей Кливелэнда, успѣвшихъ кое-гдѣ проскользнуть въ число членовъ этой конвенціи, были не только вполнѣ игнорированы массой ея, но и мало того, къ нимъ отнеслись съ самымъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, и жестово, непримиримо ихъ обидѣли; русское слово „презрѣніе" не вполнѣ передаетъ значеніе англійскаго слова contempt, означающаго смѣсь презрѣнія и гадливости,—а именно этимъ словомъ и было охарактеризовано отношеніе февральской конвенціи штата Нью-Іорка къ Кливелэнду и его приверженцамъ. Политиканы всей націи съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ этой конвенціи,—обѣ предшествовавшія президентскія кампаніи были рѣшены голосами штата Нью-Іорка,—нація полагала, что безъ этихъ голосовъ демократамъ невозможно разсчитывать на успѣхъ, и потому такъ смѣло и рѣзко поставленная кандидатура Гилля, подкрѣпленная, какъ казалось въ то время и ему и его приверженцамъ, непобѣдимымъ аргументомъ въ видѣ единогласной делегаціи штата въ его пользу, вызвала самый горячій, самый непримиримый протестъ со всѣхъ сторонъ. Американскій народъ, въ особенности Сѣверъ и Западъ, не выноситъ никакихъ coup d'état, никакихъ диктатуръ—и мастерской, какъ казалось сначала, политическій пріемъ Гилля и его подтасованной конвенціи оказался первой и единственной, но въ то же время непростительной политической ошибкой этого замѣчатель-

наго интригана. Все болѣе или менѣе независимое отъ демократическаго политическаго „кольца“ или машины въ самомъ штатѣ Нью-Іоркѣ возстало поголовно; лучшіе люди демократической партіи заговорили публично противъ узурпатора, съ невыносимымъ нахальствомъ навязывавшаго себя націи; многія вліятельныя демократическія газеты, доселѣ поддерживавшія Гилля, вдругъ повернулись къ нему спиной, — пресса Соединенныхъ-Штатовъ неизбѣжно крайне чутка къ порывамъ общественнаго мнѣнія,— самый распространенный юмористическій журналъ „Puck“, уже много лѣтъ издаваемый въ интересахъ демократовъ, выступилъ открыто противъ Гилля цѣлымъ рядомъ самыхъ остроумныхъ, самыхъ злыхъ карикатуръ. Приверженцы Кливелэнда, ободренные такимъ единодушнымъ и неожиданнымъ взрывомъ общественнаго негодованія, немедленно созвали свою собственную штатную конвенцію—дѣло небывалое въ лѣтописяхъ политики Сѣвера, хотя и весьма обычное на Югѣ—и хотя, съ формальной точки зрѣнія, постановленія этой конвенціи не имѣли значенія и избранные ею делегаты не были допущены къ участію въ національной конвенціи, тѣмъ не менѣе уже самый фактъ ея созванія и то сочувствіе, съ которымъ массы народа отнеслись къ нему, имѣли рѣшающее вліяніе на судьбу кампаніи. Весь Востокъ, Сѣверъ и Западъ присоединились къ резолюціямъ этой неформальной конвенціи, и хотя на югѣ многочисленные приверженцы Гилля и продолжали работать неустанно въ его пользу, тѣмъ не менѣе его участь, какъ кандидата въ президенты, была рѣшена. Кливелэндъ весьма ловко воспользовался промахами своего главнаго противника, его приверженцы ожили по всему Союзу, и демократическія штатныя конвенціи одна за другой высказывались или прямо за Кливелэнда, или во всякомъ случаѣ противъ Гилля; этотъ послѣдній, когда результатъ всѣхъ демократическихъ штатныхъ конвенцій сдѣлался извѣстенъ, кромѣ нераздѣльной делегаціи штата Нью-Іорка, могъ разсчитывать только на нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ голосовъ, преимущественно на югѣ. Такимъ образомъ оказалось, что этотъ образецъ американскаго политиканства, въ самую рѣшительную минуту своей карьеры, зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ махинаціяхъ и промахнулся грубо, рѣшительно, безвозвратно; но промахъ этотъ, погубившій Гилля, сослужилъ великую службу демократической партіи Соединенныхъ-Штатовъ: разрозненная и разъединенная въ февралѣ, она оказалась нераздѣльной и сплоченной на выборахъ въ ноябрѣ.

Второстепенные кандидаты на назначеніе демократической

конвенціи, какъ Баярдъ изъ Делавэра, Грэй изъ Индіаны, Камбелль изъ Огайо, Пальмеръ изъ Иллинойса, Рюссель изъ Массачузетса, стушевывались одинъ за другимъ въ виду опасности для демократической партіи, что нація окажется въ рукахъ Гилля и нью-іоркскаго „Таммани Голла", и Кливелэндъ являлся единственнымъ человѣкомъ, сплотясь вокругъ котораго демократы могли осилить ихъ. Уже за мѣсяцъ до демократической національной конвенціи для всякаго дальновиднаго человѣка было очевидно, что Кливелэндъ будетъ несомнѣнно назначенъ, и притомъ подавляющимъ большинствомъ.

Пока, такимъ образомъ, совершалось объединеніе демократической партіи и залечивалась та рознь, которая была занесена въ нее маневрами Гилля и нью-іоркскаго „Таммани Голла", республиканская партія, благодаря цѣлому ряду неблагопріятныхъ обстоятельствъ, совершенно случайныхъ, но тѣмъ не менѣе вѣскихъ, теряла почву съ каждымъ днемъ. Первымъ изъ нихъ, какъ по времени, такъ и по важности результатовъ, явилась стачка рабочихъ на сталелитейныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ Карнэги въ Питтсбургѣ и его окрестностяхъ. Заводы эти всегда завалены работой, даютъ работу 3.800 рабочихъ всякаго рода и платятъ имъ, сравнительно, больше, чѣмъ какое-либо другое фабричное заведеніе этого рода въ Америкѣ или Европѣ; пониженіе цѣны на сталь, идущее въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія двадцать лѣтъ весьма равномѣрно, и введеніе новыхъ машинъ, измѣнившихъ отношеніе стоимости производства въ различныхъ его фазисахъ, заставило заводы весной 1892 г. понизить заработную плату въ одномъ изъ отдѣловъ, гдѣ рабочіе до тѣхъ поръ, благодаря этимъ новымъ машинамъ, получали несоразмѣрно съ другими высокую плату—отъ 8 до 16 долларовъ за восьми-часовой рабочій день, и повысить ее въ другихъ, такъ что въ общемъ задѣльная плата была въ сущности повышена на 18 центовъ въ часъ, хотя въ вышеупомянутомъ отдѣлѣ она и понизилась на 29 центовъ въ часъ. Пониженіе это совсѣмъ не коснулось главной массы рабочихъ; только около 260 человѣкъ, изъ общаго числа 3.800, работали въ этомъ отдѣлѣ, и ихъ плата была понижена на 12%: тѣ, которые заработывали около 250 долларовъ въ мѣсяцъ, стали бы получать около 220; притомъ, только тѣ, которые получали $6^1/_2$ долларовъ въ день и выше, подлежали этому пониженію. Конгрессіональное слѣдствіе, назначенное федеральной палатой представителей, немедленно послѣ усмиренія вызваннаго стачкой бунта, выяснило, что на всѣхъ заводахъ не было ни одного чернорабочаго, который получалъ бы

менѣе 3 долларовъ и 40 центовъ за 8-часовой рабочій день; что мастера заработывали не менѣе 6 долларовъ въ день, и что плата эта повышалась сообразно искусству мастера даже до 22 долларовъ въ день; словомъ, что рабочіе заводовъ Карнэги получали бо́льшую заработную плату, чѣмъ какіе-либо другіе рабочіе во всѣхъ Соединенныхъ-Штатахъ. Случилось такъ, что вожаками союза рабочихъ на заводахъ были именно люди, подвергавшіеся пониженію заработной платы, и вотъ это пониженіе вызвало самую упорную, самую ожесточенную стачку; забастовали не только тѣ, плата которыхъ была понижена, но и всѣ до одного остальные рабочіе всѣхъ отдѣловъ и всѣхъ заводовъ; и не только забастовали сами, но и рѣшительно заявили, что не допустятъ работать на этихъ заводахъ никого другого, кромѣ ихъ самихъ. Заводы имѣли срочные заказы и терпѣли страшные убытки; неоднократно обращались они къ властямъ, требуя защиты права собственности и охраны для новыхъ рабочихъ, которые между тѣмъ стекались со всѣхъ концовъ Союза; но губернаторомъ штата Пенсильваніи былъ демократъ Паттисонъ, находившійся подъ безусловнымъ вліяніемъ демократическаго національнаго комитета, а для этого послѣдняго стачка являлась манной небесной, и онъ рѣшился извлечь изъ нея все, что только было возможно въ политическомъ отношеніи, и потому сдерживалъ Паттисона. Управленіе заводовъ вынуждено было, наконецъ, обратиться къ агентству Пинкертона въ Чикаго, снабжающему частныхъ лицъ вооруженной и дисциплинированной стражей, и когда отрядъ этой стражи прибылъ къ главному заводу, расположенному въ мѣстечкѣ Homestead, приключилось настоящее сраженіе между нимъ и забастовавшими рабочими, сраженіе съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ, и возбудившее страшное волненіе не только въ Пенсильваніи, но и по всему Союзу. Только послѣ этого взрыва была вызвана губернаторомъ милиція штата, которая заняла заводы и подъ защитою которой они опять начали работать съ новымъ составомъ рабочихъ. Стачка была проиграна, заводы наотрѣзъ отказались принять старыхъ рабочихъ на какихъ бы то ни было условіяхъ,—были десятки убитыхъ и раненыхъ, рабочіе были разорены, заводы понесли убытки на пять милліоновъ долларовъ, созывъ и содержаніе милиціи стоилъ штату болѣе милліона. Паттисонъ былъ забаллотированъ на слѣдующихъ выборахъ большинствомъ пятидесяти тысячъ голосовъ, но демократическая партія вообще воспользовалась какъ нельзя лучше этой стачкой, какъ могучимъ орудіемъ для своихъ аргументовъ противъ республикан-

скаго режима, и десятки тысячъ голосовъ по всему Союзу были ею выиграны, благодаря этой стачкѣ.

Непосредственно за этимъ кровавымъ эпизодомъ, потрясшимъ всю страну отъ Атлантическаго до Тихаго океана и отъ Канады до Мексико, послѣдовала стачка желѣзно-дорожныхъ рабочихъ въ городѣ Буффало, въ штатѣ Нью-Іоркѣ. Нѣсколько главныхъ желѣзно-дорожныхъ артерій Союза сосредоточиваются въ этомъ городѣ, гавань котораго служитъ исходнымъ пунктомъ Востока для судоходства по великимъ озерамъ; забастовали рабочіе на соединительныхъ станціяхъ, такъ называемые switchmen, и въ нѣсколько дней не только парализовали и судоходство, и желѣзнодорожное движеніе, но и сожгли и уничтожили на нѣсколько милліоновъ долларовъ желѣзно-дорожнаго имущества. И въ этомъ случаѣ милиція штата съ трудомъ возстановила порядокъ, и штату Нью-Іорку пришлось заплатить громадные убытки за неумѣнье его властей защитить частную собственность. Въ Питтсбургѣ заводы старались оградить свою собственность; въ Буффало желѣзно-дорожныя власти мгновенно стали на легальную почву, заявили мѣстному начальству объ охранѣ и хладнокровно смотрѣли на пожаръ и уничтоженіе, приготовляя счеты противъ штата.

Въ то же время въ штатѣ Айдахо произошло кровавое столкновеніе между рудокопами, членами рудокопнаго союза и вольными рабочими. Какъ въ этомъ штатѣ, такъ и вообще во всемъ районѣ серебряныхъ рудниковъ Союза, рудокопы нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовали рудокопный союзъ, имѣвшій громадную силу и въ сущности диктовавшій свою собственную политику владѣльцамъ рудниковъ; цѣна на трудъ, установляемая этимъ союзомъ, поднималась все выше и выше, а цѣна на серебро опускалась все ниже и ниже,—а когда лѣтомъ 1892 года политическіе вожаки и партіи высказались одни за другими противъ свободной чеканки серебра, цѣна эта вдругъ, кромѣ того, сдѣлала значительный скачокъ внизъ, и многіе рудники, не особенно богатые, принуждены были остановить работу, такъ какъ продуктъ пересталъ окупать издержки. Рудокопный союзъ настаивалъ на той же заработной платѣ, которая существовала годъ тому назадъ, когда серебро было на 20% дороже, и вотъ неминуемый кризисъ разразился прежде всего въ штатѣ Айдахо, гдѣ владѣльцы одного серебрянаго рудника рѣшили ввезти рабочихъ съ востока, согласившихся работать за половину установленной рудокопнымъ союзомъ поденной платы. Оставшіеся благодаря этому маневру безъ работы члены рудокопнаго союза сожгли

рудникъ, остановили желѣзно-дорожное движеніе по возившей руду дорогѣ и, напавъ на пришельцевъ, дали имъ регулярное сраженіе, убили и ранили многихъ, и не только изгнали остальныхъ изъ округа, но и настолько напугали мѣстныя власти и владѣльцевъ рудника, что тѣ бросили все и спаслись бѣгствомъ. Въ этомъ случаѣ вызванная губернаторомъ милиція штата оказалась недостаточной для возстановленія порядка и только созваннымъ особой прокламаціей президента Гаррисона съ разныхъ концовъ Союза нѣсколькимъ полкамъ регулярной арміи удалось, послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія, осилить рабочихъ и водворить спокойствіе.

Одновременно съ этими волненіями въ штатахъ Пенсильваніи, Нью-Іоркѣ и Айдахо произошло и серьезное возстаніе каменноугольныхъ рабочихъ въ штатѣ Теннесси, также окончившееся кровопролитіемъ и уничтоженіемъ милліоновъ цѣннаго имущества. Въ нѣкоторыхъ штатахъ Юга—между прочимъ и въ Теннесси—до сихъ поръ уголовныхъ преступниковъ, присужденныхъ на долгіе сроки, сопряженные съ тяжелой работой, правительство штата отдаетъ въ наймы по контрактамъ разнымъ подрядчикамъ; въ данномъ случаѣ владѣльцы каменноугольныхъ рудниковъ въ восточной половинѣ штата нашли болѣе выгоднымъ замѣнить вольнонаемный трудъ каторжнымъ, заключили соотвѣтственные контракты съ властями, и пенитенціарная тюрьма штата Теннесси была переведена въ каменноугольные районы восточной части. Оставшіеся безъ работы рудокопы поголовно возстали, сожгли зданія тюрьмы, освободили и распустили каторжниковъ и заняли рудники. Милиція штата съ боя—и опять съ убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ—отняла рудники у возставшихъ и возстановила тюрьму на ея прежнемъ мѣстѣ; губернаторъ штата публично поклялся, что онъ возстановитъ порядокъ и заставитъ рудокоповъ уважать законъ, но только-что войска были удалены, новыя зданія были опять сожжены и каторжные опять распущены. Война эта продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ цѣлое лѣто, стоила обѣимъ сторонамъ огромныхъ денегъ и окончилась только тогда, когда владѣльцы рудниковъ отказались отъ контракта и вернулись къ вольнонаемному труду.

Хотя каждый изъ этихъ случаевъ несомнѣнно имѣлъ глубокое общественное значеніе, и вызывалъ какъ печать, такъ и общественное мнѣніе на всестороннее обсужденіе его причинъ и послѣдствій, тѣмъ не менѣе стачка на заводахъ Карнэги монополизировала вниманіе публики въ теченіе всего лѣта 1892 г. Стачка эта сначала вызвала ужасный взрывъ общественнаго негодованія

противъ владѣльцевъ заводовъ, акціонерной компаніи подъ предсѣдательствомъ Фрика (Frick), молодого человѣка, представлявшаго собою интересы самого Карнэги, давно уже удалившагося отъ активнаго участія въ дѣлахъ и живущаго въ великолѣпномъ замкѣ въ Шотландіи, его родинѣ, откуда 50 лѣтъ тому назадъ онъ прибылъ босоногимъ мальчишкой-эмигрантомъ. Нашелся даже горячій юноша, стрѣлявшій по Фрику,—но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ дѣйствительные факты относительно причинъ стачки дѣлались мало-по-малу извѣстными публикѣ, и сами рабочіе стали представляться въ несовсѣмъ благопріятномъ свѣтѣ. Сначала всѣ рабочіе союзы страны посылали имъ денежную поддержку и обѣщали помощь въ борьбѣ съ капиталомъ, затѣмъ помощь эта была мало-по-малу остановлена, и если управлявшіе заводами и не выиграли въ общественномъ мнѣніи, то и рабочіе несомнѣнно потеряли многое, что̀ уже было завоевано ими прежде. Судебное слѣдствіе открыло, что они были поголовно вооружены, мало того, что былъ запасенъ ими въ значительномъ количествѣ динамитъ, для того, чтобы взорвать и уничтожить всѣ заводы; наконецъ, что многіе изъ новыхъ рабочихъ были систематически отравляемы успѣвшими, по разнымъ предлогамъ, пробраться на заводы агентами забастовавшихъ, состоявшими на жалованьѣ сталелитейнаго рабочаго союза. Американскій народъ симпатизировалъ стачкѣ, отнесся индифферентно къ участи убитыхъ агентовъ Пинкертона, но не одобрилъ динамита и безусловно осудилъ ядъ. Воротилы заговора были привлечены къ уголовной отвѣтственности, и цѣлый десятокъ или болѣе осужденъ присяжными. Какъ это судебное, такъ и конгрессіональное слѣдствіе, назначенное демократической палатой представителей федеральнаго конгресса немедленно по взрывѣ, въ надеждѣ откопать компрометтирующіе республиканскій режимъ факты, открыли глаза публикѣ. Подобныя слѣдствія производятся въ Соединенныхъ-Штатахъ чрезвычайно гласно—представители печати допускаются всюду, и потому вся подноготная стачки была скоро вполнѣ раскрыта Отношеніе труда къ капиталу и рабочій вопросъ и до лѣта 1892 года составляли самое чувствительное, самое больное мѣсто американскаго государственнаго механизма; взрывы этого лѣта, если возможно, обострили еще болѣе эти вопросы. Не только пресса и муниципалитеты большихъ городовъ, какъ Буффало и Питтсбургъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этихъ волненіяхъ, но и легислатуры всѣхъ штатовъ должны были усиленно заняться этими вопросами. Земледѣльческій классъ, въ особенности фермеры Запада, усердно

подливали масла въ огонь; страна и понятія не имѣла о томъ, до чего высока была задѣльная плата рабочихъ этихъ заводовъ, и дѣйствительные факты въ этомъ отношеніи, добытые слѣдствіемъ, возмутили фермеровъ до крайности. Какъ, они работаютъ по 12, по 14 часовъ въ сутки, и принуждены довольствоваться какими-нибудь двумя долларами въ день, а тутъ нашлись люди, работающіе всего 8 часовъ въ день и получающіе 15, даже 20 долларовъ въ день, и даже недовольные и такой платой! Очевидно, что-нибудь да неладно! Чего смотрятъ губернаторы, конгрессъ, президентъ? Очевидно, пора перемѣнить всю систему, встряхнуть все до дна. Всѣ земледѣльческіе органы печати—а имя имъ легіонъ—усердно вопили на эту тему и подтачивали принципы протекціонизма, а съ ними и республиканской партіи во всѣхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, доселѣ служившихъ всегда ея твердынями.

Съ другой стороны, и городское населеніе, болѣе интеллигентное и болѣе отзывчивое, занялось обстоятельно рабочимъ вопросомъ. Для всѣхъ стало ясно, что существующіе порядки начинаютъ старѣть—что тѣ формы, которыя началъ принимать капиталъ за послѣднее время, грозятъ болѣе и болѣе общественному спокойствію и начинаютъ подрывать въ корнѣ принципъ собственности. Дѣло въ томъ, что, за послѣднее десятилѣтіе, навѣрное девять десятыхъ, если не болѣе, всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій Соединенныхъ-Штатовъ обратились изъ личныхъ въ корпораціонныя; легислатуры, съ одной стороны преслѣдуя собственниковъ уголовнымъ порядкомъ за всякое нарушеніе закона, съ другой освобождали ихъ отъ этой отвѣтственности, выдавая хартіи на учрежденія корпорацій и, такимъ образомъ, освобождая собственника-капиталиста отъ личной уголовной отвѣтственности. Такъ напр., въ дѣлѣ питтсбургскихъ заводовъ Карнэги, самъ онъ, владѣющій девятью десятыми дѣла, живетъ круглый годъ въ Шотландіи и въ усъ себѣ не дуетъ— а за него отвѣчаютъ подставные представители корпораціи, прикрывающіе дѣйствительнаго собственника и сами по себѣ безотвѣтственные. Въ стачкѣ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ въ Буффало то же самое: дѣйствительные владѣльцы Lake Shore R. R., на которой началась стачка, акціонеры, преимущественно англичане, хотя и являются несомнѣнными виновниками стачки, живутъ внѣ вліянія законовъ страны, и нелѣпо было бы преслѣдовать уголовнымъ порядкомъ ихъ нанятыхъ служащихъ, дѣйствующихъ не самостоятельно, а сообразно инструкціямъ своихъ принципаловъ. Эти стачки стоили: питтсбургская—штату Пенсильваніи

свыше милліона, а буффалоская—штату Нью-Іорку свыше пяти милліоновъ долларовъ. Само собой разумѣется, что поземельной собственности, составляющей $^3/_4$ облагаемаго налогами имущества, пришлось тяжело поплатиться за эти убытки,—убытки, въ глазахъ массъ народа, особенно фермеровъ, вызванные жадностью или неумѣлостью лицъ, стоявшихъ во главѣ этихъ предпріятій съ одной стороны, и неразумными требованіями рабочихъ союзовъ съ другой. Дилемма представлялась крайне затруднительная—и голоса въ пользу государственнаго вмѣшательства и контроля всѣхъ акціонерныхъ предпріятій, а въ особенности желѣзнодорожныхъ, каменноугольныхъ, экспрессныхъ и телеграфныхъ, стали раздаваться все громче и упорнѣе. Дѣло сводилось къ тому, что—разъ государство санкціонируетъ безотвѣтственное массированіе капитала, съ одной стороны, и допускаетъ вооруженную организацію труда, съ другой—оно же обязано и регулировать отношенія между ними настолько, насколько это необходимо для того, чтобы остальные классы населенія не страдали отъ ненормальностей и несообразностей въ этомъ направленіи. Другими словами, собственность, представляемая бездушными и безличными корпораціями, и почему-либо соприкасающаяся съ трудомъ, должна подлежать другимъ законамъ, чѣмъ собственность, принадлежащая отдѣльнымъ лицамъ и не соприкасающаяся съ трудомъ. Даже самые консервативные органы печати, завѣдомо контролируемые капиталомъ, должны были высказаться въ этомъ направленіи: человѣчество идетъ впередъ, его идеи мѣняются сообразно требованіямъ времени, и то, что̀ было истиной для большинства тридцать лѣтъ тому назадъ, теперь стало абсурдомъ для такого же большинства. Организованный трудъ, олицетворяемый рабочими союзами, еще только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершенно не существовалъ въ Соединенныхъ-Штатахъ; лѣтомъ 1892 г. онъ сталъ такимъ неотразимымъ факторомъ, что краеугольный камень современнаго человѣческаго общества—понятіе о собственности—должно было не только поступиться своей непогрѣшимостью, но и открыто признать право труда на значительную долю вмѣшательства въ дѣйствительномъ его распоряженіи. Тотъ принципъ, что рабочій, прилагающій свой трудъ къ извѣстнаго рода собственности, кромѣ извѣстнаго, опредѣленнаго вознагражденія, пріобрѣтаетъ этимъ трудомъ и извѣстныя права на эту собственность,—принципъ, казавшійся безусловно дикимъ еще только двадцать лѣтъ тому назадъ,—утратилъ безвозвратно свою дикость въ виду событій лѣта 1892 года, и хладнокровно обсуждался не только самими рабочими, но и капиталистами-вла-

дѣльцами этой собственности, и споръ между ними шелъ уже не о самомъ принципѣ, а о способахъ его приложенія. Также были они согласны и въ томъ, что государство не только имѣетъ право, но и обязано опредѣлить и регулировать это право труда на собственность извѣстнаго рода и при извѣстныхъ условіяхъ, возникающую благодаря труду.

Земледѣльческая агитація, съ одной стороны, и усилія демократической партіи, съ другой, всюду открыто проповѣдовали, что всѣ эти печальныя, тяжелыя событія были прямымъ послѣдствіемъ республиканскаго режима. Общее благосостояніе, наплывъ иностраннаго золота, лихорадочная дѣятельность по всѣмъ отраслямъ производства—все это игнорировалось въ виду этихъ кровавыхъ, неожиданныхъ взрывовъ. Національныя конвенціи были созваны —республиканская на 7-е іюня, демократическая тремя недѣлями позже—посреди всеобщаго напряженнаго ожиданія. Чувствовалось, что отъ назначеній этихъ конвенцій будетъ зависѣть исходъ выборовъ. Партіи были, сравнительно, уравновѣшены; все то, что̀ было выиграно республиканцами за истекшіе четыре года, благодаря неожиданнымъ событіямъ весны и лѣта 1892 года, было не только опять потеряно, но и едва-ли не давало перевѣсъ ловко воспользовавшимся этими событіями демократамъ.

П. А. Тверской.

ИЗЪ ЛЕНАУ

I.

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО.

Здѣсь озеро гряда лѣсистыхъ горъ сжимаетъ
И тѣни черныя по влагѣ разстилаетъ.

На небѣ тяжело клубятся облака,
Но тихъ и прямъ тростникъ, и буря далека...

Суровъ и дикъ здѣсь міръ! безмолвьемъ побѣжденный,
Здѣсь тонетъ каждый звукъ, теряясь въ безднѣ сонной;

И чудится мнѣ въ немъ, въ загадочномъ молчаньѣ,
Беззвучное прости, нѣмое завѣщанье.

Суровъ и дикъ здѣсь міръ, и сердце онъ влечетъ—
Все горе, всѣ мечты сгубить въ пучинѣ водъ...

О, прочь, надежды! прочь, пустое сновидѣнье—
Любовь, моихъ ночей отрада и мученье!

Обманутъ вами я и обезсиленъ былъ,
Но свергнуть въ пропасть васъ еще достанетъ силъ!..

Вздохъ вѣтра по водѣ скользнулъ, какъ привидѣнье:
Не хочетъ ли онъ вновь смутить мое рѣшенье?

Тростникъ колеблется и шепчетъ въ полуснѣ;
Вотъ съ воплемъ дрогнулъ лѣсъ на дикой крутизнѣ...

Природа, это—ты! шумъ мантіи твоей
Знакомъ мнѣ, какъ шаги возлюбленной моей!

Ты хочешь ли меня въ объятія привлечь
И, пѣсней усыпивъ, страданью вновь обречь?

Чу! ураганъ завылъ, и молнія сверкаетъ;
По черной влагѣ лучъ дрожащій пробѣгаетъ...

Такъ отблескъ лучшихъ дней по сердцу моему
Скользнулъ, открывъ очамъ его глухую тьму;

И тѣни прошлаго мнѣ шепчутъ: „О, глупецъ!
Пора игру въ мечты оставить наконецъ!

„Но если крестъ любви ты хочешь въ бездну ринуть,—
Ты долженъ вмѣстѣ съ нимъ въ объятьяхъ бездны сгинуть".

II.

Осень. Хмуры небеса.
Я гляжу, раздумья полный,
На увядшіе лѣса:
Какъ все пусто, какъ безмолвно!

Смерть и стужа—у дверей.
Гдѣ навѣсъ дубравъ тѣнистый?
Гдѣ краса родныхъ полей—
Волны жатвы золотистой?

Безнадежный, мрачный видъ!
На лугу туманъ клубится;
Вѣтеръ жалобно шумитъ...
Все, прощаясь, въ путь стремится.

Сердце! слышишь плачъ глухой?—
То—ключей нагорныхъ пѣнье.

Звукъ забытый, звукъ родной—
Мнѣ сулитъ онъ утѣшенье.

Сердце! въ жизни ни людей,
Ни себя ты не щадило
Оттого, что все страстнѣй
Ты стремилось и любило...

Все прошло!.. Скорѣй же въ путь!
Нашъ удѣлъ теперь—скитанья.
Я замкну ревниво грудь
Отъ страстей и упованья,

Чтобъ забвенье, вѣрный стражъ,
Молчаливо шло за нами,
Чтобы холмъ могильный нашъ
Только дождь омылъ слезами.

III.

Взглядъ очей темнѣе ночи,
Полный думы, кроткій взглядъ,
О, склонись ко мнѣ, безмолвный,—
И пускай часы летятъ!

Скрой своимъ волшебнымъ мракомъ
Цѣлый міръ отъ глазъ моихъ
И одинъ надъ этимъ сердцемъ
Властвуй—радостенъ и тихъ!

IV.

Пѣнье птицъ, цвѣтовъ дыханье,
Хмѣль природы возрожденной!..
Не глумитесь, не смущайте
Вы мой путь уединенный!

Я давно простился съ вами,
И давно среди ненастья

Отлетѣлъ послѣдній призракъ
Увядающаго счастья;

И закралась въ сердце стужа,
И въ очахъ застыли слезы,
И блѣднѣе снѣга стали
Въ охлажденномъ сердцѣ грезы...

О, цвѣты и пѣсни! Полно
Ликовать, напоминая,
Что одинъ я—гость незванный
На пиру веселомъ мая!

V.

Вновь жизнь мою безъ сожалѣнья
Терзаютъ злоба и гоненья,
Какъ стая бѣшеная волнъ—
Полуразбитый бурей челнъ;
Вновь, маской дружеской одѣты
И расточая сладкій ядъ,
Житейской мудрости совѣты
Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ летятъ!
Въ нихъ все—участіе живое,
Желанье блага и любовь...
Но сердцу слышится иное
Подъ позолотой пышныхъ словъ:
„Глупецъ! Пока ты предъ успѣхомъ
Колѣнъ не станешь преклонять,
Все такъ же будемъ мы со смѣхомъ
Тебя ногами попирать.
Жизнь милосердія не знаетъ,
Не знаетъ дружбы и любви
И бредни сердца презираетъ:
Кто хочетъ жить,—безъ нихъ живи!
Въ пути, неопытный мечтатель,
Поднять упавшихъ не спѣши;
О прошломъ память задуши:
Она—измѣнникъ и предатель!..
Но ты не внемлешь намъ?—такъ прочь!
Съ толпою нашей не мѣшайся:

Намъ—жизнь, тебѣ—глухая ночь;
Молчи и въ прахѣ пресмыкайся!“

VI.

Меня не любишь ты... давно я это знаю!
Напрасенъ былъ весь пылъ упорства и борьбы,
И мѣрной поступи влекущей насъ судьбы
Я съ тайнымъ ужасомъ внимаю.

Ростущимъ холодомъ объятыя сердца
Одинъ лишь гнѣвъ еще живитъ и согрѣваетъ;
Все пасмурнѣй черты суроваго лица,
Улыбка рѣже все мелькаетъ...

И все-жъ ты счастлива! Печаль твоя легка:
Ты только за себя томишься и страдаешь
И только свой удѣлъ увядшаго цвѣтка
Съ рыданьемъ горькимъ проклинаешь.

А я... не знаешь ты, какъ часто въ тишинѣ
Я за тебя дрожу въ мучительномъ сомнѣньѣ,
Какъ часто ту любовь, что пыткой стала мнѣ,
Вновь призываю, какъ спасенье!

VII.

Тихо. Неполной луной озаренный,
Берегъ лѣсистый безмолвно уснулъ.
Шумомъ враждебнымъ мой шагъ потаенный
Въ рощѣ молчанье нѣмое спугнулъ.
Холодъ тревоги чело мнѣ объемлетъ;
Сказка и правда слилися въ одно...
Сердце призыву волшебному внемлетъ,
Сердце невѣдомой жаждой полнò!
Вижу: раздвинулась чаща лѣсная,
И, какъ мечта, изъ ея глубины
Тихо Титанія вышла—нагая,
Легче дыханья, свѣжѣе весны.

Эльфы за нею рѣзвящимся роемъ
Мчатся, шурша въ задремавшей листвѣ;
Липы тѣснятся задумчивымъ строемъ;
Ярче свѣтлякъ загорѣлся въ травѣ...
Тихо... такъ тихо, что слышитъ пустыня
Трепетъ моей потрясенной души!..
Къ берегу путь направляетъ богиня:
Вотъ разступились предъ ней камыши;
Слабо колышется сонная влага;
Легкій надъ нею змѣится туманъ...
Медлитъ богиня, отважнаго шага
Сдѣлать не смѣя; склонившійся станъ
Замеръ, во мглѣ неподвижно бѣлѣя,
Чутко надъ влагой нога замерла...
Гдѣ я?.. то сонъ или истина? гдѣ я?..
Холодъ тревоги сильнѣй вкругъ чела!

VIII.

Уединенная долина
Межъ зеленѣющихъ холмовъ,
Меня, какъ мать—скитальца-сына,
Ты приняла въ объятья вновь.
Здѣсь каждый образъ дорогъ взору
И каждый уголокъ знакомъ:
Тропинка, вьющаяся въ гору,
Густыя ивы надъ ручьемъ;
Убогой хижины останки,
Гдѣ обнищавшій нелюдимъ,
Какъ звѣрь, въ холодной тьмѣ землянки
Ютился нѣкогда, и съ нимъ
Два спутника—недугъ и горе...
А тамъ—въ просвѣтъ синѣетъ даль,
Желтѣетъ нивъ волнистыхъ море,
Блеститъ рѣки живая сталь...
Все тѣ же вы! Съ какой отрадой
На васъ покоится мой взглядъ:
Какъ сладко тѣнью и прохладой
Шатры прибрежныхъ ивъ манятъ!..
Въ травѣ душистой утопая,
Лежу; спокойно дышетъ грудь,

И теплый вѣтеръ, набѣгая,
Мнѣ шепчетъ вкрадчиво: „Забудь!
Забудь печаль, забудь лишенья,
Всю жизнь далекую людей!“
И столько въ звукахъ тѣхъ рѣчей
Волшебной силы утѣшенья,
Что умъ смиряется предъ ней
И вѣритъ призраку забвенья!

Б. Николаевъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ РЕФОРМЫ

и

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

—Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. *Николая —она.* Спб., 1893.

I.

Мы не разъ указывали на странное недоразумѣніе, въ какое впадаютъ экономисты при обсужденіи вопроса о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государственной власти въ экономическую жизнь народа. Предполагается обыкновенно, что отсутствіе какихъ-либо спеціальныхъ покровительственныхъ мѣръ въ пользу хозяйственныхъ интересовъ отдѣльнаго общественнаго класса или сословія—означаетъ невмѣшательство, и что послѣднее обезпечивается дѣйствіемъ такъ называемыхъ общихъ законовъ, одинаковыхъ для всѣхъ гражданъ страны. А между тѣмъ именно эти „общіе законы" даютъ опредѣленное принудительное направленіе всему ходу народнаго хозяйства, устанавливаютъ и охраняютъ извѣстныя экономическія начала и отвергаютъ или игнорируютъ другія, незамѣтно, но неуклонно ломаютъ старыя основы быта, даютъ неизбѣжное преобладаніе частнымъ интересамъ надъ общественными и народными, въ силу установившихся понятій и принциповъ гражданскаго права,—и экономисты даже не замѣчаютъ этого постояннаго разлагающаго дѣйствія традиціонной юриспруденціи или приписываютъ это дѣйствіе какому-то сознательному коварному плану, внушенному будто бы въ новѣйшее время промышленнымъ классомъ или „капитализмомъ".

Вполнѣ понятно и естественно, что составители и исполнители законовъ повсюду проникнуты обычными, издавна господствующими идеями и интересами той общественной среды, къ которой принадлежатъ по рожденію и воспитанію, и что они добросовѣстно считаютъ эти привычныя идеи незыблемыми основами общаго порядка и благоденствія. Этимъ объясняется тотъ мало кѣмъ замѣченный, но чрезвычайно важный фактъ, что „общіе законы", обязательные для всего населенія, вездѣ приноровлены къ житейскимъ условіямъ и понятіямъ небольшой верхней части общества, т.-е. высшихъ и среднихъ его слоевъ. Особенно рѣзко и сильно должно было проявиться значеніе этого факта у насъ въ Россіи, благодаря крестьянской реформѣ, призвавшей къ самостоятельной жизни многіе милліоны бывшихъ крѣпостныхъ разныхъ наименованій. Населеніе свободныхъ русскихъ обывателей, составлявшее прежде пятую часть всей народной массы, слилось формально съ крестьянскимъ большинствомъ, а гражданскіе законы, созданные спеціально для крѣпостной Россіи, для помѣщиковъ, купцовъ и мѣщанъ, сдѣлались сразу общими для цѣлаго народа. Сохраненіе крестьянскаго суда и самоуправленія, съ допущеніемъ дѣйствія народныхъ обычаевъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, не могло помѣшать внезапному напору новыхъ юридическихъ началъ, вторгшихся со всѣхъ сторонъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и съ неудержимой силою, въ сельскій бытъ освобожденнаго крестьянства. Міръ денежныхъ сдѣлокъ и взысканій, хозяйственныхъ и торговыхъ оборотовъ, формальныхъ документовъ и исполнительныхъ листовъ, земельныхъ залоговъ и продажъ охватилъ безграмотную крестьянскую массу обширною сѣтью, изъ которой нѣтъ возможности вырваться, и народъ остался вполнѣ безпомощнымъ среди многочисленныхъ недоразумѣній, дающихъ обильную пищу всякаго рода эксплуатаціи.

Такъ какъ существующіе иностранные кодексы составлялись уже послѣ отмѣны крѣпостныхъ порядковъ, въ періодъ равноправности всѣхъ классовъ общества, то они больше принимаютъ въ разсчетъ особыя хозяйственныя отношенія и обстоятельства сельской жизни, чѣмъ наши гражданскіе законы. Въ кодексѣ французскомъ существуютъ, напр., постановленія о половникахъ, о крестьянской арендѣ, объ отдачѣ скота внаймы или въ содержаніе, при чемъ имѣется въ виду охрана интересовъ поселянъ; между прочимъ, арендная плата понижается въ случаѣ потери не менѣе половины жатвы по случайнымъ причинамъ. Продажа недвижимости можетъ быть уничтожена по причинѣ слишкомъ низкой цѣны, на которую согласился продавецъ подъ вліяніемъ

крайности и нужды, но купившій имѣетъ право удержать за собою землю, доплативъ недостающую сумму до размѣровъ справедливой цѣны и т. п. (Code civil, art. 1674—1686, а также art. 1769—1770 и 1800—1831). По итальянскому кодексу также точно наниматель можетъ требовать уменьшенія слѣдующей съ него арендной платы, если не менѣе половины годичнаго урожая погибло отъ случайныхъ причинъ; при долгосрочной арендѣ, по наступленіи срока найма, арендаторъ имѣетъ право на вознагражденіе за улучшенія, сдѣланныя на снятомъ участкѣ. Подобныхъ постановленій не могло быть въ нашемъ сводѣ законовъ, когда крестьянство составляло еще собственность помѣщиковъ и казны и не имѣло вовсе права заключать какія-либо самостоятельныя сдѣлки; а гражданскіе законы остались почти безъ перемѣны послѣ крестьянской реформы. Въ нашихъ законахъ, въ виду ихъ происхожденія и характера, господствуетъ вообще болѣе строгій формализмъ, гораздо большее уваженіе къ буквѣ и формѣ, чѣмъ въ иностранныхъ законодательствахъ, и этотъ своеобразный духъ, унаслѣдованный отъ бюрократіи старыхъ временъ, держится упорно по традиціи, несмотря на коренное преобразованіе народнаго быта и на измѣнившіяся требованія жизни. Съ подчиненіемъ крестьянскаго суда и самоуправленія мѣстнымъ чиновникамъ-дворянамъ, падаетъ послѣдняя преграда, отчасти охранявшая крестьянство отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ, и отдѣльныя частныя поправки не измѣнятъ этого положенія, выяснившагося вскорѣ послѣ великаго акта 19-го февраля 1861 года. Одновременно съ экономическимъ переворотомъ открылся широкій просторъ для юридической ломки, которая послѣдовательно и незамѣтно разрушала тò, что достигнуто было поземельнымъ устройствомъ крестьянъ.

Къ сожалѣнію, писатели, разсуждающіе о народномъ хозяйствѣ, рѣдко обращаютъ вниманіе на законодательство, господствующее надъ экономическимъ бытомъ народа; отсюда происходитъ крайняя односторонность въ пониманіи причинъ и условій многихъ хозяйственныхъ явленій. Если къ этой односторонности присоединяется еще приверженность къ какой-нибудь опредѣленной теоріи и стремленіе объяснить ею всевозможные экономическіе факты, то крупныя основныя ошибки превращаются въ цѣльную и стройную систему, которая невольно внушаетъ къ себѣ довѣріе своей внѣшнею логичностью. Такимъ именно характеромъ отличается вышедшая недавно книга г. Николая —она, замѣчательная по богатству и точности собраннаго матеріала, по сложности и тонкости анализа, по смѣлой рѣшительности выво-

довъ. Первая часть этой книги, напечатанная въ 1880 году въ журналѣ „Слово" и оставленная теперь безъ всякихъ почти измѣненій, была въ свое время очень замѣчена читающею публикою и литературою. Факты, установленные авторомъ, весьма поучительны и интересны; но имъ дается спеціальное освѣщеніе при помощи теоріи Маркса, выработанной на основаніи данныхъ западно-европейской и особенно англійской промышленной жизни. Тѣ печальные симптомы хозяйственнаго упадка и разложенія, которые должны были неизбѣжно возникнуть у насъ при неограниченномъ господствѣ элементарнаго хищничества въ разныхъ видахъ и формахъ, на почвѣ общихъ гражданскихъ, торговыхъ и вексельныхъ законовъ,—принимаются за результаты развитія и торжества „капитализма" въ томъ смыслѣ, какъ понимають это слово вѣрные послѣдователи Маркса. Капиталистическое производство, предполагающее принадлежность средствъ и орудій труда капиталистамъ, а не рабочимъ, виновато будто бы въ томъ, что масса нашего крестьянства обнищала и доведена была до голода 1891 года. Самый капитализмъ, сущность котораго сводится къ эксплуатаціи неимущихъ богатыми предпринимателями, изображается въ видѣ какой-то новой, пришедшей извнѣ разрушительной силы, которой будто бы не было у насъ мѣста до крестьянской реформы.

Г. Николай —онъ готовъ даже отдать преимущество крѣпостному порядку передъ позднѣйшимъ, по-реформеннымъ, въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ прежде преобладала у насъ будто бы народная форма производства, а не капиталистическая. „Форма процесса производства,—говоритъ авторъ,—выработанная многими вѣками хозяйственной дѣятельности Россіи и получившая недавно въ крестьянскомъ „Положеніи" санкцію закона, форма, въ которой орудія производства принадлежатъ самимъ производителямъ, стала въ противорѣчіе съ новою формою процесса производства, въ которой орудіе труда ни подъ какимъ видомъ не должно принадлежать производителю. Вліяніе этой новой формы можно прослѣдить въ самомъ „Положеніи" 19-го февраля, допускающемъ такъ называемый даровой, нищенскій надѣлъ, и въ особенности въ тѣхъ его статьяхъ, которыя относятся къ горнозаводскимъ рабочимъ. Статьи эти идутъ въ разрѣзъ съ основнымъ направленіемъ „Положенія", надѣляя горнозаводскихъ рабочихъ только одной десятиной земли и не узаконивая выкупа самаго орудія производства—завода. Само „Положеніе" было лебединою пѣснью стараго процесса производства; послѣ него не было ни одного законодательнаго акта, имѣющаго

цѣлью развитіе крестьянъ, какъ производителей; вся послѣдующая государственно-хозяйственная дѣятельность была направлена въ совершенно противоположную сторону" (стр. 66—67). Отсюда пошли всѣ наши бѣдствія, до неурожая и голода 1891 года включительно. „Голодъ этого года показалъ намъ до осязательности ясно, какъ былъ невѣренъ тотъ хозяйственный путь, которымъ мы шли за послѣднія тридцать лѣтъ. Вмѣсто того, чтобы придерживаться тѣхъ основъ хозяйственной жизни, которыя оставило намъ историческое прошлое; вмѣсто того, чтобы развивать достигнутые результаты помощью науки, знанія и опыта, которые намъ давались даромъ западной Европою, мы свернули съ пути, которымъ шли въ продолженіе многихъ вѣковъ; мы стали устранять производство, основанное на тѣсной связи непосредственнаго производителя со средствами производства, на тѣсной связи земледѣлія и обработывающей промышленности, и положили въ основаніе своей хозяйственной политики развитіе производства капиталистическаго, основаннаго на экспропріаціи непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства, со всѣми сопровождающими его бѣдствіями, которыми теперь страдаетъ западная Европа. Мы не только шли на встрѣчу этимъ бѣдствіямъ, но обостряли ихъ, покровительствовали болѣе быстрѣйшему отдѣленію средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, и въ концѣ концовъ достигли того, что капитализмъ развился дѣйствительно сильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ валовое производство страны сократилось. Бѣдствіе 1891 года показало, къ чему можетъ привести капиталистическое производство въ странѣ съ мало развитыми и уменьшающимися жизненными потребностями, въ странѣ, запустившей свое научное развитіе, въ странѣ съ слабыми намеками на знанія техническія, агрономическія и др., въ странѣ, все промышленное развитіе которой основывается на дальнѣйшемъ отдѣленіи средствъ производства отъ производителей, на искусственномъ способствованіи такому отдѣленію, а слѣдовательно на искусственномъ ускореніи образованія массы лицъ, не имѣющихъ ни кола, ни двора, и постоянно бродящихъ изъ конца въ конецъ по всей странѣ въ поискахъ за работой и не находящихъ ея". Вся бѣда наша въ томъ, что „самое производство приняло капиталистическую форму, что оно перестало быть народнымъ, что мы постарались, при всей нашей „самобытности", перенять отъ западной Европы именно то, что̀ въ ней было худшаго, то, отъ чего она бѣдствуетъ, то, что̀ она никакъ не можетъ упорядочить" (стр. 281—282). Капитализмъ произвелъ у насъ такой переворотъ, „подобія которому мы на-

прасно стали бы искать на протяженіи всего тысячелѣтія, пережитаго нами. Ни удѣльныя безурядицы, ни татарщина не касались формъ нашей хозяйственной жизни; поэтому по минованіи всякихъ невзгодъ формы эти не только сохранялись, но благодаря исключительно имъ, благодаря этимъ народнымъ производствамъ и основываясь на нихъ, колонизовалась и населилась вся южная Россія, колонизовалась Сибирь; благодаря этимъ формамъ, мы видимъ русское государство такимъ, какое оно есть въ настоящее время. И все это несмотря на гнетъ крѣпостного права со всѣми его послѣдствіями во всѣхъ областяхъ общественной жизни, и только благодаря тому, что основныя формы народнаго производства оставались незатронутыми: непосредственные производители и средства производства не были разобщены. То, чего не могли сдѣлать никакія невзгоды, произвело такое разъединеніе. Въ самый короткій срокъ произошла коренная ломка всего промышленнаго строя: домашнее производство крестьянства было убито, въ области обработывающей промышленности произошло полнѣйшее отдѣленіе средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей. Крестьянство въ этой области было экспропріировано" (стр. 284).

Изъ этой длинной цитаты можно видѣть, что авторъ весьма оригинально смотритъ на всю исторію нашего народно-хозяйственнаго строя. Положеніе дѣлъ до и послѣ крестьянской реформы представлено какъ будто навыворотъ. Неужели при крѣпостномъ правѣ земля принадлежала непосредственнымъ производителямъ, т.-е. крестьянамъ, а послѣ освобожденія отошла отъ нихъ? Развѣ помѣщичье и казенное хозяйство, при полномъ безправіи народныхъ массъ, имѣло что-либо общее съ „народною формою производства"? Цѣлая пропасть отдѣляла владѣльцевъ орудій земледѣльческаго производства отъ непосредственныхъ производителей, обработывавшихъ землю своимъ трудомъ; помѣщикъ распоряжался землею и самими крестьянами какъ своею собственностью, отрывалъ крестьянъ отъ воздѣлываемыхъ ими участковъ по своему усмотрѣнію, переводилъ людей изъ одной деревни въ другую, перечислялъ ихъ въ дворовые, продавалъ ихъ оптомъ и въ розницу (пока это право не было ограничено закономъ), собиралъ продукты крестьянскаго труда въ свою пользу, — и въ этомъ, болѣе чѣмъ капиталистическомъ, почти рабовладѣльческомъ способѣ хозяйства г. Николай — онъ усматриваетъ „народную форму производства", соотвѣтствующую будто бы хозяйственнымъ интересамъ и правамъ трудящихся! Быть можетъ, авторъ имѣетъ въ виду то обстоятельство, что фактически крестьяне большею

частью сохраняли старыя связи съ землею подъ условіемъ отбыванія извѣстныхъ повинностей натуральныхъ или денежныхъ; но такія же фактическія связи съ „орудіями производства" существуютъ и даже переходятъ по наслѣдству, изъ рода въ родъ, у многихъ рабочихъ семействъ на фабрикахъ и заводахъ, особенно на рудникахъ, въ каменноугольныхъ копяхъ и пр., въ современной Европѣ, и однако это обстоятельство нигдѣ не считается признакомъ „народной формы производства", въ противоположность капиталистической.

Если „Положеніе" 19-го февраля закрѣпило за крестьянами право на землю, которою они прежде пользовались фактически, то именно этимъ возстановлена была отчасти первоначальная народная форма землевладѣнія и земледѣлія, уничтоженная или подорванная когда-то экспропріаціею крестьянства въ пользу помѣщиковъ и казны. Какимъ же образомъ „Положеніе", упразднившее старый порядокъ помѣщичьяго хозяйства съ даровымъ крестьянскимъ трудомъ, можетъ быть названо „лебединою пѣснью" именно этого „стараго процесса производства"? Авторъ говоритъ о послѣдовавшей затѣмъ, благодаря капитализму, „экспропріаціи непосредственныхъ производителей отъ средствъ производства"; но что это за экспропріація, когда она совершилась и въ чемъ заключалась, въ области крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія,—остается загадкой. Насколько извѣстно, общая площадь крестьянскихъ надѣльныхъ земель не уменьшилась со времени „Положенія" 1861 года, и согласно варварской терминологіи экономистовъ, примѣняющихъ къ землѣ фабрично-промышленныя понятія объ орудіяхъ и средствахъ производства, никакого „отдѣленія средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей" не произошло. Гдѣ же тотъ переворотъ, который по своимъ послѣдствіямъ превзошелъ будто бы всѣ ужасы удѣльныхъ неурядицъ и татарщины?

Хотя авторъ говоритъ о производствѣ вообще, не выдѣляя земледѣлія, но въ сущности онъ оставляетъ въ сторонѣ крестьянское землевладѣніе и строитъ свои общіе выводы только на судьбахъ обработывающей промышленности. Однако, въ предшествовавшую эпоху, насколько извѣстно, фабрики и заводы основывались на началахъ откровенной и суровой эксплуатаціи рабочихъ силъ, съ нѣкоторымъ участіемъ принудительнаго рабовладѣльческаго элемента, и отыскивать въ этомъ фабрично-заводскомъ устройствѣ какіе-либо признаки народной формы производства было бы просто смѣшно. Слѣдовательно, и въ этой области у насъ, напротивъ, ограничили и подвергли контролю старыя злоупотребленія, а вовсе не

вводили новаго, худшаго принципа на мѣсто прежняго, хорошаго. Что же касается вытѣсненія домашнихъ и кустарныхъ промысловъ развитіемъ фабричнаго производства, то начало этого вытѣсненія авторъ напрасно связываетъ съ моментомъ крестьянской реформы; въ дѣйствительности, новѣйшій по-реформенный капитализмъ не имѣлъ уже надобности „переводить ткацкіе станки изъ избъ къ себѣ на фабрики", отдѣлять крестьянъ отъ средствъ и орудій производства и т. п., ибо все это сдѣлалось гораздо раньше, какъ видно изъ свѣденій, цитируемыхъ въ одномъ мѣстѣ самимъ авторомъ, относительно главнаго, центральнаго района нашей промышленности. Въ московской губерніи ткачество составляло домашнее занятіе крестьянъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ; „нѣсколько позже появилась выработка льняныхъ и грубыхъ суконныхъ тканей для рынка; съ начала XVIII столѣтія стало распространяться производство шолковыхъ тканей, которое постепенно развивалось и наконецъ охватило большинство уѣздовъ. Съ настоящаго столѣтія суконное производство начало исчезать изъ крестьянскихъ избъ, а шолковое постепенно концентрируется въ ограниченныхъ мѣстностяхъ богородскаго и коломенскаго уѣздовъ; въ то же время начинаетъ развиваться выработка тонкихъ шерстяныхъ тканей, и наконецъ, съ 1822 года (годъ введенія высокой покровительственной пошлины) появляется бумажное производство, которое начинаетъ вытѣснять всѣ остальные роды ткачества и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ является преобладающимъ занятіемъ крестьянъ во все свободное отъ земледѣльческихъ работъ время. Самая организація промысла съ 1822 года совершенно измѣняется: вмѣсто самостоятельныхъ кустарныхъ производителей, крестьяне становятся лишь исполнителями нѣкоторыхъ операцій крупнаго фабричнаго производства; они ограничиваютс- лишь полученіемъ задѣльной платы" (стр. 108). Такъ характеризуется послѣдовательный ходъ дѣла въ одномъ изъ сборниковъ статистическихъ свѣденій по московской губерніи. Очевидно, новѣйшая по-реформенная эпоха не можетъ отвѣчать за факты, совершившіеся еще въ двадцатыхъ годахъ, и г. Николай — онъ направляетъ свои удары совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ.

Доктринерство въ духѣ Маркса принимаетъ у автора крайне типичную и своеобразную форму: простая справка съ мнѣніями и словами учителя замѣняетъ для него всякіе критеріи истины и окончательно рѣшаетъ всякіе спорные вопросы. Чтобы опровергнуть взглядъ какого-нибудь ученаго экономиста, онъ противопоставляетъ ему выписку изъ книги о „Капиталѣ" — и больше ничего. Онъ и не признаетъ Родбертуса и относится къ нему

насмѣшливо только потому, что Марксъ отрицалъ Родбертуса и старательно умалчивалъ объ его теоріяхъ и идеяхъ, отдѣлываясь отъ нихъ только рѣзкими ироническими замѣчаніями; а между тѣмъ, напримѣръ, мысль Родбертуса о невозможности приравнивать земли къ капиталу заслуживала бы, по крайней мѣрѣ, упоминанія, въ видѣ противовѣса шаблонному и плоскому взгляду, относящему землю къ рубрикѣ „средствъ и орудій производства". Г. Николай —онъ постоянно цитируетъ Маркса и приводитъ изъ него цѣлыя страницы; всѣ другіе экономисты-теоретики для него, можно сказать, не существуютъ, — точно такъ же, какъ и самъ Марксъ не допускалъ въ политической экономіи другихъ авторитетовъ, кромѣ своего собственнаго. Въ семидесятыхъ годахъ, подъ вліяніемъ чисто юношескаго увлеченія книгою о „Капиталѣ", такое безусловное преклоненіе предъ каждымъ словомъ учителя было еще извинительно и понятно; но теперь спокойная научная критика могла бы уже вступить въ свои права и отбросить въ сторону элементъ поклонничества, неумѣстный въ серьезной литературѣ. Любопытно, что у людей, проповѣдующихъ принципы общиннаго хозяйства и отвергающихъ экономическій индивидуализмъ, обнаруживается готовность пассивнаго подчиненія чужому авторитету въ самой высшей области человѣческой дѣятельности,— какъ бы въ наглядное доказательство того, что даже въ умственной сферѣ трудно отрѣшиться отъ привычки подчиняться своего рода капиталистамъ-предпринимателямъ, и что въ наилучше организованной общинѣ всегда будутъ вожди, за которыми послушно пойдетъ большинство, въ ущербъ своей независимости и своимъ интересамъ.

Чтобы подтвердить непогрѣшимость теоріи Маркса въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ, авторъ пожертвовалъ нѣкоторыми существенными требованіями здравой логики, хотя онъ прекрасно владѣетъ и умѣетъ пользоваться всѣми орудіями точнаго научнаго метода; онъ не только усвоилъ идеи и способы разсужденія Маркса, но старается говорить его тяжеловѣснымъ языкомъ, употребляетъ его любимые обороты и пріемы, хотя несомнѣнно обладаетъ искусствомъ самостоятельно излагать свои мысли въ ясной и образной формѣ. Эти особенности книги г. Николая —она не умаляютъ достоинствъ ея положительнаго, хозяйственно-статистическаго содержанія, и самое богатство матеріала, разработаннаго авторомъ, обязываетъ насъ отнестись внимательно къ тѣмъ выводамъ, которые онъ дѣлаетъ, и къ тѣмъ способамъ, какими онъ до нихъ доходитъ.

II.

При оцѣнкѣ хозяйственнаго положенія нашего крестьянства выступаетъ передъ нами прежде всего вопросъ о непомѣрной тяжести податныхъ платежей и взысканій. Черезъ десять лѣтъ послѣ крестьянской реформы оказалось, что платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли, составляли почти 200%, т.-е. „они не только отдавали весь свой доходъ съ земли, но должны были еще приплачивать столько же изъ стороннихъ заработковъ". Прошло еще десятилѣтіе, и „народное хозяйство достигло такого состоянія, что дальнѣйшее ухудшеніе можетъ вести только къ вырожденію". Но подати за это время возросли сравнительно немного, и, по мнѣнію автора, „только ими однѣми нельзя объяснить того положенія, въ которое стало крестьянство". Другими словами, для разоренія сельскихъ обывателей недостаточно еще отнимать у нихъ систематически весь добываемый ими доходъ съ земли, сверхъ значительной доли личныхъ заработковъ; эта простая причина могла бы удовлетворить экономиста, еслибы дѣло шло о какомъ-либо другомъ общественномъ классѣ, который умѣетъ громко заявлять о своихъ бѣдствіяхъ и нуждахъ, но относительно молчаливой крестьянской массы требуются иныя, болѣе глубокія и сложныя объясненія.

Отыскивая эти болѣе глубокія причины крестьянскаго разстройства и упадка, авторъ тотчасъ находитъ ихъ въ западно-европейскомъ капитализмѣ, занесенномъ къ намъ послѣ крымской войны и вступившемъ въ жестокую борьбу съ враждебными ему принципами нашего хозяйственнаго строя. Средства для борьбы были избраны „такія, повидимому, невинныя, какъ кредитъ и желѣзныя дороги". Государство принялось энергично устроивать и расширять желѣзно-дорожную сѣть, не щадя для этого никакихъ усилій и затратъ; но финансовая сторона дѣла была такъ плохо организована, что всѣ прибыли доходныхъ линій идутъ въ карманы частныхъ лицъ, а дефициты остальныхъ дорогъ падаютъ на казну, при чемъ задолженность дорогъ государству равняется почти всей суммѣ издержекъ на ихъ постройку. Одновременно съ желѣзными дорогами развились и умножились кредитныя учрежденія; и тѣ и другія—какъ подробно показываетъ авторъ на основаніи своихъ статистическихъ выкладокъ и таблицъ,—живутъ и держатся производительностью народнаго земледѣлія, отражаютъ въ себѣ главные моменты сельскаго хозяйства, въ

видѣ двойныхъ годичныхъ волнъ—весенней и осенней, и дѣйствуютъ съ наибольшею энергіею именно въ тѣ мѣсяцы, которые имѣютъ наибольшее значеніе для мужика-землепашца. Пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ достигаетъ наибольшей величины въ августѣ, когда рабочіе окончили свои работы въ владѣльческихъ хозяйствахъ и „возвращаются къ своимъ пенатамъ"; столь же правильно увеличивается перевозка грузовъ въ періодъ послѣ жатвы. Приливы и отливы денегъ въ кассахъ банковъ, переводы суммъ изъ столицы въ провинцію и обратно, соотвѣтствуютъ колебаніямъ и требованіямъ хлѣбной торговли; въ связи съ этимъ находятся временные выпуски кредитныхъ билетовъ. Къ концу лѣта нужны деньги для того, чтобы получить отъ производителя продуктъ его лѣтнихъ работъ. „Посмотрите,—говоритъ авторъ,—какъ уже заранѣе заносится оружіе нашего времени, спеціальная функція котораго — отдѣленіе продукта труда отъ производителя; посмотрите, какъ уже заранѣе, съ іюля и августа, подготовляются деньги, какъ онѣ подкрадываются къ производителю, чтобы въ удобный моментъ быть готовымъ сдѣлать свое дѣло. Самаго процесса производства онѣ знать не хотятъ. Производитель только и милъ для нихъ непосредственно по окончаніи работъ. И дѣйствительно, въ сентябрѣ только и нужно, что деньги. Кассы банковъ пустѣютъ. Государственный банкъ выпускаетъ ихъ (кредитные билеты) въ этотъ одинъ мѣсяцъ больше, чѣмъ во всѣ остальные мѣсяцы года. Словомъ, нужны деньги и деньги:—онѣ идутъ въ народъ; это единственный мѣсяцъ въ цѣломъ году, когда онъ болѣе или менѣе близко видитъ ихъ. Пусть ихъ туда идутъ, ихъ не жаль, онѣ знаютъ своего хозяина и не залежатся за мужицкимъ голенищемъ, а возвратятся въ тотъ же карманъ, откуда вышли, но возвратятся не однѣ, а принесутъ съ собою то, за чѣмъ ходили, принесутъ земледѣльческіе продукты" (стр. 24).

Процессъ обращенія денегъ и продуктовъ, въ связи съ дѣятельностью банковъ и желѣзныхъ дорогъ, описанъ авторомъ мастерски. Роль капитализма въ этомъ процессѣ обрисована весьма картинно. Вывозъ хлѣбовъ за границу увеличивается въ ущербъ народному потребленію; часть чистаго сбора, идущая въ государственный доходъ (около 40%), возросла въ теченіе десятилѣтія всего на 1%, а часть хлѣба (отъ 10 до 18%), идущая за границу, т.-е. въ пользу капиталистовъ, отняла у народнаго питанія болѣе 8%. Такимъ образомъ „капиталистическое накопленіе происходитъ на счетъ сокращенія народнаго потребленія". Въ одномъ мѣстѣ авторъ допускаетъ уже, хотя и въ видѣ на-

тяжки, что и хлѣбъ, вывозимый за границу, продается крестьянами для внесенія податей (стр. 42—3) и слѣдовательно идетъ также въ пользу государства. Тѣмъ не менѣе за упадокъ крестьянскаго хозяйства при такихъ условіяхъ отвѣтственна будто бы только та доля хлѣбнаго сбора, которая проходитъ черезъ руки капиталистовъ. „Съ приростомъ населенія земледѣльческій трудъ не сталъ производительнѣе; а это послѣднее обстоятельство надо поставить въ вину тому же капиталистическому хозяйству", ибо „какое бы то ни было производство можетъ развиваться (лишь) при томъ условіи, чтобы часть продукта не только вновь шла на производство, но чтобы часть труда могла быть обращаема на увеличеніе успѣшности труда. А такъ какъ земледѣльческое хозяйство—не капиталистическое, то капиталисты не считаютъ своею обязанностью заботиться объ этомъ, а у крестьянина, чтобы сдѣлать свой трудъ болѣе успѣшнымъ, средствъ уже не хватаетъ, такъ какъ и на прокормленіе у него остается хлѣба почти на седьмую долю меньше прежняго (стр. 40). Почему капиталисты должны больше заботиться о земледѣліи, чѣмъ само государство, отбирающее у крестьянъ почти половину всего валового земледѣльческаго продукта,—этого авторъ не разъясняетъ. Капитализмъ особенно оживился въ годы войны, насколько можно судить по количеству цѣнностей, отдаваемыхъ на храненіе въ государственный банкъ. Конечно, увеличеніе суммы вкладовъ могло быть объяснено гораздо проще—обычными обстоятельствами тревожнаго времени, отъѣздомъ массы состоятельныхъ лицъ въ армію, естественнымъ застоемъ въ дѣлахъ, и т. п.,—но авторъ не останавливается на такихъ простыхъ объясненіяхъ. Такъ какъ въ 1877 г. размѣръ ежегоднаго возрастанія суммы вкладовъ почти удвоился, то очевидно „народное бѣдствіе дало возможность усилиться капиталистическому накопленію вдвое". Капиталъ „спекулировалъ на поприщѣ народнаго несчастія", и даже воинственное настроеніе нашихъ шовинистовъ и газетчиковъ вызывалось лишь страстью къ капиталистическому накопленію. Желѣзныя дороги, кредитныя и торговыя операціи приспособились къ одной цѣли и достигли надлежащаго развитія уже въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. „Весь этотъ гигантскій механизмъ, до сихъ поръ недостаточно скрѣпленный, двигавшійся неравномѣрно, получилъ окончательное скрѣпленіе; всѣ его части какъ нельзя лучше приладились другъ къ другу, и онъ двинулся уже правильно, равномѣрно, съ достаточною скоростью. И уже теперь, при усиленіи движенія какой-нибудь части, онъ пойдетъ быстрѣе, весь цѣликомъ, причемъ потенціальная энергія продуктовъ производства можетъ

обратиться въ энергію движенія и еще болѣе ускорить ходъ всего механизма. Но потенціальная энергія продукта есть прямой результатъ труда—энергіи движенія—и земли, къ которой прилагается этотъ трудъ. Если живая энергія труда и потенціальная энергія земли будутъ постоянно разсѣеваться, выражаясь механическимъ языкомъ, то потенціальная энергія продукта, которая обращается въ живую энергію обмѣна, также разсѣется; другими словами, если производители и земля будутъ по прежнему оставаться въ пренебреженіи, то ходъ всего механизма обмѣна сначала нѣсколько замедлится, затѣмъ это замедленіе будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться до полной остановки всего механизма" (стр. 51). Около двухъ третей всего годичнаго средняго урожая отнимается у крестьянъ, такъ что производитель располагаетъ въ свою пользу продуктами только третьей части своего рабочаго времени, т.-е. онъ работаетъ два дня въ недѣлю на себя и четыре на другихъ (на подати и пр.); отсюда тотъ странный фактъ, что крестьяне осенью продаютъ свой хлѣбъ, а весною покупаютъ его обратно. Предметы народной пищи постепенно вовлекаются въ кругъ торговли и отчасти исчезаютъ изъ мѣстнаго потребленія, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и усилившемуся производству для продажи. Денежное хозяйство „сократило деревенское потребленіе пшеницы до нуля. „Покончивъ такимъ образомъ дѣло съ пшеницей, оно взялось за рожь; но здѣсь ему пришлось встрѣтить препятствіе со стороны крестьянскаго желудка, который, къ его прискорбію, не можетъ остаться совсѣмъ безъ пищи И вотъ начинается между ними борьба. Орудіе торговли—деньги. Она (т.-е. торговля) и предлагаетъ болѣе высокую цѣну за рожь (мы видѣли, что цѣна ржи повысилась, между тѣмъ какъ цѣна пшеницы не только не повысилась, но даже нѣсколько понизилась). Съ другой стороны, какъ ни эластиченъ желудокъ производителей, но и этой способности есть предѣлы; потребленіе достигаетъ минимума, ниже котораго оно идти не можетъ; но въ жару борьбы желудокъ уступилъ слишкомъ значительную часть поля битвы деньгамъ, а послѣднія, разъ завоевавъ что-нибудь, уже не отступятъ ни на шагъ, такъ что та доля, которою пришлось довольствоваться крестьянскому желудку, оказалась гораздо ниже количества, требуемаго для поддержанія организма въ здоровомъ состояніи. Другими словами, организмъ уже не въ состояніи выносить при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ то, что приходилось выносить при прежнихъ. Онъ дѣлается болѣе слабымъ, болѣе податливымъ, и не можетъ уже съ прежнею успѣшностью приспособляться къ внѣшнимъ измѣняющимся условіямъ; онъ дѣлается

болѣе склоннымъ ко всякимъ болѣзнямъ, эпидеміямъ и пр., а это на языкѣ біологовъ носитъ страшное названіе *вырожденія*. Не чума, дифтеритъ и прочія болѣзни усилились, а ослабѣлъ организмъ: въ этомъ существенное различіе" (стр. 61—3).

Болѣзнь опредѣлена мѣтко и сильно, особенно если вспомнить, что приведенныя строки написаны были тринадцать лѣтъ тому назадъ. Но въ чемъ заключаются причины болѣзни и какія нужны тутъ лекарства? Внѣшній механизмъ обмѣна и передвиженія не могъ заставить мужика отдавать или продавать продукты, необходимые ему самому для пропитанія; мужикъ продаетъ хлѣбъ и потомъ покупаетъ его снова не для того, чтобы доставить доходъ желѣзнымъ дорогамъ, банкамъ и торговцамъ, а напротивъ, желѣзныя дороги, банки и торговцы орудуютъ съ крестьянскимъ хлѣбомъ только потому, что хлѣбъ неизбѣжно выносится мужикомъ на рынокъ, для полученія денегъ. Крестьянинъ отдаетъ все бо̀льшую и бо̀льшую долю своего продукта не оттого, что существуютъ готовые усовершенствованные способы сбыта и увоза сельскихъ произведеній. Желѣзныя дороги и торговыя операціи суть орудія, облегчающія и ускоряющія обмѣнъ, а вовсе не самостоятельные факторы, непосредственно побуждающіе производителей сокращать потребленіе въ пользу капиталистовъ. Крестьяне вынуждены во что бы то ни стало добывать деньги въ извѣстные мѣсяцы года, для покупки сѣмянъ, для покрытія казенныхъ и всякихъ иныхъ платежей, и долги, заключаемые ради этого на самыхъ тягостныхъ условіяхъ, уплачиваются послѣ жатвы. Даже обильный урожай,—какъ показываютъ свѣденія, приводимыя самимъ авторомъ (стр. 144 и слѣд.),—обыкновенно уходитъ почти весь на погашеніе долговъ, и мужику остается жить впроголодь среди общаго процвѣтанія хлѣбной торговли. Капиталисты (желѣзно-дорожные, банковые и прочіе) пользуются по мѣрѣ силъ этимъ печальнымъ положеніемъ крестьянства, но не они создали это̀ положеніе. Г. Николай —онъ разсуждаетъ иначе; онъ не идетъ далѣе анализа способовъ, какими продуктъ удаляется отъ производителя, и не ищетъ уже другихъ источниковъ зла, кромѣ капитализма.

За выводами изъ совершающихся у насъ фактовъ авторъ обращается къ Марксу, у котораго и заимствуетъ общій взглядъ на борьбу двухъ противоположныхъ хозяйственныхъ формъ. Что у насъ ничего не дѣлалось для поднятія народнаго земледѣлія, а напротивъ подрывались производительныя силы и средства сельскаго населенія податными строгостями, односторонними мѣропріятіями въ пользу крупной промышленности и торговли, въ

пользу развитія денежныхъ и кредитныхъ оборотовъ,—это совершенно вѣрно; но было бы крайне странно утверждать, что за этою ошибочною экономическою политикою, основанною на рядѣ недоразумѣній и иллюзій, стояла какая-нибудь сознательная система эксплуатаціи. Государство, по мнѣнію автора, служило какъ бы орудіемъ въ рукахъ капитализма. „Такъ какъ,—говоритъ онъ словами Маркса,—сила всегда служитъ повивальной бабкой старому обществу, когда оно бываетъ беременно новымъ, и сама сила есть экономическій дѣятель", то „капиталистическое хозяйство пользуется государственными средствами, этою сосредоточенною и организованною силою, для того, чтобы явиться на свѣтъ" (стр. 68). Слѣдовало бы только прибавить: гдѣ у насъ та буржуазія, которая олицетворяла бы собою капитализмъ и направляла бы силы государства въ свою пользу? Новый порядокъ вещей устроивался на казенный счетъ, во имя настоятельныхъ государственныхъ потребностей, подъ вліяніемъ тяжелыхъ ударовъ крымской войны; насажденіе у насъ внѣшнихъ принадлежностей культурной и промышленной жизни производилось на скорую руку, безъ надлежащей охраны интересовъ казны и плательщиковъ податей; громадныя выгоды легко доставались ловкимъ дѣльцамъ и аферистамъ,—но никакой общественный классъ, кромѣ развѣ дворянскаго и чиновничьяго, не могъ приписывать себѣ руководящаго участія въ происходившихъ преобразованіяхъ и перемѣнахъ, со всѣми ихъ неудачными особенностями, упущеніями и недосмотрами. Въ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ,—если оставить въ сторонѣ хищническіе элементы наживы при эксплуатаціи казенныхъ средствъ,—выражалось не направленіе капиталистическое, противоположное духу крестьянской реформы, какъ думаетъ авторъ, а направленіе общественно-культурное, государственное, вызванное нагляднымъ урокомъ безсилія крѣпостной Россіи подъ стѣнами Севастополя. Г. Николай —онъ невѣрно относитъ желѣзныя дороги къ разряду предпріятій чисто-капиталистическихъ; онъ самъ долженъ былъ признать, что пассажирское движеніе по этимъ дорогамъ есть по преимуществу мужицкое и больше всего способствуетъ развитію отхожихъ промысловъ и заработковъ. Желѣзныя дороги не только уносятъ продукты изъ страны, но и приносятъ ихъ въ случаѣ надобности; народный голодъ бывалъ и раньше, вопреки предположенію автора, и повторялся много разъ въ обширныхъ размѣрахъ, но снабдить голодающихъ хлѣбомъ (даже американскимъ) и предупредить всѣ ужасы прежнихъ временъ возможно было теперь исключительно благодаря существованію новыхъ „капиталистическихъ" средствъ сообщенія.

Найдя корень зла въ капитализмѣ, авторъ послѣдовательно отвергаетъ необходимѣйшія мѣры улучшенія крестьянскаго быта, такъ какъ эти мѣры не вытекаютъ изъ теоріи Маркса. Кредитъ вовсе не поможетъ производителю, даже „если вмѣсто денежныхъ ссудъ будутъ выдаваемы ссуды хлѣбомъ". Не поможетъ и облегченіе податной тягости, ибо „на какихъ бы плательщиковъ данная цифра бюджета ни разлагалась", при совершенной несоразмѣрности ея съ среднею успѣшностью труда, она „во всякомъ случаѣ всею своей тяжестью ляжетъ опять-таки на трудъ, такъ какъ намъ уже извѣстно, что развивающіяся условія обращенія умѣютъ теперь и впредь съумѣютъ взять у производителя болѣе чѣмъ нужно" (стр. 77). Выходитъ, что для крестьянина все равно, продаетъ ли онъ продуктъ въ свою пользу, напримѣръ, для покупки лошади, или въ пользу казны, для уплаты вѣчно накопляющихся недоимокъ и сборовъ всякаго рода. Еслибы сказать что-либо подобное о лицахъ другихъ сословій, то это было бы диво: никто не считалъ бы для себя безразличнымъ, отдать ли деньги въ видѣ налога, или употребить ихъ для своихъ собственныхъ нуждъ; но для мужика можно придумывать особую логику, непримѣнимую ни къ кому другому, и онъ возражать не станетъ. Не поможетъ народу, по мнѣнію автора, и система переселеній; она, пожалуй, облегчитъ немного на первое время, но „затѣмъ все приметъ прежній видъ, и мы опять будемъ кричать о переселеніи, какъ будто намъ и въ самомъ дѣлѣ тѣсновато". Тѣснота земельная, зависящая отъ недостаточности или ничтожества надѣловъ, можетъ однако подавлять крестьянъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ обширныя заброшенныя земли частныхъ владѣльцевъ и казны, и гдѣ намъ вовсе не „тѣсновато", а даже слишкомъ просторно въ элементарномъ смыслѣ этого слова. Такъ какъ окружающія имѣнія и пустоши недоступны малоземельнымъ крестьянамъ, то поиски новыхъ свободныхъ мѣстъ вполнѣ естественны и законны; временное облегченіе тоже имѣетъ свою цѣну, а иногда оно кладетъ начало болѣе прочному и окончательному улучшенію. Если бы пренебрегать временнымъ и преходящимъ (а въ сущности все временно въ нашей жизни), то пришлось бы, напр., отказаться отъ мысли помочь голодающимъ: голодные насытятся лишь на короткое время и затѣмъ опять будутъ нуждаться въ хлѣбѣ; всѣхъ не накормишь, и общее положеніе не поправится отъ отдѣльныхъ случаевъ помощи, — какъ и разсуждали у насъ многіе сытые филистеры. Г. Николай —онъ видитъ одинъ только способъ спасенія: „необходимо сойти съ того пути, который стремится къ развитію обмѣна, торговли и пр., и напра-

вить всѣ силы на развитіе успѣшности труда производителей при свободномъ владѣніи ими орудіями труда". Но развитіе успѣшности земледѣльческаго труда предполагаетъ измѣненіе податной системы, увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, устройство мелкаго краткосрочнаго кредита для временныхъ хозяйственныхъ надобностей крестьянъ, взамѣнъ господствующаго нынѣ въ селахъ кредита ростовщическаго, разорительнаго и убійственнаго для населенія,—такъ что въ общую формулу автора неизбѣжно входятъ тѣ самыя средства, которыя онъ отрицаетъ въ отдѣльности.

Впрочемъ, фраза о развитіи успѣшности труда производителей можетъ остаться вполнѣ безсодержательною, если имѣть въ виду тѣ многочисленныя и категорическія оговорки, которыя дѣлаются въ другихъ мѣстахъ книги. Пока капитализмъ существуетъ и развивается, ничего нельзя сдѣлать — или не стоитъ ничего дѣлать — для крестьянства, съ точки зрѣнія г. Николая — она. Ибо „еслибы даже высшая производительность земледѣльческаго труда стала явленіемъ болѣе постояннымъ, но при этомъ сохранились бы капиталистическія условія производства и обращенія, то капитализмъ съумѣлъ бы свести долю крестьянства въ продуктѣ къ той величинѣ, которою оно въ среднемъ пользуется теперь" (стр. 201). „Производительность земледѣльческаго труда у насъ слишкомъ низка, нашимъ крестьянамъ приходится продавать свои продукты ниже ихъ индивидуальной стоимости, но каждое повышеніе такой производительности, при отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, при ея капитализаціи (т.-е. при вытѣсненіи кустарныхъ промысловъ фабричнымъ производствомъ), ведетъ къ удешевленію продукта — и только. Еслибы производительность труда у насъ поднялась вдвое, то за четверть пшеницы платили бы теперь не 12 р., а шесть (такъ измѣнилась бы цѣна на всемірномъ рынкѣ??),—вотъ и все. Несомнѣнно, что слѣдуетъ напрягать всѣ силы, слѣдуетъ призвать на помощь науку для повышенія производительности труда, такъ какъ въ противномъ случаѣ пропасть между нашею индивидуальною стоимостью (т.-е. стоимостью нашихъ продуктовъ) и стоимостью на міровомъ рынкѣ будетъ все болѣе и болѣе расширяться. Введеніемъ травосѣянія, плужной вспашки, машинной уборки и пр. и пр., мы только будемъ немного замедлять расширеніе пропасти между нашею стоимостью и стоимостью міровою. Но мы этимъ ни на волосъ не подвинемъ рѣшенія вопроса, который все грознѣе и грознѣе надвигается на насъ, и корень котораго лежитъ въ отдѣленіи обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія. Мы жалуемся на крестьянское малоземелье, на

недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, которые не въ состоянiи прокормить крестьянскiя семьи и дать настолько продукта, что продажею его было бы возможно уплатить подати и покрыть ростущiя потребности. Даже въ томъ случаѣ, еслибы путемъ выкупа, помощью ли крестьянскаго банка, или какими-либо иными способами, вся удобная земля попала въ собственность крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ еслибы,—какъ это теперь и совершается,—все большее и большее число промысловъ переходило въ руки капиталистовъ-предпринимателей, положенiе крестьянства едва-ли улучшилось бы. Ему платили бы только за то время, въ продолженiе котораго оно работаетъ; а такъ какъ годовое рабочее время при капитализацiи промысловъ все болѣе и болѣе сокращается, то крестьянство получало бы только плату за полугодовое рабочее время" (стр. 234—225). Послѣднее разсужденiе было бы вѣрно, еслибы многоземельный крестьянинъ былъ только рабочiй, а не самостоятельный производитель земледѣльческихъ продуктовъ; притомъ полугодовая работа на участкѣ въ 20 или 30 десятинъ давала бы несравненно бо̀льшее обезпеченiе, чѣмъ такая же работа на участкѣ въ три или четыре десятины,—и отрицать эту азбучную истину можно только подъ неодолимымъ влiянiемъ туманной теорiи, дѣйствующей на нѣкоторые умы какъ бы гипнотизирующимъ образомъ. Будетъ ли уменьшаться или увеличиваться „пропасть между индивидуальною стоимостью продуктовъ и мiровою"—это вопросъ, отъ котораго нашему крестьянству ни тепло, ни холодно; для народа прежде всего важно, чтобы были продукты въ достаточномъ количествѣ, чтобы они меньше уходили на платежи и повинности, чтобы оставалось сколько нужно для пропитанiя и для правильнаго веденiя хозяйства. Упадокъ домашнихъ и кустарныхъ промысловъ гораздо меньше чувствителенъ для крестьянина съ большимъ земельнымъ надѣломъ, чѣмъ для малоземельнаго; иначе у насъ не было бы вовсе зажиточныхъ крестьянъ, и всѣ очутились бы въ одинаковомъ безотрадномъ положенiи, съ недостаточной платой за „полугодовое рабочее время". Уничтожить фабрики, чтобы возстановить домашнее и кустарное производство, тамъ гдѣ оно исчезло, — немыслимо, и едва-ли авторъ серьезно остановился бы на подобномъ проектѣ. Трудно также ожидать, что будутъ упразднены „капиталистическiя условiя производства и обращенiя", какъ напр. желѣзныя дороги. А между тѣмъ безъ закрытiя фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ невозможно будто бы думать о прочномъ улучшенiи быта крестьянъ. Получается какой-то безнадежный заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Въ крайне растянутыхъ и многословныхъ разсужденіяхъ автора о происшедшемъ будто бы у насъ „отдѣленіи производителей отъ средствъ производства" развиваются и подтверждаются много разъ извѣстныя всѣмъ общія экономическія аксіомы; но только нигдѣ не указывается въ точности, какія именно средства производства отняты у производителей,—если понимать отнятіе и экспропріацію не въ смыслѣ фигуральномъ. Кустарные производители стали работать для фабрикъ и не поправили этимъ своего положенія; но они еще больше бѣдствуютъ тамъ, гдѣ работаютъ для мѣстнаго рынка, для мелкихъ скупщиковъ и торговцевъ. Производители по прежнему владѣютъ своими орудіями и инструментами; они могутъ на своихъ надѣлахъ разводить ленъ, заниматься ткачествомъ и т. п., но отчасти перестали дѣлать это по разнымъ и сложнымъ причинамъ, въ числѣ которыхъ развитіе фабричной промышленности далеко не всегда играетъ рѣшающую роль. Домашніе промыслы, имѣющіе цѣлью удовлетвореніе собственныхъ потребностей крестьянъ, сократились или исчезли подъ вліяніемъ значительныхъ общихъ перемѣнъ въ складѣ деревенской жизни; но говорить по этому поводу объ экспропріаціи, объ отдѣленіи средствъ и орудій производства отъ производителей — значитъ просто злоупотреблять словами. Въ обширномъ отдѣлѣ о „капитализаціи промысловъ", весьма интересномъ съ фактической стороны, постоянно, чуть ли не на каждой страницѣ, повторяются съ утомительнымъ однообразіемъ тѣ же выраженія объ „экспропріаціи крестьянъ отъ средствъ производства", и въ концѣ концовъ, кажется, что самъ авторъ, отъ частаго повторенія, увѣровалъ въ эту экспропріацію, смѣшивая съ нею простой подрывъ и стѣсненіе крестьянской промышленной дѣятельности крупными фабричными предпріятіями. Вредное вліяніе многихъ фабрикъ и заводовъ на крестьянскіе промыслы, дававшіе народу возможность съ пользою употреблять свободные зимніе мѣсяцы, не подлежитъ никакому сомнѣнію; безспорно также, что крупная промышленность, убивая мелкую, занимавшую милліоны рабочихъ рукъ, и поглощая лишь ничтожную часть освободившихся рабочихъ силъ, наноситъ сильные удары народному благосостоянію и ослабляетъ общую производительность народнаго труда. Все это убѣдительно свидѣтельствуется цифрами и фактами, собранными авторомъ, независимо отъ длинныхъ теоретическихъ разъясненій и комментаріевъ, только запутывающихъ и затемняющихъ дѣло, ясное само по себѣ. Дѣло теперь лишь въ томъ, какъ поддержать падающіе крестьянскіе промыслы, какъ обезпечить ихъ существованіе и развитіе въ народной средѣ, какъ избавить ихъ отъ эксплуатаціи

скупщиковъ и фабрикантовъ; но въ этомъ отношеніи авторъ не предлагаетъ ничего опредѣленнаго и ограничивается лишь неясными, отчасти противорѣчивыми намеками.

Нельзя даже понять, что̀ собственно нужно было дѣлать, по мнѣнію автора, для энергическаго и цѣлесообразнаго противодѣйствія фабричнымъ и вообще капиталистическимъ захватамъ въ области народнаго производства. Мы „не *воспрепятствовали* развитію капиталистическихъ формъ производства" и т. д.; „мы не старались *поддержать* принципъ, освященный вѣками нашей прошлой хозяйственной жизни — нахожденіе средствъ производства въ рукахъ непосредственныхъ производителей" (въ фабричномъ и заводскомъ дѣлѣ?); мы не стремились „*развить* крупное производство въ народно-общественной формѣ, при которой обмірщившееся (обобществленное) производство направляется на удовлетвореніе потребностей всего общества" (стр. 323, 325, 331 и др.). Но какъ „воспрепятствовать", „поддержать" и „развить"? Неужели правительственными запрещеніями и распоряженіями? Можно сказать заранѣе, что всякіе указы были бы безсильны въ этихъ промышленныхъ дѣлахъ, и что цѣлая армія новыхъ чиновниковъ-надзирателей и контролеровъ, даже самыхъ идеальныхъ, не могла бы услѣдить за всѣми закулисными перемѣнами въ ходѣ народно-хозяйственныхъ явленій въ предѣлахъ Россійской имперіи. Какъ, наконецъ, отнестись къ существующимъ и устраиваемымъ вновь капиталистическимъ предпріятіямъ? Издать ли просто законъ, запрещающій устройство какихъ-либо промышленныхъ предпріятій на другихъ началахъ, кромѣ народныхъ, освященныхъ вѣками и т. д.,—подъ страхомъ строгихъ карательныхъ мѣръ? Это было бы ужъ слишкомъ просто и едва-ли благоразумно.

Между прочимъ, самъ авторъ, отстаивая мелкіе крестьянскіе промыслы отъ посягательствъ капитализма, отрекается отъ этихъ промысловъ и готовъ принести ихъ въ жертву народному прогрессу, когда рѣчь идетъ о желательной организаціи промышленности. Слѣдовало бы,—говоритъ онъ,—„развить *крупное* производство въ народно-общественной формѣ"; но что̀ станется тогда съ домашнею и кустарною промышленностью и почему здѣсь забыты уже всѣ аргументы противъ сосредоточенія производства въ крупныхъ предпріятіяхъ? Оказывается, что „мы, находясь въ семьѣ европейскихъ народовъ, быстро развивающихъ производительность труда, не можемъ довольствоваться ни тою формою мелкаго домашняго производства, которая насъ удовлетворяла не далѣе трехъ, четырехъ десятилѣтій тому назадъ, — и о поддержкѣ которой мечтаютъ многіе,—ни тою, которая ее смѣнила

и которую мы искусственно насаждаемъ, и которой покровительствуемъ въ ущербъ благосостоянію всего населенія. Русскому обществу предстоитъ рѣшеніе великой задачи, крайне трудной, но не невозможной — развить производительныя силы населенія въ такой формѣ, чтобы ими могло пользоваться не незначительное меньшинство, а весь народъ"... Научное земледѣліе и современную крупную промышленность намъ приходится „привить къ общинѣ и въ то же время настолько видоизмѣнить ее, чтобы она была въ состояніи сдѣлаться подходящимъ орудіемъ для организаціи *крупной* промышленности и для преобразованія ея изъ капиталистической формы въ общественную". Объединеніе земледѣлія и обработывающей промышленности въ рукахъ непосредственныхъ производителей должно быть достигнуто „не на почвѣ мелкихъ, разрозненныхъ производительныхъ единицъ",—что было бы равносильно „увѣковѣченію всеобщей посредственности",—а на почвѣ созданія „*крупнаго* общественнаго, обмірщеннаго производства, основаннаго на свободномъ развитіи общественныхъ, производительныхъ силъ, на приложеніи науки и техники, и имѣющаго въ виду удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей и благосостояніе всего населенія" (стр. 345—6).

Если авторъ вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ „многихъ", которые мечтаютъ о поддержкѣ мелкаго домашняго производства крестьянъ, то значительная часть его книги, наполненная пространными доводами въ защиту этой народной формы промышленнаго труда, теряетъ свой raison d'être. Организовать крупную промышленность въ земледѣльческой общинѣ, — это уже нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ съ безплодною многорѣчивостью уличать капитализмъ въ насажденіи крупнаго производства, столь пагубнаго для мелкихъ крестьянскихъ промысловъ. Для крупныхъ общинныхъ предпріятій пригодятся и желѣзныя дороги, которыя авторъ вѣроятно не будетъ уже считать зловредными. Наши жалкія, невѣжественныя крестьянскія общины, безпомощныя противъ перваго попавшагося кулака-предпринимателя, превратятся вдругъ въ передовыя земледѣльческо-промышленныя хозяйства, вооруженныя всѣми пріобрѣтеніями науки и техники, способныя съ успѣхомъ замѣнить нынѣшнюю крупную промышленность и дать достойные подражанія образцы просвѣщенной западной Европѣ! Изъ какихъ элементовъ могутъ у насъ образоваться эти небывалыя сельскія общины, обладающія не только твердымъ сознаніемъ высшихъ нравственныхъ началъ справедливости, солидарности, безкорыстія и пр., но и разнороднѣйшими научными и техническими свѣдѣніями,—объ этомъ авторъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ ни

однимъ словомъ. Куда дѣнутся массы Деруновыхъ и Колупаевыхъ, кабатчиковъ и міроѣдовъ, сельскихъ ростовщиковъ и эксплуататоровъ всякаго рода, распоряжающихся теперь въ большинствѣ нашихъ крестьянскихъ обществъ, — это тоже покрыто мракомъ неизвѣстности. Не сказано также, нужно ли ожидать новой организаціи общинъ по почину и подъ руководствомъ государства или лучше предоставить самимъ общинамъ преобразоваться по-своему, согласно народнымъ понятіямъ и желаніямъ. Если предпочесть послѣднее и имѣть въ виду только поощреніе устройства фабрикъ и заводовъ самими крестьянами, то въ этой скромной формѣ существуютъ уже фактическіе примѣры, которые со временемъ могутъ получить дальнѣйшее распространеніе; есть общины, устроившія у себя кирпичные, лѣсопильные заводы, и извлекающія изъ нихъ хорошій доходъ для общей пользы міра, —но для доказательства важности и благотворности такихъ предпріятій для крестьянъ не стоило вновь излагать теорію Маркса и искать въ ней отвѣта на насущные вопросы нашей экономической жизни. Ради идеи болѣе общей и неопредѣленной, совершенно фантастической въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ — идеи, не перешедшей въ область практики даже въ центрахъ высшей современной культуры и цивилизаціи, — было по меньшей мѣрѣ преждевременно со стороны автора употреблять такъ много краснорѣчія на опроверженіе или ослабленіе единственной практической программы, которая имѣетъ у насъ реальную, положительную почву. Г. Николай —онъ довольствуется намекомъ на свою идею въ концѣ книги; но онъ очень подробно и обстоятельно доказываетъ, что измѣненіе податной системы, возвышеніе производительности крестьянскаго труда, увеличеніе надѣловъ и устройство мелкаго земледѣльческаго кредита не могутъ будто бы улучшить положеніе нашего крестьянства. Идея остается еще пока въ отдаленномъ туманѣ и не предложена прямо самимъ авторомъ; наше ослабѣвшее сельское населеніе могло бы совсѣмъ утратить свою экономическую самостоятельность и подпасть подъ новое иго организованнаго сельскаго кулачества, еслибы отбросить реальныя, настоятельныя требованія жизни въ надеждѣ на будущую „идею", сохраняемую пока подъ спудомъ. Намъ кажется, что корень заблужденій г. Николая—она, какъ и многихъ другихъ писателей-экономистовъ, заключается въ ошибочности основныхъ понятій о государствѣ и законодательствѣ, равно какъ и въ одностороннемъ, крайне абстрактномъ взглядѣ на экономическія отношенія и условія.

Л. Слонимскій.

СТАНСЫ

Заманчивъ торный путь, весь въ блескѣ и цвѣтахъ...
Но строгой истины лучи едва проглянутъ—
И тѣ цвѣты завянутъ,
Мишурныя дѣла разсыплются во прахъ,
Мишурныя хвалы во мглу забвенья канутъ!..

Пусть признано давно завистливой толпой:
—„Кто въ полѣ одинокъ, тотъ не боецъ, не воинъ!“
О, нѣтъ! вѣнца достоинъ,
Кто шествуетъ одинъ нагорною тропой
Къ нетающимъ снѣгамъ, отваженъ и спокоенъ!

Увы! Не часты дни, когда толпа права
И гласомъ Божіимъ бываетъ гласъ народа,
Разумная свобода
Одушевляетъ все, поступки и слова,
И ей внимаетъ тишь и вторитъ непогода!

Не часты эти дни! Коварная судьба
Не допускаетъ ихъ до полнаго расцвѣта!
Мгновенно пѣснь ихъ спѣта,
Недолго истина гоститъ въ душѣ раба,
Туманна, призрачна, какъ сѣверное лѣто!..

В. Величко.

НОВЫЯ ДАННЫЯ
О
СЛАВЯНСКИХЪ ДѢЛАХЪ

Окончаніе.

VI.—В. И. Григоровичъ *).

Изъ первыхъ нашихъ славистовъ-путешественниковъ всего менѣе было разсказано до сихъ поръ о Бодянскомъ: къ тому, что̀ было сообщено въ письмахъ самого Бодянскаго въ изданіи Нила Попова, прибавилось пока еще немногое. Но начинаетъ больше разъясняться біографія и дѣятельность младшаго изъ этого ряда ученыхъ—по лѣтамъ, но не по заслугамъ, Виктора Ивановича Григоровича. О немъ появились разсказы ученика его по Казани, М. П. Петровскаго, и разсказы его сослуживцевъ по Одессѣ. Первый назвалъ свой трудъ библіографическимъ, и дѣйствительно его воспоминанія о Григоровичѣ состоятъ главнымъ образомъ въ весьма обстоятельномъ изложеніи трудовъ Григоровича, насколько они выразились въ литературѣ, но сообщаютъ также и свѣденія о первомъ его ученомъ поприщѣ въ Казани, заимствованныя изъ архива казанскаго университета. Своеобразный характеръ Григоровича, очевидно, былъ одною изъ причинъ того, что его имя въ ряду нашихъ славистовъ постоянно оказывалось какъ-то на второмъ планѣ, хотя въ дѣйствительности онъ оказалъ въ разработкѣ славянской науки едва-ли не больше са-

*) См. выше: іюль, стр. 281.

мостоятельныхъ заслугъ, чѣмъ кто-либо изъ его сотоварищей того времени,—Прейсъ, быть можетъ, превышалъ его широтою взгляда и познаній въ извѣстныхъ отдѣлахъ науки, но труды его остались едва начатыми. Въ характерѣ Григоровича была какая-то уклончивость, или преувеличенная скромность, или личная боязливость, или преувеличенная научная осторожность, которыя помѣшали ему выступить въ литературѣ со всѣмъ тѣмъ богатствомъ знанія, какимъ онъ обладалъ и которое въ должной мѣрѣ было оцѣнено, и очень рано, только немногими спеціалистами. Еще онъ не кончилъ своего путешествія, какъ уже могъ дѣлать западно-славянскимъ ученымъ важныя сообщенія, по которымъ они могли судить о высокой научной цѣнности его изысканій. Мы говорили раньше, что и другіе наши путешественники, какъ Прейсъ и Срезневскій, имѣли то преимущество передъ туземными славянскими учеными (за исключеніемъ одного Шафарика), что своими экскурсіями по всему почти славянскому міру пріобрѣтали гораздо болѣе широкій опытъ и гораздо бо̀льшую массу личныхъ наблюденій, чѣмъ было возможно для нихъ, пребывавшихъ обыкновенно на мѣстѣ. Григоровичъ относительно славянъ австрійскихъ имѣлъ, по всей вѣроятности, гораздо меньше этого опыта, чѣмъ напр. Срезневскій, но всѣхъ своихъ сотоварищей онъ превышалъ другой стороной своихъ наблюденій: онъ началъ свое путешествіе съ той славянской земли, въ которую по тогдашнимъ условіямъ не рѣшился направиться ни одинъ изъ его товарищей. Именно онъ отправился въ Болгарію. Какъ мы видѣли, ее только мимоходомъ, въ смутное военное время, видѣлъ Венелинъ, при томъ мало подготовленный къ тѣмъ крайне труднымъ изученіямъ, которыя здѣсь предстояли. Такимъ образомъ Григоровичъ, можно сказать, былъ первымъ ученымъ, который проникъ въ эти дотолѣ невѣдомыя страны, гдѣ и нашелъ дѣйствительно драгоцѣнные, ранѣе неподозрѣваемые остатки южно-славянской древности. Въ этихъ изслѣдованіяхъ и состояла его главнѣйшая заслуга для славянской науки.

Григоровичъ (род. 30-го апрѣля 1815) былъ по отцу южноруссъ; мать его была полька, почему онъ съ дѣтства владѣлъ польскимъ языкомъ; семья жила въ Балтѣ, подольской губерніи. Первоначальное обученіе онъ получилъ въ Умани, въ школѣ базиліановъ, затѣмъ съ 1830 до іюля 1833 былъ студентомъ въ харьковскомъ университетѣ, въ такъ называвшемся тогда этико-филологическомъ отдѣленіи философскаго факультета и по окончаніи курса (дѣйствительнымъ студентомъ) поступилъ-было на службу въ Петербургѣ, но уже въ январѣ 1834 года онъ былъ

вновь студентомъ дерптскаго университета, гдѣ посвятилъ себя классической филологіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже тогда занялся повидимому и славянщиной. Біографъ Григоровича [1]) предполагаетъ, что славянскіе интересы Григоровича могли быть поддержаны въ Дерптѣ Прейсомъ, а знакомство съ Горловымъ, предназначавшимся на профессуру въ Казани [2]), могло сдѣлать его извѣстнымъ администраціи казанскаго учебнаго округа, которая и вошла въ сношенія съ Григоровичемъ по поводу славянской каѳедры въ Казани. Въ концѣ 1838 года Григоровичъ былъ прикомандированъ къ казанскому университету: имѣлось въ виду отправить его въ путешествіе по славянскимъ землямъ, если онъ своими трудами и кандидатскимъ экзаменомъ докажетъ, что можетъ быть полезенъ университету. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ пріѣхалъ въ Казань и обязанъ былъ во время приготовленія къ экзамену представлять попечителю и въ факультетъ отчеты о своихъ занятіяхъ черезъ каждые четыре мѣсяца. Въ іюнѣ 1839 онъ сдалъ кандидатскій экзаменъ, до начала 1840 года представилъ три отчета о своихъ занятіяхъ, а въ мартѣ этого года и свою кандидатскую диссертацію. Тема ея была слѣдующая: „Изслѣдованія о церковно-славянскомъ нарѣчіи, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, на историческихъ свидѣтельствахъ и отношеніи его къ новѣйшимъ нарѣчіямъ". Любопытно, что въ этомъ первомъ трудѣ Григоровичъ остановился уже на тѣхъ вопросахъ, которые впослѣдствіи были одною изъ главныхъ, если не главной цѣлью его изысканій. По словамъ г. М. П—скаго, который воспользовался для біографіи бумагами казанскаго университета, эта диссертація не сохранилась, но содержаніе ея указывается въ донесеніи Григоровича факультету отъ 31 мая 1840. Онъ говорилъ здѣсь: „Ознакамливаясь съ (славянскими) языками, я остановился на вопросѣ, много занимавшемъ ученыхъ, старавшихся рѣшеніемъ его пояснить не только темные пункты славянскаго языкознанія, но и доказать важнѣйшій въ исторіи славянъ фактъ, у какого племени созрѣло христіанское просвѣщеніе до потребности проявить его въ переводѣ св. писанія. Естественно, что поясненіе этого важнаго предмета должно проложить путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ цѣломъ объемѣ языковъ и литературъ славянскихъ и вмѣстѣ послужить къ важнѣйшимъ заключеніямъ о ходѣ просвѣщенія и его

---

[1]) „Викторъ Ивановичъ Григоровичъ въ Казани", М. П—скаго, въ „Славянскомъ Обозрѣніи", 1892, іюль—августъ, сентябрь.

[2]) Впослѣдствіи профессоръ политической экономіи въ Петербургѣ.

направленіи у славянъ". Онъ упоминаетъ дальше: „Въ отчетѣ [1]) я представилъ, что склоняюсь къ догадкѣ Копитара въ отношеніи вопроса, къ какому племени должно отнести языкъ, нынѣ называемый церковно-славянскимъ; въ диссертаціи на степень изложилъ тому доказательства". Онъ замѣчаетъ, впрочемъ, что соглашался не со всѣми мнѣніями Копитара, но въ чемъ именно онъ съ нимъ расходился, изъ донесенія не видно.

Рецензентомъ диссертаціи въ факультетѣ былъ профессоръ Фойгтъ: онъ отозвался о диссертаціи весьма одобрительно, но замѣчалъ, что языкъ и слогъ требуютъ много исправленій, послѣ которыхъ диссертація могла бы быть напечатана въ „Ученыхъ Запискахъ" университета. Но гораздо болѣе строго отнесся къ сочиненію Григоровича проф. русской исторіи Н. А. Ивановъ, который находилъ, что это сочиненіе представляетъ „неудачную попытку" сдѣлать вѣроятнымъ мнѣніе Копитара, что историческая часть сочиненія особенно слаба, а вообще сочиненіе „по значительнымъ грамматическимъ ошибкамъ" чрезвычайно неудовлетворительно для кандидатской степени. Совѣтъ принялъ первое мнѣніе, но диссертація напечатана не была.

Служебное положеніе Григоровича на первый разъ состояло въ томъ, что ему поручено было преподаваніе греческаго языка, а пока онъ готовился къ магистерскому экзамену. Первымъ печатнымъ трудомъ его было „Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ" [2]), которое было представлено имъ раньше въ факультетъ въ качествѣ третьяго отчета. Свой магистерскій экзаменъ Григоровичъ окончилъ въ маѣ 1841 года, при чемъ изъ четырехъ письменныхъ отвѣтовъ два относились къ славянскимъ литературамъ, а именно: къ драматической поэзіи и къ поэзіи эпической; въ особенности второй изъ этихъ письменныхъ отвѣтовъ нашелъ весьма сочувственный отзывъ у профессора-рецензента. „Григоровичъ,—говорилъ онъ,—рѣшилъ (второй вопросъ) весьма подробно, отчетливо и съ глубокой проницательностью. Общая характеристика эпическаго элемента поэзіи всѣхъ славянъ опредѣлена во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно, съ философскимъ воззрѣніемъ на предметъ и энтузіазмомъ славянина. Раздѣленіе славянскихъ пѣсенъ на былевыя и бытовыя и подраздѣленіе первыхъ по различнымъ цикламъ, подобно народнымъ эпическимъ преданіямъ европейскихъ народовъ,—весьма удачно. Частныя подробности и

[1]) Одномъ изъ тѣхъ, какіе онъ обязанъ былъ представлять о своихъ занятіяхъ.

[2]) Въ „Ученыхъ Запискахъ" казанскаго университета, 1841, кн. I, и отдѣльно (63 стр.).

отдѣльныя явленія въ эпической поэзіи главнѣйшихъ племенъ древнихъ славянъ приведены во множествѣ, весьма любопытны и доказываютъ въ магистрантѣ какъ обширную его начитанность, такъ и совершенное усвоеніе имъ сего труднаго и многосложнаго вопроса" [1]).

Въ октябрѣ 1842 Григоровичъ защищалъ свою магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: „Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ" [2]). Всю исторію славянской литературы Григоровичъ дѣлилъ на шесть основныхъ эпохъ, отъ IX-го вѣка до литературы современной. Изъ нихъ въ его книгѣ разсмотрѣны только первыя двѣ эпохи, съ IX-го по XV-й вѣкъ. Въ свое время трудъ Григоровича былъ мало замѣченъ въ литературѣ, чему, безъ сомнѣнія, способствовала прежде всего обыкновенная въ то время (да и до сихъ поръ) малоизвѣстность провинціальныхъ изданій, а также незаконченность сочиненія, а потомъ и то обстоятельство, что въ распоряженіи Григоровича былъ довольно скудный запасъ литературныхъ источниковъ и пособій. Впослѣдствіи, однако, его опытъ былъ высоко оцѣненъ, какъ „первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности" [3]); по словамъ г. М. П—скаго, Григоровичъ „далъ образецъ того, какъ слѣдуетъ излагать судьбы литературы при той взаимности между ними, которая громко говоритъ о солидарности духовныхъ интересовъ всего славянскаго племени" [4]). И дѣйствительно, трудъ Григоровича представлялъ по своему времени и *мѣсту* явленіе замѣчательное. Мы упоминали раньше, что первые наши слависты, будущіе профессора славянскихъ нарѣчій, были въ полной мѣрѣ самоучками, когда еще до своихъ путешествій проникались интересомъ славянскихъ

---

[1]) Г. М. П—скій замѣчаетъ по этому поводу: „Въ этомъ тепломъ отзывѣ о трудахъ Григоровича пріятно видѣть сочувствіе, въ которомъ такъ нуждался одинокій ученый, обладающій тайнами науки, тогда еще недоступной даже въ ея конечныхъ выводахъ большинству ученой корпораціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ выраженіе рецензента: „подобно народнымъ эпическимъ преданіямъ европейскихъ народовъ", ясно доказываетъ, что даже у истинно-образованныхъ людей того времени *европейское* какъ бы противополагалось славянскому, и противополагалось едва ли въ пользу славянъ. Такъ трудна была та первоначальная пора разсвѣта славянскаго образованія на Руси вообще, а не въ одной Казани" („Слав. Обозр.", іюль-августъ, стр. 245).

Въ этихъ заключеніяхъ не было, кажется, надобности; рецензентъ могъ говорить объ эпическихъ преданіяхъ европейскихъ народовъ просто потому, что въ то время они были у насъ все-таки больше извѣстны.

[2]) Казань, 1843, 120 страницъ (оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ").

[3]) В. И. Григоровичъ. Рѣчь проф. А. А. Котляревскаго въ засѣданіи кіевскаго отдѣла славянскаго комитета 23-го декабря 1876. Въ „Славянскомъ Ежегодникѣ", 1877.

[4]) „Славянское Обозрѣніе", тамъ же, стр. 247.

изученій и дѣлали первые опыты этихъ изученій, не имѣя ни какой-либо правильной предварительной школы, ни достаточныхъ пособій, которыя были особливо трудно доступны въ тѣ времена, при полномъ отсутствіи книгопродавческихъ сношеній съ славянскими землями. По всей вѣроятности въ этомъ послѣднемъ отношеніи Григоровичу на первый разъ помогла та же библіотека дерптскаго университета, которая тогда поддерживала Прейса. Замѣчено было, что при этомъ трудѣ Григоровичъ, повидимому, не имѣлъ въ рукахъ даже Шафариковой „Исторіи славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ“ (1826), которая была бы ему именно необходима: по крайней мѣрѣ, онъ ее не цитируетъ. Несмотря на эту недостаточность пособій. Григоровичъ умѣлъ, однако, познакомиться съ главными явленіями славянскихъ литературъ и даже связать ихъ исторію въ цѣльное органическое развитіе. Въ основѣ его пониманія и изложенія лежало именно представленіе о всеславянскомъ единствѣ: „Всякое предъидущее явленіе славянской жизни,—говоритъ онъ,—предопредѣляло послѣдующее; ни одинъ изъ всѣхъ моментовъ нравственной дѣятельности не потерянъ для настоящаго; они были доказательствомъ общаго призванія славянъ, для котораго работало и работаетъ каждое племя, и, слѣдственно, сама литература словенъ не есть сборъ фактовъ, списокъ разнообразныхъ предметовъ, а скрижаль развивающагося въ необходимой постепенности общаго сознанія—откровеніе съ каждымъ моментомъ болѣе и болѣе уясняющагося призванія цѣлаго нашего рода“.

Біографъ его полагаетъ, что тотъ же взглядъ на исторію славянской литературы принятъ былъ имъ и въ университетскомъ преподаваніи, которое онъ началъ съ ноября 1842 года, по утвержденіи факультетомъ представленной имъ программы науки, впервые появлявшейся въ казанскомъ университетѣ: въ программѣ онъ назвалъ свой курсъ „энциклопедическимъ обзоромъ исторіи языковъ и литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ“. На зимнія вакаціи онъ отправился въ Москву для ознакомленія съ рукописями тамошнихъ библіотекъ, а также и для того, чтобы вступить въ сношенія съ профессоромъ славянскихъ нарѣчій Бодянскимъ и въ совѣщаніе о планѣ путешествія по славянскимъ землямъ. Въ апрѣлѣ 1843 онъ представилъ этотъ планъ [1]), въ которомъ, по словамъ его, приняты были въ соображеніе замѣчанія Бодянскаго и Погодина.

[1]) Онъ помѣченъ 31 марта и въ полномъ составѣ напечатанъ былъ г. М. П—скимъ въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“, 1883, № 3, стр. 36—47.

Григоровичъ отправлялся въ путешествіе послѣднимъ, и уже въ самомъ планѣ заявлялъ, что не хотѣлъ бы повторять изслѣдованій, уже сдѣланныхъ учеными въ области славянской этнографіи, тѣмъ болѣе, что „при настоящей необходимости расширить кругъ науки, требуется обратить вниманіе на предметы, менѣе упоминаемые въ ихъ извѣстіяхъ". Онъ считалъ, конечно, необходимымъ посѣтить всѣ славянскія земли, какія были посѣщены и его предшественниками, но главное вниманіе хотѣлъ обратить именно на славянъ балканскихъ, которыхъ эти предшественники совсѣмъ не видѣли. Онъ предполагалъ начать свой путь изъ Одессы, гдѣ надѣялся „пріобрѣсти много свѣденій, нужныхъ путешественнику по Европейской Турціи", между прочимъ, встрѣтить образованныхъ болгаръ, заняться языками итальянскимъ, новогреческимъ, волошскимъ (румынскимъ). Затѣмъ изъ Одессы путь его лежалъ бы черезъ Бессарабію и Молдавію въ Трансильванію, въ австрійскія славянскія земли и затѣмъ уже въ Тріестъ, Венецію, Далмацію и изъ Дубровника на Аѳонъ и въ Болгарію; на возвратномъ пути черезъ Валахію и Галицію опять въ Прагу и кончить путешествіе Познанью. Уже въ самомъ планѣ наиболѣе мѣста дано предполагаемому маршруту по Балканскому полуострову, и предположенія Григоровича свидѣтельствуютъ о широкомъ взглядѣ на предметъ и богатыхъ надеждахъ, какія возлагалъ онъ особенно на эту часть своего путешествія. Его предположенія были слѣдующія.

„Изъ Дубровника до Аѳоса съ караваномъ или проводникомъ можно отправиться путемъ, указаннымъ Буэ, черезъ Скадръ (Скутари), откуда черезъ Дечани, Призренъ, Кальcандеренъ, древнюю столицу царя Душана, Скопію, Кюприли, Истибъ, Струмбичъ, Доиранъ, Авренъ-Гиссаръ, наконецъ, Солунь.

„Страны, лежащія по указанному направленію, невыразимо любопытны для изучающаго словенщину. Такъ, на пути отъ Скадра до Призрена, постоянно встрѣчая словенъ сербскаго племени, онъ можетъ, изучая ихъ языкъ, узнать много весьма важнаго о Дуклѣ (Діоклеѣ), родинѣ славныхъ королей дома Неманичей; вышедши изъ Призрена, онъ будетъ до самаго Солуня проходить черезъ мѣста, заселенныя булгарами. Древняя Македонія нынѣ почти вся превратилась въ словенскую. Языкъ, преданія и самая мѣстность представятъ здѣсь много новыхъ и важныхъ пріобрѣтеній для науки.

„Любопытство наблюдателя можетъ, однакожъ, найти здѣсь почти непреодолимыя препятствія. Эти страны извѣстны своею опасностію, преслѣдующей на каждомъ шагу путешественика.

Тѣмъ не менѣе развѣ крайняя невозможность должна остановить его стремленіе удовлетворить требованіямъ науки. Немаловажнымъ ободреніемъ можетъ быть ему примѣръ извѣстнаго Буэ, которому ученый свѣтъ долженъ основательнѣйшимъ сочиненіемъ о Турціи Европейской, а охраною ему будетъ вѣсъ нашего правительства, которымъ, конечно, можетъ воспользоваться и наука. Исходатайствовавъ путешественнику нужныя довѣренности, оно осѣнитъ его отъ препятствій, полагаемыхъ иногда своенравіемъ мѣстныхъ правителей и недовѣрчивыхъ жителей.

„Переѣхавъ отъ Солуня (Тессалоника) на Аѳонскую гору, путешественникъ найдетъ новые предметы, сильно призывающіе его благочестіе и пытливость. Монастыри аѳонскіе, бывъ нѣкогда убѣжищемъ просвѣщенныхъ монаховъ, не только греческихъ, но и словенскихъ, обѣщаютъ и теперь еще много пріобрѣтеній. Со временъ Василія Григоровича [1]), тщательно описавшаго эти монастыри, еще никто изъ русскихъ не проникалъ во всѣ ихъ сокровищницы. Пріобрѣвъ довѣренность монаховъ, быть можетъ, путешественнику удастся не только обозрѣть, но изучить и описать многія творенія, важныя для исторіи южныхъ словенъ и для письменности общесловенской. Богатство этихъ рукописей, которыхъ, по свидѣтельству Григоровича, въ одной Лаврѣ было до 500, еще и теперь, несмотря на зависть времени и небреженіе невѣжества, привело въ удивленіе г. Давыдова. Количество ихъ съ каждымъ годомъ, особенно со времени послѣдней греческой войны, значительно уменьшается; тѣмъ настоятельнѣе необходимость узнать и описать эти сокровища".

„...Изъ Аѳоса въ Венгрію отправлюсь черезъ Македонскую, Ѳракійскую и нагорную Булгарію и черезъ Валахію. Именно сперва въ Сересъ, гдѣ, по словамъ Караянопула, сообщившаго недавно извѣстіе объ Аѳосѣ, можно найти многія, проданныя въ послѣднюю греческую войну, аѳонскія рукописи, изъ Сереса своротить въ Филиппополь, главный городъ въ Загоріи, отсюда подняться въ нагорную Булгарію, гдѣ посѣтить монастырь св. Іоанна Рыльскаго, сохраняющій, по словамъ генерала Липранди, многія рукописи; дальше черезъ Средецъ (Сардика, Софія), Креминовци, Осою, Врацу, Берговчу достигнуть въ Ломѣ предѣла Булгаріи.

„По этому пути путешественникъ можетъ ознакомиться со всѣми нарѣчіями булгарскаго языка, повѣрять предположенія о его отношеніи къ церковно-славянскому и наблюдать за успѣхами, дѣлаемыми булгарами въ народномъ просвѣщеніи".

---

[1]) Подразумѣвается извѣстный Василій Григоровичъ Барскій (1702—1747).

По замѣчанію біографа, этотъ планъ путешествія „доказывалъ, что Григоровичъ, не выѣзжая изъ Казани, уже владѣлъ всѣмъ достояніемъ славянской науки и стремился въ тѣ края, которые могли дать ему новый матеріалъ. Между тѣмъ какъ предшественники Григоровича, такъ сказать, открывавшіе земли славянъ для русскаго общества, стремились сначала въ главные пункты славянскаго просвѣщенія на западѣ, этотъ молодой ученый прямо направился на югъ, вполнѣ вознаградившій его ученую прозорливость и пытливость". Дѣйствительно, Григоровичъ въ исполненіи измѣнилъ свой планъ и въ августѣ 1844 изъ Одессы направился не въ Молдавію и Трансильванію, а прямо въ Константинополь, оттуда на Аѳонъ и затѣмъ черезъ Македонію, часть Албаніи и Ѳракіи въ собственную Болгарію. Видимо, имъ овладѣло нетерпѣливое любопытство ученаго; можно думать притомъ, что, начиная путешествіе, онъ былъ лучше приготовленъ, чѣмъ его предшественники четыре года передъ тѣмъ. Путешествіе въ Турціи въ тѣ времена (да и послѣ) представляло не мало неудобствъ и даже опасностей, которыя, очевидно, пугали его сотоварищей, но онѣ не остановили Григоровича, отъ природы непрактическаго и какъ будто боязливаго. Несмотря на всякія неудобства, Григоровичъ на Аѳонѣ и въ Болгаріи попалъ именно въ давно желанную сферу: остатки древности, близкой ко временамъ перваго славянскаго христіанства; масса рукописей греческихъ и славянскихъ, которыя онъ разыскивалъ въ монастыряхъ, иногда по темнымъ подваламъ, и изъ которыхъ онъ извлекалъ драгоцѣнныя свѣденія; славянское населеніе, еще ни однимъ славянскимъ филологомъ не виданное и въ средѣ котораго онъ учился народной рѣчи и собиралъ произведенія народной поэзіи.

Біографъ разсказываетъ, что эти первыя открытія Григоровича на славянскомъ югѣ, о которыхъ онъ сообщалъ въ своихъ отчетахъ университету, встрѣтили, однако, недружелюбныя нареканія его прежняго противника, профессора Иванова. Въ докладѣ факультету Ивановъ заявлялъ, что Григоровичъ „уклоняется отъ главной цѣли миссіи—приготовленія себя къ званію университетскаго наставника, думая, что онъ отправленъ путешествовать для обогащенія науки новыми открытіями, а не для собственнаго наученія, чтобы по возвращеніи быть въ состояніи учить другихъ"; онъ подшучивалъ надъ „надеждою новыхъ открытій и даже просилъ факультетъ навести справку въ дѣлахъ, соблюдаетъ ли Григоровичъ сроки, назначенные ему въ планѣ путешествія—какъ будто въ самомъ дѣлѣ, сидя въ Казани, можно было впредь угадать, сколько именно времени надо будетъ потратить ученому при

изслѣдованіяхъ на Аѳонѣ и въ Болгаріи. Впрочемъ, въ концѣ доклада Ивановъ признавалъ за нимъ „разностороннія дѣльныя свѣденія, похвальную любознательность и новыя утѣшительныя доказательства его неутомимой ревности къ своему предмету".

Научныя пріобрѣтенія, сдѣланныя Григоровичемъ, были дѣйствительно замѣчательны. На Аѳонѣ и въ Солуни онъ пересмотрѣлъ почти до 3.000 рукописей греческихъ и до 500 славянскихъ; изъ множества грамотъ, хранящихся въ аѳонскихъ монастыряхъ, обстоятельства позволили ему снять копіи 120 грамотъ, именно такихъ, которыя имѣли особенную важность для исторіи и географіи среднихъ вѣковъ. Въ своихъ послѣдующихъ трудахъ Григоровичъ далеко не исчерпалъ всего богатства данныхъ, которыя были здѣсь имъ собраны; но, какъ увидимъ, охотно дѣлился своими трудами и открытіями, которыя еще ранѣе, чѣмъ онъ самъ издалъ что-либо изъ своихъ новыхъ изысканій, уже доставили ему славу одного изъ первостепенныхъ изыскателей славянской древности. Это были въ особенности его изысканія о дѣятельности славянскихъ апостоловъ и ихъ первыхъ учениковъ, объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ, о первыхъ вѣкахъ церковной исторіи балканскаго славянства и пр. Однимъ изъ главнѣйшихъ интересовъ его были разысканія о письменности глаголической, относительно которой онъ уже давно держался мнѣній Копитара, и древность которой доказывали многія изъ новыхъ открытій Григоровича.

Дальнѣйшій путь его былъ въ земли румынскія, гдѣ онъ опять сдѣлалъ замѣчательныя находки. Затѣмъ въ Пештѣ онъ познакомился съ знаменитымъ проповѣдникомъ славянской взаимности Колларомъ, въ Вѣнѣ—съ Вукомъ Караджичемъ; въ вѣнской библіотекѣ онъ опять занялся греческими рукописями, между прочимъ такими, относительно которыхъ „интересъ западныхъ ученыхъ не исключалъ невниманія къ тому, что̀ могло казаться особенно важнымъ восточному изыскателю". Таковы были, напримѣръ, протоколы константинопольскаго патріархата XIV-го вѣка, на которые Григоровичъ обратилъ вниманіе въ своей статьѣ 1847 года, и изданіе которыхъ предпринято было въ Вѣнѣ въ 1860. Знаменитаго библіотекаря вѣнской библіотеки Копитара, ученыя мнѣнія котораго онъ издавна высоко цѣнилъ, Григоровичъ уже не засталъ въ живыхъ. Изъ Вѣны отправившись къ сербо-хорватамъ и славонцамъ, и отсюда въ Венецію и Далмацію, Григоровичъ вездѣ размножалъ свои ученыя коллекціи рукописями и рѣдкими изданіями. На обратномъ пути изъ Черногоріи черезъ хорватскую Военную границу онъ прибылъ въ Загребъ, гдѣ,

конечно, видѣлся со всѣми главными дѣятелями иллиризма. Черезъ сербскую Воеводину и Пресбургъ, центръ словацкаго движенія, онъ вернулся опять въ Вѣну. Между дѣятелями славянскаго возрожденія онъ встрѣчалъ самыя теплыя симпатіи. Одинъ изъ нихъ былъ, между прочимъ, тотъ сербо-хорватскій поэтъ и этнографъ Станко Вразъ, который былъ друженъ съ Срезневскимъ и которому для его журнала „Коло“ Григоровичъ отдалъ одинъ свой сборникъ болгарскихъ пѣсенъ, почти-что первый образчикъ болгарской народной поэзіи [1]). Другой хорватскій патріотъ и ученый, Курелацъ, знававшій Григоровича въ Вѣнѣ, изображалъ его какъ „человѣка съ ангельскимъ характеромъ, тихаго и кроткаго, какъ агнца, но преисполненнаго духомъ“: „не трудно было,—говоритъ онъ,—вступить въ бесѣду съ путешественникомъ, который не только издалека прибылъ, но еще прошелъ Турцію, Святую Гору, видѣлъ Охриду съ ея озеромъ и мѣста, освященныя дѣятельностью св. Климента. Оттуда онъ вернулся увѣнчаннымъ ученымъ, потому что нашелъ тамъ и греческія и древне-славянскія рукописи, писанныя и глаголицей и кириллицей (климентицей), и слава ихъ разносилась между славянъ и въ книгахъ, и въ газетахъ, и въ обществахъ. Былъ ли въ ту пору человѣкъ счастливѣе его?“ Одинъ изъ чешскихъ патріотовъ, знававшій Григоровича въ тѣ же годы, вспоминаетъ о немъ, какъ о „незабвенномъ для него по своей рѣдкой, всесторонней образованности и благодушію“ [2]).

Уже теперь только, послѣ стольких путешествій, Григоровичъ пріѣхалъ въ Прагу. Здѣсь наиболѣе близкимъ человѣкомъ по общности интересовъ былъ для него Шафарикъ: съ нимъ вмѣстѣ онъ пересмотрѣлъ свои балканскія пріобрѣтенія и, какъ говоритъ біографъ, „въ послѣдующихъ трудахъ своихъ Шафарикъ уже не могъ обойтись безъ открытій Григоровича“. Въ бытность въ Прагѣ Григоровичъ сдѣлалъ въ чешскомъ ученомъ обществѣ докладъ о своихъ открытіяхъ относительно дѣятельности славянскихъ апостоловъ, и въ одномъ изъ чешскихъ журналовъ помѣстилъ статью о народныхъ школахъ у болгаръ... Онъ вернулся въ Россію черезъ Саксонію и Пруссію.

„Итакъ,—говоритъ біографъ, — обозрѣвъ всѣ края славянъ, Григоровичъ видѣлъ и племена возникающія изъ забвенія, и племена уже окрѣпшія въ борьбѣ за свою духовную независимость; встрѣчался съ даровитѣйшими борцами на аренѣ слова во имя

---

[1]) „Kolo“, 1847.

[2]) Recimo и пр. Карловацъ, 1860; J. Maly, Zpominky, 1872 (въ „Славянскомъ Обозрѣніи“, тамъ же, стр. 260, 261).

идеи славянства, и былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ людей, по которымъ приходилось судить нашимъ единоплеменникамъ о великой русской націи. Но въ немъ представитель каждаго отдѣльнаго славянскаго племени въ то же время видѣлъ и своего высоко-ученаго единоплеменника, благодаря его изумительному таланту быстро усвоивать себѣ чужую рѣчь. Отъ души дѣлился онъ со всѣми славянскими учеными и своими научными открытіями, и своими счастливыми находками, ведущими къ этимъ открытіямъ".

Въ Петербургѣ министерство разрѣшило ему явиться въ Казань только къ 1-му іюля 1847 года, такъ какъ онъ желалъ заняться рукописями въ Публичной библіотекѣ, Софійской въ Новгородѣ и Синодальной въ Москвѣ; но этимъ разрѣшеніемъ, по словамъ оффиціальнаго доклада, Григоровичъ „могъ воспользоваться только въ такой мѣрѣ, въ какой нашелъ содѣйствіе лицъ, завѣдующихъ тѣми библіотеками". Въ Публичной и Софійской библіотекахъ онъ дѣйствительно работалъ; что касается Синодальной, то двукратныя обращенія его въ министерство съ цѣлію выхлопотать разрѣшеніе отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, не были даже удостоены отвѣта.

Изъ отчетовъ, представлявшихся университету, составлена была Григоровичемъ книга, обнявшая, впрочемъ, только часть всего его путешествія: „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи" [1]). „Это сочиненіе,—говоритъ біографъ,—переполненное библіографическими данными о неизвѣстныхъ ученому міру греческихъ и славянскихъ рукописяхъ, безслѣдно прошедшее въ публикѣ, было по достоинству оцѣнено въ ученомъ мірѣ, и за границей—ранѣе и сочувственнѣе, нежели на Руси. Оно, безъ преувеличенія можно сказать, открыло новый материкъ съ его невѣдомыми дотолѣ обитателями. Вся исторія древне-славянской письменности, всѣ изслѣдованія объ языкѣ восточной половины Балканскаго полуострова должны были принять новый видъ; постройка ихъ должна была производиться изъ того вновь открытаго матеріала, который лежалъ въ забросѣ до прибытія туда нашего ученаго славянина. Наука не могла уже обойтись безъ книги Григоровича, воскресившей память о первыхъ просвѣтителяхъ славянъ и многочисленныхъ безъименныхъ продолжателяхъ ихъ дѣла. Книга Григоровича дала новую работу всѣмъ адептамъ славянской науки, и во главѣ ихъ былъ Шафарикъ, торжественно привѣтствовавшій

---

[1]) Въ „Ученыхъ Запискахъ" казанскаго университета и отдѣльно, 1848. Переиздано весьма небрежно въ Москвѣ, 1877.

вскорѣ затѣмъ труды Григоровича, подъятые на разработку собраннаго и описаннаго имъ матеріала. Если и до поѣздки въ славянскія земли Григоровичъ, живымъ отношеніемъ къ славянскому дѣлу, увлекательнымъ изложеніемъ результатовъ науки еще столь новой, съумѣлъ возбудить въ немногочисленныхъ своихъ слушателяхъ любовь къ славянскому дѣлу, то теперь, когда предъ нимъ вполнѣ раскрылся кругозоръ славянской науки, слушатели его и сослуживцы увидѣли въ немъ уже не начинающаго ученаго, а вполнѣ авторитетнаго представителя новой науки" [1]).

Григоровичъ началъ свои чтенія въ казанскомъ университетѣ со второго полугодія 1847. Кромѣ того, тотчасъ по пріѣздѣ онъ избранъ былъ въ дѣйствительные члены казанскаго общества любителей отечественной словесности, гдѣ онъ потомъ нѣсколько разъ имѣлъ чтенія по различнымъ предметамъ своихъ славянскихъ изученій [2]).

Между тѣмъ, вслѣдствіе извѣстной исторіи по поводу изданія перевода Флетчера въ „Чтеніяхъ" московскаго Общества исторіи и древностей, Бодянскій потерялъ свое мѣсто секретаря въ Обществѣ и профессора въ московскомъ университетѣ. Въ декабрѣ 1848 г. Григоровичъ назначенъ былъ на его мѣсто въ московскій университетъ, а Бодянскаго хотѣли назначить въ Казань, на что онъ, однако, не согласился, и былъ просто отставленъ. Но Григоровичъ дѣйствительно отправился въ Москву къ началу академическаго года 1849—1850, гдѣ, какъ говоритъ біографъ, былъ встрѣченъ весьма сочувственно молодыми учеными, посвящавшими себя изученію славянства. Въ числѣ ихъ біографъ на-

---

[1]) „Слав. Обозр.", тамъ же, стр. 263—264.

[2]) Біографъ упоминаетъ цѣлый рядъ такихъ чтеній, свѣденія о которыхъ остались только въ замѣткахъ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей".

Такъ 30-го марта 1848 г. была имъ прочитана статья „О среднемъ и новомъ болгарскомъ языкѣ, разсматриваемомъ сравнительно по древнимъ рукописямъ и народнымъ пѣснямъ".

4-го мая: „Нѣкоторыя дополнительныя извѣстія о св. Кириллѣ и Меѳодіи, первопросвѣтителяхъ славянскихъ и изобрѣтателяхъ славянской грамоты".

20-го октября: „Замѣчанія объ изученіи славянской филологіи, основанномъ на общихъ началахъ сравнительной филологіи", — и въ томъ же засѣданіи онъ прочиталъ въ оригиналѣ и въ переводѣ прологъ къ одной драмѣ дубровницкаго поэта Пальмотича.

28-го декабря и потомъ 18-го января 1849 читалъ свои разысканія о глаголитѣ.

Біографъ замѣчаетъ, что замѣтки „Губернскихъ Вѣдомостей" по всей вѣроятности не весьма точно передавали содержаніе чтеній Григоровича; между прочимъ по поводу этихъ послѣднихъ чтеній приводятся соображенія довольно странныя и принадлежащія неизвѣстно кому—Григоровичу или автору газетной замѣтки. Біографъ убѣжденъ въ этомъ послѣднемъ („Славянское Обозрѣніе", сентябрь, стр. 60).

зываетъ извѣстныхъ впослѣдствіи ученыхъ: Безсонова, Гильфердинга и Евг. Новикова; но уже 22-го декабря 1849 Бодянскій возвратился въ московскій университетъ, а Григоровичъ во второй половинѣ академическаго года былъ уже въ Казани. Здѣсь онъ опять, кромѣ университета, дѣлалъ доклады въ Обществѣ любителей словесности [1]). Къ 1851 году относятся два труда Григоровича, которымъ біографъ придаетъ особенное значеніе, такъ какъ „въ нихъ ярче, чѣмъ въ остальныхъ, высказывались его убѣжденія, выработавшіяся продолжительными неутомимыми изслѣдованіями въ области славянскаго слова". Это были двѣ лекціи: одна „О древней письменности славянъ", прочитанная въ аудиторіи, 17-го сентября, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Ширинскаго-Шихматова, и „Рѣчь о значеніи церковно-славянскаго языка", произнесенная 20-го сентября въ присутствіи того же министра въ торжественномъ собраніи Общества любителей словесности.

Не будемъ исчислять другихъ его трудовъ за эти годы, которые онъ помѣщалъ въ „Журналѣ министерства просвѣщенія", въ „Извѣстіяхъ" и „Ученыхъ Запискахъ" II отдѣленія академіи, наконецъ, собиралъ въ небольшихъ собственныхъ изданіяхъ [2]). Во время крымской войны въ самой Казани открылось для Григоровича новое поприще изслѣдованій. Послѣ нападенія англійскаго флота на Соловецкій монастырь рѣшено было перевезти Соловецкую библіотеку въ Казань и присоединить къ библіотекѣ духовной академіи. Григоровичъ, получившій доступъ въ эту библіотеку, обратилъ вниманіе академическаго начальства на важность палеографіи при изданіи памятниковъ, которое было тогда предпринято въ основанномъ въ Казани „Православномъ Собесѣдникѣ". Съ сентября 1865 Григоровичъ началъ въ духовной академіи безвозмездно читать курсъ „Обозрѣнія палеографіи древне-славянскаго языка въ связи съ славянскими нарѣчіями"; послѣ Григоровича въ слѣдующемъ году преемникомъ ему по славянской филологіи въ академіи сдѣлался одинъ изъ учениковъ его, А. И. Лиловъ. Въ апрѣлѣ 1861 Григоровичъ напечаталъ программу трехъ лекцій, которыя намѣревался прочесть въ пользу студенческой кассы. Это были лекціи — „о значеніи событій въ Болгаріи и Византіи въ первой половинѣ X-го в."; „о сочувствіи

[1]) 6-го марта 1851: „О нѣкоторыхъ сербскихъ стихотвореніяхъ XVIII ст., имѣющихъ отношеніе къ событіямъ царствованій Петра I и Екатерины II".

[2]) „Статьи, касающіяся древняго словенскаго языка". Казань, 1852; „О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ", 1859.

южныхъ славянъ къ преобразованіямъ Петра В., выраженномъ въ ихъ словесности"; „о дѣятельности славянскаго педагога Яна Амоса Коменскаго". Лекціи посѣщались мало, и біографъ говоритъ, что неизвѣстно, какъ относился Григоровичъ къ этому равнодушію общества, но извѣстно, что „восточный городъ былъ ему, южанину, не по душѣ". Вскорѣ ему представилась возможность переселиться на югъ. Въ то время возникла мысль о преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ, и по словамъ біографа люди, принадлежавшіе къ высшей администраціи, видѣли въ Григоровичѣ достойнаго преподавателя для будущаго университета. Но одновременно съ тѣмъ,—разсказываетъ г. М. П—скій,—„въ Казани Григоровичъ встрѣтился съ однимъ крупнымъ петербургскимъ сановникомъ, который по своему служебному положенію долженъ былъ близко стоять къ дѣлу русскаго просвѣщенія. Сановникъ предложилъ Григоровичу изложить на бумагѣ его мысли о значеніи каѳедры славянской филологіи въ Ришельевскомъ лицеѣ. Григоровичъ, всегда любившій югъ, какъ свою родину, Григоровичъ, понимавшій, какое значеніе должна была оказать славянская наука на томъ югѣ, гдѣ уже издавна жили сербскіе и болгарскіе переселенцы, хорошо уяснившіе себѣ значеніе Одессы для образованія южныхъ славянъ, представилъ свои чаянія въ формѣ докладной записки. Но ему не удалось узнать результата своихъ стараній. Узнали его другіе: еще не доѣзжая до Петербурга, сановникъ говорилъ, что Григоровичъ сошелъ съ ума" [1]).

Въ 1863 году казанскій университетъ поднесъ Григоровичу дипломъ на степень доктора славянской филологіи, а съ слѣдующаго года онъ былъ уже профессоромъ вновь основаннаго университета въ Одессѣ. Первымъ трудомъ его здѣсь было, какъ замѣчаетъ біографъ, развитіе первой публичной лекціи, читанной имъ въ Казани: „Какъ выражались отношенія константинопольской церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ болгарамъ въ началѣ X ст." [2]). Не оставляя давно

[1]) „Славянское Обозрѣніе", сентябрь, стр. 74. Дальше мы еще встрѣтимся съ этимъ удивительнымъ обстоятельствомъ

[2]) Это была рѣчь, читанная на актѣ новороссійскаго университета 30-го авг. 1866 г.

Григоровичъ указывалъ здѣсь, что константинопольская церковь той поры, принимая народы въ свое общеніе, внушала мысль доступнаго разумѣнію богослуженія и не считала схизмою возможную самостоятельность. „Въ отношеніяхъ Константинополя къ сѣвернымъ народамъ замѣтны не одни только вражды и происки, вызываемые матеріальными интересами. Племена сѣверныя, смущаемыя злымъ соперничествомъ, невидимо испытывали силу, благодѣтельно пробуждавшую ихъ къ краѣ

любимыхъ вопросовъ о первыхъ вѣкахъ славянской, особливо южнославянской исторіи, Григоровичъ въ Одессѣ ревностно занялся и другими вопросами, связанными съ мѣстностями южной Россіи. Онъ пишетъ о значеніи Херсона и его церкви, объ археологическомъ изслѣдованіи днѣстровскаго побережья и южнаго побережья Днѣпра и т. д. Послѣднимъ трудомъ его была статья: „Объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ". Въ отчетѣ о поѣздкѣ лѣтомъ 1875 года въ Петербургъ, гдѣ онъ собиралъ въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба матеріалы для исторіи южно-русской земли, Григоровичъ писалъ (въ маѣ 1876), что желаетъ, „послѣ всѣхъ памятныхъ ему неудачъ", издать часть своихъ древнихъ памятниковъ, что „подобныя занятія желаетъ поставить условіемъ жизни, при неминуемой необходимости оставить службу". „Мы,—говоритъ біографъ,—хорошо не знаемъ, что побуждало Григоровича оставить его святую проповѣдь славянству о славянствѣ, но знаемъ, что онъ былъ не вполнѣ доволенъ Одессой". Дѣйствительно, въ послѣднее время у Григоровича возникали очень волновавшія его несогласія въ средѣ самой университетской корпораціи. Въ концѣ концовъ въ томъ же маѣ 1876 года онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и получилъ ее 16-го сентября. Онъ переселился въ Елизаветградъ, гдѣ надѣялся заняться изданіемъ своихъ памятниковъ, но послѣ этого прожилъ уже не долго: онъ умеръ 19-го декабря 1876 года.

Если въ Казани, въ средѣ хотя и немногочисленныхъ учениковъ, Григоровичъ оставилъ по себѣ самую теплую память, выраженіемъ которой остается въ особенности переданный нами вкратцѣ біографическій очеркъ г. М. П—скаго, а ранѣе воспоминанія г. А. С. [1]), то не менѣе глубокія сочувствія оставила личность и дѣятельность Григоровича у его одесскихъ младшихъ современниковъ и сотоварищей. Назовемъ въ особенности два очерка, написанныхъ въ воспоминаніе о достопамятномъ славистѣ профессорами одесскаго университета, Ѳ. И. Успенскимъ и А. А.

варварства отъ грезъ враждебныхъ предубѣжденій. Они ощущали, какъ постепенно эта сила извлекала ихъ изъ языческой безсознательности и вводила въ семью просвѣщенныхъ народовъ... Эта сила исходила изъ константинопольской церкви... Эта церковь, возвышаясь надъ монополіею, надъ вреднымъ разграниченіемъ, разъединеніемъ интересовъ сословныхъ, народныхъ и государственныхъ, выработывала мысль о равномѣрномъ развитіи въ народахъ исторической жизни, поставивъ исходной точкой христіанское просвѣщеніе" („Славянское Обозрѣніе", тамъ же, стр. 75).

[1]) „Древняя и Новая Россія", 1877, № 5).

Кочубинскимъ. Воспоминанія г. Успенскаго были актовою рѣчью въ день празднованія двадцатипятилѣтія новороссійскаго университета (1-го мая, 1890). Авторъ не былъ ученикомъ Григоровича, встрѣтился съ нимъ уже въ самые послѣдніе годы его жизни, но по предмету и направленію своихъ занятій былъ вполнѣ приготовленъ, чтобы цѣнить все значеніе трудовъ знаменитаго ученаго, уже близкаго къ довершенію своего поприща, и также понять въ извѣстной мѣрѣ тѣ особенности его личнаго характера, которыя могли казаться странными, но для которыхъ могло найтись объясненіе въ его жизненныхъ испытаніяхъ.

Г. Успенскій разсказываетъ: „Когда въ 1874 году я прибылъ въ Одессу, чтобы начать здѣсь службу въ университетѣ, Григоровичъ — уже 59-лѣтній старецъ — составлялъ одну изъ крупнѣйшихъ силъ на филологическомъ факультетѣ и пользовался почетной извѣстностью не только въ ученыхъ кружкахъ, но и между университетскими слушателями. Я уже имѣлъ особенныя причины знать его и почитать, такъ какъ онъ соединялъ славянскія занятія съ византійскими. Понятно, поэтому, что я искалъ случая побесѣдовать съ нимъ запросто, чтобы воспользоваться его опытомъ и начитанностью и попросить его совѣта. Въ этихъ расположеніяхъ я отправился къ нему разъ вечеромъ. Никогда не забуду того церемоннаго пріема и искусственной бесѣды, которая охладила мой піететъ и поставила меня въ крайнее недоумѣніе. Прежде всего онъ началъ всемѣрно принижать себя и расточать похвалы собесѣднику. Онъ—„скромный труженикъ“ провинціальнаго университета, онъ—„старый чернорабочій“, который можетъ только таскать камни, созидать же зданіе будутъ другіе, лучше его къ тому приготовленные и счастливѣе одаренные.—Вы учились у Срезневскаго... у Ламанскаго? Ахъ да, это счастливые люди, имъ все такъ легко дается! Какъ я радъ, что вы будете служить здѣсь! Мнѣ, старику, большая отрада—привѣтствовать ученые труды молодыхъ людей.—Послѣ я узналъ, что это была обыкновенная манера у Виктора Ивановича въ сношеніяхъ съ людьми одной съ нимъ профессіи. Это было „смиреніе паче гордости“, составлявшее отличительное качество характера Григоровича и выражавшееся иногда въ странностяхъ и выходкахъ, о которыхъ сложилась цѣлая серія анекдотовъ.

„Впослѣдствіи не разъ удавалось находить его въ счастливомъ настроеніи; онъ становился занимательнымъ и живымъ собесѣдникомъ и охотно дѣлился своими наблюденіями и опытомъ. Григоровичъ былъ далеко не заурядный человѣкъ, хотя и любилъ называть себя „чернорабочимъ“ и „тяглымъ“. Онъ обла-

далъ обширнымъ образованіемъ, тонкимъ и отзывчивымъ чувствомъ, беззавѣтной любовью къ наукѣ, обиліемъ идей. Постоянная сосредоточенность и замкнутость, холостая и одинокая жизнь давала ему много досуга для самоуглубленія и анализа. Онъ относится къ числу типическихъ представителей профессорскаго сословія, воспитавшихся подъ вліяніемъ идей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ" [1]).

Г. Успенскій видитъ еще задачу для будущаго біографа въ объясненіи оригинальнаго характера Григоровича и между прочимъ припоминаетъ слова Срезневскаго, который близко знавалъ Григоровича еще съ Харькова: Срезневскій отмѣчаетъ еще съ тѣхъ поръ скромность и застѣнчивость Григоровича, почти боязливость, которая переходила какъ бы въ скрытность и недовѣрчивость къ другимъ, когда это была всего больше недовѣрчивость къ самому себѣ. „Эта особенность его нрава, — говорилъ Срезневскій, — была главной причиной неблистательнаго окончанія имъ университетскихъ курсовъ, тогда какъ товарищи его пользовались его помощью, чтобы выдерживать экзамены съ бо̀льшимъ, чѣмъ онъ, успѣхомъ. Не только профессорамъ, но и товарищамъ, кромѣ двухъ-трехъ, не была извѣстна его склонность увлекаться историческими и поэтическими о̀бразами, складностью и звучностью рѣчи, особенно стиховъ".

Стараясь съ своей стороны объяснить внутреннее развитіе Григоровича и складъ его воззрѣній, г. Успенскій полагаетъ, что важными моментами въ этомъ отношеніи могли быть или пребываніе въ Дерптѣ, или путешествіе за границу, куда отправился онъ въ 1840 году, чтобы слушать лекціи въ Берлинѣ. „Я, — говоритъ г. Успенскій, — больше склоняюсь къ предположенію, что Григоровичъ обязанъ былъ своими оригинальными построеніями по славянской исторіи глубокимъ и сильнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ имъ изъ пребыванія въ Римѣ въ 1840—41 г. Къ счастію, въ его бумагахъ [2]) есть замѣтки—о пребываніи въ Римѣ, представляющія большой интересъ для разгадки направленія его. Въ 1840 г. онъ отправился за границу слушать лекціи въ берлинскомъ университетѣ. Запоздавъ однако къ лѣтнему семестру, онъ воспользовался свободнымъ временемъ для посѣщенія Вѣны и Италіи. Здѣсь-то и произошелъ съ нимъ нравственный переломъ, о которомъ записалъ онъ слѣдующее:

---

[1]) „Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ". Одесса, 1890, стр. 16—17, и далѣе.

[2]) Онѣ находятся теперь въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ.

„Скоро минули три недѣли... и распались оковы гнѣздившагося во мнѣ дотолѣ односторонняго нѣмецкаго вліянія, сосредоточившія для меня все знаніе, весь опытъ въ стѣнахъ нѣмецкаго университета, и чтò еще сильнѣе—все совершенство человѣка въ формахъ нѣмецкой жизни. Совершилось освобожденіе, котораго еще не въ силахъ были доставить ни Ломбардія, ни Венеція. Я рѣшился не ѣхать эту зиму въ Берлинъ и остался въ Римѣ, и вмѣсто трехъ недѣль провелъ въ немъ почти восемь мѣсяцевъ. Это имѣло рѣшительное вліяніе на всѣ мои путешествія. Описывать Римъ не есть моя цѣль, я нигдѣ не велъ журнала, а въ Римѣ еще менѣе. Нѣкоторыя минуты, нѣкоторые дни остались въ памяти, откуда ничто ихъ не изгладитъ. Одинъ разъ—это было зимой—я отправился со своими друзьями во Фраскати, гдѣ я часто проводилъ по нѣскольку дней; на другой день мы со свѣтомъ отправились вдоль Албанскихъ горъ съ цѣлью подняться на вершину Monte Cavo, гдѣ находится уединенный монастырь. Съ этой вершины мнѣ открылось величіе Божіе. Этого чувства не поймешь ни прежде, ни послѣ, но я помню его. Память о немъ да представится мнѣ грознымъ укоромъ всякій разъ, какъ возропщу на жизнь. Въ открытомъ предъ мною пространствѣ казались написанными судьбы Божіи во всѣ времена человѣчества. Но не объяснить ни въ одномъ словѣ, ни въ цѣлой книгѣ того, чтò было только чувство, сосредоточившее въ себѣ полное развитіе. Это было откровеніе, котораго удостоивается человѣкъ, но которое проносится передъ нимъ какъ молнія мгновенно и оставляетъ за собой жизнь, чтобъ, благодаря за него, развивать его въ своемъ сознаніи“.

„Въ другомъ мѣстѣ Григоровичъ пытается анализировать это состояніе такъ: это была минута полнаго блаженства. Кто пережилъ такую минуту, того вся остальная жизнь должна состоять въ разгадываніи того, чтò ее породило, въ поясненіи тѣхъ мыслей, изъ которыхъ слилось это чувство, въ служеніи пришедшему тогда откровенію, въ мольбѣ, чтобы оно никогда не покидало. Пока останется воспоминаніе этой минуты, человѣкъ не посмѣетъ ни въ какихъ обстоятельствахъ назвать себя несчастнымъ“.

Г. Успенскій не берется выяснить характеръ тѣхъ сложныхъ ощущеній, какія посѣтили Григоровича, но не сомнѣвается, что изъ нихъ сложилась та философская теорія, которая лежитъ въ основѣ его взглядовъ на исторію и литературу славянъ. Онъ полагаетъ, что при взглядѣ на мѣстность древняго Рима Григоровичъ воспринялъ какъ нѣчто живое и неизмѣнное—идею

національности, а представивъ себѣ исторію распространенія римской власти, понялъ какъ нѣчто необходимое и совмѣстимое съ національнымъ самосознаніемъ—идею всеобщности. „Вотъ два элемента или двѣ идеи, выраженныя самою природою римскою,—говорилъ Григоровичъ:—свободное стремленіе къ распространенію, къ безконечности, и всегдашнее пребываніе въ опредѣленныхъ постоянныхъ границахъ. Ихъ равновѣсіе было моментомъ высшаго могущества древняго Рима; ихъ взаимныя отношенія опредѣляютъ всю судьбу его въ древности. Покоряя сосѣдей и распространяя свое владычество надъ Италіей, Римъ все-же остается въ собственныхъ границахъ, ибо не допускаетъ подчиненныхъ дѣлаться причастными имени римскаго. Пока тѣсно хранилась національность, непоколебимо стоялъ онъ противъ всѣхъ внѣшнихъ нападеній. Принужденный сообщать другимъ то, что̀ онъ одинъ думалъ противопоставить всему міру, онъ самъ охладѣлъ къ этому міру, охладѣлъ къ подвигамъ, раздѣляемымъ съ самозванцами. Онъ удалилъ свое участіе въ дѣлахъ міра, который завоевывали и открывали его именемъ, и этотъ міръ весь обрушился на него Отдѣлилась отъ него на востокъ половина его царства, неправильно удержавъ на себѣ его имя безо всякой національности".

Григоровичъ рѣшительно возстаетъ противъ историческаго направленія, полагающаго рѣзкую грань между старымъ и новымъ Римомъ. „Древній Римъ былъ разрушенъ,—говоритъ онъ,—но онъ обновился новою жизнію, и этого обновленнаго града не въ силахъ были разрушить никакія силы. Онъ уже прославился тогда славой первыхъ апостоловъ, пришедшихъ въ него, какъ въ первый городъ языческаго міра, и оставившихъ въ немъ свои тѣла—два свѣтлыя ока вѣчнаго града. Послѣдовавшіе имъ въ Римѣ епископы, справедливо возвеличенные славою своей каѳедры, стали снова созидать на ней свою несправедливую всемірноземную власть. И снова привлеченные ею народы и царства стали злоупотреблять имя римское. Виновники этихъ злоупотребленій то теряли частію свою власть, то опять распространяли ее новыми завоеваніями и, наконецъ, совсѣмъ нѣкогда должны ее утратить... Но римскій народъ живетъ со всѣми своими особенностями, какъ вѣчнымъ останется Римъ, двукратно воспитавшій и образовавшій европейскіе народы... Только на томъ востокѣ Европы, куда и въ древности не успѣло проникнуть ни даже имя Рима, возникло независимо отъ него и безъ малѣйшаго его вліянія царство, которое расширилось превыше древняго римскаго царства. Оно оттолкнуло отъ себя властолюбивыя козни

римскаго епископа, объемлющія весь міръ. Оно сотретъ, можетъ быть, его гордыню и вездѣ, гдѣ онъ еще доселѣ посягаетъ на всегда независимо отъ него остававшуюся чистѣйшую церковь Христову. Но оно не возставало и не возстанетъ на Римъ. Новое царство Судебъ Божіихъ и Вѣчный градъ временъ не имѣютъ ничего, чѣмъ бы считаться между собой, никакое прошедшее не стоитъ между ними, и будутъ справедливы они другъ къ другу и признаютъ себя взаимно".

Г. Успенскій придаетъ этой идеѣ единства въ разнообразіи, воспринятой въ Римѣ, рѣшающее значеніе для всей дѣятельности Григоровича. „Въ силу этой идеи все разнообразіе историческихъ фактовъ легко сводится къ двумъ руководящимъ началамъ: національность и христіанство. Такъ какъ выясненію значенія этихъ началъ въ славянской исторіи посвящены ближайшіе по времени труды Григоровича, то можно сказать, что характеръ его міровоззрѣнія сложился въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ онъ запасся здѣсь священнымъ огнемъ и, какъ древняя весталка, поддерживалъ его неугасаемымъ во всю свою жизнь. Онъ сдержалъ данное себѣ тогда слово и неусыпно блюлъ надъ собой, чтобы не возроптать на жизнь и не впасть въ малодушіе и бездѣятельность".

Дальше мы увидимъ, что, къ сожалѣнію, и его личная жизнь, и самая научная дѣятельность представляли не мало случаевъ впасть въ малодушіе.

Самымъ крупнымъ дѣломъ Григоровича было его путешествіе въ славянскія земли и особенно въ земли Европейской Турціи. Направляясь изъ Казани въ Одессу, Григоровичъ встрѣтился (въ Харьковѣ) со старымъ знакомцемъ, тогда сотоварищемъ по каѳедрѣ —Срезневскимъ, который писалъ потомъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Мы лучше поняли другъ друга, и я не могъ не оцѣнить его, какъ увлеченнаго труженика науки, очень начитаннаго и много думавшаго. Теперь явился онъ мнѣ еще въ новомъ свѣтѣ, какъ ученый, предпринимавшій путешествіе со строго обдуманною цѣлью, понятою совершенно самостоятельно, совершенно отлично отъ тѣхъ цѣлей, какія имѣли въ виду всѣ мы, другіе, прежде его ѣздившіе въ славянскія земли".

Мы упоминали выше, сколько рѣшимости и самостоятельнаго взгляда на задачи науки было въ планѣ Григоровича направиться именно въ тѣ балканскія земли, гдѣ путешествіе было сопряжено съ прямою опасностью. Г. Успенскій объясняетъ, что Григоровичъ въ своемъ путешествіи именно „пытался раскрыть и обосновать индивидуальныя и общечеловѣческія черты у славянъ. Высшее

проявленіе послѣднихъ онъ усматриваетъ въ христіанскомъ просвѣщеніи. Христіанскіе народы, говоритъ онъ, во всѣхъ направленіяхъ своей нравственной дѣятельности, христіанствомъ приводятъ въ движеніе всѣ свои нравственныя силы. Христіанство, какъ источникъ индивидуальнаго и народнаго просвѣщенія, поставило славянскія племена въ ряду народовъ, трудящихся для человѣчества, связало ихъ жизнь съ жизнью древнихъ и новыхъ цивилизованныхъ народовъ и спасло ихъ для человѣчества. Этимъ основнымъ воззрѣніемъ Григоровича объясняется то, что онъ съ особенной любовью и пытливостью разыскивалъ слѣды памяти о жизни и дѣяніяхъ славянскихъ просвѣтителей. Его главное вниманіе устремлено было на христіанскую древность, для чего онъ обозрѣвалъ монастыри и церкви, допытывался остатковъ старинной славянской письменности. Испытанные имъ при этомъ труды и лишенія не пропали даромъ. Онъ доискался памятниковъ, никѣмъ дотолѣ не видѣнныхъ и никому неизвѣстныхъ. Частію пріобрѣтенныя имъ, частію же списанныя рукописи дали ему неисчерпаемый матеріалъ для послѣдующихъ работъ, которыя отличаются особенными, присущими Григоровичу качествами оригинальности. Вообще же личное ознакомленіе съ жизнью южныхъ славянъ и изученіе языка ихъ и литературы обогатило его запасомъ научныхъ свѣденій и широко раздвинуло его кругозоръ".

Изъ переписки Григоровича г. Успенскій извлекаетъ далѣе письмо объ его московскихъ впечатлѣніяхъ въ то время, когда онъ долженъ былъ замѣнить въ университетѣ Бодянскаго. „Нашелъ пріемъ очень милостивый... Первую лекцію посвятилъ я изложенію своихъ понятій о древнеславянскомъ языкѣ, какъ средоточіи славянской филологіи. Въ Москвѣ я болѣе чувствую важность и святость этого языка—не даромъ я сиживалъ надъ своими рукописями. Не знаю, буду ли я полезенъ въ Москвѣ, но вѣрно знаю, что Москва даетъ мнѣ много душевной пользы. Я твердо увѣренъ, что мое перемѣщеніе, которому я, не забывая, кто я, изъ какихъ я (!), отчаянно противорѣчилъ, не безъ содѣйствія промысла Божія. Если такъ, то грѣшно будетъ тѣмъ, кому извѣстны эти противорѣчія, которыя искренно исповѣдывалъ, если они пожелаютъ воспользоваться ими. Есть и въ Москвѣ мнѣ препятствія, которыя частію отъ меня происходятъ, частію мнѣ извнѣ готовятся. Предвижу ихъ вдали, но ободряю себя мыслью, что если не будетъ со стороны неблагонамѣреннаго усилія, не испытаю много вреда".

Воззрѣнія Григоровича г. Успенскій опредѣляетъ въ особенности тою лекціею „о значеніи церковно-славянскаго языка",

1851 года, о которой мы выше упоминали [1]). Здѣсь, по словамъ г. Успенскаго,—онъ нашелъ и оцѣнилъ универсальное значеніе того начала, которымъ славяне стремятся пріобрѣсти вѣсъ въ человѣчествѣ. Это начало, составляющее типическій родовой славянскій признакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всемірно-историческій, онъ видитъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. „Путемъ тяжкихъ мелочныхъ поисковъ,—говоритъ Григоровичъ,—умъ человѣческій приводитъ къ сознанію законы духовной природы нашей и въ языкѣ открываетъ начала мышленія. Проникая въ организмъ слова, языкознаніе показываетъ связь его съ процессомъ мышленія и изображаетъ намъ языкъ не простымъ только отголоскомъ чувственнаго человѣка, но и опредѣлительнымъ указателемъ законовъ духа. Каждый языкъ тѣсно связанъ съ назначеніемъ народа и есть слѣдствіе дѣйствія лежащихъ въ немъ нравственныхъ силъ. Языкъ есть мѣрило нравственнаго призванія народовъ въ исторіи". „Въ церковно-славянскомъ языкѣ,—продолжаетъ г. Успенскій,—онъ усматриваетъ начала духовнаго единства, скрѣпившія разрозненныя племена. При скудномъ содержаніи народности, при всеобщей религіозной потребности, этотъ языкъ представлялъ общность направленія всѣхъ племенъ. Предоставляя выраженіе частныхъ потребностей отдѣльнымъ нарѣчіямъ, онъ обобщалъ племена разрозненныя въ пространствѣ. Заключая въ себѣ главныя условія разнообразія нарѣчій въ звукахъ и формахъ и потому сближаясь съ каждымъ, онъ то оправдываетъ ихъ отличительные признаки, то даже способствуетъ къ раскрытію въ нихъ первообразнаго"... „Еще любопытнѣй значеніе его общественное и политическое, которое раскрыто Григоровичемъ съ особенной энергіей, замѣчательной для того времени. Охраняя преданіе, церковно-славянскій языкъ даруетъ намъ общеніе съ предками, сближаетъ насъ въ обширномъ отечествѣ нашемъ; находясь во взаимности съ родными нарѣчіями, онъ приводитъ насъ къ общенію съ соплеменниками; наконецъ, цѣлостно поясняемый, онъ расширяетъ предѣлы нашего сознанія и ставитъ насъ въ обширнѣйшую сферу образованныхъ народовъ. Словомъ, въ церковно-славянскомъ языкѣ Григоровичъ усматриваетъ залогъ непоколебимости и твердости нашихъ общественныхъ началъ, условіе славянской взаимности и стимулъ къ просвѣщенію и общечеловѣческому развитію. Онъ первый пустилъ въ оборотъ очень распространенное теперь выраженіе: „славянская взаимность", которое у него, впрочемъ, имѣетъ столько же научный смыслъ, сколько и политическій".

---

[1]) Она вошла въ „Статьи, касающіяся древняго словенскаго языка". Казань, 1852.

Г. Успенскій извлекаетъ изъ бумагъ Григоровича еще новый чрезвычайно любопытный документъ отъ 1860 года. Онъ давно уже мечталъ о переселеніи изъ Казани, и Одесса представлялась ему въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ тѣмъ болѣе желаннымъ пунктомъ дѣятельности, что, какъ видно изъ этой записки 1860 г., онъ полагалъ, что отсюда можетъ развиться особливо благотворное научное и народо-общественное вліяніе. Университета еще не было въ Одессѣ и Григоровичъ задумывалъ основаніе, при тогдашнемъ лицеѣ, славянской каѳедры съ нѣкоторыми сообразными мѣсту условіями. Между прочимъ предполагалось обратить вниманіе на языкъ и литературу ново-грековъ и румынъ. Въ объясненіе этого онъ весьма вѣрно указываетъ современное направленіе ново-грековъ и румынъ между прочимъ относительно ихъ славянскихъ сосѣдей и сожителей, находитъ эти отношенія ненормальными, какъ и сами славяне не чувствуютъ тѣхъ преимуществъ, какія въ дѣйствительности имѣютъ передъ тѣми. Григоровичъ несомнѣнно опасался прямо говорить объ отношеніяхъ политическихъ и въ данномъ случаѣ ограничиваетъ вопросъ потребностями науки. „Слѣдить за направленіемъ литературнаго и общественнаго движенія у этихъ народовъ,—говорилъ онъ,—и выражать свои наблюденія было бы обязанностью преподавателя славянской филологіи. Уму моему давно рисуется планъ повременнаго изданія, въ которомъ складывались бы свѣденія о южныхъ земляхъ, заселенныхъ славянами, румынами и греками. Не притязая на политическое значеніе и не выходя изъ скромнаго объема, оно могло бы служить посредникомъ въ передачѣ постоянно увеличивающихся свѣденій о древностяхъ, географіи, этнографіи и словесности сосѣднихъ народовъ“.

Въ осуществленіи этихъ задачъ Григоровичъ разсчитывалъ какъ на содѣйствіе правительства, такъ и на поддержку проживающихъ въ Одессѣ грековъ, румынъ и южныхъ славянъ. Подъ научнымъ знаменемъ онъ надѣялся собрать охотниковъ, съ помощью которыхъ считалъ возможнымъ распутать международную тяжбу. Припомнимъ, что въ это самое время находился въ крайне обострившемся положеніи церковный разладъ между болгарами и греками. Вмѣстѣ съ наукой онъ надѣялся и на вліяніе международной терпимости. „Въ дѣлѣ просвѣщенія,—говорилъ онъ,—особенно въ щекотливомъ вопросѣ о народностяхъ, нужно давать мѣсто частнымъ направленіямъ и, не подавляя ихъ, возвышаться надъ ними, пробуждая высшія потребности. Признаніе народностей, познаніе ихъ существенныхъ нуждъ съ цѣлію найти способы ихъ примиренія и останавливать неразумное соперничество—становится от-

личительной чертой русскаго просвѣщенія. Поставивъ науку посредницей въ явномъ или скрытомъ спорѣ народностей, русское просвѣщеніе, знаменуясь терпимостью, придастъ русскому языку ту необходимость, какую пріобрѣли нѣкоторые европейскіе языки, выражая собой высшія духовныя потребности. Каѳедра славянской филологіи, имѣя цѣлью усиливать безпристрастное изученіе языка и быта народовъ, будетъ не проповѣдницей распрей, но мирнымъ орга́номъ науки, ведущей къ соглашенію". Судя по всему, эта записка, справедливо внушающая такое теплое сочувствіе г. Успенскому, была та самая, изъ которой, по словамъ г. М. П—скаго, одно высокопоставленное лицо заключило, что Григоровичъ сошелъ съума [1]). Дальше мы еще разъ встрѣтимся съ ней.

Наконецъ онъ былъ въ этой Одессѣ, гдѣ, по его предположеніямъ, могла развиться такая благотворная дѣятельность; но дѣйствительность разрушила его ожиданія. „Наружная просвѣщенность,—писалъ онъ въ это время,—едва прикрываетъ безхарактерность общества, отвлекаемаго матеріальными интересами". Общество (какъ, впрочемъ, не въ одной Одессѣ) вовсе не нуждалось въ наукѣ; у мѣстныхъ южныхъ славянъ господствовала вражда и разобщеніе; среди людей высшаго класса „политическая болтовня заставляетъ забыть, что есть еще грамматика, исторія, географія, старина". „При такихъ обстоятельствахъ тяжело трудиться на югѣ. Если ничего не удастся сдѣлать, то единственная моя мысль —просить начальство воротить меня на службу въ кіевскій или харьковскій округъ".

Не удивительно, что въ средѣ одесскихъ коммерсантовъ онъ не нашелъ отвѣта на тотъ идеализмъ, какимъ былъ самъ пропитанъ, и г. Успенскій такъ описываетъ настроеніе, въ какомъ видѣлъ Григоровича въ послѣдніе годы его пребыванія въ Одессѣ и его жизни. Онъ „началъ малодушествовать, жаловаться на обстоятельства. Подъ этими неудачами развилась и его выдающаяся черта—смиреніе паче гордости, которая ставила собесѣдниковъ его въ большое неудомѣніе. Какъ будто въ оправданіе постигшихъ неудачъ, онъ часто повторялъ слѣдующее: дабы заслужить довѣріе, нужно пользоваться сочувствіемъ, а для этого необходимо владѣть духомъ смиренномудрія и любви. Но какъ въ человѣкѣ неудовлетворенномъ средой и претендующемъ на общественную руководящую дѣятельность, въ немъ заявляло себя при этомъ не самоотреченіе, а скорѣе отщепенство". Это послѣднее,

---

[1]) См. выше.

какъ вообще психологическое состояніе Григоровича, еще нуждается въ объясненіяхъ.

Выше мы упоминали о тѣхъ новыхъ интересахъ, какіе доставила Григоровичу одесская жизнь въ вопросахъ мѣстной археологіи и южно-русской старины. Въ первой ему нашелся ревностный сотоварищъ и единомышленникъ въ лицѣ извѣстнаго археолога, профессора Бруна. Это былъ такой же преданный своему дѣлу ученый и такой же непрактическій человѣкъ, какъ самъ Григоровичъ. Не мудрено, что они сошлись самымъ дружескимъ образомъ на сходныхъ интересахъ: „Я глубоко убѣжденъ,—говоритъ г. Успенскій,—что если суждено у насъ когда-либо образоваться школѣ со своими опредѣленными задачами и методами по изученію южно-русской старины, то во главѣ этой школы станутъ преданія, идущія отъ Бруна и Григоровича". А именно, г. Успенскій придаетъ особенное значеніе работамъ Григоровича въ этой области по ихъ методологическимъ пріемамъ, по умѣнью собирать въ бесѣдѣ со старожилами цѣнныя топографическія и этнографическія данныя, по желанію привлечь къ научному дѣлу мѣстныя провинціальныя силы.

Наконецъ, г. Успенскій указываетъ на отношенія Григоровича къ его аудиторіи, къ учащейся молодежи: „Въ некрологахъ и воспоминаніяхъ, написанныхъ вскорѣ по его смерти, особенно трогательными чертами изображалась привлекательная фигура гуманнаго профессора. И едва-ли я ошибусь, сказавъ, что въ университетскихъ поколѣніяхъ и доселѣ еще живутъ преданія, рисующія Григоровича именно съ этой стороны"... „Онъ никогда не запиралъ своихъ дверей передъ университетскими слушателями. Результатами своихъ изслѣдованій онъ прежде всего дѣлился съ своей немногочисленной аудиторіей и производилъ на нее сильное впечатлѣніе. Въ сношеніяхъ съ молодежью, повидимому, онъ оставался простъ и искрененъ, пробуждая въ ней добрые порывы и стремленіе къ идеаламъ. Многіе изъ его слушателей запаслись у него священнымъ огнемъ, который не угасаетъ и до сихъ поръ".

Въ заключеніе г. Успенскій говоритъ: „Пробѣгая мыслью дѣятельность В. И. Григоровича, я не могу не признать, что это былъ далеко не заурядный „тяглый" человѣкъ, какимъ онъ любилъ выдавать себя. Сильнымъ и самобытнымъ умомъ проникнуты всѣ его произведенія, особенно казанскаго періода; самые сухіе вопросы филологіи онъ успѣлъ одухотворить горячимъ чувствомъ національнаго самосознанія. Затронувъ разнообразнѣйшія области русской науки, онъ въ каждой нашелъ живыя и увлекательныя

стороны, обращавшія къ нимъ симпатіи другихъ. Въ молодомъ университетѣ, не имѣвшемъ еще устоевъ на новой почвѣ и лишенномъ традицій, Григоровичъ является громадной нравственной силой, полагавшей первыя основы для преданій, безъ которыхъ не можетъ жить такое учрежденіе, какъ университетъ".

Но самыя теплыя и ббразныя воспоминанія о Григоровичѣ, представляющія цѣлую характеристику этого оригинальнаго человѣка и ученаго, принадлежатъ А. А. Кочубинскому, который, бывши питомцемъ московскаго университета, съ 1871 г. былъ въ одесскомъ университетѣ доцентомъ по славянской каѳедрѣ при Григоровичѣ [1]). Мы находимъ здѣсь между прочимъ новые характерные факты изъ самой біографіи Григоровича, относительно которыхъ авторъ замѣчаетъ, „во избѣжаніе недоразумѣній", что свѣденія, источникъ которыхъ у него не указанъ, почерпнуты изъ его личныхъ замѣтокъ о бесѣдахъ съ Григоровичемъ или же изъ принадлежащихъ автору матеріаловъ. Здѣсь являются и нѣкоторыя новыя подробности біографіи и особливо новыя и чрезвычайно любопытныя подробности изъ исторіи научныхъ трудовъ Григоровича, которыя бросаютъ нѣсколько больше свѣта на развитіе того характера, который иногда внушалъ недоумѣнія даже людямъ, его глубоко уважавшимъ и къ нему привязаннымъ. Исторія ученаго труда освѣщается многими подробностями, которыя до сихъ поръ еще не были извѣстны въ печати и могутъ дѣйствительно оправдывать тотъ эпитетъ мученика науки, какой даетъ ему г. Кочубинскій.

Изъ ранней біографіи Григоровича мы узнаемъ, что Григоровичъ родился въ деревнѣ херсонской губерніи, у самой границы губерніи подольской, въ родовомъ имѣніи своей матери польки; отецъ былъ православный, но не дворянинъ, родомъ изъ черниговской губерніи, и былъ исправникомъ. Послѣ смерти матери имѣніе было отобрано и перешло назадъ въ ея родъ, вслѣдствіе чего семья осталась въ большой нуждѣ. По окончаніи курса въ

[1]) Его воспоминанія изданы въ книжкѣ: „Янъ Амосъ Коменскій. В. И. Григоровичъ. Двѣ рѣчи А. Кочубинскаго". Одесса, 1893. Здѣсь напечатанъ сполна текстъ рѣчи, которая въ извлеченіи была произнесена 18-го октября, 1892, въ Елизаветградѣ, на могилѣ Григоровича, при открытіи ему надгробнаго памятника. Въ сокращеніи рѣчь была напечатана сначала въ „Славянскомъ Обозрѣніи", 1892, ноябрьдекабрь. Въ 1876 году, г. Кочубинскій, вмѣстѣ съ проф. И. С. Некрасовымъ, былъ командированъ совѣтомъ университета, для участія при погребеніи Григоровича. Произнесенная имъ тогда рѣчь на могилѣ была напечатана въ брошюрѣ: „Памяти товарищей", Одесса, 1878.

Харьковѣ (18 лѣтъ), Григоровичъ долженъ былъ отправиться на службу въ Петербургъ, но, по свѣденіямъ г. Кочубинскаго, на службу не поступалъ, а уже въ виду Петербурга своротилъ съ пути и укрылся въ Дерптъ, въ гнѣздо настоящей для того времени науки. О своемъ харьковскомъ періодѣ онъ вспоминалъ съ сожалѣніемъ, почти какъ о потерянномъ времени,—такъ не богаты были тамъ образовательные элементы. Въ Дерптѣ онъ встрѣтился съ Гегелевой философіей и строгими классическими изученіями, между которыми робко и случайно пробивались и славянскіе вопросы. На новую дѣятельность вывелъ его случай: одинъ изъ его тамошнихъ друзей, Горловъ, указалъ на него казанскому попечителю Мусину-Пушкину, какъ на возможнаго кандидата для славянской каѳедры въ Казани. „Вспоминая объ этомъ приглашеніи, старикъ любилъ иронизировать надъ собою, что его права на эту каѳедру основывались на знаніи еще изъ дома польскаго языка, да на томъ, что онъ издали видѣлъ у Прейса, тогда гордаго учителя гимназіи въ Дерптѣ—онъ училъ у мѣстныхъ помѣщиковъ —„Glagolita Clozianus“, но каковую книгу хозяинъ никогда не давалъ ему“.

Человѣкъ среднихъ силъ могъ бы затеряться въ Казани передъ трудной задачей открывать новую каѳедру, въ Казани, которая „въ распоряженіе своего будущаго слависта могла предложить пять-шесть молитвенниковъ славянскихъ“; но Григоровичъ былъ человѣкъ „необыкновеннаго порядка, какъ его и поняли тогда въ Казани, хотя онъ все еще былъ только „дѣйствительнымъ студентомъ“: „его вынесъ на берегъ, какъ говоритъ г. Кочубинскій, его философскій умъ помимо талантливости натуры. Давно, еще въ Дерптѣ, проштудированный сухой трудъ знаменитаго чеха Шафарика, подъ философскою мыслью Григоровича воскресилъ „глубоко сокрытый духъ“ въ литературной исторіи славянства, обнявъ частныя литературы славянъ, какъ откровеніе народнаго духа — народнаго сознанія“ [1]). Первые два труда Григоровича дѣйствительно имѣли этотъ обобщающій характеръ, приданный его философскими занятіями. Повидимому, магистерская диссертація Григоровича послана была на обсужденіе въ Петербургъ. Раньше мы приводили отзывъ, сдѣланный мимоходомъ въ письмѣ Прейса,—отзывъ мало благопріятный. Г. Кочубинскій по своимъ свѣденіямъ разсказываетъ:

„Суровъ былъ приговоръ надъ магистерскимъ трудомъ мини-

[1]) Отсутствіе ссылокъ на „Исторію“ Шафарика, какъ мы видѣли выше, заставляло Срезневскаго и М. П—скаго думать, что Григоровичъ даже не зналъ тогда этой книги.

стерскаго критика, стараго знакомца и по наукѣ товарища, Прейса, слависта петербургскаго университета: Прейсъ требовалъ кассаціи университетскаго приговора — отнятія магистерства (недостаточность-де матеріала, повторяемость, при „философскихъ предубѣжденіяхъ“, темнота изложенія). Но правъ былъ старикъ Востоковъ, который уже въ виду кандидатской работы, и также при оффиціальной ея критикѣ, провидѣлъ въ авторѣ, еще студентѣ Григоровичѣ, „достойнаго кандидата на каѳедру“, и, вѣроятно, не для одной Казани.

„Вдали голоса раздвоились. Но на мѣстѣ, въ Казани, первые шаги въ наукѣ студента-профессора производили чарующее впечатлѣніе; ихъ чисто оригинальный взглядъ на исторію славянскихъ литературъ — стремленіе обработать ее въ совокупности, показать ихъ взаимодѣйствіе“, не допускавшее двоенія. Конечно, этому не мало содѣйствовало и личное знакомство съ авторомъ. Въ рѣшительный моментъ жизни Григоровича, въ началѣ его самостоятельной службы славянской наукѣ, одинъ изъ его лучшихъ благожелателей-друзей, новый казанскій попечитель Молоствовъ, оффиціально (въ донесеніи министру, въ августѣ 1844, когда Григоровичъ начиналъ свое путешествіе) произнесъ о немъ знаменательныя слова: „это—не *обыкновенный ученый*, посвящающій себя профессорскому званію для достиженія личныхъ цѣлей, *но человѣкъ страстный къ наукѣ*, жертвующій всѣмъ для нея“ [1]).

Очень любопытны разсказы о путешествіи Григоровича, извлеченные г. Кочубинскимъ частью изъ собственныхъ сообщеній Григоровича. Не по примѣру своихъ предшественниковъ, Григоровичъ отправился прямо въ тотъ наименѣе извѣстный край, гдѣ совершался первый расцвѣтъ славянскаго христіанства и церковно-славянской письменности.

„Съ жаркими напутствіями московскихъ славянофиловъ: Валуева, Хомякова, даже съ пучками стиховъ послѣдняго, Григоровичъ покинулъ въ августѣ 1844 года Россію, чтобы изъ Одессы чрезъ Константинополь вступить *первымъ* на священную почву родины первоучителей славянскихъ, Солуня, а оттуда на Аѳонъ и далѣе въ глухую Македонію. Это отважное движеніе въ глубь дикой Турціи одиночнаго русскаго ученаго 40-хъ годовъ—только что не цѣлая эпопея, къ сожалѣнію, изъ печати вышедшая въ укороченномъ видѣ. И сегодня тамъ одинъ ужасъ: а что тогда?

---

¹) Въ разсказѣ г. М. П—скаго, попечителемъ въ Казани за это время считается Мусинъ-Пушкинъ, который тогда уже былъ въ Петербургѣ.

„Вотъ на пути у Охридскаго озера, гдѣ путешественникъ открываетъ живые слѣды культа св. Климента и другихъ учениковъ славянскихъ апостоловъ, изъ-за камней набрасывается на „даскала кур Григоровича, голема човека“ (оффиціальный монастырскій на мѣстѣ титулъ его), подстерегавшій его болгарскій „пôпа“ (священникъ) Йованчо, и нашъ путешественникъ, „добрый русскій“, съ трудомъ отдѣлывается отъ этого одичалаго эпигона св. Климента.

„Еще бôльшую неожиданность приготовилъ ему Велесъ: турецкій жандармъ хватаетъ его за воротъ и среди бушующей толпы тащитъ его къ пашѣ, „какъ москова“. Едва успокоилъ нашъ „даскалъ“ пашу, что онъ простой „китабчи“, книжникъ, писатель. Переночевавъ въ ханѣ, на зарѣ онъ бѣжалъ.

„Но оставимъ дикую Македонію и прослѣдуемъ за Григоровичемъ на Аѳонъ, главный центръ его ученыхъ интересовъ, главное гнѣздо его литературной добычи, но куда давно уже были устремлены пытливые взгляды Добровскаго, Копитара, въ провидѣніи богатыхъ открытій для славянской науки. Здѣсь не было одичалыхъ „поповъ“, фанатизованныхъ туровъ, но тѣмъ не менѣе встрѣча была грубая, на каждомъ шагу придирки, запасенныя рекомендаціи ни къ чему, а главное—ни къ чему желанному никакого доступа. Но Григоровичъ съ своимъ девизомъ—„всѣмъ для науки“ —не постѣснился ничѣмъ. „Его пламенная любовь къ предмету и самоотверженіе“, говоря современнымъ признаніемъ гордаго имъ теперь его университета, все преодолѣли, указавъ ему особенные пріемы для разрѣшенія намѣченныхъ задачъ.

„Чтобы сколько-нибудь расположить суровыхъ монаховъ на Аѳонѣ къ себѣ, открыть ихъ сердце, а съ тѣмъ и доступъ къ ихъ книжному, мало цѣнимому ими, хламу въ чуланахъ, чердакахъ, сырыхъ подвалахъ, въ заваленныхъ всякою дрянью погребахъ старыхъ башенъ и, наконецъ, въ библіотеки, онъ отстаивалъ всѣ церковныя службы съ ними, выполнялъ всѣ надолго памятныя ему строгія добродѣтели... питался только-что не акридами, писалъ для монаховъ жалостныя прошенія въ Россію и Константинополь о сборахъ и тогда уже дозволяли ему—лазить, рыться. Въ пиргѣ (башнѣ) Хиландарскаго монастыря онъ спускался въ грязное подземелье, рылся тамъ среди гніющей груды рукописныхъ листковъ, весь въ извести выкарабкался изъ башни, но съ двумя листками древнѣйшаго кирилловскаго письма (Поученія Кирилла Іерусалимскаго, пожертвованныя позже одесскому университету, гдѣ они составляютъ сокровище его библіотеки), и тутъ же на берегу моря началъ стирку тысячелѣтняго пергамента.

Но случалось и такъ, что ему только показывали рукопись, пригвожденную къ полу библіотеки большимъ костылемъ—нѣсколько своеобразная мѣра охраны собственности.

„Но испытанія отъ чужихъ едва-ли превышали тѣ униженія и оскорбленія, которыя Григоровичу приходилось выносить отъ своихъ, но съ которыми ему, по несчастной необходимости, пришлось сталкиваться—съ дипломатами. Уже въ Константинополѣ, при первомъ вступленіи на турецкую землю, его встрѣтили звѣремъ. „Какой шутъ надоумилъ тебя путешествовать въ такое опасное время?"—привѣтствовалъ его, съ характернымъ *ты*каньемъ, одинъ изъ среднихъ чиновниковъ посольства. Когда же онъ предсталъ передъ другого, тотъ принялъ его, лежа на диванѣ, съ ногами на столѣ, и едва удостоилъ нѣсколькихъ словъ. Одно это характерное *ты*канье—ученому, магистру и человѣку не первой молодости, со стороны своихъ, правда чиновниковъ, и даже титулованныхъ, показывало ясно, что полагаться можно только на себя. Къ вящшему огорченію Григоровича самое оффиціальное препоручительное письмо о немъ константинопольскому послу отъ попечителя одесскаго учебнаго округа, Княжевича, было получено Григоровичемъ въ Одессѣ безъ подписи попечителя. Но турецкій пріемъ оказался еще лаской сравнительно съ тѣмъ, что ожидало его въ Вѣнѣ, и все отъ своихъ соотечественниковъ: тамъ уже онъ встрѣченъ былъ съ невѣроятной, холопьей грубостью. Мы эти тяжелыя воспоминанія изъ недавняго былого воскрешаемъ не для укора (можетъ быть, все это было въ духѣ эпохи), а только для того, чтобы сильнѣе очертить кроткій, высокій нравственный обликъ смѣлаго путешественника изъ Казани. Какъ бы въ предвидѣніи всѣхъ этихъ любезностей Востока, попечитель Молоствовъ, горячій покровитель своего даровитаго слависта, всячески добивался для него при отъѣздѣ титула адъюнктъ-профессора, „который бы,—откровенно и предусмотрительно писалъ старикъ въ министерство,—давалъ болѣе значенія и вѣсу", но тщетно: Григоровичъ такъ и уѣхалъ „безъ вѣса", безъ желаннаго титула, на испытанія.

„Но никакія физическія и душевныя испытанія не въ силахъ были остановить самоотверженнаго Григоровича предъ научнымъ долгомъ, долгомъ совѣсти. Наука, какъ неослабный стимулъ, гнала его неустанно впередъ и привела къ результатамъ, открытіямъ, которыя превзошли самыя смѣлыя чаянія; имя смѣлаго слависта, умиляя современниковъ, стало неразлучно въ исторіи славянской науки съ эпохой ея крупнаго подъема, а самое путешествіе — эрой.

„Полутаинственный Аѳонъ, о которомъ, какъ о вѣковой сокровищницѣ славянской науки, мечтали еще старики Добровскій и Копитаръ, а поэтъ Колларъ отвелъ ему особое мѣсто въ своемъ лабиринтѣ сонетовъ, сталъ теперь открытой книгой, важной для историка литературы, культуры и былого славянства вообще".

Вмѣстѣ съ Аѳономъ впервые раскрылись неподозрѣваемыя до тѣхъ поръ древности славянской Македоніи и собственной Болгаріи. Указавъ въ крупныхъ общихъ примѣрахъ тѣ пріобрѣтенія, какія были сдѣланы Григоровичемъ среди балканскаго славянства и на Аѳонѣ, г. Кочубинскій продолжаетъ: „Такимъ образомъ, цѣлый караванъ новыхъ для науки коллекцій, историко-литературныхъ и этнографическихъ, сопровождалъ знаменитаго теперь Григоровича, когда онъ, наконецъ, на румынскомъ берегу Дуная у Джурджева оставилъ за собою Турцію. Окончился, по классическому выраженію самого Григоровича, его „солдатскій походъ". Подъ старость лѣтъ такъ онъ называлъ, и истинно вѣрно, свои турецкія злоключенія. Первое поздравленіе по сю сторону Дуная ожидало его оттуда, откуда онъ еще недавно вынесъ одни тяжкія воспоминанія, но теперь уже „почтеннѣйшій г. Григоровичъ" — изъ Константинополя. Это поздравленіе шло отъ русскаго посла въ Константинополѣ, Титова, въ августѣ 1845. „Поздравлять можно было съ чѣмъ. Безъ преувеличенія говоря, ни одна экспедиція не приносила для науки такихъ крупныхъ результатовъ, какъ одиночная экспедиція добровольца Григоровича: ибо въ немъ кипѣла жизнь науки, беззавѣтная преданность одной наукѣ, а сверхъ того — полная подготовка къ дѣлу, какая рѣдко у кого встрѣчается. Самое же повѣданіе объ этой экспедиціи, какъ ни урѣзано оно было въ своей печатной одеждѣ, заняло, не только въ русской наукѣ, но и въ богатой наукѣ Запада, почетное мѣсто: и сегодня правдивая и богатая наблюденіями книга Григоровича не забыта и тамъ"...

Другія пріобрѣтенія, также совершенно новыя въ русской наукѣ, сдѣланы были Григоровичемъ въ Румыніи (онъ былъ едва-ли не первый русскій ученый, научно знакомый съ румынскимъ языкомъ); въ Далмаціи онъ пріобрѣталъ рѣдкія книги, а также и рукописи—„предметъ зависти самого Загреба".

„Можно сказать, что каждый шагъ Григоровича въ каждомъ новомъ краю его историческаго объѣзда юго-востока Европы, какъ бы ни былъ различенъ онъ своею культурою, отъ Аѳона — Македоніи и до копитаровой Вѣны, гдѣ онъ съ понятною „трепетною радостью" (по его личному признанію) отыскиваетъ громадной исторической важности фоліанты „Протоколовъ" церкви

Новаго Рима, синодовъ константинопольскаго патріархата, освѣщающихъ любопытные зачатки самостоятельности румынской церкви,—ознаменовывался открытіями. Но мы также каждый разъ не должны забывать, какъ нелегко давались ему всѣ эти вклады въ науку, какихъ томительныхъ трудовъ стоило великому исповѣднику науки каждое его открытіе. Такъ, не мало предварительнаго труда положено было имъ въ придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ, прежде чѣмъ посчастливилось ему открыть „съ трепетною радостью", какъ доносилъ онъ въ министерство, знаменитые „Протоколы". Предъ нами одни результаты; но самый процессъ работы мы забываемъ легко".

Наконецъ, въ Прагѣ Григоровичъ дѣлится съ „великимъ чехомъ" Шафарикомъ своими находками, но дѣлится только отчасти, потому что главный „турецкій караванъ" былъ направленъ Григоровичемъ еще изъ Константинополя въ Казань черезъ Одессу, оффиціальнымъ путемъ. „Можно было повторить съ нашими старыми книжниками, что не радовался такъ женихъ о невѣстѣ, какъ радъ былъ Шафарикъ своему Григоровичу, его славянскимъ урокамъ, слѣды которыхъ ясны въ современныхъ трудахъ корифея славянской науки: уроки скромнаго русскаго ученика скромному чешскому учителю—картина эта говоритъ много".

Путешествіе близилось къ концу; но, какъ полагаетъ г. Кочубинскій, подъ вліяніемъ Шафарика, у Григоровича явилось сильное желаніе повернуть изъ Праги не въ Петербургъ, а назадъ въ Турцію и прежде всего въ Албанію, съ языкомъ которой онъ не успѣлъ ознакомиться. Григоровичъ обратился съ просьбой въ министерство; Шафарикъ старался поддержать его просьбу съ помощью своихъ русскихъ связей, настаивая на важности новаго плана Григоровича; но просьбы и хлопоты остались безуспѣшны: Григоровичу пришлось возвращаться домой,—онъ былъ вытребованъ изъ Берлина прямо въ Петербургъ. Какъ думаетъ г. Кочубинскій, причиной отказа была вѣроятно исторія, которая стряслась тогда надъ Костомаровымъ и Кулишомъ. „Графъ Уваровъ, чтобы уберечь заслуженнаго работника науки отъ непріятнаго знакомства, засадилъ его за составленіе перваго отчета, который и былъ написанъ имъ быстро: я, вспоминалъ старикъ, не выходилъ изъ своей гостинницы цѣлую недѣлю, написалъ, подалъ и былъ сейчасъ же направленъ въ Казань".

„Разобраться въ своихъ богатыхъ наблюденіяхъ и матеріалахъ и познакомить съ ними возможно полнѣе и быстрѣе ученый міръ—вотъ та естественная задача, которая ожидала Григоровича въ Казани. Этого съ нетерпѣніемъ ждалъ ученый міръ, которому

стало извѣстно пока лишь немногое изъ открытій Григоровича, этого ждалъ и университетъ, но работы замедлились. Прежде всего Григоровичъ сразу встрѣтился съ препятствіемъ—въ первобытныхъ средствахъ печати; академія еще не открывала своихъ славянскихъ изданій; московскія „Чтенія", гдѣ давалось мѣсто славянскому матеріалу, были только-что уничтожены; наконецъ, чрезвычайная строгость духовной цензуры послѣ 1848 года; г. Кочубинскій припоминаетъ, что еще задолго до этого знаменитое Остромирово Евангеліе могло выйти въ свѣтъ только благодаря вмѣшательству митрополита Филарета. „Одинъ примѣръ: изданныя Григоровичемъ въ 1862 г. знаменитыя Паннонскія Службы лежали въ цензурѣ 10 лѣтъ. А сокровища Григоровича, ожидавшія на первомъ мѣстѣ своего выхода въ свѣтъ, все были тексты церковнаго языка". Если не ошибаемся, Григоровичу и въ Казани пришлось испытать неудобства того недовѣрія къ возникавшимъ славянскимъ сочувствіямъ, которое сказывалось въ то время въ оффиціальныхъ сферахъ... Между тѣмъ Шафарикъ недоумѣвалъ о молчаніи Григоровича, постоянно обращался съ вопросами объ этомъ къ Погодину; послѣдній хотя и называлъ себя въ письмахъ къ Шафарику „привыкшимъ нѣсколько различать по примѣтамъ времена и лѣта" и могъ, повидимому, разобраться въ тогдашнихъ „временахъ тяжкихъ и мудреныхъ", но не могъ уразумѣть положенія Григоровича и вторилъ Шафарику, который въ раздраженіи „бросалъ незаслуженный попрекъ вынужденному молчальнику, что онъ намѣренно утаиваетъ свои богатства, не желаетъ съ ними дѣлиться, сдѣлать ихъ извѣстными въ наукѣ". Погодинъ съ своей стороны писалъ Шафарику (1852), что онъ также старался всѣми силами „пристыдить Григоровича за медленность и косность". „Григоровичъ и—косность!—замѣчаетъ г. Кочубинскій:—какая игра, иронія судьбы!"

„Въ сознаніи своей чисто трагической безпомощности откликнуться желаннымъ дѣломъ на требованія науки и завершить свои монументальныя открытія своими работами—созданіемъ эпохи своего имени, Григоровичъ не могъ не выработать классическаго по смиренію для себя титула—„смиреннаго гамала, носильщика науки", титула, который въ разныхъ перифразахъ („чернорабочій", „рядовой" и др.) повторяется у него до конца жизни. Но едва-ли онъ самъ вѣрилъ въ справедливость прибраннаго имъ для себя чрезвычайнаго титула... Мы помнимъ хорошо сѣтованія пок. Срезневскаго, слышанныя нами лично, на посѣщенія у него Григоровича, какъ онъ передъ нимъ дозволялъ себѣ садиться только на кончикъ кресла".

Повидимому, въ этомъ самоуничиженіи скрывалась только иронія. Григоровичъ не могъ не чувствовать собственнаго значенія въ тогдашней обстановкѣ нашей науки. Ему пришлось пережить еще одинъ опытъ въ этомъ направленіи, о которомъ едва-ли не въ первый разъ говоритъ здѣсь г. Кочубинскій. Дѣло въ томъ, что въ 60-хъ годахъ, уже незадолго до своей смерти, Востоковъ называлъ Григоровича, какъ наиболѣе законнаго преемника его въ русскомъ отдѣленіи академіи; но Григоровичъ выбранъ не былъ. Нашъ авторъ говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ.

„Переносясь въ тѣ времена и соображая указанныя неблагословенныя для русской науки условія, мы можемъ глубоко скорбѣть, что намѣреніе Востокова, этого воспріемника Григоровича при купели науки (какъ это мы видѣли выше), но заявленное имъ уже у порога смерти, именно Григоровичемъ замѣстить себя, свое кресло, въ академіи наукъ, не имѣло мѣста раньше, лѣтъ десять назадъ, въ эпоху самую тяжелую для казанскаго слависта, когда онъ собирался открыть свои публикаціи. Встрѣченная теперь злою оппозиціей акад. Билярскаго, мысль Востокова тогда бы, вѣроятно, увѣнчалась успѣхомъ. Какая же перспектива открывалась тогда для славянской науки?!“ Дальше г. Кочубинскій говоритъ о томъ же эпизодѣ: „Несмотря на глубокое огорченіе, принесенное Григоровичу письмомъ самого Востокова съ извѣщеніемъ о фатальномъ исходѣ его предложенія, чтò ясно видно изъ раздражительныхъ замѣтокъ на поляхъ письма (это письмо Востокова, почти на порогѣ могилы, съ фотографическою точностью передававшее главнѣйшіе моменты судьбы его предложенія, мы читали при ночной описи имущества Григоровича послѣ похоронъ, списать не успѣли, а гдѣ оно теперь?), Григоровичъ преклонялся передъ глубокимъ критическимъ умомъ Билярскаго, чуждый мелкаго чувства. Однимъ чувствомъ—благоговѣніемъ—проникнута его рѣчь у гроба Билярскаго, вначалѣ „бѣдняка, въ ученомъ мірѣ сущаго сироты“, рѣчь, съ жаромъ написанная и съ жаромъ, памятнымъ еще многимъ, произнесенная“. Только въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ этой рѣчи можно было бы предполагать отголосокъ прежнихъ тяжелыхъ воспоминаній.

Указавъ дальше заслугу Григоровича въ постановкѣ изученія церковно-славянскаго языка, въ постановкѣ новыхъ изученій византійской исторіи, параллельно и въ связи съ исторіей славянской, г. Кочубинскій говоритъ объ его положеніи въ Одессѣ.

„Какъ человѣкъ глубокаго гуманнаго образованія, Григоровичъ несся на югъ, съ сладкими мыслями о томъ, какъ онъ наукою урегулируетъ угловатыя отношенія сосѣдей между собою,

своихъ старыхъ, любимыхъ знакомцевъ: славянъ, грековъ, румынъ, сгладить ихъ взаимныя шероховатости. Въ этихъ интересахъ была написана имъ для университета знаменитая первая актовая рѣчь—о константинопольскомъ патріархѣ Николаѣ Мистикѣ, изъ начала X вѣка, о его сердечныхъ отношеніяхъ къ Болгаріи того времени: дѣлая предостереженіе по адресу одной и другой враждующей стороны, историкъ какъ бы желалъ предупредить готовившуюся бурю, предварить схизму. Мечталъ онъ и о томъ, какъ пробудить въ обществѣ Одессы и юга широкія симпатіи къ мѣстнымъ изученіямъ ..., и какъ новый свѣтъ озаритъ темные вѣка нашего юга, исконнаго культурнаго питомца Византіи, объяснитъ „культурные вопросы о земляхъ, прилегающихъ къ Черному морю" (въ предложеніи о командировкѣ Билярскаго, въ 1866 году). Много, много сладкихъ грезъ принесъ онъ съ собой въ свой новый университетъ, съ много говорящимъ, дающимъ цѣлую программу, именемъ—„Новороссійскій", именемъ, которое мало общаго имѣетъ съ его вульгарнымъ титуломъ... Но онъ скоро разочаровался и горько сѣтовалъ на „поганое равнодушіе, приправленное froніей", на „испытанное жестокое отчужденіе", на разныхъ „благообразныхъ преемниковъ печенѣговъ, половцевъ". (Ср. „Изъ лѣтописи славянской",—конецъ.) Да, любопытно: повсюду—въ Дерптѣ, Москвѣ, Казани, его провожала любовь; изъ одной Одессы, своей Одессы—онъ почти бѣжалъ... Но каково бы ни было его душевное состояніе, онъ не презрѣлъ завѣта науки, обѣта всей своей жизни, и работалъ, работалъ, самолично изслѣдуя географію края, его древности, его этнографію, языкъ, побуждая къ той же работѣ всякихъ людей малыхъ—духовныхъ, народныхъ учителей всего новороссійскаго края.

„Самая смерть застала Григоровича за попыткой открыть наукѣ доступъ къ наиболѣе замкнутому элементу юга—къ старовѣрамъ, но которые въ глазахъ его были завидными обладателями славянской литературной старины"...

Г. Кочубинскій заканчиваетъ свою рѣчь (напомнимъ, что она была сказана при открытіи памятника Григоровичу) слѣдующимъ заключеніемъ объ его заслугѣ.

„Воскресилъ ли виновникъ сегодняшняго торжества, В. И. Григоровичъ, сокрытую во мракѣ былого жизнь, духъ нашего племени, его исторію, его слова, конечно, въ предѣлахъ доступныхъ дѣятельности единичнаго человѣка, — на вопросъ этотъ, позволяемъ себѣ думать, исторія славянской науки можетъ дать одинъ отвѣтъ—положительный. Съ убѣжденіемъ исповѣдуемъ, что и половина того, что̀ сдѣлано было для науки Григоровичемъ,

была бы достаточна для увѣковѣченія въ потомствѣ памяти о немъ, объ этомъ возвышенномъ и благородномъ дѣятелѣ нашей земли, что духовный обликъ его долго и долго носиться будетъ предъ лицомъ грядущихъ поколѣній.

„Позволяемъ себѣ думать, что какъ долго будетъ живъ хоть одинъ языкъ славянскій, не изсякнетъ признательное чувство къ виновнику сегодняшняго дня, а энергическій и симпатическій образъ отважнаго изслѣдователя и идеальнаго человѣка науки, окруженный ореоломъ трудового величія, пребудетъ источникомъ воодушевленія и подражанія для работниковъ науки среди наростающихъ поколѣній, а въ самыхъ трудахъ ихъ—надежнымъ кормчимъ".

Эти глубоко сочувственныя воспоминанія, принадлежащія одному изъ учениковъ и двумъ ближайшимъ младшимъ сотоварищамъ Григоровича [1]), указываютъ и то обширное значеніе, какое должно быть за нимъ признано въ наукѣ, и своеобразный характеръ его личности. Три различные свидѣтеля согласны въ общемъ выводѣ. И дѣйствительно, если собрать результаты научнаго труда нашихъ первыхъ славистовъ, основателей нашей славянской науки, то наибольшая доля самостоятельныхъ открытій и изслѣдованій едва ли не должна быть признана за Григоровичемъ. Каждый въ своей области работы сдѣлалъ очень много для установленія нашихъ славянскихъ изученій, но никто не поднялъ для этой цѣли такого самоотверженнаго труда и не ввелъ въ науку столько новыхъ данныхъ, какъ Григоровичъ, и никто не ставилъ цѣлаго вопроса на такую широкую философско-историческую почву, какъ онъ.

Къ сужденіямъ объ его историческомъ значеніи всегда, кажется, будетъ присоединяться сожалѣніе о томъ, что онъ не успѣлъ сдѣлать всего, на что былъ бы способенъ по обширности своихъ знаній и по силѣ одушевлявшаго его народно-славянскаго чувства. Его внутренняя жизнь, какъ мы могли видѣть по разсказамъ даже его ближайшихъ друзей, остается далеко не выясненной, какъ еще не выяснены и многія внѣшнія подробности біографіи. Одно общее впечатлѣніе остается несомнѣнно. Это была жизнь надломленная: личныя условія, повидимому,

[1]) Мы не останавливаемся на статьѣ г. Кирпичникова: „В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки" („Историческій Вѣстникъ", 1892, декабрь). составляющей также рѣчь при открытіи памятника въ Елизаветградѣ,—такъ какъ авторъ, лично не знавшій Григоровича, могъ передавать только воспоминанія другихъ лицъ.

издавна неблагопріятныя; богатый запасъ идеализма, не находившій себѣ исхода въ сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ научной работы и общественной жизни и, вслѣдствіе того, невозможность поставить собственную дѣятельность такъ, какъ влекли его къ этому всѣ его горячія стремленія (припомнимъ, что когда онъ высказывалъ свои самыя задушевныя пожеланія для науки и для славянскихъ народныхъ интересовъ, на это оффиціальный авторитетъ дѣлалъ только выводъ, что Григоровичъ сошелъ съ ума), —все это рано, можно сказать, съ первыхъ шаговъ на научномъ поприщѣ, заставляло его скрываться внутрь себя, не довѣрять людямъ и вѣроятно отзывалось неблагопріятно на самыхъ его работахъ. Сравнительно онъ писалъ мало. Болѣе спокойное внутреннее состояніе могло бы дать ему возможность подготовлять, по крайней мѣрѣ, работу для будущаго, болѣе благопріятнаго времени; но этого не было—только покинувъ окончательно университетъ, онъ думалъ посвятить свой досугъ разработкѣ своихъ давно собранныхъ матеріаловъ, но на этомъ досугѣ его ожидала смерть.

Одинъ изъ первыхъ у насъ проповѣдниковъ славянской взаимности, повидимому тѣмъ болѣе компетентный, что слова его могли опираться на обширную ученость, Григоровичъ, однако, не имѣлъ въ этой области литературы того вліянія, какого можно было бы ожидать. Одинъ изъ тѣхъ его почитателей, показанія котораго мы приводили, г. Успенскій говоритъ: „На Григоровича возлагались большія надежды, отъ него ожидали крупныхъ филологическихъ работъ. Его спеціальная подготовка и обширное образованіе, казалось, выдвигали въ немъ первокласснаго славянскаго филолога, который долженъ стать выше Бодянскаго, Прейса и Срезневскаго. Но Григоровичъ былъ слишкомъ живая и отзывчивая натура, онъ любилъ ставить себѣ разнообразныя темы и каждою занимался охотно и съ любовью, достигалъ часто блестящихъ выводовъ. Во всякой его статьѣ непремѣнно отыщется искорка—признакъ высокой талантливости; но мелкими статьями не создаются направленія, не образуются ученыя школы, къ тому же онѣ скоро забываются и часто проходятъ безслѣдно. Вообще неплодовитый писатель и не охотникъ печататься, Григоровичъ такъ поставилъ себя въ глазахъ ученаго міра, что отъ него ждали крупнаго труда, въ которомъ будетъ сказано новое слово. И онъ дѣйствительно часто говорилъ о неисполненномъ долгѣ, о подведеніи итоговъ, но до конца жизни остался лишь при добрыхъ пожеланіяхъ".

Крупныхъ трудовъ можно было ожидать въ двухъ отноше-

ніяхъ: во-первыхъ, чтобы были собраны въ одно цѣлое его разысканія о древнѣйшей порѣ славянской письменности, которыя при жизни онъ излагалъ только эпизодически; во-вторыхъ, чтобы проведенъ былъ подробнѣе тотъ планъ изложенія славянскихъ литературъ въ смыслѣ ихъ цѣльнаго развитія и взаимности, планъ, который былъ набросанъ имъ въ его первыхъ трудахъ и въ которомъ видятъ особенную заслугу его историческаго взгляда, также какъ въ его пониманіи культурнаго значенія церковно-славянскаго языка. Но если въ первомъ отношеніи недостатокъ восполняется послѣдующими изысканіями, во второмъ—отсутствіе цѣльнаго труда съ точки зрѣнія Григоровича не восполнено и до сихъ поръ—между тѣмъ эта точка зрѣнія считается уже какъ бы доказанной и утвержденной. Въ дѣйствительности, нельзя не пожалѣть, что Григоровичъ не развилъ своей системы впослѣдствіи съ бо̀льшимъ количествомъ данныхъ, масса которыхъ пріобрѣтена была его позднѣйшими путешествіями и трудами,—потому что эта точка зрѣнія представляетъ много доселѣ неразрѣшенныхъ недоумѣній.

Останавливаясь на самой первой работѣ Григоровича: „Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ“, г. М. П—скій уже здѣсь отмѣчаетъ тотъ историческій взглядъ, который развитъ былъ Григоровичемъ и во второмъ его трудѣ о славянскихъ литературахъ, именно, что славянскія литературы представляютъ цѣльное явленіе, которое и должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія единства и взаимности. Эта точка зрѣнія была приложима къ литературѣ русскихъ, болгаръ и сербовъ отъ начала ихъ письменности и до половины XVIII вѣка; но если и здѣсь это единство было весьма условно и, послѣ паденія южно-славянскихъ царствъ, сопровождалось почти полнымъ отсутствіемъ всякой литературной дѣятельности у болгаръ и сербовъ, то въ другихъ областяхъ историческое единство и взаимность тѣмъ болѣе должны бы быть выяснены, что здѣсь, какъ мы сказали, представляются еще большія затрудненія. „Въ живой картинѣ, яркой и вполнѣ оригинальной,—говоритъ г. М. П—скій,—авторъ представилъ судьбы славянской литературы, эпохи ея процвѣтанія и времена ея упадка у различныхъ народностей, и заключилъ мыслью о взаимности иногда раціональной, иногда *случайной* между славянскими явленіями въ мірѣ слова. „Славяне,—говоритъ Григоровичъ,—хоть и разрозненные, имѣютъ много общаго; они имѣютъ какое-то сочувствіе въ великихъ и благотворныхъ начинаніяхъ и не разъ движутся однимъ и тѣмъ же восторгомъ, одною и тою же идеей“. Въ трудѣ Григоровича это были не фразы, а логическій выводъ

изъ его историческаго разсказа. По глубинѣ и широтѣ взгляда статья эта не только имѣла, но и *должна имѣть* несокрушимое значеніе" [1]).

О второмъ трудѣ Григоровича: „Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ", г. М. П—скій замѣчаетъ (какъ мы уже приводили), что здѣсь Григоровичъ „далъ образецъ того, какъ слѣдуетъ излагать судьбы литературы при той взаимности между ними, которая *громко говоритъ* о солидарности духовныхъ интересовъ *всего* славянскаго племени" [2]).

Исходнымъ пунктомъ Григоровичъ принимаетъ введеніе христіанства, „возможность котораго лежала глубоко въ самомъ характерѣ словенъ, а исполненіе ея было облегчено вліяніемъ грековъ": первымъ необходимымъ явленіемъ сознанія идеи христіанства было славянское богослуженіе, которое по Григоровичу обнимало всѣхъ христіанскихъ славянъ. Съ этимъ начинается исторія славянскихъ литературъ. Вся исторія славянскаго племени заключается въ томъ, какъ постоянно опредѣляло себя сознаніе славянскихъ народовъ и какъ оно постепенно достигаетъ всемірнаго значенія. Въ этомъ заключается также и задача исторіи славянскихъ литературъ. Григоровичъ говорилъ:

„Полагая, что всѣ словенскія племена можно разсматривать какъ одно цѣлое, видѣть въ жизни ихъ различныя только фазы одного и того же типа, мы должны при изученіи ихъ литературы устремлять вниманіе на то, какими помыслами двигалась въ данныхъ отношеніяхъ нравственная жизнь цѣлаго, какимъ образомъ предопредѣлялась ихъ развитіемъ общая участь словенъ. Не приписывая роду нашему важное и уже достигнутое значеніе въ человѣчествѣ, мы одушевляемся мыслью, что онъ постоянно стремится къ возвышенной своей цѣли. Вникая въ содержаніе литературы обще-словенской, доискиваясь связи между разнообразными явленіями въ словенскомъ мірѣ, среди самаго явнаго противорѣчія, постепеннаго развитія жизни словенъ,—пытаясь уразумѣть, находятся ли признаки взаимности словенской на извѣстныхъ степеняхъ ихъ развитія, выражаютъ ли они въ общемъ, въ совокупности всѣхъ видовъ цѣлаго рода, одну мысль, можно, кажется, убѣдиться, что всякое предъидущее явленіе въ нашей жизни предопредѣляло послѣдующее, что ни одинъ изъ всѣхъ моментовъ нравственной дѣятельности не потерянъ для настоящаго, что они были доказательствомъ общаго призванія словенъ,

---

[1]) „Славянское Обозрѣніе", 1892, іюль-августъ, стр. 244.
[2]) Тамъ же, стр. 247.

для котораго работало и работаютъ каждое племя, и, слѣдственно, сама литература словенъ не есть сборъ фактовъ, списокъ разнообразныхъ предметовъ, а скрижаль развивающагося въ необходимой постепенности общаго сознанія,—откровеніе съ каждымъ моментомъ болѣе и болѣе уясняющагося призванія цѣлаго нашего рода" [1]).

Такимъ образомъ все построяется на теоретическомъ положеніи тогдашнихъ историко-философскихъ системъ, что каждое племя имѣетъ свою предопредѣленную задачу, которую должно выполнить въ теченіе своей исторіи, откуда и выводится „общее призваніе словенъ". Къ сожалѣнію, Григоровичъ остановился только на древнѣйшемъ періодѣ; между тѣмъ, чѣмъ дальше шло историческое движеніе, тѣмъ больше исторія славянъ и ихъ литература расходились въ разныхъ направленіяхъ; Григоровичъ думалъ и здѣсь находить взаимность и параллельность, иногда раціональную, иногда „случайную", но „случайность" и имъ самимъ признаваемыя „явныя противорѣчія" оставались неразрѣшенными, и общее призваніе, которое должно было оказаться въ концѣ развитія, становилось только теоретическимъ предположеніемъ или дѣломъ вѣры. Начало славянской литературной исторіи могло наводить на мысль о единствѣ и взаимности, но уже въ характеристикѣ второго періода (до начала XV вѣка) Григоровичу надо было отмѣтить, напримѣръ, что славянское просвѣщеніе, „развиваясь въ двухъ религіозныхъ сферахъ (православіе и католичество), состояло въ постепенномъ сознаваніи задачъ *каждой* изъ нихъ въ данныхъ отношеніяхъ", что „у восточныхъ словенъ оно было развитіемъ сознанія въ сферѣ православія подъ вліяніемъ Византіи", а у западныхъ словенъ оно состояло въ безусловномъ подчиненіи себя всѣмъ требованіямъ католицизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и германизма, вторгавшагося въ нѣдра народовъ. Внѣшнія условія католицизма и жизни католическихъ народовъ были наконецъ мало-по-малу *сознаваемы* и выражались въ соотвѣтственныхъ сему памятникахъ" [2]) и т. д. Но это подчиненіе требованіямъ католицизма и германизма въ то время, когда у другихъ племенъ происходило подчиненіе требованіямъ православія и Византіи, заключало въ себѣ такой внутренній раздоръ, при которомъ трудно представлять себѣ „общее призваніе". Правда, предполагается, что это призваніе выразилось потомъ въ гуситскомъ движеніи, но это движеніе было дѣломъ только чешскаго

---

[1]) „Опытъ изложенія" и пр., Казань, 1848, стр. 6—7.

[2]) „Опытъ", стр. 109.

племени, слегка отразилось у поляковъ, но осталось совершенно чуждо всему остальному славянству; реакція XVII вѣка и у самихъ чеховъ истребила это движеніе безъ слѣда. Цѣлые вѣка проходили во взаимномъ невѣденіи и отчужденіи племенъ; цѣлые ряды поколѣній переживали жизнь въ чужой культурѣ и усвоивали ее... Когда наконецъ, приблизительно съ половины XVIII вѣка, начинается оживленіе славянскихъ народностей на западѣ и югѣ, источникомъ его является не одна внутренняя независимая сила славянскихъ народностей, а то, что̀ самъ Григоровичъ называетъ обращеніемъ къ „европеизму" [1]). Здѣсь, въ этомъ европеизмѣ, въ созданіи котораго хотя и участвовали также славяне, но лишь въ гораздо меньшей долѣ и который коренился почти исключительно въ движеніи западнаго романо-германскаго просвѣщенія,—славяне находили опору своему развитію, какъ и всѣ народы, стремившіеся къ просвѣщенію. „Эпоха возрожденія литературы словенъ,—говоритъ Григоровичъ дальше, — была вмѣстѣ эпохою высокаго просвѣщенія Европы. Съ чувствомъ, преисполненнымъ благодарности и удивленія повторяютъ словене имена великихъ мужей, въ сознаніи которыхъ отразилась вся общность европеизма, трудами, скажу болѣе—дивными подвигами которыхъ, уяснена народамъ великая мысль, уготовленная ихъ развитіемъ—мысль національной литературы. Не одни русскіе гордятся своимъ Ломоносовымъ"... „Литература словенъ,—продолжаетъ Григоровичъ,—съ половины XVIII столѣтія отражая въ себѣ примиреніе всеобщей идеи съ дѣйствительностію — такъ я позволю себѣ назвать европеизмъ — должна была пройти сквозь всѣ его моменты, чтобы выразить необходимую связь словенскихъ народовъ съ европейскими и посредствомъ ихъ съ древнимъ міромъ. Въ произведе-

---

[1]) „Европа, — говоритъ Григоровичъ, — съ XVIII столѣтія уже стряхнула съ себя вериги авторитета, вѣротерпимостію признала истину всеобщаго, поставлявшаго независимость частнаго начала, показала необходимость нравственной свободы въ цивилизаціи народовъ и уваженіе обще-человѣческаго (филантропизмъ XVIII стол.), не приносимаго въ жертву ограниченнымъ понятіямъ о религіи или односторонней народности. Какъ выраженіе этихъ понятій, европейская литература преобразовала ихъ примиреніемъ классическаго духа древнихъ съ духомъ новыхъ народовъ, развитымъ подъ условіемъ обширнѣйшихъ религіозныхъ и общественныхъ понятій. Покорясь классицизму, литература новыхъ народовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ была важнымъ переходомъ къ сознанію и самобытности древняго міра и независимости новаго, и наконецъ преобразовала необходимую связь древней цивилизаціи съ новой. Раздвинутый кругъ просвѣщенія, не подавляемаго религіознымъ авторитетомъ, возвышенныя, хотя и абстрактныя, понятія объ общественности открыли Европу взорамъ словенъ не въ ея ограничивающихъ сознаніе признакахъ, но въ общихъ, обнимающихъ все человѣчество, опредѣленіяхъ" („Опытъ", стр. 23).

ніяхъ своихъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ, словене въ данной каждому племени возможности доказали, какъ условія общечеловѣческаго просвѣщенія обратились въ условія ихъ народности, но и вмѣстѣ сознали необходимость извлечь изъ своей собственной индивидуальности обще-человѣческія начала. Языки народные, образуясь еще по чужимъ образцамъ, получили высокое свое развитіе; очищенные отъ чуждыхъ имъ стихій, они стали облекать самое разнообразное содержаніе, извлекаемое изъ условій обще-человѣческаго развитія. Поэзія еще безъ содержанія, болѣе абстрактная, разнообразилась во всѣхъ возможныхъ формахъ", и т. д. Онъ приводитъ рядъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка у разныхъ славянскихъ племенъ. Наконецъ, о новѣйшемъ положеніи славянскихъ литературъ онъ говоритъ такъ: „Стремясь выразить обще-человѣческое въ литературѣ, словене увеличили любовь къ своей народности. Съ романтизмомъ, обратившимъ вниманіе европейскихъ народовъ на ихъ внутреннюю жизнь, возбуждавшимъ въ нихъ потребность самобытныхъ литературъ, родилось *и у словенъ* стремленіе добыть изъ своей жизни, прошедшей и современной, въ высшемъ или низшемъ общественномъ кругу, самородныя стихіи своей литературы. Чувство народности, проникая болѣе и болѣе словенъ, обращало ихъ во всю глубь ихъ жизни и заставляло искать обширнѣйшихъ опредѣленій ея въ словенскомъ просвѣщеніи, озаряемомъ уже сознанною не въ противорѣчащихъ себѣ опредѣленіяхъ, но въ полномъ ея содержаніи —идеею христіанизма. Этимъ началась эноха намъ современная. Въ ней словене обратились къ народности, ограниченной кругомъ, даннымъ каждому племени, и, кажется, болѣе и болѣе достигаютъ сознанія общаго всесловенскаго типа и неучтожимой никакими политическими и религіозными противорѣчіями умственной взаимности. Поэзія, въ которой ярче отражается направленіе литературы, уже ознаменовалась великими явленіями, указывающими на грядущее значеніе словенъ". И онъ перечисляетъ имена Пушкина, Мицкевича, Милутиновича, Казначича, Людевита Гая, Воцеля, Коллара, Прешерна,—первостепенныхъ поэтовъ у русскихъ, поляковъ, сербовъ, далматинцевъ [1]) и т. д. Но и здѣсь опять это стремленіе къ народности, по словамъ самого Григоровича, не представляется вполнѣ самостоятельной инціативой самихъ славянскихъ племенъ, а является, напротивъ, въ зависимости отъ движенія европейскаго, которое дѣйствительно играло большую роль въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 26.

пробужденіи славянскихъ народностей [1]). Извѣстно, какое вліяніе оказала европейская наука на развитіе тѣхъ изученій языка, древности, народнаго быта и поэзіи, которыя такъ сильно содѣйствовали самому возрожденію; непосредственная помощь, какую это возрожденіе нашло въ современной европейской наукѣ, сопровождалось также и вліяніемъ европейской поэзіи, именно романтизма, и наконецъ, одушевленіе народностью въ общественно-политическомъ смыслѣ также было внушаемо и поддерживаемо цѣлымъ ходомъ европейскихъ событій, независимыхъ отъ славянства. Само собою разумѣется, что когда на эту почву вступали и славянскія племена, онѣ съ своей стороны вносили новые мотивы; разъ начавшееся движеніе развивалось собственными силами,—но вообще движеніе не было исключительно славянскимъ и нашло опору въ условіяхъ и возбужденіяхъ европейской жизни, науки и поэзіи. Съ другой стороны, не подлежало, конечно, сомнѣнію возникновеніе „славянской взаимности", которая дѣйствительно обнаруживалась не только въ фактахъ науки, но даже и въ фактахъ жизни политической, когда могущество сильнѣйшаго славянскаго племени оказывало помощь политическому освобожденію слабѣйшихъ родственныхъ племенъ,—но едва-ли и до сихъ поръ эта взаимность имѣетъ ту внутреннюю силу, какой можно было бы желать и ожидать въ силу славянскихъ идеаловъ. Связь научная была весьма естественна, когда шло дѣло о реставраціи одной и той же общей древности; но эта связь была теоретическая и спеціальная, не заходившая далѣе круга ученыхъ людей. Политическое вмѣшательство (въ дѣла сербовъ и болгаръ) исходило едва-ли не въ большей степени изъ побужденій единовѣрія, чѣмъ единоплеменности, и для массы не только русскаго народа, но и общества, политическая сторона славянской взаимности остается очень темной и здѣсь идеалы любителей славянства встрѣчали въ самомъ авторитетѣ власти весьма суровыя опроверженія. Собственно литературная взаимность—не въ области филологіи и археологіи, а въ области живой современной литературы—существуетъ въ крайне ограниченной степени: имена славянскихъ поэтовъ, которыя Григоровичъ ставилъ въ многозначительную параллельность, извѣстны внѣ своего племени другимъ племенамъ очень мало, за немногими исключеніями, какъ въ сущности различнымъ славянскимъ обществамъ мало извѣстна и мало раздѣляется внутренняя жизнь каждаго изъ нихъ. „Грядущее значеніе славянъ" все еще остается

[1]) Позднѣйшій „Обзоръ славянскихъ литературъ", изданный г. Смирновымъ по записи лекцій Григоровича (Воронежъ, 1880; 52 стр.), слишкомъ кратокъ и не даетъ новыхъ объясненій предмета.

вопросомъ вѣры,—хотя можно считать уже болѣе столѣтія работы ихъ національнаго возрожденія. Рядомъ съ извѣстными успѣхами взаимности идетъ другое движеніе, которое отдаляетъ ихъ другъ отъ друга; это — движеніе культурно-политическое. Западное, а теперь и южное славянство въ этомъ весьма существенномъ отношеніи сближаются, повидимому, гораздо болѣе съ европейскимъ западомъ, чѣмъ русскимъ востокомъ, представляющимъ однако главную политическую силу славянства: ихъ бытовыя политическія учрежденія организованы по западнымъ образцамъ; въ силу бо́льшей свободы учрежденій, молодыя поколѣнія ищутъ своихъ идеаловъ скорѣе на западѣ, чѣмъ на русскомъ востокѣ; вліянія высшей западной школы и западной литературы ближе, и въ настроеніи общественномъ создаются представленія мало благопріятныя тому общенію, изъ котораго могло бы выйти грядущее значеніе. Если такого рода теченія въ западной славянской жизни мало способны установить истинную реальную взаимность, то съ другой стороны и въ средѣ самого русскаго общества славянскія сочувствія далеко не развиты въ той мѣрѣ, какъ это было бы нужно для взаимности: большая доля русскаго общества холодно относится къ славянскимъ идеаламъ, которые, какъ ему кажется, заслоняютъ основныя настоятельныя нужды русской жизни, которыя должны быть удовлетворены прежде, чѣмъ можетъ быть позволительно витаніе въ далекихъ идеалахъ, — когда притомъ наиболѣе распространенная въ настоящее время проповѣдь этихъ идеаловъ далеко не совпадаетъ съ ближайшими интересами общественной жизни и просвѣщенія.

Такими противорѣчіями обставленъ вопросъ и, къ сожалѣнію, эти противорѣчія остаются неразрѣшенными; дѣлается даже мало попытокъ разъяснить ихъ хотя бы теоретически; славянскій вопросъ ставится такъ исключительно, что указанія на эти противорѣчія встрѣчаются только съ ненавистью, и это—плохое средство для защиты ученія: равнодушіе не уменьшается, антипатія, быть можетъ, усиливается. Поэтому надо, быть можетъ, особенно пожалѣть, что не была досказана объ этихъ вопросахъ рѣчь такого богатаго знаніемъ и столько одушевленнаго народолюбивымъ идеализмомъ ученаго, какимъ былъ Григоровичъ.

А. Пыпинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1893 г.

I.

Переселенцы въ 1892 году.

Въ ряду многихъ насущныхъ вопросовъ русской жизни въ послѣднее время, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, выдвинулся и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ вопросъ переселенческій. Между тѣмъ какъ до 1880-хъ годовъ число переселявшихся изъ внутреннихъ губерній Россіи въ Сибирь было сравнительно ничтожно и мало привлекало къ себѣ вниманіе правительства и общества, съ этого времени переселенческое движеніе стало возростать въ ужасающей прогрессіи.

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что хотя уже накопился обильный разносторонній матеріалъ по этому вопросу, однако изобразить даже въ общихъ чертахъ весь размѣръ и полную картину этого движенія не представляется возможнымъ, въ виду отсутствія въ нашей литературѣ такого труда, гдѣ бы былъ сведенъ и систематизированъ весь матеріалъ, разбросанный въ отчетахъ переселенческихъ чиновниковъ, земскихъ сборникахъ и въ періодической литературѣ. Кромѣ этого, самая постановка переселенческой статистики въ мѣстахъ главнаго передвиженія не можетъ считаться удовлетворительной и въ большинствѣ случаевъ является дѣломъ случайнымъ и побочнымъ, что несомнѣнно много затрудняетъ серьезное научное отношеніе къ вопросу. Также случайна и побочна въ большинствѣ случаевъ переселенческая статистика въ земскихъ изслѣдованіяхъ. Поэтому для нашихъ цѣлей—ознакомить читателя съ ростомъ переселенческаго движенія за послѣднее время—намъ приходится ограничиться данными, добытыми регистраціей въ одномъ, хотя и самомъ главномъ пунктѣ движенія, въ г. Тюмени. Но и эти цифры краснорѣчиво говорятъ о первостепенной важности того явленія, о которомъ будетъ

сказано ниже. Изъ внутреннихъ губерній Россіи черезъ Тюмень прошло въ Сибирь:

Въ 1885 г.	. . . 9.678	ч.
„ 1886 „	. . . 11.826	„
„ 1887 „	. . . 13.910	„
„ 1888 „	. . . 26.129	„
„ 1889 „	. . . 28.341	„
„ 1890 „	. . . 39.000	„
„ 1891 „	. . . 60.966	„
„ 1892 „	. . . 82.000	„

Эти цифры получатъ въ нашихъ глазахъ особое освѣщеніе, если мы вспомнимъ о направленіи нашей переселенческой политики, со времени изданія закона 1889 г., „регулировать" и „сдерживать" переселенческое движеніе. Рядомъ съ этимъ въ дѣйствительности оказывается слѣдующее. Въ 1890 г. изъ 4.970 переселившихся семей, зарегистрованныхъ въ г. Тюмени, 3.953 семей или 80% принадлежали къ числу самовольныхъ, т.-е. идущихъ по паспортамъ отъ 1 мѣсяца до 1 года, не имѣя разрѣшенія переселиться. Въ 1891 г. изъ 10.034 семей такихъ нашлось 7.103, т.-е. 70%, а въ 1892 г., по свѣдѣніямъ томской переселенческой станціи, изъ 4.688 прошло безъ надлежащаго разрѣшенія 3.707 или 80%. Несмотря, однако, на эти крайне сдерживающія мѣры, переселенческое движеніе, какъ уже было указано, увеличивается съ каждымъ годомъ, что обнаруживаетъ съ одной стороны жгучія требованія народной жизни, съ другой — необходимость въ перемѣнѣ переселенческой политики и переходъ отъ пассивнаго къ активному образу дѣйствій. Недавно и среди администраціи произошелъ расколъ. Въ то время, когда нѣкоторые начальники поволжскихъ губерній возвращаютъ переселенцевъ назадъ съ пароходныхъ пристаней Волги и Камы, а начальники нѣкоторыхъ сибирскихъ губерній проектируютъ препровождать этапнымъ порядкомъ всѣхъ пришедшихъ въ прошломъ и позапрошломъ году, сенаторъ кн. Голицынъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи устроить всѣхъ прибывшихъ въ Сибирь переселенцевъ и уже 22-го октября прошлаго года послѣдовало на это Высочайшее повелѣніе. Къ сожалѣнію, циркуляръ 6-го марта 1892 г. не отмѣненъ еще и продолжаетъ дѣйствовать нынѣ, а вмѣсто активнаго вмѣшательства со стороны министерства вн. дѣлъ, вмѣсто увеличенія суммъ на упорядоченіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ переселенческихъ станцій, замѣчается, напротивъ, тенденція сократить ассигнованную сумму.

Въ виду вышеизложеннаго вполнѣ понятны тѣ жалобы на затрудненія, проволочки и безчисленныя разорительныя для крестьянъ хлопоты, неминуемо сопровождающія всякую попытку переселиться

съ разрѣшенія начальства, о которыхъ не одинъ разъ приходилось читать. Цѣлые годы проходятъ въ безплодной перепискѣ, прежде чѣмъ получится разрѣшеніе или окончательный отказъ. Истомленные люди бросаютъ надежду получить формальное разрѣшеніе, берутъ паспорта и тайкомъ уходятъ въ Сибирь. Болѣе подробно на этомъ мы останавливаться не будемъ, но не можемъ не привести очень характерный разсказъ одного симбирскаго переселенца-ходока, ярко иллюстрирующій эту сторону дѣла [1]). „Сильно не пускали насъ,— говорилъ онъ,—вздорное было наше дѣло. Только общество съ великой радостью насъ отпускало. У насъ въ волостномъ правленіи прикрывали законъ 1889 года и потому не сказывали, а говорятъ: нарушите законъ — куда бы ни ушли—воротятъ; разоритесь совсѣмъ. А чего намъ разоряться-то? Хуже этого не будетъ. Дѣлать нечего, поѣхали; просили по дешевому тарифу, говорятъ: хоть бы и было, такъ не получите. Такъ безъ бланокъ и уѣхали. Земскій начальникъ больно допекалъ: „не ходатайствуй, не бунтуйся, говоритъ, соблазнитель!“ Въ прошломъ году соберутся 20—25 человѣкъ и все болтаютъ о переселеньѣ, а урядникъ все разгоняетъ. Старшина тоже говоритъ: не собирай народъ у двора,—да я развѣ кричу ихъ: сами идутъ и метлой отъ избы не отгонишь; народъ живой—сами соберутся. Я, бывало, и самъ спрячусь, а они сидятъ. Все ждали разрѣшенья и вѣстей. До пятнадцати разъ прошенья подавали, подавали и здѣшнему начальству, и губернатору, и въ министерство, но дѣло осталось безъ послѣдствій, а харчиться совсѣмъ нечѣмъ стало. Всячески водили насъ за уши и давали отпоръ отъ переселенія. На сходѣ заставляли подписаться, что не пойдемъ, заявляли, что черезъ два года на казенный счетъ отправятъ, а мы не повѣрили, не подписались. Садили подъ арестъ; одинъ мужикъ въ году-то разъ пять сидѣлъ, а все за то, что выдумалъ переселяться. А пока еще разрѣшенье-то черезъ два года выйдетъ, мы совсѣмъ исхудаемся, тогда чтó дѣлать? Развѣ мало у насъ теперь народу подняться не можетъ, ну и мрутъ съ голоду. Одно слово житье — помянуть страшно — крышка!“

Неполучившіе разрѣшенія переселиться кое-какъ продаютъ и бросаютъ свое жалкое послѣднее имущество, берутъ паспорта и уходятъ на свой рискъ и страхъ, руководствуясь одними слухами и толками, или въ лучшемъ случаѣ письмами родныхъ и односельчанъ, уже ранѣе переселившихся въ Сибирь. Безъ всякихъ свѣденій о долгомъ и трудномъ пути, съ самыми скудными средствами, „ощупью

---

[1]) По даннымъ переселенческой регистраціи за 1891 г. въ г. Тюмени изъ симбирской губ. 99% переселившихся безъ разрѣшенія правительства.

бредутъ" эти люди партіями и отдѣльными семьями вплоть до Сибири и далѣе. Вотъ тутъ-то начинается цѣлый рядъ лишеній и страданій, которыя терпѣливо выносятъ десятки тысячъ людей въ надеждѣ на лучшее будущее. Извѣстія изъ различныхъ мѣстъ Сибири въ прошломъ году и главнымъ образомъ отчетъ санитарнаго отряда, дѣйствовавшаго прошлымъ лѣтомъ въ г. Тюмени, раскрываютъ передъ нами всю неурядицу въ постановкѣ этого дѣла и неудовлетворительное состояніе помощи добровольнымъ русскимъ изгнанникамъ [1]).

Хотя колонизаціонный вопросъ въ общегосударственномъ отношеніи долженъ бы былъ въ настоящее время занимать видное и самостоятельное мѣсто во внутренней политикѣ Россіи, однако въ дѣйствительности мы этого не видимъ, и много-много, если на него смотрятъ какъ на вспомогательное предпріятіе государства, напр., при постройкѣ сибирской желѣзной дороги. А между тѣмъ, когда экономическій кризисъ во многихъ губерніяхъ Европ. Россіи, завершившійся неурожаемъ и голодовкой 1891 г., сталъ очевиденъ для всѣхъ, дѣло переселенія и разселенія крестьянъ является неизбѣжнымъ актомъ народнаго хозяйства, а для многихъ, какъ послѣдній выходъ изъ затруднительнаго положенія, спасеніемъ отъ голодной смерти. Въ виду этого необходима активная помощь правительства и общества, главнымъ образомъ какъ по упорядоченію и урегулированію движенія,— не въ смыслѣ задержки и насильной остановки, а предоставленіемъ полной свободы желающимъ переселяться на новыя мѣста, не стѣсняя ихъ излишними формальностями,—такъ и оказаніемъ помощи въ дорогѣ и на мѣстахъ приселенія, знакомя ихъ съ условіями жизни той мѣстности, куда они идутъ. Межеваніе и приведеніе въ наличность свободныхъ государственныхъ земель въ Сибири, широкій кредитъ въ мѣстахъ водворенія, помощь въ дорогѣ—вотъ необходимыя мѣры, которыя должно предпринять государство, если оно не хочетъ, чтобы переселеніе, этотъ законный исторически-необходимый актъ народной жизни, превратился въ безпорядочное скитаніе десятковъ тысячъ русскихъ людей, влекущее за собою, при современномъ положеніи, сотни и тысячи жертвъ, безполезную трату силъ, массу лишеній и окончательное разстройство народнаго хозяйства. Тотъ капиталъ, который въ настоящее время страна затратитъ на помощь и устройство переселенцевъ, принесетъ огромную пользу и будетъ возвращенъ въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано весьма

[1]) Весной и лѣтомъ 1892 г. въ г. Тюмени дѣйствовалъ санитарный отрядъ, состоящій изъ студентовъ военно-мед. акад. и фельдшерицъ, организованный на средства И. М. Сибирякова въ виду сильнаго развитія среди переселенцевъ эпидеміи тифа и холеры.

мало. Что касается до помощи въ дорогѣ, то даже важнѣйшія переселенческія станціи, какъ Пермь, Тюмень, затѣмъ водный и сухопутный трактъ по Сибири, благодаря отсутствію какой-либо организаціи и устройства, поражаютъ тѣми бѣдствіями, которымъ подвергаются переселенцы, иногда вымирающіе цѣлыми семьями, а чаще теряющіе значительную часть своихъ членовъ, покрывая трупами весь длинный сибирскій путь.

Ранней весной отовсюду къ волжскимъ пристанямъ тянутся сотни и тысячи переселенцевъ. Путь по Волгѣ и Камѣ сравнительно дешевъ и еще сносенъ, да и сами переселенцы въ началѣ дороги не такъ истощены и измучены. Но уже въ Перми имъ приходится испытать первыя тягости путешествія. Уральская желѣзная дорога отъ Перми до Тюмени не успѣваетъ отправлять всѣхъ переселенцевъ далѣе; поэтому въ досчатыхъ баракахъ на берегу Камы въ ожиданіи очереди иногда по нѣскольку недѣль скопляются тысячи народа. Перевозка въ товарныхъ вагонахъ, при полномъ отсутствіи какихъ-либо удобствъ и вниманія со стороны дорожной администраціи, ставитъ переселенцевъ въ тягостныя условія.

Но главною станціей на пути переселенческаго движенія въ Сибирь служитъ Тюмень. Въ концѣ мая и началѣ іюня 1892 г. здѣсь скопилось до 18 тысячъ народа. Подобныя скопленія, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, начались здѣсь съ 1890 года. Вслѣдствіе этого множество семей принуждено проживать въ Тюмени по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ, не имѣя возможности, за истощеніемъ средствъ, двинуться далѣе. Хотя въ этомъ пунктѣ и существуютъ бараки для временнаго помѣщенія переселенцевъ, но они малы и находятся въ крайне анти-санитарномъ состояніи. „Въ распоряженіи переселенцевъ, говоритъ санитарный отчетъ, на переселенческомъ дворѣ находится 13 жилыхъ бараковъ, гдѣ съ большимъ рискомъ для здоровья могло помѣщаться 1.531 ч. (считая по 1-ой куб. сажени воздуха на человѣка). Въ дѣйствительности въ каждый баракъ втискивалось въ 4—5 разъ больше, такъ что многимъ приходилось стоять на ногахъ по цѣлымъ ночамъ. Люди лежали на двухъ-этажныхъ нарахъ и на полу, атмосфера была крайне испорчена и ввести при такихъ условіяхъ какое-либо улучшеніе было невозможно. При такой скученности только незначительная часть переселенцевъ могла пользоваться кровомъ; остальная толпа должна была оставаться на площади, на вѣтру, подъ дождемъ и въ грязи“. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе еще и слѣдующее обстоятельство. Рядъ неурожайныхъ годовъ, завершившійся голодомъ 1891 года въ тобольской губерніи, а также въ смежной пермской, заставилъ населеніе искать пропитанія на сторонѣ и согналъ въ Тюмень, какъ бойкій торговый пунктъ

тысячи пришлаго бездомнаго люда и при невѣроятно высокой цѣнѣ хлѣба,—нужно себѣ представить, какъ велики были затрудненія въ дѣлѣ продовольствія такой огромной массы пришедшаго народа, въ особенности весной и въ началѣ лѣта 1892 года!

Кто былъ въ это время въ Тюмени, тотъ не могъ не замѣтить по грязнымъ и пыльнымъ улицамъ цѣлыя толпы нищихъ. Тутъ были и босоногія, грязныя, въ рубищахъ дѣти, робко протягивавшія ручонки за подаяніемъ, женщины въ лаптяхъ съ грудными младенцами, тщетно прося подъ окнами милостыню; тутъ вы могли встрѣтить коренного сибиряка изъ курганскаго или ишимскаго округа, еще съ зимы ушедшаго изъ дому и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не имѣвшаго никакой работы, ссыльно-поселенца, этого культурнаго кочевника, и измученное лицо россійскаго крестьянина, дошедшаго кое-какъ до Тюмени и потерявшаго надежду двинуться далѣе. Попробуйте ихъ спросить, узнать причину ихъ нищенства, и вы сейчасъ услышите, что это не профессіональные нищіе, а голодные рабочіе люди, выбитые изъ колеи ихъ жизни. Многіе протягиваютъ руку за кускомъ черстваго хлѣба и умоляютъ не давать денегъ, такъ какъ бывали дни, когда во всемъ городѣ нельзя было найти ни одного продажнаго фунта хлѣба. Передъ закрытыми дверями хлѣбопекаренъ и хлѣбныхъ лавочекъ вереницей стояли десятки и сотни людей, дожидаясь своей очереди, когда испекутъ хлѣбъ и имъ отпустятъ по нѣскольку фунтовъ. И—страшно слышать—подобныя сцены происходили въ сибирскомъ городѣ, считающемся центромъ, куда стекаются хлѣбные грузы изъ томской и тобольской губ. Неурожай въ Россіи вызвалъ оживленную хлѣбную торговлю, дошедшую до небывалыхъ размѣровъ и напоминавшую по своимъ формамъ пресловутую „золотую горячку". Естественныя условія, алчность хлѣботорговцевъ и пароходчиковъ повысили цѣну на хлѣбъ до небывалыхъ размѣровъ. Купленный въ Западной Сибири хлѣбъ съ издержками провоза обходился maximum, сообразно существовавшимъ цѣнамъ, въ 55—60 к. за пудъ, а между тѣмъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ цѣна пуда ржаной муки доходила въ Тюмени до 1 р. 80 к. Очевидно, разница между покупной и продажной цѣной въ 1 р. 20 к. являлась возмутительной пошлиной на голодныхъ людей! И вотъ, въ то время какъ безпрерывные пароходы подвозили огромные транспорты хлѣба, а желѣзно-дорожные поѣзда день и ночь вывозили его съ пристаней, тысячи рабочихъ, разгружавшихъ хлѣбные грузы, нищіе изъ голодающихъ округовъ, ссыльные безъ роду и племени и переселенцы въ количествѣ 18 тысячъ, наводнившіе городъ, терпѣли всѣ ужасы голоднаго времени.

Сильное развитіе болѣзней и смертности являлось необходимымъ

слѣдствіемъ такого ненормальнаго положенія. По свѣдѣніямъ санитарнаго отряда, изъ 990 зарегистрованныхъ больныхъ переселенцевъ умерла одна треть; а это указываетъ на то, что „приходилось помогать только тяжело больнымъ". Всего же переселенцевъ умерло 938 человѣкъ, и изъ нихъ 552 чел. внѣ бараковъ, безъ всякой помощи, на площади и по квартирамъ въ городѣ. А сколько было всего тяжело больныхъ—данныхъ не имѣется; по вычисленію же санитарнаго отряда, таковыхъ нужно считать не менѣе 5.000. Смертность всего болѣе была въ маѣ и іюнѣ. Изъ болѣзней свирѣпствовала дисентерія (313 чел.) отъ плохого недостаточнаго питанія, корь среди дѣтей (217 чел.), дифтеритъ, оспа, тифъ и др., а также холера (106 ч.). Несомнѣнно, что такой высокій процентъ смертности долженъ считаться ненормальнымъ, всецѣло зависящимъ отъ анти-санитарныхъ условій и отсутствія какой-либо *постоянной* помощи и организаціи.

Въ дополненіе къ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя происходили отъ анти-санитарныхъ условій, какъ выше было указано, присоединились болѣзни и отъ недостаточнаго питанія. Вообще питаніе переселенцевъ въ дорогѣ есть не что иное, какъ почти хроническое голоданіе, результатомъ чего является цынга, которою болѣютъ какъ взрослые, такъ и дѣти. Куриная слѣпота, характерный признакъ начальнаго періода цынги, была на станціи почти поголовной, такъ что одно время трудно было подобрать изъ среды переселенцевъ зрячихъ по вечерамъ на должности служителей при больницѣ. Являвшіеся въ амбулаторію переселенцы, истощенные, въ нищенской одеждѣ, нерѣдко жаловались только на то, что не ѣли по нѣскольку дней, такъ какъ продали и проѣли уже все имущество. Это вынудило санитарный отрядъ наравнѣ съ лекарствами имѣть въ амбулаторіи хлѣбъ и молоко для раздачи дѣтямъ и матерямъ.

На небольшой сравнительно площади въ 5—7 десятинъ за городомъ скопилась 18-тысячная толпа. Ежедневно приходившій изъ Перми поѣздъ оставлялъ на переселенческой платформѣ не менѣе тысячи человѣкъ. На зараженной почвѣ, среди отбросовъ и изверженій, тѣснились другъ къ другу семьи, укрываясь отъ непогоды въ шалашахъ, наскоро устроенныхъ и прикрытыхъ тряпьемъ или соломой. Скверная вода изъ близь лежащаго болота или изъ зараженной Туры служила имъ въ пищу. Санитарныя условія барачнаго двора, говоритъ отчетъ, были нисколько не лучше условій переселенческой площади. Здѣсь происходила еще бо́льшая скученность. Помимо крова, переселенцевъ привлекали сюда: безплатная столовая, помѣщеніе для регистраціи вновь прибывшихъ и аптека, въ которой ведется пріемъ амбулаторныхъ; сюда же пріѣзжалъ чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ для самыхъ разнообразныхъ переговоровъ. Къ этому нужно

присоединить, что два заразныхъ барака, покойницкая, представлявшая изъ себя пароходную рубку небольшой величины, въ которую складывались гроба другъ на друга съ полу до потолка, находились въ томъ же дворѣ и были съ утра до вечера окружены сплошной стѣной народа. При баракахъ существовала небольшая баня и прачешная, но онѣ предназначались и для больныхъ, и для здоровыхъ, что необходимо давало извѣстный контингентъ заболѣваній.

При подобныхъ условіяхъ томской переселенческой станціи намъ станетъ понятенъ высокій процентъ смертности и заболѣваемости, которыя имѣли мѣсто въ прошломъ году. Недостатокъ средствъ. отпускаемыхъ министерствомъ, а также отсутствіе помощниковъ съ одной стороны, съ другой масса самой разнообразной работы—парализуютъ дѣятельность такого преданнаго и добросовѣстнаго человѣка, какимъ зарекомендовалъ себя тамошній чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ, г. Архиповъ.

Не въ лучшихъ условіяхъ находился и дальнѣйшій путь отъ Тюмени въ глубь Сибири. Нужно замѣтить, что между тѣмъ какъ въ прежніе годы бо̀льшая часть переселенцевъ отправлялась изъ Тюмени далѣе воднымъ путемъ на пароходахъ по Оби и Иртышу, а въ прошломъ 1892 г. изъ всей массы въ 82 т. только 13.500 ч. Произошло это по той причинѣ, что пароходчики по рѣкамъ Западной Сибири, занявшись доставкой хлѣба, какъ самымъ выгоднымъ предпріятіемъ, неохотно садили переселенцевъ въ виду недостатка перевозочныхъ средствъ, а также нѣкоторыхъ хлопотъ и отвѣтственности, сопряженной съ перевозкой переселенцевъ. Несомнѣнно, что, воспользовавшись воднымъ путемъ по Оби и Иртышу отъ Тюмени, переселенцы много выигрываютъ во времени, но съ другой стороны, при полной неурядицѣ въ дѣлѣ перевозки, при огромной заболѣваемости и смертности во время пути, что̀ не разъ указывалось и въ печати, и въ отчетахъ чиновниковъ и врачей, завѣдующихъ переселенческимъ дѣломъ, теряютъ въ другихъ отношеніяхъ. Положеніе воднаго пути далеко не блестяще и послѣднему долженъ быть предпочтенъ путь сухопутный. Но и тутъ полная неурядица и отсутствіе какой-либо помощи переселенцамъ. Главные пункты этого сухопутнаго тракта отъ Тюмени до Томска—Ялуторовскъ, Ишимъ, с. Абатское и Тюкалинскъ—совершенно не обезпечены со стороны медицинской помощи, а также и продовольственной части. Въ 1892 г. положеніе переселенцевъ ухудшилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что бо̀льшая часть этого пути пролегала черезъ мѣстности тобольской губ., пострадавшія отъ неурожая 1891 г. Легко себѣ представить, что̀ вынесли несчастные переселенцы, бо̀льшая часть которыхъ

не имѣла другого исхода, кромѣ милостыни. Съ самой ранней весны до поздней осени, по большой сибирской дорогѣ безпрерывной вереницей тянулись усталые, изнуренные люди въ едва прикрытыхъ тряпьемъ повозкахъ, цѣлыми обозами и въ одиночку. Многіе, однако, не имѣли и того. Кое-какъ наладивши телѣжки и тачки, сваливали на нихъ свое скудное имущество, садили дѣтей и тысячу верстъ шли пѣшкомъ. А что было ранѣе по сибирской дорогѣ, т.-е. осенью и зимой, когда огромный потокъ переселенческой волны двинулся подъ вліяніемъ неурожая изъ Россіи въ Сибирь, и черезъ Тюмень съ августа 1891 по январь 1892 прошло до 28 тысячъ, — объ этомъ страшно и подумать. Читатель позволитъ намъ привести выдержку изъ докладной записки, появившейся уже въ „Русск. Вѣд.", тов. прокурора А. В. Соколова, отправленной послѣднимъ въ петербургскій комитетъ общества вспомоществованія переселенцамъ.

„Съ 1-го октября площадь г. Тюкалинска замѣщена была кибитками (на колесахъ) переселенцевъ въ Сибирь, большею частью не имѣвшихъ теплой одежды, которую они продали и вырученныя за нее деньги проѣли во время пути. 2-го октября я узналъ, что около г. Тюкалинска поднятъ трупъ женщины изъ семейства переселенцевъ, умершей отъ холода и голода. 2-го октября на мѣстномъ кладбищѣ похоронено уже два трупа переселенцевъ, умершихъ также отъ холода... 5-го октября въ пріютъ (устроенный наскоро г. Соколовымъ) пришла такая масса переселенцевъ, что негдѣ было ихъ помѣстить, и при моемъ посѣщеніи ихъ въ пріютѣ 6-го октября на вопросъ: „не душно ли вамъ?" всѣ отвѣчали: мы рады теплецу, не прогоните насъ!"

Чѣмъ далѣе въ Сибирь, тѣмъ положеніе переселенцевъ ухудшается. Особенно затруднительны переправы черезъ рѣки. Здѣсь неизбѣжно происходили задержки и скопленіе до нѣсколькихъ тысячъ. Въ с. Абатскомъ, гдѣ есть такая переправа черезъ рѣку, въ одинъ май 1892 г. умерло 150 ч. Изъ того же Тюкалинска мѣстный исправникъ не разъ телеграфировалъ въ Тобольскъ о безвыходномъ положеніи переселенцевъ. Въ одной изъ нихъ говорилось: „переселенцы мрутъ какъ мухи; помогать нечѣмъ" („Русск. Вѣд.").

Къ тому же появленіе лѣтомъ 1893 г. въ тобольской и томской губ. холеры до крайности обострило положеніе переселенцевъ въ дорогѣ. По словамъ участниковъ санитарнаго отряда, дѣйствовавшаго въ 1892 г. въ тобольской губерніи, туземное населеніе, боясь заразы, разносимой переселенцами, ставило вокругъ селъ и деревень карантины, такъ что переселенцы принуждены были обходить населенныя мѣста окольной дорогой, не имѣя возможности запастись даже хлѣбомъ и укрыться отъ непогоды и холодныхъ ночей. Нельзя, конечно,

винить населеніе за эту мѣру, такъ какъ переселенцы дѣйствительно разносили повсюду заразу, обозначая свой путь многочисленными могилами при дорогахъ, на что указываютъ часто встрѣчающіеся по сибирскому тракту импровизированные кресты въ видѣ палокъ, связанныхъ крестъ-на́-крестъ. Часто трупы вовсе не зарывали, а бросали въ кусты, что̀ служило постояннымъ поводомъ къ протоколамъ и столкновеніямъ.

Врядъ-ли можно найти такого непредубѣжденнаго человѣка, который помирился бы съ подобнымъ положеніемъ вещей. Факты, говорящіе сами за себя, у насъ передъ глазами; и главное—это то, что они рисуютъ не только мрачное прошлое, но стоятъ грознымъ призракомъ настоящаго и будущаго. Если подобное положеніе вещей не измѣнится, то страшный сезонъ переселенческаго движенія 1892 г., со всѣми его неприглядными сторонами, повторится и въ нынѣшнемъ году, будетъ повторяться и въ будущемъ. Условія жизни русскаго крестьянина нисколько не измѣнились къ лучшему, если не ухудшились; число ходоковъ въ послѣдній годъ увеличилось въ значительномъ размѣрѣ; холера не прекратилась. Правда, что тобольской администраціей и медицинскимъ департаментомъ приняты мѣры, снаряжены санитарные отряды для помощи переселенцамъ, но и только... а дѣло, очевидно, этимъ не можетъ ограничиться. Въ прошломъ году къ ничтожнымъ суммамъ, отпускаемымъ министерствомъ на помощь пособіемъ нѣкоторымъ переселенцамъ, благодаря кн. Голицыну, присоединились сравнительно значительныя суммы въ 40 т. р. отъ особаго комитета; но эти 40 т.—деньги случайныя, а, какъ слышно, въ нынѣшнемъ году нѣтъ ни копѣйки. Тогда можно было, благодаря этимъ деньгамъ, помочь части переселенцевъ въ Тюмени выбраться оттуда далѣе. Нынѣ же помощи по продовольствію, на покупку лошадей и телѣгъ не предвидѣлось и, слѣдовательно, все останется по старому, если не хуже.

Всякая частная мѣра, касающаяся одного мѣста или одной стороны дѣла передвиженія тысячныхъ массъ на новыя мѣста, будетъ мѣрой палліативной, до тѣхъ поръ, пока все направленіе переселенческой политики не будетъ поставлено на прочное основаніе, не пріобрѣтетъ самостоятельное значеніе въ государственной жизни и не будетъ брошено на произволъ случайностей общественной и частной благотворительности.—Дим. Головачевъ.

II.

Наша внѣшняя торговля въ 1892 году.

Обороты нашей внѣшней торговли, какъ извѣстно, весьма мало зависятъ отъ экономическихъ условій. Прошедшій годъ представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе, вслѣдствіе вліянія посторонней преобладающей силы, выразившейся въ запрещеніи вывоза за границу хлѣбныхъ продуктовъ. Но вліяніе этой силы ограничилось тѣмъ предметомъ, на который было направлено, нисколько не отразившись на размѣрѣ привоза. Вывозъ противъ предшествовавшаго года сократился на 230 мил. р., но привозъ даже превзошелъ почти на 20 м. р. привозъ 1891 года.

По четыремъ группамъ, на которыя распредѣляются въ таможенныхъ отчетахъ вывозимые отъ насъ и привозимые къ намъ товары, цифры послѣднихъ трехъ лѣтъ (въ милліонахъ рублей), за нѣкоторымъ округленіемъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ [1]).

	Жизненные припасы	Сырые и полуобработанные матеріалы.	Животныя	Издѣлія	Всего
	Милліоны рублей.				
По вывозу					
1890 г.	384	270	11	22	687
1891 г.	413½	246	16	25	700½
1892 г.	199	232½	15½	23½	470½
По привозу					
1890 г.	62½	245½	1	75	384
1891 г.	56½	216	1	75	348½
1892 г.	55½	236	1	75	367½

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что сокращеніе нашего вывоза противъ двухъ предшествовавшихъ лѣтъ на цѣлую треть почти цѣликомъ упадаетъ на жизненные припасы; изъ жизненныхъ же припасовъ сокращеніе почти въ полной его суммѣ (на 187 мил. р. изъ 214 мил. р.) оказалось по вывозу хлѣбныхъ продуктовъ. Хлѣба всѣхъ сортовъ было вывезено:

---

[1]) Приводимыя цифры относятся только къ торговлѣ по европейской границѣ, въ томъ числѣ и съ Финляндіей и по черноморской границѣ Кавказскаго края; затѣмъ въ цифру привоза включенъ чай, полученный чрезъ иркутскую таможню. По другимъ азіатскимъ границамъ привозъ и вывозъ не включены вслѣдствіе, какъ нужно думать того, что свѣдѣнія по этимъ границамъ получаются поздно. Происходящее отъ этого уменьшеніе въ цифрахъ, судя по даннымъ 1891 года, равняется приблизительно 20 м. р. по вывозу и 30 м. р. по привозу.

въ 1890 году	416	мил. пудовъ	на	338	мил. рублей
въ 1891 году	389	"	"	352	" "
въ 1892 году	195½	"	"	163	" "

т.-е. вывозъ уменьшился вдвое по количеству и слишкомъ вдвое по цѣнности.

Сокращеніе это, сверхъ запрещенія вывоза хлѣбныхъ продуктовъ, послѣдовавшаго съ половины 1891 года и остававшагося въ силѣ до половины 1892 года, объясняется истощеніемъ у насъ запасовъ хлѣба и его высокими цѣнами, не соотвѣтствовавшими цѣнамъ на заграничныхъ рынкахъ, установившимся подъ вліяніемъ крупныхъ предложеній изъ Америки. Уменьшеніе оказалось въ главныхъ видахъ хлѣбнаго отпуска: пшеницы и ржи, которыхъ за три послѣдніе года было отпущено:

Года.	Пшеницы.				Ржи.			
	милл. пуд.		милл. руб.	средняя цѣна пуда въ кредитн. валютѣ.	милл. пуд.		милл. руб.	средняя цѣна пуда въ кредитн. валютѣ.
1890	182	на	179	97 к.	77	на	51	66 к.
1891	176	"	186	1 р. 5 "	68	"	60	88 "
1892	81½	"	78	95 "	12	"	10¾	89 "

Если же цѣны изъ кредитной валюты переложить въ золотую по соотвѣтствующему въ каждый годъ курсу за кредитный рубль: въ 1890 г. 72 к., въ 1891 году 65 к. зол. и въ 1892 году 63 коп. зол., то цѣна на эти продукты послѣдовательно за три года составитъ: пшеницы—68 коп., 67 коп. и 60 коп. зол., а ржи 47½ коп., 57 коп. и 56 коп. зол. Такимъ образомъ въ два крайне неурожайные у насъ года, когда внутри имперіи цѣна хлѣба стояла въ полтора, въ два и два съ половиною раза выше прежнихъ цѣнъ, иностранцы, благодаря устанавливаемому ими курсу нашего кредитнаго рубля, платили намъ за рожь всего на 18—20% дороже, а за пшеницу даже значительно дешевле.

Весьма замѣтно противъ 1891 года сократился въ 1892 году вывозъ сахара. Въ 1891 году его было вывезено по европейской границѣ до 5.800.000 пудовъ на 23½ мил. рублей, а въ 1892 году только 1.600.000 пудовъ на 5 мил. р. съ небольшимъ, слишкомъ въ четыре раза меньше вывоза 1891 года и даже нѣсколько меньше вывоза 1890 года. Впрочемъ, какъ извѣстно, по отзыву самого органа министерства финансовъ, „Вѣстника Финансовъ“, усиленный вывозъ 1891 г. не составлялъ результата правильнаго финансоваго оборота, а предпринимался по уговору сахарозаводчиковъ съ цѣлью поднять цѣну сахара во внутренней продажѣ. Цѣль, какъ извѣстно, была блестящимъ образомъ достигнута, цѣна на сахарный песокъ (за исключеніемъ акциза) поднялась до размѣра слишкомъ вдвое превышающаго

стоимость производства, и сахарозаводчикамъ не предстояло уже надобности въ сбытѣ лишняго сахара за границу и при томъ по дешевой цѣнѣ. Какъ извѣстно, въ прошломъ году министерствомъ финансовъ испрошено было, съ цѣлью противодѣйствовать вожделѣніямъ сахарозаводчиковъ, въ видѣ угрозы, разрѣшеніе на полученіе сахара изъ-за границы съ пониженіемъ пошлины до такого размѣра, чтобы пудъ сахару, вмѣстѣ съ пошлиной, обходился на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ не дороже 5 р. 10 к., но это предположеніе, какъ и можно было предвидѣть, осталось неосуществленнымъ, нисколько не повліявъ на цѣны сахара во внутренней продажѣ.

По свѣдѣніямъ департамента неокладныхъ сборовъ, стоимость выработки сахарнаго песку въ 1891 году колебалась (съ акцизомъ) въ предѣлахъ отъ 3 р. 15 к. до 4 р. 28 коп., слѣдовательно безъ акциза отъ 2 р. 15 к. до 3 р. 28 к., въ среднемъ размѣрѣ 2 р. 72 к., а съ акцизомъ 3 р. 72 коп., т.-е. въ размѣрѣ далеко не соотвѣтствовавшемъ и не соотвѣтствующемъ продажной цѣнѣ сахара.

Вывозъ нашего сахара по европейской границѣ никогда не имѣлъ правильнаго характера; въ теченіе пятнадцатилѣтія 1871—1884 года только въ 1877 г. его было вывезено до 4 м. пудовъ, на сумму около 17 м. р.; въ остальные годы вывозъ не превышалъ десятковъ и рѣдко сотенъ тысячъ пудовъ. Затѣмъ съ 1885 года, по установившейся между сахарозаводчиками такъ называемой нормировкѣ, т.-е. стачкѣ, съ цѣлью поддерживать внутри имперіи высокія цѣны на сахаръ, выпускать его въ продажу въ опредѣленномъ для каждаго завода количествѣ, а излишекъ вывозить за границу,—заграничный вывозъ разомъ усилился. Въ пятилѣтіе 1880—1884 гг. сахара по европейской границѣ было вывезено всего 327.000 пудовъ на 1.711.000 рублей, а въ пятилѣтіе 1885—1889 гг. $18^1/_2$ мил. пудовъ на 73 мил. р., среднимъ числомъ въ годъ 3.700.000 пудовъ на $14^1/_2$ м. рублей. Въ 1890 году вывозъ понизился до 1.641.000 пудовъ на 6.727.000 р. Въ 1891 году, вслѣдствіе указанныхъ выше соображеній сахарозаводчиковъ, вывозъ увеличился до 5.778.000 пудовъ на сумму 23.456.000 рублей. Соображенія оказались вѣрными: цѣна сахара во внутренней продажѣ поднялась до небывалой высоты, до 6 слишкомъ рублей за песокъ, стоившій менѣе 4 рублей, и до 7 р. 50 коп. за рафинадъ. Слѣдствіемъ этого и было, какъ показано, сокращеніе вывоза 1892 г. до 1.600.000 пудовъ.

Сверхъ вывоза по европейской границѣ, сахаръ въ значительномъ количествѣ вывозится и по азіатской, чрезъ бакинскую таможню (съ незначительнымъ вывозомъ чрезъ астраханскую и тифлисскую таможни). Цифра вывоза обыкновенно достигала отъ 1 милліона до $1^1/_2$ милліона пудовъ; въ 1891 году она достигла 1.700.000 пудовъ. Раз-

мѣръ вывоза въ 1892 году пока неизвѣстенъ (хотя, кажется, и можно было бы получить своевременно свѣдѣнія изъ Астрахани, Баку и Тифлиса), но нужно думать, что она нѣсколько уменьшится вслѣдствіе отмѣны выдачи преміи за вывозимый за границу сахаръ. Какъ извѣстно, независимо отъ возврата акциза за сахаръ, вывозимый за границу, выдавалась еще премія въ размѣрѣ рубля съ пуда. Эта премія съ 1-го мая 1886 года отмѣнена для европейской Россіи, но для азіатской существовала (въ размѣрѣ 80 коп. съ пуда) до 1-го мая 1891 г. Прекращеніе ея выдачи должно, по всему вѣроятію, оказать вліяніе на размѣръ дальнѣйшаго вывоза сахара по азіатской границѣ, особенно въ виду предположенія, что нѣкоторое количество нашего сахара провозилось черезъ Персію въ наши же предѣлы при плохо охраняемой въ таможенномъ отношеніи туркестанской границѣ; рубль возвращеннаго акциза и 80 коп. преміи съ пуда служили выгоднымъ вознагражденіемъ за удлинненный нѣсколько путь и за хлопоты контрабанднаго водворенія русскаго сахара въ русскіе предѣлы.

Слишкомъ вчетверо, съ 400 мил. градусовъ до 95 мил. гр., а по цѣнности съ 5.337.000 р. до 1.649.000 р. сократился въ 1892 году вывозъ спирта. По объясненію „Вѣстника Финансовъ", сокращеніе это слѣдуетъ приписать, во-первыхъ, послѣдовавшей въ виду недорода хлѣбовъ отмѣнѣ возврата при вывозѣ преміи, а затѣмъ сокращенію вывоза спирта на испанскіе рынки вслѣдствіе принятыхъ въ Испаніи мѣръ къ поощренію собственнаго винокуренія и къ сокращенію иностраннаго привоза, что̀ отозвалось на сбытѣ туда спирта изъ Германіи, нашего главнаго покупателя спирта, а также и изъ Швеціи.

Указанія „Вѣстника" еще разъ свидѣтельствуютъ, въ какихъ невыгодныхъ условіяхъ находится наша отпускная торговля сколько-нибудь обработанными продуктами, даже такими незамысловатыми, какъ спиртъ. Испанія дѣйствительно оказывалась единственнымъ потребителемъ нашего спирта (по всей вѣроятности, мы получали его обратно подъ ярлыкомъ портвейновъ, хересовъ и мадеръ), но и туда онъ попадалъ не прямо, а чрезъ германскіе порты, какъ вслѣдствіе недостатка у насъ торговой предпріимчивости, такъ и потому, что спиртъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ шелъ отъ насъ, не годился: его нужно было сперва очистить на германскихъ очистительныхъ заводахъ и потомъ уже отправлять по назначенію. Несмотря на обильные урожаи хлѣбовъ, бывшіе у насъ въ 1886, 1887 и 1888 годахъ, вывозъ нашего спирта за границу сталъ замѣтно понижаться уже съ 1888 года. Въ 1886 и 1887 годахъ было вывезено въ каждомъ году по $6^1/_2$ мил. ведеръ безводнаго спирта (до 650 мил. град.) на сумму до 9 мил. рублей; въ 1888 г. вывозъ не превосходилъ $5^1/_2$ мил. ведеръ на 8 мил. рублей; затѣмъ въ три послѣдующіе года

онъ составлялъ уже въ годъ около 4 м. вед., стоимостію около $5\frac{1}{2}$ м. р., и, наконецъ, въ 1892 г. упалъ до 95.000 ведеръ безводнаго спирта на $1\frac{1}{2}$ м. р. съ небольшимъ [1]). Послѣдовавшая еще въ 1891 г. отмѣна преміи едва-ли имѣла особенное вліяніе на сокращеніе вывоза; несомнѣнно вліяніе неурожая, но и предшествовавшее неурожаю уменьшеніе количества вывозимаго за границу спирта показываетъ, что къ этому, независимо отъ случайныхъ невыгодныхъ причинъ, есть еще и постоянныя: онѣ заключаются въ нашей неумѣлости, въ недостаткѣ предпріимчивости и образованія и, вслѣдствіе этого, недостаточной производительности нашего труда.

Значительное, относительно, сокращеніе оказалось также по вывозу картофеля, аниса, соли, сухихъ фруктовъ, сыра, коровьяго масла, икры и рыбы.

Съ большимъ оптимизмомъ смотритъ „Вѣстникъ Финансовъ“ на „постоянное за послѣдніе годы сокращеніе отпуска за границу сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ“. Онъ объясняетъ это явленіе „постояннымъ развитіемъ собственной обрабатывающей промышленности, начинающей уже искать рынки сбыта внѣ предѣловъ Россіи“. „Хотя въ этомъ отношеніи, — говоритъ далѣе „Вѣстникъ“, — цифры нашей таможенной статистики не даютъ прямыхъ указаній, и отпускъ издѣлій и въ 1892 году продолжаетъ оставаться на сравнительно весьма еще невысокой цифрѣ, нѣсколько уступая даже 1891 г., тѣмъ не менѣе появляющіяся уже попытки завязать отношенія съ заграничными рынками, отправки нѣкоторыми фирмами чрезъ Гамбургъ (разумѣется, непремѣнно чрезъ Гамбургъ; какъ же безъ Гамбурга!) хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ Африку, усиливающійся вывозъ ихъ съ возвратомъ пошлины на восточные рынки, несмотря на увеличивающійся нынѣ спросъ на мануфактурный товаръ внутри страны, — все это обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ дать болѣе осязаемые результаты. Несомнѣнно, что крупнымъ въ этомъ отношеніи толчкомъ должна явиться сибирская дорога, приблизивъ насъ

[1]) Кстати разъ навсегда объяснимъ, что безводнаго спирта не бываетъ вслѣдствіе его сильнаго сродства съ водою. Еслибы его и удалось приготовить въ лабораторіи, то при первомъ соприкосновеніи съ воздухомъ онъ поглотилъ бы изъ него часть влаги, которая его разбавила бы, и онъ сталъ бы 96—95-градуснымъ. Ведро безводнаго спирта—это фиктивная мѣра, равняющаяся 100 градусамъ спирта. Хлѣбное вино должно у насъ продаваться въ 40 град., т.-е. на 40 частей чистаго спирта идетъ 60 частей воды; поэтому $2\frac{1}{2}$ ведра такого вина равняются 1 ведру безводнаго спирта. Сказать: 400 мил. градусовъ—то же, что сказать: 4 мил. ведеръ безводнаго спирта. Мы, какъ это и вообще принято, употребляемъ безъ разбора то или другое выраженіе для указанія количества спирта: ведро безводнаго спирта равно 100 градусамъ.

къ границамъ Китая—одного изъ наиболѣе естественныхъ рынковъ сбыта, а также къ Соединеннымъ Штатамъ".

Такимъ образомъ по двумъ господствующимъ отдѣламъ нашей отпускной торговли—сырымъ и полуобработаннымъ матеріаламъ—съ одной стороны рядъ неутѣшительныхъ фактовъ, не смягчаемыхъ никакими надеждами, съ другой—рядъ не подкрѣпляемыхъ никакими фактами радужныхъ надеждъ, витающихъ на крыльяхъ фантазіи въ Африкѣ, въ Китаѣ и въ Сѣверной Америкѣ. Разбирать или оспаривать эти смѣлыя упованія напрасно, тѣмъ болѣе, что однимъ изъ факторовъ ихъ является пресловутая сибирская желѣзная дорога, это въ настоящую минуту излюбленное дѣтище, въ которомъ почему-то готовы видѣть (когда-то она еще будетъ) подательницу всякихъ благъ, матеріальныхъ и духовныхъ.

Но положимъ, что Гамбургъ обезпечитъ намъ Африку, а сибирская дорога откроетъ Китай и Америку. Но на что намъ эти открытія? Пріобрѣтать чужія издѣлія мы не расположены, не хотимъ даже обмѣниваться: это было бы подрывомъ отечественной промышленности. Нашъ идеалъ—побольше вывозить, и привозить какъ можно меньше. Чтó же мы станемъ вывозить и какъ? Сами мы не знаемъ; вся надежда на Гамбургъ. Но Гамбургъ уже отказывается возить нашъ спиртъ въ Испанію. Теперь мы готовы разсчитывать, что онъ станетъ возить наши ситцы въ Африку? Въ какую Африку? Въ сѣверную, центральную? Положимъ, наконецъ, въ нѣмецкую,—благо и тамъ нѣмцы стали сильны. Но почему же они повезутъ въ Африку наши ситцы, а не свои, а если своихъ не хватитъ, то не англійскіе или французскіе, за которые мы сами ухватились бы обѣими руками, еслибы они были намъ доступны. „Вѣстникъ Финансовъ" разсчитываетъ съ постройкою сибирской дороги усилить сбытъ нашихъ продуктовъ въ Сѣверной Америкѣ. Но что мы будемъ сбывать туда,—нашу пшеницу, нашъ лѣсъ, керосинъ, хлопокъ или издѣлія нашихъ машиностроительныхъ заводовъ? А если намъ и есть чтó сбывать туда, то почему мы не дѣлаемъ этого теперь по пути втрое болѣе короткому и вдвое болѣе удобному—изъ балтійскихъ и черноморскихъ портовъ по Атлантическому океану,— нежели путь черезъ всю Сибирь и затѣмъ по необъятному Великому океану. Остается Китай; но онъ и теперь для насъ также доступенъ, какъ и при сибирской дорогѣ, которая должна пролегать вблизи самыхъ пустынныхъ мѣстъ китайскихъ владѣній. Только намъ и въ Китай возить нечего. Ежегодно, какъ извѣстно, вдоль береговъ Индіи и Китая совершаютъ рейсы пароходы нашего добровольнаго флота—не слышно, однако, чтобы они возили туда что-нибудь отъ насъ. Они идутъ во Владивостокъ и Николаевскъ съ арестантами, съ переселенцами, съ казен-

нымъ грузомъ, и лишь на обратномъ пути привозятъ китайскій или цейлонскій чай. Даже *рынки* Персіи, которая у насъ подъ бокомъ, отбиваютъ у насъ англичане и нѣмцы. До Китая ли намъ?

У насъ есть предметы сбыта и есть для нихъ готовые рынки, правда, не очень выгодные, но если для отыскиванія новыхъ нужно или чужое посредничество, или отправленіе товаровъ по сибирской дорогѣ въ 10 тысячъ верстъ, то сбытъ можетъ оказаться еще болѣе убыточнымъ. Сбывать наши товары за границу мы должны вслѣдствіе нашихъ заграничныхъ обязательствъ, и мы сбываемъ: сбываемъ хлѣбъ до послѣдняго зерна, даже рискуя сами остаться впроголодь и по цѣнамъ, для насъ не особенно выгоднымъ; сбываемъ нашъ лѣсъ, благо онъ еще не окончательно вырубленъ; сбываемъ ленъ, хотя, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ министерство финансовъ установило осмотръ отправляемыхъ за границу льняныхъ тюковъ, вслѣдствіе жалобъ лондонской биржи на примѣшиваніе къ льнянымъ волокнамъ всякой дряни. Впрочемъ, и теперь повидимому кредитъ нашего льна подорванъ: въ десятилѣтіе 1876—1885 года его сбывалось за границу среднимъ числомъ въ годъ на $37^{1}/_{2}$ м. рубл. металл. (57 м. р. кред.), а въ семилѣтіе 1886—1892 года только на 32 м. р. мет. (52 м. р. кред.).

Не знаемъ, насколько дѣйствительной окажется мѣра, направленная къ усиленію сбыта нашихъ бумажныхъ матерій въ Азію,—возвратъ пошлины за хлопокъ, пошедшій на эти матеріи,—но опытъ съ сахаромъ могъ хотя отчасти убѣдить въ томъ, что такія мѣры не имѣютъ большого значенія. При томъ *мѣры* могутъ быть приняты и англичанами, и нѣмцами, а существенныя преимущества техники и культуры—на ихъ сторонѣ. Нашъ вывозъ бумажныхъ матерій по всѣмъ границамъ составлялъ въ 1891 году цѣнность около 4 мил. рублей, а по азіатской—менѣе $1^{1}/_{2}$ м. р., столько же, сколько и по вывозу въ Финляндію.

Переходимъ къ *привозу*. Цифра его за 1892 годъ, *по европейской границѣ* [1]) (367 м. р.), представляетъ приблизительно среднюю цифру двухъ предшествовавшихъ лѣтъ; это равно тому, что цифра привоза трехъ послѣднихъ лѣтъ одинакова: въ 1890 году, вслѣдствіе предстоявшаго введенія новаго тарифа, купцы спѣшили ввезти больше товаровъ; отъ этого ихъ понадобилось меньше въ 1891 году, а въ 1892 г. возстановился средній уровень. Такимъ образомъ на размѣръ

[1]) Подраздѣленіе вывоза и привоза по европейской границѣ и по азіатской—при чемъ въ одной таблицѣ разумѣется дѣйствительно внѣшняя граница, въ другой присоединяется Финляндія или черноморская граница Закавказскаго края и чайная торговля Кяхты и пр.—затрудняютъ до-нельзя возможность точныхъ и сколько-нибудь тождественныхъ цифровыхъ указаній. Далѣе мы скажемъ объ этомъ подробнѣе.

привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ не оказали вліянія ни неудовлетворительное экономическое состояніе страны въ теченіе двухъ лѣтъ, ни значительное сокращеніе въ 1892 году нашего вывоза. Намъ приходилось уже не разъ касаться этого обстоятельства и указывать его причины [1]), приводя между прочимъ и то, что привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ за послѣдніе годы не превышаетъ размѣра привоза 25 лѣтъ тому назадъ, считая золотой валютой по соотвѣтственному курсу. Въ одномъ изъ послѣднихъ статистическихъ трудовъ таможеннаго департамента [2]) мы находимъ цифры оборотовъ нашей внѣшней торговли по вывозу за 20 лѣтъ (1871—1890 г.), а по привозу за 22 года (1869—1890 гг.), и ими вполнѣ подтверждается точность нашего указанія, сдѣланнаго на основаніи другихъ источниковъ. Данныя, приводимыя указаннымъ трудомъ, тѣмъ любопытнѣе, что онѣ относятся ко всей совокупности вывоза и привоза, ко всѣмъ границамъ вообще и къ каждой изъ нихъ (въ числѣ шести), въ особенности, и что онѣ приводятся какъ въ кредитной валютѣ, такъ и въ металлической, по соотвѣтствующему для каждаго года курсу. Изъ этихъ данныхъ приведемъ нѣкоторыя наиболѣе характеристичныя.

Размѣръ нашего вывоза въ 1871 году по всѣмъ границамъ по цѣнности составлялъ 369 м. р. кред. (308 м. р. зол.) и постоянно, съ нѣкоторыми, впрочемъ, колебаніями, достигъ въ 1888 г. 794 м. р. (460 м. р. зол.); въ 1890 году онъ составлялъ 704 м. р. кред., на золото же 508½ м. р.; такимъ образомъ, при пониженіи въ 12% при счетѣ въ кредитной валютѣ, онъ на 10% слишкомъ повысился при счетѣ на металлическую валюту. Который изъ этихъ двухъ счетовъ вѣрнѣе, т.-е. точнѣе отражаетъ выгоды или невыгоды русской производительности, рѣшить трудно. Припомнимъ, что значительное улучшеніе курса нашего кредитнаго рубля въ 1890 году возбуждало жалобы нашихъ производителей: землевладѣльцевъ, лѣсныхъ торговцевъ и т. п., и они правы, такъ какъ за свои произведенія они получаютъ меньшее количество кредитныхъ рублей; высшая же сравнительно съ золотомъ цѣнность кредитнаго рубля во внутреннемъ обиходѣ ни въ чемъ не проявляется.

По разнымъ границамъ увеличеніе вывоза за 20 лѣтъ проявилось въ слѣдующихъ размѣрахъ: по европейской границѣ съ 353 м. р. кред. до 610 м. р.; по торговлѣ съ Финляндіей съ 7½ м. р. до 16½ м. р.; по черноморской границѣ Кавказскаго края съ 4 м. р.

---

[1]) См., напримѣръ, „Вѣстн. Европы“, августъ, 1892 г., стр. 849.

[2]) Внѣшняя торговля. Сравнительныя таблицы за разные годы по 1890 годъ включительно. Изданіе департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 1891.

до 60 м. р.; по сухопутной кавказской границѣ съ 1 м. р. до 10 м. р., а въ торговлѣ черезъ Кяхту, напротивъ, уменьшилась съ $3^1/_2$ м. р. до милліона съ небольшимъ, хотя, несомнѣнно, пути сообщенія съ Китаемъ въ 1890 году удовлетворительнѣе, нежели были въ 1871 г. Это показываетъ, что причины недостаточно развитыхъ сношеній нашихъ съ Китаемъ не во внѣшнихъ препятствіяхъ, которыя могли бы быть отстранены сибирской желѣзной дорогой, а въ чемъ-то другомъ. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что привозъ по иркутской таможнѣ въ 1890 году достигалъ 14 м. р. кред., 10 м. р. металл. и что, слѣдовательно, можно бы было ожидать усиленнаго, выгоднаго для обѣихъ сторонъ, обмѣна.

Цифра привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ составляла въ 1871 году по всѣмъ границамъ $368^1/_2$ м. р. кред. или 307 м. р. золотомъ, а въ 1890 году 406 м. р. кр., золотомъ 294 м. р. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и по привозу, является нѣкоторая несоотвѣтственность, въ значеніи которой еще затруднительнѣе разобраться, нежели по привозу. Но, повидимому, основной должна быть принята металлическая валюта, такъ какъ ею опредѣляется продажная цѣна ввезенныхъ товаровъ. Но размѣръ цѣнности привоза не оставался постояннымъ во все двадцатилѣтіе: съ 1872 г. по 1884 онъ былъ гораздо значительнѣе и въ нѣкоторые годы превышалъ 400 м. р. металлич. Такъ, онъ составлялъ 457 м. р. з. въ 1875 г., 407 м. р. въ 1880 г. Затѣмъ онъ быстро понизился съ 1885—1888 годовъ и дошелъ до 224 м. р. Такимъ образомъ цифры привоза 1879 и 1890 гг., если считать на золотую валюту, составляютъ уже повышеніе.

Мы не будемъ останавливаться на перипетіяхъ въ размѣрѣ привозной торговли и ограничимся замѣчаніемъ, что увеличеніе привоза въ нѣкоторые годы зависѣло отчасти отъ заграничныхъ заказовъ желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, а пониженію его въ послѣдніе годы несомнѣнно не чуждо постоянное и значительное повышеніе таможеннаго тарифа.

Указанныя нами измѣненія въ размѣрѣ привоза соотвѣтствовали цифрамъ торговли по европейской границѣ. По другимъ границамъ измѣненія были невелики и въ то же время постепенны: привозъ изъ Финляндіи отъ 7 м. р. мет. (8 съ небольшимъ м. руб. кр.) увеличился до 10 м. р. ($13^1/_2$ м. р. кр.), а привозъ чрезъ иркутскую таможню—съ $5^1/_2$ м. р. зол. до 10 м. р.

Сопоставить съ приведенными выше цифрами цифры оборотовъ по вывозу и привозу 1891 года *по всѣмъ границамъ* на основаніи точныхъ цифръ таможеннаго вѣдомства можно только въ кредитной валютѣ, почерпая ихъ не изъ годового итога результатовъ внѣшней

торговли, а изъ особаго изданія [1]). Вывоза по всѣмъ границамъ въ 1891 году показано 721½ м. р. кред., т.-е. болѣе сравнительно съ 1890 годомъ на 17½ м. р., а привоза 371½ м. р. кред., менѣе на 35 м. р. Уменьшеніе привоза окажется еще болѣе значительнымъ если кредитную валюту переложить въ металлическую. Въ 1891 г., какъ извѣстно, курсъ нашего кредитнаго рубля сильно колебался въ первые мѣсяцы года чрезвычайно благопріятный, около 72 коп. зол., онъ уже съ марта сталъ падать и во второй половинѣ года понизился до 60 коп. и даже меньше. Если принять благопріятный курсъ 1-го іюля (68 коп. зол. за кред. рубль), то привозъ выразится въ 252½ м. р. мет., т.-е. менѣе 1890 года на 40 слишкомъ м. р. золотомъ.

Сколько-нибудь точное сравненіе съ предшествующими годами итоговъ внѣшней торговли 1892 года совершенно невозможно вслѣдствіе сбивчивости относительно вывоза и привоза по разнымъ границамъ и неимѣнія итоговъ общаго вывоза и ввоза по всѣмъ границамъ. Вывоза мы не будемъ касаться; относительно же ввоза мы можемъ остановиться на результатѣ, приведенномъ на первой страницѣ этой статьи, именно, что по европейской границѣ, съ присоединеніемъ нѣкоторой (неопредѣленной) части границы азіатской, привозъ противъ 1891 г. увеличился на 19 м. р. кредитныхъ. Если эти 19 м. р. кр., по переложеніи въ металлическіе приблизительно 13 м. р., прибавить къ общему итогу 1891 г., то получится 265 м. р. зол., меньше цѣнности ввоза 1871 г. на 40 м. р. зол. слишкомъ.

Правильнаго движенія въ привозѣ какихъ-нибудь главныхъ товаровъ не замѣчается, за исключеніемъ бумажной пряжи и шерсти, чесанной, пряденной и крученой, которыхъ ввезено:

	въ 1890	1891	1892 гг.
бумажной пряжи на	9 м. р. кр.	5 м. р.	4 м. р.
шерсти на	16 „ „ „	11 „ „	8½ „ „

т.-е. съ постояннымъ пониженіемъ цѣнности, а въ соотвѣтствіи съ этимъ и количества.

По суммѣ главнымъ привознымъ товаромъ является хлопчатая бумага сырецъ. Въ послѣднія шесть лѣтъ ея было ввезено:

	1887	1888	1889	1890	1891	1892
милліоновъ пудовъ	10	7	8½	8	7	9½
стоимость въ милл. кр. р.	96½	68	83½	80	70	85

Въ среднемъ размѣрѣ въ годъ около 8 м. п., а цѣнностію около 80 м. р.

[1]) Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1891 годъ. Изд. деп. тамож. сборовъ. 1892.

Уменьшеніе ввоза въ 1891 объясняется тѣмъ, что въ ожиданіи пересмотра тарифа съ увеличеніемъ пошлины, чтó и послѣдовало въ 1890 г., хлопка было ввезено въ 1889 и 1890 гг. нѣсколько больше, а истощившіеся при недостаточномъ ввозѣ 1891 г. запасы пополнены излишкомъ ввоза 1892 года. Вообще нужно замѣтить, что нѣсколько усиленному привозу въ 1890 году многихъ товаровъ благопріятствовалъ высокій курсъ кредитнаго рубля [1]) и вліяло ожиданіе пересмотра тарифа. За увеличеніемъ ввоза въ 1890 г. слѣдовало уменьшеніе ввоза 1891 г. и новое возвышеніе въ 1892 г. Такъ, металловъ не въ дѣлѣ было ввезено въ 1890 г. на $33^1/_2$ м. р. кр., въ 1891 г. на 28 м. р. и въ 1892 г. на 34 м. р.

Одинъ изъ главныхъ предметовъ привозной торговли составляетъ чай. Въ „Сравнительныхъ таблицахъ" приводятся цифры ввоза чая за 40 лѣтъ, начиная съ 1851 года. Едва-ли, впрочемъ, эти цифры, да и вообще цифры за прежнее время, можно считать сколько-нибудь точными. За 1851 г. чая въ привозѣ показано всего около 360.000 п.: 253.000 пудовъ байховаго и 102.000 пудовъ кирпичнаго, а тридцать лѣтъ спустя, въ 1881 году, чая значится въ привозѣ уже 1.600.000 п. Въ слѣдующее десятилѣтіе произошло дальнѣйшее повышеніе въ привозѣ, средняя цифра котораго за всѣ десять лѣтъ доходитъ до 1.900.000 пудовъ, а въ отдѣльные годы и выше; при этомъ на долю байховаго (т.-е. обыкновеннаго, общеупотребительнаго) чая приходится около $^3/_5$, а на долю кирпичнаго—$^2/_5$ общаго количества. При одинаковомъ почти количествѣ ввезеннаго чая, стоимость его за первые и за послѣдніе годы этого десятилѣтія показана по таможеннымъ отчетамъ съ огромной разницей. Такъ, стоимость 2 м. пуд. чая въ 1884 году показана въ 80 м. р., а 1.900.000 пудовъ въ 1890 году—всего въ 32 м. р. Но въ стоимости ввозимаго чая едва-ли послѣдовало такое измѣненіе; вѣрнѣе, кажется, разницу эту приписать неодинаковому пріему въ оцѣнкѣ чая. Въ 1892 г. чая привезено:

	пудовъ	стоимость руб. кр.	тамож. пошл. золотомъ
по европ. гран. байховаго	799.000	16.554.000	16.722.000
по азіатск. гран. байховаго	379.000	8.220.000	4.928.000
кирпичнаго	838.000	7.702.000	2.335.000
Всего	2.016.000	32.476.000	23.985.000

[1]) Средняя за годъ стоимость кредитнаго рубля въ 1890 г. была $72^1/_4$ коп. (1 р. $88^1/_2$ к. за зол. рубль), но въ сентябрѣ цѣна кред. рубля поднималась до 79 к. зол. (1 р. $26^1/_2$ к. кр. за зол. рубль). Для иностранцевъ выгодна покупка нашихъ товаровъ при низкой цѣнѣ кред. рубля, когда за свое золото они могутъ получить больше кред. рублей, нужныхъ для закупокъ у насъ, а продажа своихъ товаровъ выгодна, наоборотъ, при высокомъ курсѣ, когда полученные за свои товары кред. рубли они могутъ обмѣнять на большее количество золота.

Противъ 1891 года количество ввезеннаго чая увеличилось на $1^1/_2$ тыс. пудовъ слишкомъ, а стоимость почти на 2 м. р., и слишкомъ на 2 м. р. зол. увеличилась пошлина съ чая. Пошлины и заслуживаютъ преимущественнаго вниманія. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что пошлина съ чая, считая золотой рубль только 1 р. 50 коп. кред., на 12% превышаетъ стоимость самого чая и составляетъ 18 р. кр. на пудъ; по байховому же чаю пошлина превышаетъ стоимость товара на 50% слишкомъ и доходитъ до 30 руб. кред. слишкомъ съ пуда, тогда какъ средняя цѣна пуда чая немногимъ болѣе 20 руб. кред. Пошлина съ чая—самая высокая изъ пошлинъ, но и съ другихъ товаровъ, особенно съ такъ-называемыхъ жизненныхъ припасовъ, она также весьма значительна. „Сравнительныя таблицы", о которыхъ уже упомянуто, даютъ свѣденія о постепенномъ, въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія 1871 — 1890 гг., ростѣ пошлины въ процентномъ отношеніи къ товарамъ разныхъ категорій. Размѣръ пошлинъ составлялъ:

	для жизненныхъ припасовъ:	для сырыхъ и полуобработанн. матеріаловъ:	для издѣлій:
	%	%	%
въ 1870 г.	34	5	11
„ 1875 „	27	$5^1/_2$	$11^1/_2$
„ 1880 „	35	10	14
„ 1885 „	49	14	27
„ 1886 „	59	16	30
„ 1890 „	71	19	28

Разумѣется, разница могла зависѣть отъ измѣненія по годамъ въ видахъ ввозимыхъ предметовъ, но исторія нашего таможеннаго тарифа послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что по отношенію ко многимъ отдѣльнымъ товарамъ приведенная процентная разница скорѣе ниже, нежели выше дѣйствительной.

Оканчивая этимъ изложеніе фактическихъ данныхъ относительно нашей внѣшней торговли въ 1892 году *по европейской границѣ*, постараемся сдѣлать выводъ изъ сказаннаго.

Вывозъ нашъ по цѣнности уменьшился на одну треть сравнительно съ вывозомъ двухъ предшествовавшихъ лѣтъ. Уменьшеніе это случайное, вызванное не только неурожаемъ хлѣбовъ, главнаго нашего вывозного продукта, но и правительственнымъ запрещеніемъ ихъ вывоза, такъ какъ безъ этого запрещенія, несмотря на недостатокъ и дороговизну хлѣба внутри имперіи, его все-таки было бы вывезено несравненно больше. Это доказывается не только горячкой, овладѣвшей экспортерами въ послѣдніе дни до срока вступленія въ силу запрещенія, но и значительнымъ движеніемъ грузовъ обратно

во внутрь Россіи изъ портовъ, гдѣ они были приготовлены для вывоза. Несомнѣнно, цѣнность вывоза возстановится до размѣра, въ какомъ она была въ предшествовавшіе годы, т.-е. до 600—700 мил. р. кредитныхъ, такъ какъ только этой суммой покрываются слѣдующія съ насъ ежегодныя заграничныя уплаты. Разсчитывать на большій противъ этой суммы отпускъ также нѣтъ основанія, за недостаткомъ предметовъ отпуска и относительною ихъ дешевизною. Наибольшая цѣнность нашего отпуска, считая на кредитные рубли, была въ очень урожайномъ 1888 году (794 м. р. вообще и 728 м. р. по европ. границѣ безъ Финляндіи и черноморскихъ кавказскихъ портовъ), превышавшая цѣнность вывоза слѣдующаго года слишкомъ на 40 м. р. Но вспомнимъ, что это былъ годъ, когда у насъ и раздавались жалобы на разореніе помѣщиковъ, лѣсопромышленниковъ и пр. вслѣдствіе дешевизны хлѣба и лѣса при заграничномъ отпускѣ. Что такія жалобы были вполнѣ основательны, достаточно указать на такой фактъ: 794 м. р. кред. отпуска 1888 года составляли по курсу кредитнаго рубля [1]) 460 м. р. зол., а 766 м. р. кр. отпуска 1889 г. равнялись 505 м. р. зол.; оказывается, что значительный размѣръ нашего отпуска въ 1888 г. былъ въ сущности фиктивнымъ. Такимъ образомъ выходитъ, что даже обиліе нашихъ произведеній, и въ такіе годы, какъ 1888 г., когда западная Европа нуждалась въ нашемъ хлѣбѣ, больше пользы приноситъ иностранцамъ, нежели намъ. Торговыя сдѣлки съ тѣмъ, кто владѣетъ волшебной ариѳметикой, по которой 460 рублей, какъ покупная сила, въ данный моментъ, можетъ быть больше 505 р., несомнѣнно невыгодны: можетъ случиться нѣчто подобное тому, что̀ было въ сказкѣ: получалъ и считалъ червонцы, а глядь на другой день—черепки отъ разбитаго горшка.

Можетъ возникнуть вопросъ: при такихъ ненормальныхъ условіяхъ желательно ли самое расширеніе нашего заграничнаго отпуска? На это не можетъ быть двухъ отвѣтовъ, но желательно, чтобы условія нашей внѣшней торговли сдѣлались болѣе нормальными. Для этого необходима прежде всего устойчивость орудія всякой торговли, всякой мѣны—денежной единицы, нашего кредитнаго рубля по отношенію къ металлической валютѣ. Вполнѣ сочувствуя намѣреніямъ министерства финансовъ положить нѣкоторый предѣлъ биржевой игрѣ цѣнностью нашего кредитнаго рубля, мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи предстоитъ сдѣлать еще многое. Затѣмъ нужны коренныя измѣненія въ халатности пріемовъ нашего производства и нашей торговли, примѣры неудовлетворительности которыхъ мы имѣли уже

[1]) По исчисленіямъ тамож. отчетовъ, средній курсъ кред. рубля за 1888 годъ былъ 58 коп. металлич., но въ нѣкоторые мѣсяцы онъ понижался до 52 коп.

случай указать въ этомъ очеркѣ. Нашъ спиртъ, назначенный для Испаніи, не можетъ быть прямо отправленъ туда, а поступаетъ сперва на очистительные германскіе заводы и затѣмъ идетъ въ Испанію уже при посредствѣ Гамбурга. Такимъ образомъ для насъ теряются и заработокъ по очисткѣ, и *коммиссіонныя* (золотое словечко современнаго гешефтмахерства) за посредничество. О правительственномъ надзорѣ за сколько-нибудь удовлетворительной чистотой отправляемаго за границу льна мы упоминали. Недавно появился слухъ, что въ Одессѣ органами министерства финансовъ будетъ требоваться удаленіе сорныхъ примѣсей въ хлѣбѣ, отправляемомъ за границу. Слухъ объ этой мѣрѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, вызвалъ смятеніе между экспортерами и породилъ пророчество, что такая мѣра разорила бы производителей хлѣба. Мы не сторонники промышленной регламентаціи со стороны казны, но думаемъ, что установленіе правильныхъ и добросовѣстныхъ пріемовъ отпускной торговли по почину самого торгующаго класса вполнѣ соотвѣтствовало бы и выгодамъ торговли, и выгодамъ государства. При необычайно обильномъ вывозѣ сахара за границу въ 1891 году по европейской границѣ, изъ $6^1/_2$ милл. пудовъ вывезеннаго (по дешевой цѣнѣ) сахара было всего 34.000 пудовъ рафинада; рафинадъ вывозился преимущественно только по азіатской границѣ. Изъ 8.560 пудовъ сахара, привезеннаго въ Россію изъ-за границы, слишкомъ 6.000 пудовъ было рафинада и леденца и только 2.000 п. сырца [1]).

По отношенію выгодности добывающей промышленности къ обработывающей извѣстенъ афоризмъ, что за невыдѣланную лисью шкуру можно получить только выдѣланный лисій хвостъ. Если это и преувеличено, то вѣрно несомнѣнно, что бóльшая половина шкуры достанется не тому, кто ее добылъ, а тому, кто ее отдѣлалъ.

Наконецъ, нужно не упускать изъ виду, что наиболѣе развитой и выгодной торговля и внутренняя и внѣшняя можетъ быть только въ томъ случаѣ, если она имѣетъ цѣлью обмѣнъ произведеній труда. Односторонняго сбыта или односторонняго потребленія быть не можетъ. Охранительная таможенная политика, овладѣвшая въ последнее время бóльшею частью европейскихъ государствъ и какъ бы возродившая стремленія меркантильной системы, уже принесла должные плоды, отразившись застоемъ промышленности и безработицей не говоря уже о порождаемомъ такою политикой враждебномъ настроеніи одного народа къ другому. Въ одномъ изъ нумеровъ „Вѣстника Финансовъ“ [2]) сообщены свѣденія о торговыхъ оборотахъ Ита-

---

[1]) Отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1891 годъ, стр. 164—165.

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ“, № 19, стр. 244.

ліи въ 1892 году. Пять лѣтъ назадъ, въ 1887 году, обороты эти равнялись 1.605 мил. лиръ (франковъ) по привозу и 1.002 мил. л. по вывозу, но затѣмъ, постепенно понижаясь, они въ 1892 году упали до 1.170 мил. лиръ по привозу и до 958 мил. лиръ по вывозу. Съ точки зрѣнія сторонниковъ пользы большого вывоза и малаго привоза это измѣненіе можетъ показаться благопріятнымъ: привозъ уменьшился на 435 мил. р., а вывозъ всего лишь на 44 м. р., въ десять разъ меньше, но, какъ извѣстно, въ Италіи все громче и громче раздаются жалобы на упадокъ ея промышленности и торговли.

Только при взаимномъ равноцѣнномъ обмѣнѣ произведеній между двумя государствами или группой государствъ завязываются тѣсныя коммерческія сношенія, не только обезпечивающія сбытъ заготовленныхъ товаровъ, но и вызывающія заказы примѣнительно къ потребностямъ покупателей и потому болѣе выгодныя. Судно, отправляющееся къ намъ съ углемъ или желѣзомъ и заранѣе обезпеченное въ обратномъ грузѣ хлѣба, возьметъ меньшій фрахтъ и за уголь, и за хлѣбъ, къ выгодѣ не только обѣихъ торгующихъ сторонъ, но и потребителей, чтó въ свою очередь должно содѣйствовать развитію торговыхъ оборотовъ.

Если приведенныя выше цифры внѣшней торговли Италіи 1892 г. переложить на нашу валюту по приблизительному курсу 1892 г. (1 р. 60 к. кред. за золотой рубль), то вывозъ Италіи въ 1892 г. составитъ слишкомъ 360 м. руб. кр., а привозъ болѣе 460 м. руб. Населеніе Италіи въ $3^{1}/_{2}$ раза менѣе населенія Россіи, цифра же ея вывоза только въ половину менѣе самаго удачнаго нашего вывоза, а цифра привоза значительно превосходитъ размѣръ привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ. Между тѣмъ Италія—одно изъ слабѣйшихъ торговыхъ государствъ Европы. Приведенное не въ нашу пользу сравненіе ясно доказываетъ нашу торговую изолированность, причина которой въ значительной степени заключается въ нашемъ крайне высокомъ таможенномъ тарифѣ. Говорить теперь о желательномъ пониженіи тарифа было бы совершенно напрасно. Измѣненія въ тарифѣ могутъ въ настоящее время послѣдовать лишь путемъ отдѣльныхъ торговыхъ договоровъ, но, какъ извѣстно, безконечно длящіеся переговоры наши о торговомъ соглашеніи съ Германіей никакъ не могутъ придти къ концу, да и едва-ли когда-нибудь придутъ, несмотря даже на послѣдовавшее на дняхъ новое возвышеніе таможенныхъ пошлинъ установленіемъ такъ называемаго максимальнаго тарифа.

Намъ предстоитъ коснуться еще данныхъ внѣшней торговли по азіатской границѣ, но предварительно необходимо сказать нѣсколько словъ объ изданіяхъ таможеннаго департамента, изъ которыхъ по-

заимствованы свѣденія нашихъ статей о внѣшней торговлѣ. Статистическимъ отдѣленіемъ таможеннаго департамента издаются ежемѣсячно выпуски „Внѣшней торговли по европейской границѣ", состоящіе изъ ряда таблицъ, сообщающихъ свѣденія по таможнямъ о поступленіи пошлинъ, о вывезенныхъ товарахъ, объ очищенныхъ пошлиною иностранныхъ товарахъ, о движеніи судовъ и т. п. Въ декабрьскихъ, годовыхъ, выпускахъ, составляющихъ какъ бы особое изданіе, собраны въ такихъ же таблицахъ свѣденія за цѣлый годъ. На одной изъ таблицъ значится, что свѣденія относятся къ европейскимъ границамъ, *со включеніемъ Финляндіи* (точно Финляндія не въ Европѣ) и со включеніемъ черноморской границы Кавказскаго края (собственно границы азіатской), на другихъ—*за исключеніемъ* той и другой. Сверхъ того въ таблицахъ привоза иностранныхъ товаровъ рядомъ съ чаемъ, привезеннымъ по европейскимъ границамъ, приведены цифры привоза черезъ Кяхту, которыя вѣроятно также вошли въ итоги привоза по европейской границѣ, но объ этомъ ничего не сказано, а провѣрить итогъ нѣсколькихъ тысячъ цифръ невозможно. Никакихъ другихъ свѣденій о движеніи товаровъ по азіатскимъ границамъ нѣтъ.

Затѣмъ, тѣмъ же статистическимъ отдѣленіемъ издается ежегодно „Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границѣ", огромный томъ со множествомъ таблицъ и безконечнымъ рядомъ цифръ безъ малѣйшей строчки направляющаго или разъясняющаго текста; но этотъ обзоръ выходитъ только въ концѣ года, слѣдующаго за отчетнымъ, такъ что въ настоящее время есть только свѣденія за 1891 годъ. При томъ итоги въ обзорѣ подведены такъ, что ихъ никакъ нельзя (по крайней мѣрѣ безъ большихъ разслѣдованій и комментаріевъ) согласовать съ итогами годового выпуска „Внѣшней торговли". Въ этомъ выпускѣ, напримѣръ, цифра привоза *по европейской границѣ* показана въ 348½ м. р., которая и нами приведена на первой страницѣ этой статьи. Въ обзорѣ за 1891 годъ мы находимъ рядъ такихъ итоговъ привоза (съ округленіемъ): вообще по всѣмъ границамъ на 371½ м. р.; по европейской 321 м. р.; по торговлѣ съ Финляндіей 12½ м. р.; по азіатской границѣ 38 м. р. По этимъ цифрамъ никакой комбинаціей нельзя вывести указанной цифры 348½ м. р. Очевидно, въ нее вошла часть привоза по азіатской границѣ, всего вѣроятнѣе чай, прошедшій чрезъ иркутскую таможню (кяхтинскій). Мало того, цифра „Обзора" въ 38 м. р. не сходится съ цифрою „Вѣстника Финансовъ", гдѣ привозъ товаровъ по азіатской границѣ въ 1891 г. показанъ въ 40 м. р.

Все сказанное мы привели для того, чтобы показать, насколько затруднителенъ точный выводъ о размѣрѣ нашей торговли по азіат-

скимъ границамъ. Но особенно въ виду надеждъ, которыя возлагаются на эту торговлю въ будущемъ, данными о ней необходимо пополнить очеркъ хода нашей внѣшней торговли. Въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ [1]) за три года (1889—1891) приведены слѣдующія данныя о размѣрѣ торговли по азіатской границѣ:

	Въ 1889	1890	1891
	милліоны рублей (за округленіемъ):		
Вывозъ	61	78	78
Въ томъ числѣ по кавказско-черноморской границѣ:			
	47	60	57
Привозъ	50	41	40
Въ томъ числѣ чрезъ Кяхту:			
	17	14½	12½
По кавказской границѣ:			
	16	17½	16½

Изъ этихъ цифръ видно, что въ отпускѣ нашихъ товаровъ по азіатской границѣ господствующее значеніе имѣетъ отпускъ изъ кавказскихъ черноморскихъ портовъ, изъ которыхъ вывозились въ теченіе указанныхъ трехъ лѣтъ по цѣнности три четверти общаго отпуска по азіатской границѣ. Еще въ 1881 г. цѣнность вывозившихся изъ этихъ портовъ товаровъ не превосходила 6 м. р.; въ 1886 г. она увеличилась до 22½ м. р., въ 1888 г. до 31 м. р., а затѣмъ, какъ показано выше, черезъ два года дошла до 60 м. р. Такое возростаніе объясняется, главнымъ образомъ, быстро развившимся отпускомъ нефти, которой, во всѣхъ видахъ, въ 1891 г. вывезено на сумму свыше 30 м. р., затѣмъ отпускомъ хлѣба, благодаря хорошему урожаю его на Кавказѣ, какъ въ 1890 г., такъ и въ бѣдственномъ 1891 году. Но и нефть, и хлѣбъ, и пр., вывозились изъ черноморскихъ портовъ не въ Азію, а въ Европу, такъ что вся цифра отпуска по черноморской границѣ должна быть отнесена къ европейской торговлѣ и затѣмъ на долю Азіи останется, въ эти три года, 14 м. р., 18 м. р. и 21 м. р.

По отношенію къ привозу важно не то, въ какихъ частяхъ имперіи, азіатскихъ или европейскихъ, будутъ потреблены ввезенные предметы, а то, изъ какихъ странъ идутъ они; поэтому и здѣсь всю черноморскую торговлю придется исключить изъ счета азіатской торговли, такъ что торговыя сношенія наши съ Азіей опредѣлятся приблизительно, по цифрамъ трехъ послѣднихъ лѣтъ, по вывозу въ 18 м. р. и по привозу въ 25 м. р., т.-е. составятъ около 3% нашей отпускной торговли и около 7% привозной.

Изъ отпускаемыхъ товаровъ, отправляемыхъ въ Азію, главнымъ

---

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“ 1893 г., №№ 10 и 12.

по цѣнности является сахаръ (до 8 милл. р.), вывозимый преимущественно въ Персію, бумажныя ткани (до 4 милл. р. въ 1891 г.), шерстяныя издѣлія (на милліонъ съ небольшимъ) и металлическія издѣлія (на полмилліона).

Вывозъ распредѣляется главнымъ образомъ по странамъ Азіи такъ: въ Персію идетъ товаровъ на сумму отъ 9 до 11 м. р. (въ 1890 г.); въ Китай отъ $3^1/_2$ до 5 м. р. и въ средне-азіатскія ханства отъ 3 до $4^1/_2$ милл. рублей.

Изъ привозныхъ товаровъ главное мѣсто занимаетъ чай, цѣнность котораго и составляетъ почти весь привозъ черезъ Кяхту, въ средней цифрѣ 12—14 м. р. въ годъ. Къ этой суммѣ слѣдовало бы прибавить и остальной чай, непосредственно привозимый на нашихъ судахъ изъ Китая въ черноморскіе порты. Несомнѣнно, съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги хотя бы только до Байкала, часть чая, идущая къ намъ теперь моремъ, будетъ перевозиться сухимъ путемъ, въ виду той разницы въ пошлинѣ, которой обложенъ чай, получаемый чрезъ Кяхту (13 р. золот. съ пуда) и получаемый моремъ (21 р. зол.), разумѣется, если въ таможенномъ тарифѣ не послѣдуетъ уравнительнаго измѣненія. Затѣмъ главнѣйшія статьи привоза составляли: рисъ на сумму до $2^1/_2$ м. р., бо́льшая часть котораго привозится изъ Персіи, и хлопокъ (до 3 милл. пудовъ), преимущественно изъ средне-азіатскихъ владѣній, отчасти изъ Персіи.

Оканчивая этимъ нашъ очеркъ, возвращаемся еще разъ къ изданіямъ таможеннаго департамента. До 1890 года годовые выпуски „Внѣшней торговли по европейской границѣ“ состояли не изъ однѣхъ таблицъ; таблицы сопровождались обширнымъ (иногда до 150 страницъ) пояснительнымъ введеніемъ, состоявшимъ изъ ряда умѣло и талантливо составленныхъ очерковъ, въ которыхъ сопоставленіями, свѣдѣніями о ходѣ торговли въ другихъ государствахъ и т. п. освѣщались многія стороны нашей торговли [1]). Въ выпускахъ начиная съ 1890 года этихъ введеній уже нѣтъ, и они сплошь состоятъ изъ однѣхъ таблицъ, носящихъ исключительно справочный характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что изданія эти, въ ихъ нынѣшнемъ объемѣ, удовлетворяютъ административнымъ цѣлямъ, въ виду которыхъ преимущественно и предприняты. Но указываемые нами очерки, нисколько не умаляя оффиціальнаго значенія изданія, придавали ему характеръ статистическаго этюда, интереснаго и для общества.—О.

---

[1]) На годовыхъ выпускахъ по 1889 годъ включительно значилось, что они составлялись и издавались подъ редакціей завѣдывающаго статистическою частью департамента таможенныхъ сборовъ А. И. Штейна. На выпускахъ съ 1890 г. этого указанія нѣтъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1893.

Неопредѣленность французской политики въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ.— Отношенія и счеты съ Англіею.—Колоніальныя предпріятія и сіамскій конфликтъ.— Господство случайностей въ политикѣ.—Отсутствіе внутренней политической программы и административная рутина.—Парижскіе безпорядки и „побѣда" Дюпюи.— Военный законопроектъ въ Германіи и отношеніе къ нему нѣмецкаго общества.— Билль объ ирландской автономіи и его внутреннія противорѣчія.

Ни въ одной странѣ политика не составляетъ такого любимаго и всеобщаго занятія, нигдѣ она не обсуждается такъ горячо, изо дня въ день, въ массѣ газетъ, въ общественныхъ собраніяхъ, даже на площадяхъ и улицахъ, какъ во Франціи. Французы привыкли уже въ теченіе цѣлаго столѣтія волноваться изъ-за каждаго возникающаго у нихъ политическаго вопроса, мелкаго или крупнаго; казалось бы поэтому, что они должны были бы отличаться по традиціи особеннымъ политическимъ чутьемъ, нѣкоторою опытностью въ оцѣнкѣ текущихъ событій и интересовъ, въ пониманіи политическихъ отношеній и обстоятельствъ. Въ дѣйствительности же большинство французскихъ дѣятелей, патріотовъ и политикановъ обнаруживаетъ на каждомъ шагу замѣчательное легкомысліе, незнаніе элементарныхъ условій внѣшней и внутренней политики, готовность вѣрить самымъ вздорнымъ слухамъ и увлекаться явными нелѣпостями. Патріоты, наиболѣе мечтающіе о возмездіи и хорошо сознающіе великую трудность ожидаемой борьбы съ Германіею, дѣлаютъ съ своей стороны все возможное, чтобы запутать международное положеніе страны и втянуть ее въ ненужные споры съ посторонними державами.

Какой смыслъ имѣла, напр., недавняя шумная кампанія, затѣянная противъ Англіи и ея дипломатическихъ представителей въ Парижѣ по поводу мнимыхъ разоблаченій полуграмотнаго афериста Нортона? Французскіе депутаты не усомнились громко, на всю Европу, обсуждать вопросъ о закулисныхъ интригахъ и подкупахъ, къ которымъ будто бы прибѣгаетъ англійское правительство для воздѣйствія на политику Франціи; эти незаконные, безнравственные пріемы англичанъ принимались за безспорные факты, и дѣло шло только о томъ, чтобы публично заклеймить людей, согласившихся будто бы продать отечество иностранцамъ. Не только читатели газетъ, но и члены парламента и сами министры отнеслись къ „документамъ"

Милльвуа и Деруледа какъ къ чему-то очень важному и серьезному, и въ теченіе нѣсколькихъ дней все французское общество поддерживалось въ состояніи возбужденія, подъ вліяніемъ фантастической исторіи, не имѣвшей въ себѣ и тѣни правдоподобія; палата депутатовъ почти уже повѣрила въ продажность и измѣну Клемансо и заранѣе отшатнулась отъ него, какъ отъ погибшаго, зачумленнаго человѣка,—а между тѣмъ одной минуты размышленія было бы достаточно, чтобы убѣдиться въ невозможности и безсмысленности обвиненія. Если знаменитый „разрушитель министерствъ", предводитель вліятельной радикальной партіи, желалъ воспользоваться своимъ выдающимся политическимъ положеніемъ для пріобрѣтенія денегъ, то онъ имѣлъ для этого множество способовъ вполнѣ легальныхъ или, по крайней мѣрѣ, оправдываемыхъ существующими нравами и понятіями французской публики, и ему не было бы ни малѣйшей надобности обращаться къ такому опасному и позорному средству, какъ государственная измѣна. Съ другой стороны, еслибы англійское правительство подкупало чужихъ политическихъ дѣятелей, то это дѣлалось бы болѣе скрытно и не могло бы служить предметомъ оффиціальной переписки между второстепенными или даже третьестепенными чиновниками дипломатическаго вѣдомства. Притомъ практика подкуповъ сохранилась еще только въ области военнаго шпіонства, при добываніи секретныхъ стратегическихъ плановъ и свѣденій, относительно армій и флотовъ чужихъ государствъ; но въ политикѣ, особенно международной, подкупы давно вышли изъ употребленія, и даже въ Турціи они считаются уже рискованными и примѣняются довольно рѣдко съ большими предосторожностями. Разница между простою продажностью и государственною измѣною настолько велика, что большинство турецкихъ пашей, воспитанныхъ на „бакшишѣ", оказалось бы недоступнымъ иноземному политическому подкупу; тѣмъ болѣе нелѣпо предположить, что видные французскіе дѣятели, которыхъ никто не сочтетъ способными соблазниться милліонами графа Парижскаго, согласятся продать себя за деньги иностранной державѣ и что чужіе министры и дипломаты охотно вступятъ съ ними въ подобную сдѣлку. При современномъ развитіи публичности въ общественныхъ дѣлахъ, при неустанномъ контролѣ печати и разныхъ парламентскихъ группъ, такого рода соглашенія могли бы только повредить заинтересованнымъ кабинетамъ и въ лучшемъ случаѣ оставались бы безплодными, въ виду обычной подозрительности и чуткости общественнаго мнѣнія. И однако даже французскіе министры не считали нужнымъ протестовать, когда значительная часть парижской журналистики предприняла усердную полемику противъ Англіи и спеціально противъ англійскаго посланника въ Парижѣ, лорда Дюфферина, по поводу предпо-

лагаемыхъ подкуповъ. Нападки газетъ не прекратились и послѣ того какъ обнаружена была подложность бумагъ, съ которыми выступили зачинщики всей этой кампаніи; англійская печать возмущалась и негодовала, взаимное раздраженіе перешло на болѣе общую почву, оживило старыя обиды и приняло какой-то странный оттѣнокъ затаенной непримиримой вражды.

Кому и для чего нужно было возбужденіе этой глухой непріязни между Франціею и Англіею? Либеральное министерство Гладстона не было расположено слѣдовать германофильской политикѣ маркиза Сольсбери, а скорѣе напротивъ, склонялось на сторону сближенія и соглашенія съ Франціею. Простой здравый смыслъ долженъ былъ бы заставить французовъ поддерживать это настроеніе англичанъ и избѣгать всего того, чтó способно повернуть англійскую дипломатію на другую дорогу, болѣе благопріятную для державъ тройственнаго союза. Французы дѣйствовали какъ разъ наоборотъ: они вдругъ стали рѣзко отталкивать отъ себя Англію и англичанъ, безъ всякихъ къ тому серьезныхъ основаній, добиваясь какъ будто скорѣйшаго присоединенія лондонскаго кабинета къ средне-европейской лигѣ мира, направленной противъ Франціи. Такъ же неразсчетливо поступали французы относительно Италіи и Швейцаріи, когда возстановляли ихъ противъ себя мелочными таможенными мѣрами. Французскія ошибки приносятъ большую пользу Германіи: Италія, послѣ паденія Криспи, еще сильнѣе прежняго держится союза съ Берлиномъ; Швейцарія, всегда сочувствовавшая французамъ, больше сближается съ нѣмцами и вступаетъ съ ними въ болѣе тѣсныя торговыя и политическія связи; въ Англіи опять проявляется рѣшимость дѣйствовать активно противъ французскихъ притязаній и интересовъ въ разныхъ частяхъ свѣта.

Факты скоро напомнили французамъ, какъ важны для нихъ хорошія отношенія съ англичанами: произошло столкновеніе съ Сіамомъ, и въ этомъ кризисѣ британскіе дипломаты дали понять Франціи всю невыгодность для нея новѣйшаго разлада, вызваннаго легкомысленнымъ усердіемъ французскихъ патріотовъ. Сіамскій вопросъ запутался и обострился столь же неожиданно, какъ и многое другое въ дѣлахъ французской политики. Колоніальныя предпріятія не пользуются вообще популярностью во Франціи, и можно было думать, что послѣ опыта съ Тонкиномъ ни одно министерство не отважится взять на себя отвѣтственность новой отдаленной экспедиціи; но недавно еще пришлось воевать съ дагомейцами, и побѣдитель ихъ, генералъ Доддсъ, сдѣлался на короткое время героемъ дня, а теперь нечаянно разыгралось дѣло въ Сіамѣ, въ той средней области, гдѣ французскіе интересы встрѣчаются и сталкиваются съ англо-индійскими. Сіамская

территорія, расположенная между англійской Бирмой и французскимъ Аннамомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ промежуточныхъ владѣній или „буферовъ", которыми сфера индо-британскихъ интересовъ оберегается отъ прямого или косвеннаго вліянія другихъ великихъ державъ. Французскія недоразумѣнія съ Сіамомъ вѣроятно уладились бы мирно, еслибы не разныя случайности, которыя всегда играютъ значительную роль въ колоніальныхъ дѣлахъ: неожиданная стычка съ туземцами, нападеніе на французовъ, неудавшаяся попытка расправы и наказанія, изворотливые и уклончивые отвѣты туземнаго правительства, необходимость требовать удовлетворенія за насилія и убійства, — все это повторилось въ Сіамѣ въ томъ же почти родѣ, какъ было раньше въ Дагомеѣ и въ другихъ мѣстахъ. На этотъ разъ въ ходѣ кризиса заинтересованы были англичане, а такъ какъ сіамцы не выказывали особеннаго страха и не побоялись даже стрѣлять изъ пушекъ по французскимъ кораблямъ, то Англія подозрѣвалась въ закулисной интригѣ, и парижскія газеты получили новый матеріалъ для непріязненныхъ вылазокъ противъ коварнаго Альбіона. Въ палатѣ общинъ сэръ Эдуардъ Грей, одинъ изъ помощниковъ лорда Розбери по иностранной политикѣ, довольно ясно намекнулъ на обязанность Англіи охранять неприкосновенность и независимость Сіама; въ томъ же смыслѣ выразился лордъ Розбери въ палатѣ лордовъ, въ засѣданіи 17-го (5-го) іюля. Объясненія Гладстона въ парламентѣ, 14-го (2-го) іюля, были болѣе дружелюбны относительно Франціи; но и премьеръ въ сущности заявилъ только увѣренность, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ исполнитъ данныя имъ обѣщанія и не предприметъ враждебныхъ дѣйствій противъ Сіама безъ предупрежденія о томъ Англіи. Французское правительство дѣйствительно обѣщало не посылать броненосцевъ къ Бангкоку и успокоило на этотъ счетъ сіамскій дворъ черезъ своего уполномоченнаго, министра-резидента Пави; но на другой день командиръ французской эскадры, адмиралъ Гюманъ, направилъ три броненосца къ столицѣ Сіама, послѣ того какъ они были встрѣчены выстрѣлами съ прибрежныхъ батарей у входа въ рѣку Менамъ. Не дошли ли своевременно телеграфныя инструкціи до французскаго адмирала, или онъ дѣйствовалъ самостоятельно въ виду непредвидѣнной враждебной встрѣчи со стороны сіамцевъ, во всякомъ случаѣ этотъ поступокъ имѣлъ всѣ признаки нарушенія даннаго слова и могъ быть принятъ за первый шагъ къ войнѣ; но первые пушечные выстрѣлы были сдѣланы со стороны Сіама и притомъ незаконно, безъ соблюденія обычныхъ международныхъ правилъ, и для французской эскадры было уже дѣломъ чести идти впередъ, такъ какъ остановка была бы приписана дѣйствію сіамской пальбы и подняла бы воинственный

духъ туземнаго населенія, въ ущербъ авторитету французскаго флага. Сіамцы и безъ того позволяли себѣ слишкомъ много, если считать, что они оффиціально находились въ мирѣ съ Франціею; такъ, они напали на частный французскій пароходъ, ограбили и потопили его, подвергнувъ экипажъ насиліямъ, и эти непріязненныя дѣйствія видимо поощрялись туземными властями. Французское правительство послало грозный ультиматумъ, которымъ требовало не только удовлетворенія за причиненныя обиды, но и очищенія значительной области, прилегающей къ Аннаму, до рѣки Меконгъ, такъ чтобы эта рѣка служила границею сосѣднихъ владѣній. Территоріальный споръ, тянувшійся уже давно, основывался на томъ, что означенная область принадлежала прежде Аннаму и отошла отъ него только благодаря слабости и безпечности аннамитовъ; сіамцы съ своей стороны ссылались на свое фактическое право владѣнія. Сіамскіе дипломаты пытались уклониться отъ территоріальной уступки, прикрываясь именемъ Англіи: англичане будто бы передали имъ спорную область съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не уступали ее никакой другой державѣ. Французы не могли не видѣть, что за Сіамомъ стоитъ Англія, и это обстоятельство придавало серьезное значеніе возникшему кризису.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Девелль, старался объяснить и смягчить положеніе дѣла въ своей длинной рѣчи, въ засѣданіи палаты депутатовъ, 18-го (6-го) іюля; онъ поставилъ себѣ задачей удовлетворить патріотическія чувства французовъ и въ то же время успокоить англичанъ, разсѣять всякія подозрѣнія относительно завоевательныхъ намѣреній и плановъ Франціи. Рѣчь Девелля имѣла успѣхъ въ палатѣ и произвела благопріятное впечатлѣніе за границей; министръ съумѣлъ взять надлежащій тонъ, одновременно успокоительный и твердый, миролюбивый и энергическій. Онъ настаивалъ на безусловномъ правѣ Франціи прибѣгнуть къ репрессаліямъ за нападенія и насилія сіамцевъ, рѣзко протестовалъ противъ мысли о вмѣшательствѣ и контролѣ Англіи, ссылался на дружескія оффиціальныя заявленія лорда Дюфферина, признавалъ существенную важность независимости Сіама, говорилъ о всегдашнемъ миролюбіи французской политики, объ охранѣ французской чести и достоинства, объ отвагѣ и искусствѣ французскихъ моряковъ и о другихъ вещахъ, пріятныхъ для французскаго слуха. Оффиціальные ораторы республики — большіе мастера по части подобныхъ политическихъ рѣчей; они знаютъ, когда вставить громкую фразу, разсчитанную на „взрывъ рукоплесканій“, и умѣютъ ловко переплетать дѣловыя, фактическія объясненія съ патріотическими, звучными словами, которыя всегда находятъ доступъ къ французскому сердцу. Девелль, при сравнитель-

ной скромности своихъ дарованій, можетъ считаться свѣтиломъ кабинета Дюпюи; онъ обладаетъ не только ораторскимъ талантомъ, но и политическимъ опытомъ и тактомъ, и онъ велъ себя умнѣе другихъ въ смѣшномъ эпизодѣ съ полуграмотными подложными документами Миллльвуа и Дерулэда. Его рѣчь 18-го іюля заслужила общее одобреніе и отчасти возстановила довѣріе къ благоразумію и стойкости французской дипломатіи; но можно ли сказать, что нынѣшнее министерство имѣетъ какую-либо опредѣленную програму внѣшней и особенно колоніальной политики? Не отвѣтственны ли сами министры и ихъ парламентскіе единомышленники за то оживленіе стараго антагонизма съ Англіею, которое замѣтно отразилось въ послѣднемъ сіамскомъ конфликтѣ? Не видно, чтобы французскіе политическіе дѣятели заботились объ устраненіи поводовъ къ напрасному неудовольствію и раздраженію между обѣими націями; не видно также, чтобы они въ колоніальныхъ дѣлахъ руководствовались сознательными политическими цѣлями, въ связи съ общимъ положеніемъ и настроеніемъ въ Европѣ.

Если такія сложныя и дорого стоющія предпріятія, какъ дагомейское и сіамское, вызываются случайными, непредвидѣнными причинами, болѣе или менѣе мелкими, то это менѣе всего свидѣтельствуетъ о существованіи обдуманнаго, положительнаго плана дѣйствій въ области международной политики. Рѣшенія, опредѣляемыя случаемъ и отвлекающія часть военныхъ силъ и средствъ страны въ далекіе края, могутъ привести къ неудобнымъ и даже опаснымъ для Франціи послѣдствіямъ въ моменты замѣшательствъ и кризисовъ въ самой Европѣ. Политика, не имѣющая своего собственнаго самостоятельнаго пути, не пытающаяся руководить направленіемъ событій и господствовать надъ ними, а послушно направляемая обстоятельствами въ ту или другую сторону, не заслуживаетъ названія политики. Въ одномъ только пунктѣ французы неуклонно держатся разъ установленнаго принципа—въ вопросѣ о необходимости русскаго союза для надлежащаго противовѣса Германіи и ея союзникамъ; но и этотъ союзъ можетъ оказаться безплоднымъ, если общій ходъ политическихъ дѣлъ подвергается опасности неожиданныхъ перемѣнъ въ зависимости отъ разныхъ случайностей. Значеніе франко-русскаго союза сильно измѣняется, смотря по тому, останется ли Англія вполнѣ нейтральною, или же, напротивъ, рѣшится примкнуть къ германской, средне-европейской группѣ державъ; а нужно сознаться, что во Франціи обращаютъ слишкомъ мало вниманія на законные интересы и чувства англичанъ. Хорошо уже и то, что патріотическіе порывы, столь легко овладѣвающіе французскимъ обществомъ, старательно сдерживаются по отношенію къ Германіи и ищутъ себѣ выхода въ

отдаленныхъ предпріятіяхъ и подвигахъ, не нарушающихъ мира въ Европѣ. Масса французскаго народа несомнѣнно проникнута желаніемъ прочнаго политическаго спокойствія и вовсе не раздѣляетъ колоніальныхъ увлеченій нѣкоторыхъ своихъ представителей въ парламентѣ; враги Жюля Ферри отлично понимали это народное настроеніе, когда превратили слово „тонкинецъ" въ ругательную кличку. Если пріобрѣтеніе Тонкина и Туниса могло быть приравниваемо къ преступленію, то какъ должны смотрѣть миролюбивые французы на военныя экспедиціи, обѣщающія такъ мало выгодъ, какъ дагомейская и сіамская? Внѣшняя политика республики, осторожная и миролюбивая по существу, не отличается вообще послѣдовательностью, и этотъ недостатокъ будетъ вѣроятно не послѣднимъ въ ряду тѣхъ прегрѣшеній, которыя будутъ поставлены въ вину нынѣшней палатѣ депутатовъ во время предстоящихъ парламентскихъ выборовъ.

Что касается внутренней политической программы — программы реформъ соціальныхъ и административныхъ, то о ней давно перестали говорить серьезно при образованіи какого-нибудь новаго министерства во Франціи. Глава нынѣшняго кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ Дюпюи, также имѣлъ большой успѣхъ въ палатѣ, какъ потомъ Девелль,—благодаря энергическимъ и успѣшнымъ мѣрамъ „внутренней политики" при подавленіи безпорядковъ въ Парижѣ, продолжавшихся почти десять дней (съ 1-го до 10-го іюля, нов. ст.). Дѣло началось съ невинныхъ студенческихъ демонстрацій, разрослось мало-по-малу въ настоящее революціонное движеніе, съ участіемъ худшихъ элементовъ столицы, и окончилось кровавыми схватками, съ десятками жертвъ; на улицахъ строились баррикады изъ опрокинутыхъ омнибусовъ и экипажей, сожигались кіоски, раздавались ружейные выстрѣлы, и въ воздухѣ запахло уже „коммуною" извѣстнаго сорта. Это превращеніе обычныхъ студенческихъ волненій въ маленькое подобіе революціи было всецѣло заслугою администраціи, во главѣ которой стоитъ министръ Дюпюи. Дѣйствительно, администрація сдѣлала съ своей стороны все возможное, чтобы усилить безпорядки и придать имъ болѣе острый характеръ. Конечно, намѣренія полицейскихъ распорядителей и агентовъ грѣшили только избыткомъ усердія, и трудно винить кого-либо изъ этихъ второстепенныхъ дѣятелей за печальные результаты удивительной организаціи, унаслѣдованной отъ второй имперіи и сохраненной республикою въ томъ же видѣ, безъ всякихъ почти измѣненій. Республиканскіе реформаторы, обладающіе политическою властью во Франціи въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, не успѣли еще до сихъ поръ подумать о преобразованіи стараго полицейскаго механизма, приспособленнаго спеціально къ укрощенію народныхъ и уличныхъ волненій по наполе-

оновской системѣ. При узурпаторскомъ режимѣ Наполеона III немедленное насильственное прекращеніе всякихъ безпорядковъ, имѣющихъ видъ бунта или возстанія, было дѣломъ самосохраненія для правительства и для династіи; поэтому вооруженныя полицейскія силы должны были въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать внезапно, неожиданнымъ и быстрымъ натискомъ, нанося удары кому попало, чтобы возбудить паническій страхъ въ собравшейся толпѣ и заставить ее разбѣжаться во всѣ стороны. Щадить публику не полагалось, и никакія жертвы не должны были останавливать полицейскіе отряды въ исполненіи этой охранительной миссіи. Казалось бы, что для республики было обязательно прежде всего измѣнить кореннымъ образомъ назначеніе, устройство и способы дѣйствія полиціи, такъ какъ республиканская власть не могла уже смотрѣть на народную толпу съ точки зрѣнія наполеоновскихъ охранителей. Антагонизмъ между народомъ и правительствомъ потерялъ всякій смыслъ при легальномъ торжествѣ принципа народовластія, и республиканцы даже какъ будто не замѣчали, что этотъ антагонизмъ поддерживается по прежнему и даже искусственно насаждается тѣми административно-полицейскими порядками, которые оставлены въ силѣ со временъ имперіи. Каждый разъ, когда происходили какіе-либо уличные безпорядки въ Парижѣ, вмѣшательство полиціи принимало характеръ непріятельскаго набѣга на публику и неизбѣжно приводило къ печальнымъ послѣдствіямъ, при чемъ жертвами оказывались большею частью люди, случайно проходившіе по улицѣ, въ томъ числѣ женщины и дѣти. Всякій такой „инцидентъ" раздражалъ и волновалъ населеніе, дѣлался обыкновенно предметомъ запроса въ парламентѣ, оправдывался или смягчался республиканскимъ министромъ или главою кабинета и послѣ обмѣна министерскихъ и оппозиціонныхъ рѣчей оканчивался заявленіемъ довѣрія къ правительству. Радикальные министры столь же рѣшительно прикрывали своихъ подчиненныхъ и извиняли ихъ увлеченія такими же фразами объ авторитетѣ власти, какъ въ былое время министры Наполеона III. Бонапартовскія традиціи, правила и понятія господствуютъ неизмѣнно въ дѣйствіяхъ полицейскихъ органовъ относительно обывателей, какъ будто республика была лишь пустымъ звукомъ, — хотя законныя права, требованія и нравы населенія измѣнились радикально. Грубое несоотвѣтствіе между административно-полицейскимъ механизмомъ и новымъ республиканскимъ строемъ государства проявлялось очень часто въ тягостныхъ, возмутительныхъ фактахъ; непріятные „инциденты" повторялись постоянно при всѣхъ смѣнявшихся министрахъ и полицейскихъ префектахъ, и никому не приходило въ голову разъяснить недоразумѣніе и поставить общій вопросъ о необходимой реформѣ.

Такова сила административной рутины во Франціи, несмотря на существованіе республики; передовыя революціонныя партіи въ этомъ отношеніи такъ же слѣпы, какъ и оппортунисты и радикалы. Шарль Дюпюи не обязанъ, конечно, быть болѣе проницательнымъ и дальновиднымъ, чѣмъ его многочисленные республиканскіе предшественники; онъ спокойно слѣдовалъ установившейся практикѣ и предоставилъ полиціи выказывать обычную энергію въ подавленіи безпорядковъ, что на политическомъ языкѣ республиканцевъ называется faire acte d'autorité. На этотъ разъ распоряженія администраціи просто поражали своею безтолковою жестокостью, а набѣги полицейскихъ отрядовъ отличались какимъ-то непонятнымъ озлобленіемъ.

Студенческая демонстрація, послужившая началомъ всего движенія, была вызвана въ сущности пустяками. Студенты школы изящныхъ искусствъ устроили праздникъ, въ которомъ участвовали также молодыя натурщицы въ легкихъ и прозрачныхъ костюмахъ; красивыя „модели" художниковъ заслужили общее одобреніе. Успѣхъ этого своеобразнаго художественнаго празднества соблазнилъ какого-то афериста, который вздумалъ привлечь публику на балъ съ участіемъ такихъ же легко костюмированныхъ дѣвицъ; публики набралось болѣе двухъ тысячъ, и дѣвицы „нечаянно" допускали слишкомъ замѣтное нарушеніе приличій, подъ вліяніемъ веселаго настроенія любознательной толпы. Предсѣдатель общества противодѣйствія публичнымъ соблазнамъ и вольностямъ, сенаторъ Беранже, обратилъ вниманіе кого слѣдуетъ на эти нарушенія и далъ такимъ образомъ поводъ къ судебному преслѣдованію виновныхъ. Одинъ изъ организаторовъ студенческаго бала былъ приговоренъ судомъ къ небольшому денежному штрафу, но признанъ свободнымъ отъ дѣйствительнаго платежа, въ силу закона, носящаго имя того же сенатора Беранже,—закона, позволяющаго суду слагать назначаемыя взысканія при совершеніи проступка въ первый разъ. Приговоръ имѣлъ лишь чисто нравственное значеніе, но все-таки показался крайне несправедливымъ и обиднымъ для юныхъ художниковъ, интересъ которыхъ къ красотѣ формъ былъ поставленъ на-ряду съ вульгарными нарушеніями приличій. Студенты рѣшили протестовать по своему, устроили шествіе по улицамъ съ насмѣшливыми возгласами по адресу „отца стыдливости", Беранже, и направились къ дому стараго сенатора, гдѣ дали шумный кошачій концертъ. Множество любопытныхъ присоединилось къ оригинальной процессіи, и по пути нѣкоторые студенты зашли въ кафе-ресторанъ, который былъ почти полонъ публики. Такъ какъ собравшаяся толпа мѣшала движенію на улицѣ, а на мѣстѣ было слишкомъ мало полицейскихъ, то изъ префектуры отданъ былъ приказъ болѣе значительному вооруженному отряду двинуться

къ назначенному пункту и очистить мѣстность; стража подоспѣла форсированнымъ маршемъ, когда толпа стала уже расходиться, и внезапно произведено было на публику нападеніе, съ шпагами на-голо, безъ всякаго разбора и безъ пощады; изъ кафе-ресторана раздались какіе-то возгласы, и полиція кинулась туда, буквально разгромила обстановку, бросала въ головы людей пивныя кружки и тяжелыя спичечницы, ранила многихъ и отчасти сама пострадала въ разгарѣ схватки. Какой-то молодой человѣкъ, стоявшій въ ресторанѣ, получилъ такой ударъ въ високъ, что тутъ же упалъ замертво и черезъ нѣсколько часовъ скончался. Это убійство усилило общее волненіе и не позволило уже успокоиться страстямъ; на слѣдующій день выступили на сцену подонки парижскаго населенія, и студенты мало-помалу устранились, отвергая всякую солидарность съ зачинщиками дальнѣйшихъ уличныхъ буйствъ, которыя приняли уже совсѣмъ другой оттѣнокъ. Вооруженныхъ силъ не хватало для противодѣйствія многочисленнымъ шайкамъ, появившимся въ разныхъ частяхъ города, тѣмъ болѣе что полиція по старой привычкѣ заботилась преимущественно о прекращеніи обидныхъ криковъ, о немедленномъ возмездіи за оскорбительные возгласы и свистки, а мазурики безчинствовали свободно, ломали и жгли омнибусы и кіоски, грабили и хозяйничали, не встрѣчая отпора со стороны полицейскихъ, занятыхъ ожесточенною ловлею какихъ-то обидчиковъ и крикуновъ. Полиція нигдѣ не дѣлала никакого различія между студентами и простыми грабителями, между приличною публикою и подозрительными, темными личностями; на тѣхъ и другихъ она набрасывалась съ одинаковою яростью, но гораздо больше интересовалась по старой памяти студентами и интеллигентною молодежью, чѣмъ уличными буянами, строившими баррикады изъ омнибусовъ. Результаты перваго дня не только не измѣнили плана дѣйствій полицейскихъ распорядителей, но разгорячили ихъ до полнаго забвенія правительственныхъ задачъ и обязанностей въ подобныхъ случаяхъ. Возмутительныя расправы надъ отдѣльными попавшимися юношами доходили до звѣрства; всякое вмѣшательство или порицаніе со стороны присутствовавшихъ влекло за собою грубѣйшія насилія. Нѣкоторыя сцены, разсказанныя въ палатѣ депутатовъ случайнымъ очевидцемъ, Бриссономъ, кажутся просто невѣроятными. Между прочимъ, одинъ полицейскій отрядъ ворвался въ госпиталь, напалъ на врачей и грозилъ разнести все и всѣхъ, на томъ основаніи, что будто бы изъ одного окна зданія раздались свистки при проходѣ стражи по улицѣ; только явившійся во-время префектъ полиціи, Лозé, избавилъ больницу отъ нападенія, но и онъ поступилъ такъ лишь послѣ разспросовъ о томъ, были ли свистки, и послѣ категорическихъ отрицаній

со стороны врачей. И самъ префектъ полиціи, и отвѣчавшія ему лица вовсе не сомнѣвались въ правѣ стражниковъ врываться въ общественныя зданія для преслѣдованія какихъ-то свиставшихъ людей, въ то время какъ толпы оборванцевъ безпрепятственно распоряжаются на улицахъ столицы. Позднѣе главный докторъ той же больницы былъ едва спасенъ изъ рукъ разсвирѣпѣвшей полиціи при выходѣ изъ участка, куда онъ былъ вызванъ для перевязки тяжело раненаго. На врачей и студентовъ накинулись за то, что они пробовали своими криками остановить полицейскихъ, бившихъ немилосердно какого-то юношу во дворѣ участка. Такъ дѣйствовали исполнительные агенты республики въ теченіе цѣлой недѣли, и въ концѣ концовъ безпорядки, разумѣется, прекратились, хотя министръ Дюпюи какъ разъ въ это время вздумалъ принять крутую мѣру относительно рабочихъ, закрывъ насильственно „биржу труда" въ Парижѣ, въ виду давно практиковавшихся отступленій отъ закона 1884 года о синдикатахъ.

Шарль Дюпюи съ сознаніемъ исполненнаго долга объяснялъ и оправдывалъ свои дѣйствія въ палатѣ депутатовъ, въ засѣданіи 8-го іюля (нов. ст.), ссылаясь не безъ гордости на одержанную рѣшительную побѣду надъ нарушителями общественнаго спокойствія и въ то же время надъ рабочими, стоявшими за свободу и безконтрольность парижской „биржи труда". Министръ, конечно, выразилъ сожалѣніе о жертвахъ безпорядковъ, о прискорбныхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, которыя, по обыкновенію, будутъ разслѣдованы и повлекутъ за собою наказаніе виновныхъ; эти шаблонныя фразы и неопредѣленныя увѣренія повторялись много разъ, и никто уже не придаетъ имъ серьезнаго значенія. Ораторамъ оппозиціи, какъ напримѣръ Бриссону, министръ могъ легко отвѣтить, что тѣ же прискорбные инциденты бывали при министерствѣ самого Бриссона, какъ и при министерствѣ Флокѐ и при другихъ радикальныхъ министрахъ республики. Убѣжденная этими аргументами, палата одобрила „политику" Шарля Дюпюи подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Внутренняя политика кабинета, заключающаяся, въ сущности, въ отрицаніи всякой политики, соотвѣтствуетъ очевидно понятіямъ и воззрѣніямъ нынѣшняго парламента и средняго общественнаго мнѣнія во Франціи.

Впрочемъ, „побѣда" Дюпюи едва-ли будетъ зачтена правительству въ заслугу при парламентскихъ выборахъ. Отставка префекта полиціи Лозѐ и назначеніе на его мѣсто другого административнаго чиновника, Лепина, даютъ только нѣкоторое кажущееся удовлетвореніе недовольнымъ. Надо считать большой удачей для кабинета то обстоятельство, что благополучное и вполнѣ успѣшное окончаніе

сіамскаго конфликта заставило французскую публику забыть о своеобразной внутренней побѣдѣ Шарля Дюпюи и его агентовъ. Безусловное принятіе французскаго ультиматума сіамскимъ правительствомъ, состоявшееся послѣ сильныхъ колебаній, подъ вліяніемъ серьезныхъ приготовленій французской эскадры къ блокадѣ береговъ Сіама, подниметъ обаяніе французскаго могущества въ сознаніи самихъ французовъ и можетъ отчасти повліять на массу избирателей въ духѣ благопріятномъ для нынѣшняго министерства и для господствующей теперь парламентской партіи. Политическій успѣхъ Девелля есть все-таки только случайность, и дѣло могло бы разрѣшиться совсѣмъ иначе при большей энергіи и настойчивости сторонниковъ сопротивленія въ Сіамѣ; но въ политикѣ наибольшая важность придается достигнутому результату, каковы бы ни были погрѣшности и недочеты того пути, которому слѣдуетъ правительство.

Имперскій сеймъ въ Германіи, созванный къ 5-му іюля (нов. ст.) для обсужденія военнаго законопроекта, имѣлъ всего восемь засѣданій и мирно закончилъ свою задачу 15-го іюля, послѣ чего парламентская сессія объявлена закрытою. Законопроектъ, такъ долго занимавшій общественное мнѣніе Германіи, принятъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ (201 противъ 185), какъ предвидѣлось заранѣе. Пренія не возбуждали особеннаго интереса и тянулись довольно вяло, такъ какъ никто не сомнѣвался насчетъ результата. Вступительная рѣчь генерала Каприви, 7-го іюля, повторила извѣстные уже военно-политическіе доводы, съ нѣкоторыми новыми разъясненіями и подробностями. Соціалистъ Либкнехтъ, возражая канцлеру, вновь доказывалъ неосновательность опасенія войны на два фронта и развивалъ свои стратегическія идеи о легкости побѣды надъ великою восточною державою, которая будто бы есть „колоссъ на глиняныхъ ногахъ". Беннигсенъ, Рихтеръ и другіе ораторы говорили больше о своихъ политическихъ партіяхъ и интересахъ, о настроеніи нѣмецкаго общества и народа, чѣмъ о самомъ законопроектѣ. Въ засѣданіи 14-го іюля, наканунѣ окончательнаго рѣшенія, выступилъ графъ Гербертъ Бисмаркъ и пустился въ весьма неудачную полемику съ генераломъ Каприви; онъ не давалъ даже отвѣчать канцлеру и прерывалъ его своими замѣчаніями и возгласами, такъ что тотъ вынужденъ былъ обратиться къ содѣйствію президента палаты; затѣмъ, въ концѣ засѣданія, графъ Бисмаркъ обнаружилъ незнаніе парламентскихъ порядковъ и вступилъ еще въ неумѣстный споръ съ президентомъ, чѣмъ вызвалъ только смѣхъ въ палатѣ. Самое содержаніе рѣчи графа Бисмарка было легко и остро-

умно опровергнуто генераломъ Каприви. Даже вѣрнѣйшіе поклонники бывшаго канцлера въ нѣмецкой печати должны были признать, что дебютъ его старшаго сына, представителя его идей въ парламентѣ, былъ вообще несчастливъ и произвелъ непріятное впечатлѣніе. Въ послѣднемъ засѣданіи, 15-го іюля, говорилъ соціалистъ Бебель противъ милитаризма, и разсужденія его, также какъ и Либкнехта, не отличались ни оригинальностью, ни новизною.

Умѣренные либералы, подававшіе голосъ въ пользу правительства, дѣлали это отчасти противъ своего убѣжденія, единственно изъ желанія покончить съ тягостнымъ политическимъ кризисомъ, продолжавшимся почти девять мѣсяцевъ. На это ясно намекаетъ, между прочимъ, авторитетный органъ національно-либеральной партіи, „National-Zeitung". Средній классъ нѣмецкаго общества,—не говоря уже о рабочемъ населеніи, —чувствуетъ глубокое недовѣріе и антипатію къ военному аристократическому сословію, играющему такую видную и отчасти рѣшающую роль въ Пруссіи; высшее офицерство издавна привыкло смотрѣть свысока на буржуазію, относиться къ ней презрительно, и это выражается довольно грубо и безцеремонно не только въ служебныхъ столкновеніяхъ, но и въ частныхъ, личныхъ дѣлахъ и встрѣчахъ. Отвѣчая на скромныя заявленія одного депутата о возможности отложить военные маневры въ виду неурожая, бѣдности и дороговизны земледѣльческихъ продуктовъ въ значительной части Германіи, прусскій военный министръ, Кальтенборнъ-Штахау, далъ прямо понять имперскому сейму, что разсуждать о маневрахъ не дѣло парламента и засѣдающихъ въ немъ штатскихъ, и что никакая бѣдность и никакая дороговизна не могутъ помѣшать задуманнымъ военнымъ упражненіямъ; всѣ нужныя мѣры будутъ приняты для продовольствія арміи, и въ случаѣ засухи будутъ возить съ собою воду для солдатъ, а мирные обыватели пусть устроятся, какъ знаютъ. Министру замѣтили на это, что онъ самъ вѣроятно будетъ остерегаться пить ту воду, которую онъ такъ заботливо обѣщаетъ доставлять солдатамъ. Пренебреженіе военныхъ людей къ остальнымъ гражданамъ ярко отразилось въ высокомѣрныхъ словахъ прусскаго военнаго министра, и этотъ отголосокъ надменнаго милитаризма задѣлъ многихъ въ палатѣ, особенно среди либеральныхъ сторонниковъ принятія военнаго законопроекта.

„National-Zeitung" откровенно сознается, что милитаризмъ возстановляетъ противъ себя наиболѣе умѣренныхъ и образованныхъ нѣмцевъ и что либералы не поддерживали бы дальнѣйшихъ требованій военнаго вѣдомства, еслибы не боялись послѣдствій своего отказа. Все это высказывается уже „послѣ рѣшенія", когда проектъ одобренъ тѣми, которые въ душѣ отвергали его или даже оспаривали открыто

(какъ, напр., графъ Бисмаркъ). Принятіе законопроекта изъ чувства неопредѣленнаго страха передъ послѣдствіями отказа можетъ служить практическимъ комментаріемъ къ знаменитому изреченію, что „нѣмцы никого не боятся, кромѣ Бога".

Въ Англіи вопросъ объ ирландской автономіи приближается, наконецъ, къ своему разрѣшенію, или вѣрнѣе сказать, настаетъ моментъ рѣшительной борьбы, къ которой старательно готовятся предводители консервативно-уніонистскаго большинства въ палатѣ лордовъ. Разсмотрѣніе билля въ комитетѣ, т.-е. подробное обсужденіе статей проекта въ послѣдовательномъ порядкѣ въ палатѣ общинъ, продолжалось бы еще очень долго и едва-ли доведено было бы когда-нибудь до конца, еслибы правительство не потребовало назначенія точныхъ сроковъ для голосованія по отдѣльнымъ группамъ параграфовъ билля. Этотъ автоматическій способъ пресѣченія излишнихъ рѣчей возбудилъ бурю протестовъ противъ Гладстона; его обвиняли въ посягательствѣ на свободу слова, въ небываломъ стѣсненіи права критики, но всѣ понимаютъ, что не было другого средства положить предѣлъ безконечному затягиванію преній, умышленному и систематическому обструкціонизму. Разумѣется, странно видѣть, что ораторъ долженъ остановиться на полусловѣ, когда пробилъ назначенный часъ для подачи голосовъ относительно обсуждаемой статьи проекта; но оппозиція имѣла полную возможность высказывать и повторять свои возраженія въ сокращенномъ видѣ, а дѣло быстро подвигалось впередъ, такъ что въ засѣданіи 27-го (15-го) іюля обсужденіе билля по статьямъ было вполнѣ закончено.

Проектъ подвергся значительнымъ и отчасти неожиданнымъ измѣненіямъ, пока онъ разсматривался въ комитетѣ, и измѣненія предлагались самимъ Гладстономъ въ видѣ уступокъ общественному мнѣнію или съ цѣлью избѣжанія разныхъ практическихъ трудностей. Логическій смыслъ билля значительно пострадалъ отъ передѣлки его въ одномъ весьма существенномъ пунктѣ: ирландцы сохраняютъ своихъ полноправныхъ представителей въ британскомъ парламентѣ, въ числѣ 80 человѣкъ, тогда какъ прежде предполагалось ограничить полномочія этихъ представителей только извѣстнымъ кругомъ общеимперскихъ дѣлъ. Противники Гладстона справедливо находятъ, что при такихъ условіяхъ англичане окажутся въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ ирландцы, ибо послѣдніе будутъ не только распоряжаться дѣлами своей собственной страны, но еще участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ Англіи и Шотландіи, а англичане и шотландцы будутъ лишены такого же права участія относительно

Ирландіи. Одно изъ двухъ: или ирландцамъ дается полное самоуправленіе, независимое отъ англійскаго контроля, и тогда присутствіе ихъ въ англійской палатѣ общинъ является уже совершенно излишнимъ; или они по-прежнему участвуютъ на равныхъ правахъ въ управленіи британскими дѣлами, и тогда нельзя устранять и англичанъ отъ участія въ дѣлахъ ирландскихъ. Придумано было нѣчто среднее —допущеніе ирландцевъ въ палату общинъ съ правомъ голоса только по тѣмъ государственнымъ вопросамъ, которые не подлежатъ компетенціи ирландскаго парламента. Неудобства этой мѣры были бы весьма чувствительны и серьезны, но зато политическая справедливость была бы соблюдена въ извѣстной мѣрѣ. Палата общинъ имѣла бы тогда двоякій составъ — съ ирландцами и безъ ирландцевъ, и составъ постоянно измѣнялся бы въ зависимости отъ рода обсуждаемыхъ дѣлъ, которыя сами могутъ мѣняться очень часто въ одномъ и томъ же засѣданіи, напримѣръ, при предъявленіи вопросовъ по иностранной и общей имперской политикѣ; возникали бы безконечные споры о характерѣ тѣхъ или другихъ вопросовъ и проектовъ,—споры, иногда неразрѣшимые, и положеніе запутывалось бы къ явному вреду для парламентскихъ занятій. Произошло бы раздвоеніе палаты на „бóльшій парламентъ и мéньшій парламентъ", по выраженію лорда Сольсбери. Но присутствіе ирландцевъ въ палатѣ общинъ было необходимо для нагляднаго подтвержденія того факта, что самоуправляющаяся Ирландія по-прежнему входитъ въ составъ британской имперіи и подчинена высшему авторитету и высшей компетенціи британскаго парламента. Устраненіе ирландцевъ означало бы признаніе ихъ независимости, признаніе полной самостоятельности ихъ національнаго мѣстнаго парламента, а это давало бы благодарную почву для толковъ о сепаратизмѣ, объ отпаденіи Ирландіи отъ Англіи; съ другой стороны, давъ автономію ирландцамъ и сохранивъ ихъ участіе въ палатѣ общинъ, англичане не избавились бы отъ вмѣшательства ихъ въ англійскія дѣла, отъ попытокъ оказывать рѣшительное вліяніе на перевѣсъ той или другой изъ англійскихъ партій и, слѣдовательно, на весь ходъ и составъ британскаго управленія.

Среди этихъ разнообразныхъ интересовъ, затрудненій и противорѣчій было чрезвычайно трудно найти вполнѣ логическій и цѣлесообразный исходъ; но ограниченность полномочій ирландскихъ представителей въ англійскомъ парламентѣ отчасти удовлетворяла англичанъ и мирила ихъ съ сущностью ирландскаго билля. Внезапный поворотъ Гладстона въ другую сторону объясняется, конечно, нежеланіемъ вносить слишкомъ рѣзкую перемѣну въ самую организацію палаты общинъ и поколебать такимъ образомъ основы англійской

конституціи; зато пострадалъ весь планъ предположенной реформы, и окончательный успѣхъ ея сдѣлался болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Устраниться отъ контроля надъ управленіемъ Ирландіи, а самимъ подчиняться безпокойному участію и контролю ирландцевъ въ дѣлахъ чисто англійскаго и британскаго управленія,—это было бы ужъ слишкомъ обидно для здраваго политическаго смысла англичанъ, для ихъ чувства равноправности и справедливости. Отдать Ирландію ирландцамъ, съ полнымъ устраненіемъ англичанъ,—требованіе вполнѣ разумное и логическое; но тогда слѣдуетъ предоставить и Англію англичанамъ, съ устраненіемъ всякаго вмѣшательства и участія ирландцевъ. Давать же ирландцамъ не только Ирландію, но и значительную долю въ управленіи Англіею и Шотландіею, — было бы ужъ черезъ-чуръ много и явно несправедливо. Задача противниковъ билля несомнѣнно облегчилась, и англійское общественное мнѣніе не особенно будетъ возставать противъ палаты лордовъ, когда она отвергнетъ ирландскій законопроектъ въ нынѣшнемъ его видѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1893.

— *Отчетъ* Императорской *Публичной Библіотеки* за 1889 годъ. Спб. 1893. — То же, за 1890 годъ. Спб. 1893.

Отчеты Имп. Публичной Библіотеки, нѣсколько запоздавшіе въ послѣднее время, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ вышли за два года. Кромѣ обычныхъ свѣденій о составѣ нашего главнаго книгохранилища, о размноженіи его книжныхъ богатствъ, о размѣрахъ пользованія Библіотекой читателями, эти отчеты бываютъ особенно интересны для тѣхъ, кто занимается русской исторіей и литературой. Въ Библіотеку стекается каждый годъ между прочимъ много матеріала рукописнаго, который обыкновенно является какъ unicum, единственный въ своемъ родѣ. Мы уже имѣли случай замѣчать, что за послѣднее время очень измѣнился характеръ поступающихъ въ Библіотеку рукописей: въ прежніе годы, даже еще не очень давно, въ ряду этихъ рукописей занимали видное мѣсто старыя рукописи, церковно-славянскіе и старо-русскіе памятники, нерѣдко весьма далекихъ вѣковъ, дополнявшіе наши свѣденія о составѣ старой русской письменности; теперь число подобныхъ памятниковъ въ новыхъ поступленіяхъ Библіотеки становится все болѣе и болѣе ограниченнымъ; запасъ ихъ, находящійся въ обращеніи, видимо уменьшается, а кромѣ того, мимо Публичной Библіотеки, онъ попадаетъ въ руки частныхъ лицъ, собирающихъ свои коллекціи. Взамѣнъ того въ пріобрѣтеніяхъ Библіотеки возростаетъ число рукописей новаго времени, даже ближайшей эпохи, въ особенности частныхъ бумагъ, поступающихъ цѣлыми коллекціями изъ домашнихъ архивовъ. Очевидно, это имѣетъ связь съ возростаніемъ въ обществѣ интереса къ новѣйшей исторіи: съ тѣхъ поръ какъ въ послѣднія десятилѣтія она нашла доступъ въ литературу, доставляя содержаніе даже нѣсколькимъ спеціальнымъ изданіямъ, частныя лица стали больше дорожить исто-

рико-литературнымъ матеріаломъ, находящимся въ ихъ рукахъ, и предоставляли Библіотекѣ то, что прежде оставалось безъ вниманія, рисковало погибнуть и дѣйствительно погибало. Въ настоящихъ Отчетахъ мы находимъ цѣлый рядъ подобнаго рода рукописей, заключающихъ историческія бумаги, семейные архивы, остатки старыхъ барскихъ библіотекъ, имѣющіе то или другое историко-литературное значеніе. Въ Отчетѣ за 1889 годъ мы находимъ цѣлый рядъ подобныхъ указаній.

Изъ сибирскаго университета въ Томскѣ получено было (согласно желанію жертвователя) цѣнное собраніе рукописей и рѣдкихъ печатныхъ изданій, оказавшихся въ библіотекѣ, пожертвованной гр. Алекс. Григ. Строгановымъ сибирскому университету, для котораго эти рукописи и книжныя рѣдкости не имѣли такого значенія, какое онѣ могли имѣть для Публичной Библіотеки. Въ этомъ собраніи въ особенности цѣнны старыя пергаменныя латинскія и французскія рукописи, по своимъ миніатюрамъ и орнаментамъ; между ними нашлась и чешская рукопись конца XV-го вѣка. Въ числѣ печатныхъ книгъ той же коллекціи находится „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" (1790) Радищева, экземпляръ, принадлежавшій Пушкину, которымъ сдѣлана на внутренней сторонѣ переплета надпись: „Экземпляръ бывшій въ тайной канцеляріи. Заплоченъ двести рублей. А. Пушкинъ". Книга переплетена въ красный сафьянъ, съ золотымъ обрѣзомъ; въ книгѣ многія мѣста отмѣчены краснымъ карандашомъ. Здѣсь же экземпляръ книги (Augustinus de Trinitate), печатанной въ Базелѣ въ 1461 году, тогда какъ обыкновенно начало печатанія въ этомъ городѣ полагается лишь съ 1470 года, такъ что книга представляетъ величайшую библіографическую рѣдкость. Другая рѣдкость есть чешское изданіе—сборникъ гуситскихъ пѣсенъ, 1576 года.

Небольшой сборникъ рукописей переданъ въ Библіотеку изъ Географическаго Общества: это—рукописи, пріобрѣтенныя Ѳ. М. Истоминымъ въ 1886 году, во время путешествія по олонецкой и архангельской губерніямъ. Г. Истоминъ, какъ извѣстно, путешествовалъ съ этнографическими цѣлями, и собранная имъ коллекція рукописей также не лишена этнографическаго характера, какъ образчикъ народнаго чтенія въ старинныя времена или даже какъ прямой этнографическій матеріалъ: это — сборнички и тетради, въ которыхъ находятся статьи душеспасительнаго содержанія, а затѣмъ уложеніе Алексѣя Михайловича, книги „осмирублеваго бору", лечебникъ и „русскія примѣты", рыцарскій романъ прошлаго вѣка, запись былины, исторія о разореніи Трои, и т. п.

Далѣе, обширное собраніе бумагъ А. А. Краевскаго, переданное по его смерти въ Библіотеку г. Бильбасовымъ и, по словамъ „Отчета",

„представляющее не малый интересъ для исторіи нашей литературы и журналистики, начиная съ тридцатыхъ годовъ". Это, во-первыхъ, восемь переплетенныхъ томовъ, содержащихъ болѣе 3.000 писемъ къ Краевскому отъ 759 лицъ, и нѣсколько папокъ, въ которыхъ собраны письма къ Краевскому, не вошедшія въ тѣ томы, и различныя статьи, стихотворенія — между прочимъ не пропущенныя въ печать цензурою, — автографы, стихотворенія и другія пьесы, ходившія въ свое время въ рукописяхъ, и т. п. Укажемъ, напр., что здѣсь встрѣчаются письма, бумаги и пьесы Крылова, Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Языкова, Лажечникова, кн. Одоевскаго, П. И. Мельникова, Бакунина и пр. Для облегченія знакомства съ этимъ матеріаломъ, въ приложеніяхъ къ „Отчету" помѣщенъ перечень лицъ, письма которыхъ находятся въ переплетенныхъ томахъ, и перечень писемъ, адресованныхъ не къ Краевскому, и другихъ бумагъ, въ тѣхъ же переплетенныхъ томахъ, а въ самомъ текстѣ „Отчета" перечислены, въ алфавитномъ порядкѣ лицъ, матеріалы и письма, собранные въ папкахъ (стр. 34—78).

Далѣе, цѣлый домашній архивъ семейства Дивовыхъ, переписка, обнимающая время съ 1764 по 1866 годъ; нѣсколько писемъ извѣстной г-жи Жанлисъ къ гр. Н. П. Румянцову, отъ 1787—89 годовъ; бумаги Цебрикова (1762—1817); небольшое, но любопытное собраніе бумагъ извѣстнаго военнаго историка, генерала Михайловскаго-Данилевскаго, пожертвованное Н. К. Шильдеромъ; собраніе писемъ и музыкальныхъ произведеній А. П. Бородина и собраніе писемъ художника Крамского, — оба принесенныя въ даръ Библіотекѣ В. В. Стасовымъ; собраніе записокъ частныхъ лицъ и оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ царствованія имп. Александра II, принесенное въ даръ К. П. Побѣдоносцевымъ, но которое однако не можетъ быть въ настоящее время выдаваемо для пользованія публикѣ.

Въ ряду собственныхъ пріобрѣтеній Библіотеки есть нѣсколько любопытныхъ рукописей XVII—XVIII вѣка. На одну изъ нихъ самый „Отчетъ" обратилъ вниманіе, указывая въ ней черты старыхъ нравовъ. Это—счетная книга кандалажскаго монастыря (въ 180 верстахъ отъ Колы), гдѣ находится между прочимъ исчисленіе расходовъ, какіе привелось дѣлать въ Москвѣ монастырскому служебнику Григорію, посланному хлопотать объ облегченіи соляной пошлины. Онъ былъ въ Москвѣ въ 1681 году и ему пришлось сдѣлать слѣдующіе расходы: съ Вологды до Москвы онъ долженъ былъ нанять подводу подъ себя и подъ кладь, „что послано было на московскій *челобитенной росходъ*"; въ Вологдѣ „для ради того московскаго челобитья" купилъ рыбы (столько-то пудовъ, на столько-то рублей, алтынъ и де-

негъ) и затѣмъ въ Москвѣ раздавалъ ее вмѣстѣ съ другими подарками. Напр. „И къ Москвѣ пріѣхавъ, онъ Григорей, съ пріѣзду отнесъ ко вкладчику гостю рыбу семгу свѣжую. Да онъ же, служебникъ Григорей, съ пріѣзду же ходилъ съ Ѳедорою Петровною къ боярину Ивану Михайловичу Милославскому; отнесъ ему образъ Рождества пречистыя Богородицы, писанъ на листовомъ золотѣ, а промѣны далъ 16 алтынъ 4 деньги; да ему же отнесъ пирогъ пшеничной, цѣны далъ 3 алтына 4 деньги; ему же отнесъ рыбу семгу свѣжую облую. Дворецкому ево, Ѳедору Тиханову, отнесъ пирогъ, цѣны далъ 3 алтынъ; ему же семгу просолную; да женѣ ево и сыну далъ деньгами 6 алтынъ 4 деньги. Да съ пріѣзду же ходилъ Приказу Болшіе Казны къ дьяку Павлу Симонову; отнесъ ему пирогъ, да пряникъ, да яблоковъ, и всего на 8 алтынъ 2 деньги; да ему же рыбу семгу свѣжую облую; да ему же деньгами отнесъ 16 алтынъ 4 деньги. Людемъ ево дворовымъ далъ 2 алтына. Того же приказу справному подъячему Григорію Облезову и съ пріѣзду же ходилъ, и отнесъ пирогъ, цѣны далъ 3 алтына 2 деньги; ему же отнесъ рыбу семгу свѣжую облую. Людемъ ево дворовымъ далъ 2 алтына. Да другово Ямского Приказу дьяку Филиппу Ортемьеву ходилъ, и отнесъ ему пирогъ, цѣны далъ 3 алтына 2 деньги; ему же рыбу семгу, да людемъ его дворовымъ далъ 2 алтына", и т. д.

Такимъ образомъ на каждомъ шагу требовались алтыны, семга, пироги и пряники.

Отмѣтимъ въ числѣ рукописей нѣсколько любопытныхъ сборниковъ раскольничьихъ.

Въ приложеніяхъ къ отчету за 1889 годъ помѣщено изъ упомянутаго собранія бумагъ Краевскаго значительное число писемъ къ нему Бѣлинскаго и В. П. Боткина. Первыя въ нѣкоторыхъ извлеченіяхъ извѣстны по книгѣ „Жизнь и переписка Бѣлинскаго" (Спб., 1876); но здѣсь эти письма напечатаны сполна (ихъ всего 10). Письма Боткина, числомъ 46, отъ 1841 до 1856 года, являются здѣсь въ первый разъ и заключаютъ не мало любопытныхъ подробностей для исторіи тогдашней литературы.

За 1890 годъ Библіотека сдѣлала также не мало важныхъ пріобрѣтеній. На первомъ планѣ поставлено, и по справедливости, собраніе рукописей, относящихся преимущественно до русскаго раскола, купленное Библіотекой у крестьянина новгородской губерніи П. Д. Богданова. Первая часть собранія рукописей Богданова была принесена имъ въ даръ Библіотекѣ въ 1888 году, и въ „Отчетѣ" за тотъ годъ былъ напечатанъ каталогъ этой части. Второе собраніе Богданова заключаетъ 150 рукописей XVII—XIX вѣка и 31 рисунокъ. Раскольническія рукописи этого собранія могутъ быть раздѣлены на два

разряда. Первый заключаетъ сочиненія, которыя уже имѣлись въ Библіотекѣ, но иногда являются въ экземплярахъ болѣе тщательно написанныхъ и болѣе полныхъ. Но—„большую важность представляютъ рукописи второго разряда, именно тѣ, которыя даютъ *совершенно неизвѣстныя* наукѣ *свѣденія* относительно раскола. Здѣсь изслѣдователь раскола найдетъ значительное количество новыхъ данныхъ, касающихся и отдѣльныхъ личностей, и цѣлыхъ общинъ раскольническихъ, какъ за первое время существованія раскола, такъ и во времена послѣдующія, почти вплоть до нашихъ дней. Неизвѣстныя житія нѣкоторыхъ лицъ, признаваемыхъ раскольниками за святыхъ, неизданныя или напечатанныя лишь въ отрывкахъ біографіи раскольническихъ дѣятелей—вотъ то новое, что̀ представляетъ собраніе Богданова для исторіи русскаго раскола. Нѣкоторыя рукописи настоящей коллекціи даютъ возможность составить болѣе ясное и точное, чѣмъ прежде, представленіе о внутренней умственной и нравственной жизни безпоповщинскаго раскола, и что̀ особенно важно — той отрасли его (ѳедосѣевщины), внутренняя жизнь которой и вопросы, занимавшіе умы ея сторонниковъ, всего менѣе извѣстны въ нашей литературѣ. Такъ, въ коллекціи имѣется значительное число новыхъ, неизвѣстныхъ трактатовъ о бракѣ, антихристѣ, царемоленіи, титлахъ на крестѣ и проч. Особенно важны трактаты о бракѣ. До сихъ поръ наша литература располагала крайне ограниченнымъ количествомъ данныхъ для выясненія ѳедосѣевскаго ученія о бракѣ, такъ что недостатокъ собственно ѳедосѣевскихъ сочиненій о бракѣ вынуждалъ изслѣдователей обращаться за выясненіемъ бракоборнаго ученія къ произведеніямъ литературныхъ противниковъ ѳедосѣевцевъ—поморцевъ. Собраніе рукописей Богданова, заключающее цѣлый рядъ сочиненій, написанныхъ самими ѳедосѣевцами въ защиту своего бракоборнаго ученія и въ опроверженіе ученія брачниковъ, значительно устраняетъ сказанный недостатокъ и позволяетъ установить взглядъ на бракоборное ученіе по несомнѣннымъ документальнымъ даннымъ. Вопросы о царемоленіи и титлахъ на крестѣ, когда-то волновавшіе умы безпоповцевъ, даже болѣе вопроса о бракѣ, еще весьма мало разработаны въ нашей литературѣ, что̀, быть можетъ, объясняется ограниченнымъ количествомъ матеріаловъ, имѣвшихся въ рукахъ изслѣдователей. Коллекція П. Д. Богданова, заключая въ себѣ нѣсколько трактатовъ по этимъ двумъ вопросамъ, доставляетъ и въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ. Изъ рисунковъ настоящаго собранія значительная часть имѣетъ прямое отношеніе къ расколу: это—портреты нѣкоторыхъ раскольническихъ дѣятелей, а также графическія изображенія ѳедосѣевскихъ ученій; рисунки послѣдняго рода любопытны

потому, что свидѣтельствуютъ о своеобразномъ, такъ сказать, наглядномъ распространеніи раскольническихъ идей".

Въ приложеніяхъ къ „Отчету" помѣщенъ весьма обстоятельный „Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова" (выпускъ второй), составленный И. А. Бычковымъ. Въ виду малой разработанности библіографіи раскольнической литературы, г. Бычковъ счелъ нужнымъ расширить обыкновенную рамку каталога, а именно въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣланы изъ рукописей выписки, указаны изданія, гдѣ то или другое сочиненіе было напечатано, или сдѣланы ссылки на печатныя описанія рукописныхъ собраній, гдѣ встрѣчаются другіе его списки, или на сочиненія, въ которыхъ оно упоминается. Нечего говорить о важности этого каталога, представляющаго обширный библіографическій трудъ (свыше 300 стр. плотной печати) — по предмету еще мало изслѣдованному. Подобныя обширныя работы, требующія много времени и чрезвычайно важныя для спеціалистовъ, могутъ объяснять замедленіе въ изданіи отчетовъ.

Другое обширное собраніе рукописей, съ XVI до XIX вѣка и опять преимущественно сѣверныхъ,—числомъ 95,—пріобрѣтено Библіотекой отъ усть-сысольскаго общественнаго собранія въ обмѣнъ на уступленные Библіотекою дублетные экземпляры произведеній по изящной словесности нѣкоторыхъ нашихъ писателей. Здѣсь, кромѣ нѣкоторыхъ старыхъ памятниковъ, есть любопытные образчики позднѣйшей народной и полу-народной письменности. Вообще въ рукописяхъ, поступающихъ теперь въ Библіотеку и въ частныя собранія, гораздо больше, чѣмъ прежде, встрѣчаются эти позднѣйшія рукописи, имѣющія свой особенный интересъ,—записи духовныхъ стиховъ, повѣстей, былинъ, пѣсенъ. Такъ и въ усть-сысольскомъ собраніи.

Извѣстный изслѣдователь русскаго и европейскаго искусства Д. А. Ровинскій принесъ въ даръ Библіотекѣ свое замѣчательное изданіе: „Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ. 1.000 фототипій безъ ретушей". По словамъ „Отчета", „изданіе это, вскорѣ послѣ своего появленія, было признано необыкновенно важнымъ европейскими знатоками искусствъ, и весь первый заводъ его былъ немедленно вытребованъ въ Германію, Францію и Англію; лишь нѣсколько экземпляровъ было удержано авторомъ для Россіи" (стр. 79). „Самый избранный" изъ этихъ экземпляровъ г. Ровинскій передалъ Библіотекѣ, и кромѣ того обогатилъ Библіотеку двумя замѣчательными коллекціями: во-первыхъ, собраніемъ подлинныхъ фотографій, снятыхъ по его порученію въ главныхъ художественныхъ центрахъ Европы съ рѣдчайшихъ оттисковъ Рембрандтовскихъ гравюръ, и во-вторыхъ, собраніе стеколъ съ фотографическими снимками съ подлинныхъ оригиналовъ, служившими для изданія.

Въ приложеніяхъ къ „Отчету“ за 1890 годъ, кромѣ упомянутаго каталога рукописей Богданова, помѣщены новыя извлеченія изъ бумагъ Краевскаго, а именно письма къ Краевскому И. С. Тургенева, 1848—1863 г., и А. И. Герцена, 1842—1847, и одно письмо отъ 1859. Тѣ и другія исполнены интереса.

— *Очерки быта* астраханскихъ *калмыковъ*. Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг. *Ир. А. Житецкаго*. Съ 12 таблицами рисунковъ и фототипій. Москва, 1893. (Изъ „Извѣстій Моск. Импер. Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“).

Въ одномъ изъ послѣднихъ обозрѣній мы говорили о книжкѣ г. Житецкаго, посвященной условіямъ быта астраханскихъ калмыковъ; въ настоящемъ изданіи является продолженіе этихъ изученій, не менѣе любопытное. Знакомство автора съ калмыками началось съ 1883 года и продолжалось въ разныхъ условіяхъ до 1886 года: авторъ знакомился съ ними и по архивнымъ дѣламъ, и въ спеціальныхъ экспедиціяхъ для собиранія этнографическихъ и хозяйственно-экономическихъ свѣденій объ ихъ бытѣ; въ началѣ незнаніе языка очень стѣсняло этнографическія изученія, но впослѣдствіи, нѣсколько ознакомившись съ языкомъ и съ помощью разумныхъ и понимавшихъ дѣло переводчиковъ и нѣкоторыхъ болѣе развитыхъ обитателей самой степи, автору удалось даже собрать до 1.000 разныхъ народныхъ произведеній — пѣсенъ, разсказовъ, пословицъ и т. п., которыя онъ намѣренъ передать спеціалистамъ. Рисунки сдѣланы почти исключительно самимъ авторомъ и непосредственно съ изображаемыхъ предметовъ.

Сочиненіе распадается на четыре главы. Въ первой авторъ описываетъ внѣшнюю бытовую обстановку калмыковъ: кибитку съ ея устройствомъ и внутреннимъ хозяйствомъ; одежду, украшенія и обувь, освѣщеніе и топливо. Вторая глава посвящена обычно-обрядовой жизни. Здѣсь основною ячейкой является отдѣльная кибитка, какъ жилище отдѣльной семьи, съ бытомъ которой и связана главная масса обычаевъ и обрядовъ. Семейная кибитка получаетъ свое окончательное устройство только съ приходомъ въ нее жены: такимъ образомъ главный актъ жизни калмыцкой семьи есть бракъ, съ которымъ соединяется чрезвычайно обширный ритуалъ. Авторъ разсказываетъ подробности условій и обрядовъ брака, затѣмъ обряды при родинахъ, при нареченіи именъ; говоритъ о леченіи болѣзней, похоронахъ; объ увеселеніяхъ, танцахъ, музыкальныхъ инструментахъ и т. д. Затѣмъ авторъ переходитъ къ „хотонамъ“ или группамъ кибитокъ, гдѣ со-

вершается общественная жизнь: авторъ рисуетъ трудовую жизнь хотона, условія и способы перекочевокъ, игры и забавы; опредѣляетъ сословныя группы, описываетъ народные праздники, главнымъ образомъ пріуроченные къ требованіямъ ламаизма, а также и къ обстоятельствамъ кочевого быта. Въ третьей главѣ авторъ говоритъ о ламаитскомъ духовенствѣ калмыковъ, о кибиткахъ-храмахъ, о хурулахъ или ламаитскихъ монастыряхъ, о священныхъ предметахъ, обрядахъ богослуженія, религіозныхъ и экономическихъ отношеніяхъ духовенства къ народной массѣ и т. д.

Послѣдняя глава разсказываетъ о содержаніи ламаитской религіи, о наукахъ и искусствахъ въ средѣ астраханскихъ калмыковъ. Вопросъ о ламаитскомъ духовенствѣ важенъ не только въ томъ отношеніи, что съ тѣмъ или другимъ количествомъ его связываются бо̀льшія или меньшія траты на содержаніе непроизводительнаго класса населенія, но и въ томъ отношеніи, что „духовенство калмыцкое является хранителемъ и истолкователемъ оригинальной буддистской науки, и въ силу такого своего положенія способно ставить сильное препятствіе къ поступательному развитію калмыковъ и къ усвоенію обще-научныхъ знаній“. „Безъ сомнѣнія,—говоритъ г. Житецкій,—духовенство астраханскихъ калмыковъ, оторванное въ теченіе болѣе двухъ столѣтій отъ центровъ ламаизма — Монголіи и Тибета, много потеряло въ знаніяхъ, не мало изъ этихъ знаній видоизмѣнило подъ вліяніемъ историческихъ и бытовыхъ условій, но кое-что все-таки сохранило... Сбереженію болѣе всего помогло то обстоятельство, что всѣ знанія духовенства освящены религіозной неприкосновенностью и послѣдовательно передаются въ видѣ рукописей отъ одного поколѣнія духовенства къ другому; извращеніе первоначальныхъ знаній могло происходить только путемъ ошибокъ при списываніи рукописей. Ламаитская мудрость не идетъ непосредственно въ народъ не потому только, что она изложена въ большинствѣ на тангутскомъ или монгольскомъ языкахъ, знакомыхъ только исключительно духовенству, но и потому, что не-духовному лицу, по мнѣнію калмыцкаго духовенства, не подобаетъ знать эту мудрость, а духовенству не дозволено посвящать въ нее калмыцкую массу, и послѣдняя чувствуетъ на себѣ и знаетъ лишь плоды, результаты науки черезъ леченіе медиковъ, предсказанія астрологовъ, рисунки живописцевъ и толкованія бакшей“ (стр. 58).

Бакши, въ обыкновенномъ употребленіи этого слова у русской администраціи и у самихъ калмыковъ, обозначаетъ начальника хуруловъ даннаго улуса, но, собственно говоря, это есть духовное лицо, спеціально изучившее основы религіи, догматику, космогонію и этику, и потому въ хурулѣ можетъ быть даже нѣсколько бакшей. Литера-

тура азіатскаго юга, и особенно Индіи, которая была колыбелью ламаитскихъ ученій, отличается вообще неимовѣрнымъ развитіемъ фантазіи; по замѣчанію г. Житецкаго, тѣмъ же отличаются и понятія астраханскихъ ламаитовъ, но у послѣднихъ традиціонныя понятія ламаизма сильно видоизмѣнились. „Съ одной стороны, сюда внесено многое умышленно, въ силу своекорыстныхъ разсчетовъ духовенства; съ другой, воззрѣнія религіозно-научныя приняли во многомъ воззрѣнія массы народной. Такимъ образомъ, въ ученіи астраханскихъ ламаитовъ—догматическомъ, этическомъ и космологическомъ—нельзя не различать трехъ стихій: а) первоначальной, основной, такъ сказать, индійской, отмѣченной богатствомъ и грандіозностью фантазіи; б) искусственной стихіи, состоящей изъ вставокъ и толкованій, направленныхъ къ увеличенію доходовъ хуруловъ, и отличающейся узостью воззрѣній и логической непослѣдовательностью, и в) народной стихіи, полной суевѣрій, противорѣчій и несообразностей. Послѣдній элементъ настолько силенъ, что многое изъ ученій „бакши" удобнѣе было бы помѣстить въ отдѣлъ народныхъ произведеній, еслибы оно не было запечатлѣно исключительно религіознымъ духомъ и не преподавалось бы духовенствомъ массѣ, какъ религіозныя, неоспоримыя истины, которыми она руководится въ повседневной жизни" (стр. 65). Въ понятіяхъ и занятіяхъ бакшей, по словамъ автора, такъ спутаны ламаитскія воззрѣнія религіозныя, нравственныя и юридическія, что ихъ трудно уложить въ какую-нибудь систему, и онъ самъ считаетъ свое изложеніе отрывочнымъ. Трудно сказать, насколько осталось въ этой калмыцкой религіи нравственныхъ вліяній буддизма, но ламаитская космогонія и представленія о человѣческой природѣ и жизни преисполнены фантастическимъ элементомъ, какъ въ Европѣ представленія темныхъ народныхъ массъ въ средніе вѣка. Сообразно съ этимъ въ практическомъ быту ближайшими руководителями являются, кромѣ бакшей, астрологи и врачи съ такими же фантастическими наставленіями. Въ практической медицинѣ ламаитовъ могли сохраниться, какъ у ламаитовъ Монголіи, традиціонныя народныя средства, заслуживающія вниманія; но рядомъ съ этимъ ламаитская медицина основана на астрологіи и на изгнаніи злого духа, совершаемомъ религіозными заклинаніями и хорошей платой духовенству.

Рисунки, кромѣ нѣсколькихъ фотографій калмыцкихъ типовъ, представляютъ изображенія кибитки съ планомъ ея, всякой домашней утвари, различныхъ статей одежды, богослужебныхъ орудій и музыкальныхъ инструментовъ, священныхъ зданій и т. д.

— *Пермскій край.* Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издаваемый пермскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціею д. члена-секретаря Д. *Смышляева.* Томъ второй. Пермь, 1893.

— *Саратовскій край.* Историческіе очерки, воспоминанія, матеріалы. Изданіе саратовскаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ. Выпускъ первый. Саратовъ, 1893.

Въ послѣднее время, лѣтъ десять-пятнадцать, наша провинціальная литература развивается какъ никогда прежде. Къ многочисленнымъ газетнымъ изданіямъ, какія имѣются почти по всѣмъ губернскимъ городамъ, кромѣ „Вѣдомостей“ губернскихъ и епархіальныхъ, присоединяется литература книгъ все болѣе и болѣе серьезныхъ. При этомъ значительное вліяніе имѣли губернскіе статистическіе комитеты и земская статистика, а за послѣднее время также возникшія во многихъ мѣстахъ архивныя коммиссіи, которыя давали примѣненіе мѣстнымъ историческимъ, археологическимъ и этнографическимъ интересамъ. Распространеніе провинціальной печати не обошлось, правда, безъ нѣкоторыхъ явленій не весьма благопріятныхъ: общее положеніе печати не давало возможности и мѣстнымъ изданіямъ служить настоящимъ отраженіемъ мѣстной жизни, высказывать ея серьезныя нужды и пожеланія, а взамѣнъ этого въ мѣстной печати нельзя было не замѣтить весьма нежелательнаго вліянія столичной газеты, тонъ которой въ послѣднее время — извѣстенъ. Въ провинціальныхъ изданіяхъ явилась та же мнимо-легкая и игривая, на дѣлѣ разнузданная фельетонная манера, сопровождаемая отсутствіемъ всякаго серьезнаго содержанія,—такъ что мѣстное изданіе, которое въ своихъ условіяхъ могло бы имѣть по истинѣ благотворное значеніе для жителей укромной провинціи, давая имъ полезное и привлекательное чтеніе, нерѣдко является только жидкимъ повтореніемъ низменной столичной „прессы“. Есть, правда, изданія, которыя ведутся серьезно и съ достоинствомъ, но онѣ едва-ли не должны считаться исключеніемъ... Мѣстныя книги, къ счастью, свободны отъ недостатковъ этого рода и если не всегда отличаются широкимъ значеніемъ содержанія и изложенія, то почти неизмѣнно среди слишкомъ частныхъ подробностей доставляютъ не мало любопытныхъ свѣдѣній о краѣ, которыя становятся весьма важны для цѣльнаго изученія русской жизни. Такой интересъ представляютъ и двѣ названныя книги.

Пермскій край принадлежитъ къ числу тѣхъ, для которыхъ особенно усердно работала мѣстная литература,—въ ней почетное мѣсто принадлежитъ и редактору настоящаго изданія, г. Смышляеву. Содержаніе настоящаго второго тома „Пермскаго края“ опредѣляется

задачами, которыя ставитъ себѣ статистическій комитетъ: мы найдемъ здѣсь и свѣденія о первобытной древности края, и данныя изъ его позднѣйшей исторіи, и свѣденія экономическія и хозяйственныя, и, наконецъ, матеріалы этнографическаго характера. Книга начинается археологическимъ трактатомъ г. Теплоухова: „Древности пермской Чуди въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ", гдѣ онъ пересматриваетъ, по археологическимъ находкамъ въ пермскомъ краѣ, изображенія баснословныхъ животныхъ и идоловъ въ видѣ птицъ, въ видѣ человѣка, человѣкообразныхъ идоловъ съ дракономъ и т. п., и затѣмъ дѣлаетъ свои соображенія о томъ, къ какому племени могли принадлежать эти археологическіе предметы и какое изъ современныхъ племенъ можно считать ближайшимъ потомкомъ древней пермской чуди, причемъ авторъ принялъ во вниманіе новѣйшую литературу объ этомъ запутанномъ вопросѣ. Затѣмъ двѣ статьи посвящены исторіи екатеринбургскаго и соликамскаго края въ XVIII вѣкѣ и пермскаго маіоратнаго имѣнія гр. Строгоновыхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія; нѣсколько статей говорятъ о естественныхъ условіяхъ и сельскомъ хозяйствѣ края. Обширная статья гг. Мизерова и Скалозубова посвящена народной медицинѣ въ красноуфимскомъ уѣздѣ.

„Помимо этнографическаго интереса, — говорятъ авторы этой статьи,—изученіе народной медицины имѣетъ свой raison d'être уже потому, что многія народныя терапевтическія средства, отмѣченныя слѣпымъ вѣковымъ опытомъ, при научномъ анализѣ могутъ принести громадную услугу практической медицинѣ, какъ краснорѣчиво доказалъ это профессоръ Боткинъ введеніемъ во врачебную практику нѣкоторыхъ народныхъ лечебныхъ средствъ. Къ этому нужно добавить, что народная медицина, съ введеніемъ земскихъ учрежденій, вступила въ неравную борьбу за существованіе съ земскою медициною, прогрессивно развивающееся довѣріе къ которой даетъ полное право ожидать, что въ недалекомъ будущемъ народная медицина, держащаяся преданіями, передаваемыми изъ устъ въ уста, подвергнется естественному вымиранію, и представители народной врачебной мудрости—знахари и знахарки—сдѣлаются только историческими личностями".

Авторы собирали свой матеріалъ черезъ лицъ, годами сжившихся съ мѣстнымъ населеніемъ, главнымъ образомъ черезъ фельдшеровъ; предполагалось „собрать его со всего уѣзда" и „выдѣлить только то, чтó характерно для красноуфимской народной медицины", и то, и другое въ точности оказалось невозможнымъ — но неужели авторы полагали, что варіаціи народной медицины распадаются именно по уѣздамъ? Есть, безъ сомнѣнія, извѣстныя лечебныя средства и пріемы,

общіе какому-либо одному краю, напр. не только пермской губерніи, но и всему сѣверо-востоку; а другія извѣстны, пожалуй, русскому народу по всей Россіи.

Авторы не намѣреваются говорить о „главной основѣ, общей для народной медицины всѣхъ народовъ, о психическомъ леченіи, о леченіи внушеніемъ, такъ какъ научная медицина послѣдняго времени достаточно оцѣнила всю важность этого леченія; о массажѣ, существовавшемъ цѣлые вѣка въ народной практикѣ и только на нашихъ глазахъ достаточно оцѣненномъ научною медициною", и хотятъ остановиться только на частной практической народной терапіи. Относительно заговоровъ, составляющихъ это психологическое леченіе, авторы полагаютъ, что на основаніи ихъ болѣзненные процессы, повидимому, дѣлятся на двѣ рубрики, изъ которыхъ въ одной причину заболѣваній народъ ищетъ въ воздѣйствіяхъ „сатаны", „духа тьмы", въ другой—въ воздѣйствіи „сквернаго человѣка, бабы-самокрутки, дѣвки-простоволоски, двоеженаго, троеженаго, двухзубаго, трехзубаго, урочливаго, чернаго, черемнаго, колдуницы, колдуна, на встрѣчу встрѣчавшихся и съ вѣтру приходящихъ". Авторы думаютъ именно, что, къ первой группѣ относятся типичныя упорныя внутреннія заболѣванія, ко второй — всѣ наружныя заболѣванія, представителемъ которыхъ являются „килы" и прочія внутреннія заболѣванія легкаго абортивнаго типа, такъ называемые „уроки". Полагаемъ, что это дѣленіе, по смыслу заговоровъ, не существуетъ. Заговоры направляются прежде всего на болѣзни, которыя приписываются тому или другому вліянію нечистой силы или дурному глазу, или которыя мало понятны и трудно поддаются леченію, или даже на такія болѣзни, которыя происходятъ отъ ясной механической причины, какъ вывихъ, переломъ и т. п.; какую-нибудь опредѣленную границу провести здѣсь едва-ли возможно.

Авторы замѣчаютъ дальше, что „въ заговорахъ противъ болѣзней той и другой (упомянутой) формы обыкновенно фигурируетъ любимое и роковое число двѣнадцать". Это опять неточно. Единственнымъ основаніемъ къ этому соображенію служитъ извѣстный съ давнихъ вѣковъ заговоръ противъ лихорадки въ ея различныхъ формахъ, олицетворенныхъ въ „двѣнадцати Иродовыхъ дщеряхъ": это спеціальный заговоръ, гдѣ легендарныя дочери Ирода получили наименованія по разнымъ формамъ лихорадки, и на другія болѣзни онъ не простирается.

Авторы распредѣляютъ свой матеріалъ, указывая народныя средства противъ разнаго рода болѣзней, а затѣмъ сообщаютъ списокъ травъ и другихъ лекарственныхъ средствъ, употребляемыхъ въ красноуфимскомъ краѣ. Когда они собирали свои свѣденія, то собраны были и

самыя травы, по которымъ сдѣланы опредѣленія растеній, и гербарій большинства растеній, упомянутыхъ въ спискѣ, доставленъ на нынѣшнюю гигіеническую выставку. Просмотрѣвъ списокъ, не трудно видѣть, что очень многія указанныя здѣсь средства (вѣроятно большинство) извѣстны во всемъ русскомъ народѣ.

Народная медицина вызвала въ послѣднее время не мало отдѣльныхъ работъ, въ родѣ настоящей, по разнымъ мѣстностямъ и съ такимъ же указаніемъ лечебныхъ средствъ. Матеріалъ уже теперь собрался довольно обширный, и очень было бы желательно, чтобы кто-нибудь изъ просвѣщенныхъ врачей взялъ на себя трудъ хотя бы только объединить извѣстныя до сихъ поръ данныя. Это была бы работа въ различныхъ отношеніяхъ благодарная.

Въ концѣ книги помѣщены біографическія воспоминанія о лицахъ, работавшихъ для изученія сѣверо-восточнаго края: это Н. К. Чупинъ (1824—1882); извѣстный историкъ Сибири Словцовъ и В. В. Голубцовъ (1856—1892).

Саратовскій сборникъ есть предпріятіе основаннаго въ 1888 году „Саратовскаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ". Этотъ мѣстный литературный фондъ имѣетъ только очень скромныя средства, и для улучшенія ихъ Общество постановило, кромѣ обычныхъ мѣръ къ ихъ увеличенію, обратиться къ издательству; въ распоряженіе его поступило послѣ того, безвозмездно, достаточно матеріала, изъ котораго могъ быть составленъ первый выпускъ сборника. Содержаніе книги посвящено исключительно мѣстнымъ интересамъ — старой и новѣйшей исторіи края и исторіи города. Книга открывается статьей С. И. Кедрова: „Краткій обзоръ исторіи саратовскаго края", гдѣ очень сжато, но точно переданы свѣдѣнія о старой исторіи этихъ земель и первомъ русскомъ заселеніи ихъ; эти свѣдѣнія очень любопытны, между прочимъ, какъ свидѣтельство о томъ, какъ еще недавно начинается здѣсь русская жизнь, которая почти еще на народной памяти видѣла конецъ борьбы съ набѣгами татаръ и иныхъ кочевниковъ. Саратовъ, какъ и всѣ города южной и средней полосы Россіи, основанъ былъ первоначально какъ сторожевой и оборонительный пограничный пунктъ, и долго дѣйствительно исполнялъ это назначеніе. Въ лѣтописи Саратова подъ 1776 годомъ мы читаемъ о нападеніяхъ киргизовъ изъ астраханскихъ и уральскихъ степей на нѣмецкія колоніи саратовскаго края, при чемъ они жителей убивали или „уводили въ рабство"; въ 1785 году приходилось „наблюдать осторожность отъ киргизъ-кайсаковъ, учредить за Волгою маяки и зажигать ихъ въ случаѣ появленія ордынцевъ"; кромѣ того шла настоящая война противъ вооруженныхъ шаекъ волжской вольницы, проживавшей во множествѣ въ заволжскихъ сте-

пяхъ и нападавшей даже на цѣлые караваны (разбои на Волгѣ продолжались вплоть до начала пароходства). Къ этому военному значенію города присоединилась вскорѣ колонизація. Русскихъ колонистовъ привлекало прежде всего богатое рыболовство, къ которому только позднѣе присоединилось земледѣліе.

„Главными рыболовами, а вмѣстѣ и колонизаторами, кажется, какъ и на сѣверѣ, явились прежде всего монастыри, которыхъ притягивалъ къ себѣ волжскій міръ богатствомъ и разнообразіемъ воднаго царства. Вслѣдъ за покореніемъ Казанскаго царства, государь начинаетъ жаловать своихъ „богомольцевъ" рыбными ловлями. Сначала рыбныя монастырскія артели занимали острова и въ лѣтнее только время; съ острова перемѣщались на близь лежащій берегъ, преимущественно горный... Устроивался поселокъ (Березники, Архангельское и др.), расчищалась пашня, появлялась „церковь съ пѣніемъ"; случалось, что изъ такого поселка позднѣе выросталъ и цѣлый городъ (Хвалынскъ, Вольскъ, осн. въ 1690 г.). Слѣдъ этой промышленной и колонизаторской дѣятельности монастырей и доселѣ сохранился въ Саратовѣ въ названіяхъ мѣстныхъ церквей. Троицкая Лавра—этотъ крупнѣйшій и богатѣйшій изъ сѣверныхъ монастырей, оставилъ по себѣ память въ Троицкомъ Старомъ соборѣ, Сергіевской церкви; Ново-Спасскій, московскій, въ Спасо-Преображенской церкви; Чудовъ патріаршій въ прежде бывшемъ Четырехъ-Святскомъ монастырѣ, въ честь московскихъ святителей Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Саратовъ былъ городомъ, куда стекались рыболовы, гдѣ складывались рыбные продукты, помѣщались рыбные дворы. Онъ и назывался „рыбный городокъ". Любопытно, что и до сихъ поръ астраханскіе рыболовы главнымъ образомъ изъ саратовскаго края...

„Затѣмъ, населеніе манило само *дикое поле*, мѣстами обильное глубокимъ черноземомъ. Завоеваніе трудомъ этого поля, трудомъ земледѣльческимъ, шло съ сѣвера и сѣверо-запада съ того времени, когда явилась возможность безопасной жизни, со временъ устройства пензенско-сызранской черты (кон. XVII в.), защищавшей юго-восточную границу государства. Насколько трудно здѣсь было добывать хлѣбъ, видно изъ того, что даже въ окрестностяхъ Саратова въ 1721 в. не безопасно было сѣять и пахать. Эта, чрезвычайно интересная въ своей исторіи, широкая по своимъ размѣрамъ колонизаціонная работа, замѣчательная по энергіи и стойкости русскаго человѣка, любопытная по отношеніямъ его къ земледѣльческому населенію, шла съ начала XVIII-го вѣка быстрыми шагами. Заселяли саратовское Поволжье крестьяне монастырскіе, крестьяне бѣглые, крестьяне помѣщичьи, вотчинные, черносошные, служилые люди

(главнымъ образомъ—боярскія дѣти), мордва, татары, пахатные солдаты, малороссы, казаки, нѣмцы, поляки и даже французы. Отъ служилыхъ татаръ ведутъ свое начало нѣкоторыя саратовскія дворянскія фамиліи: Енгалычевы, Девлетъ-Кильдѣевы, Бегильдѣевы, Шахматовы, Еникѣевы и др. Названія саратовскихъ улицъ: Нѣмецкая, Татарская, Казачья—сохраняютъ память и въ городѣ о разнородномъ составѣ населенія области"...

Затѣмъ новымъ природнымъ богатствомъ края была соль, неистощимые запасы которой въ Эльтонскомъ озерѣ до недавняго времени принадлежали саратовскому управленію. Наконецъ, важное значеніе торговому и промышленному развитію края давала Волга, которая многіе вѣка оставалась единственнымъ торговымъ путемъ на юговостокъ.

Небольшая замѣтка о древней сарайской епархіи принадлежитъ г. Чекалину, извѣстному своими весьма цѣнными работами по исторіи средняго Поволжья. Другая небольшая статья по исторіи города заимствована изъ бумагъ извѣстнаго оріенталиста Саблукова, прежде учителя въ саратовской семинаріи, потомъ профессора духовной академіи въ Казани. Затѣмъ изъ мѣстныхъ мемуаровъ любопытны записки К. И. Попова изъ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка; наконецъ, цѣлый рядъ статей по современной жизни города принадлежитъ Ф. В. Духовникову и Н. Ф. Хованскому; какъ напр., „Саратовская лѣтопись", которую составители ея нашли возможнымъ начать съ XIII-го вѣка и довели до 1890 года; исторія печатнаго дѣла въ Саратовѣ и мѣстныхъ изданій; исторія городскихъ школъ, книжной торговли; любопытная статья: „Нѣмцы, другіе иностранцы и пришлые люди въ Саратовѣ". Кромѣ чисто мѣстнаго интереса, многія данныя, приводимыя здѣсь, очень любопытны вообще для характеристики провинціальнаго быта: еще за недавнее время провинціальная жизнь отличалась такою патріархальностью, напоминаніе о которой способно предохранить отъ нѣкоторыхъ самонадѣянныхъ преувеличеній и указать на тотъ громадный трудъ, какой предстоитъ еще нашей „самобытной" цивилизаціи. Относительно статьи о школьномъ дѣлѣ замѣтимъ, что въ мѣстномъ изданіи можно было бы ожидать болѣе свѣжихъ данныхъ, чѣмъ цифры 1884 года, на которыхъ здѣсь останавливаются статистическія показанія.

Внѣшность изданія очень хороша, за однимъ исключеніемъ: при брошюровкѣ принята дурная манера не сшивать, а только заклеивать листы въ корешкѣ, такъ что книга при разрѣзываніи страницъ разсыпается.—А В.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Басанинъ, Маркъ.—Клубъ Ковнцкаго дворянства (Новая Библіотека Суворина). Спб. 93. Стр. 243. Ц. 60 к.

Брандесъ, Г.—Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи, читанныя въ копенгагенскомъ университетѣ. Перев. В. Невѣдомскаго (съ нѣмецкаго изданія Адольфа Штродтмана). Англійская литература. М. 93. Стр. 383. Ц. 2 р. 50 к.

Брутъ, Иванъ.—Шесть сказокъ. Съ 4 картинками работы О. Аникѣевой. М. 93. Ц. (пониженная) 40 к.

Гёте.—Страданія молодого Вертера, романъ. Перев. съ нѣмецкаго А. Р. Эйгеса, со статьей о „Вертерѣ" (Новая Библіотека Суворина). Спб. 93. Стр. 202. Ц. 60 к.

Гродековъ, Н. И.—Хидая, комментаріи мусульманскаго права. Переведено съ англійскаго подъ редакціей Н. И. Гр. 4°. Четыре большихъ тома. Ташкентъ, 1893.

Житецкій, Ир. А.—Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг. Съ 12 таблицами рисунковъ и фототипій. М. 1893. 4°. II и 73 стр. (Изданіе Моск. Общества Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи). Ц. 1 р. 25 к.

Мантегацца, П.—Профессоръ антропологіи во Флоренціи и сенаторъ Италіи. Гигіена чувствъ. Перев. съ итальянскаго д-ра Н. Лейненберга. М. 93. Стр. 99. Ц. 45 к.

Немировичъ-Данченко, В. И.—Мурманская страда. Очерки изъ борьбы человѣка съ полярною природою у океана (Дешевая Библіотека). Спб. 93. Стр. 170. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

——— На безлюдьѣ. Картины полярной зимы (Дешевая Библіотека). Спб. 93. Стр. 159. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

Пеэръ.—Исторія Наполеона I. Вып. четвертый. Изд. Д. Д. Өедорова. Приложеніе къ журналу „Наше Время". Спб. 93. Стр. 273—352.

Плутархъ. — Сравнительныя жизнеописанія. Томъ шестой. Вып. первый. Агезилай и Помпей (Дешевая Библіотека). Спб. 93. Стр. 202. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., на велен. бум. 35 к.

Путникъ (*Лендеръ*, Н.). — Египетъ и Палестина. Очерки и картинки. Съ картою Средиземнаго моря. Спб. 93. Стр. VIII и 192.

Реклю, Элизé.—Земля и люди. Всеобщая географія. XII. Восточная Африка Атлантическіе архипелаги. Сенегамбія и восточный Суданъ. Съ 64 рисунками. Спб. 93. Стр. 604. Ц. 8 р.

Рылѣевъ, К. Ө.—Думы и поэмы (Дешевая Библіотека). Спб. 93. Стр. 194. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

Свирскій, А. И. — Ростовскія трущобы. Изд. редакціи газеты „Ростовскія на-Дону Извѣстія". Ростовъ на-Дону. 93. Стр. 144. Ц. 50 к.

Симондсъ, Джонъ Аддингтонъ. — Данте, его время, его произведеніе, его геній. Перев. съ англ. М. Коршъ. Спб. 93. Стр. 362 и V. Ц. 1 р. 50 к.

Фриманъ, Эдуардъ, проф. оксфордскаго университета. — Методы изученія исторіи. Восемь лекцій 1884 года, съ приложеніемъ вступительной лекціи объ обязанностяхъ профессора исторіи. Главные періоды европейской исторіи. Шесть лекцій 1885 года. Съ прилож. статьи о греческихъ городахъ подъ рим-

скимъ управленіемъ. Перев. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 93. Стр. II и 338. Ц. 2 р.

Ясинскій, Іеронимъ.—Старый другъ. Романъ (Новая Библіотека Суворина). Спб. 93. Стр. 309. Ц. 60 к.

— Всемірная Колумбова Выставка 1893 г. въ Чикаго. Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога съ приложеніемъ карты Сибири. Изд. департамента торговли и мануфактуръ министерства финансовъ. Спб. 93. VIII и 309 стр.

— Всемірная Колумбова Выставка 1893 г. въ Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи. Изд. департамента торговли и мануфактуръ министерства финансовъ. Спб. 93. II, Стр. 334 и 351.

— Всемірная Колумбова Выставка 1893 г. въ Чикаго. Указатель русскаго отдѣла. Изд. Высочайше учрежденной коммиссіи по участію Россіи во всемірной выставкѣ 1893 года въ Чикаго. Спб. 93. XII и 578 стр.

— Извѣстія Иркутской Городской Думы. 1893 года (годъ VIII). № 1—11. Январь-іюнь. Иркутскъ, 93.

— Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ (Высочайше утвержденное 14-го мая 1893 г.) съ поясненіями. Изд. И. В. Полякова (изд. неоффиціальное). Кіевъ, 93. Стр. 24. Ц. 20 к.

— World's Columbian Exposition. 1893. Chicago. Catalogue of the Russia Section. Published by the Imperial Russian Commission, Ministry of Finances. S.-Petersburg. 1893. XV и 572 стр.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Les transformations du droit. Étude sociologique, par *G. Tarde*. Paris, 1893. Стр. 212. Ц. 2 фр. 50 сант.

Юриспруденція долго и старательно охранялась спеціалистами отъ всякаго соприкосновенія съ другими общественными науками и отъ всякаго вліянія и вмѣшательства „профановъ"; это была область застывшей, почти неподвижной схоластики, подчиненной всецѣло теоретическому господству римскаго права, этого „писаннаго разума" юристовъ. Въ новѣйшее время все чаще и настойчивѣе повторялись попытки внести новый научный духъ въ старую систему правовѣденія; самостоятельные „посторонніе" теоретики, соціологи и экономисты занялись обсужденіемъ и критикою традиціонныхъ юридическихъ доктринъ, несмотря на протесты и негодованіе юристовъ стараго закала.

Теоретическая юриспруденція мало-по-малу подвергается воздѣйствію новыхъ соціальныхъ идей и требованій; существуетъ уже много научныхъ изслѣдованій, имѣющихъ характеръ соціально-юридическій и сближающихъ правовѣденіе съ политическою экономіею, антропологіею и соціологіею. Приверженцы новаго реформаторскаго направленія въ свою очередь обнаруживаютъ слишкомъ большую склонность къ одностороннимъ поспѣшнымъ обобщеніямъ въ духѣ Спенсера, такъ что потребовалась уже реакція со стороны соціологовъ противъ неумѣреннаго пыла новаторовъ. Появившійся теперь „соціологическій этюдъ" Тарда указываетъ теоретикамъ болѣе осторожный путь анализа и предостерегаетъ отъ напрасныхъ увлеченій и ошибокъ. Въ книгѣ удѣлено много мѣста полемикѣ противъ такихъ авторовъ, какъ Летурнò; но полемическій элементъ только оживляетъ изложеніе и не мѣшаетъ Тарду подробно развивать самостоятельные и очень интересные взгляды, въ связи съ его общею соціологическою теоріею. Мы знали до сихъ поръ Тарда какъ криминалиста и соціолога; теперь оказывается, что онъ прекрасно знакомъ съ юриспруденціею и съ юридическою литературою, отлично разбирается въ разныхъ юридическихъ теоріяхъ и подробно изучилъ исторію главнѣйшихъ институтовъ и положеній гражданскаго права. Только при такомъ знакомствѣ съ различными сферами общественныхъ явленій и институтовъ

возможна плодотворная дѣятельность въ области соціальныхъ наукъ. Многіе воображаютъ, что нѣкоторыхъ общихъ идей и поверхностныхъ естественно-научныхъ свѣденій достаточно для соціолога и что нѣтъ надобности изучать юридическія и политическія науки для успѣшныхъ соціологическихъ занятій и обобщеній. Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого взгляда, довольно распространеннаго у насъ до недавняго еще времени. Работы Тарда наглядно показываютъ, какъ важны и необходимы для соціолога разнообразныя историко-юридическія и общественно-научныя знанія, которыми такъ часто пренебрегаютъ послѣдователи и истолкователи Спенсера.

Тардъ съ особенною энергіею возстаетъ противъ выводовъ и теорій, основанныхъ на произвольномъ и невѣрномъ примѣненіи принципа эволюціи къ ходу историческаго развитія разныхъ народовъ и расъ. Въ объясненіяхъ „юридической эволюціи", какъ и вообще въ соціологіи,—говоритъ авторъ,—слишкомъ много занимались дикарями; со времени Спенсера, который рукою мастера началъ эксплуатацію этого рудника съ столь нечистою рудою, въ соціологической печати повторяется и долго еще будетъ приводиться подъ разными ярлыками небольшое количество анекдотовъ, всегда однихъ и тѣхъ же, относящихся къ нѣкоторымъ племенамъ африканскимъ, американскимъ или австралійскимъ. Безъ тѣни доказательства, единственно лишь на основаніи поверхностнаго наблюденія, установилась a priori идея, что первобытное общественное состояніе, считаемое исходной точкой прогресса, тождественно у всѣхъ дикарей. Для трансформизма было несчастіемъ то обстоятельство, что онъ получилъ начало у натуралистовъ, а не у соціологовъ или физиковъ, и привыкъ разсматривать какъ единственный возможный типъ развитія—особый родъ эволюціи, представляемый организованными существами. Эволюція понимается почему-то въ смыслѣ послѣдовательнаго воспроизведенія опредѣленныхъ стадій, подобныхъ смѣняющимся періодамъ жизни растительнаго или животнаго организма. Между тѣмъ очевидно, что этотъ ходъ развитія, присущій извѣстной категоріи существъ, можетъ оказаться непримѣнимымъ къ солнечнымъ системамъ или преобразованіямъ обществъ. Ростъ языка, религіи, искусства, права, подчиняясь тому же закону причинности, какъ и ростъ зерна или млекопитающаго, опредѣляется, однако, своими особыми условіями и имѣетъ свои оригинальные пути развитія (стр. 7—9). Внѣшнія сходства учрежденій и обычаевъ не означаютъ еще неизбѣжной односторонности эволюціи въ разныхъ странахъ, а свидѣтельствуютъ чаще всего о силѣ подражанія, о заразительности примѣра. Нѣтъ общаго и единаго закона развитія въ области права; ходъ идей и обычаевъ зависитъ отъ многочисленныхъ и сложныхъ факторовъ, болѣе или менѣе случайныхъ, не поддаю-

щихся общей формулировкѣ. Авторъ подтверждаетъ свою мысль подробнымъ разборомъ смѣнявшихся историческихъ формъ и понятій въ различныхъ областяхъ правовѣденія и законодательства.

Въ небольшихъ главахъ объ уголовномъ правѣ и о судебныхъ порядкахъ содержится не мало интересныхъ указаній, мѣткихъ сопоставленій и разсужденій; столь же содержательна небольшая глава о личномъ и семейномъ бытѣ, гдѣ остроумно и кратко опровергаются ходячія доктрины объ эволюціи брака и семьи. „Нагромождались многіе томы,—замѣчаетъ авторъ,—для разрѣшенія вопроса объ устройствѣ первобытной семьи; но при этомъ не спрашивалось, есть ли достаточное основаніе полагать, что это устройство было одинаковое повсюду". Въ дѣйствительности первобытная семья принимала различныя формы; въ одномъ мѣстѣ была моногамія, въ другомъ—полигамія или поліандрія; браки между близкими родственниками то поощряются, то запрещаются, и никакого общаго вывода нельзя сдѣлать изъ этихъ разнородныхъ фактовъ. Точно такъ же ошибочны, по мнѣнію Тарда, предположенія о повсемѣстномъ и необходимомъ существованіи поземельной общины въ ранніе періоды развитія народовъ; въ сущности общинное владѣніе основано на традиціонномъ единствѣ отдѣльныхъ деревенскихъ группъ, на предполагаемомъ родствѣ членовъ общины, происходящихъ будто бы отъ одного родоначальника. Это доказывается уже тѣмъ, что главною характеристическою чертою поземельныхъ общинъ является ихъ исключительность, недоступность для постороннихъ лицъ; въ Швейцаріи, чтобы пользоваться общинною землею, нужно принадлежать къ семейству, имѣвшему это право съ незапамятныхъ временъ, и альменды образуютъ лишь „замкнутую и привилегированную корпорацію". Общинные порядки и обычаи,—продолжаетъ Тардъ,—распространялись въ прежнія времена по той же причинѣ, по какой они исчезаютъ въ теченіе настоящаго столѣтія; эта причина—увлеченіе фактическимъ примѣромъ, желаніе дѣлать какъ другіе. Можно быть увѣреннымъ, что особый способъ пользованія землею, встрѣчаемый кое-гдѣ и теперь,—дѣленіе пахатныхъ земель на узкія и длинныя полосы, раздѣленныя въ свою очередь на равные участки, которые періодически распредѣляются по жребію,—былъ гдѣ-нибудь придуманъ, какъ имѣющій свое оправданіе при данныхъ условіяхъ, но затѣмъ сдѣлался предметомъ подражанія въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ далеко не могъ считаться полезнымъ (стр. 85). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ замѣчаніяхъ объ общинѣ, какъ и во всей главѣ объ имуществахъ, чувствуется недостатокъ или односторонность экономическихъ свѣденій автора по поземельному вопросу.

Говоря объ обязательствахъ, Тардъ приводитъ любопытные при-

мѣры своеобразной логики ученыхъ юристовъ; такъ, знаменитый Савиньи, глава нѣмецкой исторической школы въ наукѣ права, утверждалъ, что бумаги на предъявителя не могутъ имѣть юридическаго значенія, такъ какъ онѣ не удовлетворяютъ условіямъ обязательствъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ смыслѣ римскаго права. „Ни практика юриспруденціи, ни интересъ дѣловыхъ сношеній, какъ бы значителенъ онъ ни былъ,—говоритъ Савиньи,—не могутъ заставить признать такую сдѣлку дѣйствительною, съ отвлеченной точки зрѣнія“. Такимъ образомъ реальные интересы жизни должны быть приносимы въ жертву логической послѣдовательности и стройности системы, заимствованной изъ римскаго права. Это отрицаніе жизненныхъ требованій во имя абстрактной юридической логики свойственно было большинству юристовъ-теоретиковъ прежняго времени и встрѣчается до сихъ поръ въ спеціальной литературѣ, хотя и въ формѣ безсознательной, не прямо выраженной. Взамѣнъ устарѣлыхъ юридическихъ воззрѣній, Тардъ развиваетъ свою собственную теорію обязательствъ, которую онъ связываетъ съ нравственнымъ понятіемъ обязанности и съ экономическимъ представленіемъ о цѣнности.

Весьма поучительны разсужденія Тарда объ „естественномъ правѣ“ и о различномъ пониманіи этого термина въ разныя времена. Теперь намъ кажется естественнымъ то, что̀ нѣкогда вызывало протесты, и наши нынѣшнія понятія далеко не всегда лучше и выше прежнихъ. Нравы смягчились во многомъ, благодаря успѣхамъ и изобрѣтеніямъ цивилизаціи; но тѣ же успѣхи приводятъ нерѣдко къ противоположнымъ результатамъ. Мы привыкли уважать и чествовать всякаго выдающагося изобрѣтателя, каковы бы ни были практическія послѣдствія его творчества; „эта привычка объясняетъ наше отношеніе къ страшнымъ изобрѣтеніямъ военныхъ орудій и даже орудій преступныхъ, сдѣлавшихъ войны столь убійственными и преступленія столь ужасными. Люди среднихъ вѣковъ, болѣе грубые, чѣмъ мы, относились совсѣмъ иначе къ нововведеніямъ этого рода. Арбалетъ, при своемъ появленіи, былъ подвергнутъ анаѳемѣ латеранскимъ соборомъ 1139 года, какъ оружіе безчеловѣчное и жестокое. Повсюду это оружіе было предметомъ негодованія со стороны населенія, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Такой же всеобщій крикъ осужденія встрѣтило позднѣе огнестрѣльное ружье. Въ сраженіяхъ никогда не давали пощады людямъ, вооруженнымъ арбалетами или огнестрѣльными ружьями, ибо на этихъ людей смотрѣли какъ на разбойниковъ. Въ наши дни, напротивъ, мы съ полнымъ спокойствіемъ и даже съ восхищеніемъ встрѣчаемъ наши новые боевые снаряды, наши коническія пули, причиняющія столь мучительныя и почти всегда смертельныя раны, наши скорострѣльныя ружья, наши торпеды, способ-

ныя взорвать на воздухъ громадные корабли со всѣмъ ихъ экипажемъ" (стр. 162—163). Такъ называемое международное право или „естественное право націй" примѣняется нами только къ культурнымъ народамъ, и мы нисколько не стѣсняемся отнимать владѣнія у варварскихъ государствъ и дикихъ племенъ; но какая-нибудь отдѣльная держава въ Европѣ можетъ своими дѣйствіями вредить общимъ интересамъ, и другіе народы не имѣютъ права вмѣшиваться, въ виду обязательнаго уваженія къ принципу независимости и свободы государствъ. Авторъ думаетъ, что въ случаѣ надобности слѣдуетъ пожертвовать принципомъ независимости и свободы государства, во имя интересовъ реальныхъ личностей; онъ забываетъ при этомъ, что успѣшно пользоваться правомъ вмѣшательства могли бы только сильныя державы и что единственными жертвами новой практики, предлагаемой Тардомъ, были бы такія государства, какъ Швейцарія или Бельгія.

Въ заключительной главѣ говорится о наукѣ права, какъ объ отрасли соціологіи, при чемъ общія идеи автора получаютъ дальнѣйшее, болѣе положительное освѣщеніе. Тардъ придаетъ большую важность своей теоріи подражанія, которою онъ пытается объяснить чуть ли не всѣ явленія общественной жизни. Въ нашей литературѣ, гораздо раньше Тарда, занимался много тѣмъ же вопросомъ о подражаніи г. Н. Михайловскій, который также не могъ или не успѣлъ извлечь изъ собраннаго матеріала никакихъ опредѣленныхъ выводовъ. Теорія французскаго соціолога по этому предмету, при всей ея внѣшней стройности, кажется намъ столь же несостоятельною, какъ и запутанная аргументація его русскаго предшественника. Ограничимся пока замѣчаніемъ, что фактъ подражанія ничего объяснить не можетъ, а, напротивъ, самъ нуждается въ объясненіи и анализѣ, и что истинное значеніе этого факта будетъ опредѣлено точнѣе, когда онъ будетъ поставленъ въ связь съ основами человѣческой психологіи вообще.—Л. С.

II.

Alfred de Musset, par *Arvède Barine*. Paris. 1893. Стр. 182.

Серія критико-біографическихъ очерковъ знаменитыхъ французскихъ писателей, издаваемыхъ подъ общимъ заглавіемъ: „Grands écrivains de France", обогатилась за послѣднія недѣли двумя томиками, посвященными Альфреду де-Мюссѐ и Виктору Гюго. Очеркъ о Мюссѐ написанъ извѣстной французской публицисткой, скрываю-

щейся подъ псевдонимомъ Арведа Барина. Онъ имѣетъ главнымъ образомъ біографическій интересъ, входитъ въ детали частной жизни поэта, и автору удается освѣтить нѣкоторые малоизвѣстные эпизоды его жизни, пользуясь его неизданной перепиской съ Жоржъ Зандъ и съ нѣкоторыми пріятелями.

Личная жизнь Мюссѐ имѣетъ большое значеніе для пониманія творчества этого самаго искренняго изъ лирическихъ поэтовъ. Онъ не зналъ другого сюжета поэзіи, кромѣ своего собственнаго, полнаго контрастовъ сердца, и во всякомъ изъ его произведеній, во всѣхъ поэмахъ, драмахъ и новеллахъ, онъ описываетъ свои собственныя ощущенія, свои страданія и овладѣвшую имъ, послѣ бурныхъ кризисовъ страсти, тоску. Резюмировать эти отдѣльныя черты душевной автобіографіи, пріурочить ихъ къ опредѣленнымъ событіямъ, подписать имена подъ поэтически неопредѣленными образами его поэмъ— значитъ возсоздать исторію его жизни. Это и дѣлаетъ авторъ очерка, правда, безъ блестящихъ характеристикъ, которыя бы пролили новый свѣтъ на внутреннюю жизнь „французскаго Гейне", но добросовѣстно слѣдя за обстоятельствами, среди которыхъ воспиталась и созрѣла сложная, до крайности воспріимчивая и болѣзненно расшатанная натура поэта. А. Баринъ отмѣчаетъ нервность и неровность характера Мюссѐ въ дѣтствѣ, его постоянное нетерпѣніе, доводившее его до нервныхъ припадковъ; она переходитъ затѣмъ къ его первымъ поэтическимъ дебютамъ подъ вліяніемъ романтическаго „cénacle", въ которомъ царствовали тогда Гюго, де-Виньи, Сентъ-Бёвъ, Шарль Нодьѐ и братья Деманъ. Вліяніе романтической школы было очень преходящимъ въ творчествѣ Мюссѐ. Баринъ разсказываетъ въ краткихъ чертахъ, что Мюссѐ заплатилъ дань увлеченію Испаніей, условной живописностью шолковыхъ лѣстницъ и потаенныхъ входовъ въ „Don Paez" и Contes d'Espagne et d'Italie, но что вскорѣ онъ сталъ позволять себѣ ироническія насмѣшки надъ романтиками въ пресловутой „Ballade à la lune" съ ея „point sur un i" и окончательно разорвалъ связи съ этой школой стихотвореніемъ „Pensées secrètes de Raphaël". Тогда начинается у Мюссѐ исканіе своего собственнаго пути и вмѣстѣ съ тѣмъ самая плодотворная пора творчества. Все, что̀ Мюссѐ написалъ вдохновеннаго и великаго, было написано имъ въ періодъ десяти лѣтъ: 1838 годъ заканчиваетъ серію его поэмъ, театральныхъ пьесъ и новеллъ. За ослѣпительнымъ расцвѣтомъ его таланта не послѣдовало періода упадка, и послѣднія тяжелыя двадцать лѣтъ жизни поэта, много перестрадавшаго физически и нравственно отъ болѣзни и отъ равнодушія читающей публики, почти ничего не прибавили къ суммѣ его произведеній.

Арведъ Баринъ останавливается очень обстоятельно на знаме-

нитой исторіи любви Мюссѐ и Жоржъ Зандъ,—исторіи, которая даетъ ключъ къ пониманію общаго характера поэзіи Мюссѐ. Придерживаясь имѣющихся документальныхъ данныхъ, авторъ не выступаетъ въ защиту ни той, ни другой стороны, какъ это дѣлали біографы Мюссѐ и Жоржъ-Зандъ. Конечно, проглядывающая во всѣхъ письмахъ неровность характера Мюссѐ, его капризы, припадки ревности, чередующіеся съ періодами безграничнаго обожанія своей „grande George", и, съ другой стороны, непостоянство Жоржъ-Зандъ въ своихъ привязанностяхъ объясняютъ въ значительной степени мучительность этой связи для обоихъ и ихъ окончательный разрывъ, вселившій навсегда отчаяніе въ душу поэта. Но главную причину безъисходности ихъ любви авторъ справедливо видитъ въ томъ взвинчиваніи своихъ чувствъ на недосягаемую высоту романтическаго трагизма, которымъ оба были постоянно заняты. Находясь въ то время подъ обаяніемъ романтическихъ идей, они жили въ мірѣ неземныхъ Лелій и героическихъ Эрнани; они мнили себя равными имъ и искали въ своей любви неземныхъ элементовъ. Отсюда постоянная неудовлетворенность, раздражительность, страданія. Жоржъ-Зандъ первой надоѣла эта метафизическая любовь, и она оставила Мюссѐ ради очень зауряднаго и ограниченнаго, но здороваго душой итальянскаго доктора. Мюссѐ глубже проникнутъ былъ жаждой неземныхъ ощущеній и не могъ всю жизнь излечиться отъ своей единственной настоящей amour-passion.

Писательская физіономія Мюссѐ менѣе ясно очерчена въ книгѣ Барина, чѣмъ его общая характеристика. Авторъ отмѣчаетъ отдѣльные фазисы въ развитіи таланта поэта, его переходъ отъ романтизма первыхъ опытовъ къ анализу чувствъ въ „La Coupe et les lèvres", „A quoi rêvent les jeunes filles", и, наконецъ, къ своей третьей настоящей манерѣ,. къ изображенію любви, какъ основы жизни, любви во всѣхъ ея видахъ, но преимущественно съ точки зрѣнія Донъ-Жуана, гонящагося за идеальной любовью и ищущаго забвенія въ низкихъ удовольствіяхъ. Но мы не видимъ въ изложеніи А. Барина основныхъ элементовъ поэзіи Мюссѐ, указанія на тайну обаянія, которое Мюссѐ не перестаетъ имѣть для читателей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ странъ. А тайна эта заключается въ искренности, непосредственности творчества Мюссѐ. Его поэзія—поэзія ощущеній и настроеній, самыхъ разнообразныхъ, но всегда пережитыхъ, правдивыхъ и потому трогательныхъ. Даже тамъ, гдѣ онъ пускается въ философствованіе, какъ, напр., въ неудачномъ началѣ „Rolla", видно, что эта реторика не напускная, а въ самомъ дѣлѣ отражающая настроеніе того времени. Въ этой искренности—секретъ неувядаемой прелести „Lucie" (Adieu, tes blanches mains sur les claviers d'ivoire и пр.), которую А. Баринъ по-

чему-то считаетъ стихотвореніемъ „d'importance secondaire"; ею проникнуты „Ночи", „Письмо къ Ламартину". Непосредственность передачи ощущеній обусловливаетъ другое свойство поэзіи Мюссѐ: онъ рисуетъ всегда себя, и та двойственность, которая проникала все его существо, отразилась и въ его поэзіи. Онъ былъ страстнымъ обожателемъ чистой любви, но, разъ окунувшись въ волны порока, ища забвенія, онъ не могъ смыть съ души пятна позора, падалъ все ниже, поднимаясь все выше мечтами. Таковы же всѣ его герои: власть разврата надъ душой человѣка—постоянная тема всѣхъ его драматическихъ произведеній (La Coupe et les lèvres, Lorenzaccio и пр.); раздвоеніе въ человѣкѣ между духомъ и чувствами и отчаяніе, сопровождающее его, изображены съ такой силой въ „Rolla", потому что Rolla—это Мюссѐ, потому что въ его душѣ жили два человѣка, которыхъ онъ изображаетъ или двумя (какъ въ Caprices de Marianne), или въ одномъ лицѣ циника-самоубійцы, полнаго презрѣнія къ себѣ, или, наконецъ, рисуетъ эту двойственность своего *я* въ „Nuit du Décembre".

Арведъ Баринъ останавливается на философскихъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ Мюссѐ, — но едва-ли можно приписать имъ серьезное значеніе. Мюссѐ отразилъ сложность и противорѣчивость душевной жизни современнаго человѣка; отразилъ онъ ее глубоко и правдиво, будучи самъ настоящимъ enfant du siècle, и потому такъ близокъ и понятенъ онъ намъ съ своими переходами отъ высшаго идеализма къ воспѣванію мимолетныхъ удовольствій, съ своей смѣсью пессимизма, цинизма и безграничной нѣжности души. Эта близость къ своему вѣку, къ душевной жизни своего поколѣнія, сдѣлала изъ Мюссѐ одного изъ тѣхъ любимыхъ поэтовъ, которыхъ не изучаютъ, а лишь читаютъ безъ конца и знаютъ наизусть. Исторія ихъ жизни представляетъ всегда большой интересъ для читающей публики, и въ этомъ отношеніи книжка Арведа Барина заслуживаетъ вниманія, какъ резюме литературныхъ мнѣній о Мюссѐ и какъ правдивый, интересно изложенный разсказъ о его жизни.

III.

The philosophy of the beautiful, by *W. Knight*. Part I—II. London. 1891—1893 (University extension manuals).

Двухтомное сочиненіе шотландскаго профессора В. Найта, излагающее въ сжатомъ видѣ сущность главнѣйшихъ эстетическихъ теорій, какъ древнихъ, такъ и главнымъ образомъ новыхъ, составляетъ одно изъ послѣднихъ изданій серіи „University Extension

Manuals". Придерживаясь основного принципа общеобразовательныхъ книгъ этой серіи, Найтъ предлагаетъ своимъ читателямъ нѣчто среднее между университетскимъ учебникомъ и спеціальнымъ научнымъ трактатомъ. Онъ резюмируетъ все сказанное теоретиками различныхъ временъ и странъ въ области эстетическихъ идей, давая при этомъ критическую оцѣнку ихъ ученій съ точки зрѣнія эволюціи идеи красоты.

Первая часть, вышедшая около двухъ лѣтъ тому назадъ, посвящена исторіи эстетики, начиная съ первыхъ проявленій искусства въ древнѣйшихъ памятникахъ до новѣйшихъ теорій прекраснаго въ сочиненіяхъ современныхъ европейскихъ критиковъ. Самый полный и интересный отдѣлъ книги—очеркъ эстетическаго развитія Англіи; онъ отличается, во-первыхъ, замѣчательной полнотой, что весьма важно для общеобразовательной цѣли, которую преслѣдуетъ авторъ: начиная отъ лорда Бэкона съ его „De Augmentis" и Шефтсбёри съ его „Moralists" и кончая Вальтеромъ Патеромъ и В. Моррисомъ, проф. Найтъ не пропускаетъ ни одной, имѣющей хотя бы временное, переходное значеніе, теоріи. Послѣ писателей XVII и XVIII вѣковъ, Аддисона, Драйдена, знаменитыхъ художниковъ Гогарта и Джошуа Рейнольдса съ ихъ теоретическими изложеніями идеи прекраснаго, Найтъ разсматриваетъ эстетиковъ послѣдняго вѣка, и въ критикѣ ихъ ученій яснѣе всего сказываются личные взгляды автора. Противникъ утилитарнаго взгляда на искусство, также какъ и теоріи „l'art pour l'art", онъ видитъ идеалъ искусства въ взаимодѣйствіи красоты, этики и знанія, въ соединеніи реализма исполненія съ идеализмомъ замысла. Это пониманіе цѣлей искусства заставляетъ его цѣнить въ Д. Рёскинѣ, знаменитомъ авторѣ „Modern Painters", главнымъ образомъ его этическія требованія отъ художниковъ; исходя изъ тѣхъ же принциповъ, Найтъ очень критически относится къ представителю эстетики пре-рафаэлитовъ, В. Патеру, для котораго критерій красоты и искусства лежитъ исключительно въ ощущеніяхъ человѣка, а не въ синтезирующей способности разума, обнимающаго субъективный и объективный элементы красоты. Слишкомъ поверхностна также въ книгѣ Найта передача эстетики В. Морриса. Поэтъ, вносящій элементъ прекраснаго во всѣ подробности жизни, заслуживалъ бы болѣе подробнаго изложенія его оригинальныхъ эстетическихъ идей.

Вторая часть „Philosophy of the beautiful" заключаетъ въ себѣ теоретическое изложеніе принциповъ эстетики. Авторъ довольствуется главнымъ образомъ передачей компетентныхъ взглядовъ на отношенія искусства къ природѣ, на необходимые элементы красоты, на взаимодѣйствіе реализма и идеализма и т. д. Свои личные взгляды

вторъ излагаетъ въ формѣ указаній или намековъ, „suggestions“, какъ онъ самъ это называетъ, стараясь главнымъ образомъ предостеречь читателя отъ крайностей разныхъ ученій и показать разнообразіе элементовъ, составляющихъ красоту и отражающее ее искусство. Это разнообразіе объясняетъ для него существованіе реализма и идеализма, какъ отдѣльныхъ школъ, и устанавливаетъ возможность соглашенія обоихъ ученій.

Отмѣтимъ въ сочиненіи Найта полноту библіографическихъ указаній, находящихся въ концѣ каждаго отдѣла. Въ книгѣ есть также небольшая глава о русской литературѣ, составленная Зин. Венгеровою; къ сожалѣнію, многія имена исковерканы здѣсь опечатками, болѣе или менѣе грубыми.—Z.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1893 г.

Государственный квартирный налогъ, его существенныя черты, и 186-я статья новаго Городового Положенія.—Газетныя извѣстія о трудахъ коммиссіи по пересмотру законовъ о призрѣніи бѣдныхъ въ имперіи.—Городское училищное дѣло въ Москвѣ за 25 лѣтъ, и исторія порядка управленія имъ.—Девятое письмо г-на И. С. Дурново о „либеральномъ слабосиліи“.

Въ № 126 „Правительственнаго Вѣстника“ было обнародовано Высочайше утвержденное, 24-го мая 1893 г., „Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ“, который будетъ отнынѣ взиматься „во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ европейской Россіи и царства польскаго“. Для этой цѣли всѣ города и поселенія подраздѣляются на классы, а именно, на пять классовъ, „сообразно со степенью дороговизны жилыхъ помѣщеній“—какъ то разъяснено въ самомъ законѣ (ст. 2). Пока составлено и утверждено „росписаніе“, помѣщенное въ приложеніи къ закону, только для первыхъ четырехъ классовъ, куда вошло не болѣе 220 городовъ, посадовъ и мѣстечекъ имперіи—весьма небольшая ихъ часть; всѣ остальные города, посады и мѣстечки, надобно думать, войдутъ въ составъ пятаго и послѣдняго класса, если не окажется возможнымъ помѣстить нѣкоторые изъ нихъ въ высшій классъ. Только два города, Петербургъ и Москва, отнесены къ I классу, какъ отличающіеся, значитъ, самою высокою степенью дороговизны жилыхъ помѣщеній; ко II классу отнесены всего 10 городовъ: Варшава, Вильно, Казань, Кіевъ, Кишиневъ, Одесса, Рига, Ростовъ-на-Дону, Саратовъ и Харьковъ. Въ составъ III класса вошло 67 городовъ (изъ нихъ губернскихъ 41 и уѣздныхъ 26); и наконецъ, IV классъ составляютъ—141 городъ (изъ нихъ губернскихъ всего 9, и уѣздныхъ 132). Что же касается до городовъ V класса, то росписаніе ихъ должно быть представлено на разсмотрѣніе государственнаго совѣта настолько заблаговременно, чтобы оно могло быть Высочайше утверждено до наступленія 1-го декабря текущаго года.

Установивъ такимъ образомъ, на основаніи предположенія о различныхъ степеняхъ дороговизны жилыхъ помѣщеній въ различныхъ городахъ имперіи, распредѣленіе ихъ на пять классовъ, новый законъ распредѣляетъ, кромѣ того, и жилыя помѣщенія на одинаковые, для всѣхъ городовъ одного и того же класса, разряды по наемной цѣнѣ этихъ помѣщеній. Какъ видно изъ приложенной къ закону

„вѣдомости окладовъ государственнаго квартирнаго налога", въ основаніе такого распредѣленія помѣщеній на разряды положено не только процентное, но и прогрессивное вычисленіе оклада: цѣна на квартиру принимается какъ бы за внѣшній признакъ степени доходности лица, и чѣмъ выше такая цѣна, тѣмъ состоятельнѣе считается лицо нанимателя, а потому тѣмъ выше и взимаемый % для опредѣленія оклада квартирнаго налога; при этомъ установленъ для каждаго изъ пяти классовъ свой minimum квартирной платы, ниже котораго квартира освобождается отъ всякаго налога. Такъ, въ городахъ I класса, т.-е. въ Петербургѣ и Москвѣ, квартира ниже 300 рублей вовсе не уплачиваетъ налога; квартира въ 300 р. уплачиваетъ нѣсколько болѣе 1½% съ своей цѣны (5 р.); въ 1.000 р. — свыше 3% (33 р.); въ 2.000 р.—свыше 4% (83 р.); въ 3.000 р. — свыше 5% (154 р.); въ 4.000 р.—свыше 6½% (264 р.); въ 5.000 р. — свыше 8% (413 р.); и наконецъ, въ 6.000 р. и такъ дальше — 10% съ цѣны квартиры (600 р. и т. д.); каждая тысяча рублей подраздѣляется еще на мелкіе разряды по десяткамъ и сотнямъ рублей, такъ что для городовъ I класса установлено, на 6 тысячъ, всего 35 разрядовъ оклада государственнаго квартирнаго налога.

Всѣ другіе классы городовъ отличаются отъ I класса тѣмъ, что въ нихъ минимумъ для освобожденія отъ налога, сравнительно съ I классомъ, менѣе льготенъ (II кл.—225 р.;—III кл.—150 р.;—IV кл. — 120 р., и V кл. — 60 р.), и въ то же время % взиманія съ цѣны квартиры — значительно выше. Вслѣдствіе того, напримѣръ, лицо, платящее за квартиру 1.200 рублей въ городѣ V класса (въ петербургской губерніи такими городами, вѣроятно, будутъ Луга и Гдовъ), подлежитъ налогу въ 10% съ квартирной цѣны, т.-е. 120 р.; а лицо, платящее за квартиру такую же цѣну, 1.200 рублей, въ городѣ I класса (Петербургъ), несетъ налогъ всего въ 33 рубля (немного болѣе 2½% съ квартирной цѣны), т.-е. квартирантъ въ Лугѣ или въ Гдовѣ за квартиру въ 1.200 р. уплачиваетъ налога болѣе, чѣмъ въ 3½ раза, сравнительно съ квартирантомъ въ Петербургѣ, уплачивающимъ тѣ же 1.200 рублей. Съ другой стороны, квартирантъ, уплачивающій въ Петербургѣ за квартиру 299 р., избавляется отъ налога, а въ Гдовѣ такой же квартирантъ заплатитъ 8 рублей. Въ объясненіе такого обремененія квартиранта въ уѣздномъ городѣ V класса, сравнительно съ квартирантомъ столичнаго города, платящимъ изъ своего годового бюджета ту же квартирную сумму, какую тотъ платитъ въ уѣздномъ, приводятъ то обстоятельство, что въ уѣздномъ городѣ за 1.200 р. можно получить болѣе обширную квартиру, нежели въ Петербургѣ; но въ такомъ случаѣ необходимо будетъ уже отступить отъ принципа, очевидно, положеннаго въ основаніе всего за-

кона о квартирномъ налогѣ, а именно, что квартирная плата есть показатель, болѣе или менѣе вѣрный, годового дохода лица; тутъ же квартирная плата является показателемъ существующихъ цѣнъ жилыхъ помѣщеній. Собственно говоря, и въ самомъ Петербургѣ дороговизна жилыхъ помѣщеній весьма различна по частямъ города, какъ о томъ можно судить по нормѣ квартирной платы, утвержденной городскою думою въ Петербургѣ для найма училищныхъ помѣщеній, состоящихъ вездѣ одинаково изъ 5—6 комнатъ, съ однимъ и тѣмъ же квадратнымъ ихъ измѣреніемъ во всѣхъ городскихъ частяхъ безъ различія; но на наемъ совершенно одинаковой по размѣрамъ училищной квартиры, безъ отопленія, въ Адмиралтейской части приходится ассигновать 1.110 р., а на Выборгской—625 рублей. Понятно, что на Выборгской за 1.100 руб. можно получить квартиру вдвое болѣе пространную, нежели въ Адмиралтейской, и потому, казалось, слѣдовало бы обложить ее высшимъ процентомъ, какъ это примѣнено къ уѣзднымъ городамъ, но законъ въ этомъ случаѣ такого различія не дѣлаетъ. Вотъ почему мы думаемъ, что если нѣтъ никакого другого мотива къ увеличенію квартирнаго налога въ уѣздныхъ городахъ, сравнительно съ губернскими и столичными городами, то не было ли бы справедливѣе не дѣлать никакого различія между ними по отношенію %, или иначе слѣдовало бы сдѣлать такое же различіе для различныхъ частей одного и того же большого города, въ чертѣ котораго встрѣчаются одновременно и высокія, столичныя цѣны, и низкія — уѣздныхъ городовъ. Впрочемъ, явившаяся необходимость отступить отъ принятаго принципа, а именно, что квартирная цѣна есть мѣрило для сужденія вообще о доходности лица—служитъ только новымъ доказательствомъ, что это мѣрило само по себѣ далеко не совершенное.

Окладъ государственнаго квартирнаго налога опредѣляется наемной цѣною одного жилого помѣщенія, но со всѣми его хозяйственными принадлежностями; не включается только плата за меблировку и отопленіе, при чемъ въ законѣ (ст. 10) указано, что на отопленіе изъ наемной платы за квартиру, нанятую съ отопленіемъ, вычитается 15%; сколько именно вычитается на плату за меблировку въ случаѣ, когда квартира нанята меблированною,—въ законѣ не указано. Самый окладъ налога опредѣляется ежегодно по цѣнѣ помѣщенія, которое было занято плательщикомъ 15-го декабря предшествовавшаго года (ст. 13); если плательщикъ перемѣнитъ свою квартиру до 7-го марта (ст. 14), въ томъ же самомъ или другомъ городѣ, на такую, за которую подлежитъ взиманію меньшій окладъ налога, то этотъ налогъ исчисляется по наемной цѣнѣ вновь занятаго помѣщенія. Сумма налога вносится вся сполна въ одинъ срокъ, 15-го апрѣля; только лица, служащія въ государственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учре-

жденіяхъ, имѣютъ право вносить налогъ въ два срока, 1-го мая и 1-го сентября (ст. 39 и 40). Просрочка свыше 10 дней влечетъ за собою пеню по 1% въ мѣсяцъ, а съ 15-го мая мѣстная полиція взыскиваетъ недоимку общимъ безспорнымъ порядкомъ; но губернскому по квартирному налогу присутствію предоставлено, по ходатайству плательщика, обремененнаго большимъ семействомъ или затрудненнаго тяжкою болѣзнью, потерею имущества и т. п. — разрѣшать отсрочку и разсрочку налога, безъ пени, но не болѣе одного года, а равно и сложеніе налога не свыше 50 рублей.

Таково въ главныхъ чертахъ существенное содержаніе новаго закона о государственномъ квартирномъ налогѣ. Очень возможно, что ближайшая практика укажетъ на необходимость тѣхъ или другихъ измѣненій, дополненій и разъясненій новаго закона; но нѣкоторое и теперь уже можетъ представиться не вполнѣ выясненнымъ. Такъ, для многихъ жителей Петербурга и окрестныхъ городовъ, служащихъ, какъ Петергофъ, Ораніенбаумъ, Царское Село, Павловскъ, лѣтнимъ мѣстопребываніемъ для жителей столицы, можетъ являться вопросъ: должны ли они, уплативъ 15-го апрѣля сполна весь квартирный налогъ въ столицѣ за текущій годъ, снова платить, напримѣръ, въ Петергофѣ, за нанятую ими дачу, и притомъ не на весь годъ, а только на три мѣсяца? Оклады квартирнаго налога—годовые, а не мѣсячные, а потому, казалось бы, что придется платить за годъ; съ другой же стороны, окладъ налога, по ст. 13., опредѣляется въ каждомъ году по цѣнѣ того помѣщенія, которое было занято плательщикомъ 15-го декабря предъидущаго года, т.-е. тогда, когда на дачѣ никто не живетъ, а слѣдовательно и дачникъ въ этотъ день ничего не платитъ за свою лѣтнюю квартиру... Вообще, единовременный взносъ квартирнаго налога за цѣлый годъ впередъ не соотвѣтствуетъ существующей практикѣ: никто не платитъ за квартиру за годъ впередъ, а только, и то въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, за полугодіе, всего же чаще—за 1 мѣсяцъ впередъ; при этомъ, менѣе достаточные люди, чтобы не платить одновременно за зимнее и лѣтнее помѣщеніе, устроиваются такъ, что съ мая по сентябрь совсѣмъ оставляютъ свою зимнюю квартиру, и къ осени нанимаютъ новую квартиру; такимъ лицамъ, за отсутствіемъ точнаго опредѣленія въ законѣ для подобнаго случая, можетъ придтись уплатить дважды квартирный налогъ, такъ какъ 15-го апрѣля они заплатили уже за весь годъ, а неизвѣстно—квитанція, полученная ими, освобождаетъ ли ихъ отъ вторичной платы за новую квартиру съ осени? Статья 14-я говоритъ только о тѣхъ лицахъ, которыя заявили о перемѣнѣ квартиры „до 7-го марта“.

Но, еще разъ повторяемъ, на практикѣ могутъ возникнуть многіе

и другіе вопросы, притомъ большей важности, и по указанію той же практики они могутъ быть и легко разрѣшаемы; это не измѣняетъ, конечно, общаго значенія новаго закона о государственномъ квартирномъ налогѣ, который, по замѣчанію одной изъ газетъ, былъ всѣми органами печати встрѣченъ съ сочувствіемъ. Это сочувствіе можетъ быть вполнѣ понятно, если въ квартирномъ налогѣ усматривать первый шагъ и подготовительное дѣйствіе для введенія подоходнаго налога, который вездѣ признается наиболѣе правомѣрнымъ для плательщиковъ и выгоднымъ для государственной казны.

Квартирантамъ, въ данную минуту, квартирный налогъ, конечно, представляется въ самомъ простомъ и непосредственномъ для ихъ бюджета видѣ, а именно, какъ одно простое увеличеніе платы за квартиру: кто до сихъ поръ платилъ въ С.-Петербургѣ, напримѣръ, 1.200 рублей, тотъ знаетъ только одно, что онъ теперь будетъ платить 1.239 руб., и притомъ именно въ апрѣлѣ онъ заплатитъ не 100 р., какъ платилъ ежемѣсячно до сихъ поръ, а 139 рублей; въ городѣ же V класса, т.-е. въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ, онъ заплатитъ при той же годовой квартирной цѣнѣ и также въ апрѣлѣ не прежніе 100 руб., а 220 рублей (100 рублей ежемѣсячная плата за квартиру, и 120 р. квартирный налогъ, вносимый единовременно). Это неудобство взиманія налога можетъ быть со временемъ легко устранено, если правило, существующее уже и теперь для служащихъ, которые могутъ вносить налогъ по полугодіямъ, сдѣлать общимъ; но едва-ли квартирантъ будетъ правъ, не усматривая въ квартирномъ налогѣ ничего, кромѣ простого увеличенія платы за квартиру. Всѣ нанимающіе жилыя помѣщенія, собственно говоря, всегда уплачивали квартирный налогъ, но въ другой формѣ и не непосредственно. Оцѣночный сборъ хотя и вносится такъ называемымъ домовладѣльцемъ, но, конечно, онъ раскладывается имъ на квартирантовъ; домовладѣлецъ до сихъ поръ былъ, такъ сказать, сборщикомъ квартирнаго налога, отвѣчавшимъ, впрочемъ, за полноту сбора и въ томъ случаѣ, еслибы та или другая квартира оставалась пустою. Такъ какъ онъ являлся плательщикомъ предъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, то именно ему были предоставлены прежнимъ Городовымъ Положеніемъ 1870 г., а теперь за домовладѣльцами укрѣплены еще болѣе, избирательныя права. Это обстоятельство было отчасти причиною того, что во многихъ городскихъ думахъ большинство было всегда противъ ходатайства о введеніи квартирнаго налога въ пользу города: опасались при этомъ, что квартирный налогъ повлечетъ за собою неизбѣжно существенное измѣненіе состава избирателей, который, собственно говоря, могъ бы такимъ образомъ только улучшиться, получивъ въ квартирантахъ настоящихъ городскихъ жителей, между тѣмъ какъ домовладѣніе, съ

цѣлью извлекать изъ него доходъ, есть промыселъ, какъ и всякій другой. Одна кіевская дума и, если не ошибаемся, одесская, ходатайствовала о введеніи квартирнаго налога, согласно предоставленному на то праву прежнимъ Городовымъ Положеніемъ; но эти ходатайства не имѣли для себя разрѣшенія.

Новый законъ о квартирномъ налогѣ обращается въ первый разъ именно къ самимъ квартирантамъ непосредственно, а съ другой стороны, новое Городовое Положеніе 1892 г. (ст. 136) предоставляетъ думамъ „ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о введеніи, въ пользу городского поселенія, сбора съ нанимателей квартиръ и другихъ жилыхъ помѣщеній; при представленіяхъ думъ по сему предмету должны быть прилагаемы подробныя предположенія о способѣ взиманія означеннаго сбора, о высшемъ размѣрѣ процентнаго обложенія наемной стоимости квартиръ и о тѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ, которыя, по малоцѣнности своей, подлежатъ освобожденію отъ сего сбора; такіе проекты вносятся министромъ внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ".

Въ виду того, что уже вступилъ въ дѣйствіе законъ 1893 года о „государственномъ" квартирномъ налогѣ, едва-ли удобно понимать теперь предоставленное городамъ новымъ Городовымъ Положеніемъ 1892 г. право ходатайствовать о такомъ же налогѣ въ пользу города, который былъ бы особымъ, „городскимъ" квартирнымъ налогомъ, сверхъ государственнаго налога; ходатайства думъ теперь могутъ быть обращены только къ тому, чтобы тотъ или другой процентъ изъ государственнаго квартирнаго налога былъ предоставленъ городамъ, подобно тому, какъ это уже практикуется при другихъ государственныхъ сборахъ. Конечно, такое непосредственное участіе квартирантовъ въ пополненіи городской кассы должно будетъ повлечь за собою и участіе ихъ въ городскомъ общественномъ управленіи, какъ избирателей, а также и избираемыхъ. Впрочемъ, отъ законодателя всегда зависитъ установить на первое время и размѣръ налога, и число лѣтъ постояннаго пребыванія на мѣстѣ для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ, а потому нельзя опасаться слишкомъ рѣзкаго перехода отъ одного состава избирателей къ другому, хотя и болѣе многочисленному, но зато и захватывающему большее число лицъ, которыя могли бы лучше послужить городу. Во всякомъ случаѣ, государственный квартирный налогъ, какъ и всякій другой новый налогъ, ослабитъ платежныя силы городскихъ обывателей, а слѣдовательно, тѣмъ самымъ еще болѣе затруднитъ городское общественное управленіе въ полученіи новыхъ средствъ изъ бюджета тѣхъ же самыхъ жителей; необходимо потому допустить мысль о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ извѣстный процентъ государственнаго

квартирнаго налога шелъ на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ обывателей, а не однѣхъ общегосударственныхъ.

Текущій годъ ознаменовался еще приступомъ къ разсмотрѣнію весьма важнаго дѣла, остававшагося въ теченіе цѣлаго полустолѣтія безъ всякаго движенія,—мы разумѣемъ дѣло организаціи въ Россіи призрѣнія бѣдныхъ. Послѣднія общія узаконенія, устроившія такую организацію, притомъ временную и главнымъ образомъ только для Петербурга и Москвы, относятся еще къ 1830-мъ годамъ; въ результатѣ того оказались тогда комитеты для разбора и призрѣнія нищихъ въ обѣихъ столицахъ. Попытка въ концѣ 1880-хъ годовъ преобразовать ихъ, соотвѣтственно современнымъ потребностямъ, завершилась тѣмъ, что въ Москвѣ городское общественное управленіе приняло на себя обязанности комитета, петербургское же—отклонило отъ себя это дѣло, а потому петербургскій комитетъ оставленъ на прежнемъ основаніи, вѣроятно, въ виду того, что одновременно съ тѣмъ положено было приступить къ коренному пересмотру всѣхъ дѣйствующихъ законовъ въ имперіи о призрѣніи бѣдныхъ. Подготовительная работа, которая могла бы лечь въ основаніе при окончательномъ составленіи будущаго закона, возложена была на особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ ст.-секретаря К. К. Грота; въ составъ ея вошли какъ представители различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, такъ и представители городовъ и земствъ. Коммиссія приступила къ работамъ еще въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года, и только въ іюлѣ появились въ газетахъ первыя, болѣе подробныя свѣденія о тѣхъ результатахъ, къ которымъ пришла коммиссія. Изъ сообщеннаго „Московскими Вѣдомостями" слѣдуетъ заключить, что коммиссія имѣла въ первой половинѣ года всего два засѣданія: одно въ январѣ и другое—въ іюнѣ. Въ январѣ коммиссія могла намѣтить, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, планъ будущихъ работъ, и во исполненіе такого плана тогда же была выбрана субкоммиссія изъ шести членовъ для составленія доклада по общимъ вопросамъ организаціи призрѣнія бѣдныхъ. Очевидно, предполагалось вслѣдъ затѣмъ, установивъ прочное рѣшеніе такихъ общихъ вопросовъ, приступить къ разработкѣ дѣла во всѣхъ его подробностяхъ. „Московскія Вѣдомости" сообщаютъ сущность самаго доклада, одобряютъ общія положенія проекта субкоммиссіи, и если въ новомъ засѣданіи коммиссіи, въ іюнѣ мѣсяцѣ, обсужденіе этого проекта не привело ни къ какимъ результатамъ, то, какъ объясняетъ газета, единственно потому, что „значительная сложность вопросовъ, затрогиваемыхъ отдѣльными положеніями проекта (субкоммиссіи) вынудила ком-

миссію, за наступленіемъ лѣтняго перерыва въ занятіяхъ, отложить начатое обсужденіе его до осени". Но, судя по тѣмъ отдѣльнымъ положеніямъ проекта, которыя приводятся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", можно думать, что не одинъ лѣтній перерывъ остановилъ окончательное обсужденіе работы субкоммиссіи, а также и сущность самыхъ положеній, которыя, по нашему мнѣнію, далеко не безспорны, если допустить точность всего сообщаемаго газетою,—и, вѣроятно, потребовали потому новаго ихъ пересмотра. Впрочемъ, и въ средѣ самой субкоммиссіи образовалось не мало особыхъ мнѣній, что̀ нисколько и не удивительно въ такомъ сложномъ и новомъ для насъ дѣлѣ, какъ полная организація призрѣнія бѣдныхъ, для правильнаго осуществленія которой потребовалось бы, можетъ быть, коснуться и другихъ вопросовъ въ сферахъ, повидимому, лежащихъ за предѣлами спеціальнаго вопроса.

Во главѣ положеній субкоммиссіи стоитъ слѣдующее: призрѣніе бѣдныхъ есть *обязательное* дѣло государственнаго управленія, которое должно быть строго отграничено отъ частной благотворительной дѣятельности, какъ необязательной. Но если призрѣніе бѣдныхъ, по мнѣнію субкоммиссіи, есть обязанность для государственнаго управленія, то отсюда, конечно, возникаетъ право для каждаго нуждающагося жителя въ государствѣ ожидать помощи для себя отъ государства—и субкомиссія послѣдовательно допускаетъ это право, но съ такою оговоркою, что вышеупомянутая обязанность можетъ быть сведена къ немногому: только тѣ имѣютъ право требовать отъ государства вспомоществованія, которымъ отказали въ помощи родственники или замѣняющія ихъ лица, обязанныя къ оказанію такой помощи по существующимъ узаконеніямъ. Правда, коммиссія признаетъ въ частности право на вспомоществованіе отъ государства для всѣхъ неспособныхъ къ работѣ, по слишкомъ раннему или преклонному возрасту и по хроническимъ недугамъ, а также и для временно впавшихъ въ нищету, по внезапному бѣдствію. Но и въ этомъ размѣрѣ едва-ли какое-нибудь государство возьметъ на себя „обязанность" призрѣнія, съ увѣренностью исполнить ее до конца. Повидимому, и сама субкоммиссія хорошо сознаетъ это, такъ какъ она предвидитъ необходимость восполнить относительную недостаточность правительственной помощи, предоставивъ такое восполненіе всецѣло частной благотворительности, такъ какъ, въ противоположность индивидуализирующему направленію частной благотворительной дѣятельности, государственное призрѣніе, по мнѣнію субкоммиссіи, должно дѣйствовать съ извѣстнымъ равнодушіемъ и нѣкоторою формальностью; правительство, полагаетъ субкоммиссія, находится всегда въ необходимости выбирать самый дешевый и нарочно обставленный разными стѣснительными условіями способъ вспо-

моженія... Намъ кажутся всѣ эти соображенія не лишенными основанія, но какъ же все это примирить съ основнымъ положеніемъ проекта субкоммиссіи о томъ, что призрѣніе составляетъ обязанность государства, и къ чему приведетъ право на такое призрѣніе всѣхъ нуждающихся, если правительство обставитъ осуществленіе такого права стѣснительными условіями и формальностями, и вообще будетъ относиться къ дѣлу призрѣнія съ равнодушіемъ? Вотъ почему намъ кажется гораздо болѣе основательнымъ и даже безспорнымъ другой, пока только высказанный, но еще не разработанный взглядъ субкоммиссіи на значеніе частной и общественной благотворительности въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ въ государствѣ; она признаетъ это значеніе „громаднымъ", впередъ высказывается за предоставленіе возможно широкой свободы дѣятельности благотворительнымъ учрежденіямъ, и полагаетъ, что правительственное воздѣйствіе на эту дѣятельность должно ограничиться требованіями преимущественно отрицательнаго характера, т.-е. контролемъ, для предупрежденія какъ злоупотребленій, такъ и нецѣлесообразныхъ расходовъ. Если же это такъ, то не было ли бы правильнѣе начать работу именно съ организаціи общественной и частной благотворительности, и затѣмъ уже приступить къ тому, что̀ тогда не представило бы и особыхъ затрудненій, а именно, къ устройству правительственнаго контроля и опредѣленія тѣхъ условій, при которыхъ государство, не беря на себя веденія самаго дѣла призрѣнія бѣдныхъ, оказывало бы земствамъ, городамъ и частнымъ обществамъ пособіе съ своей стороны. Субкоммиссія задалась обратною цѣлью—устроить контроль, прежде нежели выяснится предметъ контроля, а вслѣдствіе того получилась въ проектѣ цѣлая іерархическая лѣстница: участковыя попечительства въ волости; надъ ними—уѣздныя; еще выше—губернскія; надъ всѣмъ этимъ—особое (?) центральное учрежденіе, организаціи котораго субкоммиссія пока не касается и ограничивается однимъ проектированіемъ лишь вышеупомянутыхъ мѣстныхъ органовъ. „Противъ этой проектированной организаціи попечительствъ,—говорятъ „Московскія Вѣдомости",—можно возразить весьма немногое"—non multa, sed multum, доскажемъ отъ себя: нельзя уже и теперь не предвидѣть большихъ затрудненій, когда придется привести такую сложную машину государственной благотворительности въ соприкосновеніе съ частною благотворительностью, и въ то же время не убить послѣдней. Это, конечно, всего одно возраженіе, но, въ случаѣ основательности его, оно одно можетъ стоить многихъ иныхъ. „Московскія Вѣдомости" были встревожены другимъ недостаткомъ организаціи государственнаго призрѣнія: „намъ кажется, — говоритъ газета объ участковомъ волостномъ попечительствѣ,—необходимымъ, помимо поименованныхъ лицъ (пред-

сѣдатель волостного участковаго попечительства и кандидатъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ постоянное жительство въ мѣстѣ избранія, избираемый на 3 года уѣзднымъ попечительствомъ; члены: священнослужитель, по назначенію своего вѣдомства; 3 землевладѣльца или ихъ представители, избираемые также уѣзднымъ попечительствомъ; волостной старшина; мѣстный врачъ, если окажется такой; не болѣе (?) трехъ выборныхъ отъ крестьянъ), привлечь въ составъ сельскихъ (волостныхъ) попечительствъ еще земскихъ начальниковъ, какъ лицъ, близко стоящихъ къ народу и вѣдающихъ его нужды; они же должны входить, какъ обязательные члены, и въ составъ уѣзднаго попечительства". Но это, очевидно, недосмотръ со стороны газеты, такъ какъ въ проектѣ субкомиссіи мѣстный земскій начальникъ также поименованъ въ числѣ членовъ сельскаго участковаго попечительства, и названъ даже „почетнымъ", но, вѣроятно, только въ томъ смыслѣ, что онъ считается непремѣннымъ членомъ, такъ какъ для почета тутъ нѣтъ основанія. Въ уѣздномъ же попечительствѣ не могло бы быть удобно присутствіе земскаго начальника, ибо тамъ, между прочимъ, разсматриваются жалобы на дѣйствія волостныхъ участковыхъ попечительствъ, а слѣдовательно, ему могло бы случиться принимать участіе въ сужденіи о его же дѣйствіяхъ.

Самая трудная часть въ дѣлѣ призрѣнія — финансовая; субкомиссія рѣшаетъ ее, повидимому, безъ особаго труда, а потому эта сторона ея проекта намъ представляется наиболѣе слабою. Главнымъ рессурсомъ, по предположенію субкомиссіи, должно служить ежегодное назначеніе его—по земскимъ, а слѣдовательно, и по городскимъ смѣтамъ—средствъ, необходимыхъ для дѣла призрѣнія, и такое назначеніе должно быть признано обязательнымъ; если же у земства и городовъ недостанетъ средствъ, то на такой случай слѣдуетъ образовать особый фондъ государственнаго призрѣнія, составленный при помощи особаго сбора на этотъ предметъ со всего населенія имперіи. Подобный финансовый планъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе подтверждаетъ необходимость прежде всего позаботиться объ организаціи общественной и частной благотворительности, и тогда установленіе правительственнаго контроля надъ нею и условій поддержки ея со стороны государства представитъ менѣе затрудненій.

Какъ бы то ни было, нельзя, однако, не привѣтствовать перваго труда субкомиссіи: этотъ трудъ полагаетъ, по крайней мѣрѣ, начало конца такому важному дѣлу, какъ призрѣніе бѣдныхъ, остававшемуся, какъ мы видѣли, безъ всякаго движенія цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, несмотря на то, что необходимость новаго законодательства по этому предмету сдѣлалась давно очевидною. Если субкомиссія употребила на свою первую работу три, четыре мѣсяца,—то и это нисколько не

удивительно, такъ какъ она въ нашемъ прошедшемъ не имѣла для себя никакой опоры, предъ нею была—tabula rasa...

Въ послѣднія два десятилѣтія наши земства и города, и особенно столичные, а также и нѣкоторые изъ губернскихъ, какъ Одесса, Херсонъ—на югѣ, и Иркутскъ на далекомъ востокѣ, сдѣлали замѣчательные успѣхи на поприщѣ начальнаго образованія, ввѣреннаго „Положеніемъ о начальныхъ училищахъ 1874 г.“ попеченію и заботамъ городскихъ и земскихъ общественныхъ управленій. Только городъ Москва одинъ, если не ошибаемся, принялъ въ свое вѣдѣніе училищное дѣло еще до введенія въ дѣйствіе упомянутаго „Положенія“, а потому теперь исполнялось уже цѣлое двадцатипятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ это важное дѣло ведется въ Москвѣ городскимъ общественнымъ управленіемъ. По этому поводу, въ послѣдней „Вѣдомости о начальныхъ училищахъ города Москвы, къ 1-му января 1893 г.“, приведена интересная „погодная таблица“ числа московскихъ начальныхъ училищъ, учащихся въ нихъ и расхода на училищное дѣло, за всѣ 25 лѣтъ; изъ этой таблицы можно видѣть наглядно, съ какою быстротою росло это дѣло въ Москвѣ:

Годъ:	Открыто училищъ: Муж.	Жен.	Смѣш.	Всего:	Учащихся об. пола:	Содержаніе:
въ 1867	—	5	—	5	157	5.500 р.
къ 1877	17	16	—	33	3.377	127.000 „
„ 1887	34	36	6	76	9.075	341.000 „
„ 1892	43	41	2	86	11.856	411.000 „

Итакъ, дѣло началось 25 лѣтъ тому назадъ съ полутораста учащихся об. пола, а теперь цифра ихъ достигаетъ уже 12.000 дѣтей обоего пола; въ среднемъ, число учащихся поднималось ежегодно на 500, но въ послѣднее время оно росло несравненно быстрѣе: такъ, съ 1891 г. это число увеличилось въ 1892 г. на цѣлую тысячу.

Первоначально въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ до настоящаго времени, училища открывались на 50 дѣтей и съ двумя учащими; а съ 1870 года составъ училищъ увеличенъ до 100 учащихся съ 3 отдѣленіями и 3 учащими. Съ 1880 г. послѣдовала важная перемѣна: кромѣ открытія новыхъ училищъ, открывались еще параллельныя отдѣленія при прежнихъ, съ 150 учащимися и при 4 учащихъ; а съ 1886 г. въ нѣкоторыхъ училищахъ открыты по 2 параллельныхъ отдѣленія, съ 200 учащимися и съ 5 учащими. Такимъ образомъ дѣлается вполнѣ понятнымъ, почему въ Москвѣ въ 86 училищахъ обучается около 12.000 дѣтей, а въ Петербургѣ, при 291 училищѣ, въ 1892 г. обучалось только около 14.000: 86 московскихъ учи-

лищъ имѣютъ 301 отдѣленіе, изъ которыхъ на каждое въ среднемъ приходится около 40 учащихся, а въ Петербургѣ цѣлое училище содержитъ въ себѣ до 50 учащихся.

По поводу совершившагося 25-лѣтія московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ въ той же „Вѣдомости" приводится весьма краткій, чисто-фактическій очеркъ (стр. XV) городского управленія училищами и тѣхъ видоизмѣненій, какія оно испытало на себѣ за весь этотъ періодъ времени. Постараемся дополнить этотъ очеркъ тѣми свѣдѣніями, какія у насъ имѣются подъ рукою, такъ какъ городское управленіе училищами въ Москвѣ представляетъ много особенностей сравнительно съ тѣмъ же управленіемъ въ Петербургѣ и возбуждаетъ до сихъ поръ не мало споровъ о ихъ относительныхъ преимуществахъ и недостаткахъ. Какъ замѣчено выше, Москва приняла въ вѣденіе города училищное дѣло гораздо прежде „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 г.", а именно, съ 1867 года, и потому московская городская дума сама должна была тогда рѣшить вопросъ объ устройствѣ управленія городскими училищами, и съ этою цѣлью образовала особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ ректора университа С. И. Баршева; въ составъ ея вошли, между прочими, В. А. Дашковъ, М. Н. Катковъ, Д. А. Наумовъ, М. П. Погодинъ, Н. М. Щепкинъ и др. Эта-то коммиссія, еще до „Положенія о начальныхъ училищахъ 1874 г.", учредила комитетъ изъ попечителей и попечительницъ—„для содѣйствія успѣшному развитію училищъ и для ближайшаго завѣдыванія оными". Первоначально дума избирала только попечителя для каждой школы, какъ изъ гласныхъ, такъ и не изъ гласныхъ; попечитель самъ приглашалъ себѣ въ помощь попечительницу: самъ онъ бралъ на себя школьное хозяйство, а школьнымъ дѣломъ завѣдывала попечительница. Когда попечитель выбывалъ ранѣе срока, то попечительница предлагала думѣ для избранія двухъ кандидатовъ — въ видахъ устраненія возможныхъ между ними пререканій, въ случаѣ прямого назначенія новаго попечителя думою.

Новое еще тогда Городовое Положеніе 1870 г. нѣсколько видоизмѣнило такое первоначальное устройство управленія городскими училищами: комитетъ былъ преобразованъ въ „совѣтъ попечителей и попечительницъ городскихъ начальныхъ училищъ", состоящій при думѣ, какъ бrганъ только совѣщательный, а исполнительное дѣло по завѣдыванію училищами перешло въ городскую управу, куда былъ избранъ особый членъ спеціально для училищъ. Но ближайшее завѣдываніе училищами по-прежнему принадлежало попечителю или попечительницѣ, и совѣтъ ихъ самъ избиралъ себѣ предсѣдателя. Только въ 1877 г., по требованію министерства народн. просвѣщенія и на основаніи новаго тогда „Положенія о начальныхъ училищахъ

1874 г.", стали избираться для каждаго училища или попечитель, или попечительница. Въ томъ же 1877 году, при избраніи двухъ членовъ отъ города въ открываемый городской училищный совѣтъ, было постановлено возложить на нихъ обязанности членовъ городской управы, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ, ближе завѣдуя училищами, получалъ окладъ жалованья наравнѣ со всѣми членами управы.

Но въ 1888 г. этотъ порядокъ управленія городскими училищами въ Москвѣ, послѣ 20-лѣтняго существованія, былъ измѣненъ существенно: по опредѣленію московскаго губернскаго присутствія, въ 1888 г., совѣтъ попечителей и попечительницъ училищъ былъ закрытъ, а городская дума учредила училищную коммиссію только изъ тѣхъ попечителей училищъ, которые состоятъ гласными (около 20 лицъ); остальные попечители и попечительницы приглашаются въ эту коммиссію для участія въ обсужденіи дѣлъ. Эта послѣдняя перемѣна, по отзывамъ московской печати, привела къ тому, что нынѣшнее управленіе московскими городскими училищами „во многомъ представляется неудовлетворительнымъ, хотя и теперь полезное вліяніе института попечителей и попечительницъ вполнѣ оказывается во многихъ случаяхъ... Необходимость коллегіальнаго управленія школами, необходимость возобновить при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстной формѣ полезную дѣятельность совѣта попечителей и попечительницъ, необходимость дѣйствительнаго и обдуманнаго избранія этихъ лицъ въ городской думѣ—таковы главнѣйшія стороны вопроса, вполнѣ уже выяснившіяся" („Русск. Вѣдом.", 1892, № 102).

Мы остановились нѣсколько дольше на судьбахъ управленія московскими городскими училищами, именно, вслѣдствіе того, что и новой петербургской думѣ предстоитъ вскорѣ обсуждать способъ дальнѣйшаго управленія своими училищами, въ виду необходимости разсмотрѣть предварительно извѣстное предложеніе министерства нар. просвѣщенія о существенномъ видоизмѣненіи этого управленія. То, что происходило въ Москвѣ по тому же предмету, можетъ послужить и въ Петербургѣ полезнымъ указаніемъ опыта.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 178, іюня 1) появилось „девятое письмо" г. И. С. Дурново, подъ заглавіемъ: „Нѣчто о либеральномъ слабосиліи"; но, къ сожалѣнію, и оно не отличается большею силою и не имѣетъ ничего общаго съ „девятымъ валомъ". Авторъ на этотъ разъ превзошелъ только самого себя; прочтя возраженія въ іюльской книгѣ нашего журнала на его предъидущія письма, гдѣ имъ обсуждался вопросъ объ инородцахъ въ Россіи, онъ,

какъ это нынѣ случается не съ нимъ однимъ, отождествилъ себя съ Россіею и нашелъ, что возражать ему, значитъ ненавидѣть его, а ненавидѣть его—это то же, что быть ненавистникомъ отечества. „Бранчивыя (?) выходки „Вѣстника Европы",—говоритъ онъ,—ярко и выпукло рисуютъ ненависть его къ русскому народному направленію и къ людямъ, являющимся въ печати защитниками русскихъ интересовъ. Причины этой ненависти весьма понятны (кому?) и прозрачны, и со стороны редакціи „Вѣстника Европы" довольно естественны. Вотъ почему ея негодованіе меня и не трогаетъ. Я бы испугался—*за себя* (курсивъ автора) испугался, еслибы меня *тамъ не* (курс. авт.) ненавидѣли..." При всемъ нашемъ желаніи не причинять испуга почтенному автору, мы должны, однако, испугать его, чистосердечно сознавшись, что не испытываемъ и не можемъ испытывать ни малѣйшей къ нему „ненависти"; позволяемъ себѣ только одну смѣлость—не всегда раздѣлять его образъ мыслей, какъ это и случилось по вопросу объ инородцахъ въ Россіи. Случилось же это по причинамъ, которыя едва-ли автору понятны и прозрачны, какъ онъ, повидимому, въ томъ убѣжденъ, но для редакціи „Вѣстника Европы" дѣйствительно вполнѣ естественны—тутъ онъ угадалъ. Предлагаемая и защищаемая авторомъ политика по отношенію инородцевъ есть политика мелкихъ народовъ, замкнувшихся въ себѣ, безъ далекой будущности; великія націи слѣдовали всегда болѣе широкой политикѣ, и подъ защитою національныхъ интересовъ разумѣли не приниженіе инородцевъ, а поднятіе до высокой степени культуры своей національности; это всегда и вездѣ составляло вмѣстѣ и вѣрнѣйшее средство къ тому, чтобы притянуть къ себѣ всѣ инородческіе элементы. Россію же мы—да и не мы одни—относимъ къ числу великихъ націй; авторъ, повидимому, держится иного взгляда...

Впрочемъ, мы вовсе не намѣрены продолжать полемику съ г. И. С. Дурново и оставили бы его девятое письмо безъ всякаго вниманія, еслибы оно не заключало въ себѣ просьбы автора, обращенной прямо къ намъ. Онъ нашелъ въ журналѣ, какъ мы видѣли, „бранчивыя выходки" противъ него; образчикомъ подобныхъ выходокъ авторъ представляетъ слово: „зилотъ", обращенное по его адресу — и вотъ онъ по этому поводу проситъ насъ, на будущее время, въ полемикѣ съ нимъ—„щадить чистоту и правильность русскаго языка, т.-е. того самаго орудія, которымъ „В. Е." защищаетъ права инородцевъ. Къ чему, напримѣръ, это слово „зилотъ", составляющее простую транскрипцію (sic!) англійскаго (!!) zealot (отъ zeal, французъ. zèle, рвеніе, усердіе), т.-е. ревнитель, радѣтель, въ переносномъ смыслѣ — изувѣръ. Ну, не все ли равно было бы обозвать

меня „ультрамонтанскимъ изувѣромъ“? Эффектъ былъ бы тотъ же самый, смыслу было бы столько же, и не понадобилось бы переписывать русскими буквами иностранное (!?) слово, не имѣющее пока (!) права гражданства въ русскомъ языкѣ и могущее быть вполнѣ замѣненнымъ равнозначущимъ русскимъ выраженіемъ. Ужъ не намѣренъ ли „В. Е.“ вводить „равноправность инородцевъ“ и въ словарь русскаго языка, и мы имѣемъ присутствовать (!) при возобновленіи „Вѣстникомъ“ разныхъ „ассамблей“, вмѣсто „собраній“, „баталій“, вмѣсто „сраженій“, „викторій“, вмѣсто „побѣдъ“ и т. п.?“

Не можемъ — увы! — исполнить и этой новой просьбы почтеннаго автора, такъ какъ намъ пришлось бы, въ угоду ему, отказаться отъ употребленія даже такихъ словъ, какъ: библія, евангеліе, апостолъ, апостатъ и мн. друг.; все это онъ, пожалуй, опять приметъ за „транскрипцію“, переписываніе русскими буквами „иностранныхъ“ словъ; вѣдь слово „зилотъ“ также вовсе не англійское и не французское, какъ въ томъ убѣжденъ авторъ, а столько же древне-греческое (ζηλοτής), какъ и „библія“, „евангеліе“ и т. д.; оно имѣетъ давно уже всѣ права гражданства, такъ какъ усвоено нами много вѣковъ тому назадъ, когда и была въ первый разъ сдѣлана „транскрипція“ этого слова, и уже конечно не нами, а св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, и притомъ не съ англійскаго, а прямо съ древне-греческаго языка... Возможно ли, однако, предположить, чтобы такому ревнителю народнаго направленія, какъ г. И. С. Дурново, не случилось никогда ни читать, ни слышать чтеніе евангелія на славянскомъ и русскомъ языкѣ, а только на англійскомъ или на французскомъ?!

Несомнѣннымъ пока остается одно, а именно, что почтенный авторъ совершенно напрасно далъ намъ на будущее время совѣтъ „щадить чистоту и правильность русскаго языка, т.-е. того самаго орудія, которымъ „В. Е.“ защищаетъ права инородцевъ“; скорѣе и съ большею основательностью мы могли бы посовѣтовать ему ознакомиться предварительно хотя бы съ начатками исторіи отечественнаго языка, т.-е. того самаго орудія, при помощи котораго онъ воюетъ съ инородцами, забывая при этомъ французскую пословицу: pas trop de zèle!

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Отъ Комитета Грамотности по сбору пожертвованій на сооруженіе школы имени А. Н. Энгельгардта.

Въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, 18-го мая сего года, избрана Коммиссія въ составѣ нижеподписавшихся для сбора пожертвованій на сооруженіе въ деревнѣ Батищево, Смоленской губ., гдѣ протекла значительная часть жизни и плодотворной дѣятельности Александра Николаевича Энгельгардта, образцовой народной школы его имени.

Общественное значеніе покойнаго Александра Николаевича далеко не исчерпывается узкой сферой его спеціальности, которой преимущественно были посвящены послѣдніе годы его жизни: онъ вообще оставилъ глубокій слѣдъ въ умственной жизни русскаго общества. Сооруженіе общеобразовательной школы его имени на средства, почерпнутыя изъ среды самого же общества, нужно надѣяться, встрѣтитъ широкое сочувствіе, какъ наилучшій способъ увѣковѣчить память покойнаго.

Желая дать возможность многочисленнымъ почитателямъ А. Н. откликнуться на призывъ С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, Коммиссія имѣетъ честь объявить, что пожертвованія могутъ быть доставляемы лично и по почтѣ на имя предсѣдателя Коммиссіи, Николая Платоновича Карабчевскаго (С.-Петербургъ, Захарьевская, 13).

О поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно данъ подробный отчетъ на страницахъ періодическихъ изданій.

II.—Отъ Совѣта Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ.

Слѣпота есть великое несчастіе въ жизни человѣка—между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ вô-время сдѣланной операціи или иного рода леченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма немногимъ, а большинство гибнетъ навсегда, теряя зрѣніе.

Попечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя

мѣстности Россіи, для подачи нужной помощи страдающимъ глазными болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у предсѣдателя Совѣта статсъ-секретаря Грота, въ томъ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ.

ПОПРАВКИ.

Въ іюльской книгѣ слѣдуетъ исправить:

Стран.	Строк.	Напечатано:	Вмѣсто:
429	1 св.	Скучная и безполезная полемика, касающаяся мелочей и личностей, даже продолжительная, имѣетъ и т. д.	Скучная и безполезная, когда она касается мелочей и личностей, полемика, даже продолжительная, имѣетъ и т. д.
432	13 „	не одно и то же?	одно и то же?
436	— „	государства.	гражданства.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1893.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — августъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Гр. Джаншіева. Съ портретомъ В. А. Арцимовича и двумя библіотечными карточками. 4-е вновь дополненное изданіе. Москва, 1893. Стр. LX и 591. Ц. 2 р.

Книга г. Джаншіева появилась въ началѣ прошлаго года, а теперь потребовалось уже четвертое ея изданіе. Подобный успѣхъ очень рѣдко выпадаетъ на долю книгъ серьезнаго содержанія и не можетъ быть объясненъ какими-либо случайными причинами. Очевидно, эпоха великихъ реформъ пользуется еще симпатіями значительной части русскаго общества, несмотря на всѣ усилія и увѣренія ретроградной журналистики. Сочувственный откликъ, встрѣченный въ публикѣ „историческими справками“ г. Джаншіева,— какъ справедливо замѣчаетъ самъ авторъ въ предисловіи къ третьему изданію, — представляетъ „фактъ поучительный и, можетъ быть, имѣющій, въ ряду другихъ фактовъ, нѣкоторый общественный интересъ, въ качествѣ симптома современнаго настроенія“. Книга дополнена новыми свѣдѣніями и справками: особенное вниманіе обращаетъ на себя тепло написанный очеркъ дѣятельности покойнаго В. А. Арцимовича, съ портретомъ; въ заключительныхъ главахъ прибавлены „юбилейныя“ характеристики Е. П. Старицкаго, В. Н. Герарда и И. Я. Фойницкаго, а также некрологи нѣкоторыхъ судебныхъ дѣятелей.

I. **Каблицъ** (І. Юзовъ). Основы народничества. Часть II. Второе, дополненное изданіе. Спб., 1893. Стр. 509. Ц. 2 р.

Книга эта имѣла въ первомъ изданіи другое заглавіе — „Интеллигенція и народъ“; переработка ея въ видѣ второй части сочиненія о народничествѣ вызвана была, вѣроятно, желаніемъ дать болѣе подробное и ясное развитіе идеямъ, которыя многимъ казались весьма темными и противорѣчивыми. Въ нашемъ журналѣ говорилось въ свое время о странныхъ особенностяхъ разсужденій г. Каблица, и новый трудъ автора прибавляетъ только новыя недоумѣнія къ прежнимъ. Въ книгѣ нагромождена цѣлая масса разнороднаго матеріала по всевозможнымъ вопросамъ и предметамъ, начиная съ отвлеченной философіи и кончая знахарствомъ и колдовствомъ; множество цитатъ, свѣдѣній и фактовъ, приводимыхъ авторомъ, свидѣтельствуетъ объ его большой начитанности и трудолюбіи. Значительная часть сочиненія посвящена ожесточенной полемикѣ противъ предполагаемыхъ враговъ народа, которыми оказываются прежде всего представители такъ называемой интеллигенціи, особенно либеральные писатели и „народолюбцы“. Послѣднихъ авторъ, повидимому, считаетъ наиболѣе опасными, ибо народолюбцы, уважающіе только интересы, но не мнѣнія крестьянъ, „способны нарушать основныя права личности, даже не помышляя о томъ, что̀ они дѣлаютъ, какъ будто они имѣютъ дѣло не съ людьми, а съ любимыми собаками и кошками“ (стр. 76). Направляя все свое негодованіе на этихъ ужасныхъ народолюбцевъ, не уважающихъ мнѣній мужика, г-нъ Каблицъ умалчиваетъ о тѣхъ, которые проповѣдуютъ необходимость извѣстнаго рода экзекуцій надъ крестьянами; практика тѣлесныхъ наказаній, очевидно, нисколько не занимаетъ автора, хотя она ближе всего касается того народа, о которомъ толкуютъ теоретики „народничества“. Серьезно разбирать разсужденія г. Каблица было бы напрасной тратой времени. Писателей онъ относитъ къ „интеллигентной бюрократіи“ (!) и говоритъ безразлично объ интеллигенціи, въ лицѣ либеральныхъ публицистовъ, и объ интеллигенціи въ лицѣ земскихъ начальниковъ. При такой системѣ авторъ можетъ издать еще не одинъ томъ о народничествѣ, и его идеи останутся столь же темными, а книги останутся столь же безплодными, какъ были прежде.

Разсказы изъ русской исторіи. Б. А. Павловича. 4-е изданіе. Съ 23 рисунками. Спб., 1893. Стр. 286. Ц. 1 р. 25 к.

Историческіе очерки г. Павловича давно уже пользуются заслуженною популярностью въ ряду нашихъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Главнѣйшія эпохи нашей исторіи изображаются авторомъ въ формѣ живыхъ разсказовъ, характеристикъ и анекдотовъ, могущихъ заинтересовать юныхъ читателей. Въ первыхъ главахъ книги сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни первобытныхъ народовъ арійской расы и о бытѣ славянъ до введенія христіанства; исторія Россіи въ собственномъ смыслѣ доведена до войны 1812 г.

Моссо, проф. Анджело. Усталость. Съ 30 рис. въ текстѣ. Перев. съ 3-го итальян. изд. и дополн. по нѣм. оригин. изд. 1892. М. М. Манасеиной. Спб. 93. Стр. 316. Ц. 1 р. 15 к.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги, исполненной множества интересныхъ наблюденій въ мірѣ животныхъ и человѣка, авторъ ясно выражаетъ то, что у него разумѣется подъ усталостью, угнетающею организмъ и уносящею его силы, а именно „торопливость“; дѣло идетъ о тѣхъ, о комъ уже одинъ изъ нашихъ поэтовъ сказалъ, что они „и жить торопятся“... Первая глава книги посвящена особой чертѣ изъ жизни пернатыхъ—перелету птицъ, при чемъ наблюдается весьма наглядно ихъ переутомленіе со всѣми его послѣдствіями. Далѣе авторъ разсматриваетъ вопросъ объ источникѣ главныхъ органовъ нашихъ физическихъ и умственныхъ силъ—мышцахъ и мозгѣ—и за симъ останавливается на характеристичныхъ признакахъ усталости и ея печальныхъ послѣдствіяхъ. Заключительныя главы посвящены спеціально умственной усталости, особенно въ связи ея съ публичными рѣчами, лекціями, экзаменами, и, наконецъ, приведены вредныя послѣдствія умственной работы, когда она приводитъ къ переутомленію мозга. Особенное вниманіе обращено авторомъ на ту пагубную усталость, на которую осуждаетъ людей, съ одной стороны, ихъ бѣдность, а съ другой—стремленіе къ дешевой эксплуатаціи чужого труда, и которая оказываетъ вредное вліяніе на цѣлыя поколѣнія и влечетъ за собою окончательное вырожденіе населенія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Chicago
3/17/47